

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

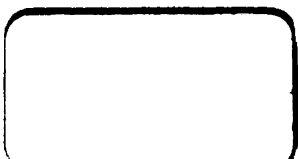
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929329 4

Allen

15B7

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ

ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ПОЛИТИКИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. О. ИКСЕМСКАГО.

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

СЕНТЯБРЬ.

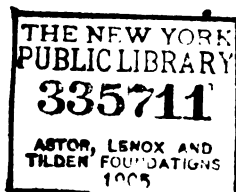
ТОМЪ СТО-СЕМЬДЕСЯТЬ-ТРЕТІЙ.

9-118

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1862.

Одобрено Цензурою. С -Петербургъ 1862 г. сентября 25 дня.
Ценсоръ *М. Касторскій*.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СІРАЖИ.

ВЪ ПУТЬ ДОРОГУ.

Р О М А Н Ъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

XXII.

Стала зима. Полетѣли дни за днями. — Въ большомъ дикомъ домѣ сложился новый міръ. Незамѣтно, но съ каждымъ часомъ, все больше и больше росло и проникало всюду вліяніе молодой хозяйки. Во всѣ мысли, привычки, занятія Бориса Софья Николаевна внесла полноту, опредѣленность, придала имъ живой интересъ, смягчила и осмыслила малѣйшую подробность будничной жизни. Отношенія ихъ были совершенно братскія; но въ сердцѣ Бориса жила тревога, съ которой не легко ему было справиться. Эта тревога долго не оставляла его. И странно: Софья Николаевна какъ будто ничего не замѣчала... Въ ея тонѣ была какая-то призрачная задумчивость... Каждое ея слово дышало простотой, она говорила съ Борисомъ, какъ съ меньшимъ братомъ, точно забывая, что она почти также молода, какъ онъ, не понимая точно, что ея голосъ, взглядъ, движенія, ласки, все-какъ электрическая искра зажигаю воспримчивую натуру молодого мальчика. Онъ боролся... и подъ конецъ немного успокоился, или лучше помирился съ своимъ новымъ чувствомъ... онъ притихъ. Борисъ гналъ отъ себя тревожныя мысли и вопросы; онъ приучалъ себя къ Софьѣ Нико-

лаевнѣ, и весь день проводилъ подлѣ нея. Съ новою силой принялся онъ за свои занятія; сталъ много читать и много думать о прочитанномъ. Они читали почти всегда вмѣстѣ... Все, что было ей извѣстно, надъ чѣмъ она задумывалась прежде, что было ея задушевнымъ чтеніемъ, она съ женской мягкостью переливала въ душу Бориса, она возбуждала въ немъ работу ума спорами, замѣтками, самобытными мыслями, которыя у нея такъ и сыпались.

Самолюбіе Бориса было возбуждено. Онъ видѣлъ, что Софья Николаевна развитѣе его, и ему захотѣлось стѣть въ уровень съ нею, захотѣлось перечитать всѣ книги извѣстныя ей, получить на все свой самостоятельный взглядъ. И Софья Николаевна, при всемъ своемъ вліяніи на Бориса, не подавляла его самостоятельности... Она ни учила его, не давала ему ни наставленій, ни готовыхъ мыслей, не побуждала его брать ея взгляды на вѣру. Она всегда говорила какъ бы для себя, точно удовлетворяла только потребности высказаться... и все у ней выходило свѣтло, мягко, примирительно... Для нея точно не существовало въ жизни ни мрачнаго зла, ни безвыходныхъ положеній, ни глубокихъ ударовъ. И происходило это ни отъ сухости, ни отъ мягкости природы... напротивъ, теплота прорывалась у ней въ каждомъ словѣ... но она умѣла сглаживать противорѣчія, изъ всего извлекать смыслъ... ко всему обращаться съ любовью...

Объ томъ, что Борисъ перечиталъ до Софьи Николаевны они переговорили... Многое уже забылось имъ, или не было хорошенько понято... Она перечла съ нимъ это старое, приохотила его къ нѣмецкой поэзіи, дала ему нѣсколько серьезныхъ французскихъ книгъ, и освѣтила ему взглядъ на то, что онъ проглотилъ изъ обширной и трескучей французской беллетристики. День Бориса проходилъ, какъ одна минута. Возвратившись изъ гимназіи, онъ обѣдалъ, потомъ уходилъ къ себѣ въ комнату и занимался классными уроками...

Послѣ чаю начиналась его жизнь съ *тѣтей*. Она садилась на диванъ и читала. Три раза въ недѣлю Софья Николаевна давала ему уроки англійскаго языка. Ученье шло очень быстро. Въ два мѣсяца Борисъ началъ уже свободно понимать все, что читалъ. Бесѣды, споры, чтенія и уроки сдѣлались для Бориса до того необходимы, что онъ дня бы не могъ провести безъ нихъ. Вѣчеромъ, передъ ужиномъ, почти всегда, была музыка: играли дуэты, Софья Николаевна пѣла, или учила Бориса пѣть; онъ

пробовалъ съ ней въ два голоса; часто они заигрывались въ четыре руки часа по два, по три. Абласовъ и Горшковъ принимали участіе во всѣхъ этихъ занятіяхъ, и видно было, что ихъ тянуло въ большой, дикій домъ... Абласовъ тамъ перерождался, говорилъ много и всегда съ особеннымъ одушевленіемъ; Горшковъ то и дѣло приносилъ свои композиціи и показывалъ ихъ Софѣ Николаевнѣ, выслушивалъ ея мнѣнія, и очень имп дорожилъ.

Они оба учили Машу по послѣ-обѣдамъ, и эти уроки такъ ихъ занимали, что они всегда засиживались съ милой ученицей. А Маша, въ самомъ дѣлѣ, становилась все милѣе и милѣе. Она, точно маленькая хозяйка большаго дома, одушевляла общество. Ея грація, веселость и необыкновенный тактъ всѣхъ приводили въ восхищеніе. Софья Николаевна занималась съ ней все утро; потомъ послѣ обѣда приходили ея юные учителя, а по вечерамъ она присаживалась къ *большимъ*, и тихо слушала ихъ разговоры, изрѣдка вставляя свое словцо, всегда наивное и уминое. Когда вечеромъ являлись гимназисты—она каждому скажетъ что-нибудь пріятное, попроситъ Горшкова поиграть, уведетъ Абласова въ залу и бѣгаетъ съ нимъ; всѣхъ проситъ за обѣдомъ кушать, и съ серьезнѣйшей миной разливаетъ вечерній чай. Дѣвочка тотчасъ поняла, что жизнь ея Бори стала иная, что ему пріятно быть постоянно съ тетей. Она всплакнула разъ—другой, и больше уже не позволяла себѣ упрекать Бориса. Онъ ее любилъ все также тепло; но она не была уже его исключительной привязанностью... За то, какъ сіяло прелестное личико Маши, когда Борисъ уводилъ ее къ себѣ, или заходилъ къ ней въ комнату, спрашивалъ ее про всѣ ея дѣтскія заботы и желанія, ласкалъ ее и называлъ своей милой, безпѣнной Машей... Она понимала, что Боря ужъ большой, и нельзя же ему сидѣть по цѣлымъ днямъ съ ней, маленькой и глупой дѣвочкой... Не разъ она говорила ему: «вотъ, Боря, какъ мы славно теперь живемъ... если бы еще папу... такъ лучше ничего не нужно... Тетя тебя любить... и ты ее тоже... больше меня, Боринька; да я не сержусь... вотъ, кабы она не тетя твоя была... ты бы могъ на ней жениться!»

XXIII.

Измѣнилась жизнь людей, измѣнилась и обстановка: жилища комнаты большаго дома получили другой видъ. Въ одинъ мѣ-

сѣтъ ихъ нельзя было узнать. Диванная превратилась въ уютный рабочій кабинетъ и въ оживленную гостиную. Ее оклеили темными обоями, поставили новую мебель; наполнили ее цвѣтами и зеленью. На мѣстѣ стараго жесткаго дивана, гдѣ бабушка сидѣла десятки лѣтъ, стоялъ мягкій, глубокій диванъ, на которомъ Борисъ и Софья Николаевна просиживали цѣлые вечера. У стѣны, примыкавшей къ гостиной, стояло пьянино, выписанное изъ Москвы; у противоположной стѣны помѣщался маленький диванчикъ, тутъ ставился по вечерамъ чайный столъ, и Маша всегда хлопотала около него. Софья Николаевна придавала этой сухой комнатѣ такую привлекательность, что вся вечерняя жизнь большого дома сосредоточивалась въ ней. Она обставила ее разными бездѣлушками, съ которыми входитъ въ комнату жизнь. На столѣ, передъ диваномъ, лежали книги и журналы, Машины книжки и картинки, вездѣ видно было пріятное для глазъ разнообразіе, все дышало мыслью, работой, свѣжестью... и каждый вечеръ эта прежде суровая, старческая диванная наполнялась молодыми лицами и молодыми голосами... и въ одинъ такой вечеръ больше слетало звуковъ и роилось мыслей, чѣмъ въ цѣлые годы владычества бабенки.

Въ чайной помѣщался буфетъ. Тутъ было теперь царство Мионовны. Она разливала въ этой комнатѣ по утру чай, присматривала за столовымъ бѣльемъ и серебромъ, и сидѣла иногда по вечерамъ съ чулкомъ. Старушка была очень довольна своимъ положеніемъ. По натурѣ дѣятельная, она имѣла теперь на рукахъ гораздо больше дѣла; занималась и хозяйствомъ и Машей, и вездѣ поспѣвала. На Бориса она смотрѣла все также, по прежнему называла его *домовязымъ*, но привычка ходить за нимъ была такъ сильна въ Мионовнѣ, что каждое утро она подходила къ его спальнѣ и будила его. Тутъ у нихъ происходили всегда разговоры о разныхъ разностяхъ, и Борисъ видѣлъ съ удовольствіемъ, что Мионовнѣ пришлось по сердцу Софья Николаевна, что она не нахвалится ея добротой и смышленностью, какъ выражалась старушка.

Дѣвичья и верхнія коморки были также почищены. Въ нихъ размѣщены старухи, отъ которыхъ нельзя было избавиться. Комната Софьи Николаевны и Маши сдѣлались еще уютнѣе и свѣжѣе. Свѣтленькіе обои и простая мебель въ бѣлыхъ чехлахъ придавали имъ видъ необыкновенной чистоты... это были два пріюта изящной женственности: въ одномъ распускался прекрас-

ный прѣтокъ,— а въ другомъ онъ жилъ уже въ полной красотѣ и энергій. Борисъ рѣдко бывалъ въ комнатѣ Софьи Николаевны, его каждый разъ что-то удерживало. Онъ инстинктивно боялся чего-то. Когда ихъ бесѣды заходили далеко за полночь, онъ провожалъ ее на верхъ и тамъ оставался иногда нѣсколько минутъ; но рѣдко присаживался на диванъ. Ему не хотѣлось тогда оставлять этой комнаты, гдѣ все дышало Софьей Николаевной, но онъ торопилъ себя, напоминалъ тѣткѣ, что пора спать, и быстро спускался внизъ къ себѣ, въ свою одинокую спальню.

А его спальня, хоть и была обновлена, но все носила на себѣ какой-то грустный отпечатокъ, по крайней мѣрѣ такъ казалось Борису, можетъ быть оттого, что тамъ онъ бывалъ одинъ съ воспоминаніями прежней скорбной жизни.

Бильярдная превратилась въ столовую. Въ ней было слишкомъ много мѣста для маленькой семьи въ три человѣка. Обѣдъ, всегда прекрасно сервированный, заказывался Софьей Николаевной. Она въ одну недѣлю измѣнила весь порядокъ въ домѣ, распустила лишнихъ людей, во все вошла сама, все привела въ приличный видъ, и съ постояннымъ вниманіемъ слѣдила за всѣми мелочами. Но ничего она не дѣлала, ни чѣмъ не распоряжалась, не переговоривши съ Федоромъ Петровичемъ и Борисомъ. Федоръ Петровичъ почти каждый день заѣзжалъ къ нимъ, больше по утрамъ; иногда обѣдалъ, вечеромъ бывалъ рѣдко, повторяя съ улыбкой, «больно умно ужъ вы говорите, молодые люди; вамъ со мной скучно.» Но онъ любилъ слушать пѣніе Софьи Николаевны, и разъ въ недѣлю доставлялъ себѣ это удовольствіе.

Федоръ Петровичъ продолжалъ хлопотать по дѣламъ своей опеки. Онъ помѣстилъ капиталъ и ѣздилъ осматрѣть деревни, привелъ тамъ все въ порядокъ, смѣнилъ прикащиковъ и строго слѣдилъ за ходомъ работъ, по донесеніямъ и деревенскимъ вѣдомостямъ.

Всѣ въ домѣ такъ привыкли къ нему, что смотрѣли какъ на роднаго; даже Горшковъ и Абласовъ сошлись съ нимъ, шутили; онъ имъ рассказывалъ анекдоты изъ своей школьной жизни. Федоръ Петровичъ былъ воспитанникъ московскаго университетскаго пансіона, и любилъ заводить объ немъ рѣчь, вспоминая времена, когда Мерзляковъ училъ ихъ поэзій, а директоръ, старичокъ Антонскій, спрашивалъ на экзаменѣ изъ сельскаго хозяйства: по сколько яицъ несетъ курица въ день.

Итакъ, каждая жилая комната большого дома получила теперь смыслъ и жизнь. Но пріемная зала и гостиная стояли пустыя и холодныя, въ прежнемъ оледѣнѣломъ видѣ. Только въ залѣ было новое фортепьяно, на которомъ Маша каждый день перебирала по клавишамъ своими прозрачными пальчиками.

Даже въ службахъ и на дворѣ все было подновлено и вычищено. Особенно кухня нуждалась въ этомъ. Безполезныя и безногія лошади были проданы и замѣнены тройкой прекрасныхъ сѣрыхъ лошадей. Савраска, по убѣжденію Теофила, осталась при домѣ; но лишилась уже чести служить молодому барину: она назначена была юнымъ учителямъ, каждое послѣобѣда—она привозила ихъ на урокъ и отвозила домой.

XXIV.

Наступили святки. Гимназисты распущены до 8 января. Борисъ обрадовался зимней вакаціи. Не нужно было каждое утро отпрапляться въ классы; можно *цѣлый день* проводить дома; а въ этомъ домѣ была теперь вся его жизнь.

Борисъ, вернувшись изъ гимназіи, объявилъ Софьѣ Николаевнѣ и Машѣ, что ни на минуту не разстанется съ ними, цѣлыхъ двѣ недѣли.

Маша захопала въ ладоши и весь обѣдъ проболтала.

Вечеромъ, она рано ушла спать и Борисъ остался съ тѣткой въ диванной.

— Тѣтя, сказалъ Борисъ, мы можемъ удвоить наши англійскіе уроки... теперь я цѣлый день буду дома.

— Хорошо, Борисъ, я стану тебѣ задавать переводы.. Софья Николаевна прошлась по комнатамъ и взглянула въ окно. Какая сегодня славная, звѣздная ночь. не поѣхать-ли намъ покататься?

— Поѣдемте, въ маленькихъ санкахъ, я буду урывать... Сейчасъ велю заложить!...

Борисъ быстро вышелъ, и черезъ двадцать минутъ они уже ѣхали по площади.

Сильный морозъ хрустѣлъ подъ копытами и полозьями саней. Савраска бѣжала бойко, Борисъ сидѣлъ, плотно прижавшись къ Софьѣ Николаевнѣ. Мягкій пухъ ея собольяго воротничка щекоталъ его лѣвую щоку и обдавалъ пріятной теплотой. Въ полусвѣтѣ спѣжной ночи, глаза ея блистали яркими звѣздами. Блѣдное лицо выглядывало изъ черного атласнаго капора, точно

изъ шапки, и дышало страстной красотой, среди холоднаго бѣлаго снѣга...

На поворотѣ съ площади въ Острожную улицу сани подскочили въ довольно глубокомъ ухабѣ. Софья Николаевна слегка вскрикнула и правой рукой схватилась за Бориса.

Онъ остановилъ лошадь.

— Не бойтесь тетя, не выпадемъ.

— Я буду за тебя держаться, сказала Софья Николаевна и обняла Бориса.

— Да я васъ стѣснилъ... садитесь хорошенько... подальше отъ краю... Вотъ такъ... Борисъ самъ подвинулся. Софья Николаевна крѣпко охватила его рукой и улыбалась, глядя на него...

— Намъ надо чаще кататься, сказала она, мы съ тобой, Боря, ужь очень много сидимъ...

— Да, тетя, особенно вы; я-то еще въ гимназію ѣзжу...

— А отчего ты не бываешь у Теляпниныхъ?

Борисъ помолчалъ.

— Да оттого, тетя, началъ онъ, что мнѣ дома хорошо, меня никуда не тянетъ...

— Такъ-таки никуда? повторила она, бросивъ на него быстрый и ласкающій взглядъ.

— Никуда, отвѣтилъ Борисъ, и обратился къ ней всѣмъ лицомъ. Щоки его горѣли; онъ молча глядѣлъ на нее съ затасаннымъ трепетомъ. Возжи выпали у него изъ рукъ; Савраска своротила въ сторону и чуть не стукнулась о фонарный столбъ.

— Боря, вдругъ вскрикнула Софья Николаевна, что жъ ты не правишь?

Боря встрепенулся и дернулъ лошадь.

— Простите тетя, проговорилъ онъ; я засмотрѣлся...

— На кого?

— На васъ... вырвалось у него. Боря испугался. Онъ никакъ не ожидалъ, что отвѣтитъ этими словами. Но вопросъ былъ такъ простъ, и такъ глубоко былъ онъ поглощенъ красотой своей тети, что истина сказала...

Прошла минута молчанія.

— На меня? промолвила Софья Николаевна. Такъ мнѣ съ тобой ѣздить нельзя, голубчикъ... ты меня непременно вывалишь.

И она громко засмѣялась.

Борису было и целовко и хорошо. Онъ смутился сначала;

но смѣхъ Софьи Николаевны привелъ его въ какое-то необычайное настроеніе. Ему захотѣлось говорить, говорить про то, какъ онъ ее любить.

— Поѣдемъ по набережной, сказала Софья Николаевна. Что ты задумался?... Да полно на меня глядѣть! И она опять разсмѣялась.

Борису сдѣлалось больно. Въ смѣхѣ Софьи Николаевны онъ слышалъ какой-то равнодушный приговоръ...

Молча ударилъ онъ лошадь; Савраска побѣжала крупной рысью. Сани выѣхали на набережную. Тамъ дулъ довольно сильный вѣтеръ. Морозная пыль искрилась въ глазахъ. Отъ быстрой ѣзды и вѣтра лицо горѣло, грудь дышала порывисто. Борисъ ни разу не взглянулъ на Софью Николаевну. Она сидѣла прямо, подставивъ лицо вѣтру; глаза ея все больше и больше разгорались, пронизывали даль...

— Домой? спросилъ Борисъ, доѣхавъ до угловой башни, при поворотѣ на площадь.

— Нѣтъ, Боря, проѣзжай еще разъ по набережной... славная ночь...

— Дуетъ, тетя, не простудитесь!...

— Ахъ, полно...

Савраска сдѣлала еще два конца по набережной. Вѣтеръ крѣпчалъ и гудѣлъ, поднималась вьюга. Мелкій и острый снѣгъ лѣпилъ глаза, холодъ рѣзкій и пронзительный взбирался подъ шубы... Борисъ погонялъ Савраску и сжимался отъ холоду.

— Озябли, тетя? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нисколько, весело отвѣчала Софья Николаевна.

Вернулись домой. Софья Николаевна пришла на верхъ въ сапогѣ. Борисъ остановилъ ее у лѣстницы.

— Прощайте, тетя, проговорилъ онъ.

— Ты развѣ не придешь ко мнѣ?..

— Спать хочется, отвѣтилъ Борисъ, не глядя на тетку.

— Да что ты какой? Ты точно на меня разсердился?... И Софья Николаевна взяла его за обѣ руки. Да взгляни-же на меня!... Что это: стоишь точно къ смерти приговоренный. Дорогой возжи растерялъ... такъ на меня заглядѣлся... а теперь смотрѣть не хочеть...

Борисъ поднялъ голову.

— Какія у васъ руки холодныя, тетя, проговорилъ онъ, вы продрогли?

— Немножко... да это не бѣда; а ты-то вотъ за что на меня разсердился?... Ты, Борисъ, нѣтъ-нѣтъ, да и пошолъ хандрить; я вѣдь все замѣчаю... ты не смѣешь хандрить, слышишь? сказала она, пригрозивъ ему пальцемъ,—ты мнѣ долженъ все сказать, тѣ у тебя тамъ, внутри происходитъ... Вотъ теперь вакація... мы чтатъ будемъ меньше—станемъ больше говорить... Вѣдь ты прескритный... ты знаешь-ли это?.. А это не хорошо... у меня душа на распашку съ тобой...

— А вы развѣ не видите, тетя, чтѣ у меня на душѣ? сказалъ Борисъ, смотря прямо ей въ глаза.

— Я еще не заглядывала! отвѣтила она.

— Я въ самомъ дѣлѣ скрытенъ, замѣтилъ Борисъ, точно про себя, вы меня исправите, тетя... Онъ поцѣловалъ ея руку. Прощайте, голубушка...

— Ну, прощай... Завтра приходи чай пить ко мнѣ. Софья Николаевна нагнулась и поцѣловала его въ лобъ. Ея лицо еще не согрѣлось. Зимней свѣжестью вѣяло отъ нея...

Она начала подниматься. Борисъ смотрѣлъ вверхъ, и еще разъ они улыбнулись другъ другу.

— Что я отъ нея скрываю? подумалъ Борисъ, входя въ свою спальню. Что могу я ей сказать? Развѣ она не видитъ?...

Ему припомнился ея смѣхъ, ея взгляды, ласкающіе звуки ея голоса. Неужели она смѣется надо мною какъ надъ глухимъ, сквернымъ мальчишкой?...

И опять прежняя буря поднялась въ сердцѣ... Опять Борисъ запутался въ тучѣ вопросовъ, опять онъ задыхался въ знойномъ воздухѣ страсти.

«Чего-же тебѣ надо?» шепталъ ему какой-то голосъ... «Развѣ она не возлѣ тебя, развѣ ты не можешь ежеминутно любоваться ею, говорить про свою любовь, развѣ она запрещала тебѣ любить?... Не волнуйся и будь счастливъ... Ты любишь и тебѣ можно любить...»

Не скоро заснулъ Борисъ и ему снилось, что онъ катается съ нею по какой-то необозримой снѣжной равнинѣ... ему холодно, но онъ чувствуетъ на щекѣ ея жаркое дыханье... и черные глаза блещутъ... и смотрять на него такъ сладко, сладко...

XXV.

Борисъ проснулся позднѣе обыкновеннаго.

Въ тѣ дни, когда не было классовъ, онъ всегда пилъ по утрамъ чай въ комнатѣ Софьи Николаевны.

Прошло половина десятаго. Борисъ пошелъ на верхъ и встрѣтилъ на площадкѣ Аннушку.

— Что, тетенька? спросилъ онъ.

— Одѣлись... да имъ что-то не можется... Ночью дурно почивали...

Борисъ отворилъ дверь, Софья Николаевна сидѣла закутавшись въ мѣховую мантилью.

— Что съ вами, тетя? проговорилъ онъ встревоженнымъ голосомъ, беря ее за руку...

— Ничего, Борисъ, а что?

— Да у васъ жаръ, посмотрите, глаза красные, руки, какъ огонь... это вы вчера, тетя, простудились... И ночь дурно почивали?

Онъ глядѣлъ на нее, съ такимъ участиемъ, что она пожала ему руку...

— Да, я дурно спала, промолвила она... голова у меня не свѣжа... да это ничего.

— Вы бы лучше легли, тетя... напились - бы чего-нибудь теплаго...

— Что ты, Борисъ... съ утра... эдакъ развальяешься... а я вотъ съ тобой чаю напьюсь.

Явилась Маша.

— Здравствуй, Борисъ, сказала она, цѣлуя брата. Тетя нездорова, за докторомъ надо... Тетя, лягте... Она подошла къ дивану, и стала на колѣни передъ Софьей Николаевной... Борисъ пошелъ за докторомъ.

— Полноте, дѣти, промолвила Софья Николаевна, давайте лучше пить чай.

Она встала и подошла къ чайному столику. Маша и Борисъ сѣли на диванъ. Борисъ все глядѣлъ на тетку. Щеки Софьи Николаевны горѣли. Въ глазахъ ее свѣтился лихорадочный блескъ. Видно было, что ей очень неможется. Волосы въ беспорядкѣ падали на лобъ. Въ рукахъ чувствовалась чуть замѣтная дрожь. Она начала наливать чай, выпила чашку, ей стало

очень жарко; она сняла мантилью, вернулась опять на прежнее мѣсто, и прилегла.

— Нѣтъ, тетя, голубушка, вы не перевозмогайте себя, заговорилъ Борисъ подбѣгая къ ней... Лягте вы, ради Бога... Я съѣзку за Эдуардомъ Иванычемъ.

— Да ничего, вымолвила она и взялась рукой за голову.

— Какъ ничего... умоляю васъ... приложите уксусу къ горловѣ, поставьте горчичникъ... Аннушка!... Борисъ выбѣжалъ въ корридоръ, позвалъ Аннушку, приказалъ ей раздѣть барыню и уложить въ кровать.

Софья Николаевна ничего не говорила. Она лежала закрывши глаза. Маша стояла передъ ней на колѣняхъ. На глазахъ ея были слезы.

— Тетя, милая, повторяла она, что съ вами?...

Борисъ вернулся еще разъ къ дивану, Софья Николаевна приподнялась и взяла его за руку.

— Я лягу, проговорила она, ты успокойся, добрый мой Борисъ... просто у меня разболѣлась голова... Она встала; Аннушка поддерживала и довела ее до кровати...

Борисъ смотрѣлъ на тетку и медлил выйти изъ комнаты. Жутко ему было. При одной мысли, что она можетъ опасно занемочь, захватывало у него дыханіе.

Наконецъ онъ спустился съ лѣстницы, велѣлъ челоуѣку привести извозчика, и черезъ пять минутъ скакалъ въ больницу, гдѣ надѣялся застать Эдуарда Иваныча.

Старичокъ докторъ, дѣйствительно, обходилъ въ это время больничныя палаты. Онъ выслушалъ Бориса, кивнулъ головой и проговорилъ:

— Сей-часъ буду... посмотрѣвши на часы онъ прибавилъ: черезъ двадцать минутъ.

Борису это показалось ужасно долго...

— А вамъ нельзя со мной Эдуардъ Иванычъ? промолвилъ онъ.

— Нѣтъ, не могу, долженъ кончить, лаконически отвѣтилъ аккуратный нѣмецъ...

Борисъ покорился и проговорилъ только:

— Пожалуста не забудьте, прошу васъ.

Эдуаръ Иванычъ слегка усмѣхнулся.

— Вы не волнуйтесь такъ, это только маленькая простуда... сказалъ онъ и распростился.

«Поѣду къ Федору Петровичу», подумалъ Борисъ, и полетѣлъ въ новую улицу къ Ланину.

Федоръ Петровичъ встревожился.

— Да гдѣ же она простудилась? спрашивалъ онъ. Вѣдь она все дома!

— Вчера ей захотѣлось прокатиться въ саняхъ, вотъ мы и поѣхали; на набережной сильный вѣтеръ былъ.

— Эхъ, батюшка, что за радость кататься... въ нашемъ — медвѣжьемъ климатѣ... Тамъ на горѣ-то адскіе вѣтры!... Федоръ Петровичъ нахмурился и началъ отыскивать шапку. Поѣдите, проговорилъ онъ, вы тамъ одни-то голову потеряете...

— Я боюсь, говорилъ Борисъ дорогой, чтобъ воспаления не было... ужасный жаръ... у тѣтеньки.

— Ну, сей-часъ и воспаленіе! Простуда сильная можетъ быть...

— Эдуардъ-то Иванычъ-бы поскорѣе пріѣхалъ.

— Не обманетъ, батюшка; а вѣдь ему нельзя-же бросить больницу... вѣдь они медики не такъ все къ сердцу принимаютъ, какъ мы; знаетъ, что ничего опаснаго теперь быть не можетъ... Федоръ Петровичъ видимо волновался, и—оставшуюся часть дороги промолчалъ. Борисъ сидѣлъ въ саняхъ закутавшись въ иѣховую шинель свою и думая только о томъ, что теперь чувствуетъ она, какъ у ней болитъ голова; а можетъ быть начался ужъ бредъ и воспаленіе...

На дворѣ дикаго дома стояли докторскіе сани, когда Борисъ и Федоръ Петровичъ подѣхали къ крыльцу. Борисъ успокоился и взбѣжалъ сей-часъ же на верхъ.

Онъ взошелъ къ Софѣ Николаевнѣ въ ту минуту, когда Эдуардъ Иванычъ сидѣлъ у стола и прописывалъ рецепты. Миرونна стояла противъ него. Видно было, что онъ ей давалъ передъ тѣмъ какія-то наставленія.

Одна половина алькова была открыта. У изголовья кровати стояла Аннушка; а Маша сидѣла въ ногахъ, на скамейкѣ. Аннушка прикладывала бѣлый, мокрый платокъ къ головѣ Софьи Николаевны.

Все это показалось Борису чѣмъ-то нехорошимъ, зловѣщимъ. Въ комнатѣ уже чувствовался особый воздухъ, спутникъ болѣзни... очень хорошо ему знакомый.

Тихо, на дыпочкахъ, приблизился Борисъ къ алькову... Итъ

овладѣла робость и нѣкоторый стыдъ; ему хотѣлось спросить: можно-ли видѣть Софью Николаевну въ кровати.

Но въ эту минуту больная сдѣлала движеніе и онъ увидалъ ея лицо, на половину закрытое платкомъ. Глаза были опущены, щоки горѣли, вокругъ глазъ тети уходили внутрь большіе синеватые круги. Борисъ подошелъ еще ближе къ кровати. Софья Николаевна лежала на спинѣ, склонивши голову на бокъ; что-то утомленное, страдающее чувствовалось во всемъ положеніи тѣла. Она покрыта была темнымъ одѣяломъ. Рѣзко отдѣлялась отъ него бѣлая кофта и бѣлыя прозрачныя руки, опущенныя внизъ безъ всякаго движенія.

Борисъ молчалъ. Онъ боялся сдѣлать вопросовъ Аннушкѣ, Машѣ; онъ боялся потревожить больную... малѣйшимъ шорохомъ.

Она открыла глаза, увидала Бориса, взглянула на его синіе глаза, полные заботы и любви и—улыбнулась...

Медленно приподняла она лѣвую руку и протянула ему. Онъ схватилъ ее и горячо поцѣловалъ.

— Добрый мой... тихо проговорила она... не волнуйся, пожалуйста...

— Что вы чувствуете, тетя? спросилъ Борисъ, нагнувшись къ ней.

— Боль въ головѣ и вотъ здѣсь. Она указала на грудь, приподнялась на кровати и закашлялась.

Борису этотъ капель показался очень не хорошимъ.

— Грудь болитъ? спросилъ онъ.

— Да, отвѣтила Софья Николаевна и опустила на подушки.

Глаза опять закрылись; на губахъ осталась улыбка.

— Борисъ обернулся въ сторону Маши. Маша приподнялась со скамейки, бросила на Бориса глубокой взглядъ, тихонько прижалась къ нему и схватила его руку. Онъ поцѣловалъ ее въ голову.

— Тетя... бѣдная... прошептала Маша...

Софья Николаевна раскрыла глаза и взглянула молча на Машу.

Борису сдѣлалось очень тяжело. Онъ подошелъ къ Эдуарду Ивановичу. Докторъ дописывалъ другой рецептъ. Дописавши, онъ всталъ, и отдалъ его Мироновичъ.

— Однѣ тутъ капли, дать когда принесутъ и на ночь; а ми-

кстуру черезъ часъ по столовой ложкѣ, проговорилъ онъ съ разстановкой.

— Наружнаго ничего не дадите? спросилъ тихо Борисъ.

— Не знаю, что́ будетъ вечеромъ... Эдуардъ Иванычъ подошелъ еще разъ къ кровати. Онъ вынулъ трубку чорнаго дерева и приложилъ ее къ груди больной. Потомъ постукалъ, еще разъ приставилъ трубку и слушалъ нѣсколько минутъ, сморщивъ одинъ глазъ

— Что вы мнѣ прописали? спросила Софья Николаевна.

— Микстуру... будьте такъ добры... черезъ часъ... васъ успокоить... и груди будетъ легче... Все это Эдуардъ Иванычъ выговорилъ очень кротко, и долго смотрѣлъ на больную; точно онъ по лицу ея хотѣлъ опредѣлять развивающуюся болѣзнь.

— Вечеромъ я буду непременно, добавилъ старичокъ и тихими шагами вышелъ изъ комнаты.

Борисъ бросился за нимъ.

— Эдуардъ Иванычъ, ради Бога, просилъ онъ спускаясь съ лѣстницы... скажите мнѣ: что у тетеньки?.. Ничего опаснаго?..

— Нѣтъ, ничего... пока еще не ясно...

— Да вы, пожалуйста, отъ меня не скрывайте... если болѣзнь серьезная лучше же сказать...

Они остановились на площадкѣ. Снизу поднялся Федоръ Петровичъ.

— Ну, что? спросилъ онъ тихо, подавая руку доктору! Здравствуйте, батюшка Эдуардъ Иванычъ. Что такое случилось у нашей барыни?

— Сильная простуда... воспалительное состояніе... въ легкихъ не совсѣмъ хорошо... прощенталъ старичокъ отрывисто.

— Но что же можетъ развиться? спросилъ Борисъ, впившись глазами въ старичка, какъ бы желая проглотить у него въ душѣ всю его медицинскую мудрость.

— Не знаю; если къ вечеру груди не будетъ легче — тогда можетъ быть воспаленіе.

— Въ легкихъ, досказалъ Борисъ.

— Да, отвѣтилъ кратко старичокъ. Я прописалъ средство противъ инеймолиа... мы захватимъ болѣзнь, натура хорошая.

— Микстуру прописали? проговорилъ Борисъ.

— Да, порядочную дозу *Tortoisus epithicus*. Надо теперь слѣдить... Если послѣ обѣда будетъ хуже, пришлите за мною.

— Пивокъ не будете ставить? спросилъ Федоръ Петровичъ; у меня тоже было разъ воспаленіе; такъ мнѣ шестьдесятъ штукъ закатали.

Эдуардъ Иванычъ поморщился.

— Безъ нужды зачѣмъ... изнурять не надо, проговорилъ онъ внушительно.

Они спустились въ залу.

— Вы послѣ обѣда домой, сказалъ Борисъ.

— Да, весь вечеръ; пришлите прямо ко мнѣ на квартиру... Вглянувши на Бориса, старичокъ улыбнулся и проговорилъ: вы, пожалуйста, не бойтесь такъ... за вашу тетушку...

— Извѣстное дѣло, замѣтилъ Федоръ Петровичъ... Это не то что старый человѣкъ... Вѣдь вотъ климатъ-то у насъ жестокій, суровость какая... Долго-ли воспаленіе схватить!

— Вчера она себя хорошо чувствовала? спросилъ докторъ, обращаясь къ Борису.

— Да-съ, она была совершенно здорова... промолвилъ грустнымъ голосомъ Борисъ. Въ эту минуту ему представлялась вся вчерашняя поѣздка.

— Вотъ ѣздили кататься, вставилъ Федоръ Петровичъ; на набережной и прохватило.

Звучали эти слова упрекомъ тяжелымъ. Борисъ чувствовалъ, какъ нѣсколько свѣтлыхъ минутъ совершенно поглотились повымъ страданіемъ.

Старичокъ скоренько распрощался и уѣхалъ.

Долго Борисъ молча ходилъ съ Федоромъ Петровичемъ по залѣ.

— Ну, что вы, батюшка, раскисли такъ? проговорилъ наконецъ опекунъ.

Борисъ поднималъ голову.

— Я не раскисъ, Федоръ Петровичъ; а жалко мнѣ и... въ нашемъ домѣ все болѣзнь... и смерть.

— Ну, и смерть... что вы, перекреститесь! Болѣзнь захвачена; да можетъ, и не будетъ ничего... Кто тамъ около нея?

— Мироновна и Аннущка... Да я стапу тамъ сидѣть...

— Можно ее видѣть-то?

— Можно, Федоръ Петровичъ; только она не говоритъ и почти не открываетъ глаза.

— Ну, такъ я не стану ее беспокоить. Ступайте туда, а я домой поѣду... Послѣ обѣда явлюсь... Не бойтесь; она у насъ барыня бодрая, какъ разъ будетъ здоровенка.

— Ахъ, кабы вашими устами да медъ пить, — промолвилъ Борисъ, провожая Федора Петровича въ лакейскую.

— Воспаленіе, инфлюэнца... *Tortorus enuticus!* повторялъ онъ холя по залѣ! Что-то будетъ? Воспаленіе вѣдь можетъ скрутить въ три дня! — И онъ чувствовалъ, какъ на лбу его выступалъ холодный потъ. Любовь, страхъ, тоска смѣшивались въ душѣ его съ какой-то досадою; онъ сердился на медика; Эдуардъ Ивановичъ казался ему сухимъ, слишкомъ равнодушнымъ: онъ пропуститъ время! онъ ее погубитъ! повторялъ Борисъ. Зачѣмъ не поставитъ онъ пивокъ? Чего онъ ждетъ?..

Неутоляемая, жгучая тревога такъ и обдавала его трепетнымъ жаромъ. и рои черныхъ думъ все сильнѣе и сильнѣе осаждали сердце бѣднаго мальчика. И въ эту минуту онъ не повторялъ, какъ любить прекрасную свою тетю.

Въ корридорѣ Борисъ столкнулся съ Мироповной.

Старушка шла на верхъ.

— Послала за лекарствомъ? быстро спросилъ ее Борисъ.

— Послала.

— Кого?

— Феофана, верхомъ... Ты ужь больно-то не тревожься, долговязый; ты погляди-ка, на тебѣ вѣдь лица нѣтъ...

— Да что, няня... докторъ вишь сказалъ, что воспаленіе можетъ быть...

— Мало-ли что они говорятъ, они всегда пугаютъ... всякую лихую болѣзнь выдумаютъ...

Старушка смотрѣла на Бориса съ заботой и недоумѣніемъ.

— Ты у меня совсѣмъ изведешься, говорила она.

— Пойдемъ на верхъ, сказалъ ей въ отвѣтъ Борисъ, и началъ подниматься по лѣстницѣ.

Больная все лежала съ закрытыми глазами. Борисъ взглянулъ на нее, и тихо опустился на диванъ.

Томительно считалъ онъ минуты и прислушивался къ дыханію больной и смотрѣлъ на дверь, думая: скоро-ли принесутъ лекарства.

Лекарства принесли. Софья Николаевна приняла ихъ. Съ пол-

часа она была пободрѣе, говорила съ Машей и Борисомъ, шутила съ ними; но потомъ опять стихла и заснула. Послѣ обѣда, часу въ четверть, она почувствовала себѣ хуже; кашель усилился; дыханіе захватило, жаръ сталъ знойнымъ... начался даже бредъ.

Борисъ тотчасъ послалъ за докторомъ, и въ тревогѣ ходилъ по залѣ. Ему представлялась уже вся картина болѣзни, всѣ страданія Софьи Николаевны; онъ ясно видѣлъ, что опасность близка, и съ каждымъ днемъ будетъ все сильнѣй и сильнѣй.

Эдуардъ Иванычъ пріѣхалъ и очень призадумался. Онъ никакъ не ожидалъ такого быстрого хода болѣзни. Онъ прислалъ усиленную микстуру, послалъ за шивками, самъ сталъ ихъ, пробылъ около больной до самаго вѣчера, просилъ прислать за нимъ даже ночью, если будетъ нужно, и вообще показалъ большую внимательность.

Вѣчеромъ забѣжалъ и Федоръ Петровичъ, началъ было развѣщать Бориса; да это ему не удалось. Бѣдные мальчикъ слушалъ онустя голову и ничего не слышалъ изъ того, что ему говорилъ добродушный оскунъ.

Всю ночь Борисъ провелъ безъ сна наверху, въ комнатѣ Маши. Софья Николаевна спала тревожно, безпрестанно просыпалась, жаръ не переставалъ; сознание терялось.

Смотря на нее, Борисъ вспоминалъ умиравшаго отца, и все мрачнѣе становилось у него на душѣ.

XXVI.

Протянулось десять дней. Болѣзнь Софьи Николаевны росла. Воспаленіе легкихъ энергически боролось со свѣжею натурой. Произошелъ наконецъ сильный, рѣшительный кризисъ. На одиннадцатый день сознаніе вернулось, кончился бредъ, жаръ ослабъ, больная открыла глаза и заговорила.

Не малыхъ душевныхъ стараній стоили Борису эти десять дней. Онъ провелъ ихъ у кровати своей безцѣнной тети; не спалъ ни одной ночи, не позволялъ никому давать ей лекарства, слѣдилъ за малѣйшимъ движеніемъ ея страдающаго тѣла.

Эдуардъ Иванычъ тоже измаялся. Онъ ѣздилъ по три раза въ день, и такъ привязался къ своей пациенткѣ, что опаздывалъ даже на визитацію въ больницу.

Большой дикій домъ жилъ въ эти дни безмолвною, тоскли-

вою жизнью. Всѣ ходили на пыпочкахъ , шептались. На верху было еще тоскливѣе, чѣмъ внизу.

Слышенъ былъ только сухой кашель больной; а иногда шопотъ и тихія ласки Маши, сидящей гдѣ-нибудь въ уголкѣ, съ своимъ Борей. Дѣвочка сперва сильно плакала, потомъ перестала, подсмотрѣвши разъ, что Борисъ лежалъ въ ея комнатѣ на диванѣ и удерживалъ рыданія. Съ того дня она стала слѣдить за нимъ, точно старшая сестра, и утѣшала его своими теплыми ласками. Ея уроки прекратились. Два раза приходили юные учителя; но ей было не до ученья. Нѣсколько ночей просидѣли съ Борисомъ Горшковъ и Абласовъ. Они съ участіемъ наблюдали за нимъ, и видно было, что серьезная болѣзнь Софьи Николаевны ихъ всѣхъ задѣла за живое.

Федоръ Петровичъ такъ затуманился, что совсѣмъ замолкъ. Онъ являлся разъ по пяти на день; и разъ ночевалъ даже въ спальнѣ Бориса. Какъ не былъ онъ расположенъ къ Эдуарду Ивановичу, какъ ни вѣровалъ въ его лекарство, но когда болѣзнь Софьи Николаевны разыгралась, дня за два до кризиса, онъ предложилъ консилиумъ.

Борисъ желалъ того же; но добродушный нѣмецъ не согласился, повторяя, что до этой минуты онъ еще можетъ взять болѣзнь на свою отвѣтственность. И онъ не обманулъ.

Съ радостнымъ, сіяющимъ лицомъ повторялъ онъ Федору Петровичу и Борису:

— Я говорилъ, натура хорошая; прекрасный переломъ, опасности нѣтъ.

Домъ оживился. У всѣхъ на сердцѣ стало легче, и прежде всего у Бориса.

XXVII.

Вечеромъ того дня, какъ Софья Николаевнѣ сдѣлалось лучше, часу въ десятомъ, Борисъ сидѣлъ около ея кровати.

Въ комнатѣ никого больше не было. Больная спала тихимъ, укрѣпляющимъ сномъ. Ея ровное, медленное дыханіе успокоивало нервы Бориса, въ этомъ дыханіи уже чувствовалось здоровье. На столѣикѣ, въ простѣнкѣ, горѣла свѣча съ низкимъ, зеленымъ абажуромъ. Свѣтъ ея почти не проникалъ въ альковъ.

Борису было легко, точно онъ самъ выздоравливалъ отъ какой-нибудь изнурительной болѣзни.

Долго смотрѣлъ онъ въ полночи на блѣдное, прекрасное ли-

по Софьи Николаевны. Въ первый разъ сознался онъ со всею силою, что такое для него тетя, и чувство радости охватило его... Любовь, прежде смутная, робкая, говорила теперь такъ ясно, такъ видимо. Онъ не смущался уже болѣе, онъ не пугалъ себя, не сдерживалъ. Тутъ, у кровати выстрадалъ онъ эту любовь.

Тихо, почти безсознательно опустился Борисъ со стула на колѣни, и такъ стоялъ, то всматриваясь въ ея лицо, то прикасаясь губами къ одѣялу.

Что-то неиспытанное еще, но глубоко радостное и вмѣстѣ съ тѣмъ страстное, молодое овладѣло имъ.

Софья Николаевна открыла глаза:

— Боря, прошептала она.

Онъ быстро поднялъ голову. Она тоже приподнялась и протянула ему руки.

Борисъ взглянулъ ей въ лицо, гдѣ начиналась уже жизнь. Глаза Софьи Николаевны отвѣчали ему глубокой вѣжностью.

Ничего не могъ выговорить Борисъ. Слезы подступили ему въ горло и полились. Онъ громко зарыдалъ. Софья Николаевна была поражена этимъ сильнымъ, порывистымъ голосомъ любви. Нѣсколько минутъ она молчала, не прикасалась къ Борису, только глядѣла на него сосредоточенно; на лицѣ ея играла мягкая улыбка.

— Милый мой, проговорила она, наконецъ, и положила руку ему на голову. О чемъ же ты плачешь?

— Тетя, ангелъ, вырвалось у него. И онъ сталъ страстно цѣловать ея руки.

— Мнѣ лучше, продолжала она, лаская Бориса.

Онъ пересталъ плакать и молча глядѣлъ на нее.

— Тебѣ меня жалко было? спросила она, и, не дожидаясь отвѣта, она промолвила: такъ вотъ ты меня какъ любишь!

— Да, люблю, люблю, шепталъ Борисъ, самъ не зная, что онъ говоритъ.

— О чемъ же ты плачешь? повторила она.

— О чемъ? спросилъ Борисъ порывисто.... Какъ о чемъ?.. я плачу... отъ радости, тетя... вѣдь вы спасены... вѣдь вы будете жить... здѣсь, съ нами, со мной... И онъ покрывалъ поцѣлуями ея тонкіе, прозрачные пальцы...

И вдругъ, точно испугавшись, онъ вынулъ изъ своихъ рукъ

ея руки и привсталъ. Въ его чертахъ проскользнуло что-то темное; какое-то ѣдкое чувство покоробило его.

Она подняла на него свои блестящiе, утомленные болѣзнью глаза, и взглядомъ спрашивала: что съ нимъ?

Потомъ взяла его за руку, пожала и проговорила:

— Что съ тобой, Боря, голубчикъ?

Въ голосѣ Софьи Николаевны дрожало столько мягкости и сдержанной, тихой нѣги, что, видно, на сердцѣ Бориса опять все просіяло.

Онъ весь вспыхнулъ, опустился на колѣна и, точно обезумѣвъ отъ радости и счастья, началъ осыпать ее горячими, страстными ласками.

Софья Николаевна отдавалась имъ. Вся затихла, но глаза ея говорили. Она поняла, какая страсть жила передъ нею. Ей было все ясно.

— Вы мнѣ не запретите любить васъ? шепталъ Борисъ... я не могу безъ васъ жить, тетя... вы для меня все... и мать и сестра... нѣтъ! вы больше матери... вы дороже мнѣ Маши... я давно, съ первыхъ дней... мучился и любилъ васъ... Какъ? вы сами видите... Мнѣ не стыдно вамъ это говорить... Прежде было стыдно, а теперь нѣтъ... Мнѣ ничего не нужно; только не гоните меня, дайте мнѣ глядѣть на васъ, слушать васъ, не покидайте меня.

Все это Борисъ выговорилъ отрывисто, со слезами въ глазахъ, откинувъ голову назадъ и впиваясь глазами въ блѣдное, нервное лицо Софьи Николаевны.

Въ словахъ его ключемъ была молодая, первобытная страсть. А на лицѣ горѣлъ стыдъ, стыдъ разоблаченной сердечной тайны, трепетъ свѣжей души, бьющейся въ первыхъ мукахъ и въ первомъ наслажденiи любви.

Она его слушала и улыбалась. Что было въ этой улыбкѣ?.. трудно сказать. Не то жалость, не то страхъ, не то любовь.

— Полно, Боря, вдругъ произнесла она, прерывая его порывистую рѣчь. Ты слишкомъ страдаешь... боишься... Я вижу, какъ ты любишь, и люби... Я не буду осуждать тебя!

Съ этимъ словомъ она взяла его обѣими руками за голову и долго, долго на него глядѣла.

— Люби меня, повторила она, и не мучься... я хочу, чтобъ ты былъ счастливъ... добрый, дорогой мой Боря.

Больше ужь ничего не слыхалъ Борисъ. На губахъ его горѣлъ поцѣлуй.

Дверь тихонько отворилась. Вошла Маша.

Борисъ все еще стоялъ у кровати на колѣнахъ.

Маша бросилась къ теткѣ и стала ее цѣловать.

— Тѣтя , тѣтя , повторяла дѣвочка радостнымъ голосомъ... Теперь вы здоровы... Только вы не смѣйте говорить со мной... вредно вамъ... Боря, сказала она брату, пойдѣмъ, простимся съ тетей, она устала, видишь, какіе глаза-то... И Маша поцѣловала тетку сперва въ лѣвый, а потомъ въ правый глазъ...

Борисъ всталъ и глядѣлъ все на Софью Николаевну. Сколько радости было на его лицѣ. Съ какимъ-то торжественнымъ чувствомъ приложился онъ къ ея рукѣ.

— Ну, пойдѣмъ-же, Боря, повторила Маша.

— Прощайте... голубушка... тихо , почти съ благоговѣніемъ произнесъ Борисъ.

— Прощай , отвѣтила она , и приподнявшись , перекрестила его. Спокойно, свѣтло было выраженіе ея похудѣвшаго, блѣднаго лица. Прощай Маша, прибавила она и поцѣловала ее.

— Я къ вамъ пришлю Аннушку, промолвила Маша, уводя Бориса изъ алькова.

Когда они перешли въ Машину комнату , Борисъ точно очнулся отъ сна. Онъ вдругъ схватилъ свою сестренку, и началъ горячо ласкать ее. Вся сила чувства , впервые заговорившаго свободно, была въ этихъ ласкахъ. Маша удивленно смотрѣла на него. Давно онъ не ласкалъ ее такъ горячо.

— Ты радъ за тетю, сказала она.

— Да, да, голубчикъ мой, повторилъ Борисъ; и на душѣ его было сладкое, неизмѣримо сладкое ощущеніе. *Она позволила ему любить.* Вотъ что наполняло его свѣтлой радостью, какой никогда еще не приводилось ему испытать.

Онъ почти ничего не могъ связать въ головѣ , онъ не могъ говорить Машѣ о томъ, что захватывало ему духъ отъ наслажденія. Онъ только улыбался и цѣловалъ ее.

И все въ эту ночь было полно для него новой жизни , все благоухало надеждой, всему вѣрилось.

Даже къ Мироновѣ бросился онъ чуть не на шею, и старушка поняла, отчего такъ веселъ ея *домовязый.*

Долго ходилъ по своей спальнѣ Борисъ и тихо повторялъ ея

слова , точно завѣряя себя , что онъ дѣйствительно ихъ слышалъ...

Эти минуты вознаградили его за все, за недавнюю тревогу, за муки и слезы, которыя лились въ тѣ безсонныя ночи, когда онъ рыдалъ на своей одинокой кровати.

Все въ домѣ уже спало. Борисъ поднялся еще разъ на верхъ. У Софьи Николаевны мерцалъ огонекъ лампы. Въ креслахъ сидѣла и дремала Аннушка. Тихо раздавалось дыханіе больной. Альковъ не былъ задернутъ. Борисъ подошелъ къ нему. Софья Николаевна лежала на спинѣ, руки были сложены на груди. Лицо почти не отдѣлялось отъ бѣлой подушки : только брови и двѣ пряди волосъ чернѣлись въ темнотѣ алькова.

Неподвижно стоялъ Борисъ , всматриваясь въ дорогія черты. Какое-то отрадное спокойствіе разлилось по нему. Онъ благодарилъ, онъ вѣрилъ, онъ любилъ.

XXVIII.

Выздоровленіе Софьи Николаевны шло быстро. Она уже вставала съ постели, и сидѣла подолгу на диванѣ, окруженная своими дѣтьми. Съ каждымъ днемъ здоровье все больше оживляло ея лицо, щоки начинали теплиться румянцемъ , глаза опять заблистали глубокимъ блескомъ. Она еще похорошѣла ; лицо ея получило какой то нервный оттънокъ , болѣзнь дала ей новую силу взгляда и улыбки.

Сидя возлѣ тети, и не отрывая отъ нея глазъ, Борисъ былъ счастливъ. Онъ говорилъ себѣ , что между нимъ и ею другая жизнь, другая связь. Но ни однимъ словомъ, ни однимъ порывомъ, не вызывалъ онъ наружу любовь свою. Онъ думалъ теперь только объ ней, объ ея выздоровленіи ; онъ боялся нарушить ея покой и былъ счастливъ уже тѣмъ , что можетъ свободно любить, безъ ѣдкой внутренней борьбы.

Они рѣдко оставались одни. Всегда между ними была Маша. Софья Николаевна засыпала рано, часу въ десятомъ , и поздно просыпалась. Борисъ приходилъ къ ней въ одно время съ сестрой, садился у кровати, болталъ; читалъ вслухъ, обѣдалъ на верху же; но по вечерамъ сидѣлъ у себя, боясь утомить ее разговорами. Ея тонъ не измѣнился. Она все также его ласкала, какъ и прежде, безъ всякой сдержанности, безъ малѣйшаго новаго взгляда, мысли, слова.

Если бы Борисъ не былъ упоенъ радостнымъ чувствомъ свободы: *любить такъ, какъ того хотѣло его сердце*, онъ сейчасъ бы замѣтилъ, что въ Софѣ Николаевнѣ видно слишкомъ много спокойствія. Она улыбалась такъ безразлично, такимъ сгбющимся глазомъ смотрѣла на Бориса, что каждый бы увидалъ въ этихъ взглядахъ и улыбкѣ женщину, которой точно совсѣмъ и неизвѣстна буря, разыгрывающаяся въ душѣ молодого мальчика.

Но онъ еще не замѣтилъ этого. Софя Николаевна совсѣмъ справилась. Она сошла внизъ въ тотъ день, какъ Борису пришлось опять ѣхать въ гимназію. Три недѣли зимней вакаціи были для него цѣлымъ періодомъ полной жизни; для него занялась новая заря; онъ уже чувствовалъ себя вполнѣ человѣкомъ; ничего не давалась ему даромъ; первая любовь его просіяла сквозь тяжелую бурю душевную.

А на немъ опять былъ сюртукъ съ краснымъ воротникомъ; опять виднѣлась впереди вереница дней, однообразная нить мальчишеской жизни, съ уроками, перемѣнами, звонками, Егоромъ Паштелгичемъ, и всѣми уродами большого сѣраго зданія, куда нужно было отправляться въ тѣ же неизбѣжные часы.

XXIX.

Въ тотъ же день, вечеромъ, прежнее молодое общество собралось въ диванной.

Маша опять сѣла за свой столикъ и разливала чай.

Софя Николаевна помѣщалась въ диванной, возлѣ нея Борисъ; противъ нихъ Абласовъ и Горшковъ.

Какъ-будто ничто не прерывало ихъ вечернихъ бесѣдъ: тѣ же веселыя лица были тутъ, тѣ же голоса раздавались звонко и оживленно. Облачко пронеслось надъ большимъ дикимъ домомъ точно затѣмъ только, чтобы молодая жизнь заиграла въ стѣнахъ его еще ярче и радостнѣе.

— Вы на меня не сердитесь, пожалуйста, обратилась Софя Николаевна къ гимназистамъ.

— За что же? спросилъ Абласовъ, улыбаясь, по обыкновенію, своей тихой улыбкой.

— Да какъ же? Развѣ я не знаю... вы просиживали здѣсь по цѣлымъ ночамъ. Вы могли бы провести праздники такъ хорошо; а

вышло, что я все испортила своей глупой болѣзнью. Посмотрите, вопъ у меня Боря-то какой,—даже щоки у него впади.

Она расмѣялась и взглянула на Бориса искоса.

— Да, Борисъ дѣйствительно похудѣлъ, заговорилъ Горшковъ; ну да объ этомъ что же вспоминать, Софья Николаевна. Я ваканцій не жалѣю... Онѣ всегда вѣдь проходятъ глупо! Лучше всего то, что вы теперь здоровы и мы опять всѣ вѣсть.

— Ну, а что вы дѣлали въ эти три недѣли? спросила Софья Николаевна.

— Да ничего, проговорилъ добродушно Абласовъ. Кое-что читали... спали много, добавилъ онъ съ какимъ-то комическимъ вздохомъ.

— Ну, и прекрасно... значить вы теперь будете посвѣжѣе.

— Да ужь конечно такъ, прервалъ Горшковъ... Въ праздники, знаете, Софья Николаевна, и лѣнь-то нападетъ праздничная, часовъ во дню много... одинъ за другимъ проходятъ... а ты себѣ лежишь да думаешь: что торопиться, вѣдь ваканціи, день-то великъ.

— Ахъ, Горшковъ, вамъ-то бы ужь грѣхъ лѣниться.

— Да онъ, кажется, что-то написалъ, вполголоса промолвилъ Абласовъ.

— Правда? спросила Софья Николаевна.

— Согрѣшилъ немножко... Это вотъ на послѣднихъ дняхъ — послѣ новаго года... Да какъ-то стало плохо писаться, прежде легче шло.

— Отчего же такъ?

— Больше видно мудрить, проговорилъ Абласовъ, и тихо засмѣялся.

— Увидимъ, увидимъ, послѣ чаю вы намъ сыграете.

— Непремѣнно-съ. Горшковъ перевернулся на креслѣ, и всѣ черты его вдругъ оживились. Ему, видно, очень хотѣлось опять грѣшнить на судъ Софьи Николаевны.

Маша поднесла чаю своимъ учителямъ.

— Вотъ эта чашка вамъ, Валерьянъ Михайловичъ... вамъ послаще, а вы, Абласовъ, съ лимономъ пейте. Если не сладко, я еще дамъ сахару... Какъ я давно ужь васъ чаемъ не поила, сказала она весело... а вотъ мы въ диванной на прежнихъ мѣстахъ.

Она подошла потомъ къ брату.

— Вотъ Борисъ-то у насъ веселый сталъ. . Онъ хоть и молчать, а улыбается... Тебѣ покрѣче или послабже, Боринька?

— Покрѣяче, дружокъ, проговорилъ Борисъ, погладивъ ее по волосамъ.

— Ну, а мнѣ какого чаю дашь? спросила Софья Николаевна.

— Вамъ, тетя, крѣпкаго никакъ нельзя, проговорила Маша, напоршивъ свой хорошенькій лобикъ.

— Отчего же это такъ?

— Эдуардъ Ивановичъ запретилъ, развѣ вы не помните?

— А ты не позволишь?

— Пѣтъ, не позволю.

— Вотъ кто меня вылечилъ, сказала Софья Николаевна гимназистамъ, указывая на Машу.

— Борисъ точно ожидалъ, что Софья Николаевна уважаетъ и на него, пли, по крайней-мѣрѣ, взглянетъ; но она этого не сдѣлала.

Что-то въ родѣ упрека зашевелилось въ немъ, но тотчасъ-же улетѣло; онъ только немного покраснѣлъ.

— Да, крѣпкаго чаю не дамъ вамъ, тетя, повторила Маша— у васъ голова разболится...и начнете опять кашлять.

— Ахъ ты моя хозяйка! Ну, дай хоть слабенькаго.

— Сей-часъ, сей-часъ, отвѣтила Маша и отправилась къ своему столику.

— Ну, а какже наши экзерциціи, Марья Николаевна? спросилъ Горшковъ.

— Ничего не забыла — откликнулась Маша изъ-за самовара, же помню, вотъ завтра приходите, такъ я васъ удивлю.

— А десятичныя дроби? спросилъ въ свою очередь Абласовъ.

— Ну, вотъ это плохо... очень плохо... отозвалась она, комически-грустнымъ тономъ.

— Отчего же такъ, дружокъ? спросилъ Борисъ.

— Да оттого, Борянька, что очень ужъ мудрено, ничего я не понимаю.

— Какъ же это не стыдно, математикъ! вскричалъ Горшковъ, обращаясь къ Абласову.

— Да вѣдь это не онъ виноватъ, откликнулась Маша и выставила свое личико изъ-за самовара, это я такая глупая... Олѣ такъ толкуетъ мнѣ, что просто жалость смотреть.

Всѣ разсѣялись.

— Право, заключила Маша, и поднесла чаю брату и теткѣ.

— Такъ ты и не будешь знать десятичныхъ дроби? спросилъ ее Борисъ.

— Нѣтъ ужъ видно буду... Онъ вѣдь не оставитъ... Маша указала головой на Абласова.

Послѣ того Маша отправилаь пить чай; и начала это дѣлать пресерьезно, и такъ аккуратно, какъ будто она работала какую-нибудь работу.

Всѣ долго смотрѣли на нее, и потомъ переглянулись между собою, молча.

— Не прочитать-ли чего? тихо сказалъ Борисъ, почти на ухо Софьи Николаевны.

— А? спросила она протяжно.

— Не почитать-ли? повторилъ онъ громче.

— Нѣтъ, не теперь, отвѣтила она, и, почти не взглянувъ на него, обратилась къ Горшкову,

— Пойдемте въ залу, сказала она и приподнялась.

Горшковъ вскочилъ съ своего кресла и отправился вслѣдъ за ней.

— А здѣсь, развѣ нельзя? крикнулъ Борисъ.

Софья Николаевна обернулась и проговорила:

— Нѣтъ, онъ будетъ играть новое, и здѣсь слишкомъ мало ре-зомансу.

И не дожидаясь его отвѣта, она скрылась въ дверяхъ.

Борисъ остался на диванѣ; на одну минуту онъ опустилъ голову, но тотчасъ же ее поднялъ и встрѣтилъ взглядъ Абласова.

Абласовъ сидѣлъ противъ него, подперши голову обѣими руками. Его лицо не то улыбалось, не то хмурилось.

— Что, Боря? спросилъ онъ тихо.—Въ этомъ простомъ вопро-сѣ слышалось что-то новое.

— Да ничего, братъ, отвѣчалъ Борисъ.

И голова его машинально обратилась къ двери въ гостиную.

Абласовъ слѣдилъ за нимъ взглядами. Потомъ онъ привсталъ и подошелъ къ нему.

— Ты все на нее не насмотришься, проговорилъ онъ, почти шопотомъ.

Борисъ слегка вздрогнулъ.

— Я, братъ, за тебя радъ, продолжалъ Абласовъ задушевнымъ тономъ,—ты совсѣмъ переродился теперь.

— Да, отвѣтилъ Борисъ неопредѣленно, не зная самъ на что онъ отвѣчаетъ.

— Я тебѣ не завидую... но твоя жизнь теперь... настоящая

жизнь... всякому свое; мы такъ, въ темномъ уголкѣ останемся; а ты поживешь... потому что у тебя душа-то не будничная.

— Ты развѣ видишь, что во мнѣ дѣлается? вдругъ спросилъ Борисъ.

— Вижу, проговорилъ Абласовъ тихо и серьезно... а тебѣ развѣ это не нравится.

И онъ пристально посмотрѣлъ на Бориса.

— Нѣтъ, отчего же? отвѣтилъ тотъ и остановился.

— Я тебя на откровенность не вызываю, прервалъ его Абласовъ... ты все про себя держишь... это ужъ такой характеръ, я только за тебя радъ.

И онъ умолкъ

Борисъ также не нашелъ—что ему сказать. Въ эту минуту ему было какъ-то жутко, что-то его тревожило. Слова Абласова вызывали его на длинный задушевный разговоръ; но онъ не чувствовалъ въ себѣ ни силы, ни желанія начать его. Въ натурѣ его жила постоянная привычка хоронить въ себѣ всѣ свои душевныя движенія. Она только въ послѣднее время подалась влеченію тѣтки. Но обратись къ нему Абласовъ не въ этотъ вечеръ, онъ отозвался бы на его теплое слово, которое въ немъ онъ отдалъ бы больше, чѣмъ въ комъ другомъ; въ эту минуту, онъ только съежился.

Маша допила свой чай, и подошла къ нимъ.

— Пойдите въ залу, сказала она, послушать Горшкова.

Оттуда доносились уже раскатыстыя звуки фортепьяно.

Всѣ трое молча прошли темную гостиную, и остановились въ дверяхъ залы.

Горшковъ игралъ, поваливаясь изъ стороны въ сторону и по временамъ взглядывая на Софью Николаевну.

Она стояла возлѣ него, одна рука лежала на спинкѣ стула, другой она утиралась о фортепьяно.

— Хорошо, хорошо, повторяла она въ полголоса.

— Вотъ эта мысль мнѣ самому нравится больше всего остального... вскричалъ Горшковъ, и началъ мелодію.

— Да, она очень свѣжа, отвѣтила Софья Николаевна.

Они были такъ поглощены музыкой, что и не замѣтили какъ вошла Борисъ съ Абласовымъ и Маша.

— Повторите, пожалуйста, еще разъ, громко сказала Софья Николаевна, когда Горшковъ кончилъ.

И снова полились звуки. Только уже ни самъ композиторъ,

ни слушательница не прерывали ихъ замѣчаніями. Горшковъ сыгралъ всю піесу однимъ духомъ. Лицо его улыбалось. Въ самомъ покачиваніи его замѣчалось довольство. Онъ оттѣнялъ лучшія мѣста, и только обращался взглядомъ къ Софѣ Николаевнѣ. Она одобрительно кивала ему головой.

Борисъ почти не слушалъ музыки Горшкова. Онъ только смотрѣлъ на него и на тѣтку. Ея поза, ея улыбка не нравились ему въ эту минуту. Въ Горшковѣ видѣлъ онъ какое-то непріятное самодовольство, въ Софѣ Николаевнѣ сладкій диллетантизмъ. Что-то досадное зашевелилось въ немъ, и съ каждой минутой росло и росло.

Когда Горшковъ кончилъ въ другой разъ, Софья Николаевна нагнулась къ нему и захлопала въ ладоши.

Онъ привсталъ; она протянула ему руку и сильно пожала.

— Прекрасно... повторила она... какія чудныя мысли... Это какой-то радостный гимнъ... Что вамъ внушило такое настроеніе?

Горшковъ тряхнулъ вихрами и смѣясь отвѣтилъ:

— Я написалъ это... на ваше выздоровленіе.

— Какъ, на мое выздоровленіе?

— Да-съ... если это гимнъ... то гимнъ радости и здоровья.

— Ахъ какой вы славный... я рада, что была больна.. вы мнѣ подарили прекрасный подарокъ.

— Нѣтъ, еще не вполне подарилъ, Софья Николаевна; но вы позвольте... и Горшковъ остановился.

— Что, что такое? все позволю!

— Посвятить вамъ.

— Это слишкомъ много!— Неужели только за то, что я была больна?

— Нѣтъ-съ... не за то, а за то, что вы здоровы, за то, что вы такъ добры ко мнѣ.

— И къ вашимъ грѣшкамъ, прибавила она весело, и еще разъ протянула ему руку.

Онъ пожалъ ее, а потомъ, вдругъ нагнулся и поцѣловалъ.

Борисъ слышалъ весь этотъ разговоръ. Когда Горшковъ прикоснулся къ рукѣ Софьи Николаевны, онъ вздрогнулъ и двинулся впередъ.

— А, Боря! заговорила Софья Николаевна; мы васъ и незамѣтили, вы всё тутъ были?

— Да-съ, отвѣтилъ Абласовъ.

Борисъ промолчалъ и какъ-то бокомъ отошелъ отъ фортепьяно.

— Вы все слышали, продолжала Софья Николаевна, обращаясь къ Абласову.

— Какже... все.

— Ну, что ты скажешь, мудрепъ? вскричалъ Горшковъ прищуривая глазъ.

— Хорошо, братъ... да вѣдь ты меня за профана считаешь... да я въ самомъ дѣлѣ мало смыслю.

— Нѣтъ, ты исправляешься. значительно исправляешься... а вотъ Боря что-то молчитъ, ему, должно быть, не по вкусу пришлось.

Горшковъ подошелъ къ Борису и взялъ его за руку.

— Что ты такой хмурый? На тебя видно мой гимнъ навелъ уныніе?

— Нисколько, отвѣтилъ Борисъ и слегка улыбнулся.

— Боря, обратилась къ нему Софья Николаевна, вѣдь это гимнъ на мое выздоровленіе.

— Я слышалъ, тетя, проговорилъ онъ; и помолчавъ прибавилъ: очень свѣтлая музыка.

Софья Николаевна взглянула на него.

— Что это ты какой строгій сегодня.

— У него, видно, голова болить, промолвила Маша, подходя къ брату... Болить, Боря?

— Нѣтъ, мой дружокъ, съ чего это ты взяла?

— Я вижу, что болить... а то-бы ты веселѣй былъ.

— Нѣтъ, это вѣрно моя музыка, вскричалъ Горшковъ. Вѣдь это иногда бываетъ: пишешь въ свѣтломъ духѣ... на одного мелодія дѣйствуетъ радостно, а на другого грусть наводитъ! Я нисколько за это на тебя не въ претензіи, добавилъ онъ съ легкой гримасой; вотъ еслибъ ты зѣвать началъ — я бы сильно обидѣлся; а такъ—ничего... только бы было впечатлѣніе!

— Ахъ какой ты сталъ самолюбивый, замѣтилъ въ полголоса Абласовъ; смотри, Горшковъ, заразишься какъ разъ.

Горшковъ расхохотался.

— Полно тебѣ, вскричалъ онъ, вѣдь я только вотъ здѣсь на расшавку; что на душѣ, то и на языкѣ. Коли вижу, что удалось, не скрываю этого, а коли гадость—ругайте меня, мнѣ комплиментовъ не надо... ты со мной не хитри, Боря... я этого не люблю.

— Съ какой стати, отвѣтилъ тихо Борисъ, я просто задумался подъ твою музыку.

— Ну, и прекрасно... развѣ я требую, чтобъ ты пустился плясать?

— Полно вамъ объясняться, прервалъ Абласовъ, лучше сыграй-ка еще что-нибудь.

Софья Николаевна стояла по-одоль и смотрѣла пристально на Бориса и Горшкова.

— Горшковъ, сказала она, подходя ближе; хотите—сыграемъ со мной что-нибудь изъ стараго, чтобы вотъ подходило подъ расположеніе духа Бори?

— Извольте, быстро отвѣтилъ Горшковъ, что вамъ угодно будетъ?

— Ну, хоть *Les sept raques* Гайдена.

— Хорошо съ, давайте.

Борисъ украдкой взглянулъ на тетку, въ ту минуту, какъ она пошла къ этажеркѣ отыскивать ноты. Софья Николаевна точно почувствовала его взглядъ и оглянулась. На губахъ ея была улыбка, непріятная для Бориса. Ему показалось, что и глаза ея смѣялись. Онъ испытывалъ большую неловкость. Въ его поведеніи было что-то угловатое, что его дивило; но онъ не переламиналъ себя, онъ отдавался своимъ ощущеніямъ.

Абласовъ молча глядѣлъ на него, Маша взяла его руку, и положила вокругъ шеи. Ей хотѣлось приласкать Борю. Онъ это чувствовалъ, и еще жутче стало ему отъ того.

А Горшковъ усѣлся за фортепяно. Софья Николаевна разложила ноты, и они начали.

Тихая, торжественная музыка немного успокоила нервы Бориса; онъ уползъ въ уголъ, и все время просидѣлъ въ темнотѣ, держа Машу на колѣнахъ. Машинально обрывалъ онъ листокъ пожелтѣлаго растенія, стоявшаго подлѣ него въ большомъ горшкѣ. Абласовъ облокотился о фортепяно и задумался.

Звуки раздавались съ какимъ-то сладкимъ гуломъ, который уходилъ на хоры и тамъ замиралъ. Лампа горѣла одиноко; на стѣнѣ блуждали тѣни, когда Горшковъ качалъ головой, и перерачивалъ листы.

Борису чудилось, что онъ, какъ и въ былое время, одинъ съ Машей въ этой пустой залѣ. Также жутко и холодно ему было. Тоже недовольство подымалось на душѣ... Но дѣйствительно-ли недовольство было тоже?..

Нѣтъ, это была другая дума, другая тревожная горечь..

Маша молчала; но слушала музыку разсѣянно. Она думала о братѣ. Ей хотѣлось его развеселить; но она, точно боялась заговорить съ Борисомъ, и не двигаясь смотрѣла на него.

Пьесу кончали. Прошла маленькая пауза. Никто не заговорилъ. Борисъ не трогался. Онъ точно сквозь сонъ видѣлъ, какъ Софья Николаевна приподнялась, достала съ этажерки другія ноты, и опять началась музыка.

Долго они играли. Маша успѣла заснуть на колѣнахъ Бориса. Онъ самъ чуть не заснулъ; но когда вслѣдъ за послѣднимъ аккордомъ настала непріятная тишина, онъ встрепенулся и быстрымъ, испытующимъ взглядомъ окинулъ группу у фортепьяно.

Софья Николаевна что-то говорила Горшкову. Борисъ не старался вслушиваться; онъ только глядѣлъ.

Минуты черезъ двѣ онъ спустилъ съ колѣнъ Машу, не замѣтивъ, что она спитъ, и подошелъ къ фортепьяно.

Софья Николаевна и Горшковъ стояли близко другъ къ другу. За ними виднѣлась фигура Абласова

— Вы мнѣ пришлете вашъ гимнъ? говорила Софья Николаевна, онъ у васъ написанъ?

— Вчернѣ, отвѣтилъ Горшковъ, завтра я его перепису.

— Я готова еще разъ заболѣть, продолжала она, чтобъ только давать вамъ такія чудныя мысли....

Маша подошла вмѣстѣ съ Борисомъ.

— Тетя, проговорила она полусоннымъ голосомъ, вамъ вѣдь вора бай-бай.... Вы забыли?

— А ты, Маша, кажется ужъ присоснула?.... спросила Софья Николаевна.

— Это другое дѣло, отвѣтила Маша серьезнымъ тономъ, щуря глаза отъ свѣту.

Всѣ разсѣялись.

Борисъ только улыбнулся.

— Ну, нечего дѣлать, надо разойтись, сказала Софья Николаевна, обращаясь больше къ Горшкову. Я васъ, господа, не приглашаю ужинать. Совсѣмъ забыла распорядиться; а съ моей болѣзью ны перестали ужинать.. но я велю сей-часъ подать чего-нибудь..

— Не беспокойтесь, отозвался Абласовъ; поздно ужъ, намъ и по домамъ пора...

— Да мы никогда и не ѣдимъ на ночь, добавилъ Горшковъ,

Гимназисты распрощались. Борисъ молча пожалъ имъ руки, Горшковъ кивнулъ ему вихромъ; Абласовъ изъподлобья, но съ участьемъ взглянулъ на него.

Софья Николаевна на прощаньи подала Горшкову руку.

— Благодарю, благодарю, повторяла она. Вы мнѣ дали сегодня такъ много наслажденья, что я, право, не знаю чѣмъ мнѣ вамъ заплатить.

— Ужъ какъ-нибудь сочтемся, вскричалъ Горшковъ съ громкимъ смѣхоиъ.

Борисъ наморщился.

Когда дверь передней затворилась за гимназистами, Софья Николаевна, обернувшись къ Борису, весело сказала:

— Ну, и намъ пора бай-бай... Взглянувъ на него попристальнѣе, она вдругъ остановилась... Что ты болѣишь? спросила она.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Борисъ громко и съ какой-то дрожью въ голосѣ.

— Такъ что же это съ тобой?.. Маша, поди спать, мой ангелъ, я сей-часъ сама пойду.

Она поцѣловала Машу и отправила ее на верхъ.

Борисъ стоялъ прислонившись спиной къ одному изъ ломберныхъ столовъ, онъ держался за него обѣими руками, и судорожно вытягивался.

Софья Николаевна повторила еще разъ свой вопросъ.

Отвѣта не было.

— Да что же это ты все хандришь, Боря? ты впечатлительнъ, какъ нервная барышня, проговорила она.. стыдно, стыдно.. и она взяла его за ухо.

Борисъ отвелъ ее руку довольно сильно, и глядя ей прямо въ глаза, тихо произнесъ:

— Если бы я былъ артистъ если бы у меня былъ талантъ, вы бы меня считали за человѣка и не играли бы мной!..

Софья Николаевна отступила шагъ назадъ, и окинула его удивленнымъ взглядомъ съ головы до ногъ.

— Что ты говоришь, Боря?.. вырвалось у нея... что за странная мысль?... ты разстроенъ сегодня, дитя мое... или ты капризничаешь..

Она приблизилась къ нему опять, взяла за оба плеча, и улыбаясь, поцѣловала въ лобъ.

Онъ вздрогнулъ, высвободился отъ ея ласкъ и отрывисто сказалъ:

— Покойной ночи, тетенька.. и точно про себя прибавилъ: вы спите; а я не хочу больше плакать.

Съ этими словами онъ вышелъ въ корридоръ.

Софья Николаевна двинулась было за нимъ; но осталась на мѣстѣ. Долго стояла она; потомъ тихо пошла на верхъ, и на лѣстницѣ еще разъ остановилась, глядя на красную дверь, въ комнату Бориса.

XXX.

Струна была слишкомъ натянута... Въ душѣ мальчика вспыхнула реакція..

Борисъ, у себя въ комнатѣ, ни ходилъ взадъ и впередъ, ни падалъ на кровать, ни плакалъ... Онъ довольно спокойно раздѣлся, взялъ со стола книгу, почиталъ минутъ десять и легъ.

Сонъ его былъ тихъ, дыханіе ровно. Видѣлъ-ли онъ что?..

Утромъ, глаза его были ясны, въ лицѣ не замѣчалось утомленія; онъ бодримъ шагомъ прошелъ нѣсколько разъ по билльардной и уѣхалъ въ гимназію, раньше обыкновеннаго.

Вернулся онъ веселый, щоки его такъ и рдѣли отъ мороза; взгляды прямой, въ голосѣ никакого волненія.

Софья Николаевна встрѣтила его въ залѣ.

Онъ поздоровался съ ней очень развязно, поцѣловалъ ея руку, началъ бѣгать съ Машей по залѣ; за обѣдомъ говорилъ все о гимназіи, и послѣ обѣда тотчасъ же отправился къ себѣ.

— Что это ты такъ торопишься? спросила его Софья Николаевна.

— Много работы, тетенька, отвѣтилъ онъ очень ровнымъ голосомъ.

— Какой это?

— За мной давно уже есть сочиненіе, а я его еще не написалъ..

— Ахъ... сочиненіе... что же ты думаешь.. начать? расскажи-ка мнѣ... мы бы обдумали вмѣстѣ..

— Нѣтъ, писать нужно одному, а то не пойдетъ...

— Ну, какъ знаешь, отвѣтила Софья Николаевна и пошла въ корридоръ.

Борисъ заперъ за собою дверь. Чуть замѣтная улыбка скользила по губамъ Софьи Николаевны. Что она думала?.. Она думала, можетъ быть, — мальчикъ капризничаетъ, разыгрываетъ героя,

ломается... Можетъ быть, ей сдѣвалось жаль этого мальчика. Не задѣлъ-ли онъ ее за живое? Не возбудилъ-ли онъ въ ней какихъ нибудь новыхъ струнъ?..

Кто знаетъ?!..

А мальчикъ, тѣмъ временемъ, сидѣлъ у себя и писалъ. Онъ, дѣйствительно, писалъ сочиненіе для Ергачева..

Не долго думалъ онъ о тѣмъ. Ему пришло на мысль разсказать что-нибудь изъ своего прошлаго.

Онъ задумалъ маленькій разсказецъ. Героемъ разсказа былъ мальчикъ, у котораго перебывало нѣсколько гувернеровъ. Борису хотѣлось высказать все, что этотъ мальчикъ пережилъ со своими наставниками, что онъ въ нихъ замѣчалъ дурного и хорошаго, чему научился и какое сужденіе создалось въ немъ о своей отроческой жизни.

Борисъ прописалъ весь вечеръ. Чаю потребовалъ къ себѣ; въ десять часовъ, пошелъ онъ на верхъ къ теткѣ, простился съ ней и съ Машей, и тотчасъ же вернулся назадъ.

Софья Николаевна его не удерживала. Она смотрѣла на него съ недоумѣніемъ, и точно не рѣшилась заговорить. Въ ней было слишкомъ много такту, чтобъ приставать къ нему, вызывать наружу его душевную борьбу; неужели она, въ самомъ дѣлѣ, не понимала, что въ немъ происходитъ? Неужели мальчикъ дѣлался для нея загадкой?..

Что же говорило въ немъ? Ревность, укоры совѣсти, оскорбленное самолюбіе, неудовлетворенная страсть?..

Лицо было спокойно; онъ писалъ почти не останавливаясь. Часы пробили двѣнадцать, когда Борисъ закрылъ тетрадку, и сталъ раздѣваться.

Слѣдующій день прошолъ точно также.

Въ гимназiи Борисъ весело переговаривался съ товарищами. Его обращеніе съ Горшковымъ нисколько не измѣнилось. Онъ былъ съ нимъ очень хорошъ, мягокъ, даже общительнѣе, чѣмъ обыкновенно. Точно онъ хотѣлъ заглядить передъ нимъ какую-то вину.

Абласовъ по временамъ взглядывалъ на Бориса, но ничего не могъ отыскать на его свѣтломъ, спокойномъ лицѣ.

Ергачевъ былъ очень доволенъ, узнавши, что Борисъ готовитъ сочиненіе.

— Когда кончите? спросилъ онъ его.

— Послѣ завтра непремѣнно... Я, Иванъ Егорычъ, пишу изъ своихъ дѣтскихъ воспоминаній.

— Ну, и прекрасно.. вотъ, въ среду бесѣду устроимъ..

— Только ужъ начальство будетъ недовольно, сказалъ съ улыбкой Борисъ.

— Почему такъ?

— Рѣзкія мысли есть...

— Ну, вотъ увидимъ...

Два дня просидѣлъ Борисъ въ своей комнатѣ. Сочиненіе было кончено; случилось это въ субботу.

Въ воскресенье Борисъ уѣхалъ въ гимназическую церковь; оттуда завернулъ къ Горшкову и цѣлый день просидѣлъ тамъ.

Горшкова это немного удивило; но онъ ничего не сказалъ Борису.

Вернувшись домой, Борисъ прошолъ прямо въ свою комнату.

XXXI.

Насталъ день литературной бесѣды.

Для этихъ собраній выбирали всегда среду, когда классы оканчивались въ четверть второго.

Ергачевъ просмотрѣлъ сочиненіе Бориса и остался имъ доволенъ. Онъ нигдѣ не поправлялъ и сдѣлалъ только отмѣтки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Въ седьмомъ классѣ замѣтно было волненіе. Никто не приговлялся возражать; всѣ скорѣе боялись за автора. Обыкновенно, замѣчанія дѣлали директоръ, инспекторъ и учителя; съ ними нужно было спорить и отстаивать свои мысли и выраженія. Изъ учениковъ немногіе, кто побойчѣе, осмѣливались поднимать голосъ. Очень рѣдко это были одноклассники, а кто-нибудь изъ сильныхъ и задорныхъ учениковъ нижнихъ классовъ, изъ шестого, пятого и даже четвертаго.

Еще наканунѣ разнеслась вѣсть, что будетъ «бесѣда». Понѣскольку учениковъ отъ каждаго класса собирались отправиться туда; изъ маленькихъ, кого назначить инспекторъ, изъ старшихъ — по собственному желанію

Седьмой классъ обставили приличной мебелью. По лѣвую сторону кафедры помѣщалось два кресла для начальства; противъ нея нѣсколько стульевъ для учителей.

Послѣ звонка, въ четверть второго, въ седьмомъ классѣ всѣ остались на мѣстахъ.

Ергачевъ вышелъ на нѣсколько минутъ.

Явились ученики изъ разныхъ классовъ. Всѣ парты были биткомъ набиты. Поднялась болтовня. Только маленькіе гимназистики, помѣстившись на окнахъ, любопытно озирались и молчали.

Не стѣснясь чужими, Мечковскій выкидывалъ передъ публикой *кольна*. На первой партѣ тихо переговаривались. Горшковъ волновался за Бориса и, для *очистки совѣсти*, ругалъ на чемъ свѣтъ стоятъ Егорку и Юнку. Абласовъ мало говорилъ; только изрѣдка посматривалъ на виновника предстоящаго торжества.

Борисъ перелистывалъ свое сочиненіе. Онъ былъ спокоенъ. Врядъ-ли занимало его очень то, что будетъ происходить во время литературной бесѣды.

— Что, Боря, сказалъ ему Горшковъ, заглядывая въ лицо, — будешь спорить съ учителями?

— Буду, отвѣтилъ Борисъ разсѣянно.

— Пробрери ихъ, перепендѣевъ эдакихъ. Только жаль, Ергачъ-то у насъ больно плохъ: знай себѣ въ носу ковыряетъ; а на словесность-то куда ужъ не боекъ...

Абласовъ пододвинулся къ Борису и шепнулъ ему:

— Не очень ругайся... ну, ихъ... что ихъ раздраживать.

Отворились двери.

Все притихло. Вошли три учителя: Самородскій, Коряковъ и учитель грамматики въ низшихъ классахъ, грязный, косматый, курносый, въ серебряныхъ очкахъ, съ длиннѣйшими фалдами. Въ рукахъ держалъ онъ пестрый, ситцевый платокъ и табакерку. Онъ безпрестанно повертывалъ голову то вправо, то влево, и освобождалъ ее изъ-подъ галстука, обмотаннаго вокругъ шеи, точно дорожный шарфъ.

Фамилія его была Геліодорскій. Бурса оставила на немъ неизгладимые слѣды въ каждомъ словѣ и движеніи. Толстыя губы, раздутость носа и выпуклыя скулы несли также свидѣтельство его *породы*. Онъ падалъ ницъ предъ грамматикомъ Востокова и Греча, и заставлялъ учениковъ зубрить и ту и другую. Поэзія для него не существовала: выше *посланиа о пользѣ стекла* онъ ничего не признавалъ; билъ гимназистовъ линейкой за слово *русская* грамматика, какъ за величайшее вольнодумство, и свято вѣрилъ, что слогъ бываетъ *образцовымъ* и *подмымъ*... Знаки препинанія, грамматическій раздоръ, подлежащія и сказуемая были для него священнымъ культомъ. Говорилъ онъ красно, съ какимъ-то завываньемъ, прищипывая губами и ероша волосы. Къ ученикамъ старшихъ классовъ Ге-

Геліодорскій питалъ затаенную, но жгучую ненависть. Во-первыхъ, онъ зналъ, что они смѣются надъ нимъ жестоко, даже подучаютъ маленькихъ рисовать на него каррикатуры и прищипливать къ фалдамъ бумажки и никогда ему не кланяются. Во-вторыхъ, онъ зналъ, что съ четвертаго класса начинается словесная ересь, слабое преподаваніе Ергачева, начинаются богохульные толки о бесполезности реторики Кошанскаго, отвергается глубина *хриі*, *символовъ*, *метонимій*, *единоокончаній*, *умолчаній*, *единоначатій* и прочихъ плодовъ словеснаго вертограда. Мало того: тамъ начиналось писаніе сочиненій въ возмутительномъ духѣ. Темы выбирали себѣ сами ученики; ни размышленій о величїи природы, ни описаній восхода солнца, кораблекрушенія, сельской тишины и вечерней зори — ничего этого не задавалось къ ужасу г. Геліодорскаго; тамъ же читались: Гоголь, Пушкинъ, Лермонтовъ, Отечественныя Записки, неуважающія Греча и Булгарина; тамъ вшивали въ себя ядъ Бѣлинскаго! тамъ съ хохотомъ издѣвались надъ Херасковымъ и Сувароновымъ! Г. Геліодорскій лѣтъ уже пятнадцать въ гимназїи — и весь седьмой классъ его бывшіе ученики. Каждый разъ появляется онъ на бесѣдѣ и на экзаментѣ словесности. И злобно улыбается курносый педагогъ, какъ и въ этотъ разъ улыбался онъ, приготовляясь зарѣзать мальчишку, проникнутаго ересью *седмьклассныи*.

Учителя вошли и разсѣялись по стульямъ. Геліодорскій не вдругъ успокоился. Онъ раза два вставалъ со стула и подходилъ къ первой партѣ, поглядывая искоса на Бориса. Заговорить съ нимъ онъ не рѣшался. Онъ точно нюхалъ въ воздухѣ, чѣмъ пахнетъ отъ его сочиненія, и заранѣе собирался излить на него всю свою грамматическую жолчь.

Говоръ, смолкнувшій при появленїи учителей, поднялся онять. Но всѣ были возбуждены и то и дѣло поглядывали на стеклянную дверь.

Наконецъ она еще разъ отворилась. Всѣ встали, завидѣвъ фигуру директора. Онъ надѣлъ вицмундиръ и анненскій крестъ на шею. Его красная, угрявая физиономія смотрѣла торжественно. Туго накрахмаленная манишка торчала впередъ; галстухъ съ пряжкой доснился; крестъ былъ свѣшенъ низко. За директоромъ двигалась пузатая фигура Егора Пантеленча. Егоръ Пантеленчъ изображалъ на рабой своей физиономїи смѣсъ скромнаго достоинства съ педагогическою глубиной, и, заложивъ

правую руку за жилетъ, выступалъ сдержаннымъ, но величественнымъ шагомъ. За нимъ шолъ Ергачевъ, какъ и всегда хмурый и сонный. Для приличія онъ немножко причесался; а обыкновенно прядь волосъ завѣшивала ему глаза и носъ.

Шестіе замыкалъ учитель рисованія, Семенъ Трофимычъ Чижиговъ. Семенъ Трофимычъ вмѣнялъ себѣ въ священнѣйшую обязанность присутствовать при всѣхъ перемоніяхъ и сборищахъ, куда только пускали его. Онъ въ глубинахъ души своей носилъ убѣжденіе, что гдѣ его нѣтъ, тамъ не можетъ быть порядку. Но воскресеньямъ онъ водилъ гимназистовъ въ церкви; на торжественныхъ актахъ уставлялъ ихъ въ *ранжиръ*, раскладывалъ на столѣ наградныя книги и похвальные листы, заботился о благовоііи коридоровъ и за все это не получалъ и спасибо Голова Чижигова украшалась хохломъ изъ рѣдкихъ свѣтлорусыхъ волосъ; щоки его были розовыя; носъ длинный и бѣлый; онъ сладко улыбался и носилъ узенькіе сѣрые панталоны по щиколку.

Директоръ кивнулъ головой въ отвѣтъ на общій поклонъ и провзнесъ:

— Здравствуйте.

Затѣмъ онъ обратился къ учителямъ и, не подавая имъ руки, поклонился и проговорилъ:

— Здравствуйте, господа.

Коряковъ только хлопнулъ глазами, Самородскій неприятно поморщился, Геліодорскій весь перегнулся. Директоръ сѣлъ и указалъ инспектору на мѣсто подлѣ себя. Ергачевъ взомель на кафедру. Чижиговъ притворилъ дверь; и такъ какъ ему не хватило стула, то онъ помѣстился у дверей, стоя.

Іонъ Петровичъ являлся на литературныя бесѣды почти съ такими же чувствами, какъ и Геліодорскій. Онъ былъ когда-то учителемъ словесности. Въ его время реторика Кошанскаго только что сводилась въ гимназіяхъ. Онъ такъ и остался *риторомъ*, и преподаваніемъ Ергачева былъ недоволенъ.

— Кто будетъ читать? спросилъ онъ, оборачиваясь къ Ергачеву.

— Телспневъ, отвѣтилъ тотъ глухо и взглянулъ на Бориса.

Директоръ и инспекторъ въ одно время повернули шею и встретили свои начальничьи взоры на первую парту.

Борисъ всталъ, взявъ съ парты тетрадь и подошелъ къ кафедрѣ. Ергачевъ сказалъ ему вполголоса:

— Сами хотите читать?

— Какъ вамъ угодно, отвѣтилъ Борисъ.

— Прочтите сами, рѣшилъ Ергачевъ и, обратившись къ директору, спросилъ:

— Начинать?

— Пускай начнетъ, прогнусавилъ Ионъ Петровичъ.

Геліодорскаго передернуло. Онъ нюхнулъ изъ табарки на весь классъ. поправилъ очки, чмокнулъ губами и приподнялся.

— А позвольте узнать. заговорилъ онъ съ сильпѣйшимъ удареніемъ на букву *a*; позвольте узнать. какъ заголовокъ предстоящаго упражненія?

Борисъ, не смотря на Геліодорскаго, разложилъ тетрадь и прочелъ:

— «Кое-что о гувернерахъ.—Отрывокъ изъ дѣтскихъ воспоминаній.»

— Какъ? спросилъ Ионъ Петровичъ, и весь выпрямился.

— Повторите, сказалъ Ергачевъ Борису.

Борисъ повторилъ заглавіе.

— Кое что!.. прогнусавилъ Ионъ Петровичъ. Это небрежно, фамильярно!.. въ этомъ мысли нѣтъ никакой!..

Егоръ Пантеленъ кивнулъ головой въ знакъ согласія

Геліодорскій весь заходилъ на стулъ и два раза сморкнулся съ шумомъ.

— Позвольте съ, вскричалъ онъ. Этотъ заголовокъ не токмо небреженъ, какъ изволилъ замѣтить господинъ директоръ, но онъ сугубъ, противенъ законамъ отечественнаго языка... Въ началѣ у васъ стоитъ *кое-что*, употребленное въ качествѣ существительнаго, и потомъ вы продолжаете—отрывокъ... Такое согласованіе есть погрѣшность вопіющая.

— Какъ же это такъ? спросилъ Борисъ съ улыбкой. Развѣ существительныя согласуются между собою? Въдъ тутъ двѣ отдѣльныя фразы.

— Не въ томъ дѣло, изрекъ директоръ. Я нахожу заглавіе вѣточнымъ и для упражненія ученика гимназіи неприличнымъ.

— Почему же, Ионъ Петровичъ? спросилъ тихо Ергачевъ.

— Потому что въ этомъ заглавіи пренебреженіе какое-то, на-сѣшка-съ... да и вообще такая тѣма не можетъ быть допущена... Что же это такое? Трактатъ педагогическій? О гувернерахъ!.. въ насѣшливомъ, значить, тонѣ?

Іонъ Петровичъ перевернулся въ креслахъ и поправилъ на шеѣ крестъ.

Геліодорскій внималъ словамъ начальника, и его курносая физиономія изображала радость. Онъ глоталъ слова Іона Петровича и самъ порывался напасть на Бориса, какъ только директоръ докончитъ свою рѣчь.

Но Ергачевъ не далъ ему начать.

— Продолжайте, сказалъ онъ Борису.

Борисъ прочелъ эпиграфъ:

— «Это самизъ Богомъ устроено, и волтерьянцы напрасно противъ этого говорятъ».

— Какъ? прогнусавилъ опять директоръ.

Борисъ повторилъ.

— Что это за эпиграфъ! закричалъ Іонъ Петровичъ. Это бессмыслица! это выходка мальчишеская... Вы, голубчикъ, шутить съ нами вздумали? обратился онъ къ Борису, и его угреватые щеки еще больше покраснѣли.

— Эпиграфъ изъ Гоголя, проговорилъ Борисъ безъ всякаго измѣненія въ голосѣ.

— Откуда это изъ Гоголя?..

— Изъ Ревизора, сказалъ съ удареніемъ Ергачевъ, и въ упоръ посмотрѣлъ на директора.

— Изъ Ревизора! зафыркалъ Іонъ Петровичъ. Что это за выборъ?!.. Ученики должны брать образцовыя сочиненія, а не Ревизора! Нельзя позволять ученикамъ читать чортъ знаетъ что! Дался имъ Гоголь!.. Сальностямъ они научаются; языкъ—тривіальный, ни одного правильнаго предложенія.

Директоръ даже привсталъ и замахалъ руками. Ергачевъ слушалъ и хмурилъ брови. Геліодорскаго такъ и подмывало. Наконецъ онъ не вытерпѣлъ и, только что директоръ перевелъ духъ, заговорилъ:

— Это есть прямое извращеніе отечественнаго языка!.. Вульгарная проза господина Гоголя не токмо не выдерживаетъ разбора грамматическаго, но пріучаетъ юношей мыслить праздно, издѣваться надъ божественною природою человѣковъ, надъ властями и чинами общества...

— Позвольте, Викторъ Ивановичъ, прервалъ его Самородскій, который до того времени только поглядывалъ на всѣхъ и чуть замѣтно улыбался; это заведетъ насъ слишкомъ далеко... Мы здѣсь не за тѣмъ, чтобъ Гоголя (Самородскій провозносилъ это-

зала) критиковать, а за тѣмъ, чтобъ слушать и разбирать сочиненіе г. Телепнева. Позвольте ему начать читать. Вѣдь его сочиненіе пропущено Иваномъ Егорычемъ, значитъ, оно того достойно...

Геліодорскій вытянулся, поправилъ очки и ничего не возразилъ. Директоръ сурово взглянулъ на Самородскаго и многозначительно повелъ губами. Рябая физиономія Егора Пантелѣича сохранила невозмутимую важность.

Въ классѣ наступила мертвая тишина. Гимназисты такъ и пристали къ своимъ мѣстамъ. Маленькіе со страхомъ взглядывали на директора и жались другъ къ другу. Большіе все были возбуждены. Горшковъ покраснѣлъ и глазами перебѣгалъ отъ Бориса къ Ергачеву, отъ Ергачева къ директору, отъ директора къ Геліодорскому. Абласовъ закрылся книгой и оттуда поглядывалъ на все собраніе. Два бойкихъ шестиклассника, сильно желавшіе возражать, съ недоумѣніемъ переглядывались. На лицахъ ихъ можно было прочесть: куда ужъ намъ соваться; тутъ вонъ начальство ругается.

Послѣ небольшой паузы, Борисъ перевернулъ заглавный листъ и началъ читать.

Его рассказъ былъ очень простъ. Въ началѣ онъ сдѣлалъ обращеніе къ своимъ товарищамъ и развилъ мысль, что каждый изъ нихъ болѣе или менѣе предоставленъ самовоспитанію, не смотря на обиліе гувернеровъ и учителей. Мысль была развита толково, простымъ языкомъ, мѣстами очень остроумно. Начальство слушало и морщилось. Борисъ воодушевлялся по мѣрѣ того, какъ читалъ. Ергачевъ отъ времени до времени поправлялъ свои волосы, лѣзшіе ему на глаза, и одобрительно улыбался. На лицѣ Самородскаго также была улыбка. Геліодорскій выставилъ впередъ лѣвое ухо и все нюхалъ своимъ курносимъ носомъ.

— Позвольте-съ, крикнулъ онъ, когда Борисъ оканчивалъ вступленіе. Имѣя многое сказать противъ незрѣлости и неблаговидности мыслей, выражаемыхъ въ этомъ упражненіи, я оставляю васъ на послѣднемъ предложеніи. Не угодно-ли вамъ его повторить.

Борисъ прочелъ.

Директоръ опять вскочилъ съ мѣста.

— И какъ могла быть пропущена такая мысль въ ученическомъ упражненіи? вскричалъ онъ и обернулся къ Ергачеву.

Ергачевъ покраснѣлъ и вскинулъ волосами.

Позвольте ему дочитать, проговорилъ онъ; онъ развиваетъ ее. Отрывками все покажется дурно и бессмысленно. Продолжайте, сказалъ онъ Борису.

Чтеніе опять началось.

Послѣ вступленія слѣдовалъ самый рассказъ. Борисъ описывалъ личности своихъ губернаторовъ. Онъ говорилъ не отъ себя; героемъ былъ представленъ мальчикъ въ барской семьѣ. Губернеры смѣнялись одинъ другимъ. И въ каждомъ изъ нихъ были крупныя и мелкіе недостатки, которые прежде всего поражали мальчика. Ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ любви ни къ своему дѣлу, ни къ своему воспитаннику. Нѣсколько сценъ и подробностей, очень ловко набросанныхъ, показывали, какъ мальчикъ долженъ былъ въ каждой своей мысли, въ каждомъ поступкѣ спрашивать самого себя, по той простой причинѣ, что губернеры и не догадывались, какая жизнь кроется въ его молодой душѣ.

Въ концѣ былъ сдѣланъ итогъ тѣхъ свѣденій, какія воспитанникъ получилъ отъ губернаторовъ и авторъ приходилъ къ заключенію, что видно такъ и долго будетъ дѣлаться на русской землѣ и опять повторилъ эпитафій изъ Ревизора.

Когда Борисъ кончилъ, минуты съ двѣ была глубокая тишина. Никто его не прерывалъ во время чтенія; никто больше не придирался къ словамъ; даже Геліодорскій успокоился, только безирестанно нюхалъ и отиралъ съ лица клятчатымъ платкомъ крупный потъ. Начальство сидѣло безмолвно. Оно морщилось; но видно было, что содержаніе занимало и Иона Петровича и Егора Ивановича—На гимназистовъ сочиненіе сильно подѣйствовало. Задорные гимназисты, явившіеся съ цѣлю *возражать*, были смутаны. Сюжетъ былъ такъ близокъ къ сердцу, что они и не подумали замѣчать отдѣльныя фразы, цѣпляясь за слова и грамматическія ошибки. Всѣ лица свѣтились. Казенныя, натянутыя позы исчезли; всѣ подались впередъ, какъ кому ловчѣе: тотъ подперши голову ладонью, другой обнявши за шею товарища.

Ергачевъ обвелъ глазами весь классъ и проговорилъ:

— Не угодно-ли кому возражать?

Геліодорскій пробудился.

— Хотя, закрывалъ онъ, изложеніе и заключаетъ въ себѣ относительное достоинство; но оно, отрывочно, нѣтъ приличныхъ украшеній, долженствующихъ доказать, что ученику зна-

коны риторическіе законы, безъ коихъ не можетъ быть образованаго слога...

Директоръ сдѣлалъ движеніе, показывая, что онъ желаетъ говорить. Геліодорскій проглотилъ слово и умилился.

Іонъ Петровичъ опять всталъ.

— Языкъ туда-сюда; но все сочиненіе вздоръ, болтовня, умничанье! Что вы хотѣли доказать? спросилъ онъ тыча пальцемъ по направленію къ каедрѣ.

— Я ничего не хотѣлъ доказывать, отвѣтилъ Борисъ; это не разсужденіе. Я просто разсказалъ нѣсколько случаевъ изъ дѣтской жизни.

— Чья-же это такая жизнь, ваша что-ли?

— Это все равно, Іонъ Петровичъ. моя ли или чужая...

— А если я васъ спрашиваю,

— Есть нѣкоторыя черты и изъ моей...

— Прекрасно!... Похвальные у васъ чувства къ вашимъ наставникамъ!... Этого еще не доставало!... Что-же вы доказываете, я васъ опять спрашиваю?... Что никого не воспитываютъ, а портятъ. Мало они васъ сѣкли, голубчякъ; еслибъ больше сѣкли, такъ бы бы не посмѣли умничать!..

Директоръ прошолся по классу, и съ шумомъ опустился въ кресло.

— Мнѣ кажется, началъ вдругъ Самородскій, ни къ кому въ особенности не обращаясь, что г. Телепневъ нарисовалъ очень правдивую картину. . Чему-же насъ учатъ пѣтцы и французы?... Я нахожу это очень вѣрнымъ. . я вижу талантъ литературный... в весьма серьезную мысль... Тутъ нѣтъ ничего дерзкаго и вольнодумнаго.

Ардальонъ Захарычъ повелъ по волосамъ, улыбнулся и заложилъ руку въ карманъ.

Инспекторъ значительно поглядѣлъ на него и тотчасъ же обратился лицомъ къ директору. Егоръ Ивановичъ вообще помалчивалъ, и только взглядами и тѣлодвиженіями выражалъ свое единомысліе съ директоромъ.

Іонъ Петровичъ поморщился и проворчалъ.

— Очень жаль-съ... вы можете полагать... что вамъ угодно...

— Это сочиненіе, продолжалъ онъ громко, не можетъ быть представлено въ округъ.

— Ергачевъ покраснѣлъ и приподнялся.

— По какой причинѣ? отрывисто спросилъ онъ.

— По его духу не можетъ быть!... Вамъ угодно развѣ получить выговоръ!..

— Я считаю его совершенно удовлетворительнымъ, отвѣчалъ Ергачевъ и взялъ у Бориса тетрадку

Ионъ Петровичъ побагровѣлъ, какъ ракъ, всталъ и двинулся къ двери.

— Прощайте, господа, — проговорилъ онъ и вышелъ, хлопнувъ дверью; инспекторъ пошелъ за нимъ. Чижиговъ отворилъ дверь и скрылся за начальствомъ. Во время бесѣды онъ ничего не слышалъ и только наблюдалъ затѣмъ, въ какихъ позахъ сидятъ ученики. Коряковъ также ушелъ, ни съ кѣмъ не раскланявшись.

Онъ не проронилъ ни слова; ни разу даже не повернулъ шеи, заключенной въ высочайшіе воротнички.

Геліодорскій вскочилъ, чтобы поклониться директору, и какъ тотъ вышелъ, подлетѣлъ къ кафедрѣ. Онъ еще не вполне излился; директоръ не давалъ ему говорить.

Борисъ въ это время подходилъ къ партѣ Геліодорскій взялъ его за руку.

— Позвольте, г. Телепневъ, закричалъ онъ, я не могу не замѣтить вамъ, что вы показали пренебреженіе всѣхъ правилъ изящной прозы!.. Ваше сочиненіе похоже на записную книжку... веденную рукой не искусной...

— Полноте, вамъ, Викторъ Ивановичъ... пустяки-то говорить... прервалъ его Самородскій... какую вамъ еще изящную прозу?... Чего вамъ лучше для гимназиста седьмого класса?... И Самородскій ударилъ грамматика по плечу...

Геліодорскій окрысился; но видя, что на него никто не обращаетъ вниманія, нюхнулъ табаку и отправился къ двери.

Въ классѣ уже поднялся шумъ. Гимназистики повыскакали съ мѣстъ и собрались кучей около первой парты.

— Ну, крусаецъ, говорилъ Самородскій, держа Бориса за руку, молодецъ, земіе... славно пишешь... Только смотри у меня—за вольныя мысли какъ разъ попадешься...

— Попадется, непременно попадется! подхватилъ со смѣхомъ Горшковъ. Молодецъ, Борисъ! Ура!..

— Ура! крикнуло нѣсколько человекъ.

— Тише, буйные народы! закричалъ Самородскій... и обратился къ Ергачеву.

— Ну, Иванъ Егорычъ, писака у васъ славный... только вотъ

доброю-то не кончилась бесѣда!.. Что прикажете дѣлать?..

Ергачевъ тряхнулъ головой и глухо проговорилъ:

— Много они смыслятъ... Телепневъ, продолжалъ онъ, я возьму съ собой ваше сочиненіе...

— Возьмите, Иванъ Егорычъ, отозвался Борисъ.

— Ну, прощайте, кривавцы, крикнулъ Ардалъонъ Захарычъ, я, взявши Ергачева подъ руку, вышелъ изъ класса.

Тутъ начался шумъ и гамъ. Всѣ точно праздновали побѣду. Мечковскій разъ пять прошолся колесомъ. Даже лупоглазый Скворцовъ, почему-то, ощутилъ радость и прискакивалъ на одной ножкѣ.

На Бориса лились похвалы товарищей. Задорные шестиклассники поглядывали на него съ завистью, сильно раскраснѣвшись. На ученикахъ 7-го класса можно было прочесть гордое сознаніе: вотъ-де у насъ какіе есть таланты; не чета вамъ, мальчуганамъ. Маленькіе окружали Бориса и во всѣ глаза глядѣли на него.

Онъ собрался домой.

— Ну, Телепневъ, сказалъ ему Абласовъ, увязывая книги; за сочиненіе тебѣ—спасибо; а еще больше за то, что не лѣзь ругаться съ учителями.. это, братъ, лучше всего!..

— Лучше всего! крикнулъ Горшковъ! Ахъ ты Пифагоровы штаны! Надо бы имъ... такого феферу показать!..

— Хочешь ко мнѣ обѣдать? сказалъ ему Борисъ.

Горшкова это точно удивило, почему то.

— Очень бы радъ, Боря, заговорилъ онъ, да никакъ нельзя, Телянины просили — я ужъ къ тебѣ въ воскресенье.

— Ну, какъ знаешь..

— А вотъ я Надѣ расскажу, какъ ты нынче восвалъ!.. Она будетъ въ восхищеніи.

Борисъ улыбнулся..

Поклонись ей отъ меня, весело проговорилъ онъ, и подумавши немного, прибавилъ: я нынче туда пріѣду вечеромъ, подожди меня!..

— Ну, и ладно, братъ!... буду ждать!... Прощай!..

Горшковъ крѣпко пожалъ ему руку и перескочилъ черезъ скамью.

— Ну, такъ ты, Абласовъ, поѣдешь ко мнѣ, сказалъ Борисъ...

— Согласенъ, братъ, вези... послѣ обѣда у меня кстати урокъ..

Они вышли въ корридоръ, окруженный толпой маленькихъ и большихъ гимназистовъ. Это было какое-то торжественное шествіе!..

— Что за процессія! крикнулъ вдругъ Егоръ Ивановичъ, возвращавшійся отъ директора.. Разсыптесь!...

XXXI.

Било уже три часа въ бильярдной, а Борисъ все еще не возвращался. Софья Николаевна сошла съ верху и прохаживалась по залѣ.

Маша играла гаммы, и часто поглядывала на дверь въ переднюю. Пальчики ея довольно лѣниво перебѣгали по клавишамъ.

— Вотъ и Боря пріѣхалъ! вдругъ вскричала она и вскочила съ табурета.

Въ эту минуту Борисъ вѣзжалъ въ ворота. Большая сѣрая лошадь, круто загнувъ голову, выступала гордо на тугихъ возжахъ. Теофанъ въ нарядномъ армякѣ и красной бархатной шапкѣ сидѣлъ молодцовато. Въ саняхъ были двое: Борисъ и Абласовъ.

Маша подбѣжала къ окну.

— Смотри, тетя, крикнула она: и Абласовъ съ Борей!...

Софья Николаевна подошла также и смотрѣла, какъ Борисъ слѣзалъ съ саней и что-то такое приказывалъ кучеру. За нимъ вышелъ и Абласовъ, въ коротенькой сѣрой шинелькѣ.

Черезъ минуту они вошли въ залу.

— Здравствуйте, тетя, сказалъ весело Борисъ, цѣлуя у ней руку... извините, что заставилъ васъ ждать.

— Нынче у насъ бесѣда была, проговорилъ Абласовъ, кланяясь Софѣ Николаевнѣ. Она подала ему руку.

— Какая бесѣда? вскричала Маша, обнимая Бориса. Боря? какая это бесѣда?...

— Я, голубчикъ, свое сочиненіе читалъ вслухъ, отвѣтилъ Борисъ... пойдѣмъ-ка въ столовую... закусить хочется... Абласовъ не хочешь-ли сырку?...

И Борисъ, не ожидая отвѣта, отправился съ Машей въ бильярдную. Софья Николаевна и Абласовъ пошли за ними.

Въ бильярдной у входа стоялъ небольшой столъ съ заку-

маша. Борисъ принялся забивать себѣ за обѣ щоки. Маша смѣлась на него и смѣлась.

— Тетя, вскричала она, вонъ какъ Боря-то проголодался!..

— Поневолѣ проголодаешься, моли тебя съ половины девятаго до половины четвертаго проморить, говорилъ Борисъ, отрывывая себѣ огромный кусокъ сыру.

— Что же такое у васъ было? обратилась къ нему Софья Николаевна.

— Ахъ, тетя, распросите вонъ Абласова; онъ былъ благороднымъ наблюдателемъ... онъ лучше расскажетъ... И Борисъ продолжалъ ѣсть.

— Мнѣ его сочиненіе очень нравится, сказалъ Абласовъ; читалъ онъ хорошо... и кромѣ начальства и нашего знаменитаго Виктора Иваныча ему никто не возражалъ.

— А кто это Викторъ Иванычъ? спросила Софья Николаевна.

— Учитель грамматики, г. Геліодорскій, курьезная личность. Онъ нападалъ на него, а директоръ просто убѣжалъ.

— Когда же ты мнѣ покажешь твое сочиненіе, проговорила Софья Николаевна, подходя къ Борису... Ты мнѣ хоть неслѣ всёкъ дай почитать.

— Съ радостью бы, тетенька; да его нѣтъ со мной — Ергачевъ взялъ.

— Ахъ, какой ты, право; Софья Николаевна сдѣлала маленькую гримасу.

Сѣли за столъ.

Разговоръ все шло о бесѣдѣ. Абласовъ рассказывалъ содержаніе того, что читалъ Борисъ, передавалъ выходки Юна Петровича, и дѣлалъ это съ такимъ тихимъ, невозмутимымъ комизмомъ, что Маша весь обѣдъ прохохотала.

Софья Николаевна тоже смѣлась; но какимъ-то полусмѣхомъ. Но лбу у ней мелькали морщинки. Она, отъ времени до времени, взглядывала на Бориса, и говорила мало. Абласовъ это замѣтилъ, и старался самъ больше говорить.

На этотъ разъ онъ занималъ все общество. Борисъ слушалъ его, очень много ѣлъ, изрѣдка вставлялъ свое слово; но не вдавался ни въ какія подробности о томъ, что было въ гимназій. Точно будто не про него говорили. Видно было, что ему не совсѣмъ ловко; но онъ велъ себя какъ проголодавшійся мальчикъ, которому ни до чего дѣла нѣтъ.

Послѣ обѣда посидѣли въ диванной, напились кофе; немножко поговорили, но разговоръ что-то не клеился.

Абласовъ и Маша ушли на верхъ заниматься арифметикой. Борисъ пошелъ вслѣдъ за ними. Софья Николаевна, взглянувъ на него, сдѣлала также движеніе, но остановилась.

— Борисъ, тихо крикнула она.

— Что? спросилъ онъ отрывисто.

— Ты заниматься?

— Да, тетя.

И онъ вышелъ.

Софья Николаевна опустила въ кресло и закрыла глаза рукой. Съ полчаса сидѣла она въ такомъ положеніи. Потомъ она встала и нѣсколько разъ прошлась по диванной. Еслибъ въ комнатѣ былъ свѣтъ, можно было бы видѣть, что щоки ея горѣли; и на губахъ лежала какая-то полунасмѣшливая, полугрустная улыбка. Она, машинально, взяла со стола книгу, точно собираясь читать въ потемкахъ, подержала ее и бросила опять на столъ. Быстрыми шагами отправилась она на верхъ и легла на кровать...

Въ седьмомъ часу кончился урокъ Маши. Абласовъ сходилъ внизъ, и увидалъ, что въ освѣщенной залѣ кто-то ходитъ. Онъ заглянулъ въ бильярдную. Дверь Борисовой комнаты была затворена.

Въ залѣ онъ столкнулся съ Софьей Николаевной. Это его удивило. Онъ взглянулъ на нее, и хотя она стояла спиной къ лампѣ, но ему показалось, что у ней заплаканные глаза. Онъ, однако, не стѣснился, и очень развязно сказалъ ей:

— Вы гуляете, Софья Николаевна?

— Да. Кончили урокъ?

— Кончили-съ... а Боря, должно быть, заснулъ отъ давишихъ волненій?

— Нѣтъ, онъ уѣхалъ, отвѣтила она тихо.

— Какъ, куда? Ахъ, вспомнилъ.

— Куда же? спросила въ свою очередь Софья Николаевна.

— Къ Теляпинымъ. Тамъ Горшковъ обѣдалъ. Боря его звалъ къ себѣ; да онъ отказался; они и согласились вечеръ провести вмѣстѣ, вѣрно тамъ музыканять... прибавилъ Абласовъ.

Софья Николаевна слегка улыбнулась.

— Походите немного до чаю, сказала она.

Абласовъ довольно пристально взглянулъ на нее и промол-

чалъ. Онъ хоть и смутно, но понималъ, что есть какая-то перемена въ тонѣ Софьи Николаевны. Въ Борисѣ онъ тоже замѣтилъ что-то новое. Онъ боялся сдѣлать нескромность, предложить какой-нибудь вопросъ, но не чувствовалъ никакой особенной неловкости.

— Абласовъ? вдругъ спросила Софья Николаевна. Борису не можетъ быть никакихъ неприятностей за сегодняшнюю сцену съ директоромъ?

— Разумѣется, хорошаго нельзя ожидать... да оно не очень страшно... развѣ поставить четыре въ поведеніи, вотъ и не вступашь въ университетъ безъ экзамена.

— Да онъ самъ, кажется, раздражаетъ ихъ.

— Сегодня онъ велъ себя прекрасно.

— Не говорилъ онъ имъ грубостей?

— Грубостей? нѣтъ, никогда... онъ и въ гимназій такой же, какъ и дома.

— Вы его хорошо знаете, проговорила она, и остановилась посреди залы.

— Какъ сказать, Софья Николаевна—и да, и нѣтъ. Онъ вѣдь скрытенъ, но онъ прежде ровнѣе былъ, теперь въ немъ точно внутренняя передѣлка какая-то.

Абласовъ опустилъ голову, говоря это. Софья Николаевна слегка покраснѣла.

— А съ кѣмъ изъ васъ онъ ближе? спросила она.

— Да и на это трудно отвѣтить. Одно я скажу, что мнѣ эти дни почему-то его жалко. Еслибъ къ нему можно было легко подходить, я бы подошелъ.—Помолчавъ, онъ проговорилъ:—Вы его, конечно, лучше насъ узнали; отъ васъ онъ врядъ-ли, что скрываетъ.

Софья Николаевна промолчала.

— Онъ странный, выговорила она, наконецъ, не двигаясь съ мѣста.

Шумно вбѣжала въ эту минуту Маша.

— Пойдите чай пить, крикнула она. Что вы тутъ стоите? А Боря гдѣ?

Она огорчилась, когда ей сказали, что Боря уѣхалъ въ гости. Въ диванной она разлила чай; но мало болтала. Абласовъ посидѣлъ съ полчаса, и распрощался. Софья Николаевна его не удерживала.

— Не почитать-ли чего? спросила ее Маша, когда онъ оста-

любь однѣ. Миѣ хочется вамъ въ слухъ по-французски почитать.

— Почитай, мой ангелъ, проговорила разсѣянно Софья Николаевна, и взяла со стола работу.

Тихо, медленно читала Маша какую-то дѣтскую исторію. Она не глядѣла на тетку. Софья Николаевна сперва пореботала; а тамъ откинулась на спинку дивана, и закрыла лицо руками, точно желала смягчить жаръ своего лица. Въ комнатѣ было темно, и каждое слово Маши звонко раздавалось, какъ отчеканенное. Прошло часа полтора, она дочла до конца свою исторію, поджала голову и увидѣла, что Софья Николаевна смотритъ къ углу и точно плачетъ.

— Тетя, проговорила она, я кончила.

— А, отозвалась Софья Николаевна.

— Бори-то все нѣтъ.

— Нѣтъ, отвѣтила Софья Николаевна и вздохнула.

Прошла еще пауза.

XXXII.

— Что вы тутъ дѣлаете? раздался вдругъ голосъ Бориса.

— Софья Николаевна встрепенулась. Маша вскочила съ дивана.

— Боря! Боря!... закричала она и бросилась его шлопать.

Софья Николаевна смотрѣла на Бориса съ камишь-то любопытствомъ. Онъ сѣлъ подлѣ нея въ кресла, и посадилъ къ себѣ Машу. Разсказывалъ онъ, что было у Теляпныхъ, какъ они съ Надей и Горюховымъ играли Мендельсоновское трио... посѣялся надъ *мостодономъ*, сказалъ, что Надя все хорошеетъ, и, помолчавъ, зѣвнулъ.

— Мы ужинать не будемъ, проговорилъ онъ вставая... Я нынче немножко усталъ; такъ пора и спать... да и тебѣ ужъ пора, Маша, добавилъ онъ наклонившись къ сестрѣ...

— Я пойду, отвѣтила она съ кроткой мишой...

— Ну, я тебя провожу... прощайте, тетя.

Софья Николаевна встала.

— Цойдемте всѣ вмѣстѣ, я здѣсь одна не оставусь... промолвила она.

Всѣ трое вышли въ корридоръ. — У лѣстницы Борисъ, стоялъ съ ними прощаться.

— Проведя меня до моей комнаты... Боря, маленький, нача-

ла упрашивать Маша, держа его за руку, ну, не лѣнись... успѣшь уснуть...

Борисъ сталъ подниматься. На верхней площадкѣ онъ еще разъ поцѣловалъ Машу. Она ушла къ себѣ въ комнату. Софья Николаевна стояла противъ него и молчала. Онъ тоже молчалъ, не прощался съ ней, не протягивалъ ей руки... Пролетѣла томительная минута... Онъ сдѣлалъ шагъ назадъ, къ лѣстницѣ.

— Зайди ко мнѣ, вдругъ сказала она. Въ голосѣ ея не слышно было волненія; но фраза произнесена была торопливо, не твердо.

И, не дожидаясь отвѣта, она вошла къ себѣ.

Борисъ не сей часъ двинулся. Съ минутою онъ еще помедлилъ, точно дожидаясь, когда у Софьи Николаевны покажется свѣтъ.

Она стояла посреди комнаты, когда Борисъ вошелъ туда. Онъ взглянулъ на нее смѣло, такъ смѣло, что она невольно потупилась. Прежней застѣнчивости, жизни, краски въ Борисѣ, какъ не бывало. Онъ выжидалъ, что она скажетъ.

Софья Николаевна быстро подошла къ нему и положила ему руку на плечо.

Онъ немножко отшатнулся.

— Борисъ, начала она скоро, но тихимъ голосомъ... этакъ нельзя намъ жить... скажи же мнѣ, наконецъ, что съ тобою сдѣлалось?...

И она замолкла. Ее удержало что-то; она точно боялась выговорить одно, рѣшительное слово.

Борисъ ничего не отвѣтилъ. Онъ весь всдыхнулъ; но не отъ смущенія, а отъ внезапнаго взрыва внутренней борьбы.

— Что я тебѣ сдѣлала? начала она опять, почти со слезами, развѣ я заслуживаю такой скрытности, развѣ ты не можешь придти и сказать мнѣ все, все? Зачѣмъ ты мучишь и себя и меня?...

— Да, вдругъ прервалъ ее Борисъ, и опустился на диванъ. Вы правду сказали... намъ нельзя жить вмѣстѣ. Зачѣмъ вы меня спрашиваете что со мной дѣлается? вы это видите, вы это знаете... Я не могу оставаться въ этомъ домѣ... я задыхаюсь... Вы что думаете?... Вы думаете, я капризничаю... послѣ того вечера, что я...

И онъ смолкъ. Ему также было трудно сказать рѣшительное слово.

Она сѣла подлѣ него на диванъ.

— Ничего я не думаю... не обвиняю тебя ни въ чемъ... я хочу только знать, отчего ты страдаешь?

— Какъ отчего? почти вскрикнулъ Борисъ. Я васъ люблю... я говорилъ вамъ это... Боже мой!... Онъ всталъ, и ушелъ въ другой уголъ.

Она сидѣла на диванѣ, опутивъ голову.

— Ты меня любишь? промолвила она тихо... ну, и люби.

— Люби... повторилъ онъ съ какимъ-то ѣдкимъ звукомъ... Люби, говорите вы. Онъ опять очутился передъ ней... Но вѣдь я не двухлѣтній, за что же вы меня мучите?... Вы позволили любить васъ... и тѣшиться мной, какъ куклой!... Я знаю, что я негодяй, что я скверный мальчишка... такъ вы бы прогнали меня, мнѣ легче бы было; и зачѣмъ же вы меня дразнили; вѣдь у меня силъ больше нѣтъ... Довольно мнѣ краснѣть, плакать, мучиться... это гадко, это отвратительно... знаю, но вѣдь отъ этого легче не станеть? вы видите, что я не мальчишка... Я вамъ прямо говорю: нельзя намъ такъ жить... въ этомъ домѣ.

Онъ проговорилъ это, стоя и смотря на нее твердымъ, почти суровымъ взглядомъ; слова звучали гордо; въ нихъ не было слезъ; въ нихъ была сила, новая сила, неизвѣстная еще самому Борису.

— Чего же ты требуешь? прервала его она. Дитя... ты не знаешь что говоришь: я тебя дразнила? Чѣмъ, когда?...

Она приподнялась... Я тебя любила, какъ брата... твоя... страсть ко мнѣ... поразила меня... не теперь... я этого не скрываю... но что же мнѣ оставалось дѣлать?... Я хотѣла тихой иаской смягчить тебя,—я жалѣла тебя, Боря.

— Я не хочу жалости, почти съ гнѣвомъ вскрикнулъ онъ.

— Я не вѣрила вполнѣ... что ты меня такъ любишь... промолвила она... Я и не хотѣла этому вѣрить...

— А теперь вы вѣрите? спросилъ онъ громко. Онъ взялъ ее за обѣ руки, и посадилъ опять на диванъ.

— Я вѣрю, проговорила она...

— Вы вѣрите, вскричалъ онъ... что же мнѣ вамъ больше говорить?... Онъ упалъ передъ ней... Не жалѣйте меня, не утѣшайте... ради Создателя... скажите мнѣ, чтобъ я ушелъ вонъ, но не ласкайте, какъ мальчика, если вы не любите меня такъ, какъ я васъ люблю...

Слезы уже дрожали въ этихъ звукахъ. Онъ не глядѣлъ на

вее. Онъ пряталъ голову въ ея колѣнахъ. Она сидѣла тихо, не двигаясь. На глазахъ ея были двѣ крупныя слезы...

— Пѣтъ, я не могу!... вырвалось у него. Онъ поднялъ голову. Все лицо его вдругъ поблѣднѣло... Точно въ одну минуту назойливое, ѣдкое страданіе переполнило все его тѣло, и всю душу... Я не могу васъ не любить... Куда я отъ васъ уйду!... Я не хочу никуда идти!... я хочу васъ любить!...

Онъ повелѣвалъ и просилъ пощады, плакалъ, и отдавался страсти, которую уже ничто не сдерживало; съ жестомъ истиннаго отчаянья заломилъ онъ руки за голову и бросился цѣловать ея колѣна.

Софья Николаевна вся дрожала. Ни одного звука не промолвила она. Ей нечего было говорить... Она его любила...

ПЕТРЪ БОБАРЫКИНЪ.

* *
* *

Голосъ тайный, голосъ милый,
Голосъ слышимый душой,
Для чего изъ-за могилы
Раздаешься ты порой?

Для чего въ тиши полночи,
Какъ заснетъ тоска моя,
И на мигъ сомкнутся очи,
Окликаешь ты меня?

Или волный сбавяши,
Въ грудь больную хочешь ты
Влить отраду упованья,
Прелесть тайную мечты?

Иль въ безмолвіи глубокомъ,
Въ часъ кипучихъ думъ и грезъ,
Льешься грустнымъ ты упрекомъ
И горячихъ просишь слезъ?

Голосъ тайный, голосъ милый,
Голосъ слышимый душой,
Для чего изъ-за могилы
Раздаешься ты порой?

Что ты: сонъ? любовь? мечтанье?
Грусть о томъ, чего ужъ нѣтъ?—
Или скорого свиданья
Неразгаданный обѣтъ?

Н. ГРЕГОВЪ.

ЗАПИСКИ РУССКАГО ТУРИСТА.

I. НОВГОРОДЪ.

I.

Дорога.—Постоялый дворъ.—Петръ Яковлевичъ Ерофеевъ.—Замѣна часовъ.—Торговцы.—Магазинъ водочный и книжный.—Книги и газеты.—Сужденіе Ерофеева о литературѣ.—Торговля и купцы.—Типография въ городѣ.

Въ Новгородъ ѣхалъ я по московскому шоссе отъ станціи Бронницы. Дорога сильно томилъ меня своимъ однообразіемъ; по обѣимъ сторонамъ ея, почти на разстояніи двадцати верстъ, тянется малкій дѣсь смѣшанныхъ породъ, невысокій и до того частый, что, кажется, и зайцу сквозь него пробраться трудно. На первой еще половинѣ дороги разбросано съ десятковъ домовъ кое-гдѣ по краямъ дѣса. По правую сторону дороги тянется Вышерскій каналъ, узкій, мелкій и, повидимому, совершенно лишній; лѣтомъ на немъ не видно ни одного судна; говорятъ, — весной ходятъ по немъ барки, но съ большимъ трудомъ. Каналъ верстъ за десять отъ Новгорода поворачиваетъ отъ дороги въ сторону направо, у Саввина монастыря, и соединяется съ рѣкою Вышарою. Саввинъ монастырь виднѣнъ съ дороги, онъ отъ нея будетъ съ версту; на самой же дорогѣ выстроена каменная часовня, а напротивъ ней колодезь; изъ часовни къ каждому предѣлу высккиваетъ усердный послушникъ съ та-

релочкою и бѣжить рядомъ въ приспоску съ экипажемъ, другой разъ полверсты, чтобы получить какое-нибудь подаваніе на монастырь. Съ версту еще за часовню тянется лѣсъ; а потомъ уже начинается низкая болотистая равнина, посреди которой на небольшомъ взвышеніи расположенъ Новгородъ. Весной низкая мѣстность покрывается вся водою и обращается въ огромное озеро. Привольно гулять взору по этому обширному пространству, гдѣ ничто не встрѣчается ему на пути, развѣ только мелькнетъ на солнцѣ одинокая, бѣлая каменная церковь, остатокъ отъ древнихъ монастырей. Самый Новгородъ издалика кажется огромнымъ монастыремъ; изъ зелени окружающихъ его садовъ видны только колокольни, да главы церквей. Вотъ мы переѣхали черезъ Малый Волховецъ по большому деревянному мосту и вѣхали въ Никольскую слободу, повернули налѣво... земляной валъ и столбы съ орлами дали знать, что мы вѣхали въ Новгородъ. Сады, изрѣдка прерываемые домами, потянулись по обѣимъ сторонамъ дороги; за мостомъ, перекинутымъ черезъ какой-то грязный ровъ, посреди города, начинаются сплошные дома и гостинный дворъ. Улица, по которой мы ѣхали, казалась безконечною; она упирается въ Волховъ, а по ту сторону Волхова опять начинается плоская и низкая равнина.

Извозчикъ повернулъ влѣво, на постоялый дворъ; хозяинъ, сидѣвшій у воротъ на лавочкѣ, встрѣтилъ насъ и помогъ мнѣ слѣзть съ телеги.

Домъ, въ которомъ мы остановились, былъ небольшой — деревянный; плотно прилегалъ онъ правой стороною къ новому каменному дому, точно на него опирался; онъ былъ очень старъ и до половины уже вросъ въ землю; прежній первый этажъ его былъ уже обращенъ въ подполье; окна этого этажа до половины закрывалъ тротуаръ. Дворъ, плотно весь закрытый, представляется темной ямой; онъ былъ гораздо ниже уровня улицы, въ него слѣзжали по крутому спуску. Стѣны дома были срублены изъ рудоваго, сосноваго лѣса, вершковъ восемь толщины, какого теперь, пожалуй, и не найдешь, лѣсъ такой здоровый, что ему, кажется, и вѣку не будетъ.

По кривому крылечку я ощуью вошелъ въ темныя сѣни, хозяинъ отворилъ двери и черезъ маленькую прихожую ввелъ меня въ назначенную мнѣ комнату. Небольшія два окна, одно на улицу, а другое на дворъ — были совершенно закрыты зеленою густой герани, бѣлыя каленкоровыя занавѣски, собранныя на

шнуркахъ по обѣимъ сторонамъ окна, еще болѣе увеличивали мракъ въ комнагѣ. Весь передній уголъ былъ занятъ образами и тускло освѣщался едва мерцающей лампадкой; отъ образовъ въ два ряда по всѣмъ стѣнамъ тянулись картины въ деревянныхъ рамкахъ за стеклами. Чего тутъ не было? И Щеголевъ съ своей щедеушной батареей, и Муравьевъ на огромномъ конѣ передъ Карсомъ, похожимъ на коробку съ курительными свѣчками, и Севастополь, и Синопское сраженіе, и Павелъ и Виргинія, Агала и Шаткасъ и множество портретовъ разныхъ генераловъ, отъ которыхъ нѣтъ прохода на всякомъ постояломъ дворѣ. Висѣло между картинами и зеркало; но такое кривое и уродливое, что страшно было въ него посмотри́ться. Мебель была сборная и для прочности обита вся клеенкой; кровать замѣнялъ диванъ, тоже обитый клеенкой и такой твердый, хоть бѣлье катать на немъ. Хлѣбный запахъ, смѣшанный съ запахомъ щей и деревяннаго масла, наполнялъ комнату.

Первымъ долгомъ я распорядился убрать герань, открыть окно на улицу и подать мнѣ самоваръ.

Хозяинъ мой, Петръ Яковлевичъ Ерофеевъ, повгородскій мѣщанинъ и старожилъ, лѣтъ пятидесяти слишкомъ, мущина здоровый, средняго роста, съ едва замѣтной просѣдью въ густыхъ его каштановыхъ волосахъ и небольшой, ровно подстриженной бородѣ. Онъ былъ очень благообразенъ и носилъ казанетовую сѣрую сибирку. Когда подали самоваръ, я пригласилъ хозяина—напитаться со мной чаю.

— Былое дѣло, говорилъ хозяинъ, садясь къ столу. У насъ такой заведенъ порядокъ, какъ ударять въ колоколь къ вечерни, мы садимся за самоваръ: во всемъ городѣ такое заведеніе. Конечно, большіе господа... у тѣхъ по своему... все по часамъ заведено.

— А развѣ у васъ не по часамъ располагается время? спросилъ я.

— Оно тоже выходитъ, что по часамъ; мы по церковному звону считаемъ время.

— Какъ же это такъ?

— Въ городѣ у насъ звонъ почти каждый часъ бываетъ. Вотъ хоть бы съ утра начать. Въ два часа звонятъ въ Юрьевъ монастырѣ къ заутрени, рѣдко развѣ не услышишь этого звону, когда ужъ силенъ бываетъ *сиверикъ*: а то всегда слышно,—ясвенно; звонъ густой такой; колоколь-то тысячу пудовъ; а

но праздничайтъ—то въ двухъ-тысячный звонать. Въ четыре часа у насъ зазвонать къ утрени, — въ шесть къ ранней обѣднѣ, — въ семь звонать къ обѣднѣ у Іоанна архіепископа, — въ девять къ поздней обѣднѣ звонать, — въ одиннадцатомъ часу къ достойну, въ двѣнадцать школьники идутъ изъ училища, — въ третьемъ гимназисты, — въ четыре къ вечерни звонать, — въ шесть къ всеночной, — въ семь въ дѣвичьемъ монастырѣ ворота запираютъ, а въ девять зорю бьютъ, — такъ часовъ-то выходитъ и собсьмъ необходимо; впрочемъ, часы стѣнные всякій держитъ: оно какъ-то съ ними позабавиѣе. Но поспитъ такъ ночью, часы поспуниваютъ, мягнѣи такъ чикъ-чикъ; оно выходитъ все-таки какъ-то не пусто въ домѣ; или такъ пробьютъ время и знаешь, все по-вселѣе.

— Рано вы встаете?

— Все вообще въ городѣ, или мы только?

— Вы и прочіе.

— Ну, наше дѣло, другой разъ во всю ночь не удастся заснуть хорошенько. Случается такъ гости, одного проводишь, другой на дворъ; а вставемъ мы обыкновенно съ заутрени. Объ эту пору *извозчики* со двора съѣзжаютъ; прежде бывало, пока не прошла *чутунка*, *извозчика* было много, полнехоньки двори бывали, — ну, теперь поменьше стало, много такъ лошадей десяткомъ найдеть, и то больше къ Пскову.

— А другіе-то какъ рано встаютъ?

— Всяко, кому какая нужда. Мастеровые, огородники, рыбаки встаютъ съ самой заутрени; а не то и раньше. Торговцы попоже, такъ около раннихъ обѣденъ, краснотоварцы и галантерейщики еще поздиѣе; имъ торопиться некуда: покупатель къ нимъ рано не приходитъ. Вотъ мелочныя лавочки, тѣ съ самой заутрени отворяются.

— Зачѣмъ же такъ рано?

— Покупатель, значить, есть.

— Какой-же покупатель можетъ быть въ такую рань?

— Вотъ хоть бы обѣдней мастеровой человекъ—встанетъ съ заутрени, захочетъ размяться чайкомъ и шлетъ въ мелочную лавочку мальчишку съ гривенникомъ, взять чайку и сахару. Али хозяйка затопитъ печь, понадобится соли, крупъ или чего другого, ну и бѣжить... Торговли больше копѣчан, а больше прибыльна. Или вотъ хоть бы это заведеніе, — хозяйинъ указалъ на водочный магазинъ наскосокъ въ гостинномъ дворѣ, — куда

много денегъ обираетъ, съ заутрени отворятъ его и до темной ночи все въ немъ топчется народъ.

— Кажется, не слѣдовало бы въ гостинномъ быть водочному магазину?

— Да вотъ поди!.. этого не бывало прежде, недавно такую моду повели. Оно, пожалуй, и не мѣшаетъ, чистому человѣку въ кабакъ какъ-то не ловко идти, тутъ поприличнѣе и народъ почище. А лѣтъ съ десять назадъ тому былъ тутъ книжный магазинъ.

— Куда же онъ дѣвался?

— Закрыли, произнесъ равнодушно хозяинъ.

— Какъ такъ закрыли книжный магазинъ, развѣ здѣсь лишній?

— Выгоды, значить, не было. Магазинъ былъ разважный таковой, всеню внутри весь обдѣланъ, вывѣска пребольшая была, вся на золотѣ; коммисіонеръ всегда сидѣлъ у дверей съ газетами и читалъ; правду сказать, никто и не мѣшалъ ему читать, развѣ только иногда гимназистъ забѣжитъ, спроситъ книгу, повертитъ въ рукахъ, посмотреть и отдастъ назадъ, и цѣны не спроситъ. Не пошла торговля, хозяину убыточно стало и закрыли.

— Развѣ у васъ здѣсь книгъ не читаютъ?

— Почитываемъ, какъ-же. Возьмешь въ церкви хоть-бы прологъ, или *четы-минею*, или проповѣди какія и читаешь.

— Кромѣ этихъ книгъ ничего другого не читаете?

— Случается. Съ крымской войны завели по лавкамъ въ складчину человѣкъ по десяти вмѣстѣ—газеты выписывать. Сначала-то оно было больно занимательно; про военные подвиги писали, да про сраженіи, ну, а потомъ-то ужъ стало и не то, про школы завели писать и прочее, незанимательно стало, и лишуть-то какъ-то мудроно, а все не отстаютъ отъ газетъ, привычка сдѣлана. Молодые-то купцы моду повели «Искру» выписывать, все своихъ знакомыхъ въ карикатурахъ ищутъ. Чуть дадутъ кого схожаго по бородѣ или по чему другому и бѣгутъ изъ лавки въ лавку, да хохочутъ. «Вотъ, молъ, Павла Ефимыча въ «Искрѣ» представили, усы его, къ верху задранные,— ой Богу его». Смѣху съ ними не оберешься.

— Ну, а романовъ и повѣстей нынѣшнихъ не читаете?

— Читаемъ, да мало. Писать ихъ нынче поразучились какъ-то; занимательности мало въ нынѣшнихъ книгахъ. Старинные романы читать пріятнѣе; такіе тамъ ужасы описаны, *куда мо*.

розъ по кожѣ обдираетъ, какъ читаешь; про подземелья разныя, про разбойниковъ, про привидѣнія писали и разныя такіе ужа-сы описывали, и такъ занято, что хоть и страшно читать было, а отъ книги не оторваться. Теперь завели писать про баръ, да про приказныхъ; а что въ приказныхъ-то любопытнаго? Постоянно въ глазахъ они у насъ, стоитъ зайти въ любой трактиръ, да поставить графинчикъ водки, такъ такихъ исторій про себя насажутъ, что животь надорвешь, смѣявшись. Аи еще про мужиковъ завели..... для большихъ баръ можетъ оно и любопытно.

— Теперь много хорошаго пишутъ про торговлю, ремесла и прочее.

— Про всячину пишутъ нынче, стало быть, выгодно дѣло это приходится, плату получаютъ. Чѣмъ-нибудь надо хлѣбъ добывать.

— Не правда, Петръ Яковлевичъ. Умные люди пишутъ для того, чтобы научить другихъ, какъ лучше разныя дѣла вести.

— Эхъ, баринъ, баринъ! Развѣ торговлѣ и чему другому изъ книгъ научишься? Чего самъ на дѣлѣ *не произойдешь*, плоха будетъ наука. Примѣровъ тому у насъ бывало много. Вотъ хоть бы у насъ былъ купецъ Чернышовъ, умный и честный былъ человекъ, головою много разъ его ставили, да книги-то его довели до чиста. Сынъ въ гимназіи обучался, потомъ и въ коммерческомъ былъ, кажется ужъ всему выучился, а по лавкѣ не было опытности; ну, и проторговался. На моемъ вѣку много здѣсь купцовъ съ алтына поднялись; а грамотѣ совсѣмъ не знали. Въ торговлѣ сметка нужна, а не книги—въ нихъ ее не найдешь. Золотое было время для города, можно было копейку нажать и наживались добрые люди,—теперь потрудитѣ стало. Купеческое дѣло трудное; худо три рубля въ день надо добыть чистаго барыша, а не то какъ разъ запутаешься.

— Когда же это было хорошее время для Повгорода? Давно?

— Не гораздъ давно, на моей памяти, не великъ я былъ тогда, по правдѣ сказать, а помню хорошо. Зоводилъ Аракчеевъ поселенія,—войска-то, параду-то—ужасти сколько!..

— Такъ это было въ поселеніи; а городу-то какая прибыль была?

— Торговля была бойкая: а главное дѣло въ ту пору *лажъ* былъ на серебро, мѣнялы сильно наживались. На низу у рынка лавки ихъ были и куды какой оборотливый народъ былъ! Одинъ

купецъ нашъ въ лаптяхъ пришолъ изъ Рязани, праниками началъ на лоткѣ торговать, потомъ мѣнялою сдѣлался; а теперь тысячами ворочалъ. Много было такихъ: тогда съ рубля начинали, а наживали каменные дома, да лавки.

— Стало быть, у васъ въ городѣ много богатыхъ купцовъ и теперь.

— Похвастать нельзя: были да перевелись. Боть зажиточные и теперь; но все не то, что было.

— Куда же дѣвались эти богатые купцы, повыѣхали изъ города, что-ли?

— Нѣтъ, проторговались, обѣднѣли. Мудреное дѣло — торговля, не пойдетъ въ руку и съ капиталами пропадешь. Задается другому, такъ какъ по маслу все идетъ, а иной бьется, бьется и покончить ни на чемъ. Такимъ манеромъ много ихъ перевелось. Вотъ хоть бы напротивъ, на углу торговала Катерина Ивановна. Куда какъ бойко торговала,—народу не отбиться, бывало. Денегъ пропасть было, дѣтей въ гимназiи учила... Вдругъ какъ пошло подъ гору, словно кто метлой изъ лавки все повыпахалъ... такъ и умерла въ бѣдности.

— Отчего же?

— Богъ ее знаетъ. Значить въ руку не пошло. Время не то стало; приемы въ торговлѣ не тѣ стали.

— Какіе же это приемы?

Хозяинъ лукаво улыбнулся.

— Всякіе приемы бываютъ, сказалъ онъ.

— Расскажите-ка, Петръ Яковлевичъ, какіе приемы бываютъ въ торговлѣ-то.

— Богъ ихъ знаетъ, это дѣло не наше, отвѣтилъ хозяинъ.

Видно было, что словоохотливый Ерофеевъ не хотѣлъ всего рассказывать незнакомому человѣку; я, впрочемъ, и не принуждалъ его, въ надеждѣ выпытать современемъ объ этомъ.

— Какой у васъ самый лучший промыселъ? спросилъ я хозяина.

— Извѣстно тотъ, который больше барышей даетъ.

— Есть же, однако, промыселъ повыгодише другихъ.

— Богъ его знаетъ! Полагать надо поповскій, тѣ убытку не терпятъ никогда.

— Вы отшучиваетесь все, Петръ Яковлевичъ; не хотите правды сказать.

— Да какъ ее скажешь, когда не знаешь? Всякій своимъ промысломъ живетъ, какъ знаетъ, да какое счастье.

— Есть же вѣдь какой-нибудь промыселъ главный.

— Ужь не знаю, какъ вамъ сказать про это. Всякихъ промысловъ есть здѣсь. Кто постепеннѣе—займется своимъ дѣломъ и держится его; небольшіе хотъ барыши наживаетъ, все-таки хлѣбъ ѣсть. Другой начнетъ мѣтаться, возьмется за то, за другое, мѣчется, мѣчется, совсѣмъ съ толку собьется и останется не при чемъ. Кому счастье какое.

«Петръ Яковлевичъ! ужинать собрано», кликнула хозяйка изъ прихожей.

— До свиданья-съ, за угощеніе покорно благодаримъ, сказалъ хозяинъ и вышелъ.

Я сѣлъ къ окну и сталъ смотрѣть на улицу. Лавки уже были заперты всѣ, только у водочнаго магазина было цемного народу. Десятый часъ былъ, а прохожихъ было мало, и такъ на улицѣ тихо, что слышно было, какъ по мосту дрожки ѣхали; вотъ стукъ ближе и ближе, проѣхалъ какой-то господинъ мимо моего окна, свернулъ съ шоссе въ сторону и дрожки звонче загремяли по каменной мостовой, потомъ зашурчали по немощенной улицѣ и долго еще ихъ слышно было. Пробыло десять часовъ, магазинъ заперли и пусто и тихо стало на улицѣ.

II.

Звонъ.—Сорокоусты.—Монастыри и приходъ.—Рыбаки и часовня.—Рѣдка и торговки.—Дворцовая улица; площадь, дума, дѣтинецъ, базаръ, мучныя лавки, гостинный дворъ, завтракъ.

На другой день, въ пятницу, я проснулся рано; звонъ къ заутрени во всѣхъ церквахъ въ городѣ разбудилъ меня. Колоколовъ сорокъ разнаго тона, начиная съ самаго густого и до такого рѣзкаго, что ушамъ было больно и самому всему какъ-то неловко становилось, гудѣло безъ умолку, по городу шолъ стонъ стономъ. Я спросилъ себѣ самоваръ, хозяйницъ подалъ и, послѣ нѣкоторыхъ отговорокъ, остался со мною чай пить.

— Что это за звонъ сегодня по всему городу такой? спросилъ я.

— Вамъ это удивительно! Должно быть и спать-то онъ вамъ помѣшалъ. У насъ почти каждый день такой звонъ бываетъ.

— Развѣ у васъ въ городѣ во всѣхъ церквахъ каждый день служба?

— Почти что такъ. Каждодневная-то служба положена только въ соборахъ и монастыряхъ, въ приходахъ, когда вздумается, но почти постоянно служатъ.

— Усердны же ваши священники.

— Да оно иначе-то и нельзя, у другого сорокоусть тянется.

— Часто служатъ сорокоусты?

— Частенько. Всякій хоть изъ послѣдняго, а непремѣнно по умершемъ родственникѣ справить сорокоусть, а не то и два: одинъ въ приходѣ, а другой въ какомъ-нибудь монастырѣ, больше въ дѣвичьихъ заказываютъ.

— За что же дѣвичьимъ отдаютъ такое преимущество.

— Ну, тамъ побольше вниманія и *просфирку* послѣ каждой обѣдни пришлетъ игуменья на домъ.

— По многу платятъ за сорокоусть?

— Своему попу рублей двадцать пять; а въ монастырь-то побольше надо.

— За что имъ такая честь?

— Побольше нужно: на монастырь, священникамъ и проч.

— Служба-то одинакова какъ въ монастырѣ, такъ и въ приходѣ.

— Какъ же сравнить можно! Въ монастырѣ поважнѣе будетъ, пѣвчіе и все такое—одно слово—мѣсто святое.

— Стало быть въ приходахъ постоянно сорокоусты?

— Не гораздъ часто. Можетъ быть случится два въ годъ, либо три; приходы-то у насъ небольшіе; служба-то постоянная у насъ, сказать правду, оттого—что позвонять, то и получать. Жалованья не положено, требъ мало, ну вотъ и звонять; услышать купецъ, пошлетъ гривенникъ въ церковь, чтобы помянули родителей, да свѣчу поставили, да еще ему *просфирку* принесли; человекъ этакъ пятокъ пришлютъ, смотришь попу и достанется двугривенный. Другому звономъ-то напомнить, что бабушкѣ или тетушкѣ какой тамъ память, обѣдню то закажетъ, шлетъ въ церковь полтинникъ; а не то трехрублевый. Шесть лѣтъ я самъ былъ церковнымъ старостой, порядки то всѣ эти знаю.

— Не богато же живутъ ваши священники.

— Не до богатства ужь, сыту быть-бы только. Нашъ священ-

никъ откровенно мнѣ говорилъ, что рублей триста въ годъ получить, въ хорошій—четыреста: а семья семь человекъ у него; только и бьется изъ хлѣба.

Въ это время гдѣ-то зазвонили рѣдко, по великопостному.

— Это что за звонъ еще? спросилъ я.

— Къ ранней обѣднѣ, у насъ всегда такъ звонятъ. Засидѣлся я съ вами; мнѣ въ рыбаки идти нужно.

— Пойдемте вмѣстѣ, сказалъ я.

Хозяинъ взглянулъ на меня, какъ будто хотѣлъ спросить: «Тебѣ-то что нужно тамъ?» и проговорилъ нѣхотя: — «Пожалуй, пойдемте.»

Улица была оживлена, встрѣчу намъ шло много разнаго народу съ кулками и мѣшками, ѣхали на телегахъ мужики, порой пронзительно гдѣ-то взвизгивали поросята. Мой хозяинъ постоянно раскланивался, на всякомъ шагу ему встрѣчались знакомые. Поклоны моего хозяина не одинаковы были: однимъ онъ кланялся, слегка приподнимая шапку, другимъ пониже; а инымъ чуть не въ поясъ и далеко отмахивалъ рукою отъ себя шапку, называя громко по имени и по отчеству, — то ужъ были именитые купцы города. Съ другими онъ останавливался на минуту, перекинуть два, три слова. По городу раздавался протяжный звонъ на разные тоны.

Съ большой московской улицы, гдѣ я остановился, мы повернули на-лѣво къ Волхову по улицѣ Буяну; въ концѣ ея, у самой рѣки, толпилось много народу.

— Вотъ гдѣ народъ-то толпится, тамъ и *рыбаки* и пароходы пристають, говорилъ хозяинъ, указывая на толпу.

У самыхъ *рыбаковъ* огоньки въ маленькой часовнѣ у воротъ, между двумя каменными домами, обратили на себя мое вниманіе. Что-же это такое? спросилъ я хозяина.

— Часовня Хутынскаго монастыря. Эти два дома, между которыми часовня-то, монастырскіе, въ одномъ столяръ нѣмецъ живетъ, а въ другомъ гостинница и черная харчевня, да рыбаки къ тому же, мѣсто-то вышло прибойное, почаще на свѣчу подадутъ добрые люди отъ своихъ трудовъ праведныхъ. А на-противъ домъ Деревяницкаго монастыря.

Я посмотрѣлъ на другую сторону улицы, на каменномъ домѣ былъ нарисованъ образъ Божіей Матери масляными красками по штукатуркѣ, и передъ нимъ висѣлъ на веревочкѣ фонарь съ зазженной свѣчой.

— Почему же здѣсь нѣтъ часовни? спросилъ я.

— Стало быть, не положено, а не опустили бы дохода, сборъ здѣсь хорошій, каждый рыбакъ что-нибудь подастъ отъ торгу, и у покупателя какая лишняя копѣйка останется, все подастъ на свѣчу.

Мы вышли на набережную Волхова, куда и монастырскій домъ выходилъ главнымъ фасадомъ. Набережная грязная, вонючая, покрыта была въ два ряда большими, опрокинутыми къ верху дномъ чанами; между чанами были настлапы доски, по нимъ двигалась толпа народа, разсматривавшаго рыбу, плескавшуюся въ водѣ на чанахъ. Противъ самой улицы деревянные мостки вели къ паровой пристани, отъ пристани на-право, на большихъ плотяхъ, были построены маленькіе домики рыбаковъ, затѣливо раскрашенные, на-лѣво отъ пристани стояло у берегу много лодокъ и челновъ, изъ нихъ большими саками носили мужики на чаны рыбу.

Въ толпѣ раздавались крикъ и шумъ, а временемъ и крупная брань. Кого тутъ не было? отставные военные въ форменныхъ сюртукахъ съ кокардами на фуражкахъ, чиновники въ мазаныхъ пальто и вицмундирахъ, тоже съ кокардами. Купцы и мѣщане въ сибиркахъ и чуйкахъ, расы и большія лянныя шляпы духовныхъ, армяки и, Богъ знаетъ, какая-то рвань. Женщины въ салопахъ, бурнусяхъ, полькахъ, платьяхъ и сарафанахъ. У всякаго былъ кулекъ въ рукахъ. Пріѣзжали и на дрожкахъ полновѣсныя пожилыя купчихи и барыни; но тѣ прямо шли на садки.

Хозяинъ мой бойко ходилъ около чановъ, поворачивалъ рукою сонную рыбу и приторговывался. Въ это же время онъ успѣвалъ раскланиваться на всѣ стороны и со многими разговаривать.

— Постное или скоромное кушать будете сегодня? спросилъ онъ меня.

— Для меня вы ничего не готовьте, отвѣчалъ я, потому что не располагалъ у него обѣдать и не довѣрялъ его кухнѣ.

Понабравши въ кулекъ мелкихъ окуней, плотицъ и ершей, мой хозяинъ отправился домой; по дорогѣ онъ подошелъ къ сидѣвшимъ у тротуара торговкамъ, передъ которыми на рогожахъ были разложены свекла, морковь, лукъ, рѣдька, немного свѣжаго картофеля и зелени, сбоку въ кадочкахъ были соленые огурцы, грибы. Ерофеевъ началъ откладывать въ особую кучу коренья и торговаться. Подошелъ отставной солдатъ.

— Почему рѣдка-то у тебя? спросилъ онъ.

— По три копѣйки рѣдчина, отвѣчала торговка.

Солдатъ прикинулъ рѣдку на рукѣ, осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и проворчалъ:

— Полторы бы копѣйки, кажется, было бы довольноно.

— За такую-то рѣдчину полторы копѣйки? Никакъ ты *рехнулася!* вскрикнула торговка и, выхвативши рѣдку изъ рукъ солдата, положила ее на старое мѣсто.

— Поди сюда, служивый, отозвалась сосѣдка, за двѣ отдамъ, важная, забористая, черная!

— Мерзлая, перебила съ задоромъ первая торговка. Видѣ она у Рѣшетилова *слатье* беретъ, а у него эту зиму въ подвалѣ-то все позамерзло. Ты бери у меня-то, посмотри какая *едреная* у меня, точно сейчасъ изъ gridsы выдернута!

— Горло бы тебѣ ею заткнуть, чтобы ты не орала, возразила вторая торговка и пошла перебранка. Мы отошли.

— Зачѣмъ вы не на садкахъ рыбу берете? тамъ, мнѣ думается, рыба лучше, сказалъ я хозяину.

— Крупная-то рыба на садкахъ лучше, на чаны выносить сонную или еле-живую; а мелкая на чанахъ лучше. Вы изволили видѣть тамъ на берегу челны и лодки?

— Видѣлъ.

— Это все паозеры приѣзжаютъ, у нихъ за Юрьевымъ монастыремъ весь Волховъ въ три ряда мережами перегороженъ, вотъ они еще до утра по мережамъ-то обходятъ и привезутъ сюда; а здѣшніе рыбаки и скупаютъ у нихъ огуломъ, крупную рыбу въ садки садятъ, а мелочь-то и носятъ прямо на чаны въ лодокъ, она и выходитъ свѣжая, не сидѣлая.

Мы подошли къ перекрестку.

— Какъ называется эта улица? спросилъ я.

— Дворцовая, видите-ли здѣсь былъ дворецъ матушки Екатерины, а теперь его поворотили на корпусный штабъ. Пожалуй, пойдите здѣсь; намъ все ровно идти-то домой; въ концѣ этой улицы будутъ площадь и рынокъ, можетъ, вамъ захочется полюбопытствоватьъ.

Мы прошли улицу, хозяинъ повернулъ домой; а я вышелъ на площадь.

Прямо передо мною возвышалось зданіе городской думы. Надъ двумя этажами лавокъ былъ надстроенъ третій, въ видѣ мезонина, гдѣ помѣщалась дума; каменное крыльцо въ нее, приидѣ-

лапное снаружи, было очень затѣливой архитектуры, особенно была интересна кровля надъ крыльцомъ: утвержденная на тонкихъ желѣзныхъ прутьяхъ, она очень походила на огромную летучую мышь. Съ лѣвой стороны спускался подъ гору на площадь гостинный дворъ. На-приво красивый каменный мостъ черезъ Волховъ велъ къ крѣпости или дѣтинецу.

На высококомъ крутомъ берегу Волхова красовался дѣтинецъ, старья его стѣны, покрытыя мѣстами мхомъ, невольно вызывали изъ памяти картины минувшей славы великаго Новграда; смотря на нихъ, уносишься думами въ дальнее—прошедшее. Жаль, что его портятъ новыми заплатами, неприятно какъ-то поражающими глазъ, и къ чему? Пусть бы онъ обсыпался мѣстами; на-оильно не поддержитъ старины! Изъ-за дѣтинеца смотрѣла высокая колокольня съ рядомъ большихъ колоколовъ; а за нею видѣлась часть корпуса и шесть главъ Софійскаго собора.

Я пошелъ по площади къ Волхову. Первая половина была завалена тесомъ и бревнами, —строили балаганы; другая, ближняя къ Волхову, заставлена была возами съ дровами, хлѣбомъ, живностью, ободьями; на самой набережной разложены рядами разные глиняные горшки. По краямъ дороги сидѣли торговки съ лукомъ, огурцами, морожеными и прѣлыми яблоками, пряниками, моченой грушей и квасомъ; онѣ съ визгомъ зазывали покупателей и перебранивались между собой. Отъ нихъ дальше тянулись столы съ сырмъ мясомъ. Народъ толкался, какъ въ котлѣ; здѣсь такое же было разнообразное сборище, какъ въ рыбакахъ, шумъ и гамъ сливался въ одинъ какой-то неопредѣленный, безконечный звукъ. Ближе къ гостинному двору, у думы, на рогожахъ, а мѣстами и на землѣ, въ два ряда были разложены старья шапки, сапоги, чашки, чайники, книги и прочій домашній скарбъ, хозяева пехаживали около своего товара, пошевеливали и подиравляли, чтобы, какъ говорится, товаръ лицомъ продать.

Мѣщане, пожилые приказные, съ давно небритыми бородами, дѣтки въ нанковыхъ подрясникахъ съ косами на затылкѣ толкались около этой ветоши, разсматривали и торговались. Ближе къ набережной за шкапиками, на которыхъ были наставлены большіе горшки, сидѣли, укутанныя старыми овчинными тулупами, торговки и звонко кричали: «блины, блины горячіе! кавалеръ, кавалеръ! поди сюда, за грошъ горла отрѣжу!» За ними у самыхъ лавокъ дымились самовары съ сбитнемъ, около ихъ стояли мальчаники и пили изъ зеленыхъ стакановъ мутный, горя-

чій сбитень и обжигались. По самому берегу тянулись мучныя лавки. Я пошолъ по рядамъ, мужики толпились въ лавкахъ. Въ одной лавкѣ за стойкой стоялъ толстый, какъ куль съ мукой, купецъ и держалъ въ одной рукѣ дощечку съ пробамн разной муки, насыпанной рядами; а въ другой рукѣ былъ у него совокъ, которымъ достаютъ муку изъ мѣшковъ на пробу.

— Терентьичъ, а Терентьичъ! кликалъ купецъ мужика съ большой косматою бородой, что ты тамъ около мѣшковъ-то толчешься понапрасну? Поди-ка сюда. Я тебѣ самъ отпущу, что требуется; вѣдь, я, думаю, что получше тебя свой товаръ знаю. Отпущу такой муки, будешь доволенъ.

Мужикъ подошолъ къ купцу.

— На-ко, посмотри пробу; купецъ протянулъ дощечку съ мукой къ мужику и указалъ совкомъ на пробу.

Мужикъ взялъ муки въ ротъ, пожевалъ и выплюнулъ.

— Эта мука, Иванъ Захарычъ, мнѣ не подходящая, проговорилъ мужикъ.

— А чѣмъ же она не подходящая?

— Горчить маленько.

— Ишь ты, луку набѣся-то, — что и теперь еще у тебя во рту горько! Ты посмотри, мука-то какая сухая! и не мелкая, а пыли ни на волосъ. Къ Николѣ-то вѣдь эту я отпускалъ. Худая, небось, была?

— Да она того, что-то въ квашнѣ разбивала сильно; бабы больно на нее жалились.

— Бабы жалились... вишь ты, поди!... не умѣютъ квашни растворить порядкомъ, дрождей дрянныхъ набухаютъ, вотъ и разбиваетъ.

— А ты, Ома, что тамъ на сняты-то напустился, какъ на сухое сѣно; досыта ими тебя не накормишь, — крикнулъ купецъ мужику, запустившему руку въ кулекъ съ сухими снятками.

Мужикъ отодвинулся отъ кулька.

— Дрожди у васъ скверныя, Терентьичъ, а мука не должна разбивать, обратился снова купецъ къ Терентьичу.

— Не надо быть дрождамъ худымъ, изъ своего пива, что къ Николѣ варили. Эта мука не люба что-то, Иванъ Захарычъ, отвѣчалъ мужикъ.

— Не люба, такъ другой дадимъ.

— Эй, Егорка! крикнулъ купецъ молодого парня, сбѣгай въ

кладовую, да принеси пробу изъ ждановской, знаешь? въ третьемъ ряду у стѣны, да проворнѣе.

— Вотъ мука первый сортъ, самъ изъ ней пироги пеку, только цѣна будетъ повыше.

— Ты посмотри мука-то какая, вѣдь ждановская, сказалъ купецъ, когда замѣтилъ, что мужика покорило маленько, когда онъ про большую цѣну сказалъ.

Неловко мнѣ было стоять тутъ безъ дѣла, хотъ интересно было посмотреть, чѣмъ кончится дѣло у купца съ мужикомъ.

Я пошелъ дальше.

Арка, украшенная образами съ лампадкой, вела на большой дворъ. Сильный запахъ селедками очень недружелюбно встрѣтилъ мой носъ, но я вошелъ-таки на дворъ. На дворѣ за большими столами сидѣли мужики и солдаты и хлѣбали щи; другіе ѣли селедки съ лукомъ и хлѣбомъ, иные ситникъ съ медомъ и занимали сбитнемъ. Здѣсь шуму было меньше, только суетились мѣщане и бабы, подавая кушанье мужикамъ. Съ двора я прошолъ въ ряды съ красными товарами. Лавки здѣсь были низенькія и темныя и нарочно еще занавѣшаны красными лоскутками, чтобы въ темнотѣ нельзя было рассмотреть хорошенько товара. Больше бабы и дѣвки деревенскія толпились въ лавкахъ, купцы и прикащики суетливо показывали ситцы и платки, бабы ахали; а купцы навязывали товаръ и подсовывали имъ такую дрянь, что со стороны было совѣстно смотреть. Я прошолъ мимо желѣзныхъ рядовъ и спутился къ площади, гдѣ были шорныя лавки.

Четыре мужика стояли въ кружокъ, одинъ въ срединѣ ихъ нагибалъ новую дугу изо всей силы. Щеголевато одѣтый, молодой купецъ стоялъ въ дверяхъ лавки и смотрѣлъ на мужиковъ.

— Не хочешь-ли, почтенный, я тебѣ дамъ отличную, золоченую дугу, вся на золотѣ и цѣна будетъ подходящая, сказалъ купецъ и ушелъ въ лавку.

— Ты, Митюха, не бери золоченой дуги у него, заговорилъ мужикъ, гнувший дугу другому въ снѣгъ армякъ, обманеть, вотъ-те Христось! ломаную подсунеть. У нихъ ужъ такой заведенъ порядокъ, чтобы ломанья дуги красить.

— Али я безъ глазъ, отвѣчалъ въ армякъ мужикъ.

— И съ глазами надуетъ, ужъ такой воровской народъ, подсунуть такую дугу, что сразу развалится, какъ въ телѣгу запряжешь.

Купецъ вынесъ дугу: она такъ и блистала на солнцѣ—мужики зашурхались.

— Вотъ дуга, такъ дуга, говорилъ купецъ, поворачивая ее въ рукахъ. Только невѣсть сватать ѣздить, или молодымъ на масляницѣ кататься. А сходно уступлю для знакомства, за свою цѣну отдамъ.

Мужикъ взялъ дугу въ руки, посмотрѣлъ и хотѣлъ было ее погнуть, какъ бѣлюю.

— Что ты это! вскрикнулъ купецъ и выхватилъ изъ рукъ мужика дугу. Никакой *великнотности* съ хорошей вещью не знаешь, развѣ не видишь, что золотого попортить можно!

Въ это время показалась на мосту толпа школьничковъ,—значитъ двѣнадцать часовъ и пора завтракать; а пошелъ въ гостиницу.

Гостиница дѣлилась на двѣ половины; въ одной сидѣли купцы за чаемъ и безъ милосердія колотили ложечками по столу и посудѣ, призывая половыхъ, а половые въ ситцевыхъ красныхъ рубахахъ и пестрыхъ передникахъ бѣгали, какъ угорѣлые, потряхивая волосами, и носили горячую воду въ большихъ чайничкахъ.

Меня проводили на благородную половину, гдѣ почти ничего не было; но завтрака я около часу дождался.

III.

Мужики плохіе покупатели.—Необходимость кое-чего въ торговлѣ.—Дуга и мужикъ.—Какъ торгуютъ хлѣбомъ.—Ловкость краснотоварцевъ.—Обжорный рядъ.—Ярославъ дворъ.—Никола; вѣче; п редположеніе хованна; сомнѣніе.

Вечеромъ того же дня, т. е. въ пятницу, сидѣли мы съ хозяиномъ за самоваромъ.

— Эхъ, батюшка, Владиміръ Николаевичъ, говорилъ мнѣ козаянъ, какой это народъ! отъ него никакого толку нѣтъ, только толпится и топчется безъ пути. Войско когда было по поселенію, тогда не то было! Совсѣмъ не то!

— Положимъ, что это простой, черный народъ, а торговлю онъ оживляетъ,—все городу есть ирибылъ.

— Плохая торговля съ нимъ; толкается, глазѣть и больше ничего. Заберется въ лавку, стоитъ и глазѣть, хотъ по мѣф гони. Вотъ хотъ бы взять мужичковъ, про которыхъ вы гово-

рите, что дуги смотрѣли, голову свою готовъ провалядывать, что они дуги-то не купили. Посопѣли, посмотрѣли, дугъ съ десяткомъ перебрали, а не купили. Пятницъ пять побывають подрядъ въ одной лавкѣ; а дуги не купать. Да если и купать, то ужь непремѣнно какую-нибудь дрянъ. Какъ они не разсматривай, а купецъ сдѣлаетъ свое дѣло.

— Не честное дѣло, Петръ Яковлевичъ, обманывать мужиковъ, пользоваться простотой бѣдныхъ людей.

— А что ты заведешь дѣлать? Купеческое дѣло мудренее! Товаръ покупается партіями, на кредитъ больше; берешь, значить, что даютъ, не разсматриваешь. Да и не размотришь всего. Вотъ хоть бы дуги, на примѣръ. Настоящій-то хозяинъ, отъ котораго прочіе торговцы покупають, беретъ ихъ цѣлыми партіями по тысячамъ; въ тысячи-то всякихъ есть и негодныхъ и ломаныхъ, кудажь ихъ дѣвать? не кидать; за нихъ также деньги заплачены. Вотъ онъ ихъ и сбываетъ; тамъ что знаешь, то и дѣлай съ ними. Вотъ ихъ и сбываютъ мужикамъ, иначе и нельзя. Да вѣдь и мужики... они не то, чтобы прочіе хорошіе люди; хорошій человекъ, какъ скоро вещь лицо свое потеряла, беретъ новую. А мужикъ... вотъ хоть бы купить дугу и ѣздить на ней, пока въ щепы не размочалитъ. Такъ посудите сами, если дать ему прочную-то дугу, его и вѣкъ въ лавкѣ не увидишь, все на ней ѣздить будетъ: а это въ торговлѣ не выгодно.

— Меньше потребленія, тише и торговля; это правда, но зачѣмъ же обманывать, этимъ мнѣ, кажется, дѣлу не пособишь; разъ обманешь мужика, а онъ больше къ тебѣ и въ лавку не пойдетъ, покупать будетъ у другого. Да если и вридетъ, какими глазами будетъ смотрѣть на него купецъ?

— Купцу не впервые, притомъ же съ мужикомъ какая церемонія, это не съ бариномъ или съ какимъ другимъ; такихъ надо опасаться, кто настрамить можетъ, въ глаза прямо вилывать; а съ мужикомъ совѣмъ другой разговоръ. Прдетъ онъ въ лавку, пожметса, пожметса и заговорить:

— Вотъ дуга-то, что у вашей милости купилъ, въ прошлую пятницу сломалась.

— Не можетъ быть! съ удивленьемъ скажетъ купецъ.

— Вотъ-те истинный сломалась!

— Какъ же это такъ? не надо бы ей сломаться, дуга была первый сортъ, здоровенная такая, по настоящему ей бы и вѣ-

ку не должно быть. Вѣрно ты, братецъ, ее какъ-нибудь везъ неосторожно... или запрягалъ тамъ... не должно бы ей сломаться.

— Сломалась, ваша милость, такъ-таки и порѣшилась совсѣмъ! запрягъ этта я ее въ телѣгу съ возомъ, а она проклятая *хрясть*, да и пополамъ.

— Э-эхъ, простота ты сердечная! гдѣ же это видано! дѣлають-ли такъ добрые люди? кто новую дугу прямо въ возъ запрягаетъ? хоть бы спросилъ, когда не знаешь, я бы растолковалъ тебѣ, какъ съ ней обходиться. Ты бы ее внесъ въ избу, посушилъ бы маленько, запрягъ-то бы на первый разъ во что-нибудь полегче, чтобы приобошлась она, тамъ бы и пошла въ дѣло. А то прямо въ возъ!... Дуга-то какая была отличная!

— Не въ домекъ было, ваша милость, скажетъ мужикъ и почешется.

— То-то не въ домекъ было, дугу-то какую испакостилъ! ну, что ты теперь станешь дѣлать? пособить твоему горю надо. Возьми вотъ дугу, въ убытокъ тебѣ отдамъ, жаль мнѣ тебя больно, самъ, впрочемъ, братецъ, виновать, отъ чего бы не распросить было, когда не знаешь дѣла. Вотъ возьми дугу, не смотри, что она немного кривовата, это ничего, за то за полцѣны уступаю: а дуга будетъ надежная. И подсунетъ мужику хуже прежней; а тотъ возьметъ, да еще поклонится.

— Ну, а если и эта сломается, тогда что купецъ скажетъ? спросилъ я.

— Опять мужика же обвинить, отвѣчалъ хозяинъ, сказать ужъ знаетъ что; на это съ малолѣтства ученъ.

— Сушилъ ты дугу? спросить купецъ.

— Сушилъ, отвѣтитъ мужикъ.

— Не бось на печкѣ?

— На печкѣ.

— Ну, такъ и есть! вѣдь я говорилъ тебѣ, что въ избѣ суши; а ты ее на печку прямо, ну она и пересохла; съ возду-ху-то, какъ ты ее внесъ въ тепло, ее и разодрало. Ужъ пайдется, какъ оболванить мужика, безъ этого ничего не продашь, сказалъ хозяинъ.

— Поэтому у васъ по всѣмъ лавкамъ такъ проводятъ бѣдныхъ мужиковъ?

— Не безъ грѣха-то бываетъ. У всякаго торговца свои приемы. Вотъ хоть бы хлѣбнымъ товаромъ... какъ проводятъ мужиковъ-то! въ настоящее время у насъ торговцевъ хлѣбомъ, какъ

должно быть солидныхъ, немного, всё на перечотѣ; прочіе одно только званіе, что торговцы. Купить товару сложатся этакъ человѣкъ пять-шесть, купятъ барку, на половину въ кредитъ по срокамъ, раскинутъ на пай и дѣлятъ по жеребью. Иному достанется весь пай либо подмоченный, либо горкій, а муку бѣдную, пшеничную покупаютъ всегда парами.

— Что же это такое?

— Пары-то? то есть одинъ крупчатка мѣшокъ бѣлой, а другой первачу, то есть похуже, цѣна имъ полагается вмѣстѣ; а тачъ ужъ самъ раскладываетъ, почему приплась первая, почему вторая и какъ ее продавать. Хорошую приберегаютъ хорошимъ покупателямъ, знакомымъ, или кому-нибудь на первый разъ хорошему человѣку отпустить, чтобы заманить къ себѣ въ лавку. Похуже товаръ, негодный и сбываютъ мужикамъ; куда же его дѣвать, не въ рѣку рыть?

— Ну, мукой-то, Петръ Яковлевичъ, трудно мужиковъ обмануть; я самъ видѣлъ, какъ они пробуютъ муку.

— Толку въ этомъ немного, что сами пробуютъ. Какъ не пробуютъ, а дряни купить всегда. Въ одной лавкѣ попробуетъ: кислая либо горькая, пойдетъ въ другую, такая же, въ третью, такая же. Сколько по лавкамъ не ходи, лучше не покажутъ, дряни-то вездѣ много. Вотъ мужикъ и бродитъ изъ лавки въ лавку и пробуетъ, весь рядъ обойдетъ, да и нарвется на такого ловкаго, что тотъ ему вотретъ такой муки, хуже какой во всемъ ряду нѣтъ. Конечно, при этомъ купецъ наговоритъ столько мужику, что тотъ и ротъ разинетъ, не разъ и побожится. Оно, по правдѣ, божиться понапрасну грѣшно, да что станешь дѣлать; не побоишься не продашь. Ну, извѣстное дѣло, за грѣхъ на свѣчу въ церковь подастъ, или что другое сдѣлаетъ, попу на духу раскается, совѣсть и очиститъ, и душу отъ грѣха спасетъ. Потомъ, если мужикъ мало-мальски надежный, въ долгъ ему вернуть на первый разъ постарается, а какъ только мужикъ задолжалъ, отъ лавки не отстанетъ; совѣсть тоже въ немъ есть, стыдно пройти мимо лавки, гдѣ одолжается. Купецъ себѣ на умѣ, долгу не требуетъ такъ, что бы подай да выложи; а слегка всегда напомнить, знай, дескать, что ты мнѣ обязанъ.

— Этимъ, мнѣ кажется, еще больше можно потерять, мужикъ долгу можетъ и не заплатить.

— Рѣдко случается, чтобы мужикъ долгу не отдалъ. Въ

другомъ чѣмъ тоже и онъ наровнѣтъ обмануть. Вотъ съ сѣномъ когда, съ дровами или съ другимъ чѣмъ прїѣдетъ на рынокъ, тамъ тоже наровнѣтъ, какъ бы провести: впрочемъ, ему рѣдко удается обмануть, развѣ *проходимы* какой: а то по рождѣ видно, такъ плутомъ и выглядываетъ. На счетъ же долгу всегда грѣха боится, христіанинъ, то есть. И то сказать, не прожить мужику въ этомъ дѣлѣ безъ довѣрія, человекъ онъ не денежный, нужда постоянная, прижметъ другой разъ такъ, что хлѣба ни куска и денегъ ни копейки, куда дѣваться? вотъ и идетъ въ лавку къ знакомому купцу и проситъ, чтобы выручилъ въ нуждѣ, тотъ и выручаетъ, даетъ въ долгъ товару, иной разъ и деньгами надѣлитъ, мужикъ и цѣнитъ это. Случается, что другой и вилать начнетъ; ну, съ такимъ разговоръ коротокъ, поймаешь, да за воротъ, да и на сѣзжу; а тамъ сдерутъ съ него вдвое, либо еще больше. На счетъ долгу не опасно, еще выгодно; долгомъ-то такъ привяжетъ мужика, что и радъ бы сбыть отъ него какъ-нибудь, да не развязаться. А купецъ-то, значить, даетъ какой хочешь товаръ и беретъ за него, что ему вздумается.

— Ну, а съ другими-то покупателями, которые почище, какъ обращаются купцы?

— Смотря потому какой покупатель и откуда. Если покупатель здѣшній, да вѣрный и постоянный, то всегда хорошій товаръ отпускаютъ, особенно на чистыя деньги. Такихъ вѣдь и покупателей немного, для нихъ всегда есть въ запасъ товарецъ порядочный; немного и требуется. Въ долгъ—всячины бываетъ. Въ уѣздѣ хоть и хорошій покупатель и на чистыя деньги, а все стараются эдакъ въ перемежку, разъ получше, другой поплше, переменить не привезетъ; гдѣ тутъ съ нимъ возиться? Если же пенять начнетъ, купецъ извинится, скажетъ, что и самъ не зналъ товару; новый, молъ, полученъ. На прикащика свернетъ: тутъ же, въ глазахъ покупателя на сто лѣтъ обругаетъ прикащика, или скидочку сдѣлаетъ, маленькое уваженіе окажетъ, такъ и пройдетъ. Всего лучше отпускать товаръ лавочникамъ по деревнямъ; только этакъ съ уступочкой, да съ обожданьемъ денегъ, чего хочешь возьметъ. Въ деревнѣ лавка одна, много двѣ, товаръ одинаковый, продажа мелочная, хорошаго взять негдѣ; за всякой мелочью въ городъ не угоняешься: ну, и расходится тамъ всякая дрянь, какой не сбыть въ городѣ ни за что.

— И краснотоварцы такъ дѣлають?

— У тѣхъ своя манера. Всегда свинья грязи найдетъ, говорить пословица; такъ и простой народъ. Есть у насъ въ городѣ хорошія лавки и магазины съ краснымъ товаромъ, такъ туда не идутъ; а все таскаются по рядамъ. Видѣли вы, какія лавки въ рядахъ? Темно—свѣту почти нѣтъ: они еще нарочно красными лоскутами завѣсятъ, чтобы свѣтъ былъ обманчивый; въ эти-то лавки бабы, какъ овцы и таскаются. Товаръ въ нихъ больше держать лежалый, съ разнымъ изъяномъ. Наберется бабъ луча, купецъ паруетъ имъ цѣлый прилавокъ ситцевъ или чего другого, глаза у бабъ разбѣгутся, голова закружится, купецъ этимъ временемъ и навязываетъ имъ всякую дрянъ, что ему обить сходяще. Смѣхъ съ этими бабами да и только! Одурачють такъ, видитъ другая, что ей даютъ негожее, а беретъ, когда купецъ навязывать станетъ; совсѣмъ съ толку собьется. Торгуется-то какъ! Купецъ запроситъ въ три-дорога, она посулитъ ему половину и начнутъ по копѣйкѣ одинъ сбавлять, а другая прибавлять; за то съ бабъ всегда дороже положоннаго заворачиваютъ; всѣ знаютъ, что онѣ торговаться любятъ. Выйдетъ иная изъ лавки, взглянетъ на покупку, руки врозь разведетъ и завоетъ, вернется въ лавку, начнетъ взадъ отдавать. Такъ куда тебѣ! Купецъ забожится, что онъ ей не продавалъ, что и ее-то никогда въ глаза не видалъ. Мало-ли чего съ ними бываетъ. Начнетъ иная пробовать ситецъ, понатянетъ и разорветъ, много-ли силы надобно, чтобы разорвать гнилой ситецъ? Привяжется къ ней купецъ, товаръ, молъ, испортила, говоритъ, въ убытокъ меня ввела, да я тебя туда-сюда, запугаетъ бабу совсѣмъ, она и видитъ, что товаръ гнилой, негодный, а беретъ, чтобы отъ него отвязаться только. Кредиту здѣсь нѣтъ, изволь покупать на чистыя деньги, развѣ ужъ хорошему знакомому отнустягъ въ долгъ. Оно и справедливо: Богъ знаетъ, когда увидишь опять покупателя, это не хлѣбъ, безъ котораго не проживешь.

— Въ магазинахъ и лавкахъ, которыя получше, я думаю, честнѣе обращаются съ покупателемъ.

— Всячины бываетъ. Не обманешь, не продашь, на томъ вся торговля стоитъ. Извѣстно, здѣсь свои приемы. Первое надобно, чтобы прикащикъ былъ красивый, за словомъ въ карманъ не лазилъ, товаръ-то умѣлъ бы показать лицомъ. Ловкіе и прикащички! Кусокъ матеріи или ситца прыгаетъ у другого,

какъ мячъ у фокусника, повернетъ его такъ и этакъ, распуститъ, соберетъ въ рукѣ, какъ въ платьѣ примѣрно и все такъ живо, что матерія-то такъ и блеститъ на свѣту, разными красками отлиываетъ, сама въ глаза бросается. Начнетъ приговаривать, такъ какой угодно барыня голову вскружить. «Цѣль этотъ, сударыня, говорить, вамъ къ лицу будетъ, отъ него у васъ въ глазахъ будетъ больше блеску,» и другое такое, что у барыни и зубы разгорятся. Если эта не беретъ, заговоритъ, что, дескать, генеральша такая-то отъ этого самаго куска взяла себѣ на платьѣ вчера, или въ газетахъ, молъ, писано, что такая-то княгиня была у графа такого-то на балу въ платьѣ—ни дать, ни взять изъ этой матеріи. А ужъ если и на этомъ не выѣхалъ, то самъ хозяинъ, который все это время стоитъ въ сторонѣ, подойдетъ и скажетъ. «Ты, братецъ, какъ я посмотрю, все не то показываешь, что ихней милости требуется. Возьми съ верхней полки-то подай.» А не то самъ возьметъ кусокъ, положить на прилавокъ, проведетъ по немъ рукой, приговаривая такъ степенно: «возьмите это, ручаюсь, что будете довольны.» Мало-ли у нихъ разныхъ штукекъ, которыми они поддускаютъ дурману покупателямъ. Какъ они наловчатся! Только покупатель въ двери, а онъ ужъ видитъ, какой ему товаръ подать и что сказать.

— Былъ я, Петръ Яковлевичъ, на какомъ-то дворѣ, гдѣ за столами мужики сидятъ и ѣдятъ. Тамъ за мучными лавками. Что это такое?

— У насъ это называется *обжорный рядъ*, прохожіе тамъ всегда обѣдаютъ за три копейки или за пятакъ, кормятъ-то незавидно. Волховъ близко, вода, значить, даровая: а изъ харчу что Богъ послалъ, не осуди: не то, что у насъ; а народу много ходитъ. Кажется, не дорого берешь и за обѣдъ, двугривенный всего; за то говядины или чего друго́го ѣшь вдоволь, сколько душа потребуетъ; а все таскаются туда. Мамонъ-то у нихъ какой-то не человѣческій! Все равно, что жерновъ; всякую дрянъ мелеть. Замѣтили вы тамъ башню?

— Видѣлъ, особеннаго ничего.

— Теперь ее переправили, подѣлали въ ней комнаты; прежде она была точь въ точь колокольня. Говаривали дѣды, что на ней вѣчевой колоколъ висѣлъ; а дворъ-то, гдѣ *обжорный рядъ*, Ярославовымъ назывался, вѣче на немъ собиралось.

— Не помню я только хорошенько теперь, а читалъ гдѣ-то,

что вѣче не тамъ было, какъ вы говорите, а въ другомъ мѣстѣ, кажется на улицѣ Рогатицѣ.

— Пишутъ всячину люди на досугѣ, вѣры-то имъ только дать нельзя: хитрятъ очень. Вѣче было на Ярославовомъ дворѣ, но крайней мѣрѣ всѣ здѣшніе старожилы утверждали единогласно. Ярославовъ дворъ былъ у Никольскаго собора, оттого онъ въ книгахъ пишется Дворижскій-Никольскій соборъ. *Во синодсари* писано, что явленный образъ Николы былъ принесенъ на Ярославовъ дворъ и церковь во имя Николы была тамъ поставлена тогда же. И какое вѣче на Рогатицѣ? ему тамъ негда было и быть, никакой площади не было; тамъ только жили богатые посадскіе люди, объ этомъ я много читалъ въ старинныхъ рукописныхъ лѣтописяхъ.

— Вотъ, поди, вѣрь имъ послѣ этого!

— Я такъ думаю, намъ съ вами, Владиміръ Николаевичъ, и разсуждать объ этомъ нечего: пусть тамъ ученые судятъ объ этомъ на досугѣ. Мнѣ сдается, вы больше любите говорить о житейскомъ. Вѣдь вотъ скоро ярмарка у насъ будетъ. Вы, я думаю, и сами знаете объ этомъ, сказалъ хозяинъ и пристально поглядѣлъ на меня, какъ будто хотѣлъ прочесть что-то въ глазахъ моихъ.

— Слышалъ я, Петръ Яковлевичъ, что у васъ скоро ярмарка начнется. Видно и балаганы для этого строятся тамъ, внизу на площади, лѣсу много что-то навезено.

— Какъ же-съ. Отъ думы къ штабу балаганы-то выстроить въ два ряда глаголемъ. Вы, сдается мнѣ, на ярмарку сюда прѣѣхали?

— Посмотрѣть не мѣшаетъ.

— Вы извините меня, я вамъ откровенно скажу; вотъ цѣлый день сегодня дожидаю вашихъ товаровъ. Сознаться, Владиміръ Николаевичъ, вы прибыли сюда торговать?

— Съ чего вы это, Петръ Яковлевичъ, взяли?

— Вамъ не зачѣмъ больше сюда прѣѣхать. Стали бы съ доброй воли ходить по рынкамъ, да по лавкамъ, присматриваться къ здѣшной торговлѣ и такъ распрашивать. Я даже смеаю, какимъ товаромъ-то вы занимаетесь.

— А какимъ? спросилъ я хозяина, и улыбнулся; я не могъ утерять, чтобы не разсмѣяться, — заблужденіе хозяина меня забавляло.

— Известно, краснымъ товаромъ, отвѣтилъ самодовольно хозяинъ.

— Будто бы?!

— Да ужь непреѣнно такъ.. По вашему разговору замѣтно: что вамъ ни говоришь, а вы все на красный товаръ свернете.

— Торговлей, Петръ Яковлевичъ, я не занимаюсь.

— Подно вамъ, Владиміръ Николаевичъ, хитрить-то; меня не проведете, человекъ я бывалый. Конечно, въ секретѣ дѣло держать, пока не откроется ярмарка, у насъ необходимо. Здѣшніе торговцы какъ пронохаютъ, что есть прѣзжія, которому балаганъ нуженъ, сей-часъ пойдутъ на перебой, известно дѣло изъ-за слазу, чтобы магарычи получить. Меня вы не опасайтесь; никому не скажу.

— Вѣрное слово, Петръ Яковлевичъ, я не торговать сюда прѣхалъ, а такъ, къ дѣламъ присмотрѣться, можетъ быть займусь торговлей, но не теперь.

Хозяинъ посмотрѣлъ на меня пристально и задумался.

— Мудренныя нынче времена пришли! заговорилъ хозяинъ, какъ бы самъ съ собою, послѣ небольшой паузы. Вотъ поди и догадайся. Бываетъ, что наѣзжаютъ господа городъ посмотреть, да описаніе ему сдѣлать, тѣхъ сей-часъ и узнаешь, пойдутъ спрашивать, что и когда было, гдѣ жила Марса Посадница и прочее такое, церкви пойдутъ мѣрять, да списывать... Такихъ, чтобъ по рынкамъ ходили, не видалъ... И что тамъ взять?...

— Вы меня не считаете-ли изъ числа такихъ господъ?

— Богъ васъ знаетъ! На хозяина вы больше похожи, а что тамъ у васъ на душѣ — не видно, сказалъ хозяинъ, поблагодарилъ меня за угощеніе и ушелъ.

Непріятно мнѣ было, что хозяинъ началъ во мнѣ сомнѣваться, не легко мнѣ послѣ этого было выпытать отъ него, что нужно, но дѣлать было нечего. Съ горя я легъ спать.

IV.

Видъ съ моста:—часовня; крѣпость; соборы; мѣсто для памятника; садъ; гостинница.—Новый знакомый.—Домашній бытъ купцовъ; церемонное обращеніе съ гостями.—Разговоръ послѣ всенощной.

На другой день звонъ къ заутрени опять разбудилъ меня; хозяинъ подаль мнѣ самоваръ, но чаю пить не остался; онъ

лукъ—то дичился и поглядывалъ на меня, искоса съ недовѣрчивостью. Часа два просидѣлъ я дома и пошолъ одинъ болтаться во городу.

Направился я въ крѣпость; но по срединѣ моста невольно остановился, видъ былъ хорошъ. Погода была тихая и ясная, Волховъ былъ гладокъ, какъ подъ стекломъ — и тихо катился водъ мостъ,—прямо противъ меня ярко свѣтились на солнцѣ золоченныя главы Юрьева монастыря, дальше за нимъ синюю горою сливалось съ горизонтомъ озеро Ильмень,—противъ Юрьева монастыря красовалось въ густой зелени Городище, Рюрика резиденція,—отъ Городища тянулась зеленая равнина, которой и конца не было видно. У самаго моста *ходилъ рыбакъ по мережамъ*, — въ легкомъ челнѣ онъ медленно надвигался, держась за веревку, перекинутую поперекъ Волхова, и вытаскивалъ изъ воды мережи, привязанныя къ той же веревкѣ, за которую держался самъ. Онъ медленно вытряхивалъ изъ мережи рыбу въ челнъ и снова опускалъ мережу въ воду.

Долго стоялъ я на мосту и смотрѣлъ на рыбака, пока тотъ не уѣхалъ. Стоять мнѣ было хорошо, никто не мѣшалъ мнѣ; народу на мосту почти совсѣмъ не было.

Въ концѣ моста, близъ крѣпости, возвышалась часовня; я вошелъ въ часовню. По самой срединѣ часовни плотно къ стѣнѣ придѣланъ огромный крестъ, каменный или деревянный, ужъ араво не знаю; подъ масляной краской, которой онъ раскрашенъ, рассмотреть было трудно. Стѣны часовни всѣ украшены образами, у креста и многихъ образовъ были привѣшены пелены и ленты, шитыя шелками и гарусомъ; большія паникадила были уставлены высокими свѣчами, рѣдкій прохожій не подавалъ въ часовню на свѣчу, многіе заходили въ часовню и усердно молились. По часовнѣ расхаживалъ монахъ, ставилъ и направлялъ свѣчи.

Помолившись въ часовнѣ, я пошолъ въ крѣпость. При входѣ въ крѣпость, на правой сторонѣ у самой стѣны красовалась старинная колокольня; отъ нея, вдоль площади, тянулся теплый соборъ и заслонялъ собою холодный соборъ такъ, что его всего надо было пройти, чтобы увидать холодный соборъ, который очень огроменъ съ виду, но не отличается изяществомъ архитектуры. Отъ холоднаго собора угломъ выступаетъ на площадь архіерейскій домъ, — въ два этажа; противъ собора, по другую сторону дороги, тянется почти во всю длину крѣпости

безобразное двухэтажное зданіе присутственныхъ мѣстъ. Діагональ площади между соборами и присутственными мѣстами едва-ли будетъ въ триста саженой и на этой-то площади хотять поставить памятникъ тысячелѣтію Россіи. Будеть-ли оны имѣть какой-нибудь видъ — не знаю. На мѣстѣ памятника устроены временныя, деревянныя зданія и огорожены заборомъ; у воротъ прибита доска съ надписью: «входъ воспрещается», значить безпокоиться нечего идти смотрѣть. Говорять, будто бы, когда копали ровъ для фундамента памятника, нашли дубовую плотину, шедшую перпендикулярно отъ Волхова во всю крѣпость. Жаль, что остановились только на мѣстности, нужной для памятника и не продолжили дальше розысканій!

Изъ крѣпости прошолъ я въ садъ, который скорѣе походитъ на большой огородъ, случайно заросшій большими деревьями. Это длинный и узкій паркъ съ двумя широкими дорожками по краю и по срединѣ. Садъ отъ крѣпости отдѣляется глубокимъ рвомъ; поломанные остатки шлюзовъ подають поводъ думать, что ровъ этотъ когда-то наполнялся водою. Въ саду на самомъ берегу Волхова есть возвышенное мѣсто, откуда открывается красивый видъ на Новгородъ и его окрестности.

Въ двѣнадцать часовъ отправился я завтракать въ гостиницу противъ гостиннаго двора. Боже! что за прислуга въ этой гостинницѣ! вялая, заспанная, нечосаная! Противно смотрѣть на нихъ, хоть и всего ихъ только двое. Дожидаться завтрака часъ, а обѣда два часа—у нихъ казенное положеніе. Чтобы какъ-нибудь убить время до завтрака, я велѣлъ подать «Пчелку»; но почитать мнѣ не удалось. Только-что я усѣлся уютно на диванѣ и закурилъ сигару, въ комнату вошелъ старичокъ очень прилично одѣтый и съ такимъ добрымъ и откровеннымъ выраженьемъ въ лицѣ, что я невольно заговорилъ съ нимъ.

— Хоть сегодня судьба сжалилась надо мной,— послала мнѣ собесѣдника; а то вѣдь здѣсь умереть можно отъ скуки, пока дожидаетъ завтрака,—сказалъ я старичку.

— Жалуются всѣ на нерасторопность здѣшней прислуги; я каждый день прихожу сюда читать «Пчелку» и постоянно слышу эти жалобы, отвѣтилъ онъ.

— Значить, вы совершенно свободны теперь?

— Свободенъ.

— Какъ я радъ этому! Позвольте вамъ предложить — позавтракать со мною вмѣстѣ.

Старичокъ принялъ мое предложеніе.

— Неужели вы каждый день ходите сюда читать «Пчелку»?— спросилъ я старичка, когда тотъ усѣлся противъ меня въ кресло.

— Привычка такая сдѣлана у меня. Человѣкъ я безсемейный, дома одному скучно; утромъ здѣсь выйти некуда, кромѣ трактира, вотъ и хожу сюда,—спрошу рюмку водки, «Пчелку», и сижу да читаю. Ко мнѣ здѣсь такъ привыкли,—только я войду,—мнѣ ужъ и подаютъ водку и «Пчелку».

— Мнѣ кажется, на домъ выписывать газету вамъ было бы выгодно.

— Конечно, больше переплатишь здѣсь, чѣмъ стоитъ газета за годъ. Привычка, главное, сдѣлана, такъ и потягиваетъ сюда. Кромѣ того, здѣсь встрѣтишь кого-нибудь, поговоришь, узнаешь новое; здѣсь бывають прїѣзжіе съ разныхъ сторонъ. О выгодѣ-то я не хлопочу: состояньице у меня порядочное.

— Должно быть, торговлей занимаетесь?

— Не то, чтобы торговлей занимаюсь я, а похоже: съ торговыми людьми дѣла веду.

— По части кредита.

— Угадали.

А! подумалъ я, такихъ-то мнѣ и надо!

— Я самъ тоже по торговой части занимаюсь, отвѣтилъ я.— Конечно, съ моей стороны было не совсѣмъ добросовѣстно лгать передъ незнакомымъ человѣкомъ; но что же станешь дѣлать, когда я собственнымъ опытомъ убѣдился, что у насъ на Руси отъ туристовъ бѣгаютъ, какъ отъ извы! Притомъ же я замѣтилъ, что къ торговымъ людямъ больше имѣють довѣрія, чѣмъ къ кому другому; имъ рассказываютъ все въ полной надеждѣ, — они примутъ къ свѣденію, что нужно, а лишняго никому не разболтають. Про нашего же брата всякій знаетъ, что если мы увидимъ и услышимъ что, то непременно разбрасываемъ на весь свѣтъ; а на Руси, надо признаться, не любятъ, чтобы соръ выносили изъ избы, хоть и мы не про сплетни пишемъ, а про дѣло, необходимое при изученіи нашего края.

— На ярмарку къ намъ изволили пожаловать? спросилъ меня старичокъ.

— Да-съ, я прїѣхалъ сюда вообще присмотрѣться къ здѣшнимъ порядкамъ, чтобы современемъ, — если представится случай,—завести здѣсь дѣла.

— Хорошаго немного вы здѣсь найдете.

— На ярмарку, я думаю, сюда бываетъ большой съѣздъ?

— Простого народа тысячъ до двухъ, пожалуй, наберется, особенно теперь—съ волей-то они не знаютъ что и дѣлать, болтаться рады, а дворянства и купечества очень мало.

— А съ товарами пріѣзжихъ купцовъ развѣ мало бываетъ?

— Очень мало. Въ торговомъ отношеніи здѣшняя ярмарка не имѣетъ значенія никакого; если бы еще наша губернія была въ центрѣ Россіи или бы пограничной, а то здѣсь нѣтъ даже никакой производительности, ни фабрикъ, ни заводовъ. Она—ярмарка-то, учреждена больше для простого народа, который собирается сюда по случаю праздника угоднику Варлааму Хутыньскому и крестнаго хода.

— Значить, на хорошіи сбытъ товара рассчитывать здѣсь нечего.

— Рѣшительно нельзя. Больше всѣхъ пользуются ярмаркой здѣшніе купцы, они сбываютъ свой залежавшійся товаръ. Простой народъ кидается на пріѣзжихъ, въ надеждѣ получить товаръ посвѣжѣе. Здѣшніе же купцы большею частію сами перебираются въ балаганы, посадятъ въ балаганы торговать незнакомыхъ покупателямъ прикащиковъ, и выдаютъ ихъ за пріѣзжихъ.

— Вотъ что.

— Вы, должно быть, изъ Петербурга?

— Почему вы такъ думаете?

— Оно какъ-то замѣтно. Небольшое, кажется, и разстояніе между Новгородомъ и Петербургомъ, а между купечествомъ большая разница, сей-часъ видно петербургскаго.

— Въ чемъ вы находите разницу, между купечествомъ вашимъ и петербургскимъ?

— Во всемъ: въ образѣ жизни, въ пріемахъ по торговлѣ, во взглядахъ даже на предметы. Разница, скажу вамъ, большая. Въ порядочномъ здѣшнемъ купеческомъ домѣ такой этикетъ, что и при испанскомъ дворѣ такого не бываетъ. Не зная всѣхъ экивогъ нашего этикета, какъ разъ разыграешь передъ ними дурака.

— Расскажите, сдѣлайте милость, про обычай здѣшнихъ купцовъ, это мнѣ необходимо знать: можетъ быть, мнѣ съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ придется имѣть дѣло.

— Конечно, знать ихъ обычай вамъ не мѣшаетъ, только вотъ бѣда въ чемъ, рассказывать-то я не мастеръ; не знаю, право,

съ чего вамъ и начать рассказывать? Съ будничной-ли ихъ жизни, или съ праздничной? Конечно, не во всякомъ домѣ ведутся одинаковые порядки; есть между ними закоренѣлые приверженцы старины, которые ни на шагъ не отступаютъ отъ старинныхъ обычаевъ; а есть и прогрессисты, которые уже понемногу оставляютъ старые обычая и вводятъ новые, но очень осторожно, чтобы не обидѣть стариковъ.

— Вы ужь, пожалуйста, расскажите про закоренѣлыхъ-то.

— Хорошо-съ. Вотъ видите-ли, старики эти всегда носятъ волосы и бороды по-русски, ходятъ въ длинныхъ сюртукахъ, изъ дорогого сукна, подъ сюртуками носятъ жилеты и брюки, темнаго цвѣта, послѣдніе всегда синяго. Манишекъ и воротничковъ не носятъ, сорочки ситцевыя, которыя всегда выпускаютъ изъ-подъ жилета на брюки, и по сорочкѣ надѣваютъ маленькій поясъ, сапоги съ длинными голенищами козловые, или смазные даже. Въ баню каждую недѣлю ходятъ по субботамъ; а на большіе праздники особо, не въ зачотъ субботы. Жены ихъ ходятъ въ платочкахъ, искусно повязанныхъ на головѣ, бантикъ платочка всегда приходится надо лбомъ, и закалывается булавкой съ брилліантами, или съ другимъ какимъ дорогимъ камнемъ, по нѣскольку нитокъ крупнаго жемчугу носятъ на шеѣ. Платья шьютъ изъ дорогой шолковой матеріи, такой прочной и тяжелой, что ее трудно и согнуть и всегда темнаго цвѣта. Одѣваться пышно имъ нѣтъ надобности, онѣ ужь такъ умѣютъ воспитать себя, что съ каждымъ годомъ дѣлаются все шире въ объемѣ; сарафановъ, шубъ, бурнусовъ, у нихъ по нѣскольку для разныхъ выходовъ. Гардеробъ у нихъ такъ великъ, что другому платью во весь годъ не придется украсить особы своей владѣтельница, и распределяется по святцамъ: смотря по важности праздника и нарядъ ихъ бываетъ торжественнѣе. Дома по буднямъ ходятъ онѣ въ ситцевыхъ платьяхъ. Молодые купчихи носятъ и шляпки, и даже лѣтомъ бережевыя платья, только непременно дорогія; на гардеробъ и косметическія средства женщины тратятъ пронасть денегъ. Комнатная прислуга всегда у нихъ женская. Кухарка, знающая страпать пироги и кулебяки всѣхъ сортовъ и видовъ, щи, разные супы, жарить поросятъ, гусей, и утокъ, домашнихъ индѣекъ, варить разнаго сорта кисели, приготавливать рыбу на разные манеры, считается лучше всякаго поваря, къ которымъ они не питаютъ расположенія, а поварскія блюда не уважаютъ и предпочитаютъ имъ простыя. Прислуги

держатъ немного: кухарку, двухъ комнатныхъ дѣвушекъ, всегда дальнихъ, бѣдныхъ родственницъ, которыя подаютъ чай и служатъ при столѣ, когда бываютъ гости. Сидѣльцы употребляются только на посылки, да еще въ прихожихъ, принимать отъ гостей салопы и шинели. Лошадей больше двухъ не держатъ, и ѣздятъ на дрожжахъ въ одиночку. Развѣ только на богомолье подальше ѣздятъ въ коляскѣ, и то въ какой-нибудь старинной, купленной по случаю. Вотъ вамъ и вся обстановка, среди которой живутъ здѣшніе купцы.

— Вы далеко еще не совсѣмъ удовлетворили моему любопытству.

— А вамъ хочется знать всю подноготную. Рассказать-то мудрено; вотъ какъ сами поближе познакомитесь съ ними, тогда лучше узнаете.

— Вы мнѣ только сообщили про вѣшній видъ ихъ; а про жизнь-то мнѣ ничего не рассказали.

— Въ жизни ихъ интереснаго очень много; мнѣ самому по началу было чрезвычайно трудно привыкать къ ихъ порядкамъ.

— Сдѣлайте милость, расскажите что-нибудь.

— Такъ и быть, извольте, еще что-нибудь расскажу. Комнаты у нихъ такъ довольно въ квартирахъ, прикащиковъ и сидѣльцовъ стараются помѣщать совершенно отдѣльно отъ своихъ комнатъ, но за поведеніемъ ихъ строго наблюдаютъ: безъ спросу никто не смѣетъ отлучиться, особенно въ позднюю, ночную пору. Такъ теперь ужь станемъ говорить про комнаты. Спальня всегда гдѣ-нибудь въ уголку и небольшая, подлѣ спальни небольшая комнатка, гдѣ обѣдаютъ и пьютъ чай, ну и гостей принимаютъ, или очень коротко знакомыхъ, или попроще. Потомъ уже идутъ гостинныя комнаты. Залю большое, мебель легкая, столы и стулья всегда разставлены чинно около стѣнъ; въ гостинныхъ, которыхъ бываетъ двѣ и три, мебель также чинно разставлена по стѣнамъ, только передъ однимъ большимъ диваномъ позволяетъ стоять столу и по обѣмъ его сторонамъ по три кресла въ рядъ, мебель большей частью красного дерева съ мягкими подушками. Ходовъ въ комнаты два, парадный и черезъ кухню, парадный всегда запертъ и отпирается только почетнымъ гостямъ. Чистотѣ надо честь отдать, вымыто и вычищено все такъ, что блеститъ. Въ каждой комнатѣ въ двухъ углахъ по большому образу, передъ которыми всегда горятъ лампадки, деревяннымъ маслицомъ пахнетъ, и силь-

но; но они привыкли къ этому. Встаютъ они утромъ рано, въ пять часовъ непремѣнно, помоются и начнутъ молиться Богу; молятся долго и усердно, всѣхъ святыхъ, какихъ у кого есть образа, вспомнать на молитвѣ. Бываетъ у другого образа четыре Божіей Матери, онъ такъ и вспоминаетъ на молитвѣ: Мать Пресвятая Богородица казанская, знаменская, владимірская, помилуй меня. Потомъ онъ обойдетъ всѣ комнаты и помолится у всѣхъ образовъ. Послѣ садится гдѣ-нибудь въ уголку съ женой къ самовару и пьетъ чай, всегда хорошій, въ прикуску, безъ хлѣба, изъ обыкновенныхъ чашекъ и пьетъ не много. За чаемъ начинается всегда разговоръ съ того, какому сегодня святому, — они между собою на *вы*, даже и бранятся такъ. Перебираютъ всѣхъ своихъ умершихъ родственниковъ, и если кому окажется память, то посылаютъ въ церковь денегъ и поминанье, чтобы поманули. Рассказываютъ другъ другу, кто какой сонъ видѣлъ и толкуютъ ихъ значеніе. Въ это время, если есть взрослые сыновья, являются поздравлять съ добрымъ утромъ, пьютъ вмѣстѣ чай; но ведутъ себя такъ чинно, точно въ церкви. Дочери пользуются правомъ спать сколько имъ угодно. Послѣ чая хозяинъ уходитъ по своимъ дѣламъ и пьетъ снова чай въ лавкѣ или трактирѣ съ пріятелями, разъ пять до обѣда. Хозяйка, оставшись дома, принимаетъ разныхъ старухъ, которыя приносятъ сплетни со всего города, кофейникъ постоянно является на столѣ для угощенія болтливыхъ кумушекъ. Въ кухнѣ съ пяти часовъ утра затопляютъ русскую печь и начинается стряпня. Въ пятницу сама хозяйка отправляется на рынокъ закупать яйца, живность и прочіе припасы къ столу. Въ двадцать часовъ является хозяинъ домой обѣдать; покушавши плотно, — въ этомъ имъ падо честь отдать, поѣсть любятъ они хорошо, не жалѣютъ денегъ для лакомаго куска, — хозяинъ ложится спать по русскому обычаю часика на два; потомъ сходитъ въ лавку и въ четыре идетъ пить чай; въ восемь ужинаютъ; ужинъ у нихъ тотъ же обѣдъ со всеми кулебяками, похлебками и киселями. Такъ проходятъ у нихъ будни. Изъ своихъ родныхъ или знакомыхъ по буднямъ никто другъ къ другу не заглядываетъ, развѣ по какому-нибудь чрезвычайному случаю; у нихъ считается неприличнымъ ходить безъ приглашенія другъ къ другу, особенно побуднямъ запросто. Ну, вотъ и все!

— А про праздники-то? Вѣдь вы говорили, что все интересное-то въ праздничномъ угощеніи.

— Да я боюсь вамъ наскучить; рассказывать-то, какъ видите, я не мастеръ, слишкомъ сухи и вялы картины у меня выходить.

— Вы рассказываете... Позвольте узнать ваше имя?

— Лука Ильичъ!

— Мое, Владиміръ Николаевичъ—вы, Лука Ильичъ, рассказываете просто, прямо съ натуры, что имѣеть цѣну въ моихъ глазахъ: оно ручается за истину словъ вашихъ.

— Что все правда, въ томъ я готовъ принять присягу. Дѣлать съ вами видно, Владиміръ Николаевичъ, нечего, надо вамъ рассказать. Такъ вотъ, государь мой, въ праздники утромъ кушцы зимой встаютъ къ заутрени всегда, какъ бы не было рано, отправляются въ приходъ и сразу слушаютъ раннюю обѣдню и потомъ уже возвращаются домой, съѣдятъ по кусочку просфоры, которой каждому надѣлитъ приходскій священникъ, послѣ пьютъ чай и къ поздней обѣднѣ отправляются въ соборъ, разумѣется, купчихи въ тяжкихъ нарядахъ. Послѣ обѣдни они пообѣдаютъ; обѣдъ праздничный отличается особенными прибавленіями противъ будничнаго. Пирогъ съ сигомъ непременно подается за обѣдомъ каждый праздникъ. Потомъ послѣ обѣда соснутъ хорошенько радя труда бдѣннаго; а послѣ или сами отправляются въ гости, или къ себѣ принимаютъ гостей.

— Вотъ теперь-то вы, Лука Ильичъ, и дошли до самаго интереснаго мѣста; какъ хотите, а я отъ васъ не отстану, пока вы не расскажете про ихъ праздники.

— Ужь за это-то я не берусь; у нихъ столько тутъ разныхъ варіацій, что всѣхъ ни за-что не перескажешь. Развѣ потѣшить васъ; описать вамъ ихъ балъ, на которомъ я самъ присутствовалъ, только извините, если я вамъ нарисую его не такими яркими красками, какими бы слѣдовало; а какъ умѣю, расскажу.

— Рассказывайте, Бога ради, вы вѣдь отлично рассказываете.

— Ну, какъ умѣю. Были, вотъ видите-ли, именины одного богача изъ прогрессистовъ; былъ и я приглашенъ на чай; вотъ я и отправился въ осьмомъ часу, не удивляйтесь, что такъ рано: у насъ не по Петербургскому, если кто послѣ осьми часовъ явится, только что не скажутъ: «что ты это, сердешный! не съ ума ли спятилъ, что по ночамъ шляешься.» А взглядомъ такимъ одолжать, что останешься доволенъ. Такимъ манеромъ

явился я въ семь часовъ; гости уже были собравшись, всѣ нарядные такіе, что Боже упаси! Меня встрѣтилъ хозяинъ, подхватилъ подъ руку и повелъ въ гостиную, гдѣ сидѣли степенныя и почетныя особы. Не успѣлъ я устыться въ кресла, какъ явилась дѣвушка съ маленькимъ серебрянымъ подносомъ, на которомъ была большая рюмка хересу; она подошла ко мнѣ и поклонившись подала рюмку; хозяинъ тутъ же началъ просить откушать. Послѣ нея другая дѣвушка принесла мнѣ также съ поклономъ чашку кофе, прочіе гости уже напились кофе до меня. Черезъ нѣсколько времени на больномъ подносѣ понесла по всѣмъ гостямъ дѣвушка въ рюмкахъ хересь; гости отнѣкивались, хозяинъ упрасивалъ, и дѣлать было нечего, надобно было уступать неотступнымъ просьбамъ хозяина; за виномъ явился подносъ съ вареньями, и пошелъ странствовать по гостиной, съ той же церемоніей. Послѣ варенья явился нортвейнъ въ рюмкахъ; а за нимъ на подносѣ фрукты, и весь вечеръ такъ и шло въ пересыпку съ чаемъ и виномъ. Гости раздѣлились на группы, завязался живой разговоръ. Вокругъ одного толстаго, низенькаго кушца, съ краснымъ, точно изъ сукна, лицомъ, собралось человѣкъ пять.

— Я вамъ доложу, говорилъ купецъ, какъ-то не ловко, будто бы ротъ его былъ полонъ каши,—такого ужъ больше голосу не будетъ, какъ у покойнаго Климыча. Стоить онъ этакъ на крылосѣ между пѣвчими, да какъ прокатить этакъ октавой, (при этомъ самъ купецъ непременно зарычитъ) такъ *можно* сердце замираетъ; а по церкви-то гулы, гулы, будто кто ядра катаетъ.

— Да вѣдь у васъ, Сила Перфильчъ, у самихъ басъ отличный, вы весь хоръ покрываете, какъ свою октаву-то распустите, сказалъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Оно, конечно, отвѣтилъ самодовольно Сила Перфильчъ, у меня есть октава; но до Климыча далеко. Не забыть мнѣ, какъ разъ онъ меня чуть не задушилъ. Сидѣли мы съ нимъ дома у меня, признаться надо, выпили пупшика по два, сидѣли съ нимъ: «Тебе Бога хвалимъ,» да «Слава въ вышнихъ Богу», *михолькое*, а потомъ я и говорю: давай, Климычъ, кто возьметъ лучше: верхнее до? Изволь, сказалъ Климычъ, да какъ *рванется*, и оконницы задрожали; а я этакъ подхватилъ, да и перевысилъ его. Какъ хватить меня за горло Климычъ. «Какъ ты смѣлъ,

такой слякой! взять верхъ надо мной!» закричалъ, и ну душить... Жена еле-упросила его; а то бы задушилъ.

Я подошолъ къ другой кучкѣ. Здѣсь купецъ съ подстриженной бородой съ просѣдью, ласковымъ, заискивающимъ голосомъ говорилъ:

— Богословіе, доложу вамъ, предметъ важный, душеспасительный; оно, дѣйствительно, вещь неиростая, съ разу его не раскусишь; это не каленый орѣхъ; но сладости за то сколько, когда придешь въ разумѣніе, тогда истинное наслажденіе.

«Ну, тутъ что-то мудрено толкуютъ,» подумалъ я, и подошолъ къ другимъ. Здѣсь тоже толковали о церковной службѣ, и о священникахъ. Вѣдь какъ послушаешь ихъ, то, право, подумаешь, что они истинные христіане, и кромѣ Бога ни о чемъ другомъ не думаютъ. А другой разъ какъ взглянешь на оборотную сторону медали, такъ... Что же я, въ самомъ дѣлѣ, такое заплелъ? Обратился лучше къ вечеру. Въ залѣ на фортепьяно игралъ таперъ и такая была стужотня, что я подумалъ, что тамъ горохъ молотятъ и пошолъ посмотрѣть. Съ какимъ усердіемъ выдѣлывали на молодые купцы въ визиткахъ! танцовали кадрили и какъ усердно! потъ градомъ лилъ съ лицъ ихъ, на которыхъ была написана одна только забота, чтобы отдѣлать фигуру, отчетливо, имъ не до разговоровъ было; кончивши фигуру, они только отпыхивались и утирали потъ; разговоръ не было никакихъ, развѣ какой-нибудь любезникъ записной умильно взглянетъ на свою даму, а та ему сладко улыбнется. «Здоровое занятіе,» подумалъ я, «моціонъ хорошій, поужинають исправно.» Да и стоило потрудиться для такого ужина, каковъ былъ тогда. Перемѣнъ семь, и все такое сытное, что поневолѣ нужно было запивать виномъ, лившимся, какъ рѣка.

— Ну, вотъ я какъ заболтался съ вами, сказалъ Лука Ильичъ, поглядывая на часы, чуть было обѣдать не опоздалъ.

— Отобѣдаемте со мной, Лука Ильичъ, этимъ вы доставите мнѣ большое удовольствіе, сказалъ я.

— Покорно васъ благодарю, я обѣдаю-съ сегодня у моего короткаго пріятеля. До свиданія-съ! Извините, если я что вамъ наболталъ лишнее, сказалъ Лука Ильичъ, и ушелъ.

Вечеромъ того же дня отправился я вмѣстѣ съ моимъ хозяиномъ ко всенощной въ приходъ, это нѣсколько примирило меня съ Ерофеевымъ; послѣ всенощной онъ былъ ко мнѣ ласковѣе и согласился даже напиться чайку вмѣстѣ.

— Богатая у васъ церковь, заговорилъ я съ хозяиномъ, иконостасъ весь въ золотѣ, по стѣнамъ живопись, на образахъ все оклады серебряные.

— Да-съ, храмъ Божій мы любимъ и всякій жертвуетъ, что можетъ, чтобы устроить благолѣпіе его.

— Во всѣхъ приходяхъ такъ у васъ хорошо?

— Въ нашемъ оно, конечно, побогаче и лучше; но и въ другихъ усердія тоже много. Священники, надо отдать имъ честь, другъ предъ другомъ стараются о благолѣшіи—къ каждому празднику стараются, чтобы что-нибудь новое сдѣлать, ризы-ли, въ иконостасѣ-ли что, или въ другомъ чемъ. Оно про котораго пройдетъ слава, что важное что-нибудь сдѣлалъ по церкви, къ тому и больше расположенія, такъ они и стараются. Съ своей стороны и купечество тоже заботится: увидятъ этакъ новый иконостасъ или ризы въ другой церкви, и въ своей стараются также сдѣлать. Или, ѣздить вѣдь они по разнымъ сторонамъ, по монастырямъ, всего видятъ, понравится имъ гдѣ кіота или рама съ рѣзбою на столбѣ, вотъ они пріѣдутъ домой и устроятъ такъ въ своей церкви. Или увидятъ, что въ церкви темновато, сей-часъ пробьютъ окна новыя; у насъ по церквамъ постоянная, скажу вамъ, передѣлка.

— Какже это у васъ дѣлается? Съ общаго согласія всего прихода?

— Гдѣ же тутъ всѣхъ спрашивать? Больше такъ дѣлается—вздумаетъ богатый купецъ на свои деньги поправку въ церкви, такъ спроситъ разрѣшенія у начальства и дѣлаетъ по своему, какъ вздумаетъ. Да и какое другимъ дѣло чужими деньгами распоряжаться? Другой-же купить и пришлетъ въ церковь, что найдетъ нужнымъ, вотъ хоть-бы ризы или сосуды. А вы видѣли за всенощной ризы-то, въ которыхъ служилъ священникъ?

— Хорошія ризы.

— Отмѣнные, доложу вамъ, парча кованая, рублей по десяти аршинъ. Онѣ сдѣланы изъ покрѣва; съ полгода назадъ тому умерла одна богатая купчиха; такъ изъ этой парчи былъ сдѣланъ покрѣвъ на гробъ ея, огромный, аршинъ до двѣнадцати одной парчи пошло, вотъ изъ него-то и сшиты ризы священнику и стихарь дячку. У насъ ужъ заведенъ такой обычай, если кто умираетъ изъ торговыхъ людей, непременно ужъ дѣлаютъ новый покрѣвъ изъ парчи, хоть аршинъ въ девять и не

дорогой; изъ послѣдняго, а ужь сдѣлають, чтобы не отстать отъ прочихъ людей. Изъ этихъ покрововъ и шьютъ ризницу.

— Такъ у васъ очень усердны прихожане къ церкви.

— Еще-бы? Все мы люди грѣшныя, мало-ли чего случается въ жизни; ну, и дѣлаешь приношеніе въ церковь, все во что-нибудь приметъ Богъ жертву, да и на душѣ-то успокойнѣе какъ-то бываетъ, когда сдѣлаешь приношеніе отъ трудовъ своихъ, все сколько-нибудь покроешь грѣховъ изъ своимъ безчисленныхъ согрѣшеній. А свѣчу у образа замѣгли гдѣ вы стояли?

— Какже, славная свѣча, полпуда, я думаю, будетъ.

— Это-съ моя свѣча, съ самодовольной улыбкой отвѣчалъ хозяинъ: порядокъ ужь такой у насъ заведенъ. Вотъ передъ храмовымъ праздникомъ священникъ со старостой разсылаетъ ко всемъ прихожанамъ, что позажиточнѣе, да поусернѣе къ церкви, обгорѣлыя мѣстныя свѣчи отъ образовъ; а тѣ и перемѣняютъ огарки на новыя свѣчи и дѣлають на свой счетъ какія придумаютъ. Кромѣ того, богатые купцы по завѣту посылають въ монастыри и соборы большія пудовыя свѣчи къ мощамъ или чудотворнымъ иконамъ отъ себя.

— Вотъ видите-ли, торговые люди у васъ набожные такіе, а въ торговлѣ не совсѣмъ чисто дѣла ведутъ. Я думаю, жертва, сдѣланная на деньги, приобрѣтенная неправдою, неприятна Богу.

Въ отвѣтъ хозяинъ посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ.

— Вы, Владиміръ Николаевичъ, заговорилъ хозяинъ, изволите смѣшивать вмѣстѣ двѣ вещи совершенно различныя. Жертва Богу дѣло святое, а торговля дѣло житейское, грѣшное; въ ней ужь безъ грѣха не обойдешься; безъ обману въ нынѣшнее время ничего и не наживешь, на правду барыша не возьмешь, а безъ барыша, сами знаете, не то что въ церковь пожертвовать что, и самому нечего ѣсть будетъ. Вотъ оттого и усердны торговые люди на приношенія, грѣха они боятся, душа все не спокойна, пока не заглядитъ грѣха какимъ-нибудь приношеніемъ, оттого у насъ и поминновенія, и сорокоусты, все молитвуютъ поставитъ Богъ во что-нибудь и отпустить безчисленныя прегрѣшенія наши.

— Вы меня немного не поняли, Петръ Яковлевичъ, я не противъ вашихъ приношеній говорю, а къ тому, что жертвы-то ваши не чисты; вы ихъ приносите на счетъ ближнихъ; онѣ и принадлежатъ не вамъ, а тому, на чей счетъ припослется.

— Я очень хорошо васъ понимаю, Владиміръ Николаевичъ. А труды-то наши вы ни во что не считаете? Вѣдь какая бы тамъ ни была, а выходитъ наша трудовая конѣйка. Чтоже касается торговли, то это ужъ дѣло такое, изъ моконъ вѣку такъ заведено. Не однимъ покупателямъ достается, и своему брату купцу такая честь. Хоть какіе ни на есть близкіе пріятели, а на счетъ обороту, извини—не прогнѣвайся, проведетъ одинъ другого да еще и поддразниваетъ: «Ты, молъ, молодець, а я еще вчуже тебѣ провелъ!»

— Какъ же они ссорятся, если случится дѣло не совсѣмъ чистое?

— Зачѣмъ же имъ ссориться? дѣло полюбовное выходитъ, либо бери, а нелюбо ступай къ другому, у другого вѣдь тоже. Если и случится, что другой попеняетъ, такъ и отвѣтитъ ему: «гдѣ у тебя, братецъ, глаза-то были?—развѣ ты не видѣлъ что бралъ, вѣдь я тебѣ давалъ товаръ-то не въ кулакъ зажавши.» И то сказать, винить ихъ много и нельзя, больше товаръ покупаютъ не изъ первыхъ рукъ; что, значить, достается, то и продаютъ. Вотъ если бы вы посмотрѣли, что дѣлаютъ хлѣбные торговцы, что изъ первыхъ рукъ берутъ!

У.

Начало ярмарки.—Народъ.—Разсказъ Брофеева.—Мои думы.—Звонъ большого колокола.—Крестный ходъ.—Часовня на дорогѣ; видъ съ дороги.—Разговоры въ толпѣ.—Нищіе.—Еще часовня.—Монастырь.—Балаганы и роцца; видъ по ту сторону Волхова.—Призывъ въ деревню.

Наканунѣ праздника преподобному Варлааму Хутынскому погода была, какъ называется здѣсь, *стренькая*, небо покрыто было сплошь сѣрыми густыми облаками и изрѣдка перепадалъ мелкій дождь; мнѣ не хотѣлось идти на улицу. Тамъ, не смотря на сырую погоду, народу было тѣма; толпами,—человѣкъ по двадцати мужиковъ и бабъ въ сѣрыхъ кафтанахъ и большею частію въ лаптяхъ,—валилъ народъ мимо моего окна, по самой срединѣ дороги съ шумомъ и крикомъ къ московской заставѣ; у всякаго за плечами была котомка, привязанная полотенцемъ или кушакомъ. Интересно было смотрѣть на это сборище деревенскаго народа, незнающаго вовсе городскихъ обычаевъ и недавняго даже города; это видно было потому, что они зѣвали по сторонамъ, толкали другъ друга или падали, засмотрѣвшись

на какую-нибудь размазанную вывѣску. Иной рослый парень, съ только-что пробивающейся бородой, отдѣлится отъ толпы, стоитъ и смотритъ тупымъ взоромъ на вывѣску, да почесываетъ известное мѣсто. Страшную суматоху производилъ печально появившійся экипажъ на улицѣ; только раздавался крикъ кучера, народъ бросался прочь съ дороги во всѣ стороны, не мало его и падало въ различныхъ живописныхъ позахъ. Бабы *орали* во всю глотку, особенно, когда видѣли въ другой толпѣ знакомыхъ, постоянно происходили обниманья и цѣлованья со встрѣчными. Многіе садились на тротуаръ и безъ церемоніи принимались ѣсть хлѣбъ съ зеленымъ лукомъ.

— Скажите, Бога ради, что это за народъ и куда онъ идетъ? спросилъ я хозяина, когда тотъ зашелъ ко мнѣ.

— Известно деревенскій, а идетъ онъ къ Варламію, съ пренебреженіемъ отвѣтилъ хозяинъ.

— Да откуда онъ?

— Изъ *Зальсцигъ* больше; посмотрите-ка гдѣ усѣлись лукъ ѣсты! Истинное невѣжество! понятія ни о чемъ не имѣютъ. Ну, прилично-ли сидѣть посреда улицы и ѣсты! А чтобы зайти на постоялый хоть дворъ, да какъ слѣдуетъ пообѣдать, такъ нѣтъ, гривенника жалко. Никакого толку нѣтъ отъ этого народа, смотреть все какъ бы на даровщину гдѣ-нибудь кваску напитокся; гроша въ городѣ не истратятъ.

— Зачѣмъ же они въ городъ идутъ?

— Да вотъ поди! Другому и дороги нѣтъ черезъ городъ идти, ближе было бы прямо пройти къ Варламію, такъ нѣтъ, тянется въ городъ; а вѣдь только поглазѣтъ идутъ; вѣрно дома дѣлать дѣла не хочется. Идутъ на богомолье, такъ и шли бы въ Хутынь, а не шлѣлись бы даромъ по городу. Вы бы сходили посмотреть, что на ярмаркѣ-то дѣлается теперь! сказалъ хозяинъ и ушелъ; что-то онъ очень былъ сердитъ.

Я пошелъ на ярмарку. Многіе балаганы, особенно съ посудой и красными товарами, были открыты; народу.... площадь была полна, яблоку упасть не было мѣста, шумъ страшный, особенно около балагановъ, бабы такъ голосили, что невозможно было стоять подлѣ; кушцы метались, какъ угарѣлые; у самой дороги, присѣвши на корточки, бабы вынимали изъ котомокъ холсты въ небольшихъ трубкахъ, нитки и *брашну*, и продавали. Около нихъ толпились мѣщане, салдаты и торговки. Тѣснота и духота были страшныя. Удивительное дѣло! какъ это

можно заразить воздухъ на улицѣ, что нельзя было ходить въ ней толпѣ? Поневоля́ надо было идти прочь. Я прошолъ на мостъ, который былъ тоже полонъ народа. Отъ лавокъ къ рѣкѣ движеніе было большое: мужики то и дѣло таскали на лодкахъ муку и ободья къ колесамъ, ободьевъ было вывалено на берегъ и на лодкахъ пропасть. Я видѣлъ, что въ этой суматохѣ и толкотнѣ никакого не добьешься толку, и вернулся домой.

Скажите, ради Бога, гдѣ этотъ народъ ночуетъ? Ему вѣдь надо большое помѣщеніе, спросилъ я хозяина.

Разумется кой-куда; они вѣдь не церемонны и на улицѣ ночуютъ. Больше половины уйдутъ на ночь въ Хутынь; а другіе выпросятся ночевать на двory въ ямскихъ слободахъ; другіе просто на площадяхъ останутся на всю ночь, чтобы завтра идти съ крестнымъ ходомъ въ Хутынь.

Далеко до Хутыня.

Верста девять будетъ, дорога прямая; пока не провели шоссе, эта дорога была столбовая въ Москву.

Рано отправится отсюда крестный ходъ завтра?

Часовъ около семи. Да вы не хотите-ли идти съ крестами?

Отчего не сходить? Я вообще люблю церковныя церемоніи и народныя праздники.

Если вамъ хочется отчего же не сходить, только неприятно съ этимъ народомъ идти; а въ церковь ужь не пробраться будетъ, еще съ утра въ нее натискаются столько, что не пробраться. Мы такъ въ первое воскресенье отправляемся всегда: черныи-то народъ поуберется, такъ и попросторитѣ и почище.

Почему именно въ пятницу празднуютъ Варлааму Хутыньскому?

И еще въ первую пятницу Петрова поста. По чудеси. Когда еще живъ былъ преподобный, было въ это время пропасть червей на поляхъ, вотъ и просилъ преподобнаго новгородскій святи́тель, тоже святой, помолиться Богу, чтобы онъ помиловалъ народъ и избавилъ бы отъ праведнаго наказанія. Варлаамъ отъи́чалъ ему: «вотъ я при́йду къ вамъ въ первую пятницу, заговѣвшись, на саняхъ въ городъ»; въ ночь на пятницу столько вывало сибгу, что можно было на саняхъ ѣхать, червь весь провалъ; а хлѣбу никакого вреда не было. Этому-то чудеси и положено праздновать. Въ первую пятницу, разговѣвшись, празднуютъ Антонію Римлянину, тоже бываетъ крестный ходъ въ Антоніевъ монастырь; но народу ужь меньше. Вараама Хутынь-

скаго народъ больше почитаетъ. Надо отдать справедливость народу, большое усердіе питаютъ къ Варлааму угоднику; изъ-далека по завѣту пѣшкомъ приходятъ, въ монастырь всячины несутъ, холста, кудели, нитокъ на свѣтильню—возы цѣлые несутъ.

Развѣ сами въ монастырѣ дѣдаютъ свѣчи?

Нѣтъ, свѣчи они покупаютъ. Ну, народъ этого не знаетъ и гдѣ ему знать? Притомъ же народъ безденежный, вотъ они несутъ, что есть у нихъ. Монастырь же все это продаетъ, куда ему дрянь такая? Если бы вы знали, Владиміръ Николаевичъ, какъ цѣнять эту дрянь мужики и бабы, подивились бы; принесетъ какая-нибудь баба *ворсть* льна и трубочку холста и думаетъ что и невѣсть какимъ сокровищемъ надѣдила. Куда какой глупый народъ этотъ!

Вы, Петръ Яковлевичъ, сильно вооружены что-то противъ бѣднаго,—простаго народа.

Напрасно вы, Владиміръ Николаевичъ, такъ думаете про меня, мнѣ не изъ-за чего противъ него вооружаться; дѣль я съ народомъ этимъ никакихъ не имѣю; развѣ только что на рынкѣ у него купишь когда, за что же вооружаться мнѣ-то? Богъ съ нимъ, какое мнѣ до него дѣло? Сказалъ я только къ слову, что онъ глупъ. Вѣдь это истинная правда, живетъ въ глуши, въ деревнѣ, отъ того и глупъ.

Какое страшное разъединеніе, думалъ я, когда остался одинъ въ своей комнатѣ. Тотъ же самый мужикъ, если удастся ему надѣть синюю сибирку, подстричь не много бороду и волоса и добыть денегъ, чтобы могъ промышлять въ городѣ какой-нибудь торговлишкой съ грѣхомъ пополамъ, вздернетъ носъ непременно передъ своимъ братомъ мужикомъ, смотритъ на него, какъ на рабочую скотину, и ему горя мало, и нѣтъ никакой заботы о горѣ и нуждѣ его брата, потому что этотъ несчастный живетъ въ деревнѣ и носить сѣрый кафтанъ и лапти. Мало этого, городской мѣщанинъ и купецъ еще пользуются нуждой мужика, чтобы нажить себѣ лишнюю копѣйку и совѣсть не мучить ихъ и они спокойны, ограбивши ближняго своего деликатнымъ образомъ, даже и за грѣхъ не считаютъ обманомъ выманить послѣднюю копѣйку отъ мужика, добытую кровавымъ потомъ несчастнаго, и его же винятъ, и его же ругаютъ. Отчего же это? Кто причиной такого превратнаго понятія людей объ отношеніяхъ къ ближнему и къ Богу?

Не страшно-ли дѣло! Люди, считающіе грѣхомъ—проспать заутреню, оскоромиться въ постный день, жертвующіе своимъ состояніемъ по монастырямъ и церквамъ, спокойно и безъ угрызенія совѣсти обманываютъ и даятъ своего брата, пользуясь его невѣжествомъ и безответственностью? Гдѣ же причина всему этому, гдѣ корень зла? Русь! Русь! Сколько ядовитыхъ ранъ разѣдаютъ твою могучую грудь! Народъ со всѣми задатками могущества и славы, народъ который не разъ доказалъ страшную свою силу всей образованной Европѣ, даже въ заблужденіяхъ котораго видно стремленіе къ жизни, требованіе чего-то разумнаго, однимъ словомъ народъ, который нисколько не растратилъ силъ своихъ, еще свѣжихъ и молодыхъ; а между тѣмъ цѣпенѣеть въ какой-то томительной дремотѣ и не ищетъ себѣ исхода изъ этой мертвой жизни, изъ этой нищеты и неблагодарнаго труда. И гдѣ та сила, которая могла бы разбудить его и указать ему тотъ славный путь, по которому пойдетъ же онъ когда нибудь въ немъ нѣтъ разѣдающихъ началъ, признаковъ близкаго паденія. Нѣтъ, это не мертвый народъ; а только погруженный въ детаргическій сонъ недоброю, хотя и могучею рукою!

На другой день я проснулся рано утромъ. Звонъ большого Софійскаго колокола раздавался по всему городу. Никогда я не слышалъ такого чуждаго звука. Стонъ и слезы были его звуки: ничего рѣзкаго, ничего мѣднаго и грубаго не было въ этихъ густыхъ, тихихъ, гармоническихъ звукахъ; изрѣдка слышались какіе-то дребезжащія звуки; но это не были звуки разбитаго колокола; это скорѣе были слезы, на минуту прерывающія скорбную, плавленную рѣчь старика, еще могучаго, вѣщающаго о своемъ горѣ друзьямъ своимъ! Долго слушалъ я съ наслаженіемъ этотъ звонъ; но вотъ онъ замолкъ; а въ воздухѣ еще носились какіе-то замирающіе стоны. Зазвонили въ другой колоколъ и все очарованіе исчезло; это уже были мѣдныя звуки, непріятно поражающіе ухо. Звонъ въ разное колокола попеременно продолжался нѣсколько времени, потомъ затрезвонили.

Идетъ крестный ходъ, сказалъ мнѣ хозяинъ.

Я спросилъ хозяина прибрать мои вещи и, взявши дорожную свою сумку, вышелъ на улицу. Крестный ходъ приближался прямо ко мнѣ. Впереді несь, какъ атлетъ, здоровый, рослый крестьянинъ, огромный старинный фанаръ изъ слюды, потомъ дяконъ большой крестъ; за нимъ рядъ хоругвей и образовъ, за образами шло духовенство и за архимандритомъ, замыкавшимъ

рядъ духовенства, двигалась сплошная масса народа во всю лицу, до тысячи человекъ; я присоединился къ народу. Крестный ходъ направился къ московской заставѣ, къ тому концу города, съ котораго я въѣхалъ. Вотъ мы подошли къ валу; у самаго вала справа, точно будто вросла въ него небольшая часовня, ярко мелькали въ ней огоньки восковыхъ свѣчъ, у порога стояла монахиня съ блюдомъ въ рукахъ и кланялась. Народъ молился на часовню, на блюдо сыпались мелкія мѣдныя деньги. Вотъ мы прошли поворотъ шоссе на-право къ Бронницѣ и шли все прямо на сѣверъ. Въ концѣ Никольской слободы опять на лѣвой сторонѣ дороги встрѣтилась намъ еще часовня.

На самой дорогѣ, съ боку, былъ выставленъ на налоѣ образъ преподобнаго Антонія Римлянина, рядомъ съ нимъ на табуретѣ было выставлено блюдо; а съ боку стоялъ монахъ и кланялся. Народъ молился усердно на образъ; а мѣдныя деньги сыпались на блюдо щедро. Еще прошли мы десятка два старыхъ, покривившихся домовъ по обѣимъ сторонамъ дороги и вышли на равнину. Слѣва въ верстѣ видѣлся Антоніевъ монастырь, отъ него верстахъ въ трехъ Деревяницкій монастырь, а широкою полосою сверкалъ Волховъ. Справа видѣнъ былъ малый Волховецъ, за нимъ двѣ-три деревни, мыза Сперанскаго съ почернѣлой башней и выглядывалъ изъ за лѣсу своими верхами Саввинъ монастырь. Впереди на горѣ красовался Хутынь, монастырь, утопающій въ роскошной зелени. Справа мы шли между полями, потомъ спустились на низменную мѣстность, заросшую мелкимъ кустарникомъ, точно отрастающая борода отставнаго солдата, такой былъ противный видъ. Народъ, сопровождающій крестный ходъ, былъ почти все простой—деревенскій; изъ горожанъ почти никого не было; вертѣлся только около архимандрита чиновникъ въ мундирѣ, съ своей невзрачной шпажкой. Онъ поворачивался во всѣ стороны и корчилъ рожу, стараясь выказать всѣмъ, что онъ присутствуетъ здѣсь не изъ усердія, а по обязанности. Между народомъ велись разговоры, я сталъ прислушиваться.

По завѣту, родная, по завѣту, голосила баба, стараясь покрыть крикъ ребенка, ревѣвшаго у ней на рукахъ. Вотъ по-притчилось что то мальчишкѣ, съ глазу, что-ли, Богъ его вѣдаетъ, все *ревмя реветъ* пуповина большая такая стала, ни днемъ, ни ночью *отдуху* нѣтъ; а ты откуль желанная?

Съ Тесова голубушка, такъ и направилась по монастырямъ

идить, да Богу помолиться; свекровь *поддомъ ѡстѣ*, житья мнѣ не стало, мужъ гулять началъ, такъ думаю не будетъ-ли мнѣ благодати.

Изъ нашего званья тоже былъ, говорилъ съдой мужикъ другому помоложе, и въ лѣсъ тоже ходилъ лыки драть и лапти самъ плести. Вотъ смотри какой чести сподобился за святое жите свое!

Господи Иисусе Христе, помилуй насъ грѣшныхъ! говорилъ мужикъ и крестился большимъ крестомъ, слушая своего соседа.

Ума не приложу, возвышался вдругъ подлѣ меня женскій, рѣзкій голосъ, съ чего бы могло приключиться такое горе! Подкатить этакъ подъ груди и такъ сердце захватить, что по полу кататься начнешь. Вѣрно, злой человекъ извелъ! Есть вѣдь *сороковъ*-то на бѣломъ свѣтѣ!

Ближе къ Хутыню опять пошли поля, засѣянные хлѣбомъ; монастырскій звонъ уже доносился къ намъ, въ дали видѣлась часовня на поворотѣ къ монастырю; но до монастыря было версты три.

Вотъ видишь тамъ, впереди-то бѣлѣтъ часовня, раздался мужской голосъ позади меня, я обернулся назадъ. За мною шолъ высокій, черный мужикъ, перекинувъ кафтанъ свой черезъ плечо, и рассказывалъ молодому парню:

Такъ до этой часовни вплоть гналъ огонь Грознаго Ивана царя.

— За что же его онъ гналъ-то? спрашивалъ парень.

— А вотъ видишь-ли, продолжалъ черный мужикъ. Грозный-то Иванъ царь пришолъ въ церковь и сталъ желѣзной долбней тыкать въ то мѣсто, гдѣ святой-то лежитъ, а святой-то подъ спудомъ поконится; а изъ земли-то огонь вышелъ и *почалъ* царя жечь; а царь испужался, долбню изъ рукъ выронилъ—и теперь та долбня къ стѣнѣ придѣлана въ церкви—и побѣжалъ; а огонь-то его все гналъ, да гналъ и догналъ до этого мѣста и часовню тутъ царь поставилъ.

Потянулись по сторонамъ дороги нищіе въ рядъ, пѣвшіе въ кость съ визгомъ про Лазаря, Алексѣя Божьяго человека и Николау Чудотворца, народъ клалъ на деревянные блюда деньги. Отъ пѣнья нищихъ шумъ въ толпѣ еще болѣе увеличился, да же трудно стало разбирать, что говорилось вокругъ.

Вотъ мы дошли до часовни, насъ встрѣтилъ здѣсь крестный

хоть изъ монастыря еще съ большею толпою народа, сдѣлалось тѣсно, даже давка на улицѣ. Въ воротахъ монастырскихъ невозможно и вообразить, что было! Не одинъ, я думаю, околѣченный человѣкъ вышелъ изъ этой давки. Съ часъ почти проходила толпа монастырскія ворота. Когда я вошелъ въ монастырь, онъ полонъ былъ народа, въ церковь пробѣжаться не было никакой возможности, на монастырѣ чинно и усердно молился народъ, хотя службы вовсе не было слышно; доносились только завыванья нищихъ за воротами монастыря. Около церкви продавались свѣчи и какой расхоть былъ на свѣчи! Боже ты мой! Постоянно пучками передавали въ церковь свѣчи, покалачивая по головамъ переднихъ, а тѣ слѣдующихъ и такимъ образомъ свѣчи переносились въ самую церковь.

Но вотъ кончилась служба; архіерей, со *славой*, въ сопровожденіи духовенства и почетныхъ посѣтителей прошель въ свои кельи. Но въ церкви тѣснота не уменьшалась, одна толпа выходила, другая входила, въ церкви служили молебны и это продолжалось до вечера.

За монастыремъ, на площади были устроены балаганы, большею частію изъ парусины; тамъ толпился народъ, пили чай, водку, закусывали. Порой слышна была разгульная русская пѣсня и окрипъ шарманки. Русское крѣпкое слово постоянно неприятно поражало ухо. И это все было рядомъ со святыней, въ которой стремился тотъ же народъ съ такимъ умиленіемъ и усердіемъ!

За монастыремъ на косогорѣ раскинулась живописно липовая столѣтняя роща, она была полна народа; въ одномъ мѣстѣ со-вбращись въ кружокъ, нѣсколько человѣкъ сидѣли и закусывали, въ другомъ расхаживали мужики и съ любопытствомъ осматривали каждое дерево, были и любезныя сцены и не рѣдко попадались на встрѣчу загулявшіе—праздничные люди. Всего тутъ было: и смѣшнаго; и жалкаго, и стройнаго и неприличнаго.

Въ одномъ мѣстѣ кучка народу, больше все женщинъ, около высокаго, бѣлаго, ободраннаго пня обратила на себя мое вниманіе: я подошелъ. Бабы, приклонившись къ пню, старались откусить кусокъ дерева.

— Зачѣмъ это дѣлаютъ? спросилъ я.

— Чтобы зубы не болѣли! отвѣчала мнѣ старуха.

Всѣ эти картины навѣяли на меня грусть; я пошелъ къ Волхову. На другой сторонѣ Волхова вдали видѣлся каменный,

лесный штабъ, точно огромная фабрика, трубу которой замѣ-
нилъ каланча. Противъ монастыря, уединенно на другомъ бере-
гу, раскинулась большая деревня. Мирно и тихо было въ ней.

«Туда, туда! говорило мнѣ сердце. Тамъ разыгрываются вде-
ли отъ шума свѣта нѣмыя, страшныя драмы, которыя, правда,
не излечаютъ больной твоей души; но имъ нужна сочувствую-
щая душа, которая бы поняла всю тяжесть нѣмого страданія,
которая бы приподняла грубую завѣсу, скрывающую отъ взо-
ровъ, кому нужно видѣть, эти нѣмыя страданія, чтобы залечить
глубокія раны.

Словесній.

У ГРОБА.

У гроба твоего тоскую,
Одинъ въ полунощной тиши,
Стою и плачу, и хочу я
Безсмертью вѣровать души.
Прости! послѣднiя лобзанья
Передаю твоимъ устамъ;
Скажи мнѣ: ждатель-ли намъ свиданья.
Соединимся-ли мы тамъ?
И если ждетъ насъ жизнь другая,
Мы сохранимъ-ли улетаю,
Туда за грань могильной тьмы,
Всѣ чувства сердцу дорогія.
Воспоминанья всѣ земныя
И въ нихъ кого любили мы?
И если ждетъ насъ жизнь другая,
Мы къ ней съ земли перелетая,
Не разольемся-ли душой:
Въ эфиръ, въ волну, въ сіянье свѣта,
Въ огонь, въ цвѣтокъ, въ мечту поэта
Въ звукъ мишолетный, въ мракъ ночной?
Иль дѣти одного мгновенья
Изчезнемъ мы, какъ наши сны,
Какъ наша скорбь и наслажденье,
Какъ звукъ оборванной струны?
Скажи мнѣ: ждатель-ли намъ свиданья
Соединимся-ли мы тамъ?
Прости! послѣднiя лобзанья
Передаю твоимъ устамъ.

И ГРЕБОВЪ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ОДНОГО ЛѢТА.

(Изъ моего прошедшаго.)

(Продолженіе.)

— Какой сильный жаръ! сказалъ кто-то возлѣ меня. Я взглянула, это была Юлія. Она сидѣла вмѣстѣ съ маменькою и Лизой у моей постели.

— Она простудилась, говорила Лиза. Вы бы послали за докторомъ, душечка Александра Васильевна.

— И то послали, отвѣчала маменька.

— Вы одолжите мнѣ кого-нибудь проводить меня домой?

— Изволь. Дѣвушка проводить.

Я не слушала болѣе, да, кажется, онѣ больше ничего и не говорили. Долго длилось молчаніе и тишина. Вдугъ кто-то взялъ меня за руку. Я посмотрѣла. Это былъ докторъ, нѣмецъ. Я невольно улыбнулась, прислушавшись къ его разговору съ маменькой. Онъ съ величайшимъ трудомъ произносилъ русскія слова; съ неменьшимъ трудомъ понимала его маменька. Юлія не говорила по-нѣмецки; докторъ, должно быть, не зналъ по-французски. Распросивъ меня кое-какъ, онъ объяснилъ, что у меня простуда, просилъ не беспокоиться, прописалъ довольно много чего-то и, съ обѣщаніемъ навѣстить меня вечеромъ, уѣхалъ. Черезъ часъ я приняла лекарство и нѣсколько успокоилась. Какой-то неопредѣленный шумъ вокругъ меня заставилъ меня раз-

скрыть глаза: Лиза стояла посередине комнаты и качалась во все стороны от смѣха, маменька ее унимала. Юліи не было.

— Что такое? спросила я.

— Представь себѣ, Соня! воскликнула Лиза, подбѣгая къ моей постели, Юлія Николавна до того раскокетничалась съ Алексисомъ, что совершенно забыла, что держитъ въ рукахъ чашку съ бульономъ и почти всю ее на себя вылила.

— Гдѣ же Алексій Петровичъ?

— Онъ пріѣхалъ узнать объ нашемъ здоровьѣ. Онъ тамъ на крыльцѣ и Юлія Николавна съ нимъ перебивается.

Лиза сѣла подлѣ меня.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь, Соничка? спросила она.

— Ужь, конечно, не хорошо, Лиза,—отвѣчала я. Жарко; растворить бы окно?

— Нельзя, душка. На дворѣ вѣтрено и Алексисъ пришолъ весь укутанный шарфомъ. Горло у него болитъ

— Лизавета Петровна! раздался голосъ Юліи.

— Я здѣсь, отвѣчала Лиза.

— Не хотите-ли погулять? я пригласила мсьѣ Полинскаго.

— Хорошо. Только вы посмотрите на себя: вы все въ бульонѣ.

— Гдѣ?—да. Ну, я сей-часъ переодѣнусь.

— Маша, Маша! кричала Лиза, поди скажи Алексису, чтобъ подождать. Барышня-моль, Юлія Николавна, обмаралась въ бульонѣ, такъ теперь переодѣваться будетъ.

— Какъ это глупо! возразила Юлія. Марья вынь мнѣ батистовый полосатый платокъ и бѣлое манто. Что ты на меня смотришь? Оно тамъ въ узлѣ, что мы завезли сюда вчера поутру.

— Охъ, ужъ это мнѣ кокетство, воскликнула Лиза, теперь, гляди, часа два пропереодѣвается.

Но Юлія переодѣлась въ нѣсколько минутъ, и онѣ ушли. Меня мучила зависть: солнце такъ ярко свѣтило! теперь въ рошѣ такъ хорошо, такъ свѣжо! онѣ гуляютъ по мягкой душистой травѣ... онѣ смѣются... онѣ веселы. Да и какже не веселиться: весна! А я въ душной комнатѣ, съ закрытыми окнами, лежу одна и кругомъ меня все тихо, темно и солнце мнѣ только свѣтитъ черезъ занавѣску, а не грѣетъ меня. Долго томили меня эти печальныя размышленія, наконецъ я заснула и только шумъ, постоянно возвышающій присутствіе Лизы, разбудилъ меня. Я почувствовала, что я вся обложена горчицею. На столкѣ везѣ

искали стояло новое лѣкарство, знаетъ, что, во время моего
я, былъ докторъ. Лиза, Юлія и мамѣнька сидѣли за столомъ.
Я, чтобъ избѣжать вопроса, смотрѣла на нихъ украдкой.

— Что-жь онъ неидетъ? спросила мамѣнька тихо.

— Болтаетъ съ кѣмъ-то на крыльцѣ, отвѣчала Лиза.

— Зовите его.

Черезъ минуту дверь отворилась и заперлась.

— Что она? спросилъ братъ.

— У нея ужасный жаръ и она все бредитъ, отвѣчала Лиза.

— Сама ты все бредишь; а она и не думаетъ, возразила ма-
менька. Докторъ велѣлъ горчицы поставить на затылокъ и на
руки.

— Лизавета Петровна любить все ужасно, замѣтила Юлія,
по крайней мѣрѣ, все чрезвычайное... духовъ, привидѣній!

— А кстати о привидѣніяхъ, сказалъ братъ, я прошедшую
ночь видѣлъ привидѣіе.

— Неужели? спросила Юлія, смѣясь.

— Да, что-то такое въ бѣломъ пробѣжало мимо моей двери.
Я, впрочемъ, замѣтилъ ноги, ничѣмъ не прикрытыя почти до
самыхъ коленъ. А когда это что-то возвращалось назадъ изъ
своего путешествія, то, съ помощію мѣсяца, отъ лучей котора-
го, платье на немъ сдѣлалось прозрачнымъ, можно было замѣ-
тить, что ноги у привидѣнія (если это только было привидѣіе)
продолжались и выше коленъ. Также съ помощію луннаго све-
та, я рассмотрѣлъ у него руки и голову, очень небольшую, по-
крытую длинными, свѣтлыми волосами.

Юлія расхохоталась. Я слышала, что кто-то шумно всталъ и
бросился вонъ изъ комнаты. Тутъ начался общій смѣхъ, такъ
что я имѣла предлогъ проснуться, привстать и открыть глаза на
бесѣдующихъ.

— Что тебѣ, Соничка? не хочешь-ли чего-нибудь покушать?
спросила меня мамѣнька.

— Нѣтъ, маман, отвѣчала я. Кто это сей-часъ вышелъ?

— Лизавета.

— Конечно, это она путешествовала ночью? спросилъ братъ.

— Она.

— Ну а ты, полно дурачиться! ступай позови ее, говорила
мамѣнька. Но Лиза никакъ не хотѣла воротиться. Отъужинали.
Братъ ушелъ, Лиза воротилась.

— Каково, Александра Васильевна, голубушка? сказала она,

сходя,—это онъ на меня смотрѣлъ, а я была въ одной сорочкѣ и на мнѣ все сквозило. Что мнѣ теперъ дѣлать-то?

— Ужь что теперъ дѣлать? нечего. Впередъ не бѣгай мимо мужчинъ въ одной рубашкѣ.

— Да кто-жь его зналъ, что онъ не спитъ, право эдакой страмъ!

— Маша, приготовь мнѣ къ завтраму бѣлую кисейную блузу. Мы, вѣрно, пойдемъ гулять, говорила Юлія, раздѣваясь.

— Не въ семь же часовъ утра мы пойдемъ гулять, Юлія Николава? возразила Лиза. И такъ нынче пришли на волчью долину: никого нѣтъ, — одни собаки бѣгаютъ.

— Неправда. Очень много сидѣло на скамейкахъ.

— Подите вы! Это вамъ только хочется спорить. Такъ было холодно, что не начини мы бѣгать, такъ просто перемерзли бы.

— А вы бѣгали? спросила маменька.

— Бѣгали въ горѣлки, отвѣчала Лиза. Юлія Николавна изорвала всю мантилью, а у меня Алексисъ почти пополамъ перервалъ шарфъ.

— Экъ вы матушки!

— Да что-жь вы прикажите дѣлать? бѣгали, ловили другъ друга и спѣнились. Соня, ты не спишь?

— Нѣтъ, отвѣчала я.

— Алексисъ велѣлъ тебѣ кланяться. Онъ просился сюда; да ты спала... Ахъ, батюшки мой! совсѣмъ было забыла! Онъ велѣлъ самъ отдать Александрѣ Васильевнѣ, вотъ это письмо. Говорить, что хотѣлъ вамъ лично его передать, да вы не вышли. Такъ потъ онъ мнѣ поручилъ. Извольте! Ну-ка, что онъ тамъ пишетъ? Иль не отъ тѣточки—ли это къ вамъ скорѣе? Это такъ.

— Теперъ я не вижу, отвѣчала маменька, до завтра. И она положила письмо къ образамъ. Ложитесь-ка спать, пора. Полно болтать-то.

— Да я не знаю, куда мой платокъ дѣлся, что я голову повязываю. Юлія Николавна вы не брали?

— На что мнѣ? отвѣжитесь. Я васъ всегда прошу меня не трогать, когда я хочу спать.

— Кто-жь васъ знаетъ, что вы хотите спать. Не палить-ли вамъ мятки, Александра Васильевна?

— Поди ты, пожалуйста, съ своей мятой.

— Соня, мяты?

— Нѣтъ, Лиза, я не хочу.

— А вы, Юлія Николавна?

— Вы знаете, что я никогда не пью мяты.

— И то сказать, какъ хотите. Честь приложена. Я и одна запьюсь.

Черезъ нѣсколько минутъ, она шумно накрыла чашку. Потомъ стала на колѣни передъ образомъ.

— Не говорите со мной теперь, я стану молиться, пропнесла она, по своему обыкновенію, и начала читать молитвы, по окончаніи которыхъ, на этотъ разъ, улеглась уже молча. Когда все утихло, и я осталась одна съ своей головной болью и жаромъ въ груди, на меня напала страшная тоска. Я встала на постели и принялась блуждать слабыми глазами по всѣмъ окружающимъ предметамъ. Въ одномъ углу, на диванѣ, спала маменька. У печки, на моей прежней постелѣ, Юлія, сбросивъ съ себя одѣяло, лежала, какъ маленькое дитя, свернувшись и положивъ подъ голову руки. На полу, на двухъ тюфякахъ, спала Лиза, закрывшись съ головою, пестрымъ одѣяломъ. Лампада ярко свѣтила и освѣщала, болѣе всего, письмо, полученное маменькой отъ Лизы. Мысль развлечься чтеніемъ этого письма и вмѣстѣ съ тѣмъ поскорѣе разрѣшить загадку, о чемъ могъ Алексисъ писать къ маменькѣ, блеснула въ моей отуманенной головѣ, и опасеніе разсердить маменьку не остановило меня: я расскажу ей, что заставило меня искать этого развлечения. Я встала кое-какъ съ постели, натянула на плечи одѣяло и пошла, шатаясь и опираясь на мебель, къ лампадѣ. Ноги уменя тряслись и я, безъ силъ, упала на стулъ, возлѣ кіота. Дрожащей отъ слабости рукой распечатала я письмо, оглянулась на спящихъ: все было спокойно и начала разбирать мелкій англійскій почеркъ Поливанова. Онъ писалъ:

Почтеннѣйшая Александра Васильевна!

Вамъ угодно было осчастливить меня согласіемъ на бракъ съ вашей дочерью только съ тѣмъ условіемъ, чтобы я мирно и тихо окончилъ всѣ мои дѣла съ Одоевскими и получилъ отъ всѣхъ обязательствъ моихъ къ нимъ полное и свершенное разрѣшеніе и свободу. При первой возможности, я просилъ этого разрѣшенія у отца моей бывшей невѣсты и получилъ его. Теперь, я свободенъ и, отъ всей, преданной вамъ души, повторяю свое предложеніе. Вы выставляли мнѣ, какъ одно изъ препятствій, крайнюю молодость вашей дочери. Мы подождемъ,

почтеннѣйшая Александра Васильевна, когда Софья Александровна минетъ 16; а между тѣмъ, позвольте мнѣ, а одного прошу, называться ея женихомъ и вашимъ сыномъ. Обручите насъ! Я болѣвь; но мнѣ кажется, что одного обѣщанія вашего исполнить эту просьбу мою, достаточно будетъ для моего выздоровленія. Предоставляя свою судьбу, жизнь и счастье на вашу волю и распоряженіе, остаюсь

всею душою уважающій васъ А. Полинскій.

Вся кровь бросилась мнѣ въ голову и сердце забилось тревожно. Онъ отказывается отъ Лизы! Онъ рѣшительно проситъ моей руки! Врожденное чувство справедливости, еще не дремлющее возмутительными столкновениями и горькимъ опытомъ, сильно заговорило во мнѣ. Въ свою очередь и нѣжное чувство состраданія вступилось за трогательную любовь прекраснѣйшаго изъ людей, какихъ я только встрѣчала. Предпочтеніе, которое онъ отдавалъ мнѣ передъ другими, передъ Юліей, этой блестящей Юліей было ясно, льстило несказанно моему самолюбію; но участь Лизы, моя дружба къ ней съ малыхъ лѣтъ, такъ скрѣпленная привычкой, ея простодушіе, довѣренность ко мнѣ и вѣра въ ожидающее счастье—затерли, истребили совершенно медлительную было розовую мечту о моемъ собственномъ счастьѣ; я пристально взглянула при этомъ и въ свое сердце; нѣтъ, я не люблю его. Это будетъ просто хорошая партія для меня. Но вѣдь я уже рѣшилась разъ и навсегда не дѣлать выгодныхъ партій. Иначе, для чего-жь бы я отказала Граціани? моему доброму, дорогому Граціани? Полинскій мнѣ совѣтъ чужой и близкимъ никогда быть не можетъ: у насъ съ нимъ нѣтъ ничего общаго. Граціани мнѣ родной по душѣ: у насъ съ нимъ, почти все общее. Мы оба съ нимъ живемъ головою, насчетъ сердца. Одно и тоже смѣшить насъ и какъ одного, такъ и другого одно приводитъ въ раздумье, и сгоняетъ у обоихъ въ одно время насмѣшливую улыбку. Еслибъ пришлось намъ обоимъ прослезиться, по случаю какой-нибудь трогательной сцены, мы, кажется, пролили бы по ровну слезинокъ и въ одно время утерли бы ихъ. А Полинскій? что онъ для меня? Красивый мужчина и это все, чѣмъ бы онъ остался для меня навсегда. Нѣтъ! больше мужества, больше твердости и правды.... Послышался легкій шумъ. Я вздрогнула. Лиза повернулась на своихъ туфляхъ. Я испугалась, поспѣшно бросила письмо и ушла, какъ только могла скорѣе на свою постель и закрылась одеяломъ.

— Александра Васильевна! а Александра Васильевна! Юлія Николаевна! проснитесь! кликала Лиза какимъ-то страннымъ, трепещущимъ голосомъ. Голубушка, Александра Васильевна!

— Что такое? Это ты меня зовешь, Лизавета, что ли? отозвалась маменька.

— Я, я. Что это у насъ Соня-то? Она никакъ примѣшалась? Посмотрите-ка, Александра Васильевна!

— Что ты тамъ за пустяки городишь, Лизавета? кто помѣшался?

— Соня помѣшалась, право. Что это съ ней? Я боюсь.

— Да что такое? спросила Юлія.

— Представьте, она встала, такая блѣдная, страшная, въ бѣлой простынѣ, такая длинная. Пошла къ образамъ и все эдакъ руками размахивала! Потомъ стала молиться и цѣловать крестъ. Это, мнѣ кажется, не хорошо. Это не смерть ли ея?

— Что ты за чепуху такую несешь? возразила маман сердито, это ты, вѣрно, во снѣ видѣла?

— Вотъ вамъ Богъ! я еще порядкомъ и не заснула. Просто, я вся дрожу! страсти какія!

Маман тихонько встала и тихонько подошла ко мнѣ. Я закрыла глаза и притворилась спящей. Маман наклонилась надо мною; я слышала ея дыханіе; но, вѣроятно, убѣдившись, что я сплю, тотчасъ же, осторожно отошла.

— Ну что? съ ужасомъ спрашивала Лиза.

— А то, что тебѣ надо хорошенько уши выдрать, чтобъ ты по пустякамъ никого не безпокоила, отвѣчала маменька. Она спитъ.

— Спитъ! выкликнула Лиза, ну такъ это смерть ея прихотилась! Нѣтъ, Александра Васильевна, спасите душу, голубушка, возьмите меня къ себѣ на постель. Не могу оставаться одна, какъ хотите: она, пожалуй, и ко мнѣ придетъ.

— Ты никакъ съ ума сошла? Куда я тебя возьму? ты свалишься, да и меня уронишь, возразила маман.

— Ну вы, Юлія Николаевна, продолжала Лиза жалобнымъ голосомъ, я возлѣ васъ лягу. Вы на постели, я вамъ не помѣшаю.

— Сдѣлайте одолженіе, меня не трогайте, отвѣчала Юлія.

— Ну что это право! какже мнѣ быть? жадовалась бѣдная Лиза.

— Ложись и спи, сказала маман.

— Я не могу, Александра Васильевна, родная. Меня ужась беретъ.

— Полно дурачиться! ничего ужаснаго нѣтъ.

— Еще не ужасно: къ человѣку пришла смерть!

— Не врѣ, пожалуйста.

— Ну, Юлія Николавна, какъ хотите, а я къ вамъ придвинусь.

— Я близко не позволю! закричала Юлія.

— Я вотъ тутъ... и Лиза потащила свою постель.

— Не смѣйте такъ близко, продолжала Юлія; а то я побросаю всѣ ваши подушки и простыни!

— Ну, я отодвинусь немножко. Ужь такъ-то можно? просила Лиза. Мнѣ только, чтобъ не съкраю.

— Вы все ближе и ближе двигаетесь. Я вамъ сказала, что не люблю.

— Голубушка, Юлія Николавна!

— Отодвиньтесь, или я васъ совсѣмъ прогоню!

— Ну что это, право! мѣста нѣтъ.

— Да угомонишься-ли ты, Лизавета? всѣ спать хотятъ, закричала на нее маменька.

— Кого я трогаю? отвѣчала Лиза плаксиво. Заступница! святой Филиппъ митрополитъ!

— Это еще что такое? что ты кричишь? выговаривала ей татап.

— Да у нея кровать качается, голубушка Александра Васильевна, отвѣчала Лиза со слезами въ голосъ.

— Ужь ты, кажется, бредишь? замѣтила татап.

— Прикажите ей замолчать, ради Бога! просила Юлія.

— Нѣтъ, ужь какъ хотите, а я лягу въ серединѣ! пустите, Юлія Николавна! произнесла Лиза рѣшительно.

— Подите прочь!

— Да пустите только пройти.

— Да вы что-то тащите за собою? Какая несносная!

— Ташу известно что—постель. Пустите.

— Куда мнѣ васъ пустить?

— Въ серединку. Отодвиньтесь только.

— Я не намѣрена для васъ вставать и возиться.

— Ну такъ я черезъ васъ поташу.

— Ой! никакъ вы съума сошли!

— Послушайте, *mesdames*, вы ее разбудите. Пожалуйста, не кричите такъ! уговаривала ихъ маменька.

— Да какже, посмотрите, что она дѣлаетъ! говорила Юлія съ досадою. Она втащила мнѣ на ноги свою постель.

— Что это ты дурачишься, Лизавета, въ самомъ дѣлѣ! сказала маменька.

— Какое дурачество! я не могу тамъ спать! отвѣчала она, я хочу между вами. Все не такъ страшно. Да шевельнитесь хоть ногой, Юлія Николаевна, что вы, какъ мертвая! Видите, человѣкъ тащить. Вѣдь мнѣ, я думаю, тяжело одной...

— Съ чего это вы еще выдумали, что я стану вамъ помогать? возразила Юлія съ негодованіемъ. Если я могу теперь, такъ это только потому, что Софья Александровна спитъ; а то бы вы меня не посмѣли такъ беспокоить.

— Бѣды! А чтобъ вы мнѣ сдѣлали? Охъ, батюшки, какъ тяжело!... Ну, наконецъ-то! Теперь я, по крайней мѣрѣ, съ обѣихъ сторонъ ограждена.

— Да полно тебѣ болтать-то, ложись! закричала на нее *шапан*.

— Легла, отвѣчала она съ покорностію. Никого не трогаю. Вотъ наказанье-то! подлинно сказать! Да воскреснетъ Богъ! просто наказанье!

И долго еще послѣ этого она шумно ворочалась и вздыхала. Наконецъ и я заснула глубокимъ, покойнымъ сномъ. Меня разбудилъ стукъ чашекъ. Я открыла глаза какъ-то свободнѣе и взглянула какъ-то яснѣе. Мнѣ было лучше. Маменька, Юлія и Лиза сидѣли за чаемъ. Онѣ не замѣтили, что я проснулась.

— Какъ хотите, а я видѣла ея смерти! говорила Лиза, наливая на блюдечко чай.

— Послушай, Лизавета! прервала ее маменька, если ты не перестанешь говорить подобныя вещи, я тебя выгоню. Ты, кажется, забываешь, что она мнѣ дочь?

— Она вамъ дочь, Александра Васильевна, отвѣчала Лиза спокойно; да и я ее не меньше васъ люблю. Вотъ она никакъ проснулась.

— Хорошо-ли ты спала, Соничка? спросила меня маменька, подходя.

— Хорошо, *шапан*, отвѣчала я, гораздо лучше вчерашняго.

— А какая же ты стала страшная, Соня! воскликнула Лиза, подскочивъ къ моей постели. Лице худое; блѣдное...

— Не налить ли тебѣ чаю? спрашивала мамонька.

Я попросила.

— А не видала-ли ты чего такого во снѣ? спрашивала Лиза.

— Я видѣла, что какая-то женщина пришла ко мнѣ, вся въ бѣломъ, сказала я нарочно, забавляясь трусливостію Лизы, и, стоя передо мною, цѣловала крестъ и мнѣ дала поцѣловать его.

— Ну, она помретъ! вполголоса проговорила Лиза, поглядывая то на мамоньку, то на Юлію. Я невольно улыбнулась.

— Маман, сказала я, кто это у васъ съ вечера все вознясь и шумѣль?

— Это все Лизавета Петровна, отвѣчала мамонька съ укоромъ, я говорила, что не дастъ никому спать.

— Мнѣ самой не дали спать, Александра Васильевна, отвѣчала Лиза, я насилу могла успокоиться.

— Докторъ пріѣхалъ! объявила дѣвушка.

— Батюшки мои! уйти! я вся растрепавши... засуетилась Лиза.

— Ну и я уйду!—сказала Юлія.

Докторъ нашолъ меня лучше, — какъ и дѣйствительно было. Онъ перемѣнилъ лекарство и позволилъ встать, если я чувствую себя въ силахъ и желаю.

— А вы ему не сказывали, Александра Васильевна, что нынче ночью-то было, говорила Лиза мамонькѣ, преслѣдуя ее по комнатѣ.

— Стану я такія глупости рассказывать, возразила маман, вѣдь я еще не помѣшалась.

— Лиза, хорошо на дворѣ? спросила я.

— А тебѣ погулять хочется? — Нѣтъ, душка, отвѣчала она. Всю ночь шолъ дождикъ и теперь еще моросить. А мнѣ бы домой пора, Александра Васильевна, обратилась она къ мамонькѣ, тѣти-то, вѣрно, не дождешься.

— Должно быть, сказала маман.

— Такъ вы ужь меня отпавьте...

— Пожалуй.

— Когда же?

— Да, когда хочешь. Хоть сей-часъ.

— А вотъ какъ дождикъ перейдетъ немножко. А вы, душечка, Александра Васильевна, если что съ Соной случится, тотчасъ дайте мнѣ знать...

— Хорошо. Т. е., что случится?

— Мало-ли, помилуй Богъ! я сей-часъ и прїѣду...

— Да что ты докторъ что ли?

— Да не то, что докторъ; а не могу же я не быть у Соня, если ей будетъ хуже.

Маменька засмѣялась.

— Лизавета Петровна, сказала Юлія, вы гдѣ живете?

— На Смоленскомъ рынкѣ, оспѣнно отвѣчала Лиза, а что?

— Мнѣ не будетъ ли по дорогѣ на Поварскую?

— Не знаю.

— Да это не можно, вмѣшалась татап, васъ отвезутъ, хоть и не по дорогѣ.

— Какая досада! дождь не перестаетъ, говорила Юлія, закуривая папиросу и подходя къ окну. Открыть нельзя? обратилась она къ татап.

— Нельзя, отвѣчала татап, на дворѣ очень сыро.

— Ну я дверь немножко отворю?

— Что вы, Юлія Николаевна, какъ можно!

— Но вѣдь здѣсь невыносимо душно!

— Можно вытти на крыльцо.

— Въ самомъ дѣлѣ, Юлія Николаевна, пойдемъ — сядемъ на крылечко? предложила Лиза. Юлія молча согласилась и онѣ ушли.

— И кто это изъ нихъ распечаталъ письмо? говорила маменька сама съ собою. Ужь вѣрно, Юлія Николаевна.

— Маменька, я встану? сказала я.

— Что? нѣтъ ужъ лучше не вставай нынче, возразила она. Посидѣть можно. А то въ дверь ходятъ безпрестанно. Опять хуже будетъ, простудишься.

— Ну, я сяду.

— А завтра, Богъ дастъ, и встанешь. Увдуть, вотъ эти вертушки-то. Ужь какъ надоѣли, признаться.

Маменька подала мнѣ блузу и чепецъ. Я одѣлась и сѣла на постели. Я боялась, что маменька заговорить со мною о письмѣ, но она молчала.

— Душечка, Александра Васильевна, сказала, вдругъ, Лиза, шумно входя, Алексисъ прїѣхалъ и желаетъ васъ видѣть. Весь взмокъ, озъбъ и дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ, говоритъ, бо-лѣнь, на силу прїѣхалъ.

— Кто же его просилъ? возразила татап, и куда я его приму теперь.

— Сюда нельзя, сказала я.

— Кабы ширмы были, замѣтила Маменька въ нерѣшимости.

— Отчего же нельзя сюда? спросила Лиза, вѣдь Соня сидитъ; другое дѣло, кабы она лежала.

— Да я и то сей-часъ лягу, сказала я, трепеща при одной мысли о предстоящемъ свиданьи.

— А онъ тѣмъ временемъ совсѣмъ замерзнетъ, душка, замѣтила Лиза.

— Ну такъ примите его въ бесѣдкѣ, шатап, рѣшила я. Вѣдь теперь все-таки не зима.

— Ну да, пригласи его, Лиза, въ бесѣдку, сказала шатап. Я сей-часъ приду. Послать къ тебѣ дѣвушку, Соничка, или ты одна останешься?

— Одна, лучше, отвѣчала я. Только нельзя ли мнѣ, шатап, какую-нибудь мантилью или платокъ; а то, какъ будто холодно немножко. Шатап закутала меня шалью и ушла. Оставшись одна, я, въ самомъ скучномъ досугѣ, привела себѣ на память все недавно прошедшее и горькимъ самообвиненіемъ моимъ не было конца. Тяжело мнѣ было вспомнить свои, правда, невольные, но тѣмъ не менѣе предосудительные поступки. Я была причиною, что Полнискій измѣнилъ своему честному слову и этому предобрѣйшему созданію, какимъ только можетъ красоваться земля. Я не имѣла духа просто и прямо отказать ему. Я, даже, какъ будто, ободряла его, лаская, между тѣмъ, бѣдную Лизу и, постоянно, называя ее своимъ другомъ. Нѣтъ, это не справедливо, не благородно, не честно!

— И имѣю-ли я право обвинять *Алекся Полнискаго*? онъ, по крайней мѣрѣ, любить и любовь, отчасти, оправдываетъ его. А что же можетъ оправдать меня? Нѣтъ; надо кончить и какъ можно скорѣе, и какъ можно безкорыстнѣе.

— Соня, что это значить? воскликнула Лиза, вбѣгая.

Слезы блистали у нея на глазахъ. Еслибъ я не была такъ огорчена и смущена своими размышленіями, я бы разсмѣялась, глядя на нее. Къ ея беззаботной, всегда веселой физиономіи страхъ какъ не шли слезы и въ слезахъ она была уморительна.

— Соня, что это значить? бормотала она, развѣ можно, чужаго жениха?... Вотъ ужъ отъ тебя-то я никакъ не ожидала... отъ всякой другой... правду говорила Юлія Николаевна... ну, что это, право!.. Противная!.. Соня чтожь это такое? Да говори!.. Ну, что это, право, моего жениха!...

— Возьми его себѣ, Лиза, прошу тебя, сказала я спокойно, взявъ ее возлѣ себя, я ни у кого никогда не отбивала жениховъ; если тебѣ сказала Юлія Николавна, то грѣшно тебѣ ее слушать и меня мѣнять на нее. Ты знаешь, что я не кокетка; никого не увлекаю, тѣмъ болѣе твоего женика. Алексію Петровичу вздумалось просить моей руки. Матанъ ни одному достойному человѣку не отказала бы; она и Алексію Петровичу дала согласіе. Кто же тутъ виновать? Мы его не удерживаемъ, хочеть онъ жениться на тебѣ—я очень рада. Онъ можетъ думать, что ему угодно. Но и заставитъ его жениться на тебѣ—я не могу, это все въ его волѣ. Согласись сама? Онъ женится на той, которая ему больше нравится, которую онъ любитъ.

— Онъ меня любитъ, слѣдственно, онъ на мнѣ и женится, да?

— Конечно, если такъ

— А то какже, душка, вѣдь ты сама говоришь?.. и Лиза послѣшно утерла слезы и глаза ея уже блистали удовольствіемъ. Она бросилась цѣловать меня и запрыгала по комнатѣ.

— Теперь тепло, Соня, пойдемъ въ садъ!.. говорила она весело.

— Нѣтъ, Лиза, отвѣчала я, мнѣ еще не велѣно выходить, да я и не хочу встрѣчаться съ твоимъ женихомъ. Я не люблю такихъ людей...

— Ахъ, душка, какіе на тебѣ башмаки-то! покажи-ка, бархатные. Она присѣла и поставила мою ногу къ себѣ на колѣни. Дороги, Соничка? продолжала она, ахъ, какіе душики, просто прелесть!

— Не правда-ли? сказалъ Алексисъ, входя въ эту минуту въ мою комнату и опускаясь на колѣни возлѣ Лизы. Я послѣшно встала и отошла на нѣсколько шаговъ.

— Что вамъ угодно, Алексій Петровичъ? спросила я дрожащимъ отъ негодованія голосомъ. Онъ медленно всталъ; Лиза тоже вскочила.

— Зачѣмъ, вы, въ самомъ дѣлѣ, пришли сюда, Алексисъ? Здѣсь вамъ не мѣсто, сказала она.

— Это правда, здѣсь вамъ не мѣсто, повторила я холодно и гордо, окинувъ его презрительнымъ взглядомъ.

— Софья Александровна, произнесъ онъ тихо и потупивъ глаза. Я повторилъ мое предложеніе вашей маменькѣ, получилъ отъ нея согласіе и пришолъ за вашимъ...

Я молчала. Онъ поднялъ глаза; въ нихъ были слезы.

— Софья Александровна, продолжалъ онъ, мнѣ кажется, что только ваше согласіе, за которымъ пришолъ я теперь, только оно одно, можетъ возратить мнѣ здоровье, удержать во мнѣ жизнь. Вчера докторъ сказалъ мнѣ, что если я выѣду нынче, то онъ не ручается за мое выздоровленіе. Но я вѣрю въ могущество вашего слова; оно спасетъ меня. Вы скажете да, и я буду жить...

Я взглянула на него. Онъ былъ блѣдень какой-то мертвенной блѣдностію. Его большіе синіе глаза сдѣлались еще больше и смотрѣли какъ-то страшно. Двѣ слезы катились, по блѣднымъ впалымъ щекамъ на посинѣвшія губы... Онъ-ли это? Насколько дней тому назадъ румяный, цвѣтушій? Его-ли это голосъ еще такъ не давно полный, гармонической теперь же прерывающійся и дрожащій. Мнѣ стало жаль его. Я боялась оскорбить его словомъ и молча указала ему на Лизу.

— Никакъ вы рехнулись, Алексисъ, — воскликнула она съ комическимъ удивленіемъ, глядя на него во всѣ глаза, что вы за чепуху несѣте? Чего вамъ надо отъ Сони? Подите, пожалуйста. Вотъ ужъ васъ тѣтя! она вамъ дастъ! вишь, что выдумали! человекъ помирать собирается, и дыхнетъ и нѣтъ, а онъ съ какими-то предложеніями; да еще отъ свѣжей невѣсты!... помѣшался, ей-Богу помѣшался! Это все Юлія Николаевна всѣхъ съ толку сбиваетъ. Вишь—вѣдь... куда вотъ тѣтя ужъ все разберетъ, кому что слѣдуетъ...

Онъ не слушалъ ее. Онъ быстро подошелъ ко мнѣ, взялъ мою руку своими горячими, какъ огонь, руками и дрожащимъ отъ слезъ и волненія голосомъ, повторилъ:

— Такъ не правда-ли? скорѣе, ваше слово.

— Но развѣ можно, проговорила я тихо,.... Лиза.

— Какая сцена! раздался голосъ Юліи, и она появилась въ дверяхъ. Лизавета Петровна, и вы безъ боя, уступаете вашего жениха?

— Нѣтъ позвольте! послышался тутъ же голосъ Анны Тимофѣевны и она вся красная, взволнованная вбѣжала въ комнату. Вслѣдъ за нею вошла и маман. Она была нѣсколько сканфужена.

— Нѣтъ, позвольте! повторила тѣтка Лизы какимъ-то дикимъ, пронзительнымъ голосомъ, вы разсудите самъ, какъ передъ Богомъ: можно-ли это дѣлать? честно такъ поступать? Дать сло-

и всѣмъ извѣстно; родные, знакомые всѣ знаютъ. И, вдругъ, и позволете!..

— Что я позволяю? возразила тата; Алексій Петровичъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе; я не отказала, но я спросила его: обдумалъ-ли онъ то, что дѣлаетъ, на что рѣшается и какъ полагаетъ въ отношеніи къ вамъ?—Онъ мнѣ на это отвѣчалъ, что онъ раздумалъ жениться на Лизаветѣ Петровнѣ и что никто не имѣетъ права принудить его къ тому, чего онъ не хочетъ,—но что онъ сознаетъ себя отчасти виноватымъ передъ вами и готовъ извиниться.

— Извиниться? Что мнѣ въ его извиненіе-то? Онъ долженъ жениться на Лизочкѣ. Иного я слушать не хочу! Онъ ея женихъ, всѣмъ объявлено. Я этого такъ не оставлю.

Она перевела духъ. Я спустилась въ кресло, щеки мои горѣли; глаза наполнились слезами, но и сквозь слезы я могла рассмотреть злобную радость въ глазахъ Юліи. Она съ упоеніемъ наслаждалась высокимъ комизмомъ этой сцены. Алексій стоялъ неподвижно, прислонившись къ стѣнѣ, держася обѣими руками за стулъ и устремивъ на меня горячій, краснорѣчивый взглядъ. Я отвѣчала ему взглядомъ, полнымъ отчаянія. Лиза довольно равнодушно поглядывала то на того, то на другого, какъ будто наблюдая со стороны за эффектомъ произносимыхъ словъ.

— Да его же сестра, Фіоза Петровна можетъ быть свидѣтельницей, начала опять Анна Тимофѣевна съ новымъ одушевленіемъ. Она вмѣстѣ съ нимъ пріѣхала, какъ предложеніе-то сдѣлано. А то на-ка! Какой позоръ! До чего дожили!... Не ожидала я, право, что въ столь короткомъ знакомствѣ... и вы, Александра Васильевна!... и отъ дочки вашей этого я не ожидала!...

— Я этого не желала и не искала, сказала тата спокойно и холодно; Алексію Петровичу вздумалось, но я его не удерживаю, не останавливаю. Онъ свободенъ дѣлать, что ему угодно. Я никому не навязываю свою дочь, не предлагаю. Онъ можетъ жениться на комъ ему угодно. И я буду очень рада, если онъ женится на Лизѣ.

— Дѣло другое не былъ бы онъ помолвленъ и неизвѣстно бы это было, начала опять Анна Тимофѣевна постепенно одушевляясь, ну, тогда, конечно. А то на-ка! На что похоже! вдругъ, да повѣсти? Да, кто-жъ это дѣлаетъ? Да, развѣ это возможно!

нѣтъ, я не дура и дурачить себя никому не позволю. Не хотѣлъ жениться, для чего-жъ просить руки? Для чего-жъ все это было? И вздигъ, и все?... Для чего? Тамъ, можетъ статься, это и дѣлаютъ другіе съ кѣмъ-нибудь; а я не позволю и Петръ Васильевичъ не позволить... Да, помилуйте, опять скажу: на что похоже? Все готово: нашито, уложено и вдругъ... Этими не играютъ! И я не допущу. Я *вамъ* удивляюсь, Александра Васильевна! Я тоже не постигаю: какъ войти въ голову!... мы съ вами въ такихъ лѣтахъ... дать слово, можно сказать, чужому жениху!...

— Какъ чужому жениху! вскрикнула татаи вспылчиво. Я вздрогнула и, въ трепетномъ ожиданьи, обратила испуганный взоръ на маменьку. Алексѣй Петровичъ, что вы молчите? Прошу васъ избавить меня отъ этой сцены. Я не могу выносить ничего подобнаго. Я не привыкла къ шуму и къ такимъ возмутительнымъ выраженіямъ. Возьмите, пожалуйста, назадъ ваше слово, женитесь на комъ вамъ угодно и оставьте насъ въ покоѣ. Это ужасно! Это изъ рукъ вонъ, дерзко и невыносимо... Я не въ силахъ болѣе!... И татаи поспѣшно вышла изъ комнаты. Ну что ужъ скандалъ, нечего сказать! продолжала неумолимая Анна Тимофѣевна. Нѣтъ ужъ, Александра Васильевна, я съ собой шутить не позволю. Я не дѣвочка. Вотъ Лизочку, конечно, можно и обмануть и съ толку сбить; а меня ужъ нѣтъ извините! Понимаю, что прилично; а что неприлично, честь отъ безчестья различить умѣю... А вы, барышня молодая, обратилась она, вдругъ, ко мнѣ, это вамъ не грѣхъ и не стыдно чужое счастье...

— Замолчите! вскрикнулъ Алексѣй, быстро отдѣлясь отъ стѣны и схвативъ ее за руку, — ни слова болѣе! Я сказалъ уже Петру Васильевичу, что не женюсь на его дочери. Это рѣшено. Я... я... если... онъ зашатался и покатился на полъ.

Юлія пронзительно вскрикнула и бросилась вонъ изъ комнаты. Анна Тимофѣевна, схвативъ Лизу за руку, торопливо последовала за нею. Я осталась одна, на колѣнахъ, возлѣ помертвеннаго, распростертого на полу, несчастнаго Алексѣя. Я хотѣла приподнять его голову; она была тяжела и холодна. Я съ ужасомъ отняла руку. Я коснулась его руки: она была также холодна и тяжела.

— Боже мой, Боже мой! вскрикнула я со слезами, что съ

нить? Никто нейдетъ! Маменька, Лиза! Боже мой! подите сюда.

Хотя мой призывъ и не могъ быть къмъ-нибудь услышанъ; потому что дверь была затворена, а голосъ мой слишкомъ слабъ; но почти въ ту же минуту въ комнату вошла татап, Юлія и Константинъ, человекъ Полинскаго. Онъ поднялъ Александра, по тотъ открылъ глаза и потихоньку, отстранивъ его рукою, медленно приподнялся самъ и всталъ. Константинъ подалъ ему стулъ. Онъ облокотился на него. Руки его дрожали. Онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ.

— Простите меня, ради Бога, Александра Васильевна, я виновата передъ вами, я такъ много надѣлала вамъ зла, сказалъ онъ слабымъ голосомъ; но, клянусь вамъ, что вашъ покой и счастье я ставлю выше всего на свѣтѣ. Простите меня!...

Шатаясь, подошелъ онъ къ маменькѣ, хотѣлъ что-то сказать, но слезы помѣшали ему и онъ закрылъ лицо руками.

— Садитесь, сказала татап, подвигая ему стулъ. Онъ сѣлъ, стараясь оправиться и подавить слезы.

— Что вамъ въ моемъ прощеніи, Алексѣй Петровичъ, начала татап, вы сами понимаете, что задуманное вами исполнить-ся не можетъ...

— Не можетъ?... Отчего? возразилъ онъ съ отчаяніемъ, Ахъ, Александра Васильевна, не говорите этого! Не отнимайте у меня послѣднихъ силъ, не обрекайте на смерть, оставьте мнѣ хоть надежду!...

— Но, послѣ всего, что я слышала, согласитесь сами...

— Что вы слышали? Безумныя злыя рѣчи? забудьте ихъ, воставьте себя выше всего этого. Дѣло идетъ о жизни и счастьи. О, ради Бога! и онъ взглянулъ на татап полными слезъ глазами. Татап сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Но что же я могу для васъ? спросила она.

— Дайте обѣщаніе...

— Я обѣщать ничего не могу.

— Софья Александровна, сказалъ онъ, вставая и придерживаясь обѣими руками за стулъ, скажите только, скажите, по крайней мѣрѣ, что вы не дадите никому слова, покуда я не выздоровлю, т. е. покуда я не умру. О, говорите скорѣе, молю васъ!

— Никому... проговорила я чуть слышно и потупивъ глаза въ землю.

— Благодарю васъ.

Онъ хотѣлъ идти, но остановился, какъ бы ожидая еще ка-кого-нибудь болѣе отраднaго или болѣе рѣшительнаго обѣщанія; но напрасно: все было тихо, все молчало. Мнѣ казалось, что произнеся невольно, сказанныя ему мною слова, я уже и то была слишкомъ смѣла. Не дождавшись отъ меня даже взгляда на прощаніе, онъ тяжело вздохнулъ и вышелъ.

— Сцена изъ романа Радклифъ, сказала Юлія, смѣясь и подходя къ окну. А дождикъ не идетъ, и какой вѣтеръ! Видно надо будетъ послать за крытымъ экипажемъ. А, каково, mesdames, посмотрите m-г Polinsky оставилъ здѣсь свою шляпу. Должно быть, въ самомъ дѣлѣ, у него сильный жаръ въ головѣ, когда, въ такую погоду, онъ могъ позабыть о шляпѣ.

Сердце у меня сжалось. Мнѣ стало невыносимо жаль его. Слезы навернулись у меня на глазахъ; но строгій взглядъ маменьки и насмѣшливый—Юліи удержали меня, и я не заплакала. Остальной день прошолъ скучно. Юлія уѣхала. Матап сдѣлалась сердита и молчалива.

— Любовь Федоровна (имя нашей жилицы) звала насъ нынче пить шоколадъ, сказала мнѣ матап, однажды, по утру, назадъ тому недѣль пять: одѣвайся и пойдемъ..

— Маменька, я останусь въ черномъ, отвѣчала я, мнѣ бы не хотѣлось, безъ особенной причины, мѣнять этотъ цвѣтъ. Вы помните, я надѣла это платье въ тотъ день, когда все у насъ такъ печально кончилось.— И я украдкой бросила грустный взглядъ на шляпу бѣднаго Алексиса, оставшуюся у насъ какъ бы въ залогъ его возвращенія.

— Вотъ глупости вспомнила, возразила матап; но не сказала ничего болѣе и не запретила мнѣ остаться въ черномъ платьѣ. Мы отправились въ гости.

Антонина Федоровна, сестра нашей жилицы, дѣвушка лѣтъ 28, очень не глупая и ловкая взяла на себя занимать меня и увела на верхъ, въ свою комнату. Она показывала мнѣ, какъ еще маленькой дѣвочкѣ, картинки и, между прочимъ, портреты Ж. Сандовскихъ героинь.

— Вы, душечка, что-нибудь читаете? спросила она меня ласково, обнявъ одной рукою.

— Читала не давно *Le pèche de m-g Antoine*, и знаю все ютъ объ этой дѣвушкѣ, отвѣчала я, указавъ на портретъ молодой героини романа.

— Ахъ, душечка, неужели? и маман даетъ вамъ читать *Жоржъ-Санда*?

— Даетъ; отчего же не давать?

— Вотъ отъ чего: ваша маман сказала сестрѣ, что вы нынче ждете одного молодого человѣка, который прїѣдетъ заниматься съ вашимъ братомъ въ продолженіи всего лѣта. Смотрите не влюбитесь. Романы *Ж. Санда* очень къ этому располагаютъ.

Я улыбнулась и покраснѣла.

— Не влюбляйтесь, душечка, вамъ еще рано, продолжала *Антонина Федоровна*, крѣпко поцѣловавъ меня въ румяную щеку. Предоставьте это намъ.

— Барышня, васъ маменька кличуть, сказала горничная, входя къ намъ въ комнату. Онѣ собираются домой; къ вамъ гости прїѣхали. Я разцѣловалась съ *Антониной Федоровной* и проворно сбѣжала съ лѣстницы. Маман ждала меня и мы тотчасъ же ушли.

Гость былъ ожидаемый студентъ, по фамиліи *Серпинскій*. Но онъ явился въ наше общество только къ ужину. Маман рекомендовала ему брата, какъ его будущаго ученика. *Серпинскій* былъ не разговорчивъ, и въ первое свиданье мы узнали только его имя, да то, что онъ не совсѣмъ здоровъ и любитъ уединеніе. Но во всю эту ночь, его черные глаза смотрѣли на меня неотступно и разбудили меня рано съ восходомъ солнца. Я вспомнила предостереженіе *Антонины Федоровны*; но мнѣ тогда же показалось, что это уже поздно. Меня мучило желаніе увидать опять поскорѣе черные глаза новаго знакомаго, что однако было не такъ-то легко сдѣлать ни въ тотъ день ни въ слѣдующіи. Студентъ востоянно прятался въ своей маленькой комнаткѣ, въ бесѣдѣ, и показывался только за обѣдомъ, да за ужиномъ. Рядомъ съ этой комнаткой была другая, побольше, гдѣ стояло мое фортепьяно. Разъ какъ-то, отправившись въ бесѣдку твердить гаммы и экзерсисы, я рѣшилась заглянуть въ комнату студента, конечно, убѣдившись сначала, что его нѣтъ тамъ. Съ этой цѣлю, я предварительно прошла мимо его окна, каждый разъ, съ напряженнымъ вниманіемъ стараясь рассмотреть, нѣтъ-ли кого въ комнаткѣ. Потомъ, осторожно отворила дверь и тихо вошла. На столѣ у окна, лежали книги,

бумаги и стоялъ стаканъ съ водою и съ какимъ-то деревяннымъ шарикомъ на днѣ. Я сѣла на диванъ противъ стола, взяла стаканъ, посмотрѣла въ него. Вода была чистая и холодная, видно, что недавно налитая. Но что это за шарикъ? Я слегка коснулась губами крайевъ стакана, горько. Онъ въ самомъ дѣлѣ, вѣрно нездоровъ и въ этомъ стаканѣ,—лекарство. Стаканъ былъ покрытъ бумажкой—Сама обыкновенная предосторожность отъ пыли и мухъ. Но что же это за бумажка? Она вся написана какимъ-то мелкимъ почеркомъ. Сначала по-русски. Это стихи:

«О, милый другъ, когда одна, въ гробу,
Въ безмолвной ляжешь ты могилѣ;
Тогда къ тебѣ тихонько я приду,
Въ твоёмъ гробу, съ тобою рядомъ лягу.
И обниму и сладко поцѣлую
И мертвецомъ съ тобою на вѣкъ останусь.»

Далѣе слѣдовало то же самое по-нѣмецки. Я задумалась. Эти стихи привели мнѣ на память Полинскаго. Но мысль о немъ промелькнула и исчезла быстро. Онъ не давалъ о себѣ никакого извѣстія. Быть можетъ онъ ужь давно помирился съ Лизой и они женились. Я перешла къ настоящему и съ любопытствомъ прильнула мыслию къ новому лицу, такъ скоро и такъ сильно овладѣвшему всѣмъ моимъ вниманіемъ. Онъ долженъ быть чувствителенъ и добръ, если пишетъ или хоть только читаетъ подобные стихи. Мало того, онъ долженъ любить... Въ этихъ стихахъ столько любви. Такъ онъ влюбленъ? Ужь влюбленъ? О чемъ же я мечтаю? чего же жду? К чему преслѣдую его черные глаза?...

Дней черезъ нѣсколько мы усѣлись съ татап на ступенькахъ балкона: она съ работой, а я съ французскимъ переводомъ. Серпинскій прошолъ въ бесѣдку и, скоро вернувшись оттуда съ книгою, усѣлся между нами и, перелистывая ее, сказалъ:

— Я прочолъ въ этомъ журналѣ преинтересный рассказъ. Онъ такъ мнѣ понравился, что я радъ былъ бы перечестъ его. Не угодно-ли послушать. Заглавіе: *Милочка*?

— Очень пріятно. Сдѣлайте одолженіе, отозвалась татап.

И онъ началъ читать. Я слушала со вниманіемъ. Его голосъ въ высшей степени внушительный; польской акцентъ, всегда имѣвшій для меня, сама не знаю почему, какую-то особенную прелесть, слово *Милочка*, произносимое имъ какъ-то особенно мило, какъ-то оригинально хорошо и при этомъ взглядъ чор-

ныхъ, блестящихъ глазъ сдѣлали то, что, отложивъ къ сторонѣ свой переводъ, я переняла всѣми способностями души въ слухъ и зрѣніе, различая, впрочемъ изъ всего слышаннаго, только одно слово: *Милочка*, изъ всего окружающаго только одинъ взглядъ его черныхъ глазъ. Я не замѣтила даже, какъ мамонка встала и вышла изъ сада; я только видѣла, какъ Серпинскій, опустивъ книгу къ себѣ на колѣни, молча, устремилъ на меня свои выразительные глаза.

— Вѣрно моя Милочка не понравилась Александръ Васильевичъ, сказалъ онъ, слегка улыбаясь. Она ушла.

Я оглянулась; татап не было. Я поспѣшно встала посмотрѣть съ балкона, гдѣ она: она медленно возвращалась къ калиткѣ сада, перевертывая въ рукахъ какое-то письмо. Я чего-то испугалась; сердце, почему-то замерло во мнѣ. Я бросилась къ ней на-встрѣчу. Она поспѣшно спрятала письмо.

— Что такое, татап? спросила я. Отъ кого это письмо?

— Какое письмо? спросила она въ свою очередь. Тебѣ что до этого? Глупости... и мы, попрежнему, ушли на ступенькахъ балкона, между тѣмъ какъ Серпинскій, разговаривая съ братомъ, вошелъ въ бесѣдку и не показывался болѣе.

Мы сидѣли молча. Я не смѣла повторить своего вопроса о письмѣ. Матап глядѣла такъ сердито, такъ неприступно. Я принялась опять за Шиллера, котораго переводила на французскій языкъ для моего нѣмецкаго учителя

«Eilende Walken, segler der Suſte... произносила я вполголоса, поглядывая попеременно то на строгое лицо татап, то на карманъ ея платья, гдѣ скрывалось таинственное письмо. Матап продолжала свою работу, не обращая никакого вниманія ни на взгляды мои, ни на шептанье. Но вотъ солнце стало замѣтно опускаться и воздухъ свѣжѣть. Приближался часъ нашей обыкновенной прогулки. Матап встала, собрала свою работу. Я машинально сдѣлала то же. Мы обѣ вышли изъ сада.

— Зонтикъ и перчатки! сказала мнѣ татап. Да спроси брата, не хочетъ-ли онъ итти съ нами? Я исполнила приказаніе. Братъ былъ не впрочь прогуляться. Учитель его уже давно ушелъ. Вооружившись зонтиками и надѣвъ перчатки, отправились и мы.

— Пойдемте въ паркъ, предложилъ братъ.

— Испортили совсѣмъ рошу, проговорила татап, и погулять-то негдѣ.

— Какъ негдѣ? Посмотрите, сколько дорожекъ, замѣтилъ

братъ. По крайней мѣрѣ не рискуете упасть и сломать себѣ ногу.

— А какъ было прежде-то мило! продолжала шатая съ пріятной улыбкой и садясь на скамейку, противъ навильена. Помнишь, Соничка, какъ ты здѣсь сжиживала? Растелемъ, бывало коверъ, старшій братъ читаетъ, а вы бѣгаете кругомъ или катаетесь по ковру. А то, бывало, Граціани придумаетъ устроить для тебя гнѣздо на деревьяхъ. Помнишь ты это? Наломаетъ вѣтокъ, выберетъ дерево раздвоенное такъ, что на немъ можно усѣсться, натаскаетъ туда этихъ вѣтокъ, моху, уложить какъ-то такъ акуратно, устроить, въ самомъ дѣлѣ, точно гнѣздышко и тебя туда посадить. Ужь сколько мы за эти за-тѣи съ нимъ бранивались! Такъ, бывало, сердце и замираетъ, какъ онъ туда лѣзетъ съ тобою. Да поди съ нимъ, бывало! « Она говоритъ Александра Васильевна, точно птичка легонькая. А какъ я ее посажу на гнѣздышко, такъ она настоящая птичка сдѣлается, «и споетъ намъ что-нибудь!» «Такой шутъ!» шатая засмѣялась.

— Маменька, это письмо не отъ Полинскаго-ли? рѣшилась я спросить, пользуясь ея хорошимъ расположеніемъ духа,

— Вотъ любопытство-то, отвѣчала она снисходительно. Ну, отъ Полинскаго, что-жь изъ этого?

— Онъ здоровъ?

— Нѣтъ, пишетъ что болѣнъ. На, прочти, если это тебя такъ занимаетъ, и она подала мнѣ письмо. Я схватила его съ жадностію и, сѣтша прочесть, поспѣшно пробѣгала его глазами, ничего не разбирая и не понимая. Наконецъ желаніе узнать въ чемъ дѣло, пробудившееся воспоминаніе о его любви ко мнѣ, и могу сказать состраданіе привели въ порядокъ мои движенія и мысли, и я прочла слѣдующее:

Почтеннѣйшая Александра Васильевна!

«Я очень страдаю, слишкомъ не поберегу себя... но это вамъ все равно. Докторъ говоритъ, что у меня горловая чахотка. Мои родные думаютъ, что только чудо можетъ спасти меня и хотѣтъ послать за образомъ въ часовню Спасителя, чтобъ надѣтъ мнѣ его на шею. Но я вѣрю въ чудотворную силу только одного образа: образа вашей дочери и если, именемъ моего спасенія, могу я вымолить его у васъ, то—спасите меня, пришлите мнѣ ея портретъ. Глядя на него, я и умру спокойнее, если уже мнѣ суждено умереть.»

Рука была не его; вѣроятно онъ самъ уже не могъ писать. Слезы навернулись у меня на глазахъ. Возвращая мамонькѣ письмо, я вопросительно посмотрѣла на нее.

— Конечно, не послала, отвѣчала она на мой взглядъ, и я болѣе не удержала слезъ.

— О чемъ это, *mon enfant*? спросилъ Граціани, подходя. Мое почтеніе, Александра Васильевна. О чемъ это плачетъ *Sophie*?

— Спросите. Я полагаю, что она и сама этого не знаетъ.

— Что-жь вы хотите отъ ребенка? Еще бы они все знали. Это не натурально. Не *bien, mon enfant, a-t-on cassé votre cœur*? Я молча, плакала.

— Ну-у! Александра Васильевна, съ вами нѣтъ конфеточки, а те я сейчасъ, схожу на долину—кушу. Тамъ всегда есть?

— Что это вамъ, такъ понадобилась, Николай Михайлычъ? спросила татап, смѣясь.

— Ребенокъ плачетъ, извѣстное дѣло, ради своего собственного покоя, надо уговорить... и онъ, поспѣшно оставивъ насъ, повернулъ на долину.

— Экой стыдъ! заговорила татап полу-насмѣшливымъ полу-сердитымъ тономъ, дойти до того чтобъ считали за глупаго, безсмысленнаго ребенка. Экой страмъ, дѣвущкѣ 16 лѣтъ, за мужъ собиралась и плачетъ, какъ сумасшедшая.

Граціани возвращался съ коробочкой конфетъ. Я старалась оправиться и принять холодный, обиженный видъ. Но причина слезъ существовала и была такъ важна, что ни насмѣшкой, ни разсужденіемъ остановить ихъ не было возможности и онѣ текли безостановочно, не смотря на мой холодный и обиженный видъ.

— Только и нашлись что карамельки, говорилъ Граціани, подавая мнѣ конфеты, не знаю, помогаютъ-ли онѣ отъ слезъ? *prenez, prenez, mon enfant.*

— Благодарю васъ, Граціани, я не хочу, отвѣчала я холодно.

— Не хочетъ карамелекъ, сказалъ онъ комически—серьезно поглядѣвъ сначала на татап, потомъ на меня. А другихъ нѣтъ, не нашолъ. Вѣдь это не въ Москвѣ, тамъ чего хочешь, того и просишь.

— Ну, и безъ карамелекъ дѣло обойдется, сказала татап.

— Кабы днемъ, купилъ бы лучше шелкушку или мячекъ. Что вамъ больше нравится, *Sophie*? Шелкушка или мячикъ? Или не купить-ли вамъ, *chère petite, eared*? Вамъ посмотрите, какъ ум-

ные дѣти играютъ! Бѣгаютъ себѣ, занимаются, кто во что гораздъ. А это что такое, плакать? Какой стыдъ! Кто увидитъ, скажетъ, вонъ какое дитя большое и плачетъ. Не хорошо. Другой подумаетъ, что напугали что-нибудь, такъ мамаша наказала... Вотъ стыдъ-то! Нѣтъ, моя Sophie, умница, не станешь плакать, такъ? Не станешь плакать, душенька?

Я улыбулась сквозь слезы.

— Ну вотъ и хорошо! Продолжалъ онъ, умница-дитя! куплю серсо! Какъ только пойдетъ разнощикъ, такъ и куплю.

Мама и братъ смѣялись отъ души.

— Полно вамъ, Граціани, сказала я серьезно, не шутите, пожалуйста. Дѣло идетъ о жизни человѣка

— Какого это человѣка? спросилъ онъ съ недоувѣрчивой усмѣшкой, и слегка подражая моему печальному тону.

Я рассказала въ чемъ дѣло. Съ каждымъ словомъ моимъ онъ становился серьезнѣе и участливѣе. Когда же я кончила, поспѣшно спросилъ:

— Ну, что же, вы послали портретъ?

— Нѣтъ, и не пошлемъ, отвѣчала я съ новыми слезами.

— К чему же тутъ эти безтолковыя слезы? произнесъ онъ строго, что-жь вы ему ими поможете что-ли? Развѣ ни к чему не ведущими слезами должна выражаться истинная чувствительность? Добрая чувствительная дѣвушка! Она мучаетъ, терзаетъ человѣка и сама плачетъ!

— Граціани, но что же больше этого могу я сдѣлать?

— Больше этого? Она въ самомъ дѣлѣ, воображаетъ, что обливаясь этими глупыми слезами, она что-то такое для него дѣлаетъ? Ступайте сей-часъ же домой и посылайте портретъ. Если онъ живетъ далеко, ведите человѣку нанять извозчика. Нѣтъ у васъ денегъ возьмите, вотъ деньги. Некого послать—идемте вмѣстѣ, отдайте мнѣ портретъ, я передамъ...

— Господинъ Граціани, вы очень поспѣшны, возразила ташип, позвольте васъ остановить. Я не дамъ портрета. Алексѣй Петровичъ можетъ умереть и портретъ останется въ рукахъ его родныхъ. Я этого не хочу.

Изъ всего, что вы сказали, Александра Васильевна, я поняла только то, что Алексѣй Петровичъ можетъ умереть и удивляюсь, какъ вы еще медлите отсылкой портрета, который, по его словамъ, облегчитъ для него самую смерть: Пойдемте же, пойдемте поскорѣе Sophie, вставайте!

— Вы странно судите, Николай Михайловичъ, говорила шаша, медленно подымаясь съ мѣста. Да, это и понятно: вы, какъ лучина, не можете знать всѣхъ неприятностей.

— Здѣсь будетъ ближе пройти, Александра Васильевна, перебилъ ее Граціани, пожалуйста сюда, и онъ повернулъ въ сторону, черезъ дугъ, прямо къ домикамъ. Не угодно-ли вамъ мою руку? И онъ, съ необыкновенной быстротой и легкостію схватилъ руку шаша, зашагалъ черезъ траву, придорожныя огородки и, наконецъ, черезъ валъ къ нашей калиткѣ.

— Я здѣсь подожду, Александра Васильевна, а вы потрудитесь сыскать и принести или прислать мнѣ сюда этотъ портретъ. А я, между тѣмъ; пошлю кого-нибудь изъ нашихъ людей за извощикомъ. Sophie, адресъ Полинскаго?

Я сказала, и онъ поспѣшно отправился въ кухню. А шаша вошла въ комнату; я послѣдовала за нею.

— Дуракъ, говорила она сердито, отодвигая ящикъ комода, и кто тебя просилъ ему все рассказывать... Она достала портретъ и бросила его на комодъ.

— Что-жь ты не берешь? обратилась она ко мнѣ; возьми и отдай. Да пусть сей-часъ же назадъ его и приносить. Какія дурчества...

Я тотчасъ же вышла. Граціани дождался на крыльцѣ. Я передала ему портретъ вмѣстѣ съ приказаніемъ шаша.

— Хорошо, отвѣчалъ онъ, ну, а что-жь сказать ему отъ васъ Sophie?

— Скажите, Граціани, что я жизнью готова была бы пожертвовать, чтобъ воскресить его. Скажите, что я плачу и не перестану плакать до тѣхъ поръ, покуда не услышу, что ему легче...

— Вы его любите, Sophie?

— Нѣтъ, Граціани; но мнѣ такъ жаль его: онъ любитъ меня.

— А вы любите кого-нибудь?

— Люблю, Граціани, отвѣчала я тихо и потупивъ глаза.

— Ну, любите, mon enfant, только, пожалуйста, безъ излишней осторожности и глупаго жеманства... кого же это она любить, ma petite? продолжалъ онъ, взявъ меня за руку и нѣжно заглядывая мнѣ въ глаза. Это секретъ, Sophie?

— Нѣтъ... Серпинскаго... это студентъ, который учитъ брата...

— Что же онъ хорошъ? уменъ? что вы въ немъ нашли?

— Не знаю, Граціани, не спрашивайте; я ничего не замѣтила. Я знаю только, что у него черные глаза и что я люблю его.

— *Chère petite!* Ну, а онъ?

— Онъ вовсе не замѣчаетъ меня.

— Можетъ-ли быть! Во всякомъ случаѣ, это продолжится не долго.

— Что это не долго продолжится?

— Она испугалась. Не долго онъ будетъ не замѣчать васъ или... онъ не стоитъ вашей любви.

— Онъ не стоитъ? Ахъ Граціани, онъ стоитъ чтобъ я все для него забыла!

— И ничего не забудетъ. Знаю я эту расчетливую головку! Ну, любите, какъ умѣете! Все лучше, чѣмъ вовсе не любить. Что, привела? Ну благодарствуй, милая, обратился онъ къ горничной. Что онъ взялъ, Катя? Полтинникъ? Ну, вотъ тебѣ за труды столько же—*Au revoir, mon enfant!*—и онъ исчезъ за калиткой.

На другой день, по утру, ожидая французскаго учителя, у котораго я занималась вмѣстѣ съ братомъ, сама не знаю зачѣмъ я съ жаромъ, какъ настоящая ученица, переписывала урокъ, наклонясь обѣими руками на столъ и зажавъ уши, чтобъ не развлекаться разговоромъ татапа съ людьми, по-очередно приходившими за разными приказаніями.

— *Marie-Antoinette de France naquit le jour du grand tremblement de terre de Lisbonne en dix-sept cent cinquante cogg... et elle périt sur l'échafaud en octobre dix-sept cent quatre vingt treize...* читала я громко и скоро, когда внезапный смѣхъ маменьки заставилъ меня остановиться и поднять голову. Она разговаривала съ Серпинскимъ и они оба смѣялись.

— Я раза три принималась тебя кликать сказала мнѣ татапа, смѣясь, нѣтъ наладила одно: *Marie-Antoinette de France...* Вотъ Владиславъ Валеріанычъ принесъ тебѣ какой-то журналъ. Я встала краснѣя, и протянула руку за журналомъ.

— Только, пожалуйста, нельзя-ли не разрѣзывать, сказалъ онъ.

— Я постараюсь.

— Не постараться, а должна, возразила татапа. Ты слышишь, что журналъ чужой и его надо возвратить не разрѣзаннымъ. Или ты тутъ ничего не слыхала съ своей Маріей Антуанетой de France?

А стояла, потупивъ глаза, краснѣла и молча перебирая листки журнала.

— Позвольте, сказалъ онъ, взявъ его у меня изъ рукъ, я имъ покажу, какъ можно прочесть его, не разрѣзывая.

Я слушала, переводя глазами отъ журнала къ нему, краснѣла, а смущенію моему не было бы конца, если бы онъ тотчасъ же не ушелъ и татап не привела меня въ себя словами:

— Какъ ты глупа, Соничка, посмотрю я.

— Чѣмъ же это, маменька? что я сдѣлала?

— Стоить какъ статуя, мямлитъ, точно у тебя языка нѣтъ! Послѣ обѣда, когда мы, по обыкновенію, отправлялись сидѣть на балконъ, намъ подали письмо на его имя.

— Положи его въ бесѣдку на столъ, сказала мнѣ татап, придетъ Серпинскій и возьметъ. Его нѣтъ теперь дома.

Я взяла письмо, перечитала адресъ, заглянула подъ неплотно сложенные бочка конверта, попробовала печать, опять посмотрѣла на адресъ.

— Ну, теперь поцѣлуй! сказалъ братъ смѣясь.

Я взглянула на него, потомъ на татап и встрѣтивъ на ихъ лицахъ только однѣ насмѣшливыя улыбки, съ любовію поцѣловало милое имя. Они громко разсмѣились. Часа черезъ два явился Серпинскій.

— Обѣдали? спросила его татап.

— Сей-часъ пообѣдалъ, отвѣчалъ онъ.

— Вотъ вамъ *roug la bonne bouche*—письмо.

Онъ какъ-то смутился, нѣсколько поблѣднѣлъ и взявъ письмо, востѣпно ушелъ въ свою комнату. Онъ вернулся къ намъ по призыву татап.

— Если погода не перемѣнится, поѣдемте завтра куда-нибудь въ Осташкино, въ Кунцово, куда хотите, сказала она.

— Самое лучшее мѣсто около Москвы, это, кажется Кунцово, замѣтилъ онъ.

— А Осташкино вы не любите? спросила татап.

— Я его не знаю, хотя и жилъ тамъ разъ цѣлое лѣто.

— Какъ же это такъ?

— Былъ очень занятъ, готовился къ университету.

— Итакъ, въ Кунцово: мнѣ оно самой больше всѣхъ другихъ мѣстъ нравится. Поѣдемте?

— Съ удовольствіемъ.

На другой день, рано, часовъ въ десять, когда въ ожиданіи

экипажа, мы пили чай на балконѣ, пришли вдругъ два извѣстїя: одно что тарантасъ нанятый вчера, отказался отъ условленной цѣны и иначе не ѣдетъ, какъ за 15 р. сер.; другое, что къ калиткѣ подъѣхала Дарья Федоровна и не найдя у себя мелочи, чтобы расчитаться съ извозчикомъ, сей-часъ явится къ намъ просить взаймы.

— Ступай же, сію минуту, и найми двѣ пролетки, сказала татап горничной; а Дарья Федоровну проси сюда и скажи ей, чтобъ не отпускала извозчика.

— А я, моя благодѣтельница къ вамъ ѣхала, ѣхала, солнце такъ и палитъ! сказала Дарья Федоровна, какъ ваше здоровье, мой ангелъ? Какъ поживаете, мой родной? Нѣтъ-ли у васъ моя благодѣтельница, полтинника? разчестъ извозчика? хватились, а у меня мелочи-то и нѣтъ?

— А вы, вотъ что, Дарья Федоровна, сказала татап, шляпку-то не снимайте; а поѣдемте-ка вмѣстѣ съ нами въ Кунцово. Мы совсѣмъ ужъ собрались и за лошадьми послали.

— Что же, мой ангелъ, поѣдемте, я готова. Все одно моя родная.

— Такъ, подите порядитесь съ вашимъ извозчикомъ. Что онъ возьметъ въ Кунцово. Я заплачу.

— Извольте, моя родная. Онъ возьметъ по душѣ, какъ христіанинъ и вы его не обидите.

— Ну, хорошо, хорошо! ступайте,

Скоро прїѣхали наши пролетки. Я сѣла съ татап; Серпинскій съ братомъ, Дарья Федоровна ѣхала за нами на своемъ извозчикѣ.

Дарья Федоровна воспитывалась нѣкогда съ татап въ одномъ институтѣ. Изъ института поступила въ гувернантки, за сиротствомъ и бѣдностію. Въ молодости получала хорошія деньги, потомъ когда память стала измѣнять ей, перемѣнила должность гувернантки на должность компаньонки, сначала за деньги, потомъ безъ денегъ. Она была добрая женщина, но крайне ограниченная и въ высшей степени безтолково-религіозная. Она бредила мнимыми чудесами, видѣніями и на досугъ создавала ихъ въ своемъ воображеніи, потомъ привязывалась къ нимъ и передавала другимъ за истинно-видѣнныя, въ очію совершившіяся и непреложно существующія. Она часто гащивала у насъ и теперь, вѣроятно, прїѣхала провести съ нами недѣлку-другую, чтобъ

сберечь лишнюю копѣйку и подѣлиться съ нами разсказами о пѣскахъ и видѣніяхъ собственнаго производства.

Мы пріѣхали въ Кунцово часовъ въ 12. Солнце палило и згло. Но, хорошо знакомыя съ мѣстностью, мы съ шатап скоро отыскали себѣ пріютъ подъ тѣнью тѣхъ самыхъ деревьевъ, гдѣ, мѣсяца полтора тому назадъ, бѣдный Алексисъ угощалъ насъ шампанскимъ.

— Сначала мы папьемся чаю, отдохнемъ, а тамъ пойдемъ погуляемъ, сказала шатап. Я оглянулась кругомъ. Боже мой! сколько воспоминаній! Здѣсь разыгралась цѣлая драма. Здѣсь услышала я въ первый и, можетъ быть, въ послѣдній разъ слово любви изъ устъ истинно и глубоко любящаго человѣка. Здѣсь началась для меня новая жизнь—жизнь сознательная. Здѣсь я, вдругъ развилась и постарѣла нѣсколькими годами. Здѣсь я почувствовала себя женщиной. Какое несчастіе, что я встрѣтила этого человѣка, котораго не могу и не должна любить, и который такъ слабъ, что не можетъ покориться безъ отчаянія своей участи и своему долгу. Между тѣмъ я чувствую, что я нашла бы для себя силу въ самомъ сознаніи долга и утѣшеніе въ мысли, что я исполнила его. Вотъ и этотъ Серпинскій, котораго я такъ скоро и легко предпочла ему, онъ тоже не сдѣлаетъ, я думаю, ничего не честнаго. Его мужественный голосъ, глубокій и рѣшительный взглядъ ручаются мнѣ за его человѣческое достоинство, хотя быть можетъ, и мало обѣщаютъ любви. Но что же изъ этого, если онъ даже и совсѣмъ любить меня не станетъ? Я буду страдать, это правда. Но я не измѣню ни долгу чести, ни уваженію къ себѣ.

Дорожка мимо дома привела насъ къ маленькой зеленой бѣсѣдкѣ, устроенной на небольшомъ возвышеніи и укрытой со всѣхъ сторонъ Повеликой. Мы подошли къ ней и сѣли отдохнуть у входа. Отсюда открылся намъ прелестный видъ въ Заразы. Деревья, касаясь нашего пригорка только верхушками, дружно качались и шумѣли. На другой сторонѣ Москвы рѣки лежали деревни, окруженныя березовой рощей. На горѣ видѣлись поля, покрытыя рожью. Стадо паслось у самаго берега.

— Кажется, я не ушолъ бы отсюда, сказала шатап; а итти надо. Пойдемте, можетъ быть найдемъ что-нибудь еще лучше.

Мы сошли съ возвышенія и повернули на право, по неровной дорогѣ, спускавшейся куда-то внизъ. Деревья съ обѣихъ сто-

ронъ, наклонившись надъ дорогой, образовали надъ нею сводъ и дѣлали ее темной. Я невольно остановилась.

— Вы боитесь? спросилъ меня Серпинскій насмѣшливо.

— Нѣтъ, нисколько, отвѣчала я спокойно, взглядываясь въ темноту, я только не вижу, куда это мы идемъ.

— Если тутъ дорога, такъ, вѣроятно, не мы первые идемъ по ней, сказалъ онъ и пошелъ впередъ. Мы шли за нимъ. Вдругъ, поперекъ дороги, почти подъ самыми нашими ногами, то выбѣгая на песокъ, то скрываясь въ травѣ, шумѣлъ довольно глубокой и быстрый ручей.

— Маменька, сказала я, не воротиться-ли?

— Это отчего? спросила тата. Ужь не боишься-ли ты этой лужи?

— Здѣсь есть, мостикъ, сказалъ Серпинскій, указывая на бревно небрежно перекинутое черезъ ручей и подавая руку маменькѣ.

— Это мостикъ! воскликнула я съ испугомъ. Нѣтъ, я ни за что не пойду. Маменька, не ходите!

— Ты нейдешь, такъ и никому нейти? возразила тата и перешла. Серпинскій протянулъ мнѣ руку. Я не рѣшалась.

— Ну, полно ребячиться-то, переходи! сказала тата съ нетерпѣньемъ. Тебя ждутъ.

Я взглянула на Серпинскаго. Мнѣ казалось, что я рѣшаюсь на великой подвигъ. Я взяла его руку и, вдругъ, вся твердость моя исчезла. Я задрожала, вспыхнула, и крѣико сжала его руку. Онъ перевелъ меня, смутилъ еще больше своимъ глубокимъ, проникающимъ взглядомъ.

— Ну, что не утонула? сказала мнѣ тата, шутя.

— За то, что я перенесла, перечувствовала тата, отвѣчала я, взглянувъ украдкой на Серпинскаго, вы не можете себѣ представить...

— Чего тутъ представлять: ребячество, глупости и больше ничего. Дальше, господа, я не пойду, продолжала тата; а вотъ этимъ лугомъ ворочусь назадъ. Я устала. А вы, если хотите, можете продолжать вашу прогулку.

— Мы, конечно, пойдемъ дальше, Александръ Алексѣевичъ? спросилъ Серпинскій.

— Конечно, отвѣчалъ братъ.

А мы поворотили назадъ и, обойдя кругомъ рощи, пришли къ нашему столу, гдѣ и застали Дарью Федоровну, въ сладкой

дремотѣ, со сложенными на колѣняхъ руками и запрокинутой и спинку стула головою.

— Не тронь ее, не буди! сказала шатап, пускай спитъ. А мы приготовимъ, между тѣмъ, обѣдать. Кавалеры-то, наши, я полагаю, долго не нагуляютъ. Бѣсть захочется, какъ разъ прибѣгутъ. И мы принялись вынимать изъ ящика и корзины привезенные съ собою припасы и готовить обѣдъ. Солнце и комары беспокоили спящую Дарью Федоровну и она скоро проснулась.

— Господи Иисусе Христе, гдѣ я? произнесла она, вскакивая и крестясь. Это вы, моя родная? А меня вотъ все эти мошки и комары беспокоятъ; все летаютъ... я гоняла, гоняла ихъ и вздремнула. А вы давно здѣсь, мой ангелъ?

— Давно. Вотъ собираемъ обѣдъ, покуда кавалеры наши не вернулись.

— А это кто съ вами кавалеръ-то, благодѣтельница?

— Студентъ, учитель Саши.

— Высокой, должно быть, жизни. Такіе серьезные, никуда не смотрятъ. Я говорю: вы, мой другъ, гдѣ изволите служить? Я, говорить, нахожусь при университетѣ. Знаете, родная, гдѣ эдакіе шары на воротахъ выставлены. Это, говорить, небесный шаръ.

— Эдакой вздоръ! возразила шатап, и когда это онъ вамъ говорилъ? Примите-ка вотъ это, поставьте на столъ. Да и тарелочки-то, потрудитесь, туда же. А я пойду приготовлю салатъ.

Скоро дорожный обѣдъ нашъ былъ готовъ и наши молодые люди тоже не заставили себя долго ждать.

— Представьте, какъ странно, сказалъ Серпинскій, садясь за столъ, мы спрашивали у многихъ изъ попадавшихся намъ крестьянъ, какъ пройти на проклятое мѣсто—никто не знаетъ.

— Это куда, мой другъ? спросила Дарья Федоровна съ любопытствомъ.

— На проклятое мѣсто.

— Зачѣмъ же вамъ туда, мой родной?

— Посмотрѣть, что такое.

— Это не подобаешь. Намъ сказано, что мы должны ходить только тѣми путями, какіе намъ самъ Господь Богъ указалъ. А что имъ не благословенно, того отнюдь не должны касаться; вы вѣрно сами читали объ этомъ, мой родной?

Серпинскій посмотрѣлъ на нее съ нѣкоторымъ удивленіемъ; но не сказалъ ни слова.

— Пойдемте, послѣ обѣда, поищемъ сами, предложилъ онъ и наскоро пообѣдавъ, они тотчасъ же встали, закурили свои папиросы и ушли. Проводивъ ихъ грустнымъ взглядомъ, я подумала: «нѣтъ,—Алексѣй не сдѣлалъ бы этого; онъ не ушелъ бы отъ меня. Онъ не спускалъ съ меня глазъ, когда бывалъ со мною; не перестаетъ думать въ разлукѣ. Онъ любитъ меня. Я добиваюсь взгляда отъ Серпинскаго; онъ мелькомъ броситъ его и уйдетъ, забывая о моемъ существованіи онъ не любитъ меня. И все-таки я люблю его; между тѣмъ, какъ Полинскій внушаетъ мнѣ одно состраданіе.

— Теперь вы, Дарья Ѳедоровна если хотите, подите погуляйте съ Соничкой, сказала тата, а я здѣсь приберу и чай вамъ приготовлю.

— Пойдемте, походимъ, мой ангелъ, обратилась ко мнѣ Дарья Ѳедоровна и мы отправились.

— Какой пріятный мужчина, говорила она дорогою, и недуренъ собою. Они очень вами заняты, другъ мой, Софья Александровна.

— Изъ чего же вы это заключаете, Дарья Ѳедоровна? спросила я, краснѣя и потупивъ глаза.

— Они такъ на васъ смотрятъ и на мамашу. Я ихъ спрашивала. «Я, говоритъ, м-ше Мещерскую уважаю и всею душою, говоритъ, готовъ, какъ христіанинъ...

— Что такое?

— Это, какъ вы мамашѣ помогали салатъ въ судочкѣ приготовить; а я съ ними разговорила. Очень умны и все такъ обстоятельно. Ну, я васъ похвалила. Только, говорю, онѣ еще малолѣтны и неопытны. А это великое дѣло, мой ангелъ, и кто не съ чистой душой къ нему приступаетъ, грѣхъ тому неотмоленный. Грѣхъ и пренебрегать, кто къ намъ отъ всего сердца, съ любовью, какъ по христіанскому. Я вамъ къ этому, что у насъ по сосѣдству... Вы припомните, другъ мой, Софья Александровна, что я теперь квартиру мою у княгини Далматовой имѣю; вотъ такъ нашъ домъ; а напротивъ ихній. Тоже извѣстная фамилія и богачи; а именно, можно сказать, душу свою дьяволу отдаютъ... какъ христіанка!

— Что же такое?

— Братъ и сестра всего двое и тетка при нихъ, съ матери-

нѣ стороны. Молодой человекъ красавецъ собою, чистая душа, иль ангелъ и весь высохъ, какъ былинка; говорятъ, чахотка, отъ любви. Сестра его не терпитъ, только и ждетъ его конца, а онъ все одно молить: «дайте мнѣ въ послѣдній разъ на нее по-смотреть, говорить, дайте хоть проститься съ нею!» И не даютъ. А все за то, что онъ отъ богатой невѣсты отказался, а бѣдную любилъ. Я такъ намедни плакала, какъ человекъ отъ нихъ приходилъ просить княгиню нашу, чтобъ изъ своихъ людей ко-го-нибудь послали дагъ знать той дѣвицѣ, въ какомъ онъ отчаяномъ положеніи; а то сестра никому изъ своихъ не позво-ляетъ.

— Кто же это, Дарья Федоровна? Не знаете фамиліи? спро-сила я.

— Фамиліи я ихъ не знаю; а лица ангельскаго...

— Гдѣ же это? на какой улицѣ? Гдѣ это вы живете;

— На Арбатѣ, у Николая Явленнаго, и отъ церкви не дале-ко; а они напротивъ насъ!

— Боже мой! это онъ! это Алексисъ.

— Что это вы, другъ мой Софья Александровна, какъ по-блѣднѣли? Не устали-ли мой голубчикъ? я говорить, во цвѣтѣ лѣтъ моихъ кончаюсь и радостей, говорить, въ жизни моей не испытаю. Богъ, говорить, мой заступникъ, Того убоюсь! А вамъ сестрица, грѣхъ, говорить, что вы на свою душу берете. Все одно, что убиваете человека! Высокой души онъ, мой ан-гелъ!

— Куда же это мы зашли, мой ангелъ? спросила вдругъ Дарья Федоровна.

— Не знаю, Дарья Федоровна, отвѣчала я небрежно.

— Ужъ не заблудились-ли мы, мой другъ?

— Можетъ быть.

— Хоть бы поукалась, что-ли? А то, храни Богъ! Она акнулась. Ея слабый голосъ пропалъ не раздавшись, она вскри-нула еще разъ посильнѣе. Звуки замерли и все опять стало тихо, какъ въ пустынѣ.

— Господи Иисусе Христе! произнесла она набожно, пере-крестившись: да разточатся врази его! Что-жь это будетъ та-кое? куда это мы зашли?

— Посидимте, Дарья Федоровна, предложила я.

— Чего сидѣть, мой ангелъ! Выноси Богъ поскорѣе. Куда это мы попали? А вся сила въ томъ, что когда куды идешь,

надо всегда про себя потихоньку: Господи помилуй, Господи помилуй! И никогда ничего не случится. А мы съ вами, согрѣшили, другъ мой! Вотъ Богъ и не попустилъ. Живыи въ помощи Вышняго... какъ это дадыше-то, мой ангелъ. Вы прочтите вслухъ, а я помолюсь на колѣнкахъ.

Я начала произносить псаломъ, а Дарья Ѳедоровна, упавъ на колѣна, усердно молилась. Я страдала невыносимо и слезы, безъ моего вѣдома, падали на мои щеки и руки. Прислонившись къ дереву и сложивъ руки на груди, я стояла неподвижно, не отирала слезъ, капавшихъ на мои руки тяжелыми, горячими каплями.

— Это что за сцена? Право, хоть на театръ! послышался голосъ татап, и Дарья Ѳедоровна, поспѣшно вскочивъ, отвѣчала ей съ ясной улыбкой.

— Ничего, мой другъ!

— Что же это вы такое тутъ дѣлали на колѣняхъ?

— Богу молилась.

— Съ какой же стати?

— Какъ съ какой стати, мой родной? А что сказано? На всякъ часъ благословлю Бога моего?

— Ахъ, я васъ знаю! Идите-ка чай пить. Господа, обратилась она къ подходившимъ брату и Серпинскому, каково вамъ покажется? Мы ихъ тутъ ищемъ, а онѣ себя преспокойно расположились и голоса не подаютъ!

— Нѣтъ, мой ангелъ, это вы неправильно такъ судите! возразила Дарья Ѳедоровна своимъ кротко-наставительнымъ тономъ. Мы, вотъ съ этимъ ангеломъ, долго васъ окликали и даже по имени-отчеству каждаго — нѣтъ отвѣта; мы и обратились къ Господу Богу твоему, Его же царствію не будетъ конца.

— Не отъ страха-ли вы плакали? спросилъ меня Серпинскій съ усмѣшкой, когда мы отправились въ путь, татап съ братомъ и Дарьей Ѳедоровной впереди, а съ нимъ.

— Нѣтъ, не отъ страха, отвѣчала я грустно и спѣша оправиться. Я получила ужасное извѣстіе.

— Отъ кого?

— Отъ Дарьи Ѳедоровны.

— Неужли отъ нея можно услышать что-нибудь кромѣ нелѣпаго и смѣшнаго?

— Да, когда она разсуждаетъ; но, она просто разсказывала.

— Что-то ужасное? Вѣроятно, про печальную силу, про адъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ?

— Нѣтъ; про адъ она только напомнила мнѣ; а собственно дѣло шло о страданіяхъ предварительныхъ, еще здѣсь, на землѣ...

— О ея собственныхъ, конечно?

— Къ несчастію — нѣтъ. Она рассказала мнѣ, какъ умираетъ человѣкъ, который, не будь меня на свѣтѣ, сохранилъ бы и жизнь и счастье.

— Такъ пусть его умираетъ! проговорилъ онъ такъ рѣшительно и съ такой довольной улыбкой, что я не знаю, какая-то радость въ одну минуту проникла въ мою душу и осветила ее. Ну, точно, я приобрѣла что-нибудь дорогое, подарили мнѣ какое-нибудь сокровище!

— Никакими слезами, никакимъ участіемъ нельзя воротить жизнь, если она уходитъ, сказалъ онъ; этимъ всѣмъ, какъ выраженіемъ любви, можно только отравить послѣднія минуты умирающаго. Надо стараться, чтобъ онъ какъ можно равнодушнѣе прощался съ жизнью; а для этого надо показать ему, что въ ней для него немного осталось хорошаго и менѣе всего — любви, съ которой тяжелѣе всего расставаться. Если вамъ, именно жалко этого человѣка, не показывайте ему этого, не плачьте при немъ...

— Я не увижу его болѣе никогда и онъ не увидитъ моихъ слезъ...

— Тѣмъ лучше для него и для васъ.

— Ахъ, нѣтъ, Владиславъ Валеріанычъ, мнѣ бы хотѣлось, чтобъ онъ унесъ съ собою воспоминаніе обо мнѣ и чтобъ тамъ обо мнѣ помолился.

— Но вѣдь онъ видѣлъ же васъ когда-нибудь? Неужели вы полагаете, что это недостаточно, чтобъ помнить о васъ цѣлую вѣчность?

— Въ раю! произнесла я съ благоговѣніемъ. Онъ будетъ въ раю!

— Хоть бы и въ раю! произнесъ онъ, сопровождая слова выразительнымъ взглядомъ. Я съ минуту глядѣла ему въ глаза, не понимая смысла его словъ, вся отдавшись благоговѣйному страху къ развернувшейся въ моемъ воображеніи картина праведной смерти и будущаго блаженства. Но отбѣнокъ вѣчности, въ его взглядѣ и симпатичный звукъ въ голосѣ на-

вели меня тотчасъ, же на этотъ смыслъ, такой простой и вмѣстѣ такой необъятный для меня. Я покраснѣла и потупилась.

— Соничка, я зову тебя! нѣсколько разъ повторила, сказала татап съ нетерпѣніемъ.

— Я не слыхала, татап, что прикажете? спросила я.

— Онѣ не слыхали, мой Ангелъ, онѣ заговорились, объяснила Дарья Федоровна.

— Ступай впередъ и приготовь чашки!

Оставшись одна за своей работой, я снова предалась горькимъ мечтамъ о бѣдномъ Алексисѣ. Снова почувствовала я слезы на своихъ щекахъ и руки мои задрожали. Подошла татап. Серпинскій и братъ расположились подъ деревомъ, на подушкахъ. Дарья Федоровна взяла стулъ и сѣла къ столу.

— О чемъ это? спросила меня татап съ удивленіемъ и строго. Что это за новыя глупости? продолжала она вполголоса.

Я передала ей въ нѣсколькихъ словахъ все слышанное мною отъ Дарьи Федоровны.

— Не знаешь ты Дарьи Федоровны! возразила она мнѣ съ усмѣшкой. Она сама не помнитъ и не понимаетъ, что говорить. Дарья Федоровна, обратилась она къ ней, кто это вамъ сказалъ, что вашъ сосѣдъ, Полинскій, такъ опасно болѣвъ? У него, говорятъ, просто, гѣппре? Это, конечно, несносная болѣзнь; но вовсе не опасна.

— Кто-жъ говорить, моя родная? Спросила съ любопытствомъ Дарья Федоровна, я не слыхала. А гѣппре у меня у самой былъ, мѣсяць тому назадъ, такъ я какъ мучилась! А Господь далъ — прошло и вотъ теперь, слава Тебѣ Господи, только не дослышу. Это, говорятъ, всегда послѣ гриппа бываетъ: гложнуть.

Татап взглянула на меня и мы обѣ улыбнулись.

— Такъ зачѣмъ же вы пустяки-то рассказываете? продолжала татап, и пугаете добрыхъ людей?

— А я что же такое сказала, моя благодѣтельница?

— Да мало-ли чего вы нагородили: и умираетъ и Богъ-знаетъ что!... Васъ только послушай.

— Это про брата-то съ сестрой, что-ли? Такъ я сказала, только, моя родная, что они ангельскаго лица, а больше я, кланусь Богомъ, ничего не говорила!...

Мама опять посмотрѣла на меня; но уже безъ улыбки и сказала строго:

— Плачь больше. Слезы-то у тебя, видно, даровныя.

И я не плакала больше въ этотъ день. Смѣясь и шутя мы кончили нашу прогулку по Кунцову и воротились домой въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Не стѣсняясь болѣе печальными воспоминаніями и упреками совѣсти, я все сильнѣе и сильнѣе привязывалась къ Владиславу.

Проснувшись на другой день позднѣе обыкновеннаго, я не застала дома ни маму, ни Дарьи Федоровны.

— Онѣ съ часъ какъ уѣхали въ Москву, сказала мнѣ Катерина.

— Но, что же это значитъ? говорила я сама съ собою, поспѣшно одѣваясь.

— Человѣкъ отъ Полинскихъ приходилъ, отвѣчала Катерина, взял шляпу. Маменька, тотъ же часъ послѣ него, послала за извозчикомъ и уѣхала, а васъ наказали не будить до нихъ. Сказали, что скоро вернутся. А вотъ ужъ часъ слишкомъ, какъ ихъ нѣтъ.

Я испугалась. Не стала пить чай одна, не могла приняться ни за какую работу. Забыла, совершенно, что черезъ часъ, *signor Rubini*, мой итальянскій учитель, явится съ своимъ обыкновеннымъ: «*La riverisco*», и что слѣдуетъ приготовить для того, кромѣ тетрадей и книгъ, чашку шоколада. Сложивъ руки на колѣнахъ, устремивъ глаза въ дверь, я сидѣла неподвижно и ждала.

— *La riverisco!* слышалось чуть не за дверью, и въ комнату вошелъ *signor Rubini*. Я бросилась собирать тетради, книги, искать ключи, насыпать кофе, звать Катерину.

— *Signorina*, вѣроятно, только что встала? замѣтилъ улыбаясь итальянецъ.

— О нѣтъ, *signor Rubini*, отвѣчала я печально: я встала давно; но уже не застала маму; она уѣхала, не повидавшись со мною, и я не знаю куда.

— *La compatisco. È un gran delae.* Однако, вотъ урокъ, *Signorina? ha-etla scritto? ha ella fatto la sua draduzione?* я подаю переводъ. Урокъ шолъ тупо. Я ничего не слыхала и не понимала до тѣхъ поръ, пока щелкнула задвижка у калитки и на

крыльцѣ послышался голосъ татап. Уронивъ Данта на полъ, я кинулась ей на встрѣчу.

— Что ты, какъ сумасшедшая? сказала она, меня чуть съ ногъ не сшибла. Вотъ эту шляпку, возьми и поставь на столъ. Это я тебѣ купила, сѣренькую, съ черными розами, по твоему вкусу и зонтикъ черный.

— Bonjour, m-me! привѣтствовалъ ее Rubini, напрасно вы балуете m-Me. Она плохо занималась нынче.

— А! я не знала этого. Что же шеколадъ?

— И меня нынче оставили безъ шеколада, продолжалъ онъ, смѣясь.

— Прекрасно. Слѣдовало-бы на оборотъ. Сама виновата: а другихъ наказываетъ. Будемъ же пить одни, мсьѣ Rubini; а она пусть твердитъ, чего не выучила. Ступай, готовь чашки и чтобъ поскорѣе, шеколадъ! обратилась она ко мнѣ. Я засуетилась.

По уходѣ учителя, день прошолъ своимъ порядкомъ, съ тою только разницею, что мы не видали Серпинскаго. Онъ не объдалъ дома. А татап была серьезнѣе и скучнѣе обыкновеннаго.

— Что же это, Дарья Федоровна, такъ скоро отъ насъ уѣхала? спросила я татап уже къ вечеру.

— Надо ей домой, отвѣчала татап, какъ-то неохотно. Поди принеси мнѣ ножницы, да вели Катеринѣ вынуть мое черное платье и пусть принесетъ сюда. Его надо немножко поправить. Я встала и не успѣла отворить садовой калитки, какъ встрѣтилась съ Константиномъ. Онъ былъ въ черномъ фракѣ, съ трауромъ на шляпкѣ и на рукѣ. Молча подалъ онъ мнѣ письмо и проговорилъ «отъ Фюзбы Петровны», тотчасъ же повернулся и оставилъ меня одну. Я развернула письмо: это былъ билетъ, я только и рассмотрѣла, что черную каемку и бросилась бѣжать къ татап. Я подала ей билетъ дрожащими руками, устремила на нее вопросительный, помѣшанный взглядъ.

— Царство ему небесное! проговорила она, набожно перекрестясь. Ну, плачь лучше! что ты на меня такъ страшно смотришь? обратилась она ко мнѣ, взявъ меня за руку. Я, кажется, упала къ ней на колѣни, не помню. У меня, какъ будто, отнялась голова и сердце.

— Видно тебѣ завтра не ѣхать, говорила мнѣ на другой день татап, обвязывая мнѣ голову мокрымъ полотенцомъ. У тебя сильный жаръ въ головѣ и глаза красны. Ты ужь хоть бы пошлакала немножко, а то посмотри какіе у тебя страшные глаза, а какіе горячіе.

— Это ничего, татап, я завтра поѣду, отвѣчала я, вставая съ дивана, на которомъ не знаю, какъ я очутилась. У меня голова болитъ немного, но это до завтра пройдетъ. Горчицы къ ногамъ.

Я пролежала этотъ день въ какомъ-то забытій, которому не умѣю дать имени. Это была не апатія: я страдала, но безъ сознанья. Въ головѣ у меня какъ-то шумѣло и кружилось, глазъ я не могла закрыть, мнѣ становилось страшно, какъ будто я уходила куда-нибудь подъ землю, въ глубокую могилу, а открывъ ихъ, я видѣла только черную тесму съ флеромъ и черный флерный бантъ на чьей-то рукѣ, да черныя, широкія полосы кругомъ, куда не глядѣла. Утромъ, я проснулась рано, и, не смотря на прежній шумъ въ головѣ, поспѣшно встала, одѣлась и сѣла къ окну, поддерживая голову руками.

— Что это ты къ окну-то подсѣла? спросила меня татап съ постели. Въ дверь ходятъ, сквозной вѣтеръ. Отойди; или у тебя все прошло?

— Все прошло, татап, отвѣчала я поспѣшно. Пора намъ собираться.

Экипажъ былъ нанятъ съ вечера — и въ 9 часовъ, одѣвшись въ черное, мы отправились. Колокольъ печально гудѣлъ, когда мы подъѣзжали къ церкви. Тамъ еще никого не было. Но воображеніе мое уже наполняло церковь ожидаемыми посѣтителями, и сердце мое сильно билось. Я стояла, прислонясь плечемъ къ рѣшеткѣ клироса и устремивъ глаза на мѣстную икону, хотѣла молиться, но мысли мои были далеко; онѣ неслись на встрѣчу Алексису. Мнѣ казалось, что вотъ-вотъ онъ войдетъ, взглянетъ на меня такъ нѣжно, по своему и застѣнчиво робко заговорить со мною. Я вспомнила всѣ случаи, когда этотъ тихій, кроткій голосъ раздавался вокругъ меня и ласкалъ мое самолюбіе своимъ тономъ и смысломъ рѣчей. Вдругъ съ шумомъ и настаежъ растворилась церковныя двери. Свѣжій воздухъ и запахъ ладана пахнулъ мнѣ въ лицо. Я похолодѣла. Стройное пѣніе: «Святый Боже» огласило церковь. Я вся повернулась къ дверямъ. Мальчикъ съ

образомъ подошелъ къ налою, за нимъ вошли священники и потянулись мимо меня въ алтарь. За ними внесли голубой, бархатный съ серебрянными крестами гробъ и поставили на приготовленное возвышеніе. Его окружили свѣчами и толпа провожатыхъ загродила его отъ меня. У самой головы стала какая-то дама въ глубокомъ траурѣ съ заплаканными глазами. Около нея, поддерживая ее съ обѣихъ сторонъ, помѣстились двое мужчинъ: одинъ толстый и красный съ какими-то выпученными глазами и съ выраженіемъ во всей фізіономіи полного и совершеннаго спокойствія; другой молодой человѣкъ, лѣтъ 17, худой, блѣдный, весь въ слезахъ, точно Алексисъ, какимъ я видѣла его при нашемъ послѣднемъ свиданіи; это былъ его человѣкъ, Константинъ. Рядомъ съ ними стояла Лиза съ теткой. Обѣ въ траурѣ. Лиза плакала и усердно крестилась. Анна Тимофеевна безпрестанно обращалась къ дамѣ, поддерживаемой Константиномъ и толстымъ господиномъ съ выпученными глазами и то спрашивала ее участливо о чемъ-то, то предлагала ей что-то, завернутое въ платокъ, что та, каждый разъ жеманно подносила къ своему носу и съ легкимъ поклономъ ей возвращала. Прочіе провожатые были серьезны; но повидимому совершенно равнодушны. Началась обѣдня. Я снова хотѣла молиться и снова мысли мои и мечты понеслись на встрѣчу робкому, тихому, но живому и любящему Алексису. А онъ лежалъ мертвый въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня и я, которая, быть можетъ, болѣе всѣхъ и всего участвовала въ его смерти, не умѣла молиться о немъ. Глаза мои бессмысленно скользили по золоченой рамѣ иконы, останавливаясь бессознательно на каждомъ ея изгибѣ, слѣдя за мерцаніемъ лампы, повѣшенной передъ нею, и за отраженіемъ ея свѣта на серебрянѣ; а душа, обезкрыленная земной, тяжелой печалью, тоскливо билась и содрагалась у гроба. Отвернувшись, наконецъ, отъ безмолвнаго лика въ вызолоченномъ сіаніи, я жадно впилась глазами въ свѣсившійся конецъ гробоваго покрова. Дорого бы дала я, чтобъ остаться одной съ этимъ гробомъ,—подойдя къ нему, снять раскрашенный вѣнчикъ, которымъ закрыли прекрасный, высокій лобъ Алексиса,—прильнуть къ нему взоромъ и душою, и не разставаться съ нимъ и смотрѣть такъ на него всю жизнь, всю вѣчность, покуда не проститъ онъ меня, не улыбнется на прощанье и не отпуститъ умереть спокойно, безъ этихъ терзающихъ му-

нѣи совѣсти. Но толпа тѣснилась кругомъ его и все больше и больше, какъ и при жизни, скрывала его отъ меня за своей холодной законной любовью. Но, Боже, мои права надъ нимъ не законнѣе-ли теперь всѣхъ правъ на свѣтѣ? Въ этой толпѣ, быть можетъ, есть человѣкъ, давшій ему жизнь и живой онъ первому принадлежитъ ему; я дала ему смерть и мертвый—онъ принадлежитъ мнѣ! Красавецъ, счастливый, онъ принадлежалъ свѣту; онъ въ немъ жилъ и веселился; измученный, убитый—онъ мой, потому что я убила его! Я—за любовь, за жертвы, за страданья! Алексисъ, не прощай меня, не молись обо мнѣ! я хочу быть несчастной! Боже мой! я прошу твоего суда, здѣсь, у этого гроба, гдѣ лежитъ человѣкъ, только что вступившій въ міръ, со всѣми правами на долгую жизнь, украшенный всѣми дарами судьбы и природы, блестящій, цвѣтушій, съ яснымъ взглядомъ, съ довърчивой улыбкой, съ откровенной рѣчью. Весь любовь красота и благость! Умолкни-же всякій ропотъ, всякое оправданіе! прочь гордый, несправедливый эгоизмъ! Здѣсь мѣсто только молитвъ и надгробному рыданію!

Кончилась обѣдня и передъ началомъ отпѣванія священникъ вышелъ говорить проповѣдь. Всѣ подвинулись ближе къ амвону. Я осталась на мѣстѣ. Священникъ началъ говорить на тему: «Блаженни чистіи сердцемъ—яко тѣи Бога узрятъ.»

Я не слышала какъ онъ говорилъ и не замѣтила какъ онъ кончилъ и только торжественно громкій возгласъ дьякона:

«О бла-женномъ успѣ-ніи и вѣчномъ покоѣ....» вывелъ меня изъ забвенія и возвратилъ дѣйствительности. Вотъ разнесся усиленный запахъ ладана, священники окружили гробъ. Пѣніе и плачь огласили церковь. Прислонясь къ клиросной рѣшеткѣ, я стояла неподвижно. Дымъ, смѣшанные, разнохарактерные звуки, свѣтъ сквозь дымъ, блестящія ризы священниковъ и мелькавшія кадила, все это подобно движущейся картинѣ проходило передо мною, окружало, касалось меня, не производя на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія. Я, какъ будто замерла на своемъ мѣстѣ, сохранивъ только способность слышать и видѣть. Плачь и рыданія становились все громче и громче пока, наконецъ, не превратились въ какіе-то вопли и пронзительные крики.

— Подите къ кузинѣ; а я останусь около невѣсты: она въ обморокъ, говорилъ господинъ съ выпученными глазами, суетясь около сидѣвшей на стулѣ Лизы. Голова у нея была опрокинута

и, вѣроятно, уставъ кричать и вопить, она передвигала въ этой позѣ.

— Софья Александровна, не угодно-ли вамъ проститься съ Алексѣемъ Петровичемъ? Сей-часъ будутъ гробъ закалчивать, сказалъ Константинъ, подходя.

Я оглянулась на шапак.

— Пойдемъ, сказала она.

Съ замирающимъ сердцемъ подошла я къ гробу. Кругомъ тѣснилась цѣлая толпа прещаящихся. Не обращая ни на кого вниманія, я вступила на возвышеніе и, облокотившись на серебрянные края гроба, прильнула жаднымъ взоромъ къ прекраснымъ, строгимъ чертамъ. Я приподняла и отодвинула пестрый вѣтчикъ, закрывавшій почти половину лица, прежде столь кѣж-наго и кроткаго, теперь такого суроваго и непреступнаго. Рѣсницы были опущены только вполовину и я насторожила взоръ: вотъ онѣ откроются и синіе глаза, во всю ихъ величину, отвѣтятъ мнѣ роднымъ, привѣтливымъ взоромъ. Вижу, вижу его сквозь длинныя, густыя рѣсницы. «Напрасно, говоритъ онъ мнѣ, думаетъ смерть разлучить насъ! Умрете вы, я не останусь жить. Умру я, и ваше счастье умереть со мною. Лучше станемъ жить вмѣстѣ, и будемъ счастливы вмѣстѣ или уже вмѣстѣ умремъ!»

Встань Алексѣя, прошептала я какъ помѣшанная и слезы брызнули изъ глазъ моихъ на строгое, прекрасное лицо и на длинныя сквозившія привѣтливымъ взоромъ рѣсницы.

— Немножко поздно, сказалъ кто-то возлѣ меня, теперь ужъ никакія лестныя предложенія не оживятъ его. А если вслѣдствіе этого, вы вздумаете упасть въ обморокъ, то падайте на лѣвую сторону: я тутъ.

Я пришла въ себя и, не обертываясь къ говорившему, опять наклонилась надъ гробомъ и припавши къ его сложеннымъ рукамъ, покрывала ихъ поцѣлуями и слезами. Но мнѣ показалось, что онѣ, немного приподнявшись, отталкивали меня.

— Полноте, Sophie, что это вы къ нему пристали? Знаете вѣдь, что ему теперь не до васъ: ему пора на небо. Безъ шутокъ, гробовщики дожидаются; надо гробъ закалчивать. Смотрите, вы все дѣло остановили. Ступайте куда на васъ еще не обратили вниманія, говорилъ Граціани, стараясь потихоньку оторвать меня отъ гроба. Но, я поспѣшно отстранивъ его рукою, наклонилась къ лицу Алексѣя, съ намѣреніемъ простить-

ся съ нимъ послѣднимъ поцѣлуемъ въ суровыя арѣсно замкну-
тыя губы. Но тотчасъ же остановилась. Не смѣю! не могу!...
не могу и оторваться отъ него безъ этого послѣдняго поцѣлуа.

— Ну, цѣлуйтесь скорѣе! говорилъ Граціани съ метернѣ-
ншемъ. На живого гладѣть не хотѣли, а къ мертвому приста-
ють съ поцѣлуями.

— Сонничка, довольно! послышалось надъ самымъ моимъ
ухомъ, и, заливаясь горькими слезами, я еще разъ поцѣловала
холодную руку и сошла съ возвышенія. Вида передъ собою
только черную мантилью маменьки, я шла за нею до тѣхъ поръ,
покуда она не остановилась и опустилась рядомъ съ нею на
скамейку, у окна, гдѣ, кромѣ насъ, никого уже не было. Под-
нявъ голову, я увидѣла пеструю толпу посреди церкви, двухъ
женщинъ въ черномъ, вырвавшихся изъ рукъ четверыхъ муж-
чинъ съ пронзительными криками, и мнѣ стало стыдно сво-
ихъ слезъ и шептанья надъ гробомъ. Чѣмъ лучше этихъ глу-
пыхъ актрисъ почтила я священный образъ и святой сонъ по-
чившаго? я поспѣшно утерла слезы.

Отлетай съ миромъ Божій Ангелъ! и уноси съ собою мой
покой и счастье! Да исполнится надо мною твое слово, если
нужно это для моего искупленія и твоего покоя!

Раздалось обычное пѣніе и толпа двинулась изъ церкви. Ско-
ро она опустѣла; опустѣло, какъ будто, и мое сердце. Мнѣ по-
казалось, что у меня взяли все, все отняли, все, чѣмъ я жила
до сихъ поръ: силы, будущность и вѣчную надежду на спасе-
ніе. Мнѣ показалось, что я умираю.

— Боже мой, проговорила я сквозь слезы! ты всего лишилъ
меня.

— А черноглазый-то студентъ? сказалъ Граціани, садясь
возлѣ меня. Забыли? Онъ, напримѣръ, будетъ лучше и проч-
нѣе покойника. Тотъ, видите-ли, какой былъ хрупкой: не вы-
несъ и самой первой и самой простой вашей операціи. Полюбо-
те, живите себѣ: еще на свѣтѣ много осталось надъ кѣмъ по-
лудрять. Еще не одного уложите. Притомъ же и грѣхъ. Всѣмъ
извѣстно, что Богъ знаетъ чтò дѣлаетъ и на него роптать не
позволено.

— Пойдемъ! сказала татап, вставая и взявъ меня за руку.
Мы вышли изъ церкви. Граціани отыскалъ нашъ экипажъ и мы
уѣхали.

Спусти недѣля двѣ, какъ-то вечеромъ, сидя съ маман и братомъ за картами и безпрестанно выводя ихъ изъ терпѣнья своею разсѣянностію, я была пріятно удивлена пріѣздомъ Лизы съ теткою. Это свиданье было первое послѣ сцены въ церкви. Онѣ вошли. Анна Тимофѣевна смотрѣла и выступала какъ-то торжественно. Лиза потушилась.

— Здравствуйтѣ, Александра Васильевна, какъ ваше здорье? говорила Анна Тимофѣевна, раскланиваясь съ маман. Давно мы съ вами не видались; такія обстоятельства, все не пріятности, потери.... видно Бога прогнѣвили; ну, а какъ вы поживаете?

Маман отвѣчала сухо, непривѣтливо. Онѣ усѣлись на диванъ.

— А ты какъ перемѣнилась, Соничка! ну просто совсѣмъ узнать нельзя! сказала Лиза, цѣлуясь со мною. Похудѣла, постарѣла. Что съ тобою, душка?

— Она была очень нездорова, посѣвшила отвѣчать за меня маман.

— Скажите! что же это съ ними такое было? спросила съ участіемъ Анна Тимофѣевна.

— Не знаю, право; что-то въ родѣ лихорадки.

— Вотъ въ это-то время, я полагаю, вы безпокоились... Ну а насъ, вы извините, ради Христа, мы такъ хлопотали, и во время болѣзни, и по кончинѣ.... Фіозба Петровна одна, сами посудите, дѣвушка; ну что же она смыслить? тѣтишка ихняя, не за долго до болѣзни покойника, уѣхали въ Саратовъ, въ свое помѣстье. Ну и некому. Все я: хоронила, и памятникъ закладывала; однимъ словомъ все. Ну, слава Богу, эту статью покончили. Фіозбу Петровну почали устраивать. Покамѣсть до тѣтишкинаго пріѣзда, взяли ихъ къ себѣ гостить. Тутъ у нихъ не пріятности вышли съ Константиномъ Петровичемъ. Вѣдь онъ молочный братъ приходится покойнику; ну, они что-то тамъ не поладили. Фіозба Петровна имѣетъ характеръ гордый; а онъ, по молодости, знаете-ли, не хочетъ ей всего того уваженія сдѣлать, какъ бы слѣдовало. Ну, я теперь и не знаю какъ съ этимъ быть. Ума не приложу. У Фіозбы Петровны ему оставаться нечего и думать; а въ иное какое мѣсто—онъ непривыченъ, необыкновененъ. Такая коммисія. Вотъ мы съ Лизочкой между собою говорили, не возьмете-ли вы его Александра Васильевна? Онъ такой тихой безответный; ну и приученъ ко

каму: подать, принять все такъ ловко. Вотъ, не знаю, за ка-
ретою полно ѣздилъ ли онъ, не умѣю вамъ сказать....

— Что же ему жалованье надо платить? спросила татап.

— Какое жалованье? помилуйте? Онъ еще мальчикъ. Всего
есть-ли ему 17. Къ вамъ его пришлю я,—тамъ увидите са-
ми. А у насъ, въ это время, представьте, опять дѣло завязалось.
Все женихи, матушка, одолѣли! Одинъ со двора, другой на
дворъ Ужъ такая наша Лиза талантливая: полковникъ жандарм-
ской, молодець собою и все бы, какъ слѣдуетъ; да вотъ моею
невѣстѣ не понравился: видите-ли, очень высокъ, да дюжъ. По-
дите съ ней! Такая чудиха!

— Что это, тѣтичка! Будто я такъ говорила? возразила Лиза.
Я только сказала, что не хочу за толстяка. Представь, Соня,
пузанъ! Вотъ пріятность! Прошу съ эдакимъ пузомъ! Да это
вовсе нельзя!...

— Да что нельзя-то? спросила татап съ улыбкой.

— Ну вотъ, Александра Васильевна, и вы тоже, право....

— Что я? я только спрашиваю.

— Да, какже? посмотри, Соня, вдругъ бы у тебя мужъ:
вотъ здѣсь—такъ! (она указала на плечи, раставивъ руки до
послѣдней возможности); здѣсь эдакъ (и она подыала руки подъ
животомъ); ноги короткія, толстыя, точно обрубки.... Извольте
съ такимъ!.... фи, какая гадость!....

— Ахъ, ты проказница! сказала, смѣясь, Анна Тимофѣевна, и
вовсе не правда! прекрасный мужчина, въ лѣтахъ, дѣйстви-
тельно, и не такъ чтобъ очень хорошъ изъ себя; на что въ ней
въ красотѣ-то? Развѣ красота наше счастье составляетъ? Вотъ
Алексѣй Петровичъ и красавецъ былъ, на что лучше? Писанный,
можно сказать; а что? вѣтренникъ, не тѣмъ будь помянуть,
пустота.... А это, какое же сравненіе: человекъ солидный, въ
чинахъ, съ вѣсомъ....

— Пузанъ, усищи въ три аршина и глаза точно у быка....
вѣтъ тетя мерси beaucoup! вы мнѣ найдите хорошенькаго, чтобъ
походилъ на Алексиса, только былъ бы немного поумнѣе и не
заговаривался.

— Глупенькая, да гдѣ ихъ найдешь-то! Видите, чтобъ не
заговаривался? Да, они всѣ нынче, точно рехнулись, порютъ
такую дичь, что иной разъ, право, хоть бы и не слушалъ.
Вотъ, не хуже вчерашняго разговора; были, сударыни моя, у
однихъ близкихъ. Люди прекрасные. Своя семья, да еще кой-

кто, мужчины и дамы. И зашолъ разговоръ про вышнѣе воспитаніе; это, на счетъ дѣвицъ. Я говорю, въ барышнѣ первое дѣло, чтобъ была родителямъ покорна, изъ нихъ воли бы не выходила; а главное избѣгала бы мужскихъ, вышнихъ разговоровъ. Это, говорю, въ какомъ бы сословіи не доведись, — неприлично и не слѣдуетъ. А тутъ одинъ молодой человекъ, эдакъ напротивъ меня сидѣлъ, разсѣлся, да и говорить. по моему, говорить, странно, такое сужденіе; у моего говорить, пріятеля, есть знакомая барышня, которая ему всѣ секреты свои открываетъ и что, говорить, мамаша не скажетъ, то ему все отъ нея извѣстно. Съ нимъ и совѣтуется съ нимъ и всѣ свои печали раздѣляетъ. Да оно, говорить, и понятно, по той причинѣ, говорить, что мать въ такихъ лѣтахъ уже, это разъ, а другое, не такъ образована, иное что и не пойметъ; а съ молодымъ говорить, мужчиной, ей свободнѣе разговаривать. Значить, онъ все ей можетъ представить какъ по своему собственному сердцу суди, и ничего несообразнаго ей не посоветуетъ. Потому, одно: что они, что они—оба молоды, и ни упрекать ни стыдить ее ни въ чемъ не станетъ. А, какъ другъ, говорить, остановить или утѣшить; а того болѣе поддержать. Вотъ тутъ и подите, послѣ этого, выбирайте жениховъ, да воспитывайте невѣсты! Ты бережешь, ты сторожишь, чтобъ какого слова не сказали, ахъ, пуще того, не услышала. Иль про тебя бы чего не сказали. Извѣстно дѣвичья честь хрустальная: поудь—сейчасъ и потускнѣла. А они, извольте какъ поговариваютъ: имъ, значить, что своя одна, что съ пріятелемъ пополамъ все единственно. Они, видите-ли на это не взираютъ.

— Николай Михайлычъ, доложила горничная.

— Проси отвѣчала татаи небрежно.

— Ну, а намъ пора, Лизочка, засидѣлись! сказала Анна Тимофевна, торопливо вставая и оправляясь.

— Куда же это вы спѣшите?

— Ко дворамъ. Тамъ у насъ баринъ ждетъ, чай пить....

— Ну, вотъ какая диковина! подождите. Сей-часъ и намъ самоваръ подадутъ.

— Да вотъ къ вамъ гости....

— Что-жь такое? Это Граціана мы его не считаемъ гостемъ.

Садитесь, садитесь....

Анна Тимофевна усѣлась. Вошелъ Граціани.

— Мое почтеніе, Александра Васильевна! *Sophie comment*

и-va-t-il? Salut, mesdames сказалъ онъ, раскланиваясь съ дамами и протягивая мнѣ руку. Вы похудѣли, Sophie.

— И постарѣла и подурнѣла, Граціани, отвѣчала я глядя на него вопросительно грустно.

— Что вы постарѣли въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, отвѣчалъ онъ, при послѣднемъ нашемъ свиданіи вамъ было 16 безъ 11 мѣсяцевъ, теперь однимъ мѣсяцемъ менѣе; въ нравственномъ же отношеніи, происшествія этого мѣсяца состарѣли васъ еще болѣе; а что вы подурнѣли—этого я не нахожу. Напротивъ, въ вашемъ лицѣ прибавилось смысла.

— А его мало въ моемъ лицѣ? спросила я съ улыбкой.

— Было мало отвѣчалъ онъ серьезно.

— Что вы тутъ толкуете, вышлася Лиза. Соня подурнѣла. Она сама это очень хорошо знаетъ. Щеки осунулись, глаза такіе большіе, странные. Извѣстное дѣло: лихая болѣсть и она не красить. Ну а какъ вы меня находите мсье?

— Вы пополнили.

— Вотъ видите! Это отъ яицъ. Надо глотать каждое утро, на тонцахъ, яйца по два. Вчера, я чуть было не подавилась. Представь, Соня, яйцо было насиженное; а я не посмотрѣвши... Вотъ бы тебѣ попробовать, душка? Мнѣ тоже добрые люди присоветовали, на знати?

— Sophie, не переимайте пожалуйста никакихъ дурачествъ на-знати, сказалъ Граціани а лучше расскажите-ка мнѣ, что у васъ новаго?

— Новаго ничего, Граціани, отвѣчала я грустно, да я можетъ-ли быть? Для меня все кончилось; я лишилась всего...

— Чего это всего, Соничка? возразила Лиза, какой вздоръ ты мелешь, душка, возволь тебѣ сказать. Всего лишается тотъ человекъ, который, напримѣръ—въ игрѣ проиграетъ, спустить все до копейки; или который по несчастію отъ пожара. Ужъ тутъ можно сказать всего лишился. Воръ придетъ—стѣны оставятъ; а отъ пожара—оборони Богъ! Вотъ, какъ недавно въ нашей сторонѣ... Тѣтича, вы рассказывали Александрѣ Васильевнѣ про пожаръ?

— Поди пей чай отвѣчала ей тѣтка, налито; какой-токой пожаръ?

— Николай Михайловичъ, вашъ стаканъ! обратилась къ нему тѣтка. Солнышко бери свое молоко.

— Лиза права, говоритъ мнѣ Граціани, садясь возлѣ меня.

къ маленькому столику, невдалекѣ отъ общаго, гдѣ сидѣли воѣ и стоялъ самоваръ, вы далеко еще не всего лишились. Черезъ мѣсяцъ, — другой, вы забудете вашего покойника, и поищете развлеченія между живыми, если студентъ до сихъ поръ не умѣлъ развлечь васъ. А, шутки въ сторону, займитесь-ка хорошенько этимъ студентомъ. Я его видѣлъ. Онъ не дурачъ собою и не глупъ. Право! Что вы отъ меня отворачиваетесь? Ну, слезы! Послушайте, Sophie, перестаньте ребячиться. Вамъ ужъ 15 лѣтъ, вы здоровая дѣвочка, съ свѣжей, здоровой головой, съ характеромъ; неужели вы не въ силахъ удержаться отъ слезъ, которымъ нѣтъ никакого повода, никакой разумной причины? Умеръ человекъ вовсе не любимый вами и не стоившій вашей любви: хорошенькій мальчикъ съ пустой головой, съ трыпочнымъ сердцемъ, какъ очень мѣтко опредѣляетъ такихъ людей ваша тата. Не умеръ бы онъ, положимъ, и вы вышли бы за него за-мужъ. Прекрасно. Годъ-другой прошолъ бы для васъ незамѣтно; вы бы потеряли его въ чувственныхъ отношеніяхъ съ вашимъ ни на что болѣе негоднымъ мужемъ, и вдругъ замѣтили бы, что вы переросли его цѣлой головою. Въ 17, въ 18 лѣтъ, вы были бы гораздо старше вашего 28 лѣтняго Алексиса. А онъ остался бы на всю жизнь въ томъ возрастѣ, въ которомъ вы его зазнали. Вѣчнымъ Алексисомъ, Леной, Леничкой, никакъ не больше, съ тою только разницею, что въ 35, 40, онъ сдѣлался бы несносенъ и противенъ, потерявъ всю прелесть и пылкость молодости, сохранивъ одну пустоту и безхарактерность или развиль ихъ въ капризы, упрямство, самодурство, съ помощію которыхъ онъ сдѣлалъ бы вамъ жизнь хуже смерти или навелъ бы васъ на какой-нибудь неблагоприятный, предосудительный поступокъ.... Разсудите-же, послѣ этого, та chère Sophie, о чемъ вы плачете? Скорѣе, утрите эти дѣтскія, безпричинныя слезы; онѣ смѣшны на такихъ не дѣтски-умныхъ глазахъ; взгляните смѣло и бодро на предстоящую жизнь. У васъ все впереди: любовь, наслажденіе, счастье, и торопитесь вовсе не зачѣмъ. Все пойдетъ своимъ чередомъ. Если разонравился студентъ....

— Нѣтъ, Грзціани, онъ мнѣ не разонравился, проговорила я чуть слышно и озираясь на столъ съ самоваромъ. Только, въ это время, мнѣ, право, было не до него, ни до кого на свѣтѣ....

— Но это время прошло и я вамъ совѣтую, между прочимъ, не оставлять и студента. Это очень замѣчательный субъектъ

Будьте съ нами попроще и подоступнѣе, потому что онъ самъ по-то очень дико смотритъ и, кажется, вовсе не сообщителемъ. Старайтесь скорѣе приручить его; онъ будетъ способствовать вашему развитію и самъ, подъ вашимъ вліяніемъ, скорѣе разовьется. А, между тѣмъ, Sophie, мы, кажется, скоро должны съ вами проститься? Вы, вѣроятно, въ концѣ этого мѣсяца, ѣдете въ Москву и до будущаго лѣта мы не увидимся. Не догадается-ли ваша мамаша пригласить меня къ себѣ въ Москву?

— Не думаю, Граціани. Вы знаете, что у насъ никто не бываетъ изъ мужчинъ.

— А студентъ не мужчина? Или и его только продержатъ до зимы?

— Я полагаю.

— Удивительно умно! только на какомъ это основаніи все дѣлается, желалъ бы я знать....

— Соничка, а сиди около тебя, можно? сказала подходя Лиза.

— А ты развѣ кошчила чай, Лиза? спросила я ее, не охотно подвигаясь, чтобъ дать ей мѣсто между собою и Граціани.

— Я накрыла чашку. Я больше трехъ рѣдко когда пью. А что, Соничка, бываетъ у васъ Юлія Николаевна? Что-то объ ней ничего не слышно.

— Послѣ поѣздки въ Кунцово, помнишь тогда.... они еще не были у насъ.

— Что съ покойникомъ-то ѣздили? Вотъ помора-то была, вспомнить не могу. А вѣдь она, Соничка, глуповата, воля твоя. Какъ, барышнѣ подъ 30 и нельзя сказать, чтобъ особенно была хороша, а того не сообразить, что надъ ней всѣ смѣются. Тотъ влюбленъ, другой влюбленъ; а ничуть не бывало, красоты никакой нѣтъ, да и лѣта ужъ ея не такія. Извѣстно, какъ за двадцать за пять зайдетъ, такъ всякая барышня начинаетъ портиться....

— Какъ это такъ портиться? спросилъ Граціани.

— Извѣстно: худѣть, блѣднѣть, сохнуть, рахманная дѣлается такая, кислая; однимъ словомъ для жениха ужъ не такъ приятно и всякой обѣгаетъ. Мнѣ—19.

— Право? Слѣдственно, чтобъ васъ не обѣжалъ женихъ, вамъ надо, въ продолженіи этихъ пяти лѣтъ, непременно вытти за-мужъ?

— Почему-жъ въ продолженіи пяти лѣтъ? я можетъ быть,

нытншей же зимой выду за мужъ. Миѣ это странно, почему вы такъ думаете?

— Я ничего не думаю. Я просто хотѣлъ сказать, что по вашему же собственному взгляду на вещи, вамъ надо посѣлншить вытн за-мужъ.

— Почему же это миѣ надо посѣлншить, желала бы я знать?

— Соня, это на тебѣ античная брошка или мозаикъ?

— Не античная и не мозаикъ, а просто стекло.

— Вотъ фантазія душка надѣвать стекло. Ахъ, Соничка, я бы, кажется, Богъ-знаетъ чего не дала, за античную брошь. *C'est si noble*: тутъ антикъ; но тѣти говорить: выходи за-мужъ, тогда тебѣ будетъ и антикъ; а прежде и не мысли.

— Хотите, я васъ угѣшу, подарю вамъ античную брошку? сказали Граціани.

— *Merci beaucoup*. Я принимаю подарки только отъ своихъ, а вы посторонніе.

— Почему же посторонній? я съ вами давно знакомъ и расположенъ къ вамъ.

— Я этого не хочу слышать! воскликнула она, зажимая уши.

— Граціани весело засмѣялся.

— А чѣмъ такимъ, слыю васъ сиротить, я для васъ забавна?

— Своею оригинальностію.

— Чѣмъ это? Соня, что онъ таков говоритъ?

— Онъ говоритъ что ты нравишься ему тѣмъ, что въ тебѣ все свое, что ты не подражаешь другимъ....

— Однимъ словомъ, оригинальностію вашею назвалъ я тѣ несравненныя свойства, какими вы отличаетесь отъ другихъ.

— *Віен aimable, monsieur!* Однако, Соничка, къ вамъ еще кто-то пріѣхалъ. Калиткой хлопнули. Я не растрепана, душка?

— Отчего же это тебѣ растрепаться?

— А какъ шляпу смылаешь? Какая-то дама и съ дѣвочкой. Какъ здороваешься, пойдемъ душка, въ садъ, походимъ немножко, вѣдь скоро, чай, намъ и вамъ въ Москву отправятся. Осень подходитъ.

Вошла старинная маменькина знакомая Престина и за нею прехорошенькая дѣвочка, лѣтъ 10; онѣ поцѣловались съ маман и усѣлись на диванъ.

— А это вотъ, рекомендую, сказала Настасья Алексѣевна, взявъ дѣвочку за руку и притянувъ ее къ себѣ, моя воспитанница, Катюшка.

— Клянйся, глупенькая. Дика, въ деревнѣ жила. Недавно привезли и навязали; на, содержи, воспитывай. Да вѣдь какая беда-то, я вамъ скажу. Отказаться-то не могла, и наклонившись къ шаману, она сообщила ей что-то на ухо. Ничему не учена, продолжала она громко. Известное дѣло кому было позаботиться. А ужь 12-ый годокъ. Что и теперь стану съ ней дѣлать, сама не знаю. Кому у меня съ ней заняться.

— Хотите, Соничка будетъ давать ей уроки? спросила шаман. Она сама учится; ну, да въ свободное время?

— Ахъ, какъ я вамъ буду благодарна и Софья Александровнѣ также. Если только мои дураки васъ не обезпокоятъ.

— Напротивъ я буду очень рада отвѣчала я.

— Хорошенькая дѣвочка замѣтила Граціани, подите-ка сюда, mon enfant, и онъ привлекъ ее къ себѣ; который вамъ годъ? Катюшка молчала.

— Какая толстененькая, настоящая катушка, продолжалъ онъ.

— Должно быть глуповата, замѣтила Лиза.

— Это изъ чего вы заключаете?

— Вотъ еще, изъ чего заключаю! Да мнѣ такъ кажется.

— Значить вы заключаете безъ основанія.

— Какое тутъ основаніе! Я по глазамъ вижу, что она не дальняго. Посмотри, Соничка.

— Напротивъ, Лиза, у нея очень выразительные черные глаза. Она прехорошенькая.

— Ну ужь, Соничка, это твоя манера; а ничего не бывало. Она выростетъ и вся красота пропала, это всегда такъ бываетъ: кто въ дѣвочкахъ былъ хорошъ, тотъ станетъ выравниваться—подуриветь. Ты на себѣ замѣчай, Соня; какая ты была душка маленькая, вотъ тѣточка помнитъ; а тамъ чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, ну и теперь посмотри на себя....

— Гдѣ это у нея глаза, у этой Лизаветы Петровны, желалъ бы я знать? сказалъ Граціани.

— А глаза извѣстно гдѣ;—въ головѣ, какъ я полагаю, у всѣхъ. Вотъ нашли чему удивляться. А у васъ гдѣ позвольте спросить?

— У меня на лицѣ на первомъ планѣ; оттого я и вижу что ежид Sophie, была хороша маленькая, то теперь съ каждымъ днемъ становится все лучше и лучше; а Katiehe будетъ тоже прехорошенькой дѣвочкой. Вы учились чему-нибудь, mon enfant?

— Училась, отвѣчала она чуть слышно.

— Чему?

— А она косовата, Соничка, замѣтила Лиза. Посмотри, душ-ка, лѣвый глазъ у нея какъ будто закатывается. И руки красныя, точно гусинныя лапы. Однако, Соня, ты общала сводить меня въ садъ на прощанье.

— Какой тутъ садъ, холодъ эдакой, прервала ее тетка. Пора намъ и домой, Прощайся Лизуша.

— Что это, тѣтишка, такъ рано? Право мы бы съ Соней погуляли?

— Что за гулянье, матушки. Поди, чай теперъ и извозника-то не найдешь. Вѣдь это не июнь мѣсяць.

— Ну вотъ, тѣтя, какія вы, право! Соничка когда же вы къ намъ?

— Какъ придемъ въ Москву, такъ и къ вамъ, отвѣчала за меня шатап.

— Только дѣвчонку эту не бери съ собой она преглупая; а этого глупаго мсьѣ нечего слушать и не подражай ему, Соничка. Онъ уѣхали.

— А какъ ни наивна эта Лизавета Петровна, сказалъ Граціани, отпустивъ отъ себя Катиншъ, а на этотъ разъ угадала: дѣвочка, дѣйствительно, не очень способная. Я осмотрѣлъ ее голову, и нахожу, что она пороха не выдумаетъ. Во всякомъ случаѣ, Sophie, вы ее не забрасывайте. А такъ какъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, мы нынѣшній день простимся съ вами до будущаго лѣта, то мнѣ бы хотѣлось дать вамъ на ея счетъ нѣкоторыя инструкціи. Во-первыхъ, не вздумайте надобѣдать ей какими-нибудь наставленіями, храни васъ Богъ. Учите ее просто запросто однимъ своимъ примѣромъ. Умной вы ее не сдѣлаете; научите ее хоть говорить порядочно, держаться какъ слѣдуетъ. Она, я замѣтилъ, немножко горбится. Читайте съ ней побольше; побольше заставляйте ее бѣгать; а пуще всего внушите, чтобъ она ни отъ кого не таурилась. Это всего глупѣе и я терпѣть этого не могу. Будущей весной надѣюсь увидеть васъ обѣихъ счастливыѣ. До свиданья на долго, Sophie, не забывайте моихъ инструкцій; меня я знаю что вы не забудете? Правда? и онъ устремилъ на меня глубоко нѣжный взглядъ. Отъ его взглядовъ я не краснѣла; я также просто, спокойно принимала ихъ, какъ просты и спокойны, по моему мнѣнію, были наши отношенія.

— Мое почтеніе, Александра Васильевна! обратился онъ къ

паша. Не смѣю сказать: до свиданья; потому что Богъ знаетъ когда мы съ вами увидимся.

— Если будемъ живы да здоровы, такъ увидимся будущей весною,—отвѣчала паша.

Граціани взглянулъ на меня съ усмѣшкою и вышелъ.

Я проснулась на другой день съ сухими и ясными глазами, съ тихой грустью вмѣсто отчаянья, и съ твердымъ намѣреніемъ снова приняться за дѣятельную, заботливую и энергическую жизнь. Я собрала и пересмотрѣла свои тетради. Записала происшествія послѣдняго времени. Съ особеннымъ стараніемъ перечитала заданные мнѣ уроки; перевела довольно удачно два дѣйствія изъ Маріи Стюартъ на французскій языкъ, составила комментаріи къ первой пѣснѣ Дантова Пургаторія и до тѣхъ поръ не оставляла фортепьяно, покуда совершенно безошибочно не проиграла заданную мнѣ м-г Дювернуа мазурку Шопена. За обѣдомъ я увидѣла Серпинскаго и, встрѣтившись съ нимъ глазами, покрасилъ какъ въ первый разъ, три мѣсяца тому назадъ.

— Какъ печальны стѣли Сокольники, замѣтилъ онъ, всѣ уѣзжаютъ. Я нынче ходилъ прощаться съ рощей.

— Вы думаете въ Москву? спросила паша.

— Нынче же.

— Мы, тоже гдемъ въ будущую субботу. Искали, искали квартиръ, насилу нашли. Не знаю будетъ-ли хороша. По цѣнѣ она мнѣ очень понравилась, прибавила паша съ улыбкой.

— А гдѣ это, Александра Васильевна?

— У Харитонія въ огородникахъ, въ переулкѣ, домъ маіора Демьянова. Надѣюсь что вы насъ навѣстите?

— Благодарю васъ, непременно, и онъ бросилъ на меня взглядъ, который я объяснила такъ: «рѣшусь-ли я пренебречь возможностью видѣть ее» и отвѣчала ему не менѣе выразительнымъ взглядомъ, не знаю взялъ-ли онъ на себя трудъ объяснить его. Въ этотъ же день мы и простились. И разумѣется у меня не было и помышленія, что мы встрѣтимся потомъ не черезъ нѣсколько дней, а черезъ цѣлый годъ и то случайно и съ обѣихъ сторонъ совершенно равнодушно.

* *
*

Я зналъ, что намъ съ тобой не долго быть ужъ вмѣстѣ,
Что съ предразсудкомъ ты не выдержишь борьбы,
Что ты откажешься отъ чувствъ при первой вѣсти
О томъ, что насъ клеймитъ злословіе толпы.

Я зналъ, что одному приличью ты поворна,
Что смодкнутъ передъ нимъ душа твоя и кровь,
Что покрасишь ты, какъ отъ вины позорной,
Передъ судомъ его за чистую любовь.

Я зналъ что ты пойдешь дорогой обыденной,
Что люди разорвутъ союзъ сердечный нашъ,
И что кому-нибудь безъ сердца—но законно
Ты красоту свою и молодость продашь.

И глубоко скорбя, я громко негодую,
Смотря на образъ твой, внушавшій мнѣ восторгъ,
Какъ на Рафаэля картину дорогую,
Которую здѣсь ждетъ аукціонный торгъ.

И. ГРЕВОВЪ.

АДОЛЬФЪ.

РАЗСКАЗЪ, НАЙДЕННЫЙ ВЪ БУМАГАХЪ НЕЗНАКОМОГО ЧЕЛОВѢКА.

(Бенжамена Констанъ.)

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я путешествовалъ по Италіи. Разлитіе рѣки Нето задержало меня въ Черенцо, маленькой напаліиской деревнѣ; я принужденъ былъ остановиться въ трактирѣ, гдѣ встрѣтилъ, остановившагося въ немъ, во той же самой причинѣ, одного чрезвычайно угрюмаго и печальнаго съ виду господина; онъ нѣсколько, впрочемъ, не былъ озабоченъ задержкою; я хотѣлъ вступить его въ разговоръ, такъ какъ кромѣ его и поговорить было нескѣмъ; я не разъ начиналъ жаловаться ему на судьбу. Въ отвѣтъ онъ только и твердилъ, что ему все равно, оставаться ли здѣсь, ѣхать ли дальше. Трактирщикъ, изъ разговора съ неаполитанцемъ, слугою этого господина, узналъ и сказалъ мнѣ, что господинъ этотъ, хотя и путешественникъ, ни на кого и ни на что не обращаетъ вниманія, что его не интересуютъ ни люди, ни развалины, ни памятники, ни чудеса природы; имени его слуга не зналъ. Онъ часто принимался читать, но скоро бросалъ книгу; по вечерамъ онъ прогуливался, всегда одинъ одиношеникъ, и часто цѣлые дни просиживалъ на тротуарѣ съ мѣста, упершись локтями въ колѣни и закрывъ лице руками.

Наконецъ Нето вошла въ берега и мы могли бы смѣло пуститься въ путь, но въ это самое время незнакомый господинъ сильно заболѣлъ. Мнѣ показалось безчеловѣчно бросить его; я счелъ долгомъ остаться до его выздоровленія и чѣмъ можно пособить ему. Въ Черенцо былъ деревенскій лекарь, но я побоялся доверить ему больного и хотѣлъ послать за докторомъ въ Козенцу. Затѣмъ, сказалъ мнѣ

больной, не надо: вѣдь вотъ есть докторъ, мнѣ именно такого-то и надо. Сверхъ всякаго ожиданія оказалось, что онъ былъ правъ, деревенскій лекарь вымечилъ что. Не думалъ я, чтобъ вы были такой мастеръ своего дѣла, сказалъ онъ, будто съ сердцемъ, лекарю, отпуская его; готомъ онъ поблагодарилъ меня за хлопоты и уѣхалъ.

Почти годъ спустя, въ Неаполѣ, я получилъ изъ Черенно отъ трактирщика письмо и при немъ маленькую шкатулку, найденную на дорогѣ въ Стронголи, на той самой дорогѣ, по которой ѣхали мы, незнакомецъ и я, чуть не вмѣстѣ. Трактирщикъ послалъ ко мнѣ шкатулку въ полной увѣренности, что она принадлежитъ кому-нибудь изъ насъ двоихъ. Въ шкатулкѣ была большая связка писемъ, писанныхъ, какъ видно, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одни изъ нихъ были вовсе безъ адреса, на другихъ и адресъ и подпись были зачеркнуты, подъ этою связкою портретъ какой-то женщины и тетрадь, содержавшая въ себѣ рассказъ или исторію, которую читатель найдетъ въ этой книгѣ. Незнакомый господинъ, владѣлецъ этой шкатулки не оставилъ мнѣ своего адреса, а я не зналъ даже его имени. Лѣтъ десять носился я со всемъ этимъ, совершенно не зная какъ тутъ поступить, только вдругъ въ одномъ изъ городовъ Германіи нашлась дама, которая, услышавши отъ меня же самого о рукописи, попавшей въ мои руки, стала убѣдительно просить у меня эту рукопись. Восемь дней спустя она прислала мнѣ назадъ рукопись съ письмомъ отъ себя, которое я поставилъ въ концѣ рассказа, потому что оно будетъ не понятно для того, кто не знаетъ самой исторіи.

Это письмо дало мнѣ смѣлость издать эту рукопись, оно убѣдило меня, что такое изданіе никого не оскорбитъ, ни задѣнетъ. Я не отступилъ ни на одно слово отъ подлинника; имена, фамиліи дѣйствующихъ лицъ утаены не мною: на мѣсто ихъ въ подлинникѣ, точь въ точь какъ у меня, стояли однѣ начальныя буквы.

АДОЛЬФЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Мнѣ было двадцать два года, я только что кончилъ курсъ въ Геттингенскомъ университетѣ. Отецъ мой, сановникъ при дворѣ курфирста ***, непременно хотѣлъ, чтобы я побывалъ во всѣхъ замѣчательнѣйшихъ городахъ Европы. Онъ рассчитывалъ потомъ вернуть меня, сдѣлать изъ меня чиновника того самаго вѣдомства, которымъ онъ управлялъ и приготовить меня такимъ образомъ къ тому, чтобы я занялъ впоследствии его мѣсто. Живя вообще крайне безпорядочно, я сдѣлалъ однако съ помощью упрямаго труда значительные успѣхи въ наукахъ; успѣхи эти, давашіе мнѣ видное мѣсто въ кругу моихъ товарищей, послужили поводомъ къ тому, что отецъ возложилъ на меня, кажется, уже черезъ чуръ великія надежды.

Эти надежды сдѣлали его слишкомъ снисходительнымъ къ моимъ

промахъ, которые я дѣлалъ чуть не на каждомъ шагѣ. Онъ никогда не хлопоталъ о томъ, чтобъ дать мнѣ почувствовать гибель тѣхъ послѣдствій, которыя пронстекали бы непремѣнно изъ этихъ промаховъ. Онъ всегда помогалъ мнѣ выходить изъ скверныхъ положеній и часто вовсе не дожидаясь того, чтобъ я попросилъ его помощи.

Къ несчастію онъ велъ себя въ отношеніи ко мнѣ скорѣе великодушно, нежели нѣжно. Въ моихъ глазахъ онъ имѣлъ всѣ права на мою признательность и на мое уваженіе, но мы никогда не были искренни между собою. Въ его умѣ было много насмѣшливаго, такого, что было вовсе не въ моемъ характерѣ. Я страшно любилъ тогда отдаваться тѣмъ первымъ горячимъ впечатлѣніямъ, которыя вырываютъ душу изъ обыденной среды и внушаютъ ей презрѣніе ко всему, что окружаетъ ее. Я видѣлъ въ отцѣ не судью, а холоднаго, насмѣшливаго наблюдателя, который при свиданіи со мною обыкновенно сначала улыбался, потомъ начиналъ горячиться. Я не помню, чтобъ когда-нибудь въ продолженіе моихъ первыхъ восемнадцати лѣтъ, онъ проговорилъ со мною такъ, хоть съ часъ. Его письма ко мнѣ были нѣжны, исполнены разумныхъ совѣтовъ, высказанныхъ отъ души, но какъ только мы сошлись съ глазу на глазъ, онъ начиналъ держать себя какъ-то принужденно; я никакъ не могъ объяснить себѣ этого, тяжелаго для меня, обращенія со мною. Я еще не зналъ тогда что такое застенчивость, я не понималъ этой нравственной болѣзни, не покидающей человѣка часто и въ самыя преклонныя лѣта его, не дающей обнаружиться самому сильному впечатлѣнію, вслѣдствіе которой или вовсе нѣмѣютъ уста или говорится вовсе не то, что бы хотѣлось и смыслъ рѣчи дѣлается или смутнымъ или исполненнымъ, болѣе или менѣе, горькою ироніею, какъ будто бы изъ желанія выместить на нашихъ же собственныхъ чувствахъ ту боль, которую чувствуемъ мы отъ неумѣнья выказать ихъ. Я не зналъ, что отецъ мой былъ застенчивъ даже со мною — съ своимъ сыномъ и что часто, выслушавъ отъ меня нѣсколько заявленій моей любви къ нему, которыя не должны бы, кажется, нравиться ему при кажущейся жесткости его сердца, онъ уходилъ съ заплаканными глазами и жаловался еще другимъ на то, что я недовольно люблю его.

Это отсутствіе искренности въ отношеніяхъ моихъ съ отцомъ, имѣло сильное вліяніе на мой характеръ. Застенчивый не менѣе его, но несравненно болѣе волнующійся чѣмъ онъ, потому что я былъ юноша, а онъ старикъ, я привыкъ затаивать въ глубинѣ души все то, что я чувствовалъ, строить планы втайнѣ отъ другихъ, не рассчитывать ни на кого для исполненія этихъ плановъ, считать мнѣніе, внимательство, помощь другихъ, даже одно ихъ присутствіе тягостью, помѣхою. Не говорить никому о томъ, что меня волновало, вступать въ разговоръ только тогда, когда это будетъ для меня глупою необходимостью и одушевлять его въ такомъ случаѣ шутками, острогами безъ конца, чтобы онъ былъ не слишкомъ утомителенъ для меня и чтобы даже не намекалъ на то, какъ я думаю на

самомъ дѣлѣ, стало моимъ правиламиъ. Отсюда во мнѣ та небрежная разсѣянность, за которую до сихъ поръ упрекаютъ меня друзья, оттого-то и затрудниюсь я всегда, когда приходится трактовать серьёзно. Но въ то же самое время, вслѣдствіе всего этого, родилось во мнѣ самое пламенное желаніе скорѣе вырваться на волю изъ несносныхъ узъ, опутывавшихъ меня, и я сталъ страшно бояться новыхъ связей. Я только тогда и былъ счастливъ, когда оставался одинъ и это тогдашнее душевное настроеніе оставило такой слѣдъ по себѣ, что я даже теороръ, по какому бы ничтожному случаю не представилось мнѣ выбирать одно изъ двухъ: общество или уединеніе, я каждый разъ почувствую смущеніе при мысли о человѣческомъ образѣ и, не задумываясь, непремѣнно уйду подальше отъ людей, чтобъ имѣть возможность мыслить на свободѣ. Не смотря на это я, небылъ безпоощаднымъ эгоистомъ какимъ собственно долженъ бы я кажется, быть, судя по моему характеру: не интересуюсь тѣмъ, что не касалось до меня, и мало занимался и самимъ собою. Я не замѣчалъ, что сердце мое жаждало любви и что оно, не находя ее, отталкивало меня по очередно отъ всего, что останавливало меня. Это равнодушіе ко всему, еще болѣе усилилось во мнѣ, вслѣдствіе мысли о смерти, рано поразившей мой умъ, но о которой, къ моему удивленію, люди вовсе не думаютъ серьёзно. На моихъ глазахъ умерла одна пожилая женщина, мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ; эта женщина, съ умомъ замѣчательнаго и сгнаннаго свойства, имѣла сильное вліяніе на мое развитіе, оно началось подъ ея вліяніемъ. Женщина эта, какъ и тысяча другихъ, начиная свою карьеру, кинулась въ свѣтъ, объ которомъ не имѣла понятія, съ сознаніемъ своей душевной силы и съ умомъ дѣйствительно могущественнымъ. Также какъ и тысяча другихъ, она не хотѣла покориться нелѣпымъ, но обязательнымъ условіямъ этого свѣта, и надежды ея обманулись и печально прошла ея молодость; она стала наконецъ старѣть, но в старость не погнула ее. Она покинула свѣтъ и негодующая, посѣлилась въ замкѣ, не далеко отъ одного изъ нашихъ помѣстій: она стала жить вполне однимъ своимъ умомъ, анализируя имъ все. Въ продолженіи почти цѣлаго года она только и говорила со мною что о жизни, во всѣхъ ея фазахъ, да о смерти, какъ о концѣ всего; и послѣ столькихъ бесѣдъ съ нею о смерти я вдругъ увидѣлъ, какъ смерть поразила самое ее.

Этотъ фактъ заставлялъ меня задуматься надъ таинственнымъ предопредѣленіемъ и породилъ во мнѣ тѣ смутныя мечтанія, которыя никогда не покидали меня. Читая поэтовъ я преимущественно останавливался на тѣхъ мѣстахъ, которыя напоминали, что жизнь человѣческая коротка. Я находилъ, что не стоитъ ни къ чему стремиться. Довольно странно, что убѣжденіе это слабѣло во мнѣ именно по мѣрѣ того, какъ смерть все ближе и ближе стала подходить ко мнѣ. Почему это? Потому ли, что надежда вообще болѣе или менѣе смутна и, что когда у человѣка не останется ея, жизнь его сдѣлается суровѣе, но гораздо положительнѣе? Потому-ли, что жизнь представляется гораздо болѣе дѣйствительною по мѣрѣ того, какъ разлетаются об-

мечты, точно такъ, какъ горныя вершины, яснѣе обрисовываются на горизонтѣ по мѣрѣ того, какъ разсѣваются облака?

Изъ Геттингена я переѣхалъ въ маленький городокъ Д***. Городокъ этотъ былъ резиденцію одного владѣтельнаго князя, который какъ большая часть германскихъ князьковъ, кротко управлялъ своимъ крошечнымъ княжествомъ, покровительствовалъ просвѣщеннымъ людямъ, поселявшимся въ его владѣніяхъ, предоставлялъ полнѣйшую свободу всевозможнымъ мнѣніямъ, но который, будучи замкнутъ по старинному обычаю въ средѣ придворныхъ, уже по одному этому вращался въ обществѣ людей или вовсе ничтожныхъ или самыхъ посредственныхъ. Когда я представился къ этому двору мнѣ обрадовался, какъ интересному субъекту, словомъ встрѣтили, какъ обыкновенно встрѣчаютъ парадная среда новаго челоѣка, нарушающаго ея однообразіе. Меня же, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ничего не заинтересовало въ этой средѣ. Я былъ признателенъ за то вниманіе, которое оказывали мнѣ, но изъ котораго по застѣнчивости я не извлекалъ никакой пользы; безсмысленная суета страшно утомляла меня и я всегда предпочиталъ типину уединенія нелѣпымъ увеселеніямъ въ которые старались втянуть меня. Ни къ кому изъ окружавшихъ я не пыталъ отвращенія, но за то ни къ кому почти и не чувствовалъ я ни малѣйшей привязанности; но равнодушіе бѣснѣтъ людей; по ихнему равнодушный челоѣкъ или эмбевикъ или фатъ; они не хотятъ вѣрить, что они могутъ надобѣть на самомъ дѣлѣ. Иногда, не желая доказать сколь тошно мнѣ, я не уходилъ я высиживалъ по долгу и упорно молчалъ: говорили, что я молчу, потому что всѣмъ пренебрегаю. Случалось, что наконецъ и самому мнѣ надобѣдало молчать, я начиналъ шутить, подтрунивать, и умъ мой, раздражаясь все болѣе и болѣе забывалъ наконецъ всякія границы. Въ нѣсколько минутъ я выводилъ на свѣжую воду цѣлую бездну странностей, подмѣченныхъ мною въ теченіи мѣсяца. Люди, которыхъ я заставлялъ высказывать эти сердечныя изліянія никогда, ни во что не ставили моей внезапной довѣрчивости къ нимъ, и хохотали дѣлали, потому что я искалъ не сердца, которое понимало бы меня, а ушей которая бы слушала, потому что мнѣ больно хотѣлось поговорить. Въ разговорѣ съ женщиной, впервые ошарившей мой умъ, я приобрѣлъ неодолимое отвращеніе ко всякимъ казеннымъ фразамъ и ко всевозможнымъ догматическимъ формуламъ. Каждый разъ, когда я слышалъ жалкую посредственность, услаждающую себя разглагольствованіемъ объ неопровержимыхъ почти и евали не всѣмъ признанныхъ какихъ-нибудь общихъ правилахъ, меня такъ и подмывало начать противорѣчить не потому, чтобъ самъ я былъ противоположныхъ убѣжденій, а потому что меня бѣснѣли эти закоронѣлыя, окаменѣвшія истины. Сверхъ того, не знаю, я какъ-то инстинктивно всегда былъ подозрителенъ къ этимъ всеобщимъ принципамъ, не допускающимъ никакихъ исключеній, не дѣлающимъ никакихъ уступокъ. Для дураковъ, чѣмъ компактнѣе кодексъ ихъ нравственности, чѣмъ смутнѣе его всеобщія опредѣленія тѣмъ лучше, потому что чѣмъ менѣе

приложимъ оны къ жизни съ ея мелочами, тѣмъ покойнѣе она—эта жизнь.

Ведя себя такимъ образомъ, я вскорѣ прослылъ насмѣшникомъ, легкомысленнымъ, дурнымъ человѣкомъ. Горечь словъ моихъ послужила доказательствомъ того, что у меня злое сердце; мои шутки сочли за посягательство на всё, что только есть святаго. Тѣ, которыхъ я имѣлъ неосторожность осмѣивать, находили выгоднымъ для себя говорить, что я нападаю на нихъ за вѣрность тѣмъ принципамъ, которые, будтобы, какъ кричали они, я старался поколебать: такъ какъ я довелъ ихъ наконецъ, вовсе не желая, до того что они стали смѣяться другъ надъ другомъ, то всё поголовно возстали на меня. Они стали говорить, что осмѣивая ихъ странности я злоупотребляю довѣріемъ, которымъ они меня почтили, что они только потому и рѣшились показаться мнѣ такими, каковы они есть на самомъ дѣлѣ, что я общался объ этомъ не сказывать никому: я отпирался и говорилъ, что и не думалъ никогда давать такого тяжкаго обѣта. Они любили забавляться не стѣняясь, а я любилъ наблюдать ихъ и разбирать ихъ по косточкамъ; и то что они называли вѣроломствомъ было, въ моихъ глазахъ, совершенно невиннымъ и вполне законнымъ удовлетвореніемъ.

Я вовсе не хочу теперь оправдываться: я давно бросилъ эту глупую, смѣшную привычку, свойственную всякому неопытному уму: я просто хочу показать другимъ и вовсе не въ защиту себя, потому что я далеко теперь отъ свѣта и не боюсь его, показать какъ много нужно времени для того чтобъ свыкнуться съ человѣческимъ обществомъ, искаженнымъ расчетомъ, притворствомъ, суетою, страхомъ. Изумленіе юноши при видѣ этого общества, въ которомъ все такъ поддѣльно и натянуто, доказываетъ, что у него не злое, а напротивъ доброе сердце. Впрочемъ общество отъ этого ничего не теряетъ: оно такъ тяготѣетъ надъ нами, незамѣтное вліяніе его на насъ столь могущественно, что рано или поздно оно заставитъ насъ согнуться и подойти подъ общій уровень. Тогда мы будемъ удивляться только тому, что могли чему-то удивляться прежде, и славно заживется намъ, когда мы смиренно поплетемся вслѣдъ за другими: свѣжій человѣкъ войдетъ въ театръ, съ верху до низу набитый зрителями, ему покажется страшно душно, а обидится и ничего, будетъ дышать свободно.

Тѣ немногіе, которые не подвергаются этой общей участи, закупаютъ въ себѣ свое разномысліе: въ большей части смѣшнаго они начинаютъ видѣть сѣмена пороковъ и перестаютъ смѣяться, перестаютъ шутить, потому что начинаютъ ненавидѣть, а ненависть молчалива.

Такимъ образомъ я съ своимъ характеромъ нарушилъ безмятежное спокойствіе этого маленькаго общества, въ которомъ я сталъ вращаться. За мною не знали никакихъ скверныхъ дѣлъ; были за мной кое какія дѣла, которыя, кажется, ясно говорили о моемъ великодушій и о готовности моей, подъ часъ, жертвовать самимъ собою,—этихъ

никто не могъ оспорить; но тѣмъ не менѣе меня называли безнравственнымъ, неблагонадежнымъ человѣкомъ; эти два эпитета очень ловко придуманы для того чтобъ, не зная человѣка, набросить на него тѣнь и дать волю всевозможнымъ догадкамъ на его счетъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Я страшно скучалъ, смотрѣлъ на все лѣнливо, былъ крайнѣе разсѣянъ, вовсе не замѣчалъ того впечатлѣнія какое производилъ я на другихъ и короталъ дни, то предаваясь научнымъ занятіямъ, которыя я часто и на долго бросаю, то строя планы, которые никогда не осуществляю, то пускаясь въ свѣтскія удовольствія, къ которымъ собственно всегда былъ совершенно равнодушенъ, какъ вдругъ одно обстоятельство, очень ничтожное съ виду, настроило меня совершенно иначе.

Одинъ молодой человѣкъ, съ которымъ я сошелся нѣсколько ближе, чѣмъ съ остальными, уже нѣсколько мѣсяцевъ лѣтъ изъ кожи, чтобъ понравиться одной женщинѣ, бывшей по приличію другихъ изъ окружавшихъ насъ: мнѣ, какъ нисколько не заинтересованному въ этомъ дѣлѣ, онъ сообщалъ весь таинственный ходъ этого предприятия. После долгихъ усилій онъ успѣлъ заставить полюбить себя; и такъ какъ онъ не скрывалъ отъ меня своихъ неудачъ и мукъ, то онъ счелъ себя обязаннымъ сообщить мнѣ и объ своихъ успѣхахъ: онъ оеозумѣлъ отъ радости, онъ былъ въ восторгѣ. Я позавидывалъ такому счастью и пожалѣлъ, что самъ не извѣдалъ еще его; я еще не былъ любимъ женщиною, любовь которой льстила бы моему самолюбію; новая будущность мелькнула передо мною; новая потребность родилась въ сердцѣ. Въ потребности этой было разумѣется много вздорнаго, но назвать ее чистѣйшимъ вздоромъ нельзя; вздорнаго въ ней было, можетъ быть, гораздо меньше, чѣмъ думалъ самъ я. Чувства человѣческія, это страшная смѣсь, путаница; они слагаются изъ множества разнообразныхъ впечатлѣній, тайкомъ закрадывающихся въ душу; и слово, всегда черезъ-чуръ рѣзкое и слишкомъ общее по своему значенію, никогда не опредѣлитъ въ этомъ случаѣ, а только развѣ укажетъ.

Въ домѣ моего отца я привыкъ довольно безнравственно относиться вообще къ женщинѣ. Отецъ хотя строго соблюдалъ внѣшнія приличія, однако частенько позволялъ себѣ говорить чрезвычайно легкомысленно о любовныхъ связяхъ: онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на забаву, если не со всѣмъ позволительною, то извѣстительною; только на бракъ смотрѣлъ онъ серьезно. Онъ держался того, что молодой человѣкъ долженъ всѣми силами стараться, чтобы не *сдѣлать* т. е. чтобъ не заключить на вѣки обязательнаго союза съ женщиною, не равною ему по состоянію, по происхожденію и по положенію въ свѣтѣ; подцѣпить, какъ онъ говорилъ, женщину, быть съ ней въ связи куда не зайдетъ рѣчи о женитьбѣ, потомъ бросить ее, это можно; я помню какую одобрительную улыбку на его уста влѣзвала эта

пародія на извѣстныя слова: *это причиняетъ имъ такой ничтожный вредъ, а намъ столько удовольствія.*

Надо знать какое сильное впечатлѣніе производить въ пору первой молодости, фразы подобнаго рода и какъ въ этотъ возрастъ, когда убѣжденія еще шатки, понятія еще сбивчивы изумляетъ юношей то, что какое-нибудь красное словцо, которому аплодируетъ пѣлый свѣтъ, противорѣчитъ правиламъ внушеннымъ имъ. Правила эти становятся послѣ этого въ ихъ глазахъ пошлыми формулами, которыми родители согласились набивать ихъ головы въ успокоеніе своей совѣсти; они начинаютъ думать, что настоящая житейская мудрость заключается именно въ этихъ скоромныхъ фразахъ.

Волнуюсь новыми, смутными желаніями, я порѣшилъ, что сердце мое жаждетъ любви, я захотѣлъ найти ее и сталъ пристально всматриваться въ среду, окружающую меня; я не нашелъ ни одной особы, которая могла бы вдохновить меня на любовь, ни одной такой, которая могла бы сама воспламениться ею; я пыталъ свое сердце, свой вкусъ: ровно билось сердце и ничто не раздражало вкусъ. Волнуюсь такимъ образомъ, я вдругъ познакомился съ графомъ П***, человѣкомъ лѣтъ сорока, фамилія котораго была въ свойствѣ съ моею. Несчастное знакомство! вмѣстѣ съ нимъ жила его любовница, полька, хотя уже не первой молодости, но еще славившаяся своею красотою. Женщина эта, не смотря на невыгоды своего положенія, показывала не разъ по поводу различныхъ обстоятельствъ, что умѣетъ вести себя съ достоинствомъ. Она происходила, отъ довольно знатной въ польскѣ фамиліи, разоренной во время смутъ, волновавшихъ эту страну. Отецъ ея былъ сосланъ, ея мать отправилась искать убѣжища во Франціи вмѣстѣ съ дочерью, которая осталась послѣ ея смерти круглою сиротою. Графъ П*** влюбился въ нее. Я никакъ не могъ дознаться какъ завязалась эта связь, которая, въ то время, когда я въ первый разъ узналъ Элеонору, казалась уже очень давнею и, такъ сказать, освященною. Безвыходность положенія или неопытность молодости толкнули ее на эту дорогу, на которую никакъ, кажется, не слѣдовало бы попздать ей, ни по образованію, ни по привычкамъ, ни по гордости, составлявшей отличительную черту ея характера,—не знаю. Знаю я только то, что и всѣ, что когда графъ П*** потерялъ почти все свое состояніе и когда личной свободѣ его грозила опасность, Элеонора выразила къ нему такую привязанность, отказалась отъ самыхъ блестящихъ предложеній съ такимъ пренебреженіемъ, раздѣляла съ нимъ опасности и нищету съ такимъ рвеніемъ и даже съ радостію, что самая мелочная взыскательность не могла не отдать ей справедливости за чистоту ея побужденій и за безкорыстность ея поведенія. Ея неусыпной заботливости, ея мужеству, ея уму, ей за ея всевозможныя жертвы, которыя она переносила безъ ропота, обязанъ ея любовникъ тѣмъ, что вернулъ часть своего имущества. Они пріѣхали въ Д***, чтобъ слѣдить за ходомъ процесса, который могъ вернуть графу П*** все то прѣжнее огромное состояніе и рассчитывали прожить года два.

Элеонора не была женщина особенно-большаго ума; но идеи ея всегда были здравы, она выражала ихъ просто, но часто поражала при этомъ благородствомъ и возвышенностию своей натуры. Въ ней было много предрасудковъ, но ни одного такого, который не былъ бы совершенно противоположенъ ея личнымъ интересамъ. Она цѣнила страшно высоко строгій образъ жизни, тѣмъ болѣе что ея собственная жизнь не была строга съ общественной точки зрѣнія. Она была очень религіозна, потому что религія безошибочно осуждала избранный ею родъ жизни. Въ разговорѣ она обрывала за такія вещи которыя всякая другая женщина сочла бы невинною шуткою; она очень боялась, чтобъ кто-нибудь, основываясь на томъ, что она не больше какъ любовница, не счелъ себя въ правѣ сказать ей какую-нибудь непристойность. Она хотѣла бы принимать только людей высшаго круга и самыхъ безупречныхъ по поведенію, потому что женщины, съ которыми всякій воленъ поставить ее на одну доску, далеко не строги въ выборѣ знакомыхъ и, не дорожа своей репутациею, только и хлопочутъ объ томъ, чтобъ имъ было весело. Однимъ словомъ, Элеонора на каждомъ шагѣ боролась съ своею судьбою. Она протестовала, такъ сказать, каждымъ дѣломъ, каждымъ словомъ противъ того класса женщинъ, въ который поставила ее судьба; и такъ какъ она чувствовала, что общество сильнѣе ея и что всѣ ея старанія стать въ лучшее положеніе напрасны, то она была очень несчастна. Двухъ дѣтей, которыхъ она имѣла отъ графа П*** она воспитывала чрезвычайно строго. Порой, кажется, нѣкоторая доля тайной досады примѣшивалась къ той скорѣе страстной, нежели нѣжной, любви, которую она повидимому питала къ дѣтямъ, и они бѣснли ее. Когда кто-нибудь, безъ всякаго злаго умысла, замѣчалъ ей какъ быстро растутъ ея дѣти или распространялся о тѣхъ надеждахъ, которыя полагаютъ они по своимъ способностямъ, о той дорогѣ, по которой они, вѣроятно, пойдутъ, то она блѣднѣла отъ мысли что придетъ наконецъ время, когда она должна же будетъ открыть имъ тайну ихъ рожденія. Но при малѣйшей опасности, послѣ часовой отлучки, она кидалась къ нимъ вся взволнованная чѣмъ-то похожимъ на угрызевія и желаніемъ дать имъ своими ласками то счастье, котораго не нашла сама она въ жизни. Это протвореніе между ея чувствами и тѣмъ положеніемъ, которое она занимала въ свѣтѣ, сдѣлало ее характеръ страшно неровнымъ. Часто она была задумчива, молчалива; часто, напротивъ, она горячо говорила. Такъ какъ она постоянно терзалась одною мыслью, то самый пустой разговоръ способенъ былъ раздражать ее и она почти никогда не была спокойна. Но, вслѣдствіе этого самаго, въ ея манерахъ была какая-то пылкость, внезапность, что дѣлало ее еще очаровательнѣе. Съ любопытствомъ всматривались въ нее и засматривались, глядя на нее, какъ на великолѣпную грозу.

Представши передъ мною въ минуту, когда сердце мое жаждало любви, гордость просила побѣды, Элеонора показалась мнѣ добычею достойною меня. Она сама нашла отраду въ обществѣ человѣка, во-

все непохожаго на тѣхъ, которые ее окружали доселѣ. Она жила въ кругу нѣсколькихъ изъ пріятелей и родственниковъ своего любовника и ихъ женъ, которыхъ должна была принимать, потому что этого непремѣнно хотѣлъ графъ П***. Мужья были люди, что называется безъ головы и безъ сердца, жоны только тѣмъ отличались отъ ихъ мужей, что были суетавѣе, вертлявѣ въ своей посредственности, потому что не дошли до того спокойнаго состоянія духа, который пріобрѣтается вслѣдствіе занятій и правильнаго теченія дѣлъ. Шутки мои были поострѣе, потоньше, разговоръ мой поразнообразнѣе, въ немъ слышались и слезы, и смѣхъ, и отвращеніе, и участіе, и энтузіазмъ и пропія — это изумило Элеонору и до нѣкоторой степени привязало ее ко мнѣ. Она знала много языковъ, правда не въ совершенствѣ, но говорила всегда довольно бойко, а часто и очень мило. Мысль ея одолевала трудности выраженія на несовершенно усвоенномъ языкѣ и выходила изъ этой борьбы еще очаровательнѣе, наивнѣе и свѣжее; мысли наши въ переводѣ на иностранный языкъ дѣйствительно юнѣютъ, онѣ избавляются отъ тѣхъ оборотовъ, вслѣдствіе которыхъ кажутся то казенными, то напыщенными. Мы читали вмѣстѣ англійскихъ поэтовъ; мы гуляли вмѣстѣ. Я хаживалъ къ ней поутру; просиживалъ вечера: о чемъ только не шла у насъ рѣчь.

Я хотѣлъ какъ холодный и безпристрастный наблюдатель смѣрять только ея умъ, узнать ея характеръ; но каждое слово, сказанное ею, казалось мнѣ неизъяснимо очаровательно. Желаніе нравиться ей, придавши новый интересъ моей жизни, необычайнымъ образомъ оживило все существо мое. Я приписывалъ ея чарующей силѣ это почти магическое дѣйствіе: я наслаждался бы еще болѣе, наслаждался бы вполне, еслибъ не отдался заранѣе самолюбивой мечтѣ. Мое самолюбіе было за третьяго между мною и Элеонорою. Я считалъ почти своею обязанностью идти какъ можно скорѣе къ тому, что поставилъ я себѣ дѣлю, а потому и не отдавался на волю впечатлѣніямъ. Меня мучило нетерпѣніе высказаться, потому что я думалъ что мнѣ стоитъ сказать слово, чтобъ побѣдить. Я вовсе не думалъ, что люблю Элеонору; но я не могъ уже отказаться отъ желанія нравиться ей. Я только и думалъ что объ ней: я строилъ тысячи плановъ; я выдумывалъ тысячи способовъ веденія атаки съ дерзостью неопытнаго человѣка, который рассчитываетъ на вѣрный успѣхъ, потому что ничего еще не предпринималъ на своемъ вѣку.

Однако непреоборимая застѣнчивость останавливала меня: слова замирали на устахъ или я заканчивалъ рѣчь вовсе не такъ какъ предполагалъ. Внутри меня происходила борьба: я негодовалъ на самого себя.

Я сталъ наконецъ изыскивать основанія, опираясь на которыя я могъ бы съ честью, переняя себя въ собственныхъ глазахъ, выйти изъ этой борьбы. Я рѣшилъ, что не надо было вовсе торопиться, что Элеонора еще слишкомъ мало приготовлена къ тому, чтобъ выслушать отъ меня то признаніе, которое я замыслилъ сдѣлать ей и что лучше всего подождать еще немного. Человѣкъ почти всегда, чтобъ

и быть въ разладѣ съ самимъ собою, старается убѣдить себя, что дѣлаетъ по расчету, въ слѣдствіе особой системы то, что дѣлаетъ просто по нравственному безсилію, по недостатку характера: это удовлетворяетъ ту долю насъ самихъ, которая играетъ въ насъ роль наблюдателя.

Дѣло не подвигалось. Каждый день оканчивался тѣмъ, что на завтра я собирался во что бы то ни стало сдѣлать положительное заявленіе, а между тѣмъ завтра проходило такъ же, какъ и сегодня. Каждый разъ какъ только я уходилъ отъ Элеоноры, я становился смѣлѣе, я снова принимался за мои хитрые планы, снова пускался соображать и рассчитывать на вѣрное: но едва я подходилъ къ ней, снова чувствовалъ въ душѣ и смущеніе и трепетъ. Кто прочелъ бы въ сердцѣ моемъ, когда я былъ наединѣ съ самимъ собою, тотъ счелъ бы меня, пожалуй, за холоднаго, жестокосердаго оболыстителя; тому же, кто увидалъ бы меня, возлѣ нея, я представился бы, вѣроятно, новичкомъ въ любви, застѣнчивымъ и страстнымъ. И то и другое сужденіе было бы одинаково невѣрно: вполне цѣльныхъ характеровъ нѣтъ, и человѣкъ никогда не бываетъ коваренъ или чистосердеченъ, какъ говорится, до мозговъ костей. Убѣдившись, такимъ образомъ, изъ опыта, что во мнѣ никогда не достанетъ духу сказать Элеонорѣ то, что мнѣ было нужно, я рѣшился выразить ей это письмомъ. Графъ П*** былъ въ отъѣздѣ. Я долго боролся съ своимъ характеромъ, я бѣсился, что не могъ побѣдить его, мучился тѣмъ, что не зналъ успѣю-ли я въ моемъ предпріятіи, и все это сдѣлало письмо мое исполненнымъ тревогъ, очень похожихъ на муки любви. Воспламеняясь все болѣе и болѣе съ каждою строкою письма, увлекаясь своимъ слогомъ я дошелъ до того, что, когда кончилъ письмо, я въ самомъ дѣлѣ почувствовалъ нѣкоторую долю того что я смелся выразить какъ можно сильнѣе.

Въ письмѣ моемъ сказалось Элеонорѣ то, что, разумѣется, и должно было сказаться: минутное увлеченіе человѣка, который десятью годами моложе ея, которому пришла пора наконецъ влюбиться и, котораго скорѣе надо жалѣть нежели винить. Отвѣтъ ея ко мнѣ былъ благосклоненъ, она дала мнѣ нѣсколько самыхъ доброжелательныхъ совѣтовъ, обѣщалась быть моимъ искреннимъ другомъ, но объявила мнѣ, что до возвращенія графа П*** она принуждена не принимать меня.

Отвѣтъ этотъ страшно поразилъ меня. Страсть добиться желаемаго, встрѣтивъ препятствіе, странно разгорѣлась въ одинъ мигъ. Частъ тому назадъ я радовался тому, что съумѣлъ притвориться влюбленнымъ, теперь же я чувствовалъ себя въ самомъ дѣлѣ влюбленнымъ до безумія. Я кинулся къ Элеонорѣ; мнѣ сказали, что ее нѣтъ дома. Я написалъ къ ней; я умолялъ ее, чтобъ она позволила еще хоть разъ увидѣться съ нею, я изобразилъ ей всѣ муки моего отчаянія, весь ужасъ того что станетъ со мною, если она не измѣнитъ своего страшнаго рѣшенія. Напрасно прождалъ я, больше половины дня, отвѣта отъ нея. Я только тѣмъ и успокаивалъ неизъяснимыя душевныя му-

ки, что надѣлся завтра во что бы то ни стало, увидѣть Элеонору, объясниться съ нею. Вечеромъ мнѣ принесли отъ нея коротенькую записку, слова которой, какъ мнѣ казалось, дышали нѣжностью въ этихъ немногихъ строкахъ мнѣ почудились слѣды сожалѣнія и грусти: но Элеонора стояла на своемъ и говорила, что никогда не измѣнитъ своего рѣшенія. На завтра я опять отправился къ ней. Она уѣхала куда-то, куда именно не знала даже ея прислуга. Не было никакой возможности, стало быть, послать даже письмо ей.

Я долго не отходилъ отъ дверей ея дома: я думалъ, что намъ уже не встрѣтятся больше. Мнѣ было больно и я самъ не знаю отъ чего. Я вспоминалъ минуты, когда говорилъ себѣ, что добиваюсь только одного: узнать удастся или нѣтъ; что это больше ничего какъ попытка, отъ которой мнѣ ничего не стоитъ отказаться. Я никакъ не могъ понять, отчего такъ страшно и съ такою болью разрывается мое сердце. Такъ прошло нѣсколько дней. Я не могъ ни разсѣяться, ни заняться дѣломъ. Я только и зналъ, что бродилъ полъ окнами Элеоноры. Я бродилъ по улицамъ города, мнѣ все думалось, что она гдѣ-нибудь да попадется мнѣ на встрѣчу. Разъ по утру въ одно изъ этихъ странноватѣй, которыя, утомяя меня, смиряли во мнѣ волненіе, я увидалъ карету графа Ц***, возвращавшагося изъ поѣздки. Онъ узналъ меня и вышелъ изъ кареты. Послѣ нѣсколькихъ обыкновенныхъ фразъ я сказалъ ему, скрывая свое смущеніе, о внезапномъ отъѣздѣ Элеоноры. Да, сказалъ онъ, какая-то непріятность случилась съ одной изъ ея подругъ, такъ она и уѣхала къ ней; это всего въ нѣсколькихъ льѣ отсюда. Она думаетъ утѣшить ее своимъ присутствіемъ. Она и со мной не совѣтовалась. Это женщина, которая живетъ чисто однимъ сердцемъ; она до такой степени исполнена чувствъ, которыя поминутно волнуютъ ее, что видитъ успокоеніе во всякомъ обстоятельстве, которое можетъ ей дать поводъ съ пользой подѣлаться имъ. Но мнѣ необходимо съ нею видѣться; я напишу къ ней, и, дня черезъ два, много черезъ три, она непременно вернется.

Это увѣреніе успокоило меня: на сердцѣ отлегло. Первый разъ послѣ отъѣзда Элеоноры я могъ выдохнуть свободно. Равсчетъ графа оказался не вѣренъ: прошло два дня, прошелъ и третій, а она не вернулась. Тѣмъ не менѣе муки мои стали утихать и я приходилъ въ себя, вдругъ графъ увѣдомилъ меня, что вечеромъ она должна пріѣхать. Такъ какъ постоянною заботою его было, окружать ее обществомъ, въ которомъ она вполнѣ заслуживала имѣть мѣсто по своему уму и характеру, но изъ котораго, пожалуй, большинство могло и исключать ее, то онъ пригласилъ ужинать нѣсколькихъ, болѣе расположенныхъ къ Элеонорѣ, дамъ изъ круга своихъ родныхъ и друзей.

Я снова живо вспоминалъ все. Самолюбіе опять заговорило во мнѣ. Я не зналъ какъ встрѣтиться, не уронивъ себя съ женщиной, которая обошлась со мной какъ съ мальчикомъ. Я жалѣлъ, что она, подмѣтивъ что ее короткаго отсутствія было довольно, чтобъ охладить мой юношескій пылъ, встрѣтитъ меня улыдкой и при томъ презри-

тальною отчасти. Муки постепенно просыпались во мнѣ. Поутру въ этотъ самый день я вовсе не думалъ объ Элеонорѣ; часъ же спусти послѣ извѣстія объ ея прїѣздѣ, образъ ея какъ живой носился передъ моими глазами, царилъ надъ моею душой, я не вѣрилъ, что вижу ея и холодъ и дрожь принимали меня отъ страха.

Цѣлый день я просидѣлъ дома; я боялся выглянуть на свѣтъ изъ окнениа, чтобъ какое нибудь движеніе съ моей стороны не помѣшало нашей встрѣчѣ. Между тѣмъ мы должны были непременно встрѣтиться и при томъ очень просто, но я такъ пламенно желалъ этой встрѣчи, что она казалась мнѣ несбыточною. Я сгоралъ отъ нетерпѣнія: я то и дѣло смотрѣлъ на часы. Мнѣ стало душно, я растворилъ окно; я горѣлъ какъ въ огнѣ.

Наконецъ пробилъ часъ, въ который я долженъ былъ отправиться къ графу. Послѣ страшной нетерпѣливости я вдругъ почувствовалъ смущеніе; я сталъ одѣваться не торопяся; меня перестало подстрекать, напротивъ, я согласилась бы отложить: такъ сильна была во мнѣ боязнь, что обманется мое ожиданіе, до такой степени живо предчувствовала я ту боль, которую придется мнѣ испытать въ такомъ случаѣ.

Было уже довольно поздно, когда я прїѣхалъ къ графу. Въ глубинѣ комнаты я увидѣлъ Элеонору; я не осмѣлился сразу подойти къ ней, мнѣ казалось, что все уставился глядѣть на меня. Я пробрался въ уголокъ залы и спрятался за кучкой какихъ-то господъ, разсуждавшихъ о чемъ-то. Я сталъ всматриваться въ Элеонору: мнѣ показалось, что она нѣсколько измѣнилась и была блѣднѣе чѣмъ обыкновенно. Графъ открылъ мое убѣжище, въ которомъ я было притаился, подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и подвелъ меня къ Элеонорѣ.—Имѣю честь представить вамъ, сказалъ онъ ей смѣясь, человекъ, котораго всѣхъ больше озадачилъ вашъ внезапный отъѣздъ. Элеонора разговаривала съ какой-то дамой, сидѣвшей около нее. Когда она меня увидѣла, слова замерли на ея устахъ; она страшно смутилась, да и самъ-то я смоховалъ.

Пуститься въ открытости было нельзя, гости толпились вокругъ: я сказалъ ей нѣсколько пустыхъ фразъ. Мы о а принали видъ какъ будто ни въ чемъ не бывало. Позвали ужина: я предложилъ Элеонорѣ руку: отказать мнѣ въ этомъ она не могла. Идя съ ней подъ руку, я сказалъ ей:—Если вы не позволите мнѣ быть у васъ завтра, въ одиннадцать часовъ, я сей-часъ уѣзжаю, бросаю родину, семью, отца, я разрываю всѣ мои связи, отрекаюсь отъ всякихъ обязанностей, ѣду куда глаза глядятъ, чтобъ только скорѣй покончить съ жизнью, отравлять которую для васъ наслажденіе.—Адольфъ! начала она и вдругъ остановилась. Я сталъ было освобождать мою руку, чтобъ уйти. Я не знаю, что выразилось при этомъ въ чертахъ моего лица, но я чувствовалъ что страшныя не бывалыя судорги подернули его. Элеонора взглянула на меня. Она, очевидно, испугалась и вѣсть тронулась. — Приходите завтра, сказала она, но я умоляю васъ... Толпа гостей, слѣдовавшихъ за нами, нахлынула на насъ и

помѣшала ей окончить. Мышцами моеі руки я пожалъ ея руку; мы сѣли за столъ.

Мнѣ хотѣлось сѣсть возлѣ Элеоноры, но хозяинъ дома устроилъ совершенно иначе, онъ усадилъ меня почти vis-à-vis съ нею. Въ началѣ ужина она была задумчива. Когда обращались къ ней съ какимъ-нибудь вопросомъ, она отвѣчала любовно и снова задумывалась. Одна изъ ея пріятельницъ, замѣтивъ, что она какъ-то особенно молчалива и блѣдна, спросила ее не больна-ли она.—Да, отвѣчала она, и давно чувствую себя дурно, а теперь въ особенности. — Я поставилъ себя задачей проивзвести на Элеонору хорошее впечатлѣніе; я сталъ стараться блеснуть любезностью и остроуміемъ, я расчитывалъ что это расположить ее въ мою пользу и какъ нельзя лучше приготовить ее къ завтрашнему свиданію. Я всячески добивался обратить на себя ея вниманіе. Я нарочно заговаривалъ о такихъ вещахъ, которыя я зналъ, что интересуютъ ее; я втягивалъ въ разговоръ сосѣдей; меня вдохновляло ее присутствіе; я добился наконецъ, что она стала меня слушать, вскорѣ она начала улыбаться; я такъ обрадовался этому, столько признательности выразилъ я ей глазами, что она не могла не тронуться. Печальныя думы ея разсѣялись, она видѣла, что я считаю себя осчастливленнымъ ею и невольно очаровалась этимъ; когда мы вѣдали изъ-за стола сердца наши стали такъ близки другъ къ другу какъ будто мы выросли вмѣстѣ. Видите, сказалъ я ей, подавая руку, чтобъ ввести ее въ залу, видите я весь въ вашей волѣ; что я сдѣлалъ вамъ такого, за что не грѣхъ было бы мучить меня безъ жалости?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Я не спалъ ночь. Я забылъ и думать о расчетахъ и планахъ; я былъ чистосердечнѣйшимъ созданіемъ въ мірѣ, настоящимъ влюбленнымъ. Меня волновала уже не надежда на успѣхъ: желаніе увидѣть ту, которую я полюбилъ всею душою, насладиться ея присутствіемъ исключительно овладѣло мною. Пробыло одиннадцать часовъ и я отправился къ Элеонорѣ; она ждала меня. Она заговорила было: я попросилъ ее выслушать меня. Я сѣлъ возлѣ нея, стоять я не могъ, ноги мои подкашивались, и вотъ что сказалъ я ей съ значительными, впрочемъ, паузами, которыя я поневолѣ долженъ былъ дѣлать.

— Я пришелъ вовсе не затѣмъ, чтобъ апеллировать на рѣшеніе, которое вы произнесли, вовсе не затѣмъ, чтобъ отпереться отъ словъ, которыя могли задѣть васъ; это ни къ чему не поведетъ. Вы оттолкнете меня, но я не перестану любить васъ: однимъ изъ доказательствъ того какъ сильно во мнѣ то чувство, которое оскорбляетъ васъ, можетъ служить то, какихъ страшныхъ усилій стоить мнѣ теперь говорить съ вами спокойно. Но если я просилъ васъ выслушать меня, то это не для того, чтобъ навязать вамъ это чувство, напротивъ, для того чтобъ просить васъ позабыть о немъ, принимать меня къ себѣ попрежнему, выбросить изъ головы су-

сиротство, и не казнить меня за то, что я открылъ вамъ тайну, которую долженъ бы былъ скрывать въ глубинѣ души. Вы знаете мое положеніе, знаете этотъ, какъ говорятъ, странный и дикій характеръ, это сердце, не троганное ничѣмъ на свѣтѣ, сирое среди людей и страдающее вслѣдствіе сиротства, на которое осуждено оно. Дружба ваша поддерживала меня: безъ нее я не могу жить. Я привыкъ видѣться съ вами; вы сами вселили и вкоренили во мнѣ эту шлюху привычку: что я вамъ сдѣлалъ, чтобъ лишать меня, мое столь грустное и мрачное существованіе послѣдняго утѣшенія? Я страшно несчастливъ: если не будетъ конца этому несчастію я не вынесу, во мнѣ не достанетъ духу; я ни на что не рассчитываю, я ничего не требую я не хочу только потерять возможность васъ видѣть; вы не должны меня лишать этой возможности, если не хотите моей смерти.

Элеонора не сказала ни слова. — Чего вы боитесь? продолжалъ я. Чего я требую? того въ чемъ вы не отказываете никому изъ тѣхъ, которые совершенно равнодушны къ вамъ. Неужели вы боитесь свѣта? Этотъ свѣтъ, занятый вѣчно великолѣпнымъ вздоромъ, ничего не въ состояніи прочесть въ такомъ сердцѣ какъ мое. Не стану же я сумасшествствовать; вѣдь дѣло идетъ о моей жизни. Элеонора, снизойдите на мою молитву: вы сами найдете въ этомъ нѣкоторое удовольствіе. Повѣрьте, что отраднo будетъ для васъ сознавать себя любимою на столько, видѣть меня у вашихъ ногъ, меня, только и думающаго что объ васъ, живущаго для васъ, меня, того, который обязанъ вамъ всѣмъ счастьемъ, какое только возможно для него, который спасенъ вами отъ отчаянія и отъ многихъ мукъ.

Я долго говорилъ въ этомъ родѣ, устраняя всякія возраженія и крѣпко держась всего того, что только говорило въ мою пользу. Я выразилъ столько скромности, смиренія, да и просилъ, то я о такихъ пустякахъ, что отказъ просто убилъ бы меня.

Все это тронуло Элеонору. Она взяла съ меня тѣму словесныхъ обязательствъ. Она дала мнѣ слово, что будетъ принимать меня, но только изрѣдка и не иначе какъ въ числѣ другихъ гостей и протомъ съ условіемъ, чтобъ я никогда не говорилъ ей о любви. Я обѣщался. Мы оба остались довольны: я, тѣмъ что снова получилъ возможность пользоваться благомъ, котораго чуть было не лишился; она, тѣмъ что сумѣла вести себя со мною великодушно, нѣжно и не надѣлать глупостей.

Съ завтрашняго дня я началъ пользоваться полученнымъ позволеніемъ; дня не проходило, чтобъ я не посѣтилъ Элеонору. Она не хлопотала, чтобъ посѣщенія мои были не такъ часты: вскорѣ видѣться со мной каждый день стало для нея вещь совершенно обыкновенною. Десятилѣтняя вѣрность ея графу П*** вселила въ немъ безконечное довѣріе къ ней; онъ предоставлялъ Элеонорѣ полнѣйшую свободу. Такъ какъ ему приходилось бороться съ общественнымъ мнѣніемъ, старавшимся исключить его любовницу изъ того т. н. большаго свѣта, въ которомъ суждено было возвращаться ему самому, то онъ радовался всякому малѣйшему даже расширенію круга зна-

комыхъ Элеоноры, ея гостинная, полная гостями, была въ его глазахъ лучшимъ свидѣтельствомъ побѣды, одержанной имъ надъ общественнымъ мнѣніемъ.

Каждый разъ, когда я приходилъ, я замѣчалъ по глазамъ Элеоноры, что она рала мнѣ. Вступала-ли она въ разговоръ, она искала глазами меня. Разсказывалось-ли что-нибудь интересное, она непремѣнно звала меня слушать. Но я никогда не заставлялъ ее одну: проходили цѣлые вечера, и я едва находилъ нѣсколько минутъ и то урывкой, чтобъ сказать ей что-нибудь по секрету. Меня скоро стала бѣсить эта вѣчная принужденность. Я сдѣлался мраченъ, молчаливъ, раздражителенъ, желченъ. Я сталъ едва выносить, когда кто-нибудь другой отводилъ въ сторону Элеонору и начиналъ говорить съ нею наединѣ; я нарочно старался прервать этотъ разговоръ. Что мнѣ было за дѣло, что этимъ можно было обидѣться; иногда даже то, что я могу скомпрометировать ее не останавливало меня. Она упрекала меня за это.—Что-жь вы хотите? сказалаъ я ей горячасью: вы, конечно, думаете, что сдѣлали для меня многое; я принужденъ сказать вамъ, что вы ошибаетесь. Я понять не могу вашего новаго поведенія. Прежде вы жили уединенно, вы бѣжали отъ этого утомительнаго общества; вы избѣгали этой нескончаемой болтовни, которая тянется такъ долго, потому что не всегда легко начать ее. Нынче же двери ваши открыты для всего свѣта. Выпросивъ у васъ позволеніе посѣщать васъ, я выхлопоталъ эту милость и для всей вселенной. Признаюсь, зная васъ нѣкогда столь благоразумной, я никакъ не ожидалъ, что вы сдѣлаетесь такъ легкомысленны.

Я замѣтилъ, что въ чертахъ лица Элеоноры стала просвѣчивать грусть, смѣшанная съ досадою.—Любезная Элеонора, началъ я совершенно смягченнымъ тономъ, да неужели же я не заслужилъ того, чтобъ отличить меня отъ тысячи докучливыхъ людей, осаждающихъ васъ? у дружбы есть свои тайны; она пуглива и застѣнчива среди шума и толпы.

Элеонора побоялась показаться неумолимою, она побоялась, чтобъ я снова не надѣлалъ глупостей, которыя такъ недавно заставляли ее бояться за себя и за меня. Мысль о томъ, чтобъ оттолкнуть меня, была далеко отъ нея: она согласилась изрѣдка видѣться со мной наединѣ.

Съ этихъ поръ строгія ограниченія потеряли силу. Она не стала запрещать мнѣ говорить о любви; она стала привыкать къ моимъ признаніямъ: вскорѣ она сама призналась, что влюблена въ меня.

Нѣсколько часовъ я провелъ у ногъ ея, называя себя счастливейшимъ человѣкомъ въ мірѣ, осыпая ея безчисленными увѣреніями въ моей любви, преданности и вѣчномъ уваженіи. Она разсказала мнѣ, сколько выстрадала она за то время, когда старалась отдалить меня отъ себя, какъ боялась она, чтобъ я, не смотря на ея усилія, не открылъ тайны ея сораца, какъ малѣйшій стукъ заставлялъ ее думать, что это я иду; сколько смущенія, радости, страха чувствовала она когда встрѣчалась со мною, она разсказала мнѣ и то, какъ

иждствие невѣрія въ самое себя, для того чтобъ пришить свои чувства съ разсудкомъ, она пустилась въ свѣтъ и стала искать той самой толпы, отъ которой бѣжала прежде. Я переспрашивалъ ее по нѣскольку разъ о самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ и эта исторія нѣсколько недѣль казалась намъ исторіей цѣлой жизни. Волшебная сила любви надѣляетъ самыми издалека илущими воспоминаніями. Всякое другое чувство нуждается въ прошедшемъ: любовь сама создаетъ то прошедшее, которымъ окружаетъ насъ. Она заставляетъ насъ думать, что мы прожили чуть не вѣкъ съ тѣмъ существомъ, которое недавно было совершенно чуждо намъ. Любовь, это одинъ блестящій моментъ, но для тѣхъ, кто переживаетъ его, онъ безконеченъ во всѣхъ направленіяхъ. Нѣсколько дней тому назадъ не было и помину объ этой любви; еще не много и сотрется слѣдъ ея; но покуда горитъ она въ сердцахъ, она озаряетъ и то, что предшествовало ей, и то, что сбудется послѣ.

Не долго длилось это затишье. Элеонора тѣмъ болѣе опасалась за свою слабость, что ее не переставали еще преслѣдовать воспоминанія о прежнихъ ошибкахъ, да и мое воображеніе, мои желанія, незаметно подстрекаемыя прежнимъ тщеславнымъ замысломъ, искали не такой любви. Постоянно смущенный, часто раздраженный, я жаловался, выходилъ изъ себя, обрушивалъ на Элеонору тысячи упрековъ. Не разъ она рѣшалась порвать связь, которая не даетъ ей ничего, кромѣ тревогъ и мукъ; часто, чтобъ успокоить ее, я отпирался отъ своихъ словъ, умолялъ ее, плакалъ.

Элеонора написалъ я ей однажды, вы не знаете, какъ я страдаю. Я страдаю и у вашихъ ногъ, и вдали отъ васъ. Въ тѣ часы, когда мы не вмѣстѣ, я брожу безъ цѣли, удрученный жизнью, которая становится тяжела не подъ силу. Миѣ тошно въ обществѣ, миѣ несносно уединеніе. Эти пустые люди, которые, слѣдятъ за мной, и не догадываются о томъ, что во мнѣ дѣлается, которые смотрятъ на меня съ безучастнымъ любопытствомъ, съ глупымъ удивленіемъ, эти люди, осмѣивающіеся заводить со мною рѣчь не о васъ, а о какихъ-то пустякахъ, смертельно досаждаютъ меня. Я бѣгу прочь отъ нихъ: но и одному миѣ не легче. Вездѣ миѣ душно; постоянно что-то давитъ мою грудь. Я кидаюсь на землю, на эту сырую землю, въ которую должно быть скоро заркоутъ меня; я кладу голову на холодный камень, которому суждено, можетъ быть, утишить бури моего пылающаго сердца — слѣжаться моимъ надгробнымъ камнемъ. Я взбираюсь на тотъ холмъ, съ котораго видѣнъ вашъ домъ: по долгу стою я тамъ, не сводя глазъ съ этого крова, гдѣ никогда не жить миѣ вмѣстѣ съ вами. А между тѣмъ, еслибъ я встрѣтилъ васъ раньше, вы можете быть я была бы моею! и я обнималъ бы единственное созданіе, способное удовлетворить мое сердце, это сердце много-страдальное, потому что давно начало оно искать васъ и только теперь,—уже слишкомъ поздно,—нашло васъ! Когда же пройдутъ эти часы горячечнаго бреда, когда настанетъ наконецъ минута, въ которую я могу идти къ вамъ, трепеща выхожу я на дорогу, ведущую

къ вамъ, и иду по ней. Я начинаю бояться, чтобъ тѣ, которые упадутся мнѣ на встрѣчу, не отгадали бы чувства, волнующихъ меня; я останавливаюсь, потомъ опять иду тихо, шагъ за шагомъ: я съ намѣреніемъ стараюсь отдалить минуту блаженства, этого блаженства, которому все угрожаетъ, которое того и жди всякую минуту, что отнимется у меня, этого тревожнаго и далеко неполнаго блаженства, на которое поминутно можетъ быть собираются обрушиться, будто сговорившись, и роковое обстоятельство, и завистливые люди, и деспотическая судьба и вы сами. Когда я переступаю порогъ вашего дома, когда я вхожу въ него, новый ужасъ охватываетъ меня: я крадусь какъ воръ, я умоляю глазами все, что окружаетъ меня, чтобъ сжалось и не выдавало меня; мнѣ кажется, что нѣтъ даже вещи, которая не была бы ко мнѣ враждебна, которая не силилась бы, въ свою очередь, помѣшать мнѣ, похитить у меня мигъ блаженства. Чуть что стукнетъ или певельнется около меня, я вздрагиваю, столбенѣю; меня пугаетъ шумъ моихъ собственныхъ шаговъ; у двери, ведущей въ вашу комнату я все еще боюсь, чтобъ какая-нибудь случайность не помѣшала намъ свидѣться. Наконецъ я вижу васъ, вижу и начинаю дышать свободнѣе, взоры мои впадаютъ въ васъ, я останавливаюсь какъ бѣглый, ступившій на почву свободной страны, спасающей его отъ преслѣдованій. Но даже и тутъ, когда я весь въ васъ, когда мнѣ можно бы, казалось, отдохнуть отъ столькихъ томленій, положить голову въ ваши колѣни, дать волю слезамъ, даже и тутъ, возлѣ васъ, мнѣ приходится сдерживать, насилонать себя: ни одной минуты сердечныхъ изліяній, ни одной минуты увлеченія! Вы всматриваетесь въ меня. Васъ изумляетъ, отчасти оскорбляетъ мое тревожное настроеніе. Не знаю, намъ стало какъ-то вдругъ неловко послѣ тѣхъ сладостныхъ часовъ, когда вы, по крайней мѣрѣ, признавались въ любви ко мнѣ. Время летитъ, новые интересы увлекаютъ васъ: вы ни разу не забудете объ нихъ; вы никогда и не подумаете промедлить минуту разставанья со мною. Приходятъ незнакомые люди: становится нельзя даже глядѣть на васъ; я самъ чувствую; что надо бѣжать, чтобъ скрыться отъ подозрѣвающихъ взоровъ, обращенныхъ на меня. Я покидаю васъ, еще болѣе взволнованный, разстерзанный и обезумѣвшій, чѣмъ когда входилъ къ вамъ. Я покидаю васъ, и меня снова уносятъ въ страшную для меня даль отъ васъ, гдѣ я мучусь, не встрѣчая ни въ комъ опоры, нигдѣ ни минуты отдыха.

Никто никогда не любилъ Элеонору такъ, какъ я. Графъ П*** былъ искренно привязанъ къ ней. онъ былъ вполне признателевъ къ ней за ея преданность, онъ уважалъ ее за характеръ; но тѣмъ не менѣе всегда въ обращеніи его съ нею просвѣчивало сознаніе своего превосходства надъ женщиной, которая не вступивъ съ нимъ въ бракъ, открыто отдалась ему. Всѣ говорили, что онъ могъ бы сдѣлать не такую партію: онъ не намекалъ ей на это; онъ, можетъ быть, и самъ не думалъ объ этомъ, но это дѣйствительно могло бы быть, и она не могла не понимать этого. До столкновенія со мною

Элеонора не имѣла ни малѣйшаго понятія о той страстной привязанности, доходящей до того, что человѣкъ только живетъ и дышетъ ею, о которой неотразимо должны были говорить ей и мои припадки бѣшенства, и жгучести моихъ упрековъ, и чудовищность моихъ на-врасныхъ опасеній. Сопровитвеніе съ ея стороны экзальтировало мои чувства и мои мысли. Послѣ яростныхъ душевныхъ порывовъ, пугавшихъ ее, я дѣлался вдругъ кроткимъ, нѣжнымъ, доходилъ до поклоненія ей, какъ божеству. Я начиналъ смотрѣть на нее, какъ на небесное созданіе. Любовь моя начинала походить на служеніе и тѣмъ болѣе очаровывала ее, что она вѣчно боялась, чтобъ кто-нибудь не оскорбилъ ее совершенно противоположнымъ чувствомъ. Она наконецъ отдалась мнѣ беззавѣтно.

Горе человѣку, который, вступая въ любовный союзъ не думаетъ что союзъ этотъ долженъ быть вѣченъ! Горе тому, кто, въ объятіяхъ любимой женщины, только что раскрывшихся для него, самъ пророчить себѣ что придется пожалуй вырываться изъ нихъ! Женщина, увлекшаяся такимъ человѣкомъ, дѣлается съ этой минуты существомъ достойнымъ сожалѣнія и вмѣстѣ чѣмъ-то священнымъ. Нѣтъ, не жажда удовольствій, не наши природныя наклонности, не чувства развращаютъ; насъ развращаютъ разсчеты, къ которымъ насъ пріучаетъ общество, размышленія къ которымъ приводитъ насъ горкій опытъ. Я сталъ любить и уважать Элеонору въ тысячу разъ больше, съ тѣхъ поръ, какъ она отдалась мнѣ. Гордо сталъ я расхаживать посреди людей, я сталъ съ высока глядѣть на нихъ. Радость была разлита въ воздухъ, которымъ я дышалъ. Я обращался къ природѣ, благодарилъ ее за то, что она сдѣлала меня такъ неожиданно, такъ безконечно счастливымъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Очарованія любви! кто изобразитъ васъ? Кто испыталъ что значить быть увѣреннымъ, что мы нашли существо, предназначенное для насъ самою природою; кто знаетъ какимъ яркимъ свѣтомъ мгновенно озаряется тогда наша жизнь, тайна которой становится намъ будто бы понятна, какую цѣнность получаютъ въ нашихъ глазахъ самыя ничтожныя обстоятельства, съ какой необыкновенной быстротою начинается летѣть время, изъ котораго мало вспомнишь послѣ подробностей, но о которомъ всегда будешь вспоминать какъ о блаженномъ; какаѣ игривая веселость овладѣваетъ часто ни съ того, ни съ сего человѣкомъ, разнѣживающимся, вообще, въ такую пору; сколько восторга въ свиданіи, сколько надеждъ въ разлукѣ, сколько пренебреженія къ мелкимъ житейскимъ заботамъ, какъ сильно тогда въ человѣкѣ сознание превосходства надъ окружающими, какъ твердо увѣренность что нѣтъ и никогда не будетъ никого, кто бы поровнялся съ нимъ, какъ чутко становится, тогда, взаимное пониманіе двухъ сердець; кто переживалъ все это, тотъ не станетъ напрасну прибавлять словъ, чтобы пояснить все это, всѣ эти очарованія любви!

По одному дѣлу, не терпѣвшему отлагательства графъ П*** долженъ былъ непремѣнно уѣхать изъ города на шесть недѣль. Все это время я почти безвыходно провель у Элеоноры. Она привязалась ко мнѣ еще больше съ тѣхъ поръ какъ принесла мнѣ жертву. Всякій разъ, когда я начиналъ прощаться съ нею, она начинала меня удерживать. Прощаясь, она спрашивала когда я вернусь. Ей была невыносима и двухъ-часовая разлука со мною. Она назначала минуту, въ которую я долженъ вернуться и брала съ меня слово что я не просрочу. Сдержаніе слово было наслажденіемъ для самаго меня, я былъ признателенъ къ ней за ея любовь ко мнѣ, я былъ счастливъ этою любовью. Тѣмъ не менѣе общественная жизнь, въ которой все шло своимъ порядкомъ и ничто не плясало подъ нашу дутку, налагала на меня нѣкоторыя обязанности. Часто меня затрудняло крайне, что каждый мой шагъ, каждый мой день, заранѣе рассчитаны. Я принужденъ былъ дѣлать все въ торопяхъ и вовсе отказаться отъ нѣкоторыхъ посѣщеній. Я не зналъ что сказать знакомымъ, въ оправданіе того, почему я не шелъ къ нимъ въ гости, не смотря на неоднократныя приглашенія, которыми ни въ какомъ случаѣ не пренебрегъ бы открыто, еслибъ жизнь моя шла постарому и я могъ бы свободно распологаться хоть однимъ часомъ. Мнѣ не жаль было для Элеоноры отказываться отъ свѣтскихъ удовольствій, отъ общества; ко всему этому я никогда не чувствовалъ особеннаго влеченія, но мнѣ отчасти досадно было отказываться отъ нихъ по-неволѣ. Мнѣ пріятнѣе было бы посѣщать и ее самое, еслибъ я могъ идти къ ней когда вздумается, не думая поминутно о томъ, какъ бы не опоздать, о томъ что она тоскуя, ждетъ меня; а то къ мысли о предстоящемъ счастьи, всегда наполнявшей меня передъ свиданіемъ съ нею, всегда примѣшивалась другая мысль, о томъ что она мучится. Элеонора осталась, разумѣется, истинной отрадой моей жизни, но перестала уже быть цѣлью: я увидалъ, что запутываюсь въ сѣти. Сверхъ того я боялся скомпрометировать ее. Уже одно то, что я изо дня въ день по нѣскольку разъ посѣщалъ Элеонору и иногда очень долго про- сиживалъ съ нею должно было изумлять ея дѣтей, ея прислугу. Меня путала мысль уронить ее въ глазахъ окружающихъ. Я чувствовалъ что я не могъ бы соединиться съ нею на вѣки и считалъ священнымъ для себя долгомъ шадить ея покой; вслѣдствіе чего не переставая увѣрять ее въ любви я сталъ давать ей разумные совѣты. Но чѣмъ больше я совѣтовалъ ей, тѣмъ менѣе благоразумно она начинала вести себя. Съ тѣмъ вмѣстѣ я страшно боялся огорчить ее. Стоило только лицу ея принять хоть нѣсколько грустное выраженіе, чтобъ вода ея стала для меня закономъ; я только тогда и былъ веселъ когда она была довольна мною. Когда убѣдивъ ее въ настоятельной необходимости отлучиться на нѣсколько минутъ, я достигалъ наконецъ того что она отпускала меня и я уходилъ то образъ ея опечаленный этимъ начиналъ преслѣдовать меня повсюду. Угрызенія, усилія, усилившіяся съ каждою минутою кидали меня въ дрожь и становились вскорѣ нестерпимы; я мчался къ ней восторгаясь при мысли

но я успокою ее, утѣшу; но по мѣрѣ того какъ я приближался къ ней, чувство досады на такое мое подчиненное положеніе пригнѣшивалось къ прочимъ наполнявшимъ меня чувствамъ. Элеонора была безпощадна. Вѣда-ли она держала себя съ кѣмъ-нибудь такъ какъ со мною. Прежде она была со всѣмъ мною въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ; тогда мучительная зависимость леденила ее сердце, кони какъ къ совершенному ровнѣ она относилась совершенно свободно; она выросла въ собственныхъ глазахъ вслѣдствіе этой любви не основанной ни на какихъ расчетахъ; она знала что я исполнѣн увѣренъ въ томъ, что она любитъ меня безкорыстно. Но ведя себя со мной совершенно непринужденно, она нисколько не щадила меня и не маскировала ни одного душевнаго движенія; когда я, будучи не въ состояніи дожидаться часа, въ который обѣщалъ вернуться къ ней, печально для нее, входилъ въ ее комнату, то заставлялъ ее или грустною или взволнованною. Безъ нея я тосковалъ, не зналъ какъ пережить два часа отъ одной мысли что она тоскуетъ безъ меня; приходя къ ней, прежде чѣмъ она успокоивалась, я переживалъ еще два мучительные часа.

Тѣмъ не менѣе я не считалъ себя несчастнымъ; сладко быть любимымъ даже такую взыскательною любовью, думалъ я про себя; я чувствовалъ что я полезенъ для Элеоноры: мнѣ надо было, чтобъ она была счастлива, и я зналъ, что все ее счастье во мнѣ.

Сверхъ того, смутное и во многихъ отношеніяхъ грустное предчувствіе того что не въ порядкѣ вещей чтобъ связь наша могла быть продолжительна, въ значительной мѣрѣ смирало порывы моей досады и тоски. Связь Элеоноры съ графомъ П***, разннца нашихъ лѣтъ, несходство нашихъ положеній, предстоящій мнѣ отъѣздъ, отложенный на очень короткое время вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, но неизбѣжный, все это дѣлало меня еще болѣе заботливымъ объ томъ чтобъ надѣлать ее сколько возможно большимъ счастьемъ и еще болѣе жаднымъ до наслажденія собственнымъ счастьемъ: моя свобода въ будущемъ была обезпечена, я не гнался за днями.

Графъ П*** вернулся. Онъ не замедлилъ заподозрить мои отношенія къ Элеонорѣ; при встрѣчахъ со мною, онъ сталъ вести себя гораздо холоднѣе и сердитѣе обыкновеннаго. Я горячо говорилъ Элеонорѣ объ угрожающей ей опасности; я умолялъ ее чтобъ она позволила мнѣ прекратить на нѣкоторое время посѣщенія, я говорилъ ей что она рискуетъ своею репутаціею, своимъ состояніемъ, я напоминалъ ей что у нея есть дѣти. Долго молча слушала она меня. блѣдная какъ смерть. Такъ или иначе, сказала она мнѣ наконецъ, а вы уѣдите и скоро; зачѣмъ же приближать этотъ часъ разлуки; обо мнѣ пожалуйста не хлопчите. Будемъ пользоваться днями, часами: еще нѣсколько дней, нѣсколько часовъ, мнѣ больше ничего и не нужно. Не знаю какое-то предчувствіе говоритъ мнѣ, Адольфъ, что я умру на вашихъ рукахъ.

Мы продолжали жить попрежнему: я не переставалъ безпокоиться,

Элеонора не переставала грустить, а графъ П*** молчалъ и смотрѣлъ страшно озабоченнымъ. Наконецъ пришло письмо, котораго я поджидалъ: отецъ приказывалъ мнѣ чтобъ я ѣхалъ къ нему. Я отнесъ это письмо къ Элеонорѣ. Уже! сказала она прочитавши его. Я никакъ не думала что такъ скоро; потомъ, залившись слезами она взяла меня за руку и сказала: Адольфъ, вы видите что я не могу жить безъ васъ; я не знаю что ждетъ меня впереди, но я умоляю васъ погодить убѣждать: найдите какой-нибудь предлогъ чтобъ остаться. Попросите у вашего отца шестимѣсячную отсрочку. Не Богъ знаетъ сколько времени—шесть мѣсяцевъ. Я началъ было убѣждать ее что это послужитъ только во вредъ намъ; но она плакала такъ горько, она вся такъ дрожала, такія, раздрающія сердце муки отпечатѣлись на ея лицѣ что я не могъ больше возражать. Я упалъ къ ея ногамъ, я обнималъ ее, я клялся ей въ любви и успелъ отъ нея съ тѣмъ чтобъ написать къ отцу. Побуждаемый, взволнованною меня скорбью Элеоноры, я дѣйствительно написалъ. Я привелъ тысячи причинъ, вслѣдствіе которыхъ никакъ не могу выѣхать тотчасъ; главнымъ образомъ я упиралъ на то, что мнѣ необходимо прослушать въ Д*** курсы нѣкоторыхъ наукъ, на которые въ Геттингенѣ у меня не достало времени; какъ пламенно желалъ я, когда относилъ письмо на почту, того чтобъ отецъ позволилъ мнѣ остаться.

Вечеромъ я вернулся къ Элеонорѣ. Она сидѣла на софѣ, поотдалъ отъ нея у каминна сидѣлъ графъ П***, въ глубинѣ комнаты было двое дѣтей, которыя присмирѣвъ посматривали съ удивленіемъ, съ тѣмъ удивленіемъ, которое всегда отпечатлѣвается на лицахъ дѣтей когда они замѣчаютъ смущеніе окружающихъ, но зная, что это значить и отъ чего. Я далъ понять Элеонорѣ знаками, что сидѣла то, о чемъ она просила. Радость блеснула въ ея глазахъ, блеснула и тотчасъ же потухла. Мы сидѣли молча. Молчаніе тяготило всѣхъ насъ тронихъ. — Меня увѣряютъ, сказалъ мнѣ наконецъ графъ, что вы на дняхъ убѣждаете отъ насъ. Я отвѣчалъ ему, что не знаю.— Мнѣ кажется прервалъ графъ, что въ ваши лѣта грѣшно сидѣть сложа руки и не искать дороги, которая могла бы вывести въ людѣ; впрочемъ, прибавилъ онъ. взглянувъ на Элеонору, можетъ быть я чутокъ въ этомъ случаѣ и другіе скажутъ, что это вздоръ.

Отецъ мой не замедлилъ отвѣтить мнѣ; зная какъ страшно подѣйствуетъ на Элеонору отказъ, я дрожалъ распечатывая письмо. Мнѣ казалось даже что этотъ отказъ не менѣе страшно подѣйствовалъ бы и на меня; но узнавъ изъ письма что отецъ согласенъ, я вдругъ почувствовалъ какъ тяжело скажется мнѣ эта выпрошенная отсрочка. Еще шесть мѣсяцевъ неволи! воскликнулъ я; шесть мѣсяцевъ въ продолженіи которыхъ я буду снова оскорблять человѣка, который ничего не питалъ ко мнѣ кромѣ дружбы, снова и еще болѣе подвергать опасности женщину, которая меня любитъ; я рискую лишить ее единственнаго положенія, въ которомъ она можетъ жить спокойно не боясь на каждомъ шагѣ обиды; я обманываю отца, и для чего? Чтобъ отдалить скорбную минуточку, которую все-таки при-

мѣся пережить рано или поздно. Пора бы кажется не бояться скорби, пора бы привыкнуть переносить скорбь, скорбя болѣе или менѣе чуть не съ самой колыбели. Я только врежу Элеонорѣ; такое чувство какое я питаю къ ней, не можетъ удовлетворить ее. Я жертвую собою для нее, но безпоздно для ея счастья: я трачу время безъ пользы для себя, живу въ зависимости, не имѣя ни одной свободной минуты, ни одного часа покоя. Я пришолъ къ Элеонорѣ серьезно занятый этими размышленіями. Она была одна.—Я остаюсь еще на шесть мѣсяцевъ, сказалъ я ей.—Отчего же такъ сухо сообщаете вы мнѣ такую новость? — Оттого что, признаюсь вамъ, я страшно боюсь чтобъ эта отсрочка не повредила обимъ намъ.—Мнѣ кажется что во всякомъ случаѣ она всего менѣе повредитъ вамъ. — Вы должны кажется знать Элеонора что я всего менѣе хлопочу о себѣ. — Не больно-то хлопочете вы и о счастьи другихъ.—Разговоръ нашъ сдѣлался бурнымъ. Ее оскорбило то что я говорилъ съ сожалѣніемъ объ обстоятельстве, которому, думала она, я долженъ бы былъ порадоваться вмѣстѣ съ нею; меня оскорбляло то что я остался именно только потому что она захотѣла,—то, что вообще она одерживаетъ надо мной побѣду! Мы оба вышли изъ себя и стали звить другъ друга упреками. Элеонора обвинила меня за то что я обманулъ ее, что моя любовь къ ней минутное увлеченіе, а вовсе не то чувство, въ которомъ я клялся ей; за то что я вооружилъ противъ нея графа и уронилъ ее въ общественномъ мнѣніи, снова поставивъ ее въ то двусмысленное положеніе, изъ котораго она старалась выбиться цѣлую жизнь. Меня бѣсило что она ставитъ въ вину то, что я дѣлалъ только изъ послушанія къ ней и изъ боязни огорчить ее. Я жаловался на мое подневольное положеніе, на деспотическое обращеніе ея со мною, я сожалѣлъ о напрасно погибающей молодости. Слушая меня она вдругъ залилась слезами: я не сталъ продолжать, началъ повторять сказанное, отъ многого отпираться, многое перетолковывать иначе. Мы обнялись; но тѣмъ не менѣе мы нанесли другъ другу по чувствительному удару, сдѣлали по одному важному шагу для уясненія дѣла. Каждый, изъ насъ произнесъ по нѣскольку чрезъ чуръ вразумительныхъ словъ; мы будемъ въ состояніи не колоть ими другъ другу глаза, но никогда не забудемъ ихъ. Есть вещи, которыя долго не высказываются, но за то ихъ стоить разъ высказать чтобъ заставить помнить объ нихъ во вѣки.

Такимъ образомъ, отношенія наши, въ продолженіи четырехъ, послѣднихъ мѣсяцевъ были натянуты, рѣдко разбѣживались мы и увлекались; свиданья доставляли намъ еще нѣкоторое удовольствіе, но перестали уже очаровывать насъ. Однако, Элеонора, и не думала развязаться со мною. Послѣ самой страшной ссоры со мною она ничуть не менѣе интересовалась знать когда я опять приду къ ней, и по обыкновенію сама назначала почти минуту свиданія, какъ будто отношенія наши были въ высочайшей степени мирны и нѣжны. Мнѣ часто приходило въ голову что между прочимъ и мое поведеніе значительно способствовало тому, чтобъ настроить Элеонору такимъ

образомъ. Она была бы спокойнѣе еслибъ я любилъ ее также какъ любила она меня; она сама разсудила бы тогда и поняла бы опасность, которую она теперь пренебрегала. Но благоразуміе было ненавистно для нея потому что я внушалъ ей его; она не задумывалась готова была жертвовать всѣмъ, потому что занята была тѣмъ чтобы заставить меня принять отъ нея эти жертвы; ей некогда было охладѣть ко мнѣ потому что все время и всѣ свои силы она употребляла на то, чтобы крѣпче привязать меня. Наконецъ сталъ приближаться и новый срокъ моего отъѣзда; когда я начиналъ думать объ этомъ мнѣ становилось и весело и грустно; мною овладѣвало смѣшанное чувство подобное тому, которое овладѣваетъ человѣкомъ, которому предстоитъ, навѣрняка, посредствомъ страшной операціи избавиться отъ смерти.

Разъ по утру Элеонора написала ко мнѣ, чтобы я пришолъ къ ней на минутку.—Графъ, сказала она мнѣ, запрещаетъ мнѣ принимать васъ; разумѣется я не подумаю послушаться этого приказанія: я не раба. Я шла за этимъ человѣкомъ въ ссылку; еслибъ не я, онъ потерялъ бы все свое состояніе; я только и думала что объ его интересахъ. Теперь онъ можетъ обойтись безъ меня, а я безъ васъ обойтись не могу. Не трудно отгадать каковы были мои настоянія чтобы заставить ее отказаться отъ плана, котораго я никакъ не могъ постичь. Я говорилъ ей объ общественномъ мнѣніи. — Мнѣніе это, отвѣчала она мнѣ, никогда не было справедливо ко мнѣ. Въ теченіи десяти лѣтъ я исполняла мои обязанности лучше всякой другой женщины, а это мнѣніе все-таки исключало меня изъ среды, которой я была достойна. Я напомнилъ ей что у нея есть дѣти.—Дѣти эти, дѣти графа П^{***}. Онъ призналъ ихъ: онъ позаботится объ нихъ. Они будутъ очень счастливы если забудутъ мать, которая только и можетъ подѣлиться съ ними своимъ позоромъ. Я сталъ умолять ее. — Послушайте, сказала она, а если я разстанусь съ графомъ вы не бросите меня? Или бросите? сказала она схвативъ меня за руку, готовая кажется кинуться на меня. Я вздрогнулъ, такъ страшна была она въ эту минуту. — Разумѣется, нѣтъ, отвѣчалъ я ей; и чѣмъ несчастнѣе будетъ становиться ваша судьба тѣмъ болѣе преданнаго вамъ человѣка будете вы находить во мнѣ. Но подумайте,... — Я все обдумала, прервала она меня. Онъ сей-часъ войдетъ; ступайте чтобы онъ не увидалъ васъ; не приходите больше сюда.

Остатокъ дня я провелъ въ невыразимыхъ томленіяхъ. Прошло два дня, а я не слыхалъ ни слова объ Элеонорѣ. Меня мучило то, что я не знаю что съ нею; я мучился двойнѣ оттого, что не могъ увидаться съ ней и меня изумляло что я такъ чувствителенъ къ такому лишенію. Я желалъ однако отъ всей души чтобы она отказалась отъ намѣренія, которое заставляло меня страшно бояться за нее и я начиналъ уже льстить себя надеждою, что она въ самомъ дѣлѣ откажется отъ него, какъ вдругъ какая-то женщина подала мнѣ письмо, въ которомъ Элеонора просила меня придти къ себѣ, въ такую-то улицу, въ такой-то домъ, въ третій этажъ. Я отправился, ничего рѣ-

спешно не подозрѣвая тутъ кромѣ того что она вѣроятно не могла принять меня въ домѣ графа, наняла квартиру чтобъ на свободѣ объясниться со мною въ послѣдній разъ. Я увидалъ что она располагается на житье. Она подошла ко мнѣ съ самодовольнымъ и вмѣстѣ смущеннымъ видомъ, желая прочесть въ моихъ глазахъ какое впечатлѣніе произвело это на меня. — Я покончила совсѣмъ сказала она мнѣ, я совершенно свободна; съ моего собственного имѣнія я имѣю дохода семьдесятъ пять лундоровъ; довольно съ меня. Вамъ остается быть здѣсь еще шесть недѣль. Когда вы уѣдете я найду можетъ быть возможность поселиться въ томъ мѣстѣ гдѣ вы будете; можетъ быть вы вздумаете посѣтить меня. И, какъ-будто боясь моего отвѣта, она пустилась рассказывать тысячи подробностей своего плана. Она старалась всевозможными способами доказать мнѣ что она будетъ счастлива; что она вовсе не думала ничѣмъ жертвовать для меня; что она поступила бы также, еслибъ вовсе и не знала меня; что такъ нужно было ей. Очевидно что это стоило ей большихъ усилій и что правды во всемъ сказанномъ ею было развѣ на половину. Она закидывала меня словами боясь тѣхъ словъ, которыя, думая она, могли сорваться у меня съ языка; она завела нескончаемо длинную рѣчь, чтобъ отдалить минуту, когда я, своими возраженіями, начну повергать ее въ отчаяніе. Я не сказалъ ей ни одного слова, во мнѣ не достало духа. Я далеко не отвергъ ея жертву; благодарилъ ее, я сказалъ ей что она сдѣлала меня на вѣкъ счастливымъ; мало этого я увѣрялъ ее что всегда желалъ чтобъ она рѣшилась на что-нибудь такое, что вмѣнило бы мнѣ въ обязанность никогда не покидать ее; я увѣрялъ ее что если я отоваривалъ ее прежде, то по чувству деликатности, которое запрещало мнѣ подстрекать ее на то, для чего она должна была пожертвовать своимъ положеніемъ. Однимъ словомъ, у меня не было въ головѣ ничего, кромѣ желанія какъ можно удалить отъ нея всякія сожалѣнія, муки и опасенія и всякія сомнѣнія касательно моихъ чувствъ. Покуда я говорилъ съ нею такимъ образомъ я не думалъ ни о чемъ иномъ, и увѣренія мои были совершенно искренны.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Размолвка Элеоноры съ графомъ надѣлала, какъ и надобно было ожидать, большого шума въ городѣ. Элеонора разомъ потеряла все, что приобрѣла десятию годами безконечной преданности и постоянства: ее перестали отличать отъ женщинъ ея разбора, которыя готовы влюбляться на каждомъ шагу. За то что она бросила дѣтей, на нее стали смотрѣть какъ на женщину, въ которой не осталось ни капли материнскаго чувства, и дамы, слывшія безупречными по своему поведенію, не безъ удовольствія повторяли при этомъ, что женщина, забывающая объ обязанностяхъ матери, придающихъ достоинство ея полу, кончить вскорѣ тѣмъ, что позабудетъ обо всѣхъ остальныхъ женскихъ добродѣтеляхъ. Въ то же время, чтобъ не лишить себя удовольствія пойтись на мой счетъ, многіе жалѣли ее. Неходили, что

я вель себя какъ оболъститель, какъ неблагодарный, который злоупотребилъ радушнымъ приеомъ и, чтобъ удовлетворить мимолетной фантазіи, пожертвовалъ спокойствіемъ двухъ особъ, изъ которыхъ одну онъ долженъ былъ бы уважать, а другую во всякомъ случаѣ шадить. Нѣкоторые изъ друзей моего отца серьезно упрекнули меня; другіе, менѣе короткіе со мною, старались тонкими намеками дать почувствовать мнѣ, что не одобряютъ моего поведенія. Молодые люди, напротивъ, были въ восторгѣ, что я занялъ мѣсто графа: они находили, что я поступилъ при этомъ чрезвычайно ловко, и отпускала тысяча разнаго свойства шутокъ, которыя часто я поневолѣ выслушивалъ, они поздравляли меня съ побѣдой и общались брать съ меня примѣръ. Я не нахожу словъ, чтобъ выразить, какъ больно было слышать мнѣ и этотъ строгій судъ и эти постыдныя похвалы. Я убѣжденъ, что еслибъ я въ самомъ дѣлѣ любилъ Элеонору, я поправилъ бы и ее и свою репутацію. Истинное чувство на столько сильно, что когда оно начинается говорить, то всякія ложныя толкованія и пустыя придирки свѣтскаго приличія умолкзуютъ. А я былъ просто человѣкъ слабый, призмательный, которымъ завладѣли; я не опирался ни на что, исходящее прямо изъ сердца. Вступая въ разговоръ, я начиналъ путаться; я торопился скорѣе кончить, но если онъ все-таки данся, то я заставлялъ оставить меня въ покоѣ посредствомъ жесткихъ словъ, которыми начиналъ задирать собесѣдниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, я охотнѣе сталъ бы драться съ ними, чѣмъ разсуждать.

Скоро Элеонора замѣтила, что общественное мнѣніе возстаетъ противъ нея. Двѣ родственницы графа П***, которыхъ заставилъ онъ своимъ вліяніемъ поближе сойтись съ Элеонорою, торжественно отказались теперь отъ всякихъ сношеній съ нею; онъ хотя и прикрывались строгою моралью, но въ сущности были просто скверныя душеньки и поднялись теперь единственно отъ радости, что можно почесать свои злые языки. Мужчины продолжали посѣщать Элеонору, но фамильярность, которую они стали позволять себѣ въ обращеніи съ нею, ясно говорила ей, что она уже не состоитъ подъ прежнимъ могущественнымъ покровительствомъ и не имѣетъ за собою такого оправданія, какъ только что разорванная ею почти освященная связь. Одни шли къ ней потому, какъ говорили они, что давно знакомы съ нею, другіе потому что она все еще была хороша, а послѣдній легкомысленный поступокъ ее обнадеживалъ ихъ, что они успѣютъ кое въ чемъ, чего они и не старались скрыть отъ нее. Каждый приводилъ основанія, почему онъ поддерживаетъ свое знакомство съ нею, другими словами, всѣ считали необходимымъ оправдать свои сношенія съ нею. Такимъ образомъ несчастная Элеонора видѣла, что ее низводятъ именно въ тотъ низкій слой общества, изъ котораго всю свою жизнь она старалась выйти. Все способствовало къ тому, чтобъ сломить ее душу и задѣть ее гордость. Въ томъ что одни покинули ее, она видѣла явное доказательство того, что ее презираютъ, въ томъ что другіе сдѣлались неотвязчивы, она нашла признакъ того, что она сдѣлалась предметомъ оскорбительныхъ надеждъ. Уединеніе было мучительно для нее, общества она стыдилась. О! разумѣется, я долженъ

бы былъ ее утѣшить, я долженъ бы былъ прижать ее къ моему сердцу, сказать ей: будемъ жить другъ для друга, забудемъ людей, которымъ не понять насъ, будемъ счастливы, уважая и любя другъ друга. Я пробовалъ было держать къ ней такія рѣчи, но старанія, внушаемыя совнаніемъ долга, не воскресятъ умирающаго чувства.

Мы, я и Элеонара, скрyтничали другъ съ другомъ. Она не рѣшалась повѣрить мнѣ мукъ, которыя претерпѣвала она вслѣдствіе жертвы, которой, какъ знала она очень хорошо сама, я вовсе не требовалъ. Я не отвергалъ этой жертвы: у меня неоставало духу жаловаться на несчастіе, которое я предвидѣлъ и котораго я не сумѣлъ отвратить. Такимъ образомъ мы не говорили ни слова о томъ, что постоянно главнымъ образомъ занимало насъ. Мы не скупились на ласки, мы толковали о любви, но говорили мы о любви изъ боязни, чтобы не заговорить о чемъ-нибудь другомъ.

Когда два любящія сердца начинаютъ секретничать другъ отъ друга, когда хоть одно изъ нихъ можетъ рѣшиться на то, чтобы утаить что-нибудь отъ другою, тогда въ любви ихъ нечего искать ни очарованія, ни счастья. Напрасная горячность, несправедливость, невнимательность — все это дѣло поправимое, но скрyтничаніе примѣшивается въ любовь совершенно чуждое ей начало, которое искажаетъ ее и роняетъ въ глазахъ самихъ влюбленныхъ.

По странной непоследовательности, отражая съ страшнымъ негодованіемъ малѣйшіе дурные намеки на нравственность Элеоноры, я въ то же время отчасти самъ вредилъ ей нѣкоторыми разсужденіями въ обществѣ. Я покорился ей, но я возненавидѣлъ владычество вообще женщинъ. Я не умоляя гремѣлъ при всякомъ удобномъ случаѣ противъ ихъ слабостей, противъ ихъ выскательности, противъ ихъ деспотической печали. Я провозглашалъ самые суровые принципы, и я тотъ самый, который таялъ отъ одной слезы, котораго могла сломить нѣмая печаль, который, отлучившись на нѣсколько часовъ, мучился отъ мысли, что его отлучка заставляетъ страдать, — вдругъ представлялъ себя человѣкомъ ненавидящимъ и безпощаднымъ. Мои слова въ зыциту, въ похвалу Элеоноры не ставились ни во что; впечатленіе, которое производили мои сужденія, были неизгладимы. Меня ненавидѣли, ее жалѣли, но перестали уважать. Ей ставили въ вину, что она не умѣла внушить своему любовнику должнаго уваженія вообще къ женскому полу и къ сердечнымъ привязанностямъ.

Одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей Элеоноры, начавши послѣ размовки ея съ графомъ Ш*** страшно ухаживать за нею, и доведши ее своими неотвѣзчивыми преслѣдованіями до того, что она принуждена была отказать ему отъ знакомства, сталъ позволять себѣ разныя оскорбительныя шутки на ее счетъ, взорвавшія меня. Я вызвалъ его на дуэль. Мы дрались; я смертельно ранилъ его, и самъ получилъ рану. Невъяснимая смѣсь ужаса, смущенія, признательности и любви выразилась въ чертахъ лица Элеоноры, когда она увидила меня послѣ дуэли. Она переселилась ко мнѣ; напрасно упрасивалъ я ее не дѣлать этого. Она не покидала меня ни на минуту до самого моего выздо-

рвления. Днем она читала мнѣ что-нибудь, просиживала надо мной почти по цѣлымъ ночамъ, не смыкая глазъ; слѣдила за каждымъ моимъ движеніемъ, предупреждала всѣ мои желанія; ея умная доброта увеличивала ея способности, удваивала ея силы. Она только и твердила мнѣ, что не пережила бы меня: я разнѣжился, угрызения зашевелились во мнѣ. Мнѣ хотѣлось найти въ себѣ, чѣмъ бы отблагодарить ее за такую постоянную и нѣжную привязанность; я призывалъ на помощь воспоминанія, воображеніе, разсудокъ, чувство долга: все напрасно! Трудность положенія, неизбежность будущаго, которое долженствовало разлучить насъ и, можетъ быть, безсознательное возмущеніе противъ неразрывности узъ, отъ которыхъ я не могъ отдѣлаться, пожирали меня внутренно. Я упрекалъ себя за неблагодарность, которую старался скрыть отъ нея. Я сокрушался, когда она казалась начинала сомнѣваться въ любви, столь необходимой для нее, и сокрушался не менѣе и тогда, когда она очевидно вѣрила въ эту любовь. Я чувствовалъ, что она лучше меня; я ненавидѣлъ себя за то, что былъ недостойнъ ея. Страшное несчастіе любя не быть любимымъ, но еще болѣе страшное несчастіе быть страстно любимымъ, когда самъ не любишь. Я подвергалъ уже жизнь свою опасности за Элеонору, но я еще охотнѣе пожертвовалъ бы ею, для того чтобъ она могла быть счастлива безъ меня.

Шесть мѣсяцевъ отсрочки, данной мнѣ отцомъ, истекли; надо было собираться въ путь. Элеонора не протмвилась моему отъѣзду, она не старалась даже замедлить его; но она потребовала отъ меня, чтобъ я далъ ей слово, что по прошествіи двухъ мѣсяцевъ я самъ приѣду къ ней, или вызову ее къ себѣ; я торжественно поклялся ей въ этомъ. Могъ-ли я отказать ей въ чемъ-нибудь, когда, очевидно, страшная борьба происходила въ ней, и она крѣпилась, чтобъ не обнаруживать боль въ сердцѣ? Она могла бы потребовать отъ меня, чтобъ я не уѣзжалъ; я знаю, что ея слезы заставляли бы меня послушаться. Я былъ признателенъ къ ней за то, что она, не смотря на полнѣйшую возможность, не захотѣла поступить деспотически; мнѣ казалось, что я больше полюбилъ ее за это. Притомъ и самъ я не безъ сожалѣнія покидалъ существо, обнаружившее ко мнѣ такую рѣдкую привязанность. Вѣсть что-то глубокое въ продолжительныхъ связяхъ. Совершенно незамѣтнымъ для насъ образомъ онѣ становятся необходимыми для нашего существованія. Мы рано начинаемъ задумывать о томъ, чтобъ разорвать ихъ, мы преспокойно строимъ себѣ для этого планъ и нетерпѣливо начинаемъ ждать времени, когда по нашимъ расчетамъ будетъ пора осуществить его; но наступаетъ это время, и намъ становится страшно. Наше несчастное сердце такъ странно устроено, что разрывается на части, когда приходится намъ разставаться даже съ тѣми, съ которыми далеко не весело жилось намъ.

Уѣхавши, я повелъ правильную переписку съ Элеонорою. Я боялся, чтобъ не огорчить ее своими письмами, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ хотѣлось перестать притворяться, говорить то, чего вовсе не чув-

спѣешь. Мнѣ хотѣлось сказать ей правду о себѣ, но такъ, чтобъ правда эта не показалась горька для нее; я радовался, когда мнѣ удалось замѣнить слова любовь словами: привязанность, дружба, преданность; но вдругъ я представляла себѣ положеніе бѣдной Элеоноры, печальной и одинокой, для которой только и утѣшенія, что мои письма, и въ концѣ холоднаго письма, въ которомъ все было обдуманно и разсѣрено, я ставилъ вдругъ двѣ-три страстныхъ или нѣжныхъ фразы, которыя способны были снова ввести ее въ заблужденіе. Такимъ образомъ въ письмахъ моихъ всегда было слишкомъ мало такого, что могло бы удовлетворить ее и слишкомъ много такого, чтобъ ввести ее въ обманъ. Это странное лукавство. самая успѣшность котораго обращалась во вредъ мнѣ, только лишала меня возможности успокоиться отъ безконечныхъ томленій и было нестерпимо для меня.

Я съ безпокойствомъ считалъ дни, часы, которые уходили другъ за другомъ; мнѣ хотѣлось бы, чтобъ время шло какъ можно тише; я трепеталъ, видя, что приближается срокъ, когда я долженъ буду исполнить обѣщанное. Я не могъ найти никакого предлога, для того, чтобъ самому уѣхать въ Д***, никакихъ средствъ для того, чтобъ Элеонора могла поселиться въ томъ городѣ, гдѣ былъ я. Можетъ быть, потому что, говоря по совѣсти, я не желалъ этого. Я сравнивалъ мою спокойную и независимую жизнь съ тою исполненною порывовъ, волненій и мукъ, на которую осуждала меня ея страсть. Мнѣ такъ нравилось быть свободнымъ, уходить, приходить, сидѣть дома именно тогда, когда вздумается, никого не стѣснять этимъ и звать, что до этого никому нѣтъ никакого дѣла. Измученный ея любовью, я, такъ сказать, отдыхалъ среди равнодушія окружающихъ меня.

Однако я боялся, чтобъ Элеонора не заподозрила, что я намѣренъ разрушить наши планы. Она поняла изъ моихъ писемъ, что я почти совершенно не могу оставить отца; она написала мнѣ, что, принявъ это во вниманіе, она дѣлаетъ приготовленія къ отъѣзду. Долго я не говорилъ ей ничего противъ этого; но не сказалъ ей въ отвѣтъ и ничего положительнаго. Я дѣлалъ ей смутные намеки на то, что мнѣ всегда будетъ отрадно слышать, потомъ я прибавилъ, быть причиной того, что она счастлива. Жалкія двусмысленныя фразы, несчастная путаница! какъ больно было мнѣ, что слова мои такъ темны, и какъ боялся я выразаться яснѣе! Я рѣшился наконецъ говорить съ нею искренно; и убѣдилъ себя тѣмъ, что это мой долгъ; я разбудилъ совѣсть, и она побѣдила слабости моего сердца, мысль объ ея спокойствіи вернула мнѣ тѣ силы, которыя отнимала у меня всегда мысль о томъ, что она скорбитъ. Я сталъ расхаживать изъ угла въ уголъ по моей комнатѣ и говорить въ слухъ то, что собрался ей написать. Но едва я написалъ нѣсколько строкъ, рѣшимость моя исчезла: я сталъ судить мои собственные слова, не по ихъ прямому смыслу, а потому впечатлѣнію, которое они, конечно, произвели бы на нее, и какая-то сверхъестественная сила стала управ-

лять моей рукой и я ограничился тѣмъ, что посовѣтовалъ ей отложить свою поѣздку на нѣсколько мѣсяцевъ. Я писалъ не то, что думалъ. Въ письмѣ моемъ не было ни малѣйшаго намека на искренность. Советъ мой вышелъ вовсе неубѣдителенъ, потому что основаніа, на которыхъ держался онъ были выдуманная.

Гнѣвнымъ письмомъ отвѣчала мнѣ Элеонора: она оскорбилась моимъ нежеланіемъ видѣть ее. Чего она хотѣла отъ меня? Чего дурнаго могъ ждать я отъ того, что она станетъ жить затворницей, въ этомъ большомъ городѣ, гдѣ никто не знаетъ ее; и, можно надѣяться, дѣтьми, репутаціею; за всѣ эти жертвы она просила одного, чтобы она могла, какъ смиренная невольница, ждать моего прихода, проводить со мною каждый день по нѣсколько минутъ и наслаждаться этими минутами, которыми я стану дарить ее. Она согласилась прожить безъ меня два мѣсяца, не потому, чтобы такъ нужно было для нее, но потому, что ей показалось, что я желаю этого: она пережила эти два мѣсяца мучительно долго тянувшіеся для нее, дожидая наконецъ до того срока, который самъ я значилъ для свиданья, и вдругъ я предложилъ ей снова такую же долгую муку! Она могла обмануться, она могла отдаться грубому, безсердечному человѣку; я въ правѣ былъ дѣлать прежде все, что мнѣ угодно, но я не имѣлъ никакого права заставлять ее страдать, покидать ее, когда она пожертвовала для меня всѣмъ.

Элеонора выѣхала вслѣдъ за письмомъ; она дала мнѣ знать о своемъ пріѣздѣ. Я отпирался къ ней съ твердымъ намѣреніемъ выразить какъ можно больше радости при встрѣчѣ; я летѣлъ къ ней какъ на крыльяхъ, чтобы скорѣе успокоить ее моими увѣреніями и дать ей хоть нѣсколько минутъ отдыха, въ которыхъ она могла бы почестъ себя счастливою. Но она чувствовала себя оскорбленною; она стала нодовѣрчиво всматриваться въ меня: она тотчасъ же замѣтила, что я притворяюсь; она задѣла мою гордость своими упреками, она наговорила обидныхъ вещей про мой характеръ. Она представила меня такимъ до жалости слабымъ, что меня взорвало. Она унизила меня этимъ въ собственныхъ моихъ глазахъ, но не на столько, на сколько вооружила противъ себя. Какая-то безумная ярость овладѣла нами: мы перестали щадить другъ друга, забыли всякую деликатность. Точно фурии стояли позади насъ и натравливали другъ на друга. Мы кололи глаза другъ другу даже тѣмъ, что выдумали на насъ наши злѣйшіе враги; и кто взглянулъ бы на насъ со стороны, подумалъ бы, что видѣть въ самомъ дѣлѣ двухъ непримиримыхъ враговъ, ожесточенныхъ до готовности растерзать другъ друга.

Сцена эта продолжалась три часа, потомъ мы разошлись, и, въ первый разъ въ жизни, разошлись не помирившись. Не успѣлъ я дойти до дому, какъ, вмѣсто гнѣва, глубокая печаль овладѣла мною. Я находился въ состояніи какого-то оцѣпененія, я страшно пораженъ былъ тѣмъ, что произошло между нами. Меня изумляло, какъ могъ я наговорить то, что наговорилъ; я не понималъ, какъ могъ я

юести себя такимъ образомъ; я искалъ въ самомъ себѣ причины, почему я такъ обезумѣлъ.

Часъ былъ уже очень поздній; я не смѣлъ вернуться къ Элеонорѣ. Я далъ себѣ слово пойдти къ ней пораньше утромъ, и пошелъ къ отцу. У него была тѣмъ гостей; среди такого большого общества мнѣ было очень удобно держаться въ сторонкѣ и скрывать мое смущеніе. Когда мы остались одни, онъ сказалъ мнѣ: Меня увѣряютъ, что прежняя любовница графа П*** здѣсь въ городѣ. Я всегда предоставлялъ вамъ полную свободу и никогда не думалъ допытываться, что у васъ за связи; но вамъ, въ ваши лѣта, не прѣстало держать открыто любовницу; я предвараю васъ, что я принялъ мѣры, чтобъ удалить ее отсюда. Съ этими словами онъ вышелъ. Я пошелъ слѣдомъ за нимъ и дошелъ такимъ образомъ до дверей его спальни. Онъ сдѣлалъ знакъ, чтобъ я вернулся.—Батюшка, сказалъ я ему, Богъ свидѣтель, что я желаю, чтобъ она была счастлива, и что ради этого счастья, я согласился бы разстаться съ нею на вѣки; но смотрите, не надѣлайте худа: рассчитывая разлучить насъ, вы только заставите меня на вѣки соединиться съ нею.

Я тотчасъ позвалъ къ себѣ слугу, который всегда ѣздилъ со мной и зналъ мои отношенія къ Элеонорѣ. Я поручилъ ему тотчасъ же узнать, если только есть возможность, что это за мѣры, о которыхъ мнѣ говорилъ отецъ. Часа черезъ два онъ пришелъ съ отвѣтомъ. Секретарь отца сообщилъ ему по секрету, что Элеонора должна послѣ-завтра получить приказаніе выѣхать изъ города. Элеонору выгонять! вскричалъ я, выгонять съ позоромъ, ее, которая пріѣхала сюда собственно для меня, ее, которая и безъ того истерзалась по моей милости, ее, къ слезамъ которой я былъ равнодушенъ! Куда же преклонить голову ей, несчастной, сирой, одинокой посреди общества, въ которомъ изъ-за меня она лишилась уваженія? Кто раздѣлитъ съ нею ея печаль? Долго не думая, я рѣшился дѣйствовать. Я подкупилъ человека, который служилъ мнѣ; я далъ ему денегъ и наобѣщавъ ему тысячу разныхъ разностей. Я распорядился, чтобы къ шести часамъ утра у городскихъ воротъ была готова почтовая коляска. Я строилъ тысячи плановъ, какимъ бы образомъ на вѣки соединиться съ Элеонорою: я любилъ ее больше, чѣмъ когда-нибудь; сердце мое рвалось къ ней; сдѣлаться ея покровителемъ ласкало мою гордость. Я жаждалъ заключить ее въ мои объятія; душа моя исполнилась любовью; голова моя горѣла, огонь пробѣгалъ по жиламъ, все сильнѣе и сильнѣе билось сердце. Весь организмъ мой былъ потрясенъ. Еслибъ въ эту минуту Элеонора вздумала оттолкнуть меня, я умеръ бы у ногъ ея.

Стало свѣтать; я опрометью кинулся къ Элеонорѣ. Проплакавши всю ночь, она не вставала еще съ постели; глаза ея были заплаканы, волосы растрепаны; она изумилась, когда я вошелъ. — Вставай, ѣдемъ, сказалъ я ей. Она начала что-то говорить. — Собирайся, ѣдемъ, прервалъ я ее. Кто защититъ тебя, кто можетъ назваться твоимъ другомъ, кромѣ меня? Мои объятія вотъ твое единственное

убѣжище. Она не соглашалась ѣхать.—Я имѣю основанія; я вынужденъ на это, прибавилъ я. Умоляю, ѣдемъ; я увлекъ ее насильно. Дорогой я осыпалъ ее ласками, я прижималъ ее къ моему сердцу, на всѣ ея вопросы я отвѣчалъ ей тѣмъ, что обнималъ ее. Наконецъ я сказалъ ей, что, замѣтивъ намѣреніе отца разлучить насъ, я почувствовалъ, что не могу быть счастливъ безъ нея; что я хотѣлъ ей посвятить всю мою жизнь и соединиться всевозможными, накрѣпчайшими узами. Сначала она выражала безконечную признательность; но скоро она нашла противорѣчія въ моихъ словахъ. Силою настояній, она выжала изъ меня правду. Куда дѣвался ея восторгъ, лицо ея омрачилось.—Адольтъ, сказала она мнѣ, вы обманываетесь на счетъ вашихъ чувствъ ко мнѣ; вы великодушны, вы жертвуете собою, чтобы спасти меня, потому что меня преслѣдуютъ: не любовь, а чувство состраданія привязываетъ васъ ко мнѣ.—Зачѣмъ провозносила она эти роковыя слова? Зачѣмъ она открывала мнѣ тайну, которую я вовсе не хотѣлъ бы знать? Я слылся разубѣдить ее и, можетъ быть, успѣлъ въ этомъ; но истина тяжело прошла по дуплѣ: остылъ порывъ; жертва моя признана, но вовсе не къ моему счастью; и уже во мнѣ шевелилась мысль, которую я снова принужденъ былъ скрывать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Когда мы переѣхали границу, я написалъ къ отцу. Письмо мое было написано въ почтительныхъ выраженіяхъ; но смыслъ его былъ горекъ. Плохое спасибо сказалъ я ему за то, что онъ только крѣпче затянулъ тѣ опутавшія меня узы, которыя намѣревался разорвать. Я писалъ ему, что не покину Элеонору до тѣхъ поръ, пока она не оснуется гдѣ-нибудь, не устроится приличнымъ образомъ и не перестанетъ нуждаться во мнѣ. Я умолялъ его, не принуждать меня, посредствомъ свирѣпыхъ выходовъ противъ нея, оставаться навсегда ея работъ. Я ждалъ отъ него отвѣта, чтобы сообразно ему выбрать мѣсто жительства. «Вамъ двадцать четыре года, отвѣчалъ мнѣ онъ, вы скоро выйдете вовсе изъ-подъ моего начала и я не подумаю теперь на послѣдяхъ воспользоваться властью, взять васъ, какъ говорится, въ руки; тѣмъ болѣе, что я никогда не старался держать васъ въ рукахъ; я употребляю даже всевозможныя старанія для того, чтобы скрыть вашъ странный поступокъ; я распушу слухъ, что я самъ услалъ васъ, и что вы уѣхали по моимъ дѣламъ. Я не поскуплюсь въ значительной мѣрѣ увеличить ваши денежные средства. Вы скоро сами почувствуете, что такой образъ жизни, какой вы повели, вовсе не по васъ. Вамъ, по вашему рожденію, по вашимъ способностямъ и по состоянію, вовсе не пристало скитаться по свѣту съ женщиною безъ роду и безъ племени. Иное положеніе въ свѣтѣ суждено занимать вамъ. Я вижу уже изъ вашего письма, что вы недовольны собою. Подумайте о томъ, что выиграете вы отъ того, что добровольно будете оставаться въ положеніи, которое заставляетъ

краснѣть. Вы тратите по напрасну лучшіе годы вашей молодости; послѣ еслибъ вы захотѣли вернуть потерянное, будетъ поздно.»

Когда я прочелъ это письмо, точно тысячи книжаловъ вонзались мнѣ въ сердце. Мнѣ самому сто разъ приходило въ голову то, что высказалъ теперь мнѣ отецъ; сто разъ мнѣ самому становилось стыдно, что я ни до чего не добиваюсь, сижу безъ дѣла, пресмыкаюсь въ тѣни. Пусть бы лучше онъ упрекалъ, грозилъ; я считалъ бы тогда заслугою сопротивляться, я чувствовалъ бы тогда необходимость собраться съ силами, чтобъ защитить Элеонору отъ опасностей, которыя стали бы угрожать ей. Теперь же не представлялось никакихъ опасностей: мнѣ предоставлена была политическая свобода; и эта свобода послужила только къ тому, что сдѣлала еще нестерпимѣе для меня то рабство, которое я дѣлалъ видъ, что предпочитаю.

Мы поселились въ Кадавсѣ, маленькомъ богемскомъ городкѣ. Я по минутно твердилъ себѣ, что такъ какъ я взялъ на свою отвѣтственность судьбу Элеоноры, то уже по одному этому не слѣдуетъ мнѣ терзать ее. Я съумѣлъ обуздать себя; я затаилъ въ груди мое недовольство, не показавъ и виду, что оно есть во мнѣ, и всѣ умственные способности употребилъ на то, чтобы придать себѣ на столько веселый видъ, чтобы ничто не говорило во мнѣ про мою глубокую скорбь. Этотъ трудъ надъ собою имѣлъ совершенно неожиданныя послѣдствія. Мы такъ не крѣпки по натурѣ, что притворныя чувства на послѣдокъ овладѣваютъ нами. Я позабылъ отчасти про тѣ скорбныя думы, которыя силится скрыть въ началѣ. То и дѣло забавляя, я самъ повеселѣлъ дѣйствительно; то и дѣло нѣжничая, я въ самомъ дѣлѣ разнѣжился будто настоящій влюбленный.

Порою несносныя воспоминанія начинали осаждать меня. Когда я оставался одинъ, мною овладѣвало безпокойство; я строилъ тысячи самыхъ замысловатыхъ плановъ, чтобъ вырваться какъ можно скорѣе изъ сферы, въ которой я очутился. Но я прогналъ эти мысли какъ преступныя; Элеонора начинала наконецъ, кажется, чувствовать себя счастливой; достанетъ-ли во мнѣ духу лишить ее счастья? Около пяти мѣсяцевъ прожили мы такимъ образомъ.

Однажды я засталъ Элеонору въ страшномъ волненіи, очевидно, что она желала скрыть отъ меня что-то сильно занимавшее ее. Наконецъ, послѣ долгихъ упрасиваній, она взяла съ меня слово, что я не помѣшаю ей исполнить то, что она задумала сдѣлать, и призналась, что получила письмо отъ графа П***, который писалъ, что выигралъ процессъ; онъ съ признательностью вспоминалъ о всемъ томъ, что сдѣлала она для него въ теченіе десятилѣтней связи съ нимъ. Онъ дарилъ ей половину своего состоянія, но съ условіемъ, разумѣется, не съ тѣмъ, чтобъ она вернулась къ нему, объ этомъ нечего было и думать, но съ тѣмъ, чтобъ она бросила этого неблагодарнаго и вѣроломнаго человѣка, который разлучилъ ихъ.—Я отвѣтила, сказала она мнѣ, и вамъ не трудно догадаться, что именно; я, разумѣется, отказалась. Къ несчастью, я этого и ждалъ. Это тронуло меня; но этого мало: мысль, что Элеонора снова приноситъ мнѣ

жертву, повергла меня въ отчаяніе. Тѣмъ не менѣе я не осмѣлился возразить ей: безчисленныя попытки мои въ этомъ родѣ всегда оказывались напрасны. Я успѣлъ, чтобъ размыслить наединѣ, какъ поступить мнѣ въ этомъ случаѣ. Я видѣлъ ясно, что намъ слѣдуетъ разстаться. Жить вмѣстѣ было тягостно для меня, а для нее, съ этихъ поръ, стала вредно; только я одинъ, думалъ я, и буду мѣшать ей снова занять приличное мѣсто въ обществѣ и приобрести уваженіе, которымъ, рано или поздно, окружатъ всякаго, у кого такое огромное состояніе, какое представлялось получить ей; я чувствовалъ, что отнимаю мать у дѣтей; поведеніе мое показалось мнѣ совершенно невзвѣнительно въ моихъ собственныхъ глазахъ. Не отказаться отъ нея въ этомъ случаѣ не значитъ поступить вовсе великодушно, а, напротивъ, преступно. Я писалъ отцу, что почти себя снова свободнымъ тогда, когда Элеонора перестанетъ нуждаться во мнѣ. Пора же было, наконецъ, выходить на настоящую дорогу, начинать дѣятельную жизнь, вышибаться въ люди, прилагать на какое-нибудь честное дѣло свои способности. Я вернулся къ Элеонорѣ съ твердымъ намѣреніемъ, во что бы то ни стало, заставить ее принять предложеніе графа и даже, въ случаѣ нужды, прямо заявить ей, что я не люблю ее.—Милый другъ, сказалъ я ей, сколько не борись противъ судьбы, а придется уступить, такъ всегда бываетъ. Законы, управляющіе обществомъ, сильнѣе воли одного человѣка, роковой ходъ обстоятельствъ сокрушаетъ самыя, повидимому, неодолимыя чувства. Сколько ни старайся, а мы не проживемъ однимъ сердцемъ; рано или поздно придется взяться за умъ. Я не могу долѣе оставлять васъ въ положеніи, равно недостойномъ и васъ и меня; и для васъ и для меня нуженъ выходъ. По мѣрѣ того, какъ я говорилъ Элеонорѣ вещи такого рода, говорилъ не глядя на нее, я чувствовалъ, что мысли становились все смутнѣе и смутнѣе и рѣшимость моя слабѣла. Мнѣ не хотѣлось спутаться и кончить ничѣмъ. Я собралъ послѣднія усилія и кончилъ будто второпяхъ такимъ образомъ:—Я останусь навсегда вашимъ другомъ; я навсегда останусь искренно привязаннымъ къ вамъ. Два года, прожитые нами вмѣстѣ, никогда не изглазятся изъ моей памяти; я вѣчно буду считать ихъ лучшими годами моей жизни. Но любви, этого неистоваго чувства, невольно одурающаго, заставляющаго забыть всякіе интересы, всякія обязанности, не жди отъ меня больше, Элеонора! Не подымая глазъ, я долго ждалъ отъ нея отвѣта. Когда наконецъ я взглянулъ на нее, то увидалъ, что она стояла неподвижно, она всматривалась во все, что было передъ ея глазами, какъ будто вдругъ очутилась въ незнакомомъ мѣстѣ; я взялъ ее за руку: рука была холодна. Она оттолкнула меня. — Чего вы отъ меня хотите? сказала она; я остаюсь одна въ Божьемъ мірѣ, одна, ни одного живаго существа, которое бы стало слушать меня, нѣтъ возлѣ меня. Развѣ вы не все сказали? Кажется, все? Все кончено между нами; все погибло безвозвратно. Оставьте, киньте меня. Вѣдь вы этого только и хотите? Она хотѣла уйти и зашаталась; я старался поддержать ее, она

ушла въ безпамятствѣ къ моимъ ногамъ; я подвѣлъ ее, обнялъ, привелъ въ чувство.—Элеонора, вскричалъ я, опомнитесь, придите къ себѣ; я люблю васъ, люблю нѣжнѣйшею любовью. Я обманывалъ мѣ. чтобъ предоставить вамъ больше свободы въ выборѣ. — Дождай, однакожь, степени можетъ быть легковѣрно сердце! Эти слова, сказанныя отъ души, не смотря на то, что совершенно опровергались предшествовавшимъ, возвратили Элеонору къ жизни и снова расположили ее ко мнѣ; она нѣсколько разъ заставляла меня повторять ихъ. Она повѣрила мнѣ: она упевалась своею любовью, которую принимала за нашу; она послала свой отказъ графу, и не покидать ее стало для меня еще болѣе обязательнымъ.

Три мѣсяца спустя, Элеонорѣ представилась новая возможность переменить свое положеніе на болѣе выгодное. По случаю переворота, случившагося въ Польшѣ, переворота, свойственнаго особенно республикамъ, волнуемымъ партіями, отецъ Элеоноры вернулся на родину и снова былъ введенъ во владѣніе всѣми своими имѣніями. Не смотря на то, что онъ чуть помнилъ дочь, которая трехъ лѣтъ была увезена матерью во Францію, онъ пожелалъ вернуть ее на родину къ себѣ. Живя во время своего изгнанія безвыѣздно въ Россіи, онъ долго ничего не зналъ объ ней, только подъ-конецъ стали долетать до него смутные слухи объ ея похожденіяхъ. Кромѣ Элеоноры у него не было дѣтей: онъ боялся одиночества, некому было ходить за нимъ, а онъ нуждался въ этомъ. Онъ только и заботился о томъ, чтобы найти мѣсто жительства дочери, и какъ только онъ нашелъ его, онъ, не медля ни минуты, послалъ ей письмо, въ которомъ предлагалъ ей, всячески убѣждая ее, поселиться у него. Она не могла чувствовать истинной привязанности къ отцу, котораго она не помнила, чтобы когда-нибудь видѣла. Тѣмъ не менѣе она сознавала, что повиноваться въ этомъ случаѣ долгъ ея; ей представлялась черезъ это возможность обезпечить своихъ дѣтей огромнымъ состояніемъ и подняться самой въ тотъ высшій слой общества, который она покинула сначала вслѣдствіе несчастій, въ которомъ потомъ она не могла найти себѣ мѣсто по своему поведенію; но она положительнo объявила мнѣ, что только въ такомъ случаѣ поѣдетъ въ Польшу, если я не откажусь ѣхать вмѣстѣ съ нею.—Я стара уже, сказала она мнѣ, для того, чтобъ кидаться, очертя голову, на встрѣчу новымъ впечатлѣніямъ. Я вовсе не знаю, что за человѣкъ отецъ мой. Если я останусь здѣсь, то найдутся другіе, которые съ радостью готовы будутъ ухаживать за нимъ, а ему все равно; онъ все-таки будетъ счастливъ. Дѣти мои и такъ не бѣдны, все состояніе графа достанется имъ. Я очень хорошо знаю, что всѣ въ одинъ голосъ начнутъ порицать меня, я прославу дочью неблагодарною и не очень-то нѣжною матерью: но я перенесла на своемъ вѣку слишкомъ много; я не такъ молода, чтобъ мнѣніе свѣта могло имѣть на меня сильное вліяніе. Если то, на что я рѣшаюсь, въ самомъ дѣлѣ отчасти жестокосердо, то вините въ этомъ, Адольфъ, себя. Еслибъ я могла вообразать, что вы расположены ко мнѣ гораздо нѣжнѣе, чѣмъ на

самомъ дѣлѣ, то я, можетъ быть, и согласилась бы уѣхать, потому что тогда разлука была бы не такъ горька для меня, я знала бы, что впередъ сладость свиданья и неразрывнаго союза; но я слишкомъ хорошо знаю васъ: предположивъ, что я, будучи въ двухъ стахъ лѣ отъ васъ, довольна и счастлива, потому что живу въ семьѣ, не зная ни заботъ, ни нужды, вы совершенно успокоились бы. Вы стали бы писать ко мнѣ, письма ваши, разумѣется, были бы умны, но я знаю напередъ, о чемъ бы говорилось во всѣхъ въ нихъ: я бы стала терзаться, читая ихъ; я не хочу добровольно обрекать себя на муки. Я не могу даже сказать себѣ въ утѣшеніе того, что, пожертвовавъ для васъ всѣмъ, я заставила васъ проникнуться тѣмъ чувствомъ ко мнѣ, котораго я заслужила. Я и такъ довольно страдаю отъ сухости вашего обращенія со мною, отъ холодности нашихъ отношеній; я сношу эти страданія, на которыя вы осуждаете меня; терзать сама себя я не стану.

Въ словахъ Элеоноры и въ тонѣ, съ которыми она произносила ихъ, было что-то жесткое, строгое, дававшее чувствовать, что она говорила о дѣйствительно принятомъ ею рѣшеніи, а не просто подъ влияніемъ того, что была глубоко взволнована или тронута. Съ вѣ котораго времени, требуя отъ меня чего нибудь, она заранѣе начинала выходить изъ себя, какъ будто уже я отказалъ ей. Она располагала менши дѣйствіями, но она была увѣрена, что мой разумъ далеко не одобряетъ этихъ дѣйствій. Она хотѣла бы проникнуть въ таинственное святилище моей мысли, чтобъ сокрушить эту ничему невнемлющую, сопротивляющуюся силу, которая вооружала ее противъ меня. Я говорилъ ей о моемъ положеніи, о требованіяхъ моего отца, о томъ, чего я самъ хочу; я умолялъ, я горячился. Элеонора была неумолима. Я думалъ найти въ ней великодушіе, я точно забылъ, что чувство любви самое эгоистическое изъ всѣхъ чувствъ, и, слѣдовательно, когда оно оскорблено, самое невеликодушное. Я старался, съ страшнымъ усиліемъ, тронуть ее тѣмъ, какъ много терплю я отъ того, что остаюсь при ней; я только раздражилъ ее до нелѣзя. Я общался, что пріѣду къ ней въ Польшу; но въ моихъ обѣщаніяхъ, которыя я съ трудомъ могъ выговорить, ей сказалось только то, что я горю нетерпѣніемъ скорѣе развязаться съ нею.

Прошелъ уже ровно годъ съ тѣхъ поръ, какъ мы поселились въ Кадань, и мы жили совершенно по прежнему. Когда Элеонора находила, что я унылъ и мраченъ, то это прежде всего трогало ее, потомъ оскорбляло; своими упреками она довела меня до того, что я признавался—такъ въ утомленіи, которое хотѣлось мнѣ скрыть. Я, съ своей стороны, когда замѣчалъ, что Элеонора довольна судьбою, выходилъ изъ себя, меня возмущало, что она находитъ удовольствіе въ положеніи, которое стоитъ мнѣ счастья, и я старался намекнуть ей на то, что дѣлается у меня въ груди, чтобъ какъ можно скорѣе лишить ее спокойствія. Такимъ образомъ мы поочередно нападали другъ на друга несъемными намеками, потомъ каждый изъ насъ начиналъ складывать оружіе и брался за обычныя увѣренія и

справданія, чтобъ снова добиться того, чтобъ замолчать. Потому что мы очень хорошо знали, что придется услышать намъ другъ отъ друга, и нарочно старались не говорить. Иногда одинъ изъ насъ готовъ былъ уступить, но мы не пользовались минутой. благопріятной для того, чтобъ сблизиться. Наши недоувѣрчивыя и оскорбленныя сердца перестали навсегда жить въ согласіи.

Я часто спрашивалъ себя, зачѣмъ я медлю и не выхожу изъ такого мучительнаго положенія: затѣмъ, отвѣчалъ я себѣ, что я не могу уйти отъ Элеоноры, она не отстанетъ отъ меня, и своей попыткой я только вызову ее на новую жертву. Я порѣшилъ наконецъ, что надо въ послѣдній разъ угодить, и что когда я возирану ее съемъ, ей нечего будетъ больше требовать отъ меня. Я готовъ былъ вызваться ѣхать вмѣстѣ съ нею въ Польшу, когда она получила извѣстіе о скоропостижной смерти своего отца. Онъ все завѣщалъ ей, какъ единственной наслѣдницѣ, но противъ его завѣщанія имѣлись воздѣйствія письма отъ него, на основаніи которыхъ дальніе родственники хвастались, что если захотятъ, то выиграють дѣло въ свою пользу. Смерть отца сильно огорчила Элеонору, не смотря на то, что она не была съ нимъ даже въ постоянной перепискѣ; она упрекала себя за то, что бросила его. Она винила въ этомъ меня. — Изъза васъ, сказала она мнѣ, я не исполнила священныя обязанности. Теперь рѣчь только о наслѣдствѣ, о моемъ состояніи, имъ я и не задумаюсь пожертвовать для васъ. Одна я рѣшительно не поѣду въ страху, гдѣ у меня есть одни враги. — Я и не думалъ мѣшать вамъ исполнять ваши обязанности; я желалъ бы, признаюсь, одного, чтобъ вы соблаговолили разсудить, какъ нелегко должно быть и мнѣ сознавать, что я также не исполняю своихъ обязанностей; вы никогда не были на столько справедливы ко мнѣ. Я покоряюсь, Элеонора; вашъ интересъ заставляетъ выкинуть изъ головы всякіе другіе расчеты. Я ѣду съ вами, назавтра день нашего отъѣзда.

Мы, дѣйствительно, поѣхали. Дорога, незнакомыя мѣста, все это вѣсколько развлекло насъ и сдѣлало нашъ разговоръ гораздо болѣе задушевнымъ. Воспоминанія уносили насъ въ прошедшее; на воспоминанія вызывало насъ не только всякое слово, но часто всякій жестъ, мы довольно прожили уже вмѣстѣ и страшно много пережили. Воспоминанія разнѣживали насъ, хотя не надолго. Они озаряли насъ какъ молніи, которыя прорѣзываютъ мракъ ночи, не разсѣивая его однакожь. Мы жили, такъ сказать, сердечными воспоминаніями, достаточно могуще твенными для того, чтобъ сдѣлать тяжелѣе разлуку, и слишкомъ безсильными для того, чтобъ мы почли за счастье быть въ связи. Настроенный такимъ образомъ, я далъ волю чувствамъ, мнѣ захотѣлось отдохнуть отъ обычнаго притворства. Я хотѣлъ дать Элеонорѣ сколь возможно болѣе удовлетворительныя ружательства въ моей любви къ ней, я заговаривалъ-было съ нею языкомъ любви; но эти порывы и эти слова походили на тѣ вожелтѣвшіе и засохшіе листья, которые иногда очень по-долгу держатся на вѣтвяхъ срубленнаго дерева.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Элеонора добилась, что ее почти тотчасъ по прїѣздѣ ввели во владѣніе оспариваемымъ у нея имуществомъ отца; съ нею взяли только при этомъ обязательство, что она будетъ хранить его въ цѣлости до окончанія процесса. Она поселилась въ одномъ изъ имѣній своего отца. Мой отецъ, который никогда не говорилъ со мною напрямки, написалъ мнѣ письмо, въ которомъ различными намеками выражалъ мнѣ свое неудовольствіе на мою поѣздку. Вотъ это письмо: «Вы писали мнѣ, что не хотите ѣхать. Вы подробно объясняли всѣ тѣ основанія, которые имѣли вы для того, чтобы не ѣхать; стало быть, думалъ я, вы непременно поѣдете. Мнѣ остается только жалѣть васъ, что вы, при вашей любви къ независимости, постоянно дѣлаете не то, что бы вамъ хотѣлось. Впрочемъ, я не берусь судить о положеніи, которое извѣстно мнѣ только отчасти. До сихъ поръ я считалъ васъ покровителемъ Элеоноры, и поведеніе ваше въ этомъ отношеніи, все равно кто бы ни была она, было великодушно, говорило какъ нельзя больше въ пользу возвышенности вашего характера. Теперь отношенія ваши измѣнились; вы не играете уже возлѣ нея роль покровителя, а сами состоите подъ ея покровительствомъ; вы живете у нея, вы чужой, заѣзжій человекъ, котораго она вводитъ въ свою семью. Я вовсе не думаю осуждать положеніе, въ которое вы рѣшились стать; но такъ-какъ въ немъ есть, вѣроятно, свои неудобства, то я хотѣлъ бы по возможности устранить ихъ. Я рекомендовалъ васъ барону Т***, нашему посланнику въ Варшавѣ: я нарочно писалъ къ нему для этого; не знаю, можетъ быть вы и найдете нелишнимъ воспользоваться этой рекомендаціей, во всякомъ случаѣ примите ее какъ доказательство моей заботливости объ васъ, а не какъ покушеніе на вашу независимость, которую вы умѣли всегда съ успѣхомъ отстаивать отъ всякихъ вліяній со стороны отца».

Я подавилъ въ себѣ то непріятное чувство, которое породилъ во мнѣ языкъ этого письма. Помѣстье, въ которомъ жилъ я вмѣстѣ съ Элеонорою, было почти подъ самой Варшавой; я отправился къ барону Т***. Онъ по-пріятельски встрѣтилъ меня, спросилъ, зачѣмъ я прїѣхалъ въ Польшу, что думаю дѣлать; я совершенно не зналъ, что отвѣчать ему. Разговоръ нашъ не клеился.— Я долженъ сказать вамъ откровенно, началъ наконецъ баронъ, что я знаю, что заставило васъ прїѣхать сюда: отецъ вашъ писалъ мнѣ; я совершенно пови-
маю ваше положеніе; нѣтъ человека, который бы разъ въ жизни не стоялъ между этихъ двухъ огней: между желаніемъ разорвать тяготящія узы и страхомъ оскорбить женщину, которую онъ любилъ. Неопытность молодости страшно преувеличиваетъ трудность выхода изъ такого положенія; въ молодые годы всякій охотно вѣритъ въ непритворность этихъ выраженій печали, которыми женщины, эти слабыя и легко увлекающіяся созданія, пользуются, за недостаткомъ умственныхъ и физическихъ силъ, какъ средствомъ для достиженія цѣлей. Сердце страдаетъ отъ этого, но самолюбіе торжествуетъ; и

тотъ, кто думаетъ по простотѣ сердечной, что приноситъ себя въ жертву отчаянію, которому онъ причиною, жертвуетъ собою на са- мую дѣлѣ фантазіямъ своего тщеславнаго ума. Изъ числа этихъ страстныхъ женщинъ, которыми исполненъ міръ, нѣтъ ни одной та- кой, которая бы не увѣрала, что покинуть ее значить убить ее, во- лгать ее въ гробъ; между тѣмъ мало-ли этихъ покинутыхъ и всѣ живы, здоровы и давно утѣшились. Я хотѣлъ прервать его.—Прос- тите, сказалъ онъ, что я позволяю себѣ говорить съ вами на-прям- ки; я почелъ долгомъ сказать вамъ всю правду, потому что много слышалъ объ васъ хорошаго: вы обладаете блестящими способно- стями и можете, если только захотите взяться за дѣло, сдѣлать бле- стящую карьеру. Сердитесь на меня, а я все-таки скажу вамъ, что я прочелъ въ вашей душѣ то, что можетъ быть тайно для васъ са- михъ: вы разлюбили женщину, которая завладѣла вами, которая тас- каетъ васъ съ собою; еслибъ вы любили ее по прежнему, вы не прѣхали бы ко мнѣ. Вы знали, что отецъ вашъ писалъ ко мнѣ; намъ не трудно было догадаться, о чемъ я буду говорить съ вами: вы гладнокровно выслушали изъ моихъ устъ разсужденія, которыя ты- сячу разъ приходили самимъ вамъ на умъ, не принося никогда ни- какой пользы. Поведеніе Элеоноры далеко не безупречно.—Переста- вайте, пожалуйста, тратить слова попусту, сказалъ я. Жизнь Элео- норы сложилась подъ вліяніемъ несчастныхъ обстоятельствъ. Люди, смотрящіе на все поверхностно, конечно, всегда найдутъ за что об- винять ее. Но я, зная ее три года, могу сказать, что нѣтъ на землѣ души болѣе возвышеннаго характера, болѣе благороднаго, болѣе чиста- го и великодушнаго сердца. — Это вы такъ думаете, возразилъ онъ. но общество не винкаетъ въ такія подробности: мнѣніе его основывается на положительныхъ фактахъ, на томъ, что всѣ зна- ютъ. Напрасно думаете вы, что, не допуская, чтобъ я напомнилъ вамъ эти факты, вы поколеблете во мнѣ вѣру въ нихъ. Послушай- те, продолжалъ онъ, живя на этомъ свѣтѣ, надо знать, къ чему стремимся. Вы не женитесь на Элеонорѣ? — Разумѣется, нѣтъ, вскри- чалъ я; ей самой никогда не приходило этого въ голову. — Что же думаете вы дѣлать? Она десятью годами старше васъ; вамъ двадцать шесть; вы еще лѣтъ десять походите за нею, она совсѣмъ соста- рится; вамъ будетъ подъ сорокъ, и тогда-то вы поймете, что зна- чить напрасно погубить полжизни. Тоска одолѣетъ васъ; она начнетъ причудничать и дуться; съ каждымъ днемъ вы будете находить въ ней все менѣе и менѣе привлекательнаго; она все болѣе и болѣе бу- детъ нуждаться въ васъ, и вы, потомокъ знатнаго рода, вы, чело- вѣкъ съ большимъ состояніемъ, съ большимъ умомъ, кончите тѣмъ, что, ничѣмъ не заявивъ себя, будете до конца жизни прозябать гдѣ- нибудь въ глухомъ углу Польши, забытые друзьями и мучимые жен- щиною, которая никогда, что бы вы ни дѣлали для нее, не будетъ довольна вами. Дайте сказать еще одно слово и мы прекратимъ этотъ очевидно непріятный для васъ разговоръ. Всѣ дороги открыты для васъ, выберите любую, смотря по тому, къ чему вы болѣе склон-

ны—къ литературѣ, къ военному дѣлу или къ администраціи,—наконецъ вы можете составить самую блестящую партію; для васъ все достижимо: но не забывайте, что между вами и всякаго рода успѣхомъ есть neodолжное препятствіе, именно — Элеонора. — Я смоль долгомъ выслушать васъ молча, сказалъ я ему; но я также считаю долгомъ заявить вамъ, что вы нисколько не поколебали меня. Я повторяю, что судить объ Элеонорѣ могу только одинъ я; кромѣ меня никто не въ состояніи оцѣнить по достоинству искренность ея чувствъ и ея глубоко-впечатлительную натуру. Я не отоюду отъ нея ни на шагъ до тѣхъ поръ, пока она будетъ нуждаться во мнѣ. Никакіе успѣхи не очажуютъ меня на столько, чтобъ я рѣшился бросить ее, заставивши страдать: и еслабъ, въ самомъ дѣлѣ, вся жизнь моя пошла только на то, чтобъ служить ей опорой, ободрять ее въ несчастіи, защищать ее моею любовью отъ несправедливыхъ нападковъ общества, ко орому ничего не смыслить въ ней, даже и тогда я не смоль бы что жизнь моя погибла напрасно.

Съ этими словами я выпелъ: но кто объяснитъ мнѣ, отчего чувство, влававшее меня на такіа слова, угасло во мнѣ прежде, чѣмъ я успѣлъ произнести ихъ? Я нарочію пошелъ оѣткомъ въ обратный путь, мнѣ хотѣлось какъ можно отдалить минуту свиданья съ той самой Элеонорою, которую я такъ горячо защищаль; я шибко шелъ горюдомъ, мнѣ хотѣлось поскорѣе добіться возможности быть наединѣ съ самимъ собою.

Какъ только я выпелъ въ поле, я тотчасъ же умѣрилъ шагъ, и тысячи мыслей осадилъ меня. Эти роковыа слова: «Между вами и всякаго рода успѣхомъ есть neodолжное препятствіе, именно — Элеонора», продолжали раздаваться въ ухахъ моихъ. Я сталъ вспоминать прошлое; на грустныа думы навели меня воспоминанія о годахъ, потерянныхъ безвозвратно; я вспомнилъ о надеждахъ юности, о той самонадѣянности, съ которою я смотрѣлъ нѣкогда на будущее, которое казалось мнѣ въ моихъ рукахъ, о тѣхъ похвалахъ, которыми встрѣчаны были мои первые успѣхи въ наукахъ, о той блестящей репутаціи, которую я заслужилъ было, потомъ потерялъ. Мнѣ приходили на память имена многихъ изъ моихъ школьныхъ товарищей, на которыхъ нѣкогда я глядѣлъ свысока, презрительно, но которые единственно вслѣдствіе упорнаго труда и правильнаго образа жизни оставили меня далеко позади себя на пути къ счастью и къ славѣ: мое бездѣйствіе начало гнестя меня. Какъ скупецъ видитъ въ грудахъ скопленныхъ денегъ всѣ блага, которыа онъ могъ бы приобрѣсти на нихъ, такъ точно я видѣлъ въ Элеонорѣ лишеніе всѣхъ успѣховъ, на которыа, еслабъ не мѣшала она, я могъ бы вполне рассчитывать. Я жалѣлъ не о томъ, что не выпелъ на такую-то дорогу: я не пробоваль идти ни по которой, я жалѣлъ, что не пешоль разомъ по всѣмъ прямымъ дорогамъ, ведущимъ къ славѣ. Ни на чечъ не пытавъ своихъ силъ, я не зналъ имъ мѣры, такъ велики онѣ казались мнѣ, и я проклиналъ ихъ; пусть бы лучше родился я слабымъ, посредственнымъ, тогда бы совѣсть не мучила меня за то,

что я самъ роняю себя. Великая похвала моему уму, моему образова-
нію казалась мнѣ нестерпимымъ упрекомъ; я чувствовалъ въ такомъ
случаѣ то же, что почувствовалъ бы, я думаю, каторжникъ, зако-
нный въ цѣли, еслибъ кто сталъ вслухъ при немъ расхваливать
его атлетическое сложеніе. Если я, желая ободрить себя, начиналъ
уѣбрать себя, что пора дѣятельности еще не прошла, то образъ
Элеоноры тотчасъ какъ призракъ выросталъ передо мною и повер-
галъ меня въ ничтожество; одно воспоминаніе о ней вдругъ начинало
приводить меня въ бѣшенство; но, странное дѣло, я даже, бѣснуясь,
не переставалъ ужасаться при мысли, что я могу огорчить ее.

Душа моя, замученная этими горькими чувствами, начинала вдругъ
искать успокоенія въ чувствахъ совершенно противоположныхъ. Нѣ-
сколько словъ, произнесенныхъ барономъ Т*** насчетъ возможности
мирныхъ и нѣжныхъ брачныхъ узъ, помогли мнѣ создать идеалъ
подруги. Я помышлялъ о спокойствіи, о почотѣ, о независимости,
объ этихъ трехъ вещахъ, которыми бы я могъ пользоваться, всту-
пивъ въ такой бракъ; потому что я чувствовалъ, что стать въ бо-
лѣе зависимое положеніе чѣмъ-то, въ которомъ я находился, невоз-
можно. Я воображалъ, какъ обрадуется отецъ; я начиналъ нетерпѣ-
ливо желать — занять снова должное мѣсто въ отечествѣ, въ кругу
равныхъ мнѣ; я поведу себя, думалъ я, строго, безупречно и по-
смотрю тогда, что скажутъ эти злые, безсердечные люди, которые
поднимаются теперь на меня и осуждаютъ меня; это поведеніе заста-
витъ и Элеонору подумать, справедливо-ли она упрекала меня.

Она то и дѣло обвиняетъ меня, продолжалъ я про себя, въ томъ,
что я жестокосердъ, неблаголаренъ, безжалостенъ. О! еслибъ не-
бо послало мнѣ женщину, которую свѣтскія приличія не помѣшали
бы мнѣ назвать своею подругою, которую могъ бы отецъ, не крас-
нѣя, признать своею дочерью: жить для счастья такой женщины для
меня было бы безконечное счастье. Какъ сладко будетъ мнѣ отдаться
всѣмъ сердцемъ этому милому существу, всѣмъ моимъ нѣжнымъ
сердцемъ, хотя теперь мое большое и сокрушенное сердце и не при-
знаютъ нѣжнымъ. Его признаютъ жестокимъ, потому что оно не
дастъ ясныхъ доказательствъ нѣжности, которыхъ настойчиво тре-
буютъ отъ него, потому что оно не слушается въ этомъ случаѣ
угрозъ! Мало развѣ я сдѣлалъ для Элеоноры? Для нея я покинулъ
родину, семью; изъ-за нея я огорчилъ старика-отца, который и до
сихъ поръ горюетъ, забытый мною; для нея я живу здѣсь, гдѣ мо-
лодость моя проходитъ безъ друзей, безъ славы, безъ почестей, безъ
удовольствій: если я жертвовалъ столь многимъ, не будучи побуж-
даемъ ни чувствомъ долга, ни любовью, то уже по этому можно су-
дить, что способенъ буду я сдѣлать, когда любовь и чувство долга
вдохновятъ меня. Если я такъ боюсь сдѣлаться причиной страданій
женщины, которая только и всецѣльна надо мной вслѣдствіе своихъ
страданій, то съ какою же заботливостью буду я отдавать всякія за-
боты и печали отъ той, которой въ состояніи буду смѣло посвятить
свою жизнь, смѣло, потому что тогда нечего будетъ бояться мнѣ и

совѣсть не будетъ мучить меня! всѣ найдутъ во мнѣ тогда большую перемѣну. Какъ далека будетъ отъ меня тогда эта горечь, въ которой всѣ видятъ что-то преступное, потому что никто не понимаетъ, отчего она. Какъ признателенъ буду я тогда къ природѣ, какъ доброжелателенъ къ людямъ!

Такъ думалъ я; на глазахъ моихъ навертывались слезы; тысячи воспоминаній потокомъ лились въ мою душу; вслѣдствіе моихъ отношеній къ Элеонорѣ воспоминанія эти стали для меня ненавистны. Все что напоминало мнѣ мое дѣтство, мѣста, гдѣ прошли мои первые годы, товарищей моихъ первыхъ игръ, родныхъ, которыя первые взглянули на меня съ участіемъ, все это задѣвало меня, являло мое сердце; я принужденъ былъ отталкивать, какъ преступныя мысли, самыя плѣнительныя образы, я поневолѣ подавлялъ въ себѣ самыя невинныя желанія. Подруга же, которую создавало вдругъ мое воображеніе, напротивъ, рождалась со всѣми этими образами и одобряла всѣ эти желанія; она не мѣшала исполненію моихъ обязанностей, не заставляла меня отказываться ни отъ удовольствій, ни отъ моихъ наклонностей; она восстанавливала связь между теперешнею порою моей жизни и тою порою моей молодости, когда исполненный надеждъ я думалъ, что меня ждетъ великая будущность; Элеонора, напротивъ, отдѣлила меня какъ будто бы цѣлою пропастью отъ этой первой молодости, которая стала приходивъ мнѣ вдругъ теперь на память со всѣми подробностями и со всѣми мелочами: я вспомнилъ старый замокъ, въ которомъ жилъ нѣкогда мой отецъ, лѣсъ, который примыкалъ къ нему, рѣчку, которая плескалась подъ самыми стѣнами, горы, которыя виднѣлись на горизонтѣ; всѣ эти вещи представлялись мнѣ такъ живо, что какая-то страшная дрожь принимала меня; и возлѣ всего этого воображеніе мое ставило невинное и юное созданье которое скрашивало и одушевляло все это надеждой. Я брелъ погруженный въ эти грезы, не думая ни на что рѣшаться, и не помышляя вовсе о томъ, что пора бы покончить съ Элеонорою; я смутно помнилъ о дѣйствительности, я вообще находился въ такомъ состояніи, въ какомъ бываетъ человѣкъ, удрученный горемъ, который только что начавши утѣшаться тѣмъ, что ему приснится, вдругъ вспомнитъ, что видитъ сонъ, что скоро понеколѣ надо будетъ разогнать видѣнія, потому что надо будетъ проснуться. Вдругъ я увидалъ вблизи замокъ Элеоноры; я и не замѣтилъ какъ подошелъ почти вплоты къ нему, я остановился — постоялъ, потомъ свернулъ въ сторону: я былъ счастливъ, что все же не сей-часъ услышу опять ее голосъ.

Начинало смеркаться: небо было ясно, крестьяне уѣзжали съ поля, и я очутился точно въ пустынѣ. Мысли мои стали постепенно принимать все болѣе и болѣе серьезный и важный отбѣнокъ. Ночная темнота, сгущающаяся все болѣе и болѣе, и мертвая тишина вокругъ настроили меня какъ-то торжественно. Я сталъ всматриваться въ сѣроватый горизонтъ, ставшій совершенно безбрежнымъ и наводившій меня по этому самому на мысль о безконечномъ. Давно не задумывался я о такихъ вещахъ: постоянно углубляясь въ себя, толь-

не и думая что о моемъ положеніи, я сталъ чуждъ всякой всеобщей идее; я былъ занятъ только Элеонорою и собою: Элеонорою, хотя я не пыталъ къ ней ничего кромѣ томимаго сожалѣнія, собою хотя я не сталъ уже подѣ концѣмъ ни во что цѣнить себя. Я опомлился, такъ сказать, вслѣдствіе новаго рода эгоизма, овладѣвшаго мною, эгоизма робкаго, негодующаго, оскорбленнаго; я обрадовался, когда снова зашевелились во мнѣ мысли иного свойства и я снова наполю себя способнымъ забыть о себѣ и предаться безкорыстнымъ размышленіямъ; мнѣ казалось, что духъ мой давно и постыдно павшій начиналъ воскресать.

Такъ провелъ я цѣлую ночь. Я бродилъ безъ цѣли; то поля, то рощи, то нѣбы таялись по сторонамъ. Порой огонекъ начиналъ мелькать въ окнѣ какого нибудь жилья, чернѣвшагося вдали и думалось мнѣ что кто нибудь мучится тамъ, терзаемый печалью или борится съ смертію; съ смертію, съ этою непостижимою тайною, которую не можетъ разгадать человѣкъ, не смотря на то что она каждый день даетъ знать себя, съ этимъ неизбежнымъ концемъ всего, который однако не успокоиваетъ, не утѣшаетъ насъ, о которомъ мы всего меньше думаемъ, но который страшитъ въ ниныя, хотя довольно рѣдкія минуты! И самъ я, думалъ я, поступаю въ этомъ случаѣ также безразсудно какъ и другіе. Мнѣ несносна становилась жизнь. Я дѣлалъ несчастными другихъ изъ одного того, чтобъ отстоять какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ, которыхъ, можетъ быть, мнѣ не придется пережить. Я радовался, что время идетъ, что наша жизнь не вѣчна, уже половина жизни потеряна; кому нужна наша жизнь, пусть тотъ дѣлаетъ съ нею что хочетъ, пусть ломаетъ ее: вѣдь все равно не продлилъ ее! Стоитъ-ли она того, чтобъ дорожить ею и отстаивать ее?

Мысль о смерти всегда имѣла на меня могущественное вліяніе. Достаточно было чтобъ она пришла мнѣ на умъ, чтобъ я тотчасъ смирился, чтобъ тотчасъ затихло во мнѣ всякое волненіе; она произвела и въ настоящемъ случаѣ свое обычное дѣйствіе на мою душу, я сразу пересталъ быть ожесточенъ на Элеонору. Я пересталъ волноваться и кончилось тѣмъ, что вся эта ночь, въ которую я такъ страшно бредилъ, оставила на моей душѣ какое-то сладкое, почти совершенно успокоительное впечатлѣніе: можетъ быть физическая усталость, которую я сильно чувствовалъ, также отчасти способствовала къ тому, чтобъ утишить мои душевныя волненія.

Стало свѣтать, даль стала проясняться. Я осмотрѣлся гдѣ я и увидалъ, что до того мѣста гдѣ жила Элеонора не близко. Мнѣ представилось, какъ она безпокоится и чтобъ поскорѣе придти къ ней я прибавилъ шагу, на сколько позволяли мнѣ силы, потому что я былъ крѣпко уставши. Вдругъ я встрѣтилъ человѣка верхомъ, котораго она послала искать меня. Онъ сказалъ мнѣ, что она перепугана страшно тѣмъ, что я такъ долго не возвращаюсь, что она ѣздила въ Варшаву, объѣхала всѣ окрестности, и что когда вернулась домой на ней лица не было, что она разослала во всѣ концы крестья-

янь ревизкивать меня. Разсказъ этотъ означала какъ-то раздражительно подѣйствоваль на меня. Меня бѣсила эта погоня за мной. Напрасно я старался убѣдить себя, что она дѣлаетъ это единственно изъ любви ко мнѣ: эта-та любовь ея и дѣлаетъ меня несчастнымъ человѣкомъ. Впрочемъ, мнѣ удалось скоро подавить въ себѣ это чувство, за которое я упрѣкнулъ себя. Я вспомнилъ, что она тревожится, мучится страхомъ и сѣлъ на лошадь. Я живо проскакалъ разстояніе, отдѣлявшее меня отъ нея. Она встрѣтила меня съ восторгомъ. Меня тронула такая встрѣча. Она не пустилась ни въ какие распросы; она догадалась тотчасъ же по моему виду, что прежде всего мнѣ надо лечь отдохнуть, и я ушелъ отъ нея, не сказавши ей, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, ничего такого, что могло бы огорчить ее.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Я проснулся на другой день, осаждаемый тѣми же самыми мыслями, которыя волновали меня на-канунѣ. Въ слѣдующій день я чувствовалъ себя еще болѣе взволнованнымъ; напрасно старалась Элеонора узнать отчего это: на всѣ свои нетерпѣливые вопросы она почти только и слышала отъ меня, что *да или нѣтъ*; никакая настойчивость съ ея стороны не могла выжать изъ меня правды, я не хотѣлъ пускаться въ откровенности, очень хорошо зная, что въ такомъ случаѣ непременно огорчишь ее, а огорчивши, принужденъ будешь опять ломать передъ нею комедію.

Пораженная и встревоженная она кинулась къ одной изъ своихъ пріятельницъ и стала просить ее помочь ей открыть тайну, которую, какъ сказала она, я скрываю отъ нея. Изъ желанія обмануть себя, она стала доискиваться факта тамъ, гдѣ всему причиной была перемѣна въ чувствахъ. Ея подруга повела со мною рѣчь о странностяхъ моего характера, о томъ какъ ненавистна мнѣ даже мысль о неразрывномъ союзѣ, и какъ жажду я разрыва. Я долго молча слушалъ ее; до этой минуты я никому не говорилъ еще, что я ужъ разлюбилъ Элеонору: языкъ не поворачивался сказать такую вещь, которая казалась мнѣ измѣной. Тѣмъ не менѣе мнѣ захотѣлось оправдаться, я осторожно принялся разсказывать мою исторію; я рассыпался въ похвалахъ Элеонорѣ, я соглашался въ томъ, что безразсудно велъ себя во многихъ случаяхъ, ссылаясь, впрочемъ, при этомъ на трудность положенія; но я не сказалъ ничего такого изъ чего бы ясно видно было, что недостатокъ съ моей стороны любви и слѣлалъ положеніе столь труднымъ. Разсказъ мой тронулъ мою слушательницу: она нашла великодушіе въ томъ, что я называлъ слабостью, несчастіе тамъ, гдѣ по моему простому поступленію было жестокосердо. Тѣ же самыя объясненія, которыя приводили въ бѣшенство Элеонору, совершенно убѣдительно подѣйствовали на ея безпристрастную подругу. Судить справедливо только и можетъ человѣкъ безпристрастный. Кто бы вы ни были, никогда не вѣряйте дру-

тому интересамъ вашего сердца; сердце можетъ само постоять за себя; всякій посредникъ сдѣлается судьей: онъ начнетъ разбирать, примирять; онъ не будетъ винить за равнодушіе, которое совершенно понятно ему, онъ непременно найдетъ, что не только возможно сдѣлаться равнодушнымъ, но нельзя не сдѣлаться такимъ рано или поздно; уже однимъ этимъ онъ извинитъ равнодушнаго человѣка, который къ своему величайшему удивленію найдетъ себя совершенно оправданнымъ въ собственныхъ глазахъ. Упреки Элеоноры убѣдили меня въ моей виновности; та, которая вѣдалась было защитить ее, сказала мнѣ, что я больше ничего какъ только несчастливъ. Я увлекся до того, что признался во всемъ: я признался, что былъ преданъ Элеонорѣ, чувствовалъ симпатію къ ней, состраданіе, но я прибавилъ при этомъ, что жертвовалъ для нея собою вовсе не изъ любви. Это истина, бывшая до тѣхъ поръ тайною моего сердца, которую я только изрѣдка давалъ возможность разгадать Элеонорѣ, когда мы ссорились и начинали выходить изъ себя, стала теперь очевиднѣе и сильнѣе въ собственныхъ моихъ глазахъ и только потому, что я высказалъ ее постороннему лицу. Открыть третьему лицу вдругъ такія сокровенныя вещи значитъ сдѣлать важный шагъ, котораго послѣ ничѣмъ не загладить; свѣтъ, проникающій въ тайникъ сердца, разоряетъ въ конецъ все надломленное въ немъ, этотъ свѣтъ дѣйствуетъ на останки чувства точно такъ же, какъ дѣйствуетъ воздухъ на трупъ; трупъ иногда цѣлые годы не тлѣетъ въ могилѣ, но коснется до него воздухъ и онъ обратится въ прахъ.

Подруга Элеоноры ушла; не знаю какой отчетъ отдала она ей о нашемъ разговорѣ, но когда я подходилъ къ дверямъ залы, то слышала, что Элеонора говорила о чемъ-то съ большимъ одушевленіемъ; увидавъ меня, она замолчала. Вскорѣ она начала въ формѣ разныхъ казенныхъ фразъ дѣлать тонкіе намеки. Ничего не можетъ быть страннѣе, сказала она между прочимъ, усердія нѣкоторыхъ пріятелей; есть люди, которые начнутъ хлопотать за васъ да васъ же и выdadутъ; признаюсь, не желала бы я имѣть такихъ пріятелей. Нетрудно было понять мнѣ изъ этихъ словъ, что пріятельница Элеоноры взяла мою сторону и взбѣсила ее тѣмъ, что не нашла меня почти вовсе виноватымъ. Между прочимъ такой отзывъ ободрилъ меня.

Нѣсколько дней спустя Элеонора пошла гораздо дальше: она вовсе не умѣла владѣть собою; какъ только западало въ ея душу малѣйшее подозрѣніе, она тотчасъ старалась вывести все на свѣжую воду; ничего не остерегаясь, нисколько не считывая она прямо вызывала на объясненіе, по ея легче было рискнуть привязанностью, чѣмъ поставить себя въ необходимость хитрить и скрытничать. Она разошлась на вѣки съ своей пріятельницею.

— Зачѣмъ мѣшать чужихъ въ наши душевныя тайны? сказала я Элеонорѣ. Неужели въ дѣлѣ, касающемся только насъ самихъ, мы не можемъ обойтись безъ разбирательства третьей стороной? А если не можемъ, то тутъ и третье лицо не пособитъ? Ваша правда, отвѣчала она: но вы сами виноваты въ этомъ; прежде я ни

къ кому не обращалась затѣмъ, чтобъ проложить дорогу къ вашему сердцу; мнѣ всегда открытъ былъ къ нему свободный доступъ.

Тутъ же Элеонора сообщила мнѣ, что намѣрена измѣнить образъ жизни. Я понялъ изъ словъ ея, что причину моего жолчнаго настроенія она видитъ въ томъ, что мы живемъ такъ уединенно: прежде чѣмъ дойти до настоящей причины она истощила всевозможныя ложныя толкованія. Мы стали просиживать цѣлыя вечера почти молча, намъ не объ чемъ стало говорить.

Элеонора рѣшилась познакомиться со всею знатію, жившею въ сосѣднихъ съ нею помѣстьяхъ и въ Варшавѣ. Она задумала окружить себя самымъ блестящимъ обществомъ. Я, разумѣется, предвидѣлъ, какъ трудно будетъ привести ея въ исполненіе такой замыселъ; по моему пускаться въ свѣтъ было даже не совсѣмъ безопасно. Родственники, оспаривавшіе у нея наслѣдство, подробно разузнавъ о ея прошедшемъ, распустили объ ней очень дурную молву. Я содрогался при мысли о томъ, сколько оскорбительныхъ вещей придется выслушать ей и старался всячески, чтобъ она отказалась отъ этой попытки. Доводы мои показались ей вовсе неубѣдительны; я задѣлъ ея гордость мои опасеніями, не смотря на то, что я выражалъ ихъ со всевозможною осторожностію. Ей пришло въ голову, что я именно потому и тягочусь связью съ нею, что она пользуется дурною репутаціею; это еще болѣе подстрекнуло ее на то, чтобъ постараться занять почетное мѣсто въ обществѣ. Огромное состояніе, которымъ она располагала, ея красота, на которую очень мало подѣйствовало время, наконецъ самая молва, ходившая объ ней, словомъ все возбуждала интересъ къ ней. Она скоро добилась того, что около нея стало собираться многочисленное общество; но ей стало какъ-то неловко, какое тревожное чувство стало одолевать ее. Я былъ недоволенъ своимъ положеніемъ, а она воображала, что мнѣ не нравится положеніе, въ которомъ очутилась сама она; она начала искать выхода, ея пламенное желаніе мѣшало ей рассчитывать, ложность положенія дѣлала ея поведеніе неровнымъ, ея поступки—оприметчивыми. Умъ у нея былъ здравый, но мало развитый; здравость его извращалась пылкостью ея характера, а вслѣдствіе его недостаточной развитости она никогда не могла попасть на самый удобный путь, оцѣнить всѣ деликатныя стороны извѣстнаго положенія. Въ первый разъ ей пришлось достигать цѣли; и такъ какъ она очертя голову погналась за нею, то, разумѣется, не достигла ее. Сколько мерзостей стерпѣла она, не сказавъ мнѣ ни слова! Сколько разъ я краснѣлъ за нее, не смѣя никогда намекнуть ей на это! Умѣнья осторожно вести себя, дѣлать все въ мѣру такъ сильно дѣйствуетъ на людей, что Элеонора пользовалась гораздо большимъ уваженіемъ въ кругу друзей графа П***, бывши его любовницею, чѣмъ какимъ стала она пользоваться какъ владѣтельница огромныхъ помѣстій среди своихъ вассаловъ. Она стала вести себя то черезъ-чуръ гордо, то слишкомъ униженно, она становилась то крайне услужлива, то крайне щекотлива, въ каждомъ ея поступкѣ, въ каждомъ ея словѣ стала просвѣчивать какая-то разру-

шительная страсть къ тому, чтобъ заставить всѣхъ уважать себя. Она не знала, что ей не добиться этого главнымъ образомъ потому, что для этого нужно прежде всего успокоиться.

Обличая такимъ образомъ то, чего недоставало Элеонорѣ, я обвиняю, осуждаю самого себя. Одно мое слово могло успокоить ее. Затѣмъ же я не произнесъ этого слова?

Тѣмъ не менѣе намъ жилось нѣсколько лучше; свѣтская разсѣянность забавляла насъ иногда отъ мыслей, до тѣхъ поръ поминутно осаждавшихъ насъ. Намъ рѣдко удавалось подолго оставаться наединѣ; говорить намъ было о чемъ, потому что мы привыкли съ совершенной откровенностью высказывать другъ другу все, что только ни касалось нашихъ взаимныхъ чувствъ, а у каждаго изъ насъ постоянно было въ запасѣ много наблюденій, фактовъ, благодаря шумному и разнообразному обществу окружающему насъ; намъ становилось даже отчасти приятно бесѣдовать вдвоемъ. Но скоро этотъ новый образъ жизни поставилъ меня въ страшно неприятное положеніе. Оставаясь затеряннымъ въ толпѣ окружавшей Элеонору, я увидалъ вдругъ, что служу для всѣхъ предметомъ удивленія и порицаній. Процессъ Элеоноры приходилъ уже совершенно къ концу: противная ей сторона утверждала, что она ожесточила противъ себя отца своимъ поведеніемъ, что отецъ отвернулся отъ нея, потому что увидалъ, что она несправима; на меня указывали въ этомъ случаѣ какъ на доказательство. Друзья ея стали упрекать меня за то, что какъ не стыдно мнѣ такъ вредить ей. Они извиняли ея чувство ко мнѣ, но меня они обвиняли за не деликатность: я злоупотребилъ, говорили они, чувствомъ, которое я долженъ бы былъ всячески стараться подавить въ ней. Никто кромѣ меня не зналъ, что еслибъ я покинулъ ее, то она кинулась бы въ слѣдъ за мною и что для того, чтобъ не потерять меня, она превенбегла в заботахъ о своемъ состояніи и всякимъ благоразумнымъ расчетомъ. Я не могъ открыть обществу эту тайну; вслѣдствіе всего этого въ домѣ Элеоноры на меня смотрѣли какъ на чужого человѣка, который вредитъ успѣху дѣла, рѣшающаго ея судьбу; и вышло на оборотъ: всѣ сожалѣли о ней какъ о жертвѣ, между тѣмъ какъ на самомъ-то дѣлѣ я былъ жертвой ея непреклонныхъ желаній.

Слѣдующее обстоятельство вскорѣ еще болѣе запутало это и безъ того мучительное положеніе.

Произошла вдругъ странная перемѣна въ обращеніи Элеоноры съ окружающими и вообще во всемъ ея поведеніи: до сихъ поръ она казалась занятою однимъ мной; вдругъ я увидалъ, что она серьезно начинаетъ дорожить людьми, окружающими ее, завскаивать въ нихъ. Эта женщина, которая казалась всегда всѣмъ такою скромною, холодною, задумчивою, вдругъ такъ измѣнилась, что ее нельзя было узнать. Она стала ободрять чувства и надежды цѣлой толпы молодыхъ людей, изъ которыхъ одни плѣнились ея наружностью, а другіе просто такъ, не смотря на ея старыя грѣхи, серьезно рассчитывали на ея руку; она стала долго просиживать наединѣ съ ними; она отвѣчала имъ сомнительными, но чарующими фразами, которыми

затѣмъ только и колеблютъ слегка ваши надежды, чтобъ крѣпче привязать васъ, потому что въ нихъ слышится не равнодушіе, а нерѣшительность, не отказъ, а моленіе о томъ чтобъ погодить. Впослѣдствіи я узналъ отъ нея, да и убѣдился на дѣлѣ, что она дѣйствовала такимъ образомъ по ложному и жалкому разсчету. Она думала, что, возбудивши во мнѣ ревность, заставитъ меня снова полюбить, но это все равно, что ворочать трупъ, который ничто не оживитъ. Къ этому разсчету не примѣшивалось-ли можетъ быть также нѣкоторая доля женскаго тщеславія? Она была оскорблена моею холодною, она захотѣла доказать самой себѣ, что она еще можетъ нравиться. Можетъ быть она находила нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что въ ея устахъ снова раздавались слова любви, которыхъ я съ давнихъ уже поръ не провозносилъ.

Какъ бы то ни было, я догадался въ этомъ случаѣ не сразу. Эта перемѣна показала мнѣ сначала предвѣстницей моего освобожденія; я сталъ было поздравлять себя. Изъ боязни, чтобъ какимъ нибудь легкомысленнымъ поступкомъ или неосторожнымъ словомъ не помѣшать совершиться этому кризису, вслѣдствіе котораго я рассчитывалъ сдѣлаться свободнымъ, я присмирѣлъ, я не сталъ показывать ни тѣни неудовольствія. Я присмирѣлъ, а Элеонорѣ показалось, что я разнѣжился, я надѣялся увидать наконецъ, что она можетъ быть счастлива и безъ меня, а она, напротивъ, стала надѣяться, что я могу ее сдѣлать счастливою. Она пришла въ восторгъ, вообразивъ, что хитрость ея удалась. Впрочемъ, иногда ее тревожило то, что я нисколько не беспокоюсь; она начинала упрекать меня за то, что я совершенно равнодушно смотрю на ея новыя сближенія, которыя, пожалуй, можно было подумать, что въ самомъ дѣлѣ угрожаютъ мнѣ тѣмъ, что я лишусь ее. Я отдѣлывался отъ этихъ упрековъ шутками, но не всегда мнѣ удавалось успокоить ее, она не выдерживала роль; изъ подъ маски видѣлись настоящія черты. Между нами опять стали происходить сцены, хотя совершенно не изъ за того, изъ чего прежде, но которыя попрежнему кончались тѣмъ, что оба мы приходили въ ярость. Элеонора сваливала на меня свою собственную вину, она намекала мнѣ, что одного моего слова достаточно, чтобъ она снова отдалась вся одному мнѣ, я молчалъ, она оскорблялась этимъ и снова начинала, съ какою-то яростью, кокетничать съ молодежью.

Чувствую, что теперь всѣ поднимутся на меня. Я добивался сдѣлаться свободнымъ и всѣ признали бы, что я въ правѣ былъ теперь почтеть себя свободнымъ, можетъ быть даже долженъ былъ: поведеніе Элеоноры уполномочивало и повидимому вынуждало меня на это. А развѣ я не зналъ, что этому поведенію я причина? развѣ я не зналъ что Элеонора, въ глубинѣ своего сердца, никогда не переставала любить меня? Могъ-ли я карать ее за безразсудство, котораго она никогда не совершила бы, еслибъ не я, и искать въ этомъ безразсудствѣ предлога, чтобъ безжалостно бросить ее.

Я вовсе не хочу оправдываться, я виню себя гораздо больше,

можетъ быть, нежели слѣдуетъ и не всякій поступилъ бы на моемъ мѣстѣ также какъ я, но я могу, по крайней мѣрѣ, торжественно отдать себѣ справедливость за то, что я никогда не дѣйствовалъ изъ какихъ-нибудь видовъ и расчетовъ и что всегда слушался сердца, да моихъ природныхъ наклонностей. Отъ чего же изъ этого выходило вѣчно, что я только вредилъ и себѣ и другимъ?

Общество, однакожъ, продолжало смотрѣть на меня съ удивленіемъ. То, что я живу у Элеоноры, объяснялось только моею безконечною привязанностью къ ней, между тѣмъ равнодушіе, съ которымъ я смотрѣлъ на опасныя, повидимому для меня, сближенія ея съ молодѣею заставляло усомниться въ этой привязанности. На основаніи этой, изумлявшей всѣхъ терпимости моей, порѣшили, что во мнѣ нѣтъ твердыхъ принциповъ, что я человѣкъ безнравственный и при томъ страшный эгоистъ, человѣкъ, котораго свѣтъ развратилъ. Съ этимъ всѣ согласились, — рѣшеніе это, составленное совершенно въ духѣ среды, сдѣлалось вскорѣ ходячею истинною. Привелось наконецъ и мнѣ услышать ее; такое неожиданное открытіе страшно взбѣсило меня; хороша награда за многія и долговременныя услуги: никто не хотѣлъ признать ихъ, да приходилось еще поминутно слышать со всѣхъ сторонъ клеветы. Для женщины я пожертвовалъ всѣми личными интересами, отказался отъ всѣхъ радостей жизни и вдругъ меня же обвиняютъ!

Я горячо объяснился по этому поводу съ Элеонорою: одного моего слова было достаточно, чтобъ разогнать эту толпу обожателей, которыхъ собрала она около себя только для того, чтобъ напугать меня. Она съузила кругъ своихъ знакомыхъ; возлѣ нея осталось нѣсколько дамъ и очень немногихъ мужчинъ, уже пожилыхъ. Все вокругъ насъ пришло въ порядокъ, но отъ этого далеко не слаще стало намъ: Элеонора присвоила себѣ новыя права; меня опутали новыя цѣпи.

У меня не достаетъ словъ, чтобъ выразить, какъ горько становилось намъ и въ какую ярость стали приходять мы вслѣдствіе нашихъ столь запутанныхъ отношеній. Жизнь наша стала походить на бурю, нестихающую ни на минуту; наша тѣсная связь потеряла въ нашихъ глазахъ всякую прелесть, — ваша любовь всякую сладость; мы не стали переживать даже такихъ минутъ, которые прежде, хоть очень не на долго, но все-таки кажутся залечивали наши неизлечимыя раны. Истина такъ и бросалась мнѣ въ глаза и чтобъ заставить повать себя, я старался выразиться какъ можно жесте и беспощаднѣе. Я умолкалъ только тогда, когда замѣчалъ что Элеонора вся въ слезахъ, но даже эти слезы, которыя, какъ огненная лава жгли мое сердце и вырывали вопли изъ груди, даже и они не могли уже ни разу заставить меня отпереться отъ своихъ словъ. Тогда, какъ это часто бывало съ нею, она вставала блѣдная и восклицала пророческимъ тономъ: Адольфъ, вы не знаете того, что вы поминутно страшно терзаете меня; когда-нибудь вы узнаете, я докажу вамъ это когда лягу, загнанная вами въ могилу. — Несчастный! Зачѣмъ я не умеръ самъ, услышавъ отъ нея такія вещи!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Послѣ перваго визита моего къ барону Т*** я не былъ у него ни разу. Разъ по утру я получилъ отъ него записку слѣдующаго содержания:

«Не думалъ я, что мои совѣты такъ на долго липать меня удовольствія видѣть васъ. Не затѣмъ я совѣтовалъ, чтобъ ссориться. Какъ бы вы не задумали повести дѣло, касающееся лично до васъ, вы все-таки останетесь для меня сыномъ моего дрожайшаго друга, мнѣ все-таки пріятна будетъ бесѣда съ своими, и я всегда почту за особенное удовольствіе для себя ввести васъ въ кругъ людей, которые, смѣю васъ завѣрить, сразу понравятся вамъ. Позвольте мнѣ прибавить при этомъ, что, такъ какъ вашъ образъ жизни, противъ котораго я не хочу ничего говорить, возбуждаетъ много дурныхъ толковъ, какъ вы хорошо знаете сами, то для васъ очень важно показаться въ обществѣ, потому что это какъ нельзя больше поможетъ вамъ опровергнуть эти, вѣроятно, ни на чемъ не основанные толки, которые чернятъ васъ.»

Я счолъ долгомъ выразить признательность этому почтенному человѣку, за его расположеніе ко мнѣ. Я отправился къ нему; объ Элеонорѣ не было и помнну. Баронъ оставилъ меня обѣдать; на этотъ разъ у него было нѣсколько человѣкъ гостей. Гости эти были люди очень не глупые и довольно любезные. Сначала мнѣ было какъ то неловко, чтобъ скрыть это, я нѣкоторое время насилывалъ себя, потомъ вскорѣ я въ самомъ дѣлѣ сталъ развязнѣе и началъ вмѣшиваться въ общій разговоръ; я постарался блеснуть моимъ умомъ, моими свѣденіями. Мнѣ удалось обратить на себя вниманіе. Успѣхъ такого рода, какимъ давно я не наслаждался, подѣйствовалъ какъ-то особенно утѣшительно на мое самолюбіе. Общество барона Т*** такъ приласкавшее мое самолюбіе, стало для меня крайне привлекательно.

Я началъ все чаще и чаще ѣздить къ нему. Онъ сталъ мнѣ давать работу по дѣламъ своего посольства; онъ не боялся довѣрять мнѣ составленіе самыхъ секретныхъ бумагъ. Элеонора изумилась сначала этимъ занятіямъ и вообще большой перемѣнѣ, происшедшій въ моемъ образѣ жизни, но я сказалъ ей, что баронъ пріятель съ моимъ отцомъ, и что я не отказываюсь отъ занятій, которыя онъ мнѣ предлагаетъ, собственно только изъ желанія утѣшить отца, который страшно скорбитъ о томъ, что я безъ пользы трачу время. Нѣдная Элеонора обрадовалась, замѣтивъ что состояніе моего духа становится все болѣе и болѣе спокойнымъ; ради одного этого она соглашалась, почти не жалуясь, проводить безъ меня часто большую часть дня. Больно мнѣ теперь припоминать все это. Баронъ, въ свою очередь, когда мы проникли нѣкоторымъ довѣріемъ другъ къ другу, опять заговорилъ со мною объ Элеонорѣ. Въ мысляхъ моихъ не было, чтобъ говорить объ ней что-нибудь кромѣ хорошаго; но между тѣмъ, самъ не замѣчая, я сталъ говорить объ ней съ гораздо меньшею осторожностью и съ гораздо большимъ легкомысліемъ, чѣмъ прежде: то я намекалъ

въ общихъ фразахъ, на то, что сознаю необходимость развязаться съ нею; то позволялъ себѣ какую-нибудь шуточку на ея счетъ; я часто заговаривалъ, смѣясь, вообще о женщинахъ и о томъ какъ трудно вырваться разъ попавшись въ ихъ сѣти. Такія рѣчи забавляли почтеннаго министра, который растратилъ давно душевныя силы и который можетъ быть смутно припоминалъ при этомъ, что и его, когда онъ былъ молодъ, ловили въ эти сѣти, что и онъ тогда рвался выпутаться изъ нихъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе одного того, что во мнѣ было чувство, которое я скрывалъ ото всѣхъ, я всѣхъ болѣе или менѣе вводилъ въ обманъ, я обманывалъ Элеонору, потому что зналъ, что баронъ думалъ о томъ, какъ бы разлучить насъ и ни говорилъ ей объ этомъ ни слова; я обманывалъ барона потому, что позволялъ ему надѣяться, что я готовъ разорвать мою связь. Такое двоядушіе было далеко не въ моемъ характерѣ; но человѣкъ развратится, когда въ голову его западетъ мысль, которую онъ принужденъ будетъ постоянно скрывать.

До сихъ поръ я познакомился у барона Т*** только съ тѣми, которые какъ друзья его, зачастую бывали у него, которыхъ принималъ онъ за-просто, во всякую пору. Однажды онъ попросилъ меня прѣхать къ нему на парадный обѣдъ, который онъ давалъ въ день рожденія своего государя. Вы посмотрите, сказалъ онъ мнѣ, на знаменитыхъ здѣшнихъ красавицъ: правда, вы не увидите той, въ которую вы влюблены; мнѣ ужасно досадно это, но есть женщины, которыхъ только и можно видѣть въ ихъ собственной гостиной. Я почувствовалъ себя больно задѣтымъ этою фразою; я промолчалъ, но въ тайнѣ я упрекалъ себя за то, что не сказалъ ничего въ защиту Элеоноры, которая, конечно, еслибъ меня задѣли въ ея присутствіи, горячо вступилась бы за меня.

Слѣхалась тѣмъ гостей; всѣ внимательно всматривались въ меня. До слуха моего долетали, произносимыя шопотомъ имена моего отца, Элеоноры, графа П***. Какъ только я подходилъ къ шентавшейся кучкѣ, всѣ умолкали; чуть я отходилъ, шопотъ опять начинался. Для меня было ясно, что рассказывалась моя исторія и, безъ сомнѣнія, каждымъ на свой ладъ; оставаться въ такомъ положеніи становилось для меня невыносимо; холодный потъ выступалъ у меня на лбу. Я то блѣднѣлъ, то краснѣлъ.

Баронъ замѣтилъ мое смущеніе. Онъ подошелъ ко мнѣ, выразилъ ко мнѣ особенную внимательность, сталъ рассыпаться въ похвалахъ мнѣ и, какъ человѣкъ пользовавшійся большимъ почотомъ, такимъ обращеніемъ со мною заставилъ и другихъ относиться ко мнѣ также почтительно.

Когда наконецъ гости разъѣхались, и мы сидѣли уже на-единѣ, баронъ вдругъ обратился ко мнѣ съ словами:—Я хочу, сказалъ онъ, еще разъ откровенно поговорить съ вами. Послушайте, что-жъ вы не ищите выхода изъ положенія, мучительнаго для васъ? Что выйдетъ изъ этого хорошаго? Неужели вы думаете, что никто не знаетъ какія сцены разыгрываются зачастую между вами и Элеонорою? Цѣлому свѣту извѣстно какъ вы досадуете и бѣсите другъ на дру-

га. Вы вредите себѣ вашей нерѣшительностью, вы жертвуете собою понапрасну; потому что, къ довершенію всего, вы не принесите счастья этой женщинѣ, которая дѣлаетъ вѣсь столь несчастливѣй.

Слова эти больно задѣли меня; слушать ихъ была для меня мука. Баронъ сталъ показывать мнѣ письма отъ моего отца. Я увидалъ изъ нихъ, что онъ огорченъ мною несравненно болѣе нежели я предполагалъ. Это потрясло меня, поколебало. Мысль о томъ, что я ставляю между тѣмъ страшно тревожиться Элеонору, смутила меня еще больше. Я сильно колебался, но вдругъ, — какъ будто нарочно случилось такъ, — Элеонора сама, своею запальчивостью, вызвала меня произнести рѣшеніе. Я не выдался съ ней цѣлый день; баронъ оставилъ меня у себя послѣ того какъ гости разъѣхались; начинало уже смеркаться. Мнѣ подали письмо отъ Элеоноры. Жалокъ какъ рабъ показався я барону въ эту минуту, я видѣлъ это по его глазамъ. Письмо Элеоноры состояло все изъ упрековъ. Что-жь, подумалъ я, днемъ однимъ и то я не могу располагать свободно, часа нельзя провести спокойно. Она всюду разсыплетъ за мной погоню, какъ за бѣглымъ рабомъ, котораго надобно привести къ стопамъ ея; и чѣмъ менѣе присутствія духа я начинаю обнаруживать, тѣмъ она становится неумолимѣе. — Да, вскричалъ я, я рѣшился; я даю вамъ слово, что разойдусь съ Элеонорой; во мнѣ доставитъ наконецъ духа объявить ей это рѣшеніе; вы можете заранѣе поздравить съ этимъ отца.

Съ этими словами я выбѣжалъ отъ барона. Мнѣ стало тяжело отъ словъ, которыя я только что произнесъ, и мнѣ съ трудомъ вѣрилось, что я далъ обѣщаніе разойтись.

Элеонора съ нетерпѣніемъ ждала меня. По странному стеченію обстоятельствъ, ей сказали, во время моего отсутствія, въ первый разъ о стараніяхъ, какія прилагаетъ баронъ П*** къ тому, чтобъ разлучить насъ. Ей передали мой разговоръ съ нимъ, шуточки, которыя отшучивалъ я. Подозрѣнія, давно уже зародившіяся въ ней, теперь проснулись, она стала припоминать разныя обстоятельства и по мѣрѣ того какъ припоминала ихъ, подозрѣваемое становилось въ ея глазахъ все болѣе и болѣе фактомъ, непреложность котораго доказывалась въ ея глазахъ и моимъ внезапнымъ сближеніемъ съ человекомъ, котораго я прежде и не видывалъ, и пріятельскими отношеніями между этимъ человекомъ и моимъ отцомъ. Начавши съ подозрѣнія, она въ нѣсколько часовъ сдѣлала такіе успѣхи, что я наполнилъ ее уже совершенно убѣжденною въ томъ, что она называла моею намѣною.

Я пришолъ къ ней съ твердымъ намѣреніемъ сказать ей все. Она осыпала меня обвиненіями и я, — кто повѣритъ этому? я употребилъ все стараніе на то, чтобы вывернуться. Я сталъ отвергать, да, отвергать даже то, что нѣсколько часовъ тому назадъ давалъ слово сказать ей самой.

Было уже поздно; я ушелъ отъ нея, я торопился лечь спать, чтобъ скорѣе кончить этотъ день, который казался для меня нескончаемымъ; и когда я убѣдился наконецъ, что онъ кончился, я почув-

ствозалъ — точно каменя-шибудъ страшная тяжесть свалилась на минуту съ моихъ плечъ.

На слѣдующій день, я нарочно, почти до полудня, пролежалъ въ постели; мнѣ думалось, что, отдалявъ начало нашего свиданья, я отдаю роковую минуту.

Элеонора, вслѣдствіе своихъ собственныхъ размышленій и того, что я наговорилъ ей на-канунѣ, отбросила подозрѣнія. Она повела со мною рѣчь о своихъ дѣлахъ такимъ довѣрчивымъ тономъ, который ясно говорилъ, что она вѣритъ въ то, что сердца наши связаны неразрывными узами. Языкъ мой, разумѣется, не повернулся сказать ей, что намъ надо разстаться.

Время летѣло съ страшною быстротою. Съ каждой минутой настоятельнѣе и настоятельнѣе становилась необходимость объясниться. Изъ трехъ дней, въ которые я обѣщался непременно покончить дѣло, одинъ уже прошолъ, другой близился къ концу. Я зналъ, что баронъ П*** ждетъ меня. Онъ уже послалъ письмо къ отцу, и вдругъ мнѣ придется не сдержатъ слова, не попытаться даже привести его въ исполненіе. Я выходилъ, возвращался назадъ, бралъ за руку Элеонору, начиналъ фразу и не оканчивалъ ее; я все поглядывалъ скоро-ли съедетъ солнце? я рассчитывалъ, успѣю-ли собраться съ духомъ. Наступила ночь, я опять отложилъ все до завтра. Остался одинъ только день: одного бы часа довольно.

Этотъ день прошолъ также какъ и предшествовавшій. Я попросилъ письмомъ отсрочки у барона П*** и, какъ обыкновенно дѣлаютъ слабые характеры, нагородилъ при этомъ тысячи вещей въ оправданіе того, что я такъ замедлил и что изъ этого никакъ не слѣдуетъ заключать, что я отказался отъ моего намѣренія. Въ концѣ письма я сказалъ даже, что съ этой минуты можно смѣло считать уже связь мою съ Элеонорою навсегда разорванною.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Слѣдующіе дни я провелъ гораздо спокойнѣе. Я отложилъ на неопредѣленное время начатіе рѣшительныхъ дѣйствій; слово данное мною барону, перестало преслѣдовать меня какъ призракъ; я почелъ за лучшее, — благо времени впереди довольно, — заняться тѣмъ, чтобъ приготовить Элеонору. Я старался быть съ ней какъ можно ласковѣе, нѣжныѣе, чтобъ подержать, по крайней мѣрѣ, простые дружескія отношенія, чтобы осталось и на будущее хоть нѣсколько, болѣе или менѣе, свѣтлыхъ воспоминаній. Иныя, чѣмъ прежде, тревоги зашлепелись во мнѣ. Я сталъ молить небо о томъ, чтобъ оно воздвигло между нами какую-нибудь преграду, такую, которую я не могъ бы одолѣть. Такая преграда дѣйствительно воздвиглась. Я не сталъ спускать глазъ съ Элеоноры, однимъ словомъ сталъ смотрѣть на нее такими глазами, какими обыкновенно смотрятъ на человѣка, съ которымъ предтомятъ разлука на вѣки. Ея взыскательность, казавшаяся мнѣ прежде столь невыносимою, перестала повергать меня въ отчаяніе; я уже заранѣе началъ считать себя свободнымъ. Я съ большою охотою уступалъ

ей попрежнему, а между тѣмъ нѣкогда эти уступки возмущали меня до того, что я приходилъ въ ярость. Я пересталъ сгорать отъ нетерпѣнія; во мнѣ родилось, напротивъ желаніе, какъ можно отдалить роковую минуту.

Элеонора замѣтила, что я сталъ и ласковѣе и нѣжнѣе: она сама стала не такъ язвительна. Я сталъ заводить рѣчь о такихъ вещахъ, объ которыхъ прежде боялся и помнѣю; я съ наслажденіемъ слушалъ когда она начинала говорить о любви, объ этомъ предметѣ нѣкогда столь досаждавшемъ мнѣ; слова ея были для меня тѣмъ милѣе, что, слушая ихъ, я каждый разъ думалъ, не въ послѣдній-ли разъ я слышу ихъ.

Разъ, проведя вечеръ какъ-то особенно пріятно, мы разоплись. Тайна, лежавшая у меня на сердцѣ, настроила меня грустно; но грусть моя была тиха. Визка-ли разлука, на которую я рѣшился, я не зналъ, и это помогло мнѣ прогнать мысль объ ней. Ночью я услышалъ шумъ въ замкѣ какого никогда не бывало. Шумъ этотъ вскорѣ затихъ и я не обратилъ на него особеннаго вниманія. Впрочемъ по утру я вспомнилъ объ немъ; мнѣ захотѣлось узнать причину и я пополу по направленію къ спальнѣ Элеоноры. Каково было мое удивленіе, когда мнѣ сказали, что съ двѣнадцати часовъ она лежитъ въ горячкѣ; что докторъ, котораго призвала прислуга, объявилъ, что жизнь ея въ опасности и что она строго запретила сказывать мнѣ объ этомъ, не велѣла даже пускать меня въ ея комнату.

Я сталъ настаивать, чтобъ меня впустили. Самъ докторъ выпелъ просить меня, чтобъ я не входилъ на томъ основаніи, что для больной чрезвычайно важно имѣть покой. Онъ объяснилъ ея запретъ, настоящей причины котораго онъ не зналъ, тѣмъ, что она боялась напугать меня. Страшно встревожившись, я сталъ спрашивать у прислуги: отъ чего бы это могла она вдругъ страшно занемочь. Оказалось, что вчера, только что она простилась со мною, передъ тѣмъ какъ идти спать, она получила письмо изъ Варшавы, которое привозилъ верховой; когда она распечатала и пробѣжала это письмо съ нею сдѣлался обморкъ; придя въ себя, она, не говоря ни слова, бросилась въ постель. Одна изъ ея горничныхъ, напуганная тѣмъ страшнымъ волненіемъ, которое она замѣтила въ ней, осталась безъ ея вѣдома въ ея спальнѣ; около полуночи ее начало трясти такъ, что кровать, на которой она спала, заходила ходуномъ; горничная кинулась было за мною. Элеонора страшно перепугалась того, чтобъ я не приползу и ни подъ какимъ видомъ не велѣла будить меня; послушаться ея не посмѣли. Послали за докторомъ; докторъ пріѣхалъ. Элеонора сначала не приняла его, потомъ принявши не стала отвѣчать на его вопросы. Всю ночь она произносила какія-то несвязныя слова, изъ которыхъ никто ничего не могъ понять, и безпрестанно зажимала ротъ платкомъ, какъ будто изъ желанія заставить себя замолчать.

Между тѣмъ какъ мнѣ рассказывали эти подробности, одна изъ горничныхъ Элеоноры, остававшаяся на это время при ней, вбѣжала перепуганная. Элеонора казалось лишилась чувствъ. Она перестала узнавать. Но временамъ она вскрикивала, называла меня, потомъ

другъ съ выраженіемъ страшнаго испуга на лицѣ дѣлала знавъ рукой, желая этимъ, кажется, дать понять, чтобъ увесли съ ея глазъ долой что-то нестерпимо ужасное для нея.

Я вошелъ къ ней въ спальню. Въ ногахъ у ней я увидалъ два письма. Одно изъ нихъ было мое къ барону П^{***}, другое отъ него къ Элеонорѣ. Тутъ мнѣ стало слишкомъ ясно все то, что за минуту казалось мнѣ страшною загадкою. Всѣ мои старанія объ отсрочкѣ, которой я добивался для того, чтобъ приготовиться къ разлукѣ, стали убійственны для этой несчастной женщины, сразить которую у меня не доставало духу. Элеонора прочла мои, собственноручно мною написанныя, обѣщанія бросить ее, обѣщанія, которыя я именно потому и давалъ, что они могли мнѣ дать возможность подольше остаться съ нею, которыя я потому и сыпалъ безъ счоту, что страшно боялся разлуки. Равнодушный взглядъ барона тотчасъ увидѣлъ изъ этихъ несчетныхъ увѣреній, вертѣвшихся все на одномъ и томъ же, всю мою нерѣзительность, которую я старался скрыть отъ него, и то, какія хитрости употребляю я для этого; но, жестокий, онъ вѣрно расчолъ, что Элеонора прочтетъ въ этомъ неумолимый приговоръ. Я подошелъ къ ней: она взглянула на меня, но не узнала. Я заговорилъ съ ней: она вздрогнула. Что это за шумъ? вскрикнула она. Докторъ замѣтилъ, что мое присутствіе вредно для больной и уговорилъ меня уйти. Не достанетъ словъ, чтобъ выразить то, что я перечувствовалъ въ продолженіи трехъ долгихъ часовъ. Наконецъ докторъ вышелъ отъ нея. Элеонора заснула. Онъ говорилъ, что если она не будетъ въ горячечномъ состояніи когда проснется, то можно почти положительно сказать что жизнь ея спасена.

Элеонора проспала долго. Какъ только я узналъ, что она проснулась, тутъ же написалъ ей записку, въ которой просилъ позволенія войти къ ней. Она прислала сказать мнѣ, чтобъ я вошелъ. Только что я началъ было говорить, она прервала меня. Не говорите мнѣ вещей, которыя терзаютъ меня, сказала она. Я ничего не требую, я ничему не противлюсь; мнѣ не хочется только, чтобъ этотъ голосъ, который вѣкогда былъ такъ сладокъ для меня, который такъ глубоко западалъ въ мою душу, проникалъ бы въ нее теперь для того, чтобъ разрывать ее на части. Адольфъ, Адольфъ я была жестока, я могла обижать васъ; но вы не знаете сколько я выстрадала. Дай Богъ, чтобъ вы никогда не узнали!

Она пришла въ сильное волненіе. Она оперлась головою на мою руку, голова ея горѣла какъ въ огнѣ; судорожныя движенія страшно искажали черты ея лица.—Ради Бога, воскликнулъ я, выслушайте меня милая Элеонора, Да, я виноватъ: это письмо... Она затряслась и хотѣла было отшатнуться отъ меня. Я удержалъ ее.—Слабый, мучимый,—продолжалъ я:—я могъ поддаться на минуту жестокиимъ настояніямъ, но у насъ, кажется, на глазахъ тысячи доказательствъ того, что я не могу искренно желать вашей разлуки. Я негодовалъ, я былъ несчастенъ, я былъ несправедливъ; можетъ быть даже вы сами, ведя слишкомъ ожесточенную борьбу съ моимъ мятежнымъ сердцемъ, подожгли отчасти тѣ смутныя порыванія, за которыя я себя теперь

проклинаю; но можете-ли вы сомнѣваться въ моей безконечной привязанности къ вамъ? вамъ-ли не знать, что сердца наши соединены тысячами узъ, которыхъ никто не можетъ разорвать? мало развѣ мы прожили вмѣстѣ? можетъ-ли кто-нибудь изъ насъ вспомнить хоть объ одномъ днѣ изъ этихъ трехъ лѣтъ, которые приходятъ къ концу, безъ того, чтобъ не разбудить въ себѣ впечатлѣній, которыя мы дѣлили, не привести на память наслажденій, которыя мы вкушали,—мукъ, которыхъ такъ много мы выстрадали вмѣстѣ? Элеонора, пусть съ этого дня наступитъ для насъ опять пора любви и счастья.— Она недоувѣрчиво посмотрѣла на меня.—А вашъ отецъ, возразила она, вашъ домъ, наша семья, ожиданія, возложенныя на васъ! — Разумѣется, когда-нибудь, можетъ быть... Она замѣтила что я эжелебался.—Боже мой, вскрикнула она, воскресить во мнѣ надежду и тотчасъ же убить ее! Адольфъ, спасибо вамъ за наши усилія, они служили мнѣ въ пользу, но, умоляю васъ, не станемъ говорить ни слова о будущемъ... Чѣмъ бы все это ни кончилось, не упрекайте себя ни за что. Вы были добры ко мнѣ. Я хотѣла невозможнаго. Моя жизнь была вся—любовь; не могли же и вы жить одною любовью. Побудьте около меня еще нѣсколько дней. Слезы хлынули изъ ея глазъ. Она стала дышать свободнѣе, она положила голову на плечо ко мнѣ. — Вотъ гдѣ сказала она, я всегда желала умереть. Я прижалъ ее къ моему сердцу, и сталъ снова отрекаться отъ моихъ плановъ, отпираться отъ страшныхъ безумствъ.— Нѣтъ, возразила она, вы должны быть свободны и довольны. Да возможно-ли для меня это когда вы несчастны?

— Мнѣ не долго остается быть несчастной; скоро вамъ нечего будетъ жалѣть меня.

Я сталъ доказывать неосновательность подобныхъ опасеній, я старался убѣдить самого себя, что нѣтъ ни тѣни опасности. — Нѣтъ, нѣтъ дорогой мой Адольфъ, сказала она мнѣ, въ того, кто долго молить о смерти, небо вселяетъ наконецъ предчувствіе, дающее увѣренность, что молитва его услышана. Я всегда такъ думала, теперь я въ этомъ увѣрена.

День былъ зимній, одинъ изъ тѣхъ, когда солнце уныло освѣщаетъ сѣрватыя поля, когда оно какъ будто жалѣючи смотритъ на землю, которую оно перестало пригрѣвать. Элеонора предложила мнѣ выйдти на свѣжій воздухъ.—Холодно, сказала я ей.—Это ничего не значитъ, я хочу пройтись съ вами. Она пошла со мной вонъ руку; долго шли мы молча, она едва двигалась, только моя рука и поддерживала ее.—Сядемте, посидимъ хоть съ минуту.

— Нѣтъ, отвѣтила она, мнѣ отраднo чувствовать, что вы все-таки еще моя опора. Мы снова замолчали. Небо было ясно, но деревья стояли голыя, тишь была въ воздухѣ, ни одной птички въ небѣ; все точно замерло; а только я слышала какъ хрустѣла замерзшая трава подъ нашими ногами.— Тишь какая, сказала мнѣ Элеонора, какъ безмятежно покорствуетъ природа! не мѣжало бы кажется и человѣческому сердцу научиться этой покорности.— Она съѣла на камнѣ, вскорѣ она стала на колѣни, положила и закрыла лицо руками. Она

начала нашептывать какія-то слова. Я увидалъ, что она молится. — Пойдите въ комнату, сказала она вставая съ колѣней, мнѣ холодно. Боюсь, чтобъ мнѣ не случилось дурно. Не говорите со мною, я не въ состояніи выслушивать васъ.

Съ этого дня Элеонора начала слабѣть и гаснуть на моихъ глазахъ. Я собралъ около нея всѣхъ окрестныхъ докторовъ: одни изъ нихъ сказали мнѣ, что нѣтъ никакой надежды, другіе на оборотъ заѣвряли меня, что еще не отчаяваются; но молчаливая природа своими невидимыми руками продолжала свое безжалостное дѣло. По временамъ жизнь вспыхивала въ Элеонорѣ. Желѣзная рука, тяготѣвшая надъ ней, какъ-будто снималась съ нея на мгновеніе. Она приподнимала голову; губы ея переставали быть помертвѣлыми, глаза ея оживлялись: но вдругъ, по прихоти неумолимой таинственной силы, всѣ эти обнадеживающіе признаки жизни исчезали совершенно неожиданнымъ образомъ, смущая докторовъ. Я видѣлъ такимъ образомъ какъ она постепенно разрушалась. Я видѣлъ какъ къ строгимъ и выразительнымъ чертамъ ея лица стали примѣшиваться нныя черты, нныя тѣни—предвѣстники близкой смерти. Я видѣлъ, и больно, оскорбительно было видѣть, какъ эта энергическая и гордая душа искажалась вѣнціемъ физическихъ страданій. Въ эти ужасныя минуты душа ея, одолеваемая тѣломъ, какъ-будто нарочно притулялась, чтобъ съ меньшими муками покориться судьбѣ.

Одно чувство до послѣдней минуты оставалось живо въ ней: это нжная привязанность ко мнѣ. Слабость рѣдко позволяла ей говорить со мною; но она часто молча останавливала на мнѣ свой взоръ и мнѣ казалось тогда, что этотъ взоръ требовалъ отъ меня жизни, которой я не въ силахъ былъ вдохнуть въ нее. Я боялся встревожить ее, я старался подъ разными предлогами выходить изъ ея комнаты, я бросался куда глаза глядятъ, я обходилъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ хаживали мы вмѣстѣ съ нею, я обливалъ слезами камни, пеньки деревьевъ, все, что напоминало мнѣ объ ней.

Это были не сожалѣнія любви, это были гораздо болѣе мрачныя и горькія чувства. Любовь до такой степени отождествляется съ любимымъ существомъ, что въ самомъ ея отчаяніи есть нѣкоторая доля прелести. Она борется съ дѣйствительностью, съ рокомъ; страстность ея желаній обманываетъ ее, представляетъ, будто она сильнѣе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, и вдохновляетъ ее въ скорби. Чувство, волновавшее меня, было глухо и нѣмо: я зналъ что не умереть мнѣ вмѣстѣ съ Элеонорою, я зналъ, что мнѣ приходится одному безъ нея проходить эту пустыню міа, а, посреди которой я всегда такъ страстно желалъ жить независимо. Я сокрушилъ любившее меня существо, я разбилъ это сердце сопутствовавшее мнѣ, такъ упорно желавшее, по своей неистощимой нжности, во что бы то ни стало, пожертвовать собою для меня; я начиналъ уже чувствовать одиночество. Элеонора еще не испустила духъ, но я не могъ уже дѣлитсяя съ нею моими мыслями, все мнѣ говорило уже, что я одинокъ въ мірѣ. Я чувствовалъ, что вѣресталъ жить той любимой атмосферою, которую она разливала вокругъ меня; воздухъ, которымъ я дышалъ,

дышать, показался гораздо суровѣе; холоднѣе стали казаться мнѣ люди, попадавшіеся на встрѣчу, казалось все въ природѣ кричало мнѣ, что я пересталъ быть любимымъ и что больше никто никогда не полюбитъ меня.

На выздоровленіе Элеоноры не стало вдругъ никакой надежды, обнаружилась симптомы явно предвѣщавшіе близкую смерть; ея духовникъ первый обратилъ на нихъ вниманіе. Она просила меня подать ей маленькую шкатулку биткомъ набитую бумагами; большую часть възъ она сожгла; она, казалось, искала между ними одну какую-то и не могла найти, что страшно тревожило ее. Я умолялъ ее бросить этотъ розыскъ, который волновалъ ее и въ продолженіи котораго съ нею два раза дѣялся обморокъ. — Пожалуй, отвѣчала она мнѣ, — но за то не откажитесь и вы, дорогой мой Адольфъ, исполнить мою просьбу. Вы найдете гдѣ-нибудь между моими бумагами письмо, адресованное къ вамъ, — сожгите его не читая; я заклиная васъ сдѣлать это во имя нашей любви, во имя этихъ послѣднихъ минутъ, которыя вы усладили. — Я обыскалъ, она успокоилась. — Теперь оставьте меня, сказала она, — дайте мнѣ исполнить долгъ, налагаемый на меня религіей: мнѣ надо очистить душу отъ грѣховъ, которыхъ у меня много — грѣхъ, можетъ быть, и то, что я любила васъ, я не почла бы впрочемъ эту любовь грѣшною, еслибъ она могла сдѣлать насъ счастливымъ.

Я вышелъ отъ нея, но вскорѣ вернулся, чтобъ присутствовать вмѣстѣ съ другими ея приближенными при торжественномъ чтеніи надъ нею отходной; стоя на колѣняхъ, въ одномъ изъ угловъ ея комнаты, я то погружался въ раздумье, то възъ невольнаго любопытства начиналъ наблюдать собравшуюся толпу людей, изъ которыхъ одни стояли въ страхѣ, другіе разсѣянно поглядывали по сторонамъ и мнѣ не могло не броситься въ глаза, что, въ силу привычки, люди равнодушно исполняютъ всѣ предписываемые обряды и что она пріучаетъ ихъ глядѣть на самые торжественные и ужасующіе церемоніи, какъ на дѣло пріядія, какъ на простую формальность; я слышалъ какъ машинально повторяли эти люди слова отходной, какъ будто вовсе забывши, что придется когда-нибудь и имъ играть главную роль въ подобномъ случаѣ; что надо будетъ когда-нибудь и имъ умереть. Что до меня касается, то я, не смотря на все это, былъ далекъ отъ того, чтобъ пренебрежительно смотрѣть на подобные обряды; да естьли между этими обрядами хоть одинъ, который бы люди, вообще столь еще невѣжественные, могли назвать безполезнымъ? — Обрядъ, совершенный надъ Элеонорою, успокоилъ ее, онъ помогъ ей совершить этотъ страшный шагъ которымъ кончимъ всѣ мы, за которымъ для всѣхъ насъ непроницаемая тайна. Меня удивляетъ не то, что человѣку нужна религія, а то, что онъ хоть на минуту чувствуетъ себя настолько въ силѣ, на столько въ опасности, что дерзаетъ отвергать какую бы то ни было религію: мнѣ кажется, что, при его слабости, все должно побуждать его къ тому, чтобъ призывать ихъ всѣ на помощь: мы возвращаемся въ такой тѣмѣ, что должны дорожить всякой искоркой, освѣщающею намъ путь; намъ-ли, несущимся надъ бездною, оттаивать вѣтви, за которыя можно держаться крѣпко.

Мрачная церемонія, совершившаяся надъ Элеонорою, казалось,

утомила ее. Она заснула довольно спокойнымъ сномъ; ей было лучше когда она проснулась: около нея не было никого кромѣ меня; по временамъ мы разговаривали, но разговоръ нашъ шолъ съ длинными паузами. Одинъ изъ докторовъ, предсказанія котораго всегда сбывались, объявилъ мнѣ, что она не проживетъ двадцати-четыре-хъ часовъ; я посматривалъ то на стрѣлку стѣнныхъ часовъ, то на лицо Элеоноры, въ которомъ я не замѣчалъ никакихъ новыхъ пере-мѣнъ. Надежды мои воскресали съ каждою минутою, и я начинала сомнѣваться въ предсказаніяхъ науки, исполненной ошибокъ. Вдругъ Элеонора вскочила; я схватилъ ее: ее подергивали судороги, ее тра-сало, глаза ея искали меня; но въ этихъ глазахъ выражался смутно страхъ; казалось, что она просила пощады у чего-то угрожавшаго ей, но невидимаго для меня, она то приподымалась, то снова падала въ подушки—видимо было, что ей хотѣлось бѣжать. Можно сказать, что она на яву боролась съ невидимою физическою силою, которая, со-скучившись ждать роковой минуты, схватила свою жертву и прико-взла къ постели, чтобъ покончить съ нею. Она поневоля должна бы-ла покориться враждебной природѣ, съ остервененіемъ накинувшейся на нее; она перестала почти владѣть руками и ногами, но пришла въ со-знаніе: она пожала мою руку; ей хотѣлось плакать, но въ ней нѣзаякъ источникъ слезъ; ей хотѣлось говорить, но уста ея онѣмѣли; она, буд-то сдаваясь, упала головой на руку поддерживавшую ее; дыханіе ея стало дѣлаться все медленнѣе; нѣсколько минутъ спустя, ея уже не было въ живыхъ.

Долго неподвижно простоялъ я надъ бездыханной Элеонорой. Мнѣ какъ-то не вѣрилось еще, что она умерла; безумно глядѣли изумлен-ные глаза мои на трупъ усопшей. Скоро страшная новость разнес-лась по всему дому. Шумъ, поднявшійся вокругъ меня, вывелъ меня изъ забытья, въ которое было впалъ я; я оправился и только тутъ душу мою обуяла раздирающая скорбь и я почувствовалъ весь ужасъ вѣчной разлуки. Бѣготня, суета обыденной жизни, бездна хлопотъ, всеобщее смятеніе, все это—до чего Элеонорѣ не было уже никакого дѣла, вывело меня изъ заблужденія, изъ этого заблужденія, въ силу котораго мнѣ думалось, что я еще не разлученъ съ Элеонорою. Я понялъ, что всякая связь между нами разорвана и что ужасающая дѣйствительность раздѣлила насъ на вѣки. Какъ стала вдругъ тяго-тить меня эта свобода, которой нѣкогда я такъ жаждалъ! Какъ при-скорбно стало мнѣ выходить изъ этой зависимости, которая нѣкогда такъ возмущала меня. Пржеде каждый шагъ мой имѣлъ цѣль, я былъ увѣренъ, что каждый—или усладитъ муку, или принесетъ удовольствіе: тогда мнѣ это не нравилось: для меня было нестерпимо, что повсюду за мною слѣдилъ любящій глазъ, что отъ моего поведенія зависѣло счастье другаго сердца. Теперь никому до меня не было дѣла, никто не ищалъ мнѣ, не отнималъ у меня время, не удерживалъ меня, когда мнѣ хотѣлось уйти: я сталъ дѣйствительно свободенъ, я пере-сталъ быть любимымъ, я сталъ чужимъ для цѣлаго міра.

Согласно съ приказаніемъ Элеоноры мнѣ принесли въѣмъ ои бумаги; въ каждой строкѣ я находилъ новыя доказательства ея любви ко мнѣ, узнавалъ о новыхъ жертвахъ, которыя она приносила мнѣ, никогда

не намекая даже мнѣ на нихъ. Я нашолъ наконецъ в то письмо, которое пообѣщавался сжечь; сначала я не узналъ, что это оно именно; на немъ не было адреса, оно лежало раскрытое: нѣсколько словъ невольно бросилось мнѣ въ глаза; я старался отвлекать свое вниманіе отъ этого письма, но, не смотря на всѣ усилія, я не могъ утерпѣть, чтобъ не прочесть его отъ слова до слова. Я не въ состояннн переписать его теперь цѣликомъ. Элеонора написала его послѣ одной изъ ужасныхъ сценъ, происходившихъ между нами передъ тѣмъ какъ ей захворать.—Адольфъ, говорила она мнѣ, зачѣмъ вы такъ бѣшено на-видываетесь на меня? чѣмъ я согрѣшила передъ вами? тѣмъ что люблю васъ, что не могу жить безъ васъ. Вы изъ сожалѣнія не рѣшаетесь разорвать узъ, которые вамъ въ тягость, и разрываете на части сердце несчастнаго существа, котораго не хотите покинуть изъ сожалѣнія. Зачѣмъ вы лишаете меня послѣдняго удовольствія считать васъ, по крайней мѣрѣ, человѣкомъ великодушнымъ? Зачѣмъ вы ведете себя какъ человѣкъ бѣшенный и безхарактерный? Мысль о томъ, что я буду страдать, преслѣдуетъ васъ, а между тѣмъ видъ моихъ страданій не можетъ остановить васъ! Чего вы хотите? Чибъ я отвязалась отъ васъ? да развѣ вы не видите, что я не въ силахъ, не могу? Ахъ! Нужна для этого сила! только вы, не любящій, можете найти ее въ сердцѣ, соскучившемся со мною, въ сердцѣ, котораго даже такая любовь, какъ моя, не могла обезоружить? Этой силой вы не дадите мнѣ, вы заставите меня только чахнуть, истекать слезами, вы заставите меня умереть у вашихъ ногъ. Я васъ спрошу объ одномъ, — писала она дальше: — Скажите мнѣ, есть-ли такая страна, куда бы я отказалась слѣдовать за вами? Есть-ли такое захолустье, въ которомъ я не рѣшилась бы заточиться лишь бы только быть возлѣ васъ, нисколько не тягота вамъ? Но нѣтъ, вы этого не хотите. Васъ бѣситъ всѣ тѣ предложенія, которыя я дѣлаю вамъ въ крайнемъ смущеннн и страхѣ, потому что вы заставляете стынуть кровь въ моихъ жилахъ. Это еще благо, если вы промолчите въ отвѣтъ на эти предложенія. Такая суровость вовсе не въ вашемъ характерѣ. Вы человѣкъ добрый; вы поступаете благородно, самоотверженно: но никакіе поступки не заглядятъ того, что вы наговорили. Ваши язвительные слова до сихъ поръ раздаются въ моихъ ушахъ: я слышу ихъ по ночамъ; они всюду преслѣдуютъ меня, они жгутъ мою грудь, они кладутъ пятно на всякій вашъ поступокъ. Смерти моей что-ли вы хотите, Адольфъ? Я готова, я удовлетворю ваше желаніе: оно умереть, это бѣднѣе созданье, которому вы оказывали покровительство, но которое за то вы разили съ плеча. Она умретъ, эта несносная Элеонора, присутствие которой возлѣ васъ вестершило для васъ, на которую вы смотрите какъ на помѣху, которая, думаете вы, будетъ въ тягость вамъ въ какой бы уголокъ земли вы не заслали ее—она умретъ, и вы останетесь одни, среди этой толпы, съ которымъ вамъ такъ страшно хочется смѣшаться! Вы узнаете ихъ, этихъ людей, которую теперь такъ милы вамъ своимъ равнодушнѣемъ, и, можетъ быть, придетъ пора, когда сокрушенные людскимъ безсердечнѣемъ, вы пожалеете объ этомъ сердцѣ, которымъ вы могли располагать, ко-

торое только и жила вами, — которая пренебрегла тысячами опасностей, чтобъ защитить васъ — но которую нынче вы не удостоиваете подари́ть даже взглядомъ.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

Я возвращаю вамъ, милостивый государь, рукопись, которую вы дозволили доверить мнѣ. Спасибо вамъ за это довѣріе, хотя чтеніе этой рукописи пробудило во мнѣ печальное воспоминаніе о двухъ давно минувшихъ: я зналъ большую часть лицъ, дѣйствующихъ въ этой чрезвычайно правдивой исторіи. Я часто видывалъ этого страннаго несчастнаго Адольфа, который въ одно и то же время, и авторъ этой исторіи, и герой; я не разъ пытался своими совѣтами вырвать эту очаровательную Элеонору, достойную лучшей участи и болѣе предавшаго ей сердца, изъ злодѣйскихъ рукъ этого человѣка, несчастнаго не менѣе ея, который властвовалъ надъ ней, нося въ себѣ что то чарующее, и терзалъ ее своею безхарактерностью. Увы! въ послѣдній разъ, когда я видѣлся съ нею, мнѣ показалось, что я внушилъ ей нѣкоторую смѣлость, придавъ ей разсудку силы побѣдить сердце. Послѣ того, долго спустя, случаи опять привелъ меня въ тѣ мѣста, гдѣ происходило наше послѣднее свиданье, но я не засталъ уже ее въ живыхъ: я нашолъ только ея могилу.

По настоящему, вы должны были бы поставить себѣ долгомъ издать въ свѣтъ этотъ разсказъ. Теперь онъ не будетъ оскорбителенъ ни для кого, а между тѣмъ, какъ мнѣ кажется, будетъ небезулезенъ. Несчастная судьба Элеоноры доказываетъ, что самое страстное чувство не въ силахъ идти противъ порядка вещей. Общество обладаетъ страшною мощью: оно примѣшиваетъ слишкомъ много горечи къ любви незаконной, принуждая разрывать самыя тѣсныя связи. Горе женщинѣ, опирающейя на одно чувство, отравить которое все стремится и противъ котораго, если только оно не заставляетъ уважать себя, какъ законное, вооружается общество, выставляя все, что только есть дурнаго въ сердцахъ человѣка.

Адольфъ, оттолкнувши отъ себя любившее его существо, не нашолъ ни спокойствія, ни довольства; свобода, купленная имъ цѣною столькихъ скорбей и слезъ, не пригодилась ему ни къ чему, и, сдѣлавшись самостоятельнымъ, онъ сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ достойнымъ жалости.

Если вамъ понадобятся на это доказательства, милостивый государь, то перечитайте эти письма, которыя скажутъ вамъ, что стало съ Адольфомъ; вы увидите его въ тысячѣ самыхъ разнообразныхъ положеній и вѣчно жертвою этой смѣси эгоизма и нѣжности, этихъ противоположныхъ чувствъ, постоянно осаждавшихъ его къ его собственному несчастію и на бѣду другимъ: вы увидите, что, предвидя зло, должествующее простичь изъ извѣстнаго поступка, онъ поступитъ именно такимъ образомъ, чтобы произошло это зло, и придетъ въ отчаяніе; увидите, что онъ карается за мнимыя достоинства еще болѣе, чѣмъ за недостатки, потому что источникъ

этихъ достоинствъ не принципы, а минутное настроеніе; вы увидите его то нѣжнѣйшимъ, то самымъ жестокосердымъ изъ людей; начиная съ готовности пожертвовать собой, онъ кончаетъ безчеловѣчїемъ.

ОТВѢТЪ ИЗДАТВЛЯ.

Да, милостивый государь, я издалъ въ свѣтъ эту рукопись, которую вы вернули мнѣ (не потому, чтобъ я соглашался съ вами насчетъ полезности такого изданія; только собственный опытъ научаетъ людей; ни одна изъ женщинъ не сознается, что ей случалось встрѣчаться съ людьми, похожими на Адольфа, и всѣ онѣ почитутъ себя почище Элеоноры); но я издалъ ее какъ довольно вѣрную исторію скорбей человѣческаго сердца. Если разсказъ этотъ поучителенъ, то это для насъ, мужчинъ: онъ показываетъ, что одинъ этотъ умъ, которымъ мы такъ гордимся, неспособенъ ни помочь найдти счастье, ни дать его; онъ доказываетъ, что твердость характера, добросердечіе,—вотъ тѣ дары, о ниспосланіи которыхъ надо молить небо; а добросердечїемъ нельзя назвать этой мимолетной жалости, которая не въ силахъ остановить его отъ увлеченія страсти и не мѣшаетъ ему растравлять тѣ раны, которыя онъ залечиваетъ въ минуту сожалѣнія. Жизнь цѣнится по числу нанесенныхъ ранъ, и никакія самая хитрая метафизическія тонкости не оправдаютъ чловѣка, разбившаго сердце, любившее его. Сверхъ того, я ненавижу это нахальство ума, вслѣдствіе котораго люди считаютъ извинительнымъ то, что они могутъ объяснить; я ненавижу этихъ тщеславныхъ людей, которые, рассказывая о томъ, сколько зла надѣлали они, заняты только однимъ собою, которые имѣютъ поползновеніе возбудить къ себѣ сожалѣніе, занимаясь рисованїемъ самихъ себя, которые, несокрушимо высаясь посреди развалинъ, анализируютъ себя, вмѣсто того, чтобъ каяться. Я ненавижу этихъ безхарактерныхъ, которые, не сознавая своего безсмлія, вѣчно сваливаютъ свою вину на другихъ, которые не видятъ, что вина въ нихъ самихъ, а не въ окружающимъ. Я догадался бы и самъ, что Адольфъ былъ наказанъ за свой характеръ самимъ этимъ характеромъ; что онъ не вышелъ ни на какую прямую дорогу, не сдѣлалъ ничего полезнаго, что онъ растратилъ свои силы, безъ всякаго другого направленія, кромѣ каприза, безъ всякой энергіи, кромѣ раздраженія, — я отгадалъ бы все это, говорю вамъ, еслибъ вы и не сообщили мнѣ новыхъ данныхъ о его судьбѣ, о которыхъ я не знаю еще—ушотреблю-ли ихъ въ дѣло. Обстоятельства эти — пустяки; все дѣло въ характеръ: куда ни бѣги, а самимъ собою все-таки придется остаться. Перемѣнится положеніе, но муки, отъ которыхъ хочется освободиться, будутъ слѣдовать всюду; а такъ-какъ нельзя исправиться посредствомъ перемѣщеній, то эти перемѣщенія будутъ примѣшивать только угрызения къ воспоминаніямъ и неудачи къ страданіямъ.

ПОДЪ АРЕСТОМЪ.

(Изъ разсказа «Прожитокъ».)

...Тотчасъ же послѣ ужина нашу роту выстроили въ три шеренги.

— Тихе, тихе, господа! Не разговаривать! кричалъ маленькій дежурный офицеръ, сей-часъ директоръ будетъ!

Все затихло. Мы стояли молча, не шевелясь. Двѣ лампы тускло освѣщали длинную залу. Огонь ихъ полосами переливался во вылощенному паркету и сверкалъ на шѣдныхъ нуговицахъ куртокъ. По полу и по стѣнамъ до потолка качались огромныя тѣни и рѣзко выдѣлялись изъ бѣлыхъ рамъ черныя квадраты стеколъ. Дежурный офицеръ сталъ противъ насъ и надѣлъ маску, приготовляясь встрѣтить директора.

— Тихе, тихе, господа! кричалъ онъ.

А въ открытое окно прямо въ лицо мнѣ вѣяло такой свѣжей прохладой, такой волной вливалась она въ залу, такъ широко дышала грудь и темно, темно на небѣ—звѣздъ не было. Огоньки мелькали какіе-то вдали, какъ звѣздочки, и тихо, тихо было.

— Это звѣзды съ неба упали и свѣтятъ на землѣ, думалъ я, кто-то тамъ сидитъ теперь за этими огоньками?

Но вдругъ упало сердце. Я было совсѣмъ на минуту позабылъ, что меня ожидало.

— Что-то будетъ, что-то будетъ? Господи! Еслибы не то! Что бы это такое было?

— Смирно! вдругъ крикнулъ офицеръ, почти подбѣгая къ директору, и быстро проговорилъ рапортъ.

Директоръ вошолъ, строго нахмурившись, поднявъ сѣдую голову и заложивъ руку за бортъ сюртука.

Онъ медленно сталъ обходить ряды съ офицеромъ.

— Здравствуйте, господа!

— Здравія желаемъ, в. п-ство! крикнули кадеты.

Противъ меня онъ остановился.

— Г-нъ Чернипкій!

Я сначала вздрогнулъ, какъ будто впередъ не ожидалъ, что меня вызовутъ, потомъ ступилъ шагъ впередъ, вытянулся во фронтъ и уставился на густые эпюлеты директора, которые переливались золотомъ на огнѣ лампы.

— Это я васъ встрѣтилъ вчера въ такомъ неглиже?

Я молчалъ.

— Отвѣчай же! и не дождавшись моего отвѣта, продолжалъ: этотъ господинъ шолъ вчера по улицѣ въ фуражкѣ, увидѣлъ меня и хотѣлъ уйти въ какія-то ворота. Это ему не удалось. Я васъ, господа, предвараю, что за подобныя вещи буду строжайшимъ образомъ взыскивать. Форма должна быть строго соблюдаема. Слышите! крикнулъ онъ, сильно ударяя на словѣ «строга». У меня прошу подобныхъ вещей не дѣлать! Это еще что! Что за глупость и что за дерзость! Какъ смѣть ослушаться? Я вамъ покажу, какъ слушаться! Какъ вы смѣли это сдѣлать? Зачѣмъ вы это въ фуражкѣ были?

Директоръ, когда сердился, говорилъ «вы».

— Я... в. п-ство...

— Молчать! Что-о-съ? Ужь вы не объяснитесь-ли вздумали? прибавилъ онъ насмѣшливо. И какъ это хорошо! какъ благородно! Бѣгать въ подворотню! Что-жь вы скажете, что и это хорошо? Это гадко, скверно! Да-съ! Вамъ впередъ конечно не то будетъ.—А теперь маршъ подъ арестъ! Но-съ! Безъ разговоровъ! На три дня подъ арестъ!

Мнѣ было ужасно стыдно передъ ротой, что я прятался въ самомъ дѣлѣ въ ворота. Мнѣ вдругъ представилось, какъ это подло, скверно, какъ нужно было прямо идти на встрѣчу бѣдѣ... хоть отъ этого конечно наказаніе не было бы легче. Но въ сущности у меня все-таки отлегло отъ сердца, какъ всегда бываетъ, когда кончится что-нибудь, чего съ тоской и со страхомъ ждешь, и кончилось еще сравнительно легко.

Я все это перечувствовалъ, глядя на сверкающіе эпюлеты директора. Мнѣ случалось, конечно, быть подъ арестомъ, но тутъ

вдругъ передъ ротой обрамили. Мнѣ стало неловко, тяжело, слезы въ горлу подступили, но заплакать въ эту минуту я боялся пуще всего на свѣтѣ. Это было бы у насъ верхъ стыда.

— Отведите его подъ арестъ, повторилъ директоръ.

Дежурный ефрейторъ, въ каскѣ и съ тесакомъ, молча повелъ меня черезъ длинный, мрачный корридоръ въ классы. Въ темной глубинѣ корридора тускло мерцала ночная лампа.

— Вотъ его запереть нужно, сказалъ кому-то ефрейторъ.

Я едва разглядѣлъ въ темнотѣ фигуру сѣдаго класснаго солдата. Ключъ щелкнулъ въ замкѣ.

— Послушай, сказалъ я ефрейтору, попроси кого-нибудь изъ нашего отдѣленія, чтобы завтра заперъ мнѣ мои вещи.

— Хорошо, скажу, отвѣчалъ тотъ, провадая въ темнотѣ.

— На долго васъ? спрашиваетъ солдатъ, впуская меня въ комнату и зажигая лампу.

— На три дня.

— Ну, я васъ запроу Директоръ въ корпусъ теперь. Вы окно не отворяйте—мнѣ достанется.

Ключъ звонко щелкаетъ за нимъ, и онъ уходитъ въ темноту, громко зѣвая и тяжело крестясь.

О, Господи. Господи! слышится подъ сводами. По высокимъ, голымъ стѣнамъ ходятъ длинныя, пасмурныя тѣни. Тихо, только съ улицы, слышенъ трескъ одинокихъ дрожекъ, да гудятъ по корридору мѣрные шаги роты.

— Молитву кончили, спать идти, думаю я.

Странное дѣло! Всякому, конечно, случается просидѣть въ одной комнатѣ безвыходно и ничего отъ этого не дѣлается. Но попробуй кого-нибудь запереть въ эту же комнату насильно...

...Какъ звѣрь въ клеткѣ ходишь изъ угла въ уголъ съ проклятіями и со злобою. Какъ-то больно на сердцѣ, точно тамъ глубокая рана, и каждый яркій и теплый солнечный лучъ, каждый веселый крикъ, который до васъ доносится, ядомъ расправляетъ эту рану. Въ ужасѣ чувствуешь, какъ точно съ ума сходишь, пересташь будто думать и наконецъ чувствовать что-нибудь, кромѣ тоски по волѣ, глухой, тяжелой тоски. Камнемъ ложится на душу это тяжелое, молчаливое время и вѣчно потомъ будеть замирать сердце при воспоминаніи о немъ...

Но какъ ни дико кажется, а я любилъ аресты въ корпусѣ, конечно недолгіе. Трудно представить неиспытанному, какъ на-

чинаешь цѣнить удлиненіе, когда день и ночь окруженъ шумной аравой товарищей и какъ противѣтъ это насильственное сожителство. Радуешься, что вотъ остаешься одинъ наконецъ, что никто не придетъ крикнуть подѣ ухомъ, когда подѣ говоръ и шумъ заглядывшись въ далекую синеву, никто не подтолкнетъ локтя и не вырветъ изъ-подѣ тебя табуретку, когда дѣлаешь видѣ, что учишь урокъ для успокоенія своей совѣсти и обмана начальства, и когда вмѣсто скучнаго урока читаешь между строками его что-то такое хорошее, чудесное, такъ что духъ захватываетъ отъ восторга.

Какъ мало иногда бываетъ нужно!

Да я любилъ аресты! Конечно, три ночи спать на голомъ полу и три дня ѣсть одинъ хлѣбъ — плохо! Но за то не будетъ этого надоѣвшаго треску и шуму стоять кругомъ. И цѣлыхъ три дня! Вотъ онъ праздникъ-то. А тогда, какъ меня подѣ арестъ посадили, былъ въ самомъ дѣлѣ праздникъ. Я бы могъ въ отпуску быть. Э, да что! Тутъ лучше, лучше!

Забьюсь вонъ туда въ уголокъ и буду все думать, думать... Да не о томъ, что теперь и въ отпуску. Это вздоръ! А вотъ о томъ, что будетъ, когда я наконецъ вырвусь отсюда, о томъ, что будетъ *тогда, послѣ...*

И сильно, жарко бьется сердце.

Да, когда я сидѣлъ подѣ арестомъ, былъ праздникъ. Третьяго дня было такое свѣтлое, солнечное утро! Пріѣзжали папеньки и маменьки и брали разныхъ мальчугановъ, большихъ и маленькихъ, въ отпускъ на цѣлую недѣлю. Мальчуганы шли съ билетами за пуговицами и въ полной формѣ — въ каскахъ и съ тесаками. Всѣ они уѣзжали на дрожкахъ, въ тарантасахъ, или уходили пѣшкомъ. Какъ мнѣ грустно было, какъ завидно! За мной тогда никто не пріѣхалъ. А я все ждалъ, что вотъ придетъ въ роту усатый швейцаръ и крикнетъ: «Черницкій!» И каждый разъ билось сердце мое при видѣ его красной ливреи. Но напрасно — онъ все другихъ вызывалъ.

Какъ отпускнымъ должно быть теперь весело! Господи, что за тоска! хоть бы подѣ арестъ посадили. Все равно быть запертымъ въ той или въ другой комнатѣ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, шуму не будетъ. Мое желаніе теперь исполнилось. И все-таки грустно. Какъ отпускнымъ должно быть весело! Я уѣхалъ бы со всѣми, съ каждымъ! Въ каждомъ тарантасѣ, въ каждомъ дрожкахъ! Уѣхалъ бы въ каждый домъ и домикъ, и весело бы

тамъ обѣдалъ при стукѣ ножей и тарелокъ, въ комнатѣ, облитой жаркимъ солнечнымъ свѣтомъ, и крѣпко цѣловалъ бы какую-нибудь маленькую сестренку, важно объясняя ей значеніе блестящей каски и тесака.

А иные такъ въ деревню поѣхали.

Въ деревню! И я когда-то ѣзжалъ туда. Хорошо въ деревнѣ. Какія ночи теплыя, свѣтлыя. Какія высокія, высокія деревья.

Ночью деревья кажутся выше. Яркимъ днемъ можно ихъ изгнрить глазами, видно, какъ качается на самой высшей вѣткѣ листокъ и рѣзко очерчивается на свѣтло-голубомъ небѣ. Ночью его не увидишь—онъ тамъ слился съ сѣрой тучкой и, Богъ его знаетъ, не скрылся-ли куда. Безшелестно стоятъ деревья, какъ привидѣнія, уходя въ какую-то вышину, ужасную вышину, темно-синюю, съ лучистыми, острыми точками, что искрятся тамъ себѣ, то вспыхивая, то потухая. Безшелестно стоятъ деревья и точно тамъ между ними ничего нѣтъ, но тамъ между росистыми вѣтками тянутся теплыя тѣни, неподвижно лежатъ сырой мракъ, тихо вздрагиваетъ маленькая птичка, качается легкое гнѣздышко съ желторотыми, глупенькими птенчиками, которыми вдругъ приснятся, что мать имъ червячка несетъ—ихъ сколько ни корми, а они все «блаженна алчущіе»—и разѣвуютъ она носики, и поднимаютъ пискъ. и спугиваютъ старую, сонливую ворону, и ворона, медленно каркнувъ, тяжело перелетаетъ на сосѣднее дерево. Безшелестно стоятъ деревья и черными вершинами высоко уходятъ въ небо, и вдругъ между листьевъ посыплются и потянутся яркія, раздражающе-свѣтлыя, бѣлыя нити тонкихъ лучей и на чистую, какъ граненый хрусталь, синеву выходитъ мѣсяць.

Выходитъ мѣсяць, и въ серебристой ночной травѣ вдругъ весело вспыхиваетъ множество свѣтлыхъ, крошечныхъ мѣсяцевъ и ласково освѣщаютъ другъ друга и тянутъ незамѣтные, отвѣтные лучи прямо на небо, къ большому мѣсяцу. Облачка пыли подъ стучащимъ колесомъ и подъ свѣтлой подковой забѣлѣлись какъ туманъ, и запоздалый человекъ гонитъ лошадь и, оглядываясь по сторонамъ, видитъ, что вмѣсто пней встаютъ какіе-то люди не люди, но только, чортъ знаетъ, что-то нехорошее—сердце сжимается! А тутъ, качаясь, какая-то тѣнь, длинная тѣнь, до самой рѣки протянулась, неизвѣстно чья тѣнь, и по всему гѣсу пронеслось: «го-го-го-го-го!»

Люблю я ихъ эти тѣни, этихъ духовъ, что живутъ вездѣ и пугаютъ насъ по ночамъ. Ихъ нѣтъ совсѣмъ—я это знаю. Вы давно, вырубая лѣса и презрительно смѣясь, рассказали мнѣ это. И я самъ—какъ я надъ ними смѣялся! Но эти таинственные тѣни, эти добрые духи отвели тихонько въ мосмъ сердцѣ уголокъ и живутъ себѣ припѣваючи. Все еще вздрагиваютъ всѣ мои жилы, когда я слышу, идя по лѣсу: ого-го-го-го!

И какое они участіе во мнѣ принимаютъ! Имъ хочется, имъ весело меня напугать, какъ маленькой сестрицѣ или братцу, что, спрятавшись, терпѣливо и долго ждетъ, когда я пройду мимо двери, чтобъ крикнуть «ухъ!» и хлопнуть въ ладошки. И мнѣ съ ними веселѣе... Да и неумудрено—вѣдь они знаютъ меня съ самой колыбели, росли вмѣстѣ со мною.

Хорошо дремлется на соломѣ тарантаса! Бѣлѣтъ хвостъ пристяжной, ямщикъ покачивается на козлахъ и махаетъ кнутикомъ.

Мнѣ дремлется. И такая радость на сердцѣ—мы сейчасъ домой пріѣдемъ. Какія-то облака, темныя и свѣтлыя, проходятъ передъ глазами.

Мѣсяцъ зашолъ—стемнѣло.

— Стой! пойду отопру околицу, кричить кто-то.

Заскрипѣли хворостяныя связки воротъ; лошади, въ темнотѣ, фыркаютъ и помахивая хвостами, тронули тарантасъ. Опять протяжно скрипнули связки. Нашъ прикащикъ Лукьянычъ идетъ около тарантаса. Слипаятся глаза. Какіе-то кружки черныя, красныя, синіе несутся передъ глазами.

— Николай Васильичъ! заснули? Домой пріѣхали! кричить Лукьянычъ.

— Я? Нѣтъ, я не заснулъ! Домой? Гдѣ?

— Вонъ и церковь, а вонъ и мельница.

Какая-то высокая, недвижная масса съ переходами крышъ потянулась въ сторонѣ. А тамъ надъ тускло-мерцающею водою длинная полоса плотины и тихая мельница, окруженная темными купами остролистыхъ вѣтелъ. Слышно, какъ у запертаго колеса ея звонко льется на спящую гладь пруда прорвавшаяся струйка. Вонъ деревня, два, три огонька, знакомый домъ съ освѣщенными окошками; лаютъ собаки и летучая мышь, какъ тѣнь, неслышно проплыла въ воздухѣ.

Какъ бьется сердце! Что же это такъ тихо ѣдутъ лошади?

Право, я лучше выскочу и гораздо скорѣе добѣгу до крыльца. Ящякъ снѣтся. Нѣтъ, говорить, не добѣжите! Это, говорить, сердечко ваше бѣжитъ... Какъ сердечко можетъ бѣжать? Что за вздоръ! На крыльцѣ дома Лукьянычъ. Вноси чемоданъ, говорить онъ. Буянка ластъ. «Буянка, Буянка!» кричу я — и мнѣ такъ весело, что она хвостомъ махаетъ!

Но вотъ облако какое-то прошло, и на крыльцѣ дома я вижу директора. Выноси чемоданы! Вы что это сдѣлали? кричитъ онъ и закладываетъ руку за бортъ сюртука. Но-съ! маршь! Безъ разговоровъ!.. Директоръ растетъ все выше и выше. Облака кругомъ. Воздухъ душнѣе и душнѣе—дышать трудно.

— Простите! говорю я въ страшномъ испугѣ.

— Бери его! раздается крикъ.

Я закрываю глаза отъ ужаса и чувствую сильную боль въ спинѣ.

— Простите! кричу я и просыпаюсь.

Лампа потухла и чадить. Спина болитъ отъ спанья на полу. Мѣсяцъ неподвижно стоитъ въ стеклѣ окна, которое кажется такимъ чистымъ, голубымъ и всѣми шестью квадратами ярко ложится на полъ.

Бѣлымъ, прозрачнымъ столбомъ голубой лучъ тихо стоитъ въ комнатѣ, переливается какъ пламя на вычищенномъ отдушникѣ, и сверкаетъ на мѣдной чернильницѣ ярко и рѣзко.

Не спится. Грустно что-то. Отворю окно. Свѣтлая ночь, прохладная ночь... Звѣздъ все больше, чѣмъ больше всматриваешься въ эту чистую глубь. Виденъ каждый камень вымощенного двора и окна надворныхъ строеній блестятъ какимъ-то ровнымъ голубымъ свѣтомъ. Все точно стоитъ и притаило дыханіе. Воздухъ неподвиженъ; какъ ножомъ прорѣзало его протяжное «слушай» караульнаго...

Въ двери щелкаетъ ключъ. Изъ темноты показались сѣдые баки и добрые глаза, съ мелкими морщинами подъ ними, старика солдата, который вошелъ со свѣчой.

— Зачѣмъ, вы окно отворяете? Мнѣ достанется. Не велѣно.

— Да, развѣ теперь кто придетъ? Ужъ ночь.

— Случается и ночью ходить.

— Скучно мнѣ что-то—посиди со мной. Ты, вѣдь все равно не спишь.

— Днем буду спать — теперь нельзя. Да разговаривать-то намъ съ вами не велѣно.

— Ну ничего. Садись тутъ шей. Вѣдь все равно!

Старикъ, не глядя на меня, вмѣсто отвѣта, угрюмо опускается на полъ, кладетъ на колѣни сѣрое сукно и старается продѣть дрожащей, жилистой рукой нитку въ иглоку, щура на свѣчку глаза. Огромныя тѣни закачались по стѣнамъ и столбъ мѣсячныхъ лучей поблѣднѣлъ передъ краснымъ пламенемъ свѣчки.

— Дай, я тебѣ влѣну...

— Скучно что-то, замѣтилъ я, когда старикъ началъ шить.

— Веселиться не съ чего—правда.

— Послушай, принеси мнѣ завтра говядины изъ кухни.

— Говядины? А знаете что нашему брату за нее бываетъ? На старости лѣтъ спину-то подставлять не ладно.

— Да нѣтъ, ничего...

— Вамъ-то ничего. Молоденьки—какъ съ гуся вода. Только плюнете, до свадьбы заживетъ. А намъ свадьбы не играть. Это и принимать опаску изъ-за вашихъ пустяковъ?

— Нѣтъ пожалуйста, вѣдь это ты такъ говоришь. У васъ, говорятъ, теперь хорошо...

Старикъ зашѣлъ потихоньку:

Хорошо солдатъ живетъ,
Хороши харчи беретъ—
Что отъ щедрой отъ руки
Кулаки да тумакн...

— Хорошо у насъ... Ну, да ужь ладно! Съ голоду завтра не умрешь, Богъ дастъ.

— Ну спасибо, спасибо голубчикъ!

Тихо кругомъ, только раздалось «слушай», да затрещали крылья ночной бабочки, налетѣвшей на огонь.

— Экъ тебя въ огонь сунуло! серьезно замѣтилъ старикъ, осторожно снимая бабочку съ сала.

Тихо такъ все кругомъ, только гдѣ-то раздались шаги и смолкли.

— Кто-то идетъ, сказалъ я, прислушиваясь.

— Кому идти? Домовой! Старикъ улыбнулся.

— Домовыхъ нѣтъ, замѣтилъ я съ убѣжденіемъ.

— Нѣтъ? А вы спросите у вашего солдата у Федорова, онъ вамъ расскажетъ...

— А что. — развѣ онъ ихъ въ корпусѣ видѣлъ?

— Говорить. видѣлъ. Домовой не домовой, Богъ ихъ знаетъ, только видѣлъ.

— Какъ? Расскажи!

— Да что? Говорить — видѣлъ. Онъ, вѣдь, у васъ въ ротѣ спалъ прежде, въ пустой-то. Изъ нея стеклянная дверь въ большую залу, гдѣ экзаментъ бывасть. Онъ и легъ у этой у двери и заперся со всѣхъ сторонъ. Только ночью слышнть стучать за дверью. Онъ, какъ глянетъ—такъ и обмеръ. Тамъ и стулья-то передвигаютъ и по столамъ бѣгаютъ, а кто—не разберешь—темно. Да такъ, говоритъ, возьметъ стулъ, ударитъ объ полъ, да такъ и загрохочетъ, такъ и загрохочетъ. Федоровъ-то бѣжать, да съ перепугу и забудь гдѣ ключи положилъ. Такъ я, говорить, забился въ уголъ да все, какъ въ лихорадкѣ, трясса.

— Ну что же потомъ?

— Ночью, говоритъ, самъ видѣлъ какъ всѣ стулья были побросаны, а потомъ и поутихло, да я, говорить, къ двери не поспѣлъ до утра подойти, а утромъ, говорить, смотрю, все какъ есть на мѣстѣ.

— Да онъ это во снѣ видѣлъ?

— Во снѣ? Ну что зря толковать—во снѣ! рассердился старикъ. Федоровъ человекъ не зрящій какой или пустой чтобъ былъ. Онъ бы такъ и сказалъ—во снѣ. А то—во снѣ!

— Ну такъ это наши кадеты залѣзли.

Старикъ даже шитье бросилъ.

— Какъ они залѣзутъ? Ну какъ они залѣзутъ? Черезъ пять дверей въ щелочку? Сами вѣдь знаете, что нельзя этого сдѣлать. Ну откуда они ключи возьмутъ? А сломать замокъ, такъ это вѣдь видно. Мы утромъ ходили—все цѣло.

— Ну такъ что-жь это было?

Откровенно говоря, мнѣ самому хотѣлось, чтобъ онъ видѣлъ это не во снѣ и чтобъ это были не кадеты. Спросилъ же я въ надеждѣ получить какое-нибудь страшное и таинственное объясненіе—напримѣръ, что это были, по крайней мѣрѣ, вору. Но зачѣмъ они зайдутъ во второй этажъ корпуса передвигать стулья?

Отвѣтъ былъ самый неудовлетворительный.

— Почему я знаю. Да и не одинъ онъ, продолжалъ уже самъ старикъ, а вотъ еще, не трусь кажется нашъ капитанармусъ. Онъ говоритъ, что пошолъ вечеромъ на чердакъ и видитъ въ углу что-то бѣлое. «Кто тутъ? кричитъ. Никто не откликается, только бѣлое-то это точно шаркаетъ эдакъ, да къ нему идетъ. Онъ перекрестился да прямо на бѣлое, а тамъ ужъ ничего нѣтъ.

— Что же, онъ послѣ не ходилъ? спросилъ, я и въ страхѣ глядѣлъ на темную дверь, гдѣ мнѣ чудилось уже что-то бѣлое...

— Ходилъ и послѣ—тоже вечеромъ—только ужъ не одинъ а съ буфетчикомъ. Только слышуть кто-то стонетъ, словно зоветь такъ: «помоги-и-тѣ» Да такъ жалостно. Капитанармусъ хотѣлъ туда идти, да буфетчикъ испугался, бѣжать назадъ. Объ балку зацѣпился; упалъ, да какъ заоретъ: «караулъ, смерть моя пришла!» Онъ къ нему, тащить его внизъ—видитъ человѣкъ чуть ума не рѣшился. Тутъ не до того было. А тамъ все стонетъ, все стонетъ...

— Ну и что же послѣ никто не ходилъ? спросилъ я чуть не плача отъ страха и какого-то страннаго наслажденія.

— Ходили. Въ трубѣ помойной нашли мертваго, нашего золотаря, солдата. Задохся тамъ должно быть.

— Ахъ, это вѣрно онъ стоналъ! Зачѣмъ же онъ тамъ былъ?

— Чистилъ. Зачѣмъ? Ну и задохся потомъ. Не докликался, вѣрно, никого.

— Я никогда не былъ на чердакъ, да туда теперь изъ насъ никто, я думаю, не ходилъ.

— Теперь нельзя—строже. А прежде и вверху и внизу ходили. Двое такъ убѣжали разъ было изъ корпуса совсѣмъ.

— Какъ убѣжали? Я не слыхалъ.

— Давно ужъ это было. Былъ одинъ кадетъ большой такой; вы ужъ его не застали. Говорить мнѣ разъ: стосковался я здѣсь, смерть моя—я, говорить, уйду. Ну посмѣялись мы это тогда. Гдѣ, говорю, уйти, вы молъ и дорогу-то не найдете. Куда молъ вамъ уйти! А вотъ уйду, говорить. Что-жь? Приготовили они разъ себѣ къ ночи деньги и все. Говорятъ положили на постели вмѣсто себя чучель изъ бѣлья, чтобы не хватились ихъ; взяли ножи столовые да въ кухню, требовали себѣ говядины у повара. Какъ ужъ онъ имъ далъ, побоялся что-ли—не знаю, или

денегъ они дали. Ну и пошли. Осень была, дождикъ шоль. И что же? Вотъ ужъ Господь Богъ не попустилъ! Идутъ они это у самой ужъ заставы, улица такая глухая, и нужно же было! Нашъ о-нцеръ одинъ былъ у кого-то тоже около заставы. Идетъ ночью и на-веселѣ. И, не будь онъ выпивши, никогда бы онъ ихъ въ эту темень не окликнулъ. А тутъ кричить: кто вы такіе за люди? Солдаты, говорятъ, ваше б-іе! и фуражки сняли. А онъ какъ завопить: бери! вяжи! Ну тутъ отъ заставы подошли, похватали ихъ такъ то....

Мнѣ стало за нихъ страшно.

— Что же имъ было за это?

— Что? Отвѣчалъ угрюмо старикъ, вдѣвая нитку, за это извѣстно не похвалать. И задали-же имъ!

— Очень имъ досталось?

— Да, началъ онъ съ разстановкой, вы знаете, развѣ у насъ въ такихъ случаяхъ этого матеріалу жалѣютъ... извѣстно!

Я замолчалъ и задумался. Глаза начали слипаться отъ усталости. Дикіе образы, мрачные и безсвязные, носились передо мною. Я видѣлъ какую-то темную пропасть—смертные пары клубились надъ нею, и слышалось печальное протяжное: «помогите!» Я иду къ пропасти. Меня встрѣчаетъ Лукьянычъ съ Буянкой. Куда вы? спрашиваетъ онъ, вы тамъ пропадете!

Что же дѣлать? что дѣлать! кричу я отчаянно. Изъ тумана выходитъ Буянка. Но-съ кричить онъ, маршъ безъ разговоровъ! Въ воду его!

Я окунаюсь во что-то страшно-холодное. Дрожь пронимаетъ члены.... Я просыпаюсь....

Заря блѣдно-красными лучами блеститъ по стѣнамъ. Въ окно вѣетъ холодомъ, комната заперта и старикъ давно ушоль.

Я сѣлъ на окно. Зеленая вѣтка дерева высоко стояла въ самой полосѣ зари и казалась такою свѣжею и точно вырѣзанною. На ней сидѣла, встряхиваясь, между росистыми листьями, сѣренькая птичка, и съ этой вѣтки неслись кругомъ во всѣ стороны чистыя, утреннія пѣсни.....

Все свѣтлѣе и свѣтлѣе сверкаетъ полоса зари. Вотъ еще минута и ярко вспыхнула въ срединѣ ея огненная точка и озарило свѣжимъ красноватымъ свѣтомъ камни мостовыхъ, трубы

домовъ, и бѣлыя крылья раннихъ голубей, мелькавшихъ въ синемъ небѣ.

Я долго сидѣлъ не шевелясь, какъ очарованный. Но вотъ по корридорамъ мѣрно раздались шаги идущей къ завтраку роты и крики офицера:

Не разговаривать господа! Сколько мнѣ разъ повторять! Я наконецъ наказывать буду!

Обычный день начинался....

Ф. Бергъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

(Два сорока бывальщикоу С.-Петербургъ 1862. 203 и 214 стр.).

Подъ этимъ заглавіемъ книгопродавецъ и типографъ М. О. Вольфъ издалъ рассказы, написанные В. Далемъ для простаго народа; онъ раздѣлилъ ихъ на двѣ части, украсилъ 12 картинками и имѣлъ великодушіе пустить ихъ въ продажу за 1 р. 25 к. сер.

Впрочемъ книгопродавческому великодушію г. Вольфа удивляться не слѣдуетъ: хотя рассказы раздѣлены и на двѣ части, но обѣ эти части составляютъ одну довольно тощую книжку, напечатанную на сѣрой бумагѣ, крупными буквами, съ значительнымъ количествомъ опечатокъ *, которыя, какъ всякій сознается, рѣшительно нетерпимы въ изданіяхъ для дѣтей и для простаго народа. Картинки, вставленныя между рассказами въ количествѣ десяти, отличаются безобразіемъ и ни къ чему

* Такъ на стр. 37 вм. *по отчеству* напечатано *его отчеству*; на стр. 66 вм. *пойдетъ* — *подейтъ*; на стр. 175 вм. *за то* — *за что*; на стр. 161 слова хана не отдѣлены отъ рассказа плѣнника и оттого происходитъ совершенная неясность; тамже вм. *а* — *и*; на стр. 176 стр. вм. *напередъ* — *напердъ*, вм. *купил* — *купи*; на стр. 184 вм. *Тироу* — *Тихоу*; на стр. 186 вм. *коли такъ* — *коли такъ*; на 14 стр. 11 ч. вм. *никто не* — *не никто*; на стр. 56 вм. *одного* — *одной*, на стр. 58 вм. *мужичокъ* — *мижичокъ*, вм. *ископи* — *искона*, на стр. 72 вм. *накланялся* — *наклонялся*.

другому не послужать, какъ къ праздному зѣванью незатѣпливыхъ и невзыскательныхъ читателей. Къ чему эта группа изъ пяти мужиковъ, обступившая двухъ колодниковъ, изъ которыхъ одинъ съ отчаяніемъ подперъ щеки руками и сидитъ понуривъ голову, а другой съ зловѣщимъ и свирѣпымъ самодовольствомъ ведетъ съ нимъ какой-то разговоръ, тогда какъ въ текстѣ идетъ рѣчь о томъ, какъ Иванъ Непомнящій убѣждалъ Степана бѣжать съ острога и совѣтовалъ отпереться отъ прежде данныхъ показаній? Убѣжденія къ побѣгу изъ тюрьмы не могли быть ведены въ присутствіи пяти постороннихъ слушателей. Къ чему эта фигура, съ положенной на голову рукой стоящая передъ зданіемъ, похожимъ съ виду на хлѣбный анбаръ, на крышѣ котораго растетъ покривленная чахлая ёлка, но украшеннымъ надписью «питейный»? Къ чему эта группа изъ трехъ мужиковъ, какъ будто разсуждающихъ о чемъ-то? Судя по мѣсту, занимаемому картинкой (между 16 и 17 стр.), можно предполагать, что здѣсь подставленъ излагаемый на стр. 15 и 10 разговоръ какого-то лица съ мужикомъ о лучшемъ устройствѣ русской печки; одинъ изъ мужиковъ, представленныхъ въ картинкѣ, оперся на какое-то сооруженіе внутри дома, имѣющее отверстіе; но 1) въ разсказѣ дѣло идетъ между двумя, изъ которыхъ одинъ крестьянинъ, а другой—лицо неизвѣстнаго званія, а здѣсь представлены три крестьянина; 2) сооруженіе съ отверстіемъ не имѣетъ ни образа, ни подобія деревенской печки ни въ какомъ отношеніи. Къ чему наконецъ двѣ картинки, стоящія внѣ текста въ началѣ книжки, не служащія къ поясненію никакого разсказа? По нашему крайнему разумѣнію здѣсь книгодѣльческое великодушіе напрасно увеличило цѣнность изданія. У нашихъ крестьянъ такъ много матеріальныхъ нуждъ, а изъ-за этихъ нуждъ до такой степени мало чувствуютъ потребность въ приобрѣтеніи и чтеніи книгъ, что неравнодушные къ ихъ умственному развитію издатели книгъ, конечно, озаботятся о возможно-большемъ удешевленіи своихъ изданій и не рѣшатся, по прихоти празднаго соображенія, дѣлать расходы, затрудняющіе приобрѣтеніе книгъ для простонародья.

Обратимъ теперь вниманіе на самые разсказы.

Не такъ давно г. Даль доказывалъ, что грамотность служить только ко вреду нашему простонародью; нынѣ онъ рѣшился отпечатать написанные имъ для того же простонародья

разказы: надо предполагать, что этимъ изданіемъ онъ надѣется принести положительную пользу народу, что его рассказы, по своему характеру и направленію, такъ приноровлены къ натурѣ и потребностямъ нашего простаго класса, что не только отстраняетъ всякое попятное движеніе простолюдиновъ къ злоупотребленію грамотностью, но и содѣйствуютъ развитію всего благого и добраго. Такъ предполагать слѣдуетъ потому, что «тетрадь эта (то есть нынѣ изданная М. О. Вольфомъ) изготовлена была, по словамъ г. Даля, лѣтъ тому десятокъ; но «ваго въ ней почти нѣтъ; иное, продолжаетъ г. Даль, уже набрано было изъ старана, а иное послѣ vybrano отсюда (откуда?) или передѣлано и также напечатано». Хотя въ словахъ этихъ и трудно отыскать смыслъ, тѣмъ не менѣе очевидно, что тетрадь рассказовъ, изданная нынѣ подъ названіемъ двухъ сороковъ бывальщинокъ, изготовлена около 10 лѣтъ тому назадъ, что, слѣдовательно, Даль имѣлъ время зрѣло обсудить ея достоинство и, если счелъ нужнымъ нынѣ отпечатать ее для нашего простонародья, то не иначе, какъ вслѣдствіе полнаго и безпристрастнаго убѣжденія въ пользѣ этого предпріятія. Такъ предполагать надобно и потому, что рѣдко кто на Руси знаетъ русскаго человѣка такъ, какъ знаетъ его г. Даль,—не многіе владѣютъ такимъ подробнымъ и всестороннимъ изученіемъ склада русской мысли, всѣхъ оттѣнковъ быта поселанъ, всѣхъ ихъ отношеній и нуждъ, какъ г. Даль; слѣдовательно, предпринятое имъ изданіе рассказовъ могло и должно было быть предпринято не иначе, какъ въ видахъ удовлетворенія настоятельныхъ матеріальныхъ и нравственныхъ потребностей нашего простолюдья. И нуждъ этихъ—много.

Кромѣ улучшенія экономическаго быта крестьянъ, начало которому положено прекращеніемъ крѣпостныхъ отношеній, народныя массы крайне нуждаются въ умственномъ и политическомъ развитіи; фаталистическій взглядъ на жизнь и дѣйствование очертя-голову, на-удачу, на-угадъ и на-авось, иногда нерѣшительность и недовѣріе къ себѣ и судьбѣ своей, лѣность и неподвижность, слѣпое слѣдованіе преданію и привычкамъ старины, упорство въ принятыхъ на-слухъ, безъ всякаго участія мысли, мнѣніяхъ, отвращеніе отъ всего новаго, нежеланіе улучшеній своего быта небреженіе объ удобствахъ жизни, слѣпое покорство обстоятельствамъ и тупое терпѣніе безъ всякаго противодѣйствія ему, лукавость, неуваженіе къ человѣческому

достоинству въ себѣ и другихъ, равнодушіе къ чужимъ несчастіямъ, недостатокъ уваженія къ чужой собственности, недостатокъ чувства законности, семейный деспотизмъ, пренебреженіе къ женщинѣ, благоговѣніе къ безчисленнымъ обрядностямъ жизни, подавляющее энергію мысли и воли, признаніе зависимости жизни отъ таинственныхъ и темныхъ силъ, боязнь и почитаніе ихъ и многіе другіе крупныя недостатки рѣжутъ глаза всякому наблюдателю нашего простонародья. * Образованное меньшинство наше, если оно не хочетъ осудить себя на паразитное существованіе на землѣ, обязано всѣми зависящими отъ него способами содѣйствовать развитію народныхъ массъ: безъ ихъ развитія и обусловливаемого этимъ развитіемъ ихъ участія невозможно благосостояніе всего народа. Правда, нельзя винить нашъ образованный классъ въ равнодушіи къ дѣлу просвѣщенія простаго народа; многія лица и своими средствами и личнымъ участіемъ содѣйствовали открытію и поддержанію сельскихъ и воскресныхъ школъ; но въ тѣхъ-же самыхъ школахъ жалуются на недостатокъ дѣльныхъ книгъ. Комитетъ грамотности издалъ списокъ небольшого количества одобренныхъ имъ книгъ; но половина ихъ годится только для класнаго употребленія, а другая—для домашняго чтенія очень незначительна. Общество распространенія полезныхъ книгъ блестящимъ образомъ заявляетъ свое усердіе къ распространенію просвѣщенія, но въ числѣ изданныхъ имъ книгъ, сколько намъ помнится, нѣтъ еще ни одной, назначенной для простолюдиновъ. При крайней необходимости и бѣдности книгъ для чтенія простолюдиномъ понятна радость, охватывающая душу всякаго истиннаго патріота при видѣ книги, вышедшей изъ-подъ пера даровитаго писателя и знатока народности; понятны его сладкія надежды.... Если бы всѣ подобныя надежды исполнялись!...

Большая часть разсказовъ г. Даля отличается отъищно-мастерскимъ изложеніемъ и читается съ необыкновенною легкостью. Нѣкоторые кромѣ того прямо направлены противъ существующихъ въ народѣ превратныхъ понятій о правилахъ и удобствахъ жизни. Съ первой же страницы встрѣчается раз-

* Считаю необходимымъ оговориться, что мы 1) признаемъ за нашимъ простонародьемъ нѣкоторыя несомнѣнныя достоинства и далеки отъ того, чтобы винить его за исчисленные недостатки, потому что знаемъ ихъ причины.

сказъ о недругахъ нашихъ — *объ авось, небось, да какъ-нибудь*. На ту же тему написанъ разсказъ (16-й) о томъ, какъ два молодые парня погибли сами и погубили было отца одного изъ нихъ, промѣнявъ спрятанные послѣднимъ деньги на поддѣльные ассигнаціи у одного монетчика, который за рубль настоящей давалъ имъ пять фальшивыми ассигнаціями. Подобнымъ же направленіемъ отличается разсказъ 7-й о томъ, какъ одинъ крестьянинъ, спорившій съ своимъ товарищемъ, что послѣдній на 20 сажень въ шапку не попадетъ изъ ружья, нахлобучилъ шапку себѣ на лицо и получилъ отъ выстрѣла такую сильную царапину по макушкѣ головы, что, пролежавъ недѣли три, остался навѣкъ съ рубцомъ на головѣ; какъ другой за одинъ присѣсть съѣлъ цѣлую ковригу хлѣба и повечеру Богу душу отдалъ; какъ третій побился объ закладъ, что съѣстъ 5 печеныхъ куриныхъ яицъ, пока его товарищъ пробѣжитъ 60 сажень, принялся глотать яйца, подавился и на мѣстѣ умеръ. Съ цѣлю уронить въ глазахъ простонародья трепетное почитаніе знахарей г. Даль разсказываетъ съ свойственнымъ искусствомъ о томъ, какъ онъ, вступивъ въ споръ съ бывшимъ на свадьбѣ колдуномъ, пристыдилъ послѣдняго тѣмъ, что безопасно выпилъ ковшъ воды, надъ которымъ шепталъ колдунъ, между тѣмъ какъ соперникъ его, выпивъ воды, въ которую г. Даль подмѣшалъ щепоть табаку, почувствовалъ тошноту (знахаря съ души воротило цѣлый часъ); какъ одна ворожейка, взявшись отыскать въ водѣ утопленницу, съ причитаньями пошла въ воду за черепкомъ, наполненнымъ угольями, сама оборвалась въ омутъ совсѣхъ ногъ и насмѣшила весь народъ; какъ наводившій страхъ на своихъ односельцевъ колдунъ былъ уличенъ въ кражѣ денегъ землемѣромъ; какъ новгородскій князь Глѣбъ зарубилъ бердышемъ одного кудесника, хваляшагося, что совершитъ великія чудеса и тѣмъ доказалъ народу, что кудесникъ этотъ не могъ угадать и своей собственной судьбы. Полезна будетъ для крестьянъ статья 13-я подъ заглавіемъ «Здоровье»; здѣсь коротко можетъ быть, тоже слишкомъ коротко высказаны нѣкоторыя правила осторожности, рѣшительно пренебрегаемыя въ крестьянскомъ быту. В. И. Даль простеръ свою внимательность къ положенію нашихъ мужичковъ до того, что счелъ необходимымъ поучить ихъ даже устройству печи съ оборотами, плетенію лаптей и веревокъ изъ коры вѣяняка, и поучить не въ сухой монологической формѣ, а въ

формѣ оживленнаго разговора. Безукоризненно хорошъ разсказъ *Грѣхъ на совѣсти*, — что шло въ *мышкѣ*, направленный противъ неуваженія чужой собственности и представляющій солдата, измученнаго совѣстью за покражу денегъ у довѣрившей ему хозяйки, и потомъ успокоившагося только по возвращеніи этихъ денегъ по совѣту своего товарища. На счетъ существующей въ народѣ охоты богатѣть, сложа руки, разсказано, какъ одинъ мужичокъ, по совѣту знахаря-кузнеца, просидѣлъ въ лѣсу всю ночь на Ивановъ день, въ ожиданіи разцвѣтанія папоротника, появленія разрывъ-травы и клада, а передъ утромъ, принявъ того же кузнеца, пришедшаго къ нему въ лѣсъ навѣдаться объ успѣхѣ ихъ дѣла, за лѣшаго, ударилъ его изъ всѣхъ силъ въ лицо наотмашь, да и самъ былъ избитъ кузнецомъ. — Въ высшей степени назидательна повѣсть о приключеніяхъ молодаго парня, имѣвшаго несчастную и, къ сожалѣнію, самую обыкновенную въ крестьянствѣ страсть къ водкѣ, разсказанная подъ заглавіемъ *«Хмель, сонъ и явь»*: явившись въ первый разъ въ *Сельскомъ Читеніи*, издававшемся А. П. Заблочкимъ, она давно уже обратила на себя вниманіе своими художественными достоинствами. Довольно интересны разсказы о русской смѣтливости; только жаль, что одинъ изъ нихъ можетъ служить ободреніемъ невѣжества: въ немъ говорится, что въ Германіи даже цеховые нѣмецкіе строители «для окраски домовъ ставятъ лѣса и дѣлаютъ палаты вокругъ всего зданія сверху до низу; какъ ставятъ у насъ при постройкѣ домовъ; поэтому въ какомъ-то нѣмецкомъ городкѣ за выбѣленье многоэтажнаго дома просили съ хозяина очень дорого, а наши мужички, ходившіе на Лейпцигскую ярмарку прикащиками и извозчиками, не смотря на то, что смолоду бывали — кто сапожникомъ, кто плотникомъ, кто мостовщикомъ, взялись окрасить домъ съ такими малыми затѣями и издержками, что весь городъ сходился дивиться и любоваться этимъ необычнымъ для тамошнихъ жителей дѣломъ. Впрочемъ, въ заключеніе всѣхъ разсказовъ о разныхъ случаяхъ, свидѣтельствующихъ о смѣтливости русскихъ, г. Даль и самъ счелъ необходимымъ укорить русскую косность и нелюбовь ко всѣмъ улучшеніямъ и нововведеніямъ, а также привычку, при переимчивости, дѣлать все поплосше, похуже образца и на живую нитку. Чрезвычайно интересны и поучительны разсказы подъ заглавіемъ *«Наша глупость»*; но одинъ изъ нихъ оскорбляетъ нравственное чувство

введеніемъ въ разрядъ глупостей естественнаго со стороны крестьянъ желанія перейти, по примѣру сосѣдей, съ барщины на оброкъ. Г. Даль беретъ здѣсь сторону *барина*. Выходитъ онъ (баринъ) и думаетъ допытать что-нибудь путное и—слышать *ни съ тою, ни съ сею* (?): «отпустите насъ на оброкъ». Баринъ *удивился* (!!), *съ чего* вдругъ *блажь эта* мужикамъ въ голову пришла, когда они вѣкъ свой были на пашнѣ, а барское поле и хозяйство.... бросать и разорять для *глупой* (?) *причуды* (!?) *не приходилось*. Доказавъ (?) имъ *безтелковость* (!?) просьбы ихъ въ короткихъ словахъ.... баринъ между прочимъ сказалъ: «да кто-жъ вашего желанія спрашиваетъ? вы должны слушаться и повиноваться: вотъ ваше дѣло... Но крестьяне все-таки отправились гурьбой въ городъ проситься на оброкъ; а баринъ велѣлъ заложить пару лошадей и обогналъ ихъ дорогой. Отыскавъ въ городѣ исправника, онъ сказалъ ему все, *попросивъ дать ума мужикамъ, чтобъ не дошло до зрѣха; если не образумить ихъ во время такъ того ялди, сами себя поубьютъ*. Исправникъ собралъ ихъ на дворѣ, сталъ *толковать* имъ, что *городятъ чуху и, видно* (!!), *режнулись*, что *никто ихъ желанія и согласія не спрашиваетъ*. Видя, что словъ его они не понимаютъ (?), хотя и говорятъ «слушаемъ», исправникъ сказалъ: «а коли-такъ, *такъ надо растолковать вамъ это дѣло иначе*. Ты говорунъ, подика сюда первый», а затѣмъ и другой, и третій, и такимъ образомъ взялъ тутъ же на выборъ человѣкъ десятокъ самыхъ бойкихъ молодежь, *которые были тутъ же на мѣсть наказаны*. «Ну,—сказалъ исправникъ: надо дѣло кончить сразу, чтобы не начинать снова; есть что-ли охотники еще на оброкъ? такъ выходите: мнѣ некогда! кто еще?» Мужики мои всѣ гурьбой *повалились въ ноги* исправнику, согласились безпрекословно, что *они затѣяли вздоръ* (!); увѣряли всѣ *въ слово*, что это въ первый и въ послѣдній, что и впредь и напослѣдокъ не станутъ и другу-недругу заказуть, — что, *пришедши домой, даже ребятъ всѣхъ пересѣкутъ*: «*хусть-де помнятъ отцовскую вину и глупость, и сами, на нее ялдя, казнятся*.» Накланявшись *вдоволь, поблагодаривъ, что дали ума* (!!), пошли домой, стали жить опять попрежнему *слирно и спокойно, какъ живутъ добропорядочные крестьяне*. Скажите, пожалуйста, заключаетъ г. Даль, зачѣмъ они ходили.» — Ужели-жъ вамъ-то, г. Даль, это непонятно? Вы привыкли читать въ сердцѣ на-

шого мужичка: что-жь мѣшаетъ вамъ догадаться, о чемъ хлопотали крестьяне? И этотъ разсказъ вы представляете, какъ доказательство, какъ улику мужицкой глупости!.. Это обвинительный актъ,—но не противъ мужицкой глупости, а противъ существовавшаго въ прежнее время поруганія человѣческихъ правъ, бывшаго язвою для Россіи, еще надолго незадечимою. И этотъ разсказъ вы помѣщаете въ число своихъ бывальщинъ для назиданія простаго русскаго люда въ настоящее время! Мужички наши и въ прежнее время понимали дѣло не по вашему, хотя и говорили «*слушаемъ*», такъ-что исправникамъ нужно было втолковывать имъ ваши понятія, а теперь, когда законъ призвалъ ихъ къ участию въ правахъ гражданскихъ, теперь вамъ своими разсказами, далеко не такъ убѣдительными, какъ исправительныя мѣры земской полиціи, не втолковать имъ вашихъ стародавнихъ воззрѣній. Мужички подчасъ втихомолку подсмѣиваются надъ тѣмъ, какъ въ прежнее время не спрашивали ни ихъ желанія, ни согласія, какъ имъ твердили, что ихъ дѣло только слупаться, а не разсуждать; какъ ихъ естественное желаніе себѣ добра считалось чужью, глупыми причудами и неразумными затѣями; какъ имъ нужно было отрекаться оффиціально отъ задушевныхъ своихъ мыслей и стремленій; а вы своимъ живымъ разсказомъ, чуждымъ сочувствію къ ихъ прежней подавленности, растравляете давнишнюю болячку ихъ сердца, будите обидныя воспоминанія и ожесточаете ихъ озлобленіе противъ тѣхъ, которые въ видахъ вразумленія ихъ, чтобъ до грѣха не дошло, обгоняли ихъ дорогой и прежде нихъ успѣвали явиться къ исправнику и попросить его дать имъ ума. Чего добраго,—вспомнать они тѣ страхи и боли, которыя заставляли ихъ валяться въ ногахъ, благодарить, что *ума дали*, увѣрять *въ юлосъ*, что другу-недругу закажутъ имѣть свои желанія, которыя заставляли пересѣкать ребятишекъ, чтобы тѣ помнили отцовскую вину и глупость и, глядя на нее, казнились! Для вашей чести, В. И., для восстановленія пріязненныхъ отношеній между господствовавшимъ и бывшимъ подъ зависимою сословіями, ничего нельзя лучше сдѣлать, какъ исключить изъ вашей книги 5½ страницъ, заключающія въ себѣ такую несообразность, недостойную нашего времени.

Подобенъ этому разсказъ 64-й подъ, названіемъ: «*Грѣхъ*.» Здѣсь съ необыкновеннымъ, свойственнымъ только г. Далю, знаніемъ души и быта крестьянъ передана горькая исторія одно-

го мужика, который, возвращаясь изъ Пштера съ работъ съ недостаточнымъ количествомъ денегъ для уплаты долгу и оброка, кромѣ того былъ обворованъ въ дорогѣ подъ пьяную руку. Для поправленія своихъ обстоятельствъ, въ раздумьи о привольномъ житьѣ людей богатыхъ и о томъ, что «принести домой нечего: и послѣднее пропало, и оброка нѣтъ и хозяйкѣ нѣтъ ничего: и доброму сосѣду, что выручилъ изъ петли...» думая самъ про себя, какъ бары-то безъ оглядки ѣздить, — «видю, много у нихъ лишняго добра,» самъ не зная, что онъ дѣлаетъ, досталъ изъ за пояса топоръ свой, да и подрѣзалъ веревки, которыми былъ припутанъ чемоданъ позади вѣхавшей восьмерикомъ кареты. Не нашедши тамъ денегъ, которыя собственно и были ему нужны, онъ пошелъ впередъ скорыми шагами покинуть чемоданъ и всѣ вещи, и самъ не зная, что начать дѣлать. Два товарища, съ которыми онъ пилъ, и которые его обворовали, наткнулись на его безпутную работу, разобрали, что было въ чемоданѣ, по рукамъ, но были схвачены на слѣдующей-же станціи и отправлены съ личнымъ въ станъ. Пришедши домой, онъ былъ не разговорчивъ, поминалъ Господа и молчалъ; на завтра ему нездоровилось: онъ сидѣлъ смутный и невеселый, а къ вечеру услышалъ, что бывшіе его товарищи и односельцы за разграбленіе чемодана должны пойти въ ссылку. Одинъ изъ нихъ былъ сынъ того старика, который въ прошломъ году внесъ за него оброкъ. Тогда онъ попросилъ прощенія у жены своей, которая, разумѣется, не понимала, что это значитъ, благословилъ дѣтей своихъ и, пришедши въ Приказъ, поблагодарилъ голову за оказанное въ прошломъ году снисхожденіе, повинился въ томъ, что былъ въ дорогѣ пьянъ, что оброку не принесъ, что чемоданъ у проѣзжихъ взрѣзалъ да и бросилъ его *такъ*, потому что денегъ въ немъ не нашелъ, прибавилъ къ этому, что бывшіе товарищи его ни въ чемъ не виноваты, потому что пришли на готовое, и просилъ вести себя въ судъ. «Видно доля моя такая!» заключилъ онъ. — Да, горькая доля твоя, бѣдный человѣкъ, безвыходностію положенія осуждаемый на ужасную для тебя самого рѣшимость выпутаться изъ бѣды преступленіемъ! Сочувствіе тебѣ, преступникъ, имѣющій великодушіе осудить самого себя! — Человѣчественное воззрѣніе на невольнаго вора выражено также въ разсказѣ «Воръ.» — Сколько эти разсказы внушаютъ жалости къ нравственному паденію забитыхъ судьбою крестьянъ, столько придаетъ трезвой бодрости бывальщина о неза-

висимой, неподатливой, не дающей никому спуска, но жалостливой и готовой на всякое добро удалой Лукерьѣ.

Было бы недобросовѣство заподозрить В. И. Дала въ недостаткѣ усердія къ пользамъ крестьянъ, въ непризнаніи ума ихъ, въ желаніи, чтобы и сами они не признавали за собою права на добрую волю и согласіе, а жили только по указанію и усмотрѣнію постороннихъ лицъ; но, еслибы изъ большей части его сочиненій не было очевидна его любовь къ нашему простому люду, то мудро было бы избѣгать такихъ подозрѣній, какъ на основаніи разобраннаго нами разсказа, такъ и вслѣдствіе многократныхъ намековъ его на неспособность нашихъ мужичковъ рѣшить какое-нибудь общественное дѣло безъ указанія начальства. Такъ въ 28 й бывальщинѣ высказывается, что «хотя и даны крестьянамъ судъ и расправа на негодаевъ, но крестьяне не умѣютъ и не рѣшаются пользоваться своими правами.» Цѣлое село терпитъ отъ разбоевъ мѣстнаго обывателя, Тимошки, но молчитъ и не смѣетъ на него доказывать, даже тогда, когда «начальство стало жалѣть крестьянъ и, собравъ по какому-то случаю сходку, между прочимъ стало также спрашивать, какъ быть съ Титофеемъ.—«Всѣ боятся, старый за малаго хоронится.»—«Что же, братцы, коли вы будете молчать и я замолчу,» говоритъ начальникъ; да тѣмъ дѣло и кончилось. *Мое дѣло* указать вамъ путиѣ, надоумить васъ, а коли не хотите, такъ какъ знаете.» И вотъ едва-то едва всѣ въ голось стали просить начальство, «чтобы составить приговоръ и сослать Тимошку, не дожидаясь больше грѣха.» Крестьяне, прежде начальственнаго ободрительнаго напоминанія о правахъ ихъ, не смѣли порѣшить съ Тимошкою; но мы увѣрены, что это происходило не отъ недостатка умѣнья или единодушія. Нельзя пропустить безъ вниманія, что тогда какъ крестьяне сами знаютъ, что «мірское слово велико,» что міръ великъ человекъ, что «на міръ и суда нѣтъ,» тутъ начальникъ беретъ на себя лишній трудъ объяснять имъ, что имъ даны судъ и расправа на негодаевъ, какъ будто крестьянамъ въ диковину право мірскаго суда. Если крестьяне дѣйствительно пользуются своими правами, о послѣднихъ нечего и напоминать: къ чему научать крестьянъ тому, что они знаютъ безъ всякихъ поученій? Можетъ быть г. Даль, на основаніи своей административной практики, предполагаетъ, что крестьяне не сзумѣютъ цѣлымъ міромъ съ однимъ негодаемъ справиться, ни сходки созвать, ни приго-

вора составить, — что указать имъ путное, надоумить ихъ есть дѣло начальства; вотъ онъ и пишетъ въ заключеніи разсказа нравоученіе: — «хорошаго и праведнаго дѣла не бойся: защититъ Богъ и начальство.» Но въ томъ-то и штука, добрый В. И., что крестьяне не совѣмъ-то увѣрены въ томъ обстоятельстве, которыми вы ихъ ободряете: Неувѣренность, будетъ-ли уважено желаніе міра, освободится-ли общество отъ негодяя, не будетъ-ли еще болѣе страдать отъ его мщенія, вотъ что причиною той нерѣшительности, съ какою крестьяне выдаютъ негодяя, вреднаго для цѣлаго общества. Вотъ и по вашему разсказу они не сами составляютъ приговоръ о ссылкѣ Тимошки, а всѣ въ голосъ просятъ начальство, чтобы составить приговоръ и сослать вреднаго чело-вѣка. Такимъ образомъ сила-то не въ ихъ неумѣннн и нерѣшительности, безъ указанія начальства, дружно дѣйствовать противъ общаго злодѣя, а въ недостаткѣ довѣрія къ своему подначальному положенію, въ сознаніи слишкомъ значительной зависимости своей отъ посторонней силы... Въ 43-й бывальщинѣ «*Отцовскій судъ*», г. Даль выражаетъ то же воззрѣніе на общественный бытъ крестьянъ, какъ и въ теперь разобранный нами 28-й. Крестьяне, натерпѣвшись злодѣйствъ отъ Сидорова Ваньки, «поклонились напередъ начальству,» — да мірскимъ приговоромъ и сдали его въ солдаты; но Ванька бѣжалъ и съ большимъ остервененіемъ началъ преслѣдовать своихъ односельцевъ. Крестьяне стали наконецъ, по требованію Ваньки, высы-лать ему хлѣба съ пастухомъ, а трогать его не смѣли. Къ счастью, прослышалъ объ немъ исправникъ; поймали его и сдали опять съ рукъ, но не на-долго: снова явился Ванька и потѣшает-ся надъ перепуганностью мужиковъ. «Пусть ловятъ, коли хотятъ: я прятаться не стану, да ужъ за то, какъ ворочусь въ третій разъ, такъ попомнятъ они мое слово. Всѣхъ выжгу и перерѣжу!» Изъ боязни крестьяне стали давать знать Ванькѣ, когда выѣдетъ исправникъ, такъ что тотъ бился-бился, ничего не сдѣлаетъ; «соберется народъ, пройдетъ облавою по лѣсу, а Ванька, ровно заговоренный какой, тутъ же между понатыми и пройдетъ.» Пріѣхалъ опять исправникъ, потому что Иванъ про-ѣзжаго купца ограбилъ, отъ начальства пришли строгія приказанія, чтобы хоть живого, хоть мертваго достать его. Вотъ исправникъ созвалъ стариковъ, толковалъ съ ними долго: те не знаютъ, какъ и быть. «Намъ, батюшка, съ домами, да скотомъ, да съ дѣтьми отъ него не въ лѣсъ уйти; *мы у него въ рукахъ*

завсеіда. Два рази сдавали мы его вамъ на руки; кто за третій поручится? А онъ откуда ни уйдетъ, опять здѣсь будетъ!» Вездѣ дѣйствующее лицо, хоть и черезъ тѣхъ же крестьянъ, все исправникъ; сами крестьяне къ дѣлу приступиться боятся; они два раза сдавали Ваньку на руки исправнику, а Ванька, откуда ни уйдетъ, опять здѣсь! Г. Даль оствавливается только на этомъ фактѣ, что крестьяне, не смотря на существованіе постановленій о мірскомъ управленіи, рѣдко пользуются правами взаимнаго охраненія; но причина этого факта открывается сама собою, стоитъ только этотъ фактъ разсмотрѣть въ связи съ другими. Отъ чего крестьяне безъ приказа начальства и безъ его принужденія боятся изловить разбойника!.. Откуда у нихъ взялась пословицы: «вора ловили да себя сгубили,» «вора въ судъ веди, да самъ туда иди», «отъ вора бѣда, отъ суда скуда,» «пропадай собака и съ лыкомъ, лишь бы не судиться,» «законы святы, да судьи супостаты», «законы миротворцы, да судьи ключкотворцы.» Отъ чего на судѣ и на допросахъ только и слышимъ отъ крестьянъ, «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, видѣть не видалъ, слышать не слыхалъ?» Отъ чего они, не смотря на охоту поглазѣть, да позѣвать, стараются быть отъ всякаго происшествія подальше, да приговариваютъ при этомъ: «чего добраго, какъ разъ въ свидѣтели поставятъ?» Отъ чего они ни головы сами себѣ не выберутъ безъ явственнаго или косвеннаго указанія со стороны начальства, ни отъ рекрутства сына бѣдной вдовы не освободятъ, хотябъ и находили это справедливымъ? Отъ чего и приговора они, безъ наученія начальства, не составляютъ? Отъ чего они говорятъ: «Плеть обуха не перешибеть,» «лбомъ стѣны не прошибешь,» «выше лба уши не растутъ,» «собака съ волкомъ тягалась, одна шкурка осталась?» Отъ куда взялись въ народѣ названія «куроѣдовъ да міроѣдовъ?»

Г нь Даль хочетъ вбить крестьянину въ голову понятіе о какомъ-то родственномъ отношеніи между ними и ихъ начальствомъ. Конечно, и сами крестьяне, при извѣстныхъ случаяхъ, обыкновенно говорятъ: «вы, батюшка, — наши отцы а мы ваши дѣти»; да *вѣдь это только изогорится такъ*, а какъ сберутся мужички межъ собою и станетъ одинъ рассказывать, какъ вель онъ рѣчь съ начальникомъ или бариномъ — тогда ни самъ онъ передъ своимъ братомъ не повторитъ этой фразы безъ усмѣшки, ни всѣ братья его не выслушаютъ безъ смѣха, хоть

всѣ въ одинъ голосъ тутъ же скажутъ пронически: «вѣстимо такъ!» Вотъ по 64-му разсказу г. Дая, не внесшій оброка крестьянинъ Осипъ, стоя передъ головою, говорить ему: «на васъ нашему брату плакаться грѣшно и на начальство также: мшлуютъ и жалуютъ; обиды нѣтъ никакой». Но развѣ вы, В. И., вѣрите чистосердечію этой Осиповой фразы? — Полноте, Осипъ здѣсь держитъ рѣчь оффиціальную, говорить для «прилики». Вотъ и дальше, пожалуй, на вопросъ головы, «отчего другіе крестьяне исправно оплачиваютъ оброкъ и не жалуются», Осипъ отвѣчаетъ: «и я, батюшка, не жалуясь: *благодаримъ и тебя и начальство*: оброкъ нашъ не то чтобы великъ больно!» И это говоритъ онъ тому головѣ, который, выслушавъ слезную исторію Осипа, отвѣчалъ ему тутъ же: «ну, наговорилъ ты много, Осипъ, а вѣдь мнѣ изъ словъ твоихъ не шапку шить; вѣдь не миновать, что тебѣ корову со двора гнать, да и паспорту больше не дамъ». — Послѣ этого представляется крайне неумѣстною и слѣдующая фраза, приписываемая г. Далемъ Осипу, когда послѣдній снова явился изъ Питера къ головѣ безъ оброку, да еще дорогой чемоданъ срѣзалъ: «согрѣшилъ я передъ Богомъ, *согрубилъ передъ вами* (чѣмъ? какъ?); такъ ужь простите, батюшка Иванъ Тимофѣевичъ, вы меня грѣшнаго, что и васъ, и начальство я этимъ *изобидѣлъ* (?)». — Вообще г. Дая въ разсказахъ для крестьянъ хочетъ завѣрить ихъ самихъ въ томъ, что ихъ братъ на начальство смотреть съ наивнымъ дѣтскимъ довѣріемъ, что они безъ приказу начальства ни замыслить, ни сдѣлать ничего не осмѣливаются, да и не умѣютъ. Заговори объ этомъ съ ними съ глазу на глазъ человекъ — «не имъ чета», «не ихъ цоля ягода», такъ они дѣйствительно «съ лаптями въ ротъ влѣзутъ», пожалуй — завѣрять, что они иначе не дѣлаютъ и не думаютъ, какъ начальство велеть, и только того и ждутъ, какъ имъ прикажутъ; но вѣдь надо быть слишкомъ простымъ и недалекимъ, чтобы этому повѣрить. И кому жь зпать это, какъ не г. Дая? Между тѣмъ онъ-то какъ-будто и не знаетъ этого: въ 33-мъ разсказѣ его, старый обыватель, узнавъ, что проѣзжій, признавшійся въ похищеніи денегъ у жида, безпрекословно возвратилъ ихъ сполна, не былъ задержанъ на мѣстѣ, говорить собравшемуся народу: «*развѣ начальство приказываетъ такъ дѣлать?* развѣ съ воромъ, который укралъ эдакую кучу денегъ, можно итти на мировую?» Призывая совершенно умѣстнымъ послѣдній вопросъ, мы находимъ первый — совершенно лишнимъ.

Можно бы и не приписывать большой важности этому вопросу, но, при сличеніи разныхъ мѣстъ изданія г. Даля, встрѣчая однородныя выраженія, видишь тутъ заднюю мысль, неудачно и бесполезно проводимую имъ. Говоримъ «неудачно и бесполезно» потому, что при чтеніи невѣрныхъ дѣйствительности и правдъ изображеній и завѣреній, крестьяне въ своемъ кружкѣ, много-знаменательно перемигнувшись, безъ запинки скажутъ: «ну, баринъ, надуешь,—въ лѣсъ уйдешь! мы эти вещи почище твоего знаемъ!» Да — сказавъ это, по поводу проводимой въ разныхъ бывальщинкахъ идеи возобновить въ памяти бывальщеники своего рода и не съ тою уже заднею мыслью. Тѣмъ болѣе это возможно, что г. Даль самъ же помогаетъ имъ въ этомъ. Въ разсказѣ «*Отцовскій судъ*» онъ вкладываетъ боящимся изловить разбойника мужикамъ слова: «два раза сдавали мы его вамъ (исправнику), кто за третій поручится?»; въ разбираемомъ теперь разсказѣ (33) нѣкоторыя подробности также могутъ вызвать въ головѣ крестьянъ воепоминанія некрасивыя. Когда старый обыватель сказалъ: «развѣ начальство приказываетъ такъ дѣлать? развѣ съ воромъ, который укралъ эдакую кучу денегъ, можно идти на мировую?» крестьяне думали-гадали, а дѣлать нечего: надо ѣхать въ погоню за воромъ, а другому скакать скорѣе да заявить въ судъ. Вора не нагнали, а исправникъ — тутъ. Онъ выслушалъ жида, которому возвращены деньги, о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла, — видѣлъ мѣшки съ деньгами, запечатанные дѣдовскою печатью жида, осмотрѣлъ, по желанію жида, самую печать; «прикинулъ печать: «такъ, вѣрно! она!» — Что оставалось, судя по указаннымъ здѣсь обстоятельствамъ, сдѣлать исправнику? да по здравому смыслу, ничего больше, какъ, составивъ актъ, «повернуть оглобли назадъ», донести по начальству. сдѣлать публикацію о пойманномъ ворѣ, да и концы въ воду... Такъ нѣтъ; г. Даль останавливаетъ исправника на мѣстѣ. За чѣмъ это, В. И.? къ чему? вы знаете, что у исправника дѣль видимо-невидимо! по двѣ, по три недѣли тѣла скоростнажно умершихъ дожидаются его пріѣзда: тутъ дай Богъ соблюсти только форму, а вамъ приходится въ голову задерживать исправника еще при жидкѣ! — Исправникъ не удовольствовался, по разсказу г. Даля, осмотромъ 3-хъ мѣшковъ жида, въ которыхъ всего денегъ 1425 цѣлковыхъ, осмотромъ печати (а въ сущности вѣдь и это было лишнее: деньги жиду безпрекословно возвращены при всемъ народѣ и проѣзжій, при томъ же народѣ,

сознался, что увезъ ихъ въ шутку!); удостовѣрившись, что мѣшки дѣйствительно принадлежать жида, исправникъ сказалъ: «хорошо все это, но теперь давайте понатыхъ, да сочтемъ деньги, всѣ-ли тутъ: деньги счетъ любятъ!»—Да зачѣмъ же это, г. исправникъ: ваше дѣло, узнавъ объ обстоятельствахъ дѣла, принять мѣры къ отысканію вора, а это—не ваше дѣло, жидаво!.. Что подумаютъ крестьяне, прочитавъ это мѣсто? Они останутся на немъ, чтобы дать время промелькнуть въ своей головѣ сплошной ассоціаціи разныхъ воспоминаній о подобныхъ осмотрахъ, удостовѣреніяхъ и счетахъ, о винѣ и о даровыхъ свѣчахъ, свѣженскихъ, деревенскихъ, лстящихъ чувственности, живностихъ...—Не такого результата добивались вы В. И.: тѣмъ хуже для васъ!—Но исправнику г. Дала до этого нѣтъ дѣла; онъ принялся считать деньги и говорить: что же твои цѣлковые, ровно глухіе черепки, пересыпаются? ударилъ одинъ объ столъ: не звенить; взялъ на зубъ: мягокъ; погнулъ въ рукахъ: онъ и свернулся трубкой! жидъ поблѣднѣлъ, бѣдѣй полотна. Пересмотрѣли всѣ деньги и въ прочихъ мѣшкахъ: счетъ вѣренъ, да всѣ фальшивые — до одного. «Это что значитъ?» сказалъ исправникъ: «такъ вотъ, братъ, чѣмъ ты промышляешь? Такъ ты вотъ съ чего вдругъ разбогатѣлъ? Въ колодку его, да въ городъ, и съ деньгами!» Поздно сталъ божиться бѣдный жидъ, что деньги эти не его, что онъ только сдуру въ нихъ вклепался; взялъ и засадили Шмуля надолго—и Богъ вѣсть, когда мы его увидимъ!» Какое впечатлѣніе произведетъ такая развязка? г. Даль сказываетъ, что когда закричалъ на жида исправникъ, то народъ ужаснулся и скорѣе отступилъ прочь; каждый подумалъ: «слава Богу, что не успѣлъ раздать Шмуль могорычи, а то бы всѣмъ намъ теперь пропасть!» — Добрые люди, за что же? вѣдь деньги не ваши, не вы ихъ поддѣлывали, а получили отъ жида, да и жидъ-то не самъ же ихъ наковалъ; вѣдь вы его односельцы, ничего за нимъ не замѣчали; вѣдь онъ слылъ у васъ за бѣдняка; можетъ быть тѣ деньги, если онъ не проѣзжаго, такъ отъ отца жидку остались, да такъ и оставались нетронутыми въ мѣшкахъ; вѣдь если бы деньги тѣ и вправду принадлежали жида и самъ онъ ихъ поддѣлалъ, такъ онъ, конечно, не сталъ бы ихъ бѣречь, поскорѣй спустилъ бы; если же онъ не спустилъ ихъ, такъ очевидно, что онъ получилъ ихъ отъ проѣзжаго или отъ своихъ родителей, до нихъ и не дотрогивался, потому что быть же не можетъ, чтобы онъ не умѣлъ сличить поддѣльныхъ цѣл-

ковыхъ отъ настоящихъ серебряныхъ. Напрасно, право, и исправникъ-то на него на шумѣлъ, какъ на виноватого. Ктому-жь жидъ и не сознается, что деньги эти его; вѣдь и проѣзжій, который тоже могъ бы что-нибудь разъяснить въ этой исторіи, не спрошенъ, за что-жь пропадать жиду, а тѣмъ болѣе вамъ?— Э, скажутъ мужики: «судъ да дѣло собака ѣла; законы миротворцы, да законники крючкотворцы; правда-то у Петра и Павла; правда къ Петру-Павлу ушла, а кривда по землѣ пошла; правда твоя, мужичокъ, а пожалуй-ка въ мѣшокъ; съ *голодной* палатой не перетягаешься!» И мало-ль, что они на скажутъ кромѣ этихъ пословиць? они скажутъ много былей въ подтвержденіе этихъ пословиць: у нихъ же обычай такой, только слушай!— Можно ручаться, что и эта развязка пробудитъ у нихъ много воспоминаній, несогласныхъ съ тенденціей г. Даля.

Живъ, картиненъ и интересенъ рассказъ 45-й «Быль про себя», въ которомъ описываются несчастныя приключенія, находившагося въ бѣгахъ отъ рекрутства и все-жь-таки не миновавшаго своей судьбы молодого парня. Одно только можно сказать не въ пользу развитія этого рассказа, что въ немъ есть много нечаянностей, — такихъ событій, которыя вовсе не были *необходимымъ послѣдствіемъ* первоначальнаго дѣйствія, что собственно и составляетъ художественность и поучительность литературнаго произведенія. Парень залѣзъ въ горохъ; замѣтившій это мужикъ, ѣхавшій по дорогѣ, связалъ ему руки назадъ, *отстегавъ порядкомъ кнутомъ и, привязавъ къ олоблѣ*, поѣхалъ; по пріѣздѣ домой, отдохнувъ съ часокъ, снова связалъ его, вывелъ на дворъ и, *привязавъ къ осѣдланной лошади*, самъ сѣлъ верхомъ и поѣхалъ. Парень бѣжитъ въ припрыжку, да спотыкается и падаетъ, а хозяинъ ругаетъ его, что плохо поспѣваетъ. Но вотъ стемнѣло; *сбились съ дороги*, хозяинъ свертываетъ съ дороги, достаетъ желѣзныя конскія путы *приковываетъ бѣглеца на замокъ, ноги съ ногой, къ лошади*. Долго проходилъ онъ съ нею, нерѣдко падая о землю, когда она дергала его путами, *вдругъ лошадь фыркнула, рванулась* и поволокла его по землѣ; Богъ спасъ, *она не раскрыла ему черепа задними ногами*. Послѣ нѣсколькихъ скачковъ, лошадь взвилась на дыбы, приподняла при этомъ и его ногами кверху, а потомъ *ударилась всѣмъ тѣломъ о землю и забилаь ногами*, а онъ и при этомъ *все-таки уцѣлѣлъ*. На лошадь навалилось волковъ около десятка; они рвали и дергали ее со всѣхъ сторонъ, такъ

что и его таскали вмѣстѣ съ нею по землѣ; раза три тотъ, либо другой обнюхивали и его влооть, но опять кидались на свою добычу; напоследокъ около пяти волковъ, нажавшись, окружили его, облизываясь, и подошли влооть, такъ-что дотыкались до него мордой, и стали обнюхивать; но отошли и затѣмъ разбрелись. Потянувъ свою ногу, онъ потащилъ за собою и объѣденую волками лошадиную. Находясь въ тяжкомъ раздумьи, онъ былъ замѣченъ однимъ чумакомъ; чумаки сбили съ него путы, накормили и указали, какъ дойти до дому. — Очевидно, что всѣ нечаянности придуманы для того, чтобы отучить крестьянъ отъ побѣговъ во время рекрутства; это особенно ясно изъ заключительныхъ словъ парня, отъ имени котораго веденъ былъ весь рассказъ. «Прощатавшись почти полгода (говорить онъ), натерпѣвшись голода и холода, наготы и босоты и всякихъ страстей, да еще разоривъ пополамъ съ братьями (двое изъ нихъ были также въ бѣгахъ) все хозяйство наше, я таки судьбы своей не обошолъ; а кабы я спервоначала, не послушавшись худого разума, пошолъ бы прямо изъ семьи нашей въ рекруты, такъ ничего бы этого не было, и оба старшіе братья мои сидѣли бы теперь дома, да вся семья молила бы за меня Бога». Въ настоящее время, при сокращеніи срока службы, при существованіи безсрочныхъ отпусковъ еще до выслуги лѣтъ, при улучшеніи обращенія съ солдатами и при облегченіи самой службы, правоученіе, вытекающее изъ этого рассказа, несомнѣнно подѣйствуетъ, если только оно еще нужно: извѣстно, что теперь крестьяне безъ ужаса смотрятъ на солдатскую службу, тогда какъ въ прежнее время, чтобы освободиться отъ рекрутчины къ знахарямъ прибѣгали они, чтобы растравили имъ ухо, ногу, лицо, глазъ, и сами отрубали себѣ пальцы на рукахъ, дѣлали намѣренныя вывихи или обращались въ бѣги.

Чрезвычайно интересны бывальщины—30 «Рассказъ плѣнника Якова Зиновьева», 36 «казакъ Дервяновъ», 41 «Бѣглянка» и 41 «Рассказъ плѣнника Федора Трушина». Эти бывальщины безъ правоучительныхъ выводовъ, что у г. Дала очень рѣдко. Самъ г. Даль, очевидно, находитъ болѣе необходимымъ явиться передъ народомъ въ роли наставника, чѣмъ краснобая рассказчика. Къ сожалѣнію, желая быть наставителемъ, онъ любитъ самъ высказывать правоученія, не предоставляя читателямъ самимъ извлекать уроки изъ самой сущности и хода раз-

сказа, а иногда къ своимъ бывальщинамъ приклеиваетъ такія сентенціи, которыя къ нимъ также идутъ, какъ ярлыки къ нашимъ—иностраннымъ винамъ; иногда разскажь пусть, да и само нравоученіе такъ незамысловато, что изъ-за него бы и чернилъ тратить не стоило. Вотъ нѣсколько примѣровъ тому.

«Въ притчѣ о дятлѣ» (10) чтобы убѣдить, что «не стоитъ каяться и зарекаться, если клятва твоя и борьба и зарокъ крѣпки только до вечера, г. Даяль разсказываетъ, какъ у красноголоваго дятля отъ долбленья пней и лѣсинъ къ вечеру каждый день голова разбалывалась и каждый день онъ зарекался на будущее время долбить по-пустому, но на утро, ни свѣтъ ни заря, снова принимался за свою работу. Разскажь г. Даяль очень картиненъ, но придастъ-ли онъ кому-нибудь силу, настойчивость и мужество въ борьбѣ съ деспотомъ—привычкой, обыкновенно обращающейся въ потребность природы: дастъ-ли онъ человѣку съ разслабленной волей, иногда одолюваемой еще физиологическимъ разстройствомъ, какъ бываетъ въ запоѣ,—дастъ-ли, говоримъ, власть надъ собою?—Порокъ потраченъ, очевидно, на вѣтеръ.—Въ притчѣ о дубовой бочкѣ ведется разскажь о томъ, какъ, когда бочка разохлась, ребяташки растаскали обручи и пошли гонять ихъ по улицамъ, погоняя хвостостинной, а клепки, навалывшись шодъ ногами, были брошены подъ лавку и въ печь, и о бочкѣ той помину не стало; къ этому разскажу придѣлано нравоученье, что въ семьѣ до тѣхъ только поръ все хорошо и ладно, пока она добрымъ согласіемъ держится въ одномъ кружкѣ, а какъ пошли клепки (члены семьи) врознь; такъ и всѣ пошли по міру, и слуху объ нихъ никакого. Кто порадуется семейному несогласію, кто найдетъ дурнымъ миръ и тишину въ семействѣ? Но какъ жить въ согласіи, когда вздорится! Какія нравоучительныя притчи помогутъ, когда нѣтъ ладу въ семьѣ, когда «братъ на брата—пуще супостата»? И нечего дѣлать, семья не будетъ держаться въ одномъ кружкѣ;—хоть впереди ожидаетъ бѣдность и во всемъ неуправка, а бѣдные крестьяне, жившіе большой, исправной семьей, затѣваютъ раздѣль. Тѣ, кому лѣнь заглянуть вглубь семьи, да вдуматься въ положеніе несогласныхъ односельчанъ, кому важнѣе всего, чтобы мужикъ только исправно подати уплачивалъ, да свои повинности отбывалъ, кто смотритъ на семью, какъ на экономическую силу, а не какъ на нравственный союзъ связанныхъ нравственными и матеріальными интересами лицъ,—тѣ бранятъ семей-

ный раздѣлъ и твердятъ, что добра отъ него не бывать. Да крестьяне и сами знаютъ, что лучше, — выгодыѣ жить въ одномъ кружкѣ, не въ раздѣлѣ; но въ томъ-то и дѣло, что часто человекъ и добру не радъ, лишь избавиться отъ заѣдающаго ежеминутно душу зла семейнаго. Нераздѣльное житье нѣсколькихъ семей въ одномъ семейномъ кружкѣ, подъ управленіемъ старшаго въ родѣ, не такое добро, чтобы изъ-за него можно было равнодушно смотрѣть на обыкновенное при этомъ стѣсненіе личности. Съ каждымъ годомъ въ человекѣ растутъ потребность самостоятельности и способность къ самостоятельности; при развитіи этой потребности и способности зависимое отъ чужой воли, а тѣмъ болѣе отъ самодурья, существованіе время отъ времени становится все болѣе и болѣе тягостнымъ. По вступленіи въ бракъ, связавъ свою жизнь и судьбу съ судьбой и жизнью другого лица, человекъ нуждается еще въ болѣе независимомъ, чѣмъ до брака, существованіи, чтобы свободно выполнить и собственныя правила, и убѣжденія — и согласить ихъ съ сужденіями и правилами другого лица избраннаго въ товарищи жизни. Каково-жь положеніе этого человека, когда онъ ни самъ не въ состояніи жить по своему усмотрѣнію, и предоставить своей половинѣ удобствъ и счастья не зависимой жизни, когда его священнѣйшія чувства любви къ женѣ — къ дѣтямъ стѣсняются суровымъ внимательствомъ старшаго въ семействѣ, иногда по видамъ экономическимъ, иногда просто по дикому самодурью? А это мы и видимъ у насъ въ крестьянскомъ быту: мужъ не можетъ купить женѣ платка безъ попреку отъ односельчанъ; и — вѣчныя столкновенія изъ-за ребятшекъ... Что-жь дѣлать бѣдному крестьянину, если самъ онъ, трудясь съ измала для семейства, не властенъ ни чѣмъ распорядиться по своей волѣ. если жену его заѣдаютъ его мать, сестры и братья? у насъ обыкновенно говорятъ, что всѣ раздѣлы происходятъ изъ-за *бабъ*: и это правда, но каково-жь и положеніе ихъ? *свекровь драцлива, свекровь ворчлива, деверья журчицы, невѣстки мутливы, да и золовки смутьянки*. Послѣ этого очевидно что, при видѣ семейныхъ раздѣловъ, приходитъ въ ужасъ вовсе не отъ чего. Мы знаемъ нѣсколько достаточныхъ семей изъ сословій дворянскаго, даже мѣщанскаго и крестьянскаго, — гдѣ отцы семей, по мѣрѣ возрастанія ихъ дѣтей, давая послѣднимъ все болѣе и болѣе права на самостоятельное хозяйничанье какою-нибудь отдѣльною частью, нако-

пецъ заводятъ для каждаго изъ нихъ особыя хозяйства и, еще при собственной жизни, предоставляютъ эти отдѣльныя хозяйства въ ихъ полное распоряженіе, позволяя себѣ помогать имъ своимъ участіемъ и совѣтомъ; затѣмъ дѣти, живя и распоряжаясь независимо другъ отъ друга, не имѣя повода къ мелочнымъ эгоистическимъ столкновеніямъ, имѣютъ возможность и нравственныя побужденія поддерживать другъ друга при нуждѣ; знаемъ также мы много семей, гдѣ отлично ведутся хозяйства совмѣстныя и нераздѣльныя, но самыя семьи живутъ отдѣльно; извѣстно также намъ много семей, скученныхъ изъ нѣсколькихъ родственныхъ семей, живущихъ нераздѣльно и наслаждающихся ненарушимымъ миромъ и согласіемъ; но еще болѣе извѣстно такихъ семей, которыя держатся «въ одномъ кружкѣ» только необходимостью, трудностью раздѣла, неминуемою опасностью обѣдненія, привычкою, деспотизмомъ старшаго въ родѣ. При видѣ такихъ фактовъ, гораздо полезнѣе внушать крестьянамъ нашимъ не опасеніе семейныхъ раздѣловъ, а то, отчего зависить благополучіе семей, будутъ-ли онѣ жить «въ одномъ кружкѣ, или разойдутся врознь», т. е. уваженіе правъ личности и человѣческаго достоинства въ другихъ людяхъ вообще, а въ односемейныхъ въ особенности. Къ сожалѣнію, у г. Даля нарисовано много картинъ жестокаго обращенія; но и слова не проронено за человѣческое достоинство, за права личности. Тамъ исправникъ запугиваетъ бѣднаго жида, «такъ вотъ ты чѣмъ промышляешь? такъ вотъ ты съ чего вдругъ разбогатѣлъ? въ колодку его!» (ч. 1 стр. 174). Тамъ онъ высказываетъ мысль, что молодому бурмистру совѣстно было наказывать стариковъ (мужа и жену) за пустую ссору (ссора произошла изъ-за того, что жена не захотѣла, по требованію мужа, сказать: слава Богу, лапоть поспѣлъ!); по понятію г. Даля, очевидно, пужно было посѣчь стариковъ! (ч. I. стр. 187). Тамъ въ образецъ крестьянамъ выставленъ племянникъ, положившій изъ ружья на мѣстѣ дядю-бунтовщика (ч. II стр. 12); здѣсь выставленъ несчастный паренъ, отъ котораго ни собакъ смирной, ни поросенку, ни овцѣ, ни птицѣ дворовой проходу не было, и котораго «сѣкли за то, почитай,—день за день!» Отецъ однимъ бывало только и возьметъ, какъ засадитъ его на недѣлю подъ замокъ въ подклѣтъ» (стр. 13). Грѣшно осуждать крестьянина за такое варварское обращеніе съ сыномъ, за его немѣньше и даже невозможность повести дѣло иначе; но грустно

подумать, что г. Даль не только не хочет растолковать крестьянамъ, что такое звѣрское обращеніе съ дѣтьми озлобляетъ ихъ противъ всего человѣчества и превращаетъ въ звѣрей, но еще и самъ становится на сторонѣ этой жестокости. Сѣченый нарень, и по разсказу Дали, отъ побоевъ добрый не одѣлался, на противъ сталъ настоящимъ злодѣемъ; послѣ разныхъ способовъ освободиться отъ его злодѣйствъ, отецъ его, ободренный исправникомъ, взялъ ружье подъ полу, *пошолъ твердымъ шагомъ* прямо на разбойника и, *выстрѣливъ въ упоръ, убилъ сына на мѣсть*.—Воля ваша, г. Даль, такіе образцы добродѣтели выставлять крестьянамъ нашимъ — безчеловѣчно. Лучше бы вы поучили ихъ быть помягче да подобрей, обходиться съ животными и людьми безъ жестокости, да своимъ примѣромъ приучать и дѣтей къ тому-же. Они и безъ васъ крѣпко держатся того убѣжденія, что «не бить такъ добра не видать», что «за битаго (какъ и за ученаго) двухъ не битыхъ даютъ», что «битая посуда два вѣка живетъ»; они и безъ того слишкомъ часто и неразборчиво примѣняютъ это убѣжденіе къ дѣлу, а тутъ еще вы, съ вашимъ, любимъ для русскаго человѣка словомъ, вступаетесь за невѣжественную систему учить побоями и не предупреждая зло, а бить его изъ ружья когда оно разрослось отъ невѣжества и отъ дикой манеры *ярескаты* его дубьемъ, кнутомъ и подобными орудіями.—Мы видѣли картину изтязаній, которымъ подвергъ мужикъ пойманнаго имъ бѣглеца для рекрутства; а вотъ и еще — плѣнникъ Федоръ Грушинъ, разсказывая о своемъ плѣнѣ, къ удовольствію читателей г. Дали, большихъ почитателей физической силы и *яреса* (?) ея, упомянувъ о томъ, какъ онъ полюбился хивинскому хану тѣмъ, что одинъ поднималъ и сваливалъ мѣшки съ пшеницей, пудовъ въ тринадцать вѣсу, какъ нашелся ему соперникъ — силачъ изъ хивинцевъ, какъ хану хотѣлось сравнить ихъ силы, и послѣ поочереднаго подниманія спиной воза съ арбузами, нашъ соотечественникъ вызвалъ хивинца на кулачный бой, но хивинецъ струсилъ; какъ по приказанію хана нашъ соотечественникъ билъ хивинца, чтобы раззадорить послѣдняго, а потомъ избилъ его за нежеланіе вступить въ бой и за трусость (ч. II стр. 22, 23). Вотъ и еще новая картина: за то, что староста тѣ обрѣзки зелени и кореньевъ, которые шли на приправу во щи для двора, свазалъ на песокъ, а не приказалъ промыть, «помѣщикъ беретъ его за чубъ, слегка и безъ сердцовъ рас-

качиваетъ голову во всѣ стороны и читаетъ ему поученіе.» Поученіе это въ печати занимаетъ цѣлую страницу, и «во все это время,» пока поученіе читалось, «помѣщикъ помахивалъ легонько головой старосты туда и сюда.» Хотя г. Даль и замѣчаетъ, что староста, здоровый и догадливый мужчина, при этомъ нагибался, чтобъ барину было сподручнѣе, что понавъ подъ ладъ и мѣру, онъ забѣгалъ головою впередъ, однако самъ помѣщикъ по окончаніи этой операціи замѣтилъ старостѣ, что свою «руку въ плечѣ объ него, дурака, (старосту) выматалъ,» а между крестьянами «весь день только и было толку о томъ, какъ баринъ въ подвалѣ мололъ старостой песокъ,» (стр. 64—67): видно, что и мужицкой головѣ, хотя хозяинъ ея былъ мужчина здоровый, отъ барской руки досталось нелегко, и что сочувствіе г. Даля на сторонѣ барина. Въ одномъ изъ рассказовъ г. Даля (56-мъ) одинъ молодецъ за то только, что другой крестьянинъ во вторникъ святой недѣли, по случаю хорошей погоды, высказалъ мысль о пригодности такой погоды для пашни и посѣва, нисколько не задумавшись, говорить такъ: «Эка дура выросла на селѣ, право — дура! а еще мужикъ называется! Вотъ тебѣ бы для праздника всѣмъ міромъ намять затылокъ, какъ слѣдуетъ, такъ не сталъ бы впередъ молоть, что на языкъ ни попало.» Наши крестьяне, поспѣшны на то, чтобы глаза другому подправить и поставить подъ нихъ по фонарю, пересчитать зубы, поддаться *подъ хрипки*, хватить подъ пахъ, наломать спину, намять бока и пересчитать ребра; они и важности не придаютъ подобнымъ гимнастическимъ упражненіямъ, такъ что легко мирятся; много, если виноватый ведро вина на весь міръ поставитъ. И вотъ, бесѣдуя съ такимъ-то людомъ, г. Даль выказываетъ признаніе права на сторонѣ силы, жестокости и звѣрства; и такому-то люду онъ совѣтуетъ жить большими семьями въ одномъ кружкѣ, безъ раздѣла!...

Но возвратимся къ правоученіямъ г. Даля. Въ притчѣ *о воронѣ* для того, чтобы показать, что «всякъ норовитъ своему,» онъ рассказываетъ, какъ, на требованіе орла привести что нѣсть лучшаго пѣвца для его потѣхи; ворона притащила къ нему вороненка, въ надеждѣ, что подслѣдній угодитъ его милости, орлу лучше соловья, чижа; щегла и чечотки. Спрашиваемъ, насколько эта притча можетъ относиться къ крестьянскому быту и къ тому міру, въ которомъ обращается наше простонародье?

Какое нравственное примѣненіе можетъ быть сдѣлано изъ этого разсказа къ жизни крестьянъ?

Подъ заглавіемъ «*медвѣди*» разсказано, какъ одинъ хуторянинъ, пустившій къ себѣ въ сарай на ночлегъ пятерыхъ цыганъ съ медвѣдами, былъ спасенъ ими при помощи этихъ медвѣдой отъ неминуемой смерти въ рукахъ разбойниковъ. Г. Даль приправилъ разсказъ приличнымъ правоученіемъ: «вотъ какъ Богъ даруетъ спасеніе невинности, караетъ грѣшника! Но кто не знаетъ, что русскій человекъ и безъ того любитъ успокоивать себя подобными теологическими разсужденіями, ослабляющими его энергію и предусмотрительность?»

Чтобы убѣдить, что «ремесла за плечомъ не носить, а съ нимъ добро, что ремесло пить-ѣсть не просить, а само кормить,» предлагается ко намъ «сказочка, которую сказываютъ татары,» какъ Халифъ Гарунъ попалъ въ яму, выкопанную чернокожничкомъ-индѣйцемъ, который рѣзалъ попадавшихъ въ яму людей, какъ, сплетши въ теченіе нѣсколькихъ дней соломенную цымовку съ прихотливыми узорами, Гарунъ предложилъ индѣйцу снести ее ко двору Халифа, завѣривъ, что за такую цымовку халифъ заплатитъ хорошую цѣну, и какъ придворные, прочитавъ въ причудливыхъ узорахъ извѣщеніе объ угрожающей Гаруну опасности, схватили индѣйца и казнили, Халифа отыскивали и вынесли на плечахъ изъ ямы. Ужели въ такимъ неблизинахъ можно искать убѣжденія въ пользѣ знанія ремесла? Было бы гдѣ поучиться, да былъ бы сбытъ и запросъ на произведеніе, а то крестьяне наши и безъ татарскихъ сказочекъ не прочь заняться какимъ бы то ни было мастерствомъ; г. Даль, конечно, извѣстно о существованіи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ цѣлыхъ деревень, занимающихся какимъ-нибудь опредѣленнымъ производствомъ. Въ русскомъ человекѣ есть недостатокъ предпринимчивости, усидчивости, есть лѣнь и желаніе поскорѣй отдѣлаться отъ дѣла, покончивъ какъ-нибудь; но винить его въ нерасположеніи къ ремесламъ—несправедливо.

Въ числѣ другихъ, заимствованныхъ у народа и ему же за деньги великодушно предлагаемыхъ, разсказовъ г. Даль помѣстилъ еще подъ заглавіемъ «*Куцый*» сказаніе о томъ, какъ портной «отстригъ волку хвостъ по самую рѣпку,» а потомъ, когда другіе волки, рѣшившись отмстить за оскорбленіе своего товарища, и поставивъ куцаго волка напередъ, стали подмачиваться одинъ на другого, чтобы достать портнаго съ елм, онъ

спасся отъ бѣды неминуемой, вскричавъ: «никому такъ не достанется, какъ кущому:» кущій дрогнувъ отъ этихъ словъ и выскочилъ скорѣе изъ подъ волковъ; горка-то и разсыпалась. Этотъ рассказъ г. Даль напутствовалъ также своимъ практическимъ замѣчаніемъ: «ину пору острастка и живеть дороже побоевъ: ожогся на молокъ, станешь дуть и на воду.» Не правда-ли: хорошъ рассказъ, поучителенъ и выводъ? Въ рассказѣ «Гусь» слѣпой спрашиваетъ: «что такое молоко?» зрячій отвѣчаетъ: «бѣлое. Что такое бѣлое?» бѣлое—какъ гусь. «А гусь какой бываетъ?—Слѣпцу сравниваютъ гуся съ согнутой рукой. Слѣпой удовлетворяется этими объясненіями, а г. Даль крайне этимъ недовольный, замѣчаетъ отъ себя: «чего Богъ не далъ темному человѣку, чего онъ не знаетъ и не понимаетъ, о томъ и судить и рядить не надо.» Спрашивается, съ какой стати г. Даль предостерегаетъ темныхъ людей отъ желаній судить и рядить о предметахъ имъ неизвѣстныхъ, когда въ текстѣ рассказа говоритъ не объ этой охотѣ, а о желаніи слѣпого узнать, что такое молоко и пр.; какая же тутъ связь между правоученіемъ и рассказомъ? «Не толкуй, продолжаетъ г. Даль, о томъ, чего не знаешь, какъ слѣпой о молокъ.» Но слѣпой и не толковалъ, не судилъ, не рядилъ: между толкованіемъ и любопытствомъ кажется большая разница. Но, можетъ быть, г. Даль подъ толкованіемъ разумѣтъ желаніе разузнать и разспросы; находя напраснымъ и бесполезнымъ желаніе слѣпого знать, что такое молоко, г. Даль хочетъ чтобы наши темные люди, какъ зовутъ себя крестьяне, не стремились разузнавать того, чего они не знаютъ? Чего добраго... Это подъ стать его прежнимъ пѣснямъ о вредѣ, грамотности для простого народа!... Г. Даль, пожалуй, скажетъ, что простой человѣкъ, подобно слѣпцу, не пойметъ дѣла, какъ слѣдуетъ; но сравнивать простой народъ съ слѣпцами несправедливо: слѣпой лишонъ самаго органа зрѣнія, а простой человѣкъ можетъ владѣть такою способностью размышленія и пониманія, что ей позавидуетъ иной мудрецъ, его поучающій... «Не толкуй братъ, чего не знаешь, а слушай того, кто больше тебя видалъ и знаетъ, а тебѣ желаетъ добра.» Все это такъ, да не вѣжется съ предыдущимъ рассказомъ. Въ рассказѣ прежде всего бросается въ глаза неудовлетворительность объясненій, сдѣланныхъ слѣпому зрячимъ, о томъ, что такое—молоко, что такое — бѣлое, что такое—гусь; зрячій видалъ и знаетъ всѣ эти предметы; можетъ быть, онъ и

желалъ добра своему слѣпому товарищу, но, не смотря на то, объясненія его вышли, по самой сущности дѣла, очень неудовлетворительными. Какъ же послѣ этого выводить изъ разсказа поученіе слушаться тѣхъ, кто видалъ и знаетъ? Притомъ, если люди темные такъ мало способны понимать, если имъ такъ нелегко дознаваться того, чего они не знаютъ, то нельзя имъ совѣтовать, чтобы они слушались тѣхъ, кто больше ихъ видалъ и знаетъ, и желаетъ имъ добра: какъ же узнаютъ они, дѣйствительно-ли другой больше ихъ знаетъ и желаетъ имъ добра? «Много, говорить въ томъ же правоученіи г. Даль, много есть такого, чего простой человѣкъ не знаетъ, не видалъ и не слышалъ; а оно бываетъ на свѣтѣ, и хорошо бы его завести и здѣсь у насъ.» Это такъ обще и отвлеченно, что въ правоученіе никуда не годится. Если авторъ хотѣлъ намекнуть на многія изобрѣтенія, усовершенствованія, удобства жизни частной и общественной, которыя доселѣ остаются чуждыми русскому народу, то было бы гораздо достойнѣе г. Даля, если бы такое голое положеніе, приплетенное имъ къ ничтожному разсказу, замѣнилъ въ своей книгѣ описаніемъ этихъ изображеній, усовершенствованій и удобствъ жизни. Можно ручаться, что при его способности говорить внятно русскому уму и сердцу его описанія безъ всякихъ правоучительныхъ присказокъ такъ живительно подѣйствовали бы на нашихъ темныхъ людей, что они охотно и легко разстались бы съ своею умственною и нравственною дремотою, сорвали бы съ умственныхъ очей своихъ повязку невѣжества и не стали бы толковать, какъ слѣпой о молокѣ.

Приглашаемъ полюбоваться еще какъ разсказомъ 73 «задній умъ,» такъ и приложеннымъ къ нему правоученіемъ. «Голодный татаринъ легъ спать и видѣлъ во снѣ кисель съ сытой. Проснувшись тотчасъ онъ ощупался кругомъ; ложки нѣтъ. Почесавъ бритый затылокъ, онъ всталъ потихоньку, нащупалъ въ потѣхахъ ложку въ поставцѣ, положилъ ее за пазуху и легъ опять спать, да ужъ киселя не видалъ. «Бѣда нашему брату, сказалъ онъ на другой день: кисель есть, такъ ложки нѣтъ; ложка есть, такъ киселя нѣтъ!» Къ этому случаю, прибавляетъ г. Даль, и говорится пословица: кабы у цыгана тотъ умъ напередѣ, что у мужика назадѣ, то-то бы богато жилъ!» Довольно! Мастерство, съ которымъ фабрикуются правоученія г. Даля, уже достаточно видно.

Предположивъ познакомить крестьянъ съ бытомъ нашего оте-

чества, въ статьѣ «отчизна» г. Даль старается уяснить въ сердцѣ простолюдина такіа убѣжденія и правила, которыя издавна признаны отличительными чертами нашей народности. «Земля наша, отечество наше обширнѣе и сильнѣе другихъ земель. Гордись тѣмъ и величайся и благодари Бога, что родился ты русскимъ. Нужды и туги вездѣ на бѣломъ свѣтѣ много, и у тебя также не безъ того: надѣйся на Бога и на царя: твоя не пропадетъ...» «Для того Богъ далъ намъ одно царя-государя, чтобы всѣ мы держались за него на землѣ, какъ за Бога на небеси. Царь любить землю русскую болѣе, чѣмъ кто-либо изъ насъ: ему далъ Богъ пресвѣтлымъ умъ, разумъ царскій, а царь избралъ себѣ хорошихъ, умныхъ и достойныхъ совѣтниковъ; черезъ нихъ онъ управляетъ нами, а мы, любя Бога, государя и родину свою, повинемся безъ оглядки начальникамъ, которые поставлены отъ государя; безъ этого не было бы у насъ ни толку, ни ладу, не было бы добра намъ русской благоденствія и долголѣтія, и не было бы добра намъ самимъ.» «Вся земля русская сильна, цѣла и едина русскимъ царемъ, а царь крѣпокъ царствомъ своимъ, любовью и страхомъ подданныхъ.» Все это прекрасно; но все это должно сознаться, «известно и вѣдомо» каждому чисто-русскому. Успіе доказывать какую-нибудь мысль всегда предполагаетъ какъ бы неувѣренность въ признаніи ея со стороны тѣхъ, передъ кѣмъ ее доказываемъ: кчему же увѣрять въ томъ, что и безъ того составляетъ предметъ народной вѣры, неприкосновенной для пытливости и поставленной внѣ круга предметовъ, подлежащихъ обсужденію?

Вообще настоящая статья не знакомитъ съ самыми существенными сторонами нашего государственнаго и народнаго быта, но обильна риторическими фразами. Такъ, желая убѣдить крестьянина, чтобы онъ не ропталъ, «когда государь потребуетъ изъ семьи его солдата,» г. Даль продолжаетъ: «отчизна это зыбка твоя, колыбель и могилка; это домъ и домовина; хлѣбъ насущный; вода животворная; русская земля—тебѣ отецъ и мать, кормилица и кормилецъ; она тебѣ и церковь православная, и престолъ царскій; она—жилье отцовъ и дѣдовъ твоихъ, жилье твое и дѣтей твоихъ; она покой и пріютъ тебѣ и твоимъ, и всѣмъ добрымъ русскимъ людямъ, всѣмъ православнымъ потомкамъ нашимъ—доколѣ труба громозвучная, послѣдняя и проч. и проч.

Правоучительный элементъ въ бывальщипкахъ г. Даяа развитъ до наипшества; но это не спасло настоящаго изданія отъ разсказовъ полѣпныхъ и положительно вредныхъ. Мы уже видѣли нѣсколько такихъ разсказовъ (*Кучій, Гусь и Задній умъ*); вотъ еще въ томъ же родѣ:

74. *Причина*. «Парень, мало-чѣмъ короче оглобли, взвалился на лошадь охлябь, попросивъ еще мать, чтобы она его пододвинула, и поскакалъ. Лошаденка розыгралась подѣ нимъ, стала вертѣть хвостомъ—и сбила его сразу, посадивъ головою тычкомъ въ навозную кучу. Вотъ онъ идетъ-рюмить, а отецъ ему на встрѣчу, грозить кнутомъ: «погоди, вотъ я тебя! лошадь-ту упустилъ; теперь гдѣ ее искать станешь?.. Поди-ка сюда, вотъ я тебя!»—Погоди, бачка, не бей! не моя тутъ причина. — «А чья же?»—Да меня мячка криво посадила.

Разсказъ 75. *Борона*. «Мужикъ ладилъ въ избѣ борону, а хозяйка его сидитъ за куделькой. «Такъ что-ли, хозяйка?» спросилъ онъ.—Самъ ты знаешь, что такъ.—«Такъ-то такъ», сказалъ онъ: «да вонъ-то какъ?..» Поработавъ нѣсколько, мужикъ снова задаетъ женѣ подобный вопросъ и снова получаетъ подобный прежнему отвѣтъ. Послѣ неоднократнаго обмѣна такими вопросами и отвѣтами, повнесла борону на дворъ, но она въ дверь не лѣзетъ.—«Это что такое?» закричалъ мужикъ. — Чего глядѣть? говоритъ жена: гляди—не гляди, а борона въ дверь не полѣзетъ. — «Такъ я жъ тебя спрашивалъ, а ты говорила: «такъ!»—Ты спрашивалъ, такъ-ли ладишь борону, а и говорила, что такъ. — «Нѣтъ, врешь: я тебѣ и толковалъ: такъ-то такъ, да вонъ-то какъ?.. А ты знай свое...» Теперь только хозяйка догадалась, о чемъ ее спрашивалъ мужъ, да оба стоятъ другъ противъ друга и глядятъ глазами, да винятъ и корятъ другъ друга.

32. *Хитрый калмыкъ*. Калмыкъ укралъ въ полѣ теленка, облупилъ его и съѣлъ съ товарищами, не оставивъ ни хрящика, ни косточки. Мужикъ вышелъ подѣ вечеръ искать своего теленка и, повстрѣчавъ калмыка, спрашиваетъ его: «а что, братъ Иванъ Ивановичъ, не видалъ-ли моего теленка?»—Твоего теленка? да онъ какой былъ? пѣгонькой? — «Да, да, пѣгонькой!»—Бѣлокопытка что-ли?—«Ну, да, бѣлокопытка: онъ и есть!»—И правое ухо порсто? и арканъ на шеѣ болтается? — «Да, онъ и есть; — говорю, онъ! Гдѣ-жъ онъ? видѣлъ?» — Ась? нѣтъ, не видалъ!.. И пошелъ своимъ путемъ.

Разсказъ 67. *Живой самоваръ*. «Поди да посмотри, чтобы самоваръ не ушолъ», сказала барыня дѣвкѣ. Та пошла и, противившись, стала у дверей, будто несолоно хлеба. — «Что?» опросила барыня. — «Да ушолъ съ!» — «Кто ушолъ?» Самоваръ. — «Дура, такъ бѣги скорѣе, да накрой его крышкой!» — И съ крышкой, со всѣмъ ушолъ! отвѣчала дѣвушка спроста, не заставъ на мѣстѣ самовара, который какой-то добрый человекъ мимоходомъ унесъ.

Разсказъ 23-й. Начало статьи *«рукавичка»*. Гайдуки, почти ежедневно прїѣзжавшіе съ какимъ-то польскимъ графомъ изъ Варшавы въ его подгороднее имѣніе, надобѣдали поварамъ неотвязчивыми просьбами дать чего-нибудь закусить. Однажды какъ-то прїѣхавшій съ графомъ гайдукъ, упрашивалъ повара дать чего-нибудь закусить. Выходя изъ кухни, онъ оставилъ тамъ на столѣ замшевую перчатку свою, съ раструбомъ почти до самаго локтя. Поваръ взялъ перчатку, искрошилъ ее всю въ лапшу, сварилъ, облилъ масломъ и подливой съ разными барскими приправами и поставилъ вошедшему гайдуку; этотъ принялся и очистилъ все до послѣдней лапшинки, а по окончаніи завтрака, оглядываясь во всѣ стороны, сталъ чего-то искать. — «Что?» спросилъ поваръ: «чего ищешь?» — «Да я никакъ здѣсь у васъ перчатку свою оставилъ?..» — «Чудакъ!» сказалъ поваръ: «да что-жь ты ѣлъ?» Гайдукъ разинулъ ротъ, выпучилъ глаза на повара, сталъ осматриваться кругомъ; но когда поваръ, захохотавъ, побожился, что тутъ оглядываться нечего, перчатки нѣтъ, а съѣдена она вся, до послѣдняго ремешка, то гайдукъ молча вышелъ, провожаемый общимъ смѣхомъ поваренковъ. Потѣха, въ самомъ дѣлѣ, да и только!

Представленные нами образчики остроумія, по всей справедливости, могли бы занять самое почетное мѣсто на страницахъ *«Весельчакъ»*, *«Смѣха»*, *«Смѣха и зоря»*, *«Смѣха-Смѣховича»*, *«Смѣха подѣ хрыломъ»* и подобныхъ имъ изданій; но нельзя не пожалѣть, что это остроуміе такъ неразборчиво расходуетъ не только на пустяки, но и на оскорбленіе человѣчества. Уже приведенные выше разсказы *«Хитрый калмыкъ»* и *«Рукавичка»* поднимаютъ на смѣхъ чужое горе; но посмотрите, какъ щедръ г. Даль на остроуміе противъ жидовъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

О ВАЖНОСТИ ПУБЛИЧНАГО УГОЛОВНАГО СУДА.

Всякому извѣстно очень хорошо, какъ продолжительна и тяжела наша уголовная процедура. Не смотря на то, что всѣ важныя уголовныя дѣла должны быть рѣшаемы безъ очереди, они все-таки тянутся долго, и подсудимые, подвергнувшіеся тюремному заключенію, сидятъ иногда въ тюрьмѣ по 5-ти и 6-ти лѣтъ. Процедура гражданскихъ дѣлъ еще продолжительнѣе уголовной.

Настоящая статья имѣеть цѣлью показать преимущество публичнаго суда передъ негласнымъ, и если предметъ ея мы избрали уголовный судъ, то потому, что участь людей, подвергавшихся уголовному суду, всегда возбуждала въ насъ состраданіе. Если въ обвиняемомъ мы и видѣли иногда прямого виновника, даже злодѣя, намъ все-таки было прискорбно, когда онъ путалъ свое дѣло, измѣнялъ и отрицалъ свои показанія, и черезъ это не только увеличивалъ время своего тюремнаго заключенія, но и мѣру слѣдующаго ему наказанія.

Надо еще замѣтить, что какъ бы ни былъ справедливъ нашъ преступникомъ судъ—народъ нашъ мало вѣритъ въ правосудіе. Конечно, въ негласныхъ судахъ всегда легче можетъ и родиться и скрываться зло; но нельзя же сказать, чтобы всѣ наши суды были доступны подкупу. Правда, что, не смотря на всю строгость наказанія, опредѣленнаго закономъ за лихоимство, оно все-таки существуетъ; но со введеніемъ публичныхъ судовъ эти вредныя корни сгніютъ сами собою и недовѣріе къ правосудію исчезнетъ въ русскомъ народѣ.

Теперь, пока еще нѣтъ у насъ публичныхъ судовъ, большую часть нашихъ слѣдователей и судей можно раздѣлить на три категоріи. *Къ первой* мы отнесемъ чиновниковъ, получившихъ специальное юридическое образованіе, но незнающихъ практическаго дѣла; *ко второй* — чиновниковъ, знакомыхъ съ одной только практикой и *къ третьей* — чиновниковъ, не имѣющихъ никакого юридическаго понятія, но попавшихъ на мѣста случайно. Поэтому-то у насъ бываетъ много такихъ дѣлъ, въ которыхъ прежде всего путаются слѣдователи, потомъ судьи, а наконецъ и блюстители правосудія. Со введеніемъ публичнаго суда этого не будетъ, да не можетъ и быть. Спеціалисту, не ознакомившемуся съ практикой, не захочется ударить себя въ грязь лицомъ передъ публикой, въ особенности если его научныя свѣденія не будутъ соответствовать практическому знанію. Юсы и крючкотворцы, почерпнувшіе мудрость свою изъ мутнаго болота канцелярскаго формализма, не рѣшатся выставить себя на публичный позоръ. А тугоголовые и бездарные люди сами спрячутся отъ стыда. Чтобы быть хорошимъ слѣдователемъ, адвокатомъ или судьей, недостаточно одного образованія или навыка: для этого нужно имѣть способность, особенный складъ ума и, кромѣ того, знать характеръ и быть народа.

Многіе поклонники рутинны до сихъ еще поръ остаются при своемъ убѣжденіи, что намъ рано думать о публичныхъ судахъ, что мы еще не подготовлены, не дозрѣли до этого. «Гдѣ — говорятъ они — мы возьмемъ адвокатовъ, присяжныхъ?» Стыдно даже подумать, чтобы въ 60 милліонахъ народа не нашлось присяжныхъ и адвокатовъ. Но будутъ публичные суды — будутъ и присяжные, явятся и адвокаты.

Публичные суды принесутъ огромную пользу уже тѣмъ, что:

- 1) со введеніемъ ихъ у насъ уничтожатся протекціи и произволъ.
- 2) Участь подсудимыхъ не будетъ отягощаться продолжительной процедурой.
- 3) При публичномъ слѣдствіи и судѣ нельзя будетъ ни скрыть преступленія, ни взвалить его на невишняго.
- 4) Подкупы и взяточничество будутъ невозможны *

и 5) Недовѣріе народа къ правосудію исчезнетъ, и мѣсто его

* Наконецъ, публичные суды будутъ проводникомъ юридическихъ познаній, какъ для образованнаго общества, такъ и для простаго народа.

заступитъ вѣра въ оправедливость, въ ненарушимость закона и при этомъ будетъ болѣе уваженія и къ судебной власти.

При настоящемъ положеніи связаны и слѣдователь и судья. Случается, что подсудимый, сознавшій въ преступленіи на слѣдствіи, отвергаетъ свое сознаніе въ судѣ, жалуется на пристрастные допросы, на злоупотребленія, тогда какъ этого иногда и не было.

Негласные суды не даютъ и подсудимому достаточной гарантіи. Иногда слѣдователь, привыкшій видѣть почти въ каждомъ подсудимомъ преступника, старается не о томъ, чтобы раскрыть всѣ обстоятельства преступленія, но о томъ, чтобы заставить обвиняемаго сознаться, и позволяетъ себѣ при этомъ такіа дѣйствія, какія воспрещены закономъ. Онъ предлагаетъ подсудимому сбывчивые вопросы, *ловит* его на каждомъ словѣ, самымъ даже отвѣтамъ даетъ совершенно превратный смыслъ и тѣмъ не только вутааетъ подсудимаго, но затемняетъ и самое дѣло. Не рѣдко также слѣдствіе производится безъ полноты, ясности, безъ толку, безъ смысла, и при разсмотрѣніи его судъ вынужденъ бываетъ возвратить его для дополненія. Но иногда и такіа дослідованія не ведутъ ни къ чему: дѣло снова поступаетъ въ судъ съ недостатками. Не понимающій своей обязанности слѣдователь и радъ бы его окончить какъ должно, но у него не хватаетъ на это ни знанія, ни ума. Иногда опять темнота въ дѣлахъ бываетъ умышенная. Случается также, что судъ не замѣчаетъ этой темноты или недостатковъ. Такимъ образомъ дѣло тянется на нѣсколько лѣтъ.

Для примѣра приводимъ дѣло о крестьянахъ Карповѣ и Науновѣ и крестьянкахъ Ильиной и Богдановой, судившихся по подозрѣнію въ убійствѣ помѣщика Ухотскаго. Подробный процессъ этого дѣла напечатанъ въ майской книжкѣ «Журнала Министерства Юстиціи *».

Чтобы дать нашимъ читателямъ полное понятіе объ этомъ процессѣ, мы выписываемъ его почти въ такой же подробности, какъ онъ былъ напечатанъ.

Въ концѣ января 1848 года возвратился въ свое помѣстье,

* Въ 8 номерѣ этого журнала (за августъ) помѣщенъ интересный процессъ «объ убійствѣ дворянки Марьи Алтуховой.» Дѣло объ этомъ убійствѣ началось въ 1813 г. и кончилось въ 1824 г. Тяжело станвится на душѣ, когда читаешь подобные процессы. Процессъ объ убійствѣ Алтуховой даетъ полное понятіе и о судахъ тогдашняго времени и о злоупотребленіяхъ чиновниковъ.

село Малыгино (тверской губернии, весьегонскаго уѣзда) отставной штабсъ-капитанъ Ухотскій. Вскорѣ онъ опасно заболѣлъ и въ началѣ февраля слегъ въ постель. Во время болѣзни, его постоянно навѣщалъ священникъ. Вечеромъ 11-го февраля Ухотскій уже просилъ священника исповѣдать его; 12-го онъ приобщился, а на слѣдующее утро пригласилъ священника отслужить молебенъ, но, до разсвѣта еще этого дня, къ священнику пріѣхалъ кучеръ Герасимовъ, посланный камердинеромъ Ухотскаго, Карповымъ, съ извѣстіемъ, что баринъ скончался. По пріѣздѣ въ село Малыгино, священникъ нашолъ Ухотскаго уже лежащимъ на столѣ и одѣтымъ. Подозрѣнія, чтобы Ухотскій умеръ не своею смертію не было — и его похоронили.

По смерти Ухотскаго, село Малыгино перешло во владѣніе родственницы его Ковалевской, мужъ которой жилъ въ харьковской губернии и поручилъ управление селомъ Малыгинимъ бывшему камердинеру Ухотскаго — дворовому человѣку Карпову.

Спустя, по смерти Ухотскаго, три съ половиною года, Ковалевскій, недовольный неоправдностью Карпова, въ присылкѣ ему доходовъ, самъ пріѣхалъ въ село Малыгино и 23-го сентября 1851 года объявилъ весьегонскому земскому суду, что Ухотскій умеръ не естественною смертію, а былъ задушенъ своими крѣпостными людьми.

Въ своемъ объявленіи Ковалевскій объяснялъ, что, по не присылкѣ ему Карповымъ доходовъ съ имѣнія, ввѣреннаго его управленію, онъ послалъ Карпову приказаніе явиться къ нему въ его харьковское имѣніе, но Карповъ бѣжалъ, однакожь былъ пойманъ и отправленъ въ г. Весьегонскъ, куда между тѣмъ пріѣхалъ и Ковалевскій. Здѣсь онъ обѣщалъ ему отправиться въ село Малыгино, обманувъ его, скрылся и вскорѣ снова былъ пойманъ на бродяжничествѣ около Малыгина. По пріѣздѣ Ковалевскаго въ весьегонскій уѣздъ до него дошли *«какіе-то темные, двусмысленные намеки»* о томъ, что Ухотскій умеръ не естественною смертію, *«а при содѣйствіи»* Карпова. Желая повѣрить эти слухи, Ковалевскій вознамѣрился, если возможно, *«разными ухищреніями»* вывѣдать отъ Карпова истину. На первые распросы въ Весьегонскѣ, Карповъ во всемъ заперся, но когда онъ обѣщалъ ему *«полное прощеніе въ растратѣ имуществва, увѣрялъ его, что если онъ во всемъ сознается, то будетъ свободенъ, и наконецъ обѣщаль ему вольно отпустить»*, тогда Карповъ сознался, что слышалъ объ удеше-

ни Ухотскаго отъ крестьянки Богдановой. Потомъ Ковалевскій *sursum* у Карпова сознание, что Ухотскій, уже больной, былъ задушенъ крестьяниномъ Степаномъ Наумовымъ Бочковымъ, съ помощію крестьянки Ильиной, державшей Ухотскаго за ноги. Самъ же Карповъ и крестьянка Богданова ожидали въ передней совершенія преступленія, на которое было у нихъ общее согласіе. Это сознание сдѣлано было Карповымъ при двухъ приглашенныхъ Ковалевскимъ сосѣднихъ помѣщикахъ—Веселаго и Литтебрантъ. Ильина при помѣщикѣ Веселаго созналась въ участіи въ убійствѣ, а при Литтебрантъ отъ признанія отперлась.

Къ объявленію своему Ковалевскій присовокупилъ, что главный виновникъ убійства, крестьянинъ Степанъ Наумовъ Бочковъ, отлучился въ саратовскую губернію по билету, незаконно выданному ему Карповымъ, что Карповъ, живя въ селѣ Малыгинѣ, пьянствовалъ, велъ развратную жизнь и былъ въ незаконной связи съ крестьянками Ильиной и Богдановой.

Вслѣдствіе этого объявленія, полученнаго въ земскомъ судѣ 24-го сентября, составлено было временное отдѣленіе, которое приступило къ изслѣдованію 28-го сентября и продолжало свои дѣйствія до 30-го сентября.

На первомъ допросѣ Карповъ, спрошенный со священническимъ увѣщаніемъ, отвергъ взводимое на него обвиненіе и показалъ, что онъ не сознавался Ковалевскому въ убійствѣ и что Ухотскій умеръ въ ночь съ 13-го на 14-е февраля 1848 г. послѣ тринадцатидневной болѣзни.

Богданова спрошена была безъ священническаго увѣщанія. Она показала, что на убійство Ухотскаго былъ общій уговоръ: ея, Карпова, Ильиной и Бочкова, но самое убійство совершено было Наумовымъ (Бочковымъ) и Ильиной. Это показаніе подписано одними слѣдователями, которые составили актъ, что когда приказано было Богдановой довѣрить, за неграмотность ея, подписать кому-либо его, то она отреклась отъ своего добровольнаго признанія и утверждала, что Ухотскій умеръ естественной смертію.

По показанію крестьянки Ильиной, Ухотскаго задушилъ крестьянинъ Наумовъ, а ей приказано было держать его за ноги. Но и это показаніе подписано одними только слѣдователями и составленъ такой же актъ, какъ и о Богдановой.

Спрошенный по ссылкѣ Ковалевскаго помѣщикъ Веселаго, 24-го (не двадцать-ли девятаго?) сентября подъ присягою показалъ,

что дѣйствительно, по приглашенію Ковалевскаго, онъ пріѣзжалъ въ село Малыгино, гдѣ при немъ дворовый человекъ Карповъ сознавался, что онъ, Богданова, Ильина и Бочковъ, стоворились убить Ухотскаго, но убійство совершено было Бочковымъ, который удушилъ Ухотскаго подушкою, съ помощью Ильиной, державшей его за ноги. Въ этомъ созналась при немъ и Ильина, но по пріѣздѣ помѣщика Литтебранта отъ своего признанія отрекался, не смотря даже и на улики Карпова.

Это показаніе подтвердилъ подъ присягою и Литтебрантъ.

30-го сентября Карповъ снова былъ допрошенъ со священническимъ увѣщаніемъ. На этотъ разъ онъ уже сознался, что Ухотскій убитъ былъ въ ночь съ 13-го на 14-е февраля 1848 года, что убійство совершено Наумовымъ съ помощью Ильиной, и что на совершеніе убійства былъ общій, возбужденный жестокостью Ухотскаго уговоръ, его—Карпова, Богдановой, Ильиной и Наумова.

Слѣдователи составили актъ, что Карповъ, послѣ признанія, стоялъ передъ Ковалевскимъ на колѣняхъ и просилъ у него прощанія.

Въ тотъ же день Ильина и Богданова показали, что и онѣ сознаются въ преступленіи и вполне подтверждаютъ показанія Карпова.

Священникъ Труневъ на вопросы слѣдователей о болѣзни, исповѣди, приобщеніи и смерти Ухотскаго показалъ, согласно вышеизложенному, но въ показаніи его, между прочимъ, значилось, что смерть Ухотскаго послѣдовала съ 12-го на 13-е февраля, тогда какъ прочія свидѣтельскія показанія говорятъ, что Ухотскій умеръ съ 13-го на 14-е февраля.

Этимъ временное отдѣленіе и окончило свои дѣйствія; подсудимые 1-го октября 1851 года отправлены были въ весьегонскую тюрьму, а дѣло 12-го октября же препровождено въ земскій судъ.

Съ этого времени до 17-го августа 1852 г. производилась переписка объ отысканіи крестьянина Степана Наумова Бочкова, отлучившагося въ саратовскую губернію. Но по не отысканію Наумова дѣло представлено было въ весьегонскій уѣздный судъ, который вызвалъ подсудимыхъ Карпова, Ильину и Богданову въ свое присутствіе и подвергнулъ ихъ 22-го августа 1852 года * священническому увѣщанію и передопросу.

* Въ подлинникѣ 1851 г. но это видимая ошибка.

По передопросѣ Карповъ отвергнуть сдѣланное имъ въ сентябрѣ 1851 года временному отдѣленію сознание въ убійствѣ, объясняя, что Ухотскій умеръ отъ болѣзни и что хотя помѣщику Ковалевскому и временному отдѣленію онъ и сознавался въ преступленіи, но это обвиненіе взвелъ на себя ложно, будучи въ то время въ безпамятствѣ, оттого, что предъ отобраніемъ отъ него послѣдняго допроса содержался 17-ть сутокъ въ хлѣбѣ, гдѣ давали ему по фунту хлѣба и по бутылкѣ воды въ сутки.

Также точно показали на передопросѣ Ильина и Богданова.

На жалобы подсудимыхъ сначала не было обращено вниманія и дѣло въ ревизіонномъ порядкѣ восходило до правительствующаго сената, который указомъ отъ 10-го декабря 1852 года предписалъ произвести по этимъ жалобамъ слѣдствіе и дополнить дѣло допросомъ крестьянина Герасимова. Вместе съ тѣмъ правительствующій сенатъ принялъ во вниманіе, что Наумовъ отлучившійся въ саратовскую губернію, по произведенному розыску не отысканъ, а между тѣмъ оказывается что начальникъ курской губерніи, отношеніемъ отъ 29-го іюня 1852 года, уведомилъ тверское губернское правленіе, что въ курской арестантской ротѣ находился арестантъ Степанъ Науменко, который судился въ саратовской уголовной палатѣ за побѣгъ и имѣніе фальшиваго билета и былъ присланъ въ роты изъ саратовскаго губернскаго правленія на два года, по окончаніи же этого срока 14-го мая 1852 года отправленъ въ камышинскій земскій судъ, для водворенія на мѣстѣ жительства. Имѣя въ виду, что этотъ Степанъ Науменко можетъ быть оговоренный въ убійствѣ Степанъ Наумовъ, сенатъ предписалъ произвести о немъ розысканіе.

Вслѣдствіе этого указа тверская уголовная палата, сдѣлавъ распоряженіе о новомъ розысканіи крестьянина Степана Наумова, предписала 20-го февраля 1853 года (не скоро же!) весьегонскому земскому суду допросить крестьянина Герасимова и въ то же время просила губернское правленіе поручить особому чиновнику, *помимо весьегонскаго земскаго суда*, произвести изслѣдованіе по жалобамъ подсудимыхъ.

Въ исполненіе требованія палаты, губернское правленіе 16-го марта 1853 года поручило производство изслѣдованія чиновнику Малиновскому, потомъ, за болѣзнію его, передало это порученіе чиновнику Вырвичу и наконецъ, по полученіи и отъ этого доносенія о занятіи другими дѣлами, возложило его 25-го мая

1853 года на ассесора губернскаго правленія Шишкова, который приступилъ къ производству изслѣдованія 25-го іюля.

Пока происходила переписка о передачѣ изслѣдованія отъ одного чиновника къ другому, весьегонскій земскій судъ, въслѣдствіе указа палаты, сдѣлалъ распоряженіе о допросѣ крестьянина Герасимова. Земскій исправникъ, участвовавшій въ составѣ временнаго отдѣленія (а не забудьте, читатель, что допросить Герасимова палата требовала помимо весьегонскаго земскаго суда), не ограничился однимъ допросомъ Герасимова но приступилъ къ обслѣдованію и самой жалобы подсудимыхъ на изнурительное содержаніе ихъ подъ стражею.

Бывшій староста села Малыгина крестьянинъ Егоровъ, спрошенный земскимъ исправникомъ 31-го марта 1853 года, подъ присягою, показалъ, что дѣйствительно Карповъ, Багданова и Ильина, по приказанію помѣщика, были посажены въ разные амбары, въ которыхъ и содержались 17 сутокъ; но тогда было лѣтнее время; притѣсненій имъ не дѣлалось, пища давалась ежедневно въ достаточномъ количествѣ и они имѣли даже постели и подушки изъ сѣна. Хотя Карповъ не былъ выпускаемъ изъ амбара для естественной надобности, но изъ опасенія побѣга, а не для истязанія его.

Крестьяне, всего 7 человекъ, также подъ присягою показали, что подсудимые содержались въ амбарахъ 17 дней, но никакихъ притѣсненій не терпѣли: пищу получали ежедневно въ достаточномъ количествѣ и даже имѣли подушки изъ сѣна.

Крестьяне сосѣднихъ деревень (12 человекъ) подъ присягою отозвались незнаніемъ объ истязаніи подсудимыхъ.

Помѣщикъ Веселаго подъ присягою же показалъ, что подсудимые не были изнуряемы во время содержанія.

Свидѣтелямъ не было однакожъ дано очныхъ ставокъ съ подсудимыми и этимъ земскій исправникъ окончилъ свои изслѣдованія. Вслѣдъ затѣмъ и ассесоръ губернскаго правленія Шишковъ приступилъ къ обслѣдованію того же предмета.

При этомъ обслѣдованіи Шишковъ, распросивъ Карпова о претерпѣнныхъ имъ истязаніяхъ, подвергнувъ допросу подъ присягою и очными ставками тѣхъ самыхъ крестьянъ, которые ужъ были спрошены земскимъ исправникомъ.

Тогда староста Егоровъ показалъ, что во время содержанія Карпова въ амбарѣ Кавалевскій дѣйствительно приказалъ давать ему по одному фунту хлѣба и по бутылкѣ воды, но Егоровъ

изъ состраданія давалъ Карпову тихонько хлѣба два раза въ день, и когда шей, когда молока. Ильиной и Богдановой пища давалась также какъ и Карпову.

Изъ числа прочихъ спрошенныхъ уже земскимъ исправникомъ крестьянъ, бывшихъ при подсудимыхъ въ селѣ Малыгинѣ караульными, 7 человекъ ассесору показали:

Трое—что староста давалъ арестантамъ пищу по два раза въ день, а четверо—что по три раза. Къ этому трое изъ свидѣтелей присовокупили, что Карповъ, во время содержанія въ амбарѣ, имѣлъ въ головахъ подушку, а двое—что сверхъ того у него было сѣно на полу.

На очныхъ ставкахъ Карповъ остался при своихъ показаніяхъ, а свидѣтели частію измѣнили свои показанія. Одинъ отозвался, что видѣлъ только разъ, какъ давали Карпову пищу по два раза въ день; въ другіе же дни этого не видалъ, потому что былъ караульнымъ при Ильиной и Богдановой.

Одинъ же—что Ковалевскимъ дѣйствительно было приказано давать подсудимымъ по фунту хлѣба и по бутылкѣ воды въ сутки, но караульные, изъ состраданія, давали Карпову ѣсть и сверхъ этого. Сѣно хотя и было сначала дано, но по приказанію помѣщика вынесено.

Одинъ же показалъ, что онъ только слышалъ, будто Карпову давали пищу по три раза въ день.

Трое, показавшіе первоначально, что Карпову давали пищу по три раза въ день, отозвались, что пища ему отпускалась по два только раза.

На очныхъ ставкахъ съ Ильиной и Богдановой всѣ свидѣтели отозвались, что имъ давали пищу по два раза въ день. Ильина и Богданова отчасти подтвердили это показаніе: онѣ отозвались, что караульные дѣлали это сами, безъ приказанія Ковалевскаго, и то рѣдко, *разъ или два* въ недѣлю. *

Между тѣмъ былъ допрошенъ въ Саратовской губерніи и Степанъ Науменко. Послѣ священническаго увѣщанія онъ показалъ, что никого изъ подсудимыхъ не знаетъ, въ тверской губерніи никогда не бывалъ и даже не можетъ утвердить есть ли и въ Россіи тверская губернія, о которой онъ слышитъ въ первый разъ.

* Присяга, данная свидѣтелямъ дважды, привела лишь къ тому, что измѣнившіе свои показанія должны судиться какъ клятвеннопреступники.

6-го ноября 1853 г. начальник тверской губернии снова представил дѣло въ сенатъ, но, вслѣдствіе репорта тверской уголовной палаты объ обвиненіи крестьянина Степана Наумова, сенатъ возвратилъ его.

По доставленіи Наумова въ тверскую губернію, онъ, для предупрежденія стачки съ подсудимыми, содержавшимися въ весьегонской тюрьмѣ, заключенъ былъ въ другую тюрьму и подвергнутъ допросу въ градской полиціи.

На этомъ допросѣ (14 іюля 1854 г.) Степанъ Наумовъ показалъ: что Ухотскій пріѣхалъ въ село Малыгино въ январѣ 1848 г. больной и что къ нему ежедневно ходилъ священникъ, который предъ смертію напутствовалъ его по христіанскому обряду. О смерти Ухотскаго онъ — Наумовъ, узналъ отъ кучера Николая Герасимова, который, пріѣдя ночью въ его избу, разбудилъ его и объявилъ о смерти помѣщика. Тогда онъ одѣлся и пошелъ въ господскій домъ, гдѣ засталъ уже всѣхъ дворовыхъ людей и сталъ помогать обмывать тѣло. Объ убійствѣ Ухотскаго онъ слышитъ въ первый разъ; самъ въ убійствѣ не участвовалъ и не могъ участвовать, потому что въ ночь смерти помѣщика ночевалъ въ своей избѣ съ семействомъ и крестьянкою Ефимовою.

При этомъ же показаніи Наумовъ остался и послѣ священническаго увѣщанія, сдѣланнаго ему 19-го іюля 1854 года.

Жена Наумова подтвердила показаніе мужа.

Крестьянка Ефимова подъ присягою показала, что въ ночь смерти Ухотскаго хотя она и ночевала съ Наумовымъ въ одной избѣ, но спала крѣпко и потому не можетъ удостовѣрить выходилъ-ли онъ ночью изъ избу.

Бывшій кучеръ Ухотскаго, Герасимовъ, показалъ, что въ ночь смерти помѣщика пришла къ нему въ избу, гдѣ онъ спалъ, горничная Ильина и, разбудивъ его, велѣла ему отъ имени лакея Карпова ѣхать въ село Макарово за священникомъ по слухамъ кончины барина, который былъ передъ тѣмъ нѣсколько времени боленъ. Вслѣдствіе этого онъ тотчасъ же пошелъ въ избу Наумова, объявилъ ему о смерти Ухотскаго и просилъ его помочь ему запрячь лошадь. Наумовъ всталъ одѣлся и пошелъ съ нимъ въ конюшню. Заложивъ лошадь Герасимовъ поѣхалъ за священникомъ и привезъ его въ село Малыгино передъ свѣтомъ. Когда вошелъ онъ съ нимъ вмѣстѣ въ господскій домъ,

то нашолъ Ухотскаго уже на столѣ. При немъ находилась и всѣ дворовые.

Исправляющій должность тверскаго губернатора, представилъ во второй разъ дѣло въ правительствующій сенатъ (16-го октября 1855 года). Но сенатъ 16-го ноября 1855 г. нашолъ, что дослѣдованіе было произведено не съ должною полнотою: подсудимые, оговорившіе Наумова въ удушеніи Ухотскаго, не были передпрошены послѣ поимки Наумова и сведены съ нимъ на очную ставку. Это упущеніе весьма важно, потому что подсудимые, зная всѣ обстоятельства смерти Ухотскаго, своими уликами и даже личнымъ своимъ присутствіемъ скорѣе всего могли-бы довести Наумова до признанія. А потому сенатъ вновь препроводилъ (3-го февраля 1856 г.) дѣло къ начальнику тверской губерніи съ тѣмъ, чтобы онъ сдѣлалъ распоряженіе снова произвести разслѣдованія.

5-го апрѣля 1856 года, начальникъ тверской губерніи представилъ въ правительствующій сенатъ дополнительное дослѣдованіе.

Карповъ, Богданова и Ильина показали, что они должно оговорили Наумова въ убійствѣ Ухотскаго. Но какъ имъ не было дано съ Наумовымъ очной ставки, то сенатъ 31 мая 1856 г., снова возвратилъ дѣло къ начальнику губерніи, находя, что, по дослѣдованіи этого дѣла, его надлежало передать въ судебное мѣсто для разсмотрѣнія новыхъ обстоятельствъ и для сужденія Наумова вмѣстѣ съ прочими.

На очныхъ ставкахъ всѣ подсудимые единогласно показали, что они не виноваты въ убійствѣ Ухотскаго, умершаго естественной смертью.

Между тѣмъ, во время производства изслѣдованія по жалобамъ подсудимыхъ на изнуреніе содержаніемъ ихъ подѣ стражею, помѣщикъ Веселаго былъ вновь допрошенъ подѣ присягою. На этотъ разъ его показанія ужь различествуютъ отъ показаній, данныхъ имъ прежде.

Прежде онъ показывалъ, что пріѣзжалъ въ село *Малыино по приглашенію* Ковалевскаго, *здѣ и былъ свидѣтелемъ признанія Карпова*, а на второмъ допросѣ показалъ, что Карповъ былъ сначала арестованъ вотчиннымъ управленіемъ за побѣгъ, но потомъ, по пріѣздѣ Ковалевскаго въ г. Весьегонскъ былъ имъ прощенъ и отпушенъ по билету въ Малороссію. Недѣля полторы спустя, Ковалевскій былъ въ усадьбѣ Веселаго Пылевъ и здѣсь

получилъ отъ Карпова записку, въ которой этотъ просилъ позволенія лично явиться къ Ковалевскому, обѣщаясь сознаться съ своею винѣю, т. е. удушеніи Ухотскаго. Тотчасъ же за Карповымъ посланы были люди; они отыскали его въ питейномъ домѣ, привели въ *усадыбу Пылево*, гдѣ онъ во всемъ и сознался.

Затѣмъ уже и Ковалевскій въ просьбахъ, поданныхъ имъ въ уѣздный судъ и уголовную палату объяснилъ, что дѣйствительно, бывши въ домѣ Веселаго, онъ получилъ отъ Карпова записку съ просьбою о свиданіи и съ обѣщаніемъ сознаться въ своемъ преступленіи. Карповъ былъ призванъ и сдѣлалъ признаніе въ убійствѣ. Записки Карпова онъ потому не представилъ при своемъ объявленіи, что за сдѣланнымъ уже Карповымъ признаніемъ, не считалъ ее важною. А въ опроверженіе жалобы подсудимыхъ, на изнуреніе ихъ подъ стражею, отвѣчалъ, что подсудимые были арестованы послѣ уже признанія Карпова и содержались подъ стражею 17 дней, до прибытія на мѣсто временнаго отдѣленія.

Въ объявленіи, поданномъ земскому суду, Ковалевскій обвинялъ Карпова въ самовольной выдачѣ билета Бочкову въ саратовскую губернію, что на первомъ допросѣ было подтверждено и Карповымъ. Но послѣ того, какъ Бочковъ былъ задержанъ въ Саратовѣ, Карповъ показалъ, что Бочковъ отлучился самовольно, безъ всякаго вида и даже вслѣдствіе притѣсненій его. На очной ставкѣ съ Бочковымъ онъ уже отозвался, что не выдавалъ ему билета, а прежде показалъ это на себя по принужденію Ковалевскаго. Да и Бочковъ при задержаніи его въ саратовской губерніи показалъ, что въ Саратовѣ онъ жилъ по фальшивому виду, составленному для него коллежскимъ регистраторомъ Мошковымъ и что послѣ того, по просьбѣ двухъ бѣглыхъ крестьянъ Бородина и Кузнецова, онъ свелъ ихъ съ этимъ же Мошковымъ, который и для нихъ составилъ фальшивые билеты.

Бородинъ и Кузнецовъ подтвердили это показаніе.

Въ данной уѣздному суду подпискѣ, Бочковъ отозвался, что во время производства слѣдствія и суда ему пристрастныхъ допросовъ не было, а Карповъ, Богданова и Ильина показали, что въ уѣздномъ судѣ имъ пристрастія не было, но въ началѣ слѣдствія исправникъ и страпчій дозволяли, вмѣсто себя, допрашивать ихъ Ковалевскому. Къ этому Богданова присовокупила, что

хандарискій полковникъ Дурново, когда она повторяла на допросѣ одни и тѣже слова, ударилъ ее чубукомъ по лицу.

Весьегонскій уѣздный судъ 10 сентября 1856 г. постановилъ: 1) крестьянина Гавриила Карпова, за убійство помѣщика своего Ухотскаго, безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, и *въ раздраженіи* (?), въ чемъ онъ самъ сознался, на основаніи 123 ст. 10 п. 135 ст. и 2 п. 1,926 ст. улож. изд. 1842 г., лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказатъ публично на мѣстѣ преступленія 75 ударами и по наложеніи клеймъ сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 13½ лѣтъ; 2) крестьянокъ Ильину и Богданову, какъ участницъ въ означенномъ убійствѣ, наказатъ розгами чрезъ полицейскихъ служителей: Ильину—45 ударами и сослать въ каторжную работу на заводахъ на 4 года и 8 мѣсяцевъ, а Богданову—35 ударами и сослать въ каторжную работу на заводахъ на 3 года и 4 мѣсяца; 3) крестьянина Степана Наумова, по участію въ задушеніи Ухотскаго, на основаніи 1,177 ст. XV т. изд. 1842 г., по имѣющимся въ дѣлѣ уликамъ, оставить въ подозрѣніи, а за приобрѣтеніе фальшиваго вида... Но это уже побочное обстоятельство и мы не будемъ о немъ говорить.

Тверская уголовная палата 19 октября 1856 г. утвердила мнѣніе весьегонскаго уѣзднаго суда. Приговоръ палаты былъ пропущенъ губернскимъ прокуроромъ. Начальникъ губерніи съ нимъ согласился и при рапортѣ отъ 1 января 1857 г. представилъ дѣло въ сенатъ. При разсмотрѣніи этого дѣла пять сенаторовъ полагали признать подсудимыхъ невиновными въ убійствѣ Ухотскаго и наказатъ Наумова за приобрѣтеніе фальшиваго вида, а одинъ сенаторъ находилъ подсудимыхъ виновными въ убійствѣ. Но исправлявшій должность оберъ-прокурора 1-го отдѣленія 5-го департамента далъ правительствующему сенату предложеніе.

Чтобы не утомить нашихъ читателей, мы не станемъ выписывать всѣхъ подробностей этого предложенія, написаннаго съ твердымъ и логическимъ взглядомъ на всѣ обстоятельства дѣла и приводимъ здѣсь одно лишь заключеніе.

«При неимѣніи въ виду достовѣрныхъ поводовъ къ первоначальному возбужденію на подсудимыхъ подозрѣнія и при отсутствіи какихъ-либо обвинительныхъ свидѣтельскихъ показаній, учиненное подсудимыми признаніе, отмѣненное ими впоследствии, опровергнутое въ подробностяхъ обстоятельствами дѣла и сомнительное въ отношеніи непринужденности учиненія онаго, не

заключаетъ въ себѣ качествъ достовернаго доказательства и что при необнаруженіи дѣйствительности самаго факта убійства, никакое обвиненіе въ семъ преступленіи не можетъ вѣсть мѣста и подсудимые должны быть по сему предмету освобождены отъ суда».

Въ предложеніи г. исправляющаго должность оберъ-прокурора было все принято во вниманіе; наприимѣръ онъ писалъ:

«По закону т. XV св. зак. угол. ст. 1,181, основанному на логическомъ требованіи строгой справедливости, одно сознаніе обвиняемаго не составляетъ доказательства вины, точно также, какъ одно ничѣмъ не подкрѣпленное отрицательство его не составляетъ доказательства невинности.

«Для того, чтобы признаніе подсудимаго составляло совершенное доказательство его виновности, законъ требуетъ, чтобы это признаніе, облеченное въ законную форму и данное добровольно, было совершенно сходно съ происшедшимъ дѣйствіемъ.

«Посему, для правильнаго обсужденія изобличительной оны сдѣланнаго подсудимыми сознанія въ убійствѣ, надлежитъ прежде всего разрѣшить вопросъ о томъ: доказано-ли самое существованіе того преступленія, въ коемъ они сознались, т. е. дѣйствительна-ли смерть помѣщика Ухотскаго была насильственной?»

Послѣдующія и болѣе важныя обстоятельства мы изложимъ вкратцѣ:

Подозрѣніе въ убійствѣ возбуждено было уже чрезъ 3½ часа по смерти Ухотскаго, но и при производствѣ слѣдствія никто не выразилъ ни сомнѣнія въ естественной смерти покойнаго, ни подозрѣнія на подсудимыхъ.

Медицинскаго свидѣтельства тѣлу не было, а вырваніе его изъ земли, спустя три года послѣ кончины—какъ говорится въ предложеніи—«едва ли и могло повести къ какимъ-либо положительнымъ фактамъ».

«При отсутствіи положительныхъ фактовъ, доказывающихъ существованіе преступленія, остается одно лишь о томъ предположеніе.

«Смерть Ухотскаго могла быть и слѣдствіемъ болѣзни, потому что нельзя съ большею вѣроятностію предположить, чтобы подсудимые могли рѣшиться совершить убійство и тѣмъ подвергнуть самихъ себя опасности строгаго наказанія въ такое вре-

ня, когда болѣзнь Ухотскаго усиллась уже до такой степени, что онъ исповѣдался и причастился».

Далѣе указано на подозрѣніе. По собственнымъ словамъ Ковалевскаго, поводомъ къ подозрѣнію были какіе-то *темные, двусмысленные намеки*, а сознание было *вырвано* у Карпова и для этого употреблены *разныя ухищренія, обещаніе полной свободы и вольноотпускной*.

Въ самомъ опроверженіи жалобъ подсудимыхъ Ковалевскій противорѣчить себѣ. Напримѣръ, онъ объясняетъ, что подсудимые содержались 17 дней въ ожиданіи временнаго отдѣленія, между тѣмъ какъ объявленіе подано имъ было 23 сентября, а временное отдѣленіе пріѣхало 28 сентября—не черезъ 17 дней, а на пятый день.

Наконецъ, прежде Ковалевскій объявлялъ, что подозрѣніе родилось въ немъ вслѣдствіе какихъ-то темныхъ слуховъ, а потомъ уже пишетъ, что поводомъ къ подозрѣнію была собственноручная записка Карпова, которая однакожь къ дѣлу не представлена.

По выслушаніи этого предложенія, сенаторъ, находившій подсудимыхъ изобличенными въ убійствѣ Ухотскаго, остался при своемъ мнѣніи, и дѣло перешло въ общее собраніе сената.

Здѣсь послѣдовали четыре разныя мнѣнія. *Восемь* сенаторовъ принимали предложеніе исправлявшаго должность оберъ-прокурора; *девять*—соглашаясь съ мнѣніемъ осьми, полагали въ то же время предать Ковалевскаго уголовному суду, за незаконныя его дѣйствія, обнаруженныя слѣдствіемъ; *четыре* сенатора полагали Карпова, Ильину и Богланову оставить въ подозрѣніи по убійству и наконецъ одинъ сенаторъ находилъ этихъ подсудимыхъ виновными въ убійствѣ.

Министръ юстиціи, по разсмотрѣніи дѣла на консультаціи, принималъ мнѣніе исправляющаго должность оберъ-прокурора и далъ предложеніе общему собранію сената. По выслушаніи этого предложенія 28-го марта 1858 г., составилось узаконенное большинство голосовъ и дѣло, тянувшееся 6½ лѣтъ, наконецъ было рѣшено.

Теперь вы видите, читатель, какую страшную и возмущающую путаницу родилъ этотъ процессъ по милости Ковалевскаго и членовъ временнаго отдѣленія. При публичномъ судѣ этого быть не можетъ никогда. Имъ будутъ гарантированы не только дѣйствія слѣдователей, но и показанія подсудимыхъ. Съ одной

стороны невозможны будутъ ни притязанія, ни истязанія, ни ухищренія и ни пристрастія, а съ другой—самому отчаянному и изворотливому плуту нельзя уже будетъ измѣнять своихъ показаній по нѣскольку разъ или отречься отъ нихъ совершенно.

Всѣ неясности и упущенія по дѣлу, какія при настоящемъ порядкѣ слѣдственной части встрѣчаются не рѣдко, будутъ устранены адвокатурою, которая вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ и гарантіей подсудимаго.

Въ настоящее время защита подсудимаго хотя и возлагается на стряпчихъ, но въ дѣлахъ грабежа, разбоя, убійствъ и другихъ не менѣе важныхъ, стряпчіе присутствуютъ, какъ члены и должны наблюдать, чтобы къ обнаруженію преступленій были всѣ законныя мѣры. Такимъ образомъ въ одномъ ихъ лицѣ сосредоточиваются двѣ обязанности: одна — *карательная*, а другая—*защитительная*; многіе изъ стряпчихъ не знаютъ даже сами, въ чемъ именно заключается ихъ прямая обязанность. Защищая подсудимаго, стряпчій можетъ иногда возбудить подозрѣніе въ слѣдователѣ—не клонится-ли эта защита къ сокрытію виновнаго. Преслѣдуя же преступленіе, онъ подвергается жалобамъ со стороны обвиняемаго, который, жалуясь, при подтвержденномъ допросѣ въ судѣ, на пристрастные допросы, привлекаетъ къ отвѣтственности и стряпчаго. Въ этомъ случаѣ стряпчій, нѣкоторымъ образомъ, поставляется въ зависимость отъ того мѣста, за дѣйствіями котораго онъ обязанъ наблюдать. Отъ этого-то многіе стряпчіе (въ особенности не твердо знающіе свою обязанность), какъ на дѣйствія слѣдователей, такъ и всѣхъ почти вѣрренныхъ надзору ихъ мѣстъ и лицъ смотрятъ сквозь пальцы. При слѣдствіяхъ они подписываютъ безпрекословно все, что угодно бываетъ написать отъ подсудимаго слѣдователю или главному члену временнаго отдѣленія, а при просмотрѣ опредѣленій суда утверждаютъ своимъ пропускомъ такіа рѣшенія, которыя вопіютъ противъ совѣсти и закона.

Нельзя также не обратить вниманія на странность пропуска стряпчими судебныхъ рѣшеній. По заведенному у насъ порядку, къ просмотру стряпчаго посылается сначала журнальное постановленіе суда, а потомъ уже опредѣленіе, вмѣстѣ съ запискою изъ дѣла. Въ журнальномъ постановленіи заключается одна только резолюція. Оно пишется такъ: *слушали записку изъ дѣла* такого-то. Здѣсь выписывается одно лишь содержаніе дѣла и затѣмъ слѣдуетъ — *приказали*. Читая резолюцію, стряпчій ви-

дѣть, что, по изложеннымъ въ ней обстоятельствамъ, законы подведены правильно и согласіе свое съ рѣшеніемъ суда утверждаетъ подписью: *читалъ*. Но послѣ, когда онъ просматриваетъ опредѣленіе вмѣстѣ съ запискою изъ дѣла, то видитъ напримѣръ, что въ резолюціи опущены довольно важныя обстоятельства, проливающія на дѣло совѣтъ иной свѣтъ, т. е. оправдывающія или обвиняющія подсудимаго, или смягчающія его вину. Хотя по закону стряпчій и имѣетъ право требовать къ себѣ сообщенія всякаго дѣла, но мы говоримъ о томъ, что изъ резолюціи-то ему нельзя видѣть всѣхъ подробностей, заключающихся въ самомъ дѣлѣ. Подробности излагаются въ запискѣ, а записка при журнальномъ постановленіи не посылается. Теперь вопросъ: можетъ-ли стряпчій протестовать, когда уже имъ дано было прежде согласіе? Вѣдь нельзя же по одному дѣлу давать двухъ различныхъ мнѣній. Наконецъ, мы не можемъ никакъ объяснить себѣ и самой цѣли стряпческихъ протестовъ, потому что эти протесты не останавливаютъ исполненія судебныхъ постановленій.

Обратимъ теперь вниманіе на самую проволочку дѣтъ, продолжающуюся иногда по нѣскольку лѣтъ. Положимъ еще, что подсудимый виноватъ, что онъ самъ тянетъ и путаетъ свое дѣло для того, чтобы или отдалить слѣдующее ему наказаніе, или ускользнуть и совершенно изъ рукъ правосудія. Но если подсудимый невиненъ, если онъ взятъ въ тюрьму по произволу слѣдователя или по кривому взгляду на дѣло судьи, то каково должно быть положеніе этого несчастнаго, въ особенности если онъ обвиняется не обстоятельствами дѣла, а злостью или, что всего хуже, изъ гнусныхъ и подлыхъ видовъ взяточничества. А вѣдь это бываетъ.

Намъ извѣстно также, что наши уѣздные суды, при поступленіи въ нихъ арестанскихъ дѣлъ, не рассматриваютъ, законно или незаконно заключенъ обвиняемый подъ стражу, а обращаютъ вниманіе на одну лишь полноту дѣла и если оно оказывается не полнымъ, то требуютъ дополненіе. Но случается, что тѣ лица, которыхъ слѣдовало спросить въ качествѣ свидѣтелей или прикосновенныхъ къ преступленію, уѣзжаютъ, и одно только розысканіе ихъ длится иногда цѣлый годъ, а обвиняемый все сидитъ въ тюрьмѣ. Наконецъ, когда дѣло получаетъ уже надлежащую полноту и судъ приступаетъ къ рѣшенію его, подсудимый оказывается невиннымъ или освобождается изъ подъ

стражи по бездоказательности его вины. За что же, спрашивается, томился онъ цѣлый годъ, тѣмъ болѣе, если и попалъ-то въ тюрьму по произволу слѣдователя?

Пишущій эти строки не можетъ пропустить возмущающаго душу факта, стоявшаго подсудимому жизни.

Вятской губерніи, глазовскаго уѣзда, изъ церкви села Бѣльскаго, украдены были деньги, болѣе 3,000 руб. сереб. Пріѣхало временное отдѣленіе, стало розыскивать виновниковъ кражи и заподозрило въ ней причетника того села, Кибардина. Надобно замѣтить, что церковный причтъ не жаловалъ Кибардина. Кто-то сказалъ, или распустилъ слухъ, что въ ту ночь, какъ украдены были деньги, Кибардинъ отлучался изъ дому. У окна, въ которое влѣзалъ воръ, осталась веревка, свитая на лѣвую руку, а такъ вилъ веревки работникъ Кибардина. Слѣдователи не позаботились развѣдать не вѣтъ-ли такимъ же образомъ веревки кто-нибудь изъ жителей окрестныхъ деревень. Благо, что нашли къ кому придрататься: едѣлали у Кибардина обыскъ и на подолокѣ, въ сору, отрыли старое долото. Ящикъ, гдѣ хранились деньги, былъ деревянный; кража денегъ произведена со взломомъ и на крышкѣ ящика остались знаки, произведенные орудемъ взлома. Примѣряли долото къ этимъ знакамъ и къ одному изъ нихъ оно какъ *будто бы* подошло.

Слѣдователи составили актъ, утвержденный, впрочемъ, и 12 понятными, что долото, найденное у Кибардина на подолокѣ, есть то самое, которымъ сдѣланъ взломъ.

Окно, въ которое влѣзалъ воръ, по глазомѣру казалось довольно тѣснымъ для того, чтобы въ него пролѣзъ Кибардинъ (онъ былъ высокаго роста и имѣлъ широкія плечи), но слѣдователи и надъ этимъ не задумались: они составили актъ еще *курьезнѣе* перваго. «Хотя, говорилось въ этомъ актѣ, Кибардину и приказано было въ окно влѣзть, но онъ по упорству своему въ оное не полѣзъ; крестьянинъ же одинаковаго съ Кибардинымъ роста, хотя и съ затрудненіемъ, но пролѣзъ въ означенное окно».

Кибардина разлучили съ семействомъ, взяли подъ строгій караулъ и употребляли всѣ способы, чтобы вынудить у него сознаніе. Кибардинъ показывалъ, что онъ невиненъ, жена его тоже, но впоследствии на него показалъ родной его сынъ. Вотъ какъ это случилось: Когда всѣ обстоятельства на мѣстѣ были изслѣдованы, оставалось допросить двухъ сыновей Кибардина;

увѣншихся въ Глазовской духовной школѣ. Сначала оба они говорили, что ничего не знаютъ, а потомъ вдругъ одинъ изъ нихъ мальчикъ лѣтъ 11, даетъ показаніе, что доски изъ церкви действительно укралъ его отецъ, вмѣстѣ же съ нимъ отвезъ ихъ въ лѣсъ и зарылъ ихъ землю. Однакожъ мѣста, гдѣ они были зарыты, показать не могъ. Показаніе отъ мальчика отобрано было на цѣлыхъ двухъ листахъ и съ такими тонкостями и подробностями, что нужно было удивляться, какъ могъ 11-лѣтній ребенокъ дать такое логическое и умное показаніе.

По окончаніи слѣдствія—а оно тянулось мѣсяца четыре—дѣло представлено было въ уѣздный судъ, а Кибардинъ отдалъ подъ строгій полицейскій надзоръ. Въ это время въ г. Глазовъ назначенъ былъ новый стряпчій. Кибардинъ обратился къ нему.

Разсмотрѣвъ дѣло, стряпчій нашолъ:

1) Актъ объ орудіи, которыми разломанъ ящикъ, составленъ былъ уже послѣ того, какъ найдено долото, и къ составленію этого акта не были приглашены эксперты.

2) Не разслѣдовано—одинъ-ли работникъ Кибардина вилъ веревки на лѣвую руку и не вилъ-ли ихъ кто-нибудь такъ изъ жителей окрестныхъ селеній.

3) Была-ли физическая возможность, соображаясь съ тѣлосложеніемъ обвиняемаго, пролѣзть въ окно, черезъ которое совершена кража.

и 4) Показаніе отъ сына Кибардина было составлено, а не писано со словъ мальчика, потому что слишкомъ уже отзывалось крючкотворной казуистикой и щеголяло духовнымъ краснорѣчіемъ.

Стряпчій далъ предложеніе уѣздному суду сдѣлать новое свидѣтельство ящику, пространству окна и тѣлосложенію Кибардина.

Эксперты—плотники и столяры (они были приведены къ присягѣ)—осмотрѣвъ внимательно сдѣланные на ящикѣ знаки, признали ихъ за знаки топора и тутъ же показали на опытѣ разницу между знаками долота и топора. Долото сначала имъ не было показано, но послѣ, когда уже они единогласно сказали, что ящикъ разломанъ топоромъ.

Вотъ уже одинъ актъ былъ опровергнутъ. Свидѣтельство окону подверглось такой же участи. Для того, чтобы положительно опредѣлить могъ-ли Кибардинъ пролѣзть въ окно, сдѣланы были двѣ деревянныя рамы: одна—сообразная точному размѣру

окна, а другая—на дюймъ шире во всё стороны. Оказалось, что и въ эту-то послѣднюю раму Кибардинъ рѣшительно не могъ пролѣсть. Опытъ сдѣланъ былъ такъ, что сначала Кибардина забинтовали, а потомъ стали примѣрять ему рамки.

Кибардинъ былъ освобожденъ изъ подъ надзора полиціи, потому что въ дѣлѣ, кромѣ показанія сына, не было никакихъ доказательствъ, чтобы кража совершена была имъ; дѣти же по закону не могутъ свидѣтельствовать противъ своихъ родителей.

Теперь мы попросимъ читателя обратить его вниманіе на слѣдующія обстоятельства.

У благочиннаго села Бѣльскаго осталась номерація украденнымъ деньгамъ. Списки съ этой номераціи разосланы были во всё волостныя правленія и расправы (тогда еще существовали расправы) для того, чтобы каждый сборщикъ податей при взносѣ ихъ крестьянами могъ справиться, не внесеть-ли кто-нибудь денегъ за тѣмъ №, какой значится въ спискѣ.

Въ октябрѣ или ноябрѣ, одинъ крестьянинъ явился въ волостное правленіе съ 25-ти рублевымъ билетомъ. Крестьянинъ былъ не изъ зажиточныхъ и не всегда исправно платилъ подати. Справившись съ номераціей — и билетъ оказался изъ числа украденныхъ.

Крестьянинъ былъ задержанъ, а о принесенномъ имъ билетѣ донесено земскому суду.

Слѣдствіе было произведено уже помимо земской полиціи.

На вопросъ о томъ гдѣ крестьянинъ взялъ деньги — онъ отвѣчалъ, что укралъ ихъ у своего брата, что денегъ этихъ много и онѣ спрятаны у него подъ стогомъ сѣна. И вся сумма, за исключеніемъ кажется 200 руб. сер. была найдена.

Братъ крестьянина на первомъ же допросѣ сознался чисто-сердечно. Онъ показалъ, что украсть изъ церкви уговорилъ его бывший церковный сторожъ и привелъ его даже къ тому окну, откуда удобнѣе сдѣлать кражу. Рѣшетка у окна подпилена была терпугомъ; сундукъ—какъ сказывали и эксперты—разломанъ топоромъ, а веревка взята изъ дому. Преступнику было всего 19 лѣтъ; по росту и тѣлосложенію онъ былъ ниже и тучнѣе Кибардина. Когда спросили его о Кибардинѣ, онъ отвѣчалъ такъ: — Безвинно, бѣднага, терпѣлъ, безвинно! Не виноватъ онъ, горемычный, ни душой, ни тѣломъ.

Когда стряпчій объявилъ это Кибардину, онъ затрясся, не могъ ничего говорить и то плакалъ, то улыбался. Неожиданная ра-

дость убилъ несчастнаго; чрезъ двѣ недѣли онъ умеръ отъ анаризма!

Разсмотримъ теперь, что заставило сына его показать на своего отца. О, бездѣлица! Дѣти Кибардина учились въ глазовской духовной школѣ, гдѣ смотрителемъ былъ зять духовнаго депутата. Онъ съѣкъ этихъ бѣдныхъ дѣтей чуть не каждый день, вынуждая ихъ показать на отца и наконецъ добился-таки того, что одинъ изъ нихъ рѣшился на это. А тогда какъ дѣти приведены были для допроса въ квартиру исправника, лакей, пронося мимо ихъ сковороду, сказалъ:

— Это вотъ для васъ, мерзавцы, баринъ велѣлъ приготовить; будете скрывать отца, такъ на каленую босыми ногами поставлять.

И мальчикъ показалъ, что церковь обокралъ его отецъ. Остальное было дополнено и разукрашено слѣдователями. А не забудьте читатель, что при этихъ возмущающихъ душу допросахъ былъ со стороны обвиняемаго депутатъ духовное лицо.

Такъ вотъ какія дѣла творятся у насъ на святой Руси, въ наше даже время.

Напримѣръ намъ рассказывалъ одинъ крестьянинъ, что ему случилось вытерпѣть невыносимую пытку. Становой по какому-то неважному дѣлу, посадилъ его въ *темную* (по простонародному выраженію въ чижовку) и въ продолженіи трехъ или четырехъ дней давалъ ему ѣсть одну только сухую, соленую судачину, но ни капли воды. Несчастный дошелъ наконецъ до такого положенія, что пилъ свою собственную мочу и хотѣлъ уже задавиться. Только это спасло его отъ дальнѣйшихъ мученій, но и то не безъ ущерба для кармана.

Но какъ ни старается правительство искоренить подобныя беззаконія, при безгласности нашего судопроизводства зло это трудно уничтожить. Тамъ, гдѣ слѣдствіе производится подъ какимъ то таинственнымъ покровомъ, для всѣхъ злоупотребленій есть много темныхъ закоулковъ, освѣтить которые нѣтъ никакой возможности.

Обратимъ также наше вниманіе на судебные приговоры и посмотримъ, всегда-ли наши судебныя инстанціи понимаютъ законы такъ, какъ ихъ слѣдуетъ понимать.

Изъ процесса о крестьянинѣ Карповѣ и др. видно, что весь егонскій уѣздный судъ приговорилъ Карпова къ наказанію плетьюми 75-ю ударами и ссылкѣ въ каторжную работу за убійство

помѣщика своего, безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, а съ раздраженіи, въ чемъ онъ будто бы самъ сознался. Изъ дѣла же видно, что не только самъ Карповъ, но и Богданова и Ильина главнымъ виновникомъ выставили Бочкова. Карповъ же не былъ при совершеніи самаго убійства, а выжидалъ его съ Богдановою въ передней. Наконецъ, если мы будемъ считать Карпова виновникомъ убійства—то и тутъ обстоятельства дѣла показываютъ намъ что оно было совершено не въ раздраженіи, потому что, какъ показывалъ Карповъ, на убійство Ухотскаго былъ общій *уговоръ*, а гдѣ есть *уговоръ*, тамъ есть уже и *намѣреніе*. Еслибъ это намѣреніе не было обдуманное, то зачѣмъ же въ такомъ случаѣ душили Ухотскаго пшши Наумовъ и Ильина, а Карповъ и Богданова остались въ передней? Не доказываетъ-ли это, что всѣ они дѣйствовали по плану, заранѣе составленному?

Въ самомъ даже объявленіи Ковалевскаго мы нашли фактъ, его же самого обвиняющій.

Напримѣръ, онъ пишетъ: «на первые разпросы въ везьегонскѣ Карповъ во всемъ заперся. Тогда онъ обѣщаль ему полное прощеніе въ растратѣ имущества, утѣрлалъ его, что если онъ во всемъ сознается, то будетъ свободенъ и наконецъ обѣщаль ему вольно-отпускную — и Карповъ сознался.

Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ Ковалевскому было отпускать его изъ Везьегонска въ село Малыгино? Вѣдь это значило дать преступнику возможность скрыть всѣ слѣды преступленія.

Такъ и въ дѣлѣ крестьянки Шаболиной (процессъ ея напечатанъ былъ въ апрѣльской книжкѣ «Журнала Министерства Юстиціи»), судившейся за убійство своего мужа, мы нашли, что нижегородская уголовная палата «въ слѣдствіе добровольнаго сознанія подсудимой и принятія ею нѣкоторыхъ мѣръ къ облегченію страданій мужа», присудила наказать ее по 1 степені 21 ст. 1 части XV т., безъ соображенія съ 161 ст. того-же XV т.

Опредѣленіе палаты выражено было такъ: «но какъ въ ст. 21 ч. 1 т. XV для первой степени назначена одна мѣра, то и слѣдуетъ назначить оное (наказаніе) въ сей послѣдней», т. е. плетми ста ударами и сослать въ каторжныя работы на заодахъ безъ срока.

А вотъ что говоритъ приведенная нами 161 ст. «Но если въ законѣ опредѣлены только родъ и степенъ наказанія безъ

составляя высшей и низшей ступени мѣры, то судъ опредѣляетъ сію мѣру по своему усмотрѣнію, т. е. по важности вины и по соображенію увеличивающихся или уменьшающихся оную обстоятельствъ, также не измѣняя ни рода, ни степени наказанія, въ законахъ за то преступленіе востановленнаго. Изъ сего исключаются лишь случаи, о нихъ упоминается въ ст. 166 и 167 сего уложенія».

Здѣсь довольно привести одну лишь 166 ст., не выискивая ее всю. Вотъ что въ ней сказано:

«Наказаніе, опредѣленное въ законѣ, за какое-либо преступленіе для проступковъ можетъ не только быть уменьшено въ мѣрѣ, какъ о томъ востановлено выше сего въ ст. 141, но даже смягчено въ степени и самомъ родѣ оного:

1) Когда преступникъ явится самъ собою въ судъ съ повинною, или даже взятый къ допросу по подозрѣнію не только учинить полное, чистосердечное сознание въ своемъ преступленіи, но откроетъ и своихъ сообщниковъ и проч.»

А Шабалина созналась чистосердечно. Следовательно, должно ли ее осуждать наравнѣ съ закоренѣлымъ злодѣемъ, совершившимъ нѣсколько убійствъ, обвиненнымъ въ преступленіи всеми доказательствами, но упорно отвергающимъ свою вину—однимъ словомъ, наравнѣ съ нераскаяннымъ разбойникомъ?

Въ какомъ же случаѣ, на основаніи 161 ст., судъ можетъ опредѣлить наказаніе по своему усмотрѣнію? въ 161 ст. говорится ясно: *но если въ законѣ опредѣлены только родъ и степень наказанія, безъ означенія высшей и низшей оного мѣры.*

Но такъ иногда смутно понимаютъ у насъ законы люди, получившіе даже специальное юридическое образованіе. Намъ извѣстенъ фактъ, какъ одинъ губернскій прокуроръ, по дѣлу совершенно сходному съ дѣломъ Шабалиной, далъ протестъ уголовной палатѣ и опровергалъ приговоръ уѣзднаго суда, указывая на ту же 1 ст. 21 ст.

Разскажемъ лучше обстоятельства преступленія.

Въ одномъ селеніи крестьянка (фамилію мы не помнимъ) убила своего мужа и чтобы скрыть слѣды своего преступленія, зажгла домъ, въ которомъ жила съ мужемъ, но возбудила на себя подозрѣніе сосѣдей тѣмъ, что прежде еще, нежели домъ загорѣлся, вынесла изъ него все, даже посуду. На первомъ же допросѣ она и созналась, но показала, что къ совершенію преступленія ее вынудило жестокое обращеніе съ нею мужа;

сосѣди подтвердили, что мужъ дѣйствительно обращался съ нею жестоко и билъ ее часто безъ всякой вины. Даже въ самый день убійства, онъ, по показанію преступницы, пришолъ домой пьяный и поколотилъ ее. Когда онъ уснулъ, она взяла топоръ и разрубилла ему голову. На вопросъ же о томъ, имѣла-ли она намѣреніе его убить, показала, что мысль объ убійствѣ давно уже была у ней въ головѣ. Побои мужа укореняли эту мысль все болѣе и болѣе.

Слѣдующій случай будетъ служить доказательствомъ такого же плохаго пониманія законовъ.

Трое крестьянъ сговорились обокрасть одного зажиточнаго мужика; ночью сломали у него дверь въ амбаръ и украли оттуда разное имущество. Мужичекъ, по разнымъ дошедшимъ до него слухамъ, изъяснилъ подозрѣніе на тѣхъ трехъ крестьянъ. При допросѣ ихъ становымъ, они въ кражѣ не сознались и полицнаго по обыску у нихъ не найдено. Но земскій исправникъ довелъ ихъ до признанія. На вопросъ же о томъ, чѣмъ была сломана дверь, преступники показали, что для взлома ея у нихъ взяты были съ собою ножъ, коловоротъ и пила.

Уѣздный судъ приговорилъ ихъ къ легкому наказанію, но уголовная палата присудила имъ наказаніе по 2237 ст. 1 ч. XV т.

Въ статьѣ этой сказано:

«Когда кража эта учинена нѣсколькими сговорившимися на то лицами, хотя и безъ составленія настоящей для того шайки, подобной тѣмъ, о коихъ упоминается въ ст. 1188 и 1189 сего уложенія, и безъ связей или сношеній съ другимъ преступнымъ обществомъ, то виновные подвергаются самой высшей мѣрѣ въ предшедшихъ 2227 и 2236 ст. за кражу того рода наказаній.

Но если притомъ они, или одинъ, или нѣкоторые изъ нихъ были *вооружены* и кража сопровождалась взломомъ, то все приговариваются:

Къ наказанію выше сего въ ст. 2222 за одинъ изъ видовъ грабежа опредѣленному, т. е. къ лишенію всѣхъ правъ состоянія къ ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ на время отъ 4 до 6 лѣтъ, а буде не изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ, и въ наказанію плетми, чрезъ палачей, въ мѣрѣ опредѣленной ст. 21 уложенія для седьмой степени наказаній сего рода съ наложеніемъ клеймъ.

А этой седьмой степенью опредѣляется отъ 30 до 40 ударовъ.

Мы забыли еще сказать, что въ числѣ преступниковъ одинъ былъ калѣка безъ руки и ноги. Вскорѣ же послѣ наказанія одинъ изъ преступниковъ умеръ въ больницѣ, и это былъ тотъ самый, который имѣлъ намѣреніе принести жалобу въ правительствующій сенатъ на неправильный приговоръ палаты.

По статьѣ же 484 XV т., онъ могъ принести жалобу уже по ссылке въ каторжную работу.

Вотъ эта статья:

«Людемъ неизъятымъ по закону отъ наказаній тѣлесныхъ, когда они присуждаются къ ссылке въ каторжную работу или на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, или же къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, съ потерю всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ, дозволяется приносить жалобы на сія рѣшенія въ правительствующій сенатъ, тогда, когда приговоръ будетъ надъ ними исполненъ, т. е. когда они достигнутъ мѣста работъ или ссылки, которое по окончательному распоряженію для нихъ предназначено, или же поступятъ въ одну изъ исправительныхъ арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства. Почему ни наказаніе тѣлесное, ни отправленіе наказаннаго въ мѣсто его назначенія не останавливается намѣреніемъ его принести жалобу».

Конечно, еслибъ жалоба на рѣшеніе палаты была принесена, то вѣрно бы правительствующій сенатъ не отнесъ ножа, пилы и коловорота, взятыхъ для взлома, къ вооруженію. Но тотъ, кто хотѣлъ принести жалобу, умеръ отъ наказанія, а жена его не имѣла на это права.

По 485 ст. «право подачи сего рода жалобъ распространяется только лично на самихъ наказанныхъ, а не на помѣщиковъ и прочихъ властей, управленію коихъ они прежде принадлежали, равномерно ни на родителей, дѣтей и родственниковъ ихъ».

Со введеніемъ публичныхъ судовъ и это законоположеніе будетъ уже лишнее, потому что съ кореннымъ преобразованіемъ нашей судебной части неминусемо должны измѣниться и нѣкоторые законы.

Такъ, на примѣръ, у насъ вовсе нѣтъ закона, который бы давалъ право суду, при опредѣленіи наказаній за преступленіе, разбирать побудительныя причины къ этому преступленію и, при-

нимая ихъ во вниманіе, уменьшать или увеличивать наказаніе.

Приводимъ два случая.

Двое сосѣдей поссорились между собою, и одинъ изъ нихъ, человѣкъ мстительнаго характера, поклялся мстить своему врагу до самой смерти. Сегодня онъ сожжетъ у сосѣда стогъ сѣна или скирдъ хлѣба, а завтра вытравитъ или потопчетъ на полосѣ его ниву. Въ одинъ день у этого сосѣда явится домой изувѣченная корова съ прорѣзаннымъ выемъ, а въ другой—у единственной лошади оказываются подрѣзанными на ногахъ жилы. Бѣдняга знаетъ, кто дѣлаетъ эти пакости, но не можетъ представить на сосѣда ни уликъ, ни доказательствъ и только *для вѣдома впередъ* подаетъ объявленіе въ волостное правленіе. Наконецъ, онъ рѣшился караулить, и нарочно для этого свозилъ къ себѣ въ огородъ стогъ сѣна. Здѣсь ночевалъ онъ каждую почти ночь, имѣя при себѣ кистень. Въ одну ночь на дворѣ у него залая собака; онъ ждетъ, что будетъ дальше и слышитъ наконецъ какой-то шорохъ. Выбравшись тихонько изъ-подъ стога, онъ видитъ, что кто-то сидитъ у стога съ горшкомъ горящихъ углей и подкладываетъ подъ сѣно хворостъ, чтобы зажечь стогъ. Подкравшись сзади, онъ поднимаетъ кистень и со всего размаха наноситъ зажигателю ударъ по головѣ. Въ зажигатель онъ узнаетъ своего врага—сосѣда и идетъ объявить о своемъ преступленіи деревенскому старшинѣ.

Когда при допросѣ ему предложенъ былъ вопросъ имѣлъ-ли онъ намѣреніе къ убійству, онъ отвѣчалъ:

— Да, имѣлъ; и зналъ уже давно, что всѣ пакости дѣлаетъ мнѣ мой сосѣдъ и давно уже ис алъ случая убить его, если только поймаю на мѣстѣ.

Другой случай.

Въ одномъ городѣ жила съ тѣткою мѣщанская дѣвушка. Она имѣла связь съ прикащикомъ и скоро забеременила отъ него. Когда пришло время родовъ, пособія повивальной бабки оказались безполезными, и нужно было позвать акушера. Тотъ, осмотрѣвъ родильницу, нашолъ, что безъ инструмента обойтись нельзя, и ребенокъ былъ вынутъ съ помощью *головокрушителя**. После операціи, акушеръ, обращаясь къ тѣткѣ дѣвушки, сказалъ:

* Акушерскій инструментъ (cephalo toibe), которымъ раздробляется головка.

— Ну смотри голубушка, не доводи свою племянницу до других родовъ, она можетъ умереть. Скажи ей, чтобы она подальше держалась отъ мужчинъ.

Когда больная оправилась, ей все это было передано; мѣсяца четыре она удерживалась, но какъ страсть всегда бываетъ сильнѣе разсудка, то дѣвушка и не могла уже болѣе противиться влеченію природы. Но едва лишь допустила она эту слабость, какъ снова сдѣлалась беременною. Науганная послѣдствіями, и испытавъ уже на себѣ страданія первыхъ родовъ, она рѣшилась истребить свою беременность, но сдѣлала это уже на 5-мъ мѣсяцѣ. Когда понесла она ребенка, чтобы бросить его въ рѣку, это было замѣчено и ее схватили.

При рвненіи дѣла чувство самосохраненія не было принято во вниманіе и дѣвушка приговорена къ наказанію, какъ дѣтубійца.

Приводя этотъ случай, мы имѣли въ виду статью, помѣщенную въ апрѣльской книжкѣ «Журнала Министерства Юстиціи» подъ названіемъ: «Нѣсколько случаевъ самоубійства» *.

Приводимъ изъ этой статьи нѣсколько страницъ.

«Убіеніе значительнаго числа незаконнорожденныхъ дѣтей есть простое послѣдствіе растлѣнія нравовъ. Убійцами являются по большей части молоденькія дѣвушки, лѣтъ 16—20, покинутыя своими обольстителями, которыя, въ минуту отчаянія стыда и раскаянія, желая скрыть свой позоръ отъ родителей и свѣта, рѣшаются на преступленіе. Такимъ образомъ это преступленіе получаетъ свой особый, самостоятельный характеръ, заключающійся въ томъ, что убивается новорожденное дитя не состоящее въ бракѣ матерью, которая желаетъ спасти свое имя отъ позора и скрыть свою беременность и рожденіе дитяти. Если нѣтъ этихъ признаковъ, то это преступленіе есть обыкновенное убійство, обращенное на нисходящихъ родственниковъ.

Германскіе криминалисты (Шпангенбергъ, Клейнъ, Гансъ и др.) въ особенности даютъ большое значеніе цѣли и побудительной причинѣ къ совершенію этого преступленія и находятъ въ нихъ достаточное основаніе къ смягченію наказанія матери, убившей своего незаконнорожденного ребенка».

Въ нашихъ законахъ, за убійство незаконнорожденного ребенка или истребленіе беременности, не принимаются во вниманіе

* Стр. 185.

никакія причины къ смягченію наказанія. А между тѣмъ, кто не согласится, что въ приведенномъ нами выше случаѣ, дѣвушка, истребившая свою беременность, вполне заслуживетъ со-
страдапія.

Но, со введеніемъ публичныхъ судовъ, какъ сказали мы и выше, не минуемо должны пзмѣниться и самые законы. Тогда навѣрное будетъ предусмотрѣно все, что прежде, по духу даже самаго времени, не было принято во вниманіе, потому-что право идетъ всегда вмѣстѣ съ развитіемъ народнымъ.

Заклучимъ статью нашу тѣмъ, что въ настоящее время не только люди образованные, но и простой народъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ публичныхъ судовъ.

А. НИКИТИНЪ.

ПО ПОВОДУ НАШИХЪ БРАКОВЪ.

Вопросъ о бракахъ не новость въ литературѣ. Его поднимали различные громко-именные авторитеты; и къ несчастію не совсѣмъ удачно. Яркія звѣзды французской журналистики, Ж. Зандъ, Мишеле, Прудонъ специально обсуживали вопросъ этотъ, обсуживали бойко, краснорѣчиво, увлекательно и не смотря на то, что шли совершенно различными путями привели читателей къ одной и той же цѣли, къ одному и тому же выводу,—что современные браки никуда не годятся. И идеальныя женщины Занда въ одинаковой степени не состоятельныя жены, въ одинаковой степени страдаютъ отсутствіемъ сознанія принимаемыхъ на себя обязанностей, обусловливающихъ семейное счастье. Наши лучшіе романы тоже стремились разрѣшить вопросъ о бракахъ и тоже не успѣли. Всѣ наши писатели удовольствовались болѣе или менѣе рельефной характеристикой существующаго, и только. Двое, трое прошли немного дальше, пытались создать нѣчто новое, но попытка не удалась.

Литература—зеркало общества. Неудачные браки азва нашей общественной жизни. Не хороши жены, не хороши и мужья. Большинство женатыхъ и замужнихъ раскисивается въ сдѣланномъ шагѣ. «Если бы мы знали!» говорятъ они.... Не ужасно ли это? Вѣдь на этой проклинаемой основѣ, на *бракъ* зиждется *семья*, все грядущее человѣчество.

Отчего же наши браки не хороши? Нельзя ли помочь горю? Не долгъ-ли каждаго изъ насъ, горькимъ опытомъ извѣдавшихъ пагубное вліяніе нескладной, враждебной, нелѣпой семьи, стараться, чтобы для дѣтей и внуковъ нашихъ семья стала

центромъ всего добраго, истиннаго, школой любви, честности, трудолюбія, порядка.

Какъ же приступить къ этому великому, трудному дѣлу? Чтобы лечить надобно узнать болѣзнь. Посмотримъ же поближе на наши браки. На вопросъ: отчего не хороши наши браки? отвѣтимъ: оттого, что ихъ заключаютъ или по слишкомъ матерьяльному расчоту или по слишкомъ идеальной, безотчотной любви. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, вступающіе въ бракъ смотрятъ другъ на друга односторонне и оходятся на всегда вовсе не зная другъ друга.—Мы должны сознаться, къ несчастію, что, при существующемъ порядкѣ вещей, браки по расчоту если не счастливые, то во крайней мѣрѣ спокойные, благоvidaые браковъ по страсти; не потому, чтобы въ нихъ обѣ стороны яснѣ видѣли, лучше знали другъ друга, лучше цѣнили другъ друга, а потому, что во-первыкъ у людей сшедшихся совершенно хладнокровно, претензій меньше, а во-вторыхъ, матерьяльная обстановка даетъ возможность не стѣнать другъ друга, находить вознагражденіе, вамъ семейнаго счастья въ различныхъ развлеченіяхъ.

Самое большое количество несчастныхъ супруговъ производятъ браки по страсти. Браки эти почти всегда заключаются людьми очень молодыми, во знаменитый имъ жизни, имъ людей, и основываются на такъ называемой *непреодолимой любви*. *Непреодолима любовь*, любовь съ перваго взгляда, съ первой встрѣчи поавновилась издавна, да и теперь, къ несчастію, пользуется большимъ авторитетомъ въ разныхъ вышнихъ головахъ. Историческія хроникки полны рассказами о любви съ перваго взгляда, о любви роковой, непремѣнно оканчивающейся трагически.

Прочтите все, что было писано къ «лей» въ разныя эпохи и разными личностями. Всѣ эти высокопарныя и сладкозвучныя, и порою, томительно скучныя воззванія относились только ко внѣшности предметовъ любви, чрезвычайно рѣдко возвышались до сферы духовной и даже въ этихъ рѣдкихъ исключеніяхъ, видно не благоговѣніе передъ высокимъ, бесспорно прекрасными сторонами духа человѣческаго,—а передъ самыми обыденными его проявленіями, выработанными далеко не безукоризненной средою: передъ наивностью, передъ милою, остроумною болтовней, пылкостью чувствъ и т. п. Между тѣмъ внезапная любовь, любовь съ первой встрѣчи неизвѣстно на какомъ осно-

ваніи пользуется чарующей славой любви по преимуществу идеальной, платонической.

Что же она такое въ самомъ дѣлѣ? Ни расположеніе ума, ни влеченіе сердца, ни стремленіе души, какъ доказывали и доказываютъ романтики,—а инстинктъ; вложенное преградою взаимное влеченіе половъ. Этотъ инстинктъ долженъ быть краеугольнымъ камнемъ любви истинной. Это — альфа великой и святой способности духа человѣческаго, — любить ближняго, какъ самого себя и даже больше себя. Но до ея омеги, до ея вѣнца, еще много ступеней.

Es ist eine alte Geschichte,

Doch ist sie immer neu..

Первый примѣръ любви и брака съ *первой встрѣчи* подали Адамъ и Ева, какъ говоритъ преданіе. Точно тоже повторится до сихъ поръ съ каждымъ мужчиной и женщиной, сведенными вмѣстѣ, если только оба молоды и ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ ничего отталкивающаго. Но это взаимное влеченіе еще не любовь. Это введеніе въ любовь. Между тѣмъ это оеозсознательное животное чувство считаютъ достаточнымъ для заключенія брака.

Послѣ первой встрѣчи возбуждившей взаимное влеченіе, молодые люди случайно или намѣренно встрѣчаются чаще и чаще, будто бы изучаютъ другъ друга, но въ сущности ограничиваются обоюднымъ, восторженнымъ удивленіемъ, устраняющимъ всякую возможность здраваго анализа. Воспитаніе дѣтства и юности не потрудилось полнымъ развитіемъ *воли*, этой по преимуществу человѣческой способности, на всегда наложить узду на всѣ животныя наклонности человѣка, и вотъ первое пробужденіе страсти грозитъ неминуемой оудюю безсильной души. Волненіе крови осидиваетъ доводы разума, а часто разумъ и вовсе молчитъ. Въ угарѣ чувственнаго увлеченія даются обѣщанія, клятвы;... какой скользкій путь! Угашно первое пробужденіе молодыхъ сильныхъ страстей, не сдерживаемыхъ разумной волею, охлаждающимъ оытомъ жизни. Въ эту пору безумной потребности любви, во что бы то ни стало, дѣлаются несправимые промахи. Въ эту пору молодые люди отдаются безотчетно инстинктамъ и заходятъ такъ далеко, что назадъ идти оказывается невозможнымъ: Впередъ! Назадъ столько обѣщаній, столько небосторожныхъ шаговъ, что всякая остановка падетъ пятномъ на честь...

Впередъ! И вотъ произносится рѣшительное слово, совершается окончательный шагъ. Розы быстро вянутъ отъ зноя страсти и все больше и больше обнажаются шипы. Прелестная, наивная дѣвушка превращается въ капризную жену, робкій и нѣжный юноша въ деспота мужа. И капли сладости тонутъ безвозвратно въ цѣломъ морѣ горечи.

Бываетъ и такъ что страсть сводитъ людей умныхъ, добрыхъ, честныхъ,—но различнаго воспитанія. Въ порывахъ страсти, рассудокъ молчалъ. Но время идетъ,—за наслажденіемъ слѣдуетъ прельщеніе. Мужъ съ дѣтства привыкъ къ изящной обстановкѣ, домъ матери его отличался порядкомъ и комфортомъ, мать и сестры его были въ высшей степени благовоспитанны, всегда вѣжливы, привѣтливы, спокойны, изящны. Съ дѣтства онъ привыкъ считать женщину—олицетвореніемъ порядка, гармоніи, изящества. И въ любимой женщинѣ онъ вообразилъ идеалъ всего, въ чемъ былъ воспитанъ. А она привыкла только казаться тѣмъ, чѣмъ онъ дѣйствительно былъ. Она наряжается только для гостей. Въ гостинной роскошь, во внутреннихъ комнатахъ—безпорядокъ и даже грязь. Тоже и въ ней самой; въ обществѣ блестящій нарядъ, великолѣпная прическа. Дома нечесанные волосы, стоптанныя туфли и т. п. Въ сущности все это пустяки... но лучше бы имъ не быть. Это цвѣточки, ягоды которыхъ бываютъ очень горки.

Бываютъ контрасты невыносимѣе. Мужъ кончилъ курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, имѣетъ много серьезныхъ цѣлей, идетъ къ нимъ тяжелою стезею труда, мышленія. Жена никогда ничему хорошенько не училась, ничѣмъ не интересуется, и между ею и мужемъ ея такая бездна, что нѣтъ никакой возможности идти рядомъ.

Непреодолима любовь побуждала ихъ на свиданія до брака только нѣжничать. Но послѣ брака для нѣги и ласки времени становится все меньше и меньше, и связь, казавшаяся не нарушимой, становится все слабѣе... Поцѣлуи имѣютъ свою пору: съ первой сѣдиною, съ первой морщиною рушится храмъ любви и совершенно чуждые другъ другу супруги, волей неволей должны идти по возможности рядомъ. И идутъ, если въ нихъ есть сердце, помнящее, чувствующее. А сколько слезъ, стонувъ гонится въ нихъ! Какъ часто прорывается плотина приличія и льются бурные, мутные, гнѣвные потоки упрековъ и жалобъ...

И много другихъ вариаций, болѣе или менѣе драматическихъ,

но тема все одна и та же: нѣтъ счастья въ бракахъ, заключенныхъ по безотчетной, страстной любви, потому что такая любовь—безуміе и съ разумнымъ счастіемъ помириться не можетъ.

Стало быть всѣ заботы, всѣ старанія родителей, воспитателей, общества должны имѣть цѣлю—препятствовать такимъ бракамъ, препятствовать болѣзненному развитію одного инстинкта въ ущербъ всѣмъ другимъ человеческимъ способностямъ. Посмотримъ теперь вслѣдствіе чего простое половое влеченіе достигаетъ размѣровъ всепоглощающей страсти. Кто виноватъ? Знакомые, родные, семья, общество.

Кому не извѣстна игра въ намеки, полуслова, двусмысленности, которую заводятъ съ каждой маломальски хорошенькой дѣвушкой, если мужчина подходит и говорить съ нею чаще, чѣмъ съ другими. Ей систематически кружатъ голову первымъ встрѣчнымъ, ее приучаютъ видѣть что-нибудь особенное, непремѣнно относящееся до ней одной, во всякомъ движеніи, во всякомъ словѣ встрѣчающихся мужчинъ. И дома, и въ обществѣ, все складывается такъ, чтобы развить инстинкты, подавить волю, расслабить мышленіе, убить сознаніе. Бездѣльное препровожденіе времени, выставка прелестей въ болѣе или менѣе роскошной обстановкѣ, вотъ главное содержаніе жизни большинства дѣвушекъ. Все для тѣла, ничего для души. Чтеніе портитъ зрѣніе, писанье пачкаетъ пальцы, излишняя игра на фортепьяно портитъ форму рукъ, живопись—занятіе несомнѣнное съ кринолиномъ и прочими принадлежностями женскаго туалета. Остаются женскія рукодѣлья, разговоры, выѣзды,—и—занятія наружностью. И надобно отдать справедливость въ этомъ отношеніи наши дѣвушки и женщины дошли до высокой степени совершенства. Педагогическая реформа, о которой такъ много говорятъ и пишутъ, должна прежде всего коснуться женщинъ. Мы не сомнѣваемся, что у насъ скоро будутъ образцовыя дѣвушки, образцовыя жены и матери.

Люди, считающіе любовь чѣмъ-то фаталистическимъ—отчасти правы. Есть что-то роковое, неумолимое въ естественномъ влеченіи молодыхъ существъ; это *искра*, изъ которой неосторожность можетъ сдѣлать пожаръ. Но искру можно затушить чѣмъ угодно и безъ малѣйшаго труда.

Супружеское счастье только тогда сдѣлается возможнымъ, когда въ обществѣ нашемъ водворится убѣжденіе, что только

симпатія проанализированная, подтвержденная волею может служить основой для сближенія двухъ существъ. Сердце, отдаиваея при полномъ сознаніи разума,—твердо, опоймо; его не смущаютъ безумныя грезы о необузданной любви. Ровное теченіе жизни даетъ полную возможность тщательно оберегать гармонию супружеской жизни, составляетъ созидать обоюдное счастье. Въ любви, какъ и во всѣхъ нашихъ склонностяхъ, *ромовое* не выше *воли* въ существѣ разумномъ и здоровомъ. Всякую склонность можно умѣрить, воспитать. Къ сожалѣнію мы слишкомъ склонны рассуждать о человѣческихъ слабостяхъ и недостаткахъ, оправдывать ихъ, снисходить къ нимъ, вмѣсто того, чтобы искоренять ихъ.

Если мы станемъ смотрѣть на несовершенства наши какъ на ничто неизбѣжное и считать ихъ неисправимыми,—они дѣйствительно окажутся таковыми. Если мы станемъ считать волненіе крови, мечты празднаго ума за первые проблески любви, и поддадимся имъ, не проведя ихъ черезъ анализъ разума и отдадимъ сердце первому встрѣчному, случайно возбуждавшему въ насъ эти мнимые признаки священнаго чувства, мы непременно рискуемъ разочароваться, разлюбить, и если,—въ порывѣ слѣпой вѣры въ предопредѣленіе будетъ сдѣланъ нами окончательный шагъ,—каково будетъ намъ нести цѣлую жизнь тяжелую безотрадную цѣпь! И не удивительно, что у насъ многіе разводъ считаютъ необходимою.

Три четверти несчастій въ нашемъ обществѣ происходятъ отъ ложнаго воззрѣнія на любовь въ началѣ жизни, отъ вѣры въ неконтрольность любви, отъ убѣжденія, что любовь, неизлечимая болѣзнь. Незлечимая, потому что мѣры предпринимаемыя противъ нея, также нелогичны, какъ и она сама. Кромѣ того, извѣстно что предупреждать болѣзни легче, чѣмъ излечивать ихъ, и гигиена гораздо могущественнѣе медицины. Когда страсть совершенно водворится въ сердцѣ, разовьется вполне,—ее трудно искоренить. Она тогда живетъ, пока сама не умретъ, по большей части въ страшныхъ мукахъ. И сколько между нами улыбающихся, спокойныхъ повидимому людей, у которыхъ въ сердцѣ лежитъ камнемъ мертвая любовь, и раздѣдаетъ бѣдное сердце до ранъ.

Любовь—основной принципъ нашей жизни, неизбѣжное ея условіе, Кто не любитъ,—не живетъ, тотъ не человѣкъ. Но любовь,

какъ и всѣ элементы нашей нравственной жизни, должна быть рациональна. Это—актъ разумной воли, выполнение главной задачи жизни, принципъ жизни міровой. Съ идеей принципа связывается неизбежно идея *обязанностей*, истекающихъ изъ него. Избравъ однажды, послѣ строгаго анализа, предметъ любви, долгъ чести и совѣсти—хранить эту любовь свято.

Свобода обращенія мужчинъ съ женщинами до брака, даетъ въ наше время, людямъ, не потемненнымъ предрасудками, полную возможность изучить другъ друга и потому увеличиваетъ взаимную отвѣтственность. Мы не средневѣковые рыцари, воспѣвавшіе красавицъ, занертыхъ въ замкахъ, мы не жители востока, видящіе дѣвушекъ только подъ фатою. Съ твердымъ желаніемъ найти себѣ существо по сердцу, и при современномъ строѣ общества,—мы всесмѣлы. Только слѣдуетъ не забывать, что мы приступаемъ къ акту, *смоль* зависящему отъ воли нашей, къ акту, который по преимуществу можно назвать *созданіемъ мысли*.

Е—ва

МОСКОВСКИЙ ТЕАТРЪ И Г-ЖА ПОЗНЯКОВА.

(Письмо изъ Москвы.)

...Till after cloying the gazettes with cant
The age discovers he * is not the true one;
Of such as these I should not care to vaunt.
D. Iuan. 1. I.

I.

Въ сферѣ искусства встрѣчаются иногда такіе крупныя факты, что въ значеніе ихъ надо вдуматься, чтобъ опредѣлить—вызваны-ли они развитіемъ эстетическихъ потребностей своего времени, стоятъ-ли они въ связи съ движеніемъ впередъ, съ прогрессомъ общественнаго вкуса, вѣрно-ли служатъ они выраженіемъ этого движенія впередъ—или эти явленія только поддѣльваются подъ господствующую моду и жертвуютъ самобытностью для подражанія любимымъ образцамъ, серьезнымъ трудомъ для легкаго успѣха? Когда явленіе выходитъ изъ ряду обыденныхъ, обыкновенныхъ — оно должно немедленно поднять вопросъ о своей исторической, жизненной подлинности. Дѣло не въ томъ, какой оно имѣло успѣхъ — успѣхъ можетъ часто имѣть явленіе совершенно ложное, потому что, подлаживаясь къ публикѣ и льстя ея вкусу, можно приобрести и легкій успѣхъ, и дешевую популярность — даже и на долго. За примѣрами ходить не далеко. Посредственность, которая приходится по плечу публикѣ, можетъ всегда рассчитывать на ея благосклонность. Нѣтъ, когда вниманіе критики останавливается на замѣчательномъ явленіи ис-

* The hero.

искусства, то весь вопросъ въ томъ, что — правда-ли это или искусная ложь, имѣетъ-ли оно свою *raison d'être*, разумную причину бытія — или это дѣло случая; молоды-ли это, свѣжія силы со всѣмъ обаяніемъ молодой жизни или ловко подкрашенная рутиня? Мы знаемъ, что для полнаго пониманія извѣстнаго времени необходима оцѣнка современныхъ явленій искусства и его направленія. По нашему мнѣнію, сценическія явленія, не менѣе фактовъ въ другихъ сферахъ искусства имѣютъ историческій смыслъ для оцѣнки той степени развитія, на которой стоитъ общество. Скажемъ болѣе: появленіе замѣчательнаго таланта, какъ намъ кажется, никакъ не можетъ быть сочтено фактомъ ничтожнымъ, отрывочнымъ. Сочувствіе или несочувствіе къ извѣстному направленію; къ извѣстной сценической школѣ стоятъ въ органической связи съ настроеніемъ общества и литературы. Общество, которое зачитывалось Кукольника и Марлинскаго на ряду съ Лермонтовымъ — это общество восторгалось Каратыгинымъ. Съ исторіей драматической литературы и литературы вообще тѣсно связана исторія сценическаго искусства. Когда нѣтъ драматической литературы — тогда актеры становятся гиперіонами и роняютъ достоинство искусства передъ обществомъ. Когда является замѣчательное драматическое произведеніе или направленіе въ литературѣ — оно создастъ замѣчательныхъ актеровъ. Смотря потому, какъ общество относится къ искусству и художникамъ можно вывести безошибочное заключеніе объ уровнѣ цивилизаціи и народной культуры въ данную эпоху.

Исторія нашего сценическаго искусства можетъ указать на нѣсколько выдающихся личностей, въ которыхъ отразилось вполне направленіе извѣстнаго времени, какъ-то: Волковъ, Дмитревскій, Шущеринъ, Яковлевъ и другіе, уже болѣе близкіе къ намъ. Наблюдая параллельно фазисы исторіи театра съ настроеніемъ общества, будущій историкъ русской сцены увидитъ, что сценическія явленія были всегда мотивированы тѣмъ направленіемъ извнѣ, которое подобно вѣтру, поварачивало флюгера то въ ту, то въ другую сторону. Стародумство и аристократическая филантропія, политическія сентиментальности и просто сентиментальности временъ очаковскихъ и покоренія Крыма, подлаживание подъ французскіе образцы и квасной патріотизмъ, лиризмъ кулака, раскрытіе общественныхъ ранъ «на диво черни простодушной и гуманнаыя тенденціи — всѣ эти противорѣчащіе элемен-

ты, все это отразилось и отозвалось на нашей сценѣ. Какъ отразилось—это другой вопросъ.

Нельзя не сознаться, что наша драматическая литература, наша сцена имѣли всегда значеніе явленія второстепеннаго, зависимаго. Намъ, конечно, не нужно оговариваться въ пользу Горе отъ ума, Ревизора или и нѣкоторыхъ пьесъ г. Островскаго. Но это еще далеко не составляетъ литературы. Нашъ театръ не былъ, какъ у другихъ народовъ, однимъ изъ органовъ, звѣномъ общественнаго и литературнаго направленія, органомъ, посредствомъ котораго новыя идеи развивались бы и передавались массамъ въ художественномъ исполненіи. Онъ вообще стоялъ въ гораздо болѣе близкихъ отношеніяхъ съ бюрократіей, чѣмъ съ публикой. Присматриваясь къ исторіи нашей сцены, мы видимъ, что, между тѣмъ какъ въ литературѣ старыя элементы, рутинныя приемы смѣнялись чѣмъ-нибудь новымъ и свѣжимъ,—въ театрѣ эти перемены совершались несравненно медленнѣе, и старое держалось упорно. Такъ, въ то время, когда нашъ домопощенный классицизмъ, который къ французскому относился также, какъ французскій къ греческому — давно уже исчезъ въ литературѣ, «переселился къ тамо сущимъ», на сценѣ онъ еще держался крѣпко. Вообще театръ нашъ игралъ въ исторіи русской цивилизаціи довольно жалкую роль. Театру всегда доставались въ удѣлъ тѣ идеи, которыя уже порядкомъ повстаскались и устарѣли въ обществѣ, какіе-то объѣдки идей или какъ растрепанный и опошлѣвшій экземпляръ зачитаннаго журнала.

Вся исторія нашего театра необыкновенно бѣдна внутреннимъ содержаніемъ. Вывезенное къ намъ изъ Польши, это чахлое растеніе возросло на бѣдной почвѣ кievской бурсы, а потомъ, ради царской забавы, было доставлено въ Москву. Изъ всѣхъ привозныхъ продуктовъ западно-европейской культуры, изъ всѣхъ «новшествъ» которыми насъ искони угощали — театръ нашъ отличался особенною безжизненностью. Если въ чемъ и видна нѣкоторая выдержанность и цѣльность, то это въ самомъ первоначальномъ значеніи его, какъ придворной забавы. Между липедѣями боярина Матвѣева и настоящими нашими артистами нѣтъ такого рѣзкаго различія, какъ напр. между настоящей нашей сценой и тогдашней. Мы видимъ, что въ исторіи нашего театра постоянно повторяется одинъ и тотъ же фактъ: театръ никакъ не можетъ попасть въ одну тропу съ обще-литературнымъ движеніемъ. . На западѣ, напримѣръ, мысль, подобно лучу свѣ-

та, мгновенно проникаетъ во всѣ отрасли общественной культуры; у насъ же для того, чтобъ дойти до театра свѣтъ, Богъ-знаетъ какъ тащется... Среда-ли ему попадается ужъ слишкомъ непроницаемая или самъ не довольно силенъ — дѣло темное. Литературныя направленія выражались на нашей сценѣ въ неполныхъ, незрѣлыхъ образахъ; за доказательствами ходить не далеко. Что такое, напр. хотъ «Испорченная жизнь» г. Чернышева, если не обносокъ идеи, которая съ барскаго плеча литературы досталась нашей сценѣ? Въ литературѣ нашей, нельзя не признать хотъ какого-нибудь процесса органическаго развитія въ общественной мысли. На сколько она могла выражаться печатно, гласно есть жизнь, борьба, переходы. Правда, что этотъ процессъ развитія, этотъ ростъ часто болѣзненъ, (одинъ заклятый пессимистъ увѣрялъ даже, что весь ростъ пошелъ въ горбъ), часто замедляемый припадками естественной или искусственной летаргii — но все же есть какой-нибудь организмъ. Въ нашемъ театрѣ ничего этого нѣтъ; есть какіе-то скачки. Взглянемъ на французскую драматургію — сперва мистеріи, фарсы, соттіи, моралитэ, потомъ Гарнье Гарди, Готру — за нимъ Корнель, Расинъ, Мольеръ, Реньяръ, Вольтеръ, Кребийонъ, потомъ Бомаршэ, Дюсисъ, наконецъ Гюго, Дюма, Понсаръ Сарду и вся современная фаланга драматурговъ «имя же имя легионъ, потому что — ихъ много» — между ними видна красная связующая нить (*der rothe Faden, der durch die Kunstgeschichte geht*) по выраженію эстетика Фишера.

А у насъ?

Начиная съ Алексѣя Божьяго челоуѣка — продолжая постояннымъ Папильянусоуѣ, «Принцемъ Пикель-Гарингомъ» и другими монстрами времени великаго преобразованія (см. Цекарскаго) и до нашего времени, до времени «Быль молодцу не въ укоръ» Богдадскихъ пирожниковъ и проч. — не одни-ли скачки и прыжки по рытвинамъ и оврагамъ!

Рѣдкіе случаи, когда нашъ театръ совпадалъ, такъ сказать, съ направленіемъ обще-литературнымъ, ознаменованъ тѣми произведеніями, которыя могутъ быть названы вполне русскими и современными. Такія произведенія могутъ имѣть смыслъ при опѣнкѣ извѣстнаго времени, какъ статистическая данная. Эти случаи должны бы по преимуществу обратить на себя вниманіе критики. Но, по правдѣ сказать, театральной критики, въ серьезномъ значеніи слова у насъ не существуетъ — со смерти Бѣ-

линскаго, и, если лѣтъ черезъ 20 (гдѣ-то мы тогда будемъ?) захочется кому узнать, какимъ путемъ шолъ русскій театръ съ 40-хъ по 60-е года, что въ немъ выработалось новаго и что держалось стараго—куда обратиться за справками? Къ критическимъ статьямъ? Да гдѣ онѣ? Въ нихъ найдется много интересныхъ данныхъ для автобіографій нашихъ театральныхъ критикановъ, но для критики очень мало. Что же дѣлать? Мы полагаемъ, обратиться къ афишамъ.

Современный критическій методъ долженъ быть основанъ на историческомъ изученіи, на оцѣнкѣ фактовъ — а не на произвольныхъ теоріяхъ или на основаніи личнаго вкуса. Критика, опредѣляя смыслъ извѣстнаго явленія, должна опредѣлить, во-первыхъ — какъ это явленіе относится къ тѣмъ, которыя ему предшествовали, къ своему прошлому — а во-вторыхъ, какое значеніе имѣетъ оно въ настоящемъ. Короче—критика должна на основаніи историческаго смысла факта, разъяснить себѣ его современный смыслъ. Изъ сказаннаго выше читатель видитъ, что факты спеническіе, по нашему мнѣнію, имѣютъ такой же историческій вѣсъ, какъ и факты въ другихъ сферахъ искусства. Слѣдовательно идея, на которой основана историческая критика и искусство, должна лечь въ основаніе и театральной критики; а именно: значеніе всякаго факта, всякаго частнаго художественнаго произведенія можно оцѣнить вполне только тогда, когда разъяснено будетъ его отношеніе къ общему, къ совокупности всѣхъ фактовъ въ ихъ исторической послѣдовательности. Старый же методъ эстетической оцѣнки состоялъ въ томъ, что одинъ или нѣсколько фактовъ, наиболѣе выдающихся изъ массы, брали отдѣльно и старались допытаться въ нихъ эстетическихъ законовъ и принциповъ, подъ которые уже безъ всякаго затрудненія можно было бы подводить всѣ остальные факты*. Результатомъ этого направленія было одностороннее пониманіе прекраснаго. «Смѣшивая понятіе о прекрасномъ, съ понятіемъ о совершенствѣ, говоритъ Шнаазе (Gesch. d. bild. Künste I, 1, 18)

* Это пренебреженіе художественной и литературной дѣятельности народной и сужденіе объ успѣхахъ человѣческой мысли по отдѣльнымъ выдающимся образцамъ — прекрасно характеризировано однимъ достойнымъ нашимъ ученымъ — названьемъ — аристократическаго взгляда въ наукѣ. (См. рецензію Э. И. Буслаева на Низара), hist. des l. par. въ Отечественныхъ Запискахъ о лубочной литературѣ.
Зам. автора.

долго держались мнѣнія, что есть только *одно* прекрасное, (абсолютъ) передъ которымъ ничтожны всѣ остальные его виды; но именно потому, что понятіе о прекрасномъ едино, какъ отрицаніе всего дурного, неизящнаго—именно потому выраженіе прекраснаго должно быть многосторонне: Одинъ Богъ, прибавляетъ знаменитый историкъ искусства, одинъ Богъ одинъ и совершенъ.»

Впрочемъ, большинство нашихъ театральныхъ рецензій вовсе не грѣшатъ избыткомъ философскихъ или эстетическихъ теорій, хотя бы и устарѣлыхъ. Конечно, встрѣчаются прекрасныя статьи о театрѣ съ вѣрнымъ психическимъ анализомъ, обсуживающія вполне безпристрастно игру актеровъ и достоинство произведенія. Подобныя статьи очень полезны, какъ для самихъ артистовъ, такъ и для публики. Но во первыхъ, такихъ статей является очень мало (къ числу самыхъ отрадныхъ явленій театральныхъ рецензій относимъ мы статьи г. Плещеева), а во вторыхъ, все-таки нельзя не пожелать, чтобы на театральную критику было обращено болѣе серьезное вниманіе и чтобы писали ее люди, хорошо знакомые съ исторіей нашей народной культуры, нашей сцены и ея репертуара. Считая театр не предметомъ празднаго досуга, а въ высшей степени важнымъ органомъ общественнаго и литературнаго развитія, мы не можемъ не заявить «скромнаго желанія», чтобы поменьше являлось такихъ рецензій, гдѣ изложенъ просто свой собственный взглядъ, доморощенная теорія или личный вкусъ—о вкусахъ, молъ, не спорятъ—а на чемъ все это основано—Богъ его знаетъ, по пословицѣ—чужая дума потемки. Можетъ, у него тамъ и есть какія-нибудь основанія...

Доказывать же преимущество исторической критики надъ спекулятивными и отвлеченными теоріями, мы считаемъ совершенно излишнимъ. Das Nachgrübeln, по прекрасному и картинному нѣмецкому выраженію, давно уже потеряло ученый кредитъ. Внѣ исторіи нѣтъ правды, и смѣшно думать, что эстетика и критика,—окаменѣлыя отрасли, вѣчно движущагося человеческого духа. Мы просимъ у читателя извиненія за эти общія мѣста.

Отсутствіе строго-критическаго метода гѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что безъ него, какъ намъ кажется, вполне безпристрастное сужденіе о пьесѣ или талантѣ съ *новымъ* направленіемъ—невозможно. Разбирая пьесу, рецензентъ обращаетъ бо-

лѣе всего вниманіе на совершенство внѣшней отдѣлки, на техническую часть ея, а до внутренняго содержанія, до современнаго смысла пьэсы, рецензенту мало или вовсе нѣтъ дѣла. А вѣдь пора бы, кажется, усвоишь себѣ другіе критическіе приемы, чѣмъ тѣ, которые были въ ходу во время нашего руссійскаго Корнелія Александра Петровича Сумарокова! Сей достойный трагикъ (онъ же и критикъ) разбирая Федру или Цинну, «излагалъ, какія онъ во время представленія, имѣлъ чувства и размышленія (точь-въ-точь какъ большинство нашихъ рецензентовъ). Потомъ слѣдуютъ замѣтки, что такой-то де стихъ «преславень», а такой-то «скарденъ», такой-то монологъ хорошъ, но дологъ, такое-то мѣсто «презящно», а такое-то «гнусно и пошло.» Сумароковъ, какъ русскій человекъ, сильно выражался. (Бѣлинскій VI, 245 99). Если мы въ чемъ и превзошли Сумарокова, то это въ изящности выражений. Такъ напр. прочитывая недавно театральную рецензію въ одной московской газетѣ — въ которой обыкновенно подвизается вышерѣченный критикъ—мы попали на слѣдующее, очень милое выраженіе: *хорошенькій и свѣжій* талантъ г. Н., говоритъ рецензентъ—и говоритъ что-то очень пріятное на счетъ хорошенькаго и свѣженькаго таланта г. Н., весьма совершеннолѣтняго артиста. Эта мягкость выражений намъ очень понравилась, хотя отзывалось слегка маниловщиной. «Открой, душенька, свой ротикъ, я положу тебѣ туда конфетку.»

Конечно, причину недостатка у насъ въ серьезной театральной критикѣ должно искать и въ, томъ, что, какъ мы уже сказали выше—у насъ нѣтъ и драматической литературы. То, что писалъ Бѣлинскій въ сороковыхъ годахъ о нашемъ театрѣ, въ общемъ до сихъ поръ поразительно вѣрно. Въ особенности замѣчательны бѣглыя замѣтки о нѣкоторыхъ актерахъ, изъ которыхъ многіе живы до сихъ поръ. Эти характеристики въ двухъ-трехъ словахъ такъ изумительно вѣрны въ настоящее время, что не вѣрится, что онѣ могли быть набросаны лѣтъ 25 тому назадъ. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ привести здѣсь нѣсколько примѣровъ этой чудесной пронидательности. Нѣсколько словъ, сказанныхъ вскользь о гг. Шумскомъ, Живокини, Никифоровымъ и др.—словно написаны вчера. (Т. 4—8 сочиненій). Вообще Бѣлинскій и въ театральной критикѣ былъ и остался первымъ. Его замѣтки о театрѣ имѣютъ интересъ историческій. Онъ имѣлъ даръ однимъ замахомъ пера разбивать въдребезги

то, что не стоит критикъ и однимъ словомъ разсѣвать тотъ угаръ, который нагоняетъ и на бодрого человѣка зрѣлище ложнаго, бессмысленнаго успѣха. Такого могучаго и честнаго слова намъ не приходилось слышать послѣ него. Не смотря на мертвую эпоху сцены, которую пережилъ Бѣлинскій, онъ никогда не впадалъ въ дешевый пессимизмъ, съ помощью котораго наши критики заявляютъ претензію на компетентность. Нѣтъ, благородная, горячая душа его всегда прिवѣтствовало любовь къ искусству и честный успѣхъ. Кто не читалъ его превосходной статьи: Гамлетъ, драма Шекспира и Мочаловъ въ роли Гамлета? Вотъ, что писалъ Бѣлинскій въ 1841 году. Репертуаръ русской сцены необыкновенно бѣденъ. Причина очевидна: у насъ нѣтъ драматической литературы... Что прикажете намъ смотрѣть послѣ Ревизора и Горе отъ ума? Вотъ это-то и почитаемъ мы вредомъ, которыя эти пьесы нанесли нашему театру, объяснивъ намъ живымъ образомъ—фактомъ, а не теоріею тайну комедіи, представивъ намъ собою ея величайшій идеалъ.» И далѣе: «вообще, по крайней мѣрѣ, половина нашихъ актеровъ чувствуетъ себя выше пьесъ, въ которыхъ играеть, и они въ этомъ совершенно справедливы.» Все достоинство множества пьесъ заключается въ томъ, что онѣ не лишаютъ актеровъ возможности выказать свои таланты, а совсѣмъ не въ томъ, чтобъ онѣ давали актерамъ средства развернуть свои дарованія. Отсюда происходитъ гибель нашего сценическаго искусства, гибель нашихъ сценическихъ дарованій (на скудость которыхъ мы не можемъ пожаловаться). Привыкнувъ къ ролямъ ничтожнымъ, пустымъ, которыя ему нужно растягивать и натягивать до себя—артистъ привыкаетъ торжествовать на сценѣ своимъ личнымъ комизмомъ, безъ всякаго отношенія къ роли, привыкаетъ къ фарсамъ, привыкаетъ смотрѣть на свое искусство, какъ на ремесло, и много-много, если заботится о томъ, чтобъ протвердить роль; объ изученіи же ея не можетъ быть и слова. (Бѣл. т. 5).

Не смотря на то, что пьесы г. Островскаго и двѣ-три другія положительно не подходятъ подъ этотъ строгій приговоръ, въ общемъ—это горькая правда. Но наше время съ такою сценою ужиться не можетъ. Эта старая и дряхлая форма общественной жизни и культуры должна преобразоваться—какъ всѣ другія—или лопнуть. Будущее нашего театра, отсталаго, рабскаго, растлѣннаго представлялась бы въ крайне-непривлекательномъ свѣтѣ, еслибъ именно въ настоящее время не обнаружались въ немъ

симптомы реакціи. Театръ нашъ стоитъ на порогѣ преобразованія, на порогѣ, который литература давно уже переступила. Этотъ порогъ—реальность, отрѣшеніе отъ систематической лжи, отъ тупого подражанія, отъ обліенія ради искусства, и отъ низкой лести.

Для русской сцены настало, кажется, переходное время. Молодые начала крѣпнуть и прорываются впередъ, старое отбѣняется шагъ за шагомъ. Что первые опыты свести театръ съ современными вопросами, были неудачны по большей части, — это неоспоримо, но и за самыми плохими изъ нихъ, готовы мы признать достоинство неудачной попытки къ благой и честной цѣли. Сущность возрожденія очень проста отъ натяжекъ и лжи, театръ долженъ поворить къ правдѣ и современности. Каждый фактъ, въ которомъ мы увидимъ выраженіе этой реакціи, противъ пошлости и гнили—мы будемъ отъ души привѣтствовать. Нужды нѣтъ, если идея возьметъ перевѣсъ надъ формой въ ущербъ послѣдней—мы этимъ не избалованы. Какъ бы плоха не была форма, лишь бы поменьше лжи, треску и моральныхъ сентенцій, взамѣнъ внутренняго содержанія. Отъ драматическаго произведенія мы прежде всего въ правѣ требовать правды—въ прекрасной обширности этого слова на русскомъ языкѣ. Къ числу такихъ явленій мы считаемъ себя въ правѣ отнести пьесу г-на Бобарыкина «Ребенокъ», тѣмъ болѣе, что она вызвала, нѣкоторымъ образомъ, новое дарованіе г-жи Позняковой, которая представляетъ собой такое рѣдкое, почти безпримѣрное явленіе, что мы почли необходимымъ посвятить этому таланту разборъ серьезный, обстоятельный, и, не желая изъ своихъ словъ дѣлать шумиху фразъ, постараемся, по мѣрѣ возможности, аргументы наши подтвердить фактами и потому прежде чѣмъ обратились къ оценкѣ новаго таланта, мы высказали начала, которыхъ мы намѣрены держаться. Отъ категорическаго заключенія и приговора будущему значенію дебютантки—мы напередъ уклоняемся. Время для этихъ итоговъ еще не наступило, а мы пуше всего боимся теорій и гипотезъ. На пропаганду новыхъ критическихъ догматовъ мы также не претендуемъ. Мы довольствуемся громкимъ заявленіемъ необходимости серьезной критики театра, которой у насъ нѣтъ—и думаемъ, что въ этомъ случаѣ согласится съ нами всякій, кто любитъ и уважаетъ театръ нашъ. Намъ показалось, что приемы большинства нашихъ театральныхъ критиковъ оказались бы несостоятельными, когда дѣло идетъ о новомъ на-

правленія или новомъ талантѣ, не достаточно характеризируя его внутреннее содержаніе — и мы, въ этой статьѣ, сочли за нужное держаться другихъ приемовъ.

II.

Eclipse is first and the
rest — new here....
Macaulay: Essays.

Когда рѣчь идетъ о русскомъ театрѣ то на первомъ планѣ стоитъ безспорно московскій. Около роскошной и тяжелой громады большаго — театра возвышается длинное невзрачное желтое зданье малаго театра, съ мизернымъ подъездомъ и закоптылою залой (теперь его реставрируютъ) — однако эти желтыя стѣны заключаютъ въ себѣ всѣ лучшія надежды русской сцены. Даже при жизни Мартынова, московскій театръ стоялъ выше петербургскаго, потому что имѣлъ не только первоклассныхъ талантовъ, но былъ богатъ и второстепенными замѣчательными дарованіями, которыя составляютъ гармоническую среду, безъ какой не возможна художественная постановка пьесы. Послѣ смерти Мартынова нѣтъ въ Россіи имени, которое можно бы поставить на ряду съ звѣздами первой величины московской сцены. Мы не оговоримся въ пользу г. Самойлова. У него нѣ достаетъ той симпатической жизненности и художественной субъективности, которыми такъ богато были одарены незабвенные и дорогіе наши покойники—Мартыновъ и Васильевъ, и которыми такъ прекрасно владѣетъ П. М. Садовскій,

Благодаря этой гармонической обстановкѣ русскія пьесы всегда шли лучше въ Москвѣ, чѣмъ въ Петербургѣ—была только одна темная сторона, о которой мы и должны теперь упомянуть. Именно, московской сценѣ ужъ издавна слышался упрекъ въ недостатокѣ въ актрисахъ. Когда г-жи Читау и Самойловы сошли съ петербургской сцены—московская сцена не только поднялась до уровня своей соперницы, но стала неизмѣримо выше, будучи богата такими замѣчательными талантами, какъ г-жи Акимова, Бороздины, Васильева и Колосова. Но первоклассаго таланта, о которомъ бы можно сказать что онъ «первый и за нимъ никого» какъ говоритъ Маколей о Досвеллѣ (біографъ Джонсона *)—такого таланта не было. *Тимъ* были разучены и вос-

* Вотъ это мѣсто изъ статьи Т. В. Маколея о Джонсонѣ. Мы его приводимъ для разъясненія смысла эпитета. Подобно тому говорить

проведены прекрасно, но, говоря словами Бѣлинскаго, чтобы понявъ объективно идею характера, выполнить ее субъективно—или другими словами, понять не типъ только, а характеръ, въ типъ угадать человѣка, быть вѣрной себѣ во всякой роли—до этого московскія актрисы никогда не могли возвыситься. Не говоря ужь о той художественной полнотѣ, въ которой русскій характеръ являлся въ игрѣ Садовскаго, но даже ничего подходящаго къ этой могучей концепціи мы не находили въ русскихъ роляхъ. Какъ византійскіе художники, каждая изъ нашихъ даровитыхъ актрисъ выработала себѣ извѣстный типъ, овладѣла имъ какъ монополей, какъ спеціальностью и довела свое исполненіе до замѣчательнаго совершенства. Но уже внѣ этого типа, не рѣдко укаго и граничащаго съ шаржемъ—ничего и не требуйте отъ московской актрисы. Вы еѣ не узнаете въ другой роли, вы усомнитесь въ самомъ существованіи какого-нибудь таланта—и какъ не грѣховно будетъ ваше сомнѣніе, вы съ трудомъ отдѣляетесь отъ поспѣшнаго и неблагоприятнаго убѣжденія. До обыкновеннаго пониманія русскаго характера вообще, русскоі женщины или дѣвушки—наши актрисы не могли возвыситься. Отчего же?

Намъ кажется, что и въ этомъ случаѣ, критика, основанная на произвольной теоріи или на собственныхъ взглядахъ, можетъ только запутать и затемнить этотъ вопросъ. Поэтому, мы не станемъ разбирать каждый талантъ особо, не станемъ разыскивать чего именно не достаетъ у того или у другаго для достиженія совершенства. Мы обратимся къ другому приему, радикальность котораго намъ кажется болѣе доказанною—къ критикѣ на основаніи историческаго изученія факта. Въ настоящемъ случаѣ, мы можемъ поставить вопросъ въ формѣ силлогизма. а) Безъ драматической литературы не можетъ быть сцены. Хорошія драматическія произведенія порождаютъ хорошихъ актеровъ. б) Въ нашей драматической литературѣ до Островскаго

Маколей, какъ Гомеръ былъ рѣшительно первый между эпическими поэтами, какъ Шекспиръ, былъ рѣшительно первый между драматическими писателями и Демосеенъ былъ рѣшительно первый между ораторами такъ и Досвелль рѣшительно первый между біографами. Онъ такъ положительно опередилъ всѣхъ своихъ соперниковъ, что не стоитъ и развѣщать ихъ. Эклипсъ первый и за нимъ никого. (Эта фраза взята изъ отчета о сазакяхъ, гдѣ участвовалъ знаменитый Эклипсъ).

(и послѣ двухъ геркулесовыхъ столбовъ русской комедіи) не было женскихъ характеровъ. с) Наши актрисы выросли и развились на совершенно ложной почвѣ, по одному любимому выраженію—ихъ заѣла среда, среда мелодрамы и лики всякаго рода.

Переходное время всегда ознаменовывается такими фактами, которые служатъ какъ бы предвѣстниками болѣе цвѣтущей и живой эпохи искусства; но предназначено-ли этимъ фактамъ въ самихъ себѣ олицетворить эпоху процвѣтанія или суждено имъ ограничиться значеніемъ симптома—этотъ вопросъ можетъ рѣшить только время. Категорическій отвѣтъ не возможенъ. Когда передъ нашими глазами художникъ набросалъ эскизъ картины, и стройный образъ поражаетъ насъ дивною красотой—подождемъ, остановимся—время восторженныхъ похвалъ еще не настало. Быть можетъ (чего не дай Богъ), что художникъ не сладитъ съ своимъ талантомъ, не дастъ образу развиться до до предугадываемаго идеала, испортитъ его—и съ грустью придется намъ поникнуть головою за нашу похвалу и молча выслушивать упрекъ, что мы захвалили молодой талантъ.

Скажемъ только, что будущее всякаго таланта зависитъ и отъ него самого и отъ публики, отъ общества, передъ которымъ онъ долженъ развиваться и въ которомъ долженъ найти нравственную поддержку. Мы далеки отъ той мысли, что для процвѣтанія искусства, какого бы то ни было, нужно было меценатство. Искусство прежде всего должно быть свободно. Извѣстно также, что принимать на себя роль покровителей искусства, есть обыкновенная замашка вельможества и аристократіи, въ которой до сихъ поръ онъ находилъ или меценатовъ извѣстнаго рода, или кланеровъ. Избави Богъ нашихъ молодыхъ талантовъ отъ этой *нравственной поддержки!*

Тѣмъ не менѣе, однако не справедливо было бы пожаловаться на отсутствіе духовной связи между публикою (и особенно московскою), русскими сценическими художниками (для удобства произношенія: артистами). Что эта симпатическая связь существуетъ, что въ разнородной публикѣ малаго театра всегда есть живые отголоски ко всему новому, молодому и прекрасному,—это, видно, изъ ся сочувствія къ свѣтлымъ сценическимъ явленіямъ нынѣшняго сезона. Къ числу тѣхъ утѣшительныхъ явленій, въ которыхъ можно указать на прекрасные залогы для будущаго, относимъ мы и г-жу Познякову.

Г-жа Познякова, воспитанница московской театральной шко-

лы, дебютировала на московской сценѣ малаго театра, 8 января 1862 г. въ драмѣ г. Бобарыкина «Ребенокъ» (бенефисъ г. Самарина) *. Задолго до спектакля, въ нѣкоторыхъ литературныхъ кружкахъ и ихъ органахъ, ходила молва о новомъ, замѣчательномъ талантѣ. Говорили, что такой актрисы еще не бывало, что она стоитъ совершенно особнякомъ отъ всѣхъ прочихъ, и что всѣ, кому дорогъ русскій театръ, должны благодарить И. В. Самарина за образованіе подобнаго таланта. Тѣ немногіе, которымъ посчастливилось увидать молодую актрису на школьныхъ спектакляхъ, говорили о ней съ такимъ восторгомъ, что немедленно возникло цѣлое племя дешевыхъ скептиковъ. За нѣсколько дней до спектакля, въ одной московской газетѣ явилась статья—нѣчто въ родѣ двоирамба (ad libitum). Впрочемъ, это казалось такимъ только прежде спектакля, но послѣ, когда публика увидала предметъ двоирамба, самое восторженное въ немъ казалось только-только что въ пору. Съ первой же сцены, дебютантка овладѣла публикой. Необыкновенная, невиданная простота и наивность, серьезная реальность и выдержанность игры незамѣтно увлекли зрителей въ тотъ міръ, въ которомъ жила и дышала Вѣрочка. Потрясеній, эффектовъ никакихъ не воспослѣдовало. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ появленія молодой артистки на подмосткахъ, публика привыкла къ ней, какъ къ чему-то знакомому и необычайному. Въ умѣ шевелился наивный вопросъ, лучшая награда реальному художнику: да можно ли играть иначе? Сцена съ учителемъ (1-е дѣйствіе) была сыграна превосходно. Дѣтская веселость и оттѣнокъ грусти и глубокой, тревожной думы—этотъ переходъ отъ дѣтской безпечности къ пониманію грустной дѣйствительности—это было превосходно понято и выражено съ рѣдкою искренностью и теплотою. Характеръ Вѣрочки и ходъ драмы внезапно освѣтились яркимъ лучемъ жизни и правды.

Занавѣсъ опустился. Раздались обыкновенные, бенефисные аплодисменты (или какъ говорили въ 30-хъ годахъ, аплодисманы) но публика была въ какомъ-то недоумѣніи. Скептицизмъ ея былъ сильно поколебленъ. Тутъ было очевидно что-то, что

* Еще прежде г-жа Познякова являлась на сценѣ въ незначительныхъ роляхъ комедій и водевилей, до тѣхъ поръ пока не обнаружилась въ ней талантъ замѣчательный и оригинальный. Она играла въ Испанскомъ дворяннѣ (переводъ М. Н. Лонгинова) въ Мастерской русскаго живописца и т. п.

Зам. автора.

даже знатоковъ ставило въ тупикъ. Неужели же?... поднимался вопросъ и не вольно замиралъ. Утвердительный и положительный отвѣтъ пугалъ своею продерзостью. Люди ума ограниченаго и дилетанты, съ разгорѣвшимися отъ восторга лицами, говорили прямо—что это дивный, великолѣпный талантъ; но къ счастью нашлось нѣсколько умныхъ людей, которые выручили погибающій было скептицизмъ, насмѣшливо пожимая плечами и помахая головами.

Начался второй актъ. Вся пьеса была поставлена необыкновенно хорошо. Г. Шумскій въ роли отца Вѣрочки было превосходенъ. Замѣчательно—умное пониманіе характеровъ, и типичность, которую умѣетъ придавать имъ г. Шумскій, и здѣсь явилась въ полномъ блескѣ. Нельзя было лучше передать смѣсъ тупоумія и уваженія къ «принципамъ,» которыми проникнуть Куроѣдовъ. Г. Рябовъ 2-й въ роли брата, былъ очень хорошъ. Замѣтимъ, что до этого времени, г. Рябовъ занималъ самыя ничтожныя роли, и что въ «Ребенкѣ,» ему въ первый разъ досталась роль серьезная. Личность Вѣрочки выступила еще отчетливѣе среди прекрасной обстановки. Не имѣя подъ рукою пьесы, (помѣщенной въ Библіотекѣ для Чтенія) мы не можемъ, къ сожалѣнію прослѣдить по ней игру молодой артистки, что впрочемъ, вышло бы изъ предѣловъ нашей статьи. Скажемъ только, что въ 3-мъ дѣйствіи, когда Вѣрочка узнаетъ отъ старой тѣтки о семейныхъ несогласіяхъ, бывшихъ причиною смерти матери, когда въ душѣ ея возникаетъ страшная мысль, что отецъ ея виноватъ въ смерти горячо любимой матери,—г-жа Познякова, съ замѣчательною искренностью чувства и умомъ, уклонилась отъ эффектовъ и выкрикиваній, въ которые такъ легко было бы впасть молодой артисткѣ. Актриса, взрослая на известковой почвѣ мелодрамы, ужь конечно не приминуло бы воспользоваться этою сценою, чтобы доставить зрителямъ нѣсколько сильныхъ, но очень несприятныхъ, нервныхъ ощущеній. Публика прекрасно поняла, и оцѣнила этотъ художественный тактъ. Изъ среды ея вырвался, въ первый разъ, сильный взрывъ сознательныхъ рукоплесканій. Публика поняла артистку. Драматизмъ игры г-жи Позняковой, въ этой сценѣ, былъ проникнуть тою глубиною и искренностью чувства, которая составляютъ характеристическую черту въ талантѣ молодой актрисы. Этотъ драматизмъ былъ въ своемъ родѣ откровеніемъ.

Восторгъ публики послѣ этой замѣчательной сцены шолъ все

ogrescendo. Смерть Вѣрочки, какъ торжественный аккордъ, заключилъ пьесу. Дебютантка была вызвана поп-основски, т. е. съ вступленіемъ и немислимое число разъ. Люди восторженные и молодые, видѣвшіе въ новомъ талантѣ, представительницу молодаго поколѣнія на сценѣ, и вчерашніе скептики, которые обижались, когда имъ напоминали объ ихъ двусмысленныхъ отзывахъ и поспѣшныхъ заключеніяхъ, всѣ вполне сходились на томъ, что у г-жи Позняковой, весьма замѣчательный талантъ, и что отъ этого таланта, русская сцена въ-правѣ ожидать многого. Дебютъ молодой актрисы былъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ, которыхъ могутъ запомнить театры. Всѣ лучшіе органы московской журналистики, съ сочувствіемъ относились къ новому таланту, который сразу поставилъ себя на ту степень, до которой другіе доходятъ оцупью, долгимъ путемъ опыта, теоріи, ошибокъ и успѣховъ—а очень многіе и вовсе не доходятъ. И въ самомъ дѣлѣ, если какое явленіе рѣдко и утѣшительно, то именно появленіе серьезнаго дарованія, которое не эксплуатируетъ свои средства, и не сбивается на рутину.

Но отрезвившись отъ обаянія успѣха, можно было указать на нѣсколько довольно крупныхъ недостатковъ въ дебютанткѣ. Случалось, что въ патетическихъ сценахъ она вдругъ переходила въ какой-то паэосъ; слышалась какая-то, очевидно привитая искусственность, являлись какіе-то щегольскіе приемы. Зачѣмъ было, на примѣръ, передъ сценой объясненія съ тѣткой, (если не ошибаюсь), сбрасывать такъ эффектно мантилью и нѣсколько минутъ молчать, подготавливая публику къ патетическому мѣсту? «Э, сказали другъ-другу Петры Ивановичи—въ этомъ что-то знакомое...» Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ артисткѣ измѣнялъ голосъ, и она впадала въ довольно-непріятную монотонность дикціи. Отъ этого недостатка г-жа Познякова не совсѣмъ отрѣшилась и до сихъ поръ, (на примѣръ въ послѣднее представленіе «Женскій уи.») Но эти недостатки въ деталяхъ имѣютъ только временное значеніе. Въ этомъ легко было убѣдиться изъ слѣдующихъ представленій. «Ребенка.» Г-жа Познякова постепенно отрѣшилась отъ нихъ и, въ настоящую минуту, когда кончился лѣтній сезонъ и начался зимній 62 года, 9 спектаклей дали возможность достаточно изучить новый талантъ, чтобы подвергнуть его критической оцѣнкѣ.

Объ этихъ представленіяхъ, мы будемъ сей-часъ говорить; но прежде считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о драмѣ

г. Бобарыкина, въ которой дебютировала г-жа Познякова. Мы думаемъ, что, въ этомъ случаѣ, намъ можно будетъ указать на общій элементъ господствующій какъ въ характерѣ произведенія, такъ и въ талантѣ исполнительницы.

О содержаніи пьесы г. Бобарыкина мы распространяться не будемъ, полагая что она читателю извѣстна. Начнемъ съ того, что, не взирая на строгость рецензій, которыя намъ пришлось читать объ этой пьесѣ, мы, не обвиняясь, выразимъ автору нашу полную симпатію. Это пока одно изъ тѣхъ немногихъ драматическихъ произведеній, которыя отличаются какою-то особенною добросовѣстностью въ употребленіи драматическихъ средствъ, если намъ позволено будетъ такъ выразиться. Самымъ неснисходительнымъ сужденіемъ о «Ребенкѣ» было бы примѣненіе къ нему мнѣнія Отфрида Мюллера объ одной мало-извѣстной нѣмецкой трагедіи «Рутландъ.» «Эта пьеса, говоритъ онъ, принадлежитъ тѣмъ твореніямъ драматической поэзіи, которыя доказываютъ приближеніе эпохи преобразованія въ искусствѣ. Правда, что въ большей части такихъ пьесъ, прежде всего стараются поразить слухъ и глаза зрителя, но болѣе глубокія тайны драматическаго искусства, какъ напримѣръ, лучшее пониманіе эффекта и постепенность развитія страстей уже весьма замѣтны;» и выше: «Правда, что ходъ пьесы часто медленъ, но постановка на сцену и очеркъ главныхъ характеровъ, предвѣщаютъ уже замѣчательный успѣхъ.» (Записки Ш. Аккерманъ, изд. О. Мюллеромъ.)

Драма г. Бобарыкина задумана очень умно. Въ ней нѣтъ той пошлой моральной вѣтоши, которою набиты произведенія въ родѣ «Испорченной жизни или Жертвы, г. Дьяченко. Нравственный выводъ вытекаетъ изъ самой пьесы, но не напрашивается назойливо на сочувствіе зрителей. Въ драмѣ г. Бобарыкина нѣтъ и того грязнаго, монотоннаго колорита, которымъ отличается «Омутъ» г. Владыкина, гдѣ всѣ лица безъ изыятія, отъявленные негодяи, необъяснимые даже заглавіемъ пьесы; она имѣла успѣхъ на здѣшней сценѣ. (Бенефисъ даровитой и любимой нашей артистки г-жи Колосовой.) Замѣтимъ, что избѣгнуть двухъ подводныхъ камней современной драмы — съ одной стороны эксплуктаціи современныхъ идей въ ущербъ цѣльности и самостоятельности произведенія—а съ другой систематической утрировки и сатиры во что бы то ни стало (Омутъ) избѣгнуть эти двухъ утесовъ, какъ сдѣлалъ это авторъ Ребенка,

заслуга немаловажная. Г. Владыкинъ не хотѣлъ понять, что изъ сатиры драму скроить нельзя, потому что драма—это жизнь на сценѣ, а сатира только одна темная сторона этой жизни. Вопросъ теперь: зачѣмъ пишутся такія драмы, съ дидактическою пѣлюю или съ художественною? Въ первомъ случаѣ дознано, что удары Ювеналова бича никогда никого не исправляли, и что искусство никогда такъ далеко не уклоняется отъ своего значенія, какъ дѣлаясь поучительнымъ. Изъ подобныхъ пьесъ выводится одно заключеніе—сатира и мораль смыслъ этого всего? Что же касается до художественнаго достоинства подобныхъ драмъ, то мы представляемъ всякому рѣшить: какъ бы поправилась ему картина, писанная вся одною черной краской? Года два тому назадъ, на выставкѣ въ Москвѣ, была картина такого рода, какого-то академика съ нѣмецкой фамиліей. Эта картина изображала видъ кремля ночью. Она наводила на зрителя невыразимое уныніе...

Между тѣмъ и «Ребенокъ» и «Одюдворецъ» принадлежали къ числу тѣхъ пьесъ, о которыхъ Бѣлинскій говоритъ, что онѣ даютъ жизнь и значеніе сценѣ, безъ какихъ театръ становится призракомъ, не представляя живыхъ образовъ современности и правды (ч. V).

Вотъ почему мы назвали эти пьесы вполне русскими и современными.

Главные недостатки, какъ той и другой драмы г. Бобарыкина—растянутость и плохое знаніе сцены, но эти недостатки выручаются вполне тщательною и умной разработкой характеровъ отсутствіемъ лицъ совершенно безпѣтныхъ и безличныхъ.

Върочка «ребенокъ» какъ называютъ ее въ семьѣ, окружена атмосферою, напитаной тѣми удушливыми миазмами, отъ которыхъ мы все такъ жолчны и блѣдны. Тутъ и безобразіе семейной патріархальности въ лицѣ глупаго и богатаго жиненною мудростью отпа, и дикость свѣтскихъ принциповъ и обвѣтшалаго рутинѣрства въ лицѣ молодой вдовы Недакуровой (г жа Медвѣдева) и глубокая пусгота не работающей, празднои молодежи въ лицѣ брата. Добрые люди какъ jeune—premier г. Лукинскій (г. Самаринъ) домашній учитель Куроѣдовыхъ и старая Коробова—(г-жа Таланова) блѣдны и слабы. Ну, да видно ужъ такова участь добрыхъ людей! Трагическая развязка содержитъ какъ бы грустный вопросъ о будущемъ, объ исходѣ борьбы молодой ся-

ды съ закоренѣлымъ старымъ зломъ, огражденнымъ подкрашенными сѣдинами и мылыми «принципами...»

Послѣ этихъ 4-хъ спектаклей, г-жа Познякова не являлась передъ публикой до самаго лѣтняго сезона. Одинъ разъ только въ бенефисѣ г. Разсказова (бенефисъ безъ повторенья, Богъ вѣсть почему) г-жа Познякова приняла участіе въ довольно-странномъ представленіи. На афишѣ объявлена была сцена изъ Евгенія Онѣгина. Сцена состояла въ томъ, что нѣсколько главъ были взяты цѣликомъ изъ поэмы и ео ірсі возведены на степень произведенія драматическаго. Нельзя не видѣть въ этомъ странномъ поступкѣ новаго доказательства того, что русской широкой натурѣ все ни почемъ, даже поэму поставить на сцену. Мы очень хорошо понимаемъ, что это было сдѣлано для того, чтобы дать случай г-жѣ Позняковой превосходно продекламировать превосходные стихи, но зачѣмъ же было устроить совершенно лишнюю сценическую обстановку — а не просто прочесть ихъ? Какъ бы то ни было, но и въ этомъ случаѣ, г-жа Познякова необыкновенно умно, серьезно отнеслась къ своей роли. Даже поза ея была прекрасно обдуманна, хотя то, что мы называемъ обдуманностью — у даровитаго артиста не болѣе какъ художественный инстинктъ, почти невольное слѣдствіе развитаго вкуса и ума. Явился на сцену г. Самаринъ съ какими бакебардами 20-хъ годовъ. Онъ не запинаясь продекламировалъ чуть-ли не нѣсколько главъ подъ-разъ, изъ Онѣгина — и умолкъ. Г-жа Познякова все сидѣла, слушала и молчала. Когда мнимый Евгеній Онѣгинъ кончилъ свою огромную шираду — она заговорила и превосходно произнесла тотъ отрывокъ изъ пушкинской поэмы, въ которомъ Татьяна — княгиня и за-мужемъ — отвѣчаетъ Онѣгину на его признаніе. Г. Самаринъ молчалъ, стоялъ и слушалъ. Стихъ — я васъ люблю, къ чему лукавить — былъ такъ превосходно сказанъ, что поднялъ смутный говоръ похвалъ. Черезъ нѣсколько минутъ зановѣсь внезапно опустился. Пушкинская героиня, со всею прелестью молодости и красоты, промелькнула и исчезла передъ публикой — «какъ мимолетное видѣніе...»

Когда наступилъ лѣтній сезонъ и московская сцена была перенесена на театръ петровскаго парка — театръ, славный воспоминаніемъ о Мочаловѣ въ Гамлетѣ (1838 г.) — тогда разнеслась молва, что г-жа Познякова будетъ играть въ небольшихъ комедіяхъ и водевиляхъ. Эта новость возбудила общее любопытство. Оди

думали найти наконецъ подтвержденіе своей недооцѣнности въ силы молодого таланта; — Думали, что легкій отъѣтъ искусственности, проглядывавшій мелькомъ въ игрѣ г-жи П. въ «Ребенкѣ» лишился той задушевности и простоты, которая обратила на нее общесъ вниманіе. Но мнѣніе о талантѣ г-жи Позняковой — по ея дебютамъ — было очень односторонне и не полно. Изъ того, что вся пьеса была пропитана слезами думали, что и артистка хороша только въ слезливыхъ роляхъ. Волѣ внимательный взглядъ показалъ бы другое. Почитатели молодого таланта не совѣтъ спокойно ждали — какъ отнесется молбдая артистка къ незначительнымъ своимъ ролямъ: съ тою-ли строгостью какъ прежде и съ тою-ли же художественною обдуманностью! До-станеть-ли въ ней всеелости и наивности чтобы вдохнуть жизнь въ небольшихъ этюдахъ характеровъ, какіе представляли водевилы и комедіи. Поклонники новаго таланта вѣрили въ его силы — но не безъ волненія ожидали перваго представленія. Скажемъ прямо, что успѣхъ превзошелъ ожиданья. Хотя драматическій элементъ всегда звучалъ съ особенною силою въ игрѣ г-жи Позняковой, но всеелость, умѣніе владѣть комизмомъ, выдержанность этого комизма и тонкіе переливы и переходы чувства — были по истинѣ изумительны, когда брался въ расчетъ возрастъ артистки (г-жѣ Позняковой должно быть около 18 лѣтъ.) Это доказываетъ необыкновенно счастливое расположеніе къ труду и изученію, потому что безъ труда, само собою, такое знаніе техники не дается.

Какъ и прежде, игра г-жи Позняковой дышала жизненностью. Избыткомъ этой жизненности, если можно такъ выразиться, жили даже такія личности, которыя безъ того походили бы на какихъ-то призраковъ. Но и эти призраки освѣщались яркимъ лучемъ реальности, и начинали ходить и говорить, какъ будто живые люди.

Г-жа Познякова играла въ слѣдующихъ пьесахъ: Влюбленный братъ комедія въ 1 дѣйствіи, соч. Скриба пер. Ленскаго (1 разъ) Крестный мамейка того же (1 разъ) и послѣвица: женскій умъ лучше всякихъ думъ, соч. Альфреда де Мюссэ. (2 раза) Каждая изъ этихъ пьесъ заключаетъ въ себѣ небольшой спихическій этюдъ, который и давалъ г-жѣ Позняковой возможность показать всю многосторонность и гибкость своего таланта. Въ этомъ и заключается все достоинство подобныхъ пьесъ. Онѣ написаны умно и ловко. Онѣ смотрятся съ удовольствіемъ. Ино-

гда же онѣ ставятъ характеръ въ такую запутанную обстановку, что пьеса становится совершенною бессмыслицей. Примѣръ этого видимъ мы въ «Влюбленномъ братѣ.» Вообще отъ Скриба нѣсколько несетъ старьемъ, обвѣтшалою славой, временами имперіи, воспоминаньями Наварина и «бѣдной Лизы.» Одинъ талантъ г-жи Позняковой могъ поддержать такую пьесу. Въ такой пьесѣ она умѣла быть и наивною и драматичною. Крестная маменька—очень милая и веселая бездѣлка. Послѣ того, какъ г-жа Познякова играла въ ней, эта пьеса получила достоинство и цѣну, подобную той, которую имѣетъ деревянная ложка или глиняная миска, изъ которой ѣлъ Наполеонъ, или еще столикъ о трехъ ножкахъ, на которомъ написана была новая Элоиза. Роль г-жи де Лери, въ пословицѣ Мюссэ, была самою трудною изъ всѣхъ. Молодой артисткѣ приходилось играть роль великосвѣтской кокетки лѣтъ 30. Г-жа Познякова и здѣсь осталась вполне вѣрна себѣ—большой похвалы мы не знаемъ. Она была русской женщиной въ этой роли—это правда—но потому, что силою и правдою своего таланта присвоила себѣ все то, что было общечеловѣчнаго во ея роли—и отказалась отъ всякаго подражанія, отъ всякаго стремленія представить настоящую *m-me de Lery*, до которой намъ собственно никакого нѣтъ дѣла. Изъ всѣхъ ролей г-жи Позняковой, послѣдняя была самая умно-обдуманная и понятая. Эта же пьеса доставила намъ удовольствіе видѣть, что не одно прекрасное дарованье растетъ за желтыми стѣнами театральной школы. Въ роли графини Матильды дебютировала г-жа Гельцеръ (Bon.), и этотъ дебютъ позволяетъ надѣяться, что молодая артистка пойдетъ по пути естественности и правды, и въ оппозицію рутинѣ дастъ русской сценѣ талантъ бодрый и истинный. Богъ-помощь. Кстати: мы слышали, что одна заслуженная артистка московской сцены совѣтовала г-жѣ Позняковой придавать больше чувства своей игрѣ и притомъ ставила себя въ примѣръ. Упаси Богъ г-жу Познякову отъ подобныхъ совѣтчиковъ! Избавь меня отъ моихъ друзей, говоритъ извѣстная французская поговорка, а съ врагами я самъ управлюсь.

Спектакли въ петровскомъ-паркѣ имѣли почти домашній характеръ. Небольшая зала, немногочисленная публика, робкіе аплодисменты и рѣдкіе вызовы—все это придавало спектаклямъ скромную своеобразную привлекательность. Мы слышали, что такія пустыя пьесы, какъ вышепоименованныя, давались для

того, чтобы придать дебутирующимъ больше развязности, а не въ видахъ примѣненія этихъ ролей къ характеру ихъ талантовъ. Но развѣ мало такихъ пьесъ, въ которыхъ можно было бы достигнуть тѣхъ же результатовъ съ меньшимъ ущербомъ здравому смыслу? Отчего было не поставить драматическую посьловицу Тургенева «гдѣ тонко — тамъ и рвется». Въ ней нашлась бы прекрасная роль, которая, какъ нельзя лучше, шла бы къ г-жѣ Позняковой. И мало-ли такихъ пьесъ разсѣяно въ периодическихъ изданіяхъ? А то, признаться не совѣтъ спокойно смотрѣли мы на нашу молодую артистку въ французскихъ пьесахъ, къ которымъ мы питаемъ часто — шипковскую ненависть. Наконецъ, почему бы не поставить отрывковъ изъ болѣе серьезныхъ пьесъ или даже вполне серьезныхъ, чтобы дать публикѣ возможность посудить о способностяхъ молодыхъ талантовъ къ воскрешенію совершенно заглохшей у насъ серьезной драмы. На обстановку публика взглянула бы очень снисходительно. На нѣтъ вѣдь и суда нѣтъ. Между тѣмъ коренной недостатокъ нашего сценическаго образованія заключается именно въ отсутствіи серьезной классической подготовки. На первомъ планѣ стоитъ знакомство съ техникой, съ сценическими приемами. Это направленіе въ высшей степени достойно сожалѣнія. Артистовъ даровитыхъ оно лишаетъ богатой и твердой почвы; у золотой посредственности оно отнимаетъ всякое средство къ саморазвитію. Не слишкомъ-ли дерзко было бы кстати выразить скромное желаніе, чтобы театральная школа слѣдала уступку потребностямъ времени—вѣдь все дѣлаетъ имъ иступки—и перестала бы быть какимъ-то таинственнымъ и строго замкнутымъ святилищемъ. По знаменитому выраженію въ наше время, когда не стремится къ свѣту и гласности и т. д.—театральная школа нѣсколько наивный анахронизмъ. Въ ней учатъ слѣдующимъ предметамъ: Закону Божью, танцованью, фехтованью, музыкѣ и пѣнью, драматическому искусству (т. е. сценическимъ приемамъ) и русскому языку. По адресъ-календарю 1862 г. московская театральная школа имѣетъ 8 учителей: 2 для танцованья, 2 для музыки, 1 для Закона Божья, 1 для фехтованья (точно для дуэлистовъ) 1 для драматическаго искусства и 1 для русскаго языка. Вотъ образованіе, которое получаютъ наши артисты. Колеблясь между закономъ Божиимъ и танцованьемъ, какъ главными предметами, оно точно также практично какъ тѣ испанскіе корабли, о которыхъ Бокль пишетъ, что они

не могли выдержать выстрѣловъ изъ собственныхъ пушекъ. Вотъ научныя свѣденія, которыя должны развить артистическую натуру, сдѣлать ее способною понимать высокое и прекрасное. Какая нищенски-бѣдная программа! Не пора-ли освѣтить этотъ темный уголокъ? Не пора-ли отнять у заведенія, которому ввѣрены лучшія сценическія надежды Россіи—монополию на невѣжество и обскурантизмъ?

У г-жи Позняковой передъ глазами прекрасный примѣръ классическаго театральнаго образованія—столь рѣдкаго у насъ въ лицѣ Нестора нашей сцены Михаила Семеновича Щепкина. Его наставниками были Мольеръ и Шекспиръ. Благодаря имъ, быть можетъ, остался онъ до нынѣ неподражаемъ въ двухъ геркулесовыхъ столпахъ русской драммы. Михаилъ Семеновичъ вступилъ на сцену при обстоятельствахъ довольно сходныхъ съ тѣми, при которыхъ вступалъ на сцену г-жа Познякова. При этомъ разумѣется нельзя терять изъ виду разницу въ нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, когда явился Щепкинъ—и нашимъ временемъ. Тогда началась борьба и сильная реакція противъ рутинны и лжи—въ другихъ разиѣрахъ, конечно съ другимъ средствами—но все та же борьба продолжается и въ настоящее время. На тогдашней сценѣ полновластно господствовали рутинна, фальшь, и напыщенность; естественность и правда казались тривиальными недостатками. То-то было золотое времячко для бездарностей. Въ такомъ состояніи засталъ русскую сцену Щепкинъ. Его чуткая художническая натура рано пришла къ пониманію законовъ истиннаго драматизма и къ отрицанію существующаго порядка дѣлъ. Его игра была торжественнымъ протестомъ противъ господствовавшей натяжки и неестественности. Ему принадлежитъ честь быть на сценѣ первымъ представителемъ того реальнаго направленія, кореннаго русскаго направленія, которое охватило теперь общее литературное движеніе и сдѣлалось насущною потребностью времени. Такія заслуги даютъ право на почетное мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Въ настоящее время обстоятельства конечно ужъ не тѣ. Если неестественность и напыщенность не находятъ еще невыносимыми, за то и наль правдой и простотой никто ужъ не смѣется, а стараются ихъ развивать и хвалятъ. Но тѣмъ не менѣе, мы считаемъ нашимъ долгомъ предупредить г-жу Познякову, что ей угрожаетъ величайшая опасность. Она вошла въ сферу, гдѣ

свѣжаго и истиннаго пока очень мало, а стараго, растлѣннаго и ложнаго—чрезвычайно много. Она должна беречь себя, какъ отъ огня отъ репертуара французскихъ мелодрамъ и русскихъ подражаній на тотъ же ладъ, которыя едва-ли не хуже. Нѣтъ въ мірѣ таланта, нѣтъ силы, которую не заѣла бы эта среда. Талантъ г-жи Позняковой такъ молодъ еще, что вліяніе драматической лжи во всѣхъ разнообразныхъ ея видахъ—положить на него неизгладимый отпечатокъ. Примѣровъ этой гибели у ней передъ глазами очень много. Грудь надорванная мелодрамою, чувство поднятое на дыбъ съ подтряскою (какъ въ петровскихъ застѣнкахъ), пошлость, которая пропитываетъ на сивозъ все существо таланта—все это смерть для молодаго дарованія. А передъ нимъ такая свѣтлая, высокая будущность! Горизонтъ обширенъ. Его хватить хоть на какое честолюбіе. Но повторяемъ, опасность г-жѣ Позняковой грозитъ страшная. Вѣдь ей извѣстна одна пословица о волкахъ. И да не позволяетъ г-жа Познякова себѣ думать, что великій талантъ можетъ быть великимъ даже въ дурной пьесѣ, изъ ничтожной роли можетъ сдѣлать чудо. Это—мечта очень опасная. Молодое чувство, котораго хватило бы на всю жизнь, можно растратить на два—три фейерверка. Спору нѣтъ, что зрители будутъ оглушены, очумлены — но восторгаться такими фокусами можно было развѣ только тогда, когда у насъ вовсе не было порядочнаго репертуара; и если нѣсколько талантовъ вышли цѣлы и чисты изъ этой грязи, то сколько ихъ въ нее ушло совѣсть, по-уши. Сколько талантовъ «подававшихъ прекрасныя надежды», благодаря искаверкавшей и засушившей ихъ мелодрамѣ—такъ и остались въ положеніи «подающихъ надежды» положеніи, жесточе котораго нѣтъ ничего на свѣтѣ!... И какое горькое разубѣжденіе. Послѣ оглушительныхъ успѣховъ въ ложной драмѣ, жизненность таланта подорвана; попробуй онъ взяться за серьезную, высокую драму, или за реальныя произведенія новой школы: нѣтъ, поздно. Чувство звучитъ какъ надтреснутый колоколъ: слышатся оголоски разныхъ произведеній съ заманчивыми названіями, доступъ къ истинѣ закрытъ на вѣки.

Это было бы слишкомъ горькая и безотрадная будущность.

Не желая ограничиться этими возгласами, мы заключимъ нашу статью обзоромъ, въ общихъ чертахъ, репертуара, котораго, по мнѣнію людей, вполне вѣрящихъ прекрасной будущности г-жи Позняковой,—ей слѣдуетъ избѣгать.

Этот удушливый репертуар состоит из следующих трех разрядов: 1) и самый обильный — французскія драмы и мелодрамы, сочиненія: Буржуа, Деннери, Юшоръ, и проч. Эти пьесы отличаются плодovitостью, превосходящею всякое воображеніе, литературною безтактностью и ложью идеѣ. Эти драмы — настоящій сценическій бпій. Въ большомъ количествѣ онѣ убійственны, въ маломъ усыпительны. Въ этомъ случаѣ публика играетъ роль китайцевъ, а гг. Таировскій, Рудневъ и проч. — роль англичанъ, постоянно снабжая насъ выгоднымъ товаромъ. Приличное названіе для этой литературной дѣятельности найти довольно затруднительно.

2) Мелодрамы и драматическія представленія (sic!) русскія сочиненныя и переведенныя чрезъ гг. Ободовскаго, Кукольника, Полеваго. Эти пьесы, по большей части, или глупы до нельзя, (какъ напр. Отецъ и дочь) или отъ нихъ несетъ такимъ патріотизмомъ, что уши вянуть, напр. Русская боярыня XVII столѣтія. Эти пьесы наводятъ на простодушныхъ зрителей истому, а на непростодушныхъ — очень комическое негодованіе. Впрочемъ эти пьесы безвредны — какъ только можетъ быть безвредна глупость, возведенная въ перлъ созданія. Чтобы человекъ зрѣлыхъ лѣтъ, говоря словами Макода, выдумавъ такую нелѣпость, нашолъ ее въ чернѣ, потомъ переписалъ бы, отдалъ въ печать и прочолъ въ корректурѣ — не замѣчая и не стыдясь ее — это заставляетъ стыдиться за человеческую породу — и за нашу дирекцію, прибавимъ мы отъ себя въ видѣ размышленія.

3) Наконецъ тѣ изъ современныхъ драматическихъ произведеній, которыя возникли подъ болѣе или менѣе непосредственнымъ вліяніи французской школы, или носятъ въ себѣ начала лжи и эффекта въ ущербъ художественности и правдѣ. Таковы «Мишура,» «Быль молодцу не укоръ,» «Снявшій голову,» «Омутъ и пр.» Эти пьесы тѣмъ вреднѣе, что, будучи въ сущности тождественны съ пьесами французскаго произведенія, онѣ, повидимому, отъ этого родства отрекаются и заявляютъ претензію на современность. О другихъ пьесахъ ejusdem farinae мы имѣли случаи нѣсколько разъ упомянуть въ продолженіи статьи. Г-жѣ Позняковой необходима серьезная подготовка, тогда ее ждутъ шекспировскія роли, для которыхъ у молодой артистки такъ много глубоко-обдуманнаго пониманія характеровъ, и графозной наивности и искренности чувства. Но и кромѣ того, русскій репер-

туаръ предлагаетъ г-жѣ Позняковой много ролей, вполне достойныхъ ея умной и проникнутой чувствомъ игры. Однѣ изъ этихъ ролей совершенно новыя, напр. Бѣдная невѣста *, Доходное мѣсто, тургеневскія комедіи: «Гдѣ тонко...», Провинціалка, Холостякъ и другія произведенія, которыя мы въ-правѣ ожидать отъ даровитыхъ дѣятелей новаго русскаго направленія въ драматической поэзіи, отъ гг. Писемскаго, Бобарыкина, Погосскаго и др. Кромѣ новыхъ ролей, въ нашемъ репертуарѣ, есть и такія, которыя нуждаются, такъ сказать, въ окончательной реформѣ. Назовемъ хоть Софью въ «Горе отъ ума», — характеръ такъ дурно понятый до сихъ поръ, что изъ него дѣлаютъ какую-то haute coquette. Талантъ, полный силы и жизненности, какъ талантъ г-жи Позняковой, можетъ придать фizioномію и характеръ даже такимъ блѣднымъ личностямъ, какъ наприм. Лидочка въ «Свадьбѣ Кречинскаго.» Много слабыхъ сомнительныхъ созданій можетъ выручить такой талантъ!

Намъ остается отъ всей души пожелать г-жѣ Позняковой глубокой вѣры въ святое и гордое искусство, которому она служить, пожелать успѣха, который показалъ бы ей, что истинный талантъ всегда найдетъ себѣ горячее сочувствіе. Съ своей стороны, мы общаемъ нашимъ читателямъ — ударить въ набатъ, какъ скоро замѣтимъ, что молодой талантъ сбивается или что его сбиваютъ на ложную дорогу. Вся отвѣтственность за такое возмутительное невниманіе къ искусству или непониманіе его, всею тяжестью ляжетъ на тѣхъ, которые руководятъ молодою артисткою. Черезъ нѣкоторое время мы представимъ нашимъ читателямъ разборъ успѣховъ нашей новой артистки, постоянно слѣдя за ними, какъ за явленіями, вполне достойными критики искусства въ Россіи.

Однажды, великимъ постомъ, намъ случилось видѣть г-жу Познякову въ живой картинѣ «Ромео и Юлія.» Да будетъ позволено намъ считать это за предзнаменованіе того дня, когда перестанутъ быть горькою правдой слова перваго нашего критика, что «для роли Юліи нужна такая артистка, какой еще на русской сценѣ не бывало.»

АЛЕКСАНДРЪ ШВАНОВЪ.

Москва, 30 августа 1862 г.

* Въ Бѣдной невѣстѣ играла въ 1860 г. г-жа Шубертъ. Играла очень умно—но безъ особеннаго успѣха.

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА. Ф. М. Достоевскаго.
Двѣ части. Санктпетербургъ. 1962.

«Записки изъ Мертваго Дома» принадлежатъ къ числу тѣхъ безхитростныхъ книгъ, которыя не предъявляя никакихъ особенныхъ претензій, касаются однако предметовъ, въ высшей степени способныхъ занимать человѣческое вниманіе. Если новизна предмета и толковое обращеніе съ нимъ могутъ придавать интересъ книгѣ, то «Записки изъ мертваго дома», безспорно, интересная книга. Судьба тѣхъ несчастныхъ, тѣхъ клейменныхъ отверженниковъ общества, о которыхъ идетъ рѣчь въ этой книгѣ, давно уже въ наиболѣе развитыхъ человѣческихъ обществахъ обращаетъ на себя самое всестороннее вниманіе и не только вызвала очень много гуманныхъ и возвышенныхъ чувствъ и помысловъ, дѣлающихъ честь человѣчеству, но и подверглась улучшеніямъ, вполне сообразнымъ съ духомъ вѣка, въ который мы живемъ. У насъ судьбою этихъ несчастныхъ вншущіе люди занимались до сихъ поръ,—и то чрезвычайно мало и только съ самаго недавняго времени,—лишь съ одной чисто внѣшней стороны: все, что мы имѣемъ, это нѣсколько высказанныхъ указаній на то, что эти несчастные подвергаются нѣкоторымъ совершенно излишнимъ и ни для кого ненужнымъ страданіямъ въ ихъ временныхъ тюрьмахъ, въ продолженіе ихъ безконечной подсудности и, особенно, въ продолженіе не менѣе безконечнаго пѣшеходнаго слѣдованія ихъ къ мѣсту ссылки, страданіямъ, отъ которыхъ было бы справедливо и очень возможно ихъ избавить. Глубже этого мы еще не успѣли проникнуть въ предметъ. Не мудрено. Такой предметъ, какъ клейменные каторжники, по необходимости, долженъ стоять

во всякомъ человѣческомъ обществѣ на самой далекой очереди, такъ какъ онъ требуетъ отъ людей слишкомъ большого развитія ума и сердца, чтобы сдѣлаться тревожнымъ для ихъ совѣсти. Поэтому, въ нашемъ равнодушіи къ предмету такого великаго интереса, мы не видимъ благопріятнаго случая къ тому, чтобы обратиться съ укорами къ нашему обществу и къ нашей литературѣ. Если бы быть просвѣщенными и гуманными или оставаться невѣжественными и варварскими—зависѣло отъ выбора народовъ, тогда, конечно, тутъ было бы мѣсто самымъ энергическимъ укоризнамъ. Но количество просвѣщенія и гуманности, которымъ обладаетъ нѣкій народъ, опредѣляется его историческою судьбою, измѣняется продолжительностію его цивилизаціи и всего менѣе зависитъ отъ его произвола. Что бы ни разказывалось о патріархальныхъ достоинствахъ нашихъ предковъ и о ихъ любовномъ житіи, но мы со всею точностію можемъ опредѣлить то не очень еще давнее время, когда эти патріархальные люди отличались такимъ жестокосердіемъ, что оставались совершенно хладнокровными при видѣ того, какъ ихъ ближнему за самый сущій вздоръ, даже за одно недозрѣніе въ какомъ-нибудь вздорѣ, отрѣзывали языкъ, давали проглотить растопленнаго металла, или прицѣпляли его желѣзными крючьями за ребра, ставили голыми ногами на раскаленные жаровни и т. п. Такія жестокости на нашъ взглядъ представляются злодѣйствомъ, превышающимъ всякое другое злодѣйство, за какое только человѣкъ можетъ попасться въ руки правосудія, и мы въ сравненіи съ нашими недавними предками можемъ считать себя гуманнѣйшими изъ людей. Если мы, въ свою очередь, за нѣкоторыя черты нашихъ нравовъ представляемъ еще полуварварами для теперешнихъ передовыхъ народовъ, то это значитъ только, что эти передовые народы отдѣляются отъ своихъ варварскихъ предковъ болѣе длиннымъ рядомъ поколѣній, чѣмъ мы отъ своихъ. Въ этомъ сопоставленіи насъ съ передовыми народами для насъ нѣтъ ничего пріятнаго, но мы все-таки указываемъ на него не для укоризны, а скорѣе для нашего оправданія. Оно, съ тѣмъ вмѣстѣ, выясняетъ для насъ фактъ, предъ которымъ мы должны смириться, сознавши настоящую степень своихъ успѣховъ въ нашемъ человѣческомъ развитіи. Общество часто слышитъ голоса,—особенно съ недавняго времени,—успокоительные для его *statu quo* и возвышаемые съ безпощадною бранью противъ достойныхъ людей, кото-

рые не умѣютъ видѣть его недостатковъ въ розовомъ свѣтѣ. Оно должно знать, что это, голоса—сирены, пропитанные квинтъ-эссенціей мака, мандрагоры и опиума. Ихъ такъ же опасно слушать, какъ, напримѣръ, напиваться пьянымъ для забвенія горя. Къ счастью, намъ, во всякую данную минуту, очень легко сдѣлать повѣрку надъ собою—посредствомъ сличенія; если бы общества, имѣющія высшій уровень развитія и потому лучше устроенныя, существовали только въ теоріи, тогда относительно собственныхъ нашихъ совершенствъ или недостатковъ были бы возможны самыя жаркія контраверсіи; но такія общества существуютъ на самомъ дѣлѣ, и потому всѣ наши обольщенія собственными достоинствами могутъ быть разсѣяны самыми положительными аргументами.

Обращаясь къ нашему предмету, то есть—къ судьбѣ клейменныхъ каторжниковъ, мы должны признаться, что насъ не начинали тревожить, даже и смутнымъ образомъ, такіе вопросы:—что такое преступленіе: умышленная-ли вражда противъ общества, то есть злодѣйство-ли чисто-на-чисто, или отчасти личное несчастіе преступника?—Что такое преступникъ: преднамеренный злоумышленникъ противъ общества, или отчасти жертва извѣстныхъ соціальныхъ условій?—Изъ какого принципа должно происходить наказаніе: изъ того-ли, что оскорбленному обществу нужна безопаднаа мечь, которая должна преслѣдовать преступника и за предѣлами его политической смерти, или изъ того, что обществу нужна только безопасность, которая вполне гарантируется отверженіемъ преступника отъ общества и уже не нуждается въ дальнѣйшемъ преслѣдованіи его?

Книга нашего автора не поднимаетъ этихъ вопросовъ прямо; какъ произведеніе чисто бельетрическое, она не имѣетъ ничего общаго съ правильной теоретической аргументаціей. Тѣмъ не менше она вращается именно около этихъ вопросовъ и подкупаетъ вантъ умъ и ваше сердце къ рѣшенію ихъ въ гуманномъ духѣ. Авторъ избралъ благую часть: онъ не доказываетъ а рассказываетъ, и на этомъ держится, главнымъ образомъ, интересъ его книги. И точно, всякій разъ, какъ только авторъ пытается сдѣлать выводъ изъ своихъ же собственныхъ наблюденій, онъ тотчасъ вызываетъ на споръ; теоретическія соображенія его вообще слабы и отзываются тѣмъ болѣзненнымъ, расплывающимся гуманизмомъ, изъ котораго никакая правитель-

ственная мудрость не въ состояніи извлечь ничего примѣнительнаго къ практикѣ. Но авторъ рѣдко пускается въ такіе соображенія. Онъ, большею частію, остается только рассказчикомъ и наблюдателемъ. Онъ знакомитъ васъ съ потрясающими подробностями жизни, которой вы не знали даже по слухамъ, — потому что изъ «Мертваго Дома» не выходитъ и слуховъ; онъ даетъ вамъ проникать въ самыя мрачныя глубины человѣческой совѣсти и, на первый взглядъ, не имѣетъ другого побужденія, кромѣ внутренняго интереса, заключающагося въ томъ, о чемъ онъ рассказываетъ. Но нѣкоторыя подробности его разсказа имѣютъ особый социальный интересъ. На этихъ-то подробностяхъ мы и намѣрены, преимущественно, остановить вниманіе читателя.

Но предварительно два слова о внѣшнемъ построеніи книги. Оно очень просто: авторъ, который называетъ себя только издателемъ, сдѣлался случайнымъ обладателемъ «Записокъ» чело-вѣка, десять лѣтъ прожишаго въ «Мертвомъ Домѣ». Онъ показались ему интересными, и онъ ихъ обнаруживаетъ. Приѣмъ этотъ у авторовъ, конечно, не новый, но за то чрезвычайно удобный во многихъ отношеніяхъ. Именно: если вы въ состояніи забыть, что книга все-таки принадлежитъ автору, хотя онъ и называетъ себя издателемъ, то ваше довѣріе къ нему будетъ совершенно полное; его наблюденія вамъ будутъ казаться непосредственными и самоличными, то есть имѣющими всѣ качества достовѣрнаго свидѣтельства. Если же вы не въ состояніи забыть авторской хитрости, то все-таки къ лицу, говорящему не отъ своего имени, вы будете относиться съ меньшимъ скептицизмомъ и съ большимъ предрасположеніемъ вѣрить ему, чѣмъ если бы онъ говорилъ прямо отъ себя; вы видите, что авторъ избираетъ себѣ форму, которая избавляетъ его отъ многихъ книжныхъ стѣсненій, которая позволяетъ ему быть отрывочнымъ, забывать о хронологіи, объ искусственной послѣдовательности изображеній, и вы предполагаете, что онъ дѣлаетъ это съ единственною цѣлю, чтобы высказывать только то, что ему особенно хорошо извѣстно, и высказывать это безъ всякихъ искусственныхъ натяжекъ, не заботясь ни о какихъ условныхъ требованіяхъ и не придумывая насильственныхъ соотношеній между предметами тамъ, гдѣ истинныя отношенія между ними остались или скрытыми или не изученными. Но относительно откровеній изъ «Мертваго Дома» и всѣхъ поряд-

ковъ, которые тамъ наблюдаются, литературный приѣмъ, избранный напимъ авторомъ, представляетъ особенное удобство. Можетъ быть, это единственная форма, въ которой онъ могъ предложить публикѣ свои наблюдения надъ жизнью въ «Мертвомъ Домѣ»... Съ наружной стороны самаго «Мертваго Дома»,—съ чего начинаются «Записки» нашего автора,—мы можемъ познаться изъ слѣдующаго нехитраго описанія:

Острогъ нашъ стоялъ на краю крѣпости, у самаго крѣпостнаго вала. Случалось, посмотришь сквозь щели забора на свѣтъ Божій: не увидишь-ли хоть чего-нибудь?—и только увидишь, что краешекъ неба, да высокій земляной валъ, поросшій бурьяномъ, а взадъ и впередъ по валу, день и ночь, расхаживаютъ часовые, и тутъ же подумаешь, что пройдутъ цѣлые годы, а ты точно также пойдешь смотрѣть сквозь щели забора и увидишь тотъ же валъ, такихъ же часовыхъ и тотъ же маленькій краешекъ неба, не того неба, которое надъ острогомъ, а другого, далекаго, вольнаго неба. Представьте себѣ большой дворъ, шаговъ въ десяти длины и шаговъ въ полтора ширины, весь обнесенный кругомъ, въ видѣ неправильнаго шестиугольника, высокимъ тыномъ, то есть заборомъ изъ высокихъ столбовъ (палъ), врытыхъ стойкомъ глубоко въ землю, крѣпко прислоненныхъ другъ къ другу ребрами, скрѣпленныхъ планками и сверху заостренныхъ: вотъ наружная ограда острога. Въ одной изъ сторонъ ограды слѣланы ворота, всегда запертыя, всегда день и ночь охраняемые часовыми; ихъ отперли по требованію, для выпуска на работу. За этими воротами былъ свѣтлый, вольный міръ, жили люди какъ и всѣ. Но по сю сторону ограды, о томъ мірѣ представляли себѣ какъ о какой-то несбыточной сказкѣ. Тутъ былъ свой особый міръ, ни на что не похожій, тутъ были свои особые законы, свои костюмы свои нравы и обычаи, и заживо-мертвый домъ, жизнь—какъ нигдѣ, и люди особенные. (Томъ 1. стр. 9.)

Это острогъ ссыльно-каторжныхъ. Десять лѣтъ постоянныхъ впечатлѣній, чувствъ и мыслей, испытанныхъ въ этомъ жилищѣ заживо-погребенныхъ людей, десять лѣтъ наблюдения надъ этими отверженниками общества во время ихъ работъ, отдыховъ, развлеченій, при взаимныхъ столкновеніяхъ ихъ между собою, въ состояніи сна и безсонницъ, въ больницахъ, при упадкѣ всѣхъ силъ и оболщениіи себя несбыточными надеждами, въ минуты сердечной исповѣди и въ порывахъ звѣриной злобы, навву ужасныхъ наказаній и во время самаго исполненія ихъ, десять лѣтъ наблюдения надъ каторжниками въ такихъ разнообразныхъ положеніяхъ и составляютъ содержаніе «Записокъ изъ Мертваго Дома». Кажется, тутъ нельзя пожаловаться на то, чтобы предметъ не былъ достоинъ человѣческой любозна-

тельности, принимаемой даже въ смыслѣ простаго любопытства. И прежде всего нашей любознательности представляется вопросъ, возбуждаемый авторомъ почти на первыхъ страницахъ: какъ смотрять эти мрачныя совѣсти на тѣ преступленія, которыя тяготѣютъ на нихъ? да еще тяготѣютъ-ли на нихъ преступленія? То есть: доступны-ли эти совѣсти какому-нибудь самоосужденію? — Есть мнѣніе, по которому преступники будто бы считаютъ себя протестаторами противъ того общественнаго порядка, при которомъ преступленія должны считаться неизбежными, и что, поэтому, на ихъ собственный взглядъ они всегда представляются правыми. Чрезвычайно любопытно и въ высшей степени важно знать справедливо-ли это мнѣніе и точно-ли оно есть мнѣніе воровъ и убійць о самихъ себѣ? Если грабежъ и убійство составляютъ сознательный протестъ, если каждый воръ и убійца есть въ то же время членомъ системы или фанатикомъ, дѣйствующій по убѣжденію, тогда громадное большинство общества, не ворующее и не убивающее, должно видѣть въ ворахъ и убійцахъ такихъ людей, которыхъ оно осуждаетъ и наказываетъ безъ всякаго другаго права, кромѣ права сильного, — это съ одной стороны; а съ другой, — если мы перестанемъ видѣть въ ворахъ и убійцахъ существа падшія, доведенныя до своего паденія всего менѣе силою обдуманности и всего болѣе силою внѣшнихъ обстоятельствъ, можетъ быть дѣйствительно обусловленныхъ общественнымъ устройствомъ, и если мы, взамѣнъ такого взгляда, проникнемся убѣжденіемъ, что воръ и убійца есть членомъ партіи и что онъ и самъ смотритъ на себя, какъ на такого, тогда всякое филантропическое чувство къ судьбѣ преступника, чувство—извѣстное всякому члену общества, вышедшему изъ дикаго состоянія, должно казаться жалкою и неумѣстною сентиментальностію; по крайней мѣрѣ—неумѣстною до тѣхъ поръ, пока общество не будетъ олицетворять собою того плана общественнаго устройства, во имя котораго совершаются будто бы протесты грабежомъ и убійствами. Если же, напротивъ, мы будемъ думать, что вору и убійцу, рѣшаясь на свои подвиги, не укрѣпляютъ себя никакими философскими размышленіями о правотѣ своего дѣла, и если мы будемъ заподлинно знать, что они при своихъ грабежахъ и убійствахъ руководствуются не какими-нибудь социальными соображеніями на счетъ общественнаго нестройства, а только самыми дикими и низкими побужденіями, тогда и уголовные за-

воинъ получаютъ полное нравственное освобожденіе и остается мѣсто для состраданія къ несчастію, хотя бы это несчастіе выразилось въ тяжкомъ преступленіи. Очевидно, что и для честнаго большинства въ обществѣ, и для законопреступнаго меньшинства, не одно и тоже:—будеть-ли большинство видѣть въ ворахъ и убійцахъ сознательныхъ протестаторовъ, дѣйствующихъ по убѣжденію, для достиженія преднамѣренной цѣли, или будетъ смотрѣть на нихъ какъ на такихъ враговъ общественнаго порядка, которые потому только и враждуютъ противъ него, что къ величайшему своему несчастію ничего не понимаютъ въ законахъ общественнаго устройства.— Кто же такіе—убійцы и воры: сознательные протестаторы, или люди жалчайшаго невѣжества и звѣрскихъ кончатій?

Самиментальные филантропы полагаютъ, что они очень много говорятъ въ пользу преступниковъ, возводя ихъ въ званіе протестаторовъ. Въ сущности они возводятъ лишнюю клевету на совѣсть, и безъ того слишкомъ обремененную дѣйствительными преступленіями; желая быть адвокатами несчастія, они отнимаютъ у него единственный шансъ на человѣческое участіе, — именно тотъ шансъ, на которому преступникъ, если его преступленіе вытекаетъ изъ грубѣйшаго невѣжества, предполагается способнымъ къ исправленію. На этомъ предположеніи, и единственно только на немъ, должны быть основаны всѣ истинно-гуманныя расположенія къ врагамъ нашей собственности и нашей личной безопасности. Но такое предположеніе объ исправленіи, конечно, не можетъ быть допущено относительно преступника, — вора или убійца, — который опираетъ свое ремесло на теоретическихъ основаніяхъ. Какой-нибудь Лезюркъ, если это не былъ своего рода жалчайшій фанфаронъ, безъ сомнѣнія, не возбудилъ бы ни въ одномъ, даже самомъ гуманномъ мыслителѣ никакаго ужаса къ смертной казни и никакаго помышленія о противорѣчивости этого рода наказанія; онъ могъ бы сколько угодно служить предметомъ газетныхъ толковъ, украшать дамскіе альбомы и удивлять Парижъ своими развязными афоризмами на счетъ безгнѣшности воровства и убійства въ такомъ будто бы вавилонскомъ обществѣ, какъ французское, но его смерть на эшафотѣ все-таки никакъ не была бы способна возбудить болѣе жалости, чѣмъ кончина отравленной крысы. Если бы обществу было доказано, что всѣ ворующіе и убивающіе — болѣе или менѣе Лезюрки, теоретики и систематики

своего ремесла, оно имѣло бы право никогда не отказываться ни отъ одной свирѣпости испанскихъ инквизицій или венеціанскихъ трибуналовъ. Обществу прежде всего необходимо существовать; оно можетъ и должно выслушивать самыя смѣлыя указанія на свои несовершенства; оно имѣетъ всю выгоду допускать самыя обширныя пренія о способѣ и свойствахъ улучшеній; но если указанія на его несовершенства проявляются фактически подъ формою грабежа и убійства, оно можетъ только свирѣпствовать. Поэтому, мы полагаемъ, что возводить разбойника изъ грубѣйшаго невѣжды въ сознательные протестаторы нисколько не гуманно, и, въ отношеніи къ самому разбойнику, въ высшей степени несправедливо. Отнимать у него его скотское невѣжество въ этомъ случаѣ, значитъ посягать на его права. Это посягательство было бы еще не такъ страшно, если бы оно не было ни съ чѣмъ несообразно. Но романическое мнѣніе о томъ, будто грабежъ есть одна изъ формъ сознательнаго протеста есть чисто субъективное мнѣніе самихъ мыслителей, которые его выдумали; оно, очевидно, принадлежитъ честнымъ людямъ, имѣющимъ отличное знакомство съ различными социальными теоріями, съ которыми разбойнику не было никакихъ средствъ познакомиться. Лезюркъ, конечно, не въ примѣръ. Онъ былъ въ свое время фельетонистомъ, можетъ быть и плохимъ, но все-таки имѣвшимъ возможность кое-чего послушаться и начитаться. Онъ могъ глядѣть на свои мерзости съ теоретической точки зрѣнія, могъ критически относиться какъ къ своимъ грабежамъ и убійствамъ, которыя онъ сдѣлалъ, такъ и къ обществу, въ которомъ онъ ихъ сдѣлалъ. Но разбойникъ изъ фельетонистовъ долженъ считаться явленіемъ феноменальнымъ, изъ котораго невозможны никакія общія заключенія. Это случай — самъ по себѣ, такъ что всякій общій выводъ изъ него будетъ непременно такимъ же субъективнымъ, какъ бывають субъективныя цвѣта, субъективныя звуки. Соответствія между сужденіемъ и сущностію обсуждаемаго предмета тутъ не будетъ. Точно такого свойства воззрѣніями на счетъ грабежа — протеста отличаются наши отечественныя филантропы, которые свои субъективныя мысли объ этомъ предметѣ приписываютъ поголовно всему русскому народу. Этотъ народъ, по ихъ мнѣнію, въ продолженіе всей своей исторіи, видѣлъ и продолжаетъ видѣть въ разбойникахъ какихъ-то непризнанныхъ борцовъ, которыхъ, если она попадутся, онъ будто бы разу-

мѣть, какъ несчастныя жертвы какого-то непонятнаго ему правосудія. Для доказательства этого ссылаются на добрыя и столь прославленныя чувства русскаго народа вообще ко всякому страданію, на ту всёми извѣстную неохоту, съ которою нашъ простолюдинъ вызывается быть доказчикомъ и свидѣтелемъ преступленія, но болѣе всего на наши такъ называемыя разбойничьи пѣсни, въ которыхъ намъ велятъ видѣть не простую свободу народной фантазіи, а именно апофеозу разбойника. Эти именно аргументы, какъ это довольно извѣстно, приводятся въ доказательство того, будто народъ нашъ въ тягчайшихъ преступленіяхъ противъ общественной безопасности видитъ только протестъ, выражаемый во имя какого-то неписанаго кодекса. Однако аргументы эти доказываютъ совершенно другое, и, не смотря на то, что они приводятся съ выраженіемъ похвалы извѣстнымъ чертамъ народнаго характера, въ сущности, они заключаютъ только справедливое указаніе на то обстоятельство, что народъ нашъ, какъ и вообще и всюду народныя массы, еще не возвысился до критическаго взгляда на жизнь, что онъ остается еще въ невѣжествѣ и живетъ болѣе чувствомъ, чѣмъ разсудкомъ. Это значитъ, что онъ живетъ безъ всякой системы — писаной или неписаной. Его таинственный неписанный кодексъ — это его непосредственное чувство. Въ этомъ чувствѣ заключается источникъ его глубочайшей доброты, но въ немъ же скрываются и причины его неистоимой свирѣпости. Это то самое чувство, которое приводитъ толпу въ умиленіе, при видѣ разбойника на крестѣ, и которое заставляетъ ее поджаривать честныхъ людей на огнѣ, при видѣ пожара, которое разливается жалобною пѣснію о свирѣпствахъ свекрови надъ невѣсткою и которое однако изъ каждой невѣстки дѣлаетъ, въ свою очередь, такую же свирѣпую свекровь; это то самое чувство, которое заставляетъ мужика называть свою рабочую скотину лошадушкой и кормилицей и по которому онъ забиваетъ ее чуть не до смерти, если она не въ состояніи везти непомѣрной тяжести; наконецъ, это то самое чувство, которое омрачаетъ печалію лицо всякаго простолюдина, при видѣ партіи ссыльно-каторжныхъ, и которое заставляетъ его людей этого сорта пристрѣливать, безъ всякой нужды, какъ зайцевъ, при встрѣчѣ съ ними въ лѣсу, какъ это нерѣдко случается въ вятской губерніи, или убивать ихъ чѣмъ ни попадо, заставши ихъ въ своей клети, какъ это случается повсюду, на

всемъ протяженіи нашей земли, и тоже безъ всякой нужды и иногда съ полною возможностью задержать преступника, не подвергая его самосудомъ смертной казни. Правда, есть одно обстоятельство, рѣшающее его на самосудъ. Это не какія-нибудь особенныя понятія о правѣ, не врожденное отвращеніе къ правосудію, а боязнь не найти его и опасеніе самому запутаться въ той процедурѣ, которая подобно державинской *Рѣчь времени* —

въ своемъ теченьи
Уносить всѣ дѣла людей
И топить въ пропасти забвенья

ихъ самыя справедливыя претензіи, ихъ самыя безотлагательныя требованія, увлекая, по дорогѣ, въ ту же самую пропасть ихъ лучшіе досуги, ихъ благосостояніе и, пожалуй, самое ихъ гражданское существованіе. И въ этомъ единственная причина неохоты быть свидѣтелемъ или обвинителемъ, которая одинаково дѣйствуетъ на всякаго русскаго человѣка, при всякомъ общественномъ положеніи. Вліяніе ея можетъ быть доказано на самомъ приличномъ господинѣ, у котораго украли часы изъ кармана, хотя бы онъ былъ притомъ самаго консервативнаго образа мыслей. На эту причину указываютъ въ газетахъ, ее приводятъ въ объясненіе безуспѣшности своихъ дѣйствій наши недавніе судебные слѣдователи, которые, однако, во многихъ мѣстахъ успѣли уже возбудить довѣріе къ себѣ и собираютъ нужныя имъ доказательства безъ труда. Стало быть, неохота обвинять и свидѣтельствовать замѣченныя въ русскомъ человѣкѣ, вовсе не такая соціальная добродѣтель, которою бы русскому народу прилично было гордиться и на которой можно было бы строить какія-нибудь теоріи, а скорѣе указаніе на такое соціальное зло, на которое русскій народъ можетъ только жаловаться и отъ котораго ему слѣдуетъ избавиться. И это не такое зло, о которомъ можно было бы спорить, а сознанное и провозглашенное зло, обратившее на себя вниманіе самого правительства, у котораго, какъ слышно, уже находятся наготовѣ важныя судебныя реформы. Изъ всѣхъ игрушечныхъ мыслей, которыми мы любимъ обольщать, и очень часто не впасть, свою національную гордость, мысль о томъ, будто русскій народъ поголовно можно считать сознательнымъ потворщикомъ преступленія, враждебно расположеннымъ ко всякой судебной карѣ, ко всякому официальному проявленію правосудія, есть

мысль самая игрушечная. Онъ точно неохотникъ отыскивать возстановленія своихъ нарушенныхъ правъ путемъ оффиціального суда. Но если тутъ слѣдуетъ чему-нибудь удивляться, то, конечно, не этой неохотѣ, а скорѣе тому, что по точнымъ справкамъ о возникновеніи уголовныхъ дѣлъ непременно должно оказаться, что самая большая часть ихъ все-таки возникаетъ вслѣдствіе частныхъ обвиненій и ходатайствъ. Намъ очень лестно считать русскій народъ отъ природы надѣленнымъ всѣми социальными добродѣтелями, которыя другими народами приобрѣтаются путемъ хлопотливой цивилизаціи и государственныхъ переворотовъ; намъ въ особенности лестно считать его надѣленнымъ высочайшею изъ этихъ добродѣтелей, которая называется гуманностію. И мы даже глубоко убѣждены, что онъ точно обладаетъ этимъ качествомъ въ самомъ полномъ избыткѣ, на перекоръ всѣмъ патріотическимъ писателямъ различныхъ націй, которые позволяютъ себѣ думать, будто это качество въ самой высокой степени свойственно именно той націи, къ которой они имѣютъ честь принадлежать сами. Пусть знатоки человѣческой природы изъ нѣмцевъ полагаютъ, будто добросердечіе нѣмца нѣтъ существа во всемъ мірѣ, пусть они остаются въ этомъ ослѣпленіи до такой степени, что надъ избыткомъ этого качества въ своихъ единоплеменникахъ позволяютъ себѣ, подобно Гейне, горчайшіе сарказмы; пусть французы полагаютъ о себѣ, что нѣтъ никакой возможности быть гуманнѣе и великодушнѣе француза, который не выноситъ варварства и притѣсненія даже внѣ предѣловъ своего отечества и за гуманную идею всегда готовъ сражаться и переносить всѣ трудности самого отдаленнаго похода; пусть люди еврейскаго племени остаются въ заблужденіи, будто они самые старые и величайшіе представители гуманности на землѣ; пусть Бичеръ-Стоу, со всѣмъ безкорыстіемъ честной писательницы, распинается за негровъ, утверждая, будто это самая добрѣйшія существа на свѣтѣ,—мы имѣемъ твердое убѣжденіе, что это вздоръ и что пальма первенства относительно доброты и гуманности передъ всѣми народами принадлежитъ русскому народу. Но и при этомъ убѣжденіи мы не думаемъ, чтобы природная доброта русскаго народа потеряла часть своей цѣны, если мы не будемъ приписывать ему природной тупости ко всякому чувству права, или навязывать ему сознательнаго сочувствія къ злодѣйству. Разбойничьи пѣсни, конечно, составляютъ фактъ, требующій объ-

ясненія. Но и «Разбойники» Шиллера, и «Пиччинино» Жоржъ Занда, и «Вермеръ» Байрона составляютъ точно такой же фактъ. Если въ разбойничьихъ пѣсняхъ не видѣть заплатки для какой-нибудь натянутой теоріи, то они будутъ означать, что человѣческая фантазія, будетъ-ли она принадлежать народному пѣвцу или образованному поэту, способна поражаться всѣмъ необыкновеннымъ, въ томъ числѣ и удалствомъ разбойника. Разница здѣсь будетъ только та, что поэтъ образованный никогда не увлечется свирѣпостями разбойника; онъ непременно сдѣлаетъ изъ него героя и придастъ ему лучшія качества человѣческаго сердца, а фантазія народнаго пѣвца способна увлекаться и самыми свирѣпостями, во всей ихъ непосредственности; у поэта образованнаго разбойникъ можетъ быть одушевленъ какими-нибудь высшими побужденіями, необыкновеннымъ чувствомъ правды или ненависти къ притѣсненію; а въ народныхъ пѣсняхъ всѣ дѣйствія разбойниковъ обыкновенно объясняются одною только покорностію непосредственному чувству. Если образованный поэтъ заставляетъ, напримѣръ, своего разбойническаго героя произвести дѣйствіе мести, то изъ его рѣшительнаго удара, обыкновенно наносимаго съ быстротою молніи, онъ непременно сдѣлаетъ ударъ правосудія; а народному пѣвцу никогда не бывають нужны такіа затѣи, онъ добрымъ порядкомъ, не торопясь, даетъ вамъ пресытиться исполненіемъ самой мести, заставляя своего мстителя, какъ поется въ одной пѣснѣ, «изъ черепа своего врага — сдѣлалъ чашку для питья, изъ его изъ рукъ, изъ ногъ—кровать сложить, изъ его сала—свѣчей налить, изъ его мяса — пироговъ напечь.» Въ первомъ случаѣ преобладаетъ идея, или выдуманный разбойникъ, во второмъ непосредственное чувство, или разбойникъ настоящій. И это такъ и быть должно. Только не должно быть того, чтобы народъ, въ которомъ *когда-то* могли рождаться такіа пѣсни, былъ судимъ *до сихъ поръ*, на основаніи ихъ, за свои симпатіи и юридическія понятія. Точно такъ и эпическіе разбойники, принадлежавшіе хаотическому обществу, не должны для насъ заслонять собою тѣхъ, которые теперь наполняютъ наши остроги и каторгу. Авторъ разбираемой нами книги занимается только послѣдними, и первыя его размышленія, какъ мы сказали, посвящены вопросу: сознаютъ-ли преступники, что они преступны?

Положительный отвѣтъ его состоитъ въ томъ, что они этого

не сознають. Онъ приводитъ даже и объясненіе этого факта, который можно считать совершенно вѣрнымъ. По его мнѣнію, «преступникъ, возставшій на общество, ненавидитъ его и почти всегда считаетъ себя правымъ, а его виноватымъ. Ктому же онъ уже потерпѣлъ отъ него наказаніе, а черезъ это почти считаетъ себя очищеннымъ, сквитавшимся. Можно судить наконецъ, продолжаетъ авторъ, съ такихъ точекъ зрѣнія, что чуть ли не придется оправдать самого преступника.» (Томъ I, стр. 22.)—Здѣсь преступнику приписывается критическій взглядъ на свои отношенія къ обществу; онъ не потому преступникъ, что онъ существо падшее, достойное всего нашего состраданія, не потому, что, при своей нравственной тупости, онъ не способенъ имѣть и двухъ правильныхъ мыслей ни о своемъ значеніи въ обществѣ, ни о значеніи самого общества, а потому, что онъ человѣкъ вооруженный аргументаціей, по которой онъ считаетъ себя правымъ, а общество виновнымъ; ему какъ будто извѣстны даже и тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ «чуть-ли не придется оправдать преступника.» Такія точки зрѣнія дѣйствительно существуютъ. Ихъ двѣ. Одна, которую можно назвать философскою, состоитъ въ томъ, что человѣкъ признается одушевленной машиной, только обольщающей себя, будто она одарена свободной волей, а на самомъ дѣлѣ дѣйствующей совершенно не произвольно, по законамъ строжайшей причинности и потому, естественно, не подлежащей никакой отвѣтственности. Но эта точка зрѣнія составляетъ нетвердый предметъ философскаго спора; поэтому, разсуждать съ *этой точки зрѣнія*, когда самая постановка *этой точки зрѣнія* не имѣетъ и, можетъ быть, никогда не будетъ имѣть никакой научной прочности, можно только для своего удовольствія; самохраненіе общества, личная безопасность его членовъ, преступленіе и судьба людей, которые его совершаютъ, вовсе не такіе отвлеченные и далекіе отъ насъ предметы, чтобы объ нихъ позволительно было разсуждать съ точекъ зрѣнія такой сомнительной вѣрности, что всѣ сужденія съ нихъ должны представляться только умственной гимнастикой. Другая точка зрѣнія, съ которой, выражаясь словами автора, «чуть-ли не придется оправдать преступника» и которую можно назвать соціальною, состоитъ въ томъ, что общество, въ которомъ существуютъ голодъ, невѣжество и неправоправность, само обвиняется во всѣхъ послѣдствіяхъ этихъ великихъ золъ, и въ томъ числѣ и въ преступленіяхъ всякаго рода. Но и эта точка зрѣнія,

какова бы ни была ея безусловная справедливость, все-таки не обязывает общество выдавать вора́мъ и убійца́мъ похвальные листы только за то, что для ихъ преступныхъ дѣйствій существуютъ довольно вѣроятныя и естественныя причины; изъ этой точки зрѣнія могутъ быть выводимы, и совершенно логично, только смягчающія обстоятельства для преступленій, но не оправданіе ихъ; она располагаетъ общество къ милосердію, но не къ уничтоженію своихъ уголовныхъ законовъ; она отнимаетъ у него право свирѣцствовать противъ преступниковъ, отнимать у нихъ жизнь и произносить надъ ними вѣчные приговоры, но не уничтожаетъ его права охранять свое существованіе. Путь преступленія избирается, конечно, не по доброй волѣ и не изъ оболъчении его прелестями, а вслѣдствіе стимуловъ, заключающихся въ общественномъ устройствѣ; общество должно сознавать это; но оно не можетъ сознавать и того, что и оно не виновато въ своихъ несовершенствахъ, для которыхъ тоже существуютъ самыя естественныя причины. Что дѣлать обществу съ такими естественными и расплывающимися во всѣ стороны причинами, которыми объясняется все на свѣтѣ? *Жить* и совершенствоваться, то есть дѣлать то, что волею или неволею суждено дѣлать всѣмъ обществамъ, вступившимъ на путь прогресса. А если прежде всего необходимо *жить*, то столько же необходимо, чтобы наша жизнь въ обществѣ была оеозонашена и чтобы наши средства къ жизни находились подъ вѣрною защитою. Это самое вѣрное заключеніе, какое только можно сдѣлать изъ общей для всѣхъ насъ необходимости—*жить*. И стало быть, воры и ушцы остаются неоправданными и съ социальной точки зрѣнія, точно такъ же, какъ они не могутъ быть оправданы съ философской, и если и можно судить съ этихъ точекъ зрѣнія, или съ одной изъ нихъ, то для полученія совершенно другихъ выводовъ, а не того, который высказываетъ авторъ. Громить громкія слова и бросать широкіе взгляды мимоходомъ, въ видѣ общихъ фразъ, стоитъ неогольшого труда,—на это способенъ теперь самый жалкій писака. Но путь авторъ указалъ онъ кстати: какъ несовершенное общество, въ несовершенствахъ котораго заключаются, положимъ, причины преступленій некоторыхъ изъ его членовъ, какъ оно должно поступать съ этими преступными своими членами, если оно будетъ считать ихъ правыми, а себя виноватыми, и если оно, — какъ это достоверно извѣстно,—освободиться вдругъ отъ своихъ несовер-

щенствъ никакимъ образомъ не можетъ, если притомъ еще не доказано, чтобы оно могло хоть когда-нибудь освободиться отъ нихъ въполнѣ и если, наконецъ, несомнѣнно-вѣрно, что причина преступленийъ заключается не въ однихъ несовершенствахъ общественнаго устройства, но вообще въ несовершенствахъ чело-вѣческой природы и свойственныхъ ей страстяхъ? Каинъ убилъ своего брата изъ зависти, Отелло задушилъ свою Дездемону изъ ревности, Эростратъ обратилъ въ пепель прекраснѣйшее общественное зданіе изъ тщеславія, въ самыхъ «Запискахъ изъ мертваго дома» очень хорошо рассказана повѣсть глупѣйшаго преступленія: мужъ убилъ свою жену изъ раскаянія, что онъ слишкомъ долго обращался съ нею недостойнымъ образомъ. Стимулы всѣхъ этихъ преступленийъ нисколько не должны падать на общественную совѣсть, потому что всѣ эти преступленія могли быть совершены при всѣхъ извѣстныхъ и даже еще неизвѣстныхъ родахъ общественнаго устройствъ. Здѣсь открывается цѣлая область преступленийъ, въ которыхъ общество не можетъ быть признано виноватымъ ни съ какой точки зрѣнія. Но главная сторона дѣла не въ этомъ, а въ томъ, что указанныя нами двѣ точки зрѣнія, съ которыхъ, по мнѣнію автора, «чуть-ли не придется оправдать преступника», у нашего автора предполагаются извѣстными самимъ разбойникамъ, на которыхъ по преимуществу простираются его наблюденія; эти люди обращаются въ философскихъ и социальныхъ мыслителей; у нихъ есть счоты и расчоты съ обществомъ! они лишаются своихъ хаотическихъ понятій, своихъ звѣрскихъ позывовъ, своего грубѣйшаго умственнаго и нравственнаго помраченія и вмѣсто всего этого надѣлаются ясными представленіями и опредѣленнымъ родомъ мыслей; ихъ грѣхи тяжкаго невѣденія обращаются въ обдуман-ныя дѣла; словомъ, для нихъ уничтожается единственная точка зрѣнія, рязсуждая съ которой, общество можетъ проникаться къ нимъ милосердіемъ и чувствовать себя обязаннымъ смягчать свои карательныя мѣры, замѣняя ихъ исправительными. Наблюдатель видѣлъ передъ собою фактъ, что эти грѣшники на его собственныхъ глазахъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, оставались нераскаянными; изъ этого онъ заключилъ, что такое душевное настроеніе они поддерживаютъ въ себѣ аргументами въ пользу своей невинности. Психологія позволяетъ, однако, объяснять подобное душевное состояніе совершеннымъ отупѣніемъ нравственнаго чувства и глубиною паденія, могущаго простираться до по-

тери всякаго сознанія о добрѣ и злѣ,—и такое оскотененіе, безъ сомнѣнія, служить въ большинствѣ случаевъ пераскайности гораздо вѣроятнѣйшимъ объясненіемъ. чѣмъ теоретическія соображенія, предполагаемая въ разбойникахъ, о несовершенствахъ общественнаго устройства. Но мы уже сказали, что у нашего автора гораздо важнѣе то, что онъ рассказываетъ, чѣмъ то, что онъ думаетъ, и потому, признавая вполне справедливымъ замѣченный имъ фактъ относительно пераскайности преступниковъ, мы находимъ совершенно ложнымъ: приводимое имъ объясненіе этого факта.

«Я сказалъ уже, — говоритъ авторъ, — что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ я не видалъ между этими людьми ни малѣйшаго признака раскаянія, ни малѣйшей тягостной думы о своемъ преступленіи и что большая часть изъ нихъ внутренне считаетъ себя правыми. Это фактъ. Конечно, тщеславіе, дурные примѣры. молодечество, ложный стыдъ во многомъ тому причиною. Съ другой стороны, кто можетъ сказать, что выслѣдилъ глубину этихъ погибшихъ сердецъ и прочелъ въ нихъ сокровенное отъ всего свѣта? Но вѣдь можно же было, во столько лѣтъ, хоть что-нибудь замѣтить, поймать, уловить въ этихъ сердцахъ, хоть какую-нибудь черту, которая бы свидѣтельствовала о внутренней тоскѣ, о страданіи. Но этого не было, положительно не было.» (Томъ 1. ст. 22).

Но этого не могло и быть, прибавимъ мы отъ себя, и въ доказательство этихъ словъ приведемъ прекрасную характеристику этого кромѣннаго общества, которую встрѣчаемъ у самого же автора.

«Съ перваго взгляда можно было замѣтить нѣкоторую рѣзкую общность во всемъ этомъ странномъ семействѣ; даже самыя рѣзкія, самыя оригинальныя личности, царившія надъ другими невольны, и тѣ старались попасть въ общій тонъ всего острога... Вообще тщеславіе наружность были на первомъ планѣ. Большинство было развращено и страшно исподлилось. Сплетни и пересуды были непрерывныя: это былъ адъ, тьма кромѣшная... Бывали характеры рѣзко выдающіеся... Приходили въ острогъ такіе, которые ужъ слишкомъ зарвались, слишкомъ выскочили изъ мѣрки на волю, какъ что ужъ и преступленія свои дѣлали подъ конецъ какъ-будто не сами собой, какъ-будто сами не зная зачѣмъ, какъ-будто въ бреду, въ чаду; часто изъ тщеславія, возбужденнаго въ высочайшей степени. Но у насъ ихъ тотчасъ осаживали, не смотря на то, что шныре, до прибытія въ острогъ бывали ужасомъ цѣлыхъ селеній и городовъ... Оглядываясь кругомъ, новичекъ скоро замѣчалъ, что онъ не туда попалъ, что здѣсь дивить уже некого, и непременно стирался и попадалъ въ общій тонъ. Этотъ общій тонъ составлялся снаружи изъ какого-то особеннаго собственнаго достоинства, которымъ былъ

проникнуть чуть не каждый обитатель острога. Точно въ самомъ дѣлѣ званіе каторжнаго, рѣшоннаго, составляло какой-нибудь чинъ, да еще почетный. Ни признаковъ стыда и раскаянія! Впрочемъ было и кокое-то наружное смиреніе, такъ сказать оффиціальное, какое-то спокойное резонерство: «Мы погибшій народъ,» говорили они: «не умѣлъ на волѣ жить, теперь домай зеленую улицу, повѣрай ялы». — «Не слушался отца и матери, послушайся теперь барабанной шкуры». — «Не хотѣлъ пить золотомъ, теперь бей камни молодотомъ». — Все это говорилось часто, и въ видѣ нравоученія, и въ видѣ обыкновенныхъ поговорокъ и присловій, но никогда серьезно. Все это были только слова. Врядъ-ли хоть одинъ изъ нихъ сознавался внутренно въ своей беззаконности. Попробуй кто не изъ каторжныхъ упрекнуть арестанта преступленіемъ, выбрать его — ругательствамъ не будетъ и конца. А какіе они были мастера ругаться! Ругались они утонченно, художественно. Ругательство было возведено у нихъ въ науку; старались взять не столько обиднымъ словомъ, сколько обиднымъ смысломъ, духомъ, идеей, — а это утонченнѣе, ядовитѣе. Безпрерывныя ссоры еще болѣе развивали между ними эту науку. Весь этотъ народъ работалъ изъ-подъ палки, слѣдственно онъ былъ праздный, слѣдственно развращался: если и не былъ прежде развращенъ, то въ каторгѣ развращался. Всѣ они собрались сюда не своей волей; всѣ они были другъ другу чужіе... «Чортъ трое лаптей сносилъ, прежде чѣмъ насъ собралъ въ одну кучу!» — говорили они про себя сами; а потому сплетни, натриги, бабы наговоры, зависть, ссоры, злость были всегда на первомъ планѣ въ этой кромѣшной жизни. Никакая баба не въ состояніи была быть такой бабой, какъ нѣкоторые изъ этихъ душегубцевъ.» (Томъ 1. стр. 17—19.)

И въ этомъ аду, въ этой кромѣшной тьмѣ, въ этой безднѣ оскотененія и нравственнаго индифферентизма, насъ заставляютъ отыскивать какія-то философскія и социальныя убѣжденія для объясненія нераскаянности! И на выдумкѣ этихъ убѣжденій строятъ философію преступленія! Нѣтъ тутъ никакихъ убѣжденій, никакихъ расчетовъ съ обществомъ и никакого сознательнаго возстанія противъ него; а есть одно только нравственное одервененіе и привычка — до такой степени тупая, что преступленіе представляется поступкомъ не нравственно-свободнаго и размышляющаго существа, а скорѣе дѣйствіемъ автомата. Викторъ Гюго, заставившій Жанъ-Вальжана, въ своемъ послѣднемъ романѣ, обокрасть маленькаго савояра совершенно противъ воли, посредствомъ одного механическаго движенія, усвоеннаго привычкою, поступилъ какъ человѣкъ глубоко понимающій философію преступленія, потому что, дѣйствительно, преступленіе есть привычка, точно такая же привычка, какъ

хождение въ должность, ремесло, нищенство и т. п. Но не все Жанъ-Вальжаны встрѣчаются съ добродѣтельными епископами, отъ которыхъ они могли бы узнавать хотя и простую, но все-таки незнакомую для нихъ истину, что есть на свѣтѣ вещи—честныя и безчестныя; самая большая часть Жановъ-Вальжановъ не имѣютъ никакой возможности возвышаться до критическаго взгляда на свои привычки; до острога для нихъ это совершенно невозможно, потому что не такова ихъ жизнь и избранныя ими занятія, чтобы они располагали къ умозрѣніямъ; а въ самомъ острогѣ для нихъ это еще менѣе возможно, и опять-таки потому, что и острожно-каторжная жизнь очень мало располагаетъ къ умозрѣніямъ. Для этого нуженъ невозмутимый досугъ, хотя бы и не очень продолжительный; какъ можно менѣе мелочныхъ дразгъ и какъ можно больше вещей, располагающихъ къ серьезному настроенію, а главное—для всякаго умозрѣнія нужна прежде всего точка отправленія; оскотѣнѣвшему преступнику прежде всего нужно знать о существованіи добра и зла, чтобы дѣлать умственные комбинаціи о значеніи своихъ поступковъ. Но картина, изображенная авторомъ въ приведенныхъ нами строкахъ—представляетъ совершенную противоположность всѣмъ этимъ требованіямъ: двумъ стамъ звѣроподобнымъ существамъ, заключеннымъ въ одной казармѣ, такъ много случаевъ развлечь себя и уклониться отъ всякихъ расчетовъ съ нехорошими воспоминаніями, если они еще признаются за нехорошія! Въ одной кучкѣ ругаются только-что изобрѣтаемыми выраженіями, въ другой лѣзутъ въ драку изъ-за негодной тряпки и ужъ дѣло доходитъ до ножей, въ третьей клейменные игроки ведутъ азартную игру въ засаленныя карты, въ четвертой развлекаются зеленымъ виномъ, пронесеннымъ въ острогъ чуть не подъ страхомъ жизни—все это картины, нисколько не располагающія къ созерцательному настроенію. Есть-ли чему удивляться, что тутъ не замѣчается никакихъ признаковъ стыда и раскаянія? Скорѣй было бы удивительно, если бы здѣсь происходили случаи раскаянія, хотя бы самыя рѣдкіе; такіе случаи были бы чисто феноменальныя явленія. Поэтому, мы опять должны упрекнуть нашего автора—въ желаніи блеснуть передовымъ взглядомъ, находя у него выходку противъ такъ называемыхъ пенитенціарныхъ тюремъ.

«Я твердо убѣжденъ, — говоритъ онъ, — что знаменитая келейная система достигаетъ только ложной, обманчивой, наружной дѣл. Она

высасываетъ жизненный сокъ изъ человѣка, энергизуетъ его душу, ослабляетъ ее, пугаетъ ее, и потомъ нравственно изсохшую мумію, полусумасшедшаго представляетъ какъ образецъ исправленія и раскаянія.» (Томъ 1. стр. 23.)

Точно, это самый передовой взглядъ, какой только можно имѣть относительно судьбы преступника. Онъ былъ бы и самый лучшій взглядъ, если бы не былъ составленъ по образцу очень многихъ передовыхъ взглядовъ, вытекающихъ единственно изъ того положенія, что люди не могутъ выдумать ничего совершеннаго. Съ этой точки зрѣнія, одиночное заключеніе, какъ исправительная мѣра, конечно, не есть безусловное совершенство: ее, тоже, придумали люди. Но во-первыхъ: кто же не знаетъ этой голословной истины, хотя бы въ пользу ее не приводилось никакихъ другихъ аргументовъ, кромѣ одного только «твердаго убѣжденія?» А во-вторыхъ: если въ большинствѣ даже самыхъ образованныхъ человѣческихъ обществъ довольствуются только тѣмъ, что караютъ преступника, нисколько не помышляя о его исправленіи, если въ нашемъ родномъ обществѣ еще такъ мало распространены тѣ туманныя и справедливыя мысли, что карать преступника и бесполезно, и безчеловѣчно, а исправлять его и выгодно и согласно съ справедливостію и если, наконецъ, въ нашемъ отечественномъ законодательствѣ преобладаетъ, по преимуществу, характеръ карательный, а не исправительный, то голословное осужденіе одной изъ самыхъ дѣйствительныхъ исправительныхъ мѣръ должно казаться какой-то слезливой сентиментальностію. Противъ одиночнаго заключенія, безъ сомнѣнія, существуютъ возраженія. Главнѣйшее изъ нихъ состоитъ не въ томъ, будто «оно достигаетъ только ложной, обманчивой, наружной цѣли,» — какъ съ твердымъ убѣжденіемъ выражается авторъ, — а въ томъ, что оно соединено съ страданіемъ, что оно есть *наказаніе*, которое стремятся замѣнить *исправленіемъ*. Цѣль достигается не обманчивая, а настоящая; это доказывается сотнями людей, бывшихъ прежде негодями, а потомъ ставшихъ честными. Гуманныхъ мыслителей трогаетъ въ одиночномъ заключеніи только страданіе и та ни съ чѣмъ несравнимая скука, которую долженъ испытывать одиночно-заключенный.—Но съ одной стороны, самый актъ раскаянія,—все равно, въ тюрьмѣ или на волѣ,—долженъ сопровождаться страданіемъ, и притомъ самымъ тяжелымъ, исполненнымъ невыразимыхъ мученій; это мы должны предполагать; объ этомъ гово-

рять всё легенды о покаявшихся грѣшникахъ и всё поэты, представлявшіе преступниковъ, терзаемыхъ своею совѣстію: неужели же мы будемъ столь неблагоразумны, что станемъ придумывать средства противъ этого рода страданія, происходящаго отъ раскаянія и безъ котораго самое раскаяніе совершенно немислимо? Съ другой стороны грабительство и душегубство всегда будетъ вести за собою лишеніе свободы; и хотя бы при этомъ имѣлось въ виду самое любезное обращеніе съ преступникомъ и самая вѣжная заботливость о его исправленіи, но это самое лишеніе, само по себѣ, есть уже величайшее наказаніе; и какъ бы ни была высока степень гуманности въ обществѣ, оно все-таки будетъ находиться вынужденнымъ подвергать преступниковъ наказанію этого рода: неужели же мы должны приходить въ отчаяніе отъ этой совершенной невозможности отдѣлать отъ лишенія свободы понятіе о наказаніи?

Намъ, впрочемъ, нечего оплакивать или оправдывать келейную систему: она не энервируетъ нашихъ преступниковъ, не дѣлаетъ изъ нихъ изсохшія муміи, и не представляетъ ихъ за образецъ раскаянія и исправленія; наши ссыльно-каторжные живутъ цѣлыми колоніями, по двѣсти человѣкъ въ одной казармѣ, они сохраняютъ всю свою энергію буйства и оскотененія и ихъ нераскаянность—есть одинъ изъ самыхъ достовѣрныхъ фактовъ. Однако, и при этой системѣ обращенія съ преступниками, какая господствуетъ у насъ и которая вытекаетъ изъ карательнаго духа нашего законодательства, наши каторжники могли бы представлять примѣры нравственнаго возрожденія. Для человѣка это возможно на всѣхъ ступеняхъ паденія, и, говоря вообще, это не составляетъ спорнаго предмета; но мы говоримъ, что это возможно и при нашей карательной системѣ наказаній: для этого нужны только самыя небольшія уступки въ пользу человѣческаго званія преступниковъ, изъ котораго, въ сущности, ихъ не можетъ и не должно разжаловать никакое законодательство. Наши каторжники, кромѣ предварительныхъ каръ,—теперь, какъ слышно, значительно смягченныхъ, и даже предположенныхъ къ совершенной отмигнѣ нашимъ правительствомъ, окончательно наказываются такою работою, которой они не понимаютъ ни цѣли, ни значенія, которой часто не предвидятъ конца, за которую подвергаются наказаніямъ, но не видятъ не только никакой прибыли, но даже похвалъ и поощренія, словомъ—нака-

зываются каторжною работою. Эту работу они, естественно, ненавидятъ; она ихъ озлобляетъ до бѣшенства и отчаянiя, окостеняетъ до безсмыслия, и дѣлаетъ еще глубже и безъ того глубокою пропасть ихъ паденiя. Эта самая работа могла бы служить источникомъ ихъ нравственнаго возвышенiя, и они могли бы любить ее—до соперничества другъ передъ другомъ, и до всякаго предѣла, возможнаго на полной свободѣ. Нужно только, чтобы для нея назначались человѣческіе сроки, и чтобы она имъ приносила что-нибудь. Даже менѣе: по мнѣнiю нашего автора, каторжники могли бы становиться нравственнѣе, и дѣлаться болѣе человѣческими существами отъ одного того, если бы кромѣ каторжной, неосмысленной и нескончаемой работы, имъ *не запрещали* еще работать—что они хотятъ и умѣютъ, и если бы имъ, отъ ихъ человѣческихъ правъ, оставлено было хоть столько, чтобы они свои заработки могли считать своею неприкосновенною собственностью. Это требованiе слишкомъ ничтожно, не смотря на то, что оно могло бы имѣть своимъ постояннымъ результатомъ нравственное возрожденiе человѣческихъ душъ. Потребность произвольной, осмысленной работы, намъ представляется до такой степени сильною въ клейменомъ казенно-крѣпостномъ работникѣ, что изъ нея можно было бы сдѣлать орудіе особой исправительной мѣры, за мелкіе проступки, совершаемые въ самомъ острогѣ: арестантовъ можно наказывать лишенiемъ права на произвольную работу, на нѣсколько дней, и это было бы очень дѣйствительное наказанiе; и если бы этой потребности къ произвольной работѣ въ арестантахъ вовсе не замѣчалось, то нравственные и административныя цѣли, должны бы заставить непосредственное острожное начальство развить въ нихъ эту потребность, хотя бы для того, чтобы обратить ее въ свою пользу, усилить свой авторитетъ. Но эта потребность существуетъ, и притомъ въ самой высокой степени, и надъ нею тяготѣетъ запретъ. Слѣдующая, прекрасная страница изъ нашего автора достаточно знакомитъ со всею неестественностію и нехорошими послѣдствiями такого запрета:

«Казенная каторжная крѣпостная была не занятiемъ, а обязанностію: арестантъ отработывалъ свой урокъ, или отбывалъ законные часы работы и шолъ въ острогъ. На работу смотрѣли съ ненавистью. Безъ своего особаго, собственнаго занятiя, которому бы онъ пре-

данъ былъ всѣмъ умомъ, всѣмъ расчетомъ своимъ, человекъ въ острогѣ не могъ бы жить. Да и какимъ способомъ весь этотъ народъ, развитой (!), сильно пожившій и желавшій жить, насильно сведенный сюда въ одну кучу, насильно оторванный отъ общества и отъ нормальной жизни, могъ бы ужиться здѣсь нормально и правильно, своей волей и охотой? Отъ одной праздности здѣсь развились бы въ немъ такіа сртанныя свойства, о которыхъ онъ прежде не имѣлъ понятія. Безъ труда и безъ законной, нормальной собственности человекъ не можетъ жить, развращается, обращается въ звѣря. И потому, каждый въ острогѣ, вслѣдствіе естественной потребности и какого-то чувства самосохраненія, имѣлъ свое мастерство и занятіе. Длинный лѣтній день почти весь наполнялся казенной работой; въ короткую ночь едва было время выспаться. Но зимой арестантъ, по положенію, какъ только смерклось, уже долженъ быть запертъ въ острогѣ. Что же дѣлать въ длинные, скучные часы зимняго вечера? И потому, почти каждая казарма, не смотря на запретъ, обращалась въ огромную мастерскую. Собственно трудъ, занятіе не запрещались; но строго запрещалось имѣть при себѣ въ острогѣ инструменты, а безъ этого не возможна была работа. Но работали тихонько и, кажется, начальство въ иныхъ случаяхъ смотрѣло на это не очень пристально. Многіе изъ арестантовъ, приходили въ острогъ ничего не зная, но учившись у другихъ, и потомъ выходили хорошими мастерами. Тутъ были и сапожники, и бапмачники, и портные, и столары, и слѣсаря, и рѣзчики, и золотильщики. Всѣ они трудились и добывали копѣйку. Заказы работъ добывались изъ города. Деньги есть чеканенная свобода, а потому для человека, лишеннаго совершенно свободы, онѣ дороже вдесятеро. Если онѣ только брякаютъ у него въ карманѣ, онѣ уже вполонину утѣшенъ, хотя бы и не могъ ихъ тратить. Но деньги всегда и вездѣ можно тратить, тѣмъ болѣе, что запрещенный плодъ вдвое слаще. А въ каторгѣ можно было даже имѣть и вино. Трубки были строгайше запрещены, но всѣ ихъ курили. Деньги и табакъ спасали отъ цынготной и другихъ болѣзней. Работа же спасала отъ преступленій: безъ работы арестанты поѣли бы другъ друга, какъ пауки въ стеклянкѣ. Не смотря на то, и работа, и деньги запрещались. Не рѣдко по ночамъ дѣлались внезапные обыски, отбиралось все запрещенное и—какъ ни прѣтались деньги, а все-таки иногда попадались сыщикамъ. Вотъ отчасти почему они и не бѣреглись, а въ скорости пропивались; вотъ почему заводилось въ острогѣ и вино. Послѣ каждого обыска, виноватый, кромѣ того, что липался всего своего состоянія, бывалъ обыкновенно больно наказанъ. Но, послѣ каждого обыска, тотчасъ же пополнялись недостатки, немедленно заводились новыя вещи и все шло по старому. И начальство знало объ этомъ, и арестанты не роптали на наказанія, хотя такая жизнь похожа была на жизнь поселившихся на горѣ Везувіѣ.» (Томъ 1. стр. 26.)

Существованіе запрета для преступниковъ заниматься произвольной работой имѣетъ два предлога. Первый тотъ, что право

произвольнаго труда должно составлять только привилегію свободнаго и честнаго человѣка, такъ какъ произвольный трудъ не только есть благородное занятіе, но можетъ быть еще источникомъ чистѣйшихъ удовольствій, которыя для людей, лишонныхъ всѣхъ гражданскихъ правъ, должны считаться недоступными; кромѣ того, преступные работники, при извѣстной степени искусства, могли бы конкурировать съ работниками честными, а это для послѣднихъ было бы и оскорбительно, и, можетъ быть, соединено съ большими для нихъ невыгодами, такъ какъ трудъ преступнаго и обезпеченаго человѣка непремѣнно будетъ дешевле трудовъ всякаго честнаго и свободнаго работника. Но, съ одной стороны, возраженіе это отзывается жестокостію, недоступною самаго послѣдняго изъ членовъ цивилизованнаго и христіанскаго общества; если трудъ можетъ быть источникомъ чистыхъ удовольствій и черезъ это самое возвышать человѣческое достоинство въ преступникѣ, то во всякомъ человѣческомъ обществѣ, вышедшемъ изъ состоянія варварства, это обстоятельство должно служить причиною и величайшимъ аргументомъ, почему именно этотъ родъ удовольствій не долженъ считаться запрещеннымъ для самаго тяжкаго изъ преступниковъ; а потому, собственно въ нашемъ отечествѣ, это возраженіе, на сколько оно основано на опасности конкуренціи, не имѣетъ никакого мѣста и значенія; какъ бы ни была велика и хороша производительность преступниковъ, во всякомъ случаѣ у насъ никому еще въ голову не приходило оплакивать недостатокъ работъ или избытокъ предложенія труда, кромѣ развѣ поэта, г. Некрасова, который, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, въ уста русскаго парня влагаетъ жалобы манчестерскаго работника. Другое возраженіе противъ дозволенія преступникамъ произвольной работы состоитъ въ томъ, что въ рукахъ такихъ мастеровыхъ, какъ ссыльно-каторжные, орудіе мастерства можетъ сдѣлаться орудіемъ новыхъ преступленій или побѣговъ. Но во-первыхъ, на дѣлѣ оказывается, что погасить въ нихъ страсть къ произвольному занятію и отучить ихъ отъ обращенія съ рабочими инструментами, — каковы швейная игла, сапожное шило, золотильныя принадлежности и проч., — нѣтъ никакой возможности; а во-вторыхъ такіе инструмента, какъ топоръ, желѣзная лопата, ломъ, заступъ, которыми арестанты исправляютъ свои каторжныя работы, безъ сомнѣнія гораздо болѣе удобны для совершения и побѣговъ, и преступленій, чѣмъ швейная игла, са-

пожное шило или принадлежности золоченія. Такимъ образомъ, лишеніе арестантовъ права на произвольную работу остается чисто карательною мѣрою, которая столько же не вынуждается никакими требованіями, сколько она противна всякому человѣколюбію. Но обязанности человѣколюбія вещь условная, и мы можемъ плакать надъ тѣмъ, надъ чѣмъ другіе смѣются; поэтому, мы должны еще прибавить, что лишеніе, о которомъ мы говоримъ, противно самой простой (даже не безусловной) справедливости. Съ точки зрѣнія карательнаго законодательства ссыльно-каторжные признаются лишонными *всѣхъ* правъ: исполнители, непосредственно вліяющіе на судьбу преступниковъ, это самое и имѣютъ въ виду не признавая за ними ни одного человѣческаго права и щадя въ нихъ одну только жизнь. Но если бы исполнители закона были съ тѣмъ вмѣстѣ и искусные толкователи его, то они могли бы понять, что лишеніе *всѣхъ* правъ есть только фраза, которая гораздо шире заключающагося въ ней смысла. Право жизни, хотя бы долженствующей пройти въ вѣчной каторгѣ, само собою обуславливаетъ и другія права, безъ которыхъ невозможно и совершенно не мыслимо продолженіе жизни, оставляемой преступнику. Къ такимъ правамъ принадлежатъ право пищи, одежды, помѣщенія и отдыха. Нечего и говорить, что эти права человѣка, лишоннаго *всѣхъ* правъ, будутъ нарушены, если пища будетъ недостаточна или нехорошаго качества, если одежда будетъ не соответственна временамъ года или помѣщеніе будетъ лишено необходимой опрятности и чистаго воздуха,—насъ, въ эту минуту занимаетъ только отдыхъ, или время, свободное отъ каторжной работы. Это время безусловно принадлежитъ арестанту; оно не можетъ быть у него отнято безъ нарушенія его права, и оно, точнѣе, принадлежитъ ему и фактически; онъ можетъ его проспять, какъ свою неотъемлемую собственность, можетъ провести его въ разговорахъ, въ ходьбѣ по своей казармѣ, даже въ цинической брани съ товарищами по острогу, и только не можетъ сдѣлать изъ него самаго лучшаго и желательнаго употребленія— провести его въ шитьѣ или золоченіи: тутъ онъ будетъ остановленъ, принадлежности его работы будутъ у него отобраны, и самъ онъ будетъ наказанъ. Въ сущности это все равно, если бы арестанту мѣшали спать, если бы его будили всякій разъ, какъ только нападетъ на него дремота, и если бы его всякій разъ за это наказывали. Съ тѣмъ, кого считаютъ лишоннымъ *всѣхъ* правъ,

конечно, можно дѣлать и это; но гдѣ же справедливость, и возможно-ли, чтобы этого требовалъ законъ?

Но лишеніе арестантовъ произвольной работы есть только одна изъ слабѣйшихъ подробностей карательной системы. Вредныя послѣдствія ея для нравственности арестантовъ не такъ очевидны, чтобы онѣ были яснѣе дня. Мы видимъ, конечно, что арестанты самую эту работу, которая имъ запрещена, занимаютъ воровскимъ образомъ, тогда какъ могли бы заниматься ею какъ всѣ добрые люди, что свои не обезпеченныя заработки они тотчасъ употребляютъ на самыя циническія удовольствія, что не желая подвергаться вѣроятному наказанію за произвольную работу, они начинаютъ обворовывать другъ друга, за что ихъ никогда почти не наказываютъ, словомъ—мы видимъ, что они развращаются и становятся еще каторжнѣе; но нравственность этихъ людей, еще до каторги была была такъ низка, что измѣрять степень пониженія ея въ каторгѣ могутъ одни только тонкіе психологи. Недостатки карательной системы, какъ въ каторгѣ такъ и передъ нею, гораздо очевиднѣе обличаются на другихъ ея подробностяхъ, и всего ярче на тѣлесныхъ наказаніяхъ. Смыслъ этой карательной мѣры, какъ и всей системы, къ которой относится эта мѣра, состоитъ въ отмщеніи преступнику и въ устрашеніи примѣромъ его наказанія другихъ. Устрашаетъ-ли она кого-нибудь, и способствуетъ-ли хоть въ какойнибудь мѣрѣ къ уменьшенію преступленій—это навсегда останется непроницаемою тайною, недоступною никакому мыслителю, никакому законодателю, и которая можетъ быть известна одной только совѣсти людей, удержанныхъ отъ преступленій страхомъ наказанія, если еще бывають такіе люди или такіе случаи съ людьми, и стало быть устрашеніе есть одно только предположеніе, на которомъ основывать необходимость жесточайшей карательной мѣры въ обществѣ, крайне не логично; кромѣ того, что есть самаго страшнаго въ устрашеніи этого рода, то остается опять такъ извѣстнымъ одной только совѣсти преступника, на которомъ показываютъ примѣръ устрашенія; самое страшное въ наказаніи—это его ожиданіе; а весь этотъ адъ, эта бездна отчаянія, эти сердечныя судороги приговореннаго къ «зеленой улицѣ» остаются сокрытыми отъ всякаго посторонняго глаза, и потому лишены всякаго поученія; и если бы они были открыты обществу, то оно содрогнулось бы не передъ ужасами самой казни, а скорѣе передъ

ужасами той отчаянной рѣшимости, съ которою приговоренный бываетъ готовъ на всевозможныя новыя преступленія, лишь бы затянуть свое дѣло; оно содрогнулось бы передъ той жаждой, которой онъ томится о случаѣ и о полученіи возможности совершить бесполезное преступленіе, чтобы отдалить минуту наказанія, и оно забыло бы и о своемъ устрашеніи и о своей предполагаемой мести, которая не достойна общества уже по одному тому, что оно слишкомъ велико и сильно, чтобы кипѣть злобою противъ *одного* бездѣльника. Вотъ одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ фактовъ, безъ сомнѣнія знакомый почти всякому судебному слѣдователю и караульному офицеру, и очень убѣдительно рѣшающій вопросъ о томъ — сокращаетъ или плодитъ преступленія та карательная мѣра, о которой мы здѣсь разумѣемъ.

Нашъ авторъ рассказываетъ:

У насъ въ острогѣ, въ военномъ разрядѣ, былъ одинъ арестантъ, изъ солдатиковъ, не лишонный правъ состоянія, присланный года два въ острогъ по суду, фанфаронъ и замѣчательный трусъ. Дутовъ (фамилія арестанта) отбылъ свой коротенькій срокъ и вышелъ опять въ линейный батальонъ. Но такъ какъ всѣ ему подобныя, посылаемые въ острогъ для исправленія, окончательно въ немъ развращаются, то обыкновенно и случается такъ, что они, побывъ на волѣ не болѣе двухъ трехъ недѣль, поступаютъ снова подъ судъ и являются въ острогъ обратно, только ужъ не на два или на три года, а во «всегдашній разрядъ», на пятнадцать или на двадцать лѣтъ. Такъ и случилось. Недѣли черезъ три по выходѣ изъ острога, Дутовъ укралъ изъ подъ замка, сверхъ того нагрубилъ и набуянилъ. Былъ отданъ подъ судъ и приговоренъ къ строгому наказанію. Испугавшись предстоящаго наказанія до-нельзя, до послѣдней степени, какъ самый жалкій трусъ, онъ на-канунѣ того дня, когда его должны были прогнать съвозъ строй, бросился съ ножомъ на вошедшаго въ арестанскую комнату караульнаго офицера. Разумѣется, онъ очень хорошо понималъ, что такимъ поступкомъ онъ чрезвычайно усилитъ свой приговоръ и срокъ каторжной работы. Но расчетъ былъ именно въ томъ, чтобъ хоть на нѣсколько дней, хоть на нѣсколько часовъ отдалить страшную минуту наказанія!» (Томъ 1. Стр. 86.)

Говорятъ, что предсмертное укушеніе зайца—смертельно и что къ образованію въ немъ ада способствуетъ сильнѣйшая степень испуга. Здѣсь мы видимъ случай, гдѣ смертельное увлеченіе покушается произвести заяцъ. Но безобидные и трусливые зайцы между арестантами, конечно, рѣдкое исключеніе; самая большая часть изъ нихъ, вѣроятно, тигры; раздражать ихъ тигровыя страсти,—будетъ-ли это въ видахъ устрашенія,

или мести, или абсолютной справедливости, — значить оказывать плохую услугу обществу.

Права общества надъ своими преступными членами, конечно, менѣ всего подлежатъ спору, и права эти должны бытъ велики равно на столько, на сколько велика важность общественной безопасности. Но такъ какъ самое учрежденіе и существованіе общества объясняются тѣмъ, что оно приняло подъ свою защиту всѣ личныя, частныя и общественныя права своихъ членовъ и что оно сознало себя сильнымъ оказывать эту защиту, то общество оказывается измѣняющимъ своей цѣли, истощившимъ всѣ свои полномочія и впадающимъ въ несправедливость, какъ скоро оно снимаетъ свою покровительственную руку съ головы даже самаго тяжкаго преступника. Чтобы не впасть въ такую несправедливость и не подвергаться нареканію въ безсиліи, въ которомъ и дѣйствительно обвиняютъ его столь многія ложныя ученія, оно неизмѣнно должно отыскать въ своемъ высокомъ призваніи какую-нибудь *возможность* — не отказывать въ своемъ покровительствѣ даже самому послѣднему изъ своихъ преступныхъ или заблуждающихся членовъ. Эта *возможность* состоитъ въ исправленіи.

Мы замѣтили, что нашъ авторъ очень горько высказывается противъ келейной системы исправленія; не смотря, однако, на это, мы встрѣчаемъ у него очень дѣльныя и вполне раздѣляемыя нами мысли противъ неудобствъ казарменной арестантской республики, гдѣ безразлично сгруппированы люди по чрезвычайно различнымъ родамъ преступленій и далеко неодинаковаго нравственнаго и образовательнаго уровня. Онъ называетъ это, и совершенно справедливо, неравномѣрностію наказанія.

«Правда, — говоритъ онъ, — и преступленіе нельзя сравнять одно съ другимъ, даже приблизительно. Напримѣръ: и тотъ и другой убили человѣка; взвѣшены всѣ обстоятельства обоихъ дѣлъ; и по тому, и по другому дѣлу выходитъ почти одно наказаніе. А между тѣмъ посмотрите, какая разница въ преступленіяхъ. Одинъ, напримѣръ, зарѣзалъ человѣка такъ, за ничто, за луковицу: вышелъ на дорогу, зарѣзалъ мужика проѣзжаго, а у него-то всего одна луковица. «Что-жь, батька! ты меня посылаешь на добычу: вонъ я мужика зарѣзалъ и всего-то одну луковицу нашолъ — Дуракъ! луковица — анъ копѣйка! Сто душъ — сто луковиць, вотъ-те и рубль!» (Острожная легенда). — А другой убилъ, защищая отъ сладострастнаго тирана честь невесты, сестры, дочери. И что же? И тотъ и другой попадаютъ въ ту же каторгу... Посмотрите на другую разницу, на разницу въ самыхъ послѣдствіяхъ, наказанія. Вотъ человѣкъ, который въ каторгѣ

чашнетъ, таетъ какъ свѣчка; и вотъ другой, который до поступленія въ каторгу не зналъ даже, что есть такая развеселая жизнь, такой пріятный клубъ разудалыхъ товарищей. Да; приходятъ въ острогъ и такіе. Вотъ, напримѣръ, человѣкъ образованный, съ развитой совѣстью, съ сознаниемъ, сердцемъ. Одна боль его собственнаго сердца, прежде всякихъ наказаній, убьетъ его своими руками. Онъ самъ себя осудитъ безошаднѣе, безжалостнѣе самаго грознаго закона. А вотъ рядомъ съ нимъ другой, который даже и не подумаетъ о совершенномъ имъ убійствѣ, во всю каторгу.» Томъ I, стр. 81.)

Это, точно, неравномѣрность наказаній; другого слова для этого изобрѣтать не нужно. Но если осужденіе произнесено правильно, не только по закону, но и по совѣсти, со вниманіемъ ко всѣмъ смягчающимъ обстоятельствамъ, тогда неравномѣрность наказанія будетъ зависеть отъ одного только сообщества человѣка совѣстливаго—съ потерявшимъ всякую совѣсть, образованнаго—съ полудикимъ животнымъ, чистоплотнаго—съ самыми циническими неряхами, преступника по дѣламъ вѣры—съ душегубцемъ и разбойникомъ. Тутъ категоріи должны быть, и возраженіе противъ этого возможно сдѣлать только въ духѣ жестокости и бесполезной мести. Самое введеніе этихъ категорій не представляетъ никакой трудности и не требуетъ никакихъ издержекъ. А между тѣмъ одно введеніе этихъ категорій могло бы повести за собою возможность возврата въ общество для очень большого числа преступниковъ. Какъ скоро явилось бы сознание, что преступникъ преступнику—разны; и какъ скоро установился бы фактъ, что бываютъ преступники не только безъ сбивчивыхъ понятій о человѣческой нравственности, но и раскаявающиеся въ своихъ преступленіяхъ съ той самой минуты, какъ только они подпали несчастію преступнаго дѣла, тогда общество, послѣ извѣстнаго исправительнаго срока, могло бы принимать въ свою среду такихъ преступниковъ, безъ всякаго риска для своей безопасности. Безразличный взглядъ нашего законодательства на преступныя личности, присужденіе ихъ къ неестественному сообществу посредствомъ группированія ихъ въ одной арестантской казармѣ, безъ всякаго вниманія къ ихъ званіямъ, образованію и нравственному уровню, есть, можетъ быть, такая черта нашего уголовного кодекса, которую правительство всего менѣе расположено отстаивать. Въ такомъ случаѣ, черта эта указана. Преступники, не утратившіе своего человѣческаго достоинства, могутъ быть соылаемы въ особыя мѣстности или размѣщаемы въ особыхъ казармахъ. Нравствен-

ная ихъ оцѣнка , которая можетъ быть предоставлена только судамъ, конечно , представляетъ нѣкоторыя затрудненія , такъ какъ несовершенства нашихъ судовъ не составляютъ никакой тайны и нѣтъ ничего труднаго, что судебное одобреніе можетъ сдѣлаться предметомъ торговли. Но если эти несовершенные суды завѣдуютъ всѣмъ нашимъ правосудіемъ, то возражать противъ нихъ по поводу такой маленькой подробности , о которой мы говоримъ, совершенно неумѣстно. Все же лучше, если чело-вѣческое достоинство оцѣнивается хоть какъ-нибудь, хоть не совсѣмъ правильно , чѣмъ если на него вовсе не обращается никакого вниманія, какъ это дѣлается теперь.

Мы не знаемъ, какого рода преступленіе совершилъ несчастный наблюдатель каторжной жизни, послѣ котораго г. Достоевскому привелось быть издателемъ «Записокъ изъ Мертваго Дома,» но каково бы ни было его преступленіе противъ общества, или одного только правительства , во всякомъ случаѣ чело-вѣкъ его образа мыслей, его нравственныхъ понятій и образованія, его общественнаго положенія , о которомъ можно догадываться, что оно было довольно высоко, можетъ служить лучшимъ примѣромъ и лучшимъ доказательствомъ того , что для много каторжника настоящею каторгою слѣдуетъ считать циническое сообщество каторжниковъ, а самыя каторжныя работы и всѣ тягости безправнаго состоянія только прибавкою къ этому наказанію. Но положеніе образованнаго, нравственнаго и эстетически-развитаго чело-вѣка въ средѣ отъявленныхъ душегубцевъ слишкомъ рельефно, чтобы не казаться несправедливостью для кого бы то ни было. Но вотъ примѣръ простаго чело-вѣка, въ которомъ, однако, нѣтъ ни одной черты, которая бы ни говорила, что онъ не созданъ для сообщества каторжниковъ, въ ихъ теперешнемъ положеніи , что такое наказаніе для него слишкомъ жестоко и что отсутствіе людей, любящихъ добродѣтель, знающихъ Бога и имѣющихъ совѣсть для него выше всякой каторги.

«Это былъ старичокъ лѣтъ шестидесяти, маленький, сѣденькій. Онъ рѣзко поразилъ меня съ перваго взгляда. Онъ такъ не похожъ былъ на другихъ арестантовъ: что-то до того спокойное и тихое было въ его взглядѣ, что, помню, я съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на его ясныя, свѣтлыя глаза , окруженные мелкими лучистыми морщинами. Часто говорилъ я съ нимъ , и рѣдко встрѣчалъ такое доброе, благодушное существо въ моей жизни. Прислали его за чрезвычайно важное преступленіе. Между стародубовскими старо-

обрядцами стали появляться оброчные. Правительство поощряло ихъ и стало употреблять всѣ усилія для дальнѣйшаго обращенія и другихъ несогласныхъ. Старикъ, вмѣстѣ съ другими фанатиками, рѣшился «стоять за вѣру,» какъ онъ выражался. Началась строиться единовѣрческая церковь, и они сожгли ее. Какъ одинъ изъ зачинщиковъ, старикъ сосланъ былъ въ каторжную работу. Былъ онъ зажиточный, торгующій мѣщанинъ; дома оставилъ жену, дѣтей. Но съ твердостью пошелъ въ ссылку, потому что въ своемъ ослѣпленіи считалъ ее «мучою за вѣру.» Я нѣсколько разъ заговаривалъ съ нимъ «о вѣрѣ.»—Онъ не уступалъ ничего изъ своихъ убѣжденій; но никогда никакой злобы, никакой ненависти не было въ его выраженіяхъ... Онъ былъ веселъ, часто смѣялся—не тѣмъ грубымъ, дрянескимъ смѣхомъ, какимъ смѣялись каторжные, а яснымъ, тихимъ смѣхомъ, въ которомъ много было дѣтскаго простодушія и который какъ-то особенно шолъ къ сѣдинамъ.. Но не смотря на видимую твердость, съ которою онъ переживалъ свою каторгу, въ немъ таилась глубокая, неизлечимая грусть, которую онъ старался скрывать отъ всѣхъ. Я жилъ съ нимъ въ одной казармѣ. Однажды, часу въ третьемъ ночи, я проснулся и услышалъ тихіи, сдержанный плачь. Старикъ сидѣлъ на печи и молился по своей рукописной книгѣ. Онъ плакалъ, и я слышалъ, какъ онъ говорилъ по временамъ: «Господи, не оставь меня! Господи, укрѣпи меня! Дѣтушки мои малыя, дѣтушки мои милыя, никогда-то намъ не свидаться.» (Томъ I, стр. 61.)

Эта способность любить, молиться и плакать осталась непроницаемою для судей, осудившихъ этого фанатическаго мученика собственнаго его ослѣпленія, и они приговорили его къ каторгѣ и къ сообществу каторжниковъ. Они совершенно правы, и не столько потому, что къ преступленію этого человѣка прямо примѣнялась буква закона. сколько потому, что этотъ человѣкъ, со всѣми глубинами его совѣсти, для нихъ оставался отвлеченнымъ предметомъ. Они, во все время его подсудности, видѣли его одинъ только разъ и предложили ему одинъ только вопросъ. Это было въ то время, когда онъ, по предписанію одной статьи нашего уголовного кодекса, былъ позванъ въ присутствіе суда за тѣмъ, чтобы его спросили—не было-ли ему сдѣлано при слѣдствіи какихъ-нибудь притѣсненій? Поэтому, выраженное нами желаніе, чтобы судьи получили власть оцѣнивать нравственный уровень преступниковъ, въ сущности есть желаніе довольно наивное. Это почти совершенно вѣрно: совѣсть преступника остается для нашихъ судовъ совершенно неразоблаченною. Но, по крайней мѣрѣ, мы видимъ, что наши суды, въ настоящемъ ихъ видѣ, даже при всей добросовѣстности

судей, не могутъ быть правосудны въ той степени, чтобы произносить приговоры, совершенно соразмѣрные со степенью вины. Такая высота справедливости возможна только при той обстановкѣ, которою сопровождается произнесеніе приговоровъ— по совѣсти.

Оставляя разбираемую нами книгу, мы желаемъ ей полного успѣха. Она принадлежитъ къ числу книгъ, способныхъ производить прочныя и обильныя впечатлѣнія и въ то же время давать полезную инициативу. Мы не касались здѣсь мелкихъ житейскихъ подробностей арестантскаго быта, и обильныхъ психологическихъ наблюденій и замѣтокъ, разбросанныхъ по всей книгѣ нашего наблюдателя: читателю легко познакомиться со всѣмъ этимъ безъ всякаго съ нашей стороны пособія;—мы ограничиваемся скромнымъ замѣчаніемъ, что познакомиться со всѣми этими вещами вполне стѣдуетъ нашего досуга, такъ какъ всѣ эти вещи не только заслуживаютъ нашей любознательности, по ихъ почти совершенной новизнѣ, но имѣютъ еще нѣкоторое отношеніе и къ общественной совѣсти. Какое бы высокое значеніе мы ни придавали нашимъ общественнымъ интересамъ, какъ бы ни казалась для насъ святою ненарушимость всѣхъ нашихъ правъ, вытекающихъ для насъ изъ нашей жизни въ обществѣ, какими бы, наконецъ, злодѣями ни представлялись намъ люди, угрожающіе этимъ правамъ нашимъ, мы положительно знаемъ и никогда не можемъ и не должны забывать того, что самая большая часть преступленій имѣютъ своимъ источникомъ два общественныя зла — невѣжество и бѣдность. Люди, дѣлающіеся законопреступниками вслѣдствіе этихъ золъ, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ милосердія, а отказывать имъ въ справедливости, отнимать у нихъ осколки ихъ правъ, совершенно неотъемлемыхъ, такъ какъ они не раздѣльны съ чело-вѣческимъ достоинствомъ, значить поступать съ ними съ превышеніемъ даже той огромной власти, которою располагаетъ само общество.

З—ъ.

З А М Ъ Т К А

НА ПРОЕКТЪ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

напечатанный по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ предыдущей книжкѣ журнала мы старались познакомить читателей съ проектомъ народныхъ училищъ, составленнымъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Теперь мы обратимъ вниманіе на общій проектъ всѣхъ вообще учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, составленный также въ самомъ министерствѣ. Въ проектъ входятъ: народныя училища, учительскіе институты, прогимназіи, гимназіи и женскія училища.

Относительно народныхъ училищъ общій проектъ содержитъ съ собой тѣ же самыя положенія, которыя мы разсматривали въ предыдущей книжкѣ; потому мы и обойдемъ совсѣмъ то, что говорится въ проектѣ относительно народныхъ училищъ и займемся прямо тѣми положеніями, которыя относятся къ учительскимъ институтамъ. Учительскіе институты должны существовать исключительно для образованія учителей народныхъ училищъ; и сообразно съ этимъ назначеніемъ Министерство Народнаго Просвѣщенія старается устроить учебную часть учительскихъ институтовъ. «Цѣль всего преподаванія въ учительскихъ институтахъ, говоритъ проектъ, преимущественно состоитъ въ методическомъ обученіи воспитанниковъ по всѣмъ

отраслямъ знанія, которыя составляютъ курсъ народныхъ училищъ.» (§ 95).

«Предметы преподаванія въ учительскихъ институтахъ суть: а) Законъ Божій, б) педагогика съ дидактикой, в) отечественный языкъ, г) исторія, д) географія съ статистикой, е) естествовѣдѣніе, ж) ариѳметика и геометрія, з) чистописаніе и черченіе, и) пѣніе, к) гимнастика и л) огородничество, садоводство и полеводство (§ 97).

Къ этому проектъ присоединяетъ нѣсколько частныхъ замѣчаній, относительно отдѣльныхъ предметовъ обученія; и вотъ что говоритъ онъ напр. о педагогикѣ:

Педагогика, естественно должна развивать и извлекать правила воспитанія изъ психологическихъ началъ. Практическія упражненія въ сей наукѣ состоятъ въ посѣщеніи воспитанниками классовъ народнаго училища, и въ изученіи на дѣлѣ основныхъ правилъ училищной дисциплины: при данныхъ случаяхъ учитель обсуждаетъ съ воспитанниками поведеніе малолѣтнихъ учениковъ, въ особенности проступки ихъ, и указываетъ на средства предотвращенія ихъ, или исправленія. Общая дидактика излагаетъ основныя начала преподаванія и необходимыя условія успѣшности онаго. Частная дидактика проходится при каждомъ предметѣ особо (§ 99).

Мы позволимъ себѣ сказать, на основаніи самаго положительнаго опыта, что въ этомъ § больше словъ, нежели дѣла. И до сихъ поръ тамъ, гдѣ преподавалась у насъ педагогика, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ она нисколько не достигала своей цѣли; можно даже сказать, что она едва-ли и имѣла въ виду какую-нибудь цѣль. Въ самомъ дѣлѣ она толковала самымъ смутнымъ и неопредѣленнымъ образомъ о развитіи челоука вообще, и отдѣльныхъ его способностей въ частности, о значенія въ дѣлѣ воспитанія и обученія юношества разныхъ педагогическихъ способовъ и разныхъ предметовъ преподаванія, излагала исторію воспитанія у разныхъ народовъ на основаніи фактовъ весьма недостаточныхъ и все-таки плохо понимаемыхъ, и притомъ такъ, что не только слушатели, но и самъ преподаватель затруднился бы вывести хоть какое-нибудь отношеніе разныхъ историческихъ системъ воспитанія къ тому, что предстоитъ будущему педагогу. При этомъ иногда читалась исторія

педагогической литературы, но опять-таки въ самомъ недостаточномъ видѣ и безо всякаго отношенія къ будущей дѣятельности педагога. Результаты изъ всего этого преподаванія педагогическіе экзаменовъ не шли; слушатели сдавали экзамены; тѣмъ все дѣло и оканчивалось. Потомъ поступали они на педагогическую службу, и если они получили достаточное общее образованіе, если хорошо знали свой предметъ, то они дѣлались хорошими преподавателями, нисколько не помышляя и даже иногда совершенно забывая о томъ, что они служили въ курсѣ педагогическіе. Но если они не были достаточно образованы сами, если они слабо знали свой предметъ, то изъ нихъ выходили жалкіе педагоги, не смотря на пройденный курсъ педагогическіе. Можно даже сказать, что существовавшее у насъ до сихъ поръ преподаваніе педагогическіе не только не приносило никакой пользы, но и не осталось совершенно безвредныхъ результатовъ. Преподаватели, нисколько не пользуясь педагогическими данными въ своемъ преподаваніи, въ то же время не могутъ забыть неопредѣленныхъ толковъ о развитіи челоука и его способностей, и о вліяніи того или другаго способа или предмета на это развитіе; разумѣется то, что было только неопредѣленно въ курсѣ педагогическіе, въ послѣдствіи понимается самымъ разнообразнымъ способомъ и очевидно въ большинствѣ случаевъ переходить въ самые грубые абсурды. Оттого нѣтъ ничего несчастіе явившихся въ послѣднее время учебниковъ по разнымъ предметамъ гимназическаго курса, авторы которыхъ рассчитывали приложить къ дѣлу плохо преподаваемыя имъ и еще хуже переработанныя ими нѣкоторыя частныя положенія педагогическіе, и нѣтъ ничего смѣшнѣе гѣхъ реформаторскихъ педагогическихъ собраній, которыхъ члены задумываютъ увеличить полезное вліяніе какаго-нибудь предмета обученія не посредствомъ увеличенія объема этого преподаванія, и не посредствомъ усиленной критики при выборѣ и оцѣнкѣ отдѣльныхъ частей учебнаго предмета, а посредствомъ предпочтенія одного метода другому, или посредствомъ очень хитраго сплетенія разныхъ методовъ. Въ сужденіи объ этомъ дѣлѣ мы ссылаемся на всѣхъ, сколько-нибудь знакомыхъ съ нимъ. Кого не поражали самыя прогнворѣчашія сужденія, самыя крайніе абсурды въ подобныхъ педагогическихъ собраніяхъ, и что вышло хотя изъ одного подобнаго собранія?—Мы не сомнѣваемся, что главною причиною бесплодности всѣхъ этихъ усилій, иногда совершенно честныхъ, слу-

жить слишкомъ поверхностное преподаваніе педагогій въ соединеніи съ недостаточностью общаго образованія *.

Просимъ покорно не забывать, что подобныя результаты или хоть только подобное отсутствіе результатовъ выпало у насъ на долю педагогій въ томъ видѣ, въ какомъ она преподается въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ общее образованіе все-таки болѣе или менѣе удовлетворительно, и самое чтеніе педагогій имѣеть значительный объемъ и поручается людямъ, имѣющимъ большія познанія. Какихъ же результатовъ можно ожидать отъ чтенія педагогій въ учительскихъ институтахъ, гдѣ и слушателями будутъ люди весьма недостаточно образованные и за преподаваніе педагогій, по необходимости, возьмутся люди сами малознакомые съ педагогическою литературою? Въ проектѣ говорится: «педагогика должна развивать и извлекать правила воспитанія изъ психологическихъ началъ.» Противъ этого положенія, конечно, спорить нельзя; даже нельзя не замѣтить здѣсь вліяніе духа Эмиля; но какія великія трудности представить это дѣло на практикѣ?—Нужно имѣть самое точное и подробное знакомство со всѣми вообще психологическими началами, нужно умѣть вполне вѣрно понимать ихъ вообще и въ проявленіяхъ ихъ у отдѣльныхъ личностей, нужно имѣть необыкновенно строгую логику, которая не допустила бы вывести ни больше, ни меньше того, что слѣдуетъ выводить, нужно имѣть кромѣ того какую-нибудь точную мѣрку для повѣрки выводовъ, и этою мѣркою могутъ быть только точныя психологическія наблюденія надъ дѣйствіями разныхъ педагогическихъ правилъ относительно различныхъ субъектовъ;—очевидно все это представляетъ такія трудности, съ которыми справиться нѣтъ никакой возможности, и которыя будутъ имѣть такое дѣйствіе, что развитіе педагогическихъ правилъ изъ психологическихъ началъ можетъ окончиться какимъ-нибудь чудовищнымъ абсурдомъ. Но такого именно результата и слѣдуетъ ожидать, если примется, кто бы то ни было, за развитіе педагогическихъ правилъ изъ психологическихъ началъ въ учительскихъ институтахъ. Здѣсь преподаваніе педагогій по уставу выпадаетъ на долю инспектора; а инспекторы институтовъ выби-

* Мы не указываемъ еще на частныя опыты подобныхъ нововведеній въ педагогической практикѣ, хотя бы мы могли указать на многіе. Но, вѣроятно, кромѣ насъ и многимъ другимъ приходилось видѣть ихъ.

раются сами изъ преподавателей извѣстныхъ своею опытностію. Необходимо предположить, что подобныя опытные преподаватели въ большинствѣ случаевъ далеко не будутъ отличатся философическою строгостію во взглядахъ и въ мышленіи. Такіе люди будутъ имѣть всѣ качества, необходимыя для хорошаго практическаго педагога, и, въ то же время, они будутъ самыми слабыми теоретиками. И вотъ они-то будутъ осуждены развивать и извлекать педагогическія правила изъ психологическихъ началъ! — Да они во-первыхъ и психологическія начала представляютъ себѣ очень смутно, а во-вторыхъ совсѣмъ и не привыкли что-нибудь строить теоретически; и произойдетъ у нихъ то, что ихъ теоретическіе выводы совсѣмъ разойдутся съ тѣмъ, что они прежде вывели изъ опыта, и сами они будутъ въ большомъ затрудненіи, чему больше вѣрить: опыту или собственному ихъ, впрочемъ невольному, философствованію. — Но не мало затрудненій представать еще и слушатели, которые о психологическомъ понятіи не имѣютъ; потому ихъ надобно еще сначала познакомить съ психологическими началами, а потомъ и развивать что-нибудь на основаніи ихъ. Это потребуетъ, разумѣется, времени и что еще важнѣе значительнаго развитія самихъ слушателей, а этого-то они и не имѣютъ, потому что въ учительскіе институты поступаютъ молодые люди, кончившіе курсъ въ народныхъ училищахъ, т. е. такіе, которые, какъ полагается въ проектѣ, знаютъ неможко законъ Божій, четыре первыя дѣйствія ариметики, и умѣютъ читать и, въ то же время, понимать книги церковной и гражданской печати. Очевидно такимъ людямъ будетъ очень трудно слѣдить за философствованіемъ преподавателя, развивающаго правило воспитанія изъ психологическихъ началъ. — Въ учительскихъ институтахъ, какъ и вездѣ, педагогія соединяется съ дидактикою и «общая дидактика излагаетъ основныя начала преподаванія и необходимое условіе успѣшности онаго. Частная дидактика приходится при каждомъ предметѣ особо.» Мы уже сказали, что на практическую дидактику, которая составляетъ главное и даже единственное дѣло, достойное вниманія, слѣдуетъ смотрѣть нѣсколько проще, что не только въ народныхъ школахъ, но и въ заведеніяхъ, имѣющихъ гораздо большій кругъ и объемъ преподаванія, практическая дидактика всегда стояла совершенно независимо отъ теоретической, и если пользовалась отъ нея чѣмъ-нибудь, то добра изъ этого не выходило. Точно также ничего добраго

нельзя ждать и для народных училищъ изъ того, что преподаватели ихъ будутъ теоретически изучать общую или частную дидактику. Это изученіе ихъ еще легче нежели кого-нибудь съобщать съ толку. Все, чего-то нужно желать въ этомъ отношеніи для учительскихъ институтовъ, можетъ ограничиться только тѣмъ, чтобы въ нихъ самихъ преподаваніе было, сколько возможно, рациональнѣе—извѣстно, что лучшимъ приготовленіемъ для всѣхъ вообще практическихъ занятій служить не теоретическое, а практическое знакомство съ самимъ дѣломъ. Въ педагогич. и дидактикѣ тоже самое; всегда и вездѣ молодые преподаватели принимались за дѣло такъ, какъ въ свое время преподавали имъ самимъ. Такимъ образомъ, желательно было бы, чтобы и учителя народныхъ училищъ, изучали свое дѣло практически, а не теоретически. Впрочемъ, такое практическое изученіе полагается и въ новомъ проектѣ: при учительскихъ институтахъ, непременно существуютъ народныя школы, исключительно для упражненія въ нихъ воспитанниковъ институтовъ. Вмѣстѣ съ разумнымъ преподаваніемъ въ самихъ институтахъ, эти упражненія дѣйствительно могутъ образовать хорошихъ народныхъ учителей. Даже, безъ сомнѣнія, невозможно, чтобы и преподаваніе въ институтѣ и упражненіе воспитанниковъ въ народной школѣ, обошлись безъ педагогическихъ объясненій со стороны опытныхъ педагоговъ. Но какъ никогда не нужно преувеличивать размѣровъ дѣла сравнительно съ его цѣлью, такъ въ особенности и здѣсь. Педагогическія объясненія, при практическихъ упражненіяхъ, безъ сомнѣнія принесутъ пользу; но измѣните вы эти объясненія въ философическое развитіе педагогическихъ правилъ изъ психологическихъ началъ, и вы только забьете голову вашимъ воспитанникамъ, и отнимете у нихъ не только бесполезно, но и со вредомъ для нихъ, время, которое для нихъ очень дорого. Въ самомъ дѣлѣ, весь курсъ учительскихъ институтовъ проходитъ только въ продолженіи 4½ лѣтъ, при томъ такъ, что въ продолженіи трехъ лѣтъ воспитанники имѣютъ въ недѣлю не болѣе десяти уроковъ. И проектъ какъ будто бы видитъ эту недостаточность времени, и потому преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ въ немъ сокращено весьма значительно и вѣроятно къ ущербу образованія воспитанниковъ учительскихъ институтовъ. Такъ—въ курсѣ ихъ не полагается всеобщей исторіи; а, безъ сомнѣнія, краткій очеркъ ея принесъ бы большую пользу; иначе, пожалуй, учителя народ-

ныхъ школъ, будутъ не въ состояніи удовлетворить любопытство своихъ учениковъ, желающихъ знать, къ какой націи и къ какому времени принадлежалъ Ерусланъ Лазаревичъ или Бова Королевичъ. Курсъ естествовѣдѣнія въ учительскихъ институтахъ также черезъ-чуръ сжатъ: онъ состоитъ «въ повтореніи курса народнаго училища, съ распространеніемъ объясненій касательно тѣхъ статей, которыя часто встрѣчаются въ сельскомъ быту (о домашнихъ животныхъ, о растеніяхъ, свойственныхъ краю, о почвѣ и обыкновенныхъ явленіяхъ и объ основныхъ правилахъ діететики.» (§ 102). А надобно прибавить, что курсъ естествовѣдѣнія въ народныхъ училищахъ совсѣмъ неопредѣленъ: онъ состоитъ только «въ объяснительномъ чтеніи по особой книжкѣ, заключающей въ себѣ, между прочимъ, *самыя необходимыя свѣдѣнія о внѣшней природѣ.*» Такимъ образомъ, курсъ естествовѣдѣнія въ учительскихъ институтахъ, слѣдующаго проекту долженъ состоять *изъ повторенія самыхъ необходимыхъ свѣдѣній о внѣшней природѣ.* Сколько не распространяйте вы здѣсь ваши объясненія, касательно статей встрѣчающихся въ сельскомъ быту, воспитанники не будутъ имѣть сколько нибудь рациональнаго понятія ни объ этихъ статьяхъ, ни о внѣшней природѣ вообще. Между тѣмъ учителю народной школы очень часто придется дѣлать объясненія, для которыхъ необходимо хорошее научное пониманіе внѣшней природы; и для этого очевидно въ учительскихъ институтахъ, курсъ естествовѣдѣнія долженъ быть пройденъ научнымъ образомъ. Въ такомъ случаѣ и распространеніе объясненій касательно статей, встрѣчающихся въ сельскомъ быту, можетъ принести существенную пользу. Такъ какъ при учительскихъ институтахъ предполагаются практическія упражненія въ огородничествѣ, полеводствѣ и садоводствѣ (въ чемъ нельзя не видѣть весьма большаго смысла), то можно ожидать, что воспитанники учительскихъ институтовъ, познакомившись съ рациональнымъ сельскимъ хозяйствомъ практически и теоретически въ послѣдствіи прибавивши къ этому собственный опытъ *, слѣдуются со временемъ искусными агрономами и будутъ проводниками рациональнаго сельскаго хозяйства въ наше сельское населеніе.

* А для этого желательво было бы, чтобы учителя народныхъ школъ получали не $\frac{1}{2}$ десятины земли, какъ полагается въ проектѣ, а нѣсколько десятинъ. Сельско-хозяйственныя занятія отъ исполненія обязанностей отвлечь ихъ не могутъ, потому что на лѣто занятія въ сельскихъ школахъ прекращаются.

Мы съ особеннымъ вниманіемъ останавливались на положеніяхъ проекта касательно учительскихъ институтовъ, потому что, смотря по своей организаціи, они могутъ и принести огромную пользу для нашего народнаго образованія, и могутъ остаться почти совершенно бесполезными. Потому, на организацію, и преимущественно на курсъ обученія въ народныхъ институтахъ, должны обратить особенное вниманіе тѣ, которые занимаются этимъ дѣломъ. Составители проекта, повидимому, хорошо оцѣнили значеніе учительскихъ институтовъ, но въ то же время они не довольно пропорціонально оцѣнили значеніе разныхъ предметовъ преподаванія. Нѣкоторыя изъ такихъ несообразностей мы уже указали; но есть и другія: напр. «воспитанники упражняются въ огородничество, садоводствѣ и полеводствѣ, значеніе которыхъ можетъ принести имъ и въ послѣдствіи пользу». Очевидно въ этомъ случаѣ проектъ разсчитываетъ только на пользу, которую изъ этихъ упражненій извлекутъ учителя народныхъ школъ сами для себя. Между тѣмъ, говоря о гимнастическихъ упражненіяхъ, проектъ разсчитываетъ гораздо дальнѣе. «Упражненія эти, слѣдуя ему, имѣютъ *огромное* значеніе и въ томъ отношеніи, что дадутъ возможность черезъ будущихъ народныхъ учителей, ввести гимнастику во всѣхъ народныхъ училищахъ». Мы думаемъ что это значеніе гимнастическихъ упражненій въ учительскихъ институтахъ совсѣмъ не такъ огромно, какъ это кажется составителямъ проекта; введеніе гимнастики во всѣхъ народныхъ училищахъ дѣло рѣшительно ничтожное; потому что деревенскія дѣти съ четырехъ лѣтъ сами занимаются всѣми возможными видами гимнастики, а въ 8 лѣтъ они умѣютъ взлѣзть на какое угодно дерево и т. п. Но кромѣ того, введеніе гимнастики въ народныхъ училищахъ, еще представляетъ серьезныя опасности; народъ не сразу смекнетъ для чего будутъ устраиваться эти хитрыя постройки, предназначенныя для гимнастическихъ упражненій; и такъ какъ ему извѣстно, что подобныя постройки и подобныя упражненія существуютъ въ полкахъ для солдатъ, то онъ тотчасъ и начнетъ соображать, не намѣрены-ли въ народныхъ школахъ съ малолѣтства приготавливать крестьянскихъ дѣтей къ военной службѣ. А потому онъ и поостережется отдавать дѣтей въ народныя школы. Извѣстно что нашъ народъ, не смотря на обще-признаваемый за нимъ здравый смыслъ, весьма легковѣренъ и даже трусливъ тамъ, гдѣ дѣло касается слуховъ о предполагаемыхъ правитель-

ственныхъ распоряженіяхъ. Вълѣдствіе этого и до сихъ поръ почти вездѣ, гдѣ устроивались школы даже безъ гимнастики, значительная масса народа не отдавала дѣтей въ школу изъ опасенія, что ихъ въ послѣдствіи отдадутъ въ солдаты, въ казаки, и даже пошлютъ на поселеніе.

Также, повидимому, проектъ онѣнилъ слишкомъ высоко церковное пѣніе и изученіе избранныхъ народныхъ пѣсенъ. И то, и другое очень возможно допустить въ учительскихъ институтахъ; но нельзя дѣлать изъ этого важнаго занятія, нельзя допустить, чтобы это занятіе отгѣснило на второй планъ то, что болѣе необходимо напр. занятіе сельскимъ хозяйствомъ.

Въ курсѣ учительскихъ институтовъ предполагается преподаваніе геометріи съ практической цѣлью въ примѣненіи къ измѣренію полей, къ плотничному и столярному дѣлу. Нельзя не отдать справедливости, что, въ этомъ случаѣ, проектъ смотритъ на дѣло весьма вѣрно; измѣреніе полей представляетъ такъ немного трудности, и дѣло столь необходимое въ сельскомъ быту, что знакомство съ нимъ учителей народныхъ школъ принесетъ существенную пользу, какъ для нихъ самихъ, такъ и для сельскаго народонаселенія, принужденнаго подчасъ платить большія деньги шарлатанамъ, пользующимся простотою и довѣрчивостью крестьянъ.

Учительскіе институты учреждаются по всѣмъ губерніямъ; но проектъ не говоритъ сколько институтовъ полагается на каждую губернію. Полный комплектъ института полагается отъ 50 до 60 человекъ; суда по этому, одного института будетъ слишкомъ мало для цѣлой губерніи потому, что, при курсѣ въ $4\frac{1}{2}$ года, институтъ можетъ выпускать только отъ 16 до 20 воспитанниковъ въ $1\frac{1}{2}$ года, количество очевидно недостаточное для замѣщенія учительскихъ вакансій въ народныхъ школахъ даже въ то время, когда они войдутъ въ свое нормальное положеніе. Намъ кажется, что ограниченіе числа воспитанниковъ 60-ю не имѣетъ никакого основанія. Въ хорошо-устроенномъ заведеніи, при разумномъ порядкѣ, при отсутствіи строгой дисциплины и всякихъ ненужныхъ формальностей, слѣдовательно при ненадобности ежеминутнаго надзора, въ каждомъ классѣ можетъ быть до 60 человекъ и даже больше, особенно при томъ возрастѣ, въ какомъ воспитанники поступаютъ въ учительскіе институты (не моложе 16 лѣтъ). Такимъ образомъ, въ одномъ институтѣ можетъ быть до 150 или даже до

200 воспитанниковъ. Такой институтъ будетъ въ состояніи удовлетворить потребностямъ цѣлой губерніи, какъ теперь удовлетворяютъ (по крайней мѣрѣ въ численномъ отношеніи) потребностямъ цѣлой губерніи духовныя семинаріи.

За учительскими институтами въ проектѣ слѣдуютъ прогимназіи и гимназіи. И тѣ и другія, собственно, говоря составляютъ одно заведеніе ; эта та же самая нынѣшняя гимназія, которая распадается на двѣ части: высшіе классы ея составляютъ то, что въ проектѣ называются гимназіею, а нисшіе то, что называется прогимназіею; и, по новому положенію, гимназія не можетъ существовать безъ прогимназіи, такъ, что нынѣшнія гимназіи остаются почти въ томъ же видѣ. Разница только въ томъ, что, по новому положенію, открываются нисшіе классы гимназіи съ особеннымъ названіемъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ окажется въ нихъ потребность. — Курсъ ученія будущихъ прогимназій и гимназій почти тотъ же, какой существуетъ теперь въ гимназіяхъ; именно въ прогимназіяхъ будутъ преподаваться слѣдующіе предметы: Законъ Божій, русскій языкъ, математика, естествовѣдѣніе, географія, исторія, нѣмецкій языкъ, французскій языкъ, чистописаніе, черченіе, рисованіе и пѣніе. Какъ новость здѣсь можно отмѣтить то, что иностранные языки теряютъ свою обязательность, которую они имѣли въ гимназіяхъ до сихъ поръ. А будущія гимназіи предполагается раздѣлить на два класса: реальныя и филологическія. Въ реальной гимназіи будутъ преподаваться: Законъ Божій, русская словесность, математика, естествовѣдѣніе, исторія съ политической географіею, латинскій языкъ, нѣмецкій языкъ и французскій языкъ. Курсъ филологической гимназіи будетъ состоять изъ слѣдующихъ предметовъ: Закона Божія, русской словесности, исторіи съ политической географіею, нѣмецкаго и французскаго языковъ, латинскаго языка, естествовѣдѣнія и греческаго языка. Разница между тѣми и другими гимназіями будетъ состоять въ томъ, что въ однихъ будетъ обращено особенно вниманіе на математику и естествовѣдѣніе, а въ другихъ на иностранные языки.

Если мы внимательно вникнемъ въ переѣзду, которую намѣреваются сдѣлать въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то мы найдемъ, что переѣздна эта слишкомъ незначительна, и едва ли можно ожидать отъ нея большой пользы. Прежде всего замѣтимъ, что время гимназическаго курса увеличивается. До сихъ

поръ, весь гимназическій курсъ проходилъ 7 лѣтъ; теперь тотъ же самый курсъ требуетъ 8 лѣтъ — 4-хъ въ прогимназіи, и 4-хъ въ гимназіи. Но курсъ наукъ остается вполнѣ тотъ же самый. Можно даже сказать, что онъ не усиливается, а ослабляется. Въ самомъ дѣлѣ всѣ перечисленные выше предметы, до сихъ-поръ, преподавались въ гимназіяхъ. Но не надобно забывать того, что въ прогимназіяхъ оба иностранные языка французскій и нѣмецкій не считаются обязательными, а въ гимназіи одинъ изъ нихъ, чего, до сихъ поръ, не было. Преподаваніе русскаго языка и словесности остается въ томъ же самомъ видѣ и въ томъ же объемѣ. Преподаваніе математики для филологическихъ гимназій сокращается весьма значительно: геометрія проходитъ въ прогимназіи, т. е. учениками ниспаго возраста; слѣдовательно она не можетъ быть усвоена такъ хорошо, какъ она могла быть усвоена до сихъ поръ учениками высшихъ классовъ гимназій; изъ курса алгебры исключены биномъ Ньютона и теорія логарифмовъ; исключается тригонометрія. Естественнѣдѣніе проходитъ вполнѣ въ гимназіяхъ реальныхъ, а въ филологическихъ только физика, химія и физическая географія и при томъ *въ уменьшенномъ объемѣ*. (До сихъ поръ какъ извѣстно во всѣхъ гимназіяхъ преподавались всѣ части естественнѣдѣнія.) Преподаваніе исторіи остается въ томъ же видѣ. Преподаваніе древнихъ языковъ также, повидимому, не усиливается. Удивительно, что составители проекта сочли нужнымъ увеличить время обученія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, не увеличивая и не усиливая самага курса обученія. Мы думаемъ, что если взглянуть на наше гимназическое образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ истинной точки зрѣнія, основываясь на данныхъ, получаемыхъ изъ наблюденій, то время гимназическаго обученія дѣйствительно нужно увеличить, но съ такимъ неперемѣнно условіемъ, чтобы въ то же время значительно былъ увеличенъ и самый объемъ преподаванія наукъ. До сихъ поръ у насъ гимназическое образованіе было весьма слабо, а отъ того было весьма слабо и университетское образованіе. Объ этомъ уже было много говорено прежде, и это едва-ли не вошло въ всеобщее сознаніе. И очень естественно было бы ожидать, чтобы новый проектъ обратилъ вниманіе на это обстоятельство. Между тѣмъ, та часть проекта, которая относится къ гимназіи и прогимназіи отличается особенною слабостью; она не свободна даже отъ очевидныхъ противорѣчій. Напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ говорится,

что въ филологическихъ гимназіяхъ курсъ естествовѣдѣнія состоитъ изъ физики, физической и математической географіи, а въ другомъ къ нему прибавляется химія и исключается математическая географія (§§ 196 и 205). Латинскій языкъ предполагается проходить въ филологическихъ гимназіяхъ въ меньшемъ объемѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ требуется, чтобы ученики въ познаніи этого языка достигали до свободнаго чтенія всѣхъ вообще историческихъ сочиненій. При подробномъ объясненіи характера и объема преподаванія разныхъ учебныхъ предметовъ, проектъ почти ничего не говоритъ, что характеризовало бы существенно то или другое, а большею частію вдается въ общія мѣста, которыя ничего не говорятъ. Напримѣръ, «преподаваніе русскаго языка должно вести преимущественно къ развитію природнаго дара слова въ учащихся въ такой степени, чтобы они могли отчетливо выражаться и правильно писать на родномъ языкѣ.» Да кому же это было, до сихъ поръ, неизвѣстно? Или: «наглядность составляетъ необходимое условіе при обученіи естествовѣдѣнія.» «Съ общимъ видомъ земли и взаимнымъ положеніемъ странъ и мѣстности, учащіеся знакомятся посредствомъ глобусовъ и картъ.» Все это такія новости, которыя всѣмъ были давно извѣстны и давно практиковались. Говоря объ изученіи русскаго языка, проектъ не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи прибавить, что оно способствуетъ логическому развитію учащихся; говоря о преподаваніи математики, проектъ находитъ случай къ-статѣ сказать, что она развиваетъ умственные способности, даже не безъ нѣкоторой наивности прибавляетъ—что въ филологическихъ гимназіяхъ, при изложеніи математики имѣется въ виду исключительно развитіе умственныхъ способностей. Для послѣдовательности не мѣшало бы прибавить, что ученикамъ филологическихъ гимназій запрещается, какъ бы то ни было, утилизировать свои математическія познанія и не позволяется съ помощію математической формулы рѣшить какую-нибудь задачу, представляющуюся въ жизни. «При обученіи рисованію и черченію, говоритъ проектъ, прежде всего необходимо научить ученика вѣрно смотрѣть, или что тоже образовать въ немъ вѣрный глазомѣръ, а потомъ уже *научить руку* изображать то, что представляетъ зрѣніе.» Быть можетъ преподаватели рисованія и черченія и поблагодарятъ проектъ за такое открытіе, а можетъ быть только улыбнутся.

Вообще все показываетъ, что та часть проекта, гдѣ говорится

о гимназіяхъ и прогимназіяхъ обработана очень слабо и даже была понимаема составителями проекта очень смутно. Значительная доля общихъ мѣстъ показываетъ, что составители проекта, какъ-будто, совсѣмъ не понимали своей задачи относительно образованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. А между тѣмъ и здѣсь имъ было много дѣла, и очень важнаго.

Въ последнее время, всѣ болѣе или менѣе серьезныя люди жаловались, и совершенно справедливо, на то, что среди нашего юношества, преимущественно учащагося, распространилась масса не то чтобы взглядовъ или идей, а какихъ-то жалкихъ, непереваренныхъ фразъ относительно философіи, нравственности и общественной жизни вообще. И всѣ болѣе или менѣе согласны въ томъ, что причина этого жалкаго явленія заключается въ недостаткѣ серьезнаго образованія въ массѣ юношества. Но въ этомъ виновато-ли само юношество или кто-нибудь другой? — Можно-ли дѣтямъ, начиная отъ самыхъ маленькихъ до старшихъ возрастовъ, вмѣнать въ вину то, что ихъ плохо учили? Нужно-ли осуждать ихъ за то, что, совершенно не будучи знакомыми съ основаніями нравственности и начитавшись въ первой попавшейся имъ книгѣ, что вся вообще система человѣческой морали есть вздоръ и обманъ, они приняли эту теорію? Можно-ли обвинять юношество за то, что никогда не слышавши ничего разумнаго о сущности человѣческой природы и начитавшись въ первой попавшейся имъ книгѣ, что человѣкъ есть ни что иное, какъ реторта съ приросшими къ ней рычажками и блоками, которая вслѣдствіе химическаго процесса начинаетъ мыслить и дѣйствовать, они приняли и эту теорію? — Можно-ли осуждать ихъ за то, что не зная ни природы человѣческой, ни свойствъ русскаго народа, они вообразили, что русскій народъ и между прочимъ старообрядцы пойдутъ вмѣстѣ съ ними противъ брака и противъ собственности? — Можно-ли осуждать ихъ за то, что не имѣя ни малѣйшаго понятія о способностяхъ души и о законахъ мышленія они приняли тупоумный бредъ за нравственныя философскія разсужденія? — Конечно тутъ была доля и ихъ вины; человѣку въ 20 лѣтъ, или около того, можно и безъ глубокаго знакомства съ наукою умѣть отличать вздоръ отъ истины только съ помощію здраваго смысла. Но тутъ виновато и многое другое; большая часть вины на юношество пасть не можетъ. Тѣ, отъ которыхъ зависѣло его воспитаніе и образованіе, много говорили о развитіи ума, о нравственномъ направленіи чувствъ

тѣмъ или другою наукою, а сами дѣлали то, что вело прямо къ противоположнымъ цѣлямъ. Въ самомъ дѣлѣ, исторія нашего образованія за послѣднее время представляетъ факты, которые не могутъ не изумлять, если въ нихъ всматриваться по пристальнѣе. Но, повидимому, до сихъ поръ еще, не всѣ хотятъ въ нихъ всмотрѣться. Напримѣръ: прежде въ гимназическомъ курсѣ излагалось ученіе о нравственныхъ обязанностяхъ христіанина. Мы не думаемъ, чтобы намъ прилично было въ этомъ случаѣ распространяться о нравственной высотѣ этихъ обязанностей: въ ней никогда и не сомнѣвались руководители нашего образованія; но, при всемъ томъ ученіе, о нравственныхъ обязанностяхъ христіанина изъ гимназическаго курса исключено, — и почему бы вы думали? — потому что найдено слишкомъ либеральнымъ. Хорошо же; вы находили слишкомъ либеральнымъ чистое ученіе христіанской нравственности, такъ довольны-ли вы теперь тѣмъ нравственнымъ ученіемъ, которое распространилось въ массѣ юношества, которое совѣтуетъ ему считать вышнимъ идеаломъ нравственности то, что ему нравится, въ особенности то, что льститъ его животнымъ наклонностямъ. А это ученіе есть необходимое слѣдствіе нравственной пустоты, отсутствія твердыхъ нравственныхъ убѣжденій, произведеннаго вашими же собственными мѣрами. Прежде въ гимназіяхъ проходились начатки философіи, логика и психологія; въ послѣднее время они исключены изъ гимназическаго курса потому, что найдены были опасными для развитія юношества: опасность состояла будто бы въ томъ, что юношество могло зафилософствоваться и дойти до отрицанія всего святаго въ области теоріи и практики. Хорошо, философія изгнана; но что же явилось на мѣстѣ ея? Явились такія положенія, которыя своимъ характеромъ далеко превосходятъ то, чего боялись; все святое дѣйствительно отвергнуто; отрицаніе дѣйствительно не пощадило ни нравственныхъ принциповъ, ни здраваго смысла. Между тѣмъ какъ если бы юношество познакомилось со всѣми quasi послѣдними выводами философіи изъ исторіи *прежнихъ* философскихъ системъ, то эти выводы въ глазахъ его ни имѣли бы ни прелести новизны, ни прелести запрещеннаго плода, и юношество могло бы отнестись къ нимъ критически, не приняло бы ихъ съ такою *вѣрою* въ ихъ несомнѣнность, съ какою оно приняло ихъ теперь. Наконецъ если бы послѣ серьезнаго философскаго образованія, нѣкоторые и приня-

ли ихъ, то они далеко не были бы обставлены такою массою теоретическихъ и нравственныхъ абсурдовъ, какъ теперь. Русское юношество имѣетъ тѣ же самыя свойства человѣческой природы, какія оно имѣетъ и вездѣ; и не намъ однимъ приходится имѣть дѣло съ философскими системами. Германія есть по преимуществу страна философін; тамъ съ нею знакомо все учащееся юношество; тамъ есть и Фейербахъ, и Молешоттъ, и Фохтъ и даже Бюхнеръ. Но проповѣдуя свою систему, эти люди и сами, какъ говорятъ, люди высоко нравственные и умѣютъ даже въ своихъ сочиненіяхъ съ своими чисто теоретическими взглядами соединить высокое нравственное ученіе. Серьезныя философскіе выводы, каковъ бы ни былъ ихъ характеръ, никогда не могутъ содержать въ себѣ ничего разрушающаго, ничего имморальнаго, ничего антисоціальнаго. Серьезная наука въ результатѣ даетъ созиданіе, а не разрушеніе. И у насъ есть люди съ серьезнымъ философскимъ образованіемъ; и у насъ роль ихъ всегда была честное содѣйствіе развитію народной мысли, движенію общественной жизни. Такъ нечего бояться философін, и потому нечего плакаться на другихъ, когда мы сами довольно потрудились для того, чтобы испортить дѣло. Нечего бояться и другихъ наукъ. Нашъ баснописецъ, вздумавши пофилософствовать, сказалъ великую неправду, будто бы глубина науки, какъ глубина морская, грозитъ погибелью, и что если окунуться въ нее помельче, то можно набраться отъ нея всѣхъ возможныхъ благъ. Истинное зло и заключается въ полуобразованности, потому что претензіи ея идутъ далеко дальше средствъ, и притомъ имѣютъ особенный характеръ, всякое дѣло стараются устроить такъ, чтобы извлечь для себя со всѣхъ сторонъ выгоды, чтобы все и свои разумныя права, и свои нравственныя обязанности свести на одно свое неоспоримое право наслажденія подъ всѣми возможными видами. Мы помнимъ, что въ нашемъ гимназическомъ курсѣ было сокращено и съжужено между прочимъ и преподаваніе исторіи; новѣйшая исторія была совсѣмъ исключена изъ учебнаго курса. Тогда боялись распространенія какихъ бы то ни было политическихъ мнѣній и тенденцій, предполагая что народу и въ особенности образованнымъ классамъ возможно и даже гораздо лучше обойтись совсѣмъ безъ политическихъ мнѣній. Какъ извѣстно эти соображенія неисполнились; напротивъ политическія убѣжденія всторонѣ отъ науки развились до общественнаго содержанія и воспитанія дѣтей, до уничтоженія

семьи и собственности. и т. п. Пусть же не плачутся теперь на другихъ, или на обстоятельства, тѣ, которые значительную долю въ этомъ виноваты сами.

Если и на будущее время будутъ держать юношество также въ далекѣ отъ серьезной науки, или если будутъ ее подстроивать подъ какіе-нибудь напередъ узкіе взгляды и тенденціи, то и опять будетъ тоже самое. Вы будете развивать ваши взгляды въ нашихъ обрѣзанныхъ курсахъ наукъ, вы будете слегка и общими мѣстами касаться нравственныхъ положеній, не выводя ихъ изъ нравственныхъ основаній, или вы будете скрывать то, что не подходитъ подъ ваши тенденціи, а у насъ снова явятся пустыя средства. Мы скажемъ, что лучшая нравственность есть отрицаніе нравственности, что ваша философія несостоятельна, что человѣкъ есть только реторта, а міръ—лабораторія, что въ серьезномъ образованіи нѣтъ никакой надобности, а въ здоровомъ воспитаніи и того меньше; что бракъ можно допустить, но только на столько времени, на сколько кому понравится, что въ случаѣ, если по прошествіи медоваго мѣсяца мужу будетъ больше нравиться горничная, нежели его жена, то онъ и долженъ вступить съ нею въ брачное сожитіе, а жену отпустить на всѣ четыре стороны, что и жена должна поступать такимъ же образомъ; въ случаѣ если ей перестанетъ нравиться занятый дѣломъ мужъ, а плѣнитъ ее воображеніе красивый молодой человѣкъ, который пріятно поетъ романсы, то она и должна вступить въ брачное сожитіе съ этимъ молодымъ человѣкомъ, не отвергая пожалуй и мужа, въ особенности если его экономическія средства окажутся не лишними; а если можно обойтись и безъ нихъ, то послать его за дверь. Мы начнемъ тогда излагать цѣлую систему философскихъ и нравственныхъ взглядовъ. Мы докажемъ, что не надобно развивать человѣка аскетически, а надобно развивать въ немъ всѣ наклонности, каковы бы онѣ ни были, что если у него есть наклонность къ воровству, доставляйте ему случаи упражняться въ воровствѣ, если у него есть наклонность къ пьянству, доставляйте ему случаи и къ этому, въ особенности не стѣсняйте эротическихъ наклонностей человѣка и т. д. Мы докажемъ, что лучшій человѣкъ въ обществѣ есть разбойникъ, который за двугривенникъ рѣжетъ своего спутника, что идеаль женщины представляетъ какая-нибудь молоденькая особа, которая, слѣдуя влеченію страсти, по вечерамъ отирается къ своему возлюбленному и возвращается отъ

него утромъ. Наконецъ мы введемъ въ практику нашего женскаго пола публичное чтеніе стихотвореній съ коринѣскимъ колоритомъ и т. п.? Вы думаете, что намъ много помѣшаетъ серьезная цензура? Нѣтъ. Не подумайте, что мы такъ и напомнимъ съ плеча рубить наши положенія, нѣтъ мы выскажемъ и проведемъ ихъ тонко, такъ что цензурѣ и привязаться будетъ трудно, мы пустимъ въ дѣло многознаменательные намеки, полуслова. Мы будемъ упираться главнымъ образомъ на то, что мы дѣлаемъ прогрессъ и молодые читатели въ этомъ смыслѣ, дѣйствительно найдутъ его въ нашихъ сочиненіяхъ; а въ вашей обрѣзанной наукѣ не найдутъ никакого: въ ней они будутъ видѣть во-первыхъ недостатокъ искренности, а во-вторыхъ рутину, тогда какъ у насъ, въ нашихъ сочиненіяхъ, все будетъ принято ими за чистое золото, за искреннее стремленіе къ лучшему. И всякій согласится, что на нашей сторонѣ будетъ очень много шансовъ успѣха. И съ самаго начала, во время появленій нашихъ сочиненій, мы съ умѣемъ придать какъ самимъ себѣ, такъ и нашимъ сочиненіямъ характеръ мартирологическій и въ то же время успѣемъ собрать другаго рода, менѣе неवेशественную дань съ нашихъ прогрессивныхъ идей, а въ случаѣ запрещенія чело наше украсится блестящимъ ореоломъ, а менѣе неवेशественная дань присоединитъ для насъ полезное къ пріятному, существенное къ несущественному.

Въ самомъ дѣлѣ объ этомъ стоитъ подумать; нужно какъ нибудь гарантировать нашему юношеству здоровое развитіе. Уничтожьте вы даже совсѣмъ литературу; тогда явятся тайныя прокламаціи, дѣйствіе которыхъ на неразвитые умы будетъ во сто разъ сильнѣе; тогда пойдутъ въ дѣло заграничныя изданія, которыя размножатся до такой степени, что образуютъ настоящую русскую литературу не въ Россіи. Они польются массою и къ намъ сюда, потому что, какъ извѣстно, никакія таможни остановить ихъ не могутъ:—товаръ слишкомъ выгоденъ, и тотчасъ найдетъ массу спекуляторовъ. Но, кромѣ того, русское юношество, и даже не одно только юношество, будетъ поутчаться изъ нихъ за границую, а вѣдь нельзя же къ концу XIX вѣка запретить путешествія за границу, такъ что куда не кинь, вездѣ выходитъ клинъ. И оказывается что единственнымъ средствомъ, которое можетъ обезпечить нашему обществу здоровое развитіе, остается исключительно серьезное научное образованіе юношества. Оказывается, что нужно выбросить изъ головы всѣ заднія мысли, нужно

перестать трусить передъ свѣтомъ науки, нужно дать ей просторъ и прочность. А что изъ этого выдетъ, объ этомъ можно не беспокоиться: серьезной науки довѣриться можно.

Вообще тѣ главы проекта Министерствъ Народнаго Просвѣщенія, которыя относятся къ образованію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ мы уже сказали, отличаются недостаточностію и смутно понимаютъ, какъ задачу, которую должны выполнить средніе учебныя заведенія, такъ и средства, которыми должна быть выполнена эта задача. Впрочемъ стоитъ еще сказать нѣсколько словъ о характерѣ или лучше объ ученой степени нашихъ гимназій. Собственно говоря, въ ряду общихъ образовательныхъ заведеній, онѣ не могутъ быть названы средними учебными заведеніями, а должны быть названы высшими. Такъ впрочемъ смотритъ на нихъ и самъ проектъ. Въ ряду общихъ образовательныхъ заведеній онѣ занимаютъ въ немъ послѣднее мѣсто, высшую степень. И дѣйствительно университеты у насъ обыкновенно причисляются къ заведеніямъ специальнымъ; и потому задача ихъ состоитъ не въ образованіи молодыхъ людей, а въ приготовленіи къ какой-нибудь практикѣ. Сообразно съ этимъ взглядомъ въ недавнее время изъ университетскихъ курсовъ изгнаны и послѣдніе остатки наукъ общихъ, именно слушаніе лекцій философіи перестало быть обязательнымъ для всѣхъ студентовъ. Дѣйствительно оказывается, что высшими образовательными заведеніями у насъ остаются гимназіи. Сообразно съ этимъ долженъ быть организованъ и ихъ учебный курсъ. Время гимназическаго курса увеличено; вмѣсто семилѣтняго, онъ дѣлается восьмилѣтнимъ. Но, какъ мы уже замѣтили, самый курсъ наукъ не только не увеличенъ, а напротивъ уменьшенъ; выходитъ очевидная несообразность, которую нужно исправить усиленіемъ преподаванія наукъ уже существующихъ въ гимназическомъ курсѣ, и введеніемъ въ него другихъ.

Соображаясь съ потребностями нашей общественной жизни, и съ тѣми опасностями, которыя грозятъ здоровому развитію нашего юношества, мы думаемъ, что преподаваніе исторіи въ гимназіи должно быть значительно усилено, что изученіе древняго классическаго міра, который представляетъ намъ полную законченную картину исторической жизни двухъ образованныхъ народовъ, должно быть основательное и подробное. Что въ новой исторіи нужно внимательно и послѣдовательно слѣдить за движеніемъ цивилизаціи, начиная отъ грубыхъ формъ общественной

жизни въ средніе вѣка до того развитія, котораго она достигла въ настоящее время. При этомъ необходимо пройти съ особенною подробностью исторію новѣйшаго времени, чтобы наше учащееся юношество могло приготовиться здраво судить о современныхъ намъ явленіяхъ политической жизни, и сообразно съ этимъ могло здраво и основательно однимъ изъ нихъ сочувствовать, другимъ не сочувствовать; нужно приучить юношество къ основательной критикѣ политическихъ системъ, политическихъ дѣателей и ихъ побужденій. Въ такомъ видѣ исторія дѣйствительно будетъ школою здраваго смысла и истиннаго патриотизма. Въ такомъ видѣ юношество найдетъ въ ней много явленій имѣющихъ большое сходство съ явленіями нашей эпохи; оно будетъ имѣть много случаевъ убѣдиться, что безумный прогрессъ, дѣлаемый на основаніи фанфаронства и нравственной распушенности есть въ самомъ дѣлѣ общественная чума, которая всего скорѣе ведетъ народы къ политической гибели, къ рабству, къ варварству и даже наконецъ совсѣмъ стираетъ ихъ съ лица земли.

Мы думаемъ, что въ гимназическій курсъ должно быть введено преподаваніе философіи, по крайней мѣрѣ психологій, логики и исторіи философіи. Мы довольно говорили выше о причинахъ, настоятельно требующихъ этого; нужно, чтобы наше юношество умѣло трезво разсуждать, умѣло повѣрять правильность своего мышленія; нужно чтобы оно знакомилось съ философскими теоріями изъ серьезной науки, а не изъ недопеченныхъ сочиненій нашихъ доморощенныхъ философовъ, отрицающихъ самую науку, которой они не знаютъ. Повидимому было бы весьма удобно и чрезвычайно полезно прослѣдить въ исторіи философіи за движеніемъ не только теоретическихъ идей, но и нравственныхъ воззрѣній. Въ такомъ случаѣ, быть можетъ, не такъ легко было бы ловить неопытные умы на приманку новизны, рекомендовать имъ нелѣпости и нравственные безмыслицы потому только, что онѣ составляютъ будто бы послѣдній продуктъ ума человѣческаго.

Весьма полезно и даже необходимо ввести въ гимназическій курсъ преподаваніе началъ политической экономіи вмѣстѣ съ статистикою. Политическая экономія теперь въ большомъ ходу; если и нельзя сказать, что въ нашемъ обществѣ ею занимаются, то, по крайней мѣрѣ, говорятъ объ ней, знаютъ нѣкоторые изъ ея выводовъ. И въ этомъ дѣлѣ возможны слишкомъ большіе тол.

ки верши и вкось, и что всего важнѣе кривые толики изъ области политической экономіи имѣютъ особенныя свойства: они не ограничиваются одними словами, а стремятся перейти въ дѣло. А дѣло-то, въ такомъ случаѣ, выходитъ очень не завидное. Немного утѣшительнаго въ томъ, что вдругъ кто-нибудь прямо выскажетъ свою претензію уничтожить частную собственность, и наследство, отнять у каждаго то, что онъ добылъ своимъ трудомъ или что составляетъ результатъ труда его предковъ. Освѣтить всё эти вопросы для юношества очевидно можно только съ помощію основательнаго ознакомленія его съ ученіемъ политической экономіи, какъ науки. Въ союзъ съ политической экономіею благотѣльное дѣйствіе окажетъ статистика; она укажетъ истинную цѣль, къ которой должны стремиться народы и тѣ средства, которыми достигаютъ этой цѣли народы, опередившіе насъ въ цивилизаціи; указаніемъ нашихъ недостатковъ она подвинетъ общество на серъезный трудъ для достиженія вышнихъ ступеней образованія и народнаго благосостоянія. — Политическая экономія и статистика у насъ читаются въ университетѣ, но только въ одномъ факультетѣ, а въ нѣкоторыхъ университетахъ въ двухъ. Но безъ сомнѣнія не намъ однимъ приходилось наблюдать, что политической экономіею занимались не одни студенты этихъ факультетовъ; значеніе ея оцѣнили, по справедливости, студенты и другихъ факультетовъ, и даже люди нисколько не принадлежащіе ни къ университету, ни къ наукѣ. И вотъ вѣроятно изъ этой-то сферы людей мало знакомыхъ съ наукою и появлялись тѣ экономическіе абсурды, которые недавно всѣхъ изумили, а кое-кого даже и перепугали. Чтобы на будущее время подобныя явленія не повторялись, нужно чтобы наше учащееся юношество все вообще было знакомо съ истинными выводами политической экономіи. И такъ, какъ во всѣхъ факультетахъ, какъ учрежденіяхъ спеціальныхъ, преподаваніе политической экономіи введено быть не можетъ и притомъ такъ, какъ университетское образованіе все-таки доступно сравнительно весьма незначительной части юношества, то политическая экономія вмѣстѣ съ статистикою и должна быть введена въ курсъ гимназій, какъ заведеній, имѣющихъ характеръ обще-образовательный и притомъ такихъ, черезъ которыя проходитъ огромная масса учащихся.

Если ужъ дѣйствительно увеличивать время гимназическаго курса, то слѣдуетъ увеличивать его съ пользою, чтобы прибавка времени соотвѣтствовала увеличенію содержанія и чтобы со-

держаніе было увеличено рационально, сообразно съ потребностями времени. Повидимому, восьмилѣтняго курса совершенно достаточно для того, чтобы онъ могъ обнять собою все вообще гимназическое преподаваніе въ самомъ полномъ и разумномъ видѣ. Возрастъ учениковъ тоже не можетъ быть препятствіемъ для рациональнаго ихъ образованія. По проекту ученики гимназій не могутъ оканчивать курсъ раньше 17 лѣтъ; а при нормальномъ развитіи въ 17 лѣтъ человѣку могутъ быть доступны всѣ самые серьезныя научныя выводы. Наконецъ, если нужно будетъ прибавить еще одинъ годъ къ гимназическому курсу, то и тогда жалѣть объ этомъ будетъ нечего; серьезное образованіе дешево не дается, и когда оно приобрѣтено, то имѣетъ большую цѣну. Если прибавкою одного года можно достигнуть того, что кругъ общихъ наукъ въ учебномъ заведеніи будетъ приведенъ въ свою дѣйствительную норму, то результатъ будетъ очень значителенъ. У насъ есть нѣсколько учебныхъ заведеній, которыя всегда стараются округлить свои курсы наукъ такъ, чтобы не оставить ничего желать для полного всесторонняго образованія человѣка. Это три лица зависящія отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, петербургскій Александровскій лицей и Училище Правовѣднія. Всѣ эти заведенія всегда были цѣнными такимъ образомъ, что воспитанники ихъ были уравнены въ правахъ съ студентами университетовъ; права воспитанниковъ петербургскаго лицея и Училища Правовѣднія даже всегда превосходили права университетовъ. Если усилить курсъ обученія въ гимназіяхъ, довести его до необходимой полноты, то образованіе, которое съ этого времени онѣ будутъ давать, конечно будетъ стоить того образованія, которое получается теперь въ лицахъ или въ Училищѣ Правовѣднія. Въ такомъ случаѣ можно обезпечить нашему юношеству здоровое направленіе, какого бы рода ни была послѣдующая его дѣятельность. Если окончившіе курсъ воспитанники гимназій будутъ поступать въ университеты, то изъ нихъ выйдутъ серьезные основательные студенты и въ послѣдствіи серьезные основательные ученые, а не такіе, какіе у насъ бывали до сихъ поръ. Если же воспитанники гимназій, не поступаая въ университетъ, будутъ непосредственно посвящать себя общественной дѣятельности, то изъ нихъ выйдутъ полезныя и серьезные дѣятели въ какой бы то ни было сферѣ.

Послѣ гимназій въ проектѣ слѣдуютъ предположенія относи-

тельно устройства женскихъ училищъ, которыя, какъ это было и до сихъ поръ, раздѣляются на два разряда. Время ученія для училищъ втораго разряда полагается три года, а курсъ ученія состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: закона Божія, ариметики (въ объемѣ курса народныхъ училищъ), русскаго языка, (логическое развитіе посредствомъ чтенія и грамматическихъ объясненій), исторіи въ биографическихъ очеркахъ, географіи Россіи съ началами естествовѣдѣнія; чистописанія, рисованія, пѣнія и рукодѣлія. Курсъ училищъ перваго разряда составляютъ: законъ Божій (въ объемѣ курса прогимназій), русскій языкъ (сверхъ курса училищъ 2-го разряда, изученіе исторіи русской литературы посредствомъ критическаго чтенія образцовыхъ писателей), ариметика (полный курсъ) и начала геометріи, всеобщая и русская исторія (полный курсъ), географія русская и всеобщая, естествовѣдѣніе (въ объемѣ курса прогимназій) и начала опытной физики, чистописаніе и рисованіе, пѣніе и рукодѣлія. Кромѣ того, какъ въ тѣхъ такъ и въ другихъ училищахъ, полагаются предметы необязательные, къ которымъ принадлежатъ французскій и нѣмецкій языки, музыка и танцваніе. Для поступленія въ первый классъ, какъ въ то такъ и въ другое училище, требуется возрастъ не меньше 8 лѣтъ, такъ что въ училищѣ втораго разряда ученицы будутъ оканчивать курсъ въ 11 лѣтъ, а въ училище перваго разряда въ 14 лѣтъ, (курсъ ученія для училищъ 1-го разряда полагается шесть лѣтъ); повидимому этотъ возрастъ не достаточенъ. Какъ бы то ни было, даже въ училищѣ втораго разряда полагается проходить географію и даже исторію; трудно представить себѣ, чтобы дѣвочка въ 10 лѣтъ, могла пріобрѣсти хоть сколько-нибудь рациональныя понятія объ этихъ предметахъ. Въ училищахъ перваго разряда курсъ гораздо обширнѣе и полнѣе; тамъ изучается въ полномъ объемѣ географія всеобщая и русская, исторія тоже всеобщая и русская, русская литература, физика, естествовѣдѣніе, ариметика и геометрія. И все это предполагается пройти раньше 14 лѣтняго возраста; а повидимому и здѣсь есть возможность усомниться, въ состояніи-ли будутъ дѣвицы до 14 лѣтняго возраста, рационально усвоить весь этотъ предполагаемый курсъ. Относительно курса женскихъ учебныхъ заведеній, проектъ какъ будто къ чему-то торопится; это было бы понятно если бы наши законы позволяли выходить за-мужъ раньше 16 лѣтъ; но, при теперешнемъ положеніи, дѣйствительно было бы полезнѣе, чтобы дѣвочки по-

ступали въ училище не раньше 10 лѣтъ, такъ чтобы въ однихъ заведеніяхъ они оканчивали курсъ въ 16 лѣтъ а въ другихъ въ 13. Впрочемъ Министерство Народнаго Просвѣщенія значительно сократило курсъ женскихъ училищъ перваго разряда, сравнительно съ курсами гимназій: нѣкоторые предметы полагается въ немъ проходить въ объемѣ курса прогимназій (законъ Божій, естествовѣдѣніе, физика и геометрія). Разумѣется и въ такомъ видѣ женскія училища будутъ все-таки большимъ шагомъ впередъ, сравнительно съ тѣмъ, что у насъ было до сихъ поръ, съ пансіонами и институтами. Но потребность серьезнаго образованія женщины все болѣе и болѣе дѣлается чувствительнѣе для нашего общества, и чувствуется самымъ обществомъ. Нужно чтобы эта потребность была удовлетворена, нужно чтобы женскія училища стали на такую высоту, которая могла бы расположить въ ихъ пользу даже людей, отнесшихся къ нимъ сначала враждебно. Въ одномъ губернскомъ городѣ, важный мѣстный сановникъ, начавшій впрочемъ свою карьеру подобно одному изъ героевъ губернскихъ очерковъ съ самыхъ низшихъ ступеней губернской іерархіи и ползкомъ долѣзшій до тепленькаго мѣстечка, новонажившійся и вслѣдствіе этого вообразившій себя даже аристократомъ, съострилъ очень оригинальнымъ образомъ съ цѣлью унижить открывавшееся женское училище. Сановникъ имѣетъ нѣсколько дочекъ, и когда одинъ изъ его знакомыхъ предложилъ ему отдать своихъ дочекъ въ женское училище, сановникъ отвѣчалъ на это тѣмъ, что черезъ день послалъ въ училище дочь своей кухарки. Мѣстное начальство было въ затрудненіи; оно очень хорошо видѣло въ этомъ дѣлѣ глупое ребячество со стороны сановнаго старца, но поступило весьма благо-разумно. Оно не сочло себя въ правѣ закрывать двери науки ни передъ кѣмъ, и приняло дѣвочку въ училище. Не знаемъ чѣмъ дѣло окончилось. Только въ первое время какъ сановникъ такъ и его дочки торжествовали очень много надъ тѣми, ко-

* У насъ въ столицѣ было совсѣмъ наоборотъ. Столичное общество было значительно подготовлено къ открытію женскихъ училищъ; потому, когда было открыто первое училище, оно было переполнено ученицами. Во второе училище поступило уже меньше ученицъ, въ третье еще меньше, въ четвертое еще меньше и т. д. хотя напр. самое послѣднее училище открыто въ наиболѣе многолюдной части города. Теперь начальство петербургскихъ женскихъ училищъ принуждено прибѣгнуть къ слѣдующей системѣ: чтобы классы не оставались пустыми и чтобы была какаа-нибудь возможность

торыя поступили въ женское училище, и при всякомъ удобномъ случаѣ не безъ язвительности замѣчали, что тамъ учится дочь ихъ кухарки. Любопытно посмотрѣть чтобудетъ послѣ; вѣроятно-сановныя дочки такъ и останутся глупыми губернскими барышнями, какими онѣ были до сихъ поръ; и желательно было бы, чтобы дочь кухарки окончила полный курсъ въ училищѣ. Быть можетъ въ такомъ случаѣ сановникъ и пожалѣетъ о своей остротѣ, если онъ хотя къ этому способенъ; да вѣроятно будетъ поздно.

Вообще, какъ извѣстно, открытія женскія училища въ первое время не встрѣтили большого сочувствія въ губерніяхъ. Причины на это были различныя: одни оскорблялись тѣмъ, что въ женскія училища допускаются дѣти всѣхъ сословій; другіе находили неприличнымъ то, что дѣвцы будутъ ходить по улицамъ изъ дома въ училище и обратно. Мы не считаемъ возможнымъ входить въ разборъ, на сколько основательны всѣ эти причины. Замѣтимъ только, что всѣ противники разумнаго женскаго воспитанія замолчатъ только тогда, когда и курсъ ученія ихъ и другія условія ихъ успѣшности дадутъ вполне удовлетворительные результаты, когда общество увидитъ, что образованіе, получаемое въ нихъ, основательно, полно въ научномъ отношеніи и отличается нравственнымъ характеромъ. Однимъ изъ необходимыхъ условій для этого служить полнота учебнаго курса.

Въ проектѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія есть нѣсколько положеній, касающихся и другихъ сферъ народнаго образованія. Мы обратимъ вниманіе только на то, что къ домашнему обученію и воспитанію допускаются всѣ люди, пользующіеся довѣріемъ родителей, не обращая вниманія на то, имѣютъ-ли они какіе-нибудь аттестаты, или не имѣютъ. Собственно говоря, въ этомъ положеніи нельзя отыскать ничего особеннаго; странно было бы запрещать родителямъ поручать воспитаніе дѣтей тѣмъ, кому они хотятъ сами. Но въ томъ-то и дѣло, что прежде находили это возможнымъ, требовали, чтобы непременно всѣ вообще, занимающіеся воспитаніемъ дѣтей, имѣли надлежа-

содержать училище, два класса соединяются въ одинъ такъ, что вмѣсто семикласснаго училища выходитъ трехклассное. Въ одной изъ предыдущихъ книжекъ мы указывали на одну изъ причинъ недостаточности образованія въ женскихъ училищахъ; есть много и другихъ. Организація петербургскихъ женскихъ училищъ принадлежитъ извѣстному г. Вышнеградскому.

щіе аттестаты. Разумѣется, это только давало поводъ къ несоблюденію требованій закона, приучало общество къ неуваженію его. Во многихъ домахъ держали гувернеровъ и гувернантокъ, которымъ вполне поручали воспитаніе дѣтей, не смотря на то, что они аттестатовъ не имѣли. А въ полицію представляли такихъ людей въ видѣ секретарей, компаньоновъ и т. п. И правительство не имѣло никакой возможности наблюдать за исполненіемъ закона. Лучшею мѣрою въ такомъ случаѣ всегда служитъ отмѣненіе закона, если бы онъ даже былъ и рационаленъ, чего однако нельзя сказать о томъ законѣ, о которомъ идетъ рѣчь. Нынѣшнее министерство совершенно справедливо оставляетъ за собою право считать на государственной службѣ только тѣхъ домашнихъ наставниковъ или домашнихъ наставницъ, которые имѣютъ аттестаты и въ то же время представляютъ свидѣтельства о своей дѣйствительной службѣ.

Замѣтимъ въ проектѣ еще слѣдующее, совершенно новое учрежденіе:

«Для доставленія возможности лицамъ, посвятившимъ себя образованію юношества, мѣняться своими наблюденіями и опытами, для взаимнаго между собою сближенія начальниковъ и преподавателей различныхъ учебныхъ заведеній и достиженія чрезъ то единства въ ихъ дѣйствіяхъ, равно какъ и обобщенія педагогическихъ началъ учреждаются губернскіе училищные совѣты».

Губернскій училищный совѣтъ находится въ губернскомъ городѣ и состоитъ изъ директора училищъ, начальниковъ всѣхъ среднихъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, находящихся въ губерніи, какъ-то: директоровъ гимназій и инспекторовъ пансіоновъ гимназій, инспекторовъ прогимназій и учительскаго института (если есть таковой въ губерніи), начальницъ женскихъ училищъ, находящихся въ губернскомъ городѣ, и учителей, избранныхъ мѣстными педагогическими совѣтами гимназій и женскихъ училищъ 1-го разряда въ числѣ двухъ изъ каждаго заведенія».

Примѣчанія: 1) Инспекторы народныхъ училищъ, гдѣ таковые находятся, принадлежатъ къ непремѣннымъ членамъ училищнаго совѣта. 2) Въ засѣданіяхъ совѣта, съ-вѣдома предсѣдателя, могутъ, если пожелаютъ, участвовать всѣ преподаватели и воспитатели, и даже постороннія лица, сочувствующія вообще дѣлу воспитанія юношества. Прарожъ голоса пользуются только тѣ

изъ нихъ, которые по баллотировкѣ выбраны въ дѣйствительные члены училищнаго совѣта. 3) Въ столицахъ губернскіе училищные совѣты существуютъ на такомъ же основаніи.

Обсужденію губернскаго училищнаго совѣта подлежатъ всѣ вопросы, касающіеся обученія и воспитанія въ учебныхъ заведеніяхъ губерніи. Въ случаѣ, если мнѣнія совѣта будутъ требовать какихъ-нибудь административныхъ мѣръ, онѣ относятся непосредственно къ попечителю округа. Трудно судить о томъ, какіе могутъ быть результаты подобнаго учрежденія; при разумной организаціи оно, безъ сомнѣнія, могло бы быть весьма полезно.

Вообще новыя предположенія Министерства Народнаго Просвѣщенія составляютъ большой шагъ впередъ. Если они будутъ приведены въ исполненіе даже и въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ теперь, и тогда нѣкоторая часть ихъ принесетъ большую пользу народному образованію. Желательно было бы, чтобы они не остались только въ проектѣ; а еще желательно было бы, чтобы тѣ недостатки, которые есть въ нихъ, были исправлены.

М. Б.

ЛЕГЕНДЫ, НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА, ПРЕДРАЗСУДКИ И ВЪРОВАНИЯ ДАГЕСТАНСКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

(Составлено со словъ Шамиля и членовъ его семейства).

(Окончаніе.)

Переходя отъ легендъ и преданій къ народной медицинѣ дагестанскихъ горцевъ, мы начнемъ съ холеры, свѣденія о которой приобрѣтены нами по одному случаю, едва не кончившемуся самыми печальными послѣдствіями для нашего калужскаго плѣнника.

Въ августѣ 1860 года Шамиль заболѣлъ холерою. Приступы болѣзни были необыкновенно сильны; но, благодаря своевременной помощи и дѣйственности средствъ, особливо *металлическихъ црѣлокъ*, предложенныхъ для всеобщаго употребленія докторомъ г. Кричевскимъ, Шамиль былъ спасенъ.

Блѣдный, изнуренный болѣзнію, но совершенно покойный, лежалъ бывший владыка горъ на разостланномъ на полу матрацѣ. Равнодушный взоръ его не выражалъ ни надеждъ, ни опасеній; въ немъ ясно отражалась только покорность судьбѣ и полная готовность встрѣтить все, что она ни пошлетъ. Посматривая по временамъ на наши хлопоты, онъ добродушно улыбался и съ замѣтною ироніей говорилъ: «Благодарю васъ за ваши старанія; но если Богу угодно, чтобъ я не ѣлъ больше на землѣ хлѣба, мнѣ не пособятъ никакія лекарства, никакія заботы»....

Въ этихъ словахъ высказывался весь мусульманскій фатализмъ и вся безпечность горца въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется особенное вниманіе къ дѣлу, или малѣйшее принужденіе себя для чего бы то ни было, хотя бы ради спасенія собственной жизни. Лучшимъ подтвержденіемъ этого служить рассказъ Шамиля о способѣ леченія въ горахъ холеры.

Изъ словъ его слѣдуетъ, что знанія горскихъ медиковъ всегда были безсильны противъ эпидеміи: она свирѣпствовала въ горахъ на полномъ просторѣ. Богатые употребляли въ холерѣ одно лишь потогонное, роль котораго исполнялъ настой горячей воды на корицѣ и гвоздикѣ; * для всѣхъ же прочихъ больныхъ, единственнымъ средствомъ было утоленіе жажды, и горцы, мучимые холерою, пили воду, и притомъ самую холодную, въ такомъ большомъ количествѣ и такъ часто, что тутъ же въ моментъ своего леченія и умирали.

Есть, правда, еще другое средство: сѣрватая глина, имѣющая вкусъ мѣла. Кусокъ ея завезенный жонами Шамиля въ Калугу, былъ подвергнутъ однимъ изъ калужскихъ аптекарей, г. Завѣтлебенюмъ, химическому разложенію, которое открыло въ ней слѣдующія составныя части: хлористый кали, окись желѣза, квасцы, углекислую известь, сѣрнокислую магнезію, кварцовый песокъ и органическія вещества. Составъ этотъ достаточно показываетъ въ какой степени должно быть полезно дѣйствіе этого медикамента противъ холеры. Сами горцы на вопросъ нашъ—много-ли больныхъ вылечивалось отъ употребленія глины, простодушно отвѣчали: «ни одинъ не выздоравливалъ: всѣ умирали.»

— Почему же вы думаете, что глина полезна отъ холеры?

— Не знаемъ, такъ у насъ въ народѣ говорятъ.

Въ народѣ говорятъ еще, что глина эта чрезвычайно успѣшно «оттягиваетъ» мокроты. Очень можетъ быть, что она дѣлаетъ это также успѣшно, какъ и лечитъ холеру; но дѣло въ томъ, что съ этою именно цѣлію ее употребляютъ въ Дагестанѣ женщины и въ особенности андійскія, которыя ѣдятъ ее безпрестанно. Исключительность эта объясняется суровымъ климатомъ Анди, весьма способнымъ къ порожденію простудныхъ болѣзней, и еще условіями вседневнаго быта горскихъ

* Этимъ самымъ настоемъ наполни Шамиля его жоны тотчасъ, какъ только обнаружались первые приступы болѣзни. *

женщинъ, которыя исполняя лично всевозможныя домашнія работы, одѣваются при этомъ весьма небрежно, и вообще употребляютъ костюмъ нисколько не соответствующій климату, и очень мало предохраняющій тѣло отъ вліянія наружнаго воздуха.

Независимо отъ того, что средствъ противъ холеры у горцевъ было слишкомъ мало, или вѣрнѣе, ихъ совсѣмъ не было, болѣзнь эта считается въ горахъ еще прилипчивою; и больные по большей части были предоставляемы своей судьбѣ и дѣйствию холодной воды, которою снабжали ихъ въ изобиліи.

Этимъ заканчивается сказаніе о холерѣ.

Вскорѣ по выздоровленіи Шамиля, пишущему эти строки пришлось самому подвергнуться сильной простудѣ, образовавшей воспаленія подреберной плевры. Шамиль, хорошо знакомый съ нашимъ евангельскимъ правиломъ—о неоставленіи болящихъ, навѣщалъ меня довольно часто, и въ одно изъ своихъ посѣщеній предложилъ мнѣ испытать средство, употребляемое горцами во многихъ болѣзняхъ въ томъ числѣ и въ простудѣ. Средство это ничто иное, какъ кипятокъ изъ обыкновенной рѣчной воды, разбавленной сахаромъ въ томъ количествѣ, которое называется «по вкусу.» Составленное такимъ образомъ лекарство, принимается въ довольно большихъ размѣрахъ: отъ двухъ до четырехъ стакановъ въ одинъ приемъ, вмѣсто утренняго и вечерняго чая, преимущественно же на-тощахъ.

Всѣ члены семейства Шамиля, на себѣ испытали пользу этого лекарства. Самъ же Шамиль до такой степени убѣжденъ въ дѣйствительности своего медикамента, что почти насильно заставилъ меня выпить два стакана горячей воды, одинъ за другимъ, почти не переводя дыханія, что впрочемъ, при этомъ леченіи составляетъ непремѣнное условіе. Опытъ, который такимъ образомъ я пріобрѣлъ почти противъ воли, привелъ меня къ такому заключенію—что лекарство Шамиля, не взирая на всю его невинность, весьма много способствуетъ облегченію страданій: оно возбуждаетъ сильную испарину, смягчитъ грудь, дѣлаетъ дыханіе болѣе свободнымъ, и все это производитъ въ самое короткое время, такъ что больной чувствуетъ облегченіе въ тѣ самыя минуты, когда пьетъ свое лекарство.

Съ этого времени начались наши бесѣды о медицинѣ горцевъ. Въ разныя удобныя минуты мнѣ случилось предложить Шамилю между прочимъ слѣдующіе вопросы: есть-ли въ горахъ люди, которые пользуются хорошою врачебною репутаціею? чѣмъ обык-

новешно лечатъ они своихъ пациентовъ , и руководствуются-ли какимъ-нибудь подобіемъ теоріи, или, по крайней мѣрѣ, есть-ли въ ихъ практикѣ что-нибудь похожее на систему?

Въ отвѣтахъ моего собесѣдника заключались слѣдующія подробности.

Какъ противъ холеры генеральнымъ средствомъ считается въ горахъ холодная вода.—такъ противу всѣхъ остальныхъ человѣческихъ недуговъ, за исключеніемъ ревматизма, оспы, огнетрѣльныхъ ранъ и всякаго рода ушибовъ и порѣзовъ, употребляются только три средства: кровопусканіе, рвотный камень, да еще тотъ самый кипятокъ съ сахаромъ, о которомъ было сказано выше, и который представляетъ собою лекарство въ нѣкоторомъ родѣ аристократическое . потому что по дороговизнѣ доступенъ не для всякаго.

Кровопусканіе, по большей части, производится собственно въ тѣхъ частяхъ тѣла, которыя подверглись страданію. Такимъ образомъ, открываютъ кровь изъ рукъ, изъ ногъ, изъ губъ, изъ лба, изъ подъ языка. При внутреннихъ болѣзняхъ, кровь открываютъ чаще изъ рукъ.

Пьявки припускаются тоже такимъ способомъ. При встрѣтившейся надобности, наливаютъ въ посуду воды, и напускаютъ туда пьявокъ безъ счёту, сколько можно больше; потомъ опускаютъ въ воду руку, ногу, или другую часть тѣла, которая требуетъ облегченія, и держатъ ее до тѣхъ поръ, пока впившіяся въ нее пьявки, сколько бы ихъ ни было, не отвалятся сами собою.

Необходимая при этомъ посуда, употребляется сообразно положенію больного члена. Такимъ образомъ, пьявки напускаются въ ведро, лохань, корыто и т. д. Не рѣдко пациентъ входитъ въ то мѣсто рѣки или болота, гдѣ кишатъ пьявки, и отдаетъ себя въ полное ихъ распоряженіе.

При порѣзахъ, съ величайшею пользою употребляется перезонная шерсть животныхъ, а въ особенности баранья: приложенная къ порѣзанному мѣсту, шерстяная изгарь въ одно мгновеніе останавливаетъ кровотеченіе самое сильное, и въ этихъ случаяхъ далеко оставляетъ за собою наше домашнее средство—паутину, которую горцы тоже изрѣдка употребляютъ.

Чтобъ остановить кровь при обыкновенномъ кровопусканіи, на сдѣланную ножомъ ранку (лапцетовъ у горцевъ не имѣется)

присыпаютъ немного соли , и ужь потомъ перевязываютъ это мѣсто бинтомъ.

Въ глазныхъ болѣзняхъ, единственнымъ средствомъ считается женское молоко: имъ ежедневно промываютъ глаза, не разбирая ни возраста больного, ни причинъ и рода болѣзни. Тѣмъ не менѣе , средство это большею частію оказывается дѣйствительнымъ.

Наконецъ противъ оспы, этого страшнаго бича, истребляющаго и уродующаго здоровья поколѣнія народовъ полудикихъ, въ горахъ употребляются тоже первобытныя средства , подобныя горячей и холодной водѣ. Такъ на примѣръ , для предупрежденія страданій, которыя способна причинить оспенная матерія, выходя изъ ранокъ и прилипа къ бѣлью,—изъязвленные мѣста густо посыпаются кукурузнымъ или пшеничнымъ толокномъ.

Въ видѣ лекарства внутренняго, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Дагестана употребляется эта самая оспенная матерія: ее скатываютъ съ хлѣбнымъ макишемъ въ пилюли, и даютъ больному глотать. Дѣйствіе этого медикамента испыталъ на себѣ, между прочимъ, младшій зять Шамиля, Абдурахимъ. Онъ говоритъ, что лекарство на него подѣйствовало хорошо, и въ этомъ случаѣ трудно ему не вѣрить, потому что лицо его совершенно чисто, а самъ онъ красивъ и строенъ, какъ Антиной.

Оспа подобно холерѣ считается болѣзнію заразительною, и больныхъ тоже весьма не рѣдко оставляютъ на произволь судьбѣ.

Что касается оспопрививанія, то въ горахъ оно совсѣмъ было не извѣстно, особливо въ мѣстахъ болѣе удаленныхъ отъ нашихъ территорій. Жители же ближайшихъ къ намъ поселеній, хотя и слышали объ этомъ спасительномъ средствѣ, но никогда къ нему не прибѣгали, потому что не вѣрили въ дѣйствительность его. Въ семействѣ самого Шамиля оспа никому не была привита даже въ послѣднее время.

Почти во всѣхъ болѣзняхъ горцы рѣдко обращаются за первоначальными пособіями къ своимъ лекарямъ; но каждый больной, мало мальски довѣряющій своему предчувствію, выбираетъ изъ всѣхъ поименованныхъ средствъ любое, и возложивъ на него свое упованіе, придерживается ему, или до окончательнаго излеченія, или, смотря по ходу болѣзни, мѣняя одно лекарство на другое.

Люди менѣе самонадѣянные, призываютъ къ своей постели

«хакимовъ» — лекарей, которые, впрочемъ, пользуютъ ихъ точно также, какъ бы пользовали они сами. Поэтому, разница между горцами врачами и не врачами заключается только въ томъ, что первые принимаются за леченіе больного съ большою смѣлостію, нежели сдѣлали бы это послѣдніе.

Совсѣмъ иное дѣло — люди, врачующіе раны и ушибы: ихъ медикаменты несравненно разнообразнѣе, ихъ познанія гораздо основательнѣе и систематичнѣе, а результаты ихъ леченія могли бы показаться невѣроятными, еслибъ не было въ Дагестанѣ еще множество людей, раны которыхъ служатъ живымъ подтвержденіемъ сказаннаго. Въ числѣ ихъ первый Шамиль — всегда съ особеннымъ удовольствіемъ открываетъ свою грудь и показываетъ сперва шрамъ, обозначающій мѣсто, куда вошелъ штыкъ, а потомъ другой шрамъ — на спинѣ, гдѣ штыкъ вышелъ, пробивъ насквозь легкое. Однимъ словомъ, нѣтъ той раны, огнестрѣльной, или отъ холоднаго оружія, которую дагестанскіе медики не вылечили бы, за исключеніемъ ранъ чисто смертельныхъ, или того еще случая — когда въ поданіи первоначальнаго пособія встрѣчаются препятствія, отнимающія слишкомъ много времени. Но и тутъ мы видимъ исключеніе въ лицѣ того же Шамиля, который, получивъ смертельную рану, все-таки былъ вылеченъ тестемъ своимъ Абдуль-Азисомъ, не смотря на то, что въ продолженіи двадцати пяти дней до его прибытія, пользовался услугами лекаря совсѣмъ неискускаго, и даже не извѣстнаго по этой профессіи землякамъ своимъ.

Другое преимущество практики горскихъ врачей, состоитъ въ томъ — что послѣ ихъ леченія, тѣло пациента не подвергается уже никакимъ дурнымъ послѣдствіямъ, обыкновенно сопровождающимъ раны, и въ особенности огнестрѣльныя. Блестательнымъ подтвержденіемъ этого служитъ все тотъ же Шамиль, который, не смотря на штыковую рану и на свыше сорока другихъ, важныхъ и не важныхъ, нанесенныхъ правда однимъ холоднымъ оружіемъ (огнестрѣльныхъ ранъ у него нѣтъ ни одной), — никогда не чувствовалъ ни малѣйшей ломоты и никакого другого болѣзненнаго ощущенія, ни во время ненастной погоды, ни передъ наступленіемъ ея. Такого результата, кажется, еще не достигала наука; по крайней мѣрѣ, мы знаемъ — что изъ многихъ тысячъ медицинскихъ свидѣтельствъ, выданныхъ нашимъ офицерамъ на полученіе за раны пенсіона, почти ни одно не обходится безъ описанія страданій, которымъ

непремѣнно должны подвергнуться раненые въ послѣдствіи, уже по окончательномъ залеченіи ранъ.

Изъ числа средствъ, употребляемыхъ горскими врачами при пользованіи ранъ и ушибовъ, Шамиль назвалъ только то, которымъ пользовалъ его Абдуль-Азись: спускъ, составленный изъ равныхъ частей воска, коровьяго масла и древесной смолы, какой именно—онъ не знаетъ. Крайняя простота и несложность этого медикамента, заставляють предполагать—что употребляя его, Абдуль-Азись соблюдалъ при томъ какія-либо особыя условія, или же, сверхъ названныхъ составныхъ частей, вводилъ въ свое лекарство еще что-нибудь, неизвѣстное простымъ смертнымъ; иначе, каждый горецъ могъ бы сдѣлаться столь же знаменитымъ, какъ и онъ. Между тѣмъ Шамиль говоритъ—что репутацію этою пользовался только одинъ Абдуль-Азись. Слѣдовательно, предположеніе о существованіи секрета, извѣстнаго одному ему,—становится довольно правдоподобнымъ.

Относительно всѣхъ прочихъ лекарствъ, Шамиль отозвался такимъ образомъ—что въ составъ ихъ входятъ различныя растенія, извѣстныя однимъ лишь горскимъ врачамъ. Но почти во всѣхъ случаяхъ, кромѣ «лекарствъ», употребляется еще шкура только что зарѣзаннаго барана, которою рана въ первое время перевязывается каждый день.

Къ числу этихъ же, столь дѣйствительныхъ лекарствъ, слѣдуетъ отнести и тѣ, которыми горцы пользуютъ ревматизмъ. По словамъ Шамиля, ихъ есть нѣсколько; но онъ помнитъ только объ одномъ настоѣ изъ травъ, который дается во внутрь и дѣйствуетъ съ большою пользою. Одинъ изъ сыновей Шамиля съ великимъ энтузіазмомъ рассказывалъ о какой-то чудотворной мази, излечивающей ревматизмъ скоро и радикально. Если дѣйствительно существуетъ вѣрное средство противъ этой болѣзни, то оно, конечно, составляетъ величайшее благодѣяніе для страны, гдѣ такъ легко можно пріобрѣсть ревматизмъ, особливо горцамъ, которые по небрежности въ отношеніи предохранительныхъ мѣръ, и вслѣдствіе самыхъ условій ихъ быта, весьма способны къ воспріятію этой болѣзни.

Что касается хирургіи, въ пособіи которой чаще всего нуждаются горцы, какъ народъ по преимуществу воинственный, то, судя по смыслу словъ Шамиля, слѣдуетъ придти къ тому заключенію—что нѣтъ на свѣтѣ хирурговъ столь искусныхъ, какъ въ Дагестанѣ. Въ доказательство справедливости этого предполо-

женія указано было то обстоятельство—что въ обществахъ Андї и Гидатлѣ есть и въ настоящее время очень много людей, которымъ, по точному смыслу правилъ шарріата, за воровство отрублены руки и ноги, и которые не смотря на это, пользуются самымъ завиднымъ здоровьемъ. * Въ этомъ случаѣ, особеннаго вниманія заслуживаетъ тотъ фактъ—что ампутація производится не иначе, какъ въ суставахъ. Всѣ горцы единогласно утверждаютъ—что этотъ способъ чрезвычайно легокъ, совершается весьма быстро, и будучи сопряженъ съ болью незначительною,—не производитъ потомъ никакихъ дурныхъ послѣдствій. Оставшаяся часть ампутированнаго члена въ ту же минуту опускается въ кипящее коровье масло (въ «книгахъ» предписывается опускать его въ оливковое), послѣ чего заживаетъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Такимъ образомъ, Дагестанъ почти не представляетъ примѣровъ—чтобы ампутированный субъектъ умеръ, а тѣмъ менѣе подъ ножомъ хирурга.

Всѣ остальные операціи представляютъ собою крайность въ такомъ-же благопріятномъ родѣ: какъ бы операція сложна и затруднительна ни была, но если дагестантскій хакимъ за нее взялся, то она кончится навѣрное благополучно. Сомнѣніе, которое обстоятельство это способно возбудить въ европейскомъ хирургѣ,—конечно, увеличится, когда онъ узнаетъ, что горскому его собрату неизвѣстны ни корпусный, ни даже баталіонный «наборы;» а что всѣ свои операціи и ампутаціи въ человѣческомъ тѣлѣ онъ совершаетъ тѣмъ же кинжаломъ, которымъ рѣжетъ барана, а под-часъ рубить и дерево. Этимъ самымъ кинжаломъ поручику Кавказскаго линейнаго № 10 баталіона Сухомлинову, попавшемуся въ 1854 г. въ плѣнъ къ чеченцамъ, вынута была пуля, пробившая ему лобъ и остановившаяся въ черепной кости такъ далеко отъ наружной поверхности лба, что едва можно было ее видѣть. Какой именно способъ употребили операторы въ столь неблагопріятныхъ условіяхъ,—я навѣрное не знаю, потому что слышалъ объ этомъ, двоякимъ образомъ: одни говорили—что ему *приподнимали* черепъ; а другіе утверждали — что сдѣланное пулею отверстіе въ черепѣ

* По правиламъ шарріата, за воровство совершенное въ первый разъ (со взломомъ), предписывается отсѣченіе правой руки (кисть); во второй—лѣвой руки; въ третій—правой ноги; въ четвертый—остальной ноги, и наконецъ въ пятый—отсѣченіе головы.

горцы расширили еще больше, и именно этимъ способомъ достали ее. Какъ бы то ни было, а операція кончилась благополучно: пулю достали, поручика вылечили, и онъ еще и теперь живъ, здоровъ и служить, кажется, въ томъ же батальонѣ; слѣдовательно, можетъ подтвердить или опровергнуть это показаніе. *

Нѣтъ сомнѣнія, что рѣшимость произвести эту операцію была возбуждена не столько чувствомъ состраданія, или увѣренностію внушаемою научными познаніями, сколько необходимостью вылечить плѣнника во что бы то ни стало, чтобы получить за него выкупъ, котораго операторы должны были лишиться, еслибъ офицеръ умеръ.

Но кромѣ этого случая, который людямъ незнакомымъ съ Кавказомъ легко можетъ показаться исключеніемъ, — мы знаемъ много другихъ, гдѣ соотчественники наши добровольно поручали судьбу свою знаніямъ горскихъ врачей, и никогда не имѣли причинъ раскаяваться.

Изъ всѣхъ горскихъ хирурговъ, которыхъ Шамиль зналъ въ своей жизни, или только слышалъ о нихъ, — самую лучшую врачебною репутаціею пользуются трое: Куантлада-Магома (Магома изъ Куантлады, въ Багулаѣ), Хуссѣинъ-Магома изъ Эрпели, и Кудали-Магома изъ аула Кудали. Послѣдній отлично лечитъ ревматизмъ, а также и противъ укушенія ядовитыхъ змѣй и насѣкомыхъ.

Это послѣднее леченіе заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ по важности дѣла, противъ котораго оно употребляется, такъ и потому, что различныя цѣлительныя растенія извѣстныя горскимъ знахарямъ, вслѣдствіе исключительности дагестантской фауны, — едва ли извѣстны науцѣ, до сихъ поръ почти незнакомой съ тамошнею природою. Нѣтъ сомнѣнія, что леченіе туземныхъ врачей, не имѣющее въ своемъ основаніи теоретическихъ познаній, и часто похожее на то, что называется «удачею», или «на-авось», при руководствѣ со стороны людей посвященныхъ въ тайны науки, безъ сомнѣнія, получило бы болѣе обширное примѣненіе, и представило бы результаты несравненно утѣшительнѣе теперешнихъ.

Во всякомъ случаѣ, людей занимающихся пользованіемъ противъ укушенія ядовитыхъ насѣкомыхъ мы будемъ называть то-

* Пишущій эти строки лично видѣлъ г. Сухомлинова въ крѣп. Грозной: онъ носитъ на лбу серебрянную бляху, прикрывающую отверстие, сдѣланное пулею.

же *шакимами* «лекарями,» въ отличіе отъ «знахарей,» профессіи которыхъ имѣетъ въ своемъ основаніи, какъ мы увидимъ ниже, нашептыванія, и распознаваніе, по костямъ животныхъ, судьбы оудей, и того, что случится въ природѣ. Такіе люди, конечно, «знахари» въ полномъ смыслѣ этого слова.

Извѣстно, что ни въ одной части Кавказа нельзя встрѣтить такъ много ядовитыхъ насѣкомыхъ, какъ въ Дагестанѣ, и особливо въ южномъ. Скорпионы, тарантулы и фаланги были неразлучными товарищами нашихъ войскъ во время экспедицій по Дагестану. Къ счастью, о печальныхъ послѣдствіяхъ укушенія, мы слышали очень рѣдко, что конечно, слѣдуетъ приписать, между прочимъ, и надлежащимъ пособіямъ, которыя солдаты наши всегда получали своевременно. Но легко можетъ быть, что противъ нападенія этихъ страшныхъ враговъ, войска наши имѣли достаточно—предохранительное средство въ буркахъ и войлокахъ изъ овечьей шерсти, къ которымъ гадины питаютъ сильнѣйшее отвращеніе, покораясь въ этомъ случаѣ инстинкту, имѣющему прямую связь съ извѣстнымъ гастрономическимъ направленіемъ вкуса овецъ: всѣ ядовитыя насѣкомыя составляютъ для нихъ самое лакомое блюдо. Съ другой стороны, очень можетъ быть и то, что ядъ насѣкомыхъ сѣвернаго Дагестана, гдѣ чаще всего происходили военныя дѣйствія, не имѣетъ такой силы, какъ ядъ насѣкомыхъ южнаго Дагестана, о которомъ мы имѣли несравненно менѣе положительныхъ свѣденій.

Подробности, сообщенныя мнѣ о свойствахъ ядовитыхъ насѣкомыхъ, большею частію извѣстны уже изъ естественной исторіи; но между ними обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что изъ этихъ насѣкомыхъ въ южномъ Дагестанѣ добывается сильнѣйшій ядъ и что къ содѣйствію его весьма не рѣдко прибѣгали люди, не желавшіе подвергать себя случайностямъ открытаго мщенія, или не имѣвшіе для этого достаточной силы.

Добываніе яда производится слѣдующимъ способомъ: изранивъ сильно насѣкомое чѣмъ-нибудь острымъ, привѣшиваютъ его за ноги къ какому-нибудь предмету, напримѣръ, къ дереву, и подкладываютъ подъ него истертую въ порошокъ кукурузу, пшено, или хлѣбъ. На нихъ стекаетъ изъ ранъ ядовитая жидкость, которую замѣшиваютъ съ порошкомъ въ тѣсто, и потомъ дѣлаютъ изъ него шарики; или же, высушивъ его, обращаютъ по прежнему въ порошокъ, совсѣмъ готовый для своего назначенія,

Не допуская возможности, чтобы при нынѣшнемъ устройствѣ Дагестана, а въ особенности при столь рѣзкой переѣвѣ въ условіяхъ быта туземцовъ, какая послѣдовала съ прекращеніемъ войны, можно было ожидать проявленія извѣстной мстительно-сти лезгинскаго племени, мы убѣждены, что изысканіе мѣстныхъ средствъ, уничтожающихъ дѣйствіе яда, столько же необходимо для усиленія способовъ народной медицины, сколько нужно оно для пользы науки. Наука давно уже сдѣлала по этому предмету нѣсколько открытій; но этими открытіями рѣдко могутъ пользоваться горцы, живущіе по большей части въ отдаленіи отъ мѣсть, изъ которыхъ можно получить пособія, предлагаемыя наукою. Поэтому, имъ остается искать пособій среди своей природы, всегда благодѣтельно располагающей подлѣ каждаго яда соответственное ему противоядіе. И дѣйствительно, дагестанская природа представляетъ много цѣлительныхъ средствъ противъ смертоноснаго укушенія насѣкомыхъ, а также и противъ ужаленія ядовитыхъ змѣй, которыя въ южномъ Дагестанѣ водятся тоже въ изобиліи. Къ сожалѣнію, эти средства извѣстны очень немногимъ людямъ; да и тѣ, побуждаемые своекорыстіемъ, а отчасти суевѣрными убѣжденіями, скрываютъ свой талантъ самымъ тщательнымъ образомъ. Къ тому же, пособіемъ ихъ могутъ пользоваться тоже весьма немногіе, именно тѣ, жилища которыхъ расположены по близости резиденціи врачей. Всѣ же прочіе, имѣющіе несчастіе подвергнуться укушенію или отравѣ, должны быть предоставлены своей горькой участи.

При такихъ условіяхъ, польза обнародованія между населеніемъ покореннаго края врачебныхъ пособій, употребляемыхъ дагестанскими врачами, не подлежитъ сомнѣнію. Вѣроятно также и то, что знахари охотно продадутъ свой секретъ, и при томъ не такъ дорого, чтобы можно было уклониться отъ попытки пріобрѣсть его.

Кромѣ названнаго выше *Кудали-Маюмы*, особенною извѣстностью пользуется еще житель аула Сугратль: *Явиль-Маюма*. По словамъ «калужскихъ» горцевъ, противъ искусства этихъ двухъ хакимовъ, не можетъ устоять никакой ядъ.

Но не однѣ ядовитыя змѣи причиняютъ вредъ обитателямъ Дагестана: случается иногда, что они подвергаются нападенію и отъ змѣй неядовитыхъ, которыя поступаютъ въ этомъ случаѣ довольно оригинально. Лишь только усталый путникъ пріютится къ какому-нибудь камню, и задремлетъ неохраемый бдитель-

ностію товарища, гадкое пресмыкающееся, какъ будто слѣдившее за нимъ и видѣвъ его оплошность, приближается къ спящему, и заползаетъ въ раскрытый дремотою ротъ. Конечно, бѣднякъ тотчасъ же просыпается, и если только онъ достаточно опытенъ, и имѣетъ на столько твердой воли, чтобъ не потерять-ся, то спасеніе его весьма возможно. Обыкновенно, горцы поступаютъ въ это время слѣдующимъ образомъ: проткнувъ небольшимъ ножомъ, который всегда находится при кинжалѣ, торчащей еще снаружи хвостъ змѣи насквозь, такъ, чтобъ отнять у нея возможность ползти дальше, страдалецъ спѣшитъ къ ближайшему жилью, гдѣ для него раскачиваютъ на огнѣ кусокъ желѣза, который и прикладываютъ къ оконечности змѣинаго хвоста. Тогда змѣя тотчасъ же ползетъ назадъ, и падаетъ на землю.

Бывали примѣры—что молодыя змѣи заползали въ человѣка, и проживали въ его желудкѣ весьма долго. Въ этомъ случаѣ, они никогда не достигаютъ натуральной своей величины, а бываютъ малы и худы. Точно также и человѣкъ подвергается въ это время необыкновенной болѣзненности и худобѣ, при развитіи необычайнаго, противоестественнаго аппетита. Читатель видитъ самъ, сколько во всемъ этомъ правдоподобія: удобно-ли змѣямъ избирать человѣческой желудокъ мѣстомъ своего пребыванія и удобно-ли жить человѣку если бы змѣи, хотя и очень молодыя, основали въ его желудкѣ свою колонію. Но не останавливаясь передъ встрѣчающимися по временамъ чудесностями, мы будемъ излагать факты въ томъ видѣ, какъ они дошли до насъ.

Пребываніе въ человѣкѣ пресмыкающихся, большею частію оканчивается его смертію. Однако, бываютъ случаи, когда человѣкъ «одержимый змѣями,» выздоравливаетъ. Вотъ одинъ такой случай.

Два пріятели отправились по какой-то надобности изъ своей деревни въ другую. Разстояніе было не велико, но при гористой мѣстности Дагестана, пять верстъ ходьбы по горамъ, особливо прямой дорогою, до которой горцы большіе охотники, ничѣмъ не отличаются отъ двадцати пяти верстъ путешествія по плоскости. Путники наши устали, и сойдя въ сторону отъ дороги, расположились отдохнуть. Одинъ изъ нихъ развелъ огонь и занялся приготовленіемъ завтрака; а другой, не успѣвъ присѣсть на землю, тотчасъ же заснулъ. Этого послѣдняго всѣ его

родные и знакомые знали за человѣка болѣзненнаго, одержимаго не человѣческимъ аппетитомъ, удовольствіе котораго не приносило ему ни малѣйшей пользы. Еще о немъ знали то, что онъ имѣетъ обыкновеніе спать съ раскрытымъ ртомъ; но никто не зналъ и не догадывался, что въ его желудкѣ живутъ цѣлыхъ три змѣи, которыя именно и способствовали развитію этой болѣзненности и этого аппетита.

Все это открылось теперь, когда въ ожиданіи завтрака, онъ заснулъ, раскрывъ по обыкновенію ротъ.

Окончивъ всѣ приготовленія, товарищъ спящаго обратился къ нему, чтобы разбудить его и пригласить завтракать. Но, взглянувъ на раскрытый ротъ, онъ увидѣлъ выходящія изъ него три небольшія змѣиныя головки, тоже съ раскрытыми зѣвами, какъ будто требовавшими пищи и для себя. По крайней мѣрѣ, эта самая мысль прежде всего пришла въ голову единственнаго свидѣтеля этого необыкновеннаго явленія. Нисколько не потерявшись, онъ поднесъ къ лицу опящаго свой завтракъ, и видя, что змѣи тянутся къ нему, началъ постепенно его отдалять, а потомъ, когда головы ихъ совсѣмъ вышли наружу, онъ схватился за нихъ, и вытащилъ всѣхъ трехъ змѣй, не разбудивъ даже товарища.

Но вслѣдъ за тѣмъ проснулся онъ самъ, и, ничего не подозревая, принялся съ обычною жадностію за завтракъ. Однако, къ удивленію его благодѣтельнаго спутника, а потомъ и къ его собственному, жадность эта исчезла съ первымъ проглоченнымъ кускомъ, и онъ пересталъ ѣсть, все еще не понимая того, что съ нимъ дѣлается.

Тогда товарищъ спросилъ его—почему онъ ничего не ѣсть? И получивъ въ отвѣтъ, что ему не хочется, и что его очень удивляетъ эта перемѣна, онъ тотчасъ объяснилъ ее, и показалъ убитыхъ имъ змѣй.

Въ послѣдствіи, человѣкъ этотъ оправился и выздоровѣлъ совершенно; «а въ благодарность за свое спасеніе, далъ своему товарищу очень много денегъ.»

Этими именно словами заканчивается сказаніе «о змѣяхъ.» Вообще, горцы большіе охотники до романовъ съ благополучною развязкою. Это понятно: мы почти всегда любимъ больше то, чего у насъ нѣтъ.

Переходя отъ пособій, сколько-нибудь похожихъ на лечеб-

ния, къ обыкновенному знахарству, начнемъ съ порчи посредствомъ *слазу*.

Между народными повѣрьями горцевъ встрѣчаются многія, во всемъ сходныя съ повѣрьями нашего народа. Но есть между ними и такія, которыя хотя въ основаніи своемъ тоже совершенно одинаковы съ нашими, но въ подробностяхъ представляютъ нѣкоторое различіе, состоящее въ прямой связи съ различіемъ въ природѣ и въ условіяхъ домашняго быта того и другого народа. Къ числу такихъ повѣрій, принадлежитъ и убѣжденіе относительно порчи *сглазомъ*.

По понятіямъ горцевъ, вліяніе дурного глаза распространяется не только на людей и на животныхъ, но даже на предметы неодушевленные: камни, трава, послѣдняя былинка мірозданія— все подвергается порчѣ или уничтоженію отъ взгляда «дурныхъ» глазъ, если только онъ сопровождается похвалою или выраженіемъ удивленія. При этомъ условіи, дѣти заболѣваютъ и умираютъ цѣлыми семьями; бараны, это олицетвореніе благосостоянія горца, издыхаютъ цѣлыми стадами; хлѣбъ на корню или въ зернѣ портится безъ всякой видимой причины, и все это иногда въ одно мгновеніе, отъ одного взгляда, отъ одной похвалы человѣка, надѣленнаго столь опаснымъ даромъ.

Цвѣтъ глазъ не имѣетъ въ этомъ случаѣ никакого особеннаго значенія, потому что вредоносная сила заключается не въ самомъ органѣ, а въ способности, которую сообщила природа человѣку. Въ книгѣ «Шакибъ» сказано: «человѣкъ, причиняющій вредъ своимъ взглядомъ, не подвергается, въ смертныхъ случаяхъ, ни кровомщенію (*кыссагъ*), ни денежному штрафу (*дйетъ*), потому что онъ убиваетъ не умышленно, а единственно воззрѣніемъ своимъ; причемъ изъ глазъ его отдѣляется тонкое невидимое вещество, которое, проникая въ другого человѣка чрезъ поры, причиняетъ ему собою вредъ».

Способность эта одинаково можетъ быть какъ въ мужчинѣ, такъ и въ женщинѣ; но степень ея бываетъ различна: есть глаза, взглядъ которыхъ дѣйствуетъ медленно; есть другіе, которые производятъ порчу мгновенно. Поэтому, каждое разумное существо, которое обитаетъ въ Дагестанѣ и которое сколько-нибудь заботится о благополучіи своемъ и близкихъ себѣ людей, а также о цѣлости своихъ интересовъ, всѣми силами старается избѣгать сообщества людей, извѣстныхъ дурнымъ свой-

ствомъ своихъ глазъ, или, по крайней мѣрѣ, условій, способныхъ вызвать похвалу ихъ или удивленіе.

Съ своей стороны, и эти люди, сознавая всю неблагоприятность шутки, которую сыграла съ ними природа, налагаютъ на себя самый строгій обѣтъ скромности, чтобы только не похвалить кого-нибудь не впопадъ, или не во-время чему-нибудь удивиться. Но отъ случайности трудно на всякій разъ уберечься; къ тому же, побужденіе, которое въ этомъ случаѣ руководить этими людьми, не всегда имѣетъ въ своемъ основаніи чувство доброжелательства, потому что между ними, точно также какъ и между всѣми остальными людьми, есть люди хорошіе, есть и нехорошіе. Впрочемъ, стремленія послѣднихъ удерживаются постановленіемъ, предписывающимъ домашній арестъ и даже тюремное заключеніе на всю жизнь для тѣхъ, которые извѣстны особенною недоброкачественностью своихъ глазъ *.

Однако, не смотря на всю строгость этой мѣры и на явную возможность примѣненія ея въ странѣ, гдѣ такъ серьезно смотрятъ на порчу сглазомъ,—высказывается и тамъ не мало сорванцовъ, которые, въ проявленіи тлетворнаго свойства своихъ глазъ, видятъ или особенное для себя удовольствіе, или вѣрное средство къ отмщенію за свои обиды. Поэтому, нечаянная или преднамѣренная порча сглазомъ въ Дагестанѣ встрѣчалась довольно часто: не обходила она и сильныхъ той земли, подвергался ей и самъ Шамиль.

Однажды родственникъ его Хаджію-Дебиръ Каранайскій похвалилъ его зубы, которымъ еще и теперь могла бы позавидовать любая красавица. Въ ту же минуту всѣ они заболѣли, а одинъ изъ нихъ даже выпалъ безъ всякой видимой причины. Но дѣло было такъ ясно, что не требовало излишнихъ умствованій, и лишеніе зуба тогда же было приписано дѣйствию похвалы Хаджію-Дебира, и вліянію его взгляда.

* Это постановленіе значится въ книгѣ, очень уважаемой мусульманами: «Ибнъ-Хаджаръ». Въ вышеприведенной же книгѣ «Шакибъ», кромѣ тюремнаго заключенія, предлагается еще и ослѣпленіе; въ случаѣ болѣзни, происшедшей отъ сглазу, предписывается человѣку, причинившему ее, произнести слѣдующую молитву, которая должна доставить исцѣленіе: «Господи, ниспошли на него благословеніе Твое, спаси его отъ вреда. Господи Боже, Тебѣ единому принадлежитъ сила и могущество: прими его (болящаго), живой, вѣчный, присущій, подъ Твое покровительство! Изжени изъ него, великій, мощный, силою Твоею и могуществомъ причиненный мною вредъ! Аминь».

Въ одной семьѣ было очень много дѣтей; но всѣ они, за исключеніемъ одного, заболѣли въ одно и тоже время оспою, и вскорѣ одинъ за другимъ перемерли. Оставшійся ребенокъ былъ необыкновенно красивъ, и изумлялъ этимъ всѣхъ, кто только видѣлъ его. Но и безъ того онъ былъ дорогъ для родителей, которые видѣли въ немъ единственное свое утѣшеніе. Однажды, когда оспенное повѣтріе давно ужъ миновалось, зашелъ къ нимъ одинъ знакомый. Любуясь ребенкомъ, онъ хвалилъ его съ большимъ энтузіазмомъ, и потомъ выразилъ удивленіе къ злокачественности повѣтрія, которое изъ такой большой семьи пощадило одного только ребенка.

Не успѣлъ онъ договорить послѣдняго слова, какъ ребенокъ началъ жаловаться на зудъ въ тѣлѣ и на внутреннюю боль. Вслѣдъ затѣмъ обнаружались явные признаки оспы, и въ самомъ непродолжительномъ времени ребенокъ умеръ.

А вотъ примѣръ разрушительной силы глазъ на предметы неодушевленные.

Нѣсколько горскихъ мальчиковъ, уроженцовъ Хуштады (столица Багуляла), кувались однажды въ андійской Койсу. Не подалеку отъ рѣки возвышался огромный камень самой уродливой формы. Желая сдѣлать наружность его еще болѣе фантастическою и тѣмъ удивить одного изъ отсутствовавшихъ товарищей, пользовавшагося большимъ авторитетомъ, шалуны вымазали камень различными красками, и приведя его такимъ образомъ въ невозможный видъ, позвали своего вліятельнаго товарища. Этотъ послѣдній, взглянувъ на камень, тотчасъ же выразилъ удивленіе, вполне соответствовавшее исключительности феномена, и хотѣлъ подойти ближе, чтобъ разсмѣтрѣть его въ подробности, какъ въ эту минуту феноменъ издалъ изъ себя грому подобный звукъ, и вслѣдъ затѣмъ раздался на части. Ошеломленные ребятишки долго не могли придти въ себя отъ этого чуда. Наконецъ, опомнившись, они дали знать о случившемся родителямъ и почетнымъ людямъ аула, которые, явившись на мѣсто происшествія и разобравъ дѣло во всей подробности, доказали самымъ логическимъ образомъ, что «вредъ» причиненный камню, послѣдовалъ единственно отъ взгляда пришедшаго послѣ забіяки, и отъ его безпутнаго удивленія.

Подобныхъ примѣровъ выставлено очень много; но ограничиваясь приведенными выше, скажемъ нѣсколько словъ о сред-

тому ребенку, отдавая ей за это милость отъ Бога и спасеніе въ будущей жизни.»

Маленькій князь выздоровѣлъ; и обрадованная мать, которая въ другое время не пожалѣла бы для этого всего состоянія, а теперь не пожалѣла бы в своей жизни, стала заботиться о выраженіи признательности за спасеніе сына, какимъ-нибудь вещественнымъ знакомъ. Но увы, все богатство доблестной княгини составлялъ одинъ абазъ! * Со слезами глубокаго душеваго чувства предложила она его Халуумъ; и добрая женщина, видѣвшая въ этой монетѣ, по собственнымъ ея словамъ, не деньги, а сердце матери, взяла абазъ, обливаясь, въ свою очередь, горячими, но сладкими слезами. Абазъ и до сихъ поръ сохраняется у нея, какъ самая рѣдкая, самая пріятная драгоценность.

Выливанье олова, какъ средство, требующее нѣкоторыхъ издержекъ, употребляется преимущественно въ домахъ зажиточныхъ. Люди бѣдные употребляютъ другія средства, не менѣе «дѣйствительныя», но вмѣстѣ съ тѣмъ и не сопряженныя ни съ какими денежными расходами.

Во-первыхъ, на лицѣ и на лбу больного ребенка рисуютъ глаза такую акварелью, о которой наши живописцы, конечно, не имѣютъ понятія. Краска эта составляется изъ обыкновенной синьки, разведенной въ жидкости бараньяго глаза, или глаза какой-нибудь мелкой птицы, только не домашней. Это одинъ способъ.

Другой способъ не менѣе остроуменъ, и вѣроятно столько же дѣйствителенъ.

На скорлупѣ куринаго яйца рисуютъ углемъ глаза, и потомъ ставятъ яйцо стоймя, придавивъ тупой конецъ его, передъ очагомъ, противъ пылающаго огня. Если ребенокъ заболѣлъ отъ сглазу, то яйцо лопається съ сильнымъ трескомъ, подобнымъ ружейному выстрѣлу; и тогда больной тотчасъ же получаетъ облегченіе. Если же оно лопнетъ обыкновеннымъ образомъ, т. е. тихо, значитъ болѣзнь ребенка приключилась не отъ сглазу; и въ такомъ случаѣ, для пользованія его надо искать пособія врачебнаго.

Наконецъ, есть еще одинъ способъ, столько же оригинальный, какъ и всѣ предыдущіе.

Отъ девяти дверей берутъ пыль изъ промежутковъ въ дере-

* Двугривенный.

вѣтхихъ петляхъ , на которыхъ двери привѣшены * ; потомъ знахарка становится спиною къ горящему камню , и бросивъ шиль промежду своихъ ногъ въ огонь , бѣжитъ изо всей мочи впередъ , чтобъ не слышать треска , который будетъ произведенъ шилемъ . Если это удастся , — значитъ ребенокъ действительно болѣнъ отъ глаза , и послѣ этого леченія , непременно выздоровѣетъ ; въ противномъ же случаѣ , слѣдуетъ просить пособія врачей .

Всѣ вышеприведенные способы сопровождаются нашептываніемъ молитвъ , для которыхъ опредѣленнаго текста нѣтъ , а избираются онѣ по усмотрѣнію знахарокъ .

Къ числу подобныхъ же суевѣрныхъ убѣжденій , слѣдуетъ отнести не менѣе слѣбую вѣру въ возможность вреда для болѣннаго человѣка , въ томъ случаѣ , если въ занимаемой имъ комнатѣ сохраняются драгоценныя камни и издѣлія изъ благородныхъ металловъ , или , если вошедшій въ комнату посѣтитель , какого бы ни былъ онъ пола и возраста , будетъ имѣть ихъ при себѣ . Тогда болѣзнь внезапно принимаетъ самый рѣзкій оборотъ , и если не будутъ своевременно приняты мѣры (конечно , не безъ посредства чернокижія) , то легко можетъ окончиться смертію , не смотря на самыя благоприятныя условія , въ которыхъ больная до этого находится .

Такой именно случай былъ съ Шамилемъ , когда онъ почти совсѣмъ оправился послѣ знаменитой штыковой раны ** .

Изъ числа другихъ предрасудковъ тождественныхъ съ предрасудками существующими у насъ , слѣдуетъ упомянуть о тяжелыхъ дняхъ и о физическихъ явленіяхъ , случающихся раннею весною .

У горцевъ , такъ же какъ и у насъ , есть тяжелые дни , есть и легкіе . Тяжелыхъ дней считается три : воскресенье , понедѣльникъ и суббота . Последняя составляетъ самое тяжелое время : въ этотъ день горцы ни за что не начнутъ дѣла сколько-нибудь важнаго .

Легкими днями считаются среда и четвергъ , особливо послѣдній : это самое удобное время для начала всякаго рода слож-

* Въ жилищахъ горцевъ двери обыкновенно вѣшаются на деревянныхъ петляхъ ; металлическихъ , они , по крайней мѣрѣ до сихъ поръ , не знаютъ .

** Кавказскій Календарь на 1831 годъ : «Шамиль» , біографическій очеркъ .

ныхъ предпріятій, а Шамилъ всегда выступалъ въ походъ противъ насъ не иначе, какъ въ четвергъ.

Что касается среды, то и она пользовалась бы у горцевъ такою же хорошою репутаціею какъ и четвергъ, еслибъ не случилось въ этотъ день событія, дивнаго собою весь гнѣвъ Бога на людей, а стало бытъ и на тотъ моментъ, въ который они вызвали его. Это случилось во времена давноминувшія, «еще за долго до Евреевъ,» но именно въ среду, которая пришла тогда именно четвертаго мая по нашему стилю. Поэтому, и въ теперешнія времена, если 4-ое мая придется въ среду, то день этотъ считается у горцевъ самымъ тяжелымъ днемъ въ цѣломъ году, и они, по большей части, проводятъ его въ молитвѣ.

Событіе, о которомъ мы упомянули, заключаетъ въ себѣ слѣдующія подробности.

Во времена давноминувшія, въ Арабістанѣ проживалъ пророкъ *Самудъ*, посланный Богомъ для удержанія жителей той страны отъ грѣха, въ которомъ она постоянно упражнялась. Исполняя свое назначеніе, пророкъ Самудъ проповѣдывалъ людямъ заповѣди Божіи, и училъ ихъ жить такимъ образомъ, чтобы угождать Богу. Не смотря однако на частыя напоминанія, жители Арабістана не только не оставляли преступнаго своего поведенія, но даже совершенствовались въ грѣхѣ, и тѣмъ побуждали посланника Божіа на проповѣди болѣе суровыя, обратившіяся, подъ конецъ, въ угрозы и обѣщанія вызвать на преступниковъ возмездіе свыше. Но вмѣсто показанія и исправленія, жители Арабістана совѣмъ оставили Бога, и предались такому разврату, что привели пророка въ ужасъ, и онъ, убѣдившись въ необходимости наказанія преступныхъ людей,—началъ молить Бога о ниспосланіи на нихъ кары.

Тогда Богъ наславъ столь сильную бурю, что дѣйствіемъ ея раскрылись всѣ дома, и находившіеся въ нихъ люди были подняты на воздухъ подобно легкому пуху. Порывистые вихри долгое время носили преступниковъ по всей странѣ, и не затрудняясь встрѣчными препятствіями, продвигали людей сквозь всякія отверстія въ домахъ и дверяхъ также свободно, какъ нитка продвигается сквозь иглиное ухо. Гнѣвъ Божій окончился только съ истребленіемъ людей и всего, что было ими создано.

Другое повѣрье, на счетъ свойства весеннихъ, необычныхъ явленій природы, въ сущности тоже имѣетъ сходство съ на-

шимъ повѣрье, но много различествуетъ въ подробностяхъ. У насъ наиримѣрь, или вѣрье, у нашихъ женщинъ, мартовскій свѣгъ почитается чуть-ли не дѣйствительнѣе самаго дорогого заграничнаго притиранья; а у горцевъ, подобную же роль играетъ апрѣльскій дождь; только дѣйствіе его приносить болѣе существенную пользу: тѣ, которые встрѣтять апрѣльскій дождь съ открытою головою, — навсегда избавятся отъ головной боли и отъ внутреннихъ болѣзней. Однако, дѣйствіе это распространяется ни однакъ только мужчинъ: женщины и въ этомъ случаѣ забыты какъ всегда и во всемъ. Можно подуматъ, что въ мнѣніи горцевъ для нихъ не существуетъ и самая природа.

Теперь обратимся къ предрасудкамъ другого рода — къ знахарству, и начнемъ съ порчи людей посредствомъ колдовства.

Въ нѣкоторыхъ обществахъ Дагестана и преимущественно въ Андїи и Карахъ, порча людей этимъ способомъ составляетъ такое же обыкновенное явленіе, какимъ оно было у насъ нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ. Дѣломъ этимъ орудуютъ особыя знахарки, и очень рѣдко знахари, которые впрочемъ окружаютъ свое искусство величайшею тайною, потому что въ глазахъ горцевъ, оно имѣетъ то же самое значеніе, какимъ пользовалась у насъ профессія вѣдьмъ и оборотней; а по мнѣнію прежнихъ дагестанскихъ властей, основанному на указаніяхъ книгъ, люди, занимающіеся этою профессіею, неотмѣнно подлежатъ смертной казни, потому что знанія ихъ приобрѣтаются не иначе, какъ при содѣяствїи нечистой силы, сношенія съ которою, какъ извѣстно, разрываютъ всякую связь съ религіею. Въ этомъ же послѣднемъ случаѣ, смертной казни подвергается не только совершенный отступникъ, но и всякій мусульманинъ, уклоняющійся отъ выполненія хотя одного изъ пяти непремѣнныхъ требованій религіи, извѣстныхъ подъ именемъ фѣрыза.

Дѣйствіе колдовства въ Дагестанѣ распространяется на однихъ лишь женщинъ, которыя, по несовершенству своей натуры, вполне доступны всякому дьявольскому навожденію.

Причиною порчи обыкновенно бываетъ любовь и неизмѣнная ея спутница — ревность. Молодой человекъ, обманутый въ своихъ надеждахъ, и рѣшившійся лучше погубить любимую дѣвушку, нежели видѣть ее женою другото, — немолодая женщина, не желающая дѣлить ложе своего мужа съ какою-нибудь особою, которая, вслѣдствіе пристрастія мусульманъ къ многожонству, готовится ей въ соперницы, — наконецъ, молоденькая

дѣвушка; впадающая въ отчаяніе при мысли—что ея любовникъ, вмѣсто взаимности, платитъ ей невниманіемъ и располагаетъ жениться на другой, — всѣ эти типы, которыхъ въ Дагестанѣ можно встрѣтить почти на каждомъ шагѣ, всѣ они только у знакомыхъ знахарокъ находятъ средства къ утоленію свѣдающаго ихъ чувства. Здѣсь-то, на этомъ самомъ чувствѣ, проявляется въ дагестанскихъ женщинахъ та мстительность, которую отличаютъ ихъ отцы, мужья и братья.

Средства, способствующія этимъ лицамъ къ достиженію ихъ цѣлей, — всѣ заключаются въ одномъ корнѣ, произрастающемъ преимущественно въ *Паратъ*, въ окрестностяхъ *Тлмуша*, *Голджа*, и въ особенности около *Тачады*, гдѣ проживаютъ самыя свѣдущіе колдуны, и гдѣ чаще всего попадаются испорченные женщины. Присутствіе волшебнаго корня въ почвѣ, обозначается красивою травкою желто-зеленаго цвѣта, очертаниемъ своимъ похожею на листья моркови. Большею частію она растетъ возлѣ каменьевъ; нѣтъ того туземца, который бы не зналъ ея, и не могъ бы выкопать корня собственными руками. Но дѣло въ томъ, что безъ пособія заклинанія, которыя извѣстны только людямъ занимающимся чернокнижіемъ, — обладаніе корнемъ не принесетъ никакой пользы. Корень этотъ зовется *хѣпунлѣхѣръ*, что значитъ «собачій-лай-трава.» Наружнымъ своимъ видомъ онъ чрезвычайно похожъ на медвѣжью лапу.

Добываніе его обыкновенно производится ночью. Колдунья ложится ничкомъ на землю, стараясь захватить подъ себя листья волшебнаго корня. Потомъ, она произноситъ заклинанія, и требуетъ, чтобы сила хѣпунлѣхѣра дѣйствовала на такую-то женщину шароксизмами, извѣстное время, въ извѣстные періоды: черезъ недѣлю, черезъ мѣсяць, одинъ разъ въ годъ, или какъ-нибудь иначе, по усмотрѣнію лица, сдѣлавшаго заказъ. При этомъ, колдунья кричитъ тѣмъ самымъ голосомъ, который на мѣтрены присвоить особѣ возбудившей мщеніе: такимъ образомъ; она или воетъ шакаломъ, или кричитъ эшѣкомъ, или лаетъ по-собачьи. Послѣдній голосъ болѣе употребителенъ нежели всѣ другіе, и отъ него-то заимствовала свое названіе и самый корень.

По окончаніи этой процедуры, колдунья вырываетъ хѣпунлѣхѣръ, несетъ его домой, и, высушивъ должнымъ образомъ, —

*. Звѣтъ—собачь.

растираетъ въ порошокъ, послѣ чего, остается только высунуть его въ пищу, или питье.

Дѣйствіе корня обнаруживается немедленно, и потомъ продолжается сообразно назначенныхъ при заклинаніи условій. Околдованная, или вѣриѣ, отравленная женщина начинаетъ выть, лаять, или кричать. Съ теченіемъ времени, пароксизмы усиливаются, и на послѣдокъ обращаются въ бѣшенство, во время котораго больная съ лаемъ бросается на людей, и кусаетъ ихъ. Такое состояніе вынуждаетъ родственниковъ испорченной сажать ее на-цѣпь, и запирать въ отдѣльныя помѣщенія.

Укушеніе бѣшеной не заразительно, подобно тому, какъ заразительно укушеніе животныхъ, одержимыхъ водобоязней; но, смотря по степени испуга и сопротивленія лица подвергшагося нападенію, — она можетъ закусать на-смерть.

Болезнь эта неизлечима; по крайней мѣрѣ, никто изъ живущихъ въ Калугѣ горцевъ не знаетъ ни одного примѣра исцѣленія: всѣ такіе случаи окончивались смертью, болѣе или менѣе мучительною.

Способность кричать на разные голоса, горцы приписываютъ, также какъ и нашъ простой народъ, дѣйствию нечистой силы. Кликушъ своихъ они называютъ просто — «Ханушійль-рутшъ-би» — «лающая женщина».

По всей вѣроятности, корень Ханулибхѣрь и безъ пособія колдовства, имѣетъ какое-либо злое свойство, въ родѣ нашей бѣлены, дурмана, или мухомора. Во всякомъ случаѣ, подобное изслѣдованіе этого растенія могло бы принести для науки несомнѣнную пользу, а разоблаченіе колдовства и указаніе самаго дѣла въ настоящемъ его свѣтѣ, безъ всякаго сомнѣнія, освободило бы народъ отъ одной изъ язвъ суевѣрія.

Теперь обратимся къ знахарямъ другою рода — къ людямъ, предсказывающимъ будущее. Это дѣло для женщинъ не доступно: имъ занимаются одни мужчины, да и то немногіе. Преимущественно процвѣтаетъ оно въ Тадбурты (Чарбили), гдѣ есть люди, изумляющіе дагестанскій міръ вѣрностію своихъ предсказаній, и пользующіеся, поэтому, извѣстностію и почетомъ не только въ своемъ обществѣ, но и въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Дагестана. Есть знатоки и между чеченцами, но они далеко не такіе мастера, какъ тадбуртинцы. *

* Общество Тадбурты расположено между Ичкеріей, Анди, Техвуда-

По словамъ Шамиля, самъ онъ никогда не вѣрилъ этимъ предсказаніямъ; но мы имѣемъ положительныя свѣденія, что и онъ, и сынъ его Гази-Мухаммедъ неоднократно обращались къ тадбуртинскимъ знахарямъ съ вопросами о будущихъ успѣхахъ задуманныхъ ими экспедицій, а также о разныхъ дѣлахъ общественныхъ и семейныхъ. Предсказанія эти всегда были такъ вѣрны, что впоследствии имѣли даже непосредственное вліяніе на нѣкоторыя экспедиціи, отмѣнявшіяся въ самомъ началѣ, если отзвѣвъ тадоуртинскихъ оракуловъ оказывался не въ ихъ пользу. Последнее предсказаніе сдѣлано Шамилю въ 1859 году, при прохожденіи его чрезъ Тадбурты изъ Веденя въ Гумибъ. Сущность его была столь неблагоприятна и сулила такіе нелегкіе результаты, что предсказатель затруднился даже назвать ихъ по имени.

— Все это дѣйствительно такъ и случилось, замѣтилъ Гази-Мухаммедъ, рассказывая намъ о тадбуртинскихъ знахаряхъ: — мы могли ожидать всевозможныхъ несчастій: могли ожидать смерти во всѣхъ ея видахъ, но того, что съ нами случилось, никому и въ голову не приходило...

Всѣ аппараты предсказателя заключаются въ одной бараньей лопаткѣ отъ правой ноги животнаго: по ней онъ узнаетъ всю подноготную не только каждаго смертнаго, но и самой природы. Однако, въ первомъ случаѣ, лопатка можетъ служить вѣрнымъ зеркаломъ будущности человѣка, только при извѣстныхъ условіяхъ: во-первыхъ, нужно, чтобы баранъ, приносимый въ жертву любознательности, составлялъ бы собственность человѣка, желающаго узнать судьбу затѣяннаго имъ дѣла: иначе онъ ошибется, принявъ на свой счетъ то, что назначено настоящему хозяину барана. Поэтому, необходимо вызвать знахаря къ себѣ, или привезти своего барана къ нему, или же купленнаго для этой надобности барана прдержать на своемъ иждивеніи не менѣе недѣли: тогда онъ окончательно сдѣлается собственностью новаго хозяина и приметъ на свои кости отпечатокъ всей его личности и всей его будущности. Вторымъ условіемъ полагается, чтобы лопатка была совершенно цѣлая, не разрубленная, не треснувшая, и наконецъ, чтобы она была отдѣлена отъ мяса свѣжаго и сваренаго, а не отъ сыраго и просоленаго. Цвѣтъ шерсти животнаго не составляетъ въ этомъ случаѣ никакой особенности.

ломъ, Чамалаломъ, Укратлемъ и Вошьою Чечнею. Шамиль зоветъ Тадбуртинцовъ «горными чеченцами.»

Приступая къ своему дѣлу, знахарь ставитъ лопатку противъ свѣта, и, разсматривая обозначающіяся на поверхности ея различныя черточки, линіи и другіе гіероглифическіе знаки, соображаетъ значеніе ихъ съ своими знаніями, и затѣмъ начинаетъ читать какъ по книгѣ: въ какихъ условіяхъ пройдетъ наступающее время года; какой урожай дастъ земля; не слѣдуетъ ли ожидать особенной болѣзненности между людьми; хорошъ-ли будетъ приплодъ между домашнимъ скотомъ; настанетъ-ли наконецъ вожделенный миръ, или же война приметъ еще большіе размѣры?

Для частныхъ людей и ихъ домашнихъ обстоятельствъ въ бараньей лопаткѣ имѣется особое отдѣленіе и особые знаки. Всмотрѣвшись въ нихъ, предсказатель навѣрняка говоритъ—чего долженъ ожидать хозяинъ или хозяйка барана, которому лопатка принадлежала: будетъ-ли онъ счастливъ въ войнѣ, въ любви и другіяхъ начинаніяхъ? Сыномъ или дочерью обрадуетъ замужняя женщина своего мужа? Выдетъ-ли дѣвушка за-мужъ за приглашеннаго ей молодца? Наконецъ, можно-ли вѣсѣмъ имъ разсчитывать на всякаго рода прибыль, удовольствіе и благополучіе; или же должны они принять мѣры противъ тѣхъ напастей, которыя ихъ ожидаютъ и которыя такъ вѣрно прописаны на лопаткѣ бѣднаго барана?

Эта слѣпая вѣра въ предсказанія составляетъ рѣзкую аномалію съ господствующимъ началомъ ислама—фатализмомъ; желаніе же узнать будущее и приготовиться къ тому, что насъ ожидаетъ, въ свою очередь, противорѣчитъ обычной лени и праздности, порождаемой въ мусульманахъ особенностями ихъ религіи и востанія, ихъ невѣжествомъ и самымъ климатомъ мѣстностей, которыя они населяютъ. Все это, кажется, не столько обнаруживаетъ въ горахъ склонность къ суевѣрію, сколько, напротивъ, свидѣтельствуетъ о жадѣ ихъ къ познаніямъ и о стремленіи къ дѣятельности; а эти динныя, въ свою очередь, весьма способны служить задаткомъ быстрыхъ успѣховъ христіанства и цивилизаціи на Кавказѣ. Въ этомъ удостовѣрнетъ насъ необыкновенная понятливость и чрезвычайное развитіе умственныхъ способностей, общее воимъ мовымъ намиимъ соотечественникамъ.

Но прежде нужно пожелать имъ, а если можно, то и пособить отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ понятій, привитыхъ религіею и дѣйствующихъ на ихъ умы особенно-глетворнымъ образомъ.

Къ числу такихъ понятій слѣдуетъ отнести ученіе о средствахъ къ сближенію съ божествомъ. Объясняя правовѣрный логичнѣйшій путь къ спасенію, мусульманская религія вѣдета въ такіа положенія, ложь и неестественность которыхъ немедленно обнаруживаются для всякаго мало-мальски трезваго взгляда. Но въ томъ-то и дѣло, что горцы, не пившіе вина вслѣдствіе строгихъ запрещеній Шамиля, постоянно упивались смысломъ ученія своей религіи.

Непосредственнымъ результатомъ этого было изолированное состояніе духа въ людяхъ, предавшихся всемъ существомъ своимъ молитвѣ и распознаванію истинъ своей теологіи. Такое состояніе, конечно, есть ничто иное, какъ болѣзненное настроеніе ума, встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ религіяхъ. Но у горцевъ, окруженныхъ исключительною природою, поставленныхъ въ исключительныя условія относительно вседневнаго бытія, наконецъ разорвавшихъ всякую связь съ остальнымъ міромъ, тѣмъ менѣе можетъ быть общаго съ нимъ въ отношеніи предметовъ отвлеченныхъ. Поэтому, не мудрено, если въ предлагаемомъ описаніи релігіозныхъ особенностей встрѣтятся противорѣчія въ подробностяхъ, присущихъ всему мусульманскому міру.

Принимая на себя обязанность—изложить особо сообщенныя мнѣ Шамилемъ свѣденія объ этомъ предметѣ во всей подробности, съ объясненіемъ политическаго его значенія, мы скажемъ теперь лишь нѣсколько словъ, способныхъ дать о немъ предварительное понятіе, какъ о явленіи, относящемся къ области психіатріи.

Болѣзненное настроеніе, порождаемое исламомъ, извѣстно дагестанскимъ горцамъ въ трехъ видахъ, которые, отличаясь одинъ отъ другого наружнымъ проявленіемъ и присвоеннымъ каждому наименованіемъ, находятся между собою въ самой близкой родственной связи. Такимъ образомъ, первоначальный видъ этой болѣзни называется *Гышыкулла* или *Джызбэ*, что въ буквальномъ переводѣ значитъ «трясеніе», «сотрясеніе». Человѣкъ, одержимый этимъ припадкомъ, способенъ къ воспріятію самыхъ восторженныхъ истинъ религіи, заключающихся въ ученіи, извѣстномъ подъ именемъ *тарыката*. Это будущій *муридъ*—искатель «правильной дороги».

Достигая своего развитія, *Гышыкулла* обращается, при благоприятныхъ условіяхъ, въ *Зульматъ*—«потемненіе», «темнота»;

которая, въ свою очередь, можетъ обратиться въ *Карааматъ*— «чудеса», или, вѣрнѣе, «ясновидѣніе», «прозорливость».

Последнее состояніе рекомендуетъ человѣка, вступившаго въ область «хякиката», то есть человѣка, достигшаго духовнаго совершенства. Такими бывають обыкновенно «муршиды»—проповѣдники тарыката.

Второю изъ названныхъ болѣзней,—зульматомъ, одержимъ между многими набожными мусульманами и Шамиль. Это, какъ извѣстно, послужило основаніемъ составившемуся у насъ мнѣнію объ его шарлатанствѣ, къ которому онъ будто бы въ измѣстныхъ случаяхъ прибѣгалъ, чтобы производить на легковѣрные умы горцевъ нужное впечатлѣніе и тѣмъ успѣшнѣе достигать задуманныхъ имъ цѣлей. Однако, несправедливость этого вѣнія, въ настоящее время, обнаружена фактически.

Подробности, сопровождающія болѣзнь эту собственно въ Шамиль, частію были уже изложены много въ статьѣ, подъ названіемъ: «Шамиль въ Калугѣ», напечатанной въ «Военномъ Сборникѣ». Послѣ того, мнѣ случилось приобрести еще нѣсколько другихъ дополнительныхъ свѣдѣній, и изъ всего этого получаются слѣдующіе результаты.

Когда кто-нибудь изъ знакомыхъ или незнакомыхъ Шамилю людей имѣетъ къ нему важную или экстренную и притомъ непріятную надобность, побуждающую его искать съ нимъ свиданія, и онъ ужь отправляется для этого изъ своего дома, то, хотя бы онъ былъ за десятки верстъ, Шамиль это чувствуетъ: сердце начинаетъ въ немъ биться сильнѣе, его одолеваетъ тоска, и онъ подвергается головокруженію. Все это усиливается въ высшей степени въ то время, когда посѣтитель входитъ къ нему въ домъ: тогда онъ окончательно впадаетъ въ обморокъ. Въ этомъ последнемъ состояніи онъ находится въ полной безчувственности, такъ что ничего не слышитъ, что вокругъ него говорятъ и что дѣлаютъ съ нимъ самимъ. Физическихъ страданій онъ въ это время тоже никакихъ не чувствуетъ, а только, по окончаніи обморока, имъ овладѣваетъ слабость, продолжающаяся иногда нѣсколько дней.

Къ леченію этой болѣзни не принимается никакихъ средствъ, даже во время пароксизмовъ не подается никакихъ экстренныхъ пособій, а проходятъ они сами собою чрезъ четверть и много чрезъ пол-часа: больного укладываютъ только въ болѣе покой-

ное положеніе. Самые пароксизмы не сопровождаются ни судорогами, ни пѣною, какъ это бываетъ въ эпилепсіи.

Послѣдняя религіозная болѣзнь: «Гылькулла» — по произношенію горцевъ, и Хышьѣтула *, «по правописанію, — въ буквальный переводъ значить «любовь къ Богу». Она можетъ составлять принадлежность каждаго, кто только «любитъ» Бога; и чѣмъ сильнѣе эта любовь, тѣмъ глубже пускаетъ свои корни болѣзнь; или другими словами: чѣмъ чаще устремляетъ человѣкъ свои мысли къ Богу, чѣмъ чаще предается онъ молитвѣ и чтенію духовныхъ книгъ, — тѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе бываютъ пароксизмы.

Наступленіе ихъ обыкновенно случается въ то время, когда молящійся, окончивъ чтеніе книгъ, начинаетъ призывать имя Божіе (ля иль-алла-га иль-алла-гу), что продолжается по нѣсколькимъ часамъ безъ отдыха. Возвышая постепенно голосъ, и устремляя свои мысли въ мѣста горнія, — больной отрѣшается на послѣдокъ отъ всего земнаго, или по словамъ Шамиля, «зачитывается», и съ дикимъ воплемъ «аллахъ!» — падаетъ въ обморокъ. Это послѣднее состояніе называется *Джэзбэ*. Бывали примѣры, когда обморокъ оканчивался даже смертью.

Люди одержимы болѣзнію Гылькулла не имѣютъ той способности, которою одарены «зульматики»; въ замѣнъ того, нѣкоторые изъ нихъ, какъ они увѣряютъ болѣе любимые Богомъ, видятъ въ продолженіе своего обморока — рай, адъ и всѣ подробности загробнаго міра, а также пророковъ и ангеловъ, посланныхъ Верховнымъ существомъ для бесѣды съ ними, и даже самого Бога. Этою самою болѣзнію въ высшей степени былъ одержимъ пророкъ Мухаммедъ, написавшій, или вѣрнѣе — продиктовавшій весь коранъ именно подъ вліяніемъ видѣній, сопровождавшихъ пароксизмы его болѣзни. Что касается Дагестана, то въ немъ, по

* Всѣ эти названія, дѣлающія предметы, которые имно обозначаются, понятными для людей знакомыхъ съ восточною литературою, открыты догадкою извѣстнаго профессора г. Казембека, — и будучи проверены съ основаніями, которыя служатъ Шамилю для наименованія того или другаго предмета, — оказались вполне тождественными. Только глубокая ученость почтеннаго профессора могла опредѣлить настоящій смыслъ и значеніе множества арабскихъ словъ, искаженныхъ горцами до невозможности. Безъ сомнѣнія это происходитъ въ слѣдствіе замкнутости ихъ жизни и неимѣнія какихъ-либо свѣденій о томъ, что дѣлается въ остальномъ мірѣ, а тѣмъ менѣе въ мірѣ ученомъ.

словамъ Шамиля, спокойнѣе вѣка былъ одинъ только благочестивый человекъ, который неоднократно удостоивался лицезрѣть всѣ эти чудеса; имя его—Ширвани-Хаджи Абдулла. Шамиля, которому онъ передавалъ все видѣнное въ подробности, сначала серьезно ему совѣтовалъ, а потомъ положительно запретилъ рассказывать объ этомъ кому нибудь изъ живыхъ людей, выставляя на-видъ то обстоятельство, что если Богу угодно дѣлать подобныя откровенія однимъ избраннымъ, то ясно, что онъ не хочетъ сдѣлать этого въ отношеніи другихъ людей; а потому и слѣдуетъ сохранять все это въ строгой тайнѣ; иначе Богъ непременно истребитъ ослушника. Но Хаджи-Абдулла, не слушая добраго совѣта, продолжалъ рассказывать народу о своихъ дохожденіяхъ въ загробномъ мірѣ,—и предсказанія Шамиля скоро оправдались. Однажды, когда онъ упражнялся въ чтеніи книгъ а потомъ, войдя въ экстазъ, началъ призывать имя Божіе,—нѣсколько молодыхъ людей, не совсѣмъ довѣрившихъ его рассказъ, заперли снаружи дверь его комнаты, заколотили окна и преградивъ ему, такимъ образомъ, возможность выйти отсюда,—остановились неподалеку дожидаться, что изъ того выйдетъ. Они дожидались очень долго, потому что Хаджи-Абдулла не зная той проказы, спокойно продолжалъ свое дѣло, и ужь по окончаніи обморока не извѣстно какимъ способомъ появился внѣ дома, къ особенному изумленію и даже ужасу людей, которые заперли его.

— Вы думаете, что можете сдѣлать что-нибудь противъ Бога?—говорилъ онъ имъ:—вы ошибаетесь: вотъ вы меня заперли, воображая что безъ вашей помощи я не выйду; а между тѣмъ, Богъ послалъ ангела отворить мнѣ окно,—и вотъ теперь я между вами... Вѣрите-ли послѣ того, что я нахожусь подъ особеннымъ покровительствомъ пророка?

Окно дѣйствительно было отворено, и потому не увѣрывать было нельзя, тѣмъ болѣе, что горцы могутъ казаться атеистами до перваго только чуда, или вѣрнѣе—до перваго явленія, котораго не можетъ объяснить зараженный суевѣріемъ умъ ихъ. Однако, Хаджи-Абдулла ужь слишкомъ увлекся своимъ торжествомъ: желая подѣйствовать на обращенныхъ скептиковъ еще сильнѣе, онъ рассказалъ имъ все, чему такъ недавно былъ свидѣтелемъ, и чрезъ день тослѣ того, предавшись по обыкновенію душеспасительному своему занятію,—онъ вдругъ очутился вмѣсто обморока въ объятіяхъ смерти.

Всѣ эти подробности сами собою опредѣляютъ настоящее значеніе болѣзненнаго состоянія духовидцевъ: это душевныя болѣзни, которыя проявленіемъ своимъ на людяхъ, извѣстныхъ набожностію, легко опутываютъ быстрый, но расположенный къ мистицизму умъ горца.

Не подлежитъ сомнѣнію, что зараждающіяся изъ такого источника понятія должны служить неодолимымъ препятствіемъ въ дѣлѣ распространенія цивилизаціи даже между молодымъ поколѣніемъ, на которое въ этомъ случаѣ только и можно рассчитывать. Бросимъ, поэтому, бѣглый взглядъ на эти самыя понятія, что, быть можетъ, дастъ намъ возможность судить о мѣрахъ, какія необходимы для устраненія неблагоприятныхъ условій въ будущемъ.

Горцы убѣждены, напримѣръ, что всѣ христіане—идолопоклонники, и что «христіанскій Богъ» имѣетъ одно только око. Самъ Шамиль не безъ труда разстался съ этими убѣжденіями. Первое изъ нихъ было основано на поклоненіи иконамъ, а последнее внушено изображеніемъ Всевидящаго ока, которое онъ замѣтилъ однажды въ церкви.

Но еще рельефнѣе обнаруживается дикость понятій горцевъ въ дѣлѣ землѣвѣденія. Вотъ описаніе атласа Стараго Свѣта, очень тщательно сохраняемаго Шамилемъ, который вполне убѣжденъ, что земля наша въ иныхъ условіяхъ не можетъ находиться. Нѣтъ надобности доказывать, что убѣжденіе это раздѣляется всѣми и въ особенности «учеными» горцами.

На этой картѣ обозначены только самыя замѣчательныя города; и хотя извѣстно, что есть на землѣ много другихъ городовъ, но всѣ они далеко не то, что эти.

Моря, рѣки, острова, горы, на картѣ не обозначены совсѣмъ: это произошло не оттого, чтобы горцы не знали объ ихъ существованіи: напротивъ, они знаютъ, что есть на свѣтѣ моря *бл-лое, черное, красное, желтое и зеленое* (Каспійское); но въ первыхъ, они не знаютъ, гдѣ именно эти моря находятся, а во вторыхъ, считаютъ ихъ такимъ ничтожествомъ въ сравненіи съ материкомъ, что даже не находятъ нужнымъ упоминать о нихъ. Горцы вполне увѣрены, что всѣ моря тоже самое по величинѣ, что и ихъ озера; поэтому, каждое дагестанское озеро, часто похожее на большой прудъ, именуется туземцами пышнымъ названіемъ «дизгизъ»—море.

Горцы (все-таки преимущественно «ученые») знаютъ также

и о существованіи Новаго Свѣта (*Янни Дуніа*); но онъ не обозначенъ у нихъ на картѣ, тоже по незнанію мѣста его нахождения. Свѣденія же, предполагаемая мусульманскою географіею, весьма немногосложны: онѣ заявляютъ только о томъ, что въ Америкѣ никакихъ человѣческихъ поселеній не имѣется, а что вмѣсто того, весь материкъ наполненъ лѣсами, гдѣ въ великомъ множествѣ проживаютъ обезьяны, которыя и представляютъ собою настоящихъ коренныхъ обитателей этой части свѣта. Убѣжденіе это Шамиль обнаружилъ въ первый пріѣздъ свой въ Петербургъ въ 1859 году. Случай свелъ его съ посланникомъ сѣверо-американскихъ штатовъ: когда ему сказали, что это представитель народовъ обитающихъ въ Новомъ Свѣтѣ,—онъ долго и съ напряженнымъ любопытствомъ вглядывался въ него, а потомъ уже по окончаніи бесѣды, попросилъ свести его съ нимъ опять; когда желаніе это было исполнено, Шамиль устремилъ особенное вниманіе на фалды его фрака, предполагая, что онѣ прикрываютъ данный ему природою хвостъ. Въ послѣдствіи, онъ конечно, разстался съ этимъ убѣжденіемъ.

Вообще относительно землевѣденія, горцы также какъ и прочіе нецивилизованные мусульмане придерживаются системы Птолемея, съ добавленіемъ голословнаго, но тѣмъ не менѣе совершенно популярнаго мнѣнія, что основаніемъ земли служитъ очень большая рыба. Посѣщеніе въ минувшемъ году Пулковской обсерваторіи ни мало не измѣнило взгляда Шамиля на систему Коперника, и, не смотря на всѣ послѣдующія усилія старшаго учителя калужской гимназіи, — онъ по-прежнему питаетъ твердое убѣжденіе, что земля есть плоскость, а не шаръ, и что не она обращается вокругъ солнца, а солнце вокругъ нея. Данная же ему астрономомъ, г. Струве, для прочтенія «Система Птолемея», напечатанная на латинскомъ и арабскомъ языкахъ, — окончательно утвердила его въ непогрѣшимости дагестанскихъ воззрѣній на природу, и онъ еще съ большею увѣренностію цитируетъ нѣкоторыя мѣста корана, гдѣ сказано—что на небѣ были только два лица — Іисусъ Христосъ и пророкъ Мухаммедъ, изъ которыхъ послѣдній описалъ (въ коранѣ же) всѣ подробности тамоннихъ порядковъ; и что, поэтому, каждый кто только станетъ утверждать—будто ему извѣстно то, что дѣлается на небѣ (а небомъ признается видимое и невидимое пространство надъ землею, раздѣляемое пророкомъ, на семь частей, т. е. на

семь небесъ),—то это будетъ человекъ лишившійся ума, или не имѣвшій его отъ рожденія.

Выше было замѣчено, что эти воззрѣнія на Божій міръ раздѣляются всѣми «учеными» мусульманами. На Кавказѣ, и въ особенности въ Дагестанѣ, имя этимъ ученымъ — легионъ. А что касается обыкновенныхъ смертныхъ, не ученыхъ, то цѣлыя массы ихъ слѣпо вѣруютъ всякой нелицности, какую только услышать отъ своего ученаго. Это аксіома, которая ежедневно подтверждается и ходомъ политическихъ событій и ходомъ правосудія въ мусульманскихъ территоріяхъ, не только нелицественныхъ, но и въ такъ называемыхъ цивилизованныхъ. Въ этомъ удостовѣрять самые отзывы нашихъ мирныхъ горцевъ, которые еще въ недавнее время, слушая рассказы своихъ соотечественниковъ побывавшихъ въ Москвѣ и Петербургѣ, обыкновенно говорили: «хорошій ты братъ сказочникъ: развѣ могутъ быть на свѣтѣ такіе города? Вотъ еслибъ ты сказалъ что Петербургъ немножко лучше Кизляра, а Москва немножко лучше Моздока, тогда еще можно было бы тебѣ повѣрить....»

Кажется, безошибочно можно сказать, что именно въ понятіяхъ, подобныхъ приведеннымъ на этихъ страницахъ, таится та энергія, которая поддерживала въ горахъ рѣшимость вести съ нами продолжительную и столь неровную борьбу: наши съ ними сношенія достаточно показали какъ сильно дѣйствуетъ на нихъ внѣшность и вообще наружная обстановка; и въ этомъ отношеніи нельзя отчасти не согласиться съ Шамилемъ, который утверждаетъ, что ни онъ и ни горцы ни за что не рѣшились бы продолжать военныя дѣйствія, еслибъ имѣли хотя малѣйшее понятіе о могуществѣ Россіи, которое за время пребыванія его здѣсь, неоднократно представлялось ему въ самыхъ разнообразныхъ формахъ.

Послѣ этого, соображая необходимость предстоящаго водворенія въ кавказскихъ горахъ цивилизаціи и христіанства съ тѣми препятствіями, которыя неизбѣжно должны онѣ встрѣтить,—неволью возникаетъ вопросъ: откуда слѣдуетъ ожидать препятствій болѣе серьезныхъ, болѣе затруднительныхъ къ преодолѣнію—со стороны ли религіознаго фанатизма и воинственнаго характера населенія, или онѣ заключаются въ его дикихъ понятіяхъ обо всемъ, что не входитъ въ тѣсный кругъ его быта, въ понятіяхъ—поддерживаемыхъ и укрѣпляемыхъ нелицпою му-

дростію мусульманскихъ ученыхъ и мудреною незнастію мусульманскихъ книгъ?

По тщательномъ разсмотрѣніи обѣихъ сторонъ вопроса, преимушество останется, повидимому, за послѣднею, потому что пристрастіе горцевъ къ исламу, за самыми рѣдкими исключеніями, слишкомъ не велико и ужь совсѣмъ не искренно, что доказывается отвращеніемъ ихъ отъ преисполненныхъ аскетизма правилъ шарріата, къ выполненію которыхъ они, по живости своего характера и по необыкновенному развитію умственныхъ способностей, способны несравненно менѣе, чѣмъ тупоумные бухарцы, хивинцы и другіе мусульмане—обитатели безводныхъ степей и подобной имъ несимпатичной природы. Возраженіе же, которое въ этомъ случаѣ представляетъ собою недавно оконченная война, какъ доказавшая фанатизмъ и именно пристрастіе къ исламу, — опровергается между прочимъ увлеченіемъ, къ которому горцы дѣйствительно способны, но которое по существу своему слишкомъ непрочное, а при условіяхъ способныхъ сколько-нибудь стѣснить всеневный бытъ и въ особенности богатую натуру горца, оно исчезаетъ даже скорѣе нежели зарождается.

Всѣ эти условія, въ соединеніи съ извѣстною любознательностію горцевъ, ручаются въ томъ, что новые наши соотечественники способны къ воспріятію христіанства въ противоположность другимъ инородцамъ, на основаніяхъ вполне разумныхъ, хотя тоже, быть можетъ, не вполне безкорыстныхъ. Но разница здѣсь та, что горцы будутъ видѣть свой интересъ не въ матеріальныхъ выгодахъ, побуждающихъ креститься (иногда по нѣсколькѣ даже разъ) еврея, камчадала, чукчу и другихъ инородцевъ, — а въ просторѣ для умственной дѣятельности, въ свободѣ всеневнаго быта и въ удобствахъ жизни, которыя допускаются христіанствомъ, и къ которымъ горцы выказываютъ сильное стремленіе, еще болѣе разившееся подъ вліяніемъ запретительной системы Шамила.

Между тѣмъ, эта же самая любознательность, не имѣя для себя другой пищи кромѣ изустныхъ преданій о суровой, преисполненной крови и ужасовъ прошедшей жизни страны, или письменныхъ сказаній наполненныхъ фантастическими образами и всѣмъ что только несомнѣнно съ дѣйствительностію, конечно, скорѣе всего способна отдалять горца отъ всего, что дѣлаетъ жизнь пріятною, что способствуетъ къ смягченію нравовъ. Еще менѣе могутъ содѣйствовать этому понятія о европейскомъ порядкѣ вещей,

приобрѣтаемая въ горахъ отъ туземцевъ, которые прослужили нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ и Варшавѣ: долговременный опытъ показалъ—что знакомство этихъ людей съ цивилизаціею, за самыми рѣдкими исключеніями, ограничивается театрами, трактирами и другими подобными же общественными заведеніями. Поэтому, заносимые ими въ горы слѣды цивилизаціи, обыкновенно проявляются или въ видѣ разсказовъ всегда преувеличенныхъ, которые не просвѣтляютъ понятій горцевъ, а вызываютъ только наивныя замѣчанія подобныя вышеприведенному; или же въ видѣ сифилиса поражающаго всю семью цивилизатора, а не рѣдко принимающаго даже форму эпидеміи, которая поражаетъ уже цѣлыя населенія деревень. что неоднократно случилось въ Осетіи.

Все это конечно способно скорѣе внушить горцу омерзене къ цивилизаціи, нежели сблизить его съ нею. Тѣмъ менѣе можетъ ожидать для себя успѣховъ христіанская пропаганда, если только дѣйствія ея будутъ подчинены обыкновенному общепринятому у насъ порядку: тогда едва-ли будутъ достаточнымъ ручательствомъ для ея успѣховъ, всѣ благородныя усилія правительства и все безкорыстнѣйшее содѣйствіе духовенства, хотя бы самаго просвѣщеннаго. Даже склонность горцевъ къ разнообразію въ жизни, столь рѣзко обнаруживаемая членами семейства самого Шамиля, даже и она едва-ли будетъ способствовать къ измененію ихъ религіознаго взгляда; потому что въ дѣлѣ религіи горецъ совершенная улитка: чуть замѣтитъ опасность—тотчасъ прячется въ свою раковину, и тогда его можно раздавить, но никакъ не вызвать изъ убѣжища наружу. * Последнее убѣжденіе наше объ этомъ составилось на основаніи многочисленныхъ примѣровъ, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ Шамиль. Какъ истый горецъ, онъ любознателенъ до ребячества; но какъ сектаторъ, очень умный, онъ воздерживаетъ проявленіе своей любознательности, хотя и очень любить, чтобы ее вызвали другіе. Тогда вступая въ богословскія пренія съ каждымъ, кто имѣетъ охоту и возможность состязаться съ нимъ,—онъ споритъ до тѣхъ поръ, пока логическіе, основанные на здоровомъ смыслѣ доводы его оппонента, не начнутъ обнаруживать софизмовъ, лежащихъ въ основаніи его собственныхъ доводовъ и общую несостоятель-

* Конечно, горецъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ улиткою только въ то время, когда чувствуетъ себя не достаточно сильнымъ для того, чтобы быть львомъ.

ность высказанных имъ убѣжденій. Въ это время замѣчая что поле сраженія никакъ не можетъ остаться за нимъ, Шамиль немедленно прекращаетъ диспутъ, говоря, что религія дѣло тонкое и что заведя рѣчь объ ней, легко можно впасть въ соблазнъ и приблизиться къ грѣху.

Точно того же слѣдуетъ ожидать и отъ горцевъ, если сношенія съ ними по этому предмету откроются обыкновеннымъ способомъ, то есть, если они будутъ поставлены лицомъ къ лицу съ духовенствомъ прямо, безъ предварительнаго подготовленія: самое большее, чего можно ожидать при этомъ условіи для нашей пропаганды, это—тѣхъ успѣховъ, которые мы видѣли нѣсколько лѣтъ тому назадъ (теперь можетъ быть они имѣютъ иной видъ) въ Осетіи, гдѣ новые хрістіане облекали исполненіе предписываемыхъ религіею обрядовъ въ такую форму, которая не оставляла ни малѣйшаго сомнѣнія, что все это дѣлается ими не по личному убѣжденію, а по распоряженію мѣстнаго начальства.

Не такихъ успѣховъ жаждетъ для своихъ предначертаній правительство, и не такой формы хрістіанства ищетъ церковь, посылающая своихъ служителей проповѣдывать слово Божіе.

Не подлежитъ сомнѣнію, что помимо хрістіанства, цивилизація не можетъ имѣть ни того значенія, ни тѣхъ результатовъ, какихъ по справедливости слѣдуетъ ожидать отъ нея. Живымъ подтвержденіемъ этого служить Турція, такъ давно ознакомившаяся съ цивилизаціею, и такъ упорно коснѣющая въ невѣжествѣ и въ животныхъ стремленіяхъ, ничѣмъ не отличающихъ самаго образованнаго турка отъ самаго послѣдняго дикаря-готтента. Поэтому, не подлежитъ также сомнѣнію и необходимость распространенія въ кавказскихъ горахъ хрістіанства одновременно съ цивилизаціею. Но принимая въ соображеніе, что въ настоящее время водвореніе хрістіанства въ недавно покоренномъ краѣ встрѣтитъ несравненно больше затрудненій, чѣмъ въ странѣ подобной Осетіи, гдѣ населеніе было почти безоружно, и къ тому же съ давняго времени питаетъ апатію одинаковую ко всякой религіи, нельзя не согласиться, что для примиренія двухъ выставленныхъ сей-часъ крайностей, необходимо принять особыя мѣры.

Въ этомъ отношеніи, необходимѣе всего, кажется, чтобы пропаганда наша, по крайней мѣрѣ въ началѣ своего поприща, отличалась бы совершеннымъ отсутствіемъ духовенства: его съ

успѣхомъ замѣнять нѣкоторые члены «Общества возстановленія на Кавказѣ христіанства,» имѣющіе призваніе къ миссіонерскимъ обязанностямъ, а въ послѣдствіи и самыя миссіонеры, которые тѣмъ временемъ будутъ приготовляться къ воспринятію этого званія. Но главное, что нужное прежде всего, это приготовленіе самихъ горцевъ къ воспринятію евангельскаго ученія.

При извѣстной сосредоточенности горцевъ въ дѣлѣ религіи, ничто, кажется, не можетъ способствовать этому болѣе успѣшно, какъ распространеніе различныхъ руководствъ къ познанію природы и всего что можетъ содѣйствовать къ очищенію понятій извращенныхъ мусульманскою литературою и долговременнымъ преобладаніемъ невѣжества. Въ этомъ случаѣ, конечно, не бесполезны будутъ начальныя основанія нѣкоторыхъ наукъ, описанія замѣчательныхъ событій и замѣчательнѣйшихъ лицъ изъ русской исторіи, басни Крылова, которыя, по крайней мѣрѣ, въ домѣ Шамиля пользуются большою популярностію, «Миръ Божій» г. Разина, нѣкоторыя сочиненія изъ нашей народной литературы, (между которыми особенно кажутся полезными сочиненія Данилевскаго и Осовскаго «Есть-ли гдѣ конецъ свѣта?») и другія, наконецъ въ послѣдствіи притчи и нѣкоторыя изъ евангельскихъ сказаній.

Все это переведенное на татарскій (адербейджанскій) и арабскій языки возможно популярнымъ образомъ, и распространенное въ горахъ, конечно на счетъ названнаго общества, безъ всякаго сомнѣнія не замедлитъ принести желаемые результаты: извѣстно, что всѣ горцы (преимущественно дагестанцы) грамотны, и при свойственной имъ любознательности не оставляютъ безъ вниманія самаго грязнаго клочка бумаги: если только онъ исписанъ знакомыми имъ письменами. При этомъ условіи, если вмѣсто мусульманскихъ нелѣпостей, въ руки горца станутъ попадаться книги способныя занять его воображеніе и хотя немного измѣнить его дикій взглядъ на вещи—то и этого уже будетъ достаточно: тогда, усвоивая себѣ постепенно новыя понятія, онъ уже не станетъ избѣгать разговора о религіи; а вступивъ въ разговоръ, не станетъ обнаруживать идиотизма или нетерпимости, которыя выказываетъ теперь. Точно также въ послѣдствіи, при встрѣчѣ съ миссіонеромъ, онъ не станетъ чуждаться и его, а напротивъ, будетъ даже видѣть въ немъ хорошаго собесѣдника, способнаго разрѣшить возникшіе при чтеніи книгъ вопросы и сомнѣнія.

Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, приготовленіе прозелитовъ совершится одновременно съ приготовленіемъ миссіонеровъ; и нѣтъ сомнѣнія, что встрѣча ихъ въ то время будетъ гораздо дружелюбнѣе нежели встрѣча теперь съ духовенствомъ, къ которому горцы не могутъ питать ни довѣрія, ни симпатіи, считая его, какъ говоритъ Шамиль, настоящимъ и единственнымъ виновникомъ извращенія «истинной вѣры», то есть, законовъ Моисея!

Не подлежитъ также сомнѣнію необходимость и слѣдующихъ условій: 1) Размѣры института миссіонеровъ, назначаемыхъ собственно для потребностей Кавказа, должны быть ограниченныя, не свыше тридцати воспитанниковъ: это дастъ возможность заняться ими пристальнѣе и приготовить рациональнѣе; при чемъ люди способные будутъ болѣе замѣтны между малоспособными и совсѣмъ неспособными. 2) Названіе института должно быть самое скромное. 3) Миссіонеры должны быть женатые, потому что въ противномъ случаѣ горцы, считающіе одиночество и развратъ синонимами, не будутъ питать къ нимъ надлежащаго довѣрія. 4) Костюмъ миссіонеровъ не долженъ имѣть ничего общаго съ обыкновенною одеждою нашего духовенства, и 5) Миссіонеры обязаны устремить свою дѣятельность первоначально на практическую сторону жизни, а никакъ не на духовную. Въ этихъ видахъ они должны всегда располагать даже небольшими матеріальными средствами, чтобы постоянно быть готовыми оказать всякаго рода пособіе людямъ дѣйствительно нуждающимся.

Исполненіе вышеизложенныхъ предположеній едва-ли можетъ встрѣтить особенно-большія препятствія: за это ручаются обширные размѣры нашего восточнаго факультета, который при содѣйствіи «Общества возстановленія на Кавказѣ Христіанства» имѣетъ полную возможность спеціально заняться дѣломъ просвѣщенія горцевъ, и даже со временемъ издавать приспособленную къ народнымъ понятіямъ литературно-политическую газету. Эта послѣдняя, въ совокупности съ необычайною любовью и заботливостію горцевъ, знакомя ихъ постепенно съ жизнью образованнаго міра, конечно, весьма значительно содѣйствовала бы общему ходу предстоящаго дѣла.

Однако, если распространеніе въ кавказскихъ горахъ христіанства пойдетъ путемъ только словесной пропаганды, то и результаты нашихъ усилій должны быть тѣ самыя, которые пред-

ставлялъ этотъ способъ во всѣ времена существованія прозелитства, то есть—краснорѣчіе и ревность нашихъ миссіонеровъ, или уподобятся гласу вопіющаго въ пустынь, или будутъ вознаграждены мученическимъ казнями. Но мученичество за вѣру неизбѣжное въ первыя времена христіанства, или въ странахъ слишкомъ удаленныхъ отъ средоточія христіанской цивилизаціи, какъ на примѣръ въ Китаѣ и Японіи, въ наше время, да еще въ самой Европѣ, совершенно не мыслимо, и ни въ какомъ случаѣ допущено быть не можетъ. Мнѣніе это тѣмъ болѣе кажется основательнымъ, что эпоха, въ которую мы живемъ, представляетъ гораздо болѣе средствъ для распространенія христіанства, нежели вѣка отдаленные, и что эти средства весьма способны къ достиженію цѣли путемъ кратчайшимъ и помимо тѣхъ опасностей, которыя, до сихъ поръ, были удѣломъ посланниковъ христовой церкви.

Выше мы замѣтили, что всѣ наши надежды въ дѣлѣ распространенія въ покоренномъ краѣ цивилизаціи должны быть возложены на молодое поколѣніе. Но чтобы выдвинуть его на этотъ путь, необходимо поставить между нимъ и старымъ поколѣніемъ самую прочную преграду, которая навсегда раздѣлила бы ихъ интересы. Каждый, кто только знакомъ съ характеромъ горцевъ и съ условіями ихъ быта, конечно согласится, что единственнымъ средствомъ для этого раздѣленія можетъ служить только кипучая дѣятельность ума и рукъ, къ которой горцы такъ способны и для которой природа ихъ страны обѣщаетъ такую блестящую будущность.

Христіанство оказалось плодотворнымъ для человѣчества, потому что дало цивилизацію, съ которою христіанскіе народы во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ выше народовъ не христіанскихъ. Покажите же горцу плоды современной цивилизаціи—и въ его умѣ тотчасъ возникнетъ и ежеминутно будетъ бороться слѣдующая дилемма: или пользуйся тѣмъ, что выгодно и удобно, и сознайся въ несостоятельности своего шаріата и своего адата, называющихъ все, что стоитъ внѣ ихъ указанія, порожденіемъ дьявольской силы; или же оставайся вѣренъ своему закону, и только вчуже смотри какъ хорошо живется тѣмъ, которые не слѣдуютъ ему.

За сомнѣніемъ въ состоятельности своего закона, неизбѣжно и сама собою представится уму горца другая идея, именно что «все сіе» пришло отъ народа христіанскаго. Тогда, и только

тогда, настанетъ время для словесной пропаганды; въ то время миссіонерамъ уже не трудно и не опасно будетъ провести связь между предложенною цивилизаціею и предлагаемымъ христіанствомъ.

Теперь слѣдуетъ сказать о томъ, что можно разумѣть подь словомъ «плоды современной цивилизаціи?» Намъ кажется все, начиная отъ самовара, предложеннаго еще поэтомъ Пушкинымъ, до локомотива и до гражданскихъ законовъ, основанныхъ на христіанскихъ началахъ.

Какая-нибудь большая фабрика съ паровою силою, какая-нибудь большая публичная работа въ родѣ проведенія желѣзной дороги, лучше всего помогли бы дѣлу, сосредоточивъ большую массу горцевъ и сразу показавъ имъ весьма многое, чему бы они уливлялись, и въ то же время доставивъ имъ большія выгоды и удобства именно изъ того, что законъ ихъ проклинаетъ.

Затѣмъ, положительно можно сказать, что на сколько трудно было бы бороться съ невѣжествомъ и религіознымъ фанатизмомъ кавказскихъ горцевъ посредствомъ словъ, на столько легче имѣть съ ними дѣло посредствомъ способа, о которомъ мы сей часъ говорили, и именно легче имѣть дѣло съ ними, нежели съ какимъ-нибудь другимъ народомъ, потому что народы подобныя китайцамъ и японцамъ имѣютъ хотя какую-нибудь свою цивилизацію; торцы же не имѣютъ никакой, а въ добавокъ не питаютъ достаточнаго уваженія и къ кореннымъ своимъ законамъ, что доказывается уклоненіемъ ихъ отъ шариата, —этого настоящаго свода гражданскихъ законовъ всѣхъ исповѣдниковъ ислама.

Наконецъ, если не мы, то миссіонеры какого-нибудь другого христіанскаго исповѣданія, пользуясь разрѣшеніемъ нашего правительства, примутся за распространеніе на Кавказѣ христіанства путемъ ознакомленія горцевъ съ цивилизаціею, и тогда слѣдуетъ ожидать такого результата: что миссіонеры эти, дѣйствуя въ интересахъ своей церкви, конечно, не упустятъ изъ вида и интересовъ своего правительства.

А. Руневскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Еще объ откупахъ.—Нѣмцы-монополисты въ Россіи къ ущербу русскихъ.—Нѣсколько словъ о военномъ сословіи.—Г. Аксаковъ о литературѣ.—Манифестъ о рекрутскомъ наборѣ.—Тысячелѣтіе Россіи и празднества по случаю его.—Движеніе реформы въ Польшѣ.

Отрадно слышать, что Россія, послѣ тысячелѣтней жизни, начинаетъ исподволь просыпаться. Каждое сословіе стало по немногу вникать въ свои права, и отраднѣе всего слышать, какъ угнетенные крестьяне озираются кругомъ съ замѣтнымъ пробужденіемъ сознанія своего человѣческаго достоинства. Каждое сословіе теперь ждет — не дождется новостей; чувствуется, что устарѣлыя формы русской жизни, и все, что навязано Россіи исторіей случайностей, а не выработано самостоятельно въ глубинѣ народнаго духа—все это расклеивается. Свѣтлые токи народной жизни просятся наружу,—тѣ струи, которые еще не успѣли испортиться отъ чуждыхъ примѣсей.

Впрочемъ, наши отрадныя вѣрованія и ожиданія далеко еще вперед; а теперь несутся еще изъ провинцій голоса, нерѣдко раздражающіе ухо и сердце.

Такъ живуца, такъ ядовита
Эдема старая змѣя

Но когда вспомнишь, что это — предсмертные симптомы издыхающей старины, такъ не сильно подымается досада со dna души. — Въ литературѣ слышатся чаще и чаще жалобы судебныхъ слѣдователей; къ массѣ мы прибавимъ еще одно изъ Самарской губ. Вотъ что намъ пишетъ судебный слѣдователь: «Я проклинаю и себя и то общество, которое такъ уродливо состряпано, и ту грустную роль, которую я выигрываю на всѣ лады. Ничего не можетъ быть грустнѣе, что еще долго наша судейская часть, какъ лишенное жизни произведеніе безчисленныхъ параграфовъ, будетъ сидѣть и на народѣ и на честныхъ слѣдователяхъ и высасывать изъ нихъ живые соки. Вы счастливы, что можете жить, слыша только о гадостяхъ, какія у насъ водятся. Я, кажется, скоро приду необходимо къ странному заключенію, что рано еще здѣсь быть честнымъ человѣкомъ и служить съ искреннимъ желаніемъ принести пользу обществу: здѣсь это — дикія вещи, которыя могутъ придти въ голову только незнакомому съ дѣйствительностію. Въ продолженіе моей только двухмѣсячной службы, я много приобрѣлъ опытности по части безобразныхъ угловатыхъ нашихъ рамокъ... Скоро-ли будетъ гласное судопроизводство? — Скажите, ради Бога! На меня возстало все здѣшнее чиновничество, почему я не беру взятокъ, положительно не вѣрить моей честности во что бы то ни стало, желаетъ приучить меня къ нимъ чуть не насильно. Жители моего глухаго участка загнаны и не развиты; когда они прослышали, что взятки не по моей части, оглушили меня со всѣхъ сторонъ безчисленными жалобами, и нѣтъ силъ и физической возможности сдѣлать по желанію и добросовѣстно. Я ѣзжу изъ деревни въ деревню, какъ угорь рыль; работа востойнно трудная и ответственная; татарскаго, мордовскаго и чувашскаго яыковъ я не знаю, а безъ нихъ здѣсь ничего не сдѣлаешь» и т. д. Это одно изъ безчисленныхъ доказательствъ, что заплата Новая на ветхомъ рубищѣ не придастъ ему ни красоты, ни прочности.

Выходя изъ этого положенія, мы болѣе имѣемъ вѣры въ радикальное преобразование откупной системы, хотя тоже вѣра наша покачивается изъ стороны въ сторону, когда мы припомнимъ безсовѣстныхъ усилія нынѣшнихъ богачей — оставить дѣло на

старомъ положеніи. Не о будущей дѣятельности на акцизномъ поприщѣ не станемъ говорить: она теперь началась, пождемъ и посмотримъ. Теперь насъ занимаетъ вопросъ: что станетъ съ старыми прислужниками откупа? Куда и на какую дѣятельность пригодны они? Не мудрено, что и люди проникнутые съ незапамятныхъ временъ духомъ откупной системы будутъ изыскивать способы и средства—новыми путями, удобными и гладкими, набивать свои карманы и, чего добраго, постараются подсолить съ досады новымъ чиновниками акцизнаго управленія. Въ изобрѣтательности у нихъ, конечно, не будетъ недостатка. Извѣстно, что истинно образованный человѣкъ, не могъ ужиться въ откупномъ омутѣ, если необходимость заставляла вести съ нимъ дѣла; да и самъ откупъ считалъ такихъ лицъ бесполезными для своихъ цѣлей. Мы опасаемся и теперь за нѣкоторыхъ будущихъ чиновниковъ новаго управленія, — не завело бы ихъ далеко приманка за открытіе злоупотребленія получить половину штрафа. Въ этомъ случаѣ нельзя не пожелать, чтобъ будущихъ чиновниковъ какъ можно больше было изъ лицъ образованныхъ. Вѣдь дѣльному человѣку, на акцизной должности, не занимающей духовною дѣятельностью, представляется широкое поле для изученія быта русскаго народа, съ которымъ онъ необходимо станетъ сталкиваться, открывается возможность узнать его нужды и стремленія, его торговля и промышленныя операціи, вникнуть въ положенія мѣстности, условій хозяйственныхъ и т. п. Въ этомъ случаѣ свѣдѣнія новыхъ чиновниковъ могутъ быть дороги для статистическихъ комитетовъ и важны для общества и для правительственныхъ распоряженій и учрежденій. Сталкиваясь съ народомъ лицомъ къ лицу, они при случаѣ могутъ проводить здравыя понятія, касающіяся его положенія и выгоды. Сначала, конечно, народъ встрѣтитъ ихъ недоверіемъ и подозрительностью: предубѣжденіе противъ покорнѣйшихъ рабовъ откупа перейдетъ на новыхъ чиновниковъ, и, можетъ быть, они не скоро смоютъ съ его памяти накопившіяся понятія о черныхъ явленіяхъ, связанныхъ съ покупкой и продажей водки. Но при всемъ томъ, человѣка имъ доброжелательнаго они скоро замѣтятъ и поймутъ его. Да, нужно бы побольше образованныхъ людей въ провинціи! только вотъ задача: откуда набрать этихъ образованныхъ и честныхъ дѣтелей? Мы знаемъ, что многіе теперешніе чиновники взяли дол-

жности только потому, что они требуют мало дѣла и даютъ много денегъ,—и вотъ они двинулись на поиски, не воображая, что дѣло попросить знанія побольше русской грамоты.

Мы очень рады, что аномаліи откупныя теряютъ свой кредитъ, сословныя предразсудки, значеніе иноземнаго вліянія, какъ искупительнаго начала, получили толчекъ и поколебались во мнѣніи общества и не считаются уже единственными спасительными средствами нашего любезнаго отечества. Вотъ хоть бы къ примѣру взять нѣмцевъ.

Давно удивлялись наши западники, отъ чего у простаго народа такая антипатія къ выходцамъ-иностранцамъ, которые хлопочутъ въ нашу же пользу, повидимому, желаютъ намъ всякаго благополучія и счастья. А дѣло-то просто объясняется, что выходцы желали намъ счастья только на словахъ, изъ личныхъ выгодъ, а на самомъ дѣлѣ имъ дѣла не было до чужаго горя, они его и не понимали и не могли понять, старались принести къ намъ свои рамки, въ которыхъ тѣсно было членамъ русскаго человѣка, который любитъ просторъ, да волю. Иностранцы у насъ были самыми усердными слугами, при введеніи учрежденій чуждыхъ, на заморскій манеръ, отъ которыхъ страдали нисшіе классы народа; иностранцамъ давались привилегіи, богъ знаетъ за что, предпочитали вездѣ русскимъ; а они, почувствовавъ въ себѣ силу и воображивъ, что они въ самомъ дѣлѣ настоящіе цивилизаторы Россіи, гнули все самолюбиво на свой ладъ, стѣсняли народную торговлю и промышленность и набивали карманы, вытѣзжая на чужой спинѣ. Хоть бы взять въ расчетъ наши дѣхи. «Да вотъ чего же лучше примѣра, говорить «Современное Слово» по этому поводу, въ Ригу забрались русскіе хлѣбопеки и вздумали ни съ того ни съ сего, печь хлѣбъ и продавать его преимущественно рабочимъ людямъ, прибывающимъ въ Ригу въ навигаціонное время. Ну понятное дѣло, что нѣмцы, имѣя у себя правильно организованный нѣмецкій цехъ булочниковъ, не могли терпѣть такого безпорядка и начали съ того, что давай запрещать русскимъ хлѣбопекамъ печь хлѣбъ, а кто не слушается—штрафъ, конфискацію издѣлій и пр. ну, однимъ словомъ все то, что мы по своему невѣжеству называемъ стѣсненіемъ, и въ чемъ они, какъ люди просвѣщенные, видятъ порядокъ и благоустройство. Но что всего ужаснѣе, это небла-

годарность русских хлѣбопеконъ, которыхъ нѣмцы хотѣли пріучить къ порядку; представьте себѣ, что они, кругомъ облагодѣтельствованные, вздумали, завести дѣло, которое вѣроятно въ присутственныхъ мѣстахъ называлось: дѣломъ о домогательствѣ русскихъ хлѣбопеконъ къ производству противузаконной и безпорядочной торговли хлѣбомъ, въ ущербъ жителямъ г. Риги... записаннымъ въ нѣмецкій цѣхъ булочниковъ. Теперь бѣдныя цѣховыя нѣмецкіе булочники разбижены окончательно, правительствующій сенатъ, согласно съ мнѣніемъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, рѣшилъ: допустить въ Ригѣ свободное производство хлѣбопеченія по русскому способу и предписать мѣландскому губернскому правленію, чтобы оно приняло съ своей стороны строгія мѣры къ устраненію стѣсненій русскимъ хлѣбопеконъ.»

Фактъ не единственный въ нашихъ городахъ; здѣсь сказала только такъ явно ограниченность и хотѣла защититься правомъ и продолжать препятствовать развитію русской промысловой дѣятельности, подъ сѣнію закона; а въ другихъ городахъ дѣлишки до дальняго не доходятъ, ограничиваются взятками и подарками со стороны честныхъ пѣщевъ и энергическими повеленіями и запрещеніями со стороны чиновниковъ.

О духовенствѣ да чиновничествѣ такъ много пишутъ, да и мы не отказываемся на будущее время.

Въ заключеніе скажемъ о сословіи литераторовъ словами Ивана Сергѣевича Аксакова (День № 37). Литература не стѣсняетъ свободы дѣйствія власти, говоритъ г. авторъ, т. е. въ большей части образованныхъ странъ, и власть не стѣсняетъ литературы, не стѣсняется и литературой т. е. печатными возгласами нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей... Литература не есть тамъ что - то замкнутое, *само для себя существующее* и не достигаемое для не посвященныхъ. Литература тамъ есть средство, а не цѣль, средство *доступное каждому образованному челоуку для выраженія своихъ мнѣній*, — и въ этомъ смыслѣ оно вовсе тамъ не корпорація, литераторы вовсе не цѣховыя и не составляютъ сословія... У насъ оно еще не давно звучало уху, какъ какой-то чинъ, и званіе литератора пользовалось долго особымъ почетомъ.

Вообще г. Аксаковъ желаетъ русскому слову въ постоянную минуту «ослабленія къ нему *вниманія и чести*, которыхъ оно и не заслуживаетъ.»

Затѣмъ обратимся къ новостямъ официальнымъ. Въ газетахъ напечатаны манифестъ и указъ сенату о рекрутскомъ наборѣ, который мы здѣсь и приводимъ.

Указъ правительствующему сенату,

Манифестомъ, сего числа изданнымъ, предназначивъ произвести рекрутскій наборъ съ обѣихъ полюсъ Имперіи, — повелѣніемъ:

1. Начать наборъ сей съ 15-го января будущаго 1863 года и окончить оный къ 15-му февраля того же года.

2. На обмундированіе рекрутъ принимать отъ отдатчиковъ деньги по цѣнамъ, во что обмундированіе сіе комиссаріатскому вѣдомству обходится; и чменно по двѣнадцати рублей девяносто съ четвертью копѣекъ серебромъ.

Распоряженія по военной части предоставили Мы военному министру, а успѣшное производство и окончаніе сего набора въ положенной срокъ на попеченіе Правительствующаго сенату.

(С. В.)

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ»

Въ Царскомъ-Селѣ, 1 Сентября 1862 года.¹

Важнѣйшимъ событіемъ послѣдняго времени было празднованіе тысячелѣтія Россіи. Масса петербургскихъ жителей отправилась въ Новгородъ: всѣ общественные пути и средства сообщенія были запружены публикою. Разумѣется не обошлось безъ непріятностей и комическихъ сценъ. — Мы воспользуемся двумя остроумными корреспонденціями Сѣверной пчелы о путешествіи въ Новгородъ и празнованіи тамъ тысячелѣтія. — Въ 4½ часа

утромъ, пишетъ корреспондентъ, пріѣхаль я по желѣзной доро-
гѣ на Волховскую станцію, и тотчасъ же пошелъ на пристань.
Я предполагалъ поспѣть въ Новгородъ къ перенесенію мощей, т.
е. часамъ къ десяти, такъ какъ пароходъ идетъ отъ станціи до
города часовъ пять, шесть. Но каково же было мое отчаяніе,
когда я узналъ, что мы выѣдемъ не раньше семи часовъ. А на-
роду между тѣмъ собралось видимо - невидимо: много было та-
кихъ, кототые еще съ 9-ти часовъ вечера дожидались. Кто по-
мѣстился въ харчевнѣ, названной почему-то кафе-рестораномъ,
кто сидѣлъ на пристани; народъ въ лежку растянулся по бере-
гу Волхова, и ни кто не могъ понять, почему насъ не везутъ.
Говорили тумана боятся, но въ это утро тумана никакого не
было. Совсѣмъ разсвѣло, а касса все заперта, и нигдѣ не добы-
еищя толку. Ходятъ какіе-то солдаты, и только еще хуже сби-
ваютъ съ толку. Одинъ говоритъ, въ 6 чаговъ пойдетъ паро-
ходъ.—«Да это вѣрно?»—«Вѣрно, вѣрно, будьте покойны!» У
другаго спрашиваютъ, говоритъ въ 10 час.—«Вѣрно?»

— «Неужли жъ мы станемъ обманывать?»

— «Ахъ, чертъ возьми совсѣмъ! Слышите, господа: въ 10 ча-
совъ! Вѣдь до этихъ поръ двадцать разъ простудиться можно,
дѣваться некуда—все занято. Вотъ постоитъ еще солдатъ! Слу-
живый, когда пароходъ идетъ?»

— «Неизвѣстно. Можетъ часу въ 12 пойдетъ.»

— «Да какъ же въ газетахъ-то напечатано?»

— «Этого мы не можемъ знать....»

Публика начала волноваться. Всѣ собрались на пристани, тѣ-
снота страшная. Наконецъ въ 6 часовъ разнесся слухъ, что бу-
дутъ багажъ принимать, но и это оказалось вздоромъ; кто-то
сосплетничалъ, а публика и повѣрила. Дѣйствительно стали что-
то вѣшать, и клейстеръ даже принесли, но потомъ тотчасъ же
овять перестали. А тутъ кто-то еще распустилъ сплетню, что
будто бы багажъ повезутъ вечеромъ и получить его въ Новѣ-
городѣ можно будетъ не раньше 7 час. вечера. Вообще за не-
достаткомъ положительныхъ свѣдѣній, какъ это всегда бываетъ,
публика выдумывала и вѣрила всякому вздору. Наконецъ ниче-
му не стали вѣрить, а просто начали ругаться и жаловаться на
судьбу. Больше всѣхъ бѣгалъ, хлопоталъ и приходилъ въ це-

годованіе какой-то *льмецъ* въ красной рубашкѣ, кучерской поддевкѣ и черныхъ панталонахъ, засунутыхъ въ старые снальные сапоги. Нѣмецъ яростно продирался сквозь толпу, махалъ во воздуху руками, поднималъ въ верхъ угрожающій перстъ и кричалъ во всѣхъ силъ: «Это ни на что не похоже! такъ пользоваться нашими довѣріемъ! Это ужасно! это безчестно!» Онъ останавливался передъ какимъ-нибудь совершенно незнакомымъ человѣкомъ, бралъ его за пуговицу, а другой потрясая въ воздухъ восклицалъ: «Мы будемъ жаловаться, мы будемъ протестовать! Надо поспѣшить заявить объ этомъ чрезъ газеты... Я не согласенъ! нѣтъ, я не согласенъ! Помилуйте! что это такое!..» Публика начала сердиться; неудовольствіе возрастало; давка и теснота между тѣмъ увеличивались.

Нѣмецъ не унывалъ. «Господа!» взывалъ онъ къ публикѣ, становясь къ театральную позу и снимая шляпу: «Господа! мы будемъ требовать директора.»—«Директора! директора!» заревѣла толпа. Директоръ не являлся «Онъ спитъ; пойдемте его будить! кассу приступомъ брать! Мы просимъ, мы требуемъ, чтобы начальство пароходнаго общества поступило на законномъ основаніи,» взывалъ тотъ же нѣмецъ, неожиданно появившійся въ другомъ концѣ пристани.

— «Директоръ идетъ! раздался чей-то голосъ.

— «Сюда его!.. Bravo!» Нѣмецъ уже стоялъ передъ директоромъ, и кричалъ во все горло, вздергивая къ верху руки: «Это ужасно! это безчестно! Я объ этомъ зинтра же напечатаю въ газетахъ» Директоръ съ просонь ничего не могъ разобрать. — «Я не генералъ, я мужикъ!» продолжалъ нѣмецъ.—Оказалось, что это былъ г. Левъ Камбекъ. Публикѣ чрезвычайно понравилась его протестація. «Господа, позвольте!» уговаривалъ директоръ, «мы все это. .»—«Ничего нехотикъ слушать! Кассу отпереть,» требовали пассажиры. — «Къ чему намъ билеты! Господа на пароходъ! за мной!..» Левъ Камбекъ бросился къ трапу, и съ отвагой, свойственной пылкому юношѣ — поручику, идущему на приступъ, кинулся на пароходъ. Неизвѣстно откуда взявшіеся жандармы стали защищааь палубу: но толпа воодушевленная своимъ предводителемъ, ломилась впередъ. Тутъ уже отперли кассу, но билетовъ някто нехотѣлъ брать; пассажиры поощряемые задними рядами, сдѣлали еще одинъ натискъ, и съ

громкими кликами побѣды взяли приступомъ пароходъ. Полиція пыталась было еще разъ удержать за собою позицію и дать отпоръ: но, къ стыду своему должна была уступить вновь послѣвшему натиску толпы. Поднялся визгъ, давка. Сняли трапъ но и этимъ не могли остановить общаго движенія. Пассажиры стали прыгать прямо съ пристани, бросали вещи на палубу, и ничего слушать не хотѣли.

«Подай свистокъ!» скомандовалъ предводитель атаки — Левъ Камбекъ, и пароходъ, съ такой отвагой отбитый у общества, тронулся въ путь.

«Вотъ поди-жь ты!» разсуждали пассажиры, когда мы отошли отъ берега: «что одинъ человекъ можетъ сдѣлать! Вѣдь сидѣли бы мы и теперь. Молодецъ! Ишь ты, борода-то какая у него. Ай да Камбекъ! Браво, Камбекъ! Провозгласимъ-те его командиромъ парохода. Ура!» Левъ Камбекъ стоялъ у руля и раскланивался публикѣ.

Путешествіе наше продолжалось благополучно. Публика, довольная собой и Львомъ Камбекомъ, шумѣла, пароходъ подвигался. Въ буфетѣ оказалось только четверть ведра воды и чай; все было очень скоро выпито и закусено остатками ветчины.

Прислуги никто и не видалъ. Всѣ распоряжались сами; однимъ словомъ, было весело. Во все время нашего странствія Левъ Камбекъ утѣшалъ публику разными шуточками. Онъ былъ рѣшительно неутомимъ, и поспѣвалъ вездѣ. То въ одномъ концѣ разсказывалъ дамамъ, что въ 1855 году, когда онъ служилъ въ ополченіи, всѣ отъ него съума сходили; то кричалъ на рулевого, и вдругъ ни съ того, ни съ сего подавалъ сигналъ.

Черезъ пять минутъ уже на палубѣ пили здоровье Камбека, и кричали браво. А между тѣмъ по сторонамъ то вправо, то влево показывались деревни, съ соломенными щитами и толпой разряженныхъ крестьянъ на берегу: они съ вечера еще ждали Государя.

— Завидя нашъ пароходъ, они снимали шапки, и въ недоумѣніи смотрѣли на насъ: но Камбекъ тотчасъ же подавалъ сигналъ и вдругъ вся толпа начинала кричать, бросала шапки вверхъ, и бѣжала по берегу съ громкимъ крикомъ—ура. Такимъ манеромъ

надули мы деревень пять или шесть. Наконецъ, часовъ въ 12 прїѣхали мы въ Новгородъ. Издали еще показались на мосту, соединяющемъ двѣ части города, разноцвѣтныя знамена; вправо старый кремль, искусно реставрированный неизвѣстно зачѣмъ. Наберегу и на мосту толпы народа; вездѣ необыкновенное движеніе и чистота. На пристани встрѣтила насъ петербургская полиція. На улицахъ экипажей и гвардіи множество. Народъ кучами примостился на берегу и у кремлевской стѣны; на каждомъ шагу предлагаютъ квартиры.

Тотчасъ же по прїѣздѣ въ Новгородъ, я пошелъ посмотрѣть приготовленія къ празднику. На улицахъ движеніе, экипажи, гвардія на каждомъ шагу. Прїѣзжіе ищутъ квартиры; на домахъ сооружаются шиты, утверждаются флаги; въ залахъ для стрижки волосъ мировые посредники и другіе мирные граждане пробиваютъ себѣ на подбородкѣ пятаки; народъ смотритъ на все это и удивляется. Зашелъ я въ гостинницу Москва, гдѣ засталъ огромное общество петербургскихъ офицеровъ: всѣ торопились куда-то, ѣли на скорую руку, охорашивались передъ зеркаломъ, и спѣшили уйти. И я тоже поспѣшилъ, тѣмъ болѣе, что обѣдъ былъ довольно плохъ, и къ вечеру ожидали Государя. Съ моста Кремль, даже и подчищенный, очень некрасивъ, со своими неуклюжими главами и одиноко торчащей башней въ сторонѣ. Влѣво съ моста стелятся плоскіе берега Волхова, кое-гдѣ поросшіе лѣсомъ; направо пристань, барки; дальше идутъ дома, флаги; барабанный бой рѣзко разносится по водѣ. Вокругъ Кремля весь берегъ устланъ народомъ; у царской пристани, обтянутой краснымъ сукномъ, собирается войско, главныя ворота въ крѣпость обставлены полиціей. Памятникъ, покрытый чахломъ, показался на площади насупротивъ присутственныхъ мѣстъ. Отъ собора къ памятнику устриваютъ деревянный помостъ. Я продрался сквозь толпу, и спустился по берегу почти къ самой водѣ. Тутъ лежалъ и сидѣлъ разнаго свойства, изъ разныхъ мѣстъ собравшійся людъ, съ загорѣлыми лицами, въ протертыхъ лаптяхъ, съ мѣшками и котомками за спиной. Многіе изъ нихъ жили тутъ, на берегу, уже цѣлую недѣлю, ожидая праздника, и питаюсь принесенными изъ дома сухарями. Народъ размѣстился по косогору и подъ мостомъ кучами; всѣ молчали. У одной кучи ораторствовалъ слегка выпивши оставной солдатъ. Дѣло шло о тысячелѣтіи. Слушатели, мужики въ холстинныхъ

вишунахъ и бабы съ котомками, молча смотрѣли на оратора. Онъ говорилъ въ такомъ родѣ:

— «Вы—мужики, и слѣдственно разсуждать объ этомъ вамъ никакъ невозможно. Что вы понимаете?»

У кремлевскихъ воротъ толпятся люди всѣхъ сословій, причемъ слышатся возгласы, неизбежныя при большомъ стеченіи народа. Черезъ мостъ на извозчикахъ не пускаютъ. Дворяне, купцы, мѣщане, городскіе головы, старшины и проч. въ мундирахъ, съ озабоченнымъ видомъ и вспотѣвшими лицами, пробираются къ пристани. Сельскіе старшины и головы выстроены у воротъ. Петербургской городской равняетъ ихъ въ шеренгу, и велитъ поправлять вихры.

— «Да ты бороду-то, мочалку-то свою разчеши!» муштруетъ онъ старшинъ.

Наконецъ, на противоположномъ берегу, тоже усѣяномъ зрителями, замѣчается волненіе. «Царь ѣдетъ! Царь ѣдетъ!» проносятся въ толпѣ. Вотъ показался пароходъ, музыка заиграла, и въ то же время сталъ накрапывать дождь. Государь сошелъ съ парохода, сѣлъ въ коляску, и поѣхалъ въ Кремль.

— «Ура!» и толпа кинулась за коляской.

Вечеромъ, только что стало смеркаться, начали зажигать иллюминацію. Двѣ главныя улицы, мостъ, кремлевскія ворота, архіерейскій домъ, въ которомъ остановился Государь, и присутственныя мѣста освѣтились. Въ разныхъ мѣстахъ горѣли щиты. Одинъ виноторговецъ изобразилъ надъ дверьми своей лавки русскаго мужика, очень похожаго впрочемъ на пуделя, стоящаго на балконѣ, въ цвѣтахъ, и держащаго ленту, на которой написано: *Радуйтесь 1,000 лѣтію Россіи!* Самъ виноторговецъ—нѣмецъ—сильно хлопоталъ надъ щитомъ, лазилъ на стѣну, кричалъ, сердился, вывачкался весь саломъ и скипидаромъ, и все таки щитъ не удался, потому что пошелъ дождь, и вся иллюминація разкисла и разклеплась. Купцы и прочіе обыватели устроивали гирлянды изъ дубовыхъ листьевъ и божьяго дерева. Почтамтъ, гимназія и дворянское собраніе тоже приготовили освѣщеніе, но и имъ не посчастливилось. Плошки гасли, промокшій народъ бродилъ по улицамъ, экипажи носились изъ конца въ конецъ. Часамъ къ двѣнадцати ночи все за-

тихло; проѣхалъ петербургскій патруль; по ту сторону рѣки еще свѣтился огонекъ на кремлевской стѣнѣ, наконецъ и онъ погасъ.

Утро 8-го сентября въ Новгородѣ было отличное: небо ясное, погода теплая, хотя и вѣтренно. Еще задолго до обѣдни, стали собираться въ Кремль, гдѣ были устроены по обѣ стороны памятника мѣста для зрителей въ видѣ амфитеатра. На мостъ пускали не иначе, какъ по билетамъ, такъ что весь берегъ Софійской стороны города былъ пустъ. Но только что отошла обѣдня, и процессія съ хоругвями и духовенствомъ тронулась изъ собора, какъ народъ бросился къ воротамъ и ворвался въ Кремль. Впрочемъ его успѣли во-время остановить, Митрополитъ, въ сопровожденіи духовенства, Государь, Государыня, члены царской фамиліи и весь генералитетъ прошли по разостланному сукну вокругъ памятника, и началось молебствіе съ многолѣтіемъ и пушечной пальбой; послѣ чего произведенъ былъ парадъ войскамъ, присланнымъ по случаю открытія памятника изъ Петербурга. Войска выходили въ главные ворота, и, обогнувъ крѣпость, возвращались къ дому дворянскаго собранія, гдѣ новгородскимъ купечествомъ былъ приготовленъ для солдатъ обѣдъ, а для офицеровъ закуска въ роскошно-убранной палаткѣ.

Послѣ парада Государь, виѣстѣ съ Государыней и членами царской фамиліи, отправился въ архіерейскій домъ, а послѣ этого тотчасъ же началось угощеніе войска. Купечество распорядилось обѣдой не совсѣмъ ловко: солдаты вдругъ накинулись на столы, и кто первый пришелъ, тому и досталось больше другихъ. Приходившимъ послѣ ничего не пришлось получить. Нѣсколько барановъ съ вызолоченными рогами, пироги и водка исчезли мгновенно.

Вечеромъ иллюминація была въ полномъ блескѣ.

8-го сентября, согласно объявленному церемоніалу, происходило торжественное богослуженіе и въ Петербургѣ, въ Исаакіевскомъ соборѣ. Благодарственное молебствіе совершено было на особо-устроенномъ возвышеніи, посреди площади, между соборомъ и монументомъ Петра Великаго. Въ три четверти перваго часа, выстрѣлы съ Петропавловской крѣпости возвѣстили объ открытіи

памятника въ Новгородѣ. Въ заключеніе войска, собранныя около собора, прошли церемоніальнымъ маршемъ.

Безплатные спектакли, народное гуляныя на Марсовомъ полѣ, у Лѣтняго сада, и иллюминація города, особенно на главныхъ улицахъ, довершили празднованіе въ С. Петербургѣ тысячелѣтія Россіи

Государь Императоръ, въ присутствіи Своемъ въ Новгородѣ, 8-го сентября, въ ознаменованіе Высочайшаго благоволенія къ ученымъ трудамъ нижепоименованныхъ лицъ, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать: академику Плетневу *табакерку съ портретомъ Ею Императорскаю Величества*; академикамъ: Востокову и Устрялову ордена *св. Владиміра 2-й степени*; сербскому митрополиту Михаилу Іоанновичу, главному редактору археографической комиссіи Калачову и дѣйствительному статскому совѣтнику Далу ордена *св. Анны 1-й степени*; члену археографической комиссіи Севастьянову и академику Веселовскому ордена *св. Станислава 1-й степени*; академикамъ: Погодину, Срезневскому, Шевыреву, Кунику, ректору университета *св. Владиміра* Иванішеву, профессорамъ: московскаго университета Соловьеву и Бодянскому, дѣйствительному статскому совѣтнику Гречу, доктору Іоганну Пуркинѣ (профессору физиологіи въ Прагѣ), доктору Францу Палацкому (чешскому исторіографу), и члену корреспонденту академіи наукъ, верховному жупану въ Загребѣ (Аграмѣ) Іоганну Кукулевичу-Сакчянскому ордена *св. Владиміра 3-й степени*; академику Буслаеву, профессору казанскаго университета Григоровичу, доктору Карлу Кузману (суперъ-интенданту и профессору богословскаго факультета въ Вѣнѣ), канонику Михаилу Куземскому (во Львовѣ, въ Галиціи), совѣтнику венгерскаго намѣстничества въ Пестѣ Адольфу Добрянскому, члену корреспонденту академіи наукъ доктору Францу Миклошичу (славянскому филологу въ Вѣнѣ), члену корреспонденту той же академіи, доктору Вуку Стефановичу-Караджичу (сербскому писателю и филологу), профессору харьковскаго университета Зернину и инспектору казенныхъ училищъ кievскаго учебнаго округа Тулову ордена *св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною*; профессорамъ университетовъ: с.-петербургскаго Сухомлинову, харьковскаго Н. Лавровскому; адъюнкту академіи наукъ Биллярскому, профессору славян-

ской филологіи въ пражскомъ университетѣ Мартыну Гаттала, доктору Божидару Петрановичу (совѣтнику юстиціи въ Зарѣ), члену корреспонденту академіи наукъ, доктору Карлу Яроміру Эрбену (начальнику государственнаго чешскаго архива въ Прагѣ), доктору Францу Ригеру (редактору энциклопедическаго ученаго славянскаго словаря), доктору Алоизію Шембера, (профессору чешской литературы въ вѣнскомъ университетѣ), доктору Сушлю, канонику и профессору въ Бриѣ, (Брюниѣ), доктору Іоганну Субботичу (сербскому ученому, вице-гешпану Славоніи), доктору Янко Шафаріку (профессору бѣлградскаго лицея) и лужицко-сербскому писателю Іоганну Смоляру въ Будешинѣ (Бунцлау), ордена *св. Анны 2-й степени*; священнику Іакову Головацкому (профессору русской словесности во Львовѣ, въ Галиціи), доктору Іоганну Хаджичу (сербскому ученому), доктору Антону Мажураничу, славянскому филологу въ Загребѣ (Аграмѣ) и доктору Блейвейсу, профессору въ Люблянахъ (Лайбахѣ) ордена *св. Владимира 4-й степени*; чешскому ученому Францу Резачу (редактору педагогическаго журнала «Skola a Život», въ Прагѣ), преподавателямъ русской словесности въ гимназіяхъ с.-петербургскихъ: первой Водовозову, третьей Стоюпинну и новгородской Купріянову ордена *св. Станислава 2-й степени*; архимандриту Іоанникію Памучинѣ (въ Герпеговинѣ), протоіерею Георгію Николаевичу (профессору семинаріи и члену консисторіи въ Зарѣ), библіотекарю чешскаго музеума въ Прагѣ Антону Вртатко, доктору Франциски (словацкому писателю и редактору пестъ-будимскихъ вѣдомостей), и редактору русской газеты «Слово» во Львовѣ, въ Галиціи, Богдану Дѣдицкому ордена *св. Анны 3-й Степени*, и сербскому ученому Корнелію Станковичу (собирателю и издателю сербскихъ національныхъ и церковныхъ мелодій) ордена *св. Станислава 3-й степени*.

Сверхъ того, въ тотъ же день, Его Императорскому Величеству было благоугодно пожаловать: профессору русской словесности въ политехническомъ институтѣ въ Прагѣ Францу Іезбера *перстемъ* изъ кабинета Его Императорскаго Величества; г-жѣ Ишимовой (сочинительницѣ исторіи для дѣтей) подарокъ изъ кабинета Его Императорскаго Величества.

Въ празднованіи тысячелѣтія Россіи губернскіе и уѣздные города по видимому не хотятъ отстать отъ Петербурга. Газеты

печатають, что въ разныхъ мѣстахъ совершаются молебствія, даются обѣды и т. п.

Между прочимъ пишутъ, что жители Мышкина, уѣзднаго города Ярославской губ. пили за здоровье тысячелѣтія Россіи! Польша продолжаетъ свои реформы.

10 Сентября, въ зданіи правительственной комиссіи духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, послѣдовало торжественное открытіе двухъ факультетовъ главной школы—физико-математическаго и юридическаго, которые имѣютъ уже своихъ декановъ и необходимое число профессоровъ. Официальная газета царства Польскаго сообщаетъ, что желающіе поступить въ главную школу должны: 1) умѣть переводить латинскихъ прозаиковъ—Корнелія Непота, Цезаря, Салюстія и Лвія, латинскихъ поэтовъ Вергилія и Овидія, а также написать на латинскомъ языкѣ сочиненіе на данную тему; 2) написать два сочиненія на польскомъ языкѣ—одно на тему изъ грамматики, а другое на тему изъ исторіи польской литературы; 3) перевести безъ затрудненія съ русскаго языка что-нибудь на выдержку изъ прозы, или изъ болѣе легкаго поэта; 4) отвѣтить на вопросы узъ всеобщей географіи и исторіи, въ размѣрѣ, установленномъ для гимназій; 5) рѣшить задачи изъ геометріи, тригонометріи и алгебры, до уравненія высшихъ степеней. Сверхъ того, желающіе посѣщать лекціи филологическо-историческаго факультета, обязаны выдерживать экзаменъ изъ нѣмецкаго и французскаго языковъ въ такой же степени, какъ это требуется для русскаго языка.

До сихъ поръ польскіе молодые люди, большею частію, только въ русскихъ университетахъ могли пріобрѣсти высшія познанія. По ихъ отдаленности отъ Польши немногіе, преимущественно люди достаточные, могли воспользоваться благами университетскаго образованія. А между тѣмъ въ странѣ, гдѣ ежеминутно можно встрѣтить слѣдъ самой разумной, свѣтлой дѣятельности, по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія, запросъ на высшее образованіе естественно былъ весьма силенъ. Вотъ почему всѣ люди доброй воли, искренно желающіе счастья Польшѣ, особенно сочувственно привѣтствовали новый уставъ о варшавской главной школѣ. Вообще, главной школѣ предстоитъ дѣйствительно громадная задача — приготовить дѣятелей, которые внесли бы во всѣ отрасли администраціи и общественнаго

служенія благотворный свѣтъ науки, которая одна въ состояніи согласить людей разныхъ убѣжденій, но стремящихся къ одной цѣли, указываемой настоящимъ правительствомъ.

На дняхъ въ Варшавѣ открыты засѣданія государственнаго совѣта рѣчью В. К. Константина Николаевича, въ которой онъ призываетъ поляковъ на путь мирныхъ реформъ къ упроченію благосостоянія края.

Финляндія занята въ послѣднее время введеніемъ въ оффиціальныя сношенія народнаго финскаго языка.

этого кавалеріей, удивлялись, видя себя однихъ такъ далеко, впереди англійской линіи. Они не были совершенно спокойны среди своего триумфа, и остановили свои эскадроны, чтобы дождаться слѣдовавшей за ними пѣхоты.

Первая пришла къ нимъ бригада Адама, построенная въ четыре шеренги, какъ будто въ крайней опасности; она шла по лѣвой отъ англичанъ сторонѣ дороги. Тогда двѣ арміи, соединясь на возвышенностяхъ Бель-Альянса, бросились, одна за другою, на карре французской гвардіи. Непріятели французовъ были такъ многочисленны, что били и громили пушками другъ друга. Дойдя до Бель-Альянса, англійскія войска Адама попадаютъ подъ выстрѣлы прусской батареи. 18-й полкъ англійскихъ гусаръ рубить саблями одинъ нѣмецкій полкъ; но наконецъ они узнаютъ другъ друга и всѣ бросаются на оставшіяся еще карре старой гвардіи.

Эти карре служили убѣжищемъ для генераловъ, которые не имѣли уже солдатъ; въ особенности же они открывались для принятія знаменъ, приносимыхъ со всѣхъ сторонъ подъ ихъ защиту. Это были, такъ сказать, крѣпости, гдѣ укрывалось то, что составляло душу арміи, и несомнѣнно, что въ этотъ день, когда почти всѣ снаряды погибли, знамена были спасены съ воинскимъ благоговѣніемъ послѣднихъ двадцати лѣтъ. Эти карре пришлось уничтожать по одному человѣку и они не были разстроены даже соединенною атаккой. Ни одинъ полкъ, ни одна бригада непріятелей не приписываетъ себѣ чести разбитія ихъ рядовъ. Они уступили только натиску трехъ армій—англійской, прусской и даже французской, которыя надвигали на нихъ со всѣхъ сторонъ: тяжесть бѣжавшихъ давила ихъ столько же, какъ тяжесть побѣдителей.

Среди этого моря людей существовали еще три карре. По временамъ они останавливались и отбивались отъ непріятельскихъ массъ выстрѣлами въ упоръ. Наконецъ осталась только одно карре. Полковникъ Галькеттъ, предводительствуя ганноверцами, окружаетъ его съ трехъ фазовъ; между каждымъ залпомъ онъ кричитъ: «Сдайтесь!» Какой-то голосъ отвѣчаетъ: «Гвардія умираетъ, но не сдается!» Это былъ голосъ Камброня; при новомъ залпѣ, осколокъ бомбы повергаетъ его на землю. Онъ остается безъ чувствъ между мертвыми. Карре вновь продолжаетъ свой маршъ, и удаляется.

Иностранцы съ особеннымъ уваженіемъ говорятъ объ одномъ французскомъ кавалерійскомъ полкѣ, отличившемся въ этой послѣдней свалкѣ: это былъ остатокъ конныхъ гренадеровъ; они шли шагомъ, сомкнутою колонной, въ великолѣпномъ порядкѣ, можно было бы сказать, что они были совсѣмъ чужды хаосу, который ихъ окружалъ. 12-й полкъ англійскихъ драгуновъ осмѣлился напасть на нихъ: французскій полкъ спокойно оборачивается, опрокидываетъ нападающихъ и продолжаетъ свой величественный маршъ. Нѣсколько послѣ, когда на этотъ полкъ снова сдѣлано было нападеніе, одинъ офицеръ выѣхалъ изъ рядовъ и выстрѣлилъ изъ своихъ пистолетовъ въ полковника Мюррэя. Такъ какъ Наполеонъ удался въ это время вдоль

большой дороги, справа отъ этой кавалеріи, то полагали, что она хотѣла обезпечить своимъ прикрытіемъ спасеніе предводителя арміи.

Въ эту минуту Уэллингтонъ, видя, что его авангардъ, съ Вивіаномъ, Ванделеромъ и Адамомъ дошелъ до французской позиціи, повѣрилъ наконецъ своей побѣдѣ. Тогда, и только тогда, онъ далъ полку своей арміи, которую до сихъ поръ удерживалъ на плоскости. Онъ двинулъ впередъ всю линію. Это былъ тотъ моментъ, о которомъ говоритъ генералъ Фoa,—моментъ, когда эта армія, неподвижная, прикованная съ утра къ одному мѣсту, тронулась какъ одинъ человѣкъ съ высотъ Гугумонта и *Смогена*. Съ этого перваго шага, дивизія Ламберта проходитъ черезъ Гэ-Сентъ, въ которомъ не нашлось никого кромѣ убитыхъ и раненыхъ. Англичане сильно настаиваютъ на томъ, что между отступленіемъ гвардіи и движеніемъ ихъ линіи впередъ прошло по-крайней-мѣрѣ двѣнадцать минутъ. выводъ изъ этого заключеніе, что именно они прорвали французскій центръ прежде всеобщаго вторженія пруссаковъ. Объ этихъ-то двѣнадцати минутахъ спорятъ историки, и вотъ вершина человѣческой славы!

Противъ англійской арміи, низвергавшейся съ возвышенностей, на другой сторонѣ врага остановился какой-то человѣкъ. Онъ стоялъ опираясь на руку капрала старой гвардіи. Это былъ маршалъ Ней. Онъ удерживалъ бѣжавшихъ. У Вель-Альянса, измученный, въ одеждѣ пробитой пулями, но все еще нераненый, онъ искалъ вокругъ себя какого нибудь отряда, какой нибудь роты, взвода, чтобы стать впереди и вести ихъ въ огонь. Проходившимъ мимо онъ кричалъ: «Сюда! слѣдуйте за мною, я покажу вамъ какъ умираетъ французскій маршалъ на полѣ битвы!» Слышавшіе его увѣряютъ еще донинѣ, что тонъ этихъ словъ никогда не изгладится изъ ихъ памяти; но это было сверхчеловѣческое мужество, которое удивляло даже наиболѣе храбрыхъ.

Наполеонъ проѣхалъ близъ Россомскаго холма. Оттуда-то онъ видѣлъ утромъ у своихъ ногъ эту геройскую армію, которая, по его словамъ, наполняла землю гордостью. Теперь, при наступленіи ночи, онъ видѣлъ ее, съ того же мѣста, разстроенною, почти уничтоженною; всѣ роды войскъ, обозы, пороховые ящики были перемѣшаны, люди въ безпорядкѣ бѣжали, не узнавая своего вожда. Тамъ были два батальона и одна батарея: онъ приказалъ стрѣлять. Послѣдній выстрѣлъ пушки оторвалъ бедро лорду Уксбриджу, командовавшему послѣднею кавалерійской атакой.

VII. Продолженіе. — Защищеніе Планшенуа генераломъ Лобау.

Прусскій корпусъ Цитена не былъ единственнымъ, который неожиданно бросился на французскую армію. Почти одновременно съ нимъ весь корпусъ Пирха появился позади Булова и продолжилъ его правый и лѣвый фланги. Это были еще 15000 человѣкъ, которые обрушились на Лобау, ослабленнаго отдѣленіемъ отъ него двѣнадцать батальоновъ гвардіи.

Окончательное истребленіе французовъ зависѣло отъ взятія Планшенуа. Пруссаки идутъ сомкнутыми батальонами по направленію къ

церкви, которая была уже наполнена мертвыми и умирающими. Соломенные крыши запылали. Пламя пожара, отражаясь въ окнахъ церкви, освѣщало кладбище, которое защищаль батальонъ егерей, среди труповъ, служившихъ имъ вторымъ укрѣпленіемъ. Соединенныя силы Булова и Пирха не могли взять деревню съ фронта; онѣ наводняютъ и окружаютъ ее до самаго Шантелетскаго лѣса. Оборона французовъ корпуса Лобау, среди пылавшихъ фермъ, въ то время какъ повали ихъ разрушалась вся армія, еще донинѣ возбуждаетъ удивленіе иностранныхъ историковъ. Въ теченіе полутора часа это войско выставило себя на погибель для спасенія другихъ. Вотъ здѣсь-то было настоящее мѣсто для гвардіи. Тѣснямая со всѣхъ сторонъ, она оспариваетъ каждый домъ она защищается отъ плетня къ плетню, отъ дерева къ дереву. Генералы Барруа и Дюгемъ тяжело ранены. Еслибы деревня Планшануа была взята полчаса раньше, то отступленіе было бы отрѣзано: когда этотъ постъ былъ покинутъ, все, что осталось отъ арміи, уже пропало. Вгнра третьяго гвардейскаго полка выпли изъ деревни послѣданіе. Генераль Пеле собралъ ихъ 250 чел. Они ретировались чрезъ Мезонъ-де-Руа, поворачиваясь лицомъ противъ непріятеля при каждой угрозѣ съ его стороны. Эта горсть людей и наступившая ночь спасли Наполеона.

Люди сдѣлали все, что могли вынести человѣческія силы. Они уступили силѣ болѣе могущественной, которую почти всѣ назвали измѣной, потому что никто не хотѣлъ видѣть въ этомъ результата ошибокъ вождя. Прошло болѣе получѣка прежде чѣмъ было допущено, что полководецъ значилъ что нибудь въ несчастіи всѣхъ. Тогда же охотнѣе вѣрили прелателству большой массы, нежели одному какому нибудь промаху боготворимаго вождя, считавшагося непогрѣшимымъ даже послѣ Москвы и Лейпцига.

Извѣстіе, что Груши приближается къ мѣсту битвы, произвело нѣчто въ родѣ головокруженія. Но когда, вмѣсто Груши, французы увидѣли 60,000 пруссаковъ, появившихся изъ всѣхъ выходовъ, то всѣ оцѣпенѣли. Всѣ считали себя измѣннически преданными, оружіе выпадало у нихъ изъ рукъ, и такъ-какъ сдѣланное ими превосходило человѣческія силы, то они, казалось, уступали не непріятелю, а судьбѣ. Слѣдствіемъ этого было то, что даже любимые начальники потеряли всякую власть надъ своими подчиненными. Всѣ, исключая одного, сдѣлались лицами подозрительными. Отсюда произошла невозможность собрать арьергардъ. Пораженіе превратилось въ погибель, и всякій, желавшій противостоять ей, или только идти противъ потока, считался врагомъ. Въ первыя минуты несчастія секретарь Наполеона бросается изъ фермы Кайльу на встрѣчу бѣгущимъ. Онъ волѣ лошадей Наполеону, котораго онъ предлагалъ найти въ свалкѣ, можетъ быть раненымъ или пѣшимъ. Два французскіе кирасира, съ поднятыми саблями, приближаются къ нему: «Куда ты ѣдешь? — Я ищу императора. — «Врешь, ты ѣдешь передаться англичанамъ! Они хотѣли его изрубить, но офицеры узнали и спасли его.

*

Уэллингтонъ остановилъ английскую армію, какъ только она достигла французской позиціи у Россомы. Занять мѣсто, гдѣ находился Наполеонъ—этого было достаточно. При томъ, истощенныя войска не могли бы сдѣлать ни одного шага больше для преслѣдованія французовъ. Блюхеръ взялъ это дѣло на себя; оно нравилось его злобѣ, его жаднѣ мщенія. Англичане расположились бивуакомъ на мѣстѣ французскихъ линій справа отъ Шарльруйской дороги, которую они оставили свободною для своихъ союзниковъ. Возвращаясь отъ Бель-Альянса, Уэллингтонъ встрѣтилъ Блюхера. Оба они сошли съ лошадей и бросились въ объятія другъ друга. Ферма Бель-Альянсъ служила пунктомъ направленія прусской арміи. Блюхеръ желалъ, чтобы битва была названа этимъ именемъ; но гордость англичанъ одержала верхъ. Они выбрали имя своей главной квартиры, хотя мѣстечко Ватерлоо оставалось внѣ поля сраженія для всѣхъ трехъ армій.

VIII. Ночное преслѣдованіе.

Блюхеръ сообщаетъ свою ярость офицерамъ: онъ хочетъ, чтобы преслѣдованіе было истребленіемъ. Будовъ и Цитенъ будутъ преслѣдовать бѣгущихъ до конца. Кавалерія 2-го и 4-го корпуса уже прошла, съ фронта, черезъ интервалы пѣхоты. Пирхъ воротится назадъ къ Айвьеру; онъ переправится черезъ Диль, чтобы отрѣзать отступленіе Группи и окружить его. Уже между Россомой и Мезонъ-ле-Руа взяли большую часть артиллеріи и обозовъ: артиллеристы отрѣзали пристяжки своихъ лошадей и скрылись. Наступила ночь и — чего никогда еще не бывало на войнѣ — не принесла побѣжденнымъ никакого облегченія. Напротивъ, она увеличила ихъ несчастіе. Во всѣхъ предшествовавшихъ войнахъ побѣдоносныя войска боялись пускаться въ тьму, которая возстановляла равенство между сильнымъ и слабымъ. Даже при Березинѣ ночь послужила перемиріемъ. Здѣсь же обѣими арміями овладѣло одно чувство, что *все кончено*; и это чувство помѣшало одной изъ нихъ противиться, а другой—остановиться въ своемъ триумфѣ. Послѣ столькихъ несчастій французы познали бѣдствіе ночнаго преслѣдованія, послѣднее нововведеніе злобы. Во тьмѣ всѣ приближавшіеся были принимаемы за непріятелей, и бѣглецы разгоняли бѣглецовъ. Взошла луна, она тоже помогла побѣдителяю. Вдѣла французы успѣвали спрятаться, на какомъ-нибудь дворѣ, въ хлѣбѣ или на фермѣ, ихъ находили, связывали или рубили въ куски. Раненыя бѣглыя сбрасываемы съ окровавленной соломы, на которой они лежали. Генерала Цитена — не знаю, справедливо или нѣтъ — обвиняютъ въ томъ, будто бы онъ присоединялъ свои оскорбленія къ оскорбленіямъ своихъ солдатъ.

Въ одиннадцать часовъ вечера, эта масса людей пришла къ Женапскому ущелью. Наполеонъ думалъ, что мостъ былъ такой-же ширины какъ и шоссе; но на самоѣ дѣлѣ онъ оказался вполонину уже. Диль былъ тамъ не очень глубоокъ, но вода въ немъ была поднята шлюзами и крутой берегъ господствовалъ надъ сжатымъ

теченіямъ рѣки. Все отбѣснлось въ концѣ извилистой дороги на мѣсту, уже загороженномъ и загроможденномъ фурами артиллерійскаго парка. Никто не указалъ бродовъ, которые находятся ниже. Наполеонъ употребилъ около часа, чтобы пробраться съ вѣсомъ сдавленную, неподвижную, оцѣпенѣвшую толпу. Онъ ускользаетъ съ трудомъ, безъ свиты, почти одинъ. Его экипажъ не могъ перескочить черезъ дефиле, и остался въ рукахъ непріятеля. Ней прибылъ также къ этому ущелью. Онъ идетъ пѣшкомъ; но одинъ офицеръ, — который заслуживаетъ того, чтобы его имя было упомянуто, — Шмидтъ, даетъ ему свою лошадь. Лобау менѣе счастливъ. Онъ пробовалъ сформировать арьергардъ, но ему это не удалось. Его лошадь упала подъ нимъ; его окружили и взяли въ плѣнъ. Безъ всякаго уваженія къ его неустрашимости и стойкости, съ него сорвали его знаки и даже отняли у него портретъ его жены, спрятанный на груди.

Пруссаки, прибывъ на возвышенности, ставятъ тамъ батареи. Съ изобрѣтательностью злобы, они въ полночь сыплютъ внизъ градъ бомбъ и картечи на толпу, которую ночной мракъ не можетъ защитить: она выдаетъ себя своими криками, своими стонами, своими проклятіями, не отвѣчая ни однимъ ружейнымъ выстрѣломъ. Раненые, которые до этихъ поръ могли кое-какъ тащиться пѣшкомъ, здѣсь изнемогаютъ окончательно. Тѣлѣги, нагруженныя наиболѣе пострадавшими, опрокидываются на краю дороги; изъ нихъ выходятъ стоны, которые теряются среди всеобщаго бѣдствія. Что касается людей здоровыхъ, — отчаяніе помогаетъ имъ найти выходы, но въ этомъ хаосѣ все наконецъ смѣшивается. Бѣгущая армія, разстроенная, потерявшая свой видъ, дѣлается сама для себя наибольшою причиною ужаса.

Въ полночь Блюхеръ прибылъ въ Женаппъ. Онъ останавливается тамъ, какъ-бы для того, чтобы вполне насладиться бѣдствіемъ французовъ. Оттуда-то онъ отправляетъ свою первую депешу къ государямъ, собравшимся въ Гейдельбергъ. Въ домѣ, гдѣ была помещена его главная квартира, находился генералъ Дюгежъ, котораго тяжелая рана принудила остановиться. Пруссаки говорятъ, что ихъ доктора взяли и пользовали его, а мѣстные жители утверждаютъ, что онъ былъ убитъ гусарами, уже и безъ того умирая отъ своей раны, полученной при Планшенуа. Надпись на его могилѣ, которую я видѣлъ въ Гюи, менѣе опредѣленна; она говоритъ: *пораженъ смертельнымъ ударомъ на полѣ чести 18 іюня; скончался 20, въ Женаппъ.* Можетъ быть, сочинитель надписи не зналъ истины, или-же нашолъ ее слишкомъ гнусною, чтобы увѣковѣчить ее на гробницѣ.

Французы шли группами не болѣе какъ по сту человѣкъ. Вава успѣвъ вздохнуть на бивуакѣ, они принуждены были идти дальше. Теперь достаточно было звука трубъ или барабановъ, чтобы разсѣять эту армію, за два дня предъ тѣмъ менообходимую на этихъ самыхъ мѣстахъ. Нигдѣ не было сдѣлано попытки сопротивляться, и причинами этого были — во первыхъ, ночь, которая вездѣ преуменьшала численность во-

пріятеля, во-вторыхъ, и въ особенности, убѣжденіе, что ничего нельзя сдѣлать противъ всеобщей измѣны, которой французы считали себя жертвой. Ожесточенное преслѣдованіе продолжалось до самыхъ Франъ. Тамъ Пруссакамъ показалось, что они видятъ сильный отрядъ французской кавалеріи; они приблизились: все исчезло. Генералъ Гнойзенау, въ главѣ своихъ эскадроновъ, доѣхалъ до гостиницы, которая до сихъ поръ, какъ-бы по насмѣшкѣ судьбы, сохраняетъ надпись: à l'Empereur. Онъ остановился тамъ ночевать.

Незадолго предъ тѣмъ, въ часъ ночи, Наполеонъ остановился въ Катр-Бра. Все вокругъ него, на этомъ полѣ битвы 16-го іюня, имѣло ужасный видъ. Мертвые не были еще погребены; но они были ограблены и наги. При лунномъ свѣтѣ сорокъ тысячъ человѣкъ въ беспорядкѣ шли большими шагами среди этихъ трехдневныхъ труповъ. Съ этого-то печальнаго мѣста Наполеонъ увѣдомилъ Груши о ватерлооскомъ пораженіи. Извѣстіе, отъ котораго зависѣло спасеніе цѣлаго корпуса арміи, было отнесено однимъ офицеромъ, котораго какой-нибудь случай могъ легко остановить. Ему поручено было все передать Груши словесно. Время и мѣсто не позволяли писать. Говорятъ, что велѣно было отыскать во тѣмъ дивизію Жирара, оставленную сзади, въ Линьи; но она тоже разсѣялась неизвѣстно какимъ образомъ. Ее не могли найти.

На разстояніи одного льѣ отъ Шарльруа Наполеонъ снова сошелъ съ лошади; остальную часть пути онъ сдѣлалъ пѣшкомъ, въ сопровожденіи генерала Бертрана и пяти или шести офицеровъ. На берегу Самбры онъ нашолъ нѣсколькихъ кавалеристовъ, которые прибыли туда прежде него. Прѣхавъ чрезъ Шарльруа и не отдавъ тамъ никакого приказанія, онъ остановился на лугу, называемомъ Марсинель, на другой сторонѣ города. Ему развели на открытомъ воздухѣ огонь изъ хвороста и принесли пить *. Между тѣмъ какъ его лошадь кормилась, совсѣмъ взнузданная (до того поспѣшность была велика), онъ подошелъ на минуту къ одному бивуаку, раздѣлилъ тамъ съ какимъ-то солдатомъ его грубую пищу, и, говорятъ, замѣтилъ по этому поводу, «какъ мало нужно человѣку для того, чтобы жить»,—запоздалая философія для человѣка, который такъ недавно поставилъ на карту и проигралъ въ четыре дня владычество надъ міромъ и судьбу Франціи.

Около шести часовъ утра онъ опять отправился, уже въ экипажѣ; за нимъ армія, голодная, ввергнутая въ отчаяніе, вошла въ Шарльруа, и скоро, какъ часто случалось въ предшествовавшія войны, этотъ городъ, гдѣ французы надѣялись вздохнуть и оправиться, сдѣлался мѣстомъ ужаса. Среди съѣстныхъ припасовъ всякаго рода, они терпѣли недостатокъ. Вино, водка текли по улицамъ, а солдаты умирали отъ голода и жажды у дверей хлѣбныхъ магазиновъ; притомъ и на этотъ разъ—никакого распоряженія, чтобы облегчить отступленіе; одинъ мостъ, одинъ выходъ; надо броситься туда, не давая себѣ ни минуты покоя. Едва добравшись до мѣста, въ которомъ была наде-

* Эти подробности извлечены изъ разсказа его проводника.

жда найти приютъ, должно вновь броситься въ потокъ гибели. «Это были, — говоритъ одинъ писатель, на котораго я люблю ссылаться, — ужасы Вильно у воротъ Франціи» *.

Наполеонъ прибылъ въ Филиппвилъ почти одинъ; тамъ къ нему присоединились его секретарь и нѣкоторые изъ его адъютантовъ — Дрюо, Лабедейеръ, Дежанъ. Онъ бросается на бѣдную кровать гостиницы и слеза падаетъ у него изъ глазъ. Въ этой-то гостиницѣ онъ продиктовалъ бюллетень о битвѣ: онъ велѣлъ прочесть его предъ своими генералами. Они нашли его совершенно вѣрнымъ, за исключеніемъ одного пункта. Наполеонъ признался во всемъ, за исключеніемъ взятія его экипажа. Эта подробность имѣла въ себѣ нѣчто унизительное для него; онъ хотѣлъ пощадить себя, хорошо зная, что воображеніе толпы прославляетъ великія несчастія и съ презрѣніемъ смотритъ на малыя. Его генералы настаивали. Онъ уступилъ. Все было сдѣлано. Франція и весь міръ узнали отъ самого Наполеона, какой смыслъ заключаетъ въ себѣ это прежде неизвѣстное имя — Ватерлоо.

IX. Обзоръ мнѣній, высказанныхъ о Ватерлооской битвѣ.

Такова была эта Ватерлооская битва, которая будетъ гремѣть въ отдаленнѣйшемъ потомствѣ на ряду съ битвами при Арбеллахъ и Замѣ, хотя, по правдѣ, она безпримѣрна въ исторіи по чудовищно-громадному счастью, рухнувшему въ одну минуту. Французы потеряли въ ней 25,000 человекъ, въ томъ числѣ 6,000 плѣнными. Пять генераловъ были убиты: Бодуэнъ, Дево, Жамень, Мишель, Дюгемъ; восемнадцать — ранены. Англо-голландцы потеряли 15,094 человекъ убитыми и ранеными, т. е. около четвертой части своей арміи; пруссаки — 7,000 человекъ. Эти послѣдніе справедливо гордятся многочисленностью войскъ, которыя Наполеонъ долженъ былъ употребить противъ нихъ: Они дѣлаютъ слѣдующее исчисленіе этихъ войскъ: Лобау — 16 батальоновъ; гвардія — 14; дивизія Дюрюта — 8; всего 38 батальоновъ, къ которымъ должно прибавить 3,000 кавалеристовъ Домона и Сюрбери. Итакъ почти половина французскихъ войскъ была занята прусскою арміей.

Историки насчитали до тринадцати роковыхъ случайностей въ этой короткой кампаніи. Сократимъ ихъ въ одну. Если здѣсь существовали измѣнники, то они, слава Богу, были слишкомъ малочисленны для того, чтобы имѣть вліяніе на событія. Въ теченіе этихъ четырехъ дней Наполеонъ былъ преданъ только собственнымъ своимъ геніемъ.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ утро 18 числа было потеряно обманчивою увѣренностью, которая давала прусскимъ корпусамъ время подоспѣть, битву почти можно было считать уже проигранною. Что касается до дурной погоды и дождя, то, сколько мнѣ извѣстно, никто теперь не допускаетъ этого извиненія, такъ-какъ слишкомъ очевидно, что оно плохо оправдываетъ ошибочную увѣренность, въ ко-

* Полковникъ Шаррасъ.

торой остался Наполеонъ. Двухъ часовъ мало для того, чтобы высушить почву, подобную бельгійской. Это было въ первый разъ, что вода Наполеона уступила подобнымъ препятствіямъ. Сверхъ того, корпусъ Релля, переночевавшій въ Женапъ, выступилъ 18 числа въ три часа утра; онъ первый сталъ на боевую линію у Ватерлоо. Что сдѣлалъ этотъ корпусъ, то могли сдѣлать и другіе. Ничто не препятствовало тому, чтобы начать дѣло въ восемь часовъ вмѣсто 12, и чтобы *рѣшительный натискъ былъ произведенъ въ девять часовъ утра* *.

Наполеонъ остался слѣпымъ на счетъ движеній прусской арміи до самой той минуты, когда, наконецъ, онъ долженъ былъ узнать, что войска, видѣвшіяся у Сентъ-Ламберта, были непріатели. Когда вдали показался Блюхеръ, можно было выбрать одно изъ трехъ рѣшеній, которыя, безъ сомнѣнія, представились уму императора.

Во-первыхъ—отступленіе. Никто не говоритъ, чтобы онъ остановился хоть одну минуту на этой мысли, и, признаюсь, я не имѣю духу упрекать его въ томъ, что онъ не рѣшился на это около втораго часа, когда отступить, конечно, было очень возможно и когда отъ него зависѣло поискать другого поля для битвы. Мы видимъ, мы знаемъ теперь, что это было бы благоразуміе, что съ большою силой доказываетъ полковникъ Шаррасъ, и на это, вѣроятно, рѣшились бы Цезарь, Тюренъ, принцъ Евгений, Фридрихъ II; но Наполеонъ находился уже въ такомъ положеніи, что наибольшее благоразуміе состояло въ наибольшей отвагѣ. Сверхъ того, могъ ли онъ быть увѣренъ, что этотъ авангардъ Булова скрываетъ за собою три другіе корпуса? Должно ли было, причиня въроятной опасности, брестись почти на вѣрную погибель? Если непріатель имѣлъ великое счастье получить подкрѣпленіе, то развѣ нельзя было разсчитывать и съ своей стороны на счастливый случай того же рода? Когда Наполеонъ пылливо всматривался въ горизонтъ, въ его умѣ возникали воспоминанія о Дезе при Маренго, о Неѣ при Эйлау. За Буловымъ онъ видѣлъ Груши, потому что онъ давно уже привыкъ ослѣпляться своею собственною славой. Притомъ, отступить—это еще ничего не значило; надлежало побѣдить, чтобы успокоить раздраженное общественное мнѣніе, которое въ первый разъ потребовало бы отчета за пролитую французскую кровь. Уже арміи—русская, австрійская, баварская—шли къ Рейну. Политика принуждала полководца къ безразсудной отвагѣ. Вотъ почему характеромъ битвы было—искать блистательной побѣды среди кризиса и бѣдствія. Таковы мотивы, представляемые людьми, одобряющими Наполеона за его настойчивую волю—произвести атаку около 2 часа. Въ этой настойчивости, они видятъ даже одну изъ великихъ рѣшимостей его жизни.

Но и они признаются, что совѣтъ другое было вечеромъ, но мѣръ того какъ ночь приближалась, несчастье возрастало, непріатель увеличивался въ числѣ. Не оставалось болѣе никакихъ шансовъ увидѣть появленіе Груши, котораго пушки раздавались болѣе чѣмъ въ трехъ льѣ отъ поля битвы. Тогда было бы благоразумно

* Jomini, Précis p. 224.

уступить невозможности. Не думая болѣе о побѣдѣ на этотъ разъ, оставалось одно: воспользоваться гвардейскимъ резервомъ, чтобы прикрыть отступление и спасти армию. И безъ сомнѣнія, для Наполеона была большая разница—оставить ли поле сраженія съ войскомъ, еще не побѣжденнымъ, или же бѣжать, бросивъ свою армию, истерзанную въ куски. Разумъ можетъ требовать, чтобы полководецъ не желалъ на возможнаго, и не ломалъ въ напрасной съ нимъ борьбѣ геройскія орудія, данныя для побѣды.

Наполеонъ даже вечеромъ, въ половинѣ восьмага, но смотря на приближеніе черныхъ массъ Цитена и Пирха, все еще упорно, одинъ, хочетъ идти противъ своей судьбы; онъ еще вѣритъ въ возможность найти блистательный триумфъ среди отчаяннаго кризиса. Слово—отступление не можетъ выйти изъ его устъ; онъ жертвуетъ своимъ послѣднимъ батальономъ, послѣднимъ взводомъ конвоя, послѣднимъ человекомъ. Онъ остается одинъ—и все еще не думаетъ отступить, какъ будто бы этою настойчивостью онъ хотѣлъ истощить несчастье и преодолѣть судьбу. Это уже не есть геній полководца, постоянно владѣющаго самимъ собою; это характеръ человѣка, который высказывается весь въ эту критическую минуту. Говорятъ, что Аннибалъ слѣмалъ тоже самое при Замѣ. Его армія была уже окружена, два крыла бѣжали съ поля сраженія, но онъ все еще думалъ одержать невозможную побѣду. Можетъ быть, именно по причинѣ этого послѣдняго сходства Наполеонъ всегда предпочиталъ Аннибала всѣмъ другимъ полководцамъ древности.

Таково мнѣніе тактиковъ. Прибавимъ къ нему мнѣніе моралиста, потому что самыя великія стратегическія операціи имѣютъ своимъ театромъ душу военачальника, и вы никогда не объясните дня, подобнаго дню Ватерлоо, если не дадите себѣ отчета въ томъ, что происходило тогда въ умѣ Наполеона.

Его дѣятельность ослабѣла, но непреклонность его характера не уменьшилась. Эта послѣдняя даже увеличилась тѣмъ родомъ жесткости, который приносятъ съ собою года, побѣды и даже поражение, и вотъ что произошло отъ этой несоразмѣрности. Въ рѣшительный часъ онъ заключился самъ въ себя, съ какою-то стояческою неподвижностью. Такъ какъ онъ былъ уже менѣе дѣятеленъ, то онъ позволилъ своимъ ошибкамъ произвести всѣ ихъ результаты; зло накопилось до того, что превратилось въ несчастье, не только невознаградимое, но и безпримѣрное.

Въ своей молодости онъ умѣлъ при случаѣ покоряться необходимости. Онъ уступилъ кое-что даже при Арколѣ, а потомъ при Маренго, гдѣ онъ ретировался на два льѣ. Онъ уступилъ еще разъ въ Сень-Жанъ-д'Акрѣ, и даже въ Эсслингѣ, гдѣ онъ обратно перешолъ одинъ рукавъ рѣки, чтобы повскать въ другомъ мѣстѣ лучшаго случая на лучшей почвѣ; но это было его послѣднимъ снисхожденіемъ къ неблагоприятной судьбѣ. Съ тѣхъ поръ его сто побѣдъ, по-видимому, оковали его и онъ дѣйствуетъ такъ, какъ будто все будетъ потеряно, если онъ отступитъ хоть на одинъ шагъ. Москва, Лейп-

цигъ, Ватерлоо — это три одинаковые результата одного и того же риска, три подобных послѣдствія одной и той же мысли: ничего не уступать ни на какомъ пунктѣ, все потерять или все отыграть вновь однимъ ударомъ. Не отступивъ во время изъ Москвы и Лейпцига, онъ навлекъ на себя бѣдствія 1812 и 1813 г., не отступивши во время при Ватерлоо, онъ былъ постигнутъ несчастіями 1815. Одинъ и тотъ же принципъ произвелъ одну и ту же катастрофу, только здѣсь все заключено и сокращено въ нѣскольکو часовъ.

Онъ хотѣлъ лучше погубить себя и свою армію, чѣмъ отсрочить побѣду: зрѣлише величественное въ глазахъ тѣхъ, которые смотрятъ на человѣческія дѣла какъ на трагедію Корнеля, гдѣ наиболѣе упорное дѣйствующее лицо играетъ самую прекрасную роль; но зрѣлище плачевное, если подумать, что здѣсь дѣло шло о наилучшихъ сокахъ французской крови и о спасеніи отечества. Какой-нибудь полководецъ, менѣе прославленный и могущественный, напр. Тюренъ, Гошъ, Клеберъ, Жуберъ, вѣроятно, не одержалъ бы побѣды; но такъ-какъ онъ не преминулъ бы отступить около двухъ часовъ, или по крайней мѣрѣ около шести, то и не произвелъ бы катастрофы, передъ которою цѣпенѣетъ человѣческое воображеніе. Такія наденія возможны только для людей, изъ которыхъ мы дѣлаемъ своихъ идоловъ: теряя свое равновѣсіе, они увлекаютъ съ собою все. Съ высоты своего пьедестала они вдругъ обрушиваются на народы, стоящіе предъ ними на колѣняхъ.

Во вторыхъ, рѣшеніе, которое выбралъ Наполеонъ въ минуту прибытія корпуса Булова на линію, было — послать, — хотя уже поздно, — корпусъ Лобау и резервы для занятія позиціи противъ пруссаковъ и прегражденія имъ пути. Это средство было предписано силою обстоятельствъ; никто не упрекалъ вождя французской арміи за то, что онъ къ нему прибѣгнулъ; оно, по видимому, соотвѣтствовало всѣмъ нуждамъ, и однакоже оно не могло предотвратить несчастье, ни даже уменьшить его. Это побудило къ изысканію — не существовало-ли еще другого средства, которое давало бы по крайней мѣрѣ какой-нибудь шансъ побѣды, — средства отчаяннаго, которое теперь легко указать, но трудно было допустить въ день 18-го іюня до тѣхъ поръ пока могла еще оставаться надежда — побѣднть посредствомъ обыкновенныхъ комбинацій.

Нельзя не убѣдиться, что содѣйствіе пруссаковъ въ ватерлооской битвѣ оставило Наполеону только одинъ шансъ побѣды. Съ той минуты какъ Буловъ показался у Сенъ-Ламберта до того момента какъ онъ вступилъ въ дѣло близъ Планшенуа, прошло три часа съ половиной. Всѣ шансы, оставшіеся у французовъ, зависѣли отъ употребленія этихъ минутъ. Въмѣсто того, чтобы направить Лобау и резервы противъ пруссаковъ и отложить возобновленіе атакъ противъ англичанъ, было возможно, говорятъ, другое рѣшеніе. Наполеонъ, вычисливъ три часа съ половиной, необходимые Булову для вступленія на боевую линію, могъ бы пренебречь этимъ корпусомъ, угрожавшимъ его правому флангу, такимъ же точно образомъ, какъ въ

Ривюи онъ пренебрегъ корпусомъ Лузиньяна, который хотѣлъ отрѣзать ему отступление. Въ этомъ случаѣ онъ могъ бы противопоставить Булову прикрытіе кавалеріи и фланкеровъ, которые засѣли бы въ Ланскомъ лѣсу, чтобы задержать его прибытіе еще на болѣе долгое время. Не теряя ни минуты, онъ могъ возобновить противъ лѣваго англійскаго крыла рѣшительную и отчаянную атаку. Эта самая кавалерія, которая бесполезно была растрачена въ наиболѣе трудномъ мѣстѣ поля сраженія, могла бы быть устремлена на лѣвый флангъ англичанъ, тамъ, гдѣ гребень возвышенной плоскости понижается и представляетъ болѣе свободный доступъ. Притомъ она тогда не осталась бы одна: она была бы поддержана всѣмъ, что было собрано изъ корпуса д'Эрлона. всю пѣхотой Лобау, а сама эта пѣхота имѣла бы для себя опору въ двадцати батальонахъ пѣшей гвардіи. Правда, для побѣды оставалось только три часа съ половиной; но сколько результатовъ могли бы произвести эти часы, употребленные такимъ образомъ! Уже одна кавалерія ввергла англійскую линію въ великую опасность: чтó же могло бы произойти, если бы за этою кавалеріей слѣдовала масса пѣхоты, которой скоро предстояло, въ свою очередь, истощиться безплодно и безъ поддержки! Безъ сомнѣнія, не будетъ слишкомъ опрометчиво — утверждать, что лѣвое англійское крыло было бы разбито и вся армія была бы обойдена съ фланга. Этого-то боялся Буловъ и это внушало ему мысль броситься преждевременно въ битву, съ половиною своего корпуса, когда остальная часть его войскъ была еще за нѣсколько льё назадъ.

Вотъ одно изъ послѣдствій, которыя очень вѣроятно могли бы произойти; но могло бы также случиться, — хотя это менѣе вѣроятно, — что трехъ часовъ не было бы достаточно для пораженія лѣваго англійскаго крыла; что кризисъ не былъ бы довольно подготовленъ, что непріятель, сохраняя еще свои силы, свои резервы нетронутыми, противопоставилъ бы отчаянному нападению не менѣе отчаянную оборону. Въ такомъ случаѣ Буловъ безпрепятственно зашелъ бы въ тылъ французской арміи, которая была бы занята съ фронта, не имѣя болѣе ни одного человека въ резервѣ. Побѣда у ней была бы такъ же отнята, только скорѣе, хотя съ послѣдствіями, кажется, менѣе гибельными, потому что корпуса Цирха и Цитена не не могли бы принять участія въ борьбѣ.

Таковы два шанса, которые представлялись Наполеону. Они могутъ быть взвѣшены людьми, любящими наполнять громадность этого великаго несчастія догадками, которыя легко строить теперь. Эти люди должны будутъ придти къ заключенію, что даже тотъ единственный шансъ побѣды, который оставался у Наполеона, былъ полонъ опасностей и ловушекъ и противенъ правиламъ войны, такъ-что, конечно, они не вдругъ рѣшатся сожалѣть о томъ, что онъ не былъ испробованъ. Наполеонъ былъ благоразуменъ и благоразуміе погубило его. Кто можетъ ручаться, что безразсудство было бы полезнѣе?

Х. Исследование суждений о поведении маршала Груши. — Заключение.

Впрочемъ, имя Груши покрыло все: ошибки, измѣна, несчастія, роковыя случайности — все имъ высказано. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ мнѣніемъ установившимся, непреодолимымъ; однакоже постараемся быть справедливыми, хотя эта справедливость и запоздала на полвѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ уже сорокъ лѣтъ какъ это остается еще вопросомъ: что случилось бы, если бы маршалъ Груши, слѣдуя съ вѣсту Жерара, пошелъ кратчайшимъ путемъ на ватерлооскую канонаду. «Груши былъ въ двухъ часахъ ходьбы отъ поля битвы», писалъ Наполеонъ въ своихъ мемуарахъ съ св. Влены. Два часа! Эти слова овладѣли воображеніемъ всѣхъ. Этого было слишкомъ много, чтобы заставить работать всѣ умы и дать матеріалъ для безчисленныхъ гипотезъ. Всѣ мы представляли себѣ Груши, который показывается до наступленія вечера у Планшенуа, вмѣсто пруссаковъ и обрушивается ватерлооское бѣдствіе на голову англичанъ. Не обращая вниманіе на мѣста, разстоянія, различныя препятствія, мы были увлечены и ослѣплены одною вещью: страшное ожиданіе, въ которомъ находился Наполеонъ весь день 18-го числа на Росскомъ холмѣ, овладѣваетъ нами до сихъ поръ, какъ только мы касаемся этихъ событій.

Странное дѣло: при такомъ множествѣ рассказовъ, всѣ они различны даже относительно главнаго пункта — именно, разстоянія, которое отдѣляло Груши отъ поля битвы. Наполеонъ говоритъ — два часа, Валазе — три, Жераръ — четыре съ половиной, Жомини — пять часовъ, полковникъ Шаррасъ — восемь или девять.

Я поручалъ измѣрить дорогу въ точности. Пѣшеходъ, идущій одинъ, обыкновеннымъ шагомъ, по пробѣднымъ дорогамъ, идетъ отъ Сар-ле-Вальгеа черезъ Мустье до планшенуаской колокольни пять часовъ двадцать семь минутъ. Вычислимъ, на основаніи этой подожительной данной, маршъ корпуса съ его артиллеріей и примемъ въ соображеніе переходъ по двумъ узкимъ мостамъ черезъ Дилъ — мы получимъ около 8 часовъ, которые назначаетъ для этого марша полковникъ Шаррасъ съ точностью, подтвержденіе которой я находилъ на каждомъ шагѣ.

Послѣ разстояній, обратимъ вниманіе на мѣста. Еслибъ Груши пошелъ на выстрѣлы, то онъ до самаго Поль-Сенъ-Вевсана нацѣлъ бы предъ собою почву открытую, обширные луга, потомъ, за Корбѣ, почву волнообразную, окончивающуюся оврагомъ. Тамъ, по удобному склону, онъ сошелъ бы къ Дилю, имѣющему 7 метровъ ширины, глубокому и быстрому. Онъ перешелъ бы черезъ него по двумъ каменнымъ мостамъ въ Мустье и въ Отиньи, находящимся въ четверти лѣ отъ другаго. Отъ Мустье до Сиру, сперва короткою ущелье, вслѣдъ затѣмъ обширныя плоскости на песчаной почвѣ. Только на обратной сторонѣ этихъ плоскостей, около Марандера,

онъ встрѣтилъ бы крутую почву, но тогда онъ былъ бы уже близъ поля сраженія, и командовалъ бы надъ нимъ, его видѣла бы вся армія: это сосѣдство удвоило бы его силы. Дойдя до цѣли, онъ не могъ бы ее миновать.

Таковы мѣста и разстоянія; посмотримъ, какое заключеніе можно вывести изъ нихъ. Одни думаютъ, что Груши могъ бы придти къ полю битвы, безъ препятствія, около семи часовъ; они ссылаются при этомъ на удобопроезжимость мѣстъ, которыя только-что сейчасъ нами описаны. Другіе, съ большимъ основаніемъ, полагаютъ, что прусская армія атаковала бы Груши на какой нибудь посредствующей позиціи, расположенной позади Дила, и преградила бы ему дорогу; но они признаютъ, что если бы побѣда сдѣлалась трудною для французовъ, то несчастіе непременно было бы менѣе значительно, потому что тогда половина прусскихъ войскъ не могла бы появиться у Ватерлоо. Третьи, наконецъ, и въ томъ числѣ полковникъ Шаррасъ, думаютъ, что маршъ Груши на пушечные выстрѣлы нисколько бы не уменьшилъ ни объема, ни пансовъ несчастія; и приводимыя Шаррасомъ доказательства этой мысли, безспорно, значительны. Онъ говоритъ, что если прусскіе корпуса, отправившись изъ Вавра въ полдень, употребили семь часовъ съ половиною на то, чтобы дойти до герцога Уэллингтона, то войско Груши навѣрно употребило бы на это болѣе времени, потому что ему предстояло сдѣлать болѣе длинный путь; оно пришло бы въ девять часовъ, можетъ быть, даже въ десять, послѣ того, какъ все уже было бы кончено. Предположимъ, что Блюхеръ захотѣлъ бы остановить Груши въ его маршѣ: онъ ограничился бы тѣмъ, что противопоставилъ бы ему спереди, сзади и съ фланговъ корпуса Пярха и Тильмана, и продолжалъ бы идти для нанесенія рѣшительнаго удара при Ватерлоо, съ корпусами Булова и корпусомъ Цитена, вмѣстѣ съ которыми при концѣ битвы было уже достаточно для того, чтобы дать побѣду герцогу Уэллингтону. Въ случаѣ принятія совѣта Жерара разница была бы только та, что корпусъ Груши былъ бы окруженъ въ своемъ отступленіи. Этотъ результатъ дѣлался неизбѣжнымъ вслѣдствіе слишкомъ большого числительнаго различія между корпусомъ Груши, состоявшимъ изъ 33,000 человекъ, и корпусами Блюхера изъ 90,000, различія столь важнаго, что еслибы даже Груши, выходя изъ Жамблу, пошелъ вправо, чрезъ Монъ-Сенъ-Гиберъ, исходъ кампаніи былъ бы все тотъ же самый. Сорокъ тысячъ пруссаковъ остановили бы Груши у Монъ-Сенъ-Гибера. Остальныя пятьдесятъ тысячъ появились бы у Ватерлоо, и послѣдствіе было бы совершенно такое же.

Эти доводы важны и замѣтуютъ еще новую силу отъ ученой точности, съ которою они изложены полковникомъ Шаррасомъ. И однако же во мнѣ остается еще не одно сомнѣніе: я невольно сопротивляюсь; потому ли что привычку къ извѣстному предрасудку трудно искоренить, или потому, что мы чувствуемъ потребность сохранять какую-то ложную надежду даже въ разсказѣ о несчастіи уже

минувшемъ, или же, наконецъ, потому, что вступивъ развѣ на поле догадокъ, мы не легко соглашаемся его оставить. Я опровергаю предположенія предположеніями. Я не могу не противопоставить глубокимъ замѣчаніямъ полковника Шарраса слѣдующія соображенія: здѣсь не слѣдуетъ измѣрять разстоянія именно тѣмъ временемъ, какое употребили прусскіе корпусы для своего перехода, такъ какъ достоверно, что часть этихъ корпусовъ возвращалась назадъ и потеряла драгоценное время на бесполезные контр-марши. Притомъ, чтобы два корпуса арміи могли дѣйствовать другъ на друга, для этого имъ нѣтъ необходимости встрѣчаться или приходить въ соприкосновеніе между собою. Они удерживаютъ и нейтрализуютъ другъ друга издали. Уже одинъ видъ производитъ иногда такое же дѣйствіе какъ и ударъ. Итакъ, для того, чтобы произвести большое вліяніе на исходъ битвы, не было надобности, что бы Груши дошелъ до самаго поля битвы при Ватерлоо. Уже одно появленіе колоннъ Жерара, Вандама, Эксельмана вдаль, на плоскости Корбэ, непременно произвело бы эффектъ. Развѣ въ этой самой кампаніи не было примѣровъ того, что можетъ сдѣлать даже отдаленный корпусъ, который показывается неожиданно? Два раза всѣ диспозиціи Наполеона были измѣнены вслѣдствіе появленія войска еще отдаленнаго и неизвѣстнаго: въ Линьхъ, при видѣ корпуса д'Эрлона, въ Ватерлоо, при видѣ войскъ Булова. Итакъ, позволятельно думать, что появленіе Груши произвело бы подобное же дѣйствіе на непріятеля. Можетъ быть, скажутъ, что Блюхеръ обнаружилъ бы рѣшимость, которой не достало у Наполеона? Мы съ достоверностію можемъ утверждать противное, потому что Блюхеръ приостановилъ свое движеніе при первомъ извѣстіи, что французскіе фланкеры приближаются къ Дялю. Что же бы онъ сдѣлалъ, если бы въ тылу у него, вмѣсто нѣсколькихъ фланкеровъ, появилось все правое крыло французской арміи? Тогда остановились бы уже не только нѣсколько прусскихъ полковъ Булова и Пирха, но, вѣроятно, всѣ ихъ корпуса. Это заняло бы нѣсколько времени, что послужило бы въ пользу французамъ. Читатель продолжалъ бы идти. Да, безъ сомнѣнія; но когда бы онъ появился, около семи часовъ, безъ Булова и Пирха, онъ могъ бы найти англійскую армію уже бѣгущую. Вотъ одинъ изъ шансовъ, которые представились бы вслѣдствіе содѣйствія Груши.

И кто можетъ сказать, въ какое замѣшательство оно привело-бы умы прусскихъ генераловъ? Предположить, что они дѣйствовали-бы во всемъ наиболѣе сообразно съ своими интересами — это значитъ приписывать имъ точное знаніе положенія вещей, такое, какимъ мы обладаемъ теперь и которымъ они не могли обладать въ то время. Итакъ, оставалось большое поле для случайностей и ошибокъ. Если Блюхеръ обманывалъ Груши въ теченіе тридцати шести часовъ, то развѣ не могъ Груши, съ своею многочисленною кавалеріею, обманывать генерала Тильмана въ теченіе трехъ часовъ и задержать его въ Ваврѣ, между тѣмъ какъ самъ онъ переправился-бы черезъ Дяль на три льѣ выше?

Несоответствіе между 33,000 французовъ и 90,000 пруссаковъ, безъ сомнѣнія, громадно; но при Катр-Вра 20,000 чел. Нея остановили 50,000 англичанъ Уэллингтона. Дѣло Груши состояло не въ томъ, чтобы побѣдить, а только чтобы оспаривать проходъ у Пирха, Цитена, или по крайней мѣрѣ задержать ихъ мартъ на нѣсколько часовъ и не дать имъ наводнить до наступленія ночи поле сраженія. Этого было-бы достаточно—не для того, чтобы обезпечить рѣшительную побѣду французской арміи, которая уже пять часовъ не имѣла резерва, но для того, чтобы за нею осталось, вмѣстѣ съ полемъ битвы, преимущество въ борьбѣ этого дня. Такой выводъ по крайней мѣрѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ среди противоположныхъ одна другой догадокъ. для положительнаго утверженія которыхъ невозможно найти неопровержимаго мотива.

Во всякомъ случаѣ, вопросъ о томъ, долженъ ли Груши одинъ нести отвѣтственность за отсутствіе праваго крыла при Ватерлоо, рѣшонъ. Здѣсь факты, обстоятельства не допускаютъ болѣе сомнѣній. Необыкновенное искусство, съ которыми въ реляціяхъ съ св. Влены была скрыта эта часть исторіи кампаніи 1815 г., могло обманывать насъ около полувѣка. Это время прошло; легенда разсѣялась и ея мѣсто занимаетъ исторія.

Наполеонъ оставилъ Груши 16-го числа въ Линьи, въ полдень, съ единственною неопредѣленною инструкціей—преслѣдовать пруссаковъ. Съ этой минуты—никакого непрерывнаго сообщенія съ Груши, никакого свѣденія, которое было-бы передано этому генералу; никакого предчувствія на счетъ намѣреній непріятеля. Вечеромъ, 17-го, когда французы догнали англійскую армію, самыя простыя предосторожности были забыты, ни одной рекогносцировки не было сдѣлано справа, въ той сторонѣ гдѣ находился Груши; Ланское ущелье оставлено свободнымъ для непріятеля; тамъ французы не имѣли ни одного пикета. Передовые разѣзды Булова находились уже на флангъ въ Сиру, а на нихъ не было обращено вниманія. Въ ночь съ 17 на 18-е не дано никакой положительной инструкціи начальнику праваго крыла, между тѣмъ какъ Уэллингтонъ и Блюхеръ имѣли другъ съ другомъ сообщеніе каждую минуту. Вся эта долгая ночь потеряна въ неизвѣстности, потому-что нельзя вѣрить существованію приказаній, переданныхъ единственнымъ офицеромъ, отъ которыхъ не осталось никакого слѣда даже въ позднѣйшихъ приказаніяхъ. Утромъ — та же безпечность: когда гусары Блюхера стали ведетами въ Фришермонтскомъ лѣсу, заступивъ тамъ мѣсто англійскихъ аванпостовъ, ослѣпленіе все еще продолжалось и прекратилось только тогда, когда прусаки вышли массой на возвышенности Сенъ-Ламберта, но и въ это даже время, отъ одного до четырехъ часовъ съ половиною—ни одной дѣйствительной мѣры, чтобы оспаривать у нихъ дефиле Ланскаго лѣса, гдѣ, по ихъ собственному признанію, ихъ остановили-бы нѣсколько батальоновъ. Смутная надежда увидѣть за пруссаками Груши заступила мѣсто всякой дѣйствительной предосторожности для предупрежденія ихъ. Въ первомъ при-

казаніи, посланномъ этому маршалу около десяти часовъ, за нѣскольکو времени до битвы, не заключалось ничего кромѣ простой инструкціи—связывать операціи; маршъ на Вавръ одобренъ и утвержденъ, но даже въ этотъ часъ не дано формальнаго приказанія направить все войско или часть его къ Ватерлоо. Это приказаніе дано уже въ часъ пополудни, подъ ударомъ необходимости; оно дойдетъ до Груши, находящагося въ 5 льё отъ поля битвы, въ семь часовъ вечера, за нѣскольکو минутъ до окончанія катастрофы. Эти ошибки не принадлежатъ Груши; онѣ всѣ принадлежатъ Наполеону.

Итакъ Ватерлооское бѣдствіе не есть результатъ какой-нибудь одной ошибки, а цѣлаго ряда ошибокъ, изъ которыхъ однѣ—отдаленныя, а другія непосредственныя и которыя можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: недостаточность энергіи, внушенной общественному духу, оставленіе націи въ усыпленіи цѣлые три мѣсяца на краю опасности: отсюда—незначительность прибавки къ арміи, которая увеличилась только 45,000 чел.; на другой день по выступленіи въ походъ, медленность Наполеона въ принятіи какого-нибудь рѣшенія въ Шарльруа: отсюда—потеря всего утра 16-го числа, невозможность воспользоваться побѣдою при Линьи; пренебреженіе 20,000 чел. д'Эрлона, появившимися въ виду Сенъ-Аманда и неупотребленными въ дѣло; предоставленіе непріятелю, въ ночь съ 16 на 17-е, полной свободы соединиться и оправиться, что позволило ему приготовиться и вступить на другой день на линію вмѣстѣ съ англичанами; потеря всего утра 17 ч. въ напрасномъ ожиданіи: отсюда невозможность дойти до англичанъ въ этотъ день и разбить ихъ по частямъ; заблужденіе на счетъ плановъ Уэллингтона, продолжавшееся до конца и упорно сохранявшееся въ ту самую минуту, когда эти планы уже исполнялись; презрѣніе къ непріятелю, котораго считали погибшимъ, заставившее не бояться его; потеря цѣлаго утра 18 числа въ ложной увѣренности на счетъ своей безопасности и слишкомъ позднее нападеніе на англичанъ при Ватерлоо, подобное столь же позднему нападенію на пруссаковъ при Линьи; измѣненіе плана битвы послѣ неудачи генерала д'Эрлона. и, вслѣдствіе этого измѣненія и этой неудачи, несчастное построеніе перваго корпуса; принятіе войскъ Булова за простой отрядъ, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ то, что не было принято ни мѣры наиболѣе благоразумной, состоявшей въ отступленіи, ни мѣры наиболѣе отважной, состоявшей въ томъ, чтобы воспользоваться оставшимися еще временемъ для побѣды, возобновить рѣшительную атаку со всѣми своими силами и предупредить прусскую армію; наконецъ,—какъ неизбежный результатъ всѣхъ этихъ промедленій, отсрочекъ, колебаній, иллюзій, этого преувеличеннаго пренебреженія къ непріятелю,—появленіе 60,000 пруссаковъ Булова, Цитена и Парха на полѣ битвы...

Участіе Груши въ ошибкахъ очевидно: ему слѣдовало бы утромъ 18 числа идти черезъ Монъ-Сенъ-Гиберъ: не сдѣлавши этого, онъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, около полудня пойти изъ Сар-ле-

Вальгера къ Ватерлоо. Вотъ его ошибки; онѣ были истолкованы, преувеличены воображеніемъ и догадками, которымъ предавались всѣ современники.

Ошибки Наполеона не менѣ очевидны: онѣ болѣе многочисленны, онѣ начинаются гораздо раньше, но между тѣмъ, какъ воображеніе людей дѣлало комментарія на промахи Груши, оно скрыло промахи Наполеона. Люди раздавливали память подчиненнаго, навязавъ ему, кромѣ его собственныхъ ошибокъ, ошибки его начальника. Главному вождю предоставили славу несчастья, избавивъ его отъ отвѣтственности. Препятствія знаменитость помѣшала современникамъ подозрѣвать ошибки; они лучше хотѣли обвинять несправедливость судьбы, нежели подвергнуть себя риску—посредствомъ болѣе внимательнаго изслѣдованія найти, что побѣжденный Наполеонъ самъ былъ первымъ виновникомъ своего пораженія.

Сверхъ того, если вѣрить наиболее компетентнымъ судьямъ*, мало извѣстно генераловъ, которые взяли-бы на себя рѣшимость выполнить совѣтъ, данный маршалу Груши, потому что въ этихъ крайнихъ случаяхъ одной воинственной энергіи не всегда бываетъ достаточно. Здѣсь необходимы: внезапное отрѣшеніе изъ всей своей личности и славы, возвышенность ума, гордость души, которыя почти неизбѣжно бываютъ заглушаемы слишкомъ продолжительною привычкою повиноваться въ качествѣ второстепеннаго лица, и страхомъ не угодить начальнику. Клеберъ, Гопъ, Жуберъ, Дезэ выполнили-бы это движеніе, взявъ его на свой рискъ и на свою отвѣтственность; но имперія перестала уже производить подобныхъ людей,—и была наказана за это своею погибелюю.

Что касается до меня, я не буду считать себя потерявшимъ слишкомъ много времени въ созерцаніи и изслѣдованіи этого великаго паденія, если только мнѣ удастся способствовать къ утверженію въ исторіи той полезной для всѣхъ истины, что никто не погибаетъ иначе, какъ по своей собственной винѣ. Избѣжалъ ли Наполеонъ этого тяжкаго суроваго закона человѣческой природы? Неужели продолжительныя несчастія не могли имѣть на него никакого вліянія? Неужели они нисколько не уменьшили силы его цорыповъ и его вѣры въ себя самого? Неужели всѣ другіе люди упали и только онъ одинъ остался неуязвимымъ? Нѣтъ, подобнаго неравенства не было видано на землѣ. Если другіе утратили кое-что, то и онъ пострадалъ внутренно, хотя умѣлъ скрыть это съ большимъ искусствомъ, Сдѣлавшись въ своей рѣшимости болѣе медленнымъ, чѣмъ во время другихъ своихъ кампаній (такъ-какъ онъ собственнымъ опытомъ убѣдился, что ему нельзя обманываться безнаказанно), онъ не предоставлялъ уже ничего счастью. Взвѣсивши все, онъ давалъ случаю пройти. Приказаніе приходило послѣ; въ то время когда оно только-что было отдано, ему слѣдовало быть уже исполненнымъ. Сверхъ того, Наполеонъ научилъ своихъ враговъ военному искусству и особенно смѣлости. Отвага Блюхера, не смотря на его семидесяти-

* Jomini, Précis, p. 224.

лѣтній возрастъ, была невѣроятна. Наконецъ французы теперь имѣли дѣло уже не съ арміями Альвинци и Вурмсера, сражавшимися только по ремеслу. Пруссаки выказали въ этой войнѣ страсть, доходящую до бѣшенства. Французы оставались тѣмъ же чѣмъ были всегда: старыми солдатами, выигравшими сто битвъ; но непріятель былъ уже другой. Ненависть за продолжительное рабство, жажда мести дали иностраннымъ войскамъ силу народного возстанія. Эти войска были народы, а народы сдѣлались враждебнѣе государей.

Таковы, сколько я могъ открыть посредствомъ упорнаго труда, были естественныя причины ватерлооскаго бѣдствія. Я настаивалъ на этомъ трудѣ въ томъ убѣжденіи, что для избѣжанія подобныхъ несчастій прежде всего надо понять и объяснить ихъ. Когда къ общественной скорби присоединяется древнее суевѣріе о предопредѣленіи судьбы, то разсудокъ народа разстроивается; поражение проникаетъ въ самое сердце; такъ-какъ самымъ худшимъ въ подобныхъ бѣдствіяхъ всегда будутъ прибавляемыя къ нимъ фантазіей догадки и предположенія, — это бездонное море, въ которомъ теряется мысль. Обратитъ событія къ ихъ причинѣ, замѣнитъ воображеніе разумомъ, догадки достовѣрностью — это въ нѣкоторомъ родѣ тоже что ограничить самое несчастіе.

Отреченіе.

ЧАСТЬ ПОСЛѢДНЯЯ.

I. СРАЖЕНІЕ ПРИ ВАВРЬ. ОТСТУПЛЕНІЕ ГРУШИ.

Большая часть историковъ оканчиваютъ здѣсь исторію кампаніи 1815 г. Они даже не упоминаютъ о битвахъ Груши, по чувству мщенія, по забывчивости, или потому, что эти битвы остались безплодными, такъ-какъ все уже было рѣшено при Ватерлоо и драма кончилась вмѣстѣ съ надеждой.

Въ ту самую минуту какъ Буловъ вступалъ на линію ватерлооской битвы, маршалъ Груши дошелъ до возвышенностей Вавра. При звукѣ отдаленной канонады, онъ ускорилъ шагъ. Наконецъ онъ увидѣлъ непріятельскія войска на позиціи, менѣе чѣмъ въ половинѣ льѣ отъ себя: это былъ корпусъ Тильмана. Двѣ арміи были раздѣлены узкою долиною и въ особенности рѣкою Дилемъ, которая, вздувшись отъ дождей, изливалась на болотистый лугъ. Холмы со стороны французовъ были выше, а со стороны пруссаковъ — круче. Среди долины былъ расположенъ городокъ Вавръ, почти весь на другомъ берегу, за исключеніемъ нѣсколькихъ домовъ, разсыпанныхъ въ глубинѣ равнины.

Между тѣмъ, какъ Груши воображалъ, что видитъ предъ собою главную массу прусской арміи, Тильманъ, напротивъ, по причинѣ слабого преслѣдованія, которое было употреблено противъ него со стороны французовъ, думалъ, что онъ имѣетъ дѣло съ простымъ

отрядомъ. Онъ приготовлялся послѣдовать общему движенію къ Ватерлоо. Онъ даже послалъ уже одну изъ своихъ бригадъ къ Сенъ-Ламберту, когда показались французы. Онъ рѣшился горячо оспаривать у нихъ дефиле. Выходы мостовъ были заняты; въ параллельныхъ улицахъ собраны войска; въ отдаленіи, на возвышенностяхъ, поставлены резервы, противъ каждаго пункта прохода.

Груши, болѣе и болѣе волнующій гуломъ этихъ четырехъ сотъ орудій, которыя гремѣли непрерывно на краю горизонта, едва имѣлъ время осмотрѣть мѣстность. Онъ рѣшился на одно: стремглавъ броситься на непріятели по кратчайшему пути. Въ нетерпѣливомъ желаніи схватки, оба войска начали дѣло издали, какъ только завидѣли другъ-друга. Подъ этимъ длиннымъ сводомъ, французскіе стрѣлки бросаются въ долину, они разсѣваются по берегу Дюля и чрезъ эту узкую рѣку завязываютъ перестрѣлку съ стрѣлками непріятели, расположенными на противоположномъ берегу. За этою ширмой формируются колонны Вандама. Мосты не были разрушены; французы вѣбгаютъ на нихъ. Начинается борьба, продолжающаяся нѣсколько часовъ. Едва французы успѣли перебраться чрезъ мосты, передовыя части непріятельскихъ колоннъ выходятъ изъ поперечныхъ улицъ. Тамъ еще разъ произошла одна изъ тѣхъ уличныхъ схватокъ, въ которыхъ нападеніе встрѣчаетъ препятствіе на каждомъ шагу. Стремительность ничего не можетъ сдѣлать безъ помощи времени и терпѣнія.

Одиннадцать разъ корпусъ Вандама потерпѣлъ неудачу въ этихъ атакахъ съ фронта. Тогда Груши пробуетъ провести войска чрезъ Біержскую мельницу, расположенную выше, въ 1,200 метрахъ отъ города, на чистомъ полѣ; но и тамъ сопротивленіе упорно, препятствіе велико: это — узкій мостъ между двумя стѣнами, выходящій на дворъ, повсюду укрѣпленный, а выше развернутая амфитеатромъ 12 прусская дивизія, съ батареей, командующею надъ проходомъ. Одинъ батальонъ Вандама былъ уже отбитъ. Груши, начиная терять терпѣніе, беретъ съ собою одинъ батальонъ 4-го корпуса и ведетъ его въ атаку на Біержскій мостъ. Генералъ Жераръ идетъ впереди. Онъ одинъ имѣлъ тогда ясное предчувствіе близкихъ бѣдствій. Недовольный своимъ начальникомъ, онъ, казалось, искалъ смерти. Онъ падаетъ, пораженный пулей въ грудь на вылетъ. Атака не удалась.

Въ это время Груши получилъ вторую депешу Наполеона, писанную въ часъ: «Не теряйте ни минуты, чтобы приблизиться къ намъ и раздавить Булова, котораго вы захватите на мѣстѣ преступленія.» Какая бездна отдѣляетъ моментъ, когда были написаны эти слова отъ того, когда они были получены! *Раздавить Булова!* Онъ въ это время дрался съ Лобау, въ Планшенуа, въ четырехъ льѣ оттуда. Между тѣмъ угрожающій кризисъ вразумилъ Груши и онъ сдѣлалъ то, что долженъ бы сдѣлать въ началѣ атаки. Онъ обходитъ Вавръ и Лималь. Тамъ возвышенности, вдругъ понижаясь къ Дюлю, благопріятствуютъ стремительному нападенію дивизіи Теста. Она неожиданно

бросается на мостъ, который не былъ даже баррикадированъ, и переходитъ черезъ него. Двѣ дивизіи Жерара слѣдуютъ за нею бѣглымъ шагомъ. Три батальона и три эскадрона пруссаковъ, охранявшіе мостъ, опрокинуты. Пѣхота Вишери и кавалерія Пажоля заняли возвышенности перпендикулярно ко всему корпусу Тильмана.

Ночь наступала, сраженіе продолжалось. Среди темноты, пруссаки старались, посредствомъ своего резерва, вновь отбросить на Диль войска Пажоля и Жерара; но тьма была уже такъ глубока, что нападавшіе сбивались съ своихъ линій направленія. Они сталкивались другъ съ другомъ и отступили къ лѣсу Позен-дю-Журъ. Груши расположился бивуакомъ, тамъ гдѣ находился; два его корпуса были раздѣлены Дилемъ. Онъ послалъ передъ тѣмъ генерала Вертона, съ его кавалеріей, по Намюрской дорогѣ въ Лувенъ: до такой степени мысль — отыскивать непріятеля по направленію къ Маасу упорно сохранялась въ его умѣ долгое время, послѣ того, какъ событія рѣшили уже противное!

Въ полночь, въ Дималѣ, Груши, не имѣя никакихъ свѣстій, намѣревался на разсвѣтѣ сдѣлать рѣшительный натискъ, чтобы смять непріятеля и затѣмъ со всѣми своими силами двинуться къ императору, котораго онъ предполагалъ побѣдителемъ; и онъ имѣлъ нѣкоторую надежду успѣть въ этомъ движеніи, хотя еще не былъ увѣренъ въ томъ, что предъ нимъ не стоятъ Влюхеръ и Вуловъ. Такимъ образомъ то самое дѣйствіе, которое онъ считалъ невыполнимымъ въ то время, когда оно было возможно и когда его совѣтовалъ Жераръ, ему показалось имѣющимъ шансы успѣха теперь, когда императоръ приказывалъ его выполнить и когда оно сдѣлалось уже невозможнымъ. .

Исполненный этихъ отважныхъ плановъ, которыми онъ обманывалъ свое томительное безпокойство, Груши въ полночь написалъ къ Вандаму, чтобы тотъ присоединился къ нему какъ можно скорѣе на лѣвомъ берегу. Именемъ родины заклиналъ онъ этого генерала придти немедленно, для содѣйствія въ рѣшительномъ нападеніи на непріятеля. Какимъ образомъ подобныя слова и подобныя минуты могли остаться подѣйствительными? Вандамъ не пришолъ; онъ остался глухъ къ этимъ убѣдительнымъ приказаніямъ. Его тридцать одинъ батальонъ остались на другомъ берегу, противъ Вавра. Причиною этого страннаго бездѣйствія было, вѣроятно, то, что мосты оставались во власти пруссаковъ. Сверхъ того и тамъ сраженіе продолжалось до одиннадцати часовъ вечера. Только глубокая ночь, да истощеніе солдатъ могли его прервать и, какъ впоследствии писалъ Груши Наполеону, «уже не слышно было пушекъ ватего величества.»

Ночь прошла въ этомъ ожиданіи, не принеся никакого вѣрнаго извѣстія о битвѣ. Никто во французскомъ корпусѣ не сомнѣвался, что Наполеонъ одержалъ побѣду. Напротивъ того, генералъ Тильманъ получилъ первое, еще неопредѣленное, свѣденіе о происходившемъ при Ватерлоо, и на основаніи этого слуха думалъ, что Груши поспѣшить отступить. Это дало прусскому генералу рѣшимость смѣло

начать дѣло на разсвѣтъ 19 числа, когда Груши и Вандамъ были еще раздѣлены рѣкою. Пруссаки пошли впередъ съ громкими ура, съ восторженною увѣренностію, которую внушало имъ первое извѣстіе о Ватерлоо. Французы, воображая, что имъ предстоитъ довершить побѣду Наполеона, двинулись съ тою же увѣренностію, такъ что обѣ арміи въ одно и тоже время приняли наступательное положеніе.

Первая линія Груши была сформирована изъ дивизіи Теста и двухъ дивизій Жерара; третья дивизія этого послѣдняго была въ резервѣ. Маршалъ занималъ лимальскую плоскость, лѣвый флангъ находился противъ Риксенсарскаго лѣса, правый — противъ Вьержа; кавалерія Пажоля, на лѣвой оконечности, грозила обойти правое крыло пруссаковъ: они уступили и французы овладѣли лѣсомъ; но въ этой неудачѣ непріятель былъ очень скоро утѣшенъ, потому что въ восемь часовъ генералъ Тильманъ получилъ достовѣрное извѣстіе о ватерлооской побѣдѣ, и о томъ, что корпусъ Пирха посланъ отрѣзать отступленіе Груши на Самбру. Теперь задача непріятелей была легка: успѣютъ ли они удержать Груши предъ Вавромъ, или же увлекутъ его за собою въ своемъ отступленіи — въ обоихъ случаяхъ онъ казался погибшимъ. Тогда-то, можетъ быть въ первый разъ, представилось зрѣлище двухъ сражающихся армій, изъ которыхъ одну подкрѣпляла положительная увѣренность въ одержанной побѣдѣ, а другую смутная и упорная надежда; и перевѣсъ остался на сторонѣ именно той изъ нихъ, которая не имѣла ничего кромѣ этой надежды. Французы вновь берутъ риксенсарскій лѣсъ. На правой сторонѣ, въ девять часовъ, дивизія Теста овладѣваетъ деревнею Вьержъ и ея мостомъ. Корпусъ Вандама выступаетъ, пруссаки вытѣснены изъ Вавра. Тильманъ, многочисленными колоннами, ретируется чрезъ Оттембургъ къ Сент-Ахтенроду; французская кавалерія преслѣдуетъ его. Весь корпусъ Груши радуется. Да и какъ могъ онъ думать, что, слѣдуя по пути побѣды, онъ идетъ къ безднѣ гибели? Пруссаки потеряли 2476 чел., потеря французовъ неизвѣстна. Никакое донесеніе не опредѣлило ея числа, вслѣдствіе ли поспѣшности или потому, что на потерю нѣсколькихъ тысячъ человекъ не обратили вниманія, какъ на дѣло незначительное, узнавъ о несчастіи предшествовавшаго дня.

Было одиннадцать часовъ утра. Груши, одержавшій полную побѣду, миновалъ уже Розьеръ, когда офицеръ, посланный ночью изъ Катр-Бра, наконецъ доѣхалъ до него. Этотъ офицеръ употребилъ двѣнадцать часовъ для своего переѣзда. Онъ не привезъ депешъ, а только разсказалъ, что видѣлъ. Слушая его, маршалъ заплакалъ и въ слезахъ, пролитыхъ о погибшей арміи, было также предчувствіе того, что Ватерлооское бѣдствіе будетъ приписано ему и помрачитъ его память. Другіе говорятъ, что мысль о невознагражденномъ несчастіи не укладывалась сперва въ его умъ: онъ былъ побѣдителемъ и считалъ такимъ же и Наполеона. Съ высоты этой двойной побѣды онъ низвергнутъ былъ въ бездну пораженія. Человекъ не

может перейти отъ одной подобной крайности къ другой безъ борьбы, и говорятъ, что Груши, по внушенію Вандама, думалъ-было обратить несчастіе въ триумфъ, бросившись съ своимъ корпусомъ, чрезъ Брюссель, на побѣдителей, и напасть на нихъ съ обратной стороны, надѣясь застать ихъ въ безпорядкѣ и безпечности побѣды. Что отчаяніе внушило такой планъ мужественнымъ людямъ въ первую минуту волненія, когда былъ собранъ военный совѣтъ— это натурально и правдоподобно; но размышленіе скоро уничтожило этотъ планъ, и Груши не остановилъ на немъ своихъ мыслей: онъ основательно разсудилъ, что его корпусъ слишкомъ слабъ для подобнаго предпріятія, что онъ будетъ задавленъ непріятельскими массами. Все что онъ могъ сдѣлать, это—спасти 30,000 человекъ, которые еще оставались у него. Осушивъ свои слезы, онъ благоразумно далъ приказъ отступить.

Начатое 19-го числа, чрезъ четырнадцать часовъ послѣ Ватерлооской битвы, это отступленіе уже само по себѣ было опаснымъ предпріятіемъ. Его можно бы было считать невозможнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, надлежало быстро воротиться назадъ, по направленію, параллельному линіи Наполеона, броситься въ Намюръ, перейти тамъ Самбру, отыскивать не зная гдѣ, по теченію Мааса, остатки арміи; но въ этомъ промежуткѣ сколько разъ отступленіе могло быть отрѣзано! Оно могло быть отрѣзано или по эту или по ту сторону Самбры, въ длинномъ ущельи, по которому пролегаетъ дорога вдоль Мааса. Пруссакамъ же оставалось только выбирать, потому что, какъ мы видѣли, вечеромъ 18-го числа корпусъ Пирха былъ посланъ съ поля битвы на встрѣчу Груши. Пирхъ, идя всю ночь, 19-го числа очутился въ Мильри, между правымъ французскимъ крыломъ и Самброй. Такимъ образомъ отступленіе Груши было отрѣзано даже прежде чѣмъ онъ узналъ о потерѣ сраженія и подумалъ ретироваться. Непріятель—такъ какъ и у побѣдителей бываютъ свои ошибки—не воспользовался этими, необыкновенно благоприятными для него обстоятельствами. Пирхъ, убѣжденный въ томъ, что французскій корпусъ ушелъ, остановилъ свои войска; онъ потерялъ двадцать часовъ. Это спасло Груши, который, будучи угрожаемъ и съ фронта, и съ тыла и окруженъ со всѣхъ сторонъ войсками побѣдителей, казался забытою добычей Ватерлооской битвы.

И должно сказать, что этотъ столько обвиняемый генералъ, котораго жребій сдѣлался такъ тягостенъ, не былъ лишонъ счастья, какъ только все было потеряно и громадность бѣдствія заставила его быть рѣшительнымъ. Онъ умѣетъ дѣйствовать съ тѣхъ поръ, какъ несчастье, освободивъ его отъ затруднительности выбора, вмѣстѣ съ тѣмъ освободило его отъ необходимости раздумывать. Онъ умѣетъ теперь обманывать непріятеля, спѣшить, скрывать отъ него свои марши, словомъ знаетъ все, что казалось онъ забылъ въ колебаніи предшествовавшихъ дней. Бѣдствіе просвѣтило его умъ. Чтобы обмануть Тильмана, онъ оставляетъ свой арьергардъ въ Ваврѣ и въ Лималѣ до вечера. Эта хитрость ему удалась: онъ выигрываетъ все

послѣполуденное время 19-го числа. Человѣкъ, который не смѣлъ отдѣлать отряда при видѣ разбитой арміи, теперь дѣлитъ свои войска на части среди непріятельскаго, повсюду побѣдоноснаго войска. Онъ удерживаетъ за собою въ одно и то же время дорогу нѣзъ Жамблу и дорогу изъ Лимала въ Самбрѣѣ. Ему предшествуетъ кавалерія Эксельмана, восемь драгунскихъ полковъ, которые мчатся для Намюра, чтобы обезпечить его за собою. Вчера все было трудностью и невозможностью: дороги, проводники, погода, дождь; сегодня препятствія исчезли. Неужели это тотъ самый генералъ, который останавливался въ нерѣшимости у каждаго перекрестка? Онъ бѣжитъ, у него есть крылья,—до такой степени справедливо, что самыя худшія изъ препятствій на войнѣ, какъ и вездѣ, заключаются въ помраченіи ума. Вбросьте въ него свѣтъ и всѣ предметы измѣняютъ свой видъ.

Обманутый этимъ отступленіемъ, быстрымъ и вмѣстѣ разбѣреннымъ, Тильманъ узналъ о немъ только вечеромъ 19 числа, между Ахтенродомъ и Дувеномъ. Онъ начнетъ преслѣдованіе не раньше 20-го, онъ достигнетъ Груши не ближе какъ въ трехъ четвертяхъ льѣ отъ Намюра: Пирхъ уже дерется съ французскимъ арберггардомъ, во пѣхота Вандама воспользовалась льсомъ, прикрывающимъ предмѣстье города; она долгое время задерживаетъ тамъ пруссаковъ и убиваетъ у нихъ болѣе 1200 человѣкъ. Когда она удалилась съ главными силами арміи, въ городѣ осталась только дивизія генерала Теста; она баррикадируетъ двери, улицы и мосты, которыхъ не можетъ разрушить. Этотъ незначительный отрядъ показалъ, что можетъ сдѣлать, въ крайнихъ обстоятельствахъ, горсть храбрецовъ, которыми управляетъ мужественный начальникъ. Безъ артиллеріи, она отражаетъ яростныя приступы пруссаковъ. Офицеры поднимаютъ ружья убитыхъ и сами дѣлаются солдатами. Въ городѣ сохраняется величайшій порядокъ. Раненыя, припасы, обозы, уже удалены на линію отступленія. Когда уже не осталось ни одного пороховаго ящика, который бы нужно было спасти, тогда батальоны генерала Теста потянулись, по парашетамъ мостовъ, на правый берегъ Самбры. Въ то же время массы дерева и соломы, набросанныя французами у дверей, были подожжены и это еще болѣе замедлило приближеніе пруссаковъ. Имъ позволили овладѣть Намюромъ не прежде девяти часовъ вечера, когда они были уже раздѣлнены, измучены, неспособны преслѣдовать французовъ. Тестъ медленно удаляется по динанской дорогѣ въ Профондевиаль. Тамъ онъ даетъ своей дивизіи трехчасовой отдыхъ. Въ полночь онъ опять подымаетъ ее на ноги и присоединяется къ главной массѣ корпуса Груши въ Динанъ, въ четыре часа утра. Это столь смѣлое отступленіе, эта бодрость показываютъ, до какой степени духъ корпуса Груши остался непоколебимымъ. Если, своимъ невольнымъ отсутствіемъ, онъ сдѣлался причиною несчастія, то ему надлежало заглядѣть свою вину. Таково было положеніе солдатъ, офицеровъ и генераловъ Груши. Всѣ превзошли себя самихъ, чтобы заставить забыть или извинить свои ошибки. Притомъ они сохраняли полную надежду: ни одинъ изъ нихъ, говоря о битвѣ 18-го числа,

въ своихъ предчувствіяхъ и представленіяхъ далеко не подходилъ къ дѣйствительности.

Въ Парижѣ всѣ были въ ожиданіи; но побѣда при Ляньи, которую торжествовали и привѣтствовали 18 числа пушками Инвалидовъ, предвѣщала и другую побѣду. Тайна полученнаго извѣстія о Ватерлооскомъ пораженіи открылась въ первый разъ слѣдующимъ образомъ. Вечеромъ 20 числа у министра внутреннихъ дѣлъ, Карно, собралось многочисленное общество. Гости спрашивали его и не могли добиться отвѣта. Чтобы избавиться отъ этихъ докучливыхъ вопросовъ, Карно сѣлъ за карточный столъ съ тремя изъ своихъ пріятелей. Онъ началъ сдавать карты. Тотъ, отъ кого я слышалъ этотъ разсказъ *, сѣдѣлъ противъ министра и игралъ. Случайно онъ поднялъ глаза на Карно и увидѣлъ, что его лицо облято слезами. Всѣ бросаютъ карты, встаютъ: «сраженіе проиграно!» вскричалъ Карно, который не могъ удерживаться болѣе. Эта новость въ тотъ же вечеръ равнеслась по Парижу.

II. — Возвращеніе Наполеона въ Елисейскій дворецъ.

Но что дѣлалъ въ это время Наполеонъ? Прибывъ въ лагерь и находясь еще подъ вліаніемъ воинственныхъ впечатлѣній, онъ сначала хотѣлъ остановиться и собрать вокругъ себя свою армію. Въ немъ говорилъ еще инстинктъ спасенія; но его приближенные, напротивъ того, совѣтовали ему оставить армію и поспѣшить въ Парижъ, чтобы подкрѣпить себя содѣйствіемъ палаты. Онъ уступилъ безъ малѣйшаго сопротивленія. Теперь можно было видѣть, что сила его воли сокрушилась въ послѣднемъ усиліи ватерлооскаго вечера; и это первое отреченіе отъ своей воли возобновляется при каждомъ испытаніи слѣдующихъ дней. Однакоже онъ, лучше чѣмъ кто либо, понималъ, какой несчастный эффектъ произведетъ этотъ поспѣшный возвратъ. Въ его умѣ сами собою возникали гибельныя сравненія. Такимъ точно образомъ онъ возвращался изъ Москвы, изъ Лейпцига, и всегда одинъ, безъ арміи! Итакъ, онъ въ самомъ дѣлѣ отмѣченъ рокомъ? Почему не остался онъ въ главѣ своихъ солдатъ? Потому что: или онъ ихъ бросилъ, или у него ихъ не осталось болѣе, или же онъ хочетъ привести въ исполненіе гибельные замыслы противъ безоружнаго города. Наполеонъ ясно видѣлъ эти послѣдствія, онъ чувствовалъ, что губить себя, и не смотря на то повиновался своимъ совѣтникамъ въ ту самую минуту, когда осуждалъ и бранилъ ихъ совѣты. «Мое настоящее мѣсто было здѣсь, говорилъ онъ. Я поѣду въ Парижъ, но вы заставляете меня сдѣлать глупость.»

Карно былъ того мнѣнія, чтобы императоръ немедленно возвратился къ арміи. Разлучаясь съ войскомъ, Наполеонъ терялъ единственную силу, которая могла еще его поддерживать. Онъ отдалялся отъ своихъ друзей и предавалъ себя въ руки своихъ непріятелей, Искать въ палатахъ опоры, которой онъ долженъ былъ искать только въ себѣ самомъ, значило показать, что въ немъ не осталось болѣе истиннаго сознанія ни своей силы, ни своей слабости. И такъ,

* Г. де Жерандо.

побуждаемый противъ своей воли совѣтами нѣсколькихъ лицъ, и самъ удивляясь тому, что пересталъ располагать своею судьбою, Наполеонъ, ночью съ 20 на 21 число, въѣхалъ въ Парижъ. Съ судорожнымъ смѣхомъ * онъ обвинялъ Нея, Груши, Вандама, д'Эрлона, войска 1-го корпуса; но ни въ эту минуту, ни впоследствии онъ не думалъ обвинять себя самого.

Впрочемъ, онъ не явился, какъ послѣ Москвы и Лейпцига, въ тюльрийскомъ дворцѣ. Онъ ницетъ жилища скромнаго, удаленнаго отъ всѣхъ взглядовъ. Какъ бы чувствуя себя уже свергнутымъ съ трона, какъ бы избѣгая стѣнъ, бывшихъ свидѣтелями его прежняго благополучія, онъ спѣшилъ заключиться въ подгородный Вилсейскій дворецъ. Если выборомъ этого скромнаго убѣжища онъ хотѣлъ удалить всякое подозрѣніе на счетъ желанія употребить силу противъ своихъ враговъ внутри государства и смягчить недоверіе и злобу, показавъ себя безоружнымъ, то онъ ошибся. Эта непривычная скромность послужила только къ тому, чтобъ увеличить дерзость его противниковъ. Одинъ видѣли въ этомъ западню; другіе празнаніе въ своемъ невозвратномъ паденіи; большая же часть подумала, что теперь представился случай избавиться отъ него. Тогда-то открылась, во всей своей очевидности, невозможность союза между друзьями свободы и Наполеономъ. Съ обѣихъ сторонъ была задняя мысль. Побѣдитель, онъ уничтожилъ бы свободу, о которой говорилъ, что «это продлится два или три года»; побѣжденный, онъ самъ будетъ уничтоженъ свободой.

Вразумленный несчастіемъ, Наполеонъ зналъ, что для востановленія своей силы ему слѣдуетъ вновь вступить въ права абсолютной власти. Въ этомъ заключались—его принципъ, его преданіе, его инстинктъ; это было также его первымъ словомъ; что другіе называли деспотизмомъ, то онъ называлъ диктатурой. Онъ находился въ купальнѣ, когда къ нему былъ введенъ маршалъ Даву. Съ часто-военнымъ здравымъ смысломъ, этотъ генералъ, зная, что его государь сынъ силы, совѣтуетъ силу. Пусть императоръ отсрочитъ засѣданія палаты,—это его право, написанное въ конституціи; пусть онъ воспользуется имъ, но тотчасъ, не раздумывая болѣе, потому что удобный къ этому случай грозитъ скоро исчезнуть. Миѣніе маршала поддерживаетъ Люсьенъ: онъ помнитъ свое предсѣдательство въ совѣтѣ пятисотъ; онъ вызывается возобновить свое дѣло. Развѣ ему не удалось успѣть однажды? По его словамъ, это легче чѣмъ думаютъ. Надобно только быть смѣлымъ; отъ императора зависитъ спасти свою корону прежде чѣмъ кто-нибудь придетъ отнять ее.

Среди этихъ жаркихъ совѣтовъ Наполеонъ колеблется; онъ не рѣшается воспользоваться своимъ правомъ и упускаетъ удобный случай. Болѣе чѣмъ всѣ другіе онъ чувствуетъ себя осужденнымъ судьбою обстоятельствъ; онъ пересталъ быть самимъ собою. Никакого рѣшенія, никакого опредѣленнаго плана; онъ не знаетъ, слѣдуетъ ли ему сохранить свою власть, или отказаться отъ нея; онъ надѣетъ-

* Mémoires de Lavalette; Histoire du gouvernement, de M. Duvergier de Hauranne.

ся, что ему предложить это самодержавіе, которымъ онъ самъ не смѣетъ овладѣть; отсюда—неопредѣленное, бесплодное ожиданіе, которое полезно только для его враговъ; онъ проситъ еще часть отсрочки для размышленія, ища своей судьбы въ глазахъ людей, которые его окружаютъ. Въ одинъ моментъ онъ переходитъ отъ унынія къ смѣлости, отъ Фуше къ Карно. Никто такъ мало не похожъ на Наполеона въ счастья, какъ Наполеонъ въ несчастія. Онъ представляетъ теперь жалкую картину: продолжительные припадки молчанія; слова, высказанныя скороговоркой, и какой-то родъ *красивеннаго оцъпенья*, изъ котораго онъ выходилъ по-временамъ, чтобы обманывать своихъ приближенныхъ пустыми планами объ удаленіи въ свое мальмезонское жилище. Тамъ онъ будетъ жить одинъ, вдали отъ дѣлъ, изрѣдка посѣщаемый вѣрными друзьями, не внушая подозрѣнія никому. И потомъ—снова желаніе захватить все въ свои руки; онъ имѣетъ къ тому средства, если только захочетъ,—и здѣсь Наполеонъ вычислялъ свои силы. Его войска приближались. У него были уже подъ рукою войска: 6,000 гренадеровъ, 17,000 стрѣлковъ національной гвардіи, которые всѣ принадлежали ему, не считая этой толпы, которой клики раздавались вокругъ дворца въ аллеѣ Мариньи; но даже эти клики не могли понудить его къ какому-нибудь энергическому рѣшенію, и онъ вновь впадалъ въ свои колебанія, слѣшкомъ хорошо зная, что эта толпа, которой иногда удавалось ниспровергнуть власть, никогда не умѣла защитить или спасти ее.

При такой нерѣшительности все отступалось отъ императора. Слово отреченіе было уже произнесено возлѣ него однимъ изъ его адъютантовъ при самомъ прибытіи его въ Лаонъ; теперь это слово было въ устахъ всѣхъ, какъ выраженіе необходимости. Каждый чувствовалъ, что имперія не имѣетъ основанія существовать, и хотѣлъ сохранить для себя честь перваго отдѣленія отъ власти, сдѣлавшейся невозможною. Въ самомъ дѣлѣ, дерзость собранія возрастала вмѣстѣ съ колебаніями Наполеона; его считали побѣжденнымъ вдвойнѣ: на полѣ битвы и въ совѣтѣ, и спѣшили воспользоваться случаемъ, который онъ упустилъ. Почти всѣ стали торговаться съ нимъ даже объ одномъ часѣ отсрочки. Напрасно онъ клялся, что не думаетъ посягать на привилегіи палатъ: эти палаты не могли ничему вѣрить; онъ видѣли въ Наполеонѣ того самаго,—но только безоружнаго и лишоннаго своей славы, — генерала Бонапарте, который 18 брюмера разогналъ штыками послѣднее свободное собраніе во Франціи. Даже тѣ люди, которые наиболѣе одобряли нѣкогда этотъ поступокъ, теперь напоминали о немъ, чтобы обратить его противъ Наполеона. Они говорили, что это тотъ самый человѣкъ, который не побоялся выгнать выборныхъ Франціи посредствомъ своихъ гренадеровъ. Онъ сдѣлалъ это, будучи побѣдителемъ: какое ручательство можно представить въ томъ, что онъ не сдѣлаетъ этого, будучи побѣжденнымъ? Изъ-за чего станетъ онъ теперь оказывать уваженіе тому, что уничтожилъ шестнадцать лѣтъ назадъ? Какую переѣмну надѣются въ немъ найти? Развѣ неизвѣстно, что на поляхъ Линьи онъ обнаружилъ про-

тивъ собранія такую же ненависть, какъ противъ самого непріятеля? Эти подозрѣнія, эта невозможность забыть прошлое еще болѣе увеличились, когда Наполеонъ возымѣлъ несчастную мысль—послать своего брата Люсьена къ двумъ палатамъ, въ качествѣ уполномоченнаго. Этотъ выборъ заставилъ всѣхъ призадуматься. Неужели президентъ совѣта пятисотъ, предсѣдательствовавшій 18-го брюмера, могъ успокоить два собранія насчетъ намѣреній своего брата? Развѣ не было извѣстно, что Люсьенъ видѣлъ спасеніе только въ событіи 18 брюмера и хотѣлъ его возобновить, какъ будто бы оно основывалось на публичномъ правѣ французовъ? Этимъ выборомъ Наполеонъ окончательно погубилъ себя: въ минуты кризиса ничто такъ не тревожитъ воображеній, какъ внезапный видъ человѣка, напоминающаго и олицетворяющаго собою опасность, которой хотять избѣжать.

Наполеонъ колебался между новымъ насиліемъ и непривычнымъ повиновеніемъ, и, еще не входя въ разсмотрѣніе—на какую сторону онъ склоняется болѣе, собраніе было уже отуманено сейчасъ описанными мною обстоятельствами. Каждую минуту ждали, что онъ появится съ своими гренадерами, какъ нѣкогда явился онъ въ Оранжевой залѣ. По-временамъ думали, что это дѣло возьметъ на себя его братъ,—до такой степени воображенія были выполнены воспоминаніемъ прошлаго. Такимъ образомъ день 18 брюмера становился въ этотъ часъ между собраніемъ и Наполеономъ и препятствовалъ всякому примиренію между ними. 18-е брюмера задавило теперь Наполеона, который не могъ даже объясниться чрезъ своихъ приближенныхъ, и вытерпѣлъ всѣ униженія и обиды, которыя онъ нанесъ свободнымъ учрежденіямъ въ минуты своего благоденствія. 21 июня 1815 г., и въ особенности на другой день, это самое собраніе пятисотъ, свободно выбранное, которое онъ считалъ разсѣяннымъ и уничтоженнымъ съ 1799 года, возрождается изъ своего пепла, съ гнѣвомъ и съ жаждою мести; однимъ словомъ своимъ оно заставляетъ исчезнуть навсегда властителя, который его разогналъ. Правосудіе совершилось, но въ то же время свобода готова погибнуть съ независимостью,—до такой степени справедливо, что дни, подобные 18-му брюмера, разрушающіе сознаніе народа, рано или поздно имѣютъ своимъ послѣдствіемъ погибель и несчастье для ихъ виновниковъ и для тѣхъ, которые ихъ терпятъ или одобряютъ.

III.—Отреченіе.

Когда въ обществѣ не осталось уже никакихъ принциповъ, когда всѣ они уничтожены одни другими, тогда наступаетъ на нѣкоторое время царствованіе извѣстной породы людей, которые внезапно выходятъ изъ тьмы и приготавливаются погубить того, кто уже погибъ. Таллейранъ съ граціей игралъ эту роль въ предшествовавшей годъ; Фуше повторилъ ее въ 1815, но съ дерзостью и притомъ такъ, какъ будто не было уже нужды соблюдать какую нибудь предосторожность. Онъ сдѣлался министромъ Наполеона съ заранѣе принятымъ

намѣреніемъ—быть ему вѣрнымъ, если императоръ останется наиболѣе спальною изъ сторонъ, или низвергнуть и доканать его, если ему вздумается быть слабѣйшимъ. И онъ приготовлялъ свои заговоры не издали; онъ устраивалъ свои западни и расставлялъ сѣти для этого льва въ самой еще пещерѣ. Въ теченіе ста дней этого страннаго министерства Фуше постоянно подсматриваетъ за господиномъ, которому служить и котораго гонить вся Европа; онъ наблюдаетъ, подымается ли Наполеонъ духомъ или унываетъ, рѣшась въ послѣднемъ случаѣ предать собственными руками и наказать его за паденіе. Еще необыкновеннѣе то, что Наполеонъ видитъ эти ловушки и позволяетъ расставлять ихъ. Онъ знаетъ, какія руки сплетаютъ эти сѣти и позволяетъ опутывать себя ими до самой той минуты, когда онъ не въ состояніи даже сдѣлать попытки освободиться. У связаннаго уже такимъ образомъ императора не вырывается ни одной вспышки протеста, ни одного слова негодованія. Онъ видитъ, онъ замѣчаетъ западню и попадаетъ въ нее сознательно; не мѣшая своему министру дѣлать свое дѣло до конца,—вслѣдствіе ли усталости, или отвращенія къ своей судьбѣ, или изъ остатка слабости къ общиннику своего прежняго могущества, или изъ желанія погибнуть отъ орудія своего минувшаго господства, или же лучше изъ того, что онъ рассчитывалъ на побѣду, чтобы разорвать въ одно мгновеніе эту сотканную вокругъ него паутину. Фуше, совѣтующій и покровительствующій Наполеону и въ то же время ослабляющій и предающій его, вотъ одинъ изъ уроковъ этой исторіи, которая содержитъ въ себѣ такъ много другихъ!

Фуше видѣлъ, что Наполеонъ, разбитый у Ватерлоо, былъ пораженъ на смерть; съ этой минуты всякое раздумыванье прекратилось; не оставалось ничего болѣе какъ только безопасно предать человѣка, провинившагося въ томъ, что онъ оказался слабѣйшимъ. Эта послѣдняя развязка была приготовлена слѣдующимъ образомъ.

Наполеонъ все еще настаивалъ на необходимости распустить или отсрочить собраніе. Фуше оспаривалъ это мнѣніе. Зная болѣе чѣмъ кто нибудь, до какой степени палата депутатовъ непріязненна къ Наполеону, онъ однако же совѣтовалъ положиться на нее. Въ ней-то Наполеонъ найдетъ спасеніе своего трона, свою истинную опору. Такъ говорилъ Фуше и въ то же время всѣ случаи совѣщаній, происходившихъ въ Виллельскомъ дворцѣ, доходили косвенными путями до слуха представителей,—угрозы, планы наслія, потомъ возвращеніе къ довѣренности, усталость отъ такого множества противоположныхъ мыслей. Левъ былъ наполовину побѣжденъ, его отдавали спящаго, но надлежало поторопиться. И—какъ будто, для низверженія Наполеона коварства было недостаточно—сама добродѣтель возстала, въ лицѣ Лафайета. Узнавъ изъ устъ самого Фуше и Реньо Сень-Жанъ-д'Анжели о замыслахъ Наполеона противъ собранія, онъ предупредилъ императора скоростью и, не теряя время на то, что бы съ кѣмъ нибудь посовѣтоваться, прервалъ молчаніе послѣднихъ двадцати лѣтъ предложеніемъ, что бы всякое покушеніе рас-

пустить собраніе считалось намѣнной.» Этою смѣлостью вопросъ былъ рѣшонъ. Всѣ, которые еще колебались, теперь приняли сторону болѣе отважныхъ, потому-что въ эти крайнія минуты смѣлость принимается за вѣрный залогъ силы. Даже авторъ прибавочнаго акта, Бенжаменъ Констанъ, разбѣжавъ уже въ своемъ твореніи; онъ тайнѣ побуждалъ Лафайета скорѣе освободить его отъ его героя. «Вы хотите низвергнуть императора, говорилъ онъ, вы правы; это во всякомъ случаѣ тиранъ.»*

Это было рѣшительнымъ объявленіемъ войны. Наполеонъ наконецъ почувствовалъ это, но уже слишкомъ поздно. Онъ обманулся насчетъ намѣреній своихъ противниковъ въ собраніи, какъ насчетъ плановъ непріятельскихъ генераловъ на полѣ битвы. Однако же ему была еще оставлена ночь, и тогда-то онъ возвратился къ своимъ намѣреніямъ, столько разъ принятымъ и столько разъ оставленнымъ — распустить собраніе и овладѣть всею властью. Въ числѣ причинъ, воспрепятствовавшихъ ему принять это рѣшеніе, иллюзія играла значительную роль. Чтобы обезоружить его гнѣвъ, который становился опаснымъ, кто-то вздумалъ утверждать, что его отреченіе, соединенное съ немедленною покорностью волѣ палаты, обезпечитъ тронъ для его сына. Эта грубая приманка уничтожила его планы мщенія. Онъ проглотилъ ее улыбаясь, какъ будто бы онъ не извѣдалъ уже ея только за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, во время «фонтенблоскаго отреченія. Притомъ онъ долженъ былъ знать много ли будетъ стоять тронъ этого ребенка, если для защиты этого трона при немъ не будетъ его самого.

Наполеонъ безъ силы и смѣлости представлялъ собою зрѣлище столь изумительное и новое, что каждый почувствовалъ, что императоръ пересталъ царствовать. Утромъ 22 числа одинъ незначительный человекъ, Дюшенъ (Duchenne), предложилъ въ собраніи отреченіе. Все собраніе встало и отвѣтило единодушнымъ крикомъ: «Отреченіе! рѣшено.» Эта новость вывела Наполеона изъ себя; онъ вскричалъ, что время, потерянное въ пустыхъ угрозахъ противъ бунтовщиковъ, можетъ быть еще вознаграждено; но это была послѣдняя вспышка угасавшей воли. Даже братья его были того мнѣнія, что противиться уже слишкомъ поздно, и побуждали его скорѣе снять съ себя власть, прежде чѣмъ ее возьмутъ отъ него силой. Уже вмѣсто отреченія Наполеону грозили низложеніемъ.

Присутствовавшіе при этихъ послѣднихъ судорогахъ великой воли рассказываютъ, что до тѣхъ поръ пока онъ серьезно обдумывалъ планы мщенія, онъ хранилъ ихъ въ глубинѣ своей души или открывалъ ихъ только немногимъ. Когда же время для нихъ прошло, онъ разразился угрозами. Скоро даже эти угрозы были забыты, и какъ бы въ доказательство того, что онѣ были притворны, Наполеонъ, при новыхъ настояніяхъ, видя, что наступила минута, когда его принудятъ отречься отъ престола, продиктовалъ спокойнымъ голосомъ это отреченіе въ пользу своего сына, тому самому Лю-

* Mémoires du général Lafayette, t. V, p. 23.

сыну, который упорно всѣхъ совѣтовалъ ему употребить силу. Тогда повторилось то, чему въ исторіи бывали многократные примѣры, но, можетъ быть, никогда съ такими великими контрастами: оставленіе, безмолвіе вокругъ этого сына славы, удаленіе даже ближнихъ къ нему людей, одного по одному, опустѣвшій дворецъ, едва охраняемый часовымъ, даже толпа, эта ласкательница послѣдней минуты, разбѣгающаяся вдали и невозвратно, смутныя угрозы убійства, распространяющіяся среди этой пустыни, приглашеніе, а вскорѣ потомъ приказаніе этому властителю властителей удалиться еще дальше, внѣ взглядовъ Париза, въ безвѣстное уединеніе Мальмезона.

IV.— Планы Наполеона.

Вотъ чѣмъ окончились эти таинственные планы, замышляемые ночью въ тишинѣ Влассейскаго дворца. Въ чемъ же именно они состояли? Наполеонъ впоследствии позаботился самъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Онъ думалъ: «отправиться 22 числа, на разсвѣтъ, въ Тюльрійскій дворецъ, созвать туда всѣ линейныя войска, находившіяся въ столицѣ, шесть тысячъ чел. императорской гвардіи, федератовъ, національную гвардію, государственный совѣтъ, министровъ и отсрочить палаты.» Если онѣ будутъ сопротивляться, то онъ думалъ употребить противъ нихъ насиліе; прибѣгнуть, въ случаѣ нужды, къ самымъ грознымъ мѣрамъ, управлять посредствомъ съѣзды лекторовъ.

Таковы, въ самомъ дѣлѣ, были условія задачи, которую Наполеонъ принесъ съ собою съ острова Эльбы. Эти условія, которыя онъ долженъ бы былъ предвидѣть отчетливо, зрѣло, съ первой идеей, которую онъ составилъ себѣ о своемъ предпріятіи, явились въ его умѣ только въ этотъ послѣдній часъ, и эта новость его подавила, тѣмъ болѣе, что подобныя мѣры должны быть обдумываемы заранѣе и что онѣ не импровизируются въ одну ночь. Тогда онъ сдѣлалъ то, чего еще никогда не дѣлалъ и что служить самымъ вѣрнымъ признакомъ, что гевій оставляетъ человека. Онъ захотѣлъ результата, захотѣлъ его со страстію и не захотѣлъ того, что дѣлало его возможнымъ. Черезъ это онъ поступилъ въ разрядъ людей, которые болѣе уже не могутъ повелѣвать. Онъ большими шагами сошелъ съ вершинъ исторіи, и его общественная жизнь кончилась за много дней до его отреченія, такъ какъ въ возвращеніи съ о. Эльбы наибольшая трудность заключалась не въ томъ, чтобы вновь вступить въ Парижъ, но въ томъ, чтобы вновь овладѣть Франціей, которая такъ легко отдается тому, кто имѣетъ смѣлость взять ее. Эта была блестящая, ослѣпительная сторона предпріятія; существенный же вопросъ заключался въ томъ, чтобы защищать Францію внѣ противъ коалиціи иностранныхъ державъ и внутри противъ ея собственнаго невостоянства: и въ этихъ двухъ вещахъ Наполеонъ потерпѣлъ неудачу. Если все пришлось оставить и потерять при первой оппози-

щи внутри, то нельзя не признать, что предприятие было болѣе обольстительно чѣмъ прочно.

Теперь, по истеченіи полулѣтка, можно спросить себя, кто одержалъ бы верхъ, Наполеонъ или собраніе, еслибы онъ завязалъ борьбу? Общепринятая исторія отвѣчаетъ, не колеблясь, что онъ былъ бы побѣжденъ. Но тѣ, которые воспроизводятъ прошедшее посредствомъ живыхъ воспомнаній, а не слѣпыхъ традицій, сохраняютъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое сомнѣніе на этотъ счетъ, и одною изъ ихъ главныхъ причинъ будетъ то, что свобода, вырвавшаяся изъ столь продолжительнаго рабства, едва опомнившаяся, новорожденная, была слабѣе чѣмъ думаютъ. Генералы безъ солдатъ, вожди партій безъ партизановъ, демократы безъ народа—вотъ что становилось противъ Наполеона. Друзья свободы, пережившіе деспотизмъ, сами находились въ такомъ же глубокомъ одиночествѣ, какъ императоръ. Если у него не было уже арміи, то они не имѣли болѣе за собою народа, не существовавшего уже пятнадцать лѣтъ; такая пустота образовалась въ умахъ, до такой степени общество находило себя безсильнымъ и безпомощнымъ, выйдя изъ подъ владычества абсолютной власти! Въ ней не было ничего кромѣ бездны. Государь и подданные бросились туда другъ передъ другомъ, и такимъ образомъ французы всѣми путями стремились къ приготовленной цѣли — къ уничтоженію народа въ одномъ и, съ паденіемъ этого одного, къ паденію всѣхъ.

Наше поколѣніе было научено преслѣдовать своими насмѣшками послѣднее свободное собраніе. Въ разсказахъ, исторіяхъ, картинахъ его предавали поношеніямъ всякаго рода. Какъ смѣшны казались намъ эти депутаты, представители закона, обезоруженные, принужденные бѣжать чрезъ окна оранжерей, предъ неустрашимыми солдатами, которые приближались съ наклоненными штыками и поднятымъ челомъ какъ на полѣ битвы! До какой степени жалкимъ казалось намъ положеніе первыхъ, безъ оружія, безъ зашиты, безъ убѣжища! Если бы Наполеонъ въ 1815 году снова устремилъ своихъ гренадеровъ противъ собранія, которое едва имѣло время собраться, если бы онъ прибавилъ къ этому обвиненія въ измѣнѣ, которыя почти всегда производятъ свое дѣйствіе, если бы онъ осмѣлился, какъ 18 брюмера, то онъ имѣлъ много шансовъ найти насъ льстецами силы и приверженцами того, кто употребляетъ ее даже противъ насъ самихъ, знающими только его, желающими только его, равнодушными къ вещамъ; лишь бы только намъ дали тѣнь ихъ. Да и притомъ, чѣмъ ими привлекало насъ въ этомъ собраніи? Ничѣмъ. Люди, напоминавшіе намъ великіе дни революціи, были, можетъ быть, наиболѣе намъ чужды; самый языкъ ихъ, языкъ права и политической свободы, казался мертвымъ, мы перестали его понимать. Во Франціи достаточно пятнадцать лѣтъ, чтобы изгладить наиболѣе памятные имена, вещи, событія. Правда, среди этого крушенія спаслись Лафайетъ и Карно; но даже в ихъ мы не знали болѣе; имъ надлежало вновь создавать свою славу.

Теперь воображаютъ, что либеральная партія существовала тогда

во всей своей силѣ и что она могла бы послужить основаніемъ. На самомъ дѣлѣ, не было ничего подобнаго: эта партія покамѣстъ имѣла только нѣсколько головъ и никакого тѣла. Массы по прежнему боготворили свое рабство; въ теченіе послѣдовавшихъ за тѣмъ лѣтъ нуженъ былъ трудъ нѣсколькихъ людей, на трибунѣ, въ печати, чтобы вновь создать въ французяхъ понятія, идеи, даже чувствованія, которыя они потеряли, такъ что въ началѣ своего существованія мы видѣли это двойное явленіе: нѣсколько людей уничтожили въ нихъ всѣ понятія о свободѣ, и нѣсколько же людей вновь оживили всѣ эти понятія.

Таковы были французы; но самъ Наполеонъ измѣнился и счелъ неодолимымъ препятствіемъ неувѣренность, возникшую въ его умѣ; онъ слишкомъ сомнѣвался въ своемъ твореніи. Если бы геній озарилъ его мысли ярче, то онъ лучше прозрѣлъ бы въ будущее, онъ отдалъ бы болѣе справедливости своимъ дѣламъ, онъ яснѣе видѣлъ бы, что его удары будутъ дѣйствительны и что онъ имѣетъ предъ собою только призракъ. Но и здѣсь онъ, какъ на войнѣ, долженъ былъ забыть отъ обмана воображенія: тамъ онъ погибъ отъ того, что слишкомъ превираетъ непріятеля, здѣсь же отъ того, что придавалъ ему слишкомъ много значенія. Говорятъ, что люди, говорившіе громче другихъ о низверженіи своего идола, одумались, какъ только узнали, что императоръ находится вблизи. Они взяли назадъ свои слова при одномъ слухѣ о его возвращеніи. Еще съ болѣе сильнымъ основаніемъ отреклись бы они отъ своихъ словъ, еслибы вмѣсто безоружнаго, колеблющагося и умоляющаго Бонапарте они вновь увидѣли предъ собою своего прежняго бога войны.

Поэтому, намъ кажется, что Наполеонъ послѣ Ватерлоо слишкомъ скоро уступилъ своему злополучію и что свобода слишкомъ легко внушила ему страхъ. Я думаю, что онъ могъ еще разъ избавиться отъ нея безъ слишкомъ большой опасности; по крайней мѣрѣ, по своимъ традиціямъ онъ долженъ былъ попытаться. Я не говорю, что онъ восторжествовалъ бы надъ всѣми препятствіями, но по крайней мѣрѣ онъ имѣлъ бы шансъ, а въ рѣшеніи, которое онъ принялъ, не оставалось никакого шанса. Сила — вотъ его геній, внѣ котораго онъ не имѣлъ основанія существовать; и притомъ слишкомъ опасно измѣнять свою натуру. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, не было примѣра, чтобы деспотъ выигралъ чтонибудь, переставъ быть деспотомъ.

Кто создалъ новое положеніе? Наполеонъ. Онъ одинъ былъ за него отвѣтственнымъ лицомъ, и слѣдовательно ему одному надлежало разрѣшить возникшія изъ него трудности. Возвращеніе съ острова Эльбы предполагало рѣшимость, энергію человѣка, ознаменовавшаго себя въ мѣсяцѣ брюмерѣ; но когда эта сила рѣшимости уже не существовала, то никто не могъ уже восполнить этотъ недостатокъ. Возвратясь съ острова Эльбы вопреки существующихъ законовъ, Наполеонъ далъ себѣ задачу спасти Францію законнымъ или противозаконнымъ путемъ. Говорятъ, онъ пожертвовалъ собою: но не само-

пожертвованіемъ мы можемъ спасти государство послѣ того какъ привели его на край бездны; во всякомъ случаѣ, лучше было бы выказать это самопожертвованіе въ Порто-Феррайо, чѣмъ въ Парижѣ.

Эти соображенія приводятъ къ тому выводу, что свобода ничего не сдѣлала для Наполеона; напротивъ, она погубила его. Съ его стороны было ошибочной мыслью— опереться на нее послѣ того, какъ онъ ее уничтожилъ. Въ этомъ онъ былъ обманутъ своимъ гениемъ, или, что еще вѣроятнѣе, онъ увидѣлъ, что все потеряно, и хотѣлъ оставить другимъ, вмѣстѣ съ отвѣтственностью за свои ошибки, отчаянное положеніе, изъ котораго онъ не видѣлъ исхода.

У.—Соединеніе армій.

Потомство будетъ удивляться, что Франція была подавлена потерю одного сраженія. Тѣ, которые жили въ это время, объясняютъ себѣ это легко. Въ большей части Франціи вѣсть о Ватерлоо и вѣсть объ отреченіи пришли почти одновременно. Какъ только Наполеонъ оставилъ самъ себя, все казалось конченнымъ, какъ будто въ этой свалкѣ дѣло шло только о немъ. Самая тѣнь національной воли исчезла. Слова: право, общее благо, гарантія, льготы, даже независимость не выучиваются снова въ одинъ день. Впрочемъ, — если надо сказать все, — вторженіе непріятелей потеряло уже для французовъ то, чтó въ немъ было наиболѣе ненавистнаго, именно— неизвѣстность. Его уже пережили они одинъ разъ; надѣялись пережить его и въ другой; въ умѣ большинства было не столько отчаянія, сколько оцѣпенѣнія, — такъ скоро человѣкъ привыкаетъ къ самымъ невыносимымъ бѣдствіямъ, къ самому тягостному игу. Въ другомъ мѣстѣ я рассказывалъ *, какъ ватерлооскіе солдаты приходили съ поля битвы, группами, безоружные, съ палками въ рукахъ, подобно путешественникамъ. Мы встрѣчали ихъ у входа въ города и въ деревушкахъ и спрашивали ихъ. Старые солдаты покачивали головой и хранили молчаніе. Болѣе молодые отвѣчали. Они рассказывали, что имъ измѣнили около вечера, въ ту минуту, когда они были уже побѣдителями, что начальники предали ихъ, что непріятель приближается и что, безъ сомнѣнія, онъ не замедлитъ явиться, такъ какъ всѣ двери для него отворены. Мы, въ свою очередь, повторяли тамъ и самъ ихъ слова. Чувство сдѣланнаго предательства проникало подъ каждую кровлю. Такимъ образомъ мало по-малу распространялась мысль о роковомъ злополучіи и вмѣстѣ съ нею паника. Всѣ, чувствуя своимъ руки связанными, съ покорностью ожидали прибытія непріятеля.

Но уже въ эту самую минуту часть французской арміи собралась. Наиболѣе вѣрные начали соединяться, вооруженные или нѣтъ, какъ только они могли остановиться гдѣ нибудь. Въ Бомонѣ, Филиппвилѣ сердцевиною арміи уже образовалась вновь. Тамъ еще разъ появились сті знамена, спасенныя чудомъ. Генералъ д'Эрлонъ собралъ 5,000 человѣкъ, генералъ Релль — 6,000. Съ гвардіею это составляло уже

* Histoire de mes idées.

болѣе 20,000, число, увеличивавшееся на каждомъ шагѣ всѣми заблудившимися солдатами, которые отыскивали свое знамя. Скоро это войско соединилось бы съ 30,000 человекъ, которыхъ Групи велъ въ цѣлости назадъ черезъ Рокруа, Ретель, Суассонъ. Это была цѣлая армія, которая, не испытавъ никакого пораженія, чувствовала въ себѣ силу вознаградить за всѣ другія неудачи. Она приближалась въ хорошемъ порядкѣ, чтобы вновь поступить подъ непосредственное командованіе Наполеона. И если въ предшествовавшемъ году онъ съ 50,000 человекъ оспаривалъ въ продолженіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ территорію Европы, то чего не могъ онъ сдѣлать теперь, съ этимъ испытаннымъ въ бояхъ войскомъ, оставшимся отъ ста сраженій! Стояло только дать Франціи нѣсколько дней вздохнуть и оправиться отъ ужаса пораженія.

Солдаты глазами искали Наполеона. Они спрашивали о немъ, они призывали его, какъ свою надежду. Въ самомъ дѣлѣ, онъ одинъ могъ бы въ эту минуту успокоить умы, уничтожить своимъ присутствіемъ подозрѣнія, обвиненія и тѣ ужасныя томленія неизвѣстности, въ которыя повергается армія, когда ея праздному уму предоставлена полная свобода догадокъ. Гдѣ онъ, что съ нимъ сдѣлали? — Онъ исчезъ. И не была-ли это еще новая невѣда, что его разлучили съ арміей? Они сражались за него. Къ чему оставаться подъ знаменемъ, если самъ онъ былъ принужденъ его бросить? И что могутъ сдѣлать солдаты, когда они преданы своими начальниками?—Вотъ что высказывали солдаты, — не въ видѣ глухого ропота, а съ громкими проклятіями. Что касается до начальниковъ, они ясно видѣли, что, такъ какъ Наполеонъ ушелъ далеко отъ своихъ друзей и предалъ себя своимъ врагамъ, ничто не можетъ его спасти. Черезъ свой отъѣздъ изъ арміи онъ проигрывалъ свое дѣло. Къ чему было слѣдовать за его звѣздой, если онъ самъ не слѣдовалъ за нею? Въ отсутствіи его догадки можно было строить свободно, и въ Лаонѣ генералы, увѣренныя, что у нихъ нѣтъ болѣе властителя, уже спрашивали себя—какое будетъ во Франціи, черезъ нѣсколько дней, новое правительство и кого слѣдуетъ предпочесть. И какъ будто мѣсто императора было уже вакантнымъ, — большая часть изъ нихъ, въ присутствіи арміи, подавали свой голосъ въ пользу герцога Орлеанскаго. Эти толки, эти разсужденія арміи происходили на походѣ, потому что непріятель не давалъ ей нигдѣ ни минуты отдыха. Придти въ Парижъ раньше его казалось труднымъ. Но мѣрѣ приближенія войска къ столицѣ слухъ объ отреченіи распространялся въ рядахъ, и это было несчастіе среди несчастія.

Наполеонъ думалъ, что черезъ два дня послѣ его отреченія не будутъ болѣе арміи. Но на самомъ дѣлѣ оказалось не то. Правда, произошли попытки бунта и дезертирства. Нѣкоторые, въ гнѣвѣ, сломали свое оружіе и кричали: «за кого намъ теперь сражаться? Нѣтъ болѣе императора.» Болѣе всѣхъ приходили въ отчаяніе — гвардія и батальонъ острова Эльбы. Миръ, война—все имъ казалось невозможнымъ безъ человека, для котораго они жили. Развѣ за тѣмъ, чтобы

погубить его снова, они совершили чудо возвращенія съ Эльбы? Однако даже между этими послѣдними дисциплина была сильнѣе отчаянія. Ихъ удержалъ долгъ, долгъ безъ энтузіазма, безъ довѣренности. Они остались подъ знаменемъ, какъ будто здѣсь было все, что осталось отъ отечества; и такой поступокъ былъ у этихъ людей не малою добродѣтелью, потому что многіе генералы поспѣшили уже бросить ихъ. Предлогъ—что у нихъ не было уже войскъ; а истина—что они бросились къ новой власти. Впрочемъ, многіе изъ нихъ почувствовали угрызенія совѣсти, и примѣръ солдатъ возвратилъ къ нимъ начальниковъ. Въ такомъ колебаніи армія возвращалась къ Парижу, хорошо зная, что тамъ будетъ конецъ ея неизвѣстности; но она еще способна была къ великому усилію, еслибы отъ нея потребовали его во имя великаго дѣла. Палата представителей послала депутатовъ къ ней на-встрѣчу. Въ числѣ ихъ находился генераль Мутонъ-Дюверне. За Суассономъ онъ остановился предъ первыми бѣглецами, которыхъ встрѣтилъ. Онъ просилъ ихъ снова стать въ ряды, заклиная ихъ уже не именемъ Наполеона, а именемъ свободы, конституціи, независимости, и, по его словамъ, онъ исторгнулъ изъ ихъ глазъ *крупныя слезы*. Какой попытки нельзя было еще разъ сдѣлать съ подобными людьми? Все записало отъ правительства и отъ общественнаго мнѣнія, которое они найдутъ въ Парижѣ. Маршалъ Груши командовалъ въ качествѣ главнаго начальника. На него еще не была обрушена вина несчастія. Обвиненія не успѣли еще его погубить. Напротивъ, онъ выросъ въ глазахъ всѣхъ, потому что привелъ свой корпусъ въ цѣлости. Его вѣрность всѣ готовы были вмѣнить ему въ побѣду.

VI. — Движеніе непріятеля къ Парижу.

Между тѣмъ ничто не останавливало марша непріятельскихъ войскъ, и уже они превращали законность въ орудіе войны, потому что, если можно было сказать, что возвращеніе Бурбоновъ не было одною изъ открытыхъ цѣлей коалиціи 1814 г., то нельзя утверждать ничего подобнаго относительно 1815 г. На другой день ватерлооской битвы герцогъ Уэллингтонъ, въ упоеніи побѣды, отдаетъ приказъ по своимъ войскамъ и объявляетъ, что иностранные государи суть союзники французскаго короля. Итакъ, побѣда послужила Бурбонамъ въ пользу. Англичане, пруссаки, голландцы, ганноверцы — всѣ имѣютъ одно и тоже дѣло и оно есть дѣло законнаго короля. Чтобы обмануться на-счетъ намѣреніи непріятелей, для этого рѣшительно надо желать быть обманутымъ. Въ тоже время Людовикъ XVIII, призванный англійскимъ генераломъ, отправляется въ непріятельскую армію. Онъ идетъ съ нею. Онъ приказываетъ сопротивляющимся крѣпостямъ сдаться, и онѣ сдаются: побѣды, гибельныя для побѣдителя, потому что онѣ дѣлаютъ законнаго государя врагомъ съ его перваго шага. Домъ Бурбоновъ дорого заплатится когда-нибудь за эти легкія завоеванія.

Что касается герцога Уэллингтона, онъ чувствовалъ всю опасность нападенія на Францію чрезъ три линіи крѣпостей , которыя съ этой стороны прикрывали границы. Ихъ еще никогда не трогали. Въ 1793 г. побѣдоносная Европа остановилась предъ этими линіями, и, объясняя какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ, истощила , на незначительныя осады, войска, состоявшія изъ двухсотъ тысячъ человекъ, не выигравъ ни одного дюйма земли. Это благоговѣніе къ сѣвернымъ границамъ Франціи не вполне исчезло; прежде чѣмъ нарушить его, англійскій генералъ , для своего успокоенія, вздумалъ искать опоры въ общественномъ мнѣніи. Какъ членъ государства свободнаго , онъ освѣдомлялся о духѣ палаты , о раздѣленіи партій, рѣзко отличаясь въ этомъ отъ Блюхера, который не желалъ болѣе ничего, какъ только идти впередъ, и не заботился ни о надеждахъ, ни объ опасеніяхъ французской націи. Что касается до партій , то онъ похвалялся тѣмъ, что онъ презираетъ и ненавидитъ ихъ всѣ, каково бы ни было ихъ имя.

Такимъ образомъ два непріятельскіе генерала согласились между собою выполнить самый дерзновенный планъ,—одинъ, потому что онъ находилъ опору въ старой королевской власти, другой, потому что онъ считалъ возможнымъ обойтись безъ всякой предусмотрительности. Они пренебрегутъ на Самбрѣ остаткомъ французской арміи, они не будутъ преслѣдовать ее на линіи отступленія, въ Лаонъ, въ Суассонъ , но , оставивъ за собою и французскую армію , и тройную ограду крѣпостей, пойдутъ на Парижъ, не уклоняясь съ дороги и не останавливаясь. Если нужно будетъ перебросить мосты чрезъ Уазъ, то герцогъ Уэллингтонъ ссудитъ маршала Блюхера своими матерьялами и снарядами, потому что прусская армія, въ своемъ нетерпѣніи, не хотѣла отягчать себя такимъ бременемъ.

Этотъ планъ, подобный плану какого-нибудь набѣга, былъ тотчасъ же приведенъ въ исполненіе. Двѣ непріятельскія арміи перешли французскую границу 21 числа, и на другой день, т. е. въ день отреченія, Уэллингтонъ обращается къ французамъ съ прокламаціей, подслащенной и варварской въ одно и тоже время. Онъ угрожаетъ въ ней *захватомъ собственности всѣхъ тѣхъ, которые будутъ найдены отсутствующими изъ своего мѣстопребыванія*. Съ какою-то необыкновенною утонченностью сарказма, онъ помѣчаетъ эту прокламацію числомъ Мальплаке, какъ будто бы Ватерлоо было недостаточно. Нѣсколько дней спустя, англійская гвардія расположилась биваукомъ въ Креси. Итакъ, англійская армія шла по тракту бѣдствій французовъ. Что касается маршала Блюхера, онъ, по крайней мѣрѣ, избавляетъ ихъ отъ своихъ прокламацій и улыбокъ. Его злоба не позволяетъ ему такихъ любезностей. Онъ хранитъ молчаніе, всецѣло отлавившись своей злобѣ, своей поспѣшности, своему желанію прибить первымъ къ дѣлу, первымъ отрѣзать французскія войска отъ Уаза, отъ Соммы и, если можно, отъ Парижа. И кто знаетъ, можетъ быть онъ успѣетъ въ этомъ, потому что онъ дѣльымъ днемъ опередилъ англійскую армію. Онъ быстро идетъ чрезъ Бомонъ и Сен-

Кентенъ на Уазъ. 27-го онъ приходитъ въ Компьень, въ Крейль, прежде Французовъ. Д'Эрлонъ, который ведетъ авангардъ собранной арміи, приходитъ часомъ позже въ Компьень. Дорога въ Парижъ закрыта; городъ и мосты уже заняты прусскою бригадою. Послѣ полуторачасовой битвы, которою Д'Эрлонъ прикрываетъ свое отступление, онъ снова отступаетъ на дорогу изъ Суассона въ Санли. Тоже случилось и съ другими французскими отрядами, когда они прибыли въ Крейль. Они нашли тамъ корпусъ Вулова, который преградилъ имъ путь. Такимъ образомъ уазская линія была уже обезпечена за пруссаками. 27-го числа они имѣли уже свои кавалерійскіе аванпосты въ окрестностяхъ Вилле-Котре.

Въ Компьенѣ, Креспи, Санли, французы столкнулись съ непріателемъ и въ этихъ схваткахъ прусскіе корпуса, разбѣдиненные, раздробленные на части своимъ безпорядочнымъ маршемъ, были въ такой же опасности какъ и французы. Тѣ и другіе находились въ положеніи одинаково рискованномъ: первые по чрезмѣрной увѣренности, вторые вслѣдствіе случайностей поспѣшнаго отступленія. Не одинъ разъ передовыя части прусскихъ колоннъ были окружены тѣми, которыхъ онѣ сами думали окружить; но необходимость добратъ скорѣе до Парижа и воображеніе, преувеличивавшее численность непріателя, помѣшали воспользоваться случаемъ. Въ Санли генералъ Сидовъ, имѣя противъ себя съ фронта генерала Келлермана и съ тыла генерала д'Эрлона, успѣлъ освободиться отъ этой опасной встрѣчи. Въ Вилле-Котре, Пирхъ, который напалъ на Груши врасплохъ, въ свою очередь былъ застигнутъ врасплохъ Вандамомъ, и могъ уйти только посредствомъ форсированнаго марша, который онъ дѣлалъ тридцать восемь часовъ, бѣжа предъ бѣглецами. Первая прусская дивизія была разбѣяна въ Ла-Ферѣ, Вилле-Котре, Креспи, Жиликурѣ. Другія дивизіи были собраны не лучше, а главныя силы арміи находились въ двухъ дняхъ пути отъ англичанъ. Это разбѣяніе непріателя по разнымъ мѣстамъ могло бы дорого ему стоить; но онъ думалъ, что онъ можетъ осмѣлиться на все. Кромѣ того онъ былъ ободренъ слабымъ сопротивленіемъ, которое оказали многіе пограничные города. Въ теченіе двухъ дней Авенъ, Гизъ, Камбре, Гамъ сдались, и паденіе этихъ крѣпостей имѣло не одно только нравственное вліяніе на Францію: онѣ сдѣлались теперь точками опоры для вторженія. Маршъ на Парижъ, который сперва казался безпорядочнымъ, получилъ теперь твердое основаніе.

Груши, принявшій въ Суассонѣ главное командованіе, возвращался съ 6 корпусомъ и гвардіей. Онъ дошелъ до Левиньона, который войска Цитена уже миновали. Такъ какъ эта дорога оказалась запертой, то Груши повернулъ лѣво, къ Маринъ, и оканчиваетъ свое отступление чрезъ Асси, Мо, Кле и Венсенъ. Та же причина заставила Вандама направиться чрезъ Ла-Ферте-Милонъ и Мо. Онъ переправляется чрезъ Марну въ Линья и переходитъ чрезъ Парижъ, чтобы занять, на лѣвомъ берегу, Монтружскую плоскость. Рель, горячо преслѣдуемый, присоединился, съ 2 корпусомъ, къ д'Эрлону. За Нан-

тейлемъ принцъ Прусскій взялъ у нихъ въ плѣнъ 2,000 человекъ; но онъ не могъ помѣшать имъ прибыть къ цѣли безъ особенно большого вреда: они присоединились, чрезъ Сен-Дени, къ главнымъ силамъ арміи.

Между тѣмъ какъ французы, потерявъ при отступленіи только нѣсколько тысячъ человекъ, входили въ Парижъ, прикрываясь Марной, пруссаки показывались противъ равнины Сенъ-Дени. Судя по ихъ стремительному маршу, можно бы сказать, что Парижъ будетъ ихъ добычей, но тамъ они внезапно были остановлены оборонительными линіями, прикрывавшими столицу съ этой стороны. Это были, во-первыхъ, отъ Ла-Вильетты до Сенъ-Дени, Урксскій каналъ, шириною въ тридцать футовъ, наполненный водою. Онъ закрывалъ собою кривою изгибъ Сены. Вдоль внутренняго берега высокая плотина образовала превосходный парапетъ, въ которомъ были продѣланы амбразуры, для орудій большого калибра. Городъ Сенъ-Дени, служившій опорой, былъ укрѣпленъ; почва въ окрестностяхъ была наводнена и Обервильерскій аванпостъ, на разстояніи ружейнаго выстрѣла впереди линіи, былъ занятъ. Сильныя батареи и укрѣпленія защищали парижскія заставы и дѣлали ихъ безопасными отъ нападенія врагъ. Шарантонскій мостъ былъ прикрытъ тетдепономъ на лѣвомъ берегу Марны. Триста орудій большого калибра стояли на этихъ укрѣпленіяхъ. Линія между Сенъ-Дени и Венсенемъ была защищена 1, 2 и 6 корпусами, гвардіей, стоявшей резервомъ въ Менильмонтанѣ, и кавалеріей въ Вулоньскомъ лѣсу. Вандамъ, съ 3 и 4 корпусами и кавалеріей Эксельмана, занялъ позицію на лѣвомъ берегу; но тамъ оборонительныя работы были едва начаты.

Армія, собравшаяся для защиты Парижа, заключала въ себѣ 70,000 чел. Прибавьте къ этому 17,000 федеральныхъ стрѣлковъ, которые почти всѣ были старые солдаты. 30,000 человекъ національной гвардіи увеличивали эту цифру до 117,000. Чего нельзя было ожидать еще отъ этихъ 117,000 французовъ, опиравшихся на укрѣпленія, которыя я сей-часъ описалъ, и сражавшихся за свои домашніе очаги? Англичане и пруссаки, за исключеніемъ отрядовъ, которые они должны были отдѣлать для прикрытія или осады сѣверныхъ крепостей, были немногимъ многочисленнѣе.

Войдя въ Парижъ, Груши, котораго начали преслѣдовать обвиненія и который слишкомъ сомнѣвался въ себѣ или слишкомъ скоро отчаялся за свое отечество, вышелъ въ отставку. Въмѣсто него главное командованіе принялъ маршалъ Даву, который устроилъ свою главную квартиру въ Ла-Вильетѣ.

V—II. ПАЛАТА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ.

Въ Парижѣ отреченіе, естественно, подѣйствовало на народъ не такъ сильно какъ на армію. Удивленія здѣсь не было, потому что всѣ видѣли какъ, часъ за часомъ, власть Наполеона слабѣла и исчезала. Чтобы быть предметомъ обожанія, для этого онъ, каза сь, долженъ былъ всегда представлять собою силу, и потому, какъ только

онъ лишился ея, массы народа почувствовали къ нему сожалѣніе; съ сожалѣніемъ начались — изслѣдованіе, критика и, скоро, порицаніе идола. Каждый пересталъ интересоваться общимъ дѣломъ, потому ли что слово судьба, произносима такъ часто и такъ громко, оледенило всѣ сердца, или же оттого, что народъ привыкъ заключать въ этомъ человѣкѣ все— прошедшее, настоящее и будущее. Послѣ его паденія не оставалось болѣе ничего, стоявшаго какой нибудь жертвы. Каждый удалился, подобно тому какъ удаляется публика съ какого нибудь общественнаго зрѣлища, когда занавѣсъ упалъ.

Нельзя было вообразить, чтобы подобный человѣкъ, поднятый такимъ великимъ чудомъ, могъ пасть снова и исчезнуть въ такомъ безмолвіи народа. Никакого протеста, никакой попытки возстанія противъ новой судьбы, тогда какъ ничто не могло бы помѣшать народу—выказать свои сожалѣнія, тѣмъ болѣе что онъ имѣлъ армию на своей сторонѣ; мы видимъ быструю и безмолвную покорность; и когда актъ отреченія былъ совершенъ—никакого ропота! Всѣ спѣшили повиноваться этой послѣдней волѣ своего властителя, не разбирая того свободна она или вынуждена. Что касается до провинцій, ни одного слова, ни одного прощальнаго привѣта побѣжденному. На этомъ длинномъ триумфальномъ пути отъ Канъ до Парижа, повсюду одно и тоже молчаніе, апатія или покорность тому, члѣ французы привыкли называть судьбою. Непріатель приближался массами, отъ деревни къ деревнѣ, и наиболѣе вѣрные и отличившіеся военными подвигами складывали свое оружіе и свои знамена.

Среди этого оцѣпенѣнія, вся жизнь, повидимому, была сосредоточена въ собраніи представителей. Ему-то надлежало наполнять пустоту, оставленную Наполеономъ. Эта палата ста дней была тогда тѣмъ, чѣмъ она могла быть при воспитаніи, полученномъ отъ пятнадцати лѣтъ безмолвія, забвенія, нравственнаго бездѣйствія: она желала свободы, не зная какой; ей наскучило продолжительное рабство и она нетерпѣливо хотѣла выйти изъ него, не умѣя сказать какимъ путемъ; въ ней не сохранилось никакихъ традицій и, такъ сказать, ни одного воспоминанія, потому что никто не осмѣлился бы упомянуть даже о лучшихъ преданіяхъ революціи и стать подъ знамя этихъ великихъ дней: они были изглажены такимъ множествомъ еще свѣжихъ оскорбленій. Отсюда произошло, что въ этомъ собраніи всѣ были чужды другъ другу; это было дитя французской революціи, которое не смѣло въ томъ признаться. Здѣсь не существовало никакого открытаго принципа, никакого знамени, никакого вождя партіи, который бы рѣшился окружить себя партизанами. Лучшие люди оставались вѣрны своему прошлому, но втайнѣ, хорошо зная, что никто не послѣдуетъ за ними, если они рѣшатся возвать къ нему. Что касается другихъ, то это были люди новые, образовавшіеся среди рабства, удивленные своею свободой; они скоро почувствовали страхъ, что у нихъ нѣтъ болѣе господина и старались найти другого, слѣпо и безпорядочно наполняя эту пустоту именемъ ребенка, Наполеона II, и не дѣлая ничего, чтобы это объ-

явленіе стало серьезнымъ. Наиболѣе разсудительные были увѣрены, что это не болѣе какъ приманка, чтобы обмануть сожалѣнія арміи и народа. Вольшинство обольщало себя полу-обманомъ, успокоивавшимъ его совѣсть: всѣ видѣли или предчувствовали, что въ основаніи ихъ предпріятій лежитъ возстановленіе абсолютизма, но считали себя довольно сдѣлавшими противъ него, потому что они не произносили его имени.

Этого собранія не слѣдуетъ ни однимъ звѣномъ связывать съ національными собраніями революціи, отъ которой оно всегда съ гордостью отрекалось. Оно, низвергнувшее разрушителя республики, постыдилось бы назвать себя республиканскимъ. Итакъ, что же такое было это собраніе, если оно не принадлежало ни республикѣ, ни бонапартизму, ни роялизму? Ему невозможно было бы отвѣтить на этотъ вопросъ. Ничто не можетъ сравниться въ затрудненіемъ, въ которое оно было поставлено, очутившись вдругъ безъ господина. Оно не смѣло признаться, что оно свободно. Когда его спрашивали, во имя кого оно издаетъ законы, оно не знало что отвѣчать. Въ этой глубокой пустотѣ палатъ, которыя не смѣли даже вспомнить о временахъ, предшествовавшихъ 18-му брюмера, одинъ голосъ вскричалъ съ проницаніемъ: «почему вы не предлагаете намъ республики?» Это слово бросило внезапный свѣтъ въ смущенные умы. Всѣ почувствовали, что въ самомъ дѣлѣ возможно только одно изъ двухъ: или общее право или реставрація; и такъ какъ первое внушало страхъ уже однимъ своимъ именемъ, то каждый втайнѣ приготовился принять возстановленіе абсолютизма, который онъ отвергалъ на словахъ. Такимъ образомъ, единственное рѣшеніе, которое спасало Францію отъ нашествія непріятелей, было также единственнымъ, котораго имени никто не осмѣлился произнести публично и даже втайнѣ. *Они такъ глупы!* говорилъ Фуше, который не давалъ себѣ труда притворяться. Въ самомъ дѣлѣ, когда какое-нибудь собраніе становится вѣдь всякого принципа, всякого преданія, то невѣроятно, до какой степени умъ, яснovidѣніе, способность выбора могутъ оставить его, какъ безжизненное тѣло. Члены его могутъ говорить съ искусствомъ, но ихъ слова служатъ только къ тому, чтобы маскировать дѣйствительность, которую ясно видятъ даже дѣти. Такъ было въ настоящемъ случаѣ: мы видѣли, что непріятель приближался большими шагами, и только одно собраніе не замѣчало ничего или не хотѣло ничего знать объ этомъ, въ увѣренности что оно прельстится маршала Влюхера и его улановъ какимъ-нибудь измѣненіемъ, которое будетъ послано негоціанторамъ.

Это собраніе пробудилось какъ Эпименидъ, но, омраченное долгимъ сномъ, оно шло ощупью, съ закрытыми глазами на-встрѣчу всему, чего оно хотѣло избѣжать. Наименѣе новые люди, нежелая вспоминать о своихъ предкахъ представляли собою безпрестанное противорѣчіе. Тотъ самый Манюэль, котораго нѣсколько позднеѣ мы видѣли столь твердымъ, столь ясновидящимъ, столь неустрашимымъ, теперь, повидимому; обмануть всѣмъ, что онъ находитъ вокругъ се-

бя. Этотъ человекъ, столь правдивый, дѣлается слѣпымъ орудіемъ Фуше, съ которымъ онъ раздѣляетъ жилище. Этотъ республиканецъ гнушается республики; этотъ другъ равенства требуетъ наслѣдственности сената; этотъ бонапартистъ отворяетъ двери Бурбонамъ, которыхъ онъ завтра проклянетъ. Не будемъ дѣлать слишкомъ горячихъ упрековъ этимъ людямъ: политическій умъ не возвращается въ одинъ день. Тѣмъ, которые разучились свободѣ, нужна была новая школа, чтобы научиться ей опять. Былъ однажды примѣръ въ исторіи, въ 1789 г., что собранія появились во всеоружіи, гордыя, умныя, освѣщенные тысячами свѣтильниковъ при выходѣ изъ рабства; но среди этого рабства раздавался голосъ Монтескье, Вольтера, Руссо, а эти сильные трибуны человѣческаго ума господствовали въ теченіе цѣлаго вѣка. Напротивъ того, въ 1815 г. французы проснулись послѣ молчанія, которое не было прерываемо никѣмъ. Только одна женщина, г-жа де-Сталь, осмѣлилась высказать нѣсколько замаскированныхъ истинъ; но онѣ едва были услышаны небольшимъ числомъ людей, потому что авторъ былъ изгнанъ и всѣ боялись какъ бы, принимая истину изъ ея устъ, не подвергнуться изнанью въ свою очередь. Итакъ, теперь слѣдовало ожидать всѣхъ ошибокъ, порождаемыхъ даже въ лучшихъ людяхъ отвычкою отъ общественной жизни и мышленія.

Въ 1815 г. французы не понимали уже ни одного изъ великихъ политическихъ твореній, вылившихся изъ глубины свободной души. Для нихъ это былъ мертвый языкъ. Всѣ были безконечно благодарны Манюэлю и другимъ, воспроизведшимъ нѣкоторые его отголоски. Дюпенъ сдѣлался ораторомъ и душою этой эпохи. Никто не старался даже открыть, въ чемъ заключался сокровенный смыслъ фразъ, часто двусмысленныхъ, и затруднительность этого перваго лепета свободы возбуждала самыя противоположныя надежды. Удовольствіе слова послѣ столь долгаго молчанія было достаточно для немногихъ умовъ, стоявшихъ тогда во главѣ партій; но народъ, толпа, должны были оставаться еще долгое время глухими къ этому могущественному дару, который они забыли, или никогда не знали. Этотъ перемежающійся обморокъ общественнаго сознанія кажется, есть одно изъ непремѣнныхъ условій Франціи. Нѣкоторые люди остаются на ногахъ и приводятъ другихъ въ чувство. Затѣмъ все исчезаетъ снова и восстанавливается такимъ же точно образомъ. Нація, повидимому, находятъ какое-то особенное удовольствіе въ этой жестокой игрѣ, въ которой теряются и приобрѣтаются вновь судьбы народа.

Таково было это собраніе, подобіе поработочной и дважды побѣжденной Франціи. Среди столькихъ влчювій, есть однакоже одна, которой избѣжала палата представителей. Съ изумительною скоростію она увидѣла, что вчерашній деспотъ не долго будетъ терпѣть узлу законовъ, что для избавленія себя отъ нея онъ желаетъ только сдѣлаться сильнѣйшимъ; и для обнаруженія своей антипатіи палата не дождалась пораженія императора. Съ самаго от-

крытія кампаніи, когда все казалось благопріятнымъ, она не упустила ни одного случая для высказанія своихъ подозрѣній: они доходили почти до ненависти; это видно изъ того, что собраніе сперва съ ироніей отказало Наполеону въ титулъ избавителя, потомъ въ титулъ великаго человѣка, когда дѣла были въ нерѣшительномъ положеніи; но особенно оно обнаружило свое настроеніе позднѣе. При извѣстїи о битвѣ при Линьи его первою мыслью было — искать гарантій противъ императора, и этимъ оно показало, что оно боится побѣдъ Наполеона столько же какъ и неудачъ его, — до такой степени между прежнимъ властелиномъ и новою свободой разрывъ былъ глубокъ и союзъ невозможенъ. И теперь, когда императоръ былъ побѣжденъ, месть и недоброжелательство начали высказываться безъ стыда во имя общаго блага. Какъ въ дни своего благополучія Наполеонъ возбуждалъ всѣ надежды, такъ въ паденіи своемъ онъ возбуждалъ всевозможный гнѣвъ противъ себя. Только въ немъ одномъ видѣли опасности и затрудненія; 500,000 непріятелей, переходившіе границы, исчезали, объ нихъ почти не думали. Теперь былъ только одинъ непріятель: пусть онъ удалится, пусть онъ исчезнетъ — и все будетъ спасено! Освободиться отъ вчерашняго идола сдѣлалось единственнымъ желаніемъ, но это желаніе было неудержимою страстію. Освободиться отъ властителя — это значило освободиться отъ всѣхъ бѣдствій за одинъ разъ, потому что, даже павшій и свергнутый, онъ все еще наполнялъ собою умы.

VIII.—Фуше.

Изъ нѣдра этого собранія возникъ на минуту одинъ человѣкъ, Фуше Лионскій и Нантскій, теперь герцогъ Отрантскій, который могъ подняться только въ подобныя времена, вскормленный бѣдствіями Франціи, скрываясь въ ея развалинахъ; его натура какъ разъ была принаровлена къ этой бѣдственной эпохѣ. Онъ получилъ полномочіе отъ собранія, нетерпѣливо желавшаго отдаться въ его руки, и сдѣлался властелиномъ Франціи при временномъ правительствѣ, потому что изъ пяти членовъ, которые составляли это правительство, (Фуше, генералъ Гренъе, Кинетъ, Коленкуръ, Карно,) Фуше былъ назначенъ президентомъ, и еъ сущности вся власть находилась въ его рукахъ. Подивитесь пустотѣ, образовавшейся вслѣдствіе продолжительнаго рабства: послѣ Наполеона не осталось никого кромѣ Фуше! Лафайетъ не могъ успѣть даже въ томъ, что бы сдѣлаться однимъ изъ пяти императоровъ, какъ ихъ тогда называли; всѣ партіи соединились вмѣстѣ, для устраненія этого неудобнаго человѣка, который среди общей гибели не представлялъ собою ничего, кромѣ права и справедливости. Онъ самъ обвиняетъ прежнихъ республиканцевъ, что они оттолкнули его, какъ врага титуловъ стараго и новаго дворянства. Не потому-ли боялись они имѣть съ нимъ дѣло, что онъ напоминалъ имъ ихъ прошедшее въ томъ, что было въ немъ наилучшаго? Карно дѣлаетъ упрекъ, что онъ пересталъ быть тѣмъ

мужественнымъ сердцемъ, какимъ онъ былъ нѣкогда; но что могла сдѣлать эта строгая, суровая личность, у которой героизмъ отличался какимъ-то спокойнымъ характеромъ? Уже пятнадцать лѣтъ имя его не было произносимо. При способности французовъ забывать, они его не знали болѣе. Гдѣ были его партизаны, его товарищи, его друзья, всѣ тѣ, на которыхъ могло бы еще дѣйствовать воспомина- ние? Ихъ преслѣдовали, топтали ногами; ихъ имя превратилось въ поруганіе, и народъ, для котораго они пожертвовали болѣе чѣмъ жизнью, ихъ не зналъ или, по своему обыкновенію, оскорблялъ еще болѣе. Какимъ образомъ эти люди, погребенные заживо, могли хоть на одинъ часъ возвратить себѣ свое прежнее вліяніе? Недостаточно быть сильнымъ: надлежитъ, кромѣ того, чтобы ваша сила имѣла какое нибудь отношеніе къ тому, что васъ окружаетъ. Они попробо- вали вновь явиться на сцену, но, подобно прочимъ, они робѣли и за- пинались, произнося фразы о своеволии, сами удивленные тѣмъ, что видятъ себя столь измѣнившимися вслѣдствіе неблагоприятности и обидъ двухъ поколѣній.

И не только однихъ людей революціи обезоруживала имперія; всѣ друзья свободы были включены въ одну анаэму: ихъ клеймили именемъ глупцовъ или якобинцевъ. Мы съ молокомъ всосали въ себя презрѣніе, страхъ, отвращеніе ко всему, что предшествовало 18-му брюмера; этотъ міръ былъ изображаемъ намъ въ видѣ хаоса, на- полненного чудовищами, и если оставался какой нибудь представи- тель тѣхъ временъ, то мы указывали на него пальцемъ, онъ вну- шалъ страхъ. Даже самъ онъ молчалъ о славномъ для него про- шедшемъ; онъ, казалось, просилъ прощенія у страны въ томъ, что однажды спасъ ее. Какимъ образомъ изъ этого унынія, изъ этого униженія сильныхъ, изъ продолжительнаго побиванія камнями луч- шихъ именъ цѣлымъ поколѣніемъ, могла родиться какая-нибудь геройская рѣшимость? Дѣти начинали уже отрекаться отъ отцовъ своихъ.

Притомъ, если самъ Наполеонъ былъ уничтоженъ событіями, то пусть судятъ о другихъ! ихъ леденили опасность, неизвѣстность, ожиданіе, и, безъ сомнѣнія, то, что древніе называли судьбою, ро- комъ, заключается именно въ этомъ, когда умы связаны, ослѣплены и когда никакая очевидность не можетъ проникнуть сквозь ихъ тьму. Въ этомъ парализированномъ обществѣ только одинъ человѣкъ остается на ногахъ, одинъ человѣкъ сохраняетъ свои способности, свое хладнокровіе среди всеобщаго оцѣпенѣнія: это — Фуше. У другихъ умственные способности въ застоѣ; онѣ поражены тѣмъ родомъ при- тупленія, который слѣдуетъ за слишкомъ сильными ударами судь- бы. Фуше одинъ думаетъ за всѣхъ—и каждая изъ его мыслей есть обманъ. Одинъ онъ дѣйствуетъ—и каждое его дѣйствіе — западня. Его застаютъ въ его козняхъ—онъ смѣется и всѣ смѣются съ нимъ. Его письма, которыми онъ дѣлаетъ стачку съ непріятелемъ, пере- хватчены — онъ издѣвается надъ этимъ; его застаютъ за ними — онъ смѣло велитъ читать ихъ на трибунѣ, и тѣ, которыхъ онъ пре-

даеть этими письмами, объявляютъ себя довольными. Очарованные, ослѣпленные, оступившіе (какое слово здѣсь употребить?) они своими связанными руками аплодируютъ этому трехличному Іудѣ.

Среди этого нравственнаго оцѣпенѣнія всѣхъ другихъ, Фуше выросъ до чудовищнаго величія. Его способности не только не парализованы, но онѣ изощраются и достигаютъ наибольшаго развитія. Онъ нашолъ свою среду, свой натуральный элементъ въ погибели, и забавляется, среди этого крайняго бѣдствія, агоніей народа. Его блѣдный и тусклый языкъ украшается цвѣтами краснорѣчія. Чтѣ такое для него Наполеонъ? «Великій человѣкъ», сошедшій съ ума!» А изгнаніе, замышляемое имъ противъ своихъ друзей, которымъ онъ жметъ руку? «Вѣтвистое дерево, для защищенія ихъ отъ бури».

Каждый ищетъ у этого сѣникса слова загадки. Когда она разрѣшена, онъ изобрѣтаетъ другую. И здѣсь дѣло идетъ о націи, о націи великой. Какая забава! какое назиданіе! какое невѣроятное падевіе! И какъ дорого стоитъ быть предоставленнымъ однажды произволу и прихотямъ одного человѣка! Всѣ, въ свою очередь, поддаются чарамъ этого аспіда развалинъ: сперва Наполеонъ, потомъ Людовикъ XVIII, потомъ графъ д'Артуа. Ни революція, ни контръ-революція, ни красный терроръ, ни бѣлый терроръ не могутъ обойтись безъ него. Для всѣхъ онъ неизбѣжно служитъ министромъ, или, лучше, это властелинъ, трибунъ, король, императоръ въ междуцарствіи справедливости и права. Онъ царитъ въ этой пустотѣ. Посмотрите: эта личность господствуетъ надъ всѣмъ, наполняетъ все; эта блѣдная фязіономія, которая переходитъ отъ одного къ другому, — вотъ что остается въ настоящую минуту отъ прославленной Франціи, властительницы народовъ и королей! Здѣсь-то должны торжествовать люди, которые ставятъ дѣйствительность выше поэзіи, потому что, безспорно, никакое произведеніе поэта не представляетъ личности столь сложной, столь многообразной, какъ та, которую показываетъ намъ исторія въ эту минуту. Въ поэтическихъ вымыслахъ Нарциссъ, Макбетъ, Яго ведутъ только одну интригу за одинъ разъ, и они всецѣло поглощены ею. У Фуше не одна интрига: у него ихъ десять, двадцать за одинъ разъ; онъ работаетъ надъ ними какъ ткачъ у своего станка. Если его засталъ, онъ сплетаетъ новую, и эта будетъ его образцовымъ произведеніемъ. Всѣ или смущены или приведены въ отчаяніе; одинъ онъ недоступенъ унынію. Онъ счастливъ, онъ торжествуетъ среди всеобщей погибели.

IX.—Наполеонъ въ Мальмезонѣ.

Между тѣмъ, 25 іюня, Наполеонъ, повинувшись приказаніямъ, прикрывавшимся еще другимъ именемъ, удался въ Мальмезонъ. Тамъ это уединеніе, наполненное воспоминаніями о счастливыхъ дняхъ консульства, какъ бы пробуждаетъ его отъ сна. Едва прибывъ туда, онъ удивляется своему одиночеству. Чтобы выйти изъ него, онъ хочетъ еще разъ поговорить съ арміей. Въ первой прокламаціи, продиктованной нѣскоро, онъ забываетъ, что отказался отъ имперіи. Онъ жа-

лутся, обвиняетъ, приказываетъ,—и вдругъ, вспомнивъ, что ему не слѣдуетъ уже говорить языкомъ властителя, измѣняетъ тонъ: онъ молить, онъ ободряетъ. Это—прощаніе генерала съ его товарищами по оружію; но даже въ такой формѣ, сквозь которую не проглядываетъ уже ничего, напоминающаго прежняго императора, его слова не дойдутъ до людей, къ которымъ онъ обращается. Этому противится Фуше. Наполеонъ не можетъ даже напечатать свой прощальный привѣтъ въ «Монитёрѣ». Онъ, въ свою очередь, узнаетъ, что значитъ вопль души, подавленный рукою полиціи; но онъ не выказываетъ ни удивленія, ни горести, какъ будто это для него уже не новость.

Это было уже въ нѣкоторомъ родѣ изгнаніе, потому что вокругъ него не осталось никого, кромѣ людей, которые рѣшились, въ случаѣ необходимости, вмѣстѣ съ нимъ оставить отечество и переплыть за океанъ. И они, въ первый разъ, не ожидали уже ничего отъ внезапныхъ вспышекъ его генія, который оставлялъ самъ себя. Они уже приготовлялись въ путь; каждый предлагалъ свой совѣтъ, какъ будто несчастіе установило уже какое-то равенство между ними. Герцогъ Ровиго совѣтовалъ въ послѣдній разъ прибѣгнуть къ оружію, герцогъ Бассано—покориться своей участи, герцогъ Коленкуръ—поспѣшить уйти отъ враговъ, которые уже приближались. Даже домашній секретарь Флэри де Шабулонъ высказалъ свое мнѣніе, состоявшее въ томъ, чтобы обратиться къ союзнымъ генераламъ и отдаться имъ въ качествѣ жертвы, не пытаясь бѣжать.

Среди столькихъ противорѣчащихъ одинъ другому совѣтовъ, то ходовѣрчивый, то легковѣрный, и постоянно нерѣшительный, Наполеонъ ввѣриваетъ и разбираетъ поочередно эти мнѣнія. Онъ зашарается съ своими совѣтниками и удерживаетъ ихъ смотря по тому, чей совѣтъ кажется ему предпочтительнымъ; потомъ вдругъ самъ открываетъ новый планъ и тогда, повидимому, ему хочется только обмануть время и дать минутную пищу воображенію своему и другихъ. Въ эти минуты онъ видитъ себя уже за Атлантическимъ океаномъ, въ Америкѣ, занимающимся скотоводствомъ, подобно первобытному человѣку, нищимъ и находящимъ наконецъ спокойствіе въ Мехикѣ, Каракасѣ, Калифорніи. Онъ хватается за всѣ эти имена; но тотчасъ, пробудясь отъ своихъ мечтаній, обращается къ дѣйствительному плану—броситься въ объятія солдатъ. Ему возражаютъ, и онъ сдается съ перваго слова. «Шлоно! я хорошо вижу, что приходится постоянно уступать,» прибавляетъ онъ, какъ будто бы каждый изъ его плановъ былъ не что иное какъ пустая мечта. Этотъ властитель міра теперь слабѣ тростинки; малѣйшее дуновеніе наклоняетъ его то въ ту, то въ другую сторону.

По временамъ эта плачевная неизвѣстность тяготитъ его; онъ прерываетъ свою рѣчь, слушаетъ, спрашиваетъ — не возстанутъ-ли за него народъ и армія, не придутъ-ли солдаты вырвать изъ этого бездѣйствія, которое есть уже начало плѣва. Онъ восклицаетъ: «какъ, неужели Парижъ не требуетъ меня?» Онъ вдрагиваетъ при отдален-

номъ шумъ оружія. Нѣкоторые отряды, проходящіе по большой дороге, тамъ и сямъ наполняютъ воздухъ своими кликами; но они не сворачиваютъ въ сторону, къ жилищу Наполеона: онъ ждетъ отъ другихъ энергіи, порыва, которыхъ всѣ привыкли ожидать отъ него самого. Если бы онъ только показался, если бы онъ началъ дѣйствовать, кто знаетъ чего не могло бы сдѣлать съ этими людьми уже одно его присутствіе? Но запертый, невидимый въ стѣнахъ этого удаленнаго дома, онъ напрасно надѣется, что толпа приметъ ради его рѣшеніе, котораго онъ самъ не въ состояніи ни принять, ни отвергнуть. Видя подобнаго человѣка доведеннымъ до бездѣйствія, всѣ думали, что дѣйствовать сдѣлалось невозможно. Инерція, примѣръ которой онъ подавалъ, быстро овладѣла даже наиболѣе рѣшительными людьми.

Къ этой продолжительной пыткѣ ожиданія не доставало только оскорбленія. Но вотъ Наполеону говорятъ, что пріѣхалъ генераль Беккеръ, которому поручено арестовать его отъ имени временнаго правительства. Это была ошибка. Генералу Беккеру поручено было только надсматривать за нимъ, подѣ предлагомъ охраненія его безопасности. Нѣсколькими словами, Наполеонъ покораеъ своего стража и дѣлаеъ его своимъ посломъ къ правительству. На основаніи извѣстій, привезенныхъ этимъ генераломъ, на счетъ положенія непріятелей, Наполеонъ возымѣлъ мысль — наказать Блюхера за его дерзкій маршъ впереди англичанъ. Онъ предлагаетъ выступить чрезъ Сент-Дени; онъ беретъ разбить пруссаковъ прежде чѣмъ ихъ союзники могутъ къ нимъ подоспѣть. Это его послѣдній военный планъ. Пусть только ему позволятъ вышолнить его. По одержаніи этой побѣды, онъ удалится за моря. Онъ не желаетъ и не добиваетъ ничего, какъ только—дать этимъ послѣднимъ триумфомъ опору правительству, для переговоровъ съ непріятелями. Генераль Беккеръ, увлеченный, убѣжденный, спѣшитъ передать предложенія своего плѣнника временному правительству. Уже боевые кони стоятъ осѣдланныя на дворѣ Мальмезона. Всѣ готовятъ поднятъ оружіе. Наполеонъ ждетъ; онъ опять вступитъ въ командованіе, или отправится въ ссылку. Три часа проходятъ въ этомъ колебаніи между вновь пріобрѣтеннымъ трономъ и изгнаніемъ.

Серьѣзно-ли думалъ Наполеонъ, что его предложеніе имѣетъ хоть одинъ какой нибудь шансъ быть принятымъ со стороны тѣхъ, которые смертельно его уже оскорбили? Если серьезно, то, значить, онъ вздумалъ надѣяться вопреки всякой очевидности. Командовать—для него значило царствовать, и если онъ не далъ себѣ труда вновь захватить власть посредствомъ силы, то какимъ образомъ онъ могъ вообразить, что его противники отдадутъ ему все нвъ снисхожденія? Они уже поразили его слишкомъ сильно для того, чтобы видѣть въ немъ опаснѣйшаго изъ непріятелей. Кажется, это предложеніе было одною изъ тѣхъ блистательныхъ перемѣнъ сцены, которыми онъ забавлялъ воображеніе свое и другихъ, не слишкомъ серьезно останавливаясь на нихъ своимъ умомъ. Говорятъ однако же, что

Карно былъ того мнѣнія, чтобы возвратить Наполеону командованіе, но онъ былъ одинъ. Фуше отвергнулъ просьбу своего бывшего повелителя съ оскорбительною насмѣшкой. Даву—съ солдатскою грубостью: «Вашъ Бонапартъ не хочетъ отправиться. Но ему придется освободить насъ отъ себя. Если онъ не уберется тотчасъ, то я арестую его самъ.»

Эти слова были переданы Наполеону и онъ отвѣчалъ, что готовъ подставить свое горло. Много лѣтъ спустя, въ безмолвіи св. Елены, возвращаясь къ этимъ событіямъ, онъ продиктовалъ въ нѣсколькихъ словахъ оправданіе Даву, какъ будто онъ самъ нисколько не сожалѣлъ о полученномъ отказѣ и не придавалъ большой важности предложенію, которое не считалъ очень серьезнымъ. Самъ уступая и подчиняясь обстоятельствамъ съ такою большою легкостью, онъ выказывалъ снисхожденіе и къ тѣмъ, которые уступали подобно ему, онъ имѣлъ такое уваженіе къ силѣ, его единственному божеству, что никогда не порицалъ строго никого, кто ей покорялся. При томъ, онъ слишкомъ хорошо умѣлъ рассчитывать и не могъ не знать, что просьба его не будетъ исполнена. Имперія, оставленная одинъ разъ, берется, а не дается вновь. Если онъ рѣшился вновь принять командованіе, то ему слѣдовало обратиться никакъ не къ благосклонности Фуше: ему надлежало отправиться съ своими адъютантами къ первому мѣсту, гдѣ были собраны войска; но, какъ говорилъ одинъ изъ его приближенныхъ, который зналъ его лучше чѣмъ кто нибудь, имъ овладѣлъ страхъ испортить все: то же самое колебаніе, которое онъ показалъ на поляхъ Лigny, на другой день битвы, появлялось, еще въ большей степени, въ Елисеѣ, въ Мальмезонѣ, по мѣрѣ приближенія развязки. Единственною установившеюся рѣшимостью его въ это время было—покориться обстоятельствамъ; и онъ скрывалъ отъ себя самого и отъ другихъ эту инерцію, планы, которые были внезапно задумываемы и внезапно оставляемы.

Первое, что истощается въ человѣкѣ, это—сила воли и дѣятельности. Это было также единственною частію, которая въ продолженіе ста дней оказалась поврежденною въ Наполеонѣ. Когда величественное зданіе потеряло равновѣсіе въ своемъ фундаментѣ, то хотя всѣ прочія части его остаются нетронутыми, все это великолѣпное цѣлое, ослаблявшее глаза, колеблется и обрушивается въ ту же минуту. Чтобы быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ до сихъ поръ, Наполеону недоставало одного: внезапной, энергической, непреклонной рѣшимости. Когда она подалась, то все зданіе этого изумительнаго счастья потеряло свое равновѣсіе и рухнуло въ одинъ день. Мы съ изумленіемъ видѣли самые великолѣпные планы, низвергавшимися въ прахъ, потому что они не имѣли уже опоры въ волѣ того, кто ихъ задумалъ. Если бы 18 брюмера Наполеонъ колебался, вмѣсто того чтобы дѣйствовать; еслибы, давая своимъ противникамъ время опомниться, онъ сталъ бы ихъ умолять, чтобы они помогли его намѣренію сдѣлаться ихъ господиномъ, то вѣроятно-ли, что его предпріятіе было бы выполнено съ такою же легкостью? Говорятъ, времена невѣнни-

лись. Да, безъ сомнѣнiя; но онъ имѣлъ еще на своей сторонѣ армiю и народъ, и такъ какъ, не смотря на эту поддержку всѣхъ, онъ былъ доведенъ до безсилiя—сдѣлать какую-нибудь попытку для себя, для своихъ, для Францiи, то не было-ли это самымъ полнымъ признанiемъ, что его царствованiе было кончено, и что система, которой онъ далъ свое имя, сдѣлалась невозможною?

29 iюня, въ пять часовъ вечера, онъ садится въ экипажъ; ему предшествуютъ люди, которые должны быть его товарищами плѣна. Сначала онъ, повидимому, не желаетъ ничего болѣе, какъ поскорѣе уѣхать. «Я скучаю и Францiей и самимъ собою,» говорилъ онъ; но скоро онъ сталъ замедлять свою поѣздку; онъ останавливается въ Рамбулье, спрашивая—не зовутъ-ли его назадъ. Ночь проходитъ въ этомъ праздномъ ожиданiи. Наступаетъ день—и Наполеонъ, уже безъ надежды, продолжаетъ свой печальный путь къ океану. Онъ вновь сталъ самимъ собою только на *Беллерофонъ*. Англичане сдѣлали тогда бесполезно-гнусное дѣло, вздумавъ потребовать у Наполеона шпагу. Адмиралъ съ своими офицерами подошелъ къ нему съ этимъ требованiемъ. Наполеонъ, не отвѣчая, взглядомъ оттолкнулъ ихъ, и они удалились съ опущенными глазами, устыдясь своего поступка. Эта была послѣдняя побѣда Наполеона.

Х.—Переговоры.

Непрiятель былъ у воротъ; не обращать на него вниманiя было уже невозможно. Потому-ли что правительственная коммисiя дѣйствительно считала Наполеона единственнымъ поводомъ войны, или же притворялась, что считаетъ, — она послала уполномоченныхъ къ главнокомандующимъ союзными армiями. Нѣкоторые изъ этихъ коммисаровъ нашли герцога Уэллингтона въ Этрѣ, и его депети * заключаютъ важныя свѣденiя по этому предмету. Изъ нихъ ясно видно, что собранiе чрезъ своихъ посредниковъ говорило двумя, или лучше тремя, языками, изъ которыхъ одинъ назначался для народа и армiи, другой—для союзниковъ, третiй—для политики. Оно объявляло герцогу Уэллингтону, что самымъ пламеннымъ желанiемъ его было открыть двери для реставрацiи; народу — что будетъ провозглашенъ Наполеонъ II, иностранцамъ, что это провозглашенiе не болѣе какъ обманъ; солдатамъ—что дѣло идетъ о защитѣ отечества; коализировавшимся державамъ — что солдаты представляютъ собою опасность междоусобной войны; армiи — что Наполеонъ II есть ея начальникъ; королямъ—что всякiй другой кромѣ Людовика XVIII есть не болѣе какъ узурпаторъ. Въ этомъ столкновенiи противоположныхъ словъ, казалась вѣрною только одна вещь, именно, что правительство желало реставрацiи и, повидимому, добровольно.

Какую власть могли имѣть надъ нами эти двусмысленныя слова среди подобнаго кризиса? Какая могла выйти изъ нихъ рѣшимость, или даже какая *ловкость*, потому что это слово, повидимому, было единственнымъ, оставшимся въ тѣ времена послѣ крушенiя, которое

* Gurwood, The Dispatches of the field-marshal the duke of Wellington, vol. XII.

потерять даже самый языкъ. Приговоръ исторіи надъ этимъ собраніемъ будетъ строгъ. Оно существовало едва мѣсяцъ; и въ теченіе этого времени оно низвергло пораженнаго уже властителя, и оказалось безсильнымъ во всемъ остальномъ. Въ военнаго деспотизма существовали только двѣ вещи (не должно воображать, что формы правленія безчисленны): то что предшествовало имперіи и то что слѣдовало за нею, — республика или реставрація. А какъ никто не осмѣлился произнести даже имени первой, а армія препятствовала открытому признанію послѣдней, то оставалось только одно: прибѣгнуть къ двусмысленнымъ словамъ, уверткамъ, тонкостямъ, — жалкая колыбель будущей свободы, колыбель, въ которой французская нація исчезла на минуту.

Не желая опираться ни на что: ни на Францію новую, ни на Францію старую, ни на революцію, ни на реставрацію, это собраніе не могло ни сохранить преданія о какомъ бы то ни было правѣ, ни воспрепятствовать вторженію непріятели. Что касается до этого послѣдняго пункта, оно даже и не пыталось противиться; оно оставило французовъ въ глубинѣ бездны, оно не научило ихъ ничему кромѣ бѣдственной тайны, что посредствомъ пустыхъ уловокъ можно обольщать себя насчетъ самыхъ вопіющихъ опасностей; что *казаться* — отнынѣ слѣдалось великимъ дѣломъ, что время византійскихъ тонкостей возвратилось, и что французскій умъ, до этихъ поръ простой и свѣтлый даже въ своихъ заблужденіяхъ, вступаетъ въ періодъ двусмысленностей и софизмовъ. Въ крайней опасности, дѣятельность этого собранія была ничтожна, оставшееся послѣ него наследство было гибельно. Что касается до насъ, которые едва имѣли время узнать его, то мы не умѣли ни сожалѣть ни обвинять его. Оно исчезло безъ шума въ крушеніи всѣхъ. Забвеніе спасло его отъ упрековъ.

Ватерлоо было не болѣе какъ несчастіемъ: переговоры были хуже. На насъ болѣзненно дѣйствуетъ чтеніе этихъ дипломатическихъ нотъ, этихъ инструкцій, этихъ корреспонденцій о переговорахъ, которые не существуютъ, которые суть не болѣе какъ грубая приманка, гдѣ ложь проглядываетъ въ каждомъ словѣ. Зачѣмъ было наполнять эти послѣдніе часы такимъ насмѣшливымъ многословіемъ? Почему французы не молчали, какъ въ 1814 году? Молчаніе было бы во сто разъ лучше. Отечество падаетъ подъ тяжестью шестисотъ тысячъ непріятелей: это просто и, можетъ быть, благородно; но эти пустые разговоры во имя свободы, которые оканчиваются быстрымъ порабоженіемъ себя непріятелю!... Это былъ уже тотъ вымощенный языкъ, подъ владычествомъ котораго долженъ былъ современемъ исчезнуть во Франціи послѣдній слѣдъ душевной энергіи.

Истинное бѣдствіе 1815 г. состояло вотъ въ чемъ: во время нашествія непріятелей въ предшествовавшемъ году, Наполеонъ одинъ казался отвѣтственнымъ; но здѣсь появилась свобода, и появилась только для того, чтобы принять на себя отвѣтственность послѣдней минуты въ проигранномъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, послѣ безсилія десяти лѣтъ открылось безсиліе свободы, и это сдѣлало обстоятельства еще худшими; казалось, что французы присутствуютъ при пораженіи ума

послѣ пораженія оружія. Что кто-нибудь могъ вѣрить дѣйствительности негоціацій, что столь рѣшительное отсутствіе проникательности и яснovidѣнія было возможно, что комиссары собранія такъ упорно закрывали глаза для очевидности, что оскорбленія не могли пробудить въ нихъ сознанія себя и вещей — это кажется невѣроятнымъ. Мы объявили бы это невозможнымъ, если бы не видѣли сами, какую слѣпотой можетъ быть поражена партія въ ту минуту, когда она близка къ своей гибели.

Герцогъ Уэллингтонъ отпустилъ посредниковъ съ словами, что «ему не хотѣлось бы заставлять ихъ терять свое время,» и такъ какъ они настаивали на томъ, чтобы остаться то, онъ предложилъ имъ отправиться къ союзнымъ государямъ, которые были тогда въ Гейдельбергѣ. Посредники сдѣлали это длинное и бесполезное путешествіе до Гагенау: короли отказались ихъ видѣть и отослали ихъ къ своимъ министрамъ; министры отпустили ихъ безъ отвѣта.

Здѣсь опять злоба Блюхера была менѣе вредна, потому что она не допускала ошибки. Онъ не согласился даже обмѣняться нѣсколькими словами съ французскими посредниками. Одинъ изъ его адъютантовъ отвѣчалъ за него, съ грубою откровенностью, «что маршалъ пріостановитъ непріязненные дѣйствія когда войдетъ въ Парижъ, лишь бы только ему выдали Наполеона.» Это не помѣшало маршалу Дану попробовать новыя предложенія, причемъ Блюхеръ воспользовался случаемъ излить свою ненависть въ слѣдующемъ отвѣтѣ: «Ужъ не хотите-ли вы взять на себя разграбленіе Парижа, подобно разграбленію Гамбурга? Мы хотимъ войти въ Парижъ для того, чтобы защитить честныхъ людей противъ грабежа, которымъ угрожаетъ имъ народъ.»

Собраніе ста дней въ свои послѣдніе моменты апеллировало къ совѣсти будущихъ поколѣній. Эти поколѣнія — мы, и мы отвѣчаемъ, что насъ обманули. Отъ него зависѣло завѣщать намъ бѣдствіе, не увеличивая его своими колѣнопреклоненіями. Никто не имѣлъ права требовать отъ какого-нибудь собранія героизма другихъ временъ, это правда; но собраніе ста дней должно упрекнуть въ томъ, что оно служило игрушкой непріятелямъ, позволяя обманывать себя до конца насмѣшливыми переговорами. Наибольшее зло, какое можно сдѣлать свободѣ, справедливости, чести и всѣмъ прекраснѣйшимъ вещамъ здѣшняго міра, это — заставить ихъ играть роль простака, водимаго за носъ,—вѣрное средство внушить отвращеніе къ нимъ.

Между тѣмъ Фуше не переставалъ вести непрерывныя сношенія съ непріятелемъ. Онъ рѣшился дѣйствовать сообразно ихъ цѣлямъ. Первымъ дѣломъ его было—привлечь на свою сторону большое число депутатовъ. Онъ успѣлъ въ этомъ безъ особеннаго труда, говоря съ каждымъ изъ нихъ различнымъ языкомъ. Его послѣднимъ усиліемъ было—приготовить палаты къ возстановленію легитимизма; для этого слѣдовало найти фразу, слово, которое было бы удобно для всякой партіи. Такимъ словомъ было на этотъ разъ *сохраненіе* столицы. Каждому имѣнялось въ гражданскую обязанность отдаться безъ сопротивленія; такимъ образомъ сама трусость дѣлалась добро-

дѣтелю. Когда людямъ ихъ собственную слабость вмѣняютъ въ достоинство, то надо удивляться, съ какимъ единодушіемъ они бросаются исполнить требуемое, потому что на эту приманку ловятся и хорошіе и худые разомъ. Фуше не имѣлъ недостатка въ такомъ единодушіи всѣхъ. Подъ его диктовку, палата представителей написала прокламацію къ французамъ, образецъ кривого языка, которому не было примѣра со времени послѣдняго дня Флоренціи въ 1527 г. Въ этой прокламаціи говорилось сперва о Наполеонѣ, съ снисходительностью, но вмѣстѣ безъ всякаго непріязненнаго чувства къ Бурбонамъ, потомъ—въ ней ласкали либераловъ и въ тоже время открывали путь къ абсолютизму. Далѣе отъ одной околичности къ другой, постепенно переходили къ Вурбонамъ и къ «настоятельнымъ нуждамъ важныхъ военныхъ обстоятельствъ», и наконецъ заключали необходимостью славы и покорности безъ боя.

Прежде чѣмъ располагать собраніемъ, Фуше овладѣлъ маршаломъ Даву. И тотъ и другой, хотя увѣренные въ содѣйствіи всѣхъ властей, все еще боялись впечатлѣнія, которое все это произведетъ на публику. Сначала они пошли съ своей цѣлю съ крайнею осмотрительностью, среди противоположныхъ одно другому приказаній и рѣшеній, которыя взаимно уничтожали другъ друга; потомъ, находя сообщниковъ повсюду, они стали смѣлѣе. Съ 26 іюня Даву вополь въ тайныя сношенія съ партіей Вурбоновъ, 27-го въ полномъ совѣтѣ, онъ объявилъ, что Франція погибла, если она не поспѣшитъ сойтись съ Людовикомъ XVIII; 29-го депутація отъ палаты застала его даже въ совѣщаніи съ повѣреннымъ этой партіи Витролемъ *. Это, однакоже, не открыло глазъ никому. На другой день появилась гордая декларація противъ Бурбоновъ, подписанная маршаломъ Даву. Снисходительность или ослѣпленіе должны были покрывать все до послѣдней минуты.

XI.— Овложеніе Парижа.—Версальское дѣло.

Воображаемые переговоры, въ соединеніи съ неоднократною просьбою пріостановить непріязненные дѣйствія, не могли имѣть другого результата, кромѣ безмѣрнаго усиленія увѣренности непріятелей. Она скоро дошла до безразсудства. На основаніи полученныхъ отъ Фуше свѣденій, будучи увѣрены, что достаточно только подѣйствовать на умы какимъ-нибудь смѣлымъ ударомъ, они рѣшились на то, чего не выдумали бы въ предшествовавшей годъ, даже при болѣе значительныхъ силахъ. Это рѣшеніе звался исполнить опять-таки Влюхеръ.

Быстрая рекогносцировка впереди равнины Сенъ-Дени показала ему, что позиція не можетъ быть взята съ этой стороны Сены безъ боя. Побѣдить французскую армію, укрѣпленную въ своихъ линіяхъ, было трудно; и одной неудачи было бы достаточно для уничтоженія всѣхъ неожиданныхъ результатовъ кампаніи; но если правый берегъ Сены представлялъ такіа препятствія, то съ другой стороны, было извѣ-

* Mémoires de M. de Vitrolles, приводимые Дювержье де Горанномъ, Histoire parlementaire.

стно, что лѣвый берегъ оставался безъ защиты; вѣроятно, тамъ встрѣтятся только изолированные отряды. Внезапное появленіе прусской арміи на этомъ пунктѣ, гдѣ ея не ждали, окончательно встревожить жителей, и тогда она войдетъ въ самое сердце столицы, не защищенное ничѣмъ.

Безъ сомнѣнія, это было отъявленнымъ безразсудствомъ — перейти черезъ большую рѣку, оставивъ своихъ союзниковъ на другомъ берегу. Пруссаки рисковали быть уничтоженными по очереди, не имѣя возможности соединиться; но дерзость удавалась до сихъ поръ: къ чему же отъ нея отказываться, находясь такъ близко отъ цѣли? Англичане будутъ прикрывать движеніе противъ линій Сенъ-Дени и Монмартра, между тѣмъ какъ пруссаки пойдутъ черезъ два моста — сен-жерменскій и мезонскій, которыми они только что овладѣли. Едва этотъ планъ былъ задуманъ, какъ его начали уже приводить въ исполненіе; но опытъ не замедлилъ показать какъ дорого могъ бы онъ стоить непріятелю.

Вечеромъ 30 іюня и ночью, 1-й и 3-й прусскіе корпуса выступили къ Сенъ-Жермену одинъ черезъ Вланмениль и Ольнэ, другой черезъ Гонесъ и Аржантѣль. 4-й корпусъ остался на позиціи въ Вуржѣ, имѣя свои аванпосты въ Стенъ и Обервилье. Правое крыло английской арміи было расположено на возвышенностяхъ Риншбурга, лѣвое въ Кондійскомъ лѣсу. Цоспѣшность Блюхера была такъ велика, что онъ рискнулъ отправить полковника фонъ Зора съ двумя полками легкой кавалеріи, впередъ, до самой орлеанской дороги. Прусскій генералъ, вѣроятно, разсчитывалъ, что появленіе этихъ передовыхъ развѣздовъ на линіи столь отдаленной, отрѣзавъ сообщеніе съ Нормандіей и Луарой, уничтожить всѣ планы защиты. Полковникъ Зоръ перейдя Сenu въ Сенъ-Жерменъ, расположился бивуакомъ въ Марли; на другой день, не видя предъ собою никакого препятствія, онъ отважился идти дальше, и въ полдень занималъ Версаль.

Однако же столь дерзкое движеніе не могло не быть замѣчено французами. Эксельманъ, прикрывавшій, вмѣстѣ съ Вандамомъ, южную часть Парижа, узнавъ, что прусскіе гусары устремились на Версаль, рѣшился ихъ захватить. Съ 5-мъ, 15-мъ и 20-мъ полками драгунъ и 6-мъ гусаръ, онъ идетъ черезъ Монружъ и Плеси-Никс. Въ то же время легкая кавалерія Шире, съ 44-мъ полкомъ пѣхоты, было отдѣлена, черезъ Севъ, на флангъ и арьергардъ прусской бригады. Послѣ полудня 1-го іюля Зоръ сталкивается съ пѣхотинцами Вандама. Онъ ретируется и попадаетъ въ середину между егерями Шире, и драгунами Эксельмана, и это принуждаетъ его возвратиться къ Версалию. Національная гвардія, расположенная у заставъ, принимаетъ его сильными огнемъ, заставляющимъ его броситься къ Рокенкуру. Отъ этой бригады, гонимой отъ деревни къ деревнѣ, осталось не болѣе 150 человекъ. Въ деревнѣ Лепнэ, они опрокинуты. Полковникъ Зоръ тяжело раненъ.

Что бы произошло, если бы два корпуса Вандама и гвардія подержали эту атаку Эксельмана? Прусская армія, раздробленная на части на правомъ и на лѣвомъ берегу Сены, была, безъ сомнѣнія, въ

опасности. Но надежды, пробужденныя этомъ успѣхомъ, не должны были продолжаться. Не воспользовавшись никакой выгодой отъ этого успѣха, Вандамъ и Эксельманъ получаютъ приказаніе отступить:— правое крыло—къ Сенѣ, лѣвое къ Монружу, центръ за деревню Исси. Аванпосты, занимавшіе нѣкогда Вѣну, Мадридъ, Лассабонъ, Кремль, отодвинулись теперь въ Шатильонъ, Клармаръ, Медонъ, Севръ и Сен-Клу!

На другой день второго іюля, Блюхеръ, которому дали время сосредоточить свою армію на лѣвомъ берегу, идетъ, многими колоннами, чрезъ долину Сены и чрезъ возвышенности между находящіяся Сентъ-Жерменомъ, и Медономъ. Въ три часа Цитонъ былъ у Севра. Французы защищались тамъ и отступили къ Мулино, оттуда—къ Исси, и ночью къ Вожирарскому предмѣстью. Въ теченіе этой послѣдней ночи, непріятельскія войска занимаютъ слѣдующія позиціи: Цитонъ своимъ правымъ флангомъ располагается въ Клармарѣ, лѣвымъ—въ Мулино, центромъ—въ Медонѣ; Тильманъ—въ Шатильонѣ, Буловъ былъ въ резервѣ, въ Версалѣ. Англійская армія стояла неподвижно противъ фронта укрѣпленныхъ линій съ сѣверной стороны Парижа; герцогъ Уэллингтонъ перебросилъ мостъ въ Аржентелѣ и, чрезъ Аньеръ, Курбува, Сюрень, имѣлъ сообщенія съ пруссаками.

Такимъ образомъ. 2-го іюля, французы были заперты со всѣхъ сторонъ внутри своихъ линій, и въ эту минуту ихъ положеніе могло казаться отчаяннымъ; но сдѣлано-ли было, начиная съ 29-го іюня до этого дня все необходимое для того, чтобы обстоятельства не ухудшились до той степени, до которой они теперь дошли? Прусской арміи дано было три дня, чтобы она перешла на лѣвый берегъ, соединилась тамъ и выстроилась. Успѣхъ Вандама не былъ поддержанъ, напротивъ: сраженія въ Севрѣ, Мулино, Исси, казались скорѣе демонстраціями для прикрытія отступления, нежели дѣйствительнымъ сопротивленіемъ. Въ этихъ фальшивыхъ битвахъ видно исполненіе положительнаго намѣренія—отдать Парижъ и Францію безъ боя.

Условенная игра была ведена съ совершенною увѣренностію; временное правительство начало повтореніемъ своей обыкновенной просьбы у союзныхъ генераловъ о перемиріи. Герцогъ Уэллингтонъ былъ силенъ въ этой военной дипломатіи. Онъ отвѣчалъ съ обычной флегмой, что такъ какъ великое препятствіе къ перемирію уже удалено вмѣстѣ съ Наполеономъ, то, по его мнѣнію, вопросъ теперь ограничивается слѣдующими условіями: англичано и пруссаки войдутъ въ Парижъ 7-го числа. Французская армія очиститъ столицу и удалится на другой берегъ Луары, гдѣ останется до тѣхъ поръ пока король (при своемъ возвращеніи 8-го числа) не разсудитъ иначе. Герцогъ предложилъ даже попытаться склонить Блюхера къ тому, чтобы онъ на два дня удержалъ свои войска на ихъ позиціяхъ клармарской и мезонской, но къ то же время объявлялъ, что не можетъ согласиться приостановить непріязненные дѣйствія, покаместъ хоть одинъ французскій солдатъ останется въ Парижѣ. Получивъ это ясное, положительное объявленіе со стороны герцога, комиссары удалились.

Своею ненавистью Блюхеръ придавъ вещамъ трагической и серьёзный характеръ, котораго онъ были лишены вслѣдствіе столькихъ обмановъ и притворства. Такъ какъ къ нему былъ посланъ въ качествѣ комиссара, простой генералъ, то онъ, во первыхъ, потребовалъ отъ маршала Даву болѣе уполномоченнаго посредника. Далѣе, онъ назначалъ для подписи капитуляціи дворецъ въ Сен-Клу, и поспѣшилъ перенести туда свою главную квартиру. Чтобы довершить униженіе Франціи, онъ захотѣлъ, чтобы капитуляція была подписана въ томъ самомъ дворцѣ, откуда выходило столько безусловныхъ приказаній для Пруссіи и Европы.

XII.— Военный совѣтъ. Парижская конвенція.

Намѣреніе сдаться на капитуляцію скоро должно было исполниться по условію; но надлежало все еще скрывать его отъ глазъ большинства. Вотъ почему съ необыкновеннымъ шумомъ созванъ былъ военный совѣтъ, составленный изъ главныхъ генераловъ; но его собрали уже 2 іюля, когда Парижъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Съ хитростью, въ которой не возможно не узнать руку Фуше, вопросъ о защитѣ былъ поставленъ тогда, когда онъ могъ показаться уже рѣшоннымъ даже въ глазахъ лучшихъ людей. Если хотѣли сражаться, то слѣдовало рѣшиться на это 29 или 30 іюня; 2-го же іюля это было уже слишкомъ поздно: военный совѣтъ могъ служить теперь только къ тому, чтобы прикрыть стачку съ непріателемъ.

Нѣтъ ничего внушительнѣе, какъ собраніе генераловъ въ Ля-Вильеттѣ, и однако же сомнительно, чтобы потомство утвердило принятое ими рѣшеніе—отдать Парижъ безъ боя. Какая разница между 1814 и 1815 г.! Въ 1814, при обстоятельствахъ болѣе отчаянныхъ, маршалы Мортъе и Мармонъ, съ двадцатью тысячами войска, не колебались ни минуты дать сраженіе подъ Парижемъ въ Ля-Вильеттѣ, Вельвилѣ и даже въ предмѣстьяхъ и у заставъ столицы. Они отступили только тогда, когда всякое сопротивленіе было уже невозможно. Это не удивляло никого. Никто не былъ бы даже въ состояніи понять, что могло бы быть иначе. А теперь, въ этихъ самыхъ мѣстахъ, укрѣпленныхъ искусствомъ, съ 80,000 солдатъ, усиленныхъ 17,000 стрѣлковъ, 30,000 національныхъ гвардейцевъ, поставленныхъ почти за непреодолимою позиціей Уркскаго канала, противъ раздѣленнаго непріателя, рѣпались ретироваться и уступить Парижъ и Францію безъ выстрѣла! И однако же сраженія при Компьенѣ, Саваннѣ и у Версаля доказывали, что это были тѣ же самые французы и что эти французы умѣли еще нападать на непріателя!

Что же произошло? Вотъ что. Въ промежуткѣ этого года сдѣлано было странное открытіе, что слишкомъ опасно для порядка защищать столицу, что этимъ можно подвергнуть слишкомъ большому риску искусство, торговлю и *улучшеніе нравовъ* (эти странныя соображенія были приведены правительствомъ въ его прокламаціи),— какъ будто бы въ предшествовавшемъ году не было надобности улучшать изящныя искусства и нравы! какъ будто иностранцы колебались

когда-нибудь дать сраженіе у своей столицы, чтобы спасти или вновь отнять ее: австрійцы—подъ стѣнами Вѣны, въ Эсслингѣ и Ваграмѣ, испанцы подъ Мадридомъ, у Сомо-Сьерры, и, въ этой самой кампаніи, англо-бельгійцы въ Брюсселѣ!

Должно съ основательностью предположить, что въ верхнемъ ливингскомъ совѣтѣ эти люди, столь освоившіеся со смертью, не болѣли за себя въ этотъ день болѣе, чѣмъ въ другіе дни своей жизни; но они покорились силѣ обстоятельствъ, которая обнаруживалась повсюду. Съ паденіемъ Бонапарта исчезъ и бонапартизмъ. На его мѣстѣ не появилось ни одного принца, который бы казался стоящимъ того, чтобы жертвовать для него своею жизнью.

Военные, какъ и другіе люди, въ слишкомъ сильныхъ обстоятельствахъ допускаютъ въ свои практическія сужденія, на-счетъ того, что имъ извѣстно лучше, соображенія, чуждыя ихъ профессіи, и когда это случается, то все потеряно, потому что славой, приобретенною ими въ двадцати сраженіяхъ, они могутъ прикрыть софизмы усталости и непостоянства. И кто тогда, въ военномъ вопросѣ, можетъ противиться ихъ авторитету? какой голосъ будетъ услышанъ? Когда всѣ маршалы, исключая одного Лефевра, подавали мнѣніе въ пользу сдачи, то не оставалось ничего болѣе, какъ противопоставить каждому самому себѣ. Пусть князь Экмюльскій, князь Эсслингскій, герцогъ Далматскій только вспомнятъ Даву, Массену и Сульта! Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ совѣтѣ не было ни одного человѣка, который бы въ другія времена не вступалъ въ сраженіе при гораздо меньшихъ шансахъ. Даву, наиболѣе настаивавшій на капитулаціи съ 30,000 солдатъ, не разбилъ-ли 90,000 пруссаковъ Ауэрштедта? Но теперь стратегическая причина служила только для прикрытія политической.

За какое дѣло стали бы сражаться теперь до послѣдней крайности? За революцію? Наполеонъ хвалился, что ее уничтожилъ. За бонапартизмъ? Онъ отрекся вмѣстѣ съ своимъ главою. За отечество? Оно было предано насилію въ прошломъ году. За свободу? Въ теченіе пятнадцати лѣтъ французы научились обходиться безъ нея. За равенство? Но развѣ это дѣло князей, герцоговъ, графовъ и бароновъ—распинается за него? Оставался еще одинъ двигатель, интересъ: и, безъ сомнѣнія, была очевидная выгода въ томъ, чтобы не компрометировать себя болѣе предъ реставраціей и немедленно отворить ей двери. Сверхъ того, обвиненіе въ грабежѣ появилось вновь и теперь оно было направлено противъ французскихъ солдатъ; этихъ защитниковъ объявляли болѣе опасными, чѣмъ непріятель. И это повторялось въ виду арміи, которая, кромѣ ранъ, не принесла никакой добычи. Что касается до главнокомандующаго, князь Экмюльскій положилъ конецъ послѣднимъ колебаніямъ, объявивъ, что вотъ уже нѣсколько дней, какъ онъ одержалъ побѣду надъ своими *понятіями* и *предразсудками*. По устраненіи этой трудности, разумѣется, не оставалось болѣе никакого повода сражаться.

Массы арміи были въ другомъ настроеніи: увѣряютъ, что она хотѣла избрать себѣ другого начальника. Она предложила себя, гово-

рять, Вандаму; но этотъ генералъ принадлежалъ къ числу сообщниковъ князя Эпюльскаго и былъ съ нимъ совершенно одинаковаго образа мыслей. Итакъ, не находя для себя извѣстнаго предводителя и не желая отдаться какому-нибудь неизвѣстному, и, наконецъ, не будучи въ состояніи спасти правительство и собраніе вопреки ихъ волѣ, эта армія безъ главы должна была удалиться за Дуару и оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока ее не распустятъ.

Парижская капитуляція объясняется уныніемъ и политическими кознями. Съ военной точки зрѣнія она непостижима. Если бы допустить, въ качествѣ принципа, что, въ интересахъ какой-нибудь столицы, оборонительная армія, находящаяся подъ ея стѣнами, должна уступить ее непріятелю безъ боя, то не осталось бы никакой гарантіи для безопасности или независимости націи, потому что непріятелю достаточно было бы сдѣлать нѣсколько внезапныхъ маршей и явиться предъ столицей, чтобы нація очутилась въ отчаянномъ положеніи и должна была бы сдаться безусловно. Правда, русскіе, австрійцы и баварцы уже перешли чрезъ Рейвъ. Они могли соединиться чрезъ пятнадцать дней, и этотъ отсутствовавшій непріятель дѣйствовалъ на умы, какъ будто бы онъ былъ уже на лицо. Онъ тяготѣлъ всю свою тяжестью надъ рѣшеніемъ военнаго совѣта. Однако же, какую энергію могла бы внушить Франціи одна битва, выигранная подъ Парижемъ! Кто знаетъ, какія новыя комбинаціи могъ бы повести за собою одинъ великій успѣхъ? Франція, можетъ быть, совершенно измѣнилась бы отъ него. Притомъ, если отказываться отъ битвы съ присутствующимъ непріятелемъ, во вниманіе къ тому, что потомъ, можетъ быть, придется имѣть дѣло съ непріятелями еще отсутствующими, то слѣдуетъ совсѣмъ отказаться отъ войны. Развѣ не бывало примѣровъ того, что проигранныя дѣла внезапно отыгрывались вновь, вслѣдствіе одного какого-нибудь удара? Потомство скажетъ, что французы не должны были оставить себя самихъ изъ-за того, что такъ поступилъ Наполеонъ; что непозволительно было отчаяваться имѣя еще 100,000 солдатъ подъ рукою, не считая корпусовъ Раппа, Сюше и Ламарка. И, на худой конецъ, что могло бы случиться? что сраженіе было бы проиграно, а честь была бы спасена.

Въ этомъ великомъ кризисѣ мы ищемъ слѣдовъ человѣка, которому историкъ Нибуръ удивлялся, какъ древнему римлянину, человѣка, который нѣкогда спасъ Францію и котораго Наполеонъ взялъ потомъ къ себѣ, впрочемъ ослабивъ его безознательно феодалнымъ титуломъ; — я говорю о Карно. Онъ тоже (и ничѣмъ лучше не доказывается существованіе коварной интриги) отчаявался въ защитѣ Парижа въ ту минуту, когда былъ поставленъ этотъ вопросъ. Съ Карно отечество, повидимому, впало въ уныніе и оставило само себя; но, за исключеніемъ этого момента, его мнѣнія сохраняли въ себѣ закатъ временъ непоколебимой твердости. Послѣ Ватерлоо онъ хотѣлъ, чтобы Наполеонъ, пріѣхавшій въ Елисейскій дворецъ, немедленно возвратился къ арміи и соединилъ ее. Послѣ капитуляціи Парижа, онъ желалъ, чтобы собраніе и правительство удалились къ войскамъ

на Луару, для продолженія защиты и призванія Франціи къ оружію. Таковы были его совѣты. Но изъ нихъ приняли только тотъ, который былъ данъ въ мигу его отъѣздія. Этотъ античный чело-вѣкъ обращался къ людямъ новымъ, которые уже не понимали его. Такимъ образомъ эта капитуляція, замаскированная именемъ конвенціи, была столь бѣдственна, что всѣ партіи, которыя къ ней способствовали, всѣ правительства Франціи, которыя присоединились къ ней вблизи или надали, погибли другъ за другомъ, пораженныи безсидіемъ или подозрѣваемыи въ измѣнѣ.

Среди этихъ развалинъ палата представителей вкратцѣ изложила желанія народа. Какъ первой гарантіи, она требовала конституціи, обсужденной путемъ національнаго представительства, требовала политической свободы, представительной системы, свободы прессы, отвѣтственности министровъ, уничтоженія дворянства—древняго и новаго. Принятая девизомъ въ сраженіи, эти слова могли бы имѣть большую силу; но брошенные на вѣтеръ, передъ тѣмъ какъ было рѣшено сдаться безъ сопротивленія, они не могли произвести ничего прочнаго. Пустые призраки, которыми слабыя собранія прикрываютъ свое отступленіе, свой отказъ отъ общественнаго дѣла, тѣмъ болѣе, что никто не беретъ на себя отвѣтственности за подобныя протестаціи! Бросаютъ на вѣтеръ пышныя слова; подъ ихъ прикрытіемъ спѣшатъ дать новую присягу наиболѣе сильному. Ничто болѣе не повредно слову у французовъ, какъ эти объявленія, не сопровождающія никакимъ дѣломъ, никакимъ пожертвованіемъ. Черезъ нихъ-то французскій языкъ былъ какъ будто истощенъ. Во всемъ этомъ таился уже зародышъ того, чѣмъ сдѣлались французы. Даже свобода, казалось, пародировала самое-себя, когда, среди этой нерѣшительности, одинъ депутатъ осмѣлился повторить слова Мирабо, что «собраніе уступитъ только силѣ штыковъ». Всѣ члены воднялись и вскричали, что они останутся непоколебимыми на своихъ мѣстахъ. На другой день, 7 июля, двери были заперты; войска не допускали до нихъ депутатовъ. Генералъ Лафайетъ хотѣлъ войти; ему закричали сквозь рѣшотки, что не приказано впускать никого. Еще одно французское собраніе, разогнанное солдатами! По крайней мѣрѣ, въ этотъ день они были иностранцы *.

XIII. Вторженіе непріятели.—Вторая реставрація.

Такъ вотъ чѣмъ пріобрѣла Франція, отдавшись на произволъ одного: во-первыхъ, блистательныя побѣды, похожія на чудо; потомъ побѣды, купленныя болѣе дорогою цѣной, долгое время колеблющіяся и сопровождаемыя сомнительными выгодами; наконецъ, въ послѣдніе годы, предпріятія болѣе гигантскія, болѣе ослабительныя, чѣмъ прочныя, надежду, принимающую за дѣйствительность, фантазію, дочитаемую за факты! И между тѣмъ, какъ у иностранныхъ народовъ угнетеніемъ было пробуждаемо желаніе свободы, у французовъ была задушена эта свобода, которая одна могла дѣлать чудеса; отсюда пус-

* Mémoires du général Lafayette, t. IV, p. 478.

тота внутрі і вторженія, сопроводженіхся некрещіицкимъ успіхомъ до тѣхъ перъ, нека существовала эта система.

Въ 1792 г. иностранныя арміи истощались въ какой-нибудь незначительной осады, не смѣя тронуть ни одного дюйма священной почвы. Онѣ были остановлены обаяніемъ или суевѣріемъ французской революціи. по крайней мѣрѣ столько же какъ и оружіемъ; но нравственный оплотъ, защищавшій Францію, обрушивался вмѣстѣ съ ея свободой. Идеи, принципы были намъ запрещены, какъ крѣпости, и мы позволили уничтожить ихъ. Ста дней было мало для ихъ восстановления, и чрезъ эту-то открытую брешь, а не чрезъ какую-нибудь другую. непріятель входилъ теперь со всѣхъ сторонъ, безпрещаственно. Чрезъ нее-то вошли русскіе Барклай, австрійцы Шварценберга и баварцы, перейдя чрезъ Рейнъ въ Мангеймъ, Базель, Оппенгеймъ. Арміи надвигали на арміи. За ними, проповѣди энтузіастовъ возбуждали противъ Франціи народы и что оставалось у ней для сопротивленія? Кого изъ нѣмцевъ, пруссаковъ, англичанъ, итальянцевъ, испанцевъ мы могли увѣрить, что пассивное повиновеніе есть продолженіе свободы, что институты Карла Великаго были институтами учредительнаго собранія? Благодаря особенному воспитанію, которое удѣляло французамъ отъ остальной части человѣчества, они могли съ трудомъ проникнуться этими принципами; но если бы иностранцы даже поняли эти странныя вещи, то какое очарованіе онѣ могли бы производить на нихъ? Такъ называемыя новыя идеи, будучи представлены подъ видомъ абсолютнаго властителя, имъ показались тѣмъ, что было самого стараго и невыносимаго, и въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего хуже, какъ рабство, выдающее себя за изображеніе независимости. Напрасно мы всѣмъ требованіямъ свободы противопоставляли гражданскій кодексъ: университеты, прусскіе и германскіе, намъ отвѣчали, устами Фихте, Гёрреса. Яна, Тибо, что самый кодексъ Юстиніана не имѣлъ претезіи заступити мѣсто моральной, свободной жизни, разрушенной византійскою имперіей; и прибавляли, что «не существуетъ ни одного изъ правилъ 1789 г., которое не было бы оставлено или отвергнуто, что сто дней не измѣнили творенія патнацата лѣтъ, и что теперь уже порваны всѣ связи съ французской революціей.» Такимъ образомъ французы напали себя безоружными еще болѣе чѣмъ вслѣдствіе поражений, потому что ихъ простыя правила были замѣнены противорѣчіями, подобными слѣдующему: «свобода, устанавливается деспотизмомъ.» въ этой ложной идеѣ Франція два раза чуть не погибла, — въ 1814 и въ 1815 г. Да и весь міръ погибнулъ бы въ ней, если бы можно было научить его этимъ тонкостямъ.

Людовикъ XVIII появился вновь, и, — какъ бы для того, чтобы показать, что все сдѣлано единственно войною, — онъ въѣхалъ въ Парижъ на другой же день послѣ занятія столицы англичанами и пруссаками. Ни что уже не маскировало иностраннаго оружія. Короля уже не сопровождали и не вводили государя, какъ въ 1814 году. Императора Александра уже здѣсь не было, чтобы смягчить побѣду улыбками. Путь открывали непріятельскіе генералы, покрытые не-

давно пролитую кровь. Одинъ изъ нихъ уже грозилъ разрушить * монументы, которые ему напоминали о претерпѣнныхъ имъ пораженіяхъ.

Такимъ образомъ, никакая хитрость не скрывала отъ глазъ жесткихъ условій силы и необходимости. Они являлись во всей своей суровости, на зло радостнымъ кликамъ. Король забылъ даже отправиться, какъ въ предшествовавшемъ году, въ церковь Богоматери, чтобы возблагодарить Бога за этотъ, вновь приобретенный, тронъ, а посѣдивъ въ Тюильрійскій дворецъ кратчайшимъ путемъ, вслѣдствіе ли нетерпѣнія послѣ этой новой ссылки, или потому, что считалъ бесполезнымъ притворяться. Гибельный даръ эта корона, полученная такимъ образомъ непосредственно изъ рукъ Блюхера и Уэллингтона, котораго Шатобрианъ называлъ тогда *нашимъ новымъ Туремлемъ!* Бурбоны будутъ имѣть основаніе утверждать, что между ними и націей не было ни условій, ни договора. Они имѣютъ за себя право войны и почти невозможно, чтобы они, наконецъ, не воспользовались имъ. Въ этотъ день, самый избытокъ ихъ права будетъ ихъ погубелью, потому что тѣ же самые люди, которые желаютъ сегодня отдаться на ихъ произволъ, завтра ихъ забудутъ. Эти люди скоро придутъ въ негодованіе за то, что у нихъ оспариваютъ гарантіи, которыя они отказались защищать.

Что въ отношеніяхъ между Бурбонами и массой французовъ осталось отъ иллюзій и надеждъ прошлаго года? Отнынѣ обѣ стороны слишкомъ хорошо знали другъ друга и поняли, что ничто не измѣнилось. Король зналъ, что онъ можетъ быть оставленъ своими подданными, а подданные — что они могутъ быть порабощены подъ предлогомъ освобожденія. Въ этотъ день только одинъ человекъ могъ торжествовать безъ страха за будущее: это — Фуше. Бывшій министръ Наполеона, онъ видѣлъ себя министромъ Бурбонствъ. У подножія трона, имъ поднятаго, среди оцѣпенѣнія народа, которое онъ превратилъ въ радостные клики, онъ долженъ былъ считать одного себя изъ всей свиты непогрѣшительнымъ и необходимымъ; однако же ему первому суждено было разочароваться; онъ былъ посланъ и умеръ жалкою и безвѣстною смертью. Тѣ, которые умѣли читать въ будущемъ, увидѣли бы, что этотъ *великокопный въздѣ*, приготовленный министромъ Фуше, никому не долженъ былъ послужить въ пользу. Бонапартизмъ наполнилъ въ немъ свое разрушеніе, реставрація нашла постоянный поводъ къ упрекамъ, затѣмъ—обвиненія и наконецъ свою погубель. Что касается конституціонной партіи, она показала только для того, чтобы отворить ворота непріателямъ: роковое начало, которое должно было также обратиться противъ нея и французовъ!

XIV. Наполеонъ на островъ св. Елены.

Одинъ Наполеонъ воспользовался своимъ несчастіемъ; онъ поднялся и возвелчился въ своемъ изгнаніи. И тамъ какіе прощительно-громкія жалобы раздались изъ его устъ! Онѣ были услышаны съ

* «Франція не существуетъ пока иностранная войска занимають нашу территорию.» (M-me de Staël, *Considérations sur la révolution française.*)

каждой точки земнаго шара; и однако же онъ имѣлъ съ собою, вмѣсто свиты, всю славу міра, между тѣмъ какъ большая часть людей, которые, во Франціи, любили свободу или служили ей, должны были умереть на эшафотѣ или въ изгнаніи, или по крайней мѣрѣ въ забвеніи. Они умерли въ одиночествѣ, безъ эффекта, не имѣя, для своего прощанія и утѣшенія, славы и восклицаній народовъ.

Великимъ сожалѣніемъ объята были наши сердца при видѣ Наполеона на островѣ св. Елены, да и кто могъ удержаться отъ этого чувства? Такъ-какъ скоро самъ онъ, въ этомъ дивномъ измѣненіи, поставилъ себя въ уровень съ своею новою судьбою; такъ-какъ въ несчастіи, онъ показалъ себя доступнымъ для своихъ близкихъ, чувствительнымъ къ бѣдствіямъ, которыя онъ только что научился понимать, воспримчивымъ для всѣхъ человѣческихъ чувствъ съ тѣхъ поръ какъ тронъ пересталъ его ограждать отъ пошлостей обыкновенной жизни; такъ-какъ въ немъ теперь видѣнъ былъ человѣкъ, съ тѣхъ поръ какъ исчезъ императоръ; и такъ-какъ, едва сдѣлавшись плѣнникомъ, онъ началъ хвалить свободу, — то изъ этого заключили, что онъ втайнѣ всегда былъ такимъ же и въ дни своего благополучія. Мы предположили, что порывами справедливости, которые онъ оказалъ, сдѣлавшись наиболѣе слабымъ, онъ обладалъ и тогда, когда былъ наиболѣе сильнымъ. Такимъ образомъ физиономія Наполеона 1800 года была измѣнена въ исторіи отраженіемъ годовъ 1816—1821. Мы возвращали въ прошедшее, на императорскій тронъ, запоздавшую мудрость, почерпнутую въ плѣну. Великая причина извращенія большей части разсказовъ! Отсюда — этотъ Наполеонъ, умѣренный, безпристрастный, почти кроткій, совершенно противоположный тому, котораго знали современники и котораго истинный образъ они передали намъ. Не будемъ перепутывать всѣхъ временъ мягкою снисходительностью, которая притомъ не имѣетъ и цѣли, потому что пустая могила св. Елены не требуетъ болѣе ничего сожалѣнія. Мы можемъ думать, что эта великая тѣнь успокоилась и удовлетворилась, и что ея желанія исполнены. И такъ перенесемъ нашу жалость къ бѣдствіямъ болѣе дѣйствительнымъ и не заслуженнымъ, и воспользуемся, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что мы свободны отъ состраданія и потому можемъ возвратиться исключительно къ

Слава Наполеона достаточно велика; не будетъ дѣлать ее сверхчеловѣческою, прославляя его несчастія наравнѣ съ его триумфами. Сравнивая его съ Цезаремъ, не будемъ забывать различія. Цезарь сохранилъ всѣ свои завоеванія; Наполеонъ потерялъ всѣ свои. Цезарь не былъ обманутъ ни въ одномъ изъ своихъ разсчетовъ, но ничто не можетъ сравниться съ успѣхами Наполеона, кромѣ его неудачъ.

Если бы Цезарь своими ошибками навлекъ на Римъ двукратное нашествіе варваровъ; если бы онъ, въ теченіе четырехъ кампаній, потерялъ римскія арміи — въ Галліи, Германіи, Иберіи, Скиціи, то вѣроятно-ли, что древніе были бы столько же довольны его пораженіями, какъ и побѣдами? Въ этомъ позволено усомниться каждому, кому извѣстны ихъ разсудительный умъ.

ЖЕНИТЬБА ПРИКАЗНАГО.

СЦЕНЫ.

ДѢЙСТВУЮЩАЯ ЛИЦА.

Яковъ Дормидоновичъ Флимоновъ,
чиновникъ Губернскаго правленія, 22
лѣтъ.

Надежда Федоровна Коза, коллежская
асессорша 58 лѣтъ.

Иванъ Петровичъ Аристовъ, прика-
щикъ дехтярной лавки 50 лѣтъ.

Татьяна Ивановна, жена его 45 лѣтъ.

Настя дочь его, 25 лѣтъ.

Алеся Тимофеевна Мичуркина 35 лѣтъ.

Пашка сынъ ея, 13 лѣтъ.

Николай Даниловичъ Васильевъ пе-
сець Приказа общественнаго призрѣнія,
2^й лѣтъ.

Спиридоновна, прислужница 70 лѣтъ.

СЦЕНА I.

Комната очень тѣсная; на-право кровать, на которой лежатъ Фли-
моновъ и Васильевъ; противъ кровати виситъ платье съ свѣтлыми
пуговицами; изъ подъ кровати выглядываютъ рваные сапоги и сун-
дукъ съ бѣльемъ.

ДВЛЕНІЕ I.

Флимоновъ.

Эхъ, чортъ возьми, Коля!... встань, пожалуйста, почини мнѣ
брюки, не въ чѣмъ въ правленіе идти.

Васильевъ.

Какъ это, тебя, Яша, угораздило такъ порвать? смотри-ка.

Флимоновъ.

Все у этихъ проклятыхъ Богомоловыхъ приключилось... Сво-

ихъ полтинникъ тамъ уходилъ. Чего ты не приходишь? А послѣ завтра ко мнѣ общались придти Трифоновъ, Синявскій, Перцевъ, Власовъ и еще кто-нибудь и нашъ столоначальникъ, вспрыснуть чинъ. Теперь только за мной осталась очередь. Кутнемъ, Коля.

Васильевъ.

Кутнемъ, Яша! Погоди-ка однако, слышь — Коза пришла.

Филимоновъ.

Такъ и есть Коза. Чортъ возьми, Коля, нужно ее попросить сыскать богатенькую невѣсту; теперь можно; — чинъ получилъ; нужно какъ-нибудь поправить свои дѣлишки: — хозяевамъ за три мѣсяца долженъ; шинель нужно изъ закладу выкупить; да Капкѣ, по русинскѣ, десять пѣльковыхъ отдать, а то, пожалуй, чтобы стерва какъ къ губернатору не поперла жаловаться!... Эхъ, еслибъ Богъ далъ попалась порядочная невѣста: такъ бы домъ, — комнаты четыре, да деньжатъ, — штукъ пять сотъ; то-то бы мы зажили съ тобой! Я бы, первымъ деломъ, платья себѣ побольше нашилъ; тебя бы на квартиру взялъ. Самъ бы съ женой жилъ въ трехъ комнатахъ, а ты бы въ отдѣльной, и зажили бы припѣваючи, — знаешь какъ?

Васильевъ.

Какъ?

Филимоновъ.

Ужь тогда бы бросили пьянствовать, а стали бы утромъ и вечеромъ чай пить. Ну, передъ чаемъ, знаешь, для аппетита по единой; закусили бы колбаской, или икоркой, напились бы чаю съ булками и съ молокомъ, — да на службу. Потомъ, пришли бы со службы... по рюмочкѣ и обѣдать. Подали бы студень съ хрѣномъ, или съ горчицей, или солонину; потомъ щи, — не такіе помои, какими насъ кормить хозяйка, а хорошіе, съ говядиной. Ну, передъ щами, знаешь того, по рюмашечкѣ; потомъ, гречинная каша съ масломъ или съ молокомъ. Послѣ обѣда спать: я съ женой, а ты въ своей комнатѣ. Вечеромъ, въ четыре — чай; потомъ пошлись бы по дворянской; пришли бы домой, поужинали бы и спать. А въ праздникъ, Коля, всегда бы пирога пекли съ лѣгкимъ и печенкой. Передъ пирогомъ — по маленькой пропустили бы... Ухъ, славно! такъ и текутъ слюни.

Васильевъ.

Женись, Яша; женись. — Кутнемъ славно на твоей сватьбѣ! Филимоновъ.

Кутнемъ, Коля!

(Стукъ въ двери; потомъ голосъ изъ-за дверей.)

Господи Іисусе Христе, Сыне Боже нашъ, помилуй насъ!

Филимоновъ *(фальшивымъ басомъ.)*

Аминь.

ЯВЛЕНИЕ II.

ТЪ ЖЕ И КОЗА.

Коза.

Входятъ-ли грѣшныя въ рай? Вы, небось, думали, что свѣжіе,—анъ все тѣжіе. Что лежите?—на службу, чай, пора. Всю ночь, небось, рыщете а на службу, — такъ лежать! тьфу, Господи помилуй; заболталась я съ вами грѣшница—Акулина свѣшница. Чортъ знаетъ чего наговорила! (*крестится и тихо про-износитъ*) Господи помилуй!

Филимоновъ и Васильевъ.

Здравствуйте, Надежда Федоровна!

Коза.

Здравствуйте, здравствуйте! Я наговорила три короба всякой всячины, а позабыла поздравить съ царскою милостію! Дай Богъ генеральскихъ чиновъ дослужиться. Небось пирогъ съ радости пекъ; а къ угоднику едва-ли ходилъ. Охъ, ненужно забывать Бога, Яковъ Дормидонычъ! Его святая воля помиловать и нака-зать.

Васильевъ (*беретъ брюки и чинитъ.*)

Коза.

Что, али протерьъ? Вѣрно, родной мой....

Васильевъ.

Это не мои, а Яшины.

Коза.

Знаю его!... Грѣховодникъ настоящій... только бѣ гдѣ... тьфу, .. Господи помилуй. Погоди голубчикъ: женю — все будетъ цѣло; а то, того гляди въ больницу,—да за Цыкмана. Мнѣ хозяйка говорила, что ты, батюшка мой, раньше полуночи не изволишь домой являться!

Филимоновъ.

Я все въ Правленіи.

Коза.

Да, да: рассказывай кому другому; будетъ въ самомъ дѣлѣ лодырничать; пора за умъ взяться. Хочешь невѣсту найду?

Филимоновъ.

Сдѣлайте милость, найди; только, пожалуйста, побогаче.

Коза.

Али бѣдную... слава Богу, по миру еще не ходила и дѣвушка съ поведеніемъ, воспитанная, — чай пьетъ утромъ и вечеромъ; хорошихъ родителей, и родня знатная. Приходи ко мнѣ нынче часа въ три; — тамъ мы потолкуемъ; а теперь скоро къ поздней; — пойти въ Алексѣевскій — болванъ свой перекрестить. Я и такъ нынче, окающая, проспала утреню. Прощайте. Я заверну къ хозяйкѣ на пару словъ. Прощайте! Смотри же, приходи.

Филимоновъ и Васильевъ.

Прощайте, Надежда Федоровна.

(Коза уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ III.

ТѢ ЖЕ БЕЗЪ КОЗЫ.

Филимоновъ *(Васильеву съ чувствомъ.)*

Знаешь, Коля, какая мнѣ сей-часъ отличная мысль въ голову пришла:—сколько душѣ угодно, можно пить водку на шеромыжку; пожалуй и денегъ разживемся: знаешь какъ? — У Козы невѣсть много: туда пойдемъ посмотримъ невѣсту... туда... туда... насъ вездѣ будутъ угощать! Кути во всю ивановскую? А гдѣ-нибудь, пожалуй, благословимся,—и подѣ росписочку денегъ:—дискать, взявъ въ счетъ приданаго:—напился хорошенько послѣ.... обругалъ невѣсту.... глядишь откажутъ. Наши много разъ такъ дѣлали.

Васильевъ.

Славно придумано. Давай-ка идти на службу.

Филимоновъ.

Пойдемъ, только вотъ что, Коля, ты раньше меня придешь со службы, — почини мнѣ другіе сапоги, хоть нитками.

Васильевъ.

Починю — приду изъ Приказа.

Филимоновъ.

Жилеть я твой къ Козѣ надѣну; сюртукъ и этотъ сбредеть, а брюки попрошу у Петрова.

Васильевъ.

Пойдемъ, Яша.

Филимоновъ.

Пойдемъ, Коля.

(уходятъ.)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Входятъ Коза и Мичурина.

Коза.

Ну-ка, поди сюда кума на пару словъ. Скажи мнѣ, какъ передъ Богомъ: что Яковъ Дормидонычъ какъ себѣ,—хорошій человекъ? У меня есть на примѣтѣ невѣста. Ты знаешь Настю Аристову? Я хотѣла за него посватать.

Мичурина.

И, что вы кумушка; развѣ можно Якову Дормидонычу взять Настю?—Она ему не пара! Хоть онъ мальчикъ и шалунъ, и нѣтъ ничего, а все-таки Настя ему не пара. Она ему въ тетки годится, и приданаго-то не густо; да и собой незавидна. А Яковъ

Дормидонычъ молодецъ; онъ себѣ и не такую невѣсту найдетъ, — а побогаче. Онъ чинъ только получилъ.

Коза.

И, и, и, кума, что намъ чины, когда нѣтъ ветчины! Я и Аслѣсорша, да живу о Христѣ Ісусѣ. Да по Сенькѣ и шапка; по барину — говядина. Онъ что? только что собою смазливъ, — чьи вотъ это гуни-то (*указываетъ на сундукъ и вынимаетъ оттуда рваную рубашку*). Женится, такъ по крайности рубашонки новыя будутъ, сюртучекъ, шинель, и все приданое приличное будетъ; и сватъбу, какъ слѣдуетъ, по силѣ возможности сыграютъ. Вѣдь у Ивана Петровича денегонки есть; хоть небольшія, а есть. А мнѣ Настю хочется поскорѣй, съ рукъ долой, сохннуть; вѣдь она мнѣ крестная дочь, — на моихъ рукахъ. Тьфу, Господи помилуй! Забрехала я съ тобой старая карга! Ты пожалуйста, кума, нынче, — такъ, — стороной затѣй дѣло, — то какъ-нибудь, скажи ему, что вотъ то, и то, и голоштаный ты, а женишься, — такъ грѣхито всѣ прикроютъ.

Мичуринъ.

Пожалуй... Пожалуй! сказать для чего не сказать.

Коза.

То-то, смотри. Ну, прощай! Пойду помолюсь; — нагрѣшила, окаянная! Господи помилуй!

(*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Мичуринъ одна.

Мичуринъ.

Изъ рукъ проклятая птицу выхватила. Я было свою Анюту прочила за Якова Дормидоныча за-мужъ. Мнѣ хочется, чтобъ Анюта въ шляпкѣ ходила. Ужъ за то поручусь, что Яковъ Дормидонычъ взялъ бы ее! Вотъ ужъ онъ теперь за три мѣсяца долженъ, — ну, пока бы годъ кончился, не стали бы спрашивать денегъ; потомъ онъ бы сталъ снюхиваться съ Анютой; — а когда-нибудь мы съ Патрикѣичемъ и накрыли бы, какъ-будто невзначай, — и — пожалуйста росписочку! Такъ вѣдь почитай у насъ всѣ приказные женятся. А теперь Коза, — упрягаетъ его за свою Настьку! Ну ужъ и невѣста, знаю я ее, косая однобокая; ватажится съ вострѣчными и поперечными. Того гляди, что спереди начнетъ подыматься къ верху платье. Гм! Коза опутаетъ хоть кого. Прошлый годъ Вѣру Сахарову выдала ужъ натюкнувшись; женихъ и видѣлъ, — а отказать было нельзя: — скрутили бѣднягу по рукамъ — по ногамъ.

С Ц Е Н А П.

Комната довольно большая, выбѣленная; на окнахъ простыя занавѣски; въ простѣнкѣ столъ; въ правомъ углу кровать; въ лѣвомъ кровати.

ЯВЛЕНИЕ I.

Настя въ поношенномъ сѣтцевомъ платьѣ сидитъ около стола, пригорюнившись.

(Входитъ Аристова съ засученными рукавами.)

АРИСТОВА.

Чего ты матери не пойдешь помочь; барыня!.. Чѣмъ бы мать успокоить, —самой за стирню взяться, —она сидитъ себѣ пальчики перебираетъ.

НАСТЯ.

Ну да; барыня!., и буду барыня! Ужь за какого-нибудь дехтера не пойду!

АРИСТОВА.

Я за дехтера, —да вышла; а ты сидишь, да сидишь! Какой дуракъ возьметъ тебя, и тотъ заплачется! . Вѣдь ты путемъ рубашки себѣ не сошьешь съ косога-то глаза, —то мать, то люди.

НАСТЯ.

Ну ужь, пожалуйста!.. вы прямые. . тоже!

АРИСТОВА.

Мать дѣло говорить, а она огрызается... собака!

НАСТЯ.

Чего вы пророчите меня, что не выду за-мужъ? Обреките себѣ и своимъ дѣткамъ! А ужь я выду за чиновника... Маменька крестная найдетъ жениха!

АРИСТОВА.

Пф! барыня! . Мое вамъ почтеніе Настатья Ивановна!.. Чиновница! .. За какого-нибудь прощальгу вылетишь, да пои-корми васъ!

НАСТЯ.

Не буду кланяться!.. мужъ прокормить. Вонъ, Таня вышла за-мужъ, что ѣсть что-ли хлѣбъ у матери? Вотъ еще новости!
(Въ передней слышенъ шорохъ и неясный голосъ.)

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и Коза.

КОЗА.

Живыхъ васъ видать, —да нечего дать! Господи . Иисусе Хри-

сте, Сыне Боже! нашъ, поимлуй насъ!.. Здравствуй кума! Здравствуй Настя! (*цѣлуются*) Живы—здоровы? я только изъ Алексѣевского, —поздною стояла; да пришла васъ провѣдать, нѣтъ ли чего пообѣдать... Что ты моя радость безъ дѣла сидишь? Аль женихи на умѣ?.. погоди, ужь высватаю тебя. А скажи, мой свѣтъ, такъ—по душѣ, небось, захачивается тебѣ за-мужъ?

Аристовъ.

И кумушка, охота вамъ, дѣвченкѣ, такія мысли въ голову набивать!

Настя (*модничая*).

Охоты особливой нѣтъ. А что вѣкъ въ дѣвушкахъ тоже нельзя сидѣть, ѣсть хлѣбъ у отца—у матери.

Коза.

Охоты за-мужъ нѣтъ; такъ въ монастырь иди... О Господи—Господи, какъ-то мы грѣшныя, будемъ отвѣчать на томъ свѣтѣ! Кума, вѣдь ты знаешь въ темномъ ряду, у Бѣяева, прикащика Ивана Петровича?—я у него товаръ беру; ну, у него нынче мать хоронили. Какъ вышла я изъ церкви,—ее несутъ... три священника: Смоленскій —отецъ Павелъ, Введенскій —отецъ Петръ, и Онуфринскій—отецъ Александръ. . они вѣдь Онуфринскаго прихода.. пѣвчіе семинарскіе. На пролеткѣ въ траурѣ, ѣхала ее нѣвѣстка,—жена Ивана Петровича, съ Синицыной... Синицына то ей родная сестра, а Ивану Петровичу свояченица доводится... народу таки много.... гробъ обить бѣлымъ газомъ.... И невѣстушка-то сидитъ—плачетъ. Господи Боже мой, подумала я, откуда это слезы берутся, вѣдь весь свѣтъ знаетъ, какъ она съ свекровей жила: грызлась какъ кошка съ собакой... Тьфу, Господи поимлуй! не осуди, да неосужденъ будешь;—а тутъ по неволѣ осудишь!.. (*подводитъ глаза къ небу и вздыхаетъ*). Ну, кума, что и какъ?

Аристовъ.

Ничего, кумушка.

Коза.

Нечего ничего-то; говорить надо дѣло. У меня есть на примѣтъ женишокъ; приготовься-ка, я приду съ нимъ вечеркомъ чайку напиться, такъ, по домашнему; чтобъ излишнихъ затѣвъ не было. Понравится? — дай Богъ, честнымъ биркомъ, — да за свадебку, а не сладится?—что Богъ дастъ. Ты вотъ что, кума, слѣвай: какъ только войдетъ онъ,—ты сей-часъ же сунь подъ порогъ ножъ; такъ старые люди, насъ дураковъ учили.

Аристовъ.

И кума; мы это ужь дѣлали раза два, — не беретъ. Нѣтъ-ли какого средства позабористѣй?

Коза.

Такъ вотъ что: какъ только войдетъ, — сию минуту запри подъ порогомъ замокъ; — такъ ужь — быть бычку, на обрывочку. Я, можетъ быть, сотню сватьбъ состряпала на своемъ вѣку, и ни одна не разстроилась. Голову на отсѣченіе дамъ, если не усватаю!.

Настя.

А хорошій, маменька, женихъ?

Коза.

Какой Богъ дастъ: хорошъ, — не хорошъ, — съ лица воды не пить. А ты будь поразвязтѣй, повѣжливѣй; держи себя получше, вотъ, можетъ быть, Богъ дастъ и понравиться. О, Господи Боже мой! — когда-то я выдамъ за-мужъ своихъ крестницъ! Ужъ въ монастырь бы старой дурѣ пора... Если усватаю, то ты, кума, должна купить мнѣ на платье чернаго *мисе*, а пока дай цѣлковыхъ три: нужно купить хорошенькаго чайку, вареньяца и еще кой-чего; завтра обѣщался у меня быть отецъ Аркадій, — чай пить, нужно принять его какъ слѣдуетъ. Славный *ермонахъ*, этотъ, отецъ Аркадій! Я его отъ души люблю... онъ мой духовникъ...

Аристовъ.

Охъ, кумушка, деньги-то себѣ нужны; да такъ и быть, для васъ — извольте, сей-часъ принесу. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же безъ Аристовой.

Коза.

Ну, Настя, прощай пока; молись Богу, чтобы онъ далъ тебѣ выдти за-мужъ за хорошаго человѣка, и проси Его — Отца небеснаго...

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же и Аристовъ.

Аристовъ.

Извольте, кумушка.

Коза (*принимая деньги.*)

Спасибо кума. Ты смотри, приготовь водочки; да поусерднѣй потчуй жениха; съ нимъ тогда можно сладить; да пошли за Настасьей Григорьевной: она баба бойкая, расторопная; чѣмъ больше будетъ бабъ, тѣмъ скорѣй мы его уломаемъ. Ну, прощай... какъ я говорила, такъ и сдѣлай, — смотри же... я ужь объ женихѣ напередъ маленько справки-то позабрала... говорятъ, что онъ маленько парень забубенный. — любить въ рюмочку заглядывать; — да это ничего: женится — перемѣнится. Только слушай меня! — я доброму, ай бишь худому, — не научу; я ужь много

переженила на своемъ вѣку таиныхъ-то... Теперь какъ мнѣ спасибо говорятъ! Сначала только нужно въ руки взять,—не дать повадки: какъ чуть поздно пришелъ со службы, — намыль хорошенько голову; жалованье не принесть, — скажи мнѣ; я ко всѣмъ доступна; возьму, да пойду къ совѣтнику, или къ казначею,—попрошу чтобъ денегъ не выдавалъ ему на-руки, а тебѣ, или женѣ. Посмотри какой еще парень будетъ! — золото. Онъ еще мальчикъ молодой; его можно выучить на свой ладъ. Ну, прощай! я иду. Смотри же сама. Прощай Настя! Прощайте! Ты вотъ что кума, когда я стану говорить о приданомъ, то ты только знай, поддакивай. Мы ему пустимъ пыли въ глаза... Ну, прощайте!

(Коза и Аристова уходятъ.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Настя одна.

Настя.

Дай Господи, чтобъ сбился мой сонъ: я нынче видѣла во снѣ, что птичку какую-то поймала; это,—къ этому. Нынче непременно сосватаетъ меня женихъ. Вотъ бы всѣмъ задала перцу! Вся наша улица станеть завидовать, какъ надѣну шляпку!.. Хорошъ-ли онъ собою? Коли хорошъ, то еще можно; а то покажемъ дулю съ архирейскаго сада. Небось, съ моимъ приданнымъ и столоначальники будутъ свататься. Два салона у меня, горностаевый и кошачій, два шелковыхъ платья; три шерстяныхъ; три ситцевыхъ; одно золотое кольцо; два серебряныхъ; капоръ; сѣтка. Нужно поворожить на картахъ: исполнится-ли мое желаніе, али нѣтъ; выду-ли я за этого жениха за-мужъ, али нѣтъ (*береть карты, водноситъ къ губамъ и нащолтываетъ.*) Вотъ-таки выду я за-мужъ; вотъ-таки выду; таки выду. (*Раскладываетъ карты.*) Крестовая краля на сердцѣ: — маменька; жемудовый слаявъ въ головахъ:—хлопоты; червонный король въ ногахъ:—женихъ; жемудовая краля съ боку:—крестная... Ишь ты, смотри-ка, какія карты кругомъ полеглись: всѣ въ штанахъ. Вотъ и еще, *вишневая краля*: это вѣрно какая-нибудь паскуда, будетъ разстраивать наши мысли...

ЯВЛЕНИЕ VI.

Настя и Аристова.

Аристова.

Настя! ты что дѣлаешь?

Настя.

На картахъ гадала, — хорошо выходитъ.

Аристова.

Оставь-ка карты, а бери чугуны изъ печки, и полы перемой

Настя.

Ну какъ же? стану я свои руки поганить. Женихъ подумаетъ, что я все дѣлаю. Если будетъ меня спрашивать: что я дѣлаю? чѣмъ занимаюсь?—я скажу: что я не такъ у маменьки воспитана, чтобы работать. Дайте мнѣ денегъ; я пойду въ магазинъ купить притиранья.

Аристова.

Возьми въ *тувалетт*;—гривенникъ тамъ лежитъ.

Настя.

Вы все жадничаете? Господи!... Есть чего гривенникъ? Для такого дня, я не стану покупать какого-нибудь сурику. Вы вѣрно не хотите, чтобы дочь ваша вышла за-мужъ?

Аристова.

Ну, возьми цѣлковый; пропадай ты совсѣмъ, косая вѣдьма! Готова изъ матери всё жилы вытянуть! Намажь свою рожу; авось Господь избавить меня отъ такой напасти!

Настя.

Дай Господи мнѣ самой избавиться отъ васъ! И не чаю, и не дождусь, когда за-мужъ выду!... избавлю васъ отъ хлопотъ.

Аристова.

А то еще больше хлопотъ прибавится. То тебя корми, а то еще зятя, а тамъ, гляди, треснешь—и внучать.

Настя.

Ужъ пожалуйста!... не буду кланяться; -- только-бъ царца небесная, матеръ Божія помогла мнѣ поскорѣй выдти за-мужъ.

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Аристова одна.

Аристова.

Ну, навязалась дочка!... прости Господи мое прегрѣшеніе! — готова матери голову оторвать. Выкормила на свою шею. Однако нужно прибрать что-нибудь. Дай сперва окна протру, да затеплить лампадку; авось Скорбящая Божія мать оглянется на мои горькія слезы. Нужно сбѣгать къ Спиридоновной: позвать помочь что-нибудь. Ужъ на мою внаральшу, вѣрно ненадѣйся.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Аристова и мужъ ея.

Мужъ (*помолвившись*).

Здравствуй, Таниюшка. Дай-ка пообѣдать.

Аристова.

Есть мнѣ когда тебѣ давать. Сбѣгай-ка, позови Спиридоновну.

Мужъ.

Зачѣмъ е-то тебѣ, Таниюшка?

Аристова.

Зачѣмъ? Когда приказываютъ, такъ стало быть надо.

Мужъ.

Что ты, Танюшка, разѣрепенилась?—нельзя и слова сказать. Хоть глаза домой не кажи,—сей-часъ облаещь.

Аристова.

Что, собака что-ли я, что буду лаять. Какой чортъ тебѣ домой носить... Сиди себѣ въ лавкѣ, да трескай калачи съ дегтемъ.

Мужъ.

Куда-жь мнѣ больше идти, какъ не домой.

Аристова (*перебивая его*).

Пойдешь ты, дьяволъ, за Спиридоновой, али нѣтъ? А то я тебя чаплей въ зубы. Демонъ.

Мужъ.

Бѣгу, бѣгу!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Аристова (*одна*).

Ну, спасибо, что мой подъ-руку попался; сердце немного сорвала... Нужно поскорѣй убираться; дай Богъ до вечерни управиться.

(*Беретъ тряпку и начинаетъ протирать окна*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Аристова и мужъ.

Мужъ.

Спиридоновна сей-часъ придетъ, Танюшка. Дай мнѣ, матушка, пообѣдать.

Аристова.

Есть мнѣ когда съ тобой возиться; ноги въ печь самъ бери... лопай.

Мужъ.

Самъ, матушка, достану; самъ.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Аристова и Спиридоновна.

Спиридоновна.

Здравствуй, матушка, Татьяна Иванна! Все-ли жива-здорова? Какъ Господь тебя милуетъ, и съ дѣтищемъ твоимъ?

Аристова.

Слава Богу, Спиридонна. Ты себѣ жива-здорова?

Спиридоновна.

Вашими святыми молитвами какъ костылями попираемся. Что, моя голубушка, ты хлопчешь? Аль соколь-птица налетитъ за твоей сизой голубочкой Настюшинькой. Цора, матушка, пора дѣвчонку къ мѣсту приспособить.

Аристова.

Да, Спиридоновна! Богъ посылаетъ женишка. Моя кумушка, дай Богъ ей здоровье, все заботится. Ты, Спиридонна, помоги мнѣ что-нибудь.

Спиридоновна.

Хорошо, матушка, хорошо; рада послужить... Ты говоришь, что кумушка твоя нашла жениха? ужь не Козочка-ли? Она, кажись, тебѣ кума.

Аристова.

Да, Спиридоновна, она.

Спиридоновна.

Она!.. Ну дай Богъ ей здоровье... Говорять, она хорошая барыня: никѣмъ не гнушается; ко всякому идетъ крестить, кто ни позови; и кто ни попроситъ,—всякому готова угожденіе сдѣлать: кому женишка найдетъ, кому невѣсту сыщеть... Первая сваха у насъ въ губерніи. Дай ей Господи много лѣтъ здравствовать... А ужь богомольна! — и говорить нечего: ни одной утрени не проспять, ни одной вечерни не пропустить; и къ духовенству усердна... А изъ какихъ женихъ-то: крючокъ, али купецъ?

Аристова.

Приказный, Спиридонна.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и мужъ.

Мужъ.

Спасибо, Танюшка; я пообѣдалъ.

Аристова.

Неси тебя лихая немочь... не мѣшайся. Постои! Нынче отпросись у хозяина: скажи, что дѣло дома есть; да возьми у него денегъ. Купи *штохвз* водки, *полхвунта* изюму, четверть *хвунта какхфетавз*, *полхвунта* жамокъ и хвунтъ орѣховъ каленныхъ. Да смотри—живой ногой; а то распичужу — и своихъ не узнаешь.

Мужъ.

Да что? Аль Настя *мениница*?

Аристова.

Въ бабѣ дѣло не ввязывайся; что говорить, то и дѣлай... Любовника къ себѣ жду; а ты смотри, да сохни.... Убирайся гдѣ былъ.

Мужь.

Что ты, матушка, ай рехнулась? У тебя средь зныи льду не выпросишь... а не то, что ты рассказываешь!..

Аристова. *(оскалившись.)*

Ну, иди куда посылають, а-то я-те мокрой тряпкой.

(Хочет ударить, она увертывается и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XIII.

(Входит Настя.)

Настя.

Ухь уморилась! насилу дошла... чтобь чортъ всёхъ побралъ... Теперь должно быть скоро придуть... а, Спиридоновна, ты здѣсь здравствуй!

Спиридонна.

Здравствуй, моя золотая! Упыхалась, моя жемчужная...

Настя.

Ахь, идуть, идуть!

(Спиридоновна и Настя уходят.)

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Аристова *(одна.)*

На скорую руку приводить кое-что въ порядокъ и оправляется.

ЯВЛЕНИЕ XV.

Аристова, Коза и Филимоновъ.

Коза.

Здравствуй, кума! живешь можешь, не ломаешь-ли зубъ, когда сухари гложешь? Я вотъ на дорогѣ подкидыша нашла. Не нужно-ли, тебѣ кума?

Аристова *(улыбаясь.)*

Просишь милости садиться...

Коза.

Сядемъ, кума, сядемъ. Ухь, и устала-же я съ этимъ парнишкомъ. Иду я себѣ путемъ дорогою, по богоявленской улицѣ,— слышу—кто-то плачетъ. Подхожу къ аудиторскому дому, смотрю, вотъ этотъ мальчикъ горько прегорько плачетъ. Я приласкала его; дала ему гостинчика, спрашиваю, о чемъ ты, душечка, плачешь? Маменьку, говорить, потерялъ... ну пойдемъ со мною я доведу тебя до маменьки... Вотъ тебѣ и подкидышъ. Возьми себѣ, кума, когда полюбится.

Аристова *(съ улыбкой.)*

А смирный мальчикъ-то?

Коза.

Не кусается.

Аристова.

Какъ-же звать-то?

Коза.

Зовуть зовуткой, а на носу зарубка...

Аристова.

Охъ кумушка, вы все куралесите! куралесница эдакая!

Коза.

А гдѣ Настя?

Аристова.

Она сей-часъ только изъ лавки пришла,—раздѣвается.

Коза.

Ну, кума, ты займи гостя разговоромъ, а я выду на одну минутку.

(уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же безъ Козы.

Аристова.

Я позаболталась съ кумушкой и забыла спросить о вашемъ здоровьи! живы-ли вы себѣ здоровы?

Филимоновъ.

Слава Богу! Какъ ваше здоровье?

Аристова.

Вашими молитвами... Родители ваши здоровы-ли?.. супруга... дѣтки?..

Филимоновъ.

Слава Богу у меня ихъ нѣтъ; только одна сестра... я холостой.

Аристова:

Такъ... А я думала, что вы женатый!

Филимоновъ.

Нѣтъ, холостой.

Аристова.

Такъ .. чтожь вы не женитесь!

Филимоновъ.

Богъ дастъ сыщу невѣсту,—женюсь: какъ судьба.

Аристова.

Такъ... А ваша сестрица за-мужемъ.

Филимоновъ.

Нѣтъ. Въ монастырѣ.

Аристова.

Такъ... А что-жь онѣ за-мужъ не вышли?

Филимоновъ.

Не захотѣла.

Аристова.

Такъ...

ЯВЛЕНИЕ XVII.

ТѢ ЖЕ и Коза.

Коза.

Кто не захотѣла? Кто Яковъ Дормидонычъ не захотѣлъ.
Филимоновъ.

Сестра.

Коза.

Ужъ что и говорить— не захотѣла; мнѣ пятьдесятъ, а и то хочется... Настенька самоваръ становить: гостей дорогихъ хочеть угостить чайкомъ... А тебѣ, родной, мой хочется?

Филимоновъ.

Какъ судьба велеть.

Коза.

И какая тамъ судьба! скажи лучше какъ Господу Богу угодно. Бзѣя Его святой воли, власть главы не падеть. Вотъ то-то вы умные люди мало знаете Бога.

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

ТѢ ЖЕ и Настя.

Коза.

Настенька мой дружочикъ, подожди посиди со мной. У, у, у, *(цѣлуетъ ее)*. Ты слышала, что я подкидыша нашла?

Настя.

Гдѣ онъ?

Коза.

Вотъ... Приласкай его У него нѣтъ ни отца, ни матери! Сиротка! мальчикъ смиренный.

Настя.

Я въ самомъ дѣлѣ думала, что вы подкидыша нашли.

Коза.

Да что жъ я тебя обманываю? Господи помилуй! Я съ роду бреховкой не была... Полюбится мой подкидышъ, такъ возьми себѣ.

Филимоновъ.

Позвольте, сдѣлайте ваше одолженіе, мнѣ покурить цы... папиросу.

Коза.

Кури, мой батюшка, кури. Настенька? что-жъ это ты въ шерстяномъ платьѣ, какъ будто въ гости убралась.

Настя.

У меня, маменька, ситцевыхъ нѣтъ; я и дома всегда въ шерстяныхъ хожу, а въ гости въ шолковыхъ. Я не знаю, какъ ситцевое платье и носить-то.

Аристова.

Что вы, кумушка? Ужь ей-ли ситцевья платья носить? Мы ее рядимъ, какъ куколку; одна, вѣдь, и есть дочь!.. Въ то только и живемъ. Куда намъ все прожить?... Это мнѣ старухѣ протительно.

Коза.

Родная ты моя, хорошая! прости Бога ради! Вѣдь мнѣ представлялась Настя, да не та, мѣтила въ ворону, а попала въ корову. У той только и есть одно шерстяное, да два ситцевыхъ. Совсѣмъ забыла — пустая башка! Небось самоварчикъ готовъ. Займись-ка Настенька хозяйствомъ: угости насъ чайкомъ.

Аристова,

Что вы это, кумушка, что вы? Да стану я допускать до ефтого Настю? У самой еще руки не отвалились. Я сама чай разолью. Она у меня и чайника въ рукахъ держать не умѣетъ, ни до чего не допускаю. Пусть помываетъ свой дѣвичій вѣкъ, что жила у отца—у матери, какъ у Бога за пазухой. Ужь тамъ какъ ей Богъ велитъ жить за-мужемъ;—не знаю. Будетъ мужъ любить, будетъ жить, какъ у матери, покойно.

ЯВЛЕНИЕ XIX.

Тѣ же и Спиридоновна.

Спиридоновна (*съ самоваромъ*).

Вотъ вамъ самоварчикъ. Потѣшитесь, мои голубчики...
(*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ XX.

Тѣ же безъ Спиридоновны.

Коза.

А что, кума? Я такъ думаю, что не плохобы Настю и за-мужъ отдать. Ужь и наплясалась бы я, окаянная в недостойная, взяла бы грѣхъ на душу.

Аристова.

Какъ Богъ велитъ, кумушка! А бы хорошій человекъ попался, а то ничего не пожалѣемъ. Она у насъ одна;—умремъ, все ей же достанется. Кумушка кушайте чай. Позвольте васъ... имени отчества не знаю.

Филимоновъ.

Яковъ Дормидоновъ...

Аристова.

Кушайте Яковъ... позабыла!

Филимоновъ.

Дормидоновъ...

Аристова.

Кушайте, пожалуйста, Яковъ Дормидонъчъ! Пожалуйста, не

перемонтесь... съ кренделями. Не погнушайтесь нашимъ чаемъ-сахаромъ. Чѣмъ богаты,—тѣмъ и рады.

Филимоновъ.

Покорно благодарю! Я не давно пообѣдалъ.

Аристова.

Покорно просимъ, Яковъ Дормидоничъ, водочки предъ чайкомъ.

Филимоновъ.

Покорнѣйше благодарю-сь. Я не пью-сь.

Коза.

Вотъ тебѣ на! Скоро дѣти будутъ, а онъ не пьетъ. Нужно учиться. Я сама сперва не умѣла, мужъ выучилъ.

Аристова.

Охъ, кумушка! и проказница вы! Все обиняками...

Коза.

Поучись-ка, родной мой, поучись. Ты не красная дѣвушка;—тебѣ нечего бояться. Помяни-ка трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ; дѣдушку Трифона, и бабушку знаешь какъ? Ги...

Филимоновъ.

Извольте, развѣ только для васъ. Будьте здоровы
(*пьетъ залпомъ*).

Аристова.

На доброе здоровье!

Коза.

Вотъ умникъ! Вотъ люблю! На первый разъ, съ разу цѣлую хватить и не захнулся... Дай тебѣ Господи все такъ дѣлать.. Пей же чай. Настенька! что, моя утѣха, сидишь, пригорюнившись, ай сердечко ностъ? Яковъ Дормидоничъ, что-жъ ты мой голубчикъ, не займешь дѣвушку? Мы съ кумой потолкуемъ о своихъ дѣлахъ, а вы, молодые люди, позаймитесь вдвоемъ.

Филимоновъ. (*Настя*)

Вы любите чай?

Настя.

А вы?

Филимоновъ.

Я люблю даже очень...

Настя.

И я тоже.

Филимоновъ.

Съ чѣмъ любите?

Настя.

Съ вареньемъ. У насъ маменька любить съ вареньемъ. Утромъ всегда цѣлое блюдо наворотить-сь.

Филимоновъ.

А съ булками любате.

Настя.

Нѣтъ-съ; съ кренделями. Мы никогда безъ кренделей не пьемъ. Такъ съизмаленьку привыкли.

Филимоновъ.

А папирасы, любите?

Настя.

Нѣтъ-съ, я не курю папирововъ,—не изважена-съ.

Филимоновъ.

Нынче всѣ курятъ. А танцовать любите?

Настя.

Маленьчка танцую-съ.

Коза.

Посмотри-ка, посмотри, кума, молодежь-то какъ занялась! Какъ будто десять лѣтъ знакомы. Какъ я рада, какъ я рада, и не дай Господи какъ! Поди-ка сюда, Яковъ Дормидонычъ, на пару словъ... Кумушка, ты бы попотчивала чѣмъ-нибудь гостей... Поди-ка, приготовь... Настя, поди-ка посмотри: цѣль-ли мой салопъ.

(Аристова и Настя уходятъ).

ЯВЛЕНИЕ XXI.

Коза и Филимоновъ.

Коза.

Ну Яковъ Дормидонычъ, что и какъ? Нравится?

Филимоновъ.

Ничего.

Коза.

Что ничего? Говори, нравится? — такъ я сей-часъ и дѣло начну.

Филимоновъ.

Да я право... не знаю... Надежда Федоровна... Какъ сказать!

Коза.

Да ты, мой милый, говори прямо;—безъ увертокъ: нравится что-ли? Какого тебѣ рожна еще нужно, прости Господи! Ужъ лучше не найдешь. Приданое приличное дадутъ; свадьбу на свой счетъ съиграютъ; въ домъ примутъ; поить-кормить будутъ тебя, голоштаннаго, одѣнуть, обуютъ. Настя одна и есть дочь,—домъ тебѣ весь достанется. А жалованье будешь откладывать про черный день. Всегда будешь сытъ по горло. У нихъ чай пей, сколько душа приметъ; куски колютъ большіе,—пей въ сласть! соль у нихъ непокупная, говядины всегда на каждый день, берутъ три да четыре фунта на троихъ, а не то что, какъ у иныхъ прочихъ, воть какой чирей кладутъ во щи; вытаскать оттуда, поглядяты на нее, да опять окунуть... А по годовымъ праздникамъ, всегда пироги!

Филимоновъ.

А деньгами дадутъ?

Коза.

Много не дадутъ, а пѣлковыхъ пятьдесятъ дадутъ... къ свадьбѣ тебя съ ногъ до головы одѣнуть, обуютъ... на что тебѣ деньги! Должишки, видно, есть? Уплати долгишки, да живи себѣ спокойно. Только бы ты былъ хорошъ — любилъ жену, а то ни зачѣмъ не постоятъ. Все тебя будетъ... Собою некрасавица, да гдѣ-жь ихъ нынче взять? Вонъ, красавицъ-то, и благородныхъ, — купцы стали ловить на золотую удочку. Съ лица воды не пить, а жить съ женой. Она дѣвушка смиренная, послушная, набожная; отца и мать чтить; ко храму Божию усерна. Чего тебѣ лучше! Да ты знаешь, что на красавицу нападешь — наплачешься! Того гляди отобьютъ. Вѣдь тутъ восница! Я сама это знаю: первый годъ какъ я за-мужъ вышла, — три мѣсяца въ лагеряхъ жила... И не думай и не лстись на красавицу, послушай меня старуху-дуру! А бы носила образъ Божій и больше ничего... Ну, говори, говори скорѣй; я не люблю терпѣть? Вѣдь у тебя голова на плечахъ есть? Что слушаться чужихъ людей! Люди наговорятъ; только послушай!... Ну, говори?

Филимоновъ.

Какъ вы скажете? Надежда Федоровна.

Коза.

По моему вотъ какъ; гляди сюда: *(крестится)* Господи лажь ми бракъ честенъ, и ложе не скверно! Перекрестися и скажи: дай Богъ! А тамъ.... Его святая воля! *(въ помолосл)* Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй.

Филимоновъ.

Ну что-жь, начните.

Коза.

Ну перекрестись... дай руку... Господи благослови!... Кумушка! долго-ли ты будешь тамъ? Миѣ ужъ захотѣлось... дай-са закусить чего-нибудь.

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Тѣ же и Аристова *(съ подносомъ)*.

Аристова.

Милости проснись, Яковъ Дормидонычъ! Позабавьтесь!... Чего угодно.

Коза.

Дай срокъ; успѣетъ позабавиться. Ты видишь, всего наставила. такъ попроси-ка гостя сперва винцомъ.

Аристова. *(наливаетъ рюмку, ставитъ)*

*вить на руку и подносит
Филимонову.)*

Кушайте Яковъ Доридонычъ! Не спѣсивьтесь, безъ рецеионів.
Филимоновъ.

Покорѣйше благодарю-сь! Я нвогда въ ротъ не беру-сь!
Коза.

Погоди, погоди! Ты еще отъ меня выпьшь—не отдѣлашь-ся. Пей-ка пей! Вино веселятъ сердце человѣка. Не много можно, а много нельзя: не упивайтесь виномъ, въ немъ же есть... ги... заковырка!

Филимоновъ.

Для васъ развѣ только? Извольте! Будьте здоровы!

Коза и Аристова,

На доброе здоровье!

Коза.

Ну-ка, дерни отъ меня. Я когда-нибудь пригожусь... Ну, теперь веселѣй будетъ намъ говорить... Давайте-ка о чемъ нибудь потолкуемъ миромъ—соброромъ.. Кума!... я человѣкъ прямой, люблю говорить безъ подковырокъ! Вотъ что!.. Яковъ Доридонычъ желаетъ просить руки Настеньки, —не откажи, милая.

Аристова.

Что-жь? —пускай позабавятся, попляшуть.

Коза.

Не то, милая, не то, ему хочется... какъ бы тебѣ попроще сказать... посвататься... и жениться; вотъ что... Какъ ты на то скажешь?

Аристова.

Благодаримъ покорно за ваше вниманіе: васъ кумушка и васъ Яковъ Доридонычъ!... Что-жь, мы доброму человѣку рады... Вотъ придетъ мой, что онъ скажетъ. Посоветуемся съ родными, поразспросимъ у начальниковъ, тогда что Богъ дастъ.

Коза.

Да ты вотъ что, кума!.. я тебѣ прямо скажу: товаръ на лице. Нечего тамъ съ родными совѣтоваться, нечего до начальства доходить: чѣмъ дальше въ лѣсъ,—тѣмъ больше дровъ. Онъ человѣкъ смирный, и такъ видно. А какъ пойдешь до начальства, да станешь совѣтоваться съ родными, такъ вотъ эдакъ, голова-то кругомъ пойдетъ. Пойдутъ сплетни, и то, и се, станутъ мысли разстраивать... Ты сама знаешь, какую на Настеньку ахинею несутъ. Онъ человѣкъ молодой, поддержать некому; какъ разъ сплетнямъ повѣрить. А по моему вотъ что: придетъ кумъ, спросимъ его согласія, да за попомъ. Теперь еще рано: можно успѣть и парадныя смотришки сдѣлать, музыку напять до заутрени. Молодые люди попляшуть, повеселятся, позаимут-

ся кой-чѣтъ. И мы съ радости расправимъ ноги на старости лѣтъ. А теперь говори-ка на счетъ приданаго.

Аристова.

Да что-жь говорить на счетъ приданаго. Домъ Настинъ, будетъ и приданое по силѣ возможности.

Коза.

Да все-таки жениху хочется знать, какое приданое. Вѣдь, у Насти есть семь шелковыхъ платьевъ и десять шерстяныхъ.

Аристова.

Есть.

Коза.

Есть три салапа лисьихъ; пять бѣличьихъ, три кошачьихъ, четыре горностаевыхъ.

Аристова.

Есть.

Коза.

Есть бриліантовое колье, фермуаръ, два перстня бриліантовыхъ пять бриліантовыхъ серегъ, четыре жемчужныхъ, три браслетка бриліантовыхъ, поддюжины золотыхъ.

Аристова.

Есть.

Коза.

Есть двѣ дюжины столовыхъ ложекъ и одна дюжина чайныхъ?

Аристова.

Есть.

Коза.

Бѣлья у невѣсты четыре дюжины?

Аристова.

Да.

Коза.

Жениху подвѣчную рубашку съ манишкой—голландскую и три дюжины разхожихъ, кой съ чѣмъ нужно.

Аристова.

Будеть.

Коза.

Подвѣчное платье, недорогое, *маслинн сюзовое* цѣлковыхъ въ двадцать?

Аристова.

Да.

Коза.

Визитное тоже?

Аристова.

Тоже.

Коза.

Визитная шляпка, въ пятнадцать цѣлковыхъ чтобъ была.

Аристова.

Безпремѣнно.

Коза.

Карета чтобъ къ вѣнцу была. Слышь?

Аристова.

Наймень.

Коза.

Ну объ каретѣ подумаемъ. Меньше трехъ цѣлковыхъ имить нельзя вѣдь? Такъ лучше отдай мнѣ эти деньги; они Богу на свѣчи пойдутъ, а карету я выпрошу Христомъ—Богомъ, у Тулинова. Онъ добрый человекъ, всѣмъ даетъ. Я ко всѣмъ доступна... Слышь, кума?

Аристова.

Такъ, такъ.

Коза.

Ну, Яковъ Дормидонычъ, слышалъ какое приданое у невѣсты? Тебѣ бы и во снѣ не приснилось, сколько дають золота и серебра. Есть-ли столько у Тулинова? Вотъ что! Тешерь: жемьку къ вѣнцу—жилетъ, галстукъ, сюртукъ. брюки, шмиель --будутъ?

Аристова.

Будетъ все. Мы и нынче сукна на пару подаримъ.

Коза.

Что дѣло, то дѣло... Ну-сь кума!.. мы люди бѣдные, мало-мощные, отца и матери у насъ нѣту, взять негдѣ: на туалетецъ ты дай, пожалуиста.

Аристова.

Охъ кумушка, не много-ли будетъ? Вѣдь деньги то какъ вода будутъ утекать. Сватъба одна чего стоимъ! Гдѣ намъ взять?

Коза.

Ну, ну, не прибѣдничай! Дави-ка намъ цѣлковыхъ сто.

Аристова.

Кумушка!.. вы угорѣли!.. сто цѣлковыхъ развѣ можно? Десять дамъ.

Коза.

Да вѣдь кума?.. когда мы были холостые.—любили и поналить немножко, а чего нужно, на деньги не дѣлали. Позадолжали хозяйевать, дѣвчатамъ: дыры-то, надо заткнуть, аль нѣтъ? Вотъ твой и всѣ сто цѣлковыхъ.

Аристова.

Да побойтесь Бога, кумушка! Нужно по Божьему дѣлать!.. Ну, ужъ куды ни шло, двадцать-пять даю.

Коза.

Вотъ что, моя милая! я много гворать не люблю, — а сразу. Слушай! Пусть будетъ: ни по твоему, ни по Божьему, и пусть будетъ по моему,—пятьдесять цѣлковыхъ, и болѣ ниче-

го. И не толкуй, и не говори, а го ротъ зажму,—и зубъ не чеши,

Аристова.

Окъ, что-жь дѣлать съ вами, кумушка! Такъ и такъ дустъ будетъ такъ.

Коза.

Ты, кума, не сердись на меня. Я люблю дравду, Счотъ дружбы никогда не терять. Ну что, женихъ, доволенъ?

Филимоновъ.

А бы остановки ни въ чемъ не было. Я доволенъ.

Аристова.

Съ нашей стороны, нѣ беспокойтесь, не будетъ остановки; а бы съ вашей не было.

Филимоновъ.

Съ моею не предвидится.

Коза.

Позови-ка, кума, Настеньку; у ней тоже нужно спросить ея согласія. А ты, Яковъ Доримодоничъ, сдѣлай ей форменное предложеніе: чтобъ честь — честью... приданое, кума, не жалуй я куплю. Я у Поповыхъ беру. Миѣ тамъ прикащикъ, Василій Николаичъ, знакомъ: я его высватала, — такъ для меня, смѣ все-таки подешевле уступить.

Аристова.

Настюшка! Настюшенька? — поди-ка сюда.

ДВѢЛЕНІЕ XXIII.

Тѣ же и Настя.

Коза.

Вотъ Настячка — мой голубчикъ!... не знаешь и не вѣдаешь нашего съ тобой горя!... Мать-то твоя — подкодная змѣя — не хочетъ тебя ни поить, ни кормить; — разсердилась не на шутку за что-то. Съ двора, говорить, долой! — да и только... куда ты голову приклонишь?... Вотъ спасибо добрый человекъ нашлся, — хочетъ тебя на попеченіе взять. Ты что на это скажешь? А?... вѣдь бѣда!

Филимоновъ *(встаетъ и подходитъ къ Настѣ.)*

Позвольте... барышня... сдѣлать вамъ... мое предложеніе... не желаете-ли вы выдти за меня за-мужъ?

Настя.

Какъ батенька и маменька... я изъ ихней воли не смѣю выдти.

Филимоновъ.

Они согласны... Я нравлюсь вамъ?

Настя.

Да-съ... не противны-съ.

Коза.

Ну, изъясните же свое согласіе: поцѣлуйтесь. Вотъ такъ! Прежде попа, — да ничего, — сбредеть: съ моего разрѣшенія, — все можно... Что-жь это такое? — гдѣ запропастился кумь. Долженько чтой то нейдетъ.

Настя.

Они въ кухнѣ сидятъ.

Коза.

Бѣдный старичокъ! — вѣрно поясница болить! Ужь плохъ сталъ! (*кричитъ въ дверь.*) Кумь, а кумь?

(*Тѣ же и мужь.*)

Коза.

Здравствуй, куманекъ! — какъ тебя Богъ милуетъ?... Что ты, родный мой, забился въ кухню какъ сверчокъ, аль въ поясницу вступило? Дай-ка я полечу. (*Крестообразно бьетъ его по спи-ль.*) Господи Іисусе Христе....

Мужь.

Нѣтъ, кумушка, у меня и съ роду не болѣла поясница; потому, значить, — мы народъ работающій, торговый. Намъ, значить, не слѣдъ въ бабѣ дѣло мѣшаться; вотъ, значить, не слѣдъ было сюда приходить

Коза.

Аль ты одурѣлъ, куманекъ!... «Въ бабѣ дѣло не слѣдъ ему мѣшаться.» Вотъ еще новости! Аль ты не отецъ своему дѣтищу? Аль не хозяинъ своему дому?... Господи помилуй!... тутъ и получше тебя, чиновникъ, а и то не гнушается бабами. Чѣмъ же бабы хуже мужиковъ? — говори!

Аристова.

Да вы, кумушка, ужь не придирайтесь къ нему; вѣдь онъ такъ, по глупости завякнулъ словечко. Ужь простите его.

Коза.

То-то; ты, куманекъ, вотъ о чемъ подумай: пріѣхалъ купецъ изъ Новгорода, и сталъ онъ Настеньку спрашивать: (*поетъ и прихлопываетъ въ ладоши.*)

Охъ, ты Настя, — ты Настя моя!
 Охъ, ты Настя, — Настюшинька!
 Развадора, — раззадорила меня!
 Подвадора, — подзадорила меня!
 Распотѣха, — распотѣшила меня!
 Разутѣха, — разутѣшила меня!
 Прикажи душа, Настенька,
 Прякажи душа, Настюшинька, —
 Бѣлокурому на дворъ взойти!

Вотъ, куманекъ, о чемъ подумай!

Мужь.

Вы все притчами... кумушка, Надежда Федоровна.

Коза.

Ну, прямо скажу: вотъ молодому человѣку хочется... какъ бы это безъ притчей... жениться; ну, Настенька понравилась ему. Мы тутъ съ кумой потолковали о приданомъ, и еще кой о чегъ... Настя очень желаетъ; а ты какъ?

Мужъ.

Мое дѣло сторона: какъ вы порѣшили...

Коза.

Да мы вотъ какъ порѣшили: иди-ка сей-часъ, мой голубчикъ, къ повару, чтобъ онъ сію *минутку* шолъ сюда; потомъ, возьми извощика, — къ музыкантамъ; — что ни дай-то дай: хоть два цѣлковыхъ, а дай. Вина — водки, возьми у Петрова, — скажи что я приказала; такъ и скажи тамъ моимъ именемъ... Позови въ гости всю родню: Поповыхъ, Ивановыхъ... всѣхъ... къ Ивану Авдѣичу непременно; — онъ крестный... Да чтобъ живо... маршъ!...

Мужъ (*въ сторону.*)

Зять приказный будетъ! Пожалуй, когда подъ веселую руку примѣрно и зубы почистить. Сказано-жь: тестъ любить честь... А отцомъ чтобъ назвалъ? — и не дожидайся! охъ старый хрѣтъ! стоять хорошенько тебѣ въ шею навѣдаться; за то, значить, что бабамъ повадку далъ!... Да что-жь съ ними станешь дѣлать? — нужно потакать... (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ XXIV.

Тѣ же безъ мужа.

Вотъ что я придумала, кума: къ чему подвѣчное платье, — парадное дѣлать! — только деньги попусту губить. Вѣдь меньше десяти цѣлковыхъ нельзя парадное платье сдѣлать? — да хорошо какъ сдѣлаешь; а куда его послѣ надѣвать. Такъ лучше десять цѣлковыхъ прибавь на визитное: за двадцать цѣлковыхъ, можно приличное платье сшить. Въ немъ она и перевѣнчается, и визиты будетъ дѣлать, послѣ въ гости куда-нибудь, на именины... Всюду, куда не поверни. И дѣтямъ еще достанется... А попроще лучше: каковы сани, — таковы сами. А если кто будетъ судить, — пусть судить; — Господь съ ними! пусть тѣшутъ... водянаго, прости Господи! Ну, какъ ты скажешь, кума? женихъ ужъ вѣрно не будетъ обижаться!...

Аристова.

Да ужъ вы, кумушка, дурно не вздумаете. Настя, ты согласна такъ?

Настя.

Какъ вамъ будетъ угодно, маменька. Я изъ вашей воли не смѣю выдти.

Коза.

Постой же, кума, — дай срокъ... какой же двѣтъ будетъ платя?

Настя.

Ахъ, маменька!... мнѣ хочется *видири-зеленое*. Я видѣла въ монастырѣ на одной, не знаю какая-то, лѣтомъ; просто прелесть какъ сшито... Тутъ, знаете, по середкѣ идутъ пуговицы... черныя, рукава — вотъ эдакіе—вотъ!... обшито: отсюда, вотъ такъ вотъ идетъ, какъ нагрудникъ, и сюда, и сюда, въ край обшито бархатомъ; юбка у платя...

Коза.

Постой, постой! на комъ же ты это видѣла? Кто такая! Ужъ не на Кабановой-ли?... Она все въ зеленомъ платѣ таскается въ монастырь... я ее каждый акафистъ вижу... Ужъ эта Кабанова такая сплетница, такая пересудница,... каждаго на смѣхъ да на зубокъ! Никого не пропустить; всѣхъ осмотритъ съ ногъ до головы! А сама какая? .. юбки у ней, какъ тряпки, всѣ подболтаны; рубашки, говорятъ, во мѣсяцу носить. Чулки у ней, испиточаны, и испиточаны, — в говорить нечего... Тьфу!... Госюди помилуй!

Настя.

Ужъ я не знаю чья така!... А платя, просто *ужестъ* какъ *хвасомистю?*

Коза.

Да въ зеленомъ, кажись, нейдетъ вѣнчаться; ужъ лучше синевое.

Настя.

Нѣтъ. ужъ лучше *гранатное*, или *каричневое*. Нынче всѣ носятъ *каришневые плати*.

Филимоновъ,

Надежда Федоровна, пожайдите сюда!

Коза.

Изволь; что тебѣ, мой мальи?

Филимоновъ.

Какъ же, Надежда Федоровна, деньжонокъ-то? нынче хоть бы пѣлковыхъ двадцать пять. Мнѣ нужно. А послѣдніе двадцать пять послѣ.

Коза.

Кума? поди-ка сюда... что ты при деньгахъ? Вотъ Якову Дормидоновичу, — твоему будущему зятю нужно двадцать пять пѣлковыхъ.

Аристовъ,

Набраться-то наберется, .. да я не знаю какъ?.. лучше на свадьбу... А то кто-е знаетъ: неравно дѣло разстроится.

Коза.

Когда нужны деньги, то ты дай росписку, что ты берешь за Настенькой въ счетъ приданого, двадцать пять рублей сер.; а если отступишься, то съ тебя безчестья — триста рублей серебромъ же.

Филимоновъ.

Что-жь такое; я дамъ росписку; — извольте. Пожалуйте мнѣ бумага, — чернилъ, — пера.

Аристова.

Охъ, у насъ этого съ роду не бывало...

Филимоновъ.

Позвольте, я помщу въ карманѣ. У меня, кажется, бланки были... есть, нашолъ... карандашомъ напишу. (*пишетъ*) Вотъ извольте — написалъ.

Коза.

Ну-ка прочти; а то у меня глаза плохи.

Филимоновъ (*монотонно*).

1859 года, декабря 15 дня, я нижеподписавшійся, канцелярскій чиновникъ губернскаго правленія, коллежскій регистраторъ Яковъ Дормидоновъ Филимоновъ, дамъ сію росписку мѣщанкѣ, Татьянѣ Ивановой Аристовой, въ томъ что я сямъ обязуюсь взять родную дочь ея Настасію Иванову Аристову же, за-мужъ. Для обезпеченія таковой, взято мною въ счетъ приданого *двадцать пять рублей серебромъ*. А *остальные* двадцать пять, обязуюсь взять наканунѣ сватъбы. Буде же я, таковую Аристову отъяжусь взять за-мужъ, то я обязуюсь сямъ, уплатить безчестья 300 р. Къ сей роспискѣ, коллежскій регистраторъ Яковъ Дормидоновъ Филимоновъ, руку приложилъ. — Извольте.

Коза.

Ну, на кума; приברי эту бумажку подальше. (*на ухо*) Теперь онъ въ нашихъ рукахъ. (*Филимонову*) Ты смотри, получишь деньги, безъ пути ихъ не трать; а употребли ихъ на дѣло. Шалости пора бросать... съ товарищами поменьше воловдысь; они тебѣ доброму не научать.

Филимоновъ.

Куда же я ихъ буду тратить? Всѣ на дѣло пойдуть.

Коза.

То-то, смотри. Теперь что же будешь дѣлать? Вотъ что пока гости придуть, — мы потолкуемъ о дѣлѣ... Какъ же быть? чѣмъ женихъ подаритъ невесту?.. Вынь-ка алмазнымъ перомъ, да отдай жениху, чтобъ невестѣ положилъ. Ну, и меня не забудь: въ моихъ рукахъ рѣшить и вязать.

АРИСТОВА.

Ужь не забудемъ васъ, кумушка! Родная ты моя, хорошая!..

КОЗА.

Веди Настѣ всѣ платья перенадѣвать, какія есть,

АРИСТОВА.

Слушаю, кумушка, слушаю.

КОЗА.

Ну, Яковъ Дормидонычъ! Теперь я тебѣ, пока на гулянкахъ, проповѣдь прочту. Теперь ужь дѣло рѣшено: Настя, Богъ благословить, будетъ твоя жена, — люби ее. Послушай что гласить слово Божіе: мужъ да возлюбить свою жену, якоже и Христосъ церковь. Съ худыми товарищами не водись; пора бросить шалости. Друзей — пріятелей не заводи, у тебя будетъ искренній другъ—жена; люби ее, и уважай. Тестя, тещу, почитай яко родителей!.. Будешь любить жену?

ФИЛИМОНОВЪ.

Буду, Надежда Федоровна любить.

АРИСТОВА.

Гости, гости пріѣхали!..

С Ц Е Н А III.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Филимоновъ.
Васильевъ.
Бочкинъ Василій Ивановичъ, секретарь Губернскаго правленія.
Бабкинъ, Федоръ Васильевичъ, Помощникъ его.

Перцевъ Кавалинскій Борисовъ Слюнявскій Пузыревскій Мичуринъ. Пашка.	} Товарищи Филимонова.

Комната Филимонова въ прежнемъ видѣ. Филимоновъ и Васильевъ лежатъ на кровати въ полной формѣ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Филимоновъ. (*протирая въ просонкѣ глаза*).

Э, чортъ возьми! съ похмѣлья всегда такая чертовщина въ голову лезетъ.. То приснится, что жалованье получилъ цѣлковыхъ двадцать, то кучу денегъ нашолъ: все сторублевными; вотъ думаешь, что на всю жизнь хватить, —пей хоть шампанское?— Что за чортъ, я вчерась словно бы обратался, и двадцать пять цѣлковыхъ задатку взялъ. Полѣзть въ карманъ: есть тамъ деньги, — стало быть правда. (*лезетъ въ боковой карманъ и достаетъ оттуда деньги*) Вотъ она!.. Какая пачка!.. все рублевыми!.. Bravo, кутнемъ! Это половина приданого... помню, помню! Мо-

лодецъ Яковъ Дормидоновъ сынъ Филимоновъ! Всего этого, у насъ будетъ находится пятьдесятъ цѣлканиковъ?... Мало.... Впрочемъ на что же больше? Вся сватьба на невѣстияхъ стотъ; меня одѣнуть обуютъ; это, ей Богу, ничего,—хорошо. Наши и безъ гроша берутъ, и то еще живутъ. А на пятьдесятъ цѣлковыхъ что-нибудь можно сдѣлать, и еще отлично на послѣдокъ можно кутнуть... Ахъ! я и позабылъ? Невѣста-то какая рожа, и не дай Господи! Впрочемъ, дортъ — е дари; Коза правду говоритъ, что съ лица воды не пить. — лучше не отобьютъ. А то вонъ у нашихъ чиновниковъ есть жены, такъ!.. Впрочемъ не плохо еслибъ и жинка была хорошенькая, —должность бы скорѣй получилъ. Эка важность подѣлиться женой? Вѣдь убытку отъ этого не будетъ; а на мою долю все-таки останется. .. Однако нужно послать опохмѣлиться; — голова страшно трещить. Чего бы это получше? не то наливочки, не то бальзамчику? Ну бальзамчику полкварточки: останется же бѣда, —на всякій случай пригодится... Эй, Пашка!

ЯВЛЕНИЕ II.

Пашка и Филимоновъ.

Пашка.

Что вы кликали, Яковъ Дормидонычъ?

Филимоновъ.

На цѣлковый; купи полштофа бальзаму

Пашка.

Сей-часъ .. побѣгу.

Филимоновъ.

Э... да, постой! Все равно, нынче гости придутъ: купи тамъ въ лавкѣ фунтъ галевской калбасы и два фунта копченой; три золотника чаю и осьмушку сахару. Не забудешь?

Пашка.

Нѣтъ,

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ III.

Филимоновъ (одинъ).

Отличная вещь выпить съ похмѣлья чаю! Мы нынче съ Колей, должно быть, усидимъ самоварчикъ вдвоемъ; а передъ чайкомъ, конечно, хорошенько дернемъ водочки: какъ послѣ этого славно будетъ питься чай!.. Не плохо бы жилочекъ затянуться (дѣлаетъ сигарку и куритъ). Эхъ, жилочки, жилочки! скоро придется съ вами разстаться! У невѣсты не хорошо курить; скажутъ—сапожникъ, особливо Коза (передразнивая ее). Аль денегъ, скажетъ, не достало? Острачить еще при комъ-нибудь, стерва! А турчакъ я не люблю; дорогъ, —на грудь садится; а

жилки очищаютъ мокроту... Ну, Колька и нарѣзался вчера! жаденъ, шельма, на чужую водку. А на свадьбѣ еще больше нарѣжется; это я знаю... Что же это Пашка нейдетъ? Вало ему шельмѣ задать!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

Филимоновъ и Пашка.

Пашка.

Вотъ извольте: все купилъ. Трѣхъѣникъ за работу пожалуйста.

Филимоновъ.

На тебѣ гривенникъ; или нѣтъ: на, братецъ, тебѣ двугривенный.

Пашка.

Еще развѣ косушку купить?

Филимоновъ.

Нѣтъ, братецъ, это тебѣ за труды,—за твою усердную и ревностную службу.

(Пашка глядитъ на Филимонова съ разинутыми ртомъ.)

Филимоновъ.

Что разинулъ ротъ? Небось, думаешь, что у насъ денегъ нѣту? вотъ они! и еще знаешь гдѣ взять! *(вынимаетъ деньги изъ кармана и подноситъ къ носу Пашки).*

Пашка.

Ой, ой, ой, сколько! Теперь не успѣешь въ кабакъ бѣгать.

Филимоновъ.

Мы, и Покровскій кабакъ, пожалуй по боку дернимъ. Позови-ка сюда мать.

(Пашка уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Филимоновъ и Мичурина.

Филимоновъ.

Потрудитесь, Алена Тимофевна, самоварчикъ поставить.

Мичурина.

Имѣю честь поздравить васъ, Яковъ Дормидонычъ, съ нареченной невѣстой! Дай вамъ Богъ!

Филимоновъ.

Покорно благодарю.

Мичурина.

Скоро васъ Богъ сподобилъ: неожиданно, нежданно.

Филимоновъ.

Что-жь долго думать? отзвонилъ, да и съ колокольни долой.

Мичурина.

Приданого много?

Филимоновъ.

Слава Богу: домъ... поить-кормить будутъ... одѣнуть-обуть.

Мичурин.

А невеста хороша, такъ-то, собой, похвалилась?

Филимоновъ.

Незавидна. Я на приданое подлылся: за ней золотыхъ и брилльянтовыхъ вещей много: тысячи на двѣ съ половиной, пожалуй и больше будетъ.

Мичурин.

Откуда же это у нихъ столько набралось брильянтовъ? Я вѣдь знаю, какъ они живутъ, и всю родню-то ихъ знаю.

Филимоновъ.

Кто ихъ знаетъ: должно быть по наслѣдству.

Мичурин.

Невестина-то мать, тоже извѣстно, изъ Подгорнаго—деревенская дѣвка была. Теперь-то Татьяной Ивановной стала, а прежде Танькой величали. Гдѣ-жь они экое приданое-то пообрѣтали. Развѣ у Крапивинныхъ въ лавкѣ?—тамъ дешево брильянты. Я наемни купила своей Анютѣ брильянтовую браслетку за три четвертака. Вотъ можетъ такіе? (*Филимонову*) А какія вещи отдаютъ вамъ за невестой, Яковъ Дормидоничъ.

Филимоновъ.

Да тамъ много: кольца, формуляры какіе-то, перстни, серги... все... я и позабылъ.

Мичурин.

А какой *сюрпризъ* вамъ вчера невеста подарила?

Филимоновъ.

Сукна на пару. Вчера я не разглядѣлъ, нѣкогда было: спать хотѣлось. (*Достаетъ изъ сундука сукно*) Вотъ, оцѣните.

Мичурин.

Да, ничего; должно быть, полтора цѣлковыхъ, или шесть рублей.

Филимоновъ.

Эка вы больно дешево цѣните! Купите мнѣ за полтора цѣлковыхъ?

Мичурин.

Пожалуй, я лучше куплю.

Филимоновъ.

Купите, купите; я денегъ дамъ. Нѣтъ, Алена Тимофевна, это сукно чуть-ли не три цѣлковыхъ, а ужъ два съ половиной непродавно.

Мичурин.

Давайте деньги, я по полтора куплю.

Филимоновъ.

Не такого... Что же это я за подлець? — до сихъ поръ не опохмѣлился... Давайте-ка, Алена Тимофевна, опохмѣлимся вмѣстѣ!

Мичурин.

Давайте! Я вчера едва до дому дошла съ вашего угощенія.

Меня ваша теща потчивала, потчивала!.. и не знаю какъ! Благодарю васъ покорно. Яковъ Дормидоноичъ, что позвали на снотрушку;—не забыли хозяйку!

Филимоновъ.

Извините, Алена Тимофеевна! Я право позабылъ... Тамъ все одни родные были. На свадьбу васъ непременно позову, и съ Патрикѣичемъ. Ей-богу, правда.

Мичурина.

Спасибо и на добромъ словѣ. А Патрикѣича ужъ лучше не зовите; а то какъ выпьеть,—и пополь околесную гнуть; пожалуй и подерется съ кѣмъ-нибудь, и васъ осрамить.

Филимоновъ.

Ничего; онъ меня сколько разъ угощалъ, надо и его угостить.

Мичурина.

Ну какъ хотите.

Филимоновъ.

Сколько теперь времени будетъ?

Мичурина.

Должно быть скоро десять.

Филимоновъ.

Эва! Пока напьешься чаю, да уберешься,—гляди, ужъ гости придуть... Да, вы пекли пироги?

Мичурина.

Пекла,—изъ своей муки. Вчера Николай Данилычъ не разжился денегъ;—просилъ, чтобы я изъ своей испекла... Чай ужъ самоваръ готовъ?—пойти посмотрѣть. (*уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Филимоновъ (*будитъ Васильева.*)

Эй, Колька!... Коля!... Николка!... Колюшка!... Николька!... Николай Данилычъ—ваше высокородіе!... Вставай, опохмѣлимся, да за чай. Я съ кѣхъ поръ всталъ не опохмѣлялся! Вдвоємъ веселѣи будетъ; вставай скорѣй!

Васильевъ (*съ просонка.*)

Что, опохмѣлять себя что-ли?—сей часъ. (*вскакиваетъ съ кровати.*) Э, да я одѣтый спалъ, въ полномъ парадѣ?

Филимоновъ.

Такожде и я. Давай ка пропустимъ по единой; закусимъ колбаской, да за чай.

Васильевъ.

Ну Яша, спасибо тебѣ братъ! И нарѣзался я вчера,—точно консистерскій сторожъ. Чертъ знаетъ, что я у тебя тамъ дѣлалъ?... Чуть-чуть помню, что какую-то чертовщину Федосьевымъ гнулъ, а они покатывались со смѣху. А Варю-то! Я съ пьяныхъ глазъ взялъ, да обнялъ! Стоитъ какъ корова, братъ, и не брыкнула! Фу,

братъ, и грудь у ней!... вмѣсто подушки можно класть въ гонимую. Ну, выпейте, что-ли? Будь здоровъ!

Филимоновъ.

Пей. *(наливаетъ себѣ,)* Ну, будь здоровъ!

Васильевъ.

Пей... Ну Яковъ!—молодцомъ ты обдѣлалъ дѣло! Что какъ приданое?

Филимоновъ.

Приданое, слава Богу: я на приданое-то и польстился: домъ... поить—кормить будутъ... одѣнуть—обуютъ... свадьбу всю на невѣстину съиграютъ... деньгами, пятьдесятъ цѣлковыхъ дадутъ... золотыхъ и брилліантовыхъ вещей много.

Васильевъ.

Смотри, Яша, какъ бы тебя не надули.

Филимоновъ.

Вотъ вздоръ какой,—надуютъ! Я ужь двадцать пять цѣлковыхъ задатку взялъ: теперь они въ моихъ рукахъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Мичурина съ самоваромъ.

Мичурина.

Вотъ вамъ самоварчикъ. Напивайтесь, Яковъ Доримоновичъ, до сыта, на остатокъ. У молодой жены будетъ повкуснѣй чай. Дай вамъ Богъ.

Филимоновъ.

Садитесь съ нами пить чай.

Мичурина.

Много вамъ благодарна! Я свой буду пить.

Васильевъ.

Будетъ перемониться Елена Тимофевна. Садитесь за компанію.

Мичурина *(садится и пьетъ чай.)*

(Нѣкоторое время молчаніе.)

Мичурина.

А что, долго васъ будутъ поить, кормить?

Филимоновъ.

Сколько мнѣ вздумается, срокъ не назначенъ.

(Опять молчаніе.)

Мичурина.

Много, поди, вчера гостей было?

Филимоновъ.

Человѣкъ двадцать было: все родные невѣстины.

Мичурина *(вставая и подавая чашку.)*

Покорно васъ благодарю: за чай и сахаръ.

Васильевъ.

Кушайте, пожалуйста, еще.

Мичуринна

Развѣ ужь ради канканія... *(перемилалась.)* Какъ-же ны съ на ми-то, Яковъ Дормидонъчъ, разоцтуеть за квартиру? За вами за три мѣсяца—пятнадцать цѣлковыхъ.

Филимоновъ.

Что-жь?—хоть бы и за пять. Я отдамъ на другой день сватьбы, за тѣмъ я и деньгами за невѣстой взялъ, чтобы съ долгами расплатиться.

Мичуринна *(еще болѣе перемилалась.)*

Вотъ что Яковъ Дормидонъчъ!...

Филимоновъ.

Что, Алена Тимофеевна?

Мичуринна.

Продайте мнѣ ваши хурды-мурды; на что они вамъ? Васъ невѣста одѣнетъ—обуетъ, и на шкинькую перинку спать положитъ. Когда хотите, я вамъ замлачу пять цѣлковыхъ; стало быть вы отдадите только десять цѣлковыхъ.

Филимоновъ.

Что-жь,—извольте; пять цѣлковыхъ все-таки въ карманѣ будетъ. Могарычи съ васъ.

Мичуринна.

Съ васъ по настоящему слѣдуетъ могарычи...

Филимоновъ.

Съ меня нынче, а съ васъ завтра... Однако, должно быть, скоро гости придутъ: приберите Алена Тимофеевна самоваръ... пироги скоро поспѣеть.

Мичуринна.

Должно быть поспѣтъ: пойду посмотрю.

(Беретъ самоваръ и уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Филимоновъ и Васильевъ *(прибираютъ чашки).*

Филимоновъ.

На, Коля, тебѣ два цѣлковыхъ: купи четверть водки, да пожалуйста, поядовитѣй; а то не скоро споншь гостей.

(Васильевъ уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ IX.

Входятъ Бабкинъ, Кавлиевскій и Слюняевскій.

Бабкинъ.

Ну, Яковъ, водка готова?—пришла пить.

Филимоновъ.

Сей-часъ, Коля, принесетъ... погодите.

Всѣ.

Здравствуй, братъ! А сколько послалъ?

Филимоновъ.

Здравствуйте!... четверть пока.

ЯВЛЕНИЕ X.

Тъ же и Васильевъ.

Васильевъ.

Вотъ она!... самъ въ кабакъ ходилъ.

Бавкинъ.

Ну какъ-бы увидѣлъ кто... Не хорошо, братъ смотри!

Васильевъ.

А мнѣ какое дѣло! Большая важность — въ кабакъ зайти. Вѣдь только за водкой, а не зачѣмъ другимъ. Подлецы только говорятъ, что неприлично въ кабакъ ходить... Я читывалъ, что Петръ Великій хаживалъ въ астерію, а вѣдь, онъ, братъ, о! о!

(Всѣ смеются.)

Васильевъ.

Вы слышали, господа, что Яковъ женится?

Гости.

Что ты, братецъ?... Стало быть кутнемъ? А на комъ женится?

Филимоновъ.

Тутъ на одной... у Иванъ-Богослова живетъ.

Гости.

Чья?

Филимоновъ.

Аристова.

Гости.

А когда же ты женишься?

Филимоновъ.

Кто-е знаетъ: какъ невѣста управится; послѣ Рождества, должно быть, вскорѣ.

Гости.

Что же ты намъ прежде не сказалъ? Мы бы къ тебѣ на смотрушки пошли потанцовать и выпить.

Филимоновъ.

Я въ одну минуту обдѣлалъ дѣло: вчера пошолъ смотрѣть невѣсту, — вчера же и благословился.

Бавкинъ.

А кто сваха?

Филимоновъ.

Коза.

Бавкинъ.

Коза?! Но она и чорта самого усватаетъ: — всемірная сваха... А приданаго много?

Филимоновъ.

Слава Богу, приданое хорошее: домъ... поить кормить будутъ... одѣнуть—обуять... золотыхъ и бриліантовыхъ вещей много. Коза говоритъ, что у Тулинова едва-ли столько будетъ. Тысяча на три, а, можетъ, и больше будетъ.

Бабкинъ.

Молодецъ Яковъ! Стало быть, за храбрость дернемъ?

Филимоновъ.

Рѣшено и подписано. *(Наливаетъ рюмку и подноситъ Бабкину.)* На Федоръ Ивановичъ, пей.

Бабкинъ.

Цей самъ.

Филимоновъ.

Я уже... пилъ съ Колей. Пей!

Бабкинъ.

Ну давай *(беретъ только рюмку изъ рукъ.)*

Филимоновъ.

Будь здоровъ! *(выливаетъ.)*

Бабкинъ.

Эка подлецъ Яковъ! надулъ.

Филимоновъ.

Ну, пейте господа!

(Всѣ пьютъ и закусываютъ.)

Филимоновъ.

Что же это Василій Ивановичъ неидетъ? Пора бы пирогу ѣсть

Бабкинъ.

Онъ пошолъ зачѣмъ-то къ совѣтнику; должно быть скоро придетъ.

Филимоновъ.

Ну, дожидаться нечего: семеро одного не ждутъ — говорятъ Коза. Давайте ѣсть пирогу. Василій Ивановичъ вѣрно не будетъ обижаться.

ЯВЛЕНИЕ XI.

Входятъ: Пузыревскій и Борисовъ.

Филимоновъ.

Вотъ какъ разъ подоспѣли. Мы уже по единой пропустили. Сей-часъ пирогу будемъ ѣсть. Пейте же скорѣй по двѣ; мы по двѣ всѣ выпили.

(Пузыревскій и Борисовъ пьютъ по двѣ рюмки.)

Васильевъ.

Алена Тимофевна?... подайте пирогу!

ЯВЛЕНИЕ XII.

Тъ же и Мичурина съ пирогомъ.

Филимоновъ.

Ужь потрудитесь, Алена Тимофевна, разрѣзать
Мичурина.

Извольте-съ (*рѣжетъ пирога.*) Нуте-съ, готовъ.

Филимоновъ.

Ну-съ, господа, передъ пирогомъ водочки. Алена Тимофевна,
кушайте!

Мичурина.

У кого въ рукахъ, у того въ устахъ: начинать съ хозяина.

Филимоновъ.

Ну, будемъ здоровы!

Всѣ.

На доброе здоровье!

Филимоновъ.

Извольте Алена...

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Тъ же и Бочкинъ.

Филимоновъ.

А, Василій Ивановичъ! Мы васъ заждались! Садитесь.

Бочкинъ.

Извините господа, не много опоздалъ, заходилъ я въ совѣтнику,
да не засталъ дома. Наше почтеніе всѣмъ вообще.

(*садится*)

Мичурина. (*съ рюмкою въ рукахъ*).

Имѣю честь поздравить васъ, Яковъ Дормидонычъ, съ царскою
милостию и нарѣченной невѣстой...

Бочаровъ.

Съ какой невѣстой?

Филимоновъ.

Какъ-же, я сосватался.

Бочкинъ.

На комъ?

Филимоновъ.

На одной.

Бочкинъ.

Я знаю, что не на двухъ. Чья фамилія, и кто ея отецъ?

Филимоновъ.

Аристова... Отецъ ея торгуетъ дегтемъ.

Бочкинъ.

Не далеко уѣхалъ... Деньгами много?

Филимоновъ.

Пятьдесятъ пѣлковыхъ.

Бочкинъ.

Эка, драть бы, драть тебя стоить! Чѣмъ ты будешь жену кормить?

Филимоновъ.

За ней, Василій Ивановичъ приданаго много; домъ... поить—кормить будутъ... одѣнуть—обуютъ... золотыхъ и бриліантовыхъ вещей много; тысячи на три или на четыре будетъ.

Бочкинъ.

Держи карманъ; растопыревай! И что это за охота у васъ, молокососовъ, брать всякую дрянъ, которая сперва воду носить, а какъ выдетъ за-мужъ, за шляпку. Послѣ глядишь, и начнетъ легкимъ ремесломъ заниматься, чтобы не быть голодной...

Бабкинъ. *(Между тѣмъ подходит къ столу, наливаетъ водки становится лицомъ къ юстамъ и произноситъ).*

Вновь произведенному коллежскому регистратору Якову Дормидонову Филимонову, и нареченной невѣстѣ его *(къ Филимонову)* имя рекъ?

Филимоновъ.

Настасья.

Бабкинъ.

Настасію.

Бочкинъ. *(Филимонову).*

Отчество?

Филимоновъ.

А чортъ ее знаетъ, позабылъ!

Филимоновъ. *(Васильеву).*

Коля? ты, кажись, знаешь, какъ невѣсту по батюшкѣ.

Васильевъ.

Настасья Ивановна.

Филимоновъ.

Гдѣ присутствующимъ и выпивающимъ, слава!

Хоръ.

Слава! слава! слава!

Бочкинъ *(съ рюмкою въ рукахъ).*
За здравіе того,
Кто любитъ кого.
Разорви тому животь,
Кто неправдою живетъ.
(Всѣ пьютъ)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Перцевъ.

Бабкинъ:

Э! тѣ же и Мартынъ съ балабайкой!

Всѣ.

Ха-ха-ха-ха...

Перцевъ.

Вы уже пьете? Ишь васъ чортъ дернулъ! Нѣтъ, чтобы подождать меня! (*трагическимъ тономъ*). Да знаете-ли вы о смертные кто я?

Бабкинъ.

Какъ такую особу не знать? Бутылкинъ, Наливкинъ-Рюмочкинъ, и разныхъ стакановъ наливатель и потребитель...

Всѣ.

Ха-ха-ха-ха...

Бабкинъ.

Главнѣйшій и почотнѣйшій предсѣдатель покровскаго питейнаго дома.

Всѣ.

Ха-ха-ха!

Перцевъ.

То-то.

Филимоновъ.

Лопай скорѣй водку, да расскажи что-нибудь.

Перцевъ.

Расскажи ему? А нѣтъ чтобы спросить: что вы, дискать, Николай Васильевичъ, изволили что-нибудь пропустить въ свой благородный желудочекъ. Какъ по питейной, такъ и по съестной части. Эхъ ты, сосулька, не знаешь, какъ съ благородными людьми обращаться! Ты долженъ прежде гостя напоить, накормить, а потомъ и спрашивать. Эхъ жизнь, жизнь! жизнь разгульная! Три дня не ѣшь, а куда придешь, рассказывай!... По сколькоку выпили, говорите скорѣй?

Бабкинъ.

По пяти.

Перцевъ.

Хорошо же. Вотъ вамъ разъ, вотъ вамъ два, вотъ вамъ три, вотъ вамъ четыре, вотъ вамъ пять, а это будетъ награждение за долгое терпѣнье.

Всѣ.

Ха-ха-ха...

Филимоновъ.

Ну, расскажи что-нибудь.

Перцевъ.

Поднеси, такъ расскажу.

Всѣ.

Ха-ха-ха...

Бабкинъ.

На трескай!

Перцевъ.

Ну, что же вамъ разсказать... пожалобивъй, или по смѣшнѣй?
(идеть).

Всѣ.

Посмѣшнѣй, посмѣшнѣй!

Перцевъ.

Вотъ видите-ли: былъ я письмоводителемъ у становаго по запрошлый годъ; пріѣхали мы съ нимъ въ Боевъ производить слѣдствіе: Становой поручилъ мнѣ сдѣлать допросъ. Нужно было допрашивать одного молодаго парня по этому дѣлу. Парня я вытребовалъ на лицо, и сталъ ему дѣлать допросъ: какъ тебя звать, и по отчеству, и фамилія? — «Миколай Петровъ». — А фамилія? — «Какая-то хвямилля? баба-то щоль моя?» Нѣтъ. Драмшать васъ какъ? — «А, драмшоть-то? Да насъ въ старину драмнили Хлѣбниковымъ.» — А теперъ какъ? — «Да и таперича, кажись, также.» — А сколько тебѣ лѣтъ? — «Годовъ-то? да ты разя ослепъ? что въ бумагахъ не видишь?» — Да въ бумагахъ нѣту. Ты мнѣ самъ долженъ сказать, сколько тебѣ лѣтъ? — Парень сталъ, и началъ перемищаться. Ну что же ты молчишь, дурацкая образина! говори скорѣй: сколько тебѣ лѣтъ? — «Да кто яго зная, бачка може и зная. Ништо бачку табѣ пригнать?» Ну гони бачку, и самъ приходи. Пригналъ парень отца своего. Отецъ сталъ по одалъ. Спрашиваю: сколько твоему сыну лѣтъ? — «Какому?» — Вотъ этому. — «Вотъ етому то?» — Да, етому-то. — «Яму-то щоль.» Да, ему. — «Микулки-то?» — Ну да. — «Микулки-то моему?... Яму-то, вотъ извоишь видѣть»... Тутъ мужикъ задумался; завелъ руку за шею, началъ тамъ искать чего-то, и мотать себѣ подъ носъ; потомъ такъ радостно вскрикнулъ, какъ будто гривенникъ съ похмѣлья нашолъ... «Микулки-то моему?.. Яму-то, вотъ извоишь видѣть, ваше благородіе, сивый мѣринъ, на которомъ бачка мой ѣзжалъ, ну вѣдашь?» Нѣтъ, братъ, не знаю твоего сиваго. — «И, да какъ яго не знать? — Мѣринъ знатный былъ; бывало бачка мой...» — Ну, говори же скорѣй, сколько твоему сыну лѣтъ? — «Ты чай видѣлъ кобылу мою, чалую-то? я на ней пріѣхалъ... Вонъ гляди, когда хошь... Ну, вотъ, кобыла-то ефта, была дружка мѣрину, сивому то, на которомъ бачка ѣздила. Ухъ, и мѣринъ знатный былъ!... Вотъ ужъ мѣришь-то издохъ, десять годовъ ровно подъ крещенье будетъ; да былъ онъ, какъ издохъ, двѣнадцати годовъ... Уже моей кобылѣ чалой, выходитъ дѣло, стало быть, двадцать второй годъ. Ну, баба-то моя, на тотъ же годъ и понесла Микульку, какъ мать ожеребилась чалой. Ну таперича самъ смѣкай, сколько Микульки годовъ. Мы люди темные.» — А какъ твою жену звать? — «Бабу-то мою?» — Да. — «Знамо дѣло какъ? баба да баба. Ужъ у насъ такая повѣтрія ходя по деревнѣ.» — Ну, ступай. — «Такъ выходитъ, дѣло ты самъ смѣкнешь Микульки года?» — Самъ. —

«Ну ладно, а то того... Ужъ хлѣбъ-соль за нами. Когда пестрая свинья, ваше благородіе, опросится, асосычка знатнаго табѣ въ гостинецъ...» Ну хорошо, ступай. — «Свинья-то еще не обронялась, храницы ее источи... ну, да ладно. Прошшенье просимъ.»—Ну ступай.

Всѣ.

Браво, браво.

Бочкинъ.

Ну, мастеръ ты, братъ, на все: что выпить, что рассказать. А вотъ мы, бывало, съ покойнымъ Бѣлогорскимъ, по четверти вдвоемъ усживали, а все молчкомъ. Ты теперь нигдѣ не служишь?

Перцевъ.

Нигдѣ.

Бочкинъ.

Чѣмъ же ты живешь?

Перцевъ.

Питаюсь какъ птицы несобныя: гдѣ день, гдѣ ночь.

Бочкинъ.

Да ты бы поступилъ куда-нибудь служить.

Перцевъ.

И то хочу: къ судебному слѣдователю пристать лажу: больно ужъ я честенъ да уменъ, а тамъ все, говорятъ, такихъ требуется...

Бабкинъ.

Николай Васильичъ, распотѣшь честную компанію, расскажи, или лучше, представь намъ Кулебякина, какъ онъ рассказываетъ про свою собаку, что она умнѣй здѣшняго семинарскаго комисара.

Перцевъ.

Вонъ куда заѣхалъ! что дадите, такъ расскажу!..

Всѣ.

Расскажи же!

Филимоновъ.

А что тебѣ дать-то, пей вонъ сколько хочешь.

Перцевъ.

Не тѣмъ пахнетъ; себѣ дороже стоитъ. Это само собой. А ты вотъ что: поведи въ трактиръ всю честную компанію, угости чаемъ, послѣ чаю посидимъ, потолкуемъ, съѣдимъ селяночку, и смотря по угощенію, я, пожалуй, не въ счетъ абонементу расскажу вамъ про Пахомовну и Еремѣвну.

Филимоновъ.

Отлично придумано! Идемъ въ трактиръ часовъ въ шесть и распиваемъ чай.

Всѣ.

Согласны, согласны.

Бабкинъ.

Слюнявскій , посылай-ка за четвертью... Вѣдь я ты черезъ два года получишь чинъ; все равно затѣмъ тогда.

Слюнявскій.

Гдѣ мнѣ про васъ денегъ-то взять.

Бабкинъ.

Какъ гдѣ? Отнимемте господа, у него письмо отъ любовницы: давеча мнѣ показывалъ.

Всѣ.

Отнимемъ, отнимемъ. (*бросаются на Слюнявскаго, валятъ его на диванъ и вынимаютъ у него насильно письмо изъ его кармана.*)

Бабкинъ (*беретъ и читаетъ письмо*).

«Душа моя, Федоръ Петровичъ, вы пишете, чтобы я увѣдомила васъ о своей любви. Моя любовь нелицемѣрна. И вы не ошибаетесь во мнѣ, а я, можетъ быть, ошибаюсь въ васъ. Я не думаю, чтобы вы могли любить меня, какъ я васъ. Для тебя, я готова бросить весь міръ, всѣхъ людей, и видѣть одного тебя въ природѣ. О любовь, любовь! къ чему-жь ты меня доводишь? Какой ужасный, какой провзительный ядъ любви! Теперь нѣтъ мнѣ веселья! Моя радость,—какъ улыбка мертвеца и какъ слезы его,—на гробѣ умирающей матери моей! Ангелъ мой! Прикажи надѣяться на твою чистую совѣсть. Скажи, что, можетъ быть, все это—только одна шутка? Ахъ, зачѣмъ я увидѣла тебя? Неужели для того, чтобы страдать и мучиться? Для меня теперь и свѣтъ не милъ! Мнѣ нельзя теперь больше писать; въ другомъ письмѣ подробнѣе напишу. Прошу васъ, пишите чаще; вамъ можно писать, для меня будетъ легче сердцу,—хотя одну строчку. Прощай, прощай. ангелъ мой! Остаюсь извѣстная вамъ кто. Пишите на отвѣтъ, не замедлите. Извините, что не хорошо писала! Лети туда,—кто приметъ безъ труда.» Правда, очень чувствительно-сь.

Перцевъ.

Ей, ей правда!.. у меня ажно за сердце схватило.. ой, ой, ой, батюшки! смотрите-ка, слеза горячая прошибла!

Всѣ.

Ха, ха, ха!

Слюнявскій.

Я самъ ей на это стишки написалъ.

Бочкинъ.

Ахъ ты, рыло неумытое! читай, коли написалъ.

Слюнявскій (*почтительно.*)

Да я ужъ позабылъ-сь.

Всѣ.

Вздоръ, вздоръ! Читай.

Слюнявскій.

О, Боги неба, помогите,
 Менѣ брющеткой обладать
 О, духи неба, дайте крылья
 Менѣ ко милой прилетать.

Бабкинъ.

Отлично, отлично! Давай за это цѣлковой на водку.

Слюнявскій *(разньжась и подавал цѣлковой.)*

Нате-съ!

Васильевъ *(беря у него деньги.)*Сей-часъ хозяина посылаю *(уходитъ.)*Бочкинъ *(тоже разньжась.)*

Давай, братцы, пить и пѣть.

(Поетъ.)

Давайте вселиться,
 Давайте пить вино!
 Зачѣмъ намъ не напиться?
 На то оно дано.
 Друзья, давайте пить вино
 Мы вѣрно попадемъ въ честные
 Потопъ намъ ясно доказалъ,
 Что воду пьютъ одни лишь злые.

(Всѣ колабродятъ, разивариваютъ и шумятъ.)

ЯВЛЕНІЕ XV.

*(Тѣ же и Васильевъ, а за ними Мичуринъ съ новой четвертью.)*Филимоновъ *(увидавъ хозяина.)*

Патрикѣвичъ, иди сюда!

Мичуринъ.

Да зачѣмъ, Яковъ Дормидонычъ, у васъ гости.

Филимоновъ.

Иди, небось, не съѣдятъ. Господа, вотъ мой хозяинъ *(подводитъ его къ столу)*. Допивай все, что осталось.

Мичуринъ.

Кушайте сами, Яковъ Дормидонычъ.

Филимоновъ.

Пей, тебѣ говорятъ.

Мичуринъ.

Ну, будьте здоровы, Яковъ Дормидонычъ, съ царскою милостью васъ. Дай вамъ Богъ и больше того *(беретъ оставшуюся въ графинѣ водку и остатки пирога, откидываетъ все это въ сторону, садится и начинаетъ пить и пѣть)*.Бабкинъ *(увидя новую четверть и наливая изъ нея)*.Что же я? *(Встаетъ съ рюмкою и передъ всѣми юстями.)*

Пропоемте славу! столоначальнику губернскаго правленія, 3-го отдѣленія, 5-го стола, Василью Иванову сыну Бочкину, та-

кожде и помощнику его, губерискому секретарю Федору Васильеву сыну Бабкину—Слава!

Всѣ.

Слава! Слава! Слава!

Бочкинъ.

Ну, Федоръ Васильичъ, и голосина у тебя... Здорово решишь... не скучно съ тобой въ кампаніи.

Бабкинъ.

Эхъ, то-ли еще мы можемъ... подтягивайте!

(Поетъ сначала одинъ, а потомъ и всѣ.)

«Навсегда съ друзьями

«Разлучаюсь я.

«Что же будетъ съ вами

«Безъ меня друзья!

Куда же васъ чортъ занесъ не въ тотъ тонъ... Слушайте: тра-та-та-та! ти-римъ-тимъ-томъ-тумъ. Ну, пойте!

Навсегда съ друзьями

Разлучаюсь я.

• Что же это такое? Кто въ лѣсъ, кто по дрова! лучше оставимъ пѣть... И вы, Еаслій Ивановичъ, что-то сегодня сбиваетесь.

Бочкинъ.

Забирючило больно, братъ—хмѣлень сталъ... А что ты, Федоръ Васильичъ, подалъ за Голубева докладъ, какъ я тебѣ говорилъ?

Бабкинъ.

Подалъ.

Бочкинъ.

Поспѣшилъ, любезный другъ, поспѣшилъ... Надо передѣлать докладъ.

Бабкинъ.

Зачѣмъ же передѣлать?

Бочкинъ.

Зачѣмъ, что я... потому какъ получилъ отъ Голубева письмо со вложеніемъ я, ты братецъ мой, имѣешь надѣяться получить оттуда законную часть... я тебя люблю... ты, выходить, моя правая рука.

Бабкинъ.

А сколько могу надѣяться.

Бочкинъ.

Получишь — увидишь.

Мичуринъ *(Присматриваясь и тоже уже сильно выпивши.)*

Эхъ, господа, дворяне, не хорошо... съ маленькаго человѣка что взять... У маленькаго человѣка денегъ мало; а вы, ну ка, грабите.

Бочкинъ.

Ты ужь лучше, братецъ, молчи: ѣшь пироги съ грибами, да держи языкъ зубами.

Мичуринъ.

Что мнѣ молчать... мы сами законы знаемъ... Не хотите-ли я при людяхъ засвидѣтельствую.

Бочкинъ.

Господа, слышите, что салдофонъ говорить (*подходитъ къ Мичурину.*) Ты видно еще не учонъ.

Мичуринъ.

Что учонъ!... Не больно куражся, не велика птица.

Бочкинъ.

Слышите, господа! Ахъ ты скотина эдакая, ты смѣешь такъ говорить? А! (*бьетъ его по лицу.*) Я титулярный совѣтникъ.

Мичуринъ.

Только тронь другорядъ, такъ и слачи...

Бочкинъ.

Ты мнѣ слачи! Господа, слышите!... Ну те-ка валяйте его по мордасамъ. (*Бочкинъ, Бабкинъ, Пузыревскій кидаются на Мичурина и начинаютъ его бить.*)

Мичуринъ (*задыхался.*)

Караулъ... ка-ра-улъ...

Бочкинъ (*въ азартъ.*)

Валяйте его, валяйте, подъ микитки-то, подъ микитки!

Филимоновъ и Васильевъ.

Бросьте его, господа перестаньте? Онъ хозяинъ нашъ (*отнимаютъ Мичурина и вырваживаютъ за дверь.*)

Филимоновъ.

Господа, чтобы прекратить неудовольствіе, идемъ въ трактиръ... Пашка, (*Пашка вбѣгаетъ.*) Трехъ биржевыхъ. (*Пашка уходитъ.*)

(*Всѣ подхватываютъ.*)

Идемъ, идемъ!

Бочкинъ.

Э, Слюнявскій ужь налимонился! Растолкайте его!

Бабкинъ (*будите Слюнявскаго.*)

Слюнявскій, а, Слюнявскій, Дѣвушкинъ! вставай, пойдемъ!

Слюнявскій (*вскакивая.*)

Ей Богу правда, двадцать пять пѣлковыхъ сама навязала... только, говорить, хоть за груди поддержи!

(*Всѣ уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Мичуринъ (входя.)

Всѣ ушли, слава тѣ Господи, хоть на минуточку утихло. Теперь вотъ задатку съ невѣсты взялъ, а къ завтраму и на похмѣлье едва-ли останется — какъ только этому парню деньги въ руки попадутъ, словно бѣшеный станеть; не знаетъ куда и дѣться-то съ ними. Какъ съ женой-то ему жить тошнешенько. Стой-ко, посмотрю, не осталось-ли хоть рюмочку—нѣтъ, ничего не оставили, все выхлестали — экіе лопалы!

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же и Пашка.

Гдѣ же они?... Я биржакъ привелъ.

Мичуринъ.

Ушли, поди скажи, что ушли.

Пашка.

Да какъ же? пойду я!... я боюсь... они лупку зададутъ... подите, сами скажите.

Мичуринъ.

О дьяволенокъ эдакой! (уходитъ.)

С Ц Е Н А IV.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Сосулькинъ Митрофанъ Ивановичъ,
занимающій классную должность 26 л.

Анна Семеновна Сосулькинъ, жена его.

Варя и Саша, сестры Сосулькиной,
ужасныя, какъ и старшая сестра, ква-
стуньи; говорятъ постоянно объ выѣ-
стѣ и постоянно одно и тоже, 18 и 17
лѣтъ.

Шаферъ, молодой человекъ, говоря-
щій нѣсколько по-французски.

Жирная купчиха—40 лѣтъ.

Худая купчиха—30 лѣтъ.

Палушина, бѣдная дѣвушка.

Коза.

Аристова.

Мужъ.

Настенька.

Филимоновъ.

Комната въ домѣ Аристовой та же, только въ лучшемъ видѣ. Чело-
вѣкъ десять гостей побѣжанъ. Настенька стоитъ, убранныя къ вѣн-
цу. По правую сторону Аристова, по лѣвую—Коза.

ЯВЛЕНІЕ I.

Коза

Ну что, кума, все готово?... Карета за Настей, кажись, при-
ѣхала... Что-жь это шаферъ не ѣдетъ?—пора бы, кажется.

Аристова.

Вонъ и шаферъ приѣхалъ!

ЯВЛЕНИЕ II.

ТЪ ЖЕ И ШАФЕРЪ.

Женихъ готовъ.—Дождается.

Коза.

Ну, и за нами, батюшка не задолжится. Ну, кума,—зови кума; нужно, какъ велеть долгъ христіанскій, благословить Настю.

ЯВЛЕНИЕ III.

ТЪ ЖЕ И МУЖЪ.

Коза.

Вотъ и кумъ!... Ну теперь садитесь всѣ по мѣстамъ. (*Всѣ садятся.*) Ну кумъ, бери хлѣбъ, и благословляй дочь свою на перемѣну жизни; а ты, кума, поддерживай съ другой стороны. (*Аристовъ и мужъ берутъ хлѣбъ.*) Настя! Аль не знаешь? — въ первый разъ что-ли?... Клади три земныхъ поклона! (*Настя исполняетъ приказаніе.*) Цѣлуй руку у отца у матери; (*Настя цѣлуетъ*), кланяйся имъ въ ноги (*Настя кланяется*), благодари, что они тебя воспитали, выпоили—выкормили! (*Настя бормочетъ несвязныя слова.*) Дай еще и я тебя благословлю: не какая вѣдь тоже тебѣ съ боку—припека — а крестная мать, пожалуй, получше иной родной: — учила тебя уму-разуму; смотрѣла за твоимъ поведеніемъ; ... ну, Настя! (*благословляетъ*), дай Богъ тебѣ счастливо прожить до старости—до средовыхъ вѣковъ: какъ жили и живутъ твои благочестивые родители,—въ мирѣ, любви,—и согласіи... Слушай, какъ будутъ читать въ церкви слово Божіе: жена да убойтся своего мужа:—воими, и исполний на всю жизнь; это, вѣдь, не тягъ да лягъ,—и клѣтка... Молись, со слезами молись, чтобы Богъ наградилъ тебя всякимъ счастіемъ; хорошимъ поведеніемъ... Ну, пора! (*начинаетъ плакать.*) Погоди Настенька, дай я тебя мою милую дочку поцѣлую! (*въ помолосу.*) Ты какъ станешь на подстилку становиться, то нарови впередъ жениха стать. Такъ сдѣлай, какъ я говорю. Поняла? (*начинаетъ рыдать.*) Прощай же, ты моя родимая дочка Настенька!... Одна ты была у отца, у матери, да в ту недоборый человекъ утащилъ на свою сторону...

(*Настя и потѣжане уходятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Коза и Аристовъ.

Коза (*утирая платкомъ глаза.*)

Ну, въ добрый часъ сказать, въ худой помодчишь,—отправили благоволучно... Охъ, какъ только я измучилась, какъ изму-

члалась, ты себѣ и вообразить, и *вкреставить* не можешь!.... Вѣдь нынче бы свадьбѣ не быть, еслибъ не я. Еще раннь-ранехонько прибѣгаетъ ко мнѣ женихъ: «бѣда, говорить, мамаша!» Что такое? спрашиваю его.—Что? совѣтникъ не даетъ согласія на жеппитьбу. «Покажите, говорить, батюшка, что вы за женой берете?» Вы, говорить, говорили, что домъ?—такъ дайте, говорить, дарственную запись. Я, говорить, говорю, что домъ на словѣ положенъ. Онъ говорить, нѣтъ, говорить батюшка, такъ, говорить, васъ тещъ съ тѣщей подзатыльнями накормить; тогда, говорить, что вы, батюшка, будете дѣлать, чѣмъ жену кормить?...» Ну, Яковъ Дорнидонычъ, мальчикъ молодой, гдѣ ему всѣ порядки знать! Ну, милая ты моя, я ужъ была одѣта, хотѣла совѣтъ идти сюда,—распорядиться чѣмъ-нибудь, только салопа на мнѣ не было... Надѣла салопъ, и прямо къ совѣтнику... Онъ мнѣ еще немного знакомъ, прошлый годъ, я у двоюродной сестры его жены, у Катерины Петровны, у Анѣрисовой, дитя воспринимала. Я ему объяснила, что мы виѣстѣ на крестинахъ были у Катерины Петровны.... Онъ не забылъ, помнилъ меня хорошо, и въ гости даже къ себѣ звалъ ... Какъ же!... Ну, я ему все дѣло объяснила, какъ быть слѣдуетъ.... Онъ ни слова, ни полслова не сказалъ, «Сію минуту, говорить, будетъ готово!..» По истинѣ, кума, пословица говорится: не имѣй сто рублей, а имѣй сто друзей, — все можно сдѣлать. Пора ужъ столъ накрывать для закуски, а то молодые прѣдутъ. Постой-ка, я распоряжусь... Ну, кумъ, подсоблай-ка и ты мнѣ, другъ милый; мужчина ты, али нѣтъ?

(Уходитъ.)

Мужъ.

Знаю дѣло, не баба.

Коза.

А чѣмъ же ты мужикъ, а не баба?

Мужъ.

Бабы-то въ штанахъ не ходятъ, а я штаны ношу.

Коза.

Ха, ха, ха! Вотъ такъ кумъ! А я звала тебя мужикомъ, а сама думала: не баба-ли ты? (*въ сторону.*) Хуже!.... Ну, теперь знаю, что ты мужикъ; такъ станови же столъ вотъ такъ; а Спиридоновна будетъ накрывать, и посуду ставить.

Аристовъ.

Пожалуйте сюда, родная кумушка, на пару словъ!

Коза.

Что такое, кума? Аль, голова болтъ? — за голову держится. Примочи *уксусомъ*, или *польдекокомъ*.

(Мужъ начинаетъ возиться съ столомъ.)

АРИСТОВА.

Болить,—то болить, кумушка, голова; да еще и матерно сердце болить.

КОЗА.

Что такое? Ай что слышала? говори скорѣй.

АРИСТОВА.

Слышала, кумушка! Помогн въ горѣ!

КОЗА.

Аль про жениха что?

АРИСТОВА.

И, нѣтъ, кумушка!.. Давиче, какъ я маленько поуправилась, стала Настю спрашивать...

КОЗА.

Ну?

АРИСТОВА.

Что, молъ, Настя, любила-ли ты кого?..

КОЗА.

Ну?

АРИСТОВА.

Не занималась-ли ты говорю, худымъ дѣломъ съ кѣмъ-нибудь!

КОЗА.

Ну?

АРИСТОВА.

Откройся говорю мнѣ по совѣсти...

КОЗА.

Ну?

АРИСТОВА.

А то, говорю, мужъ какъ узнаеть, что ты худыми дѣлами занималась, такъ онъ тебя, говорю, за косы оттрепить, и на нашъ весь родъ позоръ положить...

КОЗА.

Ну, ну?

АРИСТОВА.

Такъ, говорю, откройся по совѣсти...

КОЗА.

Ну, ну, ну? что-жь дальше?

АРИСТОВА.

Настя и залейся горячими слезами! (и сама заливается) любила говорить маменька!

КОЗА.

Ну!

АРИСТОВА.

Тутъ говорить приказной у Иванихи стоялъ...

КОЗА.

Ну?

АРИСТОВА.

Его говорить...

Коза.

Ну?

АРИСТОВА.

Такъ помогите, милая кумушка, въ горѣ! Не допустите до сраму! Я Богъзнаестъ, что готова отдать, только бы этого дѣла не выводить наружу! Кумушка! заставьте вѣчно Бога за васъ молить!

Коза.

Ну, признаюсь! Скажи при мнѣ такъ Настя, я бы ее по щекамъ отлупила, и плакать бы не велѣла! Чего ты, старая вѣдьма, смотрѣла? А? говори! Развѣ такъ за дѣтми смотрять?

АРИСТОВА.

Виновата, кумушка: не усмотрѣла!... Всѣ мы, то-то, люди, всѣ человѣки!

Коза.

То-то виновата! Ужь вѣрно я, окаянная грѣшница, — когда въ сѣтн срадебѣ, десятковъ обошлась благополучно—какъ слѣдуетъ; а то все къ Надеждѣ Федоровнѣ! Помогите, Надежда Федоровна! Не оставьте, Надежда Федоровна!... Вѣдь я же вышла за-мужъ, какъ слѣдуетъ, и другіе могли бы также! А то, нѣтъ!... расхватываетъ ихъ лихая болячка!... послѣ Анютиной свадьбы Богу зарокъ дала, что не буду никому помогать, будь хоть отецъ родной. Ну да, что-жь видно, дѣлать?—Такъ ужь, видно, и быть: въ послѣдній разъ, а если это еще разъ сдѣлаю, то разрази меня тогда мать царипа небесная; полопайся у меня глаза; отсохни у меня руки и ноги; источи меня преждевременно черви!... Не люби я такъ тебя, кума, и Настю, я и теперь бы ни за что не взялась: осыпь меня, хоть съ ногъ до головы золотомъ!.. Слышь, кума?... Мнѣ и такъ окаянной, богомерзкой Надежкѣ не простить и своихъ-то грѣховъ! Ну, такъ и быть: для милаго дружка,—и сережка изъ ушка! Давай скорѣй пять цѣлковыхъ, пойду въ аптеку; а то молодые скоро прѣдутъ.

АРИСТОВА.

Что вы, кумушка? Аль въ заправду пять цѣлковыхъ нужно?

Коза.

А ты какъ думала: сколько для такого дѣла нужно?

АРИСТОВА.

Я думала, четвертачокъ, али двугривенничекъ обойдется.

Коза.

Не тѣмъ, кума, пахнетъ: не четвертачкомъ, и не двугривенничкомъ, а пятью цѣлковиньками!

Аристова.

Да какого сладобья нужно? я бы и сама покатить обѣгала, мушпа.

Коза.

Много будешь знать! Вотъ будешь сама въ другой разъ замужъ выходить, тогда, пожалуй, скажу. Иди ка—иди, доставай деньги!

Аристова.

Да нельзя ли, кумушка, хоть цѣлковый... А то пять!...

Коза.

Когда тебѣ деньги жалче дочери, такъ не нужно, — не доставай!

Аристова (*уходя.*)

Охъ, сколько расходовъ, сколько расходовъ, и не знаю!... (*уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

Коза одна.

Коза.

Да-а а! вотъ такъ-то! И возись съ этици крестницами, ну ихъ въ омуть головой; и бѣгай какъ угорѣлая, ни за понюхъ табаку. Всѣ нарываютъ, чтобъ я все имъ дѣлала даромъ. Экъ они и разгулялись!... Приспичило, — такъ и пять цѣлковыхъ ни почтеть. Скажи я десять?—и десять бы дала: только избавь, матушка, Надежда Федоровна, отъ сраму! Ну ужъ и дѣвки стали пинче! Смотри въ оба! какъ разъ, того и гляди! А и правду, по совѣсти сказать: я не ждала отъ Настьки этого.... Ну вѣрно и парень-то хорошъ, что польстился на такую папу!... Чисто грѣхъ!...

ЯВЛЕНИЕ VI.

Коза и Аристова.

Аристова.

Извольте вамъ, кумушка, двѣ по три. Цѣлковицкой ужъ принесите сдачи!

Коза (*принимая деньги.*)

Хорошо! Жди отъ жида сдачи, отъ портнаго остатка! Такъ тебѣ и дала! — какъ же! Этотъ цѣлковый лучше пойдетъ на свѣчи, за всѣхъ насъ: и за тебя; и за меня, и за Настю! — Миѣ, вѣдь, не откуда взять! Ты вотъ что, кума; если молодые прѣдутъ безъ меня изъ церкви, то ты поздравь ихъ; скажи: честь, молъ, имѣю поздравить васъ съ законнымъ бракомъ! и выпей послѣ этого все вино, что тебѣ поднесетъ шаферъ. А меня спросать?—скажи, что за нужнымъ дѣломъ изъ дома присылали... Ну, я иду. Будь покойна; все будетъ шито, да кры-

то. Да, ты смотри, ничего не говори нынче жениху про туалетъ; а завтра ты ему на тощахъ хорошенько выбрей. Не стыдно, молю, скажи, невѣсту безъ туалета оставить? И солдаты, молю, и тѣ на послѣдній грошъ покупаютъ туалетъ невѣстѣ! А вы, молю, пятьдесятъ цѣлковыхъ приданого взяли, а хоть бы на смѣхъ кусокъ мыльца купили! Да хорошенько! — хорошенько! намыль ему голову, чтобъ пѣна съ него пошла! И я правду, распичужу не хуже твоего! Денежки-то вѣрно всѣ протранжирилъ! Ну да, ладно! послѣ свадьбы возьмемъ его въ ежовыя рукавицы! Ну, я иду, прощай!

Аристова..

Погодите-ка на минуту, кумушка! Какъ, бишь, нужно проздравить молодыхъ-то, по благородному то, я позабыла!

Коза.

Честь, молю, имѣю поздравить васъ съ законнымъ бракомъ!
(Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Аристова.(одна повторяя.)

Честь, имѣю... молю... проздравить... васъ... Честь, молю, имѣю... проздравить васъ... съ законнымъ бракомъ! Честь, молю, имѣю проздравить васъ... Ухъ! насилу и затвердила! на-тощахъ, кажись, и не выговорить!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Аристова и мужъ, роняющій стаканъ.

Аристова.

Аль ты ослабъ! чтобъ у тебя глаза повытрескались! Вѣдь стаканъ-то четвертакъ заплаченъ! У меня чтобъ былъ такой же стаканъ, и болѣ ничего! Ишь ты! какъ онъ за посудой смотритъ?.. Чтобъ у тебя руки по локоть поотсыхали!

Мужъ.

Изъ одного-то стакана какой валь... Словно взбѣсилась.

Аристова.

Не бреши! Учись ка молодыхъ по благородному проздравлять! Говори за мною: честь, молю, имѣю.

Мужъ.

Честь имѣю.

Аристова.

Честь, молю, имѣю...

Мужъ.

Да зачѣмъ же, Танюшка, сюда «молю» прибавлять?

Аристова.

Зачѣмъ!.. что такъ Надежда Федорна учила! Ты, небось, ставишь себя поумнѣй ея?.. Учатъ тебя дурака, такъ нечего поперечить...

Мужъ.

Ну, когда такъ кума говорила, такъ стало быть такъ надо.

Аристовъ.

То-то. и нечего было поперечить Ну. говори за мной: честь, молю, имѣю поздравить васъ съ законнымъ бракомъ.

Мужъ (*повторяя за ней*).

Честь, молю, имѣю поздравить васъ съ законнымъ бракомъ. .

Аристовъ.

Пробирайся къ чертямъ! Приѣхали!

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Входятъ сперва молодые, а потомъ гости за ними.

Аристовъ (*въ сторону*).

Ишь ты, гляди-ка!.. Настя-то! Только успѣла перевѣчаться, а ужъ узнать нельзя: настоящая *листократка* стала! Что ни говори, а благороднаго сразу видно. (*Къ молодымъ*). Честь, молю, имѣю поздравить васъ съ законнымъ бракомъ!

Молодые.

Покорно васъ благодаримъ! (*Цѣлуютъ руку Аристовой и цѣлуются*).

Аристовъ (*къ мужу, ласково*).

Иванъ Петровичъ! иди поздравляй молодыхъ, нашихъ то!

Мужъ.

(*Въ сторону*) Что за диковина, баба моя какая привѣтливая стала? Хоть бы на свѣтъ—Христово воскресенье такъ! (*Къ молодымъ*) Честь, молю, имѣю поздравить васъ... первѣнчавши!

Молодые.

Покорно благодаримъ! (*Настя цѣлуетъ руку, а Филимоновъ нехотя кланяется*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Подходить Сосилькина.

Сосилькина.

Честь имѣю поздравить васъ съ законнымъ бракомъ? Я очень и очень рада, что тебѣ, Настенька, такая партія попалась; — что ты выходишь за нашего брата,—за чиновника. Не выди ты за чиновника, а за какого-нибудь купчишку,—я бы и не подумала гулять у тебя на свадьбѣ; а то вотъ, видишь, я сдѣлала тебѣ какую честь?—Насъ хоть съ Митрофаномъ приглашали къ губернатору!.. Я съ своей стороны готова съ радостью помочь вамъ, чѣмъ могу!.. Я прикажу моему Митрофану, онъ васъ возьметъ къ себѣ служить. Губернаторъ говорилъ, что умнѣй моего Митрофана нѣтъ чиновниковъ. Мой Митрофанъ чрезъ два года будетъ губернскимъ *секлетаремъ*. Миѣ это сама членша говорила. Тогда я прикажу моему Митрофану посадить васъ на свое мѣсто. А те онъ говоритъ—все дураки у нихъ чиновники. Мой

Митрофанъ за всѣхъ дѣла дѣлаетъ. Я у членши очень часто бываю. Со мной членша очень хороша. Съ мнойъ Митрофаномъ всѣ мое почтеніе. Когда мой Митрофанъ бываетъ въ церкви, то для него всѣ дорогу прочищаютъ;—полицистеры, квартальные, десятники, частые... Моего Митрофана всѣ уважаютъ. Мой Митрофанъ меня очень любитъ. Онъ ни въ чемъ мнѣ не отказываетъ.

Филимоновъ.

Что же Митрофанъ Ивановичъ сами не изволили пожаловать?

Сосулькина.

Онъ... его... за нимъ губернаторъ присылалъ карету, просилъ его къ себѣ.

Филимоновъ.

А Митрофанъ Ивановичъ часто бываютъ у губернатора?

Сосулькина.

Да...и. Губнаторъ безъ его совѣта не смѣетъ ничего дѣлать: все за нимъ присылаетъ совѣтоваться; особенно по важнымъ дѣламъ. За нимъ всѣ чиновники присылаютъ совѣтоваться. Безъ его совѣта не смѣетъ никто ничего дѣлать. Что мой Митрофанъ прикажетъ, то и дѣлаютъ. Мой Митрофанъ очень уменъ.

ДѢЙСТВІЕ XI.

Сосулькина, Варя и Саша.

Варя и Саша.

Ахъ, Анюта, пойдя сюда! Намъ тебѣ нужно очень много кой-чего сказать! Ахъ, Анюта, какой душка у Насти шаферъ!... Мы чего постараемся занять и познакомиться; можетъ быть, онъ кому-нибудь изъ насъ предложеніе сдѣлаетъ. Посмотри, какой душка!

ДѢЙСТВІЕ XII.

Тѣ же и шаферъ.

Варя и Саша.

Молодой человекъ, будьте такъ добры, одолжите намъ стаканъ воды, если это васъ нисколько не затруднитъ.

Шаферъ.

О, нисколько! Напротивъ, я для прекраснаго пола готовъ жертвовать даже жизнію, если только нужно будетъ.

Варя и Саша.

О, какъ вы добры!

Шаферъ.

Напротивъ, это къ добротѣ нисколько не относится; а одно только уваженіе къ прекрасному полу заставляетъ насъ, мужчинъ, быть услужливыми.

Варя и Саша.

Ониже не всё мужичины такъ уважительны; есть страшныя свиньи.

Шаферъ.

По крайней мѣрѣ я не такой свинья; а всегда, во всякое время, всячески стараюсь заслужить вниманіе дамъ, что для меня очень дивно и пріятно; особенно же мнѣ желательно заслужить ваше вниманіе, въ чемъ надѣюсь успѣть.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Варя и Саша одни.

Саша.

Знаешь что, Варя? давай наговоримъ, что мы знакомы со всей аристократіей и что у насъ часто бываютъ вечера; онъ будетъ за нами больше ухаживать.

Варя.

Ну, хорошо; ты помогай мнѣ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Варя, Саша и шаферъ.

Шаферъ (поднося воду).

Удостойте принять!

Варя.

Мирси вамъ: очень благодарна!.. Вы думаете танцовать сегодня?

Шаферъ.

Танцую-съ... непремѣнно.

Варя и Саша.

Напрасно, молодой человекъ. Позвольте вамъ откровенно сказать: вы намъ очень нравитесь, — здѣсь нѣтъ для васъ пары: все сволочь. А мы не будемъ рѣшительно танцовать.

Шаферъ.

Виновать! Я имѣлъ величайшее удовольствіе надѣяться съ вами танцовать. Вотъ именно одно изъ ужаснѣйшихъ несчастій поразило меня прямо въ сердце нынѣшній день! Отчего же вы не изволите танцовать? осмѣлюсь спросить.

Варя и Саша.

У насъ вчера очень много было фидеровъ; мы съ ними танцевали до-упаду и время очень весело провели. Мы впрочемъ всегда очень весело время проводимъ. Вы можете себѣ вообразить: у насъ такъ много очень хорошихъ знакомыхъ, что мы каждый день должны дѣлать въ нашей каретѣ визитовъ тридцать или сорокъ, чтобы разъ въ мѣсяцъ быть у нашихъ знакомыхъ. Мы со всею воронежскою аристократіей на дружеской ногѣ. У насъ такъ много собирается очень хорошихъ молодыхъ

людей — офицеровъ и полковниковъ, что мы всегда танцуемъ *кадрель или минсе* паръ въ пятьдесятъ или въ шестьдесятъ. Для насъ ничего не стоитъ устроить такой вечеръ. Мы очень богаты! У насъ двадцать домовъ. Мы въ Москвѣ и въ Петербургѣ очень часто бываемъ. У насъ тамъ всѣ аристократы и князья очень хорошо знакомы... Мы любимъ одѣваться очень просто. Нынче всѣ аристократы очень просто одѣваются. Мы прямо изъ Парижа получаемъ моды. Съ насъ всѣ аристократы берутъ фасонъ. У насъ бархатные салоны въ пять тысячъ. Мы ихъ впрочемъ очень рѣдко надѣваемъ. У насъ у каждой по пяти горничныхъ. Мы всегда встаемъ къ обѣду въ пять часовъ или въ вечернюю. У насъ на квартирѣ всѣ аристократы. Мы съ ними очень хороши... У насъ пять поваровъ на кухнѣ. Мы всегда сидимъ за обѣдомъ шесть часовъ. У насъ всегда готовится двадцать и тридцать разныхъ блюдъ. Мы впрочемъ сами очень мало ѣдимъ... Впрочемъ мы бы теперь потанцовали, но не болѣе одной *минсе* или *кадрели*. Вы согласны такъ?

ШАФЕРЪ.

Помилуйте! Я не найду словъ и выраженій для благодарности за ваши ласки и вниманіе. Вы вполне очастливили меня!

Варя.

Я съ вами съ удовольствіемъ иду танцовать, но съ условіемъ, на которое вы едва-ли согласитесь.

ШАФЕРЪ.

Помилуйте! Ваше слово въ настоящее время для меня будетъ закономъ. Никакія самотруднѣйшія препятствія не составятъ для меня ни малѣйшаго труда! Напротивъ, я буду въ высшей степени подлцомъ, если не исполню съ величайшимъ удовольствіемъ ваше приказаніе! Каждое ваше повелѣніе будетъ для меня райскимъ блаженствомъ!

Варя.

Вотъ что: вонъ видите сидитъ дѣвушка въ голубомъ платьѣ при печальномъ *интереси*, возмите ее танцовать легкой танецъ, и постарайтесь уронить. Непремѣнно же.

ШАФЕРЪ.

Это какъ-то неловко: неуваженіе къ дамъ...

Варя

Непремѣнно, непремѣнно: иначе я съ вами неиду танцовать.

ШАФЕРЪ.

Хорошо... я постараюсь какъ-нибудь...

Варя и Саша.

Непремѣнно, непремѣнно, а то она слишкомъ умничаетъ. Все насмѣшивается... Мы получше ее сводимъ!

ЯВЛЕНИЕ XV.

ТѢ ЖЕ И СОСУЛЬКИНА.

ВАРЯ И САША. (*Къ Сосумкиной.*)

Что Анюта, ты расположена танцовать?... Мы вотъ выбрали себѣ кавалера на первый *кадрель*.

СОСУЛЬКИНА.

Если будетъ съ кѣмъ, съ порядочнымъ танцовать, я пожалуй раза два-три пройдуся... Коза, вонъ, пришла. Слышь какъ она анерничаетъ?... Гдѣ-то она пропадала? хотѣлось бы мнѣ знать.

ВАРЯ И САША.

Ужъ извѣстно гдѣ? Святоша какой-нибудь приходилъ, а то сама, небось, куда бѣгала.

ЯВЛЕНИЕ XVI.

ТѢ ЖЕ И АРИСТОВА.

СОСУЛЬКИНА.

Тѣтенька, сколько вашъ зять получаетъ жалованья?

АРИСТОВА.

Жалованья получаетъ, слава Богу, хорошее: семь пѣлковыхъ, двадцать пять на ассигнаціи.

СОСУЛЬКИНА.

Хотите я прикажу моему Митрофану? онъ возьметъ къ себѣ служить вашего зятя. Онъ дастъ ему сто пѣлковыхъ въ мѣсяць. Мой Митрофанъ что хочетъ, то дѣлаетъ. Моему Митрофану членъ другъ—пріятель. Мой Митрофанъ чрезъ два года будетъ губерскимъ *секретаремъ*.

АРИСТОВА.

Постарайся, пожалуйста, Анюточка, вѣдь мы родные. Что жъ Митрофанъ Ивановичъ заспѣсивился—не пожаловалъ нашей хлѣбасоли отвѣдать?

СОСУЛЬКИНА.

Время—часовъ на службѣ нельзя назначить... За нимъ губернатору присылалъ три кареты: просилъ его къ себѣ по дѣлу; потому время—часовъ не назначилъ когда онъ здѣсь будетъ. (*Къ шаферу*). Какъ вы думаете молодой человѣкъ, время—часовъ можно на службѣ назначить? Я думаю, что время часовъ на службѣ назначить нельзя. А вы какъ думаете?

ШАФЕРЪ.

Виновать! Я въ этомъ и прежде нисколько не сомнѣвался; а теверь вполне вами убѣжденъ, и съ вами совершенно согласенъ: что время часовъ на службѣ назначить нельзя... А смѣю васъ спросить: гдѣ вашъ супругъ изволить служить?

СОСУЛЬКИНА.

Онъ... я право не интересуюсь, гдѣ онъ служить... Онъ какъ-то говорилъ мнѣ гдѣ, онъ служить; но названіе очень трудное,

потому не стоит помнить, гдѣ онъ служилъ. Онъ впрочемъ очень важную должность занимаетъ. Онъ выше *висъ*-губернатора. Онъ получаетъ двадцать тысячъ въ годъ жалованья.

Аристова.

Пожалуйте дорогіе гости, чарячка заморить!

Варя и Саша.

Благодаримъ!.. Мы дома обѣдали.

Аристова.

Варячка! Сашеньки! Ашоточка! И какъ васъ?.. Идите же!

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же безъ Аристовой.

Варя и Саша.

Ужъ за эти мѣщанскіе обѣды, садиться, тоже, не совсѣмъ пріятно! Какими-нибудь помоями будутъ угощать! У насъ нынче пятьдесятъ кушаньевъ подавали за столомъ, мы и то ничего не ѣли! Еслибъ не родные, и не надѣялись встрѣтить тутъ какую-нибудь интересную особу, то ни за что бы не поѣхали! Намъ и такъ нынче звали къ генералу Костакки, на балъ! Мы тамъ очень часто бываемъ, и время очень весело проводимъ! Намъ даже отъ губернатора присылали билеты на балъ; впрочемъ туда едвали поѣдемъ... Вы незнакомы, молодой человѣкъ, съ губернаторомъ?

Шлаферъ.

Виновать! Не знаю такого счастья, и не надѣюсь...

Варя и Саша.

Очень жаль! Губернаторъ прекрасный человѣкъ! Не угодно-ли мы васъ познакомимъ? Онъ всѣхъ порядочныхъ молодыхъ людей принимаетъ къ себѣ.

Шлаферъ.

Я не смѣю, даже, надѣяться на такое неизреченное счастье!.. Можетъ быть, это довольно трудно!..

Варя и Саша.

Для другихъ? можетъ быть; а для насъ? ничего не значить. Губернаторъ такъ съ нами хорошъ, что въ такихъ пустынахъ не откажетъ! напротивъ, онъ будетъ очень радъ сдѣлать намъ удовольствіе... Пойдемте, молодой человѣкъ садиться за столъ.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Резвокальберные гости толпятся около стола, и разсаживаются по мѣстамъ. Во время вечера не слышно особенно ничего голоса и потому Кова, принявшая на себя роль хозяйки, возмываетъ свой голосъ двумя нотами рѣмпе.

Кова.

Садитесь, садитесь, дорогіе гости... Куманѣтъ, Иванъ Петро-

внѣ! ты вѣдь хозяйнѣ, угости-ка дорогихъ гостей виномъ... А ну-ка, Настенька, дай-ка я на тебя хорошенько посмотрю, что верещицалась-ли ты?... Да-а-а! Только отъ вѣща, а ужъ почти барыня стала; а завтра, а то, пожалуй, цыliche... барыней вполнѣ будешь. Это я вѣрно знаю. Да ужъ и пѣсенку тебѣ спою! «Какъ у нашей молодой!» А ты смотри не сердись.
(Во время обѣда происходитъ неясный разговоръ. Музыка играетъ разные пѣсни.)

Коза (*вставая изъ стола и гости*).

Ну отцы мои родные, братіе возлюбленные, теперь можно и ножки намѣ, послѣ обѣда, порасправить; чтобъ кусочки хорошенько улеглись. Сперва молодые, а потомъ, можетъ быть, и насъ старухъ задоръ возьметъ, и мы, пожалуй, на старости лѣтъ подмахнемъ не хуже молодыхъ. Пословица недаромъ лежитъ, что старая кобыла борозды не испортитъ. Ну-ка молодой, начина; глядя на тебя и другіе возьмутся за тоже.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Варя, Саша и Шаферъ.

Варя и Саша.

Фи! какія гадости, негодная Коза, рассказываетъ!

Шаферъ.

Помилуйте! какія же гадости она рассказываетъ? Напротивъ; она веселитъ и утѣшаетъ публику.

Варя и Саша.

Вы, можетъ быть, ничего не понимаете, а мы очень хорошо понимаемъ!... Намъ не въ первый разъ... Становитесь во вторую пару.

(Музыка играетъ кадрияль. Нѣкоторые танцуютъ; нѣкоторые, пьютъ, нѣкоторые говорятъ.)

ЯВЛЕНІЕ XX.

Аристовъ и Коза.

Коза.

Подя-ка сюда кума!

Аристовъ.

Чего-съ извольте-съ? кумушка.

Коза.

Вотъ что кума: пора, ужъ, нашихъ бабъ накатывать. Да ты смотри потчуй ихъ хорошенько: да води въ кухню, тамъ угощай; а то они бабы церемонныя, при мужичнахъ не стануть пить; а послѣ, гляди, жаловаться, да славить по всему свѣту тебя стануть: «вотъ, скажутъ Татьяна Иванна, Аристриха, въ кои-то вѣки собралась отдать дочь свою, а и то надъ каждой рюмкой тряслась какъ кошка надъ ветчиной.» «Нипъ, скажутъ, іуды—христовопродавцы! А у насъ, дѣскать, если сзывать на свадьбу родныхъ, такъ и

упоштовать нужно до положенія.» Ты сама знаешь какъ угощаютъ на Придатѣ, аль на Чижовкѣ? Когда сваты поползутъ на четверенькахъ, да порастеряютъ своихъ жонъ, а жонушки-то ихъ, не мной будетъ сказано, почнутъ съ кѣмъ заводить скоромныя рѣчи, вотъ, значить, ублаготворены, и спасибо тебѣ скажутъ за угощеніе. Вотъ, нарочно, посмотри часика чрезъ два — такъ все парочками, все парочками! Тѣфу! Избавь ихъ Господи отъ искушенія! Не допусти чорту порадоваться!.. Да, ты смотри, сперва винцомъ попроси при людяхъ, а тамъ скажи: пойдѣмте, дискать Марья Иванна или Анна Андровна, пойдѣмте, посмотримъ погоду, да въ кухнѣ, и угости—единъ на единъ, водочкой; а потомъ винцомъ, вотъ они и растають. А то вонъ, Марья Иванна! попробуйся, укатайка ее однимъ виномъ? Какже! ей сороковой бочкѣ и полведерка не попахнетъ. Ну, поняла кума?

Аристова.

Поняла, кумушка.

Коза.

Ну, иди себѣ съ Богомъ, дѣлай по сказанному, какъ по выше писанному; и я буду гостей занимать разговоромъ (*ищетъ глазами къ кому бы подойти*).

ДВЛЕНІЕ XXI.

Коза и Папушина.

Коза.

А барышня, и вы здѣсь?

Папушина.

Здѣсь. Что-жь тутъ удивительнаго?

Коза.

И, да ничего! Вотъ ужъ и не потрафила какъ сказать! Охъ молодежь, молодежь: съ вами говорить, нужно прежде каждое слово разжевать!.. Я вотъ васъ давно не видала; а у меня теперь на примѣтѣ женишокъ есть; я хочу найти ему невесту: дѣвушку умную, руководѣльную, съ повеленіемъ... Вы знаете Попова? въ уѣздномъ судѣ служить; скромный молодой человекъ помощникъ столоначальника. Начальство его любить и уважаетъ.. Какъ вы на это скажете?

Папушина.

Мнѣ рѣшительно нечего сказать.

Коза.

Я хочу васъ за него посватать...

Папушина.

Благодарю васъ за вниманіе; только не беспокойтесь обо мнѣ.. Да можетъ быть, и тотъ, кого вы сватаете, вовсе не думаетъ жениться!

Коза.

Да не вѣкъ же ему лодырничать да гулять по острожному бугру, тратить четвертачки, да полтиннички: ужь лучше эти денѣги пошли бы для жены... Онъ сирота, объ немъ некому позаботиться! Вотъ только и есть одна дура—Надежда Федорна, которая хочетъ позаботиться.. Я ужь за это поручусь, что женихъ хорошій человекъ; я ужь павѣтеръ не стану терять словъ, не стану осквернять души своей ложью: ложь—великій грѣхъ, нужно всегда говорить правду. Миѣ хочется сдѣлать богоугодное и душеспасительное дѣло, сочетать васъ законнымъ бракомъ. Вы дѣвушка бѣдная, вамъ непременно нужно выдти за мужъ.

Папушина.

Я потому и не пойду за-мужъ: онъ бѣденъ, и я бѣдна: что-жъ изъ этого будетъ? Чѣмъ жить?

Коза.

И, моя миленькая, у Бога денегъ много. Взгляните-ка на птицы небесныя, что они? сѣютъ-ли, жнутъ-ли? Право душечка, не глядите, что вы бѣдны, положитесь во всемъ на Бога; я все устрою къ лучшему.

Папушина.

Я теперь вамъ одно скажу, разъ—навсегда: заботьтесь о комъ, nibудь другомъ, а я за вашихъ жениховъ не выду за-мужъ. Больше вы отъ меня ничего не услышите!

Коза (*уходя съ злобой, въ сторону.*)

Ишь ты, поскудница эдакая. фри какая... умничаешь тоже! Вѣдь только и есть у тебя, что работой кормишься; а не умѣй работать, — издохла бы съ голоду. Погоди, голубушка, дай-ка я тебя прославлю по городу, работки - то не будетъ, тогда ты вспомнишь не разъ Надежду Федорну!... Погоди, погоди.

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Папушина одна.

Папушина.

Эта Коза, точно демонъ въ образѣ человека. Сколько несчастныхъ она подѣлала! Наговорить иному бѣдному мальчику, что невѣста богатая: поить-кормить будутъ,—тотъ и радъ кинуться на вольный хлѣбъ. А нашей сестрѣ-мѣщанкѣ, теперь ужь стыдно идти за купца, а дай имъ чиновника... Нелестно, право, по мѣзгу, бытъ чиновницей, да сидѣть безъ куска хлѣба!..

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Папушина, Варя и Саша.

Варя и Саша.

Что-й-то, Танюшка, тебѣ говорила Коза? ужь не сватасть-ли она тебя?

ПАПУШИНА.

Да все съ женихами лѣзетъ.

Варя и Оаша.

Это очень и очень даже занимательно. Чей такой?

ПАПУШИНА.

Поповъ какой-то.

Варя и Саша

Поповъ? Неужели?

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Тѣ же, Бабкинъ и шаферъ.

Бабкинъ и Шаферъ.

Позвольте васъ просить на вторую кадрили!

Варя и Саша.

Позвольте, дайте подумать. (Къ Бабкину) Вы, молодой человекъ, знаете Попова?

Бабкинъ.

Очень хорошо знаю. Онъ мнѣ знакомъ.

Варя и Саша.

Помилуйте, молодой человекъ! Вы бы стыдились сказать, что Поповъ вамъ знакомъ. Развѣ съ такимъ болваномъ можно и прилично быть знакомымъ?

Бабкинъ.

Вы слишкомъ рѣзко отзываетесь о порядочномъ человекѣ.

Варя и Саша.

Поповъ порядочный человекъ? Творецъ мой! Мы умѣемъ сразу отличить порядочнаго человека. Мы со всей губернской аристократіей знакомы. У насъ собирается каждый день человекъ сто—двѣсти порядочныхъ людей. Вы говорите, что Поповъ порядочный человекъ... онъ съ нами почти насильно познакомился, былъ раза три у насъ въ домѣ, но мы чуть въ зашей не выпроводили его — слишкомъ умничасть не кстати. Мы надъ нимъ тѣпились, какъ надъ шутомъ гороховымъ. Онъ даже ни одного слова не умѣетъ сказать по-французски. Болванъ, негодяй, больше ничего! Мы всегда и со всѣми говоримъ по-французски. И очень часто читаемъ французскія книги.

Шаферъ.

Виновать, мидмоазсди! Я не имѣлъ удовольствія знать, что вы положительно говорите по-французски! Позвольте же съ сей

минуты, которой я текъ дорожу, начать съ вами пріятнѣйшій разговоръ на мало-французскомъ діалектѣ-съ!

Варя и Саша (испувавшись).

Ахъ, молодой человекъ, вы по-французски знаете!.. Пожалуйте не говорите съ нами нынѣшній день по-французски; у насъ страшно разболѣлась голова,—мы не можемъ вамъ отвѣчать по-французски! Въ другое время, когда-нибудь, мы очень и очень будемъ рады поговорить съ вами по-французски. Мы дома всегда говоримъ со всѣми по-французски и очень часто читаемъ французскія книги! Сей-часъ же видно, что вы порядочный человекъ; а мы всѣми порядочными людьми очень дорожимъ...

ЯВЛЕНІЕ XXV.

Тѣ же и Сосулькинь.

Сосулькинь.

О чемъ вы тутъ говорите?

Варя и Саша.

Да вотъ, братецъ, молодой человекъ (указывая на Бабкина) говоритъ, что Поповъ порядочный человекъ; а помните, какъ мы ему сюртукъ порвали?

Сосулькинь.

Вы говорите?

Бабкинъ.

Я.

Сосулькинь.

Что онъ болванъ?—правда!

Бабкинъ.

Нѣтъ, что порядочный человекъ.

Сосулькинь.

А я скажу, что болванъ.

Бабкинъ.

У васъ очень строгій приговоръ. Позвольте же, послѣ этого, васъ спросить: укажите хоть одного порядочнаго человека, кого вы знаете?

Сосулькинь.

Нѣтъ никого,—всѣ мерзавцы!

Бабкинъ.

Ну хоть сколько-нибудь умнаго.

Сосулькинь.

Всѣ слы!

Бабкинъ.

А чиновникамъ и членамъ вашимъ какая честь?

Сосулькинь (съ разстановкой и толкомъ).

Всѣ скоты, всѣ подлещы, всѣ ослы, всѣ мерзавцы. Всѣхъ бы на одну осину перевѣшать! (Съ зрѣмостью) Еслибъ не я, всѣхъ бы подъ судъ отдали. Я за всѣхъ дѣлаю. Мнѣ всѣ въ ноги клд—

нялись, чтобъ я не выходилъ въ отставку. Я не нуждаюсь ни-чимъ жалованьемъ. Я безъ ихъ жалованья проживу. Я самъ бо-гатъ и жену взялъ богатую. Я лучше къ Тулинову пойду управляющимъ, а ужъ не стану за всѣхъ дѣлать! Пускай безъ меня идутъ подъ судъ! Только жалѣючи не хочется выходить въ отставку; а то давно бы вышелъ...

Бавкинъ (*съ маслышкой*).

Пожалѣйте несчастныхъ! Жена... дѣти... хлѣба просять... не оставьте и меня вашими великими милостями!..

Сосулькинъ.

Нѣтъ подлецамъ пощады! Выду въ отставку.

(*Изъ кухни раздается тыся полу-пьяныхъ бабъ, которая заглушаетъ разговоръ другихъ, оставшихся въ ком-натѣ.*)

Ой, Дунюшка, ой, Дунюшка,
Ой, Дунюшка, весела, весела! 2
По бережку, 2
По бережку ходила, ходила!
и проч.

ЯВЛЕНИЕ XXVI.

Коза, а за ней другіе.

Коза

Бабочки, родныя, хорошія, идите же! Меня, старуху, ужъ больно разобрало, хочется туда-сюда поплясать! Ну-ка, молодежь, дозвольте намъ хоть разокъ... досыта, а вы успѣете еще разъ пять... Музыканты! Барыню!.. Ну, бабочки, давайте-ка...

(*Музыка играетъ, Коза пляшетъ и приговариваетъ; съ ней и другіе пляшутъ.*)

Ай барыня да, барыня!
Сударыня барыня!
Чего жъ тебѣ надобно:

.....
А барыня поплаши!
Твоя ножки хороши!

.....
А все таки барыня,
Все таки сударыня!

Женщины.

Ай да барыня! Ай да Надежда Федорна! Вотъ веселая баба
Ей-Богу веселая!

Коза.

Да что жь мнѣ и не веселиться-то? Вѣдь я крестную дочь отдаю за-мужь! Авось Богъ простить мои прегрѣшенія, что я бѣса потѣшила! Вотъ и еще таки потѣшу! Всю сватбу буду тѣшить!

(Пляшетъ).

Вотъ таки не боюсь!
Вотъ таки не бось!

И досыта напашусь!

.....
.....
.....
.....

А послѣ завтра ужь не прогнѣвайся голубчикъ! Три богомоля на себя наложу; пусть дьяволъ не радуется. Всѣ знаютъ, что Надежда Федорна не какая-нибудь, у которой есть законный мужъ, да десять съ боку, а что честная вдова, почище всякой (оглядываетъ гостей). Я сама знаю что дѣлаю! Я вотъ нынче веселюсь, и завтра, пожалуй, буду веселиться, а послѣ завтра никто не будетъ знать, что будетъ дѣлать Надежда Федорна! Да отъ чего же и не повеселиться, когда позволено это! . Вѣдь не будь меня, всѣ бы сидѣли, повѣсивши носы! Не правда-ли?

Всѣ.

Правда, Надежда Федорна! Правда! Повеселите насъ!

Коза.

Погоди-те мои голубчики; я васъ потѣшу. Ну-ка, музыка играй!

Какъ у насъ на Дону,
Бьетъ чертенокъ сатау,
Шапникъ шапошницу
А чортъ дьяволицу,
Пономарь кошку,
Перебилъ ножку,
Кошка три года хварала,
Коту ѣсть не давала,
А котъ со зла—
Убилъ козла:
Ой тарилы тарилы,
Гдѣ дѣвицу парилы—
Не ходи по банямъ—
Не ходи къ цыганямъ.
Цыгане то черти,
Запорютъ до смерти!

(Уходитъ).

8

ЯВЛЕНІЕ XXVII.

ВАРЯ, САША и ШАФЕРЪ.

ВАРЯ и САША.

Вотъ ужъ чистые мѣщане съ своими церомоніями! Нужно уѣхать поскорѣй, а то еще не то будетъ.

ШАФЕРЪ.

Позвольте, если васъ не обременю моей покорнѣйшей просьбой, узнать, что будетъ.

ВАРЯ и САША.

Много будете знать, скоро состарѣтеся.

ШАФЕРЪ.

Виновать, мамзели! Пятьдесятъ-пять тысячь разъ виновать!..

ЯВЛЕНІЕ XXVIII.

ТЪ ЖЕ и СЛЮНЯВСКІЙ.

СЛЮНЯВСКІЙ.

Какъ нынче здѣсь холодно!

Позвольте васъ
Хоть одинъ разъ
На польку маэурку

ВАРЯ.

Я занята! Когда хотите сестру...

СЛЮНЯВСКІЙ.

Мнѣ еще лучше...

ВАРЯ.

Вамъ стало быть не хотѣлось со мной танцовать?

СЛЮНЯВСКІЙ.

Мнѣ все ровно... Какъ нынче народу было много въ церкви.
А у васъ, папенька, есть?

ВАРЯ и САША. (*въ сторону*).

Какой осель! А не дурень. (*громко*) Есть.

СЛЮНЯВСКІЙ.

А маменька?

ВАРЯ и САША.

Есть.

СЛЮНЯВСКІЙ.

Какія вы хорошенькія... просто малина! А гдѣ вы живете?

ВАРЯ и САША.

На дворянской. Но что вамъ?

Слюнявскій.

Мнѣ нужно. Я хочу у васъ бывать, и съ вами покорооче познакомиться.

Варя и Саша.

Какъ это покорооче? Мы не понимаемъ.

Слюнявскій.

Покорооче... значить... какъ меня вездѣ дѣвушки принимаютъ любить и уважаютъ.

Варя и Саша.

А какъ васъ принимаютъ?

Слюнявскій.

Значить, со мной откровенны... пишутъ ко мнѣ письма, а я имъ въ стихахъ... дѣлаютъ мнѣ подарки.. меня всѣ дѣвушки любятъ. Я только посмотрю—и сей-часъ влюбятся въ меня. Они говорятъ что у меня глаза хороши.

Варя и Саша (*съ стороны*)

Дуракъ а глаза въ самомъ дѣлѣ хороши. (*громко*) А гдѣ вы бываете? Мы сами тоже, очень часто на вечерахъ бываемъ. Мы со всей аристократіей знакомы.

Слюнявскій.

Вездѣ бываю, гдѣ угодно.

ЯВЛЕНИЕ XXIX.

Коза (*одѣтая въ вывороченную шубу*).

Коза.

А ну-ка Марья Ивановна, покажи какъ малые ребятишки горюхъ воруютъ? (*рветъ по медвѣжьей и ползетъ на четверенькахъ*) А ну-ка, Марья Иванна, покажи, какъ старья старухи на Мойку идуть подпрыгиваютъ, а съ Мойки идуть погарькиваютъ.

(*Сначала едва ползетъ, а обротно скоро и рветъ; подходитъ къ каждому юстю, которые даютъ ей кой-что и уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ XXX.

Двѣ купчихи: жирная и худая.

Жирная.

Ну и Надежда Федоровна! Гдѣ свадьбу играетъ, непременно *представляетъ медвѣдья*. А ужъ отъ обидяковъ!.. и сохрани Господи что несеть!

Худая.

А не слыхали какъ она съ мужемъ-то дѣло порѣшила?

Жирная.

И, чай, яцѣ. Катюха, хромая говорила... мужъ-то съ полгода померъ...

Худая.

И, да Катюха-то, хромая давно новостей не носитъ. Не знаю кого бы приставить на ее мѣсто... Инъ она амбиціонная какая! Гости у насъ такъ-то собрались, богатая родня, такъ, вшь, ее промежъ гостей не приняли... Съ тѣхъ поръ и перестала! Амбицію, говорить, того. А ее и пальчикомъ хоть бы кто тронулъ... Послѣ я къ ней засылала, и новое платье общала, такъ нѣтъ, матушка! Куда те?! А ужъ я ли ей добра не совала, я ли ее не поила, я ли не кормила, и деньгами помогали!

Жирная.

И, да вы вотъ лучше возьмите къ себѣ для вѣстей, Ермиль-евну, али Козу: онѣ вездѣ бывають и все знаютъ... Только дороги! Ихъ ублатворяй, да ублатворяй!

Худая.

Да ужъ про то и толковать нечего .. а бы съ ними нескучно было. А то, вѣрите-ли? я отъ скуки вся исхудала? Какая это жизнь, значить, выходитъ, когда не знаешь, что въ городѣ дѣится!...

Жирная.

Да ужъ съ ними скучно не будетъ... Все знаютъ, что дѣится въ городѣ.

ЯВЛЕНИЕ XXXI.

Коза, молодые и шаферъ.

Коза.

Настенька? Аль баньки захотѣла?—зѣваешь. Да ужъ и пора! Дружко? поведемъ-ка молодыхъ-то на покой.

Шаферъ.

Укладывать, такъ укладывать.

Коза.

Да смотрите же мои голубчики. Ну-ка молодой! (*Наливаетъ ему три рюмки. Филимоновъ пьетъ безпрекословно*). Ну, теперь идите же!

Филимоновъ.

Вотъ, сй-Богу славно женится! Накормили отлично, я еще съ роду такъ не ѣлъ, и выпилъ добропорядочно, да еще дали молодую жинку! Ей Богу, чудо! Совѣтую всѣмъ бѣднымъ чиновникамъ жениться, только чтобъ Надежда Федоровна сыскала богатую невѣсту: стопъ домъ, поили, кормили, къ свадьбѣ одѣли-обули... Ей-Богу жизнь будетъ спокойная.

Настя (*уходитъ въ сторону*).

Мнѣ карты правду таки сказали, что выду за привазнаго замужъ. Теперь я благородная, а завтра хорошій чепчикъ надѣну!

Коза.

Благодарю Бога, что все устроила! Не прими-те, господа, моихъ словъ за гордость... (*юстамъ*) Ну пора и намъ грѣшнымъ успокоиться, завтра пораньше приходите, тарелки будемъ бить... А то повремените часика два... Такъ нынче побьемъ... Я ужъ выжду срокъ.

(*Гости прощаются и уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ XXXII.

АРИСТОВА одна.

АРИСТОВА.

Дюжину тарелокъ не пожалѣю, приготовлю къ завтраму! Все стало быть, Надежда Хведорна устроила!

Евгеній Воскресенскій.

ЛЕВЪ.

(изъ Барбье)

I.

Въ теченіе трехъ дней я видѣлъ: левъ народный
 Кидался бѣшено, могучій и свободный,
 По звонкой мостовой Парижа; пораженъ
 Сначала пулю, развѣялъ гриву онъ
 И пасть широко широко раскрывая,
 И съ гнѣвной силою всѣ жилы напрягая,
 Неистово рычалъ... И видѣлъ я потомъ;
 Раздулась грудь его, онъ билъ себя хвостомъ,
 Глазъ кровью налитъ, хрустѣли страшно кости,
 И весь онъ трепеталъ отъ боли и отъ злости...
 И послѣ видѣлъ я: сквозь шумъ, и дымъ, и смрадъ,
 Сквозь острые штыки, сквозь пуль и ядеръ градъ,
 Промчался онъ, согнулъ могучія колѣни
 И, весь въ крови, упалъ на Луврскія ступени.
 И тутъ улегся онъ, израненъ, бѣшенъ, дикъ,
 Раскрывъ широко пасть и высунувъ языкъ,
 И въ сладострастіи, въ блаженствѣ опьянѣломъ,
 Весь бархатъ запятналъ своимъ гигантскимъ тѣломъ...

II.

Тогда толпа людей безъ мѣры, безъ числа,
 Къ гиганту страшному смиренно подползла,
 И стая карликовъ испуганныхъ и блѣдныхъ
 Съ подобострастіемъ коснулась лапъ побѣдныхъ,
 И стала лѣстять ему, и ноги цѣловать,
 Своимъ спасителемъ, владыкой называть...
 Когда-жь, насытившись хваленьями и кровью,
 Онъ вздумалъ дать просторъ свободному здоровью,
 Всю грязь, и потъ, и кровь скорѣй съ себя стряхнуть
 И, послѣ отдыха, красною щегольнуть,—
 Когда онъ захотѣлъ, съ отвагой горделивой,
 Поднять высокій лобъ, тряхнуть широкой гривой
 И громко зарычать, чтобъ содрогнулся свѣтъ—
 На пасти у него намордникъ былъ надѣтъ.

И. Вейнбергъ

ЗАПИСКИ РУССКАГО ТУРИСТА.

II.

ВЪ ДЕРЕВНЬ.

Собачьи горбы.—Народное повѣрье.—Видъ окрестностей.—Сельская картина.—Аракчеевское чудо.—Расчистка лѣсовъ.—Правила.—Петруха.

На правомъ берегу Волхова, верстахъ въ двадцати слишкомъ отъ Новгорода, есть очень красивое мѣсто Собачьи Горбы. Крутой горой въ этомъ мѣстѣ поднялся берегъ Волхова къ востоку, на самой вершинѣ холма построенъ небольшой деревянный домикъ со службами; а отъ него влѣво идетъ почти до самаго берега вплоть густая, молодая, сосновая роща, о судьбѣ которой рассказано въ «Шумскомъ»; кое—гдѣ пробивается въ ней солнечный лучъ; за то въ ней въ лѣтніе жары пріятно укрыться; тѣнь, прохлада и смолистый запахъ отъ сосенъ оживляютъ, когда войдешь въ нее. Вплоть до самаго вечера пробродилъ я по рощѣ и когда уже стало садиться солнце, я спустился къ Волхову и подошелъ къ порому. Перегнувшись черезъ перила порома, стоялъ пожилой мужикъ и глядѣлъ на мелкую рыбу, которая юлила у порома и подхватывала мошекъ, падающихъ на воду.

— Вишь ты ей сколько!—проговорилъ мужикъ, обращаясь ко мнѣ.

Я посмотрѣлъ на воду, рыбы было—какъ въ котлѣ, рѣзвая—проворная,—она держалась на самой поверхности воды и, вос-

тоянно двигаясь во всѣ стороны, сверкала своею серебристою чешуею.

— Какъ называется эта рыба?—спросилъ я мужика.

— Уклейка.

— Ловятъ, я думаю, ея много?

— Кто ее поймаетъ; видишь какая она вострая. Мужикъ махнулъ рукою надъ водою и рыба въ одну минуту вся скрылась, потомъ, какъ будто ее выкинулъ снова кто со дна рѣки, она закипѣла и заюлила на поверхности воды.

— Кажется, мелкими сѣтями можно бы ее было ловить, сказалъ я.

— Отчего невозможно, отвѣтилъ мужикъ, да мѣсто-то здѣсь не такое.

— Заѣцовъ, можетъ быть, много здѣсь, или очень глубоко?

— А Богъ его знаетъ! Вотъ тамъ,—мужикъ рукою указалъ на мѣсто, саженой на двѣсти повыше,—ловятъ рыбу неводами, значитъ и здѣсь бы оно, пожалуй, можно было бы; да мѣсто не такое.

— Чѣмъ же это мѣсто не хорошо?

Мужикъ какъ-то робко оглянулся кругомъ и съ смущеніемъ заговорилъ.

— Не къ ночи будь помянуто, мѣсто что-то не совсѣмъ чмсто: бываетъ, здѣсь чудится временемъ.

— Что же такое здѣсь чудится?

— Да вотъ кажинный годъ на Христовскую заутреню здѣсь кто-то все воетъ въ рѣкѣ.

— Кому здѣсь быть!

— Быть-то оно и есть кому. Давно, еще когда и поселенія не заводились, былъ тутъ дремучій лѣсъ, что ужаси! Въ лѣсу этомъ притонъ держали разбойники и кого убивали, то все въ рѣку рыли. Вотъ грѣшныя-то души безвременно, безъ покаянія сгибшія, и воютъ предъ Христовской заутреней.

— Быть не можетъ!

— Тебѣ объ этомъ вѣрно говорятъ, я самъ слышалъ. Когда я былъ холостымъ парнемъ, вотъ мы предъ заутреней и собрались артелью, человекъ восемь и пошли слушать, какъ воютъ въ рѣкѣ грѣшныя души. Пришли мы на это мѣсто, рѣка была прошедши, пасха поздняя была, тишь такая вездѣ, ажно слышно было, какъ корова въ хлѣвѣ здохнѣтъ. Ночь темная, претемная, а рѣка какъ стекло, такъ и лоснится. Вотъ мы сто-

имъ на берегу и слушаемъ... пропѣли пѣтухи... какъ вдругъ застонеть въ рѣкѣ-то и такъ-то, жалобно и тихо... Насъ такой страхъ взялъ, что мы едва домой дорогу нашли!

Подъѣзжала лодка, мужикъ сѣлъ въ нее и отправился на другую сторону.

Озадачилъ меня мужикъ своимъ рассказомъ. Не можетъ быть, чтобы онъ совершенно навралъ мнѣ, — думалъ я, — какой-нибудь поводъ долженъ же быть къ этому повѣрью. Тщетно я искалъ причины этому повѣрью и долго, а можетъ быть и совсѣмъ, не открылъ бы я этой причины повѣрья, если бы случай не помогъ. На другой день рано утромъ я пошелъ къ порому купаться. Погода была ясная и тихая, на рѣкѣ и на берегахъ никого не было видно, легкій вѣтерокъ, который даже не покрывалъ рябью поверхность воды, погягивалъ отъ Новгорода. Только я вошелъ въ воду, какъ слухъ мой поразилъ какой-то тихой густой звукъ, похожий на жалобный вой. Мнѣ пришло на память вечерній рассказъ мужика, и мною овладѣла робость, я вышелъ изъ воды и посмотрѣлъ на часы, чтобы замѣтить время, было два часа утра. Посидѣлъ немного я на берегу, послушалъ — ничего не было слышно — пошелъ опять въ воду, и въ водѣ снова сталъ слышаться вой. Это былъ какой-то тихій, едва слышный и прерывающійся звукъ. Съ четверть часа я купался и звукъ все слышался, подъ конецъ онъ смолкъ. Дома думалъ я объ этомъ, пока, соображая время, и вспомнилъ, что въ Юрьевѣ монастырь къ заутрени звонятъ въ два часа утра въ большой колоколъ, около тысячи пудовъ; тогда мнѣ ясно стало, что этотъ стонъ былъ отдаленный звонъ колокола. Такъ вотъ онъ вой-то откуда! Звонъ въ Новгородѣ къ заутрени очень легко можетъ доноситься до этого мѣста по теченію рѣки при благоприятныхъ условіяхъ, тихомъ попутномъ вѣтрѣ, тишинѣ всюду и покой водѣ. Что крестьяне только во время ночи на кануи Христовы слышать этотъ гулъ: это дѣло естественное, въ это время они съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваются ко всему, чтобы услышать церковный звонъ и идти къ службѣ. Сколько я впоследствии не разувѣрялъ окрестныхъ мужиковъ, что они слышатъ новгородскій звонъ, а не стоны и вой грѣшныхъ душъ, но не могъ разувѣрить.

Солнце только что всходило, когда я вошелъ на балконъ дома. Верстъ на двадцать вокругъ открывался видъ съ балкона, по обѣимъ сторонамъ Волхова растилалась равнина, рѣдко гдѣ бы-

да не большая возвышенность; мелкій кустарникъ прерывалъ мѣстами поля, деревни были растянуты по берегу Волхова, противъ Собацкихъ Горбовъ за рѣкой тянулась деревня Котовицы версты на четыре, среди ея еще оставались развалины аракчеевскихъ построекъ. Вправо видѣнъ былъ уланскій штабъ върстахъ въ пяти, а съ-лѣва драгунокій штабъ верстахъ въ десяти. Лѣсъ уходилъ къ самому горизонту; а къ Новгороду совершенно не было лѣсу, однѣ только рощи вблизи монастырей коегдѣ видѣлись. Около селеній были еще поля съ темной зеленою ржи и свѣтлой-яроваго хлѣба; за ними все пространство до лѣсу такого жалкаго вида, точно позжена степь: это была большею частію голая земля, которая бѣлѣлась, точно подернутая инѣемъ. Во всѣ стороны въ разныхъ направленіяхъ шли дороги; однѣ изъ нихъ вели къ селеніямъ и штабамъ и были обсажены березами, густо сплотившимися въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ когда-то существовали поселенныя роты, отъ которыхъ остались только груды разбитаго кирпича и мусору. Много было дорогъ въ полѣ безъ березъ, перекрещивающихся въ разныхъ направленіяхъ и уходящихъ далеко къ лѣсу. Вдали мѣстами еще видѣлись поселенныя шпши, стоящія одиноко, точно будто маяки. Вся эта мѣстность представляла видъ лагера, брошеннаго арміей, посиѣшно разбѣжавшейся. Самый берегъ Волхова очень былъ оживленъ, крестьяне косили траву на *поемныхъ мукахъ*, ярко сверкали косы на солнцѣ и пестрѣли ситцевыя рубахи мужиковъ.

Полюбовавшись на эти жалкіе остатки чего-то въ прошедшемъ, я прошолъ къ Волхову и переѣхалъ на лодкѣ на другую сторону, въ Котовицы. Домишки крестьянскіе въ Котовицахъ не велики и всѣ одной формы, въ три окна съ острой кровлей и рѣзными украшеніями, на каменныхъ фундаментахъ, что впрочемъ не помѣшало имъ покривиться, фундаменты выложены, какъ я узналъ послѣ, поверхъ земли, когда уже были выстроены дома, такъ, для виду; начальствомъ было приказано, чтобы дома были съ каменными фундаментами. Дома расположены по два въ гнездѣ и въ равномъ разстояніи одинъ отъ другого, интервалы обсажены обстриженными березками и между дворами тоже посажены березки. Дворы кутные, покрытые соломой. Ставни оконъ раскрашены на одинъ образецъ. По распоряженію военного начальства ставни были крашены маляромъ, нанятымъ окружнымъ комитетомъ, чтобы во всѣхъ домахъ было однообразіе; а о томъ, желалъ-ли хозяинъ раскрасить ставни или нѣтъ,

и какъ ему хотѣлось раскрасить—его не спрашивали; деньги съ него только взыскивали за работу маляру. Живуча Аракчеевщина!

На улицѣ, кромѣ старухъ, маленькихъ ребятишекъ и собакъ, никого не было. Русскій человѣкъ умѣетъ расположиться на улицѣ съ комфортомъ. Подъ березами противъ домовъ, старухи устроились какъ дома. На колу, воткнутомъ наклонно въ землю и подпертомъ небольшими козелками изъ двухъ связанныхъ колышковъ, повѣсятъ старуха какую-то коробку, набьютъ въ нее сѣна и разныхъ грязныхъ тряпокъ, положить туда грудного ребенка, обвернуть коробку съ верху по веревкамъ, какимъ либо ситцевымъ старымъ тряпьемъ и качаетъ, лежа на лужкѣ, да грѣется на солнцѣ. Ребенокъ реветъ; онъ матери лѣтомъ не видитъ весь день, вечеромъ мать накормитъ его своимъ перегорѣлымъ молокомъ; отъ того ребенокъ и плачетъ, что его желудокъ страдаетъ отъ нездороваго молока матери. Надоѣстъ старухѣ плачь ребенка, встанетъ она, «поѣсть вѣрно хочетъ,» сважетъ, отыщетъ тутъ же гдѣ-нибудь въ сторонкѣ припрятанный горшокъ съ молочной гречневой кашей отъ другихъ ребятишекъ, возьметъ на руки ребенка и начнетъ кормить. Запуститъ старуха свой указательный палецъ въ горшокъ, захватитъ каши, положитъ себѣ въ ротъ, пожуетъ и тѣмъ же пальцемъ достанетъ изъ своего рта кашу, ловко мазнетъ по открытому рту ребенка, залепитъ ему весь ротъ,—ребенокъ давится и глотаетъ. Такое кормленіе продолжается, сколько вздумается старухѣ, и постоянно повторяется во весь день. Если бы не постоянный и напряженный крикъ ребенка, помогающій пищеваренію, то ребенокъ конечно бы къ вечеру померъ; вотъ одна изъ самыхъ обыкновенныхъ причинъ большой смертности дѣтей въ нашихъ деревняхъ и русской золотухи!

Другіе ребятишки, которые на *своихъ ногахъ*, босые, въ однихъ засаленныхъ и рваныхъ рубашонкахъ, съ открытыми головами, съ выгорѣвшими отъ солнца, растрепанными волосами, бѣлыми, какъ хорошій ленъ; бѣгаютъ по улицѣ и за дворами и перекликаются съ бабушками.

— Бабушка, а бабушка, тянетъ своимъ звонкимъ голоскомъ изо всей мочи, гдѣ-нибудь на задворкахъ мальчишка лѣтъ пяти.

— А-а-аъ, отвѣчаетъ ему сильнымъ голосомъ со всѣхъ силъ старуха.

— *Онтошка-то на омбаръ сѣзъ, кричатъ мальчишка.*

— А—у! отвѣчаетъ ему старуха, не разобравши, что кричить ей внучекъ.

Пока бабушка перекликается съ своимъ внучкомъ, Антошка успѣетъ свалиться, разбить себѣ до крови носъ и идетъ уже весь въ крови и реветъ на всю улицу.

— Ахъ ты воръ не добрый! кричитъ ему старуха, — опять разбился; вишь всю рубаху въ кровь выпачкалъ, уже тебя мать-то... какъ вернется домой! Поди сюда, я тебя обогру, и начнетъ обтирать мальчишку грязной тряпкой. Мальчишка оретъ во весь ротъ. Да замолчишь-ли ты неугомонный, вскрикнетъ сердито старуха и дастъ ему въ спину *тумака*. Мальчишка вырвется, и зачаканный кровью снова бѣжитъ на задворки и лѣзетъ на амбаръ.

Въ другомъ мѣстѣ старуха зажметъ себѣ въ колѣни голову ребенка и крѣпко держитъ и роется въ волосахъ, да работаетъ ногтями; а ребенокъ реветъ *дурнымъ матомъ* и бьется руками и ногами. Тутъ мало бываетъ *тумаковъ*, потому что волоса въ распоряженіи самой старухи.

По самой серединѣ деревни большая площадь полукругомъ раздѣляетъ деревню на двѣ половины,—это аракчеевскій плацъ. На немъ еще остались длинные дома въ восемь оконъ съ дверью по срединѣ и съ мезониномъ съ полукруглымъ большимъ окномъ, окрашенные желтой краской, это *не поселенныя связи*, въ которыхъ жили фронтовыя унтеръ-офицеры и офицеры.

На крыльцѣ одного изъ такихъ домовъ сидѣлъ старикъ, отставной солдатъ. Онъ всталъ и пріосанился, какъ только я къ нему подошелъ.

— Здравствуй добрый человекъ! сказалъ я ему, кланаясь.

— Здравія желаю вашему благородію! отвѣчалъ мнѣ бойко старикъ.

— Я не ваше благородіе, сказалъ я старику.

Старикъ съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на меня: ему было досадно на себя.

— Я, дѣдушка, заговорилъ я, усаживаясь возлѣ—на крыльцѣ, не чиновный человекъ, простой, вотъ хожу по монастырямъ все.

— Дѣло святое, отвѣтилъ старикъ, мы къ этому не привычны, такъ оно, боязно какъ-то; а походилъ бы. Дѣло святое.

— Славный домъ у тебя какой!

— Казенный. Онъ пустой, я не здѣсь живу, да вотъ сдѣлана привычка, двадцать пять лѣтъ походилъ я сюда, писаремъ служилъ въ комитетѣ.

— Такъ это комитетъ былъ.

— Точно такъ. Сперва былъ поселенный комитетъ, а потомъ окружной. Вотъ въ этой половинѣ была канцелярія, а въ той сперва присутствіе, а потомъ ужь пустая стояла, только рекрутовъ тамъ принималъ удѣльный начальникъ.

— Ты, дѣдушка, я думаю, все помнишь, что здѣсь дѣлалось при Аракчеевѣ.

— Строгъ былъ покойничекъ, не тѣмъ будь помяднуть. Всѣ дрожали, полковники и генералы, когда бывало пожалуетъ въ комитетъ.

— Что же онъ дѣлалъ въ комитетѣ?

— Извѣстное дѣло,—разсматривалъ дѣла, отдавалъ приказанія и пр. Онъ вѣдь все въ той половинѣ съ начальствомъ толковалъ: а въ этой мы, все время стоимъ на вытяжку ни живы, ни мертвы, на другомъ и лица нѣтъ, какъ взглянешь. Пока онъ присутствуетъ въ той половинѣ, а мы по мѣстамъ стоимъ во фронтѣ.. не пошевелимся, и *не сморнемся* даже.

— Вотъ какъ!

— Трудное было время.

— Да, тяжелое было время.

— Все по командѣ, не смѣй крючковъ у воротника отстегнуть, когда пишешь; всю шею перетерло воротникомъ. А работы было... съ утра до вечера все писали.

— Что же вы писали?

— Какъ что? Вотъ хоть бы приказы. Сколько ихъ! отъ Аракчеева, отъ начальника штаба, отъ дивизионнаго, отъ бригаднаго, отъ полковаго командира, отъ батальоннаго, отъ ротнаго. Каждый день приказъ и въ немъ все подробно расписано, что мужику, и бабѣ, и всякому въ семьѣ дѣлать. Все надо было переписать къ вечеру, чтобы съ вечера разослать по канцеляриямъ.

— Развѣ по наряду въ своемъ хозяйствѣ мужикъ все дѣлаеть?

— Все по наряду.

— Ну,—а какъ въ праздникъ? — Я думаю не работали.

— Праздники! — старикъ разсмѣялся, на праздники-то еще больше. Надо было расписать: кому въ церковь идти, кому въ церковный парадъ, кому въ разводъ, кому быть дневальнымъ,

кому смотрѣть за пьяными, да за виномъ, да духовенству послать приказы, кому въ какой церкви служить.

— И объ винѣ былъ нарядъ?

— Еще строгій-то какой, избави Богъ! Во всемъ поселеніи было запрещено торговать водкой; кабаковъ и духу нигдѣ не было.

— Значитъ и водки не пили?

— Ну какъ же пить? пили, и крѣпко пили.

— Гдѣ же водку брали?

— По праздникамъ на ротный двѣрь привозили изъ города и отпущали хозяевамъ за деньги по порціямъ. Конечно, этой водки было мало, только раздражать. Какъ, вѣдь, строго не держали, а водки промыслятъ. И народъ воровской былъ. Отпросится за дѣломъ въ Подберезье, тамъ вольный ямъ, кабакъ всегда былъ, принесетъ ведро; только сильно водой разбавляли мошенники и дорого драли. Попадались, вѣдь, и наказывали очень больно: вѣтъ, не нялось, все приторговывали. Одинъ молодець нарвался на Аракчеева... и странное дѣло! съ рукъ сошло.

— Какъ же это? Расскажи, пожалуйста.

— Идетъ-такъ нашъ солдатъ изъ Подберезья и несетъ за плечами въ мѣшкѣ боченокъ водки. Махъ встрѣчу изъ-за поворота Аракчеевъ въ коляскѣ. Куда солдату дѣться? мѣсто чистое кругомъ; въ сторонѣ эдакъ кусточки были небольшіе, солдатъ туда и давай нырять за кустами. Увидѣлъ-таки Аракчеевъ, зорокъ больно былъ, и послалъ за солдатомъ. Привели.

«Что тутъ дѣлаешь? спросилъ Аракчеевъ.

«Грибы собираю в. с., отвѣтилъ солдатъ безъ запинки; дѣло было лѣтомъ.

«Покажи. какіе грибы.

Солдатъ скинулъ съ плечъ мѣшокъ на-земь, посмотрѣлъ въ него и развелъ руками.

«Что же ты стоишь? крикнулъ Аракчеевъ.

«Чудо, в. с., отвѣтилъ солдатъ.

«Какое чудо?

«Собиралъ, в. с., грибы, очутилось вино.

«Чудо, братецъ, чудо! сказалъ Аракчеевъ и засмѣялся.» Ну, дѣлать нечего съ тобой, иди съ Богомъ, только смотри, чтобы впередъ такихъ чудесъ съ тобою не случалось.» Такъ и отпу-

стиль, видно очень веселъ былъ, а то бы солдатъ по зеленой улицѣ прогулялся.

— Ничего солдату и не было?

— Ничего. Послѣ Аракчеевъ разсказалъ полковому командиру, а солдата не велѣлъ трогать.

— Вѣдь и это чудо.

— Дѣйствительно чудо! Если увидать, бывало, что мужикъ не въ формѣ, — пореть, а солдатъ уцѣлѣлъ!

— Ты, дѣдушка, здѣшній уроженецъ?

— Какъ-же, коренной здѣшній житель.

— Ну и помянь, конечно, что раньше поселеній было здѣсь?

— Какъ-же. Большой я былъ парнишка, какъ только отали заводиться поселенія, меня прямо къ школу взяли.... было мученья много; учителя все унтера были, злые презлые, били постоянно, то линейками по рукамъ, то розгами драли, а писать учили на пескѣ.

— Какъ это?

— Насыплютъ на полу песку мелкаго и сровняютъ линейкой, а тебѣ дадутъ палочку въ руку и заставятъ писать. Если промахнулся, то и раздѣлка сейчасъ.

— Неужели и въ то время здѣсь были такія гладкія поля кругомъ?

— Что прежде было, того теперь и слѣдовъ не осталось. Вотъ хоть бы здѣсь, гдѣ мы съ тобой сидимъ, былъ такой дремучій лѣсъ, что какъ взойдешь, такъ свѣту не видно. Деревня-то дальше туда была—къ Богослову. Бывало, ходили маленькіе за грибами или за ягодами, такъ все больше по опушкѣ, а въ средину не смѣли и заглянуть: звѣрья много было, а деревья въ обхватъ, какъ на верхъ взглянешь, такъ шапка свалится. И шоль такой лѣсъ вплоть до столбовой дороги, т. е. до Подберезья и за Подберезье. По ту-то сторону рѣки, отъ самаго берега начинался и конца ему не было. Вотъ Варламя Хутынского видишь тамъ; а тогда не видать было его, пока къ самому не подъѣдешь.

— Гдѣ же у мужиковъ тогда поля были?

— По самому берегу на скатахъ около деревень, да по лѣсу небольшія *ливки*. Хлѣба съяли мужики не много, больше рыболовствомъ занимались.

— Когда же это лѣсъ успѣли вырубить?

— Все въ то время, какъ поселенія заводились. Войска было нагнано видимо не видимо. Вотъ они и рубили лѣсъ. Съ перваго мая начнутъ; да вплоть до морозовъ все работаютъ, почти до *зимнихъ заговень*.

— Да ты грамотной?

— Грамотный дѣдушка.

— Если тебѣ любопытно знать, такъ я дамъ тебѣ почитать; у меня остался цѣлый ворохъ старыхъ приказовъ; что не было переплетено, то пораздавалъ ребятишкамъ на змѣйки, а теперь молодымъ парнямъ на папиросы, вишь подхватили моду дѣлать папиросы, навертятъ въ бумагу *мануши* и курятъ. Ну, а книги-то еще цѣлы остались.

Мы пришли въ домъ отставнаго писаря, онъ сходилъ на *подволоку* и припесъ цѣлую вязанку книгъ, штукъ тридцать, въ малую осьмушку и страницъ по четыреста. Все это были приказы по военному поселенію Аракчеева и штабнаго начальства печатные. Старикъ порылся въ книгахъ и, разогнувши одну книгу, подалъ мнѣ.

— На, вотъ почитай, коли тебѣ любопытно знать, какъ лѣса расчищали, а я *пота* соберу на столъ, да пообѣдаемъ, сказалъ онъ,

Поданная мнѣ книга начиналась слѣдующей статьей.

«Положеніе о расчисткѣ и осушкѣ пахатныхъ полей, сѣнныхъ покосовъ и выгоновъ, и о раздѣленіи ихъ на участки въ округахъ военнаго поселенія гренадерскаго корпуса».

Этотъ печатный памятникъ бывшей нашей регламентаціи очень важенъ; удивительно до какихъ мельчайшихъ подробностей доходилъ въ своихъ правилахъ учредитель военныхъ поселеній! Впрочемъ, это нисколько не покажется страннымъ, если мы возьмемъ въ соображеніе, что дѣло это поручалось людямъ, не имѣющимъ никакого понятія о немъ. Писалось-то оно не совсѣмъ свѣдующими людьми, исполнителями были фронтовые офицеры, да еще армейскіе; а во времена двадцатыхъ годовъ всѣмъ, я думаю, извѣстно какого образованія были армейскіе офицеры. Объ этомъ распространяться нечего, лучше всего покажутъ правила, написанныя для нихъ, какъ думалъ объ нихъ тотъ, кто писалъ правила, потому мы ихъ здѣсь приводимъ буквально. Читатели, не особенно любопытные, могутъ, впрочемъ, пропустить эти правила.

1) Проектъ устройства и раздѣленія каждаго Округа Военнаго По-

селенія на роты, капральства или взводы, съ назначеніемъ пространства для полей, сѣнокосовъ и выгоновъ каждой части, составляется въ главномъ штабѣ Его Императорскаго Величества по Военному Поселенію.

2) По утвержденіи проекта, приводится оный въ исполненіе по распоряженію главнаго штаба Его Императорскаго Величества по Военному Поселенію.

3) Общее по корпусу исполненіе поручается корпусному оберъ-квартирмейстеру, а частныя по дивизіямъ дивизіоннымъ квартирмейстерамъ.

4) Мѣста для расчистокъ назначать по предварительному сношенію дивизіонныхъ квартирмейстеровъ съ комитетами полковыхъ управленій, такъ какъ симъ послѣднимъ болѣе извѣстны мѣстныя обстоятельства и самыя нужды военныхъ поселенъ хозяевъ.

5) Сообразно пространству, назначенному для расчистки полей, назначается ежегодно въ ихъ распоряженіе потребное число баталіоновъ къ работамъ, инструменты для оныхъ по особымъ положеніямъ и нужные офицеры для наблюденія за производствомъ работъ.

6) Работы, расчистку и осушку составляющія, раздѣляются на начальныя и окончательныя.

7) Начальныя работы состоятъ въ расчисткѣ лѣсовъ и необходимомъ спускѣ воды съ мѣстъ, для расчистки назначенныхъ.

8) Работы производятся по даннымъ урокамъ.

9) Уроки назначаются по качеству расчищаемыхъ лѣсовъ, согласно приложенной таблицы подъ литерою А.

10) Качество лѣсовъ, по личному осмотру, опредѣляютъ—офицеръ, наблюдающій за расчисткою (по руководству дивизіоннаго квартирмейстера), баталіонный командиръ работающаго баталіона и ротный командиръ той поселенной роты, для которой производится расчистка.

11) По опредѣленіи, такимъ образомъ, качества расчищаемыхъ лѣсовъ, офицеръ, за расчисткою наблюдающій, означаетъ на планѣ классы, къ которымъ принадлежитъ расчищаемое пространство, и урокъ работающему баталіону.

12) Въ случаѣ несогласія баталіоннаго командира на дѣлаемое офицеромъ, за работами наблюдающимъ, назначеніе классовъ расчищаемому пространству и самому уроку, офицеръ сей, чрезъ дивизіоннаго квартирмейстера, представляетъ корпусному оберъ-квартирмейстеру, которымъ какъ классы, такъ и урокъ опредѣляются уже рѣшительно.

13) При отводѣ уроковъ, имѣть въ виду, чтобы расчистка началась отъ селенія и была продолжаема къ лѣсу.

14) Расчистку лѣсовъ производить по принятому правилу съ корнями и сортировкой расчищаемого лѣса: 1) на бревна толстыя; годныя къ построенію или распиловкѣ; 2) на накатникъ, заборникъ и рѣшетникъ; 3) на дрова трехъ-полѣйныя отъ 12 до 15 четвертей,

4) на хворостъ, и 5) на пни.

15) При расчисткѣ лѣсовъ подѣ пахатныя поля не оставлять промежутокъ, имѣющихъ заросль; при расчисткѣ же сѣнныхъ покосовъ и выгоновъ оставлять мѣстами лѣсъ на оныхъ, и не истреблять, мѣстами же, лѣса, вновь возрастающаго, во вниманіи той пользы, что отъ лѣсовъ сѣнные покосы получаютъ тѣнь, и чрезъ сіе сохраняется на нихъ сырость, столь необходимая къ хорошему растенію травы. Лѣсъ сей оставлять на расчищаемыхъ мѣстахъ въ видѣ небольшихъ рощей, занимающихъ пространство отъ 800 до 1,200 квадратныхъ саженъ.

16) Сія рощи должны быть расположены такимъ образомъ, чтобы изъ 10 десятинъ чистаго мѣста сѣнокоса только одна десятина, а изъ 10 десятинъ выгона двѣ десятины занимались рощами, и преимущественно на возвышеніяхъ, гдѣ безъ тѣни нельзя ожидать хорошей травы. Въ рощахъ оставлять молодыя прямыя и лучшаго рода деревья, на разстояніи отъ 2 до 4 аршинъ между собою, срубая съ нихъ всѣ сучья на высотѣ одного аршина отъ земли и расчищая совершенно пространство между деревьями отъ всякаго другого лѣса, пней и тому подобнаго, дабы можно было безпрепятственно косить траву.

17) Кромѣ рощей оставлять по всему пространству покосовъ и выгоновъ слѣдующіе роды лиственныхъ деревьевъ: дубъ, кленъ, ясень, липу, рябину, калину, черную ольху и яблони въ такомъ видѣ, какъ они находятся, не очищая, если бы росли и кустами.

18) При расчисткѣ полей не оставлять никакихъ корней, могущихъ препятствовать распашкѣ; при расчисткѣ же покосовъ и выгоновъ, лѣсъ и пни срубать къ корнямъ и отросткамъ на $\frac{1}{2}$ аршина кругомъ стоявшаго дерева.

19) Рощей на такихъ мѣстахъ, которыя занимаютъ полою водою, и которыя замѣтны подѣ именовъ поемныхъ мѣстъ, не оставлять, а оставлять лѣсъ только на берегахъ рѣкъ и озеръ.

20) При началѣ расчистки назначать для складки лѣсныхъ матеріаловъ въ параллельныя линіи, разстояніемъ одна отъ другой въ 30 саженяхъ; на сихъ линіяхъ складывать: 1) строевой лѣсъ на подкладкахъ въ штабеля, по очищеніи его отъ сучьевъ и коры; 2) дровяной лѣсъ въ сажени или полусажени, по перерубкѣ его въ показанную въ § 14 мѣру; 3) пни въ кубическіе полусажени, имѣя основаніемъ квадратныя сажени, а вышиною $\frac{1}{2}$ сажени; 4) хворостъ, который тонѣе 1 вершка, складывать между семи линіями въ кубическія сажени.

21) Складку начинать не прежде, какъ тогда, когда линіи совершенно будутъ очищены отъ пней.

22) Каждый баталіонъ долженъ въ теченіе недѣли непремѣнно все назначенное пространство расчистить и разсортировать полученныя съ онаго лѣсныя матеріалы; за сямъ имѣть надзоръ офицеру, за расчисткою наблюдающему, требуя, въ случаѣ замѣченнаго имъ упущенія въ работѣ, помужденія отъ командира работающаго баталіона; а если бы требованіе сіе было оставлено безъ удовлетворенія, то дивизіонный квартирмейстеръ доносить о семъ старшему надъ войска-

из того округа начальнику и корпусному оберъ-квартирмейстеру, который немедленно дѣлаетъ свое распоряженіе.

23) Баталіонный и ротные командиры баталіона, на расчистку командированнаго, отвѣчаютъ, дабы съ сихъ расчистокъ никто никуда не употреблялъ бревень, накатнику и дровъ; въ противномъ случаѣ съ виновныхъ взыскивается за каждое бревно и за каждую сажень дровъ въ десятеро противъ того, что по расчету, показанному въ вѣдомости подъ литерою А, за срубку солдатамъ положено.

24) Равномѣрно баталіонный и ротные командиры наблюдаютъ, чтобы на мѣстѣ расчистки ни въ какомъ случаѣ не было разводимо огня, и за пожаръ, если бы произошолъ оный отъ несоблюденія сихъ правилъ, подвергаются отвѣтственности.

25) Баталіоны, командированные къ расчисткѣ полей, получаютъ задѣльную плату особо за одну расчистку, и особо за лѣсные матеріалы, при расчисткѣ собранные, по показанному въ вѣдомости подъ литерою А расчоту.

26) Каждую субботу собранные баталіономъ въ продолженіи недѣли бревна, накатникъ и рѣшотникъ считать, а дрова, пни и хворостъ — обмѣривать и записывать по качествамъ въ особую тетрадь, данную отъ корпуснаго оберъ-квартирмейстера, съ означеніемъ числа и класса десятина, съ которыхъ собраны сіи мѣстные матеріалы. Статью сію утверждать подписью въ книгѣ командирамъ работающаго баталіона и поселенной роты, и офицеру, за расчисткою наблюдающему, которые обязаны въ той же тетради означить и засвидѣтельствовать, что вырублено въ теченіи недѣли пространство дѣйствительно расчищено, такъ что по оному распашка полей или сѣяніе сѣна удобно можетъ производиться.

27) Расчищенные и освидѣтельствованные такимъ образомъ поля и сѣнокосы поступаютъ въ завѣдываніе командира поселенной роты, который печется уже, дабы военные поселяне и до раздѣленія на участки пользовались и не допускали заростать вновь.

28) Задѣльная плата работающему баталіону производится по прошествіи каждаго мѣсяца, по требованіямъ баталіоннаго командира.

29) Въ сихъ требованіяхъ офицеръ, за расчисткою наблюдающій, долженъ засвидѣтельствовать, что собранный на вычищенномъ пространствѣ (означая число и качество десятина) строевой и дровяной лѣсъ и пни по надлежащей того и другого разсортировкѣ, сложены, и сверхъ того долженъ означать въ свидѣтельствѣ своемъ: число бревень, годныхъ къ строенію или распилкѣ, число накатника или рѣшетника и число сажень дровъ, пней и хвороста кубическими сажнями; безъ сего же свидѣтельства задѣльная плата произведена быть не должна.

30) Засвидѣтельствованіе требованія оканчивать не позже 1 числа наступающаго мѣсяца, дабы баталіонъ получилъ плату въ положенное время.

31) Офицеру, за расчисткою наблюдающему, вестъ рабочіе журналы, въ коихъ, по прошествіи каждой недѣли, означать: 1) сколько

расчищено десятинъ; 2) сколько собрано мѣстныхъ матеріаловъ; 3) сколько рабочихъ людей находилось при работѣ и 4) сколько слѣдуетъ имъ задѣльной платы, и ежемѣсячно представлять по командѣ въ главный штабъ Его Императорскаго Величества по военному поселенію выписку изъ онаго по формѣ подъ литерою В, которая и будетъ служить отчотомъ объ успѣхѣ въ производствѣ порученныхъ ему работъ.

32) По окончаніи годового производства работъ, журналъ сей представлять чрезъ дивизионнаго квартирмейстера къ корпусному оберъ-квартирмейстеру, который, равно какъ и дивизионный квартирмейстеръ, должны повѣрить и скрѣпить оные, и вмѣстѣ съ общемо отчетною вѣдомостію, по формѣ подъ литерою В, представить въ оригиналѣ къ 1 декабря оберъ-квартирмейстеру главнаго штаба Его Императорскаго Величества по военному поселенію, для доклада начальнику штаба.

33) Несходствіе въ требованіи съ журналомъ остается на отвѣтственности того, къмъ требованія засвидѣтельствованы по § 29.

34) По окончаніи работы, весь строевой и дровяной лѣсъ, пни и хворостъ, собранные въ теченіе лѣта на расчищенномъ пространствѣ, сдаются по шнуровой тетради, отъ корпуснаго оберъ-квартирмейстера данной, въ полковой комитетъ того полка, округу коего принадлежитъ сіе пространство, и квитанція въ приѣмъ оныхъ будетъ служить баталіонамъ для полученія задѣльной платы за строевой и дровяной лѣсъ по § 25 сего положенія.

35) Копіи сихъ квитанцій представляются чрезъ корпуснаго оберъ-квартирмейстера въ главный штабъ Его Императорскаго Величества по военному поселенію.

36) Строевой и дровяной лѣсъ свозится съ линіи по назначенію начальства, а хворостъ и пни передаются въ завѣдываніе ротнаго командира той поселенной роты, для которой расчистка производилась, и обращаются на отопливаніе домовъ военныхъ поселенцевъ; мелкій же хворостъ, негодный на отопливаніе, по совершенной свозкѣ всѣхъ прочихъ лѣсныхъ матеріаловъ, должно въ весеннее время раскидывать по полямъ и сжигать вмѣстѣ съ щепками и другимъ валежникомъ, для удобренія земли.

37) Правила при сваливаніи деревъ: 1) каждый баталіонъ, на работу выступающій къ вырубкѣ и сваливанію деревъ, долженъ имѣть по два каната пеньковыхъ, крѣпкихъ, толщиною въ окружности въ три дюйма, длиною въ 40 сажень; 2) при подрубаніи корня дерева или пня, наблюдать, чтобы люди не были разставлены на слишкомъ близкое одинъ отъ другого разстояніе и не могли повреждать одинъ другого; 3) прежде чѣмъ приступитъ къ сваливанію дерева, нужно удостовѣриться, что оно хорошо подрублено и окопано; ибо если дерево дурно подрублено, то на сваливаніе онаго потребуются больше людей и сверхъ того будетъ портиться канатъ отъ усиленнаго дѣйствія, 4) деревья сваливать, какъ скоро они подрублены, ибо можетъ случиться, что они, по слабости грунта, или по сильному по-

рыву вѣтра, упадутъ и подвергнутъ опасности жизнь рабочихъ людей; въ особенности же запрещается, чтобы люди не уходили съ работы, оставя подрубленное дерево несваленнымъ; 5) во время сильныхъ, а особенно порывистыхъ вѣтровъ, большихъ деревьевъ не подрубать и не сваливать, а оставлять ихъ до удобнѣйшаго времени, производя расчистку находящихся между оными пней и прочаго лѣса; 6) во время сваливанія большого дерева, непремѣнно наблюдать, дабы на разстояніи 20 сажень кругомъ онаго людей не было, и чтобы канатъ, конемъ дерево сваливается, имѣлъ длину не менѣе 40 саж., такъ, чтобы при паденіи дерева вершина онаго немогла задѣть тѣхъ людей, которые канатомъ его тянутъ; 7) при поступленіи баталіона къ вырубкѣ лѣсовъ, въ теченіе первой недѣли работы, должны находиться при оной: баталіонный командиръ, ротные начальники и унтеръ-офицеры.

38) Баталіонъ, окончившій свой урокъ, выступаетъ осенью на зимнія квартиры, хотя бы время, назначенное для работъ, и не кончилось; а чтобы послѣ 1 октября не оставались недоконченные уроки, за сямъ наблюдаетъ офицеръ, расчисткою завѣдывающій.

39) По мѣрѣ производства расчистки офицеръ, за оною наблюдающій, снимаетъ мѣсто положеніе на планъ, означая какъ топографическіе предметы, такъ пашни, сѣнокосы, дуга, временные каналы и канавы; а крутые горы, покатоги и овраги, по которымъ не могутъ производить распашки земли, означаетъ кистью; масштабомъ для плана принимается англійскій дюймъ въ 100 сажень.

40) Въ продолженіе расчистки и съемки полей, офицеръ за расчисткою наблюдающій, обще съ дивизионнымъ квартирмейстеромъ составляютъ проектъ каналамъ, которые, для осушенія низменныхъ и болотистыхъ мѣстъ, вновь проведены должны быть. Въ такихъ мѣстахъ, гдѣ мѣстоположеніе ясно показываетъ направленіе для осушительныхъ каналовъ, тамъ проектъ сей составляется безъ нивелированья; но гдѣ мѣстоположеніе не имѣетъ яснаго наклона, тамъ, по приказанію оберъ-квартирмейстера, офицеръ, за расчисткою наблюдающій, производитъ нивелировку, и уже по ней составляетъ проектъ каналамъ.

41) При составленіи сего проекта имѣтъ въ видѣ слѣдующія правила...

И опять правила, правила и правила, числомъ семьдесятъ два. Какъ хорошо все выходило на бумагѣ! Въ какомъ дивномъ порядкѣ раскладывались бревна, дрова, пни и даже сучки срубленнаго лѣса. Сколько заботливости о томъ, чтобы человекъ не порубилъ себя чого-нибудь топоромъ или бы не убило кого деревомъ; а о томъ, что люди осенью мокли подъ дождемъ и дрогли отъ холода и не смѣли даже огня разводять, чтобы погрѣться, не подумали: впрочемъ въ этомъ ихъ извинить можно; писавши правила въ теплой комнатѣ при всемъ комфортѣ, развѣ

можно помнить о дождѣ и холодѣ? Солдаты сами пополняли недостатки правилъ, разводили огни, гдѣ хотѣли, жгли, что вздумалось и раскладывали лѣсные матеріалы по своему. Смотрѣть ѣздить эту работу охотниковъ не было, только несчастный дежурный офицеръ полеживалъ на пнѣ, покуривалъ трубочку, да подгоняя солдатиковъ, чтобъ какъ-нибудь оборониться отъ скуки. Планы писались на квартирѣ съ общаго плана; а столбы ставились тогда, когда все было готово и когда по углаженнымъ и укатаннымъ дорогамъ ѣхалъ начальникъ военныхъ поселеній осматривать. Лѣсъ пропадалъ и гибъ, и не смотря на громадное количество его, Богъ вѣсть по чему,—его сплошь покупали въ Новгородѣ, какъ это видно изъ отчетовъ отдѣльныхъ начальниковъ по инженерной части и по лѣсопильному заводу. Тутъ ужъ такъ мудрено, что и не разобрать. На лѣсъ израсходовано при постройкѣ поселеній нѣсколько миліоновъ! Поля разбивались по плану такими людьми, которые никогда не видали въ натурѣ того мѣста, которое разбивали на планѣ, да и о земледѣліи врядъ-ли имѣли какое понятіе; потому, поля шли нодъ рядъ—подъ нумерами,— на землю не было обращено вниманія годна-ли или не годна. Нивелировку дѣлали исправно. Срывали возвышенности и заравнивали ямы,— т. е. плодородную землю снимали и зарывали въ ямы. Земля вывѣтривалась, истощалась, дошло до того, что въ бывшемъ третьемъ округѣ въ сороковыхъ годахъ отдавали по нѣскольку сотъ десятинъ въ арендное содержаніе по *пяти комплекзъ серебромъ за десятину въ годъ!* И на это охотниковъ не было. А всего только за пятнадцать верстъ отъ Новгорода, если еще не ближе. Дѣйствительно, трудно было и придумать, что дѣлать съ такой землей, на которой и трава не росла! А было время, что на этомъ самомъ мѣстѣ росъ лѣсъ сосновый и еловый вершковъ по шести въ діаметрѣ!

Скучно и тяжело говорить объ этомъ!

Пока я читалъ правила, писарь накрылъ на столъ,—постлалъ толстую скатерть, положилъ двѣ деревянныя ложки и въ глиняную чашку налилъ щей.

Отъ хлѣба соли грѣшно отказываться; надо обидѣть русскаго человѣка, если уйти отъ него, когда уже поданы щи на столъ и онъ усердно просить. Надо было поѣсть щей изъ зеленого капустнаго листья, крупно накрошеннаго съ гречневой крупой и заправленныхъ коноплянцмъ масломъ, да гречневой крутой

каши съ тѣмъ же коноплянымъ масломъ, постный день былъ. Это вѣдь еще хорошій обѣдъ исправнаго крестьянина! Послѣ обѣда я купилъ у писаря всѣ книги за рубль серебра и потащился съ ними опять на Собачьи Горбы.

Поромъ и лодки были на той сторонѣ, я сѣлъ на камняхъ, гдѣ человекъ три крестьянъ тоже поджидали перевоза. Бойко подѣхалъ къ намъ еще крестьянинъ на телѣгѣ. Онъ соскочилъ съ телѣги и козыремъ подошелъ къ крестьянамъ; выпито было у него изрядно.

— Куда это ты Петруха? спросилъ его одинъ изъ сидѣвшихъ крестьянъ.

Петруха махнулъ рукою на другую сторону рѣки и крикнулъ во все горло «поромъ!»

— Съ праздника, что ли ты ѣдешь, вишь носъ-то себѣ какъ наварилъ? спросилъ Петруху крестьянинъ.

Тотъ опять махнулъ рукой.

— Что же ты ничего не говоришь? Аль языка у тебя нѣтъ? опять спросилъ его крестьянинъ.

Петруха выворотилъ ему весь свой языкъ наружу.

— Чего ты *изиллешься*, съ тобой добромъ говорятъ, сказалъ ему крестьянинъ.

— Да видишь тебѣ языкъ мой понадобился; а горя моего ты не знаешь, отвѣтилъ Петруха.

— Какое у тебя горе? Бога-то гнѣвить тебѣ нечего, всѣмъ Богъ наградилъ!

— А кто добывалъ? Я, говорилъ Петруха, колотя себя по груди кулакомъ. А вотъ поѣду и все пропью, и лошадь пропью и телегу пропью! Вотъ, ей Богу, пропью. Вотъ тѣ Христось! пропью.

— Никого не укоришь этимъ.

— Нѣтъ укорю! Я все нажилъ, мое добро! Съ утра до темной ночи работалъ, рукъ не опускалъ. Видишь какой *животъ* у меня,—Петруха указалъ на лошадь,—дома пара еще лучше этой, и тѣхъ пропью, коли на то пошло!

— Да съ чего ты такъ *ерепенишься*?

— Будешь *ерепениться*, когда моимъ добромъ помыкать стали. Такъ вотъ имъ... Въ сундукѣ пятьдесятъ рублей есть—и тѣ пропью, коли на то пошло! Видишь, рубаха не рубаха,—штаны не штаны; а онъ только по посѣдкамъ знаетъ ходить, да разгуливать; а Петруха батракомъ служить. Ты Митюшку-то,

брательника моего, знаешь? Петруха наклонился къ самому носу крестьянина, который разговаривалъ съ нимъ и снова выпрямился.

— Знаю, отвѣчалъ ему крестьянинъ.

— Ну такъ и знай! А я раздѣлюсь, коли вздумали мнѣ добромъ распорядиться.

— А грѣхъ-то? Тебѣ и не грѣшно будетъ на старости лѣтъ отца оставить, что выросилъ тебя, да на ноги подналъ. Э—эхъ Петруха, Петруха!

Петруха заплакалъ.

— Головушка моя горемычная, горемычная—да побѣдная, обижаютъ меня всѣ, и за что? за доброе, за стараніе!—причиталъ Петруха, захвативши руками себя за голову.

— Съ чего это онъ? спросилъ сосѣдъ говорившаго съ Петрухой крестьянина.

— Ни съ чего. Аль не видишь, что пьянъ. *Тверезвый* мужикъ золотой, а какъ выпьетъ и пойдетъ *привередничать*.

Подали лодку; мы поѣхали на ту сторону, а Петруха остался на берегу оплакивать свою горькую судьбу и такъ сильно, что на другой сторонѣ было слышно, какъ онъ охалъ.

Разсказъ подводчика. — Каменный штабъ. — Кто строилъ и какъ строилось. — Приказъ Аракчеева. — Къ кому расположены крестьяне. —

Встрѣча стада. — Большуха. — Солдатчина. — Васька и Фединька.

— *Кусомъ* везетъ лошадь, какъ, все-равно, и человекъ, говорилъ мужикъ, съ которымъ я ѣхалъ въ телѣгѣ на маленькой чахой лошаденкѣ.

— Еще ребенокъ, продолжалъ мужикъ, стегнувъ легонько кнутомъ по спинѣ лошадь,—на четвертую траву только пошла. Добрая бы вышла изъ ней лошадь, если бы не пошибли тѣла, одна стала, *отдыху* нѣтъ; а работы въ волю.

— Отчего же другой не заведешь? спросилъ я.

— Была тройка, да Богъ не помиловалъ. Время-то пришло такое тяжелое: вотъ посѣялъ прошлой весной овса десять четвертей, а и шести не намолотилъ, чтобы хоть въ *магазею* долгъ отдать. Не родились овсы и конямъ дать нечего. Нашъ первый домъ былъ въ деревнѣ, пока дядя живъ былъ, да не продлилъ Богъ ему вѣка. И точно чувствовалъ что. Знай торопился, будто на пожаръ, не далъ и коня выкормить, а и въ самомъ дѣлѣ сгорѣлъ.

— Гдѣ же онъ сгорѣлъ?

— Въ слободѣ на большой дорогѣ. Онъ знаешь, телятами торговалъ. Весной было дѣло: поѣхали мы боронить, а онъ остался справляться въ дорогу; да не разсудилось ему ѣхать на той лошади, что у цыганъ вымѣняли—ногами плоха была—а лошадища большая такая. Приѣхали мы... и говорить намъ, запрягайте ребята. гнѣдка въ возъ; а самъ торопить, и покормить, какъ слѣдуетъ, не далъ. И куда торопился? словно *смередушку* свою *чулл!* Строптивый гнѣдко такой былъ; закладываешь гужъ, такъ смотри, чтобы за руку не кусилъ, а нѣтъ, такъ оглоблю грызеть. А тутъ вѣдь, какъ повѣсилъ голову, да и стоитъ, какъ вкопанный. Вошли мы въ избу, сѣли, какъ слѣдуетъ проводить въ дорогу: а онъ еще этакъ ногу руками обхватилъ, болѣла она у него, и сидимъ всѣ. Вдругъ откуда не возьмись вихорь, такъ и высадилъ оконницу и чудо—не разбилась, такъ и упала на полъ; а онъ только молитву сотворилъ и поѣхалъ. Подумали мы, что ужь не къ добру должно быть; а оно такъ и случилось: сгорѣлъ сердечный.

— Какъ же онъ сгорѣлъ?

— Сгорѣлъ-то какъ? А видишь-ли: остановился онъ почевать на постояломъ дворѣ въ слободѣ на большой дорогѣ; ночью дворъ-то и загорись. Пovyскакали всѣ, и его на улицѣ-то видѣли; такъ возъ-то его былъ въ задѣ двора, а тамъ ворота были, ему знать и захотѣлось вывести возъ-то въ задни ворота, свое добро, жалко стало. Такъ и остался тамъ.

— Какъ же остался?

— Да ужь видно на то время Господь у него умъ отнял. У самыхъ воротъ наши; возъ запряженъ, какъ слѣдуетъ, и телата, и гнѣдко, и онъ сердечный лежитъ, и руки у сердца сложены. А деньги, тѣ не сгорѣли, серебра намъ отдали не много, не все; ну да Богъ съ ними! Домой хоронить привезли, на силу отпустилъ становой, пять рублей дали. Домой-то какъ привезли, онъ весь какъ головешка; и ноженъки, и пальчики обгорѣли; а тѣло хотъ и почернѣло, а все знать, что тѣло. Какъ внесли въ избу, а дѣдъ такъ и гранулся объ полъ. Такъ его и похоронили.

— Такъ вы и перестали торговать телятами?

— Теперь-то бросили, не до того. Послѣ него отецъ читорговалъ еще, да норовъ у него дурной такой, вотъ и по разсывалъ домъ. А домъ былъ первый въ деревнѣ. Къ празднику бывало наваримъ пива ведеръ полста, водки четвертой семь купимъ,

морода большая у насъ; понайдутъ зятевья и дядевья, посто-
ронницы наберется... всю ночь на пролетъ пьютъ... у другого
такъ пальцы и ростопырятся.

— А теперь пиво варите къ празднику?

— Оно все справляешь, какъ-нибудь, изъ послѣдняго. Вотъ
хоть бы и весной, къ празднику кое-какъ пораздобылся. Пора-
дился съ бурлаками до Полисти, — версть сорокъ будетъ. Такъ
и то сосѣдъ хотѣлъ отбить, въ домъ приполъ, жеребьемъ давай
бросимъ. «А какой тебѣ жеребій, — говорю — они вѣдь сами ко
мнѣ пришли». — Они меня на улицѣ рядили, да дорого запросилъ
съ нихъ; а теперь и самъ по три гривенника съ человекъ по-
везу, — говоритъ. Насилу съ нимъ развязался. Ну и наколотилъ
деньжонокъ, и праздникъ провели съ полведеркомъ только.

— Вотъ вы все на праздники деньги убиваете, а лучше бы
на хлѣбъ берегли, чтобы посѣяться.

— Ну посѣяться-то изъ *маазей* дадутъ, только отдавать тя-
жело.

— Взялъ, такъ отдать надо.

— Отчего же не отдать, дѣло законное, да не берутъ еще;
иной разъ три привезетъ, да и назадъ отвезетъ. Все бракуютъ,
все, видишь, требуютъ, чтобы зерно чисто было. Какъ приве-
зешь, такъ депутатъ забьетъ руку въ мѣшокъ, посмотреть зер-
но; а если хоть немножко пыли на ладони останется, то и ве-
зи назадъ и вѣй снова на гумнѣ; замучаютъ совсѣмъ.

Мы подъѣхали къ каменному штабу. Я сошелъ съ телеги и
далъ мужику два двугривенныхъ.

— Маловато, прибавить бы надо было, говорилъ мужикъ, по-
сматривая на деньги, лежавшія у него на ладони.

— Да за что же, любезный? Провезъ ты меня пять версть
только, и то по-пути, даромъ бы сюда одинъ проѣхалъ. Вѣдь
бурлаковъ-то за девяносто копѣекъ сорокъ версть возилъ.

— Ну, то бурлаковъ, они вѣдь больше и не платятъ и пора
была не такая: деньги нужны были. Да коли не прибавишь,
такъ Богъ съ тобой, силой не отнимать же.

Дорога у штаба была обсажена въ два ряда липами, а за ни-
ми деревянныя конюшни; въ штабу квартируетъ кавалерійскій
полкъ. Штабъ расположенъ четверугольникомъ, по срединѣ ог-
ромный плацъ, обсаженный липами и по всѣмъ четыремъ сто-
ронамъ построены каменные дома въ два этажа съ третьимъ
подвальнымъ. На одной сторонѣ тянется огромный каменный

манежъ, замыкаемый съ обѣихъ сторонъ большими домами, бывшими госпиталемъ и школою; посредникъ его выступомъ устроена церковь. Архитектура штабныхъ построекъ не очень привлекательна, къ тому же всѣ дома красные. Оно не мудрено, что постройки имѣютъ такой непривлекательный видъ; а чудно то, что они до сихъ поръ не развалились. Главные строители не имѣли и понятія объ инженерномъ искусствѣ, какъ сами сознаются, а работники были вовсе не знающіе дѣла, да и матеріалъ то былъ очень подозрительнаго достоинства, какъ объясняютъ это слѣдующія два письма.

«По рассказамъ каменнаго мастера, (пишетъ Ѳ. Вухмейеръ Аракчееву о постройкѣ штаба аракчеевскаго полка) узналъ я, что для большого корпуса, т. е. экзерцизгауза (манежа), не имѣя для фундамента плиты, на булыжникѣ строить не возможно. Притомъ свинарѣцкую извѣсть не находятъ для большого корпуса годною; а полагаютъ, нужна будетъ тосненская. То разсудите, если все сіе возить изъ Тосны, чего эго будетъ стоить? Я нарочно приглашалъ къ себѣ тосненскихъ промышленниковъ, чтобы узнать отъ нихъ цѣну, услышалъ, что когда заготовляла для себя Стр—ая извѣсть, для ея деревни, что за Тосною пятнадцать верстъ, платила съ поставкою на мѣсто за сажень извѣсти отъ 450 до 480 руб. (ассигнаціями) и возила не болѣе, какъ сорокъ верстъ. (До аракчеевскаго штаба отъ Тосны будетъ волою верстъ двѣсти пятьдесятъ). Генералъ Вильяшевъ мнѣ объявилъ, что за плиту, которую онъ долженъ вывозить на большую дорогу, придется платить за сажень одной перевозки за пятнадцать верстъ отъ сорока и пятидесяти рублей (ассигнаціями). Наша же потребность одного большого корпуса есть около *пяти сотъ сажень плитъ* не говоря о цоколѣ, да *до тысячи сажень извѣсти*, то разсудите сію издержку. Добрый старикъ Р..... уговорилъ въ вчерашній день первѣйшихъ здѣшнихъ промышленниковъ купца Меньшущкина и Андреева, взявъ рабочихъ людей, поискать, нѣтъ-ли около Чудова (до тридцати пяти верстъ сухимъ путемъ до штаба) плиты годной; ибо онъ полагаетъ, коли въ рѣкѣ Керести есть тонкая плита, то дальше отъ береговъ должна быть и толстая, годная на строеніе и на извѣсть... Одной милости отъ васъ прошу, забудьте меня отъ комитета и строенія штаба; я не могу за то отвѣчать, чего не умѣю слѣлать, и я лучше хочу, будучи теперь невиненъ, подвергнуться гнѣву Государа и быть брошенъ (sic) отъ службы, нежели тогда, когда настрою и будетъ все валиться настроенное дорогими цѣнами. Тогда предадутъ меня суду, яко вора и нерачительнаго человѣка, и подѣламъ! Почему взялся за то, чего не смыслишь и обнять не можешь. Я повторяю мою просьбу и если же мое здоровье Васъ интересуетъ, въ чемъ никогда не сомнѣвался, то одной сей милости прошу—забудьте меня сей очевидной для меня гибели, я клянусь Вамъ, почтеннѣйшій благодѣтель, что уже нѣсколько ночей провожу въ

безсонницѣ; воображу себѣ только то, что я долженъ буду *милліоны убить денегъ* и дѣлать то, чего не знаю и быть за то въ отвѣтственности, сіе тяжело по нынѣшнимъ временамъ взять что-либо на свою отвѣтственность; а паче тогда, когда сего не знаемъ.

1817 г. ноября 16 дня С. П. Б. Ө. Бухміеръ.

Вотъ другое письмо другого строителя, съ болѣе рѣшительнымъ характеромъ.

«Сіятельнѣйшій графъ, милостивѣйшій государь!

Работы здѣшнія производятся съ возможнымъ успѣхомъ по имѣемымъ способамъ.

Въ штабѣ (аракчеевскомъ) цоколь школы и госпиталя, у стѣны эзерцизгауза къ Волхову обращенной, болѣе третьей доли цоколя сдѣлано.

Въ строеніи каменномъ положено кирпича въ стѣны *два милліона четыреста тысячъ*, на работѣ находятся *дѣвяти тридцать семь человекъ*, изъ которыхъ мастеровыхъ только *шестьдесятъ одинъ*! Завтряннаго дня прибавятся *десять* каменщиковъ, бывшихъ въ пятой ротѣ, и безъ которыхъ Александръ Христофоровичъ обойтись не можетъ, какъ онъ самъ сказалъ, да *учениковъ* прибавится *тридцать семь* и будетъ на работѣ *дѣвяти восемьдесятъ четыре*; въ день будутъ класть *по пятидесяти по три тысячи кирпича*, что составитъ,—полагая, что еще можно будетъ работать тридцать пять дней, что весьма много по причинѣ краткости дней и ненастья, и что можно будетъ прибавить довольно учениковъ, что замѣнитъ *убыль не минуемо отъ болъзней*, и выпесказанныя два обстоятельства,—то положить еще *милліонъ восемьсотъ пятьдесятъ тысячъ*, что съ положенными уже въ дѣло составитъ *четыре милліона дѣвяти пятьдесятъ тысячъ*. Слѣдовательно, *едва можно будетъ отдѣлать какъ два жилища строенія, т. е. школу и госпиталь!* а церковь и эзерцизгаузъ останутся до будущаго лѣта. Въ семъ никакого разстройства не произойдетъ, если только не истощится запасъ кирпича. но не предположатся работы, на которыя уже отпущено и заготовлено болѣе *пятьсотъ тысячъ*: ибо если зимою подвезется кирпичъ къ штабу, то можно будетъ начать работы *шесть недѣль ранѣе*, нежели въ нынѣшнемъ году. Въ такомъ смыслѣ имѣлъ я докладывать вашему сіятельству, что лучше нѣкоторыя строенія не додѣлать и обойтись безъ *вольныхъ мастеровъ*. Если я послѣ того просилъ о наймѣ таковыхъ, сіе было единственно для того, *чтобы лучше могли научиться наши мастера*, и въ семъ уваженіи просилъ бы еще о наймѣ хоть осьми человекъ *для указанія нашимъ мастерамъ* на два мѣсяца; но если, ваше сіятельство, найдите позволите, что издержка сія будетъ, *то обойдемся и безъ нихъ*. Выше сего имѣлъ честь докладывать, что оставленіе не жплыхъ строеній не будетъ имѣть послѣдствіемъ разстройства въ работахъ будущаго года, сіе основывается на томъ, что кромѣ главнаго штаба, по предназначенному улучшенію въ корпусахъ офицерскихъ, на всѣ строенія не понадобится болѣе *осьми милліоновъ кирпича*, нужно будетъ

выкласть *въ годъ по осьми милліонноѣ*, что возможно будетъ; ибо, начавъ вытѣшняго года съ половины уже рабочаго времени можно надѣяться положить *слишкомъ четыре милліона* и что если съ одной стороны можно опасаться менѣе благовременнаго времени, съ другой болѣе успѣшности въ дѣлѣ. Кирпича сдѣлано сырцомъ *девять милліонноѣ*. Дрова начинаютъ приходить. Известь (свинорѣцкая) пришла въ Новгородъ, противные вѣтры и нынѣ продолжаютъ причиною великаго промедленія въ сей операціи. Едва-ли суда (казенные воен. пос.) сдѣлаютъ еще два рейса и предположенная вывозка извести не вовсе исполнится. Работы въ 6-й ротѣ идутъ успѣшно; но г. м. Эймеръ боится остановки, если не подоспѣютъ бревна и доски (изъ Новгорода). Артиллеристы приступили къ дѣлу и работаютъ хорошо и весело. Юня 20, 1819 г. Л. Каироберъ.

А насъ удивляютъ египетскія пирамиды и работы!! Кто же были рабочіе и откуда ихъ набирали? На это я нашолъ отвѣтъ въ одной изъ купленныхъ мною книжекъ у отставнаго писаря. Вотъ онъ.

«Приказъ по отряду корпуса поселенныхъ войскъ въ новгородской губерніи расположенному. С. П. Б. марта 10 дня, 1827 года, № 27-й» Не выписываю всего здѣсь приказа, онъ состоятъ изъ 24 пунктовъ и будетъ почти печатный листъ; пожалуй кто-нибудь вступится за литературную собственность, хотя творецъ его давно умеръ; приказъ подписанъ Аракчеевымъ.

Въ округахъ графа Аракчеева полка 25-й пѣхотной дивизіи.

На кирпичные заводы 1-й, 2-й и 4-й морскіе батальоны. Въ каменную работу къ строеніямъ штаба 3-й морской батальонъ. Для подноски кирпича и прочихъ валовыхъ работъ устройства штаба 1-й и 2-й егерскіе батальоны. Инженеръ-капитану Детлову съ разрѣшенія директора работъ военныхъ поселеній, въ случаѣ надобности, для распиловки досокъ, кои потребны будутъ при отдѣлкѣ штабныхъ строеній, употреблять людей по своему распоряженію сколько нужно, изъ числа же батальоновъ, назначенныхъ выше къ строенію штаба, а пилы требовать отъ временнаго члена полковаго комитета гренадерскаго графа Аракчеева полка полковника Мевеса; для успѣшнѣйшаго же приготовленія сихъ досокъ и удовлетворенія надобности въ нихъ, назначенъ въ сію работу на весь *апрѣль мѣсяць*, по особому предписанію, еще одинъ батальонъ.

2-й гренадерской дивизіи.

Для планировки мѣстоположенія штаба и выгрузки матеріаловъ—московскій и тавричeskій гренадерскіе и 3-й карабинерный батальоны. Къ отдѣльнымъ работамъ 4-й карабинерный батальонъ. Къ отдѣлкѣ бульваровъ, улицъ и мостовъ въ 5-й и 6-й фуземерныхъ ротахъ, гренадерскихъ артиллерійскихъ бригадъ, три батареинныя парочныя роты—№ 4-й

Биваки сихъ войскъ должны быть на слѣдующихъ мѣстахъ: ба-

таліоновъ 25-й пѣхотной дивизіи, противу строенія штаба, гдѣ были расположены въ истекшемъ году баталіоны 1-й и 4-й морскіе, 2-й егерской. Военно рабочій баталіонъ № 7-й и команда кирпичниковъ, и прочія на лѣвомъ флангѣ 4-й *бузерн* роты и т. д.

17) Требования задѣльной или валовой платы, какъ равно и довольствіе пищею, и отвѣтственность за оное баталіонныхъ и бригадныхъ командировъ остается во всей силѣ на правилахъ предписанныхъ и исполнявшихся въ истекшемъ году и т. д. Подлинный подпсалъ генералъ графъ Аракчеевъ.

Изъ этого приказа взято только то, гдѣ говорится о войскахъ, употребляемыхъ на работы одного каменнаго штаба; а если перечислить всѣхъ солдатъ, занимавшихся постройками штабовъ и поселенныхъ ротъ, устройствомъ дорогъ и расчисткою полей, то наберется ихъ до *пятидесяти тысячъ* и всѣмъ имъ шла задѣльная плата, а офицерамъ порціонныя! Сколько же было израсходовано денегъ на устройство военныхъ поселеній и на матеріалы, если къ этому прибавить еще расходъ на переписку и прогоны служащимъ... А что отъ этого осталось? Каменные штабы, очень неудобные для стоянки войскамъ! Слова Сперанскаго *fumus ex fulgore* невольно приходятъ... на память.

Красивая деревенька на крутомъ берегу Волхова манила къ себѣ, да и дальнѣйшая розысканія по штабу не вели ни къ чему утѣшительному; я поплелся въ деревню.

Потертое пальто и котомка за плечами располагали въ мою пользу крестьянъ; они принимали меня за странника по монастырямъ и не отказывали въ гостепріимствѣ. Странное дѣло, наши крестьяне не питаютъ довѣрія и расположенія къ людямъ чисто и щеголевато одѣтымъ особенно во фракъ и модный сюртукъ. Оборванцы напротивъ пользуются у нихъ искреннимъ участіемъ, особенно если стараются зарекомендовать себя предъ ними наружною набожностью. Вотъ почему у насъ на Руси есть много людей, толкающихся безъ всякаго дѣла и имѣющихъ вездѣ теплый пріютъ и радушный пріемъ. Миѣ не разъ случалось видѣть людей, которые дальше Кіева не бывали; а выдавали себя за поклонниковъ іерусалимскихъ и дивныя, небываемыя вещи рассказывали безъ зазрѣнія совѣсти. Надобно видѣть, съ какимъ простосердечіемъ и любопытствомъ слушаетъ крестьянинъ рассказы этихъ безнравственныхъ бродягъ, чтобы оцѣнить наивность нашего крестьянина.

Былъ вечеръ, когда я пришелъ въ деревню; крестьяне воз-

вращались съ работъ, скотъ подходилъ уже къ околицѣ. Хозяйки выбѣгали изъ воротъ, встрѣтить скотину. Густое облако пыли носилось надъ стадомъ овецъ, впереди прочаго скота бѣгущихъ къ деревни. Только что овцы вбѣжали въ деревню, бабы, дѣвки и ребятишки кинулись къ нимъ, поднялся гвалтъ и суматоха, всякому хотѣлось захватить своихъ овецъ и пригнать во дворъ. Овцы, испуганныя встрѣтившими ихъ, разбѣжались въ стороны съ блеяньемъ, за ними кинулись хозяева, призывая во все горло; многія бабы старались поймать ихъ, спотыкались и падали, ребятишки во всю прыть гнались за овцами вдоль улицы, нѣкоторыя бабы успѣли схватить барановъ за рога и волокли ихъ по улицѣ къ дому, точно верхомъ ѣхали на нихъ. Пока гонялись за овцами, подошло стадо коровъ, та же исторія повторилась снова, многія коровы, а особенно телата, испуганныя встрѣчей, неслись во всю прыть по улицѣ поднявши хвостъ къ верху. Картина была очень оживленная, много было смѣшныхъ сценъ, неудобныхъ для передачи на бумагѣ. Понемногу все пришло въ порядокъ и послышался на улицѣ мѣрный стукъ молотка, которымъ крестьянинъ отбивалъ затупившуюся косу.

Много надо имѣть навыка, чтобы молоткомъ, похожимъ на кирку, искусно отбить лезвее косы, чтобы сдѣлать ее острою и заравнять зубья, которыхъ много надѣляется на косѣ отъ цѣлдневнаго кошенія травы.

Мнѣ приглянулся домъ на самомъ краю деревни, у ручья; наружность его была очень скромна, я попросился и меня впустили безъ всякаго затрудненія

За столомъ покрытымъ толстою скатертью, въ переднемъ углу сидѣлъ старикъ и малъ зеленый лукъ, накрошенный въ деревянную чашку, деревяннымъ пестомъ. Вотъ помолились Богу мужикъ лѣтъ сорока и еще двѣ бабы равныхъ лѣтъ, и сѣли за столъ. Меня пригласили тоже. Старикъ въ мятый лукъ налилъ квасу, посолилъ, отрѣзалъ всѣмъ по толстому ломтю хлѣба и начали ужинать. Не было никакой возможности ѣсть эту похлебку: кромѣ неприятной горечи отъ лука, квасъ былъ теплый и до того кислый, что щипалъ во рту; а они только покрякивали и ѣли не безъ аппетита. Потомъ *большуха*, — надо здѣсь замѣтить, что большухою въ этомъ краю называется старшая невѣстка въ домѣ, управляющая хозяйствомъ по части женской, т. е. страшной и уборомъ молока, яицъ и прочаго,

что подлежить вѣденію женщинъ, — эта большуха встала и принесла горячихъ щей, въ которыхъ было только нарублено сѣрое кауустное листье. Ужинъ тѣмъ и кончился; мнѣ отвели ночлегъ на сараѣ, гдѣ лежало свѣжее, недавно сваденое сѣно.

Въ два часа утра заигралъ пастухъ на рожкѣ; на его музыку отозвались собаки лаемъ и воемъ, коровы тихимъ мычаніемъ. Бабы уже суетились съ подойниками на дворѣ и беребѣгали отъ одной коровы къ другой. Въ избѣ хозяинъ завтракалъ: ѣлъ съ хлѣбомъ творогъ, разведенный водой, что называется у нихъ — *лаженое молоко*; старикъ сидѣлъ въ углу; ему было лѣтъ во-семьдесятъ.

— На будущей недѣлѣ надо будетъ прихватить кого, а то Лабутинной нивы мнѣ не одолѣть будетъ одному, говоритъ мужикъ, прихлебывая молоко.

— Отчего же и не прихватить, отвѣчатъ старикъ, сходи завтра въ штабъ, да проси солдата, что косилъ ономясь.

— *Косовищъ* на него не надюжишь, здоровъ ихъ ломать; а подь-часъ и коса пополамъ у него разлетится. Видишь какой онъ здоровенный, а сноровки нѣтъ, на нивѣ-то пеньковъ много.

— Такъ кого же взять?

— Не собрать-ли помочи въ воскресенье?

— Помочи... не прежняя пора, когда шли для добраго дѣла только. Теперь знаешь, все смотрять, чтобы вино было, да еще до сыти напиться; а ты знаешь, сколько нужно вина, чтобы ихъ до сыти напоить? Двумя полштофами и не думай отдѣлаться отъ нихъ. Нѣтъ, ужь лучше пованимать дня три, хоть по трехрублевому дать за день, все выгоднѣе будетъ помочи.

Мужикъ всталъ изъ-за стола и помолился Богу.

— Ты Марѳу-то съ Авдотьей *моторомъ*, чтобы онѣ поскорѣе справлялись, вишь день-то красивый какой; а кучья много сегодня ставить надо, сказалъ мужикъ и ушолъ на работу.

Мы двое остались въ избѣ.

— Это сынъ твой, должно быть? спросилъ я старика.

— Да, было и много ихъ, да судилъ меня Господь только съ однимъ остаться на старости. Пятеро всего было.

— Гдѣ же они теперь?

— Трое-то умерли; а четвертый, Богъ его знаетъ, живъ-ли

мертвѣй-ли, ничего не извѣстно. Мы ужь и молебны и панихиды по немъ служили; а до сихъ поръ вѣсточка нѣтъ.

— Что же онъ на промыслы куда отправился?

— Въ службу былъ отданъ, заслали далеко куда-то. Писалъ годовъ пять тому назадъ, съ Польши, да съ тѣхъ поръ ни слуху, ни духу. Вотъ младшая невѣстка—Авдотья, жена его, заѣли вѣкъ бѣдной бабы, ни вдова, ни мужья жена. Была семья, любо было посмотрѣть, а теперъ вотъ съ кѣмъ остался. Знать мнѣ ужь такъ на роду было написано. Сыновья всѣ были у меня погодки, парни *разіе* такіе. Какъ поднялись на ноги, такъ одного и взяли въ солдаты, старшій былъ, послужилъ сердяга три годочка и померъ, въ гвардіи служилъ, въ Питерѣ. Прошло пять лѣтъ и другогó взяли, вотъ того-то, что вѣсти нѣтъ, пришла холера, взяла еще двоихъ. Такъ и остался я съ однимъ Никифоромъ жить. Не благословилъ Богъ его дѣтьми; ино и порончешь, а ино и подумаешь, что и слава Богу: съ сыновьями-то видишь наша участь какаая,—ростишь, ростишь, а все тебѣ кормильцемъ не будетъ, да и сердце новыболитъ все по немъ, какъ попадетъ на службу въ чужую сторону. Вотъ одиночкамъ-то лучше жить; у кого только всего одинъ сынъ, заботы ужь никакой нѣтъ, что возьмутъ сына въ солдаты.

— Надобно же, дѣдушка, и въ солдатахъ служить кому-нибудь.

— Вѣстимо, надо кому-нибудь служить, знать нужно солдаты царю; да обидно только, что иной сосѣдъ вѣкъ тягости этой не знаетъ, изъ поконвѣку у него идетъ такъ, что все приходится только отецъ съ сыномъ; а мы-то чѣмъ Богу согрѣшили, что сыновей больше наростили; вѣдь мы за это льготы передъ ними никакой не получаемъ, все едино тягости несемъ: больше семья, больше и оброку и прочихъ тягостей. Такъ вотъ оно и обидно, сказалъ старикъ и пошелъ вонъ изъ избы.

За перегородкой растапливала печь Мареев, а Авдотья что-то дѣлала на дворѣ, я вышелъ на улицу и сѣлъ на лавочку у дома.

Солнышко довольно высоко поднялось, было около пяти часовъ утра, ребятишки уже бѣгали по улицѣ.

— Васька! Васька!—кричалъ во все горло мальчишка, качаясь уцѣпившись руками и ногами за высунувшійся изъ изгорода колъ, смотрика я-то какъ.

Подбѣжалъ другой мальчишка, немного побольше этого и

уцѣпился за колъ. Колъ обломился, мальчишки упали на землю, встали и задрались: первый уцѣпился въ волосы Васькѣ, а Васька далъ такую затрепину первому, что тотъ повалился на землю и заревѣлъ во весь ротъ. Высунулась старуха изъ калитки сосѣдняго дома.

— Я тебя, разбойникъ ты этакой, — кричала старуха, грозя кулакомъ, удирающему Васькѣ.

— Поди сюда, Фединька, поди родленькой! Я его уже разбойника, говорила своему внучку старуха.

— Купаться, купаться, на Волховъ! кричалъ во все горло Васька по срединѣ деревни. Фединька бѣжала уже къ Васькѣ, за которымъ толпа ребятшекъ бѣжала на рѣку.

Старуха посмотрѣла, покачала головой и захлопнула калитку.

Словесій.

ПРОШЛОЕ.

Отчего духовные воспитанники, какъ смере выводить на свѣтскую арену, тотчасъ дѣлаются отчаянными матеріалистами?
(Духъ христіанина. Ноябрь, 1861 г.)

I.

Прошлое! Какъ важно оно въ жизни человѣка, особенно важно оно въ тѣ минуты жизни, когда подъ бременемъ заботы и борьбы съ напоромъ неблагопріятствующихъ обстоятельствъ начинаешь изнемогать—терять энергію, чувствуешь какое-то нравственное разслабленіе, съ отвращеніемъ смотришь на настоящее, съ трепетомъ на будущее... Какъ отрадно и утѣшительно бываетъ *прошлое*, если въ немъ есть хоть не много жизни, хоть не много радости... Тогда весь отдаешься ему, вызываешь изъ памяти свѣтлые образы, пріятныя событія... и легче становится на душѣ, миришься съ жизнью, черпаешь новыя силы на новую, упорную борьбу, чувствуешь въ себѣ присутствіе свѣжей силы и нравственное разслабленіе исчезаетъ. Но если *прошлое* пусто, тогда остается одинъ только исходъ—ненависть и презрѣніе къ самому себѣ и ко всему, что было причиной пустоты *прошлаго*. Или крутой поворотъ въ другую сторону отъ этого *прошлаго*: но для этого надо имѣть сильную натуру, чтобы отъ этого крутого поворота устоять на ногахъ и не грануться со всего размаха на землю.

Не всегда и не со всякимъ это случается; иной всю жизнь проведетъ не оглядываясь назадъ, занятый постоянно настоя-

шимъ, для него *прошлое* — забытая книга, заброшенная куда-нибудь въ темный уголь. Что же лучше, жизнь ли въ настоящемъ безъ прошедшаго и будущаго, но за то спокойная? или жизнь полная тревоги, борьбы, страданія и огорченія съ *прошлымъ*, полнымъ самыхъ разнообразныхъ воспоминаній; съ будущимъ, въ которомъ мерцаетъ свѣтлый огонекъ, если не славы, то, по крайней мѣрѣ, признательности хоть немногихъ людей за благотворную дѣятельность. Рѣщайте сами, а мы выберемъ себѣ послѣднее; оно, по нашему понятію, лучше; хоть подъ часъ и горько бываетъ, за то и пустое иногда обстоятельство, простая книжная фраза вызываютъ васъ къ трезвому самосознанію и даютъ вамъ почувствовать, что вы живете настоящей человѣческой жизнью, а не прозябаете улиткой. Такое чувство, по крайней мѣрѣ, мы испытываемъ всякій разъ при встрѣчѣ съ такъ часто попадающимися теперь, особенно въ духовныхъ изданіяхъ, вопросомъ: «Отчего духовные воспитанники, какъ скоро выходятъ на свѣтскую арену, тотчасъ дѣлаются отчаянными матеріалистами?»

Вопросъ этотъ въ сравненіи съ тѣми вопросами, которые занимаютъ теперь литературу и публику, кажется, не очень важный; онъ касается только тѣхъ личностей, которыя выходятъ изъ духовнаго въ свѣтское званіе и еще дѣлаются матеріалистами, — немногихъ исключеній изъ всего духовнаго званія; потому это очень частный вопросъ. Стоитъ-ли имъ заниматься? Не смотря на свою частность, вопросъ этотъ заставилъ насъ оглянуться назадъ, вызвалъ изъ памяти нашей картину нашего дѣтства и молодости, проведенныхъ въ школѣ. Живо представилась намъ школа съ изрѣзанными скамейками и столами, съ грязными и мокрыми полами, съ спертымъ, сырымъ воздухомъ, вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія и хозяйственныхъ экономическихъ расчетовъ, и невольная дрожь пробѣжала по тѣлу отъ того неприятнаго чувства омерзения, съ которымъ мы встрѣчаемъ грязь и всякую неопрятность. А тогда этого не являлось; помнится, впрочемъ, въ первый разъ, когда насъ ввели въ эту школу, болѣзненно сжалось сердце и слезы закапали изъ глазъ при видѣ грязной, душной и мрачной комнаты, набитой мальчишками въ разноцвѣтныхъ халатахъ съ трепанными волосами, съ какимъ-то звѣринимъ выраженіемъ въ лицѣ. По срединѣ комнаты сидѣлъ за столомъ старій и серьезный учитель: передъ нимъ стоялъ оробѣвшій мальчикъ и, глотая слезы, нутаясь и занкаясь,

отвѣчалъ урокъ, а въ сосѣдней комнатѣ раздавалось какое-то протяжное, заунывное пѣніе голосовъ въ двадцать: «Бла-женъ мужъ, иже не и-детъ» и т. д. Но вотъ грозно сверкнули очи учителя. «Пошолъ къ печи», крикнулъ онъ, и мальчикъ слезно взмолился. Ни мольбы, ни просьбы не могли смягчить суроваго учителя; по его вызову явились четыре мальчика, взяли несчастнаго и потащили къ печи. Первое впечатлѣніе было сильно; а потомъ оно уже потеряло всю свою рельефность, ибо сдѣлалось обыденнымъ.

Сколько страху задавали эти розги, пока не побратаешься съ ними, всякій разъ морозъ обдиралъ по кожѣ и болѣзненно ныло сердце, когда раздавались визгливые крики бѣднаго товарища подъ новою и свѣжею лозою: но вотъ и самому скоро пришлось испытать это. Что я чувствовалъ въ эту пору! Не выразишь. И чего бы я не сдѣлалъ въ эту пору, чтобы избавиться отъ позорнаго и нестерпимаго наказанія? Я готовъ былъ цѣловать ноги учителя, дать самыя страшныя заклятія или выброситься въ окно, чтобы только избавиться отъ него. Но ни мольбы, ни отчаянные вопли, ни всевозможныя униженія предъ холоднымъ и суровымъ учителемъ не могли меня избавить. Послѣ этого сколько я вынесъ мученій гораздо тяжелѣйшихъ самаго наказанія. Мнѣ было стыдно стѣнъ самаго класса, и когда я шолъ по городу на квартиру, мнѣ представлялось, что всѣ показываютъ на меня пальцемъ, всѣмъ извѣстенъ позоръ мой. Два дня я не смѣлъ никому взглянуть въ глаза, боясь встрѣтить укоръ или насмѣшку. Послѣ втораго и третьяго разовъ эта тревога дѣлалась слабѣе и слабѣе, потомъ уже она сдѣлалась очень обыкновеннымъ дѣломъ, и я сталъ хвастаться передъ товарищами своимъ героизмомъ, съ какимъ шолъ къ печи и выносилъ наказаніе безъ криковъ, что не мало сердило даже учителя. Однимъ словомъ, я привыкъ къ нему, какъ порядочный человѣкъ привыкаетъ выпивать передъ обѣдомъ по рюмкѣ водки. Отчего же было и не привыкнуть, когда это случалось чуть-ли не всякій день. Розги были наградой за всякую вину и даже безъ вины. Случаевъ къ этому было много. Соскучится учитель возиться съ нами, уйдетъ къ сосѣду въ классъ потолковать, а за себя заставитъ смотрѣть старшаго ученика за порядкомъ, чтобы всѣ сидѣли смирно. Только онъ за дверь, поднимается шумъ, сперва глухой, потомъ возня и крики и такіе крики, что того и жди, что услышишь начальство, по близости живущее. Влетитъ учитель

въ классъ, грозно крикнетъ: «кто кричалъ?» Оробѣвшій старшій ткнувъ пальцемъ на кого попало, глядишь, а деруть тебя, какъ седорову козу—безданнымъ-безпошлинно.

Была у насъ предъ классами прихожая, раздѣленная пополамъ перегородкой, за которой жили сторожъ, отставной солдатъ-старикъ, и постоянно мололъ табакъ въ горшкѣ большимъ коломъ, а у окна впереди стояла скамейка, какое назначеніе было этой свѣтлой половины, право не знаю, только туда часто собирались толковать наши учителя. Намъ эта комната была очень мила, если ужъ зайдетъ туда учитель,—полное намъ было раздолье, хоть на головахъ ходи; изъ нашего класса ничего не было слышно туда. Хорошая была эта комната, всѣмъ доставляла удовольствіе: мы безопасно прыгали въ классъ по столамъ, дрались, возились, однимъ словомъ, время проводили весело. Не менѣе насъ весело проводили учителя время въ передней комнатѣ, толковали, разсуждали, разсказывали анекдоты... Только злодѣй смотритель иногда нарушалъ нечаянно наше общее удовольствіе. Подкрадется потихоньку изъ-за угла и авится предъ дверями училища, ко великому смущенію всѣхъ. Учителя въ переполохъ бросятся по классамъ, какъ будто окачанные холодной водой на морозѣ... мы сидимъ ни живы, ни мертвы, въ ожиданіи грознаго явленія. Вдругъ открываются двери, весь классъ дрогнетъ, встанемъ всѣ и поклонимся почтительно въ поясъ, тыкаемъ носами въ столъ. Послѣ вопросовъ, чѣмъ занимаетесь и что дѣлаете, слѣдуетъ всегда вопросъ: «Много у васъ лѣбтаетвъ, и баловней?» Учитель переключается по фамиліямъ десятка съ два учениковъ. Тогда призвать сторожа съ двумя здоровыми лозами, и пойдетъ раздѣлка. Кончится раздѣлка, угрозытъ намъ смотритель и пойдетъ дальше. Эти наѣзды смотрителя бывали экстренные; но обыкновенныя его посѣщенія бывали по субботамъ... много тогда тратилось розогъ.

Не подумайте, чтобы розги были слѣдствіемъ свирѣпыхъ характеровъ нашихъ наставниковъ, нѣтъ они были люди большою частію кроткаго характера и примѣрнаго смиренія. Розги были дѣломъ неизбѣжной необходимости; какъ же иначе можно было возбудить прилежаніе и охоту къ ученью, которое казалось намъ хуже медвѣдя и котораго мы бѣгали, какъ чортъ ладона. Дѣйствительно работа была не легкая затверживать на память уроки, которыхъ нисколько не понимаешь. Твердишь, бывало, по слову, каждое слово повторишь разъ по сту, точно гвоздь въ

голову молоткомъ забиваешь! И чего стоила эта работа, сколько нужно было терпѣнія, чтобы выдолбить урокъ! Живешь на квартирѣ, положимъ хоть у мѣщанина, награжденнаго благословеннымъ семействомъ не меньше самого Израиля; а комната одна, шумъ, возня, гайгаря. Самъ хозяинъ сапожникъ наяриваетъ молоткомъ со всей силы, жена бранится съ ребятишками во все горло и щедрою рукою раздаегъ шлепни, ребятишки ревуть во весь ротъ; а побольше которые—учатся грамотъ, указкою мозолятъ книгу и произносятъ склады монотонно. Ну какъ тутъ задалбливать премудрую грамматику? Вотъ усядешься къ окну гдѣ-нибудь, обопрешь голову на руки, большими пальцами заткнешь себѣ уши, чтобы ничего не слышать, а изъ прочихъ пальцевъ сдѣлаешь шторы къ глазамъ, чтобы ужъ кромѣ книги ничего не видѣть, уткнешь ихъ въ книгу и начнешь полутономъ: *Грамматика, грамматика*—разъ эдакъ двадцать повторишь, потомъ слово *есть* столько же повторишь, потомъ оба слова вмѣстѣ: *«Грамматика есть»*, по столько же разъ потомъ прибавишь слово «наука» и нанизываешь слово на память, какъ бисеръ на нитку монахиня. Разсудите сами, кто съ доброй воли займется такой работой? «Зачѣмъ же учителя не объясняли уроковъ, чтобы они были понятны для мальчиковъ»? Странный вопросъ. Какъ они могли объяснять, когда ихъ самихъ также учили, какъ насъ, если же не хуже? При томъ и времени было мало; надо было переспросить въ продолженіи двухъ часовъ весь классъ, да перепоротъ иныхъ, а вѣдь на это не мало надо времени тоже, ну еще съ другими учителями потолковать, время то и идетъ незамѣтно. Требованіе оывало строгое отъ начальства, чтобы на экзамень мальчики отвѣчали бойко; а вы сами знаете, что вся забота учителя основана на томъ, чтобы угодить начальству: вотъ онъ всѣми средствами и старается закалачивать въ головы мальчишекъ различныя грамматикки и ариметикки.

Придетъ праздникъ и радъ не радъ ему. По осенямъ, да по зимамъ крѣпко донимала насъ служба. Разбудать въ четыре часа къ утречи, обжишь по холоду въ церковь, стараешься дригти до начала службы, Странное дѣло! Въ ту же церковь зайдешь когда до доброй воли, откуда возмется усердіе! Молишься и ничего не замѣчаешь и служба кажется короткою, еще бы, кажется, остался помолиться. За то и наверхываешь въ остальное время дня за труды бѣдныя. Выбѣгаешь всѣ за-

коулки, передерешься съ мальчиками, не безъ собственныхъ ущербовъ, наиграешься и въ бабки, и въ рюхи, и въ шалыгу, и лапту, словомъ до того набѣгаешься, что ногъ подъ собой не слышишь и спишь, какъ убитый, ночью, ни почему тебѣ блоха и клопы кровожадные, путешествующіе по твоему тѣлу тысячами! Все-таки праздникъ былъ свѣтлымъ днемъ и ждешь его не дождешься: но каникулы! вотъ то было желанное время!

Передъ великими каникулами у насъ были экзамены; крѣпко они насъ доѣзжали; но мысль, что послѣ экзамена отпустятъ домой, заставляла забывать всѣ непріятности. Проведешь трудное время экзаменовъ и ждешь, когда дадутъ билетъ, пороги обобьешь ходивши къ инспектору за билетомъ, щипки за волосы и толчки не почему, только бы поскорѣе билетъ выблазнить... получишь и лѣтншь домой иѣшкомъ не тише другой лошади. Вотъ вдали заблеститъ на солнцѣ крестъ церкви, покажется погостъ, сердце такъ и юкаетъ въ груди, усталость забыта и чуть не бѣгомъ несешься въ родное гнѣздо.

Первая встрѣча, конечно съ собакой, она еще за околицей съ визгомъ встрѣтитъ тебя, кинется на грудь, оближетъ носъ, губы и щеки, и самъ ей окажешь родственнй привѣтъ, погладишь, потрепнешь, подергаешь за хвостъ ипустишься къ дому; а собака бѣжитъ впереди, дѣлаетъ разные вывертасы, вернется къ тебѣ, лизнетъ въ губы, отскочитъ, сдѣлаетъ со всѣхъ ногъ около тебя кругъ, кстатн припугнетъ иѣтуха или встрѣчной свинѣ растреплетъ холку, чѣмъ, конечно, не мало утѣшитъ. Вотъ завидитъ тебя изъ дали сестрѣнка и бѣжитъ со всѣхъ ногъ навстрѣчу съ крикомъ «Ваня! Ваня!» —бросится на шею; Поровняешься съ домомъ, сестра со всѣхъ ногъ бросится въ комнаты и кричитъ. Ваня! Ваня пришьоль! Въ дверяхъ встрѣтитъ бабушка старуха, крѣпко сожметъ своими костлявыми руками голову и еще крѣпче поцѣлууетъ, смотреть тебѣ въ глаза и не налюбуется; а у самой изъ глазъ слезы, слезы... И стыдно мнѣ станеть, что у самого начинаютъ слезы и рвешья изъ рукъ старухи. Отъ пей перейдешь въ объятія матери. Выйдетъ отецъ и вдругъ сцена перемѣнится. Припомнятся мнѣ и смотритель и учитель и сторожъ съ розгами,—оробѣю и стою болваномъ и не умѣю, какъ отвѣтить на привѣтъ и ласку отца. Дня два, три все дичишься отца, не можешь привыкнуть къ нему, все представляется онъ въ образѣ смотрителя. Мать и бабушка, особенно бабушка первымъ долгомъ постараются накор-

мать и напоить кофеемъ дорогаго гостя до сыта и такъ уютчуютъ, что даже противно сдѣляется.

Поѣшь и отправишься по чердакамъ, сараямъ, кловамъ и вышкамъ лазить и осматривать. Самъ не знаешь для чего и зачѣмъ. Вотъ вытащишь гдѣ-нибудь изъ угла дубовую налку, вертишь ее и смотришь, чтобы изъ нее сдѣлать. Такъ ее прикинешь и эдакъ, ничего не придумаешь и бросишь по среди двора, а ее потомъ ищеть работникъ, вещь ему нужная. На другой день рано утромъ подымешься; не снится, тревожное чувство, что не долго пожить дома удастся, беспокоитъ, торопишься вдоволь нагуляться, надѣлать всего; а выйдешь на улицу—не знаешь, что начать дѣлать. Пустишься на рѣку и бѣжишь вдоль берега. Вотъ мелькнетъ рыба, явится охота поймать ее, вотъ такъ-бы и схватилъ ее... задумаешь сдѣлать удочку и бѣжишь искать гдѣ-нибудь бѣлую лошадь, чтобы надергать изъ хвоста бѣлаго волоса для удочки. Найдешь лошадь, ухитришься надергать волоса, забьешься куда-нибудь на сарай и сучишь себѣ удочку на голой ногѣ руками. А тебя ищутъ и вичутъ пить чай. Найдутъ, и насильно тащатъ домой. Такіе несносные! до чаю-ли тещерь, когда пошла такая работа спѣшная. За чаемъ распраиваютъ тебя о томъ, о другомъ; а тебѣ не до того, думаешь какъ расхитриться—крючекъ сдѣлать, забыть купить въ городѣ, домой торопился. «Очень нужно было торопиться!» думаешь и досада такая разбираетъ и въ тихомолку щипнешь сестру, взвизгнешь бѣдная отъ боли и ее же выбранять, что не умѣетъ брату угодить; не успѣлъ онъ пріѣхать, а она уже ссорится. «Въ кои-то вѣки бываетъ бѣдненькой дома,» скажетъ бабушка и погладитъ по головѣ. Придетъ въ голову мысль сдѣлать крючекъ изъ булавки и отправишься прямо въ сестрину коробку искать булавку, переройшь все тамъ, къ верху дномъ все перевернешь, разбросашь; а бѣдная сестра смотритъ сквозь слезы и не смѣетъ слова сказать. Возьмешь булавку, загнешь ее зубами и несешься на улицу. Мать занятая страпнею для дорогаго гостя на кухнѣ, крикнетъ въ догонку: «Ты, Ваня далеко не уходи, кофей скоро пить будемъ.» «А ну васъ съ кофеемъ!» подумаешь и отправишься къ банѣ червей рыть. Черезъ нѣсколько минутъ стоишь ужъ гдѣ-нибудь на камнѣ и удишь рыбу. Дѣло не идетъ на ладъ, плохо клюетъ рыба, а которая и клюетъ сорвется; крючекъ плохой. Скоро надоѣстъ уженье, бросишь удочку, пойдешь въ садъ и тамъ взять нечего: яблоки и ягоды зелены, а все

сорвешь многоходовъ и отираешься на большую березу лезть и искать, нѣтъ-ли гдѣ птичьяго гнѣзда и то не дается; выберешь колодезь, да погибче сукъ и начинаешь качаться, обернешься, встрѣпедемся и потихоньку домой; а тамъ давно тебя ищутъ мнѣ жене. Такимъ образомъ проводимъ дни дома. Мало по малу грозные образы смотритала и учителя ступаютъ въ памяти, къ огню поправляешься и приласкаешься даже, особенно если онъ не вспоминаетъ про ученье, да про грамматику; а какъ вспомнить, то цѣлый день ему на глаза не показываешься.

Время летитъ не замѣтно, срокъ каникулъ быстро приближается, остается не больше недѣли, сочтены не только дни, но даже часы и минуты; медаромъ же учены именованными числа. Куда двинутся ученишныя замочки? присмирѣешь, ластимься къ сестрѣ и вьнешься уже больше дома, около родныхъ, играешь съ сестрой въ куклы и поешь съ ней пѣсни, все больше заунывныя. Неидеть въ прокъ бабушкино угощеніе, кофею становится горекъ, и ѣда не идетъ на умъ, проклятая школа съ учителемъ и смотрителемъ стоитъ передъ тобой грознымъ призракомъ. Вотъ послѣдній день настала, пропала вся энергія, раскиснешь, какъ мокрая трава, то и дѣло суешься по угламъ и потихоньку отираешь слезы. Ночью не спится, страшныя грезы смущаютъ и съ красными глазами встанешь утромъ; а у матери уже комочко и настрапано, наварено кофею, потчуютъ и угощаютъ, полный мѣшокъ наладутъ сухарей и щироговъ. Этими только сердать. Куда это они такую пронасъ навалили мнѣ въ мѣшокъ. Стану я тамъ ѣсть! Поидеть кусокъ въ горло! Но вотъ подѣхала лошадь надо садиться, слезы и рыданія не даютъ слова выговорить и проститься какъ слѣдуетъ. Никого не видишь за слезами, только услышишь, какъ бабушка тихонько гривенничекъ пихнетъ въ руку. Всю дорогу до города проплачешь. И какъ бывало тянется дорога: ѣдешь, ѣдешь, а все конца не видать. Покажется наконецъ городъ, дрогнетъ сердце и запоетъ, запоетъ; а слезы рѣкой польются изъ глазъ. Только фигурные столбы у заставы не много облегчатъ горе. Нравимся мнѣ эти столбы, особенно наверху ихъ орлы, вырѣзанные изъ листового желѣза и раскрашенные краской. Какъ мнѣ хотѣлось добыть себѣ такого орла, хоть одного бы, а зачѣмъ? Вотъ угадаю! Умно были придуманы эти столбы съ орлами, они, хоть угнѣтали школьничковъ, когда они изъ дому возвращались въ школу. Можетъ быть они съ тою полезною цѣлію и поставлены

были; а я все ломалъ прежде надъ ними голову, зачѣмъ бы они были поставлены? Никакъ не могъ тогда догадаться.

Грустно въ первое время въ городъ: пойдешь на рынокъ, вынешь стаканчикъ сбитню и закусишь пряничкомъ на бабушкинъ гривенничекъ, а все не развеселишься, все тянетъ за городъ, въ поле; помотришь въ ту сторону, гдѣ родной домъ, еще сдѣдается грустище, поплачешь и потащешься потихоньку на квартиру. Книга медвѣдемъ на тебя смотритъ, а приняться за нее надо, розги покою не даютъ. Мало по малу войдешь въ прежнюю колею, равнодушнѣе взглянешь на книгу, на розги и на все и примешься за прежнія проказы. Позабавятъ другой разъ и учителя подъ веселый часъ, заставятъ кланяться—какого-нибудь дѣтца печи въ ноги, кланяется несчастный печи, потъ градомъ катится съ лица; а учитель стоитъ, заправивши руки въ карманы, смѣется и приговариваетъ, «кланяйся ей усерднѣе, она тебя уму разуму научить»; а мы-то хохочемъ отъ всего сердца. Или вдругъ съ шумомъ отворятся двери и явится изъ другаго класса большой-большой парень, на головѣ у него надѣтъ цревысокій бѣлый бумажный колпакъ, на лбу написано крупно «дуракъ,» на груди ярлыкъ съ надписью «дѣтйяй,» на спинѣ другой съ надписью «олухъ», а въ рукахъ метла, по бокамъ два ассистента, а сзади учитель. Вотъ хохоту, хохоту. Не забыть мнѣ одного происшествія, долго мы его безъ смѣху вспомнить не могли.

Придетъ время переводовъ изъ класса въ классъ, понавѣдутъ отцы и матери и пойдутъ пороги околичивать у зрителя и учителей; помотришь, въ спискахъ большая перемѣна: иной весь годъ былъ на *закинкахъ*, а тутъ и движется къ верху, мы дивимся, чтобы это такое значило, а разгадка-то простая, отецъ человѣкъ достаточный.

Пройдетъ такимъ образомъ годовъ шесть, глядишь, и кончилась эта горькая училищная жизнь, надо собираться ѣхать въ другое новое мѣсто учиться. Все пройдетъ, забудется, счастливый дѣтскій возрастъ! Живется какъ-то играючи: чего не вытерпишь и все это забывается, даже не питаешь зла къ своимъ tyrанамъ.

Бѣдныя дѣти! какъ ихъ изуродуетъ воспитаніе, когда ихъ судьба приведетъ въ подобную школу! Подозволь лице приметъ зѣвавшее выраженіе; въ продолженіе шести лѣтъ они не видятъ ни отъ кого ласки и привѣта, это всѣхъ только пинки, да толч-

ки, на квартирѣ смотрятъ, какъ бы уэкономить какую копѣйку отъ твоихъ кусковъ; какъ разъ оговорятъ, если вытащишь изъ чашки шей лишній кусокъ говядины, да и говядину-то видишь только по праздникамъ, товарищи такъ и смотрятъ, какъ бы съ тебя сорвать булку, пряникъ или что-либо другое, напелсть на тебя учителю, учитель розгами и пивками старается приучить къ хорошему поведенію и къ прилежанію. За то и дѣти дѣлаются скрытны, хитры, увертливы и съ отрочества приучаются лгать не красивъ, выглядываютъ изъ подлобья, передъ старшимъ дики и трусливы; а съ равными буйны и дерзки. Солгать для нихъ дѣло обыкновенное; а съ другими случается, что и стянуть какую-нибудь малость, не считаютъ безчестьемъ, только бы сьумѣть вывернуться. Кого тутъ винить? Конечно, дѣти не виноваты, родители не виноваты тоже; что они могутъ за глазами знать, а если и знаютъ, безсильны исправить зло.—Наставники. —А тѣ бѣдныя чѣмъ виноваты? Они сами были въ такомъ же положеніи, когда были дѣтьми и вышли же въ люди; имъ такое суровое обхожденіе съ дѣтьми кажется еще необходимымъ, и какъ можно безъ розги воспитать хорошаго человѣка, какъ оставить дѣтей безъ страху? да они тогда самому на голову сядутъ, да и заботиться объ нихъ много нѣтъ нужды: наставники не для дѣтей служатъ, а для начальства; люби не люби его дѣти, ему нужды нѣтъ, любилъ бы начальникъ, да и стоитъ-ли много хлопотать изъ такого дряннаго жалованьшика, хоть бы напримѣръ изъ двухъ сотъ рублей серебромъ въ годъ, вѣдь не вѣчное это мѣсто! Только бы угодить начальнику, чтобы далъ мѣсто получше, вотъ единственная забота учителя. Послѣ этого ищи виноватаго, и выходитъ, что никто не виноватъ. Вотъ, какъ придетъ въ голову, что, можетъ быть, и теперь есть еще такія школы, тогда задумаешься глубоко объ участи несчастныхъ дѣтей, что они вытерпятъ, бѣдныя, и что изъ нихъ выйдетъ.

II.

Если у кого сохранилось отъ описанной школьной жизни хоть немного чувства уваженія къ человѣческому достоинству и къ человѣческой личности вообще,—тому при поступленіи въ высшую школу много нужно запастись терпѣніемъ, чтобы не надорваться и не вынести изъ этой новой школы полного забвенія человѣческаго достоинства. Ему придется видѣть униженіе,

ханжество, предательство, словомъ всевозможныя вронирства, чтобы заслужить вниманіе и расположеніе начальства. Не подумайте, чтобы это было требованіе со стороны начальства, нѣтъ, еслибы начальство вполне сознавало средства, которыми иной снискиваетъ къ себѣ расположеніе и вниманіе, оно бы съ презрѣніемъ отвергнулось отъ него; но то положеніе, въ которомъ поставлены между собой ученики и учителя, много способствуетъ такому несчастному развитію зла. Дивимся какъ все это могло развиться изъ тѣхъ добрыхъ началъ, на которыхъ основано училище. Согласитесь сами, какими образомъ въ училищѣ, основанномъ на самыхъ строгихъ началахъ дисциплины, нравственности и педагогики, могутъ быть подобныя явленія? Надо еще замѣтить, что въ этомъ училищѣ всѣ ученики живутъ вмѣстѣ, въ глазахъ начальства.

Можетъ быть, теперь подобнаго въ этихъ школахъ ничего нѣтъ, то время, когда мы учились, далеко и давно; но впечатлѣнія *прошлое* глубоко врѣзались въ нашей памяти.

Всѣ ученики школы дѣлились на три класса, и каждый классъ отличался особеннымъ характеромъ. Классъ, въ который мы поступили, былъ самый многочисленный и ниспій; на насъ смотрѣли прочіе ученики какъ на плебеевъ, осужденныхъ имъ на рабство. Ученикъ старшаго класса имѣлъ полное право заставить ученика ниспаго класса снести записку къ товарищу, а тотъ послать къ другому и такимъ образомъ бѣдному мальчику очень легко можно было невольно прогуляться цѣлый вечеръ изъ комнаты въ комнату, нося записки, конечно, всегда вздорныя, а въ другой разъ посылаемая только для того, чтобы помучить бѣднаго мальчика. Эта служба ниспаго класса была привилегированная; но была еще экстренная, напимѣръ, перетаскать сундукъ и кровать съ квартиры старшаго ученика въ зданіе школы, сходить въ харчевню за пирогомъ, сбѣгать за молокомъ. Оно, правда, что безъ учениковъ ниспаго класса некому было бы перетаскивать вещей старшимъ, нанять имъ было не на что, служителей для этого не давалось; а самому не прилично,—у старшихъ учениковъ чувство самоуваженія было такъ развито, что самому исполнять эти потребности считалось стыдомъ; но заставить товарища по тому праву, что тотъ имѣетъ несчастіе быть ниже его по классу, не было совѣстно. Однимъ словомъ ниспій классъ былъ въ полномъ распоряженіи старшихъ двухъ классовъ, вслѣдствіе чего долженъ былъ стоять

передъ выспинѣ безъ шапки и смиренно спосить всякаго рода издеванія, брань и толчки. Только влиятельный авторитетъ отца или родственника или самое близкое отношеніе къ начальству избавляли ученика выспинѣ класса отъ подобной участи.

Въ помѣстяхъ гдѣ мы жили, было душно, тѣсно и наоборотно; каждую, впрочемъ, недѣлю разъ служитель мылъ комнату мочальною шваброю, и чтобы всѣ знали, что онъ усердно исполняетъ свое дѣло, оставлялъ на полу узоромъ изъ грязи, какъ водилъ шваброю. Клоновъ... всѣ кровати и карнизы были намъ унизаны. Отъ тѣсноты помѣщенія воздухъ въ комнатахъ, особенно ночью, до того былъ спертъ, что свѣжему человѣку войти въ комнату не было возможности, нужно было дѣлать надъ собою немомѣрныя усилія. Чѣмъ насъ кормили? Боже ты мой!.. Самъ экономъ училища—ветеранъ, лѣтъ двадцать служившій въ этой школѣ учителемъ и экономомъ, говаривалъ: «Давлюсь на этихъ мальчишекъ, какъ они жрутъ такую пищу—мои коровы не станутъ ѣсть.» Поваремъ былъ отставной солдатъ, который, можетъ быть, въ полку иногда носилъ воду кашевару. Котелъ, въ которомъ варили щи, былъ ушата въ четыре, вода близко, бросить крупъ овсяныхъ гарниецъ, капуста кислой, въ скоромный день положить тощей говядины ногу, въ постный гнилыхъ свѣтковъ и все это кипить, — а поваръ стоитъ да помѣшываетъ. Обѣдъ всегда состоялъ изъ щей и каши съ масломъ, о которомъ мы впрочемъ знали только по слухамъ; говорили намъ, что въ кашу кладутъ масло, когда она варится. За ужиномъ супъ съ картофелемъ, очень часто въ мундирѣ, и та же каша; завтрака, чаю не полагалось:—лишняя роскошь. Въ мартѣ мѣсяцъ, что почти всегда приходилось въ посту, у насъ много являлось товарищей, одержимыхъ *курчьей слямотою*. Странное дѣло,—эта *курчьей слямота*. Днемъ человѣкъ все видитъ, а какъ настанетъ вечеръ сдѣлается слѣпымъ и водить бѣднаго, какъ нищаго за руку.— Забылъ я еще незабвенный горохъ по постнымъ днямъ! За что мы уважали его особенно, теперь никакъ не могу вамъ сказать, конечно ужъ не за то, что онъ былъ хорошо приготовленъ. Войдешь бывало въ столовую и тебя обдастъ паромъ съ какимъ-то прѣснымъ запахомъ въ родѣ баннаго, посмотришь въ миску и увидишь горохъ и обрадуешься, какъ старому другу; а онъ злодѣй спрячется на самое дно миски; поверху видна лишь мутненькая водичка; помѣшаешь ложкой и онъ закрутится въ мискѣ и дѣнется на поверхности. Привлекательнаго, кажется, не много;

а намъ правилось; можетъ быть по своей неудобоварности онъ долго давалъ намъ себя чувствовать въ желудкѣ въ родѣ киричины, значить все таки мы владели, что у насъ не жуеетъ въ желудкѣ, потому и уважали горечь. Поголодали мы порядкомъ и еслибы не бабушкины пироги, то пришлось бы поплакать отъ голоду. Изъ комнаты не смѣи отлучиться безъ спросу за ворота, ну и шивальничать бывало, какъ бы увернуться въ харчевню съѣсть пирогъ, если есть деньги; а впусим бывали—шлемовскіе пироги, запрещенный для насъ плодъ. Тяжела была эта жизнь, пока не вѣтнлся въ нее, главное дѣло, товарищей было много; а откровенно поговорить не съ намъ, сей часъ выдадутъ, чтобы приобрести расположеніе старшаго; а были еще и такіе вронеры, попытаетъ что намъ недслушаетъ подь дверями о чемъ разсуждаютъ старшіе в тихонько, какъ змѣя, вроскодьзветъ въ инспектору и внаушничаетъ, чтобы списать его благожелательность. Колачивали тайныхъ больно, когда выслѣдять, а имъ все не малое. За те и мы были осторожны: если и слышали что, никто не узнаетъ и не уличитъ даже съ помочнымъ,—увернешся, для этого изенцрвали всѣ свои способности. Главной заботой было заслужить расположеніе учителя не стараніемъ учиться, то само по себѣ, а какъ бы прислужиться ему, и какъ имне догадливы были! Сядетъ имой нарочно у дверей, чтобы, какъ войдетъ учитель, принять его шинель или шубу; а какъ выходить изъ класса подать ему и подставить клямки.

Учители въ наше время были большею частію ветераны, старяки, и учили по-старинному, напимѣръ словесности русской по латиноской риторикѣ «Бургия». Періоды... а сколько ихъ было! и простые, и сложные и условные и т. п. Замучили насъ сначала, пока не совладали съ ними. Слова не возволяли написать просто, все по формѣ да округленно; чтобы обѣ части періода были ровны: если первая половина періода была три строки, такъ и вторая была бы въ три непременно, какъ хонь нечитивай, а чтобы было. Вотъ и прибраемъ всѣ синонимы и эпитеты. Навострились мы ловко, нечто сказать;—если предложіе дадутъ въ двѣ строки, мы изъ него и разведемъ періодъ въ двадцать, да какъ ловко, неровну въ каждой половинѣ. Потомъ пошли циркумстанціи—хитрая вещь—изволя обстоятельно отвѣтить на вопросы: «кто; гдѣ, что; почему, что дѣлать, при какихъ обстоятельствахъ?» и т. п. Вотъ учитель дасть предложіе — ~~е-о-м-н-е~~—изволя прокатить его по волямъ дпр-

кумстанціямъ! А мы съ разу отвѣчаемъ такимъ манеромъ: *Солнце великое и лучезарное свѣтило, красота вселенной и блистательное знаменіе всемогущества, премудрости и благодати Божіей, сотворено—создано всемогущимъ, всепроникающимъ, всеблагимъ и всепремудрымъ Богомъ для того, что бы оно освѣщало, озаряло и согревало землю, тлѣнный пражъ.»* Но при вопросѣ, «при какихъ обстоятельствахъ?» и призадуматься; наконецъ надуматься и скажешь «днемъ,» тѣмъ и закончишь, хоть не кругло, за то оригинально. Надоѣдали намъ много фигуры, особенно метафоры и гиперболы. Зададутъ сочинить какую-нибудь гиперболу, сидишь надъ ней и думаешь, и сочинишь, да еще такую, что я самъ дивишься, до какихъ тонкостей можетъ доходить разумъ человѣческій. Потомъ пойдутъ хриі, порядочная еще ничего, а превратныя много надоѣдали, не скоро дойдешь до того, чтобы сочинить такую хитрую штуку, какъ напримѣръ рѣчь Георгія Конисскаго: *«Пресвятѣйшая Императрица! Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается, наше солнце кругъ насъ ходитъ и т. д.»* Не мало мы дивились этой рѣчи, особенно когда учитель читалъ ее намъ; онъ считалъ ее верховъ ораторскаго искусства и единственнымъ образцомъ превратной хриі. Вотъ когда мы дошли до описаній и разсужденій, тогда было легче: пиши, что хочешь, что на умъ взбрѣло. Пишешь другой разъ описаніе нивы, заѣдешь мимоходомъ въ исторію еврейскаго народа, взберешься на небо и снова спустишься на землю, выйдетъ ладно. Учитель подпишетъ:—*«Есть мысли правильныя, словъ, исключая немногихъ неправоностей, хорошій; а потому советую автору читать больше проповѣди такого-то, чтобы выработать словъ: впрочемъ хорошо.»* Легко сказать, читать проповѣди. Читаешь и не понимаешь, работа трудная и не легкая: а читать надобно, учителя целять, чтобы выработать слогъ, а какъ его найдешь въ проповѣди? Никакъ не поймашь этого слога и надоѣдаютъ тебѣ проповѣди хуже горькой рѣдки. За то, если попадется свѣтскій писатель, не разстаться съ нимъ; а читать не позволяютъ, отбираютъ книги. Марлинскій съ ума насъ сводилъ: читаешь и думаешь, какимъ это онъ слогомъ пишетъ, высокимъ, среднимъ или простымъ? *Амалатъ Беки* и *Фрегатъ Надежду* затверживали мы на память цѣлыми страницами и сами старались подражать ему, по цѣлымъ листамъ писали бывало ерунду—за то громкихъ фразъ

и знаковъ восклицанія цѣлые костры были. Но вотъ явились на сцену ямбы, хорей, дактили, анапесты, и мы ударились въ стихотворство: и слова просто не скажешь, все въ рифму и по размѣру, цѣлыя разсужденія писали стихами. Державинъ, Дмитрiевъ, Херасковъ, учились на память и читались въ классѣ для упражненія въ декламациі; о Пушкинѣ мы не знали ничего, кромѣ того, что у него развращено сердце и мы къ нему какъ-то питали мало сочувствія. Жуковский завладѣлъ всѣмъ нашимъ существомъ: бывало забравшись въ рошу, читаешь на память «Алина и Альсимъ,» а у самого слезы такъ и просятся на глаза. Кукольникъ сильно волновалъ нашу молодую кровь своими напыщенными драмами и подзадоривалъ написать такую же драму, только изъ своего быта, и было писано и много тратилось бумаги и времени напрасно. Можетъ быть мы и не такъ бы стремительно поддавались увлеченіямъ своимъ, если бы учитель хотя сколько-нибудь познакомилъ насъ съ свѣтскою литературою; но это для него невозможно было. Первое, свѣтская литература была изгнана изъ нашей школы, какъ могущая имѣть вредное вліяніе на молодость, да и не имѣла особенно важнаго значенія въ глазахъ нашихъ учителей. Второе, учителя некогда было заниматься этимъ; посудите сами, въ продолженіи полутора часа надо спросить урокъ, по крайней мѣрѣ, чловѣкъ тридцать, и какъ надоѣсть бывало слушать, какъ разъ тридцать повторятъ одно и то же, напримѣръ, порядочную хрю: «Боже великій! что такое умъ чловѣчскій?» и т. д. Потомъ учитель прочитаетъ чью-нибудь *задачу*, которая оглячается правильностію мысли и чистотою слога, и похвалитъ. Потомъ и звонокъ изъ класса, потомъ придетъ учитель исторіи, прочитаетъ по запискамъ урокъ, расскажетъ два три анекдота и до конца класса пойдетъ спрашивать урокъ. Сокрушила насъ хронологія, только объ этомъ вся и забота была учителя. Однимъ здѣсь было лучше—розгами меньше порол и не нарязали, какъ въ прежней школѣ; но зато ругали и такъ складно, что любо было слушать. Впрочемъ въ этомъ классѣ мало было жизни, мы были задавлены и стѣснены дисциплиной и педагогикой, не смѣли и думать, чтобы проявить собственную самодѣятельность, потому что за это грозила участь быть изгнаннымъ изъ школы, которой, впрочемъ, все-таки не избѣжали многіе изъ насъ при переводѣ въ слѣдующій классъ, и, по той уважительной причинѣ, что нельзя же всѣхъ перевести въ слѣдующій,

всегда переводили третью меньше. Кончатся экзамены, объявят списки переведеннымъ, исключеннымъ и оставленнымъ въ прежнемъ классѣ за *маловозрастїемъ*, малоуспѣшностію и прочими причинами, и дивишься, какъ перешли въ слѣдующій классъ тѣ, которыхъ рѣдко выдали за книгой, а оставленъ таковой, который уже бороду брилъ, но ростомъ маловатъ былъ; глупы мы были тогда, ничего не понимали.

Явившись домой на каникулы и ведешь себя по-прежнему, нисколько не замѣтно, что изучилъ реторику, развѣ по разговору кто узнаетъ; слова просто не скажешь: все фигурой, гиперболой или метафорой наровишь отвѣтить или стихами и такъ хитро, что бабушка руками разведетъ и почтительно на тебя посмотритъ.

Совсѣмъ иначе пойдетъ жизнь, когда попадешь въ средній классъ. Какъ ни хвалятъ золотую середину, а по моему середина—дрянь, что-то не опредѣленное, не конченное; въ ней не достаеетъ многого: таковы и мы были, когда добились до средняго класса. Что-то такое дурацкое изъ насъ вышло, когда перевели въ средній классъ, какъ теперъ вспомнишь, смѣшно становится; а смѣшнаго тогда, кажется, ничего не было. Вырвавшись изъ рабства, мы гордо подняли голову и сдѣлались вольнодумцами; не подумайте, чтобы мы дѣйствительно сдѣлались вольнодумцами, нѣтъ, мы тогда приходили въ восторгъ отъ «Маяка,» значить далеко не ушли, скорѣе—мы сдѣлались либералами: но такого слова мы еще тогда не знали, и гдѣ же намъ и знать его было?

Наше вольнодумство состояло въ томъ, что съ презрѣніемъ смотрѣли на нисшій классъ, который только что оставили, посылали какъ можно чаще съ записками товарищей изъ нисшаго класса; враждовать со старшимъ классомъ, надѣлать непріятностей ученику старшаго класса — считалось геройствомъ, уйти безъ спроса въ городъ, ходить пить чай въ харчевню, прогулять классъ, нагрубить учителю было верхомъ геройства.

Однимъ словомъ нарушить приличіе и оказать пренебреженіе къ законности,—было для насъ добродѣтелью. Оно не легко было сдѣлать, рѣдко и удавалось или сходило съ рукъ даромъ. Что это за жизнь была? Спишь утромъ крѣпко, сладко, вдругъ, въ шесть часовъ, отворить сторожъ двери въ комнату, да какъбрякнетъ яскимъ колокольчикомъ, такъ и дрогнешь всѣмъ

тѣломъ, только что судорогъ не сдѣлается, сонъ отлетитъ прочь; а привыкнешь и колокольчикъ ни почему: хоть сколько звони и не повернешься. Потомъ на молитву, проспишь или пролытаешь молитву; донесутъ, посадятъ тебя за голодный столъ, сидишь и смотришь героемъ; а на тебя всѣ любятъ. До класса останется часа полтора, что дѣлать? Пойдешь въ харчевню чай пить. Славная была харчевня близъ нашей школы! Кромѣ насъ почти никто въ нее не ходилъ, развѣ иногда артель мелкихъ чиновниковъ привалитъ, ну тутъ наслушаешься *какъ говорятся русскія комплименты и всякіе приклады* и практикуешься послѣ съ товарищами. Чай мы пили преудивительный; послѣ этой харчевни нигдѣ не приводилось пить такого чаю: подадутъ двоимъ за гривенникъ чаю и четыре кусочка сахару; стакановъ по семи выпьешь; а чай все такой же крѣпкій какъ пиво, нисколько не сливается, только сѣрный осадокъ во рту останется отъ него. Харчевникъ былъ добрѣйшая душа, философъ, любилъ толковать особенно о безсмертіи души и когда нужно было, чтобы на кредитъ чайку напиться, непременно потолкуешь съ нимъ о безсмертіи души съ полчаса, поораторствуетъ онъ, смягчится и отпустить на гривенникъ чаю въ кредитъ; высшая цифра кредита доходила только до полтинника, и толишь для благонадежнаго; оно впрочемъ и не возможно было больше вѣрять: вслѣдствіе нашего вольнодумства, много обманывали его.

Подкрѣпивши силы чаемъ, бодро идешь въ классъ слушать «Логикъ.» Въ нашей школѣ былъ заведенъ такой порядокъ: что пройдено въ одномъ классѣ, того уже не вспоминали въ другомъ, а начинали новое. Кончали мы въ первомъ классѣ «Риторикъ,» отъ которой остались въ головѣ однѣ только фигуры, исторію подъ руководствомъ учебника краснорѣчиваго Кайданова, отъ которой сохранилось хронологія, и то не въ порядкѣ.

Въ среднемъ пошли «Логика, Психологія» и прочія солидныя науки и все это писанныя системы, составленныя самими учителями; любили они щеголять своими системами, составленными по всѣмъ правиламъ премудрой схоластики и діалектики; да вотъ для примѣра: «Важность Логикъ.»

1) «Если бы Логика излагала только законы естественныя ума, и тогда она имѣла бы свое высокое достоинство. Образованный человѣкъ хочетъ не только употреблять, какъ должно свои силы, но и знать отчетливо, почему онъ дѣйствуетъ такъ,

а не иначе. А до такого отчетливаго знанія относительно умственныхъ трудовъ доводитъ его логика. Она въ этомъ отношеніи есть *разумъ*, взирающій на самого себя, на свои занятія. 2) Мысль наша обыкновенно блуждаетъ и разсѣвается по предметамъ, а отъ этого привыкаетъ бѣгать труда и расслабляется. Логика, обращая мысль на самую себя, заставляетъ ее сосредоточиваться и тѣмъ приучаетъ ее дѣйствовать сильнѣе и глубже; съ другой стороны, коль скоро умъ узнаетъ самого себя, пойметъ законы своей дѣятельности, то съ тѣмъ вмѣстѣ приобрететъ способность правильнѣе обсуждать собственныя свои и чужія умственные произведенія, — и лучше владѣть собою и предметомъ своей дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ логика есть *гимнастика мысли*. 3), Но когда логика беретъ еще на себя указать ошибки на пути къ истинѣ, и предписать въ предостереженіе нужныя правила; то въ этомъ отношеніи она становится столько драгоценною, сколько драгоценна истина, и столько же необходимою, сколько неизбѣжны ошибки и заблужденія для разстроеннаго ума нашего. Въ этомъ смыслѣ логика справедливо называется: *medicina mentis*. 4), Что касается до отношенія логики къ другимъ наукамъ, то она есть необходимое и одно для всѣхъ введеніе и руководство, не потому только, что научаетъ правильному и цѣлесообразному употребленію познающей дѣятельности, не потому только, что указываетъ способъ собирать и очищать годныя для точныхъ наукъ матеріалы и предписываетъ способы къ ихъ употребленію, но особенно потому, что содержитъ общегодныя и не сомнѣнныя начала познанія безъ сообразности съ коими никакое познаніе не можетъ имѣть твердости, силы и убѣжденія. Въ этомъ отношеніи логика есть *наука наукъ*.» Все это, можетъ быть, и очень хорошо; но признаться откровенно мы ничего не понимали, и учили на память, въ долбяжку, въ полномъ убѣжденіи, что логика наука, должно быть, важная, когда она есть *разумъ*, *гимнастика мысли*, *medicina mentis* и *наука наукъ*!

Все это надо было списывать и задалбливать на память буквально, чтобы не опустить и малѣйшей частицы, правда иногда вовсе неумѣстной, но по той необходимой причинѣ, что ощутивши слово уже не можешь пересказать на память того, чего совершенно не понимаешь. Буквальное затверживаніе уроковъ для насъ было дѣломъ необходимости, при той манерѣ преподаванія въ нашей школѣ, какая была въ то время. Учители на-

ши любили щеголять системами такъ хитро написанными, что своими словами передать ихъ намъ не возможно было; объяснять они не старались за недосугомъ, да по ихъ мнѣнію нужды не было: систему они сами писали, имъ было знакомо и ясно; а чего сами не могли понять, то объяснять имъ было невозможно. Вотъ и бьешься бывало надъ урокомъ, стараешься усвоить его только памятью, безъ всякаго соображенія. Не правда-ли какъ это было легко, удобно и полезно? Знали мы системы на память твердо, гдѣ хочешь спроси, сей-часъ начнешь читать, только подскажи первое слово. Значитъ соображенія, посредствомъ разбора и оцѣнки затверженнаго, быть не могло, да и не слѣдовало по мнѣнію самихъ учителей: они всегда преслѣдовали тѣхъ, кто осмѣливался возражать имъ на ихъ слова или критически разбирать ихъ системы, все это считали грубостью и неуваженіемъ къ себѣ, противленіемъ духу смиренія, которое всѣми силами старались развивать въ насъ. Бывало какъ-нибудь чортъ прорветъ тебя и возразишь учителю; а тотъ тебя такъ отругаетъ за это, что долго помнишь и не суешься больше туда, куда не слѣдуетъ.

Когда мы начали изучать психологію, пошло дѣло повеселѣе, позволялось даже спорить съ учителемъ, когда онъ соизволить на это; особенно шолъ большой споръ у насъ о *происхожденіи души*, цѣлый классъ проразсуждаемъ объ этомъ предметѣ и ни чѣмъ не кончимъ. Зачѣмъ, спросять, было и говорить объ этомъ? *Вопросъ стоялъ на очереди*, нужно же было что-нибудь сказать о немъ, притомъ же было сдѣлано полезное приложеніе логики, какъ *гимнастики ума*. Занимались мы и латинью, читали Цицерона (*De officiis*); а зачѣмъ? И теперь этого сказать не умѣю, такъ для препровожденія времени. Изъ русской исторіи знали на память всѣхъ князей Рюриковичей, Ольговичей, Василіевъ и Ивановъ, но который гдѣ былъ и что дѣлалъ никакъ нельзя было опредѣленно представить: они постоянно мѣшались и замѣняли другъ друга. Страшная картина представлялась мнѣ, когда бывало вспомнишь этихъ князей великихъ и обыкновенныхъ: всѣ они представляются вмѣстѣ въ кучѣ, толкуются, дерутся, падаютъ и скачутъ, точно толпа мальчишекъ зимой на льду. А между тѣмъ молодость брала свое, тревожное чувство шевелилось въ груди, чувство какое-то теплое, заманчивое, все существо наполняло оно радостью, весело смотришь вокругъ, хотя мрачно и пусто было и ждешь чего-то, какого-

то отраднаго явленія, ищешь его, бѣжишь въ рошу, въ поле, ищешь уединенія, чтобы на свободѣ предаться мечтамъ, забыться надъ милымъ образомъ, созданнымъ собственнымъ воображеніемъ, строишь идеалъ жизни какой-то не земной, безъ всѣхъ этихъ дразгъ жизни, безъ людей, безъ дому, безъ всего, что необходимо человѣку въ жизни, гдѣ-то между землею и небомъ на воздухѣ съ милымъ образомъ и забываешься надъ этими мечтами, пока не выведетъ тебя товарищъ изъ этого заманчиваго забвенія. Сердце и страсти въ психологiи были самыя интересныя для насъ главы: въ нихъ ищешь себѣ отвѣта на тѣ тревожныя чувства, такъ сильно волнующія молодую кровь и не находишь ничего. Сухо и коротко было сказано объ этомъ интересномъ для насъ предметѣ, «сердце врагъ человѣку, оно должно быть строго подчинено разуму, иначе можетъ погубить человѣка,» что-то въ родѣ этого было сказано у насъ о сердцѣ. А страсти считались грѣхомъ, дѣлились онѣ на духовныя и тѣлесныя, на благородныя и низкія; но подробно о нихъ не говорили, а совѣтовали только подавлять ихъ въ самомъ зародышѣ, чтобы онѣ не увлекли насъ въ бездну погибели. И бьешся, бывало, какъ бы увидѣть у себя въ сердцѣ въ зародышѣ страсть, и задавить ее какъ блоху. Не глупы-ли мы были тогда? За то если попадетъ въ руки дѣльная книга, читаешь ее до обморока, читаешь ее днемъ и ночью, съ лихорадочнымъ напряженіемъ, со страстью и досадуешь, если скоро кончишь, и снова читаешь и перечитываешь, дѣлаешь выписки, заучиваешь на память, надобѣдаешь товарищу, говоривши все про нее. Какой-то новый свѣтъ озаритъ душу, чувствуешь, что не такъ въ жизни, на самомъ дѣлѣ, какъ говорятъ тебѣ въ классѣ, что не тѣхъ людей тебѣ представляютъ въ психологiи, каковы они на самомъ дѣлѣ и задумаешься крѣпко-крѣпко.... Захочется узнать жизнь на самомъ дѣлѣ, узнать людей, но гдѣ же все это найти. Судить по нашей школьной жизни о настоящей—невозможно; а въ свѣтъ, въ общество попасть нѣтъ средствъ, знакомства нѣтъ, да если бы и было, то намъ запрещалось посѣщать собранія, чтобы не развратить сердца; кто посѣщалъ собранія или танцевалъ на вечерахъ, о томъ дурно у насъ думали, считали человѣкомъ потеряннымъ. Если же и случалось попасть на вечеръ, не радъ былъ и жизни; людей много, со всѣмъ растеряешься и руки и ноги сдѣлаются лишними, такъ бы и отбросилъ ихъ прочь и прячешь руки все по карманамъ,

заговорить не умѣешь, стоишь болваномъ, смотришь сычемъ, досадно и на себя и на людей становится; за то другой разъ и не займанишь на вечеръ. То-ли дѣло, думаешь, съ товарищами, въ харчевнѣ за чаемъ: разговоры, смѣхъ, весело и свободно. А если еще придется выпить вина, разгуляешься такъ, что на улицѣ слышно и смиришься только какъ явишься въ школу, закусишь овсяной крупой и никто не узнаетъ что выпито. А время лѣтитъ незамѣтно, промелькнутъ два года, растворятся двери высшаго класса, за которыми уже ожидаетъ жизнь привольная, свободная, безъ школьныхъ тѣсныхъ рамокъ, заманчивая для неопытной юности,

Съ переходомъ въ высшій классъ совсѣмъ переродишься, все останется за порогомъ средняго класса: и вольнодумство, и логика, и психологія, и латинь, и кизья русскіе, рѣдко-рѣдко когда что нибудь вспомнится. Здѣсь другія науки и другія заботы. Сдѣлаешься важень, степенень, надмѣненъ, смотришь на все съ высока, не только не кривишь шапки на поклоны товарищей нисшихъ классовъ, а норовишь какъ бы не поклониться учителю нисшаго класса. Какъ и не заважничать? Благополучно пробравшись чрезъ два класса, ты уже у пристани, у тебя уже устроена будущность, ты уже почти совсѣмъ устроенъ, только мало мальски старайся поддержать свою репутацію въ виду начальства и кончишь благополучно курсъ, хоть бы совсѣмъ ничего не училъ и ничего не дѣлалъ. Высшіе начальники школы сами были преподавателями въ этомъ классѣ, потому и сближеніе съ ними легче. Конечно, въ классѣ потрудише маленько, держи ухо востро, чтобы какъ-нибудь не опростоволоситься, иначе достанется сильно, разругаютъ на разныя манеры. И какъ выразительно бывало ругались наши начальники, никогда не забудешь такихъ названій. Это впрочемъ дѣлалось въ видѣ пользы ближнему; мы приучались смиренію и не должны были показывать вида, что этимъ оскорбляемся, иначе легко очень было попасть на замѣчаніе и быть исключеннымъ, какъ неблагонадежный.

Бывали иногда для насъ свѣтлыя минуты, когда вздумается начальнику сдѣлать возраженіе въ родѣ слѣдующаго: *Въ какое время года сотворенъ міръ?* Поставить въ тупикъ бывало такимъ вопросомъ. Пойдутъ разсужденія и споры: одни утверждаютъ, что весной, въ мартѣ мѣсяцѣ, на томъ основаніи, что пасха въ это время празднуется; и весна есть начало жизни въ

природѣ. Другіе говорятъ, что осенью, на томъ основаніи, что для человѣка нужна была пища, а пища состояла изъ плодовъ, а плоды поспѣваютъ осенью, слѣдовательно человѣкъ сотворенъ осенью. Долго споримъ мы и рѣшимъ на томъ, какое время лучше понравится наставнику. Или спросить учитель: *долго-ли Адамъ наслаждался блаженствомъ въ раю?* Послѣ многихъ предположеній и споровъ вопросъ этотъ рѣшался тѣмъ, что Адамъ въ раю былъ только сорокъ дней на томъ основаніи, что отъ пасхи до праздника Вознесенія сорокъ дней и что святая сороклетница продолжается тоже сорокъ дней. *Можетъ-ли дьяволъ принимать на себя плоть человѣческую?* и на этотъ вопросъ найдемъ отвѣтъ удовлетворительный. Дьяволъ не можетъ имѣть истинной плоти человѣческой, но въ образѣ человѣческомъ являться можетъ, ибо онъ можетъ принимать на себя образъ ангела свѣтлаго, тѣмъ болѣе онъ можетъ принять образъ человѣческой, что и бывало, онъ много разъ являлся отшельникамъ въ образѣ человѣка, особенно въ видѣ женщины. Много было задаваемо намъ подобныхъ вопросовъ вопросовъ повидимому трудныхъ, но, при помощи логики, легко разрѣшаемыхъ.

Здѣсь старались знакомить насъ съ жизнью, и какую жалкою она намъ представлялась! *моремъ зла и пучиною беззаконій*, самыя радости жизни представлялись *камнемъ соблазна* общества свѣтскихъ людей—*стадомъ овецъ, заблудившихся на распутьяхъ міра сею лукавою и злою*; Порой болѣзненно сердце сжималось, смотря на эту мятежную и грѣшную жизнь; а самому все хотѣлось поскорѣе вырваться изъ школы и посмотреть на самую жизнь поближе, въ которой было столько страшнаго и опаснаго.

Много было работы въ этомъ классѣ тому, кто хотѣлъ учиться. Предметовъ и наукъ было довольно, и по каждому предмету была особая система, еще похитрѣе логики, которую нужно было списывать и затверживать буквально. Учители ревностно слѣдили за каждымъ словомъ; когда спрашивали уроки: малѣйшее уклоненіе отъ подлинника системы считалось вольнодумствомъ и неуваженіемъ къ личности учителя, и строго преслѣдовалось; легче было ничего не отвѣтить, чѣмъ отвѣтить, исказивши подлинникъ системы. Кромѣ того, каждую недѣлю были упражненія въ сочиненіяхъ на заданныя предложенія, а предложенія были не простыя; на примѣръ: *О кончинѣ міра. Какіе признаки кончины міра? Или: какое отношеніе между философіею и хри-*

стианскимъ ученіемъ? Оно, конечно, реторика и логика много намъ въ этомъ случаѣ помогали. Проведемъ предложеніе по всѣмъ циркумстанціямъ, расположимъ все это порядочно хрией, пересыплемъ фигурами, силлогизмами, аналогіями и посредствомъ синтезиса свяжемъ, и выйдетъ очень сносная вещь, листа въ два.

Намъ казалось въ то время, что учителя наши жили не для насъ, а для себя и для начальства. Въ классъ они ходили собственно потому, что нужно было ходить: другой разъ тяжело даже смотрѣть, какъ бѣдняга сидитъ на кафедрѣ и зѣваетъ, не можетъ дожидаться, когда пробыетъ звонокъ изъ класса, то и дѣло посматриваетъ на часы. На счетъ системъ они заботились только о томъ, чтобы онѣ были затвержены на память нами слово въ слово, безъ малѣйшихъ пропусковъ; но усвоили ли мы ихъ, поняли?... имъ до этого не было нужды. За поведеніемъ нашимъ смотрѣли очень строго и опять для того, чтобы оградить себя въ отвѣтственности передъ высшими за беспорядки и шалости въ школѣ; если кого замѣтятъ въ шалости, наказывали жестоко, кажется, не съ намѣреніемъ исправить, а чтобы строгостью наказанія удержать другихъ отъ шалостей; потому, если кто оказывался въ глазахъ начальниковъ подозрительнымъ только, старались какъ можно скорѣе выгнать такого изъ школы, чтобы скорѣе сбыть съ рукъ заботу; а объ исправленіи его не было нужды и много черзъ это погибло талантливыхъ и хорошихъ товарищей. Отношенія наши были скорѣе враждебны; мы старались быть въ глазахъ начальниковъ какъ можно болѣе скрытны, чтобъ они не могли знать насъ, какъ слѣдуетъ; правда, для мальчиковъ съ прямымъ и благороднымъ характеромъ было не совсѣмъ удобно; они всегда были по поведенію въ подозрительныхъ; за то много выигрывали мальчики съ фальшивымъ характеромъ, умѣвшіе прикрыть свои пороки маскою святоши и смиренника; не мало надѣлало зла такое ханжество дѣтей въ глазахъ начальства; оно увлекало и портило слабыхъ характеромъ, а прямодушныхъ и особенно съ сильною душою раздражало и доводило до того, что имъ не удавалось кончить курсъ благополучно. Шпіонство развито было сильно; оно и не мудрено: въ школѣ-то насъ было до четырехъ сотъ человѣкъ, гдѣ же усмотрѣть за всѣми и знать все, что гдѣ дѣлается, и отчего же не воспользоваться услугами, когда на это охотниковъ много. Другому дѣйствительно почти

необходимо было заняться ремесломъ этимъ; способностей-то не имѣеть, лобъ мѣдный, да и кое-какіе грѣшки за собою знаетъ, оно и опасно; а за заслуги всегда бываютъ благодарны, снисходительнѣе смотрятъ на поступки человѣка, который все какую-нибудь пользу приноситъ школѣ, смотришь такой и тянется изъ класса въ классъ и кончаетъ курсъ благополучно. Для насъ, оно, конечно, не совсѣмъ выгодно было; тѣсное дружеское товарищество у насъ было рѣдкостью, мало мы доверяли другъ другу, «чортъ его знаетъ, можетъ быть и шпионъ,» такъ думали о товарищѣ, оттого всѣ старались быть скрытными и лукавыми. Поглядишь на другаго въ школѣ--такой смиренный и набожный, такъ и смотреть преподобнымъ, а какъ на сторонѣ, за школой гдѣ-нибудь встрѣтишь невзначай и не узнаешь, такая сорви голова—настоящій якобинецъ. Оно, конечно, много пользы принесло такое воспитаніе; въ жизни очень пригодилось, многіе въ люди вышли вслѣдствіе такого воспитанія.

Но какъ бы ни было тамъ, а прожили и послѣдніе два года, вышли изъ школы и разсѣялись по Божьему міру; кто куда, рѣдко встрѣтишься съ товарищемъ. Слышишь посяѣ, кто изъ товарищей былъ на дурномъ счету въ школѣ, сдѣлался хорошимъ человѣкомъ, а другой и изъ отличныхъ споткнулся и ползаетъ въ грязи; а иные совсѣмъ отпѣтыми становятся, такими взувѣрами, что и говорить съ ними страшно.

«Жизни! жизни! Струя бурнаго потока! Попадетъ въ тебя человѣкъ и вертишь его такъ и этакъ, поставишь кверху ногами и опять повернешь и опрокинешь, рѣдко кто попадетъ въ свѣтлую струю и не захлебывается грязью: а все это оттого, что въ школѣ не слушаешь наставниковъ, какъ слѣдуетъ, не стараешься твердо усвоить системъ наукъ, чтобы онѣ крѣпко держались въ головѣ твоей. За то при первомъ сквозномъ вѣтрѣ всѣ онѣ вылетаютъ вонъ изъ головы, гдѣ остается пусто совершенно, если не успѣлъ, хоть самъ по себѣ, запастись какъ-нибудь въ школѣ при помощи дѣльныхъ книгъ. Ну и пеняй на себя, что опустилъ золотое время и не пользовался источниками премудрости, чтобы напоить жаждущую твою душу и быть, какъ слѣдуетъ, добрымъ человѣкомъ, одѣтымъ мягкой одеждою смиренія и опирающимся на посохъ терпѣнія, идущимъ по стопамъ твоихъ учителей, а сдѣлался, даже страшно и говорить, вольнодумцемъ, погдѣшею и заблудшею овцею!»

Помнится мнѣ, писалъ я такъ въ школѣ на заданную мнѣ учителемъ реторики тему «жизнь».

Что же? отвѣчать ли на вопросъ, поставленный нами въ эпиграфъ? Довольно кажется и того, что онъ вызвалъ у насъ воспоминаніе «*прошлое*»; подождемъ болѣе удобнаго времени для прямого отвѣта, а теперь, покажѣсть, довольно.

—скій.

ИНДЬЙСКАЯ ПѢСНЯ.

изъ Байрона.

I.

Съ подушкой моей одинокой
 Одна говорю я въ часъ ночи глубокой:
 Гдѣ-жь милый, котораго сердце зоветъ?
 Не онъ ли мнѣ снится съ своею ладьею,
 Вонъ тамъ, гдѣ сѣдая волна за волною
 Бѣжитъ и гудитъ?

II.

Къ подушкѣ моей одинокой
 Не разъ онъ склонялся—мой другъ черноокой...
 Безъ милаго сердцу не спится на ней.
 Когда-же Востокъ запыхаетъ зарею?
 Невольно склоняюсь я къ ней головою,
 Какъ пальма къ могилѣ порою
 Склоняется грузомъ вѣтвей.

III.

Къ подушкѣ моей одинокой
 Съ одною мольбою я въ грусти глубокой:
 Я сна лишъ прошу у нея одного
 Пусть слезы хоть въ немъ осушу я,
 И пусть не умру я,
 Пока не увижу его!

IV.

Тогда-жь... ты не будешь тогда одинокой
 Пусть къ сердцу прижметъ меня другъ черноокой.
 А тамъ—поутру,
 Полна и восторга, и счастья мечтою,
 Склонившись къ тебѣ головою
 Пускай я умру!

Н. ГРЕВОВЪ.

МЕМУАРЫ КАНЛЕРА

Агенты-подстрекатели.—Двѣ петарды въ Тюильери.—Пѣсни Беранже. — Трехцѣптыя подтяжки.—Покушеніе на жизнь короля.—Адская машина. — Убіиство Германсь Декрѣ.—Первое апрѣля.—Жена одного офицера.—Убіиство Семепина.

АГЕНТЫ-ПОДСТРЕКАТЕЛИ.

Мѣсяца три тому назадъ, въ Парижѣ вышла въ свѣтъ книга, надѣлавшая много шума въ публикѣ: «*Mémoires de Canler, ancien chef du service de sûreté.*» Книга имѣла громадный успѣхъ: въ два мѣсяца вышло четыре изданія. И не въ одномъ Парижѣ результаты полицейской практики показались особенно интересны: по общимъ отзывамъ петербургскихъ книгопродавцевъ, у нихъ, въ двѣ недѣли, весь запасъ Мемуаровъ былъ уже распроданъ. Четвертому изданію, впрочемъ, не посчастливилось: вслѣдствіе запрещенія оно было захвачено Парижской полиціей.

Издатель Мемуаровъ г. Генцель и самъ авторъ были потребованы къ суду. Французское правительство нашло, что нагота, съ которой раскрыты Канлеромъ многія событія, безнравственна; что онъ нескроменъ, потому что главныя дѣйствующія лица нѣкоторыхъ изъ описанныхъ имъ событій до сихъ поръ живы и извѣстны цѣлому Парижу; что наконецъ, бывший начальникъ тайной полиціи слишкомъ открыто, откровенно рассказываетъ о недостаткахъ и промахахъ своихъ парижскихъ собратьевъ по искусству.

Мемуары Канлера служатъ какъ бы дополненіемъ извѣстныхъ мемуаровъ Видока, основателя парижской тайной полиціи. Они содержатъ много богатыхъ матеріаловъ для исторіи образованности во Франціи, въ одну изъ ея наиболѣе замѣчательныхъ эпохъ, — эпоху *реставраціи*. Канлеръ вступилъ въ полицейскую службу въ 1820 году: сколько громадныхъ событій прошло во Франціи одно за другимъ со времени умерщвленія герцога беррійскаго до покушенія Орсини! Въ концѣ предисловія къ своимъ запискамъ. Канлеръ, сынъ простаго солдата, проситъ читателя быть снисходительнымъ къ его слогу; намъ кажется, что авторъ излишне скромнъ: во многихъ мѣстахъ своихъ рассказовъ онъ является художникомъ; такъ напримѣръ

личности Ласенера, Фіески и нѣкоторыхъ другихъ очерчены имъ мастерски, даже художественно. Въ предисловіи къ своей книгѣ авторъ говоритъ, что главнымъ и единственнымъ побужденіемъ печатать свои записки, для него было «желаніе распространить тѣ свѣдѣнія и идеи, которыя пріобрѣтены имъ долгимъ практическимъ опытомъ; — надежда спасти отъ гибели нѣсколько слабыхъ по характеру личностей, показавъ имъ пороки такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, т. е. безобразнымъ, низкимъ, грязнымъ, отталкивающимъ;—убѣжденіе, наконецъ, въ обязанности относительно общества, изложить передъ нимъ тѣ событія, въ которыхъ авторъ или принималъ участіе самъ, или былъ свидѣтелемъ.»

Представляя нѣсколько главъ изъ мемуаровъ Конлера въ переводѣ, мы представляемъ самимъ читателямъ опредѣлить на сколько достигается авторомъ предположенная цѣль.

Однажды я сидѣлъ въ тюльерійскомъ саду и невольно перенесся воспоминаніями въ ту эпоху, когда я увидалъ тюльерійскій дворецъ въ первый разъ въ жизни. Мои размышленія были неожиданно прерваны лѣтскимъ голосомъ, весьма раздраженнымъ; это былъ голосъ маленькой дѣвочки, восьми или девяти лѣтъ, свѣженькой, нарядной, завитой, съ бѣлымъ личикомъ, шелковистыми пепельнаго цвѣта волосами и большими голубыми глазами. Прелестное созданіе дѣлало своему маленькому брату, трехлѣтнему мальчугану, самый строгій выговоръ. Затѣмъ, осмотрѣвшись вокругъ себя, и видя что никто не смотритъ, прелестное созданіе разломало игрушку, которую держалъ въ рукахъ маленькій братъ, и стало бить его изъ всѣхъ силъ. На крикъ мальчика прибѣжала нянька, до тѣхъ поръ чувствовавшая, какъ кажется, особенную потребность потолковать о «матеріяхъ важныхъ» съ барабанщикомъ одного линейнаго полка. По приходѣ няньки, маленькая дѣвочка обратилась къ ней съ упрекомъ, выдержаннымъ въ самомъ естественномъ тонѣ: «Какъ это не пріятно! Тебя никогда тамъ нѣтъ, гдѣ слѣдуетъ, и мнѣ всегда самой приходится смотрѣть за маленькимъ братомъ, который ломаетъ всѣ свои игрушки! Я скажу объ этомъ маменькѣ, непременно!

Я былъ возмущенъ такой вѣроломной злобой и лицемеріемъ въ ребенкѣ такого нѣжнаго возраста. Поведеніе дѣвочки казалось мнѣ печальнымъ предвѣстникомъ для ея зрѣлыхъ лѣтъ. Нить моихъ размышленій навела меня на представленіе себѣ тѣхъ послѣдствій, которыя являются отъ примѣненія подобными злобными натурами своихъ дурныхъ инстинктовъ и двуличности къ политическимъ вопросамъ. Мои мысли естественно перенеслися въ эпоху реставраціи, когда мнѣ доводилось близко видѣть всѣ козни слѣпой реакціи, находившей дѣятельную помощь въ алчности и низости сателлитовъ, всегда готовыхъ подслужиться всѣмъ недовольнымъ.

Избави Богъ, чтобъ я рѣшился сказать, что всѣ личности того времени были одушевлены однимъ и тѣмъ же духомъ; но нельзя сказать, къ сожалѣнію, чтобъ благородные и возвышенные характеры,

окрѣпшіе въ несчастіяхъ и достойные всеобщаго уваженія составляли въ то время большинство; однако, предположивъ даже равночисленность враждовавшихъ элементовъ общества въ ту эпоху, влияние достойныхъ личностей всегда подавлялось при этомъ условіи влияніемъ личи остей съ дурными страстями; отсюда происходило, что преобладаніемъ пользовались люди крайніе (ультра), считавшіе себя болѣе роялистами, чѣмъ самъ король и смотрѣвшіе на Францію, какъ на завоеванную страну, или какъ на землю, обитатели которой были въ ихъ глазахъ не болѣе какъ старыя, мятежныя, теперь побѣжденные вассалы.

Подъ влияніемъ такого реакціонернаго духа, полиція болѣе чѣмъ когда-нибудь отклонилась отъ своего естественнаго назначенія, и ея дѣятельность была почти исключительно посвящена или для удовлетворенія личной злобы, или для служенія кознямъ партій, погубившей бурбоновъ. Подстрекательство, это вѣроломное и грязное оружіе, вызывающее только справедливое негодованіе было приведено въ организованную систему, частью для того, чтобъ придать характеръ законности репрессивнымъ мѣрамъ, частью же, чтобъ вывѣлать убѣжденія какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ массъ и отомстить за эти убѣжденія.

На югъ Франціи было послано два полицейскихъ агента: первый, старшій служака Имперіи, второй эксъ-кузнецъ. Имъ было поручено открыто продавать портреты и алебастровыя бюсты членовъ королевской фамиліи; но кромѣ того на днѣ ихъ разнощичьихъ коробовъ были запрятаны гравюры и маленькія свинцовыя статуетки представлявшія императора, предлагавшіяся любителямъ подъ секретомъ.

Если какой-нибудь простофиля попадался въ прогакъ, агенты, снабженные вѣрными паспортами и особыми рекомендательными письмами, немедленно объявляли о провинившемся. За этимъ естественно слѣдовалъ тотчасъ же обыскъ квартиры, неизбѣжно находилась запрещенная вещь обладатель ее подвергался аресту и затѣмъ весьма строгому суду.

Въ Парижѣ подстрекательство этого рода шло въ самыхъ прихотливыхъ формахъ.

Честные работники затаскивались въ кабаки людьми одѣтыми въ такое же какъ и у нихъ платье, и говорившими тѣмъ же жаргономъ, объявлявшими себя ихъ друзьями; затѣмъ, когда у работниковъ стаканы были въ рукахъ, друзья подстрекали ихъ высказать мысль, осуждавшую дѣйствія правительства; мало по малу устанавлилось взаимное довѣріе; сначала работники жаловались тихо, кончали разумѣется громко, порицая всѣхъ у кого была власть. Отсюда естественно приходили къ заявленію желанія радикальной переменны въ правительствѣ и подъ влияніемъ подзадориваній коварныхъ агентовъ, рѣшались осуществить свои желанія заговоромъ, не шедшимъ далѣе мечтаній и не могшихъ никогда осуществиться. Разгоряченные винными парами, подписывали клятвенное обѣщаніе, составленное наскоро между бутылками; подписанный актъ

доставлялся въ префектуру агентами-подстрекателями, которые скрывались, а въ одно прекрасное утро, несчастныя жертвы обмана просыпались въ казематахъ.

Подобнымъ образомъ былъ захваченъ одинъ старый, выпитыхъ чиновъ офицеръ, по имени Миллеръ, весьма горячо проповѣдывавшій свои бонапартозскія мнѣнія и нисколько не скрывавшій ихъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ французовъ, которые, послѣ паденія первой имперіи, искали убѣжища въ равнинахъ Техаса. Черезъ нѣсколько времени онъ снова возвратился въ Парижъ, гдѣ не замедлилъ сойтись съ двумя личностями, называвшими себя капитанами, Дювернелемъ и Синоромъ, которые въ дѣйствительности были только Вовъ и Шенъ (Chiup), два полицейскихъ агента. Эти господа, объявили себя отчаянными бонапартистами и возбуждали негодованіе полковника противъ правительства бурбоновъ. Однажды вечеромъ послѣ обѣда, за рюмкою вина, они успѣли таки убѣдить Миллера подписать клятвенное обѣщаніе, съ котораго я предлагаю здѣсь точную копію:

«Мы, Жанъ-Батистъ Миллеръ, баронъ де-Сюлли, бывшій подполковникъ 9-го полка гусаровъ, Николай-Августъ Дювернель и Жанъ-Жакъ Синоръ, капитаны кавалеріи, клянемся умереть за истинную свободу безъ королевской власти, по крайней мѣрѣ, если эта послѣдняя не будетъ вручена только Наполеону II.

«Заключено въ Парижѣ, 20 марта 1820 г.»

«Подписались: Миллеръ, Дювернель, Синоръ.»

Оба агента поспѣшили возможно-скорѣе доставить эту бумагу въ префектуру полиціи; Миллеръ былъ арестованъ и осужденъ на десятилѣтнее изгнаніе.

Два петарды въ Тюльери.—Пѣсни Веранже. Трехцвѣтныя подтяжки.—
Покушеніе на жизнь короля.—Адская машина.

Послѣдняя отрасль фамиліи, грозившей престѣхся, герцогъ беррійскій имѣлъ удовольствіе узнать, на смертномъ одрѣ, что герцогиня его жена беременна. Газеты, разумѣется, не преминули тотчасъ же довести объ этой беременности до всеобщаго свѣдѣнія, а роялисты не замедлили замѣтить, что рука, управлявшая рукою убійцы въ злодѣяніяхъ 13-го февраля, рассчитывала, безъ сомнѣнія, лишить французскій тронъ наследника, а французскаго короля — прямого себѣ преемника; но что нѣбу, разрушившему эти намѣренія, угодно было оплодотворить именитую герцогиню, чтобы доставить бурбонамъ старшей линіи, новую отрасль. Но надежда роялистовъ не составляла еще предмета всеобщей радости, и три господина: Гравье, старый офицеръ имперіи, Вутонъ и Л***, рѣшили воспрепятствовать благополучному исходу беременности герцогини Беррійской. Имъ пришлось въ голову сдѣлать двѣ страшныхъ петарды, съ цѣлью помѣстить ихъ подъ одной изъ форточекъ оконъ тюльерійскаго дворца,

вблизи отъ покоевъ герцогини. Взрывъ снарядовъ ночью долженъ былъ произвести у герцогини преждевременные роды отъ испуга.

Условившись въ проектѣ, заговорщики стали приводить его въ исполненіе; Бутонъ и Гравье взяли на себя трудъ достать пороху и устроить орудіе, задуманное для совершенія преступленія.

Но они скоро почувствовали опасность, нерѣшительность и даже угроженія совѣсти; замыселъ представился имъ во всемъ его ужасѣ, предстоявшее преступленіе стало страшить ихъ, и дѣло стало тянуться съ большой медленностью: можетъ быть оно было бы и совѣмъ оставлено, если бы въ числѣ трехъ заговорщиковъ не было одного Іуды, который заранѣе уже продалъ кровь своихъ соучастниковъ.

Л*** находился съ нѣкотораго времени въ прямыхъ сношеніяхъ съ полицейскимъ офицеромъ Ривуаромъ, къ которому приходилъ ежедневно въ префектуру, даже въ томъ залѣ, въ которомъ собирались всѣ офицеры и инспекторы полиціи за полученіемъ ежедневныхъ приказаній. Л*** весьма хорошо извѣстенъ всемъ агентамъ, каждый изъ нихъ зналъ; зачѣмъ онъ являлся въ префектуру, но Л** имѣлъ ловкость никому не выдавать заранѣе предаваемыхъ имъ въ руки полиціи жертвъ, обѣщаясь выдать ихъ въ минуту совершенія ими преступленія.

Ежедневно Бутонъ и Гравье были посѣщаемы своимъ ложнымъ сотоварищемъ и ежедневно этотъ послѣдній понуждалъ ихъ поспѣшнѣй кончать дѣланіе петарды. Когда, наконецъ, петарды были готовы, Л*** и Гравье, ночью 29 апрѣля, отправились къ Тюйльери и взорвали одну петарду; взрывъ не произвелъ, впрочемъ, никакого печальнаго послѣдствія. Бутонъ и Гравье были до такой степени взволнованы своей преступной попыткой, что рѣшились оставить дальнѣйшее преслѣдованіе своихъ намѣреній, но, подъ вліяніемъ упрековъ Л*** въ малодушіи и трусости, оба простака дали возможность негодяю такъ настроитъ себя, что снова рѣшились взорвать вторую петарду въ ночь 6-го мая.

Въ назначенный часъ, Л*** проводилъ Гравье до Тюйльери, со стороны улицы Риволи; но, дойдя до мѣста, Л*** оставилъ Гравье одного, а самъ удалился въ сторону; полицейскій офицеръ Ривуаръ, какъ было уже условлено между нимъ и Л*** заранѣе, спрятался въ засадѣ, за угломъ дворца съ агентами: Давидомъ, Ганна, Мазьерсомъ и Ламженомъ. Въ тотъ моментъ, когда Гравье наклонился, чтобъ прикрѣпить петарду, Ривуаръ и агенты бросились и схватили его.

Бутонъ былъ арестованъ нѣсколько дней спустя.

И послѣ этихъ двухъ арестовъ Л*** продолжалъ по-прежнему въ теченіи нѣсколькихъ дней посѣщать префектуру, какъ будто бы въ стѣнахъ того же самага зданія никогда и не бывало двухъ людей, надъ которыми тяготѣлъ, по его милости, смертный приговоръ!

На допросѣ Гравье и Бутонъ объявили о своемъ соучастникѣ; полиція, желавшая освободить этого послѣдняго отъ суда, выслала его въ Голландію проживать заработанныя доносомъ деньги. Между тѣмъ Гравье и Бутонъ были приговорены къ смерти; но герцогиня

Веррійская, узнавъ объ этомъ, написала къ королю, своему дядѣ, слѣдующее письмо:

«Милый дядюшка! Не имѣя возможности видѣть короля сегодня лично, я пишу къ нему, чтобъ испросить помилованіе двумъ несчастнымъ, присужденнымъ вчера къ смерти, за покушеніе противъ моей особы.

Я была бы въ отчаяніи, еслибъ французамъ пришлось умирать за меня. Оплакиваемый мною ангелъ, умирая, просилъ помилованія своему убійцѣ; этотъ ангелъ останется навсегда судьей моей жизни; позволите-ли вы мнѣ взять съ него примѣръ, и умолять ваше величество, доровать помилованіе обоимъ несчастнымъ?

«Державный примѣръ короля приучилъ всѣхъ насъ къ милосердію; соблагоизволить-ли король, чтобъ первыя минуты существованія моего Генриха, моего милого сына, вашего сына, сына всей Франціи были отмѣнены прощеніемъ?

Не поспѣйте, мой милый дядя, за ту свободу, съ которой я осмѣливаюсь открыть предъ вами мое сердце; ваша снисходительная доброта ободряла меня во всѣхъ случаяхъ.

Умоляю короля извинить мою смѣлость и вѣрить въ мое уваженіе, также глубокое, какъ и чувства, съ которыми я остаюсь, вашего величества, почтительная, покорная и послушная племянница.»

«Королина.»

По полученіи этого письма, король замѣнилъ смертный приговоръ Вутона и Гравье на вѣчныя каторжныя работы.

Пѣсни Беранже были запрещены, тѣмъ не менше пѣлись вездѣ, доставляя тѣмъ самое живое неувольствіе господамъ іезуитамъ, Наконецъ, агентамъ полиціи было предписано употребить всѣ за висіяція отъ нихъ средства, чтобъ захватить эти пѣсни у книгопродавцевъ, до послѣдней книги. Агентъ Д., чтобъ заслужить благосклонность начальства при этомъ удобномъ случаѣ, отправился къ г. Терри, книгопродавцу въ Пале-Ройяль; здѣсь онъ объявилъ себя коммиссіонеромъ Соединенныхъ-Штатовъ, прибавивъ, что имѣеть въ своемъ распоряженіи въ настоящую минуту судно, отправляющееся въ Филадельфію и нагруженное уже огромнымъ транспортомъ разныхъ товаровъ, но что ему не достаетъ только ни болѣе, ни менше какъ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ пѣсенъ Беранже, чтобъ дополнить окончательно его транспортъ, и что если г. Терри будетъ такъ обязателенъ, доставить ему требуемое, то разумѣется, можетъ остаться увѣреннымъ въ самомъ щедромъ вознагражденіи. Книгопродавецъ, у котораго не случилось въ то время вовсе пѣсенъ Беранже, отвѣчалъ Д., что онъ не можетъ удовлетворить его желанію не имѣя въ своемъ распоряженіи ни одного экземпляра пѣсенъ; агентъ сталъ такъ неотступно просить, что г. Терри обѣщался достать необходимое число книгъ у одного изъ своихъ товарищей по торговлѣ; назначенъ былъ часъ, въ который товаръ долженъ быть доставленъ Д. по данному имъ ложному адресу; между тѣмъ Д. по-

ручилъ трехъ своимъ сослуживцамъ подстеречь книгопродавца и въ то время какъ этотъ послѣдній, съ грудой экземпляровъ, подъѣзжалъ къ воображаемой квартирѣ Д., онъ былъ задержанъ на улицѣ тремя агентами. Несчастный Терри, приведенный къ суду исполнителей полиціи былъ осужденъ на шестимѣсячное тюремное заключеніе и весьма значительную пеню.

Какъ можно видѣть изъ всѣхъ этихъ фактовъ, подстрекательство было въ это время въ порядкѣ вещей. Во всякомъ случаѣ, — что не можетъ не показаться съ перваго взгляда не только удивительнымъ, но и непонятнымъ—какъ могло попасться въ просакъ въ этихъ безчестныхъ надувательствахъ такое огромное число фабрикантовъ, торговыхъ людей; чтобъ заманить ихъ въ свои сѣти агенты, какъ видно, весьма мало прибѣгали къ изобрѣтательности своего воображенія; ими употреблялся постоянно одинъ и тотъ же способъ: бюсты Наполеона, трехцвѣтныя эмблемы, однимъ словомъ соблазнительныя вещи, названные по ихъ словамъ въ Соединенные-Штаты или въ нѣкоторые изъ мелкихъ республикъ Америки. Между тѣмъ, для легковѣрныхъ не было недостатка въ предостереженіяхъ: ежедневно, въ газетахъ объявлялось о многочисленныхъ приговорахъ, присужденныхъ за продажу или издѣліе запрещенныхъ предметовъ, но приманка вознагражденія ежедневно порождала новыя жертвы.

Подобная система, естественнымъ образомъ, могла только раздражать порочныя страсти въ агентахъ; чтобъ отличиться предъ начальствомъ, имъ оставалось одно только средство: открыть какой-нибудь замыселъ, заговоръ; или же, если послѣ долгихъ поисковъ не удавалось ничего открыть, — завязать какую-нибудь безчестную интригу, — впутать въ воображаемый заговоръ какого-нибудь почтеннаго отца семейства, у котораго можетъ быть ни разу въ жизни не пробѣгало даже мысли о заговорѣ, — придумать соучастниковъ, избравъ для этой роли другія невинныя личности и наконецъ предать все дѣло въ руки полиціи.

Этимъ послѣднимъ средствомъ, въ числѣ другихъ, воспользовался нѣкто Б... одинъ изъ полицейскихъ агентовъ при г. Делаво * . Этотъ человѣкъ обладалъ замѣчательной энергіей: настолько же лукавый, насколько предприимчивый, онъ умѣлъ воспользоваться всякимъ вздоромъ. Сидѣемый чрезмѣрнымъ честолюбіемъ, онъ изыскивалъ всевозможные случаи, чтобъ выставиться предъ начальствомъ. Въ одно прекрасное утро, Б*** призвалъ въ свое бюро одного изъ своихъ агентовъ. Д., ремесломъ портнаго, отставнаго гвардейца, украшеннаго орденомъ почетнаго легіона. «Мой другъ, сказалъ Б***, когда оба были наединѣ, въ префектурѣ говорить, что мы ни на что болѣе годны: надо сказать правду, что уже давненько въ наши руки не попадалась никакая операція серьезнаго свойства, и вотъ почему намъ слѣдовало бы возстановить нашу репутацію въ глазахъ другихъ, доказавъ, что ужь если кто то не мы дадимъ маху. Я

* Бывшимъ префектъ парижской полиціи.

вспомнилъ о васъ, я знаюваше искусство, вашу смѣтливость, и увѣренъ, что въ вашихъ рукахъ дѣло всегда прійдетъ къ доброму концу».

(Здѣсь Д. скорчился гримасу и покачнулся, такъ что, пожалуй, его движеніе можно было принять за поклонъ).

«Завтра утромъ, продолжалъ полицейскій, вы отправитесь къ какому-нибудь первостатейному купцу, въ улицѣ Сень-Дени; вы постараетесь, разумѣется, обратиться къ негоціанту, хорошо извѣстному по своему либеральному образу мыслей, и закажете ему нѣсколько дюжинъ трехцвѣтныхъ подтяжекъ; это обстоятельство можетъ принять характеръ прелестнѣйшаго крошечнаго заговора, потому что вмѣсто того, чтобъ обременять себя лишними подтяжками, мы сдѣлаемъ проще — захватимъ ихъ».

Снабженный инструкціями, Д. отправился въ улицу Сень-Дени и, поднявъ къ верху носъ, заложивъ руки въ карманы, сталъ отыскивать между множествомъ вывѣсокъ надъ магазинами ту, на которую долженъ былъ пасть выборъ.

На другое утро, Д. явился къ г. Бюрту, мастеру подтяжекъ, въ Сень-Дени, № 319, заявленному кѣмъ-то агенту либераломъ.

— Милостивый государь, началъ Д., — я состою въ прямыхъ сношеніяхъ съ многими изъ американскихъ республикъ, которыя всѣ обратились ко мнѣ, на этотъ разъ, съ просьбой доставить трехцвѣтныхъ подтяжекъ.

— Милостивый государь, отвѣчалъ купецъ, — къ моему искреннему сожалѣнію, я не могу удовлетворить васъ; я не продаю трехцвѣтныхъ подтяжекъ, не могу и не имѣю права взять на себя подобный заказъ. У меня есть впрочемъ большой выборъ подтяжекъ всѣхъ сортовъ и размѣровъ; если они могутъ удовлетворить васъ, мнѣ будетъ очень пріятно быть вамъ полезнымъ.

Д. отказался, и, повѣсивъ носъ, направилъ стопы свои къ полицейскому агенту, рассказать о плохомъ успѣхѣ своихъ попытокъ.

— Милый мой, замѣтилъ съ нетерпѣніемъ на это послѣдній, — вы меня положительно сердите! Я поручилъ вамъ превосходнѣйшее дѣло, а у васъ оно изъ рукъ валится! Стыдно-съ! Впрочемъ обработывайте его какъ знаете, потому что я сегодня еще докладывалъ уже о немъ, и потому необходимо, чтобъ такъ или иначе, оно удалось.

Д. понурилъ голову, но обѣщавъ привести дѣло къ ожидаемому концу. Онъ снова отправился къ Бюрту:

— Я передумалъ, обратился онъ къ купцу, — если вамъ не возможно доставить мнѣ желаемыхъ подтяжекъ, то я рискую вѣроятно встрѣтить подобное же затрудненіе и со стороны другихъ фабрикантовъ: я рѣшился воспользоваться, по крайней мѣрѣ, тѣмъ подтяжками, которыми вы располагаете.

Затѣмъ Д. выбралъ и купилъ нѣсколько дюжинъ совершенно бѣлыхъ подтяжекъ, но такихъ, на которыхъ явственно былъ видѣнъ штампель фабриканта. Запасшись подтяжками, Д. купилъ красной и голубой ленты и въ теченіе ночи прилежнымъ образомъ занялся об-

шиваніемъ этими лентами подтяжекъ, которыя, обшитыя съ одного края голубой, а съ другаго красной лентой, сдѣлались трехдѣльными.

На другой день, рано утромъ, Д. явился въ бюро г. Б. съ своими подтяжками; тотчасъ же былъ составленъ актъ и вслѣдъ затѣмъ сдѣланъ обыскъ въ квартирѣ и магазинахъ г. Бюрта. Разумѣется, обыскъ ни къ чему не привелъ; тѣмъ не менѣе фабрикантъ былъ арестованъ, но чрезъ нѣсколько дней выпущенъ на свободу за отсутствіемъ достаточныхъ уликъ.

Спустя нѣсколько времени. г. Вюртъ отправился въ Théâtre-Français; подойдя къ кассѣ, онъ увидалъ покупателя подтяжекъ въ Америку, разговаривавшимъ не вдалекѣ съ какимъ-то чиновникомъ; Д. съ своей стороны узналъ фабриканта и счелъ за благо немедленно скрыться.

Фабрикантъ, пытавшій тайное негодованіе противу господина, такъ безчестно взвалившаго на него грязную клевету, освѣдомился у контролера объ интересовавшемъ его лицѣ и узналъ, что это былъ агентъ тайной полиціи, Д.

На другой день въ судъ была подана жалоба; королевскій прокуроръ началъ слѣдствіе, которое, само собою разумѣется, ни чѣмъ не кончилось, иначе пришлось бы тайнаго агента полиціи преслѣдовать, какъ преступника.

Чтобы удовлетворить однако же общественное мнѣніе, возбужденное противъ всей этой безчестной процедуры, газетами, раскрытыми ея малѣйшія подробности, администраторы оффиціальнымъ образомъ объявили объ увольненіи отъ должности агента Д.; но чрезъ нѣсколько времени онъ снова вступилъ въ отправленіе своихъ прежнихъ занятій по полиціи и съ г. Вюртомъ еще разъ была сыграна комедія, потому что въ то время какъ фабрикантъ радовался изгнанію недостойнаго подстрекателя, эксъ-портной не терялъ ни одной копейки изъ своего жалованья.

Полицейскій агентъ Т. снюхался съ нѣкимъ С., отставнымъ военнымъ, жившимъ въ улицѣ св. Лазаря, № 120; оба индивидуума, и еще третій, носившій мундиръ офицера инвалидовъ, сходились ежедневно на Марсовомъ полѣ, гдѣ Т., послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, передавалъ С. пятифранковую монету. Этотъ послѣдній уходилъ тогда по направленію къ заставѣ Монсо и переходя изъ кабака въ кабакъ, возвращался домой, порядочно поиздержавъ свою ежедневную пятифранковую подачку. Два полицейскихъ агента, теряясь въ догадкахъ, въ чемъ здѣсь дѣло, получили приказаніе слѣдовать за обитателемъ улицы св. Лазаря, и не упускать его изъ виду до тѣхъ поръ, пока онъ не взойдетъ въ свою квартиру, чтобы составить понятіе о дѣйствіяхъ этого господина. Маневры агентовъ продолжались съ полмѣсяца; тогда Т. объявилъ, что С. намѣренъ убить короля и что пора уже арестовать этого человѣка. Вотъ къ чему клонились ежедневныя собранія трехъ личностей на Марсовомъ полѣ.

На другой день послѣ этого извѣщенія, агентъ-подстрекатель, ложный офицеръ инвалидовъ и С сошлись, по обыкновенію на свиданіе; но на этотъ разъ, вмѣсто того, чтобъ потолковать на мѣстѣ, они пошли по направленію къ Плезансъ, вошли въ винный погребъ, заранѣе избранный Т. и направились въ отдѣльный кабинетъ, прилежавшій къ другой небольшой комнатѣ, такъ что въ каждой изъ нихъ можно было слышать, что говорится въ другой. Агенты, преслѣдовавшіе въ теченіе пятнадцати дней С. помѣстились въ комнатѣ, прилежавшей къ кабинету: стали подслушивать у дверей и вскорѣ они могли слышать, какъ Т. говорилъ своей заманенной жертвѣ:

— Удобная минута приближается, ждате болѣе нечего; мы найдемъ для васъ отдѣльный домикъ по дорогѣ къ Нейльи; добрый конь будетъ также приготовленъ для вашихъ услугъ, чтобъ вы имѣли возможность скрыться тотчасъ же послѣ нанесенія удара.

Въ эту минуту, комиссаръ и агенты тихонько пробрались въ маленькую комнатку, чтобъ болѣе явственно слышать слова С.; этотъ же послѣдній, возбужденный не только разговоромъ своихъ двухъ собесѣдниковъ, но и значительнымъ количествомъ винныхъ напитковъ, подставленныхъ ему, сталъ разражаться въ самыхъ бурныхъ угрозахъ противу короля и формальнымъ образомъ объявлялъ о своемъ намѣреніи посягнуть на его жизнь и тѣмъ *избавить Францію отъ ея тирана.*

Всѣ эти выраженія были тщательнымъ образомъ записаны полицейскимъ комиссаромъ и когда Т., считая, что намѣреніе С. уже достаточно раскрылось для агентовъ, прекратилъ совѣщаніе, трое заговорщиковъ вышли изъ виннаго погреба; но не прошло двухъ минутъ, какъ всѣ они были арестованы полицейскими агентами и разведены въ разныя стороны.

Агентъ Т. и ложный офицеръ инвалидовъ, само собою разумѣется, были освобождены. Между тѣмъ С. былъ отосланъ въ Брестъ и отсюда, вмѣстѣ съ женою, отправленъ въ Сенегаль.

Въ предмѣстьяхъ св. Антонія и Тамплѣ, двухъ наиболѣе населенныхъ центрахъ Парижа, ежедневно можно было встрѣтить прибывша къ столбамъ или стѣнамъ афиши, полныя оскорбительныхъ выраженій и угрозъ противу особы короля; полиція встрепенулась, но ей пришлось имѣть на этотъ разъ дѣло съ ловкимъ противникомъ; виновниковъ не отыскивалось. Утомленное долгой борьбою, правительство кончило тѣмъ, что обѣщало особенное вознагражденіе тому изъ агентовъ, который схватитъ или откроетъ автора афишъ — средство крайнее, употребляемое обыкновенно въ томъ случаѣ, когда дѣло безнадежно. Едва только было объявлено о вознагражденіи, какъ одинъ тайный агентъ далъ знать рапортомъ префекту, что ему удалось наконецъ напасть на слѣдъ автора памфлетовъ, и что если будутъ отправлены два полицейскихъ агента къ такому-то виноторговцу, въ предмѣстьѣ Тамплѣ, то они встрѣтятъ тамъ двухъ индивидуумовъ, одного — высокаго, одѣтаго въ рединготъ бѣловатаго цвѣ-

та, другаго - низенькаго, въ синемъ рединготѣ; что наконецъ, послѣдивъ немного за этимъ послѣднимъ, агентамъ не трудно будетъ убѣдиться, что именно онъ-то и прибываетъ упомянутыя афиши.

Въ назначенный часъ агенты были на мѣстѣ и стали наблюдать: человекъ въ синемъ рединготѣ сидѣлъ одинъ за столомъ въ кабакѣ; но когда къ нему присоединился человекъ въ бѣловатомъ рединготѣ, агенты имѣли возможность узнать въ этомъ послѣднемъ своего товарища по занятіямъ.

Четверть часа прошло въ разговорѣ; затѣмъ высокій передалъ своему акколиту, и не такъ скромно, чтобы нельзя было замѣтить, пакетъ афишъ, и оба разстались, сказавъ другъ другу: до свиданья.

Въ то время, какъ низенькій человекъ прибывалъ уже четвертую афишу, онъ былъ арестованъ. Это былъ нѣкто Л., механикъ ремесломъ; онъ жилъ въ улицѣ Королевскаго Фонтана, съ большимъ трудомъ снискивалъ работой кусокъ хлѣба и содержалъ своими трудами семидесятилѣтнюю старуху мать.

Во время преній въ судѣ, этотъ несчастный, не имѣя возможности отрицать совершенный имъ проступокъ, старался, хоть и напрасно, оправдать себя тѣмъ, что онъ былъ подученъ прибывать оскорбительныя для короля воззванія однимъ молодымъ человекомъ высокаго роста, о которомъ онъ только и зналъ, что его зовутъ Адольфомъ; что этотъ молодой человекъ вручалъ ему памфлеты, въ одномъ изъ кабаковъ въ предмѣстьѣ Тампля. Судъ, конечно, не могъ принять въ уваженіе этихъ показаній и несчастный долженъ былъ заплатить своей свободой за подстрекательство и наускиванія тайнаго агента, о которомъ другіе агенты остерегались говорить, полагая, что ему поручено было высшими властями склеить всю эту исторію.

Полицейскій агентъ А., отставной военный, однажды встрѣтился съ г. Б. столяромъ, однимъ изъ своихъ старыхъ полковыхъ товарищей и какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, старые друзья сочли удобнѣй всего перерыть свои старыя воспоминанія въ винномъ погребкѣ. А., разумѣется, остерегся рассказывать своему старому товарищу о тайнахъ, возлагаемыхъ на него порученіяхъ, и объявлялъ себя скромнымъ прикащикомъ въ одномъ торговомъ домѣ. Напротивъ того Б., столяръ, откровенно рассказалъ, что его трудовъ едва хватаетъ для содержанія семейства, въ чемъ онъ обвинялъ главнымъ образомъ дѣйствія правительства, порализующія промышленную дѣятельность У низкаго и коварнаго агента тотчасъ же промелькнула въ головѣ мысль воспользоваться въ послѣдствіи выгоднымъ для себя образомъ политическими тенденціями своего стараго товарища. Другья разстался, очень довольные другъ другомъ, и обѣщались скоро вновь свидѣться. Чтобъ не испортить замышляемаго дѣла и не возбудить подозрѣній въ своей добычѣ, агентъ явился въ квартиру столяра спустя полмѣсяца послѣ перваго свиданія. Была распята бутылка вина; А. ловкимъ образомъ свелъ разговоръ на политику и сталъ усердно подлакивать своему другу, порицавшему порядокъ вещей того времени, не браня, впрочемъ, въ особенности никого. По-

сѣщенія агента сдѣлались чаще, и скоро между старыми товарищами установилось полное довѣріе. Заручившись совершенной довѣренностью товарища къ своей особѣ, агентъ А. предложилъ В. познакомиться съ однимъ господиномъ, который, по его словамъ, имѣлъ нѣкоторое положеніе въ обществѣ и былъ однимъ изъ главныхъ членовъ одного тайнаго общества. Предложеніе было принято и вскорѣ А. представилъ столяру агента С., своего сотоварища по дѣятельности, въ качествѣ того господина, о которомъ заранѣе было говорено. Между тремя знакомыми установилась теплая интимность и свиданія ихъ замѣтно участились; наконецъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, С. объявилъ столяру, что ему поручено тайнымъ комитетомъ устроить адскую машину и что было бы весьма пріятно, если бы В. взялъ на себя эту работу, — въ щедромъ же вознагражденіи онъ можетъ быть увѣренъ. Столяръ выразилъ сначала отвращеніе взять на себя это дѣло, но, подъ влияніемъ разныхъ представленій и настояній соучастника С., скоро рушились послѣднія возраженія бѣдняка; онъ сдѣлалъ однако послѣднее успіе: объявилъ, что у него нѣтъ денегъ на покупку матеріаловъ, необходимыхъ для устройства смертоноснаго орудія.

— Если за этимъ только остановка, возразилъ С, вамъ будетъ доставлено все необходимое.

Столяръ принялся за работу. Къ нему каждый день приходилъ который-нибудь изъ двухъ агентовъ и ободрялъ дѣятельнѣй продолжать работу. Наконецъ, когда машина была почти готова, въ одно прекрасное утро къ столяру явился полицейскій комиссаръ, сопровождаемый агентами, арестовалъ столяра и захватилъ машину. Несчастный мастеровой, лишилъ себя жизни въ первую же ночь своего заключенія въ тюрьмѣ.

Этихъ нѣсколькихъ примѣровъ достаточно, я думаю, чтобъ дать понятіе о тѣхъ гнусныхъ средствахъ, какія употреблялись въ извѣстныхъ эпохи презрѣнными агентами, желавшими отличиться, чтобъ пріобрѣсти нѣсколько лишнихъ денегъ.

Общественное мнѣніе не поскупилося бы вѣроятно на свой приговоръ, еслибъ оно узнало въ истинномъ свѣтѣ, хоть объ одномъ изъ подобныхъ подстрекательствъ, а справедливость не нашла бы, безъ сомнѣнія, той мѣры строгости, съ которой бы слѣдовало наказать виновныхъ; но увы! въ политикѣ, очень часто бываетъ трудно, чтобъ не сказать, невозможно, открыть истинную правду!

Убийство Германсъ Декрѣ.

Вотъ преступникъ, который совершенно выдѣляется изъ ряда обыкновенныхъ типовъ воръ съ благотворительной душою, добрымъ, гуманнымъ сердцемъ, любившій облегчать нужду ближняго своими собственными денгами, пользовавшійся многими случайностями своей печальной жизни, чтобъ сдѣлать доброе дѣло и — слѣдуетъ замѣтить дѣлавшій его съ большой разборчивостью; но кон-

члѣтъ тѣмъ, что положилъ на эшафотъ свою голову, проклинаемую обществомъ, отвергнутую человечествомъ, запятнанную судомъ, вырѣзавшимъ на ея лбу слово: убійца.

Жаденъ содержалъ въ 1833 году, вмѣстѣ съ своей любовницей, дѣвицей Розаліей Ц*** кафе-ресторанъ въ улицѣ Сентъ-Жерменъ — Л'Оксеруа. Какіе барыши ни соединились съ этой торговлей, сколько ни было тансовъ на успѣхъ, весьма возможный при многочисленныхъ посѣтителяхъ кафе, только Жаденъ былъ далеко не доволенъ своимъ положеніемъ: вотъ почему онъ считалъ не лишнимъ добавлять средства, доставляемые ему торговлей, занятіемъ болѣе прибыльнымъ—воровствомъ.

Опытный слесарь, искусный мастеръ, онъ умѣлъ превосходнымъ образомъ поддѣлывать свои ключи къ чужимъ замкамъ. Кромѣ того, рѣдкое благоразуміе, съ которымъ онъ обдѣлывалъ свои дѣла, утвердило за нимъ на долгое время безнаказанность. Однако же, въ одинъ прекрасный день, ему не повезло: онъ былъ пойманъ въ воровствѣ посредствомъ поддѣльныхъ ключей, и при обстоятельствахъ еще болѣе отягчавшихъ преступленіе — взломѣ и прокрадываніи въ чужой домъ. Представленный на судъ присяжныхъ, Жаденъ былъ осужденъ на десять лѣтъ каторжныхъ работъ.

Въ самый же день арестованія Жадена, дѣвица Розалія подала королевскому прокурору просьбу о разрѣшеніи ей посѣтить своего любовника въ тюрьмѣ Лафорсъ. Г. Б***, адвокатскій помощникъ, къ которому она обратилась, называя себя женою Жадена, былъ тронутъ ея печалью и слезами. Б*** былъ молодой человекъ, а Розалія была очень хороша собой; понятно, что Б***, какъ вѣжливый кавалеръ, постарался выхлопотать желаемое разрѣшеніе для дамы, въ вознагражденіе за свою любезность, онъ въ свою очередь приобрѣлъ желаемое; между обоими молодыми людьми установились интимныя и частыя сношенія. Къ сожалѣнію, Б***, съ непослѣдовательностью всѣхъ влюбленныхъ, не умѣлъ разграничить своей общественной жизни отъ частной, и скоро его новая метресса была посвящена во всѣ самые важные секреты его занятій въ палатѣ суда.

Благодаря свѣдѣніямъ, которыя Розалія сообщала самымъ точнымъ образомъ Жадену въ тюрьмѣ, этотъ послѣдній узналъ, что къ его дѣлу была приложена замѣтка полиціи, въ которой упоминалось, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Жаденъ былъ присужденъ къ десятидневному тюремному заключенію за насильственный поступокъ. Эта замѣтка, которая сама по себѣ не имѣла еще особенно серьезнаго значенія, по отношенію къ недавнему, совершенному Жаденомъ преступленію, представляла документъ, весьма предосудительный для его личности. Жаденъ былъ обозначенъ въ этой замѣткѣ *мастеромъ, слесаремъ*: мастерство это, совпадая съ главнымъ обвинительнымъ пунктомъ—поддѣлкой ключей, давало новую силу доказательствамъ и показаніямъ свидѣтелей. Слѣдовательно, для Жадена было весьма важно уничтожить этотъ документъ; всѣ его желанія дѣйствительно

устремились на этот предмет. точно такъ же, какъ и всѣ интриги его любовницы.

В***, окруженный безпрестанными просьбами, угрозами, обольщеніями Розалин, кончалъ, разумѣется, тѣмъ, что передалъ ей обвинительный документъ, который былъ тотчасъ же доставленъ Жадену въ тюрьму и уничтоженъ имъ. Но, опасаясь ответственности за похищеніе, В*** взялъ изъ префектуры копію съ документа, подъ предлогомъ, что оригиналъ потерявъ. Копія была выслана г. Б, полицейскимъ чиновникомъ по судебнымъ дѣламъ, но только въ ней обвинительныхъ словъ: *мастеровой, слесарь* уже не было. До сихъ поръ еще положительно неизвѣстно, была-ли эта описка сдѣлана по разбѣянности или намѣренно, но общественное мнѣніе склонялось на сторону этого втораго предположенія, потому что, весьма скоро вслѣдъ за этимъ, г. Б. лишился себя жизни.

Процессъ Жадена между тѣмъ, начался, и онъ былъ присужденъ присяжными на десять лѣтъ каторжныхъ работъ. Но Розалія убѣдила своего любовника сдѣлать добровольно нѣсколько показаній, чтобъ въ видѣ облегченія за нихъ ему предоставлено было вмѣсто галеръ остаться въ парижской тюрьмѣ, гдѣ жизнь для него была покойнѣй и гдѣ Розалія имѣла легкій доступъ къ своему возлюбленному. Съ этимъ же намѣреніемъ Розалія сама открыла полиціи всѣ подробности похищенія замѣтки, что повело немедленно къ увольненію В***, а затѣмъ и къ его арестованію. Жаденъ, съ своей стороны, открылъ полиціи, что онъ виновникъ покражи двадцати-четырёхъ серебряныхъ кувертовъ и сто-восемнадцати бокаловъ изъ того же металла, сдѣланной ночью, посредствомъ поддѣланныхъ ключей, въ пансіонѣ Мюронъ, въ улицѣ Пеппьеръ, и выставилъ какъ своихъ сообщниковъ, нѣкоихъ гг. Ритора и Льекенса; къ этому онъ прибавилъ, что всѣми предосторожностями, удобствами, слѣпками замковъ и вообще всѣми необходимыми для успѣха воровства указаніями онъ обязанъ своему вятю, г. Ж***, профессору въ томъ же пансіонѣ.

Трое указанныхъ Жаденомъ сообщниковъ были арестованы; начался новый процессъ. Ричаръ и Льекенсъ, противу которыхъ не было достаточныхъ уликъ, были оправданы; г. Ж*** былъ осужденъ на пятилѣтнее заключеніе въ тюрьмѣ, а доносчикъ былъ присужденъ уже на двѣнадцать лѣтъ каторжныхъ работъ вмѣсто прежнихъ десяти.

Четыре года спустя, Жаденъ получилъ однако полную свободу, благодаря своимъ показаніямъ, услугамъ, оказаннымъ полиціи и доброму поведенію въ тюрьмѣ. Получивъ свободу, этотъ несчастный, твердо рѣшившись оставить свой прежній образъ жизни, явился къ начальнику парижской тайной полиціи, и, съ слезами на глазахъ благодарилъ его за всѣ оказанныя ему милости. Онъ говорилъ, что далъ себѣ клятву посвятить себя исключительно слесарному мастерству, и что, твердо увѣренный въ томъ, что можетъ честнымъ образомъ вырабатывать себѣ кусокъ хлѣба, онъ намѣренъ совершенно развѣ-

латься съ своими прежними привычками, — лѣнью, развратомъ, бѣжать отъ своихъ старыхъ грязныхъ товарищей, однимъ словомъ, онъ клялся что впередъ его поведение будетъ безукорыненнымъ. Дѣйствительно, въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ своихъ занятій у слесарнаго мастера г. Гутанье, въ улицѣ Монморанси, № 4, съ поденной платой въ три франка двадцать пять сантимовъ, Жаденъ велъ себя честно и трудолюбиво; въ немъ стало даже обнаруживаться релігіозное чувство, какъ вдругъ, случайно онъ встрѣтился съ Согвеномъ и Вазеномъ, старыми преступниками, патентованными ворами, съ которыми онъ нѣкогда обща *обдѣлывалъ дѣлишки*. Нельзя же было не поговорить съ старыми товарищами; Жаденъ разсказалъ о своей жзнѣ, занятіяхъ, средствахъ къ существованію; но оба негодая, выслушавъ разсказъ своего стараго товарища о его вчерашнихъ работахъ, предположеніяхъ на завтра, вмѣсто того чтобъ прійти не много въ себя и покраснѣть за свое презрѣнное существованіе, встрѣтили эту откровенность грубыми шутками и безчестными насмѣшками. Они старались доказать Жадену, что ручной трудъ годится развѣ для какихъ-нибудь скотовъ, да глушцовъ, что за три несчастныхъ франка въ день ни одинъ порядочный человѣкъ, въ особенности же способный человѣкъ, не станетъ заѣдать свою жизнь, работая съ утра до ночи. Они показали ему нѣсколько блестящихъ вещицъ, погремыхали надъ его ухомъ нѣсколькими золотыми монетами; напомнили ему старые успѣхи и тѣ оргіи, на которыхъ они всѣ отличались когда-то. Пробуждая послѣдовательно въ Жаденѣ его лѣнь, любовь къ наслажденію и хорошему кушанью, они въ нѣсколько часовъ легко разрушили то зданіе примиренной съ собою совѣсти, которое съ такимъ трудомъ воздвигнуто было четырьмя годами каторги, разнаго рода лишеніями и продолжительной внутренней борьбой.

Съ того же самаго дня, Жаденъ бросилъ свое мастерство, чтобъ предаться своимъ старымъ привычкамъ и сталъ спускаться все ниже и ниже въ ту помойную яму, изъ которой онъ было вышелъ на время; но и среди паденія, въ немъ пробивались иногда человѣчные порывы, обличавшіе великодушную натуру, сострадательное сердце. Для доказательства я приведу слѣдующихъ два факта.

Однажды Жаденъ входитъ въ одинъ изъ домовъ на королевской площади и взбирается на лѣстницу, въ надеждѣ что ему подвернется подъ руку какой-нибудь удобный случай. Предъ нѣтъ дверь, онъ стучится, но на стукъ нѣтъ отвѣта; стучитъ въ другой разъ — то же молчаніе; за подходящимъ къ дверному замку ключемъ дѣло, разумѣется, не стало, и Жаденъ взопелъ въ комнату; но, при видѣ обстановки комнаты, онъ остановился въ смущеніи: платяныя выкройки, надѣтыя на крючекъ въ стѣнѣ, дали ему знать что онъ въ квартирѣ швецъ; бѣдная постель, ветхій камодъ, нѣсколько храмыхъ стульевъ — вотъ все убранство комнаты. На каминѣ стояла кѣбка съ чижомъ, въ кѣбчномъ ящикѣ сѣмень не было, но въ стаканчикѣ была налита чистая и свѣжая вода; бѣдность видѣлась на всемъ, но все было чисто и убрано. «Боже, прости меня, пролепеталъ Жаденъ, и хотѣлъ обворовать бѣднягу, бѣдняге самого юва». Пошаривъ въ сво-

емъ карманѣ онъ вынулъ двѣ послѣднихъ, имѣвшихся у него пяти-франковыхъ монеты, положилъ ихъ въ клѣтку и исчезъ.

Въ другой разъ, Жаденъ былъ въ улицѣ Роме; онъ остановился предъ однимъ домомъ сомнительной надежды на поживу наружности но вѣря въ народную поговорку: *L'habit ne fait pas le moine*, онъ взобрался на пятый этажъ по узкой, темной и сырой лѣстницѣ. Онъ сталъ стучаться въ первую же дверь, — отвѣта не было, а связка ключей всегда была на запасѣ—и Жаденъ очутился въ комнатѣ. Здѣсь еще разъ внутренность жилища обманула его ожиданія: кровать, или лучше сказать нары и шкафъ безъ дверецъ составляли всю мебель комнаты; кромѣ того онъ нашолъ старый сюртукъ, истасканное дырявое одѣяло и паспортъ шляпнаго мастера. Онъ повернулся, снова съ грустью осмотрѣлъ печальную мансарду, въ которой не было даже стула; но неожиданно его глаза остановились на бумажкѣ, положенной на каминѣ: это былъ отказъ жильцу въ квартирѣ за неплатежъ двадцати франковъ. «Скажите на милость, есть же люди, еще несчастливѣе меня!» Въ одну минуту Жаденъ узналъ адресъ хозяина дома, фамилію квартиранта и отправился къ первому:

Милостивый государь, сказалъ онъ хозяину, вотъ двадцать франковъ, которые поручилъ мнѣ передать вамъ г. Дюранъ, вашъ квартирантъ, прося при этомъ взять назадъ вашъ отказъ отъ квартиры. Будьте добры; позвольте мнѣ квитанцію.

Уйдя отъ хозяина дома, Жаденъ вложилъ квитанцію въ конвертъ, и отправилъ его на городскую почту по адресу шляпнаго мастера-ваго. Два этихъ факта не нуждаются въ комментаріяхъ. Но грустно сказать: именно эти добрые инстинкты и должны были привести Жадена къ гибели!

2-го января 1838 г., въ шесть часовъ утра, чрезвычайно сильный звонокъ далъ мнѣ знать о посѣтителѣ: это былъ полицейскій инспекторъ Рожеръ, пришедшій увѣдомить меня что наканунѣ была убита одна молодая дѣвушка въ своей квартирѣ, въ улицѣ *Petites-Ecuries* 41. Узнавъ объ этомъ происшествіи, начальникъ тайной полиціи немедленно отправился на мѣсто преступленія: но, не имѣя возможности узнать что-нибудь обстоятельно, онъ поручилъ мнѣ, вмѣсто себя, продолжать слѣдствіе. Я тотчасъ же отправился по указанному адресу, и прежде всего обратился съ разспросами къ привратнику.

Жертва, дѣвица Германсъ Декрё, горничная г-жи Вадмеръ, пользовась позволеніемъ своей госпожи. намѣрена была въ день своей печальной смерти выйти изъ дому около двухъ часовъ пополудни съ своимъ женихомъ, г. Мерсье, лакеемъ въ сосѣднемъ домѣ. Она вошла въ свою комнату, въ пятомъ этажѣ. Спустя нѣсколько минутъ, неизвѣстный человѣкъ пропелъ мимо ложи привратника и взомелъ, не говоря ни слова, на лѣстницу. Привратница, Помье, побѣжала вслѣдъ за нимъ, чтобъ спросить кого ему нужно; неизвѣстный господинъ пробормоталъ какое-то имя, которое привратница сочла за фамилію одного изъ жильцовъ дома и преспокойно отправилась во-своися. Четверть часа спустя, тотъ же неизвѣстный господинъ мед-

ленно сошелъ внизъ по лѣстницѣ и, проходя мимо ложи привратника, сталъ конать мизинцемъ лѣвой руки въ ухо, чтобъ скрыть по возможности отъ привратницы свое лицо. Тотъ же самый незнакомецъ былъ замѣченъ г. Местро, посѣщавшимъ семейство Вадмеръ, но г. Местро не обращалъ только на него особеннаго вниманія. Въ три часа пришелъ Мерсье: нетерпѣливый, какъ всѣ влюбленные, онъ бѣгомъ взбѣгаетъ по лѣстницѣ, находитъ дверь завѣтной комнаты полуотворенною, слегка отворяетъ ее, протягиваетъ голову, надѣясь застать врасплохъ свою невѣсту, но его прежде всего поражаетъ беспорядокъ въ комнатѣ, — невѣсты же нѣтъ. Мерсье идетъ назадъ, чтобъ узнать, что все это значитъ, но въ комнатѣ, расположенной насупротивъ комнаты Германсъ, онъ находитъ ее распростертой на полу, въ крови. На крикъ Мерсье прибѣгаетъ привратникъ; они переносятъ несчастную дѣвушку на ея постель, на которой она и умерла, не имѣя возможности указать на своего убійцу. Беспорядокъ въ комнатѣ доказывалъ, что въ ней происходила борьба; на шеѣ бѣдной дѣвушки были сдѣланы три глубокихъ раны: призванные для освидѣтельствованія трупа медики объявили, что раны должны быть сдѣланы большой отверткой, оставленной убійцей на мѣстѣ преступленія.

Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя успѣла сообщить мнѣ привратница, когда прибылъ г. Легонидекъ, слѣдственной судья, и полицейскій комиссаръ. Этотъ послѣдній, замѣтивъ меня, тотчасъ же сказалъ мнѣ: «Я полагаю, что вы напрасно только теряете здѣсь время: здѣсь не остается ничего болѣе дѣлать; привратникъ съ женою могли дать самыя слабыя указанія на убійцу. Да къ тому же вашъ начальникъ самъ былъ вчера здѣсь и могъ весьма хорошо убѣдиться, что вѣдь не въ этомъ же домѣ можно найти преступника.

—«Очень можетъ быть, что ваше мнѣнiе совершенно справедливо, отвѣчалъ, я: но я получилъ приказанiе, которое долженъ выполнить. Я здѣсь, и останусь здѣсь.» Встѣдъ за этимъ я повернулся спиною къ комиссару и отправился къ г. Легонидеку, который, въ противоположность первому, встрѣтилъ меня съ любезностью и сказалъ: «Надѣюсь, господинъ Камлеръ что вы останетесь со мною и можете мнѣ въ моихъ розысканiяхъ.» Я предложилъ себя въ его распоряженiе и началъ съ того, что сталъ доискиваться возможно точныхъ указанiй о наружности невзвѣстнаго посѣтителя. Привратница и ея дочь едва видѣли его въ лицо; но замѣтили впрочемъ, что у него были короткiя бакенбарды. Указанiе было далеко недостаточно. Захвативъ съ собою отвертку, оставленную убійцей, я поручилъ одному агенту обойти всѣхъ торговцевъ желѣзныхъ издѣлiй столицы, чтобъ узнать изъ какого магазина вышелъ этотъ инструментъ, кому и когда былъ проданъ. На другой день эти розыски увѣнчались полнымъ успѣхомъ, я узналъ что инструментъ вышелъ изъ лавки г. Мошона, торговца желѣзныхъ издѣлiй, въ улицѣ Petit Carreau, 39.

Я отправился къ этому купцу, который объявилъ мнѣ, что 31-го декабря онъ дѣйствительно продалъ за 1 франкъ 10 сантимовъ пред-

ставленную мною ôтвертку, незнакому чедовѣку, наружность котораго весьма отвѣчаетъ тѣмъ общимъ примѣтамъ, которыя сообщены были привратницею изъ улицы Petites-Ecuries. Я предложилъ тогда начальнику тайной полиціи арестовать всѣхъ мопенниковъ, которыхъ я могъ подозрѣвать въ способности на совершенное преступленіе. Правда что мѣра эта была немного размашиста, но обстоятельства вполнѣ оправдывали ее. Было сдѣлано много арестовъ, но очныя ставки всѣхъ арестованныхъ съ свидѣтелями не привели ни къ какому результату.

Дѣло не подвигалось, и можно было даже сомнѣваться въ его успѣхѣ, какъ 12-го января, проходя около пятого часа полудни по улицѣ Pont-Louis-Philippe, я увидѣлъ выходявшихъ изъ кафе-Бревиона № 8 — Жадена; Валена, и Розу Гиберь съ сестрой, торговку устрицами. Вся честная компанія остановалась на тротуарѣ поговорить о дѣлахъ разумѣется. мущины — между собою, повернувшись лицомъ къ ресторану, женщины — напротивъ, отвернувшись въ противоположную сторону. Мнѣ приходилось пройти между этими послѣдними и стѣной; но проходъ былъ такъ узокъ, что мнѣ по неволѣ пришлось пробраться бочкомъ. Естественно мои глаза упали на двухъ мущинъ, приходившихся прямо противъ меня и я былъ тотчасъ же пораженъ сходствомъ Жадена съ тѣмъ незнакомцемъ, который долженъ быть убійцей Германсъ Декрѣ. Жаденъ посмотрѣлъ на меня не поклонившись, не давая вида, что узнаетъ меня. Я не считалъ необходимымъ арестовать его немедленно, по многимъ причинамъ: 1) У меня не было никакихъ данныхъ противу него, кромѣ сходства, можетъ быть ошибочнаго; 2) Какъ я сказалъ уже выше, онъ обнаружалъ со времени своего выхода изъ тюрьмы столько разкаянія и религіозныхъ чувствъ, что полиція никакъ не могла предполагать въ немъ убійцу Германсъ Декрѣ. Во всякомъ случаѣ, доброе мнѣніе, которое имѣли о немъ (онъ зналъ это) ставило его въ безопасность, а же былъ твердо увѣренъ, что всегда буду имѣть возможность задержать его, если въ этомъ встрѣтится необходимость.

Сначала я предупредилъ о моей встрѣчѣ начальника тайной полиціи, затѣмъ, взявъ кабриолетъ, я отправился въ Petites-Ecuries

— Что, узнаете меня? спросилъ я привратницу.

— Еще бы! Вы вѣдь приходили послѣ убійства этой бѣдной Германсъ.

— И прекрасно! Теперь я попрошу васъ, madame, точно также какъ и вашу дочь, быть какъ можно внимательнѣй: я опишу вамъ наружность того, кто по моимъ соображеніямъ долженъ быть убійцей.

Затѣмъ я описалъ Жадена съ головы до ногъ: его лицо, объемъ головы, манеру съ которой онъ носилъ шляпу, и при каждомъ описаніи женщины повторяли:

«Такъ такъ, именно; это онъ!»

Убѣжденный въ справедливости моихъ соображеній я возвратился снова къ начальнику тайной полиціи. Мы отправились вмѣстѣ къ

сѣдѣственному судѣ, который написалъ два предписанія, объ арестованіи Жадена и Валена. Первый былъ взятъ въ улицѣ L'Arcade; его товарищъ—въ улицѣ Faubourg-Saint-Denis. При сѣдѣствіи открылось неожиданно, что 1 го января, въ день совершенія убійства, Жаденъ былъ замѣченъ въ сообществѣ съ нѣкимъ Фрешаромъ, называемымъ Брутомъ, пріобрѣтшимъ въ кружкѣ воровъ нѣкоторую репутацію своей ловкостью и довѣріемъ къ нему Ласенера и Авриля открывшими ему свое намѣреніе убить вдову Шардонъ вмѣстѣ съ ея сыномъ. Въ самомъ дѣлѣ, Фрешаръ, призванный предъ судъ присяжныхъ во время преній по этому печальному дѣлу открыто объявилъ, что онъ дѣйствительно зналъ объ этомъ преступномъ намѣреніи. Принимая во вниманіе это показаніе, соображая при этомъ что Фрешаръ сидѣлъ въ тюрьмѣ и помилованъ одновременно съ Жаденомъ, я рѣшилъ, что этотъ человѣкъ могъ весьма легко быть соучастникомъ Жадена и потому сѣдѣственный судья далъ третье предписаніе— объ арестованіи Фрешара.

Едва только Жаденъ былъ арестованъ, его привели въ кабинетъ г. Легонидока, который послалъ тотчасъ же за тремя лицами, показавшими о наружности убійцы Германсъ. Но — странные люди — ни одно изъ этихъ лицъ рѣшительно не узнало того, кого мнѣ удалось открыть по весьма неопредѣленнымъ очертаніямъ, сдѣланнымъ тѣми же лицами. Пользуясь нерѣшительностью трехъ главныхъ свидѣтелей, Жаденъ принялъ систему безусловнаго заперательства на допросахъ въ судѣ. Тѣмъ не менѣе онъ былъ приговоренъ къ смерти, а Фрешаръ, обвиненный только въ соучастіи въ воровствѣ, былъ осужденъ на десятилѣтнее тюремное заключеніе.

Наканунѣ опредѣленія суда, Жаденъ былъ оправданъ, въ одномъ дѣлѣ по воровству, въ подозрѣніи по соучастію съ Валеномъ и Сегвеномъ, осужденными за вторичное воровство, первый — на двадцать пять лѣтъ каторжныхъ работъ, второй — на двадцать лѣтъ тѣхъ же работъ.

Жаденъ не хотѣлъ подавать апелляціи въ кассаціонный судъ на приговоръ по своему дѣлу, между тѣмъ насталъ канунъ исполненія приговора. На другой день утромъ этотъ несчастный долженъ былъ смыть своей кровью совершенное имъ преступленіе. Начальникъ тайной полиціи и я, отиравились навѣстить его въ Консьержери. Жаденъ сидѣлъ въ углу своей темницы, читая внимательно катехизисъ. Онъ поднялъ голову, поздоровался съ нами и поблагодарилъ за посѣщеніе.

— Зачѣмъ не подали вы апелляцію въ кассаціонный судъ? спросили мы его.

— Ахъ! Смерть во сто разъ лучше того существованія, какое мнѣ предстояло бы въ будущемъ. Жизнь тяготитъ меня и, разумѣется, я съ своей стороны не сдѣлаю ничего, чтобы продлить ее. Несчастная дѣвушка, пораженная мною, кровь которой запеклась на мнѣ, не выходитъ изъ моей головы. Ночью, она является мнѣ въ снахъ и какихъ страшныхъ снахъ. о Боже!... И днемъ предо мною встаетъ

тотъ же кровавый образъ и упрекаетъ въ злодѣйствѣ, въ моей подлой жестокости! О! нѣтъ, я не рожденъ быть убійцей!

1-го Января, продолжалъ онъ, Фрешаръ, съ которымъ я сидѣлъ вмѣстѣ въ тюрьмѣ, припелъ поздравить меня съ новымъ годомъ. За любезность слѣдовало отплатить любезностью: я пригласилъ его позавтракать вмѣстѣ въ кабачекъ въ улицѣ l'Arcade. Ну, поболтали, выпили; подъ конецъ обѣда я предложилъ ему отправиться вмѣстѣ въ тюрьму Ла-Рокентъ, въ которой содержался еще въ то время мой зять.

— Я бы съ великимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Фрешаръ: — но я не могу и не хочу идти съ тобою такимъ оборванцемъ, какимъ я теперь.

— Вотъ вздоръ! За этимъ только, развѣ, остановка? Идемъ со мной; я берусь похлопотать, чтобъ у тебя было и платье и деньги; я надѣюсь, дѣло обдѣлаю скоро. Наши головы были разгорячены уже виномъ и идя, куда глаза глядятъ, мы пришли въ улицу Pelitescuries

— Посмотри-ка, сказалъ я Фрешару, указывая на домъ № 41, должно быть биткомъ набитъ буржуа, а слѣдовательно и слугами. Я намѣренъ слѣлать визитъ въ одну изъ конуръ этихъ послѣднихъ. Подожди братъ здѣсь, я скоро буду назадъ.

Вхожу весьма смѣло въ домъ, взбираюсь по лѣстницѣ; привратница бѣжитъ за мною, съ вопросомъ, кого надобно? Я спѣшу заткнуть ей ротъ первой попавшейся на память фамиліей и вотъ я безъ дальнѣйшихъ препятствій уже на пятомъ этажѣ. Со мной были отвертка. Въ одно мгновеніе я свертываю замокъ, такой же олохой, какъ вообще всѣ замки, которыми запираются комнаты слугъ; пошаривъ въ комнатѣ, я связываю узелъ и готовлюсь уже выйти; но обернувшись я вижу въ эту минуту въ дверяхъ молодую дѣвушку, которая начинаетъ кричать: караулъ! воръ! я бросаюсь къ ней, зажимаю ей ротъ рукою и говорю: «замолчите, ради Бога, замолчите! Я былъ разъ на галерахъ, и если меня схватятъ еще разъ — я пропадъ. Замолчите или я убью васъ!» Эта угроза останавливаетъ ее, она допускаетъ меня сойти. Но едва я дѣлаю нѣсколько ступеней, какъ она снова начинаетъ кричать. О! Въ эту зловѣщую минуту кровавое облако застилаетъ мои глаза! Миѣ представляются въ перспективѣ суды присяжныхъ и галеры; и чтобъ прогнать отъ себя это ужасное видѣніе, я бросаюсь на молодую дѣвушку, втаскиваю ее въ пустую комнату насупротивъ ея комнаты; опрокидываю ее на спину упираясь колѣнами въ грудь и придерживая шею лѣвою рукою, другою рукою я шарю въ карманѣ, вытаскиваю охотничій ножъ съ узкимъ клинкомъ, и, открывъ его зубами, я наношу имъ три удара въ горло дѣвушки... Помолчавъ дѣло я спускаюсь внизъ, стараюсь казаться совершенно спокойнымъ и иду на встрѣчу къ Фрешару. Остальное вамъ извѣстно. Но слѣдуетъ сказать правду, что *медики—надутые ослы*; вѣдь всѣ они утверждали, что раны были нанесены отверткой, которую я забылъ въ комнатѣ этой бѣдной дѣвушки.

На другой день, день исполненія приговора, я занялъ, по обык-

наменно, мѣсто у подножія эшафота. Жаденъ, выйдя изъ кареты, обратился ко мнѣ съ умоляющимъ видомъ: господинъ Канцлеръ, пощадите меня.

— Здѣсь? отвѣчалъ я, — вы не подумали, — это невозможно.

Жаденъ, прослушавъ съ благоговѣніемъ напутственное утѣшеніе изъ устъ аббата Монтесъ, спокойно взошелъ на эшафотъ и отдался безъ фанфаронства, но и безъ слабости въ руки помощниковъ палача; минутою спустя, дѣло земнаго воздаянія было совершено.

Жаденъ былъ тринадцати-двухъ лѣтъ, пяти футовъ двухъ дюймовъ росту, имѣлъ свѣжее румяное лицо и крѣпкое тѣлосложеніе: однимъ словомъ, это былъ очень красивый мужчина. Какъ искусный мастеръ, онъ имѣлъ возможность всегда доставать себѣ трудомъ скромное, но честное существованіе; но склонность къ лѣни и удовольствіямъ незамѣтно привела его къ воровству для удовлетворенія его издержекъ. Поднависши разъ изъ грязи, онъ снова упалъ въ нее, благодаря роковой встрѣчѣ съ двумя негодаями, съ которыми онъ сидѣлъ прежде въ тюрьмѣ. Почему знать: не встрѣтись ему случай — онъ, можетъ быть, утвердился бы на томъ честномъ пути, на который вступилъ было послѣ своего освобожденія изъ тюрьмы. Вотъ прикѣръ, доказывающій несомнѣнно необходимость для каждаго человѣка, освободившагося изъ-подъ кары наказанія, разорвать безусловнымъ образомъ сношенія съ тѣми, съ кѣмъ привела судьба раздѣлять участь.

ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ.

На Бога надѣйся, а самъ не плошай! Эта старинная поговорка въ полицейской практикѣ должна быть припоминаема чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Призванный къ розысканію преступниковъ, принужденный разоблачать хитрости мошенниковъ, употребляющихъ всѣ средства, чтобъ обмануть всякую дѣятельность, приводимый болѣею частію къ необходимости идти наудачу, почти оцупью, безъ всякихъ положительныхъ данныхъ, безъ разъясненій, безъ указаній, полицейскій агентъ дѣйствительно долженъ «не плошати» всегда помогать самому себѣ.

Я узналъ, что у Пажо, содержателя мебелированныхъ номеровъ, у котораго жили Ласенеръ, Фрешаръ и много другихъ знаменитыхъ преступниковъ, поселился съ нѣкоторыхъ поръ одинъ искусный воръ, воръ-профессоръ С***, который съ поддѣланными ключами обдѣлываетъ свои дѣла въ компаніи съ Л***, освобожденнымъ каторжникомъ. Ж*** и дѣвицей Анжелкой, любовницею Л***.

Въ особенности въ воскресенье, — въ тотъ часъ когда каждый рантье, негодянтъ, чиновникъ выбираются или за городъ подышать чистымъ воздухомъ или потолкаться въ той толпѣ, которая запруждаетъ наши гулянья, — С*** предпочиталъ вмѣстѣ съ своими до-

спойками сообщившими, подобно рабочей пчелѣ, оставить свое уби-
вище и искать похлѣбы почти повѣрникъ.

Мнѣ былъ извѣстенъ адресъ С***, я не зналъ только гдѣ живутъ
его сообщивши; поэтому я поручилъ четверемъ агентамъ слѣдить за
перемѣнами мѣста и при случаѣ захватить его съ поличнымиъ.

Сегодня воскресенье, объяснялъ я агентамъ, С*** вѣроятно восполь-
зуется праздничнымъ днемъ для какой-нибудь прогулки; вы будете
слѣдить за нимъ такъ чтобъ остаться незамѣченными и легко мо-
жете быть, что вамъ понадобится въ руки вся честная компанія. Обра-
щайтесь къ одному изъ агентовъ. Пти-Полынь, я сказалъ: вамъ пре-
доставляю главное наблюдение и вы отвѣчаете за успехъ.

— Вамъ хороше говорить, г. Кендлеръ, отвѣчалъ агентъ, — но вѣд-
мы-то не знаемъ даже С***, да и онъ должно быть принялъ мѣ-
рны предосторожности; едва мы покажемъ конецъ носа, какъ онъ
дастъ уже тагу и тогда проставь съ нимъ.

— А какое число сегодня! спросилъ я немного подумавъ.

— Первое Апрѣля.

— И. прекрасно! Этимъ-то числомъ именно и нужно воспользо-
ваться и благодаря общепринятому надувательству въ этотъ день,
поймать вора.

— Какимъ же образомъ?

— Очень просто; вы пойдете къ С*** какого-нибудь комиссіонера
сказать ему, что его другъ Шарль ждетъ его завтракать въ погребкѣ
на углу улицы Сень-Моръ и предѣстья. Весьма вѣроятно, что С***
отправится узнать кто былъ его другъ и тогда вы легко мо-
жете познакомиться съ его особой. Къ дѣлу же!

Согласно съ этимъ планомъ, агенты отправили комиссіонера къ
профессору-вору, который, почти полуодѣтый, поспѣшилъ въ погре-
бокъ и тотчасъ же обратился къ торговцу съ вопросомъ:

— Гдѣ же мой другъ, который звалъ меня завтракать?

— Какой другъ?

— Да, я самъ не знаю! Ко мнѣ пришелъ комиссіонеръ увѣдомить,
что мой другъ Шарль ждетъ меня въ погребкѣ на углу улицы, чтобъ
распить вмѣстѣ бутылку вина и сѣсть котлетку.

— Ка, ха, ха, захохоталъ цѣловальникъ: — вы забыли вѣрно, что
сегодня первое апрѣля? Васъ надули, очень просто.

— Но должно быть, что такъ, отвѣчалъ также со смѣхомъ С***;
признаюсь ловко услужили завтракомъ! Я не забуду этого дня долго.

Вѣтвичъ, онъ снова отправился въ свой померъ, изъ котораго вы-
шелъ только на другой день, въ одиннадцатъ часовъ, прямо въ улицу
С-Дени, въ домъ № 140.

Агенты слѣдовали за нимъ издалека, расположившись въ близлежа-
щихъ аллеяхъ, чтобъ выждать его выхода. Прождавъ около двухъ
часовъ, агенты увидали его выходящимъ съ тремя лицами, которыя
были указаны какъ его соучастники. Одно изъ этихъ лицъ мужчина
С*** былъ въ фуражкѣ и блузѣ, другой мужчина былъ въ пиджакѣ
и фуражкѣ, у третьяго же Анжелки была на рукѣ сумка. Вся
компанія отправилась къ Новому Мосту, порешла его и усѣлась на

ступеняхъ Hôtel de la Monnaie, нѣтъ сомнѣнія совѣщаться о своихъ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ. Совѣщаніе длилось съ пол-часа; агенты, спрятавшіеся за парапетомъ моста не терялиavorovъ изъ виду и внимательно наблюдали за всѣми ихъ движеніями. Наконецъ друзья двинулись въ путь и пришли въ улицу Святыхъ Отцовъ, къ дому № 43; трое мужчинъ вошли въ домъ, между тѣмъ Анжелика осталась караулить насупротивъ дома, на тротуарѣ. Агентамъ пришлось прождать около сорока минутъ; затѣмъ воры вышли изъ дома и вмѣсто блузы пиджаковъ и фуражекъ на нихъ уже были сюртуки, шляпы, а подъ мыпками самыхъ почтенныхъ размѣровъ узлы. Анжелика присоединилась къ нимъ и всѣ четверо направились къ набережной Малаке. Едва только они успѣли прійти сюда, какъ агенты бросились на нихъ, но овладѣть монпанниками было не такъ легко: люди, у которыхъ въ перспективѣ были, конечно, не шарфъ изъ козьяго пуха, какъ говорятъ, а каторжныя работы, защищались, разумѣется, какъ лвы, отражая нападающихъ, чѣмъ попало. Одинъ изъ агентовъ, захватившій С*** и барахтавшійся съ нимъ на землѣ, принужденъ былъ вытянуть пистолетъ и погрозить мошеннику, разможить его голову.

Въ минуту этой отчаянной схватки, префектъ полиціи г. Делессеръ, верхомъ объѣзжавшій, по обыкновенію, столицу, случайно подѣлалъ къ набережной и могъ лично удостовѣриться въ усердіи своихъ агентовъ. Вскорѣ съ ближайшей гауптвахты прибѣжали солдаты: агенты и мошенники были подняты вмѣстѣ, среди лужъ, и отведены на гауптвахту, гдѣ были осмотрѣны захваченные узлы. Въ этихъ узлахъ, кромѣ огромнаго количества бѣлья были найдены: шесть сюртуковъ, два пальто, нѣсколько фуляровъ, часы съ золотой цѣпочкой, двѣ брилліантовыхъ запонки, стѣнные часы и другія вещи, принадлежавшія одному рантье, который имѣлъ обыкновеніе каждое воскресенье проводить за городомъ.

Анжелика, имѣвшая въ своей сумкѣ двадцать поддѣльныхъ ключей, была приговорена на пять лѣтъ каторжныхъ работъ. С*** и Ж*** — на семь лѣтъ тѣхъ же работъ, а Л***, какъ попавшійся вторично въ воровствѣ — на двадцать лѣтъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что день перваго апрѣля остался надолго памятнымъ для С***.

ЖЕНА ОДНОГО ОФИЦЕРА.

Для богача, какъ и для бѣдняка, жизнь — романъ болѣе или менѣе длинный, болѣе или менѣе веселый, развязка котораго бываетъ иногда неожиданной. Но для всѣхъ, въ этихъ романахъ одного часа или дня, смотря по рѣзкости или многообразности событій, всегда найдется глава, тяжелое или пріятное воспоминаніе, отъ котораго забьется сердце, и которое иногда одно и заключаетъ въ себѣ весь интересъ цѣлой жизни. Для честолюбца — это день, въ который, добившись наконецъ осуществленія мечтаний своей гордости и глупости, онъ вдругъ видитъ себя замѣненнымъ своимъ противникомъ, который

разомъ разрушаетъ результатъ цѣлой жизни происковъ, интригъ и расчетовъ; для скупца—это зловѣщая минута, въ которую какой-нибудь мошенникъ похитилъ его сокровище; для молодой пансіонерки—это тотъ часъ, когда, вырвавшись изъ-за рѣпотокъ монастыря, полная еще мечтаній объ идеальной и романтической любви какого-нибудь прекраснаго молодаго человѣка, она вдругъ брошена въ объятія какого-нибудь задыхающагося отъ капля старика или чувственнаго эгоиста. Почти для всѣхъ — это минута разочарованія въ долго лѣлѣянныхъ съ наслажденіемъ мечтахъ, это обманъ при ледяномъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью,

Для нѣкоторыхъ избранныхъ, впрочемъ, эта непредвидѣнная страница изъ книги жизни отмѣчена бываетъ какимъ-нибудь великимъ актомъ замѣчательной рѣшимости, благороднымъ самоотверженіемъ; но число такихъ не велико и тѣ впечатлѣнія, которыя оставили слѣдъ съ моихъ воспоминанійхъ, и о которыхъ я намѣренъ разсказать здѣсь, вовсе не относятся до какой-нибудь изъ этихъ избранныхъ личностей.

Однажды въ мое бюро вошла почтенная дама, вмѣстѣ съ своей дочерью, г-жею Х., бывшей нѣсколько лѣтъ уже за-мужемъ за однимъ офицеромъ, полкъ котораго стоялъ гарнизономъ въ Парижѣ. Печальный видъ матери, а тѣмъ болѣе необыкновенная блѣдность и глубокое отчаяніе, отражавшееся на лицѣ дочери, замѣчательно красивой особы, невольно вызвали меня къ сочувствію, хотя я и не зналъ еще въ чемъ дѣло.

— Милостивый государь, сказала мнѣ мать, — здѣсь дочь моя, которая хочетъ лишиться себя жизни, и вѣроятно приведетъ въ исполненіе свою несчастную мысль, если вы не рѣшитесь помочь ей!

Двѣ большихъ слезы, долго сдерживаемыя, тихо полились по худалымъ щекамъ матери.

— Боже мой, madame! послѣдно обратился я къ дочери, — какое случилось съ вами, чтобъ привести васъ къ такому крайнему намѣренію?

— Увы! Престо мной была бездна, въ которую я допустила добровольно увлечь себя и если сегодня вы не будете въ состояніи ничего сдѣлать, чтобъ спасти меня, мнѣ останется только умереть, потому что могла лучше, чѣмъ стыдъ и поношеніе, которыя грозятъ мнѣ.

— Будьте увѣрены, madame; что бы тамъ ни было, я сдѣлаю все, чтобъ быть вамъ полезнымъ, разумѣется все, что будетъ зависѣть отъ меня.

— Благодарю васъ, милостивый государь! Но прежде я должна раскрыть предъ вами всю сущую правду и я надѣюсь на вашу снисходительность, если мой разсказъ покажется вамъ немного длиненъ.

Мнѣ было восемнадцать лѣтъ, когда мать моя взяла меня изъ монастыря къ себѣ въ маленькій городокъ въ нѣсколькихъ льѣ отъ Парижа. Какъ всегда почти бываетъ, женихи не замедляютъ явиться, если за молодой дѣвушкой есть какое-нибудь приданое. Такъ случилось и со мной; но я была еще очень молода, вполне счастлива той

свободой, которой пользовалась; свѣтъ, почти неизвѣстный мнѣ прельщалъ меня и оставлялъ весьма немного времени для моего ума, чтобъ думать о замужствѣ. Я отказывала представлявшимся партіямъ, моя же матушка, покорная моимъ желаніямъ и ревниво-беретшая мое счастье, оправдала мое рѣшеніе. Но подобное настроеніе моего ума, обыкновенное въ молодыхъ дѣвушкахъ, не могло же продолжаться всегда. Въ числѣ офицеровъ одного изъ полковъ, стоявшихъ въ нашемъ городѣ, я обратила вниманіе особенно на одного, встрѣчавшагося со мною къ нѣкоторыхъ домахъ, прекрасныя манеры котораго, благородный, сдержанный видъ, увлекательный разговоръ, понравились мнѣ съ перваго раза; вскорѣ этотъ человѣкъ овладѣлъ и моимъ сердцемъ. Г. Х. просилъ моей руки, онъ мнѣ нравился — это была для него лучшая рекомендація, и черезъ нѣсколько времени моя матушка отсчитала ему 50,000 франковъ моего приданого.

Я была счастлива въ первое время нашего союза; мой мужъ былъ сначала весь — вниманіе ко мнѣ. Мнѣ казалось, что этому счастью не будетъ конца; но, увы! мой мужъ мало по малу сдѣлался холодно-безразличенъ ко мнѣ, и скоро оставилъ меня въ уединеніи, жестокомъ для меня, опасномъ для него. Если онъ приходилъ домой, то повтормно ворчливый и недовольный, едва удостоивалъ меня нѣсколькихъ словъ. Это невыносимое существованіе длилось для меня два года; напрасно старалась я привлечь снова къ себѣ мужа внимательной заботливостью и доказательствами любви. Каждый разъ, какъ я пробовала упрекнуть его въ равнодушіи ко мнѣ и старалась объяснить ему мою тоску, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Ты скучаешь? Зачѣмъ же дѣло стало? Отправляйся на полгода или на годъ погостить къ своей матери». Утомленная встрѣчать одинъ и тотъ же отвѣтъ на всѣ мои попытки, я рѣшилась описать мое горе матери, которая предложила мнѣ послѣдовать совѣту мужа и ѣхать къ ней. Нѣсколько дней спустя, я была уже въ объятіяхъ матери....

Протѣлъ годъ. Въ тѣхъ рѣдкихъ письмахъ, какія я получала за это время отъ мужа, онъ ни слова не говорилъ о желаніи снова видѣть меня близъ себя. Напрасно ждала я этой благодатной вѣсти; я рѣшилась сама написать ему, что, если онъ захочетъ, я готова снова пріѣхать къ нему, но онъ отвѣчалъ мнѣ, что это невозможно, что ходятъ слухи, что его полкъ получить новое назначеніе и что слѣдуетъ поэтому избѣжать новой поѣздки; очевидно, это былъ токъ ко одной предлогъ. Но какъ бы то ни было, мнѣ оставалось одно ожидать близъ матушки, пока мужу угодно будетъ призвать меня къ себѣ. Между тѣмъ, въ одинъ изъ этихъ промежутковъ, одинъ изъ нашихъ друзей, у котораго мы были въ гостяхъ, представилъ намъ г. В., адъютанта полка, стоявшаго въ нашемъ городѣ. Это былъ человѣкъ съ изящными манерами, мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ, твердымъ и увѣреннымъ взглядомъ и ко всему этому очень красивый собой. Онъ просилъ позволенія посѣтить насъ и, сдѣлавъ сначала нѣсколько рѣдкихъ визитовъ, незамѣтно учащалъ посѣщенія, такъ что сталъ являться почти каждый день. Мнѣ надобно было

быть слѣпой, чтобъ не замѣтить, что онъ является исключительно для меня; дѣйствительно, однажды, когда мы остались одни, онъ обмислился мнѣ въ своей любви въ самыхъ страстныхъ выраженіяхъ. Я отвѣчала ему такъ, что не оставила ни малѣйшей надежды. Хотя онъ не оставлялъ своихъ видовъ относительно меня, его посѣщенія сдѣлались однако рѣже, я же заботливо избѣгала случая остаться съ нимъ наединѣ.

Кончился уже восемнадцатый мѣсяць моего пребыванія у матушки, какъ однажды утромъ я получила отъ мужа формальное приказаніе отшаваться къ нему въ городъ В., новое расположеніе его полка. Когда В. узналъ о моемъ отъѣздѣ, онъ съ особенной заботливостью подстергъ минуту, когда моя мать вышла изъ дому, и, какъ лицо, дружески принятое въ домѣ, онъ вошелъ въ комнату, гдѣ я была, не давъ предварительно доложить о себѣ. Онъ снова сталъ говорить мнѣ о своей любви; умолялъ меня, представлялъ свои мученія и страданія; я съ негодованіемъ отвергла его мольбы. Когда онъ увидѣлъ, что я непоколебима, онъ, казалось мнѣ, отчаялся, и принялъ прежній кроткій и почтительный видъ.

Онъ умолялъ простить его и объявилъ, что не имѣя силъ жить не видя меня, онъ готовъ на самыя тяжелыя жертвы, чтобъ только быть близко меня; затѣмъ онъ простился.

Не стану упоминать заѣсъ о разлукѣ съ матерью, о приѣмѣ моего мужа, также холоднаго, также равнодушнаго ко мнѣ. Чтобъ разогнать иногда тоску, мнѣ оставалось одно прибѣжище, — жена нашедшаго батальоннаго командира. Она была почти полной повѣрливой встрѣчи моихъ печалей. Однажды, отправляясь къ этой женщицѣ, я встрѣтилась на улицѣ съ солдатомъ, который привѣтствовалъ меня съ особенной вѣжливостью. Я взглянула на солдата и нашла въ немъ поразительное сходство съ адъютантомъ В*. Я подумала, что это можетъ быть его братъ. Эта встрѣча смутила меня. Жена батальоннаго командира замѣтила при моемъ приходѣ, что я разстроена и стала узнавать о причинѣ разстройства.

— Причина, отвѣчала я, — самая простая. Я встрѣтила, какъ вамъ, солдата, необыкновенно похожаго на одного адъютанта, г. В*, котораго я встрѣчала иногда у знакомыхъ въ то время, какъ жила еще у матушки. Сходство до такой степени поразительно, что я до сихъ поръ не могу прійти въ себя отъ удивленія.

— Но, ma toute bonne, это сходство объясняется какъ нельзя легче. Адъютантъ В* и тотъ солдатъ, котораго вы встрѣтили, — одно и то же лицо. Это какой-то чудакъ, оригиналь, вѣбальмошная голова: онъ подалъ въ отставку отъ должности адъютанта въ своемъ полку, чтобъ поступить простымъ солдатомъ въ нашу.

При этихъ словахъ я вздрогнула; я вспомнила о клятвѣ, которую далъ мнѣ В* не отступить ни предъ какой жертвой, чтобъ только быть близъ меня. Теперь я поняла его переходъ изъ одного полка въ другой съ потерей своего чина. Подъ предлогомъ сильной головной боли, я тотчасъ же рѣшилась уйти домой.

Придя въ мою квартиру, я легла въ постель, — у меня металась дихорадка. Въ продолженіе безсонной ночи, подъ вліяніемъ акаци таціи, я нѣвольно стала дѣлать сравненія между поведеніемъ моего мужа и г. Б* относительно меня; я проводила опасную параллель между любовію одного и равнодушіемъ другаго, между преданностью втораго и холодною перваго; наконецъ, надо-ли говорить вамъ? я уже была почти виновна, а чувствовала, какъ, вопреки мнѣ, слабѣютъ мои силы. Начиная съ этой минуты, мои визиты къ жемамъ офицеровъ нашего полка сдѣлались чаще, потому что, каждый разъ какъ я выходила изъ дому, я была увѣрена, что встрѣчу Б*, который всегда довольствовался необыкновенно почтительнымъ поклономъ мнѣ. Такая почтительность съ его стороны могла внушить мнѣ лишь одно уваженіе къ нему, и я уже любила его. Однажды вечеромъ, выходя изъ квартиры, я встрѣтилась лицомъ къ лицу съ нимъ. Мое удивленіе было такъ велико, что я не могла отказаться взять молчаливо протянутой имъ клочекъ бумаги, величиною съ подъ ладонь. Я взяла эту бумажку сама не давая себѣ отчета, хорошо или дурно я дѣлаю; затѣмъ я снова взошла въ свою квартиру. Мужъ мой былъ въ то время въ кафе и не возвращался домой до одиннадцати часовъ ночи. Я развернула эту записку; въ ней были только эти слова: «Умоляю васъ только взглянуть на меня». Эта просьба, полная такой кроткой покорности, сдѣлала гораздо болѣе въ пользу Б*, чѣмъ, можетъ быть всѣ упреки, которые онъ сталъ бы дѣлать мнѣ лично. Между тѣмъ нашъ полкъ получилъ новое назначеніе; мы были на сборъ, насъ посылали на югъ; приходилось проѣзжать чрезъ всю Францію. Мой мужъ предложилъ мнѣ отправиться на нѣкоторое время къ матушкѣ. Подобное желаніе было для меня приказаніемъ, и я такъ быстро уѣхала къ матери, что Б* не могъ сомнѣваться въ моемъ отъѣздѣ. Я чувствовала себя счастливою тѣмъ, что мой мужъ доставилъ мнѣ легкое средство избѣжать опасности.

Я нашла матушку и на этотъ разъ такую же, какою она всегда была относительно меня, то есть доброю и любящею. Съ годъ уже я жила счастливою близъ нея, какъ однажды, къ моему несчастью, я увидѣла Б*, проходившимъ въ офицерскомъ мундирѣ мимо моего окна. На другой же день онъ представился матушкѣ, какъ старинный знакомый, и я должна сознаться, что встрѣтила его съ удовольствіемъ; я не забыла его. Во время республики ему снова были возвращены эполеты въ одномъ изъ полковъ, стоявшихъ въ Парижѣ. Пользуясь сдѣланнымъ ему приѣмомъ, онъ возобновилъ свои посѣщенія, и вскорѣ не проходило уже дня, чтобъ онъ не побывалъ у насъ на нѣсколько часовъ изъ Парижа. Я нашла, что онъ сдѣлался гораздо любезнѣе, чѣмъ прежде. Наши отношенія сдѣлались короче между нами установилась передняя и, признаться ли вамъ? эта короткая реплика очень скоро могла засвидѣтельствовать, что ему не остается ничего болѣе желать, какъ только постоянства моей любви. Наши отношенія длились около шести мѣсяцевъ, какъ вдругъ я получила письмо отъ мужа, что его полкъ назначенъ въ Парижъ. Сдѣлавъ

выбирать между любовникомъ и мужемъ. Я не колебалась, рѣшила разорвать отношенія съ первымъ. Я была уже мать, у меня была дочь въ пансіонѣ, слѣдовало положить конецъ моему преступному поведенію. Тѣмъ болѣе, говорила я себѣ, В* честный человекъ, онъ пойметъ мое положеніе, онъ любитъ меня и, ибѣ сомнѣнія, оправдаетъ мое рѣшеніе; если мы оба и были слабы, никогда еще не поздно исправить свою ошибку.

Но какъ жестоко я ошибалась, какъ плохо знала того человека, котораго такъ любила и которому принесла въ жертву нѣжность матери и долгъ супруги! Когда я объяснила ему мою рѣшимость прервать навсегда наши отношенія, стараясь затронуть въ этомъ сердцѣ, такъ нѣжкомъ, казалось мнѣ, струну чести, онъ не наполнился ничѣмъ другимъ отвѣтить мнѣ, какъ бѣженнымъ порывомъ; объявилъ мнѣ, что я принадлежу ему; клялся, что я никогда не буду принадлежать мужу, что если я захочу привести мое намѣреніе въ исполненіе, онъ найдетъ средство воспрепятствовать мнѣ. Этотъ языкъ возмутилъ меня; сдѣланная ошибка представилась мнѣ въ болѣе важныхъ размѣрахъ и я стала просить В* немедленно возвратитъ мнѣ письма. Онъ началъ страннымъ тономъ увѣрять меня, что я никогда не получу этихъ писемъ, что онъ воспользуется ими, чтобъ потерять меня въ глазахъ мужа и что, такимъ образомъ, когда я паду во мнѣніи свѣта и буду съ позоромъ отвергнута родными, я сочту себя счастливою возвратиться къ нему.... Эти послѣднія слова довершили мое негодованіе, и, не удостовивъ В* болѣе словомъ, я поспѣшно оставила его. Нѣсколько дней спустя послѣ этой сцены, мой мужъ прибылъ въ Парижъ, куда поспѣшила и я въ квартиру, нанятую мужемъ баней казармъ. Едва только я успѣла устроиться на новоселья, какъ узнала, что В* подалъ въ отставку, чтобъ не идти въ Корсику куда была назначенъ его полкъ; два дня спустя, я получила по городской почтѣ письмо, въ которомъ онъ просилъ меня назначить ему свиданіе и угрожалъ, въ случаѣ отказа, открыть все мужу.

Это письмо осталось безъ отвѣта.

Съ этихъ поръ ярость В* не знала предѣловъ; онъ сталъ рассказывать всѣмъ, что я была его любовницей и что онъ можетъ доказать это. Наконецъ онъ написалъ моему мужу письмо, въ которомъ расширилъ предъ нимъ наши старыя отношенія, прибавивъ, что онъ готовъ представить доказательства моей виновности. Прочтя это письмо, г. Х* передалъ его мнѣ съ словами: «Милостивая государыня, если преступленіе, въ которомъ васъ обвиняютъ, справедливо, я васъ убью, а потомъ убью и себя, чтобъ не остаться посмѣшищемъ арміи!» Сегодня В* прислалъ мужу второе письмо, въ которомъ приглашаетъ его завтра, въ девять часовъ утра, въ свою квартиру, предлагая лично передать мои письма. Если мужъ мой отправится на это свиданіе, я рѣшила что онъ найдетъ меня мертвой! Вотъ, милостивый государь, то безнадежное положеніе, въ которомъ я нахожусь, если вы не найдете только средствъ вывести меня изъ него! Моя жизнь въ вашихъ рукахъ!...

И слезы градомъ полились изъ глазъ молодой женщины.

Я сталъ успокоивать ее на сколько могъ; офицалъ изыскать какое-нибудь средство вырвать изъ рукъ ея преслѣдователя документы, которые могутъ ее потерять; въ то же время я совѣтовалъ ей употребить всѣ усилія, чтобъ не допустить мужа выйти изъ дому раньше назначеннаго часа.

— За это я могу поручиться вамъ, сказала мнѣ она, — онъ не уйдетъ изъ квартиры раньше девятаго часа.

Это было все, что мнѣ нужно; я отпустилъ мать и дочь, пригласивъ ихъ зайти ко мнѣ на другой день тотчасъ по уходѣ г. X* изъ дому.

Оставшись одинъ, я тотчасъ же отправился къ г. Карлье *, и рассказалъ ему всѣ подробности этого дѣла, весьма не романтическихъ свойствъ.

— Б* мерзавецъ, сказалъ онъ, — и если эта женщина сознаетъ свою ошибку, мы, очевидно, не должны допустить разстроиться ея семейству и испортить будущность благороднаго офицера. Не придумали-ли вы какого-нибудь средства спасти ихъ?

— Я не вижу другаго средства, какъ вырвать письма изъ когтей Б*. Онъ заявленъ мнѣ, какъ человѣкъ недовольныхъ политическихъ мнѣній; я напишу вамъ рапортъ въ этомъ смыслѣ, вы будете добры, сдѣлаете предписаніе объ обыскѣ его квартиры: не хранится-ли у него оружія, военныхъ снарядовъ, или подозрительныхъ бумагъ; тогда нужно, чтобъ онъ былъ самимъ дьяволомъ, чтобъ намъ не удалось захватить этихъ зловерныхъ писемъ.

— Да это такъ; я согласенъ; обдѣлайте это дѣло поскорѣе....

На другой день, на зарѣ, въ квартирѣ Б* былъ произведенъ обыскъ и, кромѣ бумагъ, компрометировавшихъ его въ политическомъ образѣ мыслей, былъ заваченъ еще пакетъ, заключавшій всю переписку г-жи X*. Нѣсколько часовъ спустя, г-жа X* явилась въ мой кабинетъ въ сопровожденіи своей матери; я вручилъ дочери розовый пакетъ, она упала въ обморокъ.

Когда же она пришла въ себя, то яркій румянецъ залилъ все ея лицо; въ немъ былъ и стыдъ, и раскаяніе, и радость, впрочемъ, довольно законныя.

Видя себя отъ восторга, она бросилась ко мнѣ на шею, съ словами: «Ахъ! вы спасли мнѣ, г. Канлеръ, честь и жизнь! Я приготовила уже у себя все для смерти, въ случаѣ, если бы я не нашла у васъ этой проклятой переписки».

Вѣдая мать, сіяющая отъ удовольствія, успѣшила увести дочь домой, до прихода мужа, который, придя къ Б* и узнавъ объ его арестѣ, возвратился домой съ тѣмъ убѣжденіемъ, что нѣтъ дѣла или съ наглымъ клеветникомъ, или съ сумасшедшимъ.

Теперь г-жа X* добрая мать семейства, преданная своему мужу, женщина, нѣжно любящая своихъ дѣтей, добрая и кроткая со всѣми; она старается вознаграить свои ошибки примѣрными поведеніемъ.

* Въ то время начальнику парижской тайной полиціи.

Прим. Перес.

УБИЙСТВО СЕШЕНИНА.

Утромъ 11 июня 1843 года, гулявши въ Венсенскомъ паркѣ, открыли, неподалеку аллея Белль-Этуаль, обитомый трупи мужчины, недавно и небрежно закопаннаго въ чащу. Большая лужа крови, въ растопиши шести метровъ отъ трупа, забросанная нѣсколькими пригоршнями песку и травой, указывали явно на мѣсто совершенаго злодѣяства. Наконецъ, неподалеку отъ того же мѣста было найдено платье и молотокъ, окровавленные и оставленные, безъ сомнѣнн, убійцаи.

Многочисленные раны на тѣлѣ и разломы въ черепѣ доказывали, что молотокъ служилъ главнымъ орудіемъ при совершеніи преступленія. Стали осматривать карманы платья, но въ нихъ было найдена только маленькая записочка, заключающая слѣдующія слова: *Уточне выпалъ счастливый номеръ, слѣдуетъ прочитатъ три раза «Отче нашъ» и три раза «Богородица Дѣва радуйся».* Несчастную жертву перенесли въ Ла-Моргъ.

Агентъ Балестрино былъ отправленъ на мѣсто совершенаго преступленія для разслѣдованія, но, не имѣя возможности узнать ни одного факта, который помогъ бы открыть слѣды преступника, онъ ограничился представленіемъ рапорта объ отрицательномъ результатѣ своихъ розысковъ.

Я не могъ понять подобнаго равнодушія со стороны этого агента; я всегда думаю, что въ мѣду убійства, полиція никогда не должна останавливаться въ своихъ розыскахъ.

Я замѣтилъ все это по-чуждому тайной полиціи и спросилъ, послѣ прочтенья, у него, полагаетъ-ли онъ, что слѣдуетъ ожидать отъ какой-нибудь болѣе или менѣе отдаленной случайности открытїи преступника?

— Разумѣется, нѣтъ, отвѣчалъ онъ, — этого дѣла не слѣдуетъ оставлять тайнѣ.

— Прощайте, хотите я займусь нѣтъ?

— Да; займитесь исключительно этимъ дѣломъ.

.. Было одиннадцатъ часовъ утра. Я велѣлъ двумъ агентамъ и отправился съ ними, отходящъ по дорогѣ разными соображеніями. Убійца былъ молодой человекъ; при немъ не было ни одной бумаги, которая могла бы засвидѣтельствовать его личность, но маленькая записочка, найденная въ карманѣ его платья, заставила меня предполагать, что этотъ несчастный могъ быть или былъ неопидникъ, или же недавній рекрутъ. Думалось мнѣ также, что ужь не по выходѣ-ли некоего человека изъ какого-нибудь публичнаго дома близъ Венсенскаго парка, онъ упалъ подъ ударомъ каменъ-кабудь негодяевъ, обитавшихъ неслѣдственно этихъ заведеній. Контра паружность убитаго, я отправился лично по всемъ публичнымъ домамъ въ окрестности Парижа de Trone, освидѣннться, не быль-ли въ какомъ-нибудь изъ этихъ таиой-то и таиой паружности молодой человекъ. Везде я получалъ отрицательный отвѣтъ. Тогда я послалъ за двумя окрами, которые я напичкалъ содержательницами и ключницами этихъ домовъ

и отправился съ ними въ Ла-Моргъ; но ни одна изъ этихъ женщинъ не узнала трупа. Въ это время въ покой вошелъ молодой человекъ, который объявилъ мнѣ, что это трупъ одного изъ его земляковъ, но имени Сешепина. Пользуясь этимъ драгоценнымъ указаніемъ, я немедленно приказалъ розыскать эту фамилію въ спискахъ бюро всѣхъ парижскихъ гостинницъ, гдѣ и было найдено: *Сешепинъ, двадцати четырехъ лѣтъ, лакей, родился въ департаментъ де-Ла-Мертъ, остановился въ домъ № 10, улица Фелиппо, нумеръ квартиры 33-й.*

Я отправился по этому адресу и спросилъ у хозяйки, у ней-ли еще находятся Сешепинъ?

— Нѣтъ, отвѣчала она:—въ послѣдній разъ онъ приходилъ въ субботу вечеромъ и ушелъ въ воскресенье, въ девять часовъ утра

— Извините, madame, возразилъ я:—вы вѣроятно ошиблись, я имѣю причины сомнѣваться, чтобъ Сешепинъ вышелъ отсюда въ воскресенье въ девять часовъ утра. Будьте добры, припомните вѣрнѣе.

Я имѣлъ полное основаніе утверждать такъ: трупъ былъ найденъ въ семь часовъ утра, то есть, за два часа ранѣе, выставляемаго хозяйкой ухода Сешепина.

— Но я увѣрю васъ, милостивый государь, что я не ошибаюсь.

И въ доказательство хозяйка позвала свою дочь и сказала ей:

— Поди-ка сюда, скажи, въ какой день и въ какой часъ этотъ господинъ, котораго фамилію-то я не хотѣла еще сказать тебѣ, оставилъ гостинницу?

— Да я думаю, ты сама очень хорошо помнишь, мама, что это было въ воскресенье, въ девять часовъ утра.

Это вторичное подтвержденіе показалось мнѣ нѣсколько страннымъ; я снова началъ:

— Въ этотъ короткій срокъ пребыванія у васъ Сешепина, не говорилъ онъ вамъ о комъ-нибудь изъ своихъ знакомыхъ?

— Нѣтъ; онъ только сказалъ мнѣ, отвѣчала хозяйка: — что мой домъ рекомендовалъ ему нѣкто Друзъ, наемщикъ въ одномъ артиллерійскомъ полку, который давно еще оставался у меня.

— Когда этотъ военный жилъ въ нашемъ домѣ, не известно-ли вамъ, кого онъ посѣщалъ, кто посѣщалъ его?

— Я замѣтила только одного г. Бутена, который живетъ въ нашемъ Ла-Маринъ, у котораго между прочимъ работалъ Сешепинъ, какъ онъ мнѣ говорилъ.

Я отправился къ г. Бутену, у котораго спросилъ, работалъ-ли когда-нибудь въ его мастерской Сешепинъ.

— Я никогда не слышалъ такой фамиліи, отвѣчалъ онъ.

— Знаете ли вы артиллерюта Друза?

— Этого послѣдняго я хорошо знаю, онъ долженъ быть въ настоящую минуту въ Венсеннѣ.

Затѣмъ, перебирая свои воспоминанія, онъ прибавилъ:

— Въ теченіе нѣкотораго времени, я занималъ одного молодого человека, изъ Жювны, для постройки лодокъ.

— Какъ его фамилія?

— Я не припомню, но имъ оставлено въ одномъ изъ его жилетовъ незапечатанное письмо, которое онъ хотѣлъ отправить къ своему отцу.

— Могу-ли я видѣть это письмо?

— Разумѣется...

Это письмо было подписано: Сальмонъ.

Убѣжденный до сихъ поръ, что всѣ три опрошенныхъ мною лица ошибались, и что Сальмонъ былъ никто другой, какъ Сешепинъ, я просилъ одного изъ мастеровъ г. Бутена отправиться со мною въ Ла-Моргъ; но этотъ человѣкъ не призналъ въ трупѣ Сешепина трупа своего стараго товарища. Я послалъ одного изъ моихъ агентовъ въ улицу Фелиппо, за бывшей хозяйкой Сешепина, которая въ свою очередь подтвердила показаніе мастераваго, объявивъ, что вовсе не знаетъ ни лица, ни платья выставленнаго трупа, и что по всему очевидно, что дѣло идетъ вовсе не о томъ молодомъ человѣкѣ, который останавливался у нея съ субботы на воскресенье; она описала мнѣ наружность своего бывшаго жильца и ея описаніе было согласно съ тѣмъ, какое сдѣлалъ мнѣ г. Бутенъ. Изъ всего этого я пришелъ къ заключенію, что человѣкъ, ночевавшій въ улицѣ Фелиппо, долженъ быть Сальмонъ; что убивъ Сешепина, онъ овладѣлъ его бумагами, надѣясь, такимъ образомъ, скрыть себя подъ фамиліей своей жертвы.

Я хотѣлъ уже выйти изъ Ла-Моргъ, какъ ко мнѣ подошелъ одинъ молодой человѣкъ, объявляя, что онъ узнаетъ Сешепина.

— Мы родились въ одной деревнѣ, сказалъ онъ:—и жили въ одной улицѣ, Blancs-Manteaux, № 1. Въ прошедшую субботу онъ оставилъ меня, чтобъ записаться на мѣсто лакея въ конторѣ, въ улицѣ Гренета, № 1; съ тѣхъ поръ я болѣе не видалъ уже его и теперь вотъ въ первый разъ со времени послѣдняго свиданья, встрѣчаю его къ несчастію здѣсь.

Это показаніе позволило мнѣ надѣяться, что я могу наконецъ воцѣпиться на слѣды злодѣя, котораго искалъ. Я отпиралъ агентовъ въ улицу Фелиппо и въ пассажъ Ла-Мармитъ, чтобъ арестовать Сальмона, какъ только онъ покажется въ нихъ. Затѣмъ я послѣднимъ отправился въ контору для помѣщенія слугъ, въ улицу Гренета, и тамъ узналъ дѣйствительно, что Сешепинъ являлся туда въ субботу, въ сопровожденіи нѣкоего Сальмона, который предлагалъ своему товарищу поступить въ Ножанъ къ господину, у котораго онъ самъ находится въ услуженіи. Я здѣсь узналъ также, что Сешепинъ и Сальмонъ вышли вмѣстѣ изъ конторы уже при наступленіи ночи. Вотъ что произошло далѣе: у Сальмона былъ съ собою тотъ молотокъ, который былъ найденъ на мѣстѣ преступленія. Приѣда въ Венсенскій паркъ, онъ воспользовался уединенностью мѣста и темнотой ночи, чтобъ поразить своего товарища молоткомъ, а если этотъ дыпалъ еще, то злодѣй докавалъ его вѣроятно ножомъ; послѣ чего Сальмонъ вырылъ тѣмъ же молоткомъ яму, недостаточно глубокую,

чтобъ скрыть весь трупъ. Онъ разлѣлъ затѣмъ вѣроотно трупъ и прикрылъ его травой, пескомъ и листьями.

Установивъ наблюдательные посты, я отправился въ сопровожденіи двухъ агентовъ въ Венсенскій фортъ, чтобъ арестовать артиллериста Друэна, котораго я подозрѣвалъ въ соучастіи съ Сальмономъ. Но плацъ-маіоръ, къ которому я обратился, послѣ безполезныхъ поисковъ, объявилъ мнѣ, что этотъ артиллеристъ совершенно неизвѣстенъ въ Венсеннѣ и что онъ находится вѣроотно въ казармѣ военной школы. На этомъ основаніи, я тотчасъ же приказалъ моимъ двумъ агентамъ немедленно отправиться въ указанную казарму, и арестовать Друэна, а самъ возвратился въ Парижъ.

Здѣсь я поспѣшилъ въ улицу Фелиппо. Агенты, наблюдавшіе въ этой улицѣ, объявили мнѣ, что Сальмонъ не показывался. Отсюда я пошелъ къ г-жѣ Бутенъ, давшей мнѣ знать, что Сальмонъ пріѣзжалъ въ кабріолетѣ попросить у нея взаймы пятнадцать франковъ, въ которыхъ она отказала ему, — послѣ чего онъ уѣхалъ отъ нея въ томъ же экипажѣ. Въ это время агенты, поставленные для наядлюденія въ пассажѣ, оставили свой постъ, чтобъ подкрѣпить силы, вмѣстѣ съ своими товарищами въ улицѣ Фелиппо. Я обратился съ распросами къ приратнику пассажа, чтобъ разузнать отъ него что-нибудь, но врядъ ли мой выборъ могъ быть неудачиѣе. Несмотря на всѣ мои приставанья, онъ не могъ сказать мнѣ ни о цвѣтѣ кабріолета, ни о номерѣ извозчика, ни о цвѣтѣ лошади; онъ не могъ даже сказать, былъ-ли кабріолетъ наемный или частный и на каждый вопросъ, онъ повторялъ одно и то же: «не знаю, милостивый государь: я не замѣтилъ, не обратилъ вниманія, не припомню».

— По крайней мѣрѣ скажите, сходилъ кучеръ или нѣтъ съ козелъ?

— А!... да... припоминаю. Кучеръ казался очень сердитъ.

— Говорилъ онъ съ вами о чемъ-нибудь?

— Нѣтъ, не говорилъ; но когда онъ закурилъ свою трубку, я слышалъ, какъ онъ пробормоталъ сквозь зубы, «дкая скотина! Взять еще утромъ у заставы Гренелль и вѣдь пятнадцать франковъ уже долженъ; проѣздивъ теперь цѣлый день, у него нѣтъ копееки, чтобъ заплатить мнѣ!»

Это указаніе было для меня лучемъ свѣта. Было уже десять часовъ вечера; я возвратился въ префектуру, взялъ четырехъ агентовъ и мы отправились къ заставѣ Гренелль; здѣсь, переходя изъ одного кабака въ другой, мы дѣлали тщательные, но безполезные розыски вплоть до самаго закрытія этихъ заведеній. Около одиннадцати съ половиной часовъ, я уже сталъ думать о возвращеніи въ Парижъ, весьма недовольный неудачей моего предпріятія, но вдругъ я замѣтилъ не вдалекѣ жандарма, который возвращался уже домой послѣ патрульнаго объѣзда. При видѣ его, мою голову остигла счастливая мысль. Я подбѣжалъ къ нему и, объяснивъ ему, кто я такой, спросилъ, не знаетъ-ли онъ чего-нибудь о ссорѣ, которая происходила

на заставѣ между сѣдокомъ и кучеромъ кабриолета, которому сѣдокъ остался должнымъ нѣкоторую сумму денегъ за проездъ.

— Да, отвѣчалъ онъ:— въ части у заставы и теперь еще я думаю сидѣть человекъ, котораго извощникъ просилъ арестовать за то, что тотъ провѣдывалъ цѣлый день по Парижу и не заметилъ ни одной копейки.

Пять минутъ спустя, я объявлялъ себя частному пристапу, и не дожидаясь тотчасъ арестованнаго, успѣвшаго уже заснуть въ арестантской.

— Какъ ваша фамилія? спросилъ я его.

— Сешепинъ, отвѣчалъ онъ увѣреннымъ тономъ.

— Гдѣ ваши бумаги?

— Я потерялъ ихъ.

Вы ждете!... И, смотря ему прямо въ глаза, я прибавилъ, упирая на каждое слово: вы убійца Сешепина!

Самый опытный фязиогномистъ не могъ бы замѣтить малѣйшей перемены въ лицѣ этого человекъ. Онъ хотѣлъ возражать, но я разомъ прервалъ его, сказавъ:—сей-часъ я докажу вамъ, что мнѣ все извѣстно. Выйдя изъ конторы для записыванія на мѣста слугъ, въ улицѣ Гренета, № 1, вы отправились въ Венсенскій паркъ, гдѣ и убили Сешепина; укравъ его бумаги, вы отправились въ гостиницу, въ улицѣ Фолиппо, № 33, гдѣ вы записались подъ фамиліей вашей жертвы. Вы работали сперва у г. Бушена, въ пассажѣ Ла-Мармитъ; вы были арестованы въ Жуаньи за воровство со взломомъ 1000 франковъ; вамъ удалось убѣжать изъ рукъ полицейскихъ; и такъ какъ вамъ необходимо было скрыть ваше имя подъ чужой фамиліей, вы завладѣли бумагами того несчастнаго, котораго убили.

— Все, что вы сказали, совершенная правда, за исключеніемъ развѣ того, что относится до убійства Сешепина, котораго я не знаю и никогда не видалъ. Что касается до бумагъ, представленныхъ мною хозяйкѣ комнатъ, я нашолъ ихъ на улицѣ.

Я приказывалъ агентамъ раздѣть ноготы съ ногъ до головы. На рубашкѣ, на груди и на поясницѣ оказались большія кровавыя пятна; рубашка помѣчена была начальными буквами имени и фамиліи Сешепина: это была та рубашка, которая оказалась снятой съ убитаго.

— Откуда взялись эти кровавыя пятна? спросилъ я Саммона.

— У меня шла изъ носу кровь.

— Да какимъ же образомъ кровь изъ носа попадетъ на поясницу? Объяснитесь.

— Я не знаю, но только это кровь изъ носа.

— Откуда у васъ этихъ два бѣлыхъ платка и жилетъ, которые точно также, какъ и рубашка, замараны кровью?

— Я купилъ ихъ за двадцать су у человекъ, проходившаго по улицѣ.

Я приказалъ снова одѣть Сальмона, и, въ полночь, я привезъ его въ фіакръ, въ префектуру полиціи. Во время перевѣда, онъ заснулъ глубокимъ сномъ. Узнавъ о сдѣланномъ мною арестѣ, презентъ

приказалъ мнѣ возвратиться немедленно въ гренадскую часть и тамъ составить вмѣстѣ съ полицейскимъ комиссаромъ актъ объ окровавленномъ платкѣ. Я отправился за Сальмономъ въ депо и нашелъ его по-прежнему спящимъ. Въ фактѣ онъ снова заснулъ; онъ спалъ даже во время составленія акта полицейскимъ комиссаромъ.

Едва я только сдалъ его снова въ депо префектуры въ Парижѣ, какъ онъ снова заснулъ. На другой день онъ сознался въ своемъ преступленіи и разсказалъ всѣ подробности своего ужаснаго убійства.

Мнѣ не оставалось бы ничего болѣе прибавить къ изложенному мною выше, еслибъ я не считалъ долгомъ обратить вниманіе читателя на случайность, которая рѣшила существованіе несчастнаго Сешепина — смерть была предназначена убійцей другому. Сальмонъ явился въ контору, въ улицѣ Гренота, называя себя слугою изъ Ножана, съ порученіемъ отъ своего хозяина г. К*** прислать новаго лакея.

Наканунѣ преступленія онъ уже условился съ однимъ молодымъ мальчикомъ, парикмахерскимъ ученикомъ, въ улицѣ Попенкуръ, что на другой день, въ три часа послѣ полудня, этотъ послѣдній придетъ въ контору, взявъ съ собою свои бумаги, а что Сальмонъ зайдетъ въ то же время за нимъ въ контору и затѣмъ отведетъ его къ своему господину. Парикмахерскій ученикъ не пришелъ на свиданье, что привело Сальмона въ большое затрудненіе и онъ сталъ выражать опасеніе, что его господинъ будетъ весьма недоволенъ этой остановкой. Въ это-то именно время онъ и предложилъ Сешепину, пришедшему также въ контору, чтобъ узнать о мѣстѣ, сопроводить его въ Ножанъ. Предложеніе было принято съ большимъ удовольствіемъ; остальное уже извѣстно.

Сальмонъ былъ брютетъ, маленькаго роста и весьма плетнаго тѣлосложенія; впасть его глазъ придавала еще большую силу его и безъ того свирѣпому взгляду. Это было существо лишенное всякаго развитія, и одни только дикіе инстинкты свѣра управляли имъ. И на пути къ эшафоту онъ поцавалъ ту же безстрастность, неподвижность, какую онъ обнаруживалъ предъ арестомъ и потомъ приговоромъ. Этотъ человекъ, котораго не расшевелила ни кара суда, ни осужденіе въ такомъ капитальномъ преступленіи, можетъ быть единственный, имѣвшій столько *звѣрства*, чтобъ надѣть на себя еще дымящуюся кровью рубашку своей жертвы. Мнѣ кажется, что нельзя встрѣтить ни одного подобнаго убійства, которое совершилось безъ всякой страсти, какъ обыкновенное жизненное отправленіе. И для чего? Чтобъ завладѣть чужимъ паспортомъ!

Какой же данъ всему исходъ:
Могильный мракъ иль жизнь другая?
Все поглатить ли бездна водъ,
Иль все покроетъ мгла нѣмая!
Различныхъ тысячи путей
Куда—къ какой ведутъ насъ цѣли?
Таится-ль жребій нашихъ дней
Со дня рожденья въ колыбели?
Среди величья блеска, тьмы,
Восторговъ, горести глубокой,
Царили избранные мы,
Или игралище мы рока?
И гнѣзда свитыя весной
Въ лѣсахъ пернатыми пѣвцами,
Гдѣ солнце съ тверди голубой
Своими грѣетъ ихъ лучами...
Зачѣмъ они свиваютъ ихъ
Въ раздолѣ сумрака лѣснаго:
Для охраненья-ль дней своихъ,
Или для сѣти птицелова.

Н. ГРЕКОВЪ.

СЫНОКЪ КОРМИЛЕЦЪ.

(Записки слѣдователя тридцатыхъ годовъ.)

ГОРЬКІЯ ВЪСТА.

День былъ праздничный, осенній; съ утра свѣтило солнышко, а къ вечеру заморосилъ дождикъ; въ поляхъ около деревни Крынки кой-гдѣ видѣлись сиротинки копны—знать лѣнивый мужичокъ не успѣлъ убрать, али, можетъ быть, и рукой махнулъ: нехай проподаеть, зерна не выбьешь, а тутъ хмѣль подоспѣлъ, успѣть бы съ нимъ справиться — Да и то сказать, что на пескѣ и уродиться можетъ, а уродится такъ выгорить; наземъ жалъ положить, за-даромъ пропадетъ, не то, что подъ хмѣль, туда хоть и много надо навозу, да класть не жалъ, на аршинъ вали, пожалуй, худа не будетъ: хмѣль то и любить. Ужь какъ красивъ этотъ хмѣль, что твой виноградникъ; взгляните-ка хоть на деревню Крынки, словно купается въ зелени, вездѣ листь облетѣлъ, а тутъ сзади темная зелень стѣной стоитъ; разросся на высокихъ тычинкахъ хмѣль, раскидался широкимъ листовомъ, перепуталъ жимолостныя вѣтви да кругомъ обвѣшалъ ихъ гирляндами и кистями своихъ свѣтло-зеленыхъ гроздей. Ужь за то и холить его хозяинъ, какъ же иначе: хмѣль его кормилецъ.

Такъ деревнѣ и зватья-бы Хмѣльники, а ее кличуть Крынки; Хмѣльники-то недалече есть, почеть рядомъ, тамъ еще больше хмѣльниковъ, а эту вотъ почему Крынками назвали: она стоитъ на скатѣ, сзади къ верху по горкѣ хмѣльники, а впереди къ низу за рѣчькой земля вся изрыта ямами; разные навѣсы, кры-

тые дранью съ соломенными щитами, въ особыхъ избушкахъ огромныя уродливыя печи, а около нихъ кучи синихъ черепковъ; теперь не время—осень и праздникъ,—а то вы тамъ подъ навѣсами, и въ ямахъ увидѣли бы и бабъ, и мужиковъ, и дѣтей; одни копають, другіе голыми ногами мнутъ глину, подростки то и дѣло воду таскають изъ рѣки ведрами, а мастера, засучивъ рукава, сидятъ себѣ на скамейкахъ, скатаетъ эдакъ кусокъ глины, шлепнетъ на такую доску, да и начнетъ лопаточками такъ-то скоро вертѣть, что и чихнуть не успѣешь какъ и готовъ или кувшинъ, или цвѣточный горшокъ, или крынка; вотъ почему деревню Крынками-то называли; каждый мастаръ, едичъ что-нибудь дѣлаетъ, на что снаровится, руку набьетъ: да это не конецъ дѣлу, надо еще подъ навѣсомъ провѣтрить да на солнышкѣ провялить, да обжечь въ дечкѣ, а въ этомъ-то и хитрость вся, чтобъ жару въ мѣру дать; сколько посуды перекирвится, до смѣху право иную скоробить, а сколько перелопачается или распозлется, ино на половину, а ино и третья часть не выйдетъ настоящей посуды, все въ бракъ, да и въ черепки.

— А что, дѣдушка, давно у васъ горшечное дѣло-то завелось?

— Кто-жь ево знаетъ; вотъ мнѣ годиковъ никакъ, семьдесятъ есть, а еще дѣдъ мой гонварничаль, тогда времячко не тако было, плохо стало ноне.

— Что-жь цѣны низки?

— Цѣны-то нешто, бывало крыночку; за грошъ отдаешь, а ноне и гривешникъ мало, да что ноне на гривенникъ-то куплять, потребности много.

— Какой-же, дѣдушка, потребности?

— Да какъ какой? мало-ли: и подать-то выросла, oprичъ окладнова разные поборы, да тутъ чай завелись, будь они прокляты; иной поѣдетъ на рынокъ-то, два воза сволочетъ, да все почестъ въ городѣ и оставитъ, только пьянъ вернется.

— Ну да это безпутной какой.

— Ну, ноне путныхъ-то мало стало! потребности всякой много; вотъ мы лапотки, баринъ, сами плели, да и носили, ничего и не стоило, а вонъ сынокъ-то баеть не приличествуетъ сапожнички надоть; бывало холщевую рубаху баба соткетъ, двѣ въ годъ не сносить, а у нихъ вонъ желтыя да красныя, нѣмецкія слышь.

— Ну и доходы за то больше, да оно въ сапогахъ и здоровѣе, чѣмъ въ лаптяхъ—не промокнуть!

— Во што! такъ-ли полно; хоть бы вотъ и я, отродясь сапогъ-то не надѣвалъ, а что за болѣсти такія, вѣдать не вѣдалъ; ну теперь на старости приключится иной разъ, поломаешь; что-жь вылезешь въ печь, задашь пару, дахватишь кваску, утре какъ встрепаной, вотъ те право! степенство не то было, баловни не было такой, не барились, во што скажу тебѣ.

— А я тебѣ вотъ что скажу, старина: все перемѣнилось и цѣны, и деньги, и потребности, какъ и самъ говоришь, а вотъ мастерство-то ваше не измѣнилось: чай какъ твой дѣдушка мялъ глину ногами и вы также мнете, да и печи то ваши, чай, не дѣдушки-ли строили?

— Ну гдѣ-жь тѣ прогорѣли.

— Такъ перестроили-то по-прежнему.

— Вѣстимо, зачѣмъ же иначе, хорошо было.

— Не хорошо, стало быть, коли товаръ лучше не выходитъ, глядять-ко сколько бою, да браку.

— Безъ етаво ужь не можно.

— Да вѣдь сколько труда, времени за-даромъ пропадаетъ.

— Э, баринъ.—*время не купленное, трудъ не нанятой*; свои ребята вахляють; что имъ лѣтомъ дѣлать-то—вишь у насъ земля-то какая, песокъ, сѣмена бросать не стоятъ!

— Жаловаться грѣхъ вамъ, земляца неудобна, положимъ, да за то въ землѣ-то благодать какая, славная глина, что твоя руда.

— Нипшто, глинка хороша съ вязью, звонкая.

— Ну и хмѣльники статья доходная.

— Што говорить, а то бы пропали, не на што бы и хлѣбушка куплять.

— Такъ видишь, Богъ одно вознаграждаетъ другимъ!

— Ну одно, да не равно: свой-то хлѣбушка скуснѣе.

Хотѣлось мнѣ узнать: мужики-ли тутъ поселились, потому что глина залегала или глина отыскалась, потому что мужичкамъ ѣсть нечево было, земля не родила; старикъ поглядѣлъ на меня, почесался и промолчалъ; видно онъ не понялъ вопроса. А вопросъ былъ простой: на Руси такъ водится, началъ въ деревнѣ одинъ сапоги шить и всѣ начнутъ, началъ гвозди ковать и всѣ вуютъ, али ножницы, али деревянные чашки и ложки,

чтобы не было, да есть же на это какая-нибудь причина, не одно же обезьянство, знать такъ пригодно.

— А еще много нетронутой глины? спросилъ я.

— Кто-жь ее знаетъ.

— А что, дѣдушка, эдакъ много на горшкахъ выручается? что дастъ печь-то за лѣто?

Онъ опять посмотрѣлъ на меня, да какъ-то недовѣрчиво, хотя и зналъ, что я тутъ совсѣмъ по постороннему дѣлу.

— А на што твоей милости знать чужие-то заработки?

— Такъ, изъ любопытства.

— Эко любопытство, што тамъ считать-то, продашь на торгу, отложь подать, купи что надоть и все тутъ; а што считать осталось: на зиму дровецъ закупншь; въ укладку заткнешь, вотъ-те и щетъ; такъ кто-жь ее знаетъ печь-то, что она дастъ: что засодишь, то и дастъ.

Онъ всталъ, поклонился, и бормоча пошолъ прочь; видно подумалъ, нехочу-ли я землю въ кортому взять да заводъ завести; теперь-то они ничево не платятъ, общественная глина значить, а тогда...да тогда плохо, пожалуй, придется, закабалить вольныхъ промышленниковъ въ работники.

На другомъ концѣ деревни толпа народу окружила телегу, мужикъ, свѣся ноги и похлопывая кнутомъ по сапогамъ, что-то рассказывалъ.

• Не отошолъ старикъ и десяти шаговъ, какъ къ нему, запыхавшись, подбѣжалъ молодой, широкоплечій парень.

— Батька, а батька, подить-ко послухай, что Понтелей изъ городу-то привезъ.

— Что тамъ тако вретъ, чай, съ пьяныхъ глазъ.

— Есть маленько, да что болтастъ-то, слышь, наборъ большущій... Говорить, въ барабанъ били, на торгу читали.

Да какъ же это—слыхотки не было?

— Эко ужъ въ народѣ давно голдили наборъ да наборъ, да и перестали; оно вотъ тутъ и есть, вышло направду.

— Ну, не всякому слуху вѣрь!

— Да еще слышь, говорить, ему волостной писарь сказывалъ... съ Крынокъ мы-съ-та; да Митрохины парни, да еще кажись, Марѳа вдова на первомъ череду поставлены.

— Ужъ такъ ему и сказывалъ писарь! дрожащимъ голосомъ, какъ будто не вѣря, отвѣчалъ старикъ.

Какъ ему было не знать, что за ихъ семьей очередь, да

бѣдѣ-то, пока не грянула, вѣрить не хочется; однако старикъ шапку снялъ, вѣрно жарко стало, и поспѣшно пошолъ къ Пантелею. А тотъ сидитъ на телегѣ, болтаетъ ногами да твердитъ въ сотый разъ!

— Выпилъ, на свои выпилъ, а наборъ! зазвалъ меня Фома Фомичъ въ трактиръ, говоритъ ишь на торгу ни шиша, нѣтъ домой, што-ли, горшки повезешь! зачѣмъ, говорю, домой; такъ, говорятъ, выпьемъ, поставлю три пары чаю, да водки такой красной, ну-съ, съ Симошкой Андриюхинымъ тожъ выпилъ, наборъ, говорятъ, Андриюхинъ; не наборъ—а горшки-то! что горшки, въ возу... горшки на свои хватилъ, торгу нѣтъ, подошолъ было секретарь, да я отворотился, лошадь разнуздовать сталъ? ну вотъ я и выпилъ со скуки, ну выпилъ, на свои выпилъ, а Симошка Андриюхинъ-то подошолъ да и говоритъ: мое почтеніе «Пантелей Федоровичъ, что безъ дѣла стоите, пойдите-ка чайку попьемъ право такъ и говоритъ, а я ужъ выпилъ» право слово выпилъ, на свои выпилъ и еще выпью, на свои выпью; право выпью, закажетъ кто што-ли. вотъ хоть сей-часъ выпью!—Онъ опрокинулся въ телегу, отрылъ въ мѣшкѣ полштофа и потянулъ изъ горлушка, да подняться-то ужъ не могъ, только бормочетъ: выпилъ, такъ што-жь, что выпилъ, на свои выпилъ.

— Эхъ проклятый нахлестался! и посыпались на Пантелея насмѣшки и ругательства и пинки порядочные, а онъ повернулся въ телегѣ, вздернулъ ноги и крѣпко заснулъ, такъ его и на дворъ жена увезла.

Потолковала толпа и расходиться стала, да такая печальная и говоръ-то какой-то отрывистой, спорять: правда или нѣтъ?

Пошолъ и старикъ съ сынкомъ въ свою избу.

А тамъ и не чуюли бѣды, на ужинъ поставили солонинки съ квасомъ да хрѣномъ, кашп горшокъ съ молокомъ, хлѣба нарушили, троицкія ложки положили, поджидали только старика, безъ него не сѣлились, ужъ хозяйка ребятишекъ напичкала чѣмъ попало и въ уголку тукманками угомонила. Тѣ спать не спятъ, а дурить не смѣютъ. Сама стала солонину крашить.

А семейка такъ себѣ ничего:

Старшій сынъ Митрій съ невѣсткой самъ семь, старшинькому двѣнадцатый годокъ пошолъ; еще два брата: Петруха, его поженить собирались, это тотъ самый что къ старику подбѣжалъ, да еще парнишка Васька на возрастѣ; да два племянника еще, оба правда убогіе, у одного нога вывернута, въ глиняной

ямѣ обступился, а другой кривой да мозглявой такой—старшій тоже женать и ребеночекъ есть, такъ какъ и на очереди небыть такой семейкѣ.

Они это знали, да все думали: ну, когда-то еще наборъ будетъ, чай Васютка подымется, а Петруху жаль было, золотыя руки, просто въ семьѣ кормилецъ былъ, какіе фигурные кувшинчики дѣлалъ, такъ чудо, да ужъ и проворно и все шутя да съ пѣснями; разъ какъ-то куколокъ надѣлалъ да коньковъ; нашолъ уголокъ бѣлой глины, такъ на торгу всѣ на расхватъ раскупили! Даже исправникъ посмѣялся, парочку взялъ и деньги заплатилъ, вѣрно для поощренія искусства.

А въ этотъ вечеръ бѣды вовсе не ждали, бѣда всегда какъ снѣгъ на голову, а и то снѣгъ хлопьями повалилъ, подмороживать начало.

Вдругъ вбѣжала къ нимъ сосѣдка Матрена, злилась она на Петруху, онъ у ея косолапова Павлухи старостину дочь отбивалъ; да такой ехидной вбѣжала, кричить во все горло:

Собирайте Петруху подъ красную шапку, повезуть утресь; наборъ.

Повернула потомъ подоломъ и хлопнула дверью, будто и дѣло сдѣлала.

Вся семья ошалѣла, долго очнуться не могла, невѣстка ножъ выронила, Митрій ротъ разинулъ, храмой да кривой сквозь слезы улыбулись, вѣрно подумали: хорошо что не наша доля, Первая опомнилась мать, схватила ухватъ и побѣжала Матрену нагонять, расправу сдѣлать, да въ воротахъ съ мужемъ повстрѣчалась.

— Што ты ошалѣла, —што-ли! куда-те чортъ несетъ....

— Вотъ поскудную Матрену убить, чтобъ ее черти разтерзали. Слышишь, проклятая, чтобъ тебѣ вѣдьмѣ въ таргарары провалиться, чтобъ надъ тобой бѣда-то стряслась, проклятая эдакая сама-то вѣдьма и отецъ, да вся родня-та твоя дьявольская жвачка.

Старикъ сначала началъ было, слушать а потомъ махнулъ рукой и пошолъ въ избу, а она продолжала причитывать за воротами, хоть на улицѣ и не было никого, только снѣгъ валилъ.

Вошолъ старикъ въ избу, ни слова не сказалъ, никто и спросить не смѣлъ. Старикъ и ѣда на умъ не шла.

— Митрей, справь поранѣ махонькую тележку да сивому ов-

сеца засыпъ съ вечера, надоть завтра въ волостное, да придет-ся и въ городъ, провѣдать надоть.

— Стало правда, тятенька?

— Правда должно быть, сухо отвѣчалъ старикъ.

— Помилуй Господи; что-жь нѣтъ безъ Петрухи-то пропадемъ.

Старикъ молчалъ.

— Да паспортъ бы ему взять, да дяденька, да подальше.... робко прибавилъ хромой племянникъ.

— Такъ и дяди теперь паспортъ, жди! сердито отвѣчалъ старикъ.

— Такъ и безъ паспорту... махнуть-бы.

— Што? крикнулъ старикъ, такъ, что всѣ язычекъ прикусили.

— Слухай-же, Митрей; собери добавилъ онъ, перекрестился на образа и пошелъ въ свѣтелку.

Долго не спали послѣ него... Перебирали семьяне свои догадки, а что задумалъ старикъ, угадать не могли; не любилъ старикъ долго разговаривать— слово его законъ, а ужъ навѣрное умно придумаетъ. Поплакали бабы, повывла и старуха, да все Матрону ругала.

Только что первые пѣтухи пропѣли, поднялся старикъ. Митрій ужъ впрягалъ сивку. Надѣлъ старикъ сверхъ тулупа сѣрый широкій охабень, надвинулъ шапку съ длинными ушами и, перекрестясь, поѣхалъ.

II.

УМЪ ХОРОШО, А ДВА ЛУЧШЕ!

Въ волостномъ, когда пріѣхалъ старикъ, всѣ еще спали; всталъ первый сторожъ, изъ отставныхъ, съ кавалеріей, только почему-то кавалерію все больше въ карманѣ носилъ, зная неловко что-ли, на армякъ надѣтъ, а армякъ, извѣстно, удобнѣе шинели; вышелъ, выплеснулъ изъ ведра помоя, да чуть не окатилъ старика, тотъ всталъ и поклонился.

— Ты что, старина?

— Да вотъ, надоть, господина старшину бы повидать, али писаря, Егора Власыча.

— Не скоро дождешься... старина, на мѣльницѣ, а ентотъ на-трескался, дрыхнетъ вонъ тамъ, безъ заднихъ ногъ.

— Ой-ли? подожждать придется.

— Да ты съ жалобой, што-ли, какой?

— Нѣтъ, родимой, какія жалобы, Богъ милуетъ; а вотъ што, поштенный, какъ васъ звать, не знаю: не слыжали-ль чаво про наборъ, то есть никрутчину?

— Это насчетъ солдатчины-то? какъ не слыхать — слыжали.

— Что, батюшка, такое?

— Сказывать не велѣно, не можемъ, и онъ дернулъ себя за усь.

— Ужь будь отецъ родной, не утай, скажи?

— А что дашь?

— Што объ евомъ баять, не постоимъ, что тебѣ надоть-то, на косушку што-ли?

— Ну давай, хоть на косушку...

— Такъ, што-жь, кавалеръ, какже?

— А вотъ также; манифестъ вышелъ, да у насъ еще нѣтъ...

— А вышелъ, доподлинно знаешь?

— Доподлинно.

— А объ моемъ сынишкѣ, въ манихвестѣ-то сказано, али нѣтъ?

— Да тебѣ какъ зовуть-то?

— Головановымъ, батюшка, Кирила Михѣевъ.

— А ты тройникъ, али по приговору?

— Четыре работника, родимый, да двос-то убогихъ и считать нече...

— Полтинникъ дашь, пойду въ манифестъ посмотрю.

— На четвертакъ, поштенный, провѣдай, да когда ставка-то?

— Провѣдаю.

Кавалеръ взялъ четвертакъ, ушолъ, да и пропалъ совсѣмъ.

Ждалъ, ждалъ Кирила. зѣвалъ, зѣвалъ, сивки сѣнца далъ, та сѣбла, онъ попоилъ ее у колодца, не въ терпежь стало, пріотворилъ дверь въ контору, никого нѣтъ онъ посмѣлѣе заглянулъ: писарь Егоръ Власычъ скинулъ сюртукъ, да на столѣ такъ и растянулся!

— Чернорыловъ! заоралъ Егорка, не открывая глазъ.

Головановъ подошолъ поближе.

— Скотина Чернорыловъ, гдѣ водка?

— Его нетути, Егоръ Власычъ.

Егорка поворотилъ голову.

— А ты кто? тебѣ что здѣсь? зачѣмъ лѣзешь?

— Къ вашей милости, водочки принести, што-ли?

— А, хорошо, принеси, да ты кто! потягиваясь и протирая глаза, спросилъ писарь.

— Головановъ, Кирило, изъ Крынокъ.

— Гдѣ-жь водка? онъ сѣлъ на столъ: — ну, гдѣ-жь водка? Фу, какъ гадко во рту... нѣтъ-ли огурчика?

— Нѣтъ; сударикъ, сей-часъ, побѣгу, принесу.

— Ну, торопись; и опять растянулся.

Принесъ Кирила водочки и огурчика, потянулъ писарь.

— Ну, сойдетъ! ты зачѣмъ же такъ рано-то?

— Да къ твоей милости, убоготори! и онъ низко поклонился, да цѣлковый еще на столъ положилъ.

— Што подрадся, али обидѣлъ кто?

— Нѣтъ, сударикъ, а' вотъ што манихвеста, слышь, пришла, некрутовъ требуютъ.

— А што!

— Да вотъ мы-то, какже?

— Манифестъ еще къ намъ не пришолъ, а есть-то есть; онъ пошолъ въ шкапъ порылся:— не хорошо, говоритъ, ты на первой очереди, пятерикъ.

— Батюшка! повалюсь въ ноги, завопилъ Кирило, —какой же пятерикъ, всего два работника, нельзя-ли умирволить какъ, облагодѣйствуй.

— Экъ выдумалъ, пятерикъ — пятерикъ и есть; ты што спалъ-то? зачѣмъ до ревизіи не подѣлился? тогда бы разбить на двѣ семьи можно и въ тотъ наборъ, какъ отвертѣлся, уж не знаю, а то благодѣйствуй... какже тутъ... когда... тово.

— Недоростки были, родненькой, да какой же я пятерикъ, старшенькой, кажись, ушолъ годами, племянники убогіе, махонькой въ года не вошолъ, я ужъ изъ счегу вонъ, одинъ Петруха только и есть, да и тотъ плохенькой.

— Чего-жь бояться, коли плохенькой, затылокъ... и все тутъ.

— Такъ, батюшка, да не ровень случай ..колеблясь, отвѣтилъ старикъ.

— Да что рано взбѣлился, тогда въ ставкѣ увидимъ, чай мѣсяца черезъ два въ ставку-то.

— Да, какже быть-то, не опустить бы случаю какого; такъ обойти нельзя? я бы тово... што слѣдствуетъ...

- И толковать нече, нынѣ строгости пошли, мѣръ не дасть.
- Что говорить, мѣръ-сила.
- То-то и есть, сила, а можно будетъ, тогда разные фигуренціи подведемъ; тогда уладимъ, не жмись только...
- Такъ-съ! обойти нельзя?
- Обойти нельзя, сказано, глупая борода!
- Ну, не обижайся, что утруждали, напредки ужъ не оставьте.
- Не оставимъ, не оставимъ! важно отвѣчалъ Егоръ, допивая полштофа.

«Хитритъ писарь, подумалъ старикъ, видно ничего сдѣлать не можетъ».

«Хитритъ борода, подумалъ Егоръ, ишь, старые да малые, смотри-ко 22 года, 19, 17, 24, 20, ишь ты казаномая сирота эдакая, а впрочемъ надо побывать у него, мужикъ-то, кажется, податливый». — Ты гдѣ былъ, пьяница? оборотился онъ къ сторожу,

Тотъ не отвѣчалъ, покосился на пустой полштофа, стукнулъ метлой объ полъ, и началъ мести, да такую пыль поднялъ, что Егоръ Власычъ закашлялся и выбѣжалъ.

А Головановъ ужъ ѣхалъ, между тѣмъ, въ городъ, да все головой потряхивалъ, видно отъ дурной какой мысли отбиться не могъ.

Въ городѣ, знакомый лавочникъ свелъ его съ приказнымъ изъ казначейства, пошли въ трактиръ совѣтъ держать, и лавочникъ прикнудъ.

Разказалъ про свою занозу Головановъ и ждетъ, чѣмъ порѣшить приказный. Тотъ водочки спросилъ, да пощелкиваетъ языкомъ.

— Плохо дѣлю, старина;—такъ ты говоришь, старшій-то семейный?

— Пятерня махонькихъ ребятишекъ, да ужъ и здоровье какое, ломаный человекъ.

— Ну, битая посуда два вѣка живетъ, а меньшей-то — ему семнадцать, али семнадцатый? ты говори безъ утайки.

— О Рожествѣ было шостнадцать, баяла старуха.

— Гм! а сложился, эдакъ, бравый изъ себя?

— Ничего, малецъ рослой, почесъ съ меня, а что?

— А то бы годокъ, другой накинуть можно.

— Нече и думать, порѣшилъ лавочникъ, по той причинѣ: —

мы видали, хоть парень и вытянулся, да больно ужь жимолостень, безпартошникъ, какъ есть, какой некрутъ, по той причинѣ-съ, на смѣшки поднимуть.

— А у втораго-то, нельзя-ли изъянцу найти? оно бы съ докторомъ можно, хоть оно и неизвѣстно, какого еще пришлютъ къ набору: иной заламается.

— Молодой парнишка, родимый, изъянцу-то, кажись, нетути.

— И пытатъ нечево! такой коренастый да статный удался, прямо въ гвардію угодить, всѣмъ взялъ, перебилъ лавочникъ:— жалостно отдать-то, вся семья имъ держится, старшой-то дурковать у тебя, Кирила Михѣичъ!

— Ну ужь и дурковать? смиренъ-то смиренъ, не боекъ, не то, что Петруха!

— Ты ихъ благородье не морочь, по той причинѣ, человекъ задушевный, ты поклонись хорошенько.

— Такъ, какже, батюшка, будь отецъ родной, научи!

— Да что, старина, одно осталось, купи охотника.

— Охъ, родненькой, гдѣ намъ купляла-то взять, семья одолѣла.

— Ну не жмись, старикъ, разъ да надолго пойдетъ, Петруха заработаетъ.

— Право слово, какія у насъ деньги, у мужика на обиходъ и то недостатка.

— Ну займи на такую оказію.

— Запутаешься, другъ, знаемъ мы займы-то евти, возьми рубль отдай два, да и кто дастъ такую громаду.

— Тебя всѣ знаютъ, отчего въ такой бѣдѣ не выручить, пожалуй маненько и мы снабженіе сдѣлаемъ, опосля посудой выберемъ, вотъ што.

— Не ладно все это, въ кабалу попадешь, слыхать ноне охотники-то вздорожали, на двѣ тысячи, пожалуй, не управишься.

— Пожалуй.

— Да и гдѣ охотника найдешь?

— Ну есть такіе отпѣтые, закрутится, нѣтъ выходу и продается.

— Не здѣсь всеконечно, надоть въ губернію попытать.

— Не за горами, съѣзди, время есть.

Удовлетворивъ его за совѣтъ, Головановъ рѣшился въ губернію ѣхать съ добрыми совѣтами да съ тяжелыми думами;

придется завѣтными рублевиками шевельнуть, а малая толика у него на чернѣй день была, да всего можетъ сотни двѣ или три, далеко не хватить.

III.

УБИЛЪ БОБРА.

Поѣхалъ, ѣдетъ; пришлось эдакъ перелѣсочекъ; лошадь вдругъ пхнулась.

— Эхъ-ма! косою-заяцъ дорогу перебѣжалъ — не вернуться-ли? — нѣтъ ужъ — надо ѣхать.

Пріѣхалъ въ губернію; протерся сперва въ казенную, дошелъ до секретаря даже.

— Есть, говорить секретарь, охотничьи квитанціи, отсчитывай три тысячи и твоя!

Повѣсилъ голову Михѣичъ, поклонился да и вышелъ, да такъ тяжело стало «неужто придется Петруху отдать? три тысячи! и не вымолвишь! сѣлъ на крылечкѣ и слезы утирасть.

Къ нему подсѣлъ не то мужикъ, не то мѣщанинъ, блѣдный, рябоватый, борода бритая, въ синей, на смушкахъ, сибиркѣ, плотно подтянуть краснымъ шерстянымъ кушакомъ; долго въ старика всматривался, а въ разговоръ не вступалъ, пока тотъ самъ на него не взглянулъ.

— Что, старина. али напасть какая?

Михѣичъ только головой покрутилъ, да тяжело вздохнулъ.

— Всяка бѣда дѣло поправное, умѣй взяться да не зѣвай: да ты что боишься-то, говори, что такое—дѣло, что-ль, есть, али обиждаеть кто? расправу можно найти! такіе люди, есть помочь не прочь — темное что-ли!

— Какое темное?—сердешное дѣло, кровное! сынка надо рѣшиться—въ некруты сдавать, такъ вотъ и такъ, рассказалъ ему Михѣичъ свое горе.

— Только-то, съ хохотомъ отвѣчалъ сибирка: — тебѣ охотникá надо, эка штука. ты скажи прямо, много-ль денегъ припасть, такого и найдемъ, мы на это ходоки, во какова найдемъ.

— Оно нешто, какъ не найти, добрый человекъ, да несправка большая, слышь, три тысячи заломилъ.

— Это кто тебѣ сморозилъ? это тебя надуть хотѣли, ты, во што, своему брату мужику повѣрь. найдемъ и подешевле.

— Да сойдетъ-ли дешевой-то?

— Эка голова — съ тѣмъ возьмемъ, безъ тово денегъ не дамъ. Ты вотъ што; здѣсь не мѣсто толковать, эти дѣла такъ не дѣлаются на юру; знашь, болтать прежде время резону нѣтъ, пойдемъ-ка ко мнѣ, я тебя на умъ, на разумъ наведу и чело-вѣка покажу.

Они и не замѣтили, что сзади подошолъ какой-то господинъ, въ тонкомъ бекешѣ, съ богатымъ бобровымъ воротникомъ, въ круглой шляпѣ, съ тросточкой въ рукахъ и все усмѣхаясь подслушивалъ; когда они встали, онъ заговорилъ:

— Постойте-ка: ты это что затѣялъ, мошенникъ, куда ведешь старика? обобратъ, какъ намедни—я тебя, мошенникъ, въ полицію...

Сибирка съ хитрой улыбкой посмотрѣлъ на него и поспѣшно скрылся.

— Эхъ, старина-простота, началъ баринъ: — такъ-то васъ, деревенскихъ олуховъ и облапошиваютъ, на то щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ, ты и уши развѣсилъ.

— Извѣстное дѣло, батюшка баринъ, какъ есть простота.

— Ты охотника ищешь? вотъ что, ты мнѣ полюбился, я тебѣ вотъ что скажу: у меня кучеръ есть, самъ въ солдаты просится, а мнѣ не нуженъ, негодяй, продать хотѣлъ; такъ ты вотъ приходи ко мнѣ, я пожалуй тебѣ его продамъ. можетъ и сладимъ, я не подорожусь, завтра утромъ приходи: я живу на Московской улицѣ, домъ Секавина, спроси полковника Николая Петровича Бирюлецкаго; да ты забудешь?

— Забуду, батюшка.

— На вотъ я тебѣ напишу, приходи! И не дожидаясь поклонна, баринъ важно ушолъ; не успѣлъ Михѣичъ одуматься, какъ опять подвернулась къ нему сибирка.

— Что чай кучера продаетъ! попадись ему въ лапы-то, какъ ляпку обдереть, это уже не нашъ братъ мошенникъ, это, слышь, баринъ; другъ, по душѣ говорю, не связывайся, а ты пойдемъ ка ко мнѣ, увидишь самъ, ты чело-вѣкъ разумной...

— Зачѣмъ-же къ тебѣ-то! коли есть дѣло настоящее, я вотъ у Сивухина на дворѣ пристаю, такъ тамъ собица съ нимъ бы покалякать.

— У какова это Сивухина! это на конной-то? знаю... Коли благопріятель, ну съ нимъ и возжайся! съ нашимъ-съ почтениемъ! (отошолъ, повернулся) по дѣломъ васъ дураковъ и

учать сиволапыхъ; да ты раздумай — съ своимъ братомъ сподручнѣе, я-те говорю! не связывайся съ ентимъ.

— Да тебѣ-то што же? коли прямое, какъ есть дѣло, почему не къ Сивухину, угощеніе сдѣлаемъ.

— Экъ дался Сивухинъ! онъ отвернулся и ушолъ.

Пошолъ Михѣичъ, и раздумье съ нимъ: «этотъ, въ сибиркѣ, сводчикъ должно быть, да смотритъ ярыгой, ну а тотъ, какъ есть баринъ настоящій, ишь шуба-то какая, свѣтится; неужто мужика надувать станеть; оно бываетъ, ну значить самъ не зѣвай, а дворовыхъ мелкіе господа часто въ некруты продаютъ.»

Сивухинъ выслушалъ все

— Не знаю эдакаго барина, сказалъ онъ, а сходить попытать не мѣшаетъ; въ обманъ не дайся, не торопись, а съ этой сибиркой не связывайся; оно точно свести онъ можетъ, сводчикъ извѣстный, да ужъ и тонкая прощальга, опутаетъ, туманъ нагонитъ; пожалуй съ сумой домой пустить; ты смотри, будетъ подносить не пей, дурману поддастъ; знаемъ мы его, Филать Забираловъ зовутъ.

Не безъ труда отыскалъ Михѣичъ квартиру г. Бирюлецкаго, однако отыскалъ; лакей спросилъ: — что надо? ну, говоритъ, старичокъ, отдохни въ кухнѣ, почиваетъ баринъ, беспокоить нельзя!

— Хорошо, батюшка, ладно! повременимъ.

Въ людской бородастый кучеръ лежалъ, развалился, на лавкѣ и изъ коротенькой трубки, затягивался титюномъ; поглядѣлъ на старика, отплюнулся и затынулъ свою люльку.

Немного погода вошолъ молодой парень въ кучерской шляпѣ на бекрень, прижимистый, весельчакъ такой; взошолъ съ пѣснею, подошолъ къ лежащему, ткнулъ его подъ бокъ и захохоталъ.

— Ну, не дури, я те такъ ткну, что небо за овчинку покажется.

— Экъ страхъ какой, попадешь къ палачу, такъ онъ-те не такъ отполосуетъ.

— Я бѣ тебя поучилъ, да встать-то лѣнь!

— То-то есть! а, дѣдушка! мое-съ почтеніе-съ; онъ снялъ шляпу, повертѣлъ на рукѣ, опять надѣлъ и всталъ, подбоченясь передъ старикомъ.

— Изъ какаго-съ краеву; изъ-за моря али горь Капказкихъ пожаловали на своихъ на двохъ, должно быть.

— Изъ деревни, извѣстно, изъ какихъ тамъ краевъ:

— Вотъ оно што, изъ деревни! тамъ-съ! а не слышно за-чѣмъ посѣтили наши палестинъ?

— А лебъ нанито?

— А можетъ и на што... али приноль-посоля нѣтъ? да што опасашься, сермяга, не съѣмъ; а мыг про то сами знаемъ; зачѣмъ пришелъ, меня купить пожаловали, своего сынка-жалъ, а чужой спина не жалъ, такъ-съ што-ли, — съ? угадали кресной, ась — асеньки?

— Пожалуй, что и такъ.

— Рекомендацио сдѣлаемъ мы-съ, то есть, когъ ищите трамъ, трамъ; и онъ замаршировалъ по командѣ подражая ба рабанщику, лежачій залюлю смѣхомъ.

— Ну, что ты горло-то дерешь! ты это испугался ружья, палець отиуеши, безшолой и вышешъ.. мы не спужаемся! мы-съ што-съ, мы съ нашимъ удовольствіемъ въ солдаты идемъ; тамъ хоть служба Царю батюшкѣ, родной земелькѣ, надобло-подъ барскимъ кулакомъ съ камушка на камушекъ перепрыгивать а вотъ еще про войну толкують; тогда гуляй Митяй, катый, валий! и онъ началъ приплясывать и прищальчивать.

— Экой сорванецъ, подумалъ старикъ; ты толкову скажи, полно те балясничать-то.

Тотъ скорчалъ рожу, важно подошолъ и чинно сълъ подлѣ старика.

— Слушаюсь вашу мудрость.

— Тебя, што-ли, баринъ въ охотники продаетъ?

— Нѣтъ не меня-съ, а вотъ наши руки, ноги да головушку забубенную.

— Такъ ты это неволей, али волей хошь?

— По' своей волюшки, по барскому приказу сочинимъ проказу, а много-ли про насъ ты денегъ-то припасъ?

— Ну эта опосля, надо сперва поладить съ бариномъ.

— Снизу начинай на верхъ кончишь, а то на ставкѣ колченогимъ приниуеши! онъ вскочилъ, ввернулъ какъ-то ноги внутрь и пошелъ уродъ уродомъ, лежачій опять захоталъ,

— Эко-пострѣлъ, выдумщикъ, чтобъ те провалится.

— Видишь, дѣдушка! бодро-подходя къ старику спросилъ охотникъ: уговоръ, двѣ недѣли гулять на твой карманъ, да сто

въ дорогу ; да нѣтъ ли теперь завалащей красенькой, подбодриться надо, ради знакомства, проздравить вашу милость! и онъ низко поклонился.

— А вотъ поладимъ съ бариномъ, сказано, угостимъ и тебя, порядки знаемъ, обиды не сдѣлаемъ.

— Ой-ли! порядокъ лучше всего! онъ подбѣжалъ къ лежащему стащилъ его съ лавки, тотъ замахнулся, а онъ ловко вывернулся, выкинулъ на порогъ такую штучку, что и описать нельзя, и скрылся.

Бородачъ сверкнулъ глазами, потянулся, зѣвнулъ набилъ, опять трубку и молча сѣлъ у окна.

Скоро Голованова позвали въ горницу.

Бирюлецкій въ засадеиномъ холатѣ пилъ чай, хорошенькая дѣвушка хозяйничала.

— А, здравствуй, старина, ну, вотъ хорошо, что пришелъ.

— По вашему приказу. батюшка, ужъ будьте милостивы, не обидьте старика! говорилъ кланяясь въ поясъ Михѣичъ.

— Какая же можетъ быть обида,—дѣло полюбовное, сторгуемся и все тутъ.

— Да ужъ въ вѣрности чтобъ быть, на чести.

— Вѣрно будетъ, по актамъ, на бумагѣ сдѣлаемъ, ты Якуба видѣлъ, хорошъ?

— Это верченой-то такой? ужъ больно тово отчаянной.

— Это не бѣда, отчаянные-то тутъ надежныѣ.

— Такъ какже, батюшка, многоль твоя милость положить за квитанцію-то

— Вотъ что. я тебя обижать не хочу, ну да и мнѣ чтобы было безобидно; у тебя много-ли денегъ-то съ тобой?

— Охъ милостивецъ какія деньги—собрать надоть, сколько опредѣлишь то?

— Да я, вѣдь, людьми не торгую и торговаться не стану; я ему вольную дамъ, а онъ подписку дастъ мнѣ... въ два вотъ слова тысячу, да 50 на бумагу, а ему... какъ сами знаете промежъ собой столкуютесь.

— Эва, тысячу, гдѣ ее взять-то? почасываясь и вдохнувъ отвѣчалъ старикъ и понурился.

— Ужъ это твое дѣло, гдѣ взять; чего меньше за рекрута: это и такъ для тебя, нынче охотники-то на вѣсъ золота... И не торгуйся лучше, у меня трое просятъ.

— Ужь гдѣ мнѣ смѣть торговаться, милостивецъ, а, пожалуй, восемь сотенокъ мы бы отщитали.

Начались переговоры: призвали охотника Якуба Недрыгаило, тотъ изъявилъ съ радостію свое согласіе; порѣшили на 850: 50 теперь на отпускную, а 800 передъ ставкой, когда вольная будетъ готова. Бирюлецкій и росивску написалъ, что получилъ 50, а на какой предметъ конечно не написалъ; торговать рекрутами запрещено.

— Эй кресной батька, выходя на дворъ, крикнулъ Якубка, знаешь на посулъ какъ на стулъ—не уѣдишь далеко, ты раскашелевайся, надо проздравить на радостяхъ; братца-то какъ кличутъ Фалелей мимо не лей, штоль?

— Петромъ, касатикъ, Петромъ!

— Ну такъ за здравіе Петра, давай три серебра, женить будешь, на свадьбу позови, коленцо выкинемъ.

На радостяхъ отщиталъ Михѣичъ на три цѣлковика мелочи.

— Не обезсудь, мое дѣло старое, угостися самъ, какъ знаешь и ептова табашника-то позови.

— По поясъ спасибо! вотъ онѣ, побраквивая продолжалъ Якубка кровный-то жизнь-то чего отойтъ; смотри-жь не запоздай дѣдушка! съ нашимъ блезиромъ, зелена вина хватимъ, заѣдимъ сыромъ кулакомъ закусимъ, ну да те къ чорту, не лѣзь обниматься-то, проваливай, и онѣ убѣжалъ въ избу.

— Экой шальной, экой угорѣлой! думалъ старикъ какъ ему въ солдатахъ-то, отпѣтому жить. а, може,—и хорошо!

Поѣхалъ домой Головановъ, радостную вѣсточку повезъ и на первыхъ порахъ позабылъ что надо цѣлую тысячу сготовить; тяжело, хватить-ли силы, мужикъ-то не денежный, ишь, семья какая, гдѣ накопить-то было.

Семья сидѣла за обѣдомъ, когда вернулся въ Крынки Михѣичъ всѣ бросили ѣсть и высыпали за ворота, только что заржалъ сивка, опознавъ родной дворъ.

Михѣичъ поздоровался весело, глядитъ на Петруху и молчитъ тотъ въ страхѣ ждетъ, что будетъ. Михѣичъ на конецъ и говоритъ: ну, подойди, нашолъ. дорогонько да баринъ хорошій выискался.—Петруха повалился въ ноги, да скоро исчезъ, къ старостѣ побѣжалъ, надо-же подѣлиться съ зазнобошкой доброй вѣсточкой. Матрена въ окно смотрѣла, выругала его крѣпко, знать смѣкнула, что Павлушѣ кривая не вывезла, не видать старостиной дочки какъ ушей своихъ.

Ну радость безъ горя не бываетъ, время до набору всего деньковъ сорокъ, а надо деньги собрать; ничего не пожалѣлъ ни Михѣичъ, ни семья за Петруху, перечелъ свою кладушку Михѣичъ, всю высыпалъ, только на хлѣбъ, а то и на дрова почетъ ничего не оставилъ; лавочникъ въ городѣ слово сдержалъ: подмогъ—подъ крыночки 160 рублей далъ, такой доброй, ну конечно съ цѣны скинулъ? хмѣль на корню запродали, а все еще недохватка, хоть тамъ и сямъ по маленьку набралъ Михѣичъ.

Ничего не подѣлаешь, развѣ животы выручать? ну куда нешло—и животы за Петруню; хоть тяжело было бурку да буренку свести на рынокъ а свѣлъ; животинка богатѣйшая была доморощенная, за бурку мушникъ 200 ассигнаціями далъ, а тутъ глядь, оглянуться не успѣлъ старикъ какъ и сборы пошли, заковали некрутовъ. Голова вѣрилъ и уважалъ Михѣича, ну Петруху оставили на слово: справляйся Головановъ! говорить. Взять Головиновъ съ собой свата. десятскаго, голова для вѣрности далъ. «Ты говорить, Михѣичъ, торопись фитанцію привези, чтобъ за тобой дѣло не встало. а то судъ выемку прозаведеть.

—Ладно родимый! какже не поспѣвать. дѣло кровное.

Старуха ему мѣшочекъ колобковъ и ватрушекъ напекла, въ церкву на свѣчи въ село отнесла, помолились всѣ Богу и поѣхалъ Головановъ въ губернію, а старуха о свадьбѣ стала замышлять какъ не тяжела была справка, больно изубытчились! Глядитъ любовно на сынка старуха и не наглядится; какъ радостно легло на душѣ ее, такъ и выступаетъ душа на лицо:

— Касатикъ ты мой, сънами останешься, родненькой, а у самой слезы даже. Видно любимой сынокъ, кормилецъ! доподлинную такъ, пропала-бы семья безъ него!

IV.

Темной Господинъ.

У сослуживца моего Ивана Григорьевича Мыпина часто сложилась холостая компанія. Сей-часъ развѣртывались два ломбертныхъ стола, клались четыре колоды картъ, разносился чай и начинался ландскнехтъ, маленькой, пріятельской, гривничекъ ставка, для препровожденія времени, а не для выигрышу такъ что-жь скажетъ иной, стало быть для проигрыша что-ли-

небось кто продуется такъ мадуется что ну поди, а у побѣдителя, чай, слюнки потекутъ. Пожалуй, что и такъ, все вмѣстѣ а деньги врозь, то и дружба; я тоже хаживалъ къ Мышину ужъ никакъ не для игры, глупѣе время проведенія никогда не находилъ, лучше мухъ хлопушкой бить, да объявленія о продажѣ въ прошлогодней газетѣ чѣтать, а такъ пойдешь, поболтаешь— на людяхъ и смерть красна; тоже надо отдыхъ отъ работы.

Такимъ порядкомъ въ одинъ ясный или ненастный вечеръ, ужъ не помню, сидѣло около стола человекъ восемь рыцарей ландскнехта, съ недопытымъ чаемъ, да человекъ два или три глядѣли и болтали всякіе пустяки, не то чтобъ въ сужденіе пускались о матеріяхъ важныхъ, больше о служебныхъ интригахъ да о барышняхъ.

Вдругъ секретарь Нестроевъ привелъ всѣхъ въ ужасъ, послѣдовадо нѣмое удивленье: онъ убилъ семь картъ къ ряду.

Ну говорить ему Мышинъ, ты Нестроевъ настоящій Наполеонъ (конечно 1-й, тогда III-го еще не было) всѣ захохотали, а на сердцѣ кошки скребутъ, много денегъ потащилъ Нестроевъ, а онъ ужъ такой человекъ, назадъ не спустить. — Игроки разгорячились за живо задѣло. Тамъ дошла до Мышина, онъ убилъ восемь картъ и задѣлъ шибко на восьмой Нестроева! Нестроевъ потерялъ контенансъ, да и говорить.

— Коли я Наполеонъ такъ ты ужъ суцій Атилла.

Мышинъ самодовольно гладилъ бакенбарды—мущина видный бѣлолицый былъ; да и говорить, и точно я Атилла или венеціанской навръ. Послѣ минутнаго молчанія всѣ разразились громкимъ хохотомъ, чѣмъ Мышинъ очень остался доволенъ.

Подъ шумокъ взошелъ благообразный господинъ съ темными баками, тщательно примазанный, не роскошной, но безуморизненной костюмовки.

— Что за взрывъ господа? подѣлитесь радостью!

— А, Николай Петровичъ! закричалъ хозяинъ, кстати, я восемь картъ убилъ, не хотите-ли талию?

— Отлично-съ! сколько шла?

— 440.

— Идетъ-съ, кому угодно? онъ небрежно вынулъ деньги, бросилъ на столъ и сѣлъ на уголкѣ.

Разобрали рублѣй 100; карта дана, онъ хлоднокровно передалъ, только отодвинулъ деньги и занялся разговоромъ, какъ не до него касалось.

Игра какъ и всегда переходила, то тотъ выигрываетъ, то другой, только Цестроевъ по Наполеоновски игралъ на чужой счетъ а свои припряталъ.

Теперь вспомнилъ: вечеръ былъ отиѣнный, потому что я праздныхъ и лишнихъ пригласилъ на бульваръ.

— Что это за новый господинъ? спросилъ я Сережу Вьюшина.

— Это переодѣтый министръ.

— Ну, началъ: врать, зачѣмъ къ намъ попадетъ сюда министръ да еще переодѣтый.

— Онъ самъ такъ о себѣ даетъ чувствовать.

— А въ сущности онъ что?

— Почтительнѣе-съ.... старше васъ, надворный совѣтникъ и кавалеръ, ленточку видѣли; ну и съ почтеніемъ-съ не шалить!

— Все-таки я не вижу изъ этого—кто онъ.

— А больно хочется знать?

— Какой-то Бирюлецкій, по обыкновенью отрывисто отвѣчалъ Сеня Страмниковъ; говорить былъ вице-губернаторомъ въ Сибири, врать вѣроятно.

— А вы что думаете! формуляръ показывалъ; 1360 душъ.

— Въ формуляръ? спросилъ Сеня.

— Въ Литвѣ, это почище!

— Двучиность какая-то; ужъ лучше безличность, чортъ его знаетъ, кто онъ, и зачѣмъ живетъ здѣсь.

И чѣмъ живетъ, вотъ вопросъ?

— Помощникъ почмейстера мнѣ говорилъ—что ему денегъ ни разу не присылали, а деньгами сорить, переписка съ какимъ-то министерскимъ есть, большіе конверты посылаются.

— Это что значить?

— Говорю, переодѣтый министръ.

— И спорить нечего, только министръ по какимъ дѣламъ? не по его-ли департаменту, кивая головой на мѣня, добавилъ Сеня.

— Ну ври.

— Что ври, у тебя въ острогѣ-то, какія есть головы, у, у, у, что твой Вьюшкинъ, не то что Бирюлецкій.

— Ну язычекъ не чесать. слышишь!

— Господа; смирно, власти прохаживаются.

Послѣ я неоднократно сталкивался съ этимъ господиномъ; гляжу иногда сорить деньгами, а иногда зайдетъ въ кофейную

только въ зубахъ ковыряеть: я, говоритъ, завтракалъ у его превосходительства Петра Петровича, а я зналъ, что его превосходительство никогда не завтракаетъ; а есть-ли и завтракаетъ, такъ въ тихомолку одинъ, а ужъ никого не приглашаетъ.

Однако я не могъ не замѣтить, что онъ старается со мной сблизиться; да я то на сближеніе дикарь былъ, особенно съ темиными господами.

— Мнѣ, говоритъ, очень лестно, вы такую славу имѣете, вы нашъ Фуше, объ васъ и у насъ тамъ знаютъ.

«Гдѣ тамъ не знаю, въ Китаѣ должно быть подумаю я.

Вѣжливость требовала иногда и говорить съ нимъ; рассуждалъ отлично, плавно и даже логично, о службѣ своей говорилъ мимоходомъ, такъ скажетъ:» когда я правителемъ дѣлъ былъ, или тамъ во время моего вице-губернаторства, когда спрашивали почему онъ избралъ нашъ городъ,—отвѣчалъ всегда: жду назначенія, но такъ отвѣчалъ, что самой простякъ въ этихъ словахъ доискивался другого смыслу.

Какъ-то Страмниковъ засталъ у меня Вьюшкпна.

— Поздравляю, говоритъ, твой министръ размаскированъ.

— Что такое?

— Сей-часъ я видѣлъ помѣщика Щура, изъ Масловска пріѣхалъ, какое тамъ колѣнцо выкинулъ г. Бирюлецкій-то твой.

— Возьми себѣ, подарю на праздникъ.

— На кой мнѣ чортъ, ему подари.

— Да что такое?

— Въ Масловскѣ у губернатора служилъ племянникъ, князь Кукурузинъ што-ли, гусарь, да такой счастливой: дядя губернаторъ, а тетка старая дѣва, тысячедушная; положимъ, что она на глаза его не пускала, насолилъ гусь, да все-равно, можно подождать, не два же вѣка ей жить; вотъ тетушка изъ масловскаго дома на лѣто со всеѣмъ своимъ штабомъ, моськами и приживалками переехала въ деревню, верстъ за сто што-ли, а въ домѣ дворника одного оставила, что-жъ дворнику дѣлать одному какъ не пить, ворота не украдутъ. Разъ пріѣзжаетъ племянникъ съ какимъ-то баринкомъ, внѣ себя отъ горя, говоритъ: «ну, Антонъ, горе! тетушка долго жить приказала! — Ахъ, Господи! всплеснувъ руками, отвѣчаетъ Антонъ, а самъ еле на ногахъ стоитъ! — Надо, братецъ, гробовщикомъ, на тебѣ красенькую на извощика!» Антонъ руку подѣловалъ и говоритъ: царствіе небесное, а ужъ плохо за ней жить-то было, вотъ вашей ма-

лости, ваше сіятельство, пришлось бы услужить! — Ну, ну, да ты не болтай прежде время. — Ужь нѣтъ, никому не скажу, и гробовщикамъ не скажу! — То-то.

Не прошло и полу-часа нагрянули бородки съ образцами плицу и мишурнаго галуны, пріѣхали и бородачи съ шарчами, пришелъ и дьячекъ.

Парадные будутъ похороны, пошло на торги, такъ задатки и суютъ, обычай такой; — уговорились, собралъ князь задатки, оставилъ куска четыре шарчи, свѣчей велѣлъ и все прочее къ вечеру привезти, а для встрѣчи выѣхать за двѣ версты, за городъ, съ межевельникомъ и всей церемоніей, Антону сколько полтинниковъ накатило, пей не хочу, да ужь и натрескался же онъ!

На другой день призываетъ князи дядя.

— Что братецъ, за слухи, — сестра померла?

— Не слыхалъ, дядинька.

— Какъ, говорятъ, ты распорядишься сдѣлать.

— Какія, дяденька? не знаю-сь!

— Врешь, братецъ, узнай, что такіе за слухи!

— Сей-часъ, дяденька, я въ Кукурузовку скатаю.

— Ну, валяй!

Князь въ Кукурузовку не поѣхалъ, дѣлами занялся въ городѣ, а дядѣ не показался.

Утромъ рано, дроги, шестеркой, съ измятымъ балдахинномъ и оборванными строусовыми перьями, выѣхали за городъ, толпа зѣвакъ высыпала поглазѣть; сидѣли, сидѣли, не ѣдутъ; поднялась съ проселка пыль, да это кто-то парочкой въ телѣжкѣ катить, подкатилъ и остановился.

— Кого это хоронять? спросилъ онъ факельщика, еще не облеченнаго въ мантию, но уже надѣвшаго распоротую треуголку, — отъ солнца хорошо.

— Не знамъ, отвѣчаетъ представитель церемоніи.

— Княжна Марія Андреевна Кукурузина изволила въ деревнѣ жизнь кончить; ждемъ-сь.

— Что? да вы рехнулись што-ли? да я прикащикъ съ сіятельства, благодаря Бога, она здоровѣе насъ, сами меня отпращивали вчера за покупками.

— Какъ, што? шумъ, крикъ; посыпали въ домъ: тамъ только дворникъ пьяный поперегъ калитки спать. Явный обманъ, всѣ къ губернатору.

— Ты что накуралесилъ?

— Ничего, дяденька.

— А это что? онъ ему показаль пріемную, — подлець, убирайся къ черту, чтобъ я тебя и въ глаза не видалъ!

— Да я, право, не знаю!

— Натѣ, вотъ онъ вамъ, руками отдаю; дѣлайте, что хотите съ нимъ.

— Мы ихъ милости не знаемъ! отвѣчали торговцы, — мундиръ тотъ, а не они-съ!

— Это что такое?

Штука-то простая вышла: г. Бирюлецкій съигралъ штуку, помѣнялся съ нимъ платьемъ, а потомъ обратилъ погребальную церемонію въ деньги, накатилъ князька да и удралъ. Дядя удовлетворилъ купцовъ, а племянника на Кавказъ спровадилъ.

— Не пришлось бы мнѣ здѣсь самого Бирюлецкаго схоронить, прибавилъ я.

— Ужъ я его подарилъ тебѣ: такъ и будетъ вѣрно, онъ и самъ чуетъ недоброе, какъ ухаживаетъ за тобой.

— Милости просимъ, попадется, у насъ не вывернется

V.

Сводчикъ.

На другой же или на третій день, губернаторъ мнѣ передалъ просьбу крестьянина Голованова, и сказалъ: «у насъ въ городѣ поселился какой-то господинъ Бирюлецкій, у него по полиціи тѣма дѣлъ, а все правъ; вотъ бѣднаго мужика еще обобралъ — человека продалъ въ рекруты, а тотъ ушолъ; дѣло пустое, не стоило бы васъ затруднять, да надо такому мошеннику конецъ положить! ужъ постарайтесь, другой съ нимъ не сладить».

Такъ вотъ, господинъ Бирюлецкій, ваше поприще, вотъ откуда ваши наряды и швырянье деньгами; однако губернаторъ самолюбіе задѣлъ, не уронить бы себя, господинъ Бирюлецкій не изъ простыхъ, на разговорцѣ не словишь самъ на дѣлахъ зубы съѣлъ; впрочемъ, посмотримъ, кто кого перехитритъ.

— Что, старина, попался?

— Ужъ какъ попался-то, каше сѣятельство; совсѣмъ загубили; до тѣла раззорили: да это ужъ куда не шло, а вотъ коли не найдемъ мошенника-то, какъ же съ некрутствомъ-то быть

сына-то схватятъ! ума не приложу.... индо душу мутить! такая бѣда; помоги, милостивецъ!

И онъ повалился въ ноги.

— Ты знаешь, гдѣ этотъ Бирюлецкій-то живетъ?

— Знаю, родимой! тутъ одинъ сводчикъ Забираловъ спасибо на умъ навель: вотъ, говорилъ, тебѣ, не связывайся, опыганить, точно говорилъ; вотъ онъ и указалъ мнѣ.

— Гдѣ же это?

— А вотъ евто, какъ за Московскую заставу выдешь, слободка такая, домишки такіе есть, такъ въ крайнемъ-то; поперегъ дороги почестъ стоитъ, оно тутотки и есть.

— А, на чертѣ города! не дурно! ты его видѣлъ, что онъ говорить?

— Да што, говорить—шею наkostenялял: я-те, говорить, человекъ сдалъ, што-жь тебѣ надоть? да, ботюшка, право слово, повернулъ, да въ шею, и теперь шишка не прошла.

— А этотъ охотникъ-то, какъ его, Недрыгаило ты говоришь; у него должно быть?

— Забираловъ баеть, што, должно быть, у него; што ужъ онъ меня не перваго обошолъ, право слово; во, какой обидчикъ, а еще баринъ.

— Ты Расскажи мнѣ, старикъ, подробно, какъ дѣло у васъ шло, кто васъ свелъ?

— А во какъ дѣло-то шло, и онъ рассказалъ свою тревогу и повски, а потомъ прибавилъ: — во, какъ я вторительно пріѣхалъ съ деньгами, онъ меня недѣли съ двѣ, што-ли, водилъ, говорить, бумаги не готовы; значить, вольная-то; хотѣлъ, чтобъ я еще денегъ далъ, да я, нече сказать, не далъ; притамился, говорю, конецъ будетъ и деньги будутъ. Вотъ и говорить: «завтра приноси, готово». Ну пришли, рано пришли — спалъ, на кухнѣ посидѣли; а тамъ позвали меня одного, а со мной свать былъ Еремѣй да десятской Лысой; тѣ говорятъ, пусть охотника стерегутъ. «Ну, говорить, вотъ вольная Яшкѣ, отсчитывай деньги!» «Да какъ же вольная? подумалъ я; кто ее знаетъ—такая-ли: мужикъ я, какъ есть, безграмотный», а онъ словно думку услыхалъ, говорить: «не бойся, старина, возьми, покажи кому, а послѣ приходи и человекъ возьми съ рукъ на руки, все, какъ слѣдствуетъ, говорить; а ты, говорить, вотъ што: съ Якубки-то росписку возьми, что охотой идетъ, да съ глазь его не спускай, а то неровень случай, зартачится — от-

речется въ казенной.» Ну, показалъ я подъячѣму, говорить, ладно; пошолъ — привели Якубку, ничаво: согласенъ, говорить, и подписалъ, при мнѣ подписалъ; при мнѣ, значитъ, руку приложилъ; ну и взяли мы его, говорить: погулять дайте напо- слѣдяхъ; вонъ другіе охотники давно гуляютъ, а вы сквельж-ники, што-ли, за твое дѣтище лобъ подставляю; ну, и загулялъ; платковъ красныхъ накупилъ, балалайку купилъ; идемъ по ули- цѣ, а онъ попѣваетъ, да въ прасядку, съ такими вывертами, да прибаутками, что ну, право, всё вокругъ-то хохочутъ; идемъ эдакъ разъ по базару, а народу тьма-тьмушая сперлась, онъ плясалъ, плясалъ, да какъ шмыгъ подъ лошадь, сгибъ да про- палъ, собака; ужъ мы, и туда, и сюда; батюшки, помогите! а народъ такой безбожный, еще смѣются надъ старикомъ; из- вѣстное дѣло, батюшка, чужая бѣда не горе; а ужъ ахти мнѣ- то какво было! такъ-таки сгибъ и пропалъ; полицейстеръ по городу велѣлъ разыскать, да гдѣ ужъ! вотъ, ваша милость, раз- вѣ поболѣзнуете о старикѣ, вѣдь кровь говоритъ, что-жъ теперь подѣлаешь, что съ Петрухой-то будетъ! (И старикъ залился сле- зами). Да вишь што еще сотворилъ-то, каторжной, антихристъ эдакой: вольную-то, и росписку-то стащилъ, да рублевъ двад- цать денегъ! Будь отецъ родной, защиты, погибель устроили злодѣи.

— Ну, старикъ, молись Богу; что во власти, все сдѣлаю; ты приведи ко мнѣ этого сводчика Забиралова, ты знаешь, гдѣ найти?

— Да онъ чай и теперь въ казенной трется.

— Сходи-ка, отыщи, да приведи.

Сибирка вскорѣ пришолъ ко мнѣ.

— Изволили насъ требовать?

— Да, братецъ, ты началъ добромъ вотъ этому мужичку; его охотникомъ надули, такъ помоги мнѣ настоящее добро ему сдѣ- лать: не знаешь-ли, укажи, гдѣ этотъ Недрыгайло?

— Недрыгайлы никаково не отыщете, ваше высокоблагородіе, во той причинѣ, имя чужое.

— А какъ же настоящее?

— Ужъ етова сказать не можемъ, кажись, Петръ, а только онъ, какъ есть, подставной, бѣглой какой ни на есть

— Ты говорилъ, что онъ опять у Бирюлецкаго?

— Должно быть такъ-съ, а впрочемъ мы объ этомъ неизвѣстны.

— Да ты Бирюлецкаго знаешь?

— Съ рожки-то какъ не знать: онъ ужъ не мало народу округилъ евто время.

— Такъ онъ просто мошенникъ?

— Помилуйте-съ, какъ можно-съ; мошенники въ сибиркахъ ходять (и онъ распахнулъ сибирку), а евто аферисты зовутся.

— Какая же разница по твоему?

— А такая-съ: имъ вѣры больше; одежда, значить, господская.

— Давно Бирюлецкій въ огородахъ живетъ?

— И етова въ точности сказать не можемъ-съ, жили-съ въ городѣ, кварталъ пять сибилъ-съ, а теперь вотъ-съ тамъ поселился; удобствіе, значить, большое: домъ въ городѣ, а сарай въ уѣздѣ; придется городской полицейской, взять нельзя въ уѣздѣ-съ, значить, въ сараяхъ-то; а становому въ домъ идти — не по праву: для укрывательства, значить; дѣловъ-то ево што у него, мошенническихъ, громада! на возу не увезешь....

— Какія же у него дѣла, съ кѣмъ?

— Больше по купечеству! Придетъ въ лавку, отберетъ товару, али скажетъ тамъ: «привезите на домъ, я тамъ выберу»; ну, привезутъ полотно, или бобровъ какихъ, или тамъ у портнаго платье закажетъ, привезутъ; говорить: «оставьте, любезнѣйшій, я моему пріятелю, енералу покажу; онъ ужо будетъ, пріѣзжайте ужо!» ну, баринъ важный, а ужо пріѣхали: «я, говорить, васъ не знаю», или: «я заплатилъ!» такъ всѣхъ почестъ и обошолъ.

— Да какъ же купцы другъ друга не упрещаютъ?

— Поди-ты, зачѣмъ? меня надули — пусть и другаго надуютъ, не завидно будетъ, а послѣ на смѣшки подымнутъ, а то которымъ расписки надавалъ; да такіе, что ничево не возмешь: одному обязался заплатить 30 февраля, а когда-жъ 30 февраля бываетъ.

— Что-жъ вы на него полицію не наведете, коли эдакой разбойникъ?

— Што-жъ намъ-то-съ? наше дѣло сторона, про него полиція знаетъ, дѣла-то по всей полиціи есть, да ничего не подѣлаешь, ловкая бестія-съ, изворачивается, а главное — паспортъ

есть; вотъ что-съ чиновный, да вожный, иной кварталный ждеть, ждеть, пока допустить къ себѣ.

— Ты самъ-то здѣшній? мѣщанинъ?

— Мѣщанинъ изъ покопъ-вѣку.

— Ремесло есть?

— Рукоесло нозоли' набило: мы по столярному дѣлу были-съ, да погорѣли, такъ вотъ-съ дѣлами разными перебиваемъ.

— Такъ если узнаешь, гдѣ этотъ Недрыгайло, подведи, пожалуйста, спасибо скажу!

— Съ нашимъ удовольствіемъ-съ! Ужь это какое дѣло—огрбить до нитки человѣка, да и утопить; только у честнаго народу хлѣбъ отбиваетъ. Да, ваше высокоблагородіе, эдакъ бы невзначай къ Бирюлецкому-то изволили накрыть, то есть, може онъ и тамъ: такой бѣлокурый, вертлявый изъ себя, глаза большіе, поменьше меня, коренастый.

— А ты разузнай все-таки.

— Слушаемъ-съ! Эхъ, баринъ! заболтался съ вами, конную пропустилъ, оно бы все можетъ пришлось копѣчку зашибить.

— А ты и на это мастакъ, на всѣ руки бьешь?

— Отчего-жь добрымъ людямъ не помочь; маракуемъ!... а не будетъ ли вашей милости на часекъ пожаловать; да неравно кого угостить придется.

— На, братецъ, изволь!

— Ну, много благодарны, ужъ заслужимъ вашей милости.

Какъ не заслужить; я узналъ, что онъ раза три въ острогѣ сидѣлъ, чай святова не много осталось, если и даромъ сидѣлъ; все ужъ школу пришелъ, а какъ даромъ сидѣть?—вывернуться, чай, съумѣлъ—даромъ не посадятъ три раза. И точно, онъ часто прибѣгалъ ко мнѣ, бралъ на чай и иногда сообщалъ очень полезныя свѣдѣнія: онъ преслѣдовалъ Бирюлецкаго — и преслѣдовалъ, очевидно, съ ненавистью, вѣроятно, за то, что тотъ у него хлѣбъ отбилъ, — за его промыслъ взялся.

V.

ВЫЕМКА.

По своей методѣ, я потребовалъ полицію, стряпчаго и прочій людъ, въ данный часъ, на извѣстный пунктъ, а не сказалъ для чего: изъ нихъ мягкосердые люди бываютъ—упредятъ неровно, чтобъ службу сослужить, особенно на зло нашему брату.

Рано утромъ, я нашелъ всѣхъ у заставы; — это изъ городу, а изъ уѣзда подходили сотскіе съ понятными, подъ руководствомъ моего урядника.

Бирюлепкій полоскался въ тазу, когда я вошелъ. Этотъ способъ умываться нѣкоторые находятъ опрятнѣе, чѣмъ поливать на руки изъ кувшина или всячаго горшка; у всякаго свой вкусъ: иному мутная вода съ грязью и лучше чистой.

— А! какими судьбами? ко мнѣ?

— Къ вамъ, Николай Петровичъ.

— И съ стряпчимъ! по дѣлу?

— Да, маленькое дѣльцо встрѣтилось; кончайте, пожалуйста; мы подождемъ.

Между тѣмъ домъ былъ оцѣпленъ, чего онъ не могъ не замѣтить.

— Пожалуйста, взойдите, самоваръ на столъ, угоститесь сами, я вѣдь на холостую руку, совершенно спокойно продолжалъ онъ.

Мы вошли. Грязный самоваръ, не вымытые разнокалиберные стаканы, безъ полотенца; на не покрытомъ, гадкомъ столѣ не очень позывали угощаться, да мы прозябли и, выполаскавъ кое-какъ стаканы, налили: чай оказался отличный, цвѣточный.

Вошелъ хозяинъ.

— Могу узнать въ чемъ дѣло, доставившее мнѣ удовольствіе имѣть честь видѣть васъ у себя? а я на мази, переѣзжаю, такой безпорядокъ.

Онъ никуда не переѣзжалъ.

— Пустое дѣло, Николай Петровичъ, отъ васъ зависитъ кончить его: вы продали человѣка въ рекруты крестьянину Голованову, а тотъ ушелъ отъ него.

— Позвольте: я могъ отпустить на волю человѣка, а тотъ могъ продаться; а въ рекруты, вы знаете, нельзя продавать.

И все это было сказано такъ шутливо.

— Это все-равно, дѣло не въ томъ, не съ этой точки и мы смотримъ, а вотъ изъ человѣческаго чувства — къ мужику; онъ бѣдный раззорился, губернатору желалось бы, чтобъ бы отдали ему деньги, — тѣмъ бы и кончилось, и я бы вамъ совѣтывалъ; что за охота имѣть вамъ, въ вашемъ положеніи, скандальный процессъ; вы знаете, какъ мужики крѣпко держатся, — не умолаешь; полѣзеть дальше, я велѣлъ ему придти, кончите какъ-нибудь!

— Что такое кончить?

— Отдать деньги, онъ и безъ того въ потерѣ: сына возьмутъ; а можетъ мы его и на уступку собьемъ.

— Гдѣ-жь мнѣ взять денегъ? ей-Богу, я безъ гроша, вотъ получу изъ имѣнія развѣ.... что-нибудь дамъ....

— Въ какое положеніе вы меня ставите: объ эдакомъ вздорѣ производить слѣдствіе, странно!

— Да что-жь дѣлать, я бы далъ, да денегъ нѣтъ!

— А то отдали бы?

— Лучше бросить нѣсколько сотъ своихъ, чѣмъ гвздатся.

— Такъ дайте подписку, что выплатите — вотъ и все!

— И еще подробную, я думаю?

И онъ захохоталъ.

— Вы меня не хотите понять, какъ угодно; такъ извините, я начну слѣдствіе по формѣ — обыскомъ.

— Сдѣлайте одолженіе! отвѣчалъ онъ, пожимая плечами, — какъ вамъ угодно!

— Господинъ добросовѣстный! взойдите, ищите и подавайте намъ, какія найдете бумаги.

Бирюлецкій остался равнодушенъ; онъ зналъ, что никакихъ бумагъ не можетъ имѣть. Попались письма изъ Питера отъ какого-то Бубенчикова — чистая хлестаковщина, подали мнѣ указъ объ отставкѣ г. Бирюлецкаго: вице-губернаторомъ онъ не былъ, а занималъ въ Сибири видныя мѣста; аттестатъ отличный, въ отставку 4 года съ чиномъ надворнаго совѣтника; за нимъ и за родителями 1137 душъ.... странно! какъ же это такъ низко могъ опуститься человекъ? и такъ скоро? что это за загадка? что его подвинуло на это? конечно, самъ не сознается, а разсказать некому, — можетъ быть, онъ всегда былъ такой, да маскировался, а можетъ и въ отставку подалъ по приказанію начальства.

Я оглядѣлъ объ комнаты, составлявшія половину домика; я искалъ не бумагъ, а человекъ; человекъ тутъ не оказалось.

Въ сѣняхъ вела на мезонинъ крутая лѣстница.

— Это въ свѣтелку! тамъ у меня.... понимаете.... человекъ холостой; впрочемъ, и вы тоже, ничево.... взойдите, по крайней мѣрѣ узнаете мой вкусъ.

Я постучался. Дѣйствительно, очень хорошенькая и стройная женщина разчесывала густую черную косу, ахнула и закрылась дверью.

Я извинился, шутя посмотрѣлъ, окинулъ глазами крошечную комнатку; отпустилъ пошлый комплиментъ; дверей нѣтъ и тутъ, спрятаться негдѣ человѣку.

Большая изба съ русской печью захватила вторую половину дома; тамъ стояло два человѣка: взглянулъ — не то.

— Ты кто любезный? спросилъ я бородатаго высокаго кучера.

— Мы-съ по кучерской должности!

— Здѣсь живешь?

— Никакъ нѣтъ-съ; на щотъ мѣста, къ ихъ милости пришло нѣтъ-ли случая какого.

— А вы развѣ занимаетесь этимъ, Николай Петровичъ? спросилъ я, шутя.

— Меня Канюкинъ ротмистръ просилъ, такъ къ нему послать надо.

— Ты дворовый?

— Нѣтъ-съ экономическіе.

— А паспортъ есть?

— Развѣ можно безъ паспорту-съ!

— Покажи-ка.

— Съ собой нѣтъ-съ, у хозяйки на фатерѣ?

— А гдѣ это?

— Тутъ въ Соборной улицѣ, домъ Подлипаева солдатка Федорова есть, такъ у нее-съ.

— Хорошо! а ты любезный кто? обратился я къ молодому парню, съ заспаннымъ и опухлымъ лицомъ.

— Мѣщанинъ-съ здѣшній Гостинцевъ Михайло!

— Ты чѣмъ занимаешься?

— Въ башмачной лавкѣ-съ, у купца-съ Княжескаго въ молодцахъ-съ.

— А здѣсь зачѣмъ?

— Къ сестрѣ пришло.

— Къ какой сестрѣ?

— А вотъ здѣсь живетъ. . онъ взглянулъ на Бирюлецкаго, на всѣхъ и покраснѣлъ. Видно совѣсть еще есть.

— Урядникъ, отведи этихъ молодцовъ съ городовымъ къ допросу, разговаривать не давать! Ну вотъ и все Николай Петровичъ!

Онъ пожалъ плечами: ничего, дескать, и быть не могло. Только въ это время, бутошникъ, вставившій въ дверь свое рыло,

закричадь: ваше благородіе, эвона что, подь печкой-то, сапоги шевелятся.

Глядь: дѣйствительно сапоги шевелятся!

— Эй, сапоги! выльзай! ну не поджмай ноги, вытащить ведию.

Ракомъ выльзъ парень—въ синей кучерской поддевиѣ, высморкался, потрясъ пыльные волосы, утерся и всталъ какъ будто ни въ чемъ не бывало.

Онъ; его то и надо, а Бирюлецкій и ухомъ не ведетъ.

— Здорово, Петръ Васильевичъ!

Петрушка вытаращилъ глаза и ротъ разинулъ; онъ меня никогда не видывалъ.

— А вы развѣ его знаете? спросилъ Бирюлецкій.

— Какже? знаю... Вы это что же бѣглыхъ-то держите?

— Опъ только сей-часъ пришло, я даже не зналъ.

— Гдѣ ты проживалъ это время Петрушка?

— Къ своему барину, князю Чергизову въ Подиость, ходилъ.

— Лжешь, братъ, тамъ бы тебя скрутили, не пойдешь.

— Нѣтъ-съ былъ-съ и не скрутили.

— А здѣсь?

— Въ поденьщикахъ былъ, извѣстно-съ, гдѣ день, гдѣ ночь и сутки прочь, дѣло такое—паспорту не выслали.

— Арестовать и этого. Урядникъ береги пуще глаза.

— Не сорвется, ваше благородіе.

— Ну пойдете актъ напишемъ, вы знаете: я страшный формалистъ.

— А меня арестуете? спросилъ, шутя и надменно, Бирюлецкій.

— Васъ? за что? дѣло гражданское, оставайте себя дома, только ужю, около часу потрудитесь заѣхать въ канцелярію—свѣдѣнія все-таки отобрать нужно; а лучше кабы вы съ Головановымъ кончили, повторилъ я, уходя.

Мы разѣхались; Васильева я посадилъ съ собой на дрожки. Казакъ ѣхалъ сади; ту пару на веревочкѣ повели будошники.

— Почему вы меня, баринъ, знаете? спросилъ Петрушка.

— Еще бы, я братъ все знаю, погулялъ на чужой щотъ Петруха, поплатиться надо.

— Што-жь не гулять, дѣла-то нѣтъ, гудай себѣ, а поплатиться-то за что; кажись, не за что?

— А славно вы Голованова-то обстроили, молодцы право, по дѣломъ капапу.

— Это што за Головановъ?

— Старикъ-то Михѣичъ, не знаешь? онъ вѣдь Головановъ прозывается, вотъ его Якубъ Недрыгаило-то и драгнулъ.

— Хо, хо, хо, это что за штука—Недрыгаило?

— Видишь по латышски Якубъ Недрыгаило, а по нашему, по-русски выходитъ Петръ Васильевъ.

— Чтожь тутъ и знать-то! эка бѣда — клнчку чужую при-
нялъ.

— Ничего, а право молодець, такъ и надо дураковъ учить; да тебя Николай Петровичъ не обидѣлъ, вѣдь онъ много самъ-то поживился?

— Таковской! жидоморъ подлець какъ есть; вонъ што въ эту прорву-то Сашку садить, это ему ни почемъ, а съ нашего брата сорвать наровить.

— Такъ ты зачѣмъ не прижалъ его? промахнулся Петрушка, приполъ бы, да, дескать, дайте, а то въ полицію донесу.

— Вишь вы какіе а самому лупку зададутъ.

— Кто объявляетъ, того не дерутъ.

— А какъ же говорить, доносчику первый кнутъ?

— Бабы врутъ! (молчаніе). Да какже это онъ тебя подговорилъ, ты какъ попалъ къ нему?

— Какъ попалъ? паспортъ просрочилъ, оброку нечѣмъ заплатить—вотъ съ этой Сашкой проѣдѣлъ; хоть бы копѣйка шальная осталась; ну а онъ безъ паспорту взялъ, говорить, оброкъ отошлемъ, и паспортъ дадутъ, мнѣ, говорить, кучеръ нуженъ, экипажемъ завожусь, а какое заведение—дрожки да кнутъ, а надо лошадь и хомуть, да лошади безъ денегъ никто не даетъ; онъ все безъ денегъ охочь покупать; заплатить пять пальцевъ да ладонь, а купецъ ходи послѣ.

— Да вѣдь у него имѣнье есть?

— Какже? только знать далеко больно гдѣ за моремъ, за океаномъ, должно быть за островомъ, за буяномъ, шарамыжникъ, ерникъ эдакой, какое у него имѣнье!

— За что-жь ты ругаешь! онъ же тебя взялъ къ себѣ, денегъ доставилъ, ты нагулялся.

— Черти бы его подрали, влопаясь съ немъ: съчего, говорить,

вѣдъ Якуба Недрыгаило въ солдаты отдадутъ—а не тебя», я ротъ-то и разинулъ, хорошо что до ставки—чортъ вынесъ.

— Ты вотъ што, Васильевъ, Расскажи, это очень интересно, какъ это онъ ухитрился всѣхъ васъ надуть?

— Эка, велика хитрость, ничего хитрошнаго не было: «ты, говорить только слушай меня, а деньги будутъ, оброкъ запла- тишь, а то баринъ лобъ забрѣетъ, все единственно задаромъ».

— А гдѣ бумага, что онъ за тебя давалъ?

— Это вольная-то? кто-жь ее знаетъ, у Максима Федотова, али у Коптелкина, должно быть, осталась.

— Это кто такіе?

— Тоже крестники! и онъ захохоталъ.

— Какъ такъ!

— Ужь онъ меня въ третьи руки продалъ, т. е. не меня, а Якуба Недрыгаило, значитъ

— А гдѣ эти живутъ?

— Кто, Федотовъ-то? на постояломъ дворѣ, на рынкѣ у Се- мена Гаврилова, а у Коптелкина — свой домъ двуэтажный, въ кривомъ переулкѣ.

— А съ нихъ много содралъ?

— Я-то? ни шиша; огурецъ, да селедка, да матушка водка, вотъ-те и барыши.

— А онъ?

— Ужь эта бестія маху не дастъ, съ Федотова опричь де- негъ, возъ вязаныхъ ботинокъ взялъ.

Я даже плюнулъ; мы пріѣхали. Васильевъ, должно быть, счи- талъ, что на дрожкахъ былъ простой разговоръ, хотѣлъ было при форменномъ допросѣ заператься, хотя и не понималъ мѣры вины своей, да поздно было, слово не голубъ, вылетитъ не поймаешь, да и Головановъ съ подручниками опозналъ его и сталъ требовать, чтобъ его въ казенную свести, а ему фитанцію выдать на некрута; всѣ въ ноги повалились.

— Ишь выдумалъ, пойду я за тебя въ солдаты, чеши зубы- то! отвѣчалъ Петрушка.

— Какже это, батюшка, такъ и нельзя развѣ?

— Нельзя, старикъ!

Головановъ даже завылъ.

VII.

Во всемъ правъ.

Въ часъ акуратно явился г. Бирюлецкій, въ тонкихъ перчаткахъ, съ тросточкой, такой беззаботный, просто смотрѣть люблю, точно и дѣла нѣтъ ему, а я Васильева припряталъ въ секретную.

— Ну, что прикажете?

— Ничего-съ, вотъ вамъ вопросцы, я заготовилъ противъ просьбы Голованова, потрудитесь написать объясненіе—а если можете лучше кончите съ нимъ безъ писанья—право.

— Ужь коли дѣло началъ, такъ что-жь кончать, позвольте съ я отвѣчу.

— Извольте-съ; только совѣтую вамъ прощѣ, прямѣ писать; знаете въ изворотахъ иногда разнорѣчіе можетъ выйти.

— Благодарю за совѣтъ; коли правду писать бояться нечего, мы тоже дѣло знаемъ.

Я поклонился. Онъ бойко написалъ отвѣты и навралъ страшно: отрицанье и отрицанье, только показалъ, что какой-то сводчикъ приводилъ какого-то старика, купить рекрута, но что онъ ихъ выгналъ въ шею, потому что своихъ людей не имѣеть и таковой торговлей никогда не занимался.

Я его отпустилъ и просилъ прійти дня черезъ четыре, для очной стачки съ Головановымъ.

Въ эти три дня Бирюлецкій, отыскивалъ гдѣ Васильевъ, да не отыскалъ, а я успѣлъ отыскать двѣ другія продажи. Федотовъ представилъ отпускную, а Коптелкинъ сослался на постороннихъ свидѣтелей.

— Ну, не угодно-ли г. Бирюлецкій теперь отвертеться, подумалъ я, первые-то отвѣтцы васъ зарѣжутъ, кажется они вѣдь простенькіе, противъ жалобы глупаго мужика. Я нарочно не хотѣлъ васъ запугать сначала, чтобы вы успокоились!

— Здравствуйте, Николай Петровичъ, прошу садиться.

— А что есть дѣло?

— Да надо съ вами заняться немножко; вотъ, не угодно-ли объяснить кое-что.

Вопросъ. Что имѣете вы показать противъ нижеизложенныхъ показаній Петра Васильева, о продажѣ его въ рекруты подъ именемъ вашего двороваго человѣка Якуба Недрыгайло казенно-

му крестьянину Голованову и въ выдачѣ сему послѣдному отпускной съ получениемъ 850 денегъ?

— Я вѣдь ужъ это объяснялъ въ первыхъ отвѣтахъ.

— То было противъ просьбы истца, а это противъ сознанія, обвиняемаго. Петрушка уличенъ.

— Нельзя-ли мнѣ взглянуть прежніе отвѣты?

— Зачѣмъ же! развѣ вы не знаете, что показали!

— Нѣтъ, я такъ только! И, не теряя хладнокровія, написалъ.

Отвѣтъ. Показаніе Васильева низкая клевета и ложь сначала до конца; никогда ни своего челоуѣка, ни его я въ рекруты, никому не продалъ; никакой отпускной Голованову не выдавалъ и денегъ съ него—не бралъ,

Вопросъ. Васильевъ показалъ, что кромѣ этого вы его продали такимъ же порядкомъ крестьянину Максиму Федотову и мѣщанину Ивану Коптелкину, что имѣете сказать на это?

Отвѣтъ. Совсе не знаю этихъ людей и никакого дѣла о продажѣ рекрутъ съ ними не имѣлъ.

Вопросъ. Вами-ли подписана и явлена предъявляемая отпускная двороваго челоуѣка Якуба Недрыгаило?

— Что вы затрудняетесь—отказаться нельзя: рука и печать ваша.

— Я и не думаю, я только припоминаю.

Отвѣтъ. Мною.

Вопросъ. Гдѣ этотъ челоуѣкъ?

Отвѣтъ. Въ деревнѣ былъ, гдѣ по ревизіи записанъ, а гдѣ теперь—не знаю.

Вопросъ. По какому случаю эту отпускную вы отдали Коптелкину?

Отвѣтъ. Я не отдавалъ.

Вопросъ. Какже она къ нему пошла?

— Вы все прибавляете вопросы—эдакъ нельзя, вопросы должны быть всѣ заготовлены вмѣстѣ впередъ, полные, изложенные ясно—законъ требуетъ, а эдакъ нельзя.

— Коли они рождаются только изъ вашихъ отвѣтовъ? прошу отвѣчать; если вы знаете, какъ давать отвѣты, предоставте же мнѣ знать, какіе предлагать вопросы; были бы они къ дѣлу; никакой законъ не ограничиваетъ въ этомъ слѣдователя.

Отвѣтъ. Очень просто. Недрыгаилу я пожелалъ отпустить на волю, я имѣлъ на это право и написалъ отпускную, отослалъ

не успѣлъ; Васильевъ укралъ ее и очевидно воспользовался, чтобъ дѣлать обманы.

Вопросъ. Давно-ли пропала у васъ отпуская?

Ошвѣтъ. Не знаю, незамѣтилъ.

Вопросъ. Подали-ли вы явку о покражѣ такого документа, который давалъ возможность къ многимъ подлогамъ?

Отвѣтъ. Нѣтъ, я не зналъ, что она пропала.

Вопросъ. Не имѣете-ли чего по этимъ вопросамъ дополнить и все-ли показали по долгу христіанскому и чистой совѣсти справедливо?

Отвѣтъ. Могу дополнить только просьбу къ г. слѣдователю, подвести законъ, что по бездоказательнымъ извѣтамъ и поносамъ слѣдствій не производится.

— Какіе-нибудь мерзавцы напутаютъ, чортъ знаетъ, что, и отвѣчай; очень пріятно; страсть мужиковъ къ клязамъ извѣстна! странно право! да, не можете-ли мнѣ выдать паспортъ? меня требуютъ въ Петербургъ въ департаментъ.

— Вы развѣ на службѣ?

— Нѣтъ еще; но я получаю мѣсто начальника отдѣленія.

— А вотъ-съ еще, нѣсколько спросовъ, очныхъ ставокъ и дѣло кончится, тогда....

— Да! я васъ покорнѣйше прошу поспѣшить; знаете, черезъ эти пустяшныя дразги я могу потерять.

— Я нынѣшнейдень весь посвящаю этому дѣлу; мы сей-часъ приступимъ къ очнымъ ставкамъ.

VIII.

О ч н ы я с т а в к и

Писарь началъ графить и заготовлять листки для очныхъ ставокъ. Бирюлецкій какъ-то косо съ усмѣшкой поглядывалъ на эти приготовления.

— Какія формальности! къ чему это?—позвольте пока цигару выкурить? спросилъ онъ.

— Сдѣлайте одолженіе! это антрактъ!

— Ха, ха, ха,— правда, что антрактъ, все слѣдствіе—комедія.

— Или драма, мнѣ кажется скорѣй драма, нежели комедія, какой бы не былъ исходъ дѣла все есть тревога, борьба.

— Какая же тревога?

— Неужели вы не признаете, что всякое слѣдствіе даже оправдательное—имѣетъ вредное значеніе въ обществѣ?

— Конечно! былъ подъ слѣдствіемъ, знаютъ всё, а чѣмъ кончилось—никто не знаетъ, пятно остается; самъ, пожалуй, рассказывай, не повѣрять; отъ этого-то мнѣ и непріятны эти дрязги, пожалуй, еще аттестатъ замаляютъ.

— Да-съ, это точно-съ вклеилъ в свою рѣчь словесный судья, ино въ часть нашего брата купца, аль мѣщанина къ слѣдствію позовутъ, такъ-съ первое дѣло выходить, говоръ поидеть-съ: въ часть брали, человекъ сумнительный, значить.

— Ну, да коли спросили, да отпустили—ничего.

— А неровенъ случай, посадятъ—совсѣмъ пропадетъ человекъ, особенно-съ нашему брату торговцу кредиту—нѣтъ ужъ, опасаются,—словно ошельмованъ; а долго-ли посадить: всякій будошникъ можетъ засадить.

— Да! это ужъ—точно трагедія!

— Какъ же быть-то, прибавилъ стряпчій, безъ этого, какъ же предупредить—стачку, побѣгъ и прочее... вредящее слѣдствію.

— А вы думаете, что виноватый спать будетъ? мѣръ не приметъ? вотъ нашли олуховъ? съ насмѣшкой возразилъ Бирюлецкій.

— Я признаю арестъ чрезвычайно важнымъ вопросомъ; произволь и безотвѣтственность слѣдователя или даже иногда мелкаго полицейскаго чиновника великое зло, если даже это дѣлается и безъ злоумысла, отъ изышняго рвенія къ службѣ.

— Арестъ есть ужъ наказанье, а по его слѣдствіямъ иногда страшное наказанье!

— Совершенная истина-съ! прибавилъ вздохнувъ словесный судья, оно кажется ничево не значитъ посадить человека, пустяки, а выйдетъ всякой боится.

— Да, продолжалъ я, если арестъ—катастрофа, то по моему очныя ставки—настоящая драма въ слѣдствіи.

— Цолно-те! возразилъ Бирюлецкій, очныя ставки вздоръ, чепуха, формалистика; это тоже, что справки о лѣтахъ, о человекѣ въ 40 лѣтъ спрашиваютъ не малолѣтній-ли онъ или нѣтъ-ли ему 80 лѣтъ, вонъ наливевали очныя ваши ставки, пиши впередъ; на одной сторонѣ Сивухинъ уличалъ Пьянухина, что онъ былъ безъ заднихъ ногъ; а въ другой Пьянухинъ, по ули-

камъ Сивухина, не сознался, а утвердился на своемъ показаніи. Допросы другое дѣло—есть надъ чѣмъ задуматься.

— Оно точно-съ, выходитъ такъ, утвердился на прежнемъ показаніи, и вся недолга, почестъ всегда такъ бываетъ

— А я не такъ смотрю господа, отвѣты при допросѣ — дѣло совѣсти, или изворота ума; ихъ пишутъ съ расчетомъ, время есть обдумать; очныя ставки—это борьба страстей! Свели людей лицомъ къ лицу, соучастниковъ или враговъ все равно! начался споръ; взаимныя изобличенія, чувства разгораются, развѣ это не борьба противъ истины? съ-чьей нибудь стороны есть же истина, человекъ недолго можетъ владѣть собой, правда выступастъ наружу, изъ этого и вытекаетъ нравственное убѣжденіе....

— О да вы повѣтъ, насмѣшливо отвѣчалъ Бирюлецкій! да что значить ваше личное убѣжденіе безъ фактовъ? кто видѣлъ это, гдѣ свидѣтели, да и кто спросить васъ объ вашемъ убѣжденіи или предубѣжденіи; вы не имѣете права даже на его; ваши убѣжденія передъ судомъ мыльшій пузырь; судъ судить по бумагамъ, по голымъ фактамъ! а въ очной ставкѣ, какъ вы выразите борьбу страстей? и выдетъ Сивухинъ уличалъ Пьянухина—фантазировать-то нельзя! а то убѣжденія? и судья-то за закрытыми дверями могутъ спрятать въ карманъ эти убѣжденія—никто ихъ не боится.

— Готово-съ! доложилъ писарь.

— Ну-съ, занавѣсъ подымается, это который актъ? съ улыбкой спросилъ Бирюлецкій.

— Конечно не послѣдній! развязка въ рѣшеніи.

Пѣтушиный бой, значить!!!

Въ полномъ слѣдственномъ присутствіи я поставилъ милѣйшаго Николая Петровича и нѣсколько совершенно постороннихъ лицъ, случившихся въ канцеляріи, и впустилъ Голованова.

Тотъ взмогъ, перекрестился, поклонился и недожидаясь вопроса—дерзко подошелъ къ Бирюлецкому.

— Что-жь, баринъ, эдакъ грабительствовать можно развѣ, человекъ-то обиждать?

Я остановилъ его.

— Ты знаешь этого господина?

— Еще бы, во гдѣ сидитъ, утопилъ окаанный.

— А какъ его зовутъ?

— Николай Петровичъ, господинъ Бирюлецкій.

— А этихъ господъ знаешь?

— Евтихъ-то? кажись, нѣтъ, это какіе же такіе?

— Ну ступай.

Записали въ актъ, Бирюлецкій усмѣхнулся.

— Что, еще комедія не кончена?

— А вотъ сей-часъ.

Я ввелъ Коптелкина.

— Погляди, знакомы тебѣ эти господа?

— Какъ же-съ, вотъ господинъ Симоновъ, по сосѣдству живеть-съ, а это г. Бирюлецковъ, Николай Петровичъ, вотъ что мнѣ въ рекруты кучера продалъ.

— Ничего я тебѣ не продавалъ, и тебя не знаю... Ахъ, да это у тебя я квартиру приходилъ нанимать?

— Какъ такъ? да у меня для такого большого барина и квартиръ нѣтъ-съ, что вы это-съ? шалишь баринъ, ужь отпираться то нечего, докажемъ.

— Это дерзости, г. слѣдователь, заявляю...

— Заявляй—мы тоже заявимъ, почище будетъ!

— Ступай пока туда Коптелкинъ.

Ввели Федотова, мужичишка паршивой, а глаза острые такіе.

— Что, вашей милости? здравствуйте!

— Да вотъ эти господа говорятъ, что тебя не знаютъ.

— Эти господа гм! а што и въ правду матку може не знаютъ; да какже, ваше превосходительство. Николай Петровичъ вы-то меня не знаете? кажись не разъ васъ чаемъ угошали,—и водочку вмѣстѣ пили, и денежки изъ моихъ скорузныхъ рукъ принимали, и перчаточку сняли, не побрезгали; что-жь, батюшка спералъ, когда-жь денежки-то отдашь, али некрута-то?

Видите-что онъ меня не знаетъ, генераломъ величаетъ.

— Что-жь евтимъ обиждаться, ваше сіятельство, а знать-то мы васъ—досконаечно знаемъ и свидѣтелей представимъ—коли на то пошло. Какъ тебя г. Бирюльсковъ не знать-то!

— Замѣтите фамилія моей не знаетъ; онъ вотъ почему говоритъ я теперь вспомнилъ: онъ продавалъ на улицѣ визаные такіе ботинки изъ покровокъ, а у меня нога болѣла и купилъ пару, это вѣдь у тебя я купилъ?

— Не пару, ваше хоть ну благородіе взяли, а 356 паръ за мѣсто денегъ за рекрута, и не понесъ, а привесъ къ вашей милости, а-то ты пару купилъ!

— Какой вздоръ и онъ захохоталъ; затѣмъ я порознь ввелъ

двухъ свидѣтелей портнаго Розенбаума и крестьянина Родіона Куксина. Оба узнали Бирюлецкаго. Онъ отозвался что вовсе ихъ не знаетъ, а что его знать не мудрено всякому.

— Ну интродукція кончена, Николай Петровичъ.

— Благодарю васъ, въ пріятное положеніе вы меня ставите нечево сказать, шутюмъ какимъ-то дѣлаете.

— Что дѣлать-сь, форма, порядокъ. Вѣдь очныя ставки пустяки! потрудитесь подписать актъ! господа и васъ попрошу приложить руку. Благодарю за снисхожденіе.

— Ничево-сь, это очень интересно было!

— Ну теперь-сь приступимъ къ очнымъ ставкамъ!

Ввели Петра Васильева въ арестантскомъ платьѣ. Бирюлецкій важно показивался на стулѣ.

— Петръ Васильевичъ! сказалъ я, твои показанія г. Бирюлецкій опровергаетъ, говорить что ты у него никогда не жилъ, что онъ тебѣ продовать въ рекруты подъ именемъ Недрыгаило не подговаривалъ и никому не продавалъ; а что ты укралъ у него вольную и самъ надувалъ мужиковъ; по закону тебѣ дается очная ставка—ты обязанъ чѣмъ можешь уличать г. Бирюлецкаго, иначе ты будешь обвиненъ въ извѣстѣ т. е. въ оклеветаніи г. Бирюлецкаго, говори всё—уличай!

— Нешто Николай Петровичъ вы отпираетесь! Васильевъ хотѣлъ фыркнуть, но зажалъ ротъ рукою.

— Мнѣ не въ чѣмъ заператься, ты всё нагаль!

— Ужь и нагаль, да изъ какой корысти лгать-то? легче што-ли мнѣ будетъ; а вотъ низкой вамъ поклонъ принести—надо: по вашей милости придется—тѣтки пробовать — да въ солдаты идти, али еще въ арестанскія пожалуй! удружили-сь.

— Зачѣмъ пошоль, то и нашоль!

— Пошоль? ево-та, да кто повель-то? кто мелкимъ бѣсомъ разсыпался? да вы толкомъ говорите не жилъ я у васъ, али жилъ?

— Разумѣется не жилъ, приходилъ иногда, да я тебя гонялъ.

— Хорошо! а какже я всё ваши квартиры въ подробности знаю, а какже меня всё купцы вотъ что вы надували знаютъ—да вѣдъ меня и взяли у васъ! Эхъ в. б. шила въ мѣшкѣ не утаишь. Ужь оно баринъ и не по-барски выходитъ, надо честь знать! жилъ, господа судьи у ихъ милости, такъ и пашите, къ присягѣ пойду.

— Такъ тебѣ и дали присягу—мошеннику.

— Ладно, стало не вы меня научили назваться какимъ-то Япской Недрыгай?

— И не думалъ!

— А почему же я могъ знать что у васъ такой человекъ есть? Эдакаго ния не то что придумать, а на тощахъ не выговорить.

— Очень просто, укралъ отпускную и узналъ?

— Да зачѣмъ мнѣ красть-то было, почему я зналъ что за отпускная тамъ такая, грамотной что-ли? эхъ сударь, воровъ-то глаза не колите, мы еще ничего не воровали, безъ паспорта жили вотъ и все, не чѣмъ было оброкъ заплатить—а то мы воры! мы-ли полно в. б.?—вы докажете какъ это укралъ-то я вольную—а вотъ я въ подробности, докажу—какъ дѣло было: и всѣ скажутъ такъ.

Васильевъ съ прибаутками и съ ужимками рассказалъ всѣ продѣлки; Бирюлецкій—началъ злиться, озлобился и Васильевъ.

— Да што-жь это такое, съ больной головы, да на здоровую; я што-ли деньги-то, да ботинки-то съ мужиковъ бралъ? я што-ли купцовъ надувалъ? эхъ вы баринъ, указать што-ли кому ботинки-то продали?

— Кому онѣ проданы и какъ?

— А вотъ какъ, онъ послалъ Сашку въ лавку, купецъ Трифонъ Лаврентьевъ есть, я вѣдь знаю, хоть и безъ меня было, онъ пришолъ и купилъ, его работники и забирать приходили въ вашу комнату, за кроватью лежали...что не правда небось?

— Что на это скажите Николай Петровичъ?

— Ничего! вѣрно онъ самъ смастерилъ это.

— Экаго мастера нашли! да какже я у васъ за кроватью возъ ботинокъ спряталъ, вы сказали что я и не жилъ, а то хозяйничалъ въ спальнѣ, не ладно выходитъ, сударь? что-ни-будь одно ужъ говорите.

— Не объ этомъ рѣчь!

— Не объ евтомъ, знать на зубахъ хрустять? Жить-то я жилъ, а ботинки-то вы продали сами—Лаврентьевъ чай скажетъ, а то вишь бойкой какой, ничего не знаетъ, что на кровати дѣлается.

— Ну, вѣжливѣе говоря Васильевъ.

— Да что-жь в. б. вѣжливѣе, злость разбираетъ, самъ же утопилъ, да хочетъ сухъ изъ воды выдти.

— Это ты надѣнешся меня утопить, чтобъ оправдаться.

— А что мнѣ надѣяться?... теперь я знаю, въ острогѣ разтолковали, пропала головушка; валяй: колесомъ не укатисься, что мнѣ за барыши — лгать-то на васъ? какъ есть правъ, дай мнѣ Господи въ тартарарыпровалитьсяколи лгу крестъ поцѣлюю, а вы не поцѣлуете, да и на васъ и креста-то нѣтъ.

— Господинъ слѣдователь, остановите это—дорзости!

— Дерзости! вишь всѣ мы лгемъ—вы одни правду говорите.

— Записали? спросилъ я писаря.

— Записалъ-съ все.

— Прочтите.

— Не угодно-ли подписать! Ну что? Сивухинъ уличалъ Пянухина, а?

— Конечно такъ! и Бирюлецкій добавилъ размашисто: остаюсь при прежнихъ показаніяхъ ибо улики бездоказательныя.

— А покупщикъ и работникъ?—мы ихъ спросимъ.

Въ родѣ этого же повторилось и при прочихъ ставкахъ. Бирюлецкій краснѣлъ заикался, но сдерживался отвѣтами, и, не смотря на всю логику уликъ, стоялъ на одномъ; и искусно сохранялъ хладнокровіе.

Дошло дѣло до свидѣтелей.

Вопросъ. Предлагаю вамъ объявить допускаете-ли вы свидѣтельство подѣ присягой, по общей ссылкѣ истцовъ съ Васильевымъ: крестьянина Куксина, половаго Мотыгина, портнаго Розенбаума, крестьянина Еремеева и десятскаго Лысова, Лаврентьева и проч.? И если отводите, то какія имѣется законныя доказательства на отводы?

Отвѣтъ. Я ихъ къ присягѣ допустить не могу, какъ людей мнѣ неизвѣстныхъ, которые имѣютъ съ истцами дружбу, хлѣбосольство, а можетъ и родство, на что доказательствъ не нужно, это очевидность. Лаврентьевъ купилъ краденое, а Еремеевъ свать Голованова.

Вопросъ. Слѣдственная комиссія бездоказательный отводъ вашъ признаетъ неуважительнымъ и опредѣляетъ нѣкоторыхъ спросить подѣ присягой, желаете-ли вы быть при приводѣ ихъ къ присягѣ?

Отвѣтъ. Я ихъ къ присягѣ не допускаю, а потому и быть не желаю.

Дали свидѣтели показанія послѣ присяги, хоть и неравносильныя, а обвинительныя.

— Г. Бирюлецкій вотъ и еще очныя ставочки.

IX.

Розенбаумъ. Какже это-съ Николай Петровичъ — вы меня незнаете? развѣ вы у меня не были-съ Коптелкинымъ, вѣдь всѣ работники васъ видѣли.

Бирюлецкій. Можетъ быть! только не съ Коптелкинымъ, впрочемъ можетъ быть и онъ былъ тутъ, я не замѣтилъ; да и что-жь изъ этого? я хотѣлъ тебѣ платье заказать.

Розенбаумъ. Много чести, нашему брату, да и не время съ каждымъ покупателемъ чай распивать, а вы изволили у меня и чай кушать, и кой что другое, работники всѣ знаютъ.

Бирюлецкій. Работники, работники—разумѣется за тебя горой встануть, я не горлець—можетъ и выпилъ чашку чаю, не помню.

Розенбаумъ. А вотъ тутъ и дѣло было съ!

Бирюлецкій. И это работники видѣли?

Розенбаумъ. Нѣтъ-съ вы двери заперли.

Бирюлецкій. Такъ что-жь свидѣтели еще есть што-ли? кана-реечки да свистуны въ клѣткахъ?

Розенбаумъ. На што-жь намъ свистуны мы и присягу при-няли, плохо точаете баринъ, швы зубы скалятъ.

X.

Вошелъ Куксинъ.

Бирюлецкій. Что и съ этимъ оборванцемъ я чай распивалъ?

Куксинъ. Ужь гдѣ горшку съ котломъ въ печкѣ тереться—а какже это, вы будто некрута не продали Коптелкину? да вѣдь мы хоть и тупые люди, а тоже всякую рѣчь—понимать можемъ. Развѣ ты батюшка, не при мнѣ умасливалъ городского-то, Коптелкина то, на счетъ некрута? не при мнѣ сторговались?

Бирюлецкій. А ты видѣлъ, что я деньги взялъ и рекрута ему здалъ.

Куксинъ. Евтова не видали облыжно не скажемъ, грѣхъ на душу не примемъ, родимецъ, что ты? мы крестъ изъ за тебя цѣ-ловали, а што при мнѣ дѣло пошибли, по рукамъ ударили, я и разнималъ—такъ уже это во какая правда-да?

Бирюлецкій Ты видно мой милый пьянъ былъ, почудилось должно быть?

Куксинъ. Ну пьяны-то мы не были: можетъ послѣ ваша ми-лость угостились, што правда, то правда; изъ рѣчи слова не

выкинешь, а отпираться вольно всякому, тотъ бы и вашей милости.

XI.

Половой. Что-жь господинъ-сь вы развѣ-сь въ особой комнаткѣ не спрашивали-сь? вы чай и прочее, а съ вами-сь мужикъ Федотовъ не былъ-сь? вы вотъ такъ у окошечка сидѣли, а онъ на уголку-сь; такъ што-ли?

Бирюлецкій. Что изъ этого, что мы за однимъ столомъ сидѣли, въ трактирѣ не диво...

Половой. Оно конечно-сь! только вы особую комнату потребовали, съ нимъ значить дружественно разговаривали, даже меня выслали и двери заперли.

Бирюлецкій. Такъ что-жь ты могъ слышать коли тебѣ не было?

Половой. А какъ изволили въ стаканчикъ ножомъ постучать, мы вошли-сь за расчетомъ; вамъ Федотовъ деньги—отсчитывалъ; все еще недохватка у него была, онъ съ креста снялъ кошелекъ; а потомъ изъ-за сапога вынималъ, а потомъ вы ему бумаги отдали и сказать изволили: вотъ дѣло и чисто, на тебѣ вольную—какъ его мудрено такъ называли, не запомню; а какъ выдали-сь—позвали его: пойдемъ, говорите, возьми его съ рукъ на руки, чтобъ не ушолъ! точно такъ-сь?

Бирюлецкій. Точно можно половому такія подробности объ всякомъ проходящемъ замѣчать.

Половой. Особую комнатку-сь брали; у насъ приказъ есть на это такъ и запомнилъ-сь.

Бирюлецкій. Ты вѣрно мой милый, спуталъ, не меня видѣлъ или научили тебя—этого не было,

Половой. Ужь нѣтъ-сь! не обшибемя.

XII.

Десятскій и свать Голованова, невидавшіе торговъ и расчета подтвердили, что Васильевъ былъ взятъ ими изъ дому Бирюлецкаго, но Бирюлецкій сбилъ ихъ въ словахъ—тѣмъ что онъ при нихъ лично не продавалъ человѣка, отпускной Голованову не давалъ и Васильева, подъ именемъ Недрыгайла имъ не передавалъ, а Васильевъ самъ пошолъ; показанія ихъ назвалъ явной стачкой съ Головановымъ, такъ какъ они одной деревни и сообщники въ дѣлѣ.

Купецъ Лаврентьевъ и его два работника училили Бирюлецкаго—что у него купили ботинки; заперся и тутъ.

— Вотъ и слѣдствіе кончено, теперь Николай Петровичъ, считая васъ обличеннымъ свидѣтельскими показаніями я къ сожалѣнію моему, не могу васъ оставить на свободѣ?

— Какъ вамъ угодно... только обличеніямъ по закону должно быть два совершенно сходныхъ показанія подъ присягой, а тутъ всѣ говорятъ разное объ отдѣльныхъ случаяхъ! Конечно какъ слѣдователь, это ужъ принципъ слѣдователей, вы видите во всемъ улики и обвиненія.

— Да! факты убѣжденіе!

— Опять убѣжденіе! дѣло пойдетъ въ судъ, тамъ будутъ другія убѣжденія! судъ во всемъ ищетъ оправданія...

— Но, я... по принципу долженъ васъ арестовать.

— Не угодно-ли подвести законы и объявить мнѣ актъ, я буду жаловаться.

— Имѣете полное право! хоть я прямо и не обязанъ вамъ отчетомъ, но извольте актъ составить.

1) Однообразныя жалобы трехъ истцевъ, людей незнакомыхъ между собою,

2) Чистооердечное сознаніе вашего сообщника Васильева, вполне подтверждаемое слѣдствіемъ.

3) Ваша отпускная, ходившая по рукамъ и предъявленная истцемъ.

4) Тождественныя показанія о продажѣ вами рекрута, полученія денегъ и продажѣ ботинокъ.

5) Наконецъ письменный фактъ: отпускная; въ ней примѣты очень вѣрно списаны съ Василья, бывшаго въ бѣгахъ и взятаго у васъ.

— Ха, ха, ха, это право забавно: я думаю подъ эти примѣты сто человекъ подойдетъ, все-съ?

— Вы находите, что мало?

— Это все юридически уничтожится, я представлю факты.

— Такъ лучше предъявите ихъ теперь.

— Нѣтъ ужъ извините, я вижу ваши убѣжденія, не отдамъ я вамъ на жертву.

— А пока нѣтъ этихъ фактовъ, я не вижу оправданія.

— Можете арестовать меня, если считаете себя правъ.

— Совершенно съ; выбирайте: гдѣ вамъ угодно быть арестованнымъ: въ полиціи, на гаубахтѣ или въ тюремномъ замкѣ?

— Гм... ужь лучше въ острогѣ, эффективѣе будетъ.

— Какъ вамъ угодно, это удовольствіе, могу вамъ доставить.

Когда его повели, словесный судья, все тарачилъ глаза и покачивалъ головой!

— Вотъ-съ доложу съ господинь, ужь господинь-съ, мѣднѣй лобъ, нече сказать, ишь сколькихъ обошолъ, да еще отпарается; значить совѣсть совсѣмъ потерялъ и Бога-то въ немъ знать нѣтъ, вишь выбралъ што—острогъ! Кажись на гобвахтѣ честнѣе, тамъ офицерство, дворянство какъ есть, а то острогъ! тѣфу пакость какая.

— Какъ же ты не сообразилъ: при полиціи особыхъ комнатъ нѣтъ, да тамъ и на гаубвахтѣ дадутъ ему 21 копѣйку въ день, чѣмъ жить? у него за душой ни гроша, а въ острогѣ и кормить и олѣвать стануть, и жертву разыграеть! да пожалуй въ острогѣ съ Петрушкой стакнется

— Развѣ-што, да все срамота какая; одно слово острогъ: что острожной, что каторжной — все едино.

— А ему не все-равно? ты думаешь, онъ не видитъ, что не вывернется.

— Какъ, чай, не видать; а пожалуй, въ судахъ и отбаярится, развѣ откупиться-то нечѣмъ будетъ; да его бы и судить-то не надо: забрать бы лобъ — и конецъ концамъ, а фитанціи — мужикамъ отдать, а то, чай, денежки-то ухнули!

Простачки-мужички.

На другой день, утромъ, только-что я глаза продралъ, явился Головановъ, съ своимъ сватомъ и десятскимъ: кулечикъ стоялъ на прилавкѣ, синяя голова сахару торчала съ одной стороны.

— Здравствуйте! что скажете?

Головановъ повалился въ ноги, тѣ только поклонились.

— Что, ваше высокоблагородіе, спросилъ десятскій, — дѣло-то его не покончено?

— Гдѣ же, братецъ, это слѣдствіе только, а потомъ въ судъ пойдетъ.

— Такъ оно, значить, къ набору-то не порѣшится?

— Можетъ быть, только не къ этому, а развѣ къ будущему.

— Свѣты мои батюшка, какъ мнѣ-то быть? завопнялъ Голо

вановъ. — Вѣдь, батюшка, ты баялъ; что мошенникъ-то пови-
нился?

— Такъ что-жь тебѣ изъ этого? денегъ у нихъ не нашлось!

— Такъ вотъ бы его и свести въ казенную; вѣдь онъ волей
шолъ, самъ, то есть охоче шолъ.

— Эхъ, старина! вѣдь это все былъ обманъ: онъ идти-то не
могъ; онъ господской!

— Да вѣдь вольная была, онъ самъ расписался?

— Ты пойми, старина! вѣдь это подъ чужимъ именемъ было!

— Господи! да вѣдь человекъ-то тотъ же! Батюшка, отецъ
родной, благопріятель сердешной, золотой мой, сведи его въ
казенную; человекъ-то этотъ самый проданъ!

И онъ повалился опять въ ноги, а свать придвинулъ куле-
чкы.

— Это что?

— Отъ нашего усердія, вашей милости, ради потѣхи, не
обезсудьте!

— Дураки! точно мнѣ нужно; я не беру, возьмите назадъ и
такъ разорили деньги....

— Въ конецъ разорились, родимый!... Такъ какъ же, спро-
силъ свать (Головановъ навзрыдъ плакать), — стало и охотни-
ка нѣтъ, и денежки ухнули?

— Къ несчастію выходитъ что такъ! нечего съ нихъ взять.

— Какже это мошенники поживились, добраго человека въ
бѣду вкатали, да и правы?

— Правы они не будутъ; они въ острогѣ.

— Да мнѣ-то што изъ етова, хоть шкуру съ нихъ слеруть!
рыдая продолжалъ Михеичъ, — што я теперь буду дѣлать-то,
какъ же.... гдѣ я теперь некрута-то возьму?

— Жаль мнѣ тебя, старикъ, да помочь не въ силахъ.... най-
ми другога, коли міръ очередью не обойдетъ.

— Куда обойти!

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе! значить, міръ другога
за нево долженъ поставить; чѣмъ же другой-то виноватъ? и
такъ ему въ прошлой наборъ помирволяли, а ноне безпре-
мѣнно некрута ставить надо ему, добавилъ сотскій.

— Да гдѣ я возьму-то?

— Петруха твой пойдетъ, дѣлать нече!

— Охъ, рѣжишь, Сидорычъ! во какъ рѣжешь!

— Такъ стало, ваше высокоблагородіе, спросилъ свать, — ничево не подѣлаешь? охотника-то не отдадутъ намъ.

— Экая голова! ты пойми, что ихъ благородіе говоритъ, перебилъ десятскій, — значить, облыжно назвался охотникомъ, — чужое имя взялъ.... понимаешь? все едино, что и не было охотника. Ну, пойдете, — толковать нече, мнѣ ѣхать надо къ господину головѣ, порѣшилъ десятскій.

— Пстой, пстой, Сидорочъ, пстой! охъ, душитъ! батюшка, баринъ! тебя Господь умудрилъ! скажи, что же мнѣ дѣлать-то? ума не приложу!

— Обманывать не стану — деньги твои пропали! надо или сына отдать, или другаго охотника, — настоящаго найти.

— Гдѣ-жь денегъ-то еще взять? Господи!

— Ну, продай заводъ-то, Петруню въ кабалу отдай, чаѣ Власъ Поликарпычъ внесетъ охотника! посовѣтовалъ сотскій.

— Какъ же это послѣдняго средствія рѣшиться, чѣмъ же семьѣ-то кормиться безъ завода-то?

— Ну пашня, хмѣльникъ, еще будетъ.... прокормишься.

— Хмѣльникъ-то заложилъ на два года.... охъ, бѣда невыходная! такъ ничего нельзя, ваше сіятельство?

— Я, братъ, ничего не могу!

— Ну, нече калякать, пойдете, надоть домой! наставлялъ десятскій.

И повели они Михѣича подъ руки, какъ пьянаго. Кулечекъ я насильно взять заставилъ, еще обидѣлся, и чуть-ли не обругали меня.

А дома-то и не знали ничево; старуха сватовъ засылала, староста не прочь, да только, говоритъ, послѣ набору; а злющая Матрена честитъ повсюду, да своимъ вороньимъ горломъ бѣду накликаетъ на бѣднаго Петруху; что-жь, и накликала-таки, старая вѣдьма!

Радостно ждали въ домѣ Михѣича, да нерадостную вѣсть привезъ Михѣичъ! затуманилась вся семья, пошолъ плачь и рыданья; заревѣли хромой и косой, отозвалось горе и у старосты въ избѣ.

По совѣту десятскаго, побрелъ Головановъ къ міроѣду, Саввѣ Поликарпову; тотъ ужъ и такъ гончарный заводъ по нѣмецкому строить началъ: знать всѣхъ задавить хочеть! и брюхо отростилъ, и рожа расплылась!

— Здорово, здорово, крыношникъ! что скажешь хорошаго?

— Къ тебѣ пришолъ, Савва Поликарпочъ.

— Вижу, Михѣичъ, знать нужда на петлѣ привела, не видывали мы тебя у насъ доселѣ, больно гордости въ васъ много.

— Прости, Поликарпочъ, въ чемъ провинны, выручи изъ бѣды.

— А какая-токая бѣда бы стряслась, что къ Поликарпочу пришли?

— Такъ и такъ, рассказалъ Головановъ. Выслушалъ, только Поликарпочъ цокрякивалъ да ухмылялся.

— Что-жь я-то тутъ могу сдѣлать? по порядку слѣдуетъ — и оставь некрута, а я-то что? въ охотники што-ль пойду? я отъ некручины избавленъ, купеческій капиталъ платимъ.

— Да ты свою общника деньгами выручи, чай казны не занимать стать.

— Во што! общникъ! ты мою казну-то считаешь у меня?

— Про тебя всѣ знаютъ....

— Да подлинно такъ, хошь покажу? во сколько денегъ-то, во! онъ вынулъ туго набитый бумажникъ. — Вишь сколько?

— Вижу.

— Ну, посмотришь — и довольно: не твои, а наши! всѣхъ нищихъ не убоготоришь!

— Да я у те не на бѣдность, не за даромъ прошаю, возьми за себя мою печь и заводецъ, какъ есть, Петруха къ тебѣ въ кабалу пойдетъ?

— Во што придумать! а нашто мнѣ твоя печь? своимъ заводцомъ обойдемся, не вашему чета, не долго вамъ и жить-то осталось съ вашими поскудными заводами-то, съ того году мы всю землю на откупъ взяли!

— Какже это такъ? вѣдь глина-то общая, кажись.

— Не то говоришь ты: земля общественная, ну, я къ обществу вкладу сдѣлалъ, мнѣ общество, мѣръ, значить, да пачальство, и отдали! ты пойми, тупая голова.

— Ужь это, Поликарпочъ, всей деревнѣ раззоренье!

— А мнѣ-то што? ничево, въ работники найму, плату положимъ, што еще?... а твою печь и безъ денегъ сроемъ.

— Да што ты, грабитель! въ умѣ-ли ты, цѣлую деревню раззорить, да какъ же намъ-то не сказали? мы бы чай обществомъ больше вкладу-то сдѣлали бы, чѣмъ ты.

— Эка штука! покончено, по начальству утверждено! мертвыхъ, братъ Михѣичъ, съ погосту не возять, съ торговъ взяли

по закону, значить, а ты вотъ што, какъ ругаться смѣешь грабителемъ-то? мы-съ-то купеческой капиталъ платимъ, купцы, значить, во што! не какая-нибудь попрошайка, отъ некрутства дѣтей не прячемъ!

— За што-жь обиждаешь-то, міроѣдъ эдакой, я къ те, какъ къ путящему человѣку пришелъ, а ты ограбилъ, да глумишься!

— Ну, цыцъ! убирайся пока цѣль! я те какъ двину, такъ язычекъ-то прикусишь!... Вишь явился: общникъ, сына выкупил! Много васъ! прощай, вотъ Богъ, а вотъ порогъ! И Поликарпочъ важно заходилъ по комнатѣ: — завидки взяли!... Самъ навиви, а на чужой каравай ротъ не развѣвай.

Михѣичъ хотѣлъ что-то сказать, да махнулъ рукой и пошелъ вонъ.

— Пропадай ты совсѣмъ и съ чертовымъ кошелькомъ-то! Кровью нажилъ, кровью и сойдесть.

Согнулся на сто лѣтъ Михѣичъ и домой идти не хотѣлъ; встрѣтился ему кумъ Безпаловъ.

— Што, говорить Михѣичъ, — вы тутъ и не знаете, что сотворилъ Поликарпочъ?

— Что, чай, обидѣлъ тебя, обругалъ?

— Ужь куда бы не шло; онъ, слышь, хвастается, что глинку всю въ картому взялъ, всѣ печи наши сроетъ.

— Што? ты ошалѣлъ што-ли? какъ же это, и слыхомъ не слышать было!

— Да ужь такъ, самъ хвастается: «вы, говорить, изъ хлѣба на меня работать будете».

— Охъ, ты, Господи! пойти міръ созвать!

Да что сдѣлаетъ міръ? зажирѣлъ, силу забралъ Поликарпочъ! и міру не сладить: глинка доходу не давала, мужички даромъ пользовались, а теперь въ оброчныя статьи попала; ничего не подѣлаешь, — и торги были, да крыновцы и не знали о нихъ.

Прибрелъ домой Михѣичъ, ни слова своимъ не сказалъ, ушелъ въ свѣтелку, разложилъ свой складень, сталъ на колѣни, да началъ земные поклоны класть: «да будетъ Твоя святая воля!»

Ходить и Петруха, какъ шальной, придетъ къ невѣстѣ и языкъ не ворочается, только обниметъ се, да голову на плечо положить! темна вода въ облацѣхъ! что-то будетъ, а Васютка все ходитъ за братомъ, должно быть что-нибудь обдумываетъ.

IX.

КЛУВОЧЕКЪ ЗА КОНЧИКЪ РАЗМАТЫВАЕТСЯ.

Спросы были кончены, давно полетѣли справки и запросы по городу, уѣзду и въ Масловскѣ, не находился-ли г. Бирюлецкій въ приводахъ, подъ слѣдствіемъ и судомъ?

Въ ковненскую губернію: есть-ли за его родителями и за нимъ какое имѣніе, значитса-ли по ревизіи и на лицо дворовый чело-вѣкъ Якубъ Недрыгайло, какихъ онъ лѣтъ и примѣтъ?

Въ Лѣснопольскій уѣздный судъ дѣйствительно-ли тамъ была явлена отпускная, — кто являлъ и кто росписался въ книгѣ?

Разумѣется, справка о Васильевѣ и повальный обыскъ о немъ и Бирюлецкомъ и прочія формальности, а то дѣло изъ суда во-ротать для дополненія.

Гостинцевъ и кучеръ хоть по всему вѣроятію и знали объ этихъ продѣлкахъ, но прямаго участія не принимали и никѣмъ въ содѣйствіи не оговорены, а потому я ихъ освободилъ, какъ только подозрительныхъ въ знаніи и недонесеніи.

Сестрица Гостинцова осталась въ сторонѣ, хотя и была спро-шена, но въ любовной связи не созналась, — объявила, что она горничная по найму.

За сии дѣла на два или на три мѣсяца было положено въ шкапъ, пока соберутся справки, но скоро начало бухнуть и толстѣть.

Бирюлецкій дошелъ до того, что прислалъ мнѣ изъ острога записку: просилъ сдѣлать въ пользу его сборецъ у Мышкина и К^о., такъ какъ все его имущество (а имущество по описи оцѣнено на 27 р. ас.) опечатано, и у него нѣтъ сахару и чаю.

Время протекло, стали слетаться справочки: Лѣснопольскій уѣздный судъ увѣдомилъ, что дѣйствительно отпускная явлена, по допросѣ свидѣтелей утверждена и взята самимъ Бирюлецкимъ, хорошо!

Ковно отвѣтило, что за родителями Бирюлецкаго и за нимъ никакого имѣнія не состоитъ, есть деревенька 36 душъ за род-нымъ братомъ его, Лудвигомъ, и въ числѣ дворовыхъ его лю-дей значитса Якубъ Недрыгайло, но показанъ умершимъ до ре-визіи семь лѣтъ назадъ; тогда ему было 44 года, росту онъ былъ высокаго, волосы совершенно свѣтлые, красный, рябой и съ колтуномъ. Эта справочка лучше.

А вотъ это и еще лучше: на вопросъ о приводахъ и подсудимости слетѣлось тридцать шесть увѣдомленій, по искамъ, правда, да какъ-то всѣ нашли воровствомъ-мошенничествомъ,

— Пожалуйте. г. Бирюлецкій, не угодно-ли еще отвѣчать?

Вопросъ. Почему вы скрыли находженіе свое подъ слѣдствіемъ постолькимъ-то дѣламъ?

Отвѣтъ. Это гражданскіе иски, которые до настоящаго дѣла не касаются, а подъ слѣдствіемъ я не былъ.

Вопросъ. Не угодно-ли противъ каждаго особо дать показаніе

Отвѣтъ. Такъ какъ это стороннія обстоятельства, то не считаю себя обязаннымъ вамъ отвѣчать.

Вопросъ. Я вамъ объявляю статью объ упорствѣ.

Отвѣтъ. Это лишнее; отвѣты по всѣмъ этимъ клеузнымъ и ложнымъ искамъ мною даны, и болѣе ничего показать не имѣю, тѣмъ болѣе, что справедливые счета и росписки я утвердилъ; повторяю, тутъ уголовныхъ проступковъ нѣтъ; это мои частныя разсчеты.

Вопросъ. Вы показали, что написали отпускную своему дворовому человѣку, Якубѣ Недрыгайло, но Недрыгайло уже семь лѣтъ какъ умеръ?

Отвѣтъ. Неужели? я этого не зналъ.

Вопросъ. По справкѣ оказывается, что онъ принадлежитъ вовсе не вамъ, а брату вашему Лудвигу?

Отвѣтъ. Нѣтъ, мнѣ; это вотъ что: какъ я имѣніе свое продалъ, такъ онъ былъ приписанъ къ братницу имѣнію для платежа податей.

Вопросъ. Братъ вашъ этого не подтверждаетъ; коли у васъ нѣтъ имѣнія, почему-жь у васъ въ указѣ объ отставкѣ значится болѣе 1000 душъ?

— Охота вамъ прилетать такіе пустяки; разумѣтся для шику.

Отвѣтъ. Не успѣлъ подать рапорта объ исключеніи.

Вопросъ. Въ отпускной описаны лѣта и примѣты Недрыгайло; онѣ совершенно не сходны съ личностью умершаго и, по медицинскому свидѣтельству очень вѣрно описываютъ Васильева; это чѣмъ вы объясните?

Отвѣтъ. Очень просто: писарь въ перепискѣ навралъ, а я не обратилъ вниманія.

Вопросъ. Кто этотъ писарь?

Отвѣтъ. Не знаю, солдатъ какой-то, 'да впрочемъ это ни-

чего не значить; отпускная совершенна до всемилостивѣйшаго манифеста 21 апрѣля, поэтому и слѣдствію не подлежитъ.

«Это что такое за изворотъ!» подумалъ я. Его отправилъ назадъ, а самъ тщательно сталъ разсматривать отпускную.

Ба! *апрѣля 21* написано сжато, очевидно другимъ почеркомъ. и на свѣтъ видно по *чищенному*, очень искусно, да и въ явкѣ суда тоже; вотъ оно!

Сей-часъ другой запросъ въ лѣснопольскій судъ: «въ до-полненіе къ отзыву суда за № 47,631 на запросъ мой за № 476, покорнѣйше прошу, безъ замедленія, доставить мнѣ точную и подробную выписку изъ книги крѣпостныхъ актовъ о явкѣ та-кой-то отпускной.»

Скоро полученъ отвѣтъ.

«Въ лѣснопольскомъ уѣздномъ судѣ *слушали* отношеніе г. чи-новника особыхъ порученій *Н. Н.*, губернатора *Н. Н.* отъ 00 числа за № 547, коимъ требуетъ (слово въ слово прописано вто-рое отношеніе) и *справку*: во входящемъ и настольномъ регистра-тѣ отношеніе за № 476 отъ означеннаго чиновника въ получе-ніи не значится, журнала о семъ не имѣется и исходящей за № 47,631 къ нему пущено не было, а за симъ № имѣется ис-ходящая о неизвѣстнаго званія мертвомъ тѣлѣ; крѣпостныхъ же дѣлъ писецъ Фукинъ донесъ рапортомъ, а по свидѣтельству ока-залось, что таковой отпускной вовсе въ судѣ явлено не было. *Приказали*: сообщить (и сообщается) со справкою объ оказав-шемся г. чиновнику *Н. Н.* черезъ почту, и дѣло, почисля рѣ-шеннымъ, слать въ архивъ». *

Вотъ штука-то; оба отношенія писаны одной рукой, подпа-си совершенно одинакія; изъ одного города да разныя вѣсти! надо тамъ разслѣдовать.

Слѣдствіе въ Лѣснопольскѣ открыло :

Канцелярскій чиновникъ Филофилактовъ, избобиченный въ на-мѣреніи поджечь судъ (видно очень ему нужно было), объя-вилъ, что въ іюлѣ, а не въ апрѣлѣ мѣсяцъ пріѣзжалъ какой-то неизвѣстный ему господинъ, позвалъ его въ гостинницу и про-силъ написать и явить отпускную. Онъ, Филофилактовъ, напи-салъ черновую и далъ переписать не помнить кому. Бирюлец-кій показалъ свой паспортъ, и онъ привелъ двухъ свидѣтелей, которые подписались за цѣлковый; сдѣлалъ явкѣ онъ самъ, какъ слѣдуетъ; судьи подписали не читавши, секретарю дана крас-ненькая, но въ книгу онъ ее записать поопасся, усумиась въ

чистотѣ дѣла, а далъ Бирюлецкому росписаться въ какой-то старой книгѣ; впоследствии онъ получилъ безыменное письмо, которое уничтожилъ, гдѣ его предувѣдомляли, что отпускная фальшивая, видѣть слѣдствіе у такого-то, тамъ-то и чтобъ онъ принялъ мѣры, почему онъ перехватилъ отношеніе слѣдователя и послалъ ложный отвѣтъ, подписанный судьями въ числѣ другихъ бумагъ.

Второе отношеніе получено, когда онъ былъ подѣ арестомъ и болѣе ничего не знаетъ.

Книга, справка изъ гостинницы и два оборванные свидѣтеля, пріѣхали ко мнѣ, конечно съ дядькой, чего никакъ не ожидалъ Бирюлецкій.

Я его вытребовалъ; онъ уже опустился: платье пообносилось, щегольство исчезло, лицо приняло какой-то особый осторожный оттѣнокъ, а та же самоувѣренность, — та же, только перешла въ нахальство.

Вопросъ. Въ какое именно время вы были въ Лѣснопольскѣ и зачѣмъ?

Отвѣтъ. Что я былъ 20 апрѣля доказываетъ отпускная, а зачѣмъ я былъ — въ этомъ я отчетомъ никому не обязанъ.... проѣздомъ.

Вопросъ. По официальнымъ справкамъ и показаніямъ разныхъ лицъ это было въ июлѣ, а не въ апрѣлѣ, да и въ книгѣ, въ которой вы подписались, такъ значится; значить, отпускная совершена послѣ манифеста, а какъ въ подчисткѣ чиселъ только могли имѣть надобность, то когда вы сдѣлали подправку?

Отвѣтъ. Господинъ слѣдователь не имѣетъ право дѣлать такихъ выводовъ, я подправки не дѣлалъ и кѣмъ она сдѣлана не знаю.

Вопросъ. Что вы имѣете сказать противъ показанія чиновника Филофилактова, показавшаго...

Отвѣтъ. Это правда, но я не зналъ, что онъ меня обманулъ и это было не въ июлѣ, а въ апрѣлѣ,

Вопросъ. Свидѣтели на отпускной показали то же самое, имъ бы выгоднѣе было отнести происшествіе за манифестъ, а Феофилактову нѣтъ надобности показывать ложно, его участь рѣшена.

Отвѣтъ. Вѣроятно забыли, пьяны были.

— Я вамъ дамъ очную ставку съ ними.

— Развѣ они здѣсь?

— Вотъ они-съ, господа пожалуйте.

Вопросъ. Какъ же вы господа забыли, это было сей-часъ послѣ Святой.

Св. Никакъ нѣтъ-съ, я пріѣхалъ изъ деревни господина предводителя, а тамъ покосъ кончился, значить послѣ казанской выходить, да я въ апрѣлѣ, въ Лѣснопольскѣ и быть не могъ, я жилъ у помѣщика Войскова—на это доказательства имѣемъ.

Вопросъ. Не знаю, а это было въ апрѣлѣ, можетъ кто другой за васъ росписался.

Свидѣт. Никакъ нѣтъ-съ, я самъ.

Вопросъ. Какъ же вы, не зная меня, подписались?

Свидѣт. Вы при мнѣ подписали отпускную, дѣйствительность вашей подписи я и засвидѣтельствовалъ, по той причинѣ вашъ паспортъ читалъ.

Бирюл. Гм. странно.

Вопросъ. Чѣмъ вы можете опровергнуть улыбки свидѣтелей?

Отвѣтъ. Пусть они ихъ докажутъ.

Свидѣт. И докажемъ-съ (и точно доказали) мы хоть и бѣдны, чужими милостями живемъ, а на такія дѣла не ходимъ-съ.

Вопросъ. (равнодушно). Ну, доказывайте.—Кажется конечно, г. слѣдователь, отпустите меня, здѣсь слишкомъ воняетъ водкой и лукомъ.

— Послѣдній вопросъ!

Вопросъ. Заканчивая слѣдствіе предлагаю вамъ объяснить не имѣете-ли чего дополнить къ своему оправданію, и все-ли вы показали по долгу христіанскому и чистой совѣсти справедливо?

Отвѣтъ. Мнѣ не въ чемъ оправдываться, дополнить если, что найду нужнымъ предоставляю себѣ не здѣсь, ибо вижу пристрастіе, а въ судѣ; что показалъ то по совѣсти справедливо!

— Прощайте, Николай Петровичъ, желаю вамъ оправдаться и дай Богъ вамъ твердости перенести.

— А вы что думаете? не оправдаюсь? увидите! и пожавъ плечами онъ безъ поклона вышелъ вонъ; я его больше не видалъ.

Представьте мое удивленіе, когда впослѣдствіи до меня дошолъ слухъ, что будто нижняя инстанція, по недостаточности уликъ и доказательствъ, по разногласію свидѣтелей и прочихъ обстоятельствъ, Бирюлецкаго оставила только въ сильнѣйшемъ подозрѣніи въ составленіи умершему отпускной и въ продажѣ подъ его именемъ чужаго человѣка въ рекруты; Васильевъ оказался конечно главнымъ виновникомъ.

Но дѣло пошло черезъ руки губернатора; онъ имѣлъ полное

ублжденіе въ винахъ Бирюлецкаго и представилъ дѣло въ сенатъ, а сенатъ иначе взглянулъ на дѣло. Бирюлецкій былъ приговоренъ за обманы и подлоги къ лишенію правъ и ссылке въ Сибирь на поселеніе.

Наказанія онъ избѣжалъ: онъ умеръ въ тюремной больницѣ; ходилъ слухъ, ничѣмъ впрочемъ не оправданный, что онъ въ оловянную кружку съ квасомъ наклакъ старыхъ пятаковъ и отравился этимъ питьемъ; вѣрно то, что онъ умеръ, да! онъ-то умеръ, да зло-то осталось

Х.

что же дѣлать?

Въ морозный январскій день, когда иней серебрить и деревья и бороды, бѣлѣютъ носы; (на Руси такая и картинка есть: носъ и морозъ) трещать деревяшныя стѣны — въ такой день толпа мужиковъ, бабъ и дѣтей на площади, снявъ шапки, встала на колѣна передъ домою губернатора и держала на головѣ двѣ бумаги до тѣхъ поръ пока его превосходительство не взглянулъ случайно въ окно. Я былъ при этомъ.

Онъ послалъ привести двухъ или трехъ; крестьяне долго не рѣшались кому идти и наконецъ отдѣлились трое.

— Что за народъ? откуда?

— Казеннаго селенія Крынокъ! в. п-во, кланяясь въ ноги, отвѣчали выборные, и одинъ держалъ на головѣ бумагу; между ними я узналъ Михѣича.

— Прочтите, что такое? приказалъ мнѣ его п-во, а самъ сталъ спрашивать мужиковъ.

Я доложилъ его п-ву, что въ 1-й просьбѣ жалоба всѣхъ крестьянъ деревни Крынокъ, что тайно отъ нихъ глина, которою всѣ пользовались съ цоконъ-вѣку, сдана въ кортому одному ироѣду Польшкарпову, что это до тла раззоряетъ всю деревню, убивая промыселъ, что онъ заберетъ въ кабалу всѣхъ работниковъ и что вся деревня обязуется лучше взносить *оброчиную статью общества*, съ тѣмъ чтобъ никому не было вренущества! просьба, хоть многословно, но дѣльно была написана. видно писалъ человекъ толковый.

— Произведите слѣдствіе, какъ шло дѣло и кѣмъ сдѣланы торги, а это что?

— Это тотъ старикъ, котораго надулъ Бирюлецкій охотникомъ, в. п-во.

— А! помню, ты што, старина?

— Ваше осіательство, положи глѣвъ на милость, становясь на колѣни, началъ Михѣичъ: — чай, твоей свѣтлой милости, вотъ ихъ благородіе доносилъ, обобралъ меня, какъ нитку обобралъ, этотъ мошенникъ, какую оказію придумали хитрую, ну и да это што, в. п-во, деньги ужъ нешто, а вотъ сынка-то отняли: ночью пріѣхалъ застѣдатель, обыжию вызвалъ Петруху, заковалъ его, убійцу словно какого, да и поволокъ въ городъ; слышь за отчиной три некрута не доняты, поди ты! вотъ я, в. п-во, самъ въ догонку, въ городъ, а Васютка, это мой мещанькой, тятенька, говоритъ, возьми меня съ собой; ну миѣ што, поѣдемъ! ну пріѣхали, у застѣдателя кони прыткіе, какъ было не отстать, отстали, сивка мой, не то что бурка, отняли и бурку, в. п-во! отстали, пріѣзжаемъ, а ужъ Петруха въ некрутскомъ; раздѣтъ стоитъ и лица нѣтъ; пуцагъ не хотѣли, ну двугривенникъ дали служивому, пропустилъ: стой говоритъ, смирно, — пече дѣлать, стоимъ; слышь, отдатчики говорятъ лекаръ строгой, все затылки брѣтъ; стоимъ, в. п-во, вдругъ и кричатъ: Озерской волости, деревни Крынокъ, Петръ Кириловъ; ишо въ глазахъ помутилось, ноги подкосились и не видалъ я, что Васька раздѣлся да за братомъ; отдатчики послѣ баяли; вотъ вбѣжалъ Васька, да и говоритъ: «не берите, господа сенаторы, братика, возьмите меня, братикъ дома нуженъ!» Похвалили господа сенаторы, «тебѣ говорятъ, сколько лѣтъ, парень?» такой, право, шустрой Васька, говоритъ: «я старше годовъ, а восемнадцать, матка баяла, о Рожествѣ было! Ну, сенаторы и говорятъ, «а какъ въ ревизской?» «Да, говоритъ, секретарь, што-ль его, болѣе 17-ти. «Не по правиламъ, говоритъ, старшой-то, да говоритъ, однако, поставить въ ставку;» что-жь, сударь мой, унтеръ и въ колѣнки ударилъ, а какъ дощечку всунулъ надъ головой, анъ она пляшетъ; не дотянуло, «не выходитъ», говоритъ, а Васька кричитъ: подросту, в. в.-б., охота есть!» Да тутъ дохтуръ проклятый, уже ему отдатчикъ, Карпъ, два золотыхъ казалъ, больше сулилъ, этотъ проклятый дохтуръ-то, подлецъ, какъ ни на есть, христіанской души, знать нѣтъ. (Его п.-во разсмѣялся) и говоритъ: «цельзя, грудь слаба, чахоташной!» нишь ты, словно гг. сенаторамъ согласіе паршиваго лекаришки нужно! а что жь вышло-то, в. о-во, поставили въ ставку Петруню—да

и гаркнули: «лобъ!» ужъ и не помню, что тутъ было! В. о-во, охотникъ, что меня обманулъ, въ острогѣ сидитъ, пошлите его въ обихъ Петруни отдать, голодною смертью безъ Петруни помремъ, в. о-во; хлѣбушка не на што купить, дровецъ нѣтути, печь крыночную, міроѣдъ Поликарпочъ, ломать приказываетъ, что-жь тутъ дѣлать-то, а Петруню завтра въ Питеръ гонять, в. с-во, вѣдь семья 15 душъ, все малъ мало меньше, гляньте-ка! и онъ указалъ въ окно; какъ будто сочувствуя старику, особо отдѣлилась отъ толпы семья его съ малолѣтками, и кланялись въ землю, онъ всѣхъ притащилъ, чтобъ разжалобить власти.

— Ничего, старина, сдѣлать не могу; самъ виноватъ, зачѣмъ въ обманъ дался; мерзавцевъ законъ накажетъ, а тебѣ помочь не чѣмъ.

— Да отдайте, мошенника-то, въ солдаты — вѣдь онъ продался, вотъ и фитанція за Петруню будетъ, а Петруню-то отпустите, в. о-во! и онъ снова повалился въ ноги.

— На это закону нѣтъ, старикъ! ничего не могу сдѣлать; и его п-во ушолъ, подавая мнѣ пять рублей и указавъ на Михѣича.

Низко поклонился ему въ задъ Михѣичъ, а какая-то горькая улыбка исказила ротъ, какимъ-то дикимъ огнемъ сверкнули его глаза, да тотчасъ же лицо и осунулось, видно послѣдняя надежда отлетѣла.

Мы окружили его, собрали деньжонокъ на дорогу, стали утѣшать, не тутъ-то было, уперся на своемъ — дай ему фитанцу.

— Съ кѣмъ бѣда не бываетъ, старина, ну годикъ, другой погорюешь, понуждаешься — не увидишь, какъ сынишка подрастетъ, можетъ, лучше брата будетъ; и хмѣльникъ выручить.

— Такъ-то такъ — два годика оно бы не што, да старого-то не вернешь... то Михѣича на всякой совѣтъ звали, поштенье всякой имѣлъ, — а теперъ што? одурѣлъ Михѣичъ — прогорѣлъ Михѣичъ, — не то што на міръ — глаза показать срамно, свои бабы загрызутъ; во какое посрамленье принялъ... что подѣлаешь-то; сына взяли — што правую руку отрубили, а я деньги-то кровныя отсыпалъ: позаймалъ, отдать надить, а чѣмъ отдать-то? все позакладывалъ — страмота; а Поликарпочъ, жидоморъ — крыношницу рушить грозить — что тутъ подѣлаешь, господа честные! чай, за нами подати не стояли, недоимки не

было, а теперь какъ? раскиньте-ка умомъ-то, сударики.

— А зачѣмъ отваливалъ, отдалъ бы просто сына и не было бы такого разгрому.

— А што если твоей милости руку отрубить — не больно будетъ? все едино, что схоронили Петруху.

— Ну, это не то; самъ виноватъ — не связывайся съ кѣмъ попало — вотъ тебѣ и наука, на другой разъ умнѣ будешь.

— Во правду, в. б., метнулъ! не подобааетъ мужичку городскихъ совѣтовъ слушать, да душу раскрывать каждому; надѣть своимъ умомъ жить! такой зарокъ и дѣтямъ накажу! мужички-простачки, всякой обижать можетъ, и правды не найдешь, ужь коли начальство въ обиду даетъ, охотнику потекаетъ...

— Ну, заврался старикъ, крикнулъ полицейскій.

— Да какже: спрятали въ острогъ? мошенника... а сынъ за него иди! отчего бы фитанцу не дать? вѣдь человекъ-то тотъ самый, что продался.

— Вишь, тотъ да не тотъ, порѣшилъ полицейскій, дергая его за рукавъ, убирайся-ко во свояси; всякая скотина рассуждать тоже смѣетъ; да смотри — по городу не побираться — въ сибирку засадишь.

Вопросительно взглянулъ Михѣичъ, просить у тебя что-ли? вотъ правда-то? Медленно пошелъ онъ, простился съ Петруней, отдалъ ему чуть не послѣдніе гроши, а семью согналъ домой — на нужду и горе — да замкнулся въ своей средѣ своимъ умомъ надо жить! такъ порѣшилъ Михѣичъ,

Ушелъ въ себя и тамъ остался!

какъ выразился Языковъ гдѣ-то.

И бы у Михѣича слова лишняго не вырвете, а о довѣрїи и думать нечего!

ВЪ ТЮРЬМЪ.

I.

Черный паукъ, какъ прозрачной гардиною,
Всю-то рѣшотку заткалъ паутиною—
Вотъ притаился и ждетъ...
Кто-жь залетитъ въ эти окна печальныя,
Гдѣ только изрѣдка солнышко дальнее
Тускло лучами мелькнетъ!

II.

Ползетъ сырая ночь за толстою рѣшоткой
И искрится струя въ дали за черной лодкой,
На дальнемъ берегу видѣются огни
И слышанъ гулъ и трескъ ѣзды неугомонной,
А берегъ нашъ такъ тихъ—пустынный, полусонный—
Шаги за звукъ ружья, мнѣ слышатся один...
Кружится голова... Какъ съ крыльевъ быстрыхъ
штабъ,

Поля какія-то я вижу безъ границъ
Идутъ кругомъ, назадъ въ туманахъ исчеза...
Какихъ-то птицъ летитъ испуганная стая
И буйно конь храпитъ и рвется подо мной,
И бѣшено трясетъ горячей головой...
Вотъ онъ несетъ меня въ какой-то лѣсъ тѣнистый,
Гдѣ окропило насъ росой съ листвы душистой
И свѣжестью лѣсной пахнуло мнѣ въ лицо...
Нобрякнуло замка тяжелое кольцо
Шаги подъ сводами пустыми прозвучали
Затворы грянули—мнѣ двери запирали...

III.

Молча ходить одинъ за дверьми часовой...
 Я къ желѣзнымъ дверямъ припаду головой—
 Не поеть-ли чего, не вздохнулъ-ли о чемъ—
 Объ женѣ-ль молодой, объ селѣ-ли родномъ?
 Передъ нимъ, чай, теперь и поля и кусты...
 Церкви старой, родной золотые кресты...
 И идетъ онъ теперь по деревнѣ своей
 Въ божій храмъ къ алтарю помолиться теплѣй—
 Облаками тамъ дымъ отъ кадиланицъ стоитъ,
 Предъ народомъ алтарь весь огнями заливъ...

IV.

Не пилъ бы, не ѣлъ бы... Все лежу, лежу...
 Право, мнѣ сдается, я съ ума схожу!
 Въ головѣ нѣтъ мысли, все темнѣй и темнѣй...
 Точно камень тяжкій на груди моей.
 Что мнѣ, снится что-ли? Дымъ... Шумягъ, идуть...
 Зори и тревоги барабаны бьютъ,
 Ровно другъ за другомъ строятся полки,
 Въ заревѣ заката искрятся штыки,
 Съ барабаннымъ боемъ я полки вожу...
 Право, мнѣ сдается, я съ ума схожу!

V.

Усталъ я думать и страдать
 Глухой тоской, тоской по волѣ...
 Ахъ чтобъ мнѣ сдѣлать, чтобъ унять
 Души мученья, сердца боли!
 Объ эти камни размозжить
 Горячій черепъ, или свить
 Себѣ веревку изъ рубашки
 И удавиться?

Вопъ они!

Куда хотять, вездѣ одни
 Летять щечбеча божьи пташки...

Несите пташки мой поклонъ
 Туда за, синій небосклонъ,
 Въ тѣнистый садикъ. Поджидаетъ
 Меня, заплакана, грустна,
 Давно тамъ пташечка одна!
 Бывало все-то распѣваетъ—
 А нынче все одна сидитъ,
 Голубчикъ мой одна сидитъ!

VI.

Ахъ, еслибъ можно было какъ-нибудь
 Мнѣ вдругъ теперь глубокимъ сномъ заснуть
 И не видать мнѣ этихъ стѣнъ сырыхъ,
 И не слышать безсонныхъ часовыхъ,
 Какъ за дверьми шаги ихъ мѣрно, въ ладъ,
 Подъ сводами широкими звучать!
 Глядитъ-ли ночь сквозь узкое окно
 Иль тусклый день—мнѣ было-бъ все равно!
 И пусть бы я безъ сновъ, какъ, мертвый, спалъ,
 Пока бы часъ желанный не насталъ.
 Пришли-бъ ко мнѣ и распахнули-бъ дверь,
 Сказали-бъ мнѣ, свободенъ ты теперь!
 И всталъ бы я и шелъ бы далеко,
 Дышалъ бы я и жадно и легко,
 И не было-бъ тогда вражды въ груди,
 Свобода тамъ, была бы впереди!..

Ф. БЕРГЪ.

ЕЩЕ РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ!!!

Въ нашей обширной Россіи находится одинъ приморскій городокъ, который вовсе не имѣетъ русской физиономіи.

На его узкихъ улицахъ слышите вы говоръ на четырехъ нарѣчіяхъ: на русскомъ, финскомъ, шведскомъ и нѣмецкомъ. Изъ памятниковъ древности въ немъ уцѣлѣла только одна довольно неуклюжая башня, которая видна со всѣхъ сторонъ, куда вы не пойдете.

Такъ какъ безъ легенды не существуетъ, кажется, ни одной башни, то и въ этой, говоритъ преданье, была заключена какая-то королева, разумѣется красавица.

Она умерла съ тоски и съ тѣхъ поръ, иногда по вечерамъ, бѣлый призракъ ея носится надъ водами залива, омывающими подножіе башни. Собственно городъ не великъ. Въ немъ всего три или четыре паралельныя улицы, которыя пересѣкаются въ крѣтку поперечными, но онъ окруженъ форштадтами или предмѣстьями. На одномъ изъ этихъ форштадтовъ началась та простая исторія, которую я буду имѣть честь рассказать читателямъ.

Если вы петербургскій житель или жительница, и вамъ случилось бы пріѣхать зимой на этотъ форштадтъ, вы ужаснулись бы: маленькіе, деревянные домики, иные въ одно или два окна, нѣкоторые, наклонившись, на бокъ, отсутствіе всякихъ магазиновъ, безлюдье на улицахъ, все это вмѣстѣ заставило бы васъ воскликнуть: «Боже мой, какая здѣсь должна быть скука!»

Но вы ошиблись бы, мой читатель. Человѣкъ такъ созданъ, что не любитъ скуки, и всегда найдетъ средство прогнать ее. На моемъ форштадтѣ не всѣ домики въ одно и два окна. Есть

дома и побольше, въ которыхъ комнаты меблированы очень удобно, красиво и уютно. Въ нихъ вы найдете хорошее фортепiano, книги, газеты, журналы и очень милыхъ хозяевъ. Въ городѣ есть много магазиновъ, ничѣмъ не хуже петербургскихъ, куда дамы и дѣвицы очень любятъ ходить вмѣсто прогулки. По вечерамъ бываютъ собранія у знакомыхъ, гдѣ танцуютъ и веселятся точно также, какъ и въ большихъ городахъ. Въ городскихъ клубахъ даютъ балъ каждую недѣлю. Публичные маскарады, по большимъ праздникамъ, можно назвать блистательными. Въ нихъ бываетъ иногда до трехъ сотъ и болѣе человѣкъ, въ живописныхъ разнохарактерныхъ костюмахъ. Тутъ вы увидите цѣлыя кадрили, составленные изъ далекороссійскихъ крестьянъ, итальянцевъ, испанцевъ, щеголей XVII столѣтія, евреевъ; кромѣ того, по утрамъ, устраиваютъ пикники, куда-нибудь за городъ на мызу. Иногда забѣзжіе или доморощенные артисты даютъ концерты. Только одна бѣда. Въ обществѣ моего городка нѣтъ единства. Нѣмецъ жметъ къ нѣмцу, шведъ водится со шведомъ, а русскій человѣкъ по врожденной намъ общительности и веселости, радъ бы вездѣ понасть, во всякій кругъ, да не вездѣ ему мѣсто: шведы говорятъ по-шведски, нѣмцы по-нѣмецки. Совсѣмъ не то, что въ росскійскихъ губернскихъ городахъ, гдѣ если знаешь нѣсколько французскихъ фразъ, то можешь ѣхать въ какое угодно общество, съ полною увѣренностью что проведешь время пріятно.

Поэтому, русскіе въ этомъ городѣ составляютъ особое общество, которое, въ свою очередь, дѣлится на разные круги.

Лѣтомъ, какъ только начнутъ ходитъ пароходы, множество петербургскихъ жителей переселяется въ мой городокъ. Ихъ влекутъ туда разные причины. Напримѣръ: за границу ѣхать дорого; а это все-таки что-то въ родѣ за-границы. Къ тому же тутъ можно пользоваться морскими купальнями, да и дешевизна въ сравненіи съ Петербургомъ и вокзалъ есть, балы раза два въ недѣлю и живописное мѣстоположеніе, окрестности, говорятъ, чудныя. Такъ рассчитываетъ петербургскій житель. Но не во всемъ безошибоченъ его расчетъ. Туземные жители съ своей стороны всю зиму рассчитываютъ, какъ бы взять подо-роже съ петербургскихъ.

Лишь только зазеленѣтъ травка, они поднимаются на афферы, переселяются изъ своихъ квартиръ въ маленькія норки, разѣзжаются куда-нибудь на мызы, по деревнямъ, или островамъ

и на окнахъ выставляютъ билеты: отдается въ наемъ на лѣто. Цѣны на все поднимаются. Кухарки, прачьки, водовозы, все это наровитъ взять подороже съ петербургскихъ, а бѣдные петербуржцы, воображавшіе найти патріальхальную простоту нравовъ и сдѣлать экономію — приходятъ въ крайнее изумленіе, Морскія купальни также оказываются не морскими, потому что въ заливѣ почти прѣсная вода. Остаются только воксалы и красивое мѣстоположеніе. Въ воксалѣ дѣйствительно танцуютъ два раза въ недѣлю и бываетъ тамъ очень весело, но что касается до живописныхъ окрестностей, то и тутъ опять разочарованье: пѣшкомъ ходить далеко, а за экипажи съ петербургскихъ берутъ подороже.

Такимъ образомъ петербургскіе жители, пріѣзжающіе всегда съ восторгомъ подышать чистымъ воздухомъ, бранятъ нашъ бѣдный городокъ, особенно когда къ концу лѣта пойдутъ дожди, и уѣзжаютъ очень часто съ твердой рѣшимостью никогда въ него не возвращаться, что, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ на слѣдующее лѣто новому наводненью столичныхъ жителей.

На одной изъ форштадтскихъ улицъ, выходящей на заливъ, стоялъ съ незапамятныхъ временъ угловой одноэтажный деревянный домишко съ двумя флигелями вдоль улицы. Прадѣдъ настоящихъ владѣтелей купилъ его во время оно за сто двадцать рублей ассигнаціями и тогда уже онъ былъ не новъ; но переходя отъ хозяина къ хозяину, изъ которыхъ каждый дѣлалъ только самыя необходимыя поправки, домишко этотъ дошелъ до того, что сталъ походить на рѣшето. Зимой печь дымила, въ полъ пестерпимо дуло, стѣны промерзали.

Обитатели его постоянно всю зиму страдали то флюсомъ, то насморкомъ. Лѣтомъ, когда шолъ дождь во всѣ углы подставляли кадочки, лоханки, горшки и разную домашнюю утварь, въ избѣжаніе наводненья. За то лѣтомъ видъ изъ него былъ прескромный. Съ одной стороны подъ окнами широко раскинулась зеленая лужайка, на которой бродили коровы, козы, гуси, утки, куры и играли дѣти. За лужайкой шла широкая дорога въ вокзалъ, по которой цѣлый день то въ купальню, то изъ купальни разѣзжали петербургскіе пріѣзжіе: сидя подъ окномъ въ угловомъ домикѣ, очень удобно было изучать новѣйшіе фасоны, потому что дорога въ вокзалъ каждое лѣто становилась настоящею выставкою модъ. Особенно въ тѣ дни, когда бывали балы

въ воксалѣ, ни одинъ нарядъ не ускользалъ отъ зоркихъ глазъ обитателей углового домика.

Черезъ дорогу видѣлся заливъ и пароходы приходившіе изъ Петербурга, Швеціи и съ окружающихъ острововъ.

Заглянемъ во внутренность этого домика въ одно прекрасное утро въ половинѣ мая. Изъ стѣнъ на право дверь вела въ довольно большую комнату о трехъ окнахъ. Два выходили на улицу, одно во дворъ.

Потолокъ поддерживался наружными балками, обличавшими старинную постройку. Можетъ быть когда-нибудь онъ и былъ выбѣленъ, но отъ дыма и времени, сдѣлался свѣтлострымъ и лоснилъ такъ, какъ будто былъ выкрашенъ сѣрою масляною краскою. Желтенькія обои были еще довольно свѣжи. Въ простѣнкѣ между окнами висѣло большое старинное зеркало, покрытое темными пятнами. По стѣнамъ кое-гдѣ дѣпились стулья. Только два или три изъ нихъ были вполне цѣлы. Другіе, больше или меньше, пострадали. У одного была прорвана рѣшетка, у другого не доставало четвертой ноги и ее замѣнялъ деревянный обрубокъ, приколоченный на скорую руку. У третьяго была сломана спинка. — Между окномъ и дверью въ сосѣднюю комнату, стоялъ большой, красный столъ, весь установленный разными дешевыми бездѣлушками. Надъ нимъ висѣла, въ бумажной рамкѣ, большая гравюра, изображавшая какое-то сраженіе. На окнахъ стояли цвѣты: левкои, жасмины, фуксіи и большое восковое дерево, загородившее почти цѣлое окно. Въ одномъ изъ простѣнковъ висѣла гитара. Подъ зеркаломъ за раскрытымъ ломбернымъ столомъ на которомъ сукно во многихъ мѣстахъ было замятно прорѣзано или оборвано за вѣтхостью сидѣли три молодыя дѣвушки за работой.

Передъ одной стоялъ шляпошный болванъ, около котораго лежали пучки соломенныхъ плетушекъ, ленты и рюшь. Она доканчивала круглую соломенную шляпу. Этой дѣвушкѣ на видъ было года двадцать четыре. У ней были прекрасные, свѣтлорусые волосы, очень тщательно причесанные. Спереди они лежали длинными волнистыми бандо. На косѣ были приколоты черныя бархатныя шу со стеклярусомъ. Эта дѣвушка была хорошо сложена и вообще не дурна собою, еслибъ ее не портили нахмуренныя брови, рѣзкіе угловатые приемы и черезъ чуръ звонкій голосъ. На ней была свѣтлая, ситцевая блуза, полинявшая и съ разорванными рукавомъ, но она была надѣта на корсетъ и около талии

стягивалась чернымъ шерстянымъ передникомъ. На шеѣ у дѣвочки не было ни воротничка, ни косынки. Подъ горломъ за немыльемъ пуговики, блуза была застегнута большой булавкой. Эта дѣвочка работала очень прилежно и рѣдко вышивалась въ разговоръ сестеръ, которыя, болтая и смѣясь, шили кисейное платье. Одна собирала волазъ, другая вышивала рукавъ. Меньшой изъ нихъ было лѣтъ шестнадцать. Она была положительно не хороша собой но у ней было веселое и доброе лице и роскошный бюстъ. Въ одеждѣ ея было еще больше небрежности. Ея густые волосы были кое-какъ закручены и заткнуты роговой гребенкой.

Темная ситцевая блуза была разорвана у спинки, такъ что сборки висѣли. На шеѣ у ней также ничего не было. Она часто смѣялась и безпрестанно болтала.

Волазъ собирался довольно медленно. Третья сестра, вторая по старшинству лѣтъ, была одѣта тщательнѣе сестеръ и съ большимъ кокетствомъ. На ней была голубая кисейная юбка и бѣлая кембриковая рубашка, туго стянутая въ талъзъ чернымъ кушакомъ со стальною пряжкой. У ней было свѣженькое, довольно красивое личико, оживленное большими карими глазами, но выраженье его было непривлекательно. Въ ея взглядѣ и въ складахъ тонкихъ губъ было что то скрытное и хитрое. Приемы были мягки и жеманны, говорила она тихо. Вся она была маленькое, худенькое созданье. Ея темные волосы были зачесаны à la Pompadour. Она вшивала рукавъ довольно лѣниво и безпрестанно посматривала, что дѣлается на улицѣ. У печки мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, въ оборванной курткѣ, босоногой, съ запачканнымъ лицомъ, хлопоталъ около двухъ удочекъ. Онъ распутывалъ лѣсы. Тутъ же у печки, на деревянной скамейкѣ, босоногая дѣвочка, съ остриженными волосами, въ платьѣ до того засаленномъ, что невозможно было разобрать первобытный цвѣтъ его, штопола толстой бумагой тонкій тканый чулокъ. У другаго окна меньшая сестра, дѣвочка лѣтъ четырнадцать, высокая, довольно стройная съ правильными, красивыми чертами лица, но желтая какъ цыганка со свѣтлыми волосами и довольно тупымъ выраженіемъ всей физиономіи, чистила лайковые перчатки. Не смотря на теплое время года, она была въ темнозеленомъ шерстяномъ платьѣ съ высокимъ лифомъ. Очевидно было, что платье это было сшито лѣтъ пять или шесть тому: такъ она изъ него выросла и такъ оно было изношено. Напро-

тивъ ея, за тѣмъ же столомъ, сидѣлъ другой мальчикъ дѣть сеи и строгаль палочку. На полу, выкрашенномъ когда-то желтою краскою, но теперь сильно уже побѣлѣвшемъ, валялись въ изобиліи доскутки разныхъ матерій, обрѣзки соломы и разный соръ. Съ перваго взгляда на домашній бытъ обитателей углаго домика, всюду проявлялась бѣдность доходившая порой до нищеты; но нисколько не похожая на бѣдность, заграничную, которую описываютъ иногда въ иностранныхъ романахъ.

Тамъ страшныя картины нищеты и страданій возбуждаютъ ужась или состраданье. Тамъ объ руку съ бѣдностью часто идетъ кровавое преступленіе.

У насъ въ Россіи, благодаря Бога, такая отчаянная, голая нищета встрѣчается рѣдко.

Въ угловомъ домикѣ жили весело, беззаботно, подъ часъ голодали и дѣлали долги, а когда проявлялись деньги, спѣшили пользоваться настоящимъ и не думали о завтрашнемъ днѣ.

— Ну, слава Богу, кончила, сказала старшая сестра, вставая и вертя въ рукахъ шляпу.—Хороша?

— Примѣрь, Наташа, сказали сестры.

Наташа надѣла шляпу передъ зеркаломъ.

— Ко мнѣ нейдетъ. Ну ужь, кажется, я ей не пожалѣла бархатныхъ лентъ, прибавила она, снявъ шляпу. По ней чѣмъ больше напутано, тѣмъ лучше.

— Дай мнѣ примѣрить, Наташа, сказала вторая сестра.

— И мнѣ, и мнѣ, прибавили другія.

— Ну вотъ еще, пустяки, сомнете. Палаша, отнеси шляпу въ городъ, Бальсковой. Смотри, не бѣгай такой сальфидой, хоть надѣнь чулки да башмаки.

Дѣвочка, сидѣвшая на скамейкѣ у печки, ушла.

— Наташа, помоги намъ теперь это платье кончить, сказала вторая сестра.

— Да, какъ же бы не такъ. Я радѣшенька, что отъ этой шляпы отдѣлалась.

— Да вѣдь у тебя нѣтъ теперь работы.

— Что-жь такое, что нѣтъ, я въ городъ пойду.

— Зачѣмъ?

— На платье возьму.

— Вѣдь у тебя нѣтъ денегъ?

— Ну, такъ что за бѣда, въ долгъ дадутъ. Вѣдь не ѣхать

же мнѣ на свадьбу въ бѣломъ кисейномъ платьѣ съ лиловыми цвѣточками.

Сестры засмѣялись.

— Надя Андреева, пожалуй, его съ радостью бы надѣла, сказала третья сестра.

— Интересно бы знать, во что она вырядится, прибавила вторая.

— Извѣстно, надѣнегъ свое голубое платье. Вѣдь не разступится же ей матушка новое шить, сказала Наташа.

Палаша вошла въ чулкахъ и башмакахъ.

— На, снеси шляпу. да смотри, деньги спроси, безъ денегъ не уходи. Цѣлковый, скажи, за наголку, да за бархатныя ленты три рубля, да пряжка полтинникъ. Да смотри, ходи скорѣе, на мосту-то не останавливайся зѣвать.

— Духомъ сбѣгаю, барышня, отвѣчала Палаша, и ушла со шляпой.

— Слушай, Вѣра, позови-ка Вареньку помочь тебѣ, сказала Наташа, обращаясь ко второй сестрѣ, ужь мнѣ надоѣло смотреть на это платье. Что оно у васъ съ рукъ нейдетъ.

— Варенька въ лѣсъ ушла, сказалъ мальчикъ, который во-зился съ удочками, я ее видѣлъ, какъ рыбу удилъ. Она сидѣла на камнѣ на берегу съ книгой.

— Ну да, сказала Вѣра, ей только бы романы читать, а тутъ сиди себѣ, да работай цѣлый день. Что бы помочь, вѣдь знаетъ, что спѣшная работа. Ты не знаешь, поѣдетъ она на свадьбу? прибавила она, обращаясь, къ Наташѣ.

— Почему мнѣ знать, я у ней не спрашивала.

— Нѣтъ, не поѣдетъ, сказала меньшая сестра. Я слышала вчера, какъ она Валерьяну Петровичу говорила.

— Разумѣется, вѣдь ей не по чести знаться съ лавочниками. Вѣдь она не мы.

— А что ты, Гриша, ужь наловилъ рыбы? спросила третья сестра.

— Еще бы! Пятьдесятъ штукъ салаки поймалъ, да три оку-ня. Мы со Степой Игнашевымъ съ лодки удили. Какъ рано-то утромъ, такъ она хорошо клюетъ.

— Опять эта противная салака будетъ за обѣдомъ. Кто тебя проситъ ловить ее, сказала вторая сестра.

— Ну такъ въ другой разъ сидите безъ обѣда. Мясникъ-то

не далъ сегодня мамѣ въ долгъ: старый, говоритъ, заплатите сперва.

— Ну такъ что же такое, хоть бы и безъ обѣда; по моему лучше кофею напиться лишній разъ, чѣмъ ѣсть эту противную салаку.

— А сливки-то гдѣ? спросилъ Гриша, у мамы-то вѣдь ни гроша нѣтъ.

— Вотъ за шляпу Наташѣ отдадутъ, и будутъ деньги.

— Что-жь что будутъ, продолжалъ Гриша, она и накупить себѣ помады, духовъ, мыльца разнаго, чтобъ бѣленькой быть. Сапожки купить себѣ припелевые въ три цѣлковыхъ, чтобъ ножка была маленькая, а мамѣ-то дастъ двугривенный на хозяйство. Не раскупишься вамъ сливокъ къ кофеямъ. Кофейницы вы эдакія!

— Ахъ ты грубіянь, мальчишка, вскричала Наташа, которая, собираясь идти, доставала себѣ изъ комода зонтикъ и перчатки, мы для васъ работаемъ, кормимъ, поимъ, одѣваемъ, а отъ васъ только терпи грубости.

— Да, хорошо одѣваете, отвѣчалъ Гриша, и тиковыя-то куртки всѣ оборваны, какъ у цыганъ. Хуже насъ на всемъ форштадтѣ никто не ходитъ, сама-то ты больно наряжаться любишь. Посмотри-ка, зонтикъ-то какой, шесть цѣлковыхъ дала, очень нужно тебѣ такой, когда у мамы калошъ нѣтъ. Ходила всю весну безъ калошъ, за то теперь и кашляетъ.

Наташа поблѣднѣла и обернулась, чтобы схватить брата за волосы или уши, но Гриша, предугадавшій это движеніе, проворно и ловко выскользнулъ за дверь.

— Сущій зміёнышъ, прошептала Наташа и вышла въ другую комнату, чтобы одѣться.

— Эдакой гадкій мальчишка, сказала Вѣра съ досадою. Онъ и брата только портитъ.

— Вѣдь онъ правду говоритъ, замѣтила третья сестра. Вамъ съ Наташей только бы нарядиться, а вонъ Юля, прибавила она, указывая головою на меньшую сестру, въ школу оттого не ходитъ, что надѣтъ нечего. Въ обдергайчикѣ не пойдешь, надъ ней всѣ тамъ смѣются.

— А кто-жь ей не велитъ, отвѣчала запальчиво Вѣра, взять да перешить себѣ Наташино палевое платье. Вѣдь она даетъ ей его.

— Ужь платье, сказала Юля плаксивымъ голосомъ, благо-

дѣрствуйте за него, такъ вылиняло, что хуже кухонной тряпки. Я нищей-то не хочу ходить. Себѣ покупаете новое, тамъ можете и намъ съ Катей купить. Вѣдь мы вамъ помогаемъ же шить.

— Ужь ты-то особенно помогаешь, отвѣчала Вѣра.

— Ну, да вамъ все не въ честь, проговорила Юля. На, возьми свои перчатки; ихъ нечего чистить: онѣ такъ и лѣзутъ.

— Что, разорвала? сказала Вѣра, вскочивъ и подойдя къ сестрѣ. Ну, такъ и есть, прибавила она, разсматривая перчатку, а такъ и знала. Гадкая дѣвчонка! Ужь лучше-бъ не бралась ничего дѣлать.

— Да что ты бранишься, отвѣчала Юля. Евграфъ Тимофѣичъ не взыщетъ и въ разорванныхъ возьметъ тебя на кадриль и пойдетъ съ тобой по-медвѣжьи: знаешь, вотъ такъ. И Юля начала преуморительными прыжками передразнивать, какъ танцуетъ Евграфъ Тимофѣичъ. Ката оставила работу и принялась хохотать.

Надо сказать, что Евграфъ Тимофѣичъ былъ никто другой, какъ приходскій дьячекъ. Но онъ былъ героемъ многихъ барышень того круга, къ которому принадлежалъ описанный мною лица. И не мудрено. Онъ былъ высокаго роста, блѣдень и отпущалъ темные лохматые бакенбарды. Онъ часто бывалъ задумчивъ, а иногда казался такимъ суровымъ и мрачнымъ, что барышни сравнивали его со всевозможными мрачными героями романовъ, которые имъ случилось прочесть. Говорили, что онъ занимается Вѣрой, потому что часто танцевалъ съ ней и переписывалъ для нея красивымъ почеркомъ разные романы. Поэтому, когда сестра стала передразнивать Евграфа Тимофѣича, Вѣрѣ стало такъ досадно, что у нея выступили слезы. Она надулась, сѣла на прежнее мѣсто и стала такъ усердно шить, что игла безпрестанно рвалась. Ката между тѣмъ схватила со стѣны гитару и принялась подыгрывать.

Въ комнату вошла особа лѣтъ тридцати-осми, не высокаго роста, но порядочно полная, съ лицомъ круглымъ и румянымъ, какъ солнце. Одѣта она была просто, но аккуратно. На лицѣ ея, какъ только она начинала говорить, появлялась сладкая улыбка, хоть иногда предметъ разговора былъ вовсе незабавень. Эта особа была пожилая дѣва, тѣтушка молодыхъ дѣвицъ. Ее звали Марей Егоровной, но домашніе называли ее тантой Мартой. Она была серьезна и подчасъ сентиментальна. Она

любила пѣть меланхолическіе романсы съ аккомпаниментомъ гитары и возведеніемъ очей къ небесамъ, т. е. къ потолку. Еще была у ней маленькая слабость. Она долго жила между нѣмцами, говорила хорошо по нѣмецки, много читала нѣмецкихъ романовъ и серьезныхъ книгъ и вслѣдствіе того никакъ не хотѣла походить на русскую. Чтобъ достигнуть этой цѣли, она картавила, выговаривая букву *p*, что впрочемъ часто забывала дѣлать, особенно въ пылу какого-нибудь интереснаго разговора, и безпощадно коверкала многія русскія слова, дѣлая удареніе не тамъ, гдѣ слѣдовало. Иногда даже она употребила фразы въ родѣ слѣдующихъ: я ѣла маслохлѣбъ, я достала себѣ сильную головную боль, нынче не держать такой моды и т. д. Я исчислила маленькія слабости танти Марты. Справедливость требуетъ прибавить, что она была грудолюбива, дѣтельна и проворна, мастерица шить, кроить, перешивать. Никакая женская работа, начиная отъ шляпки до корсета, какъ говорится, не выпадала у нея изъ рукъ. Крімъ того, она была хорошая хозяйка. Она умѣла жарить, печь, варить, мариновать, солить, крахмалить и гладить. Въ обществѣ танта Марта любила блеснуть любезностью и остроуміемъ и болтала безъ умолку.

— Вотъ какъ, сказала танта Марта, войдя въ комнату, у васъ танцы, а платье-то лежитъ.

— Сошьется, поспѣетъ, отвѣчала Катя, продолжая наигрывать на гитарѣ. Вы взгляните только, кого Юля представляетъ. Какъ похоже, какъ двѣ капли воды.

Танта взглянула попристальнѣе на Юлю и расхохоталась.

— Ты ужъ очень горбишься, сказала она.

Въ эту минуту дверь изъ сѣней отворилась и въ комнату вошла дѣвушка лѣтъ осемнадцати. Утренній воздухъ и прогулка разрумянили ея хорошенькое личико. Что-то гордое, какъ будто даже презрительное, проглядывало въ ея тонкихъ, красивыхъ чертахъ.

— А, Варя! гдѣ ты была, Варя? вскричала Катя.

Варя ничего не отвѣчала. Она сняла съ головы голубую шерстаную косыночку, поставила на окно зонтикъ и сѣла къ столу, за которымъ работали сестры.

— Послушай, Варя, продолжала Катя, пошей, пожалуйста, за меня, мнѣ ужъ такъ надоѣло.

— Дай, пожалуй, отвѣчала Варя, подвигая къ себѣ работу. Варя была лучше всѣхъ сестеръ. Ея приемы, движенія, раз-

говоръ обнаруживали, что она была воспитана не въ той средѣ, гдѣ жили ея сестры.

Танта Марта взяла гитару и заиграла какой-то романсъ. Катя и Юля принялись полькировать.

— Что вы тутъ подѣлываете, дѣти, сказала вдругъ, отворивъ двери, дряхлая, больная старушка. Это была бабушка молодыхъ дѣвицъ, настоящая владѣтельница углаваго домика. Отъ старости и болѣзни она почти впала въ дѣтство. Она была въ темномъ платьѣ и голова ея была повязана темнымъ шелковымъ платкомъ.

— Кому платье-то шьешь? спросила она, садясь на стулъ, оставленный у стола Кагей.

— Чужое, отвѣчала Вѣра.

— Ну хорошо, шей. А вотъ мнѣ послѣ надо новое платье сшить.

— Да на что вамъ, бабушка, новое платье? сказала Вѣра.

— Какъ на что? ахъ, глупая эдакая! Да развѣ въ добрые люди пойдешь въ худой одеждѣ!

— Да когда вы, бабушка, ходите въ гости?

— Какъ когда? да вотъ и недавно была у кумы.

Всѣ засмѣялись.

— Что вы, маменька, сказала танта Марта, да вы у Дарьи Петровны съ Рождества не были.

— Ну такъ что-жь, что съ Рождества не была, вотъ и опять пойду скоро. Да ты перестань бранчать-то на своей балалайкѣ, прибавила она обращаясь къ Мартѣ, въ ушахъ звенить. Ничего путнаго-то не умѣешь сыграть. Вотъ какъ мы бывало пѣсни-то пѣли...

— Что-жь, бабушка, спойте теперь, а мы вамъ подтянемъ, сказала Катя.

— Ну вотъ еще! отвѣчала старушка и, кажется не прочь была-бы и затянуть; но въ это время дверь приотворилась:

— Наташа, сказалъ кто-то.

— Ее нѣтъ дома, маменька, отвѣчала Катя, она въ городъ ушла.

— А ты не знаешь, прислали ей деньги за шляпку? спросила, войдя въ комнату, худая, блѣдная женщина, въ ситцевомъ капотѣ, на которомъ видны были слѣды муки и съ засученными рукавами.

— Нѣтъ еще.

— Ахъ ты, Господи, горе какое! Обѣдъ готовъ, а хлѣба нѣту. Хоть безъ хлѣба обѣдай. Давно ушла Палаша?

— Да ужъ часа полтора будетъ.

— Негодная дѣвчонка! Вѣрно стоитъ, да болтаетъ гдѣ-нибудь. Долго-ли въ городъ сходить. Да нѣтъ-ли у кого изъ васъ хоть гривенника.

При этомъ вопросѣ всѣ какъ-то присмирѣли.

— Нѣтъ-ли у тебя, сестра? продолжала Елена Егоровна, обращаясь къ танти Мартѣ.

— Захотѣла, отвѣчала на-распѣвъ танта Марта. Я ужъ и не помню, когда въ моемъ портмонеи былъ гривенникъ. Да что ты въ долгъ не возьмешь?

— Да не даетъ. Мы ему и то безъ малаго пять рублей должны.

— Да что-жь за крайность? подождемъ обѣдать, сказала танта Марта.

— Гриша голоденъ, давно ужъ просить, да и я огонь погасила бы, еслибъ скорѣй отобѣдали. Только дрова даромъ горятъ.

— Хотите, я сбѣгаю, займу двугривенный у Кузьминичны, сказала Юля, которой очень хотѣлось поскорѣе пообѣдать.

— Она не дастъ безъ заклада, сказала танта Марта.

— Ну, такъ что-жь, снесемъ что-нибудь заложить и спросимъ побольше, сказала Ката.

— О чемъ вы тутъ толкуете? вскричалъ Гриша, вбѣжавъ въ комнату. Пора обѣдать, ужъ два часа било на фабрикѣ.

— Да хлѣба нѣтъ, отвѣчала Ката. Сбѣгай поскорѣй, снеси что-нибудь въ закладъ Кузьминичнѣ.

— Ее дома нѣтъ. Я видѣлъ, какъ она поплелась туда, по большой улицѣ.

— Эхъ, досадно! проговорила Елена Егоровна.

— А, вотъ что, вскричалъ Гриша, послѣ минутнаго раздумья, а видѣлъ вчера на чердакѣ цѣлую корзину съ хлѣбомъ. Тамъ школьныя тетрадки сестеръ, да какія-то газеты старыя. Съ вудъ бумаги будетъ; а широкъ снесу въ лавку. Купить.

— Ай да молодець, сказала Ката, придумалъ.

И Гриша пустился бѣгомъ на чердакъ.

— Вонъ Наташа идетъ, сказала Вѣра, взглянувъ въ окно, и несетъ что-то: вѣрно на платье взяла.

— Покажи, Наташа, поскорѣй, что взяла на платье, загово-

рши сестры, обступивъ комедіишю Наташу и протягивая руки къ свертку.

— Не троньте, совете, я сама покажу, отвѣчала Наташа. А что, Палаша пришла?

— Нѣтъ еще, отвѣчала Вѣра.

— Я послѣ нее пошла, да прежде вернулась, а еще въ давкѣ-то сколько времени пробыла. Смотрите, хорошо? прибавила Наташа, развернувъ свертокъ.

— Голубой вапёръ! вскричали сестры.

— А славный цвѣтъ, сказала танта Марта.

— На глянцовитомъ моленкорѣ сдѣлаю, продолжала Наташа, драшнуя складками вапёръ.

— А цвѣты-то бѣлые надѣнешь на голову? спросила Вѣра.

— Что я стремиться-то буду, отвѣчала Наташа. Они какъ изъ трубы вытащены. По моему ужь сиди лучше дома, коли надѣть нечего, а коли показадась въ люди, чтобъ все было либо да дорого.

— Неужели ты и цвѣтокъ еще купишь? спросила Катя.

— А неужели-жь нѣтъ? Куплю пунсовую розу съ золотыми листками. Чудо каную видѣла у Жаатъ.

— Помилуй, Наташа, сказала Елена Егоровна, видѣ ты столько денегъ уберешь, что просто ужасъ. Видѣ надо что-нибудь уплатить мяснику да хлѣбнику. Совсѣмъ не хотять въ долгъ давать.

— А по вашему, работай, работай съ утра до ночи, да еще никакого удовольствія не имѣй? Видѣ я не на простой вечеръ, на свадьбу поѣду. Не хочу быть хуже всѣхъ, чтобъ на меня пальцами показывали. А бородачи подождать могутъ, теперь дѣто, работы много будетъ, тогда и заплатимъ, какъ денегъ побольше будетъ.

— Вотъ и хлѣбъ, вскричалъ Гриша, вѣжавъ въ комнату, съ сіяющимъ лицомъ.

— Ахъ! въ самомъ дѣлѣ, видѣ продалъ бунагу, сказали сестры.

— Пора обѣдать, заговорили всѣ хоромъ.

— Да ужь у меня давно накрыто, сказала Елена Егоровна и одиравилась въ кухню, но въ дверяхъ столкнулась съ Палашей. Гдѣ ты шаталась до сихъ поръ? спросила Елена Егоровна.

— Я долго-съ дожидалась, отвѣчала скромно Палаша.

— Отдала деньги? спросила Наташа, которая убирала въ ка-
модь свои покупки.

— Отдала-съ. Только пряжку назадъ прислали.

— Это отчего? спросила Наташа грознымъ тономъ, подойдя
къ Палашѣ.

— Говорятъ, не надо-съ.

— Какъ не надо? Да вѣдь онѣ сами велѣли положить.

— Не знаю-съ, отвѣчала Палаша. Барыня сама вынесла и
сказала: отдай, скажи не надо.

— И денегъ за нее не прислали?

— Нѣтъ-съ. Вотъ четыре рубля только дали.

— Какъ вамъ это покажется? сказала Наташа, взявъ деньги
и обращаясь къ сестрамъ. Вотъ неучи-то! Гдѣ это видано!
заказать съ пряжкой, и потомъ прислать ее назадъ.

— Скрыжки! проговорила Вѣра,

— Нѣтъ, я этого не спущу ей, проговорила Наташа.

— А что-жь ты сдѣлаешь? спросили сестры съ любопыт-
ствомъ.

— А вотъ что, отвѣчала Наташа.

Она взяла пряжку изъ рукъ Палаша и завернула въ бумагу.

— Поди сей-часъ, отнеси эту пряжку назадъ, и скажи, да
смотри, не переверни: что если у ней, у коммерціи-совѣтницы
нѣтъ полтинника заплатить за пряжку, то я дарю ей ее. Да
смотри, такъ и скажи: Наталья Александровна дарятъ вамъ
пряжку.

— Ты съ-ума сошла, Наташа, сказала Варя, развѣ можно
дѣлать такія вещи.

— Скажи, пожалуйста, отвѣчала Наташа насмѣшливо. Какая
важность? Не принцесса вѣдь она какая. По твоему, не при-
кажемъ-ли делкатничать, да безъ хлѣба сидѣть.

— Наташа, замѣтила Катя, вѣдь пряжка стоитъ двадцать
копѣекъ, а ты велѣла спросить за нее полтинникъ. Можетъ
быть, она спросила въ лавкахъ, что стоитъ, да и не хочетъ
платить дороже.

— Вотъ еще новости! вскричала Наташа. Да ей-то что за
дѣло, что стоитъ въ лавкахъ. Если она дала наколоть шляпу
хорошей модисткѣ и велѣла положить пряжку, такъ она плати
то, что спросятъ, а не дѣлай грубости, не присылай назадъ
вещи. Ступай же, прибавила она, обращаясь къ Палашѣ:

Палаша ушла.

— Помилуй, Наташа, начала снова Варя, которую чрезвычайно озадачил такой дерзкий поступок сестры, но вѣдь ты эдакъ сдѣлаешь то, что никто не будетъ давать тебѣ работы.

— Да тебѣ-то, что за дѣло. Ты ужь, пожалуйста, хорошимъ-то манерамъ не учи. Тебѣ хорошо умничать на всемъ на готовомъ. Романы читать, да по лѣсамъ гулять, и я-бъ сьумѣла.

— Не безпокойся, отвѣчала, вспыхнувъ, Варя, я не долго буду обременять васъ моимъ присутствіемъ. Я всегда достану себѣ кусокъ хлѣба, которымъ меня не будутъ попрекать.

— Еще бы не достать, отвѣчала Наташа. Вѣдь за тебя дядя довольно денегъ переплатилъ. Не на мѣдный грошъ учена, не такъ какъ мы. Оттого ты и смотришь такой принцессой Недотрогой. И Наташа отправилась въ сосѣднюю комнату, гдѣ уже давно было все остальное семейство, и гдѣ раздавалось браканье ножей и вилокъ.

II.

Пароходъ Корнелія подходилъ къ берегамъ моего мирнаго городка. Погода была, какъ нарочно, самая заманчивая для петербургскихъ прїѣзжихъ. Вечернее солнце великолѣпно освѣщало скалы, покрытыя мхомъ, древнюю башню и вѣковыя сосны въ лѣсу за рукавомъ залива. На пристани, какъ и всегда, было много народа. Вотъ пароходъ зашипѣлъ, засвистѣлъ и остановился. Пассажиры стали сходить на берегъ.

— *C'est joli, c'est pittoresque*, сказала своему мужу высокая дама лѣтъ тридцати трехъ, не красивая собой, но очень стройная. Она была одѣта со всей изысканностью петербургской жительницы, отправляющейся на лѣто въ маленькій городокъ, пользоваться морскими купальнями. На ней не было ничего лишняго. Все было просто, но все стоило дорого. Ея черн. е платье было изъ самаго толстаго гласе. Ея пальто было куплено въ англійскомъ магазинѣ, а круглая соломенная шляпа съ чернымъ перомъ, въ Парижѣ, гдѣ эта дама провела два мѣсяца въ прошломъ году. Подлѣ нея вертѣлись двое дѣтей, двѣ дѣвочки, одна пяти, другая осьми лѣтъ, одѣтыя, какъ рисуютъ дѣтей на картинкахъ модъ. Мужъ ничего не отвѣчалъ на восклицанье жены и только посмотрѣлъ на окрестность разсѣяннымъ, озабоченнымъ взглядомъ.

— Марианна, сказалъ онъ горничной, поди, приведи двухъ извозчиковъ. Не знаешь-ли, матушка, гдѣ здѣсь гооснянда?

пробавилъ еще, обращаясь къ женщинамъ въ салопѣ, съ платкомъ на головѣ.

— Знаю-съ, какже-съ. Здѣсь три гостиницы.

— Да-которая-получше-то?

— Да ужь у Берга, конечно, противъ другихъ будетъ лучше.

— Гдѣ-жь это?

— Да вотъ сей-часъ по нижней-то улицѣ. Вы извольте только извозчику сказать, они все знаютъ.

— А! хорошо.

— Вамъ вѣрно и квартиру надобно будетъ-съ.

— Конечно, конечно, отвѣчали вмѣстѣ и мужъ и жена.

— Такъ вамъ не угодно-ли будетъ послѣ посмотретьъ, я провожу васъ. Я здѣшняя сторожилка, все хорошия квартиры знаю.

— И прекрасно. Ты проводишь насъ.

— А вы сегодня пойдете смотрѣть.

— Какъ ты думаешь, Магге, спросилъ мужъ, обращаясь къ женѣ.

— Конечно, сегодня. Мнѣ хочется поскорѣй посмотрѣть городъ.

— Ну такъ черезъ часъ приди въ гостиницу Берга. Спроси статскаго совѣтника фонъ-дерь Штерне.

— Будьте спокойны. Найдутъ-съ, отвѣчала женщина.

Она постояла еще нѣсколько секундъ на набережной, посмотрѣла, какъ семейство статскаго совѣтника размѣстилось на дрожкахъ и потомъ скорыми шагами отправилась на форштадтъ къ знакомому намъ угловому домику.

— Дома мама? спросила она у Гриши, который стоялъ на дворѣ.

— Дома, отвѣчалъ Гриша.

— Мнѣ бы ее поскорѣй увидеть. Позови, голубчикъ, на пару словъ только.

— Да идите въ комнату, у насъ никого нѣтъ. Мама, закричалъ Гриша въ разтворенное окно, Федоровна тебя спрашиваетъ.

Елена Егоровна вышла въ сѣни. Рукава ея были уже застегнуты на пуговицы и на голову накинутъ бѣлый кисейный чепчикъ.

— Здравствуй, Федоровна, сказала она привѣтливо, что-жь ты, взойди въ комнату.

— Некогда, Елена Егоровна, некогда, какъ угорѣлая къ вамъ бѣжала. Петербургскіе съ парохода квартиру ищутъ.

— Квартиру? повторила Елена Егоровна и вся какъ будто вострепнулась отъ радости. Ахъ душенька, Ѳедоровна, веди къ намъ пожалуйста.

— Вы за флигель-то, что хотите?

— Полтора ста рублей.

— Ой, не дорогонько-ль будетъ?

— Что за дорого. Вонъ у Бубенчиковой также четыре комнаты, а полтора ста прошедшее лѣто дали.

— Такъ у Бубенчиковой за то садъ какой, Елена Егоровна.

— Что-жь за диво, что садъ? нашъ-то не хуже. Поменьше развѣ будетъ немножко. За то у Бубенчиковой отъ вокзала далеко.

— Ну да, это вѣдь ваше дѣло, цѣну спрашивать, какъ сами знаете. Вотъ меня-то только не обидьте, если поладите; сами знаете, бѣдность заставляетъ.

— Не обижу, Ѳедоровна. Ты скажи только напрямки, сколько тебѣ. Уговоръ лучше денегъ.

— Ужь рублика-то три не пожалѣйте. Вотъ Бубенчиха те прошедшее лѣто Анну Савишну обидѣла. Полтинника ей не дала, такъ за то теперь сидитъ со своей квартирой. Савинина-то никого ей не приведетъ, а кто и захочетъ манять, напугаетъ клопами, да тараканами.

— Ну ужь не бойся, я-то не обижу. Кажется, не первый годъ меня знаешь. Да кто такіе твои петербургскіе?

— Сгатскій совѣтникъ. Должно быть, богатый. Она-то сама такая козыристая. Какъ повернется, юбки-то такъ и шумятъ. Фу ты, какая важная. Высокая... Дѣточекъ двое съ ними, горничная модница такая... Ужь сей-часъ видно, что хорошіе господа.

— Такъ, значитъ, надо четыре постели, а у меня только три. Вотъ горе-то. Ну да авось какъ-нибудь сдѣлаемся.

— Еще съ ними какой-то молодой человекъ, родственникъ какой, должно быть. Видный собою, въ синихъ очкахъ.

— Ну, кто-нибудь можетъ и на диванѣ лечь. Однако при-брать тамъ надо. Вѣра, закричала Елена Егоровна, поди, посмотри во флигель, надо окна вымыть, Ѳедоровна петербургскихъ приведетъ.

— Такъ прощайте же, я пойду, сказала Ѳедоровна.

— Гдѣ они остановились—то?

— У Берга.

— До свиданья, Федоровна, будь спокойна, будемъ тебѣ благодарны.

И Федоровна поплелась въ гостиницу.

Между тѣмъ у Елены Егоровны поднялась сильная суматоха: Прошлое лѣто флигель также нанимали петербургскіе.

Когда они съѣхали, Елена Егоровна пустила въ него за дешевую цѣну, одну знакомую чиновницу съ уговоромъ, чтобы къ первому маю она очистила квартиру. Чиновница еще въ исходѣ апрѣля уѣхала на мызу къ знакомымъ. Слѣдовательно довольно было времени, чтобы все вымыть и прибрать въ ней. Но русскій человекъ не нѣмецъ и наше національное *moytetz* равняется національному же *авось*. Почти каждый день Елена Егоровна говорила, что вотъ надобно въ квартирѣ окна вымыть и полъ подмыть да и чехлы то на мебели не мѣшало бы выстирать, и каждый день ни Палаша, ни толстая работница Ева не поспѣвали этого сдѣлать, и каждый вечеръ, когда Елена Егоровна вспоминала, что вотъ дескать опять забыли квартиру вымыть, танта Марта въ утѣшеніе ей говорила:

— Еще какіе теперь прїѣзжіе. Мы раньше не достанемъ жильцевъ, какъ въ концѣ мая.

А надо знать, что отдача квартиръ на лѣто петербургскимъ, составляла главный доходъ всего семейства. Зимой оно кормилось почти только тѣмъ, что лѣтомъ выручало за квартиру.

— Маменька, а маменька, сказала Наташа, которой надобно смотрѣть, какъ совалась Ева съ ведромъ горячей воды, тряпками и половой щеткой, и какъ Елена Егоровна и танта Марта помогали ей, засучивъ рукава. Къ чему это вы затѣяли такую возню теперь? Хорошо будетъ, если придутъ петербургскіе, въ такой разгромъ. Вѣдь не сейчасъ же они переѣдутъ. А до завтра можно успѣть все вымыть.

— Вѣдь Наташа правду говоритъ, замѣтила танта Марта.

— Такъ то такъ, сказала Елена Егоровна, поглядывая съ нерѣшительностью на затоптанный полъ и на грязные изорванные чехлы на диванахъ, да вѣдь пожалуй, грязно покажется, боюсь, что не наймутъ изъ за этого.

— Ну вотъ, что за важность, возразила Наташа, скажите, что къ завтраму вымоютъ. Хуже будетъ, какъ они теперь прямо въ помой попадутъ.

— И въ самомъ дѣлѣ; оставь, Ева, сказала Елена Егоровна, нечего дѣлать.

Ева унесла ведро, тряпку и щетку. Елена Егоровна, Наташа и танта Марта ушли изъ флигеля. На дворѣ имъ попалась Палаша.

— Ну что, спросила Наташа, отдала ей пражку?

— Отдала, отвѣчала Палаша, да онѣ прислали назадъ, вотъ и полтинникъ за нее.

— Ахъ, еще и полтинникъ прислала! вскричала Наташа, взявъ деньги и пражку. Что она сказала?

— Я ихъ не видала. Миѣ горничная вынесла.

— Давно бы такъ.

Наташа положила въ карманъ деньги, и пошла въ комнаты.

— Кто пойдетъ показывать квартиру? спросила танта Марта.

— Только не я, вскричала Наташа.

— И не я, и не я, отозвалось во всѣхъ углахъ.

Никто изъ семейства не любилъ показывать квартиръ пегербургскимъ прїѣзжимъ, потому что всѣ члены его были заражены, не скажу, гордостью, но просто чиновной спѣсью. А прїѣзжіе, Богъ знаетъ, по какому праву, обращались надмѣнно, почти повелительно, когда приходили нанимать квартиру.

— Хотите, я пойду, вскричала Юля, которая любила браться за всякое дѣло, никогда не помышляя о томъ, каковъ будетъ конецъ въ ея рукахъ.

— Ужь ты-то пожалуйста, не суйся, замѣтила Вѣра, будетъ то же, что съ моими перчатками.

— Варя, поди ты, сказала Елена Егоровна.

— Я бы пошла, пожалуй, сказала Варя, но не знаю, съумѣю-ли.

— Да что тутъ мудренаго, прибавила танта Марта, проводи по всѣмъ комнатамъ, покажи садъ и скажи цѣну: полтора ста рублей.

— А если скажутъ, что дорого?

— Скажи, что эта квартира всегда по такой цѣпѣ ходитъ.

— А прошедшее лѣто только восемьдесятъ дали! вскричала Юля.

— Молчи, пожалуйста, отвѣчала танта, ты вездѣ любишь со своимъ носомъ соваться. Ты скажи, Варя, что воксалъ близко, купаться ходить не далеко, два раза въ недѣлю тамъ музыка и танцы.

— Меньше чего не отдавать? спросила Варя.

— Меньше ста двадцати не отдавай, сказала Елена Егоровна рѣшительно.

— Если она будутъ просить уступки, прибавила танта Марта, ты ужь подольше не поддавайся, а ужь если замѣтишь, что для нихъ дорого, и что она не хотятъ нанять за эту цѣну, такъ снажи, что спросить у маменьки и ирди сюда.

Варя, во время этихъ наставленій, подошла къ зеркалу пригладила волосы, поправила воротничекъ и складки платья.

— Не очень-ли взято? спросила она у Кати.

— Да ужь хороша, хороша, понравилась, отвѣчали вмѣстѣ Наташа и Вѣра.

Варя слегка покраснѣла и взглянула въ зеркало вопросительно. Она любила нравиться, какъ любить почти всякая хорошенькая дѣвушка. Юля между тѣмъ взяла со стола гитару, расположилась играть.

— Къ чему это ты забрячала? спросила Катя.

— А пуская петербургскіе подумаютъ, что здѣсь артисты живутъ, отвѣчала Юля очень серьезно.

Всѣ расхохотались, потому что Юля не умѣла взять ни одной ноты, и отъ ея музыки часто приходилось сестрамъ затыкать уши. Въ эту минуту халитка отворилась и показалась сперва Федоровна, а за нею статскій совѣтникъ съ женою и молодой человекъ въ синихъ очкахъ. Варя хотѣла было идти, но танта Марта остановила ее.

— Ты погоди, не ходи, сказала она ей тихо, а то они подумаютъ, что мы очень обрадовались отдать квартиру и будутъ торговаться.

Но Юля между тѣмъ успѣла уже высунуться.

— Скажи, барышня, маменькѣ, что петербургскіе пришли квартиру нанимать, проговорила Федоровна.

— Сей часъ, отвѣчала Юля и отскочила отъ окна. Ахъ, какой хорошенькій, сказала она сестрамъ въ полголоса. И всѣ дѣвицы, въ томъ числѣ и танта Марта, осторожно изъ-за угловъ стали разсматривать пришедшихъ.

Варя вышла.

— Не угодно-ли вамъ посмотреть квартиру, сказала она, подойдя къ статской совѣтницѣ.

М-ме фонъ-деръ Штерне окинула Варю съ головы до ногъ нецеремоннымъ взглядомъ, и казалось, что благородная осанка

и простой, но аккуратный наряд молодой дѣвушки произвели на нее выгодное впечатлѣніе.

— Да, покажите, пожалуйста, отвѣчала она.

Еще болѣе дѣйствія произвело хорошее личико Вареньки на статскаго совѣтника и на молодого человѣка. Они поклонились ей съ пріятной улыбкой. Варенька повела ихъ во флигель. М-де фонъ-деръ Штерне торопливо обошла всѣ комнаты.

— Это именно, что намъ надо. Это хорошенъкая квартиръ, не правда-ли. повторяла она по французски, обращаясь то къ мужу, то къ молодому человѣку: кухня есть? спросила она у Вареньки.

Варенька повела въ кухню.

— Ахъ какъ жалъ, какая маленькая кухня, вскричала петербургская дама, заглянувъ въ нее. Гдѣ же моя дѣвушка будетъ гладить, здѣсь мѣста нѣтъ. *C'est dommage Pierre*, прибавила она, обращаясь къ мужу. *Il n'y a pas de place pour passer.*

— *Comme tu veux*, отвѣчалъ мужъ.

Она опять пошла въ комнаты.

— У васъ нѣтъ прачешной? спросила она у Вари.

— Нѣтъ, отвѣчала Варя.

— А гдѣ же стирать?

— Пріѣзжіе всегда отдають бѣлье прачкамъ, отвѣчала Варя

— А я хотѣла бы стирать дома.

Варя молчала.

— Ты можешь также отдавать бѣлье прачкѣ, сказалъ мужъ по-французски.

— Но это будетъ очень дорого стоить, *mon cher*, отвѣчала жена на томъ же нарѣчій. Вотъ здѣсь можно бы было сдѣлать дѣтскую, прибавила она, переходе въ другую комнату, а тамъ спальню. Или можетъ быть, ты бы Мишель, взялъ себѣ эту комнату? спросила она у молодого человѣка.

— Мнѣ все равно, отвѣчалъ Мишель.

— Намъ надобно четыре кровати, замѣтила *м-ше фонъ-деръ-Штерне* Варѣ,

— Здѣсь есть три кровати, отвѣчала Варя, но вотъ еще въ той комнатѣ стоитъ большой диванъ на которомъ также можно спать.

— Ахъ нѣтъ, какъ можно спать на диванѣ, неловко. — Скажите, вы не можете достать четвертой кровати?

— Нѣтъ. У насъ нѣтъ больше.

*

Барыня пожала плечами.

— Я буду спать на диванѣ, сказалъ Мишель. *A la queerre, com-me à la queerre.*

— Какъ жаль, что у васъ не желѣзныя кровати, сказала м-ше фонъ-деръ-Штерне, осматривая матрасы. Вотъ на этотъ счетъ за границей прекрасно, такой порядокъ во всемъ, такая чистота. *Tu te rappelles Pierre, quel joli logement nous airons à Neustadt*

— Но можетъ быть эти кровати чисты, замѣтилъ мужъ.

— Я очень боюсь клоповъ. Въ вашихъ кроватяхъ нѣтъ ихъ? спросила она у Вари.

— Нѣтъ, отвѣчала Варя, покраснѣвъ съ досады.

— *J'en doute grandement*, продолжала барыня, обращаясь къ мужу и Мишелю. *Régardez comme c'est sale partout les planchers et fenêtres.* Отчего у васъ такъ грязно, прибавила она, обращаясь Варѣ, надо вымыть полъ, окошки?

— Но если вы наймете, то все это вымоютъ, отвѣчала Варя.

— Потолокъ также надо обмести *Et bien, que penses tu; Pierre?*

— *Mais comme tu veux.*

— *Et toi Michel?*

— *Je pense qu'il faut demander le prix d'abord.*

— А садъ есть? спросила м-ше фонъ-деръ-Штерне.

Варя повела ее въ садъ. Садъ не великъ, сказала она.

— Но все-таки лучше что есть, отвѣчалъ мужъ. Для дѣтей хорошо. *Et bien, demande donc le prix.*

— А что цѣна вашей квартиры? спросила М-ше фон-деръ-Штерне.

— Полтора ста рублей за лѣто.

— Ахъ, это очень дорого, вскричали и мужъ и жена.

— *C'est énormément cher.*

— *On peut donner cent roubles,* замѣтилъ Мишель.

— Вы уступите? спросилъ статскій совѣтникъ у Вари съ самой пріятной улыбкой.

— А сколько вы думаете дать? спросила Варя.

— Я думалъ рублей сто...

— Нѣтъ, сказала Варя, за эту цѣну, я знаю, мамелька не отдастъ.

— Но потрудитесь спросить у вашей мамельки, сказалъ Ми-

шель, крайнюю цѣну за что она можетъ отдать. Вѣдь полтора ста рублей, право, немножко дорого.

Варя ушла

— Ну что, спросили сестры и Елена Егоровна лишь только она показалась въ дверяхъ.

— Они кажется ни за что не дадутъ полтора-ста. Они просятъ уступить.

— Скажи имъ сто-сорокъ, а ужь если будутъ уходить, тогда можно сто тридцать.

Варя отправилась въ садъ.

— Маминька говоритъ, что меньше ста тридцати она не можетъ отдать, сказала она.

— Нѣтъ это дорого, отвѣчала т-те фонъ-деръ-Штерне.

— Я думаю Marie, сказалъ мужъ по-французски, можно дать сто двадцать.

— Конечно, подхватилъ Мишель. Дача не дешевле бы стала.

— Посмотришь еще другія квартиры, сказала т-те фонъ-деръ Штерне мужу.

— Пожалуй пойдемъ. Очень жаль, что вы не можете уступить, прибавилъ онъ, раскланиваясь съ Варей.

— А если мы не найдемъ другой квартиры, то придемъ опять къ вамъ, сказалъ Мишель.

Варя поклонилась и ушла. Федоровна повела петербургскихъ гостей по другимъ квартирамъ.

— Ну что, спросила Елена Егоровна, когда Варя вернулась.

— Говорятъ, что дорого, отвѣчала Варя.

— Ахъ они кофѣшники! вскричала Наташа, которая передъ зеркаломъ доканчивала свой туалетъ.

Все семейство собиралось въ гости на другой форштадтъ.

— Небось на наряды деньги есть. Одно пальто на ней, я думаю, дороже ста рублей стоитъ; а тутъ торгуется изъ за какихъ-нибудь двадцати рублей. — Что-жъ вы, маменька, скоро ли? мы ужь готовы.

— Подождешь, отвѣчала Елена Егоровна: я въ минуту соберусь

— А кто-жъ останется съ бабушкой, спросила Варя.

— Да ты, отвѣчала Вѣра. Вѣдь ты не пойдешь съ нами.

— Но я хотѣла сходить къ Нинѣ.

— Сходишь къ ней завтра, отвѣчала Вѣра.

— Юля остается дома, ей не въ чемъ идти, замѣтила танта Марта.

— Какъ же бы не такъ, отвѣчала Юлія. Вы всё будете по гостямъ ходить, а Юля сиди дома....

— Да куда-жь ты пойдешь такой слябидой? спросила Наташа, указывая Юлѣ на ея короткое платье.

— Да вездѣ, куда мнѣ вздумается, а ужь лѣто дома ондѣть не буду. Вы мнѣ все лѣто, пожалуй, новаго платья не сошьете, я такъ и сиди изъ-за него все лѣто дома.

— Вѣдь она въ самомъ дѣлѣ улетитъ, сказала Вѣра, и бабушка останется одна. Пожалуй, вздумаетъ варить да жарить на просторѣ, да еще домъ спалить.

— Варя должна остаться дома, замѣтила Наташа рѣзко. Она къ своей Нинѣ бѣгаетъ каждый день. Не бѣда, если сегодня посидать дома.

— Я удивляюсь, Варя, сказала Вѣра, какъ въ тебѣ нѣтъ никакой гордости. Нина къ тебѣ не ходитъ, а ты бѣгаешь къ ней безпрестанно.

— Гдѣ же Нинѣ съ нами знаться, подхватила Наташа, мы ей не компанія: черезъ чуръ образована. По-французски болтаетъ, романсы поетъ.

— Ну вотъ я и готова, сказала Елена Егоровна, войдя въ комнату. Пойдемте, дѣти.

— Съ бабушкой не кому остаться, замѣтила Наташа.

— А Варя-то?

— Варя уйдетъ къ Нинѣ.

— Да вѣдь и Юля дома будетъ, сказала Елена Егоровна.

— Я не останусь дома, я пойду на гласисъ гулять съ Машей Ивановой.

— Пустяки Юля, замѣтила танта Марта. Нечего тебѣ по гласису шляться эдакой шутихой. Лучше позови Машу къ себѣ, да и сидите тутъ, за бабушкой присмотрись.

— Да, вотъ вы какіе, запищала Юля жалобно, чѣмъ бы самимъ остаться дома, вы вѣлите молодымъ сидѣть. Сами, не бось, любите нарядиться да въ люди пойти. Гуляйте, гуляйте, продолжала она со слезами, а все-таки за-мужъ не выйдете...

Юля знала, что танта Марта были совсѣмъ не прочь отъ замужества. Ей хотѣлось задѣть ее за чувствительную струну. Но на этотъ разъ она ошиблась въ расчетѣ.

— А можетъ быть и выйду, отвѣтила танта Марта съ улыбкой.

— Какъ же не такъ! ошоздаж.

Семейство ушло, сопровождаемое въ садъ жалобами и слезами Юли. Она бы не скоро еще унялась, но калитка отворилась и появилась опять Федоровна съ петербургскими.

— Поди, сказала Юля отрывисто Варенькѣ. Опять притащилась квартиру нанимать.

Варенька вышла.

— Мы опять къ вамъ, сказала Мишель, весело улыбаясь.

— Пожалуйста, нельзя-ли, что-нибудь уступить, прибавила м-ше фонъ-деръ-Штерне.

— Меньше ста тридцати мамежка не можетъ отдать, отвѣчала Варя рѣшительнымъ тономъ.

— Но это дорого.

— Какъ вамъ угодно.

— Que penses-tu, Pière? спросила м-ше фонъ-деръ-Штерне мужа.

— Mais, comme tu veux, отвѣчалъ мужъ.

— Этакъ мы никогда не кончимъ, замѣтилъ Мишель по-французски. Рѣшися же на что-нибудь, Marie. Вѣдь дача обошлась бы не дешево.

— Нечего дѣлать, надо вамъ дать эту цѣну, сказала Marie, со вздохомъ, обращаясь къ Варенькѣ, только, пожалуйста, ведите все хорошенько вымыть къ завтраму.

— Въ которомъ часу вы приѣдете? спросила Варенька.

— Часовъ въ десять.

— Извините, прибавила, Варенька; но я должна попросить у васъ задатокъ.

Мишель проворно выхватилъ изъ кармана свой портмоне и раскрылъ его.

— Сколько прикажите? спросилъ онъ.

— Сколько вамъ угодно.

Мишель подаль ей депозитку въ десять рублей.

— Такъ до завтра, сказала М-ше фонъ-деръ-Штерне; пожалуйста, чтобъ было все чисто. Они ушли.

По ихъ уходѣ, Варенька пошла не въ комнаты, а въ маленькій садикъ, который примыкалъ къ большому и былъ отгороженъ отъ него досчатымъ заборомъ. Большой садъ такъ называли его въ сравненіи съ другимъ, хотя въ сущности онъ былъ такъ

же не великъ, — принадлежалъ къ флигелю; маленькій же составлялъ собственное владѣніе семейства Лебедевыхъ, хозяевъ углового домика. Садикъ этотъ былъ немножко побольше сигарочнаго ящика. Другой заборъ, изъ барочныхъ досокъ, отдѣлялъ его отъ улицы. Посреди росла старая, развѣсистая липа, а около забора, выходящаго на улицу, двѣ рябины. У другого забора красовалась сирень. Цвѣтовъ не было потому, что никому изъ семейства не было времени заниматься такими пустяками. Дорожекъ также не было. потому что негдѣ было ихъ проложить. Все это маленькое пространство поросло травой. Подъ липой стояла сѣрая скамья и такой же столъ. Это устроила танта Марта, которая любила, иногда послѣ обѣда, пить тутъ кофе, восхищаясь природой. Варенька сѣла на скамью, облокотилась на столъ и закрыла лицо руками. Пока она сидитъ такъ, въ тяжеломъ раздумьѣ, скажемъ нѣсколько словъ о ней самой и объ ея жизни. Елена Егоровна вышла за-мужъ, въ ранней молодости по любви и противъ желанія матери, за мелкаго чиновника. Чиновникъ этотъ любилъ выпить. Долго терпѣла она съ нимъ недостатки и горе, пока наконецъ онъ убрался съ Божьяго свѣта, оставивъ ей все описанное нами семейство и почти никакихъ средствъ къ существованію. Бабушка пріютила всю семью у себя, но такъ какъ изъ-за нихъ старушка должна была сама терпѣть недостатки, то часто попрекала дочь и внучатъ, и отравляла тѣмъ ихъ и безъ того уже нерадостную жизнь. Если-бы эти дѣвушки ни получали никакого воспитанія, кромѣ домашняго, то были бы лучше. Но на обѣду онѣ ходили въ городскую школу, гдѣ выучились болтать по-нѣмецки и получали понятіе о томъ, что существуютъ на свѣтѣ разныя науки. Потомъ мать отдавала двухъ старшихъ года на два въ Петербургъ въ ученье, одну къ знакомой ей чиновницѣ, которая дѣлала шляпы и чепчики, другую къ знакомой же швеѣ. Изъ Петербурга мои барышни вернулись съ большимъ запасомъ спѣся и презрѣнія ко всему не петербургскому. Онѣ считали себя очень умными и образованными, воображали, что видѣли свѣтъ и рѣзкій тонъ и несносное умничанье называли развязностію и свѣтскимъ обращеніемъ. Имъ мало отдавали работы, потому что съ ними никто не хотѣлъ имѣть дѣла. Оттого онѣ и терпѣли нужду. Участъ Варенька была не такова. Старшій братъ Лебедевой былъ, какъ говорится, человекъ съ головой. Онъ пріобрѣлъ себѣ въ Петербургѣ довольно хлѣбное мѣстеч-

ко и женился тамъ на небѣдной дѣвушкѣ. Онъ былъ крестнымъ отцемъ Вареньки. Когда ей минуло семь лѣтъ, онъ пріѣхалъ къ сестрѣ и такъ какъ у нихъ не было своихъ дѣтей, то они взяли Варю на воспитаніе. Степанъ Егоровичъ, такъ звали крестнаго отца Вари, былъ человекъ добрый и отчасти тщеславный. Взявъ Вареньку на свое попеченіе, онъ рѣшился образовать ее на славу. Для того, говорилъ онъ женѣ, что это ей всегда въ пользу пойдетъ. Она хорошенькая дѣвочка, прибавлялъ онъ, если выйдетъ за мужъ за богачаго, такъ ни въ какомъ обществѣ по крайней мѣрѣ лицомъ въ грязь не ударить, а если не выйдетъ, то все-таки всегда достанетъ собѣ честный кусокъ хлѣба.» Вслѣдствіе этого разсужденія, Вареньку отдали въ пансіонъ, который содержала одна французка и который считался однимъ изъ лучшихъ. Варенькѣ пансіонское воспитаніе, кромѣ познаній, принесло еще и другую пользу. Дома, въ обществѣ дяди и тетки, она не могла научиться условіямъ и требованьямъ хорошаго круга. Въ пансіонѣ у ней было много подругъ, которыя ее любили, потому что она была весела и услужлива. Онѣ часто приглашали ее къ себѣ и въ ихъ-то домахъ. Варенька познакомилась немного со свѣтомъ и приобрѣла тотъ взглядъ на вещи, котораго не могли и не хотѣли понять ея сестры. Когда Варенькѣ минуло четырнадцать лѣтъ, дядя умеръ и въ судьбѣ ея произошла маленькая перемѣна. Онъ не оставилъ состоянія, потому что проживалъ все, что получалъ, хотя и получалъ много. Тѣтка не могла платить за нее, но содержательница пансіона оставила ее до окончанія курса бесплатно. Съ этихъ поръ будущность Вареньки обрисовалась яснѣе для нея самой. Она была бѣдная дѣвушка, которой дѣлали милостыню, давая ей воспитаніе. По окончаніи его ей оставалась одна карьера: идти въ гувернантки. Природа щедро одарила Вареньку гордостью, прибавивъ къ ней также порядочный запасъ склонности къ удовольствіямъ, лѣни и роскоши. Мысль быть гувернанткой, вовсе не льстила самолюбію хорошенькой дѣвушки, и если она училась хорошо, то потому только, что ей не стоило это большаго труда. Какъ бы то ни было, она выдержала экзаменъ въ университетѣ, получила дипломъ и прежде чѣмъ на что-нибудь рѣшиться, разсудила съѣздить домой въ матери и сестрамъ, тѣмъ болѣе, что давно уже не видала ихъ. Она знала также, что ей неизбѣжно назначено трудиться; но она мечтала, что, можетъ быть, въ родномъ ея городѣ ей удаст-

са завести школу, что которая-нибудь из сестръ будетъ помогать ей и что онѣ будутъ жить вмѣстѣ. Такимъ образомъ трудъ будетъ для нея легче. Притомъ же у Вареньки, не смотря на ея недостатки, было доброе и мягкое сердце, даже черезъ чуръ мягкое сердце. Она любила мать и сестеръ, хотя и мало знала послѣднихъ. Такимъ образомъ, Варенька объ Рождествѣ прѣѣхала въ знакомый намъ городокъ. Она жестоко ошиблась въ своихъ ожиданіяхъ. Изъ всѣхъ родовъ зависти нѣтъ неумолимѣе той, которою преслѣдуютъ женщины за какое бы ни было превосходство. Наташа и Вѣра не поладили съ сестрой. Къ тому же самая жизнь семейства, горькая и тяжелая нужда, подъ часъ, пошлый кругъ знакомства, — все это болѣзненно подействовало на сердце Вареньки. Она написала въ Петербургъ къ знакомымъ, прося ей прѣискать мѣсто гувернантки, и жила покаместъ у родныхъ, стараясь сколько возможно жить, какъ говорится, особнякомъ.

Мы оставили ее въ садикѣ. Варенька начинала начинать жизнь.

Бѣдность, разсуждала она, самое страшное зло на землѣ. Еслибъ я была богата, мнѣ никогда не предстоила бы унижительная и скучная роль гувернантки. Мать моя не терпѣла бы такой нужды, сама бы я жила весело, и эта гордая дама, которая приходила нанимать квартиру, не смѣла бы говорить со мной тономъ превосходства, еслибъ я была также одѣта какъ она....

— Ужь не плачете-ли вы, Варвара Александровна, сказала подлѣ нея знакомый голосъ.

Варенька подняла голову. Передъ ней стоялъ Валерьянъ Петровичъ Лаковский, студентъ Г—го медицинскаго факультата. Она такъ озабочена и тревожно смотрѣла на Вареньку, что она засмѣялась.

— Только что собирались заплакать, отвѣчала она.

— А вы часто плачете? спросилъ онъ.

— Всегда, когда мнѣ досадно. Садитесь, прибавила она, отодвигаясь на край скамейки.

— А гдѣ ваши?

— Ушли на тотъ форштадтъ.

— Какъ вы хорошо сдѣлали, что не пошла съ ними.

— Вѣдь, вы знаете, что я не люблю бывать тамъ, гдѣ я лишняя. Я слишкомъ самолюбива.

— Это похвально. Самолюбіе добродѣтель. Однако, неужели въ такой прекрасный вечеръ вы намѣрены сидѣть дома?

— А вы дойдете гулять? спросила Варенька, взглянувъ немножко испуганнымъ взглядомъ прямо ему въ глаза. Ей очень не хотѣлось проскучать весь вечеръ одной съ больной бабушкой.

— Я пришолъ звать васъ въ садъ барона Н. Вѣдь вы тамъ еще не были нынѣшнее лѣто?

— Не была въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ дядя увезъ меня въ Петербургъ.

— Это все равно, что вы вовсе тамъ не бывали.

— Почти такъ. Я помню только, какъ свозъ сонъ, какую-то статуу старика на высокомъ пьедесталѣ.

— Пойдемте. Вѣдь это не простительно, до сихъ поръ не побывать въ этомъ чудномъ саду.

— Но съ кѣмъ бабушку оставить.

— Я видѣлъ подъ окномъ Юлію Александровну.

— Развѣ она не ушла? она хотѣла идти.

— Нѣтъ, нѣтъ, она дома, я видѣлъ ее.

Варенька и Валеріанъ Петровичъ вышли изъ сада.

— Юля, сказала Варенька подходя къ развороченному окну, ты останешься дома?

Юля нахмурила брови.

— А что дашь, если останусь? спросила она, несколько не стѣняясь присутствіемъ Валеріана Петровича.

— А Боже мой, да что тебѣ дать, сказала Варя. Ну, скажи, что хочешь.

— Голубой бантъ, отвѣчала Юля, все еще съ нахмуренными бровями.

— Поди, возьми сама, сказала Варенька, вынувъ изъ кармана ключъ и подавая его Юлѣ. Да кстати принеси мнѣ зонтикъ, пальто и голубую косынку. Юля просіяла. Черезъ минуту она вернулась со всѣми означенными вещами.

— А ключъ? спросила Варенька.

— Я еще не успѣла достать бантъ. Душечка, Варя, прибавила она ласково, оставь мнѣ ключъ. Мнѣ такъ скучно, я буду у тебя убирать въ комодѣ.

— Это значитъ, что ты все тамъ перероешь. Если тебѣ скучно, зачѣмъ ты не читаешь?

— Что прикажете читать? спросила Юля. Ужъ не Звѣздочку-ли, которую вы мнѣ вчера дали?

— Отчего же не Звѣздочку?

— Благодарствуйте, отвѣчала Юля, я ужъ выросла изъ ребятъ.

— Прощай, сказала Варенька, дѣлай, что хочешь.

— Ваши сестры всегда такъ безкорыстно оказываютъ вамъ услуги? спросилъ Валерьянъ Петровичъ, когда они вышли за калитку.

— Юля сегодня не въ духѣ оттого, что ей не шьютъ новаго платья. Гдѣ вы были сегодня? прибавила она.

— Утромъ я ѣздилъ съ товарищами на островъ; послѣ обѣда читалъ въ лѣсу...

— Что вы читали?

— Право, я хорошенько и самъ не понялъ.

Варенька засмѣялась.

— Вотъ мило, сказала она, надо имѣть особенный талантъ для такого чтенія.

— Развѣ вамъ никогда не случалось держать книгу и думать о другомъ?

— Нѣтъ...

— А со мной это бываетъ очень часто.

Они прошли форштадтъ, спустились съ горы и вышли въ широкую аллею, которая ведетъ въ садъ барона Н. По обѣимъ сторонамъ ея растутъ высокія вѣковыя сосны, изъ-за нихъ мѣстами выглядываютъ скалы, покрытыя мохомъ. Эта аллея или, лучше сказать, дорога всегда очень уединенна и пустынна.

— Теперь, сказалъ Валерьянъ Петровичъ, поговоримте откровенно, какъ добрые друзья. Здѣсь, кажется, никто насъ не подслушаетъ, прибавилъ онъ, осматриваясь.

— Къ чему это предисловіе, сказала Варенька, когда-жь мы съ вами говоримъ не откровенно.

— Мы съ вами бываемъ откровенны шутя, прибавилъ Валерьянъ Петровичъ, а теперь будемъ откровенны серьезно.

— Говорите. Я слушаю.

— Скажите, о чемъ вы давеча собирались плакать?

— Мнѣ надоѣла эта жизнь. Мнѣ хочется поскорѣй достать какое-нибудь мѣсто. Я недавно еще опять писала въ Петербургъ,

— Въ Петербургъ! повторилъ протяжно Валерьянъ Петровичъ. Но вѣдъ мы говорили уже объ этомъ. Вы рѣшились терпѣливо дожидаться мѣста здѣсь, позволили мнѣ даже хлопотать объ этомъ... Послѣ канкулъ будетъ вакансія въ пансіонѣ г-жи

Бланке. Она васъ съ радостью возьметъ, я знаю это навѣрное, потому что часто слыхалъ отъ нея, какъ трудно здѣсь достать хорошую гувернантку изъ русскихъ. Всѣ охотѣе идутъ въ Россію.

— И я также, отвѣчала Варенька съ живостью, ни за что не останусь здѣсь.

— У васъ нѣтъ характера, сказалъ отрывисто Валерьянъ Петровичъ.

Оба замолчали.

— Скажите, заговорилъ онъ снова, когда они прошли молча съ четверть версты, отчего вы вдругъ перемѣнили ваше намѣреніе?

Въ голосъ его слышалась досада, которую онъ не старался скрывать.

— Оттого, отвѣчала Варенька, что моя жизнь съ каждымъ днемъ дѣлается невыносимѣе.

— Согласенъ, что между вами и вашими сестрами не можетъ быть гармонія и что домашняя жизнь тяжела для васъ. Но я прошу васъ, потерпите еще до сентября. Развѣ вамъ такъ трудно принести жертву для человѣка, который васъ любитъ?

Онъ заглянулъ ей въ глаза и слегка пожалъ руку.

— Люди, которые насъ любятъ, отвѣчала Варенька, не должны требовать жертвъ. Это эгоизмъ.

— Отчего вы непременно хотите ѣхать въ Петербургъ? спросилъ Валерьянъ Петровичъ опять съ досадой.

— Ахъ, Боже мой! да вы войдите въ мое положеніе, будьте справедливы. Если я останусь здѣсь, положимъ даже, если и пойду на мѣсто, все-таки по праздникамъ, въ каникулы, я должна буду жить дома; а я вамъ уже сказала, что не могу выносить этой жизни. Эти безпрестанные недостатки, вѣчные споры и ссоры сестеръ, тѣтушка со своей гитарой, наконецъ это общество, эти знакомые, эти глупыя ежеминутныя слятни... Да отъ одного Евграфа Тимофѣича я готова убѣжать на край свѣта, не то что въ Петербургъ.

Валерьянъ Петровичъ слегка улыбнулся.

— Согласенъ, отвѣчалъ онъ, что это невесело, и опять повторяю. Вѣдь вы очень хорошо знаете, прибавилъ онъ, какъ я люблю васъ... А вамъ непременно надо мучить меня, потому что вы женщина. По-неволѣ вспомнишь:

Souvent femme varie
 Bien fou qui s'y fie.

Онъ такъ грустно проговорилъ послѣднія слова, что Варенькѣ стало жаль его.

— Нѣтъ, сказала она тихо, покачавъ головой, я не перемѣнилась и не думаю мѣняться. Но, прибавила она уныло, мнѣ какъ-то не вѣрится ни во что хорошее. Если я такъ тяжело ошиблась въ моихъ родныхъ, то мнѣ кажется, что мнѣ суждено еще во многомъ ошибаться.

— Только не во мнѣ, вскричалъ Валерьянъ Петровичъ, съ живостью, схвативъ ея руку, спросите всѣхъ, кто меня знаетъ, спросите моихъ товарищей, мою мать, которая меня знаетъ лучше, нежели я самъ себя, всѣ вамъ скажутъ, что я честный человѣкъ. Вы думаете, что я молодъ, прибавилъ онъ съ горькой улыбкой, я такъ много видѣлъ горя въ жизни, такъ тяжело и упорно боролся съ нею, почти съ самаго дѣтства, что я давно смотрю на нее уже не такъ, какъ школьникъ. Я долго обдумываю прежде, нежели рѣшусь на что нибудь, и потому не считайте моей искренней, глубокой привязанности къ вамъ минутной вспышкой. Право, я не таковъ. Оставайтесь здѣсь, потерпите только годъ, прибавилъ онъ умоляющимъ голосомъ. Право, годъ не долго, время идетъ такъ скоро. Черезъ годъ я кончу курсъ, сдѣлаюсь докторомъ, и мы обвѣнчаемся. Я занимаюсь такъ прилежно и усердно, такъ люблю мою науку, что она всегда дастъ мнѣ средство прокормить семейство.

Есть такія счастливыя фізіономіи, которыя съ перваго взгляда внушаютъ довѣріе. Валерьянъ Петровичъ принадлежалъ къ числу этихъ счастливыхъ фізіономій. Его красивые, черные глаза смотрѣли всегда открыто и весело, но въ остальныхъ чертахъ лица, особенно въ очертаніяхъ рта и даже въ самой улыбкѣ, было что-то серьезное, почти строгое. Это выраженіе давало значеніе и вѣсъ его словамъ. Вообще онъ былъ недуренъ собой. Онъ былъ, можетъ быть, на одну лѣнію ниже обыкновеннаго средняго роста, худъ, но широкоплечъ. Приемы его были немного порывисты, движенія быстры. Во всей его наружности было что-то такое, что заставляло предполагать рѣшимость и твердость характера. Когда онъ говорилъ съ увлеченіемъ, какъ теперь, щеки его разгорались, глаза блестя, и, кромѣ довѣрія, онъ очень могъ внушить и другое чувство молоденькой дѣвушкѣ. Варенька вѣрила Валерьяну Петровичу.

Все, что онъ говорилъ, льстило ея самолюбію. Только одно слово не поправилось ей. Это слово было: прокормить.

— Прокормить! но развѣ, думала Варенька, можно упоминать это слово, когда дѣло идетъ о будущей женѣ. Жена и кусокъ насущнаго хлѣба! Какъ это грубо.

Да и очень нуженъ хлѣбъ женѣ! Ей надо наряды, хорошенькія шляпки, дорогія пальто, зонтики въ родѣ игрушекъ. Ей надо балы, спектакли, концерты, гдѣ можно производить эффектъ своей красотой, — ей надо блескъ, шумъ и упоенье, которые сопровождаютъ молодую жизнь, — а о хлѣбѣ стоитъ ли думать, еще менѣе говорить о немъ! У всякаго порядочнаго мужа долженъ быть неистощимый запасъ его.

Между тѣмъ они подошли къ большимъ стариннымъ воротамъ, при постройкѣ которыхъ архитекторъ хотѣлъ намекнуть, но не совѣмъ удачно, на существованіе готической архитектуры. Они были украшены простымъ, но прекраснымъ гербомъ бароновъ И., четырехугольнымъ крестомъ, окруженнымъ звѣздами. — Наши молодые люди прошли, черезъ эти ворота, въ длинную, прямую аллею, потомъ повернули направо и очутились посреди чуднаго и въ высшей степени романческаго мѣстоположенія. Съ одной стороны высокою и длинною сплошною стѣною стояли скалы, поросшія разноцвѣтнымъ мохомъ. Отъ подошвы ихъ на самую вершину извивались тропинки, пробитыя въ камнѣ. На самомъ верху павильонъ, какъ-будто брошенный на эту гранитную террасу. У подножія ихъ на большомъ протяженіи широкій лугъ, поросшій клеверомъ, и посреди его высокая, стройная ель. Темная зелень ея очень эффектно отдѣляется отъ свѣтлозеленой травы.

Валерьянъ Петровичъ и Варенька пошли по насыпной дорожкѣ, вдоль берега залива, который извивается тутъ причудливыми линіями.

— Сядемте здѣсь, сказалъ Валерьянъ Петровичъ, когда они дошли до скамейки у пловучаго мостика, — не правда-ли, какъ здѣсь хорошо, прибавилъ онъ, сядясь и съ наслажденіемъ осматриваясь вокругъ.

И въ самомъ дѣлѣ тутъ было хорошо. Заливъ, подернутый отблескомъ вечерняго солнца, какъ-будто засыпалъ, чуть слышно плескаясь о берега. На противоположномъ берегу глазъ встрѣчалъ очаровательную попараму. Густой и темный сосновый лѣсъ, по которому скользили солнечныя лучи, обливая его золотомъ. На

этомъ фонѣ рѣзко отдѣлялось бѣлое строеніе—помѣщичья миза. Въ одну сторону деревья, все понижаясь, какъ-будто убѣгали и скрывались на горизонтѣ. Въ другую заливъ, довольно узкій въ этомъ мѣстѣ, вдругъ раскидывался широко. Мысль невольно стремилась въ эту синюю даль... Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ плывучаго мостика изъ глубины водъ подымалась высокая конической формы скала. По бокамъ ея росли рѣдкія сосны и ели и ихъ граціозныя очертанія какъ-будто сквозили лазури воды и неба. Солнечные лучи весело проглядывали сквозь ихъ прозрачныя вѣтви. На самой вершинѣ картинно и воздушно рисуется готическая башенка съ цвѣтными стеклами въ узкихъ стрѣльчатыхъ окнахъ. Ея подножіе усыяно благоухающими цвѣтами. Эта скала—последній пріютъ бароновъ Н. — Красивая башенка ихъ могильный склепъ. Все здѣсь тихо, начиная отъ водъ, почти всегда дремлющихъ, въ узкихъ берегахъ до вѣковыхъ сосенъ, которыя не гнутся отъ порывовъ вѣтра, до самой мысли, которая предъ этой граціозной сценой не съ отчаяньемъ, а съ какимъ-то спокойнымъ умилениемъ стремится къ безконечности. Изъ всѣхъ страстей любовь къ природѣ одна никогда не измѣняется и всегда можетъ утѣшить. Если смерть возьметъ отъ насъ существо, которое мы любили, то цвѣты, вырастающіе на его могилѣ, все еще благоухаютъ для насъ и радуютъ нашъ взглядъ.

Валерьянъ Петровичъ любилъ природу, какъ любятъ ее почти всѣ люди, выросшіе тамъ, гдѣ она прекрасна. А угрюмая природа сѣвера говоритъ подъ-часъ душѣ едва-ли не краснорѣчивѣе роскошныхъ и кокетливыхъ красотъ юга. Къ тому же присутствіе дѣвушки, которую онъ страстно любилъ, уединеніе и тишина вокругъ нихъ обоихъ и его мечты о будущности навѣвали на него какой-то лиризмъ въ этотъ вечеръ.

— Варенька, сказалъ Валерьянъ Петровичъ, взявъ ее за руку, — онъ не въ первый разъ называлъ ее этимъ именемъ, и она не сердилась,—дайте мнѣ слово, что вы не уѣдете въ Петербургъ, что вы останетесь здѣсь, пока я не кончу курса.

— Не все-ли вамъ равно, отвѣчала Варенька, каникулы кончатся, вы уѣдете въ Г. до будущей весны.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ не все равно, проговорилъ Валерьянъ Петровичъ и крѣпко провелъ рукою по лбу.

— Отчего? спросила Варенька.

— Отъ того, отвѣчалъ онъ отрывисто, что Петербургъ такой

городъ, въ которомъ гибнетъ много прекраснаго... Это болото, въ которомъ можно увязнуть.

— Увязнуть можно вездѣ, отвѣчала Варенька, стоитъ только захотѣть.

— Да, а въ Петербургѣ не надо даже и хотѣть. Вообще молодой дѣвушкѣ безъ близкитъ родныхъ и особенно такой хорошенькой, какъ вы, не слѣдуетъ жить одной въ Петербургѣ.

— Вы ревнивы?

— Ревнивъ, отвѣчалъ онъ съ улыбкой, заглянувъ прямо ей въ глаза, а вамъ это не нравится?

Варенька не отвѣчала.

— Что это за башня? спросила она, указавъ на нее движеніемъ головы?

— Это могильный склепъ бароновъ Н.

Варенька слегка вздрогнула и отвернулась съ неудовольствіемъ.

— Какъ жаль, сказала она, что въ этомъ саду никогда не бываетъ музыки. Здѣсь такъ пустынно.

— Музыки! повторилъ Валерьянъ Петровичъ почти съ удивленіемъ, но музыка и толпа испортили бы этотъ садъ. Онъ такъ хорошъ своею дикою красотой и удивленіемъ... Музыка бываетъ въ городскомъ саду, тамъ для нея мѣсто.

— Пойдемте дальше, сказала Варенька.

Они встали. Пройдя нѣсколько аллей, они пришли къ скаламъ. Въ одномъ мѣстѣ гранитныя массы совершенно загородили дорогу.

Варенька остановилась.

— Что-жъ вы неидете? спросилъ Валерьянъ Петровичъ.

— Да тутъ некуда идти, пойдемте назадъ.

Валерьянъ Петровичъ взявъ ее за руку и сквозь узкое ущелье вывелъ на круглую площадку, посреди которой стоитъ статуя, изображающая вдохновеннаго старца съ кантелой въ рукѣ и глазами, устремленными къ небу.

— Вотъ, вскричала Варенька, это мѣсто я помню. Не знаю почему, но эта статуя съ дѣтства осталась у меня въ памяти.

— Это Вейнемейнъ, богъ финляндской поэзіи, проговорилъ Валерьянъ Петровичъ. Однако мы не кончили нашего разговора, и я все-таки не добился отвѣта. Останетесь вы здѣсь, или нѣтъ?

— А вамъ очень хочется, чтобы я осталась? спросила Ва-

ренька, кокетливо взглянувъ на него изъ-подъ длинныхъ, загнутыхъ къверху рѣсницъ.

— Очень, отвѣчала Валерьянъ Петровичъ. Я буду, по крайней мѣрѣ, спокоенъ.

— Неужели вы всегда будете такъ ревнивы? спросила она, улыбаясь.

— Всегда, всегда, потому что я люблю васъ больше всего въ мѣрѣ.

И Валерьянъ Петровичъ съ жаромъ цѣловалъ ея руки.

— Скажите, останетесь? да? повторялъ онъ, смотря ей въ глаза.

— Останусь, ревнивецъ, проговорила Варенька.

Валерьянъ Петровичъ обхватилъ Вареньку за талю, и поцѣловалъ. И это было не въ первый разъ, хотя Варенька всякій разъ сердилась за это.

Она слегка оттолкнула Валерьяна Петровича, посмотрѣла на него очень гнѣвно и пошла впередъ по тропинкѣ къ воротамъ сада, не оглядываясь. Валерьянъ Петровичъ слѣдовалъ за нею въ двухъ шагахъ.

— Варенька, сказалъ онъ наконецъ, вы очень сердитесь?

— Еще бы не сердиться! отвѣчала она.

— Простите, сказалъ онъ, я такъ обрадовался, что вы остаетесь здѣсь!

— Если вы еще разъ осмѣлитесь поцѣловать меня, даю вамъ слово, что непременно уѣду.

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога. Помиримтесь, прибавилъ онъ, протягивая ей руку, поговоримте лучше о нашемъ будущемъ.

Варенька подала ему руку, и они опять стали добрыми друзьями. Валерьянъ Петровичъ заговорилъ объ университетѣ, о томъ, какъ скоро, скоро пролетитъ какой-нибудь годъ, какъ онъ кончитъ курсъ, выдержитъ экзаменъ, женится на Варенькѣ и какъ они будутъ блаженствовать. Онъ краснорѣчиво описывалъ ей мирное счастье семейной жизни и, увлекаясь, толковалъ объ обязанностяхъ женщины, объ ея призваніи, о томъ, что она, Варенька, идеалъ изъ всѣхъ женщинъ и навѣрно осуществитъ всѣ его мечты.

Варенька слушала молча. Она любила, когда онъ говорилъ съ увлеченіемъ, потому что онъ говорилъ хорошо, но смыслъ его словъ почти ускользалъ отъ нея: она думала о томъ, что когда выйдеть за него, то непременно уговорить его ѣхать въ

Петербургъ. Она не считала нужнымъ высказывать ему эту мысль, но уже изобрѣтала разные предлоги, по поводу которыхъ имъ непременно слѣдуетъ жить въ столицѣ.

— Онъ самолюбивъ, думала Варенька, въ Петербургѣ ему польститъ известность, и притомъ же онъ такъ любитъ меня.

Когда они подошли къ дому, Валерьянъ Петровичъ сказалъ:

— Помните, что вы мнѣ дали слово остаться здѣсь.

— Останусь, останусь, отвѣчала Варенька, и исчезла зл. калиткой.

III.

На другой день, въ десять часовъ утра, Юля, которая имѣла привычку фланировать въ продолженіе почти цѣлаго дня по всему дому и его окрестностямъ, прибѣжала въ сильныхъ попыхахъ въ комнату къ сестрамъ съ вѣстью, что пріѣхали петербургскіе, на трехъ извозчикахъ.

— Сколько у нихъ чемодановъ, шкатулокъ, сакъ-воляжей, говорила она, цѣлый возъ всего, точно у жидовъ на ярмаркѣ. Ужь еслибъ я была богатой дамой, такъ не ѣздила бы иначе, какъ въ коляскѣ и шляпѣ съ перомъ.

— А чулки-то рваные бы носила? прибавилъ Гриша, указывая на разорванную пятку, которая видѣлась изъ-подъ стоптаннаго башмака.

— Не твое дѣло, отвѣчала Юля, гордо взглянувъ на брата. Поди же, Варя, прибавила она, встрѣчай твоихъ петербургскихъ. Вонъ ужъ они на дворѣ.

— Да зачѣмъ же я пойду теперь? спросила Варя. Вѣдь они ужъ наняли квартиру и комнаты видѣли.

— Отнеси имъ ключи отъ комодовъ и шкафовъ, продолжала Юля. Это всегда такъ водится. Можешь отрекомендоваться имъ, если пожелаешь. Танта Марта, въ прошедшемъ году, какъ отдавала квартиру, изволила себя отрекомендовать, и такіе князьки петербургскимъ строила, вотъ какъ.

И Юля передразнила танту Марту такъ смѣшно, что всѣ разсмѣялись. Между тѣмъ Варя пошла встрѣчать пріѣзжихъ. Все крыльцо было загромождено ихъ пожитками. Статскій совѣтникъ, Мишель и Марианна таскали въ комнату чемоданы и мѣшки. Дѣти, подпрыгивая и припѣвая, бѣгали по комнатамъ. Но больше всѣхъ хлопотала сама т-ше фонъ-дербъ-Штерне, хотя дѣ-

дала меньше всѣхъ. Она была, какъ видно, очень живаго характера, и ей хотѣлось, чтобъ все въ одну минуту пришло въ порядокъ.

— *Riège*, говорила она, вотъ здѣсь я сдѣлаю дѣтскую. Не правда-ли, вѣдь я хорошо придумала. Марианна, брось чемоданъ, надо переставить этотъ комодъ. Мишель, помоги намъ, пожалуйста, или нѣтъ, нѣтъ... погодите, не троньте... Прежде вотъ этотъ шкафъ надо перенести въ другую комнату, а комодъ мы поставимъ на его мѣсто... *Riège*, поди сюда, посмотри, хорошо-ли будетъ, если вотъ здѣсь я поставлю шкафъ, а вонъ тамъ фортепіано... Я надѣюсь, что мы здѣсь достанемъ фортепіано... Марианна, ты спрашивала у хозяевъ, гдѣ достать сѣна?

— Нѣтъ еще, барыня, когда-жъ было?

— Ахъ, Боже мой, какая ты, вѣдь я тебѣ говорила, поди, спроси сѣна. Я хочу спать на сѣнѣ... Мы сошьемъ мѣшокъ изъ простыни и набьемъ его.

— *Mais pourquoi cette fantaisie, Marie?* Ты не будешь спать на сѣнѣ, проговорилъ мужъ.

— Буду, буду, ты увидишь, я хочу здѣсь жить совсѣмъ по-деревенски. Притомъ же, говорятъ, что на сѣнѣ очень здорово спать, я хочу испытать, правда-ли это? Марианна, да кстати спроси у нихъ про кухарку, не знаютъ-ли кухарки.

— Да погоди же, *Marie*, сказалъ Мишель, дай сперва хоть вещи переносить въ комнаты.

— Ну хорошо, хорошо, носите. Марианна, вернись, послѣ спросишь. *Mais c'est que vous faites tout cela si lentement et je deteste le desordre.* Ахъ, это вы, вскричала она, увидѣвъ входящую Вареньку, здравствуйте.

— Я принесла вамъ ключи, сказала Варенька, подойдя къ ней. Вотъ этотъ ключъ отъ платянаго шкафа, вотъ этотъ отъ комода; этотъ отъ маленькаго шкафика въ той комнатѣ...

— Хорошо, хорошо, я ужъ сама все это разберу... Скажите, можно здѣсь достать фортепіано на прокатъ? Я очень люблю музыку и мой мужъ также.

— Здѣсь есть два настройщика, у которыхъ можно достать фортепіано, отвѣчала Варенька.

— Но намъ надо хорошее фортепіано, замѣтилъ статскій совѣтникъ, дѣлая особое удареніе на словѣ хорошее.

— Одинъ настройщикъ живетъ здѣсь не далеко. Сходите, посмотрите у него, отвѣчала Варенька.

— Нѣтъ, нѣтъ, я сама пойду. Мой мужъ не любитъ хлопотать, перебила м-те фонъ-дерь Штерне. Вотъ мы только устроимся. Такъ хочется поскорѣе поставить все это на мѣсто. Я терпѣть не могу безпорядка.

Варенька хотѣла было уйти.

— Ахъ, вотъ еще что, не знаете-ли вы кухарки? Намъ непременно надо кухарку: моей дѣвущкѣ некогда стряпать.

— Я скажу нашей работницѣ, чтобы она нашла вамъ кухарку.

— И прачку также надо.

Статская совѣтница говорила съ Варенькой небрежно, какъ обыкновенно говорятъ съ подчиненными. Во все время разгора она суетливо вынимала изъ сакъ-воежа разныя вещи и раскладывала ихъ на столѣ.

— Я похлопочу о прачкѣ, отвѣчала Варенька, собираясь уйти.

— Да, да, похлопочите. Marie, перестань скакать, прибавила м-те фонъ-дерь-Штерне, обращаясь къ одной изъ дѣвочекъ, посмотри, какъ ты разгорѣлась.

— Мамаша, можно идти въ садъ? спросила дѣвочка.

— Нѣтъ, нѣтъ, не ходи. Ты разгорячилась теперь; а тамъ еще больше будешь бѣгать.

— Да, маман, позволь, проѣла дѣвочка плаксивымъ голосомъ.

— Перестань, Marie, надоѣла, тебѣ говорить, нельзя.

Дѣвочка захныкала.

— Ah, tu fais de nouveau la capricieuse, вскричала мать съ досадой.

Меньшая сестра, маленькая дѣвочка, съ добродушнымъ румянымъ личикомъ, подбѣжала къ сестрѣ и качая головкою, укоризненно проговорила:

— Fi Marie, tu fais la capricieuse!

Маленькая Marie, не долго разсуждая, ударила сестру по рукѣ. Та громко заплакала. М-те фонъ-дерь-Штерне принялась разбирать и судить дочекъ.

Варенька ушла. Она была очень не въ духѣ. Гордую дѣвущку сильно обижалъ повелительный тонъ петербургской дамы. У Вареньки была подруга, съ которой она всегда ходила дѣлиться горестями. Она собралась къ ней. Только что она успѣла надѣть хорошенькую круглую шляпу, которая шла къ ней какъ

нельзя лучше, и взялась за перчатки, какъ вбѣжали въ комнату Палаша и Юля.

— Барышня, петербургскіе васъ зовутъ, проговорила Палаша, сердятся за что-то.

— Варя, Варя, кричала Юля, пооди-ка къ петербургскимъ, уйми ихъ. Они тамъ съ-ума сходятъ. Я въ окно видѣла, какъ она бѣгаетъ, вся красная, такъ и пѣтушится, а руками, точно веслами размахиваетъ. Руки-то у ней такія длинныя. Ты пооди, они тебя зовутъ, а я со двора послушаю эту комедію. Вѣдь это превесело.

— Да правда-ли, что они меня зовутъ? спросила Варенька, которой очень не хотѣлось туда идти. Ты пооди спроси, Палаша, что имъ надо.

— Я ужь спрашивала, барышня, такъ они не говорятъ, а только велѣли сказать, чтобъ вы сей-часъ пришли.

Варенька вспыхнула.

— Наташа, пооди ты, сказала она сестрѣ, ты бойче меня, ты съумѣешь имъ отвѣтить.

— Очень благодарна, отвѣчала хладнокровно Наташа, ты видишь, я тороплюсь мое платье шить, да притомъ же вѣдь мы не образованы. Мы не умѣемъ съ петербургскими дамами объясняться. И Наташа захохотала.

На порогѣ показалась Маріанна, стройная и красивая горничная петербургскихъ пріѣзжихъ.

— Барышня, проговорила она, обращаюсь къ Варенькѣ, сдѣлайте милость, придите къ намъ, барыня васъ приказали просить.

— Да что имъ надо? повторила Варенька съ нетерпѣніемъ.

— Что это, ваши господа не успѣли переѣхать, да ужь браниться начали, сказала Наташа.

— Охъ ужь у насъ, отвѣчала Маріанна, махнувъ рукой, баринъ-то еще ничего, а сама ужь куда, нетерпѣлива... чуть что не по ней, сей-часъ вспыхнетъ.

— Да за что тамъ она бѣсится? спросила Наташа.

— Да зачѣмъ диваны взорваны.

— Ужь не новымъ-ли обить для нея, продолжала Наташа. Какъ занимала, такъ чего смотрѣла?

Варенька, испугавшись краснорѣчія сестры, поспѣшила уйти. Когда она вошла къ пріѣзжимъ, то увидала слѣдующую картину: вся мебель въ беспорядкѣ стояла по разнымъ мѣстамъ;

на средину комнаты былъ вытасченъ большой диванъ, обитый шерстяною матеріею, которая была прорвана во многихъ мѣстахъ, откуда безъ церемоніи торчали мочалы. Розовый волосатенькій чехоль, который такъ тщательно въ это утро выгладила работница, былъ скомканъ и брошенъ на полъ. Статскій совѣтникъ стоялъ, облокотясь объ этотъ несчастный диванъ. Поза его была такъ грандіозна и на лицѣ выражалась тонкая сдержанная досада, какъ будто онъ ожидалъ подчиненнаго, котораго слѣдовало порядкомъ распечь. Жена его вертѣлась со всѣхъ сторонъ около дивана, безпрестанно восклицая:

— Mais c'est une horreur! cela n'a pas de nom!

Только Мишель преспокойно сидѣлъ на стулѣ въ углу комнаты и курилъ сигару. На его беззаботномъ лицѣ блуждала чуть замѣтная усмѣшка, какъ будто эта сцена составляла для него маленькій дивертиссементъ.

— Помилуйте, на что это похоже! заговорилъ статскій совѣтникъ, лишь только показала Варенька, это изъ рукъ вонъ!

— Это гадость! Это неслыханно! Развѣ можно порядочнымъ людямъ отдавать квартиру съ такой мебелью, прибавила разсерженная барыня.

— Но, вѣдь, вы видѣли мебель, когда нанимали, отвѣчала Варенька голосомъ, которому напрасно старалась придать твердость.

— Dites moi un peu qu'ils sont insolents ces gens là, вскричала m-me фонъ-деръ-Шерне, обращаясь къ мужу и Мишелю. Да, вѣдь, ваша мебель покрыта чехлами, прибавила она сильно разгнѣваннымъ голосомъ. Кто-жь могъ думать, что у васъ вездѣ чехлами торчатъ мочалы. Вѣдь это все равно что обманъ. Вотъ вы такъ-то обманываете петербургскихъ и берете съ нихъ дорогую цѣну.

— Marie, проговорилъ Мишель укоризненнымъ голосомъ, пытаясь напомнить сестрѣ, что она заходитъ далеко.

— Et bien penses—tu qu'il faut les menager? Ils savent seulement prendre notre argent...

Варенька не могла больше выдержать. Крупныя слезы, долго сдерживаемыя, закапали наконецъ на ея горѣвшія щеки. Она вынула изъ кармана порт-монне, достала изъ него десятирублевую ассигнацію, данную наканунѣ ей Мишелемъ и жестомъ, исполненнымъ благородства, положила ее на столъ. Лице ея,

выражающее чувство глубоко-оскорбленнаго достоинства , было прекрасно.

— Madame, проговорила она чистымъ французскимъ выговоромъ, *regardez, je vous prie, votre argent. Nous n'avons nullement l'intention de vous tromper. Vous pouvez trouver un autre logement, qui vous conviendra mieux que celui-ci.*

Французская фраза Вареньки произвела странное дѣйствіе. Она какъ будто всѣхъ ошеломила. Статскій совѣтникъ мгновенно измѣнился. Онъ покраснѣлъ и забормоталъ какія-то извиненія. М-ше фонъ-деръ-Штерне опустила глаза, отошла отъ дивана и принялась выдвигать ящикъ изъ комода, чтобъ скрыть свое смущеніе. На лицѣ Мишеля выразилось восхищеніе. Онъ вскочилъ и подбѣжалъ къ Варенькѣ, какъ будто собираясь наговорить извиненій, а между тѣмъ желая полюбоваться ею. Но онъ не успѣлъ еще разинуть рта, какъ Варенька поклонилась и ушла.

— Ахъ Marie, вскричалъ онъ, обращаясь къ сестрѣ, можно ли такъ поступать, какъ ты!

— Да, вѣдь, я же не могла думать, что она понимаетъ по-французски.

— Что-жъ теперъ дѣлать? сказалъ вопросительно статскій совѣтникъ.

— Пойдемъ другой квартиры, отвѣчала Marie.

— Охъ ужъ мнѣ эта возня. Ты всегда, Marie, слишкомъ тороплива, проговорилъ мужъ, шагая по комнатѣ.

— Да ты не ходи, я пойду съ Марианной.

— Вздоръ , проговорилъ Мишель рѣшительно. Останемся здѣсь, я, пожалуй, обобью этотъ диванъ на свой счетъ.

Статскій совѣтникъ смотрѣлъ на своего зятя изъ-подлобы.

— Но вѣдь она намъ отказала, замѣтила присмирѣвшая Marie. Не смотря на вспыльчивость, у ней было доброе сердце, и ей стало жаль, что она довела Вареньку до слезъ.

— Это не бѣда, отвѣчалъ Мишель. Я улажу все дѣло. Пойду къ ней и скажу, что мы останемся и обобьемъ диванъ на нашъ счетъ.

Юля , наблюдавшая со двора за всѣмъ происходившимъ у жильцевъ, сбѣгала къ сосѣдкамъ и рассказала , что петербургскіе, которые наняли у нихъ квартиру, такіе капризные и сердитые , что Боже упаси. Пока она рассказывала , мимо окна проходила одна знакомая барыня, которая остановилась и узнала обстоятельно , о чемъ идетъ рѣчь. Затѣмъ эта барыня

отправилась въ лавку , гдѣ встрѣтила другую знакомую ей барыню, у которой также отдавались квартиры, и сочла долгомъ передать ей все въ точности, чтобы предостеречь ее.

— Ахъ! Боже мой, сказала слушательница, благодарствуйте, Агнія Дмитриевна, что сказали, пожалуй придутъ еще ко мнѣ квартиру нанимать: нѣ отдамъ, ни за что не отдамъ.

— Да ужь, конечно, коли повздорили , такъ пойдутъ искать другую квартиру.

— Ахъ, пойти сказать Захаровой, чтобъ не пускали ихъ.

И барыни разстались.

Такимъ образомъ, не болѣе какъ четверть часа, почти весь форштадтъ звалъ уже о происшедшемъ въ угловомъ домикѣ. Маленькая эта исторія повторялась съ большими прикрасками, такъ что въ дальнихъ улицахъ изъ m-ше фонъ-дерь-Штерне, въ сущности доброй, но немножко вспыльчивой, а главное, избалованной жизнью жепщины, сдѣлали нѣчто въ родѣ фурія.

Мишель, между тѣмъ, съ Маріанной и статскій совѣтникъ весело принялся возстановлять вездѣ порядокъ.

— А, вѣдь, квартира превеселенькая, мы здѣсь славно заживемъ, говорилъ онъ. — Въ саду бесѣдка: я тебѣ ее уберу цвѣтами, Магіе. Хочешь? я думаю, здѣсь можно достать цвѣтовъ. Желалъ бы я знать, откуда наша хозяйка набралась такихъ манеръ. Не правда-ли, Магіе, вѣдь она прехорошенькая?

— Да она не дурна.

— Это женская похвала. А вы что скажете , Петръ Лаврентьичъ?

— О чемъ?

— О нашей хозяйкѣ.

— Скажу, что ужь ты, кажется, задумалъ влюбиться въ нее.

— Да я не объ этомъ спрашиваю, я хочу знать, какъ вы ее находите.

Но статскій совѣтникъ, какъ человѣкъ женатый, не сочлъ нужнымъ отвѣчать на этотъ вопросъ. Виѣсто отвѣта, онъ усердно принялся хлопотать около чемодана, который надо было поставить къ стѣнкѣ.

IV.

Въ одной изъ дальнихъ форштадтскихъ улицъ стоялъ красный домикъ, съ семью окнами въ главномъ фасадѣ. Онъ всегда содержался въ отличномъ порядкѣ. Ворота его никогда не стояли,

покосившихся на бокъ. По двору, поросшему травой, были проведены разныя укатыныя пескомъ дорожки. Надъ сѣрымъ, нигдѣ не разщелявшимся заборомъ, выходящимъ на улицу, высоко подымались сирени, рябины и липы. Садъ былъ отгороженъ отъ двора зеленою рѣшеткою. Этотъ садикъ славился всегда своими цвѣтами и порядкомъ, въ какомъ его содержали. Видно было, что за нимъ ухаживали любители садоводства. Въ настоящее время на него было весело взглянуть. Отъ множества распустившихся сиреней, онъ весь, какъ будто, былъ облитъ цвѣтомъ. Передъ зеленою рѣшетчатой бесѣдкой, которая въ среднѣй лѣта вся покрывалась хмѣлемъ, находилась куртина, на которой пышно красовались тюльпаны и гиацинты. Въ бесѣдкѣ стояли рабочій столикъ и два стула. Со двора, двѣ желтыя крышки, подѣрживаемыя бѣлыми столбиками съ навѣсами, вели въ двѣ квартиры. Въ одной изъ нихъ жила хозяйка этого домика, Олимпіада Алексѣевна Салоновичъ со своей племянницей. Въ другой нашъ знакомецъ Валеріанъ Петровичъ съ матерью. Въ длинной комнатѣ, три окна которой выходили на улицу, за чернымъ крашенымъ столомъ сидѣло человекъ двѣнадцать мальчиковъ и дѣвочекъ, нагнувшись надъ тетрадками. Полуденное солнце сквозь опущенныя бѣлыя шторы весело освѣщало мягкимъ свѣтомъ ихъ болѣе или менѣе шаловливыя личики. У конца стола сидѣла дѣвушка лѣтъ двадцати и диктовала имъ басню Крылова. На вопросы котораго-нибудь изъ учениковъ или ученицъ о томъ, какъ слѣдуетъ писать какое-нибудь слово, она объясняла имъ грамматическія правила, стараясь растолковать, какъ возможно удобопонятнѣе для этихъ головокъ, наполненныхъ мыслями о бумажныхъ змѣяхъ, мячикахъ, куклахъ и т. п.

Лице этой дѣвушки не отличалось правильностью чертъ, но оно привлекало милостивостью и выраженіемъ доброты и веселости. Прекрасны были глаза ея, которые постоянно, какъ будто, смѣялись. На щекахъ ея игралъ свѣжій здоровый румянецъ. Приемы ея были живы, голосъ звонкій. На ней было свѣтлое ситцевое платье, очень ловко сшитое. Темные волосы, двумя толстыми косами обрамляли ея лице. Эта прическа очень шла къ ней, и хотя она была не модная, но Нина предпочитала ее всякой другой. Иногда тетка шутила по поводу этой прически, но Нина утѣряла, что причесывается такъ потому только, что не надо тратить много времени, чтобъ сплести двѣ косы.

Комната была обита яркочелтыми обоями. На одной из стѣн висѣли двѣ ландкарты: Европы и Россіи. Небольшой черный шкафъ со стекломъ, задернутый зеленой таетой, былъ наполненъ книгами дѣтскаго содержанія. На немъ стоялъ глобусъ. У окна черная доска, какія обыкновенно употребляются въ школахъ, для ариѳметическихъ задачъ. Ученики сидѣли не на скамьяхъ, но на плетеныхъ стульяхъ, потому что въ праздничные дни, и вообще, когда не было классовъ, эта комната служила столовой и замѣняла залъ. Остальную мебель составляли фортепiano, этажерка и нѣсколько соломенныхъ стульевъ вдоль стѣнъ. Въ этой комнатѣ было двѣ двери. Одна вела въ маленькую гостинную, служившую также и рабочимъ кабинетомъ для т-ше Салоновичъ и ея племянницы. Другая въ переднюю.

Классъ, наконецъ, кончился и дѣтей распускали.

Когда затворилась калитка за послѣднимъ изъ маленькихъ шалуновъ и шумный дѣтскій говоръ затихъ вдали, Нина, стоя на крыльцѣ, улыбнулась пріятно. Обведя руками одинъ изъ бѣлыхъ столбиковъ, она прислонилась къ нему головой и въ этой небрежной позѣ принялась смотрѣть на все, что было передъ ней. А передъ ней было много хорошаго. День былъ чудный. Солнечные лучи играли въ водахъ залива, который былъ виденъ съ высокаго крыльца чрезъ заборъ. На дворъ между дорожками пушистая травка радовала глазъ, привыкшіи встрѣчать тутъ весеннюю грязь и слякоть. Изъ саду несло благоуханіе сиреней, левковокъ и гіацинтовъ.

Вдругъ калитка отворилась и вошла Варенька.

— Варя, вскричала Нина, ловорно сбѣжавъ съ крыльца и взявъ подругу за руку, какъ я рада, что ты пришла. Я только-что распустила моихъ повѣсь и теперь наслаждалась на крыльцѣ совершеннымъ блаженствомъ. Не повѣришь, какой славный для меня день суббота. Почти два дни свободы. Пойдемъ въ садъ.

И Нина почти побѣжала, увлекая за собою подругу.

— Посмотри, сказала она, какой у меня здѣсь праздникъ, сердце радуется. Все распустилось и цвѣтеть.

— Да, не дурно, отвѣчала Варенька, разсѣянно взглянувъ кругомъ.

— Варя, да что съ тобой? ты какъ будто не въ духѣ. У тебя и глаза красны. Опять вѣрно сестры. Сядь здѣсь, прибавила

Нина, войдя въ бесѣдку, и расскажи, что у васъ такое случилось.

— Сестры-то еще ничего, отвѣчала Варенька, съ нихъ и взыскивать нельзя. А вотъ, что досадно, когда чужіе обижаютъ.

— Да кто-жь тебя обидѣлъ? скажи, пожалуйста. Ужь не Валеріанъ-ли Петровичъ?

Не смотря на искреннее участіе, съ какимъ она распрашивала подругу объ ея горѣ, послѣднія слова она произнесла съ лукавой усмѣшкой, пристально взглянувъ на Вареньку.

— Ты все смѣешься, проговорила Варенька серьезно, а мнѣ право не до смѣха.

Затѣмъ она рассказала всю сцену съ ш-ше фонъ-деръ-Штерне.

— Не правда-ли, прибавила она,—я не могла поступить иначе... я хорошо сдѣлала, что отдала ей задатокъ.... вѣдь она меня страшно обидѣла.

— Конечно и я бы на твоёмъ мѣстѣ сдѣлала тоже.

— Представь же себѣ, что маменька и сестры всѣ накинулись на меня за это.

— Да что-жь твои сестры сами не пошли отдавать квартиры?

— Не хотѣли; маменька послала меня.

— Такъ онѣ всѣ теперь на тебя сердятся.

— Знаешь что, сказала Варенька, помолчавъ съ минуту, я на будущей недѣли отправлюсь въ Петербургъ.

— Помилуй, Варя, да стоитъ-ли изъ-за этого. Квартиру наймутъ еще: посмотри, сколько пріѣзжаетъ съ каждымъ парохомъ, а сестры подуются да и перестанутъ. И что ты будешь дѣлать въ Петербургѣ, когда у тебя еще нѣтъ мѣста?

— За мѣстомъ дѣло не станеть. Я пріѣду прямо въ пансіонъ, гдѣ училась; тамъ мнѣ дадутъ пріютъ хоть на недѣлю.

— А у тети твоей развѣ не можешь остановиться?

— Нельзя. Она сама живетъ у своихъ родныхъ. Не хочу я имъ кланяться. Потомъ стоитъ только сходить къ ш-г N. у него всегда въ толстой книгѣ нѣсколько страницъ съ адресами мѣсть, куда требуютъ гувернантокъ. Только онъ беретъ половину жалованья за первый мѣсяцъ. Ну да это ничего, я готова заплатить и больше лишь бы избавиться отъ такой сладкой жизни, какую я веду теперь.

— Вотъ, какъ ты держишь свое слово, Варенька, сказала она

тихо, но укоризненнымъ тономъ, не ты-ли на прошедшей недѣлѣ, еще вотъ здѣсь при мнѣ, въ этомъ саду, дала Валеріану Петровичу слово, что останешься въ нашемъ городкѣ.

— Да, я ему еще вчера дала это слово, отвѣчала Варенька, усмѣхнувшись. Но что-жь мнѣ дѣлать, если я не могу выносить этихъ ежеминутныхъ ссоръ, вѣдь я не виновата. Притомъ же Валеріанъ Петровичъ уѣдетъ осенью въ Г. Не все-ли равно ему гдѣ я буду тогда. Еслибъ онъ меня въ самомъ дѣлѣ любилъ, то желалъ бы, чтобы я была спокойна и счастлива. Онъ эгоистъ. Вотъ ему пришло въ голову, чтобъ я осталась здѣсь въ этомъ захолустѣ, онъ и настаиваетъ на этомъ; а не подумаетъ, — каково мнѣ.

— Перестань, Варенька, сказала Нина съ досадой, ужъ если тебя Валеріанъ Петровичъ не любитъ, то я право не знаю, чего тебѣ еще надо. Разумѣется, что онъ боится за тебя. Петербургъ не то, что нашъ городокъ.

— Что-жь? значить, онъ не вѣритъ мнѣ, отвѣчала Варенька запальчиво, значить, — онъ меня считаетъ вѣтренницей.

— Онъ просто любитъ тебя. Что не толкуй, а ты сама это очень хорошо видишь

— Да что ты такъ заступаешься за него, сказала Варенька съ насмѣшкой.

— Заступаюсь, потому что онъ стоитъ того. Онъ славный человекъ, добрый, умница, а ты его только мучишь.

— Ого, да ты разсердилась на меня? Тебѣ очень жаль Валеріана Петровича.

— Ну да. Еще этого не доставало, чтобъ ты притворялась, что ревнуешь меня къ нему.

— Отчего-жь, притворяюсь? можетъ быть, я и въ самомъ дѣлѣ ревнива.

— Тебѣ просто хочется переимѣнить разговоръ. Тебѣ досадно, что я говорю тебѣ правду. Еслибъ мы вздумали любить другъ друга, такъ вѣдь никто намъ не мѣшалъ до сихъ поръ. Слава Богу, не первый годъ знакомы. Еще когда онъ гимназистомъ былъ, такъ не одинъ разъ мы дрались съ нимъ и не одинъ разъ за твоего Валеріана Петровича стояла я въ углу на колѣняхъ. Чего мы съ нимъ не дѣлали? и по деревьямъ-то лазили, и змѣи спускали, и варенье вмѣстѣ воровали у его матери— всему онъ меня училъ...

И Нина разсмѣялась такъ отъ души, что Варенька, глядя на нее, невольно развеселилась.

— А въ самомъ дѣлѣ, Нина, сказала Варенька, вѣдь это странно. Вы выросли почти вмѣстѣ, отчего не влюбились другъ въ друга.

— Я думаю оттого, что мы еще съ дѣтства надоѣли одинъ другому. Вѣдь и теперь мы съ нимъ вѣчно споримъ, ссоримся. Онъ меня маленькую безпрестанно дразнилъ... А все-таки онъ славный человѣкъ, и ты не должна ѣхать въ Петербургъ. Нѣтъ не должна, прибавила она, вставъ и топнувъ слегка ногой.

— Ты не должна любить другаго.

• Ты мертвецу святыней слова обручена...

Не такъ-ли? проговорила Варенька, улынувшись какой-то странной улыбкой.

— Да, конечно, ты обручена съ нимъ святыней слова. Развѣ для тебя слово не свято.

Варенька не отвѣчала.

— Зачѣмъ у меня нѣтъ состоянія, проговорила она послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья, тяжело вздохнувъ.

— Вотъ еще нашла новое горе? что жалѣть о томъ, чего нѣтъ. Да и на что тебѣ состояніе, развѣ ты будешь счастливѣе отъ этого.

— Вѣдь это только пока мы дѣти, отвѣчала Варенька, такъ намъ толкуютъ, право не знаю для чего, развѣ только для приличія, что счастье состоитъ не въ богатствѣ. А смотри, что дѣлается вокругъ насъ. Деньги все дѣлаютъ, даже и счастье.

— Въ самомъ дѣлѣ, прибавила насмѣшливо Нина, а какъ же у меня никогда не бываетъ въ карманѣ собственнаго гривенника, а я совершенно счастлива и довольна моей участью собственно по субботамъ, прибавила она, засмѣявшись.

— Ты совсѣмъ другое дѣло. Ты выросла здѣсь въ уединеніи, почти не видала людей, не можешь судить о нихъ.

Нина съ тонкой улыбкой смотрѣла на Вареньку.

— Положимъ что такъ, сказала она. Но скажи, пожалуйста, гдѣ ты успѣла набраться столько опытности, когда до сихъ поръ просидѣла въ пансіонѣ.

— Если поживешь въ Петербургѣ съ недѣлю хоть въ пансіонѣ, то право увидишь больше разныхъ лицъ и слушаешься отъ нихъ разныхъ разностей, нежели здѣсь цѣлый годъ. Я не потому говорю, чтобы хвастаться этимъ. Конечно, а жизни еще

не испытала; но знаю ее довольно, чтобы понять, что же дай Богъ никому такого положенія, какъ мое. Знаешь-ли ты, что такое гувернантка? Это парія, существо изгнанное изъ всѣхъ обществъ. Насмотрѣлась я довольно на этихъ несчастныхъ гувернантокъ. Въ пансіонѣ ихъ было пять. Да и тѣ по разнымъ причинамъ часто мѣнялись. Я пробыла въ пансіонѣ шесть лѣтъ. Сосчитай же сколько я ихъ видѣла. Я когда-нибудь напишу непременно реэстръ всѣмъ имъ.

— Даравъ гувернантки рассказывали вамъ о своихъ дѣлахъ?

— Конечно онѣ не обращались прямо къ намъ съ разказами. Но иногда по вечерамъ въ рекреационной залѣ онѣ соберутся вмѣстѣ и болтаютъ между собой, а мы вѣдь тутъ же ходимъ, играемъ, работаемъ. У кого тонкій слухъ, то можетъ много услышать.

— Но что-жь онѣ рассказываютъ?

Про свое житье-бытье. Жалуются на свою судьбу, рассказываютъ про тѣ дома гдѣ жили прежде, про то что дѣлается въ городѣ, мало-ли что! Последній годъ я готовилась къ экзамену въ университетѣ. Къ тѣтѣ я очень рѣдко ѣздила потому что она не въ своемъ домѣ. По праздникамъ я почти всегда оставалась въ пансіонѣ. На меня смотрѣли уже не такъ какъ на школьницу потому что я занималась особо. М-ше Жермень пожаловала титулъ *enfant de la maison*. Въ четвертомъ классѣ у насъ была русская гувернантка, такая хорошенькая дѣвушка, что лучше ее я еще, никого не видала. Представь себѣ, высокая, стройная, бѣленькая какъ снѣгъ, а глаза совершенно синіе и какой взглядъ, добрый, кроткій. Бывало какъ подниметъ свои длинныя рѣсницы и взглянетъ, точно ангелъ, какія милыя манеры. Она ни сошлась у насъ ни съ одной изъ другихъ гувернантокъ. Ей было всего двадцать лѣтъ. Надоѣстъ цѣлый день возиться съ дѣтьми, захочется иногда хоть одинъ часъ и для себя пожить. Я спала въ ея дортуарѣ. Для меня съ большими не было мѣста. Ты знаешь, что меня послѣдніе годы учили даромъ и потому совали куда ни попало. М-elle Alexandrine меня любила, она всегда жалѣла меня, тѣмъ болѣе что и мнѣ, какъ ей же, надо было со временемъ жить своими трудами. Почти каждый вечеръ, когда всѣ маленькія улягутся, я приходила въ ея каморку и мы болтали съ ней о разныхъ разностяхъ. Она мнѣ рассказывала, гдѣ была въ воскресенье, что видѣла, иногда давала украдкой читать романы.

— А вы и романы тамъ читали?

— Все, что хочешь: и Поль де Кока приносили дѣвицы и Сю и Дюма и Жоржъ-Сандъ: у братьевъ берутъ потихоньку. Особенно у насъ была одна полька, которая почти всю братнину библиотечку перетаскала къ намъ по одной книгѣ, а ее никто никогда не поймалъ.

— Но когда-жъ вы читали эти романы? спросила Нина.

— Да когда случалось. По утрамъ, въ постелѣ чуть разсвѣтеть, ночью около ночника, когда всѣ заснутъ, въ классахъ, пока дожидались учителей... M-elle Alexandrine все это очень хорошо знала, потому что сама воспитывалась въ пансіонѣ. Одинъ разъ она меня и спросила читаю-ли я романы? Я покраснѣла солгать ей не хотѣлось; она пристала ко мнѣ и дала слово, что не будетъ разспрашивать, кто мнѣ даетъ книги. Тогда я ей призналась, что читаю.

— Какой вы послѣдній романъ читали? спросила она.

— Лелію, отвѣчала я.

— Все-ли вы поняли въ этомъ романѣ? Поправился-ли онъ вамъ?

Я отвѣчала, что не совсѣмъ поняла, но что сама Лелія очень мнѣ нравится, потому что она какое-то таинственное и высшее существо и что мнѣ очень бы хотѣлось походить на нее.

— Пустяки, сказала m-elle Alexandrine, въ житейскихъ романахъ нѣтъ такихъ героинь. Читайте такой романъ, какъ сказку, и никогда не примѣняйте къ жизни. Хотите я вамъ сама буду давать романы. Да не Вальтеръ Скота, не бойтесь, прибавила она, улыбаясь. Она знала, что m-me Жермень иногда по праздникамъ, когда я оставалась въ пансіонѣ, давала мнѣ читать романы Вальтеръ Скота и всегда выбирала самыя скучныя. Я всегда жаловалась на это во всеуслышаніе. Эти скучныя длинныя исторіи отнимали у меня только время и я не могла читать другаго, а не читать ихъ было нельзя, потому что m-me Жермень послѣ разспрашивала о прочитанномъ.

Она говорила, что хочетъ познакомить меня немножко съ литературой. M-elle Alexandrine, такимъ образомъ, стала мнѣ давать книги. И какія милыя вещи она давала читать! Часто она пріѣзжала въ пансіонъ совсѣмъ разстроенная, запиралась въ своей каморкѣ и когда входила я къ ней, чтобъ поболтать, то замѣчала, что у ней красны глаза. Одинъ разъ, это было послѣ канякуль, она пріѣхала наканунѣ классовъ и такъ рано, что

я удивилась. Наши гувернантки всегда старались прїѣзжать какъ можно позже. М-ше Жерменъ была въ гостяхъ. Классы, дортуары, рекреационныя залы все было пусто, и я почти весь этотъ день бродила по нимъ одна какъ тѣнь. Можешь себѣ представить, какъ я обрадовалась, когда прїѣхала m-elle Alexandrine. Она меня стала спрашивать, какъ я провела каникулы, гдѣ и была. Я ей все рассказала подробно. Потомъ помогла убрать ея вещи. Кончивъ это, мы пошли въ рекреационную залу. M-elle Alexandrine сѣла подъ окномъ.

Мы не зажгли свѣчи, но въ домѣ напротивъ нашего былъ балъ и свѣтъ отъ люстръ падалъ къ намъ въ окна. Я замѣтила, что m-ше Alexandrine плакала. Я бросилась къ ней и просила рассказать мнѣ, о чемъ она плачетъ. Мнѣ было такъ жаль ея. Я цѣловала ея плечи, становилась передъ ней на колѣни и приставала до тѣхъ поръ, пока она не рассказала своего горя.

Вѣдъ мнѣ тогда было шестнадцать лѣтъ, и я могла все понять. Она любила одного молодого человѣка очень богатаго и онъ любилъ ее также. Она мнѣ показала портретъ его. Онъ хотѣлъ на ней жениться; но мать его и слышать не хотѣла, потому что m-elle Alexandrine была гувернантка и бѣдная дѣвушка. Эта злая старуха сказала сыну, что лишитъ его наслѣдства, если онъ женится, противъ ея воли а онъ все-таки хотѣлъ жениться, хоть тайно. Но m-elle Alexandrine на-отрѣзъ сказала, что безъ согласія его матери не пойдетъ за него...

Варенька замолчала и задумалась.

— Ты не знаешь, чѣмъ это кончилось? спросила Нина съ любопытствомъ.

— Она умерла. Ей и отъ родной-то матери не радостная жизнь была. Та ее все мучила, зачѣмъ она не хотѣла идти за чиновника, который за нее сватался и притомъ же бѣдность много погубила ее. Она и въ дождь и въ слякоть всегда ходила вѣшкомъ къ матери на петербургскую сторону, все жалѣла денегъ. У ней была еще меньшая сестра. Какъ онъ любилъ другъ друга. M-ше Alexandrine безпрестанно ей что-нибудь покупала. То на платье, то книги, и шила для нея сама. Иногда до половины ночи просидитъ, а на другой день надо непременно вставать въ семь часовъ. А по праздникамъ даже она еще учила ее. Передъ смертью она писала М-ше Жерменъ, просила ее прїѣхать къ ней. Та поѣхала. M-elle Alexandrine со слезами

умоляла ее дать воспитаніе ея сестрѣ, чтобы она могла со временемъ помогать матери.

— И м-ше Жерменъ взяла ее?

— Взяла. Она и теперь у нее въ пансіонѣ.

— Значитъ м-ше Жерменъ очень добрая женщина, замѣтила Нина.

— Да добрая, отвѣчала Варенька иронически усмѣхнувшись, я на себѣ это испытала. Особенно мы любимъ, когда мы можемъ выставить передъ всѣми родителями нашу доброту. Больше будутъ дѣтей отдавать. Во всѣхъ почти пансіонахъ есть воспитанницы, которыя служатъ чѣмъ-то въ родѣ вывѣски добродѣтелей содержательницъ.

— Странно, сказала Нина въ раздумьѣ, вѣдь мы съ тѣтей очень часто нуждаемся, а я до сихъ поръ никогда не думаю о томъ, что мы бѣдны. Намъ какъ-то такъ легко живется.

— Вы съ тѣтей счастливые люди, особенно ты. Я не понимаю, какъ ты можешь быть всегда довольна и весела. Неужели тебѣ никогда не хочется повеселиться.

— Мнѣ некогда скучать. Время летитъ такъ скоро, что я иногда жалею, зачѣмъ день не длиннѣе.

— Бываешь-ли ты, по крайней мѣрѣ, хоть когда-нибудь въ вокзалѣ?

— Каждое лѣто непременно раза три или четыре.

— Только-то!

— Чаше нельзя. Дорого стоитъ. Я не люблю быть худо одѣтой. У меня иногда одно бѣлое платье является въ трехъ или четырехъ видахъ: то съ голубыми лентами, то съ бѣлыми, то съ воланами, то безъ оныхъ, то декольте, то à la vierge... Да и притомъ же, если чаще бывать, то скоро примелькаешься, всекъте не будемъ производить.

— А зимой, танцуеть-ли гдѣ-нибудь?

— Зимой у меня также есть свои удовольствія. Каждую зиму мы бываемъ одинъ разъ въ маскарадѣ. Вотъ тутъ-то у насъ съ тѣтей заботъ и хлопотъ. И каждый годъ у меня бываетъ прехорошенькій костюмъ. И на балахъ въ клубѣ бываемъ раза два или три, смотря по состоянію нашихъ финансовъ. А лучше всего я люблю ѣздить къ помѣщикамъ на мизы. У насъ есть три знакомые дома, самые близкіе, 18 верстъ отсюда. Вотъ мы и отправляемся въ субботу послѣ классовъ въ частный диванъ. Холодно, самоочки такъ и летятъ просто чудо. Прит-

домъ къ обѣду. Послѣ обѣда танцуемъ и играемъ въ разныя игры. На святкахъ гадаешь, а домой всегда ужь на другой день.

— Тамъ есть также дѣвицы?

— И дѣвицы и кавалеры. Отсюда офицеры ѣздятъ, особенно если имянины въ которомъ-нибудь домъ, или на праздникахъ.

Нина замолчала.

— Воля твоя; а все-таки скучно кажется, проговорила наконецъ Варенька. По моему, ужь если веселиться, такъ веселиться. А это черезъ часъ по ложкѣ. Конечно у тебя такой характеръ, что ты всѣмъ довольна. Ты и старья тряпки готова перешишивать, и дѣтей учить, и въ землѣ рыться, и все это съ увлеченіемъ, соп амоге... А я нѣтъ. Я бы не могла такъ жить...

И Варенька откинулась на спинку стула и закрыла лице руками.

— Да помилуй, спросила Нина съ наивнымъ удивленіемъ, чего же ты хочешь.?

— Чего я хочу? Варенька отняла руки, щеки ея горѣли. Мнѣ хотѣлось бы жить, какъ живутъ многія изъ моихъ по-другъ. Мнѣ хотѣлось бы, какъ онѣ же выѣзжать въ свѣтъ, веселиться, наряжаться и жить безъ заботъ. Чѣмъ я хуже ихъ? За что же имъ дана счастливая доля, а мнѣ нѣтъ. Ввришь-ли, прибавила она, все болѣе и болѣе одушевляясь, меня иногда беретъ злость, когда я встрѣчу въ щегольской каретѣ какую-нибудь сморщенную старушонку, разряженную въ пухъ. Подумаешь, за что ей такое счастье. Всю свою жизнь провела, какъ у Христа за пазухой, да еще на старости наряжается... А тутъ съ молодую не знаешь радости. Поди въ гувернантки, учи дѣтей, переноси капризы отъ ихъ мамонекъ, да еще въ добавокъ терпи отъ прислуги.

— Жаль, что у тебя такія сестры, сказала Нина, а то бы ты могла жить дома. Завела бы школу, вотъ какъ я же. Здѣсь ученицы всегда будутъ, народъ небогатый, въ пансіонѣ дорого. Ко мнѣ часто приводятъ дѣтей и я должна отказывать. У меня ихъ и такъ много—не справиться.

Варенька махнула рукой.

— Объ этомъ нечего и думать, сказала она.

Въ эту минуту явилась Пазаша.

— Васъ домой зовутъ, барышня, сказала она.

— Что тамъ такое? спросила Варенька.

— Маменька велѣла придти, жильцы, кажется, остаться хотѣть.

— Такъ развѣ кромѣ меня некому съ ними поговорить?

— Не знаю-съ. Баринъ-то, что въ очкахъ, васъ спрашиваетъ.

— Ну хорошо; скажи, что приду.

Палаша ушла и вскорѣ затѣмъ подруги разстались.

Проводивъ Вареньку за калитку, Нина нѣсколько минутъ смотрѣла ей въ слѣдъ, потомъ повернулась, чтобъ посмотреть на противоположный конецъ улицы и увидѣла Валеріана Петровича, который шолъ домой. Она узнала его еще издали по скорой походкѣ и по толстой книгѣ, которую онъ держалъ въ рукѣ. Молодой человекъ всегда уходилъ въ лѣсъ. Нина, отшивъ рукою глаза отъ яркаго солнца, осталась его дожидаться. Въ нашемъ городкѣ это нисколько не считается предосудительнымъ.

— Это вы меня дожидали? спросилъ онъ, подходя.

Нина разсмѣялась.

— Если вы такъ думаете, то я не намѣрена разочаровывать васъ.

— Еслибъ вы знали какъ хорошо въ лѣсу, прибавилъ онъ, переступая за калитку въ слѣдъ за Ниной.

— Да и у меня въ садикѣ начинается настоящее лѣто. Посмотрите, какъ хорошо.

— А не пора-ли высадить георгины? спросилъ Валеріанъ Петровичъ, занимавшій каждое лѣто въ саду Нины должность рабочника. Главнымъ садовникомъ была она сама.

— И очень пора, отвѣчала она. Если вы высадите ихъ сегодня, то сдѣлаете доброе дѣло.

— Непремѣнно. Когда жаръ спадетъ.

— Мегсі. А теперь до свиданія. Вотъ Дарья Ивановна дожидается васъ на крыльцѣ.

И Нина, поклонившись старушкѣ, которая вышла погрѣться на Божьемъ солнышкѣ, отправилась въ комнаты.

Она проворно прошла черезъ переднюю въ ту комнату, гдѣ недавно учились дѣти. Нина проворно поставила все на мѣсто, прибрала книги, тетрадки, чернильницы, доски и растворила обѣ половинки дверей въ боковую комнату. У окна за рабочимъ столомъ сидѣла Олимпиада Алексѣевна, тѣтка Нины. Она вышивала на рукахъ маленькій воротникъ. На видъ ей было лѣтъ сорокъ. Лице ея имѣло серьезное, немножко задумчивое

выраженіе, взглядъ спокойный и ясный; голосъ и пріемы тихи, какъ будто сдержаны. На ней было темная ситцевая блуза съ бѣлыми какъ снѣгъ воротничкомъ и утренній тюлевый чепчикъ.

— Зачѣмъ приходила Варенька? спросила она, когда Нина разтворила дверь.

Нина подошла сзади къ стулу Олимпіады Алексѣевны, обняла ее за шею обѣими руками и поцѣловала въ голову.

— Горемъ подѣлиться, отвѣчала она.

— Какое еще новое горе у ней? спросила очень равнодушно Олимпіада Алексѣевна. Да не шали, мѣшаешь работать.

Нина сѣла на стулъ противъ тѣтки и рассказала все слышанное отъ Вареньки. Олимпіада Алексѣевна покачала головой.

— Какъ вы думаете, тѣтя, вѣдь она худо дѣлаетъ, что ѣдетъ въ Петербургъ? спросила Нина, окончивъ рассказъ.

— Тамъ она пропадетъ.

— А, вѣдь, ея положеніе, въ самомъ дѣлѣ, ужасное. Я бы не хотѣла быть на ея мѣстѣ. Она очень несчастна.

— Ну пока еще не очень. Она все-таки получила воспитаніе.

— А ея сестры?

— Да что ей за дѣло до нихъ. Развѣ она не можетъ устроить себя независимо отъ нихъ. Она бы и здѣсь нашла мѣсто, еслибъ была немножко потерпѣливѣе.

— Знаете, что, тѣтя, сказала вдругъ Нина, мнѣ сегодня показалось, что она совсѣмъ не любитъ Валеріана Петровича.

— Да я это всегда видѣла.

— Такъ зачѣмъ же она обманываетъ его?

— Она и не обманываетъ. Такіе люди только сами обманываются. Твоя Варенька большая эгоистка. Валеріанъ Петровичъ ухаживаетъ за ней, смотритъ ей въ глаза; ей это пріятно, лестно для самолюбія, вотъ она и воображаетъ, что любитъ его, а не ухаживай онъ за ней, она бы и не думала о немъ. Нѣтъ любятъ не такъ, прибавила Олимпіада Алексѣевна, помолчавъ немного.

— А какъ же, тѣтя? спросила Нина съ лукавой улыбкой.

— Какъ, повторила Олимпіада Алексѣевна, не смотря на племянницу и продолжая вышивать очень прилежно. Я тебѣ расскажу. — Вотъ, напримѣръ, когда ѣдутъ на мызу, гдѣ надѣются встрѣтить интереснаго молодого чловѣка, положимъ хоть и не въ первой молодости, такъ лѣтъ тридцати двухъ, блондина до-

волью плотнаго, что впрочемъ не мѣшаетъ ему быть первымъ танцоромъ...

— Тѣтя, проговорила Нина умоляющимъ голосомъ и покраснѣвъ.

— Тогда, продолжала Олимпіада Алексѣевна, не обращая вниманія на восклицаніе племянницы, еще за недѣлю начинаютъ перебирать и примѣривать плагья, которое лучше къ лицу и ве надо-ли перешить чего-нибудь.

— Тѣтя, душенька! проговорила опять Нина.

— Ну что-жь? вѣдь ты спрашивала какъ любить.

— Неужели вы думаете тѣтя?...

— Я думаю, отвѣчала Олимпіада Алексѣевна, положивъ работу и съ усмѣшкой взглянувъ на Нину, что Поляновъ славный человѣкъ и что еслибъ онъ за тебя посватался, такъ я бы обѣими руками отдала тебя за него.

Она встала. Нина, облокотясь на столъ, принялась катать катушку бумаги съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, какъ будто дѣлала что-нибудь очень полезное.

Въ тотъ же день вечеромъ Олимпіада Алексѣевна и Дарья Ивановна сидѣли въ саду на скамеечкѣ подъ густою сиренью. Олимпіада Алексѣевна вышивала, а Дарья Ивановна вязала чулокъ. Это было ея постоянное рукодѣлье. Она и чулокъ были неразлучны. Отъ долговременной практики пріобрѣла такую ловкость въ вязаньи, что могла разговаривать и смотрѣть со всѣ стороны, не обращая ни малѣйшаго вниманія на свою работу, — чулокъ все-таки вязался, какъ будто онъ и руки Дарьи Ивановны составляли одну машину. И поговорить была охотница Дарья Ивановна. Когда разговоръ начиналъ интересоватъ ее, чулокъ начиналъ вязаться скорѣе и все crescendo до тѣхъ поръ, пока щеки старушки разгорались. Тогда она клала чулокъ на колѣни, развязывала лопасти тюлеваго чепца и безпрестанно откидывала ихъ назадъ, обмахиваясь платкомъ и приговаривая:

— Сжарилась совсѣмъ.

Вообще она была живая веселая старушка, дѣятельная въ домашнемъ быту, мастерица поспорить, поучить и подтрунить надъ ближнимъ.

Въ двухъ шагахъ отъ нихъ, Валеріанъ Петровичъ, съ безпрестанно потухающей сигарой въ зубахъ, вооружась заступомъ, высаживалъ въ куртину георгинъ. На другомъ концѣ сада Ни-

на въ бесѣдѣ приготавлила чай. Олимпіада Алексѣевна и Дарья Ивановна бесѣдовали въ полголоса,

— Не люблю, говорила послѣдняя, все это семейство не люблю. Самые безтолковые люди. Дерзкіе, надѣнные. Подъ часъ нужду терпятъ страшную, а вѣдь всѣ мотовки.

— Знаете, сказала Олимпіада Алексѣевна очень тихо, Варенька непременно уѣдетъ въ Петербургъ.

— Туда ей и дорога, отвѣчала старушка почти шопотомъ, из-коса поглядывая на сына. Свѣчку поставлю угоднику, когда она уѣдетъ. Вѣдь мой-то, прибавила она, кивнувъ головой на сына, не на шутку въ нее втюрился, только и бредить, когда выйдетъ изъ университета, женится на ней.

— А вы не хотите?

— Да что за радость! Первое дѣло семейство-то безпутное, да и какая жена она будетъ? развѣ она хозяйка? Вѣдь она не захочетъ дѣлать съ мужемъ и нужду, и заботы, если Богъ не благословитъ достаткомъ. Не туда смотреть. Она послѣднюю копѣйку въ магазины свесетъ.

Чулокъ вязался crescendo.

— Да кто вамъ сказалъ, что она уѣдетъ? спросила наконецъ Дарья Ивановна, развязавъ лопости и обмахиваясь.

— Кто уѣдетъ? спросилъ вдругъ Валеріанъ Петровичъ, обернувшись къ нимъ.

— Варвара Александровна, отвѣчала Олимпіада Алексѣевна. Дарья Ивановна, какъ ни въ чемъ не бывало, принялась за чулокъ такъ усердно, что даже стали считать дорожки.

— Кто это сказалъ? продолжалъ Валеріанъ Петровичъ.

— Она сама говорила сегодня Нивѣ.

Валеріанъ Петровичъ отвернулся и молча продолжалъ работать; заступъ его врѣзывался въ землю такъ глубоко и такъ быстро, какъ будто Валеріанъ Петровичъ искалъ клада, который непременно былъ скрытъ въ этой куртнѣ. Наконецъ послѣдній георгинъ былъ пересаженъ въ грунтъ. Окончивъ работу, онъ скорыми шагами пошелъ въ бесѣдку.

— Посмотрите, какъ побѣжалъ, проговорила, усмѣхаясь, Дарья Ивановна; вотъ увидите, не останется чай пить, побѣжить туда объясниться. Пусть бы поссорились хорошенько.

Дарья Ивановна засмѣялась.

— А все-таки жаль бѣдную дѣвушку. сказала Олимпіада

Алексѣевна. Еслибъ семейство было бы получше... Вѣдь она не глупа и хорошо образована.

— Конечно по человѣчеству жаль. Но для Валеріана-то ужь она плохая будетъ жена.

— Говорили вы ему объ этомъ?

— И нѣтъ! къ чему прежде времени вызывать неприятели. Онъ знаетъ, что я все семейство не люблю.

— Но, вѣдь, самъ же онъ говоритъ вамъ, что хочетъ жениться на ней.

— А я молчу: ни да, ни нѣтъ. Въ годъ еще много выды утечетъ. Если она въ Петербургъ уѣдетъ, можетъ быть тамъ еще и карьеру себѣ составить; выйдетъ за-мужъ за богатаго; вѣдь она смазливенькая. Да лучше бы и сдѣлала, еслибъ тамъ за-мужъ вышла.

Между тѣмъ въ бесѣдкѣ Валеріанъ Петровичъ допрашивалъ Нину.

— Скажите, пожалуйста, сказалъ онъ, видѣли вы сегодня Варвару Александровну?

— Видѣла.

— Что она вамъ говорила?

— Вы слишкомъ любопытны; она мнѣ много чего говорила; но я не знаю, имѣю-ли право пересказывать вамъ.

— Скажите мнѣ только одно: говорила она вамъ, что ѣдетъ въ Петербургъ.

— Да.

— И когда?

— На будущей недѣли.

Валеріанъ Петровичъ съ досадою закусилъ губу.

— Пересадилъ георгины, сказалъ онъ помолчавъ немного, только не забудьте полить ихъ. До свиданья.

— Куда же вы? Чай готовъ.

— Нѣтъ благодарю. Я не буду пить чаю.

Валеріанъ Петровичъ ушелъ домой. Дарья Ивановна ошиблась. Онъ пошелъ не къ Лебедевымъ, а въ городской садъ, гдѣ въ тотъ вечеръ была музыка. Но должно сказать, что музыка въ нашемъ городскомъ саду, довольно еще сносная для человѣка въ спокойномъ расположеніи духа, показалаcя невыносимой ядъ Валеріана Петровича въ его раздраженномъ состояніи. Онъ вышелъ изъ сада и побрелъ по привычной дорожкѣ въ лѣсъ. Онъ ходилъ до тѣхъ поръ, пока физическое утомленіе не укра-

тило хотя отчасти его душевную тревогу. Тогда онъ сѣлъ на камень и просидѣлъ такъ долго, долго, обдумывая какимъ бы образомъ заставить капризную дѣвушку подчиниться своему вліянію.

V.

Когда Варенька пришла домой, Мишель, видѣвшій ее изъ окна, выбѣжалъ на крыльцо.

— Извините, сказалъ онъ, мнѣ надо поговорить съ вами. Будьте такъ добры, зайдите къ намъ.

— Не угодно-ли вамъ лучше поговорить со мной въ этомъ садикѣ, сказала Варенька съ тѣмъ гордымъ и строгимъ выраженіемъ лица, которое очень шло къ ней.

— Какъ вамъ угодно.

И Мишель пошелъ въ слѣдъ за Варенькой въ разтворенную калитку. Она сѣла на скамью, подъ липой, и пригласила его сѣсть на стулъ, который съ утра вынесла тетка Марта для какой-то гостыи, съ которою онъ вмѣстѣ пили въ садикѣ кофе.

— Я пришолъ, началъ Мишель, по-французски, отъ имени сестры просить у васъ извиненія въ тѣхъ необдуманныхъ словахъ, которыя у нея вырвались въ минуту досады. Ей чрезвычайно жаль, что такъ случилось. Будьте снисходительны, и позвольте намъ остаться у васъ на квартирѣ. Что-жь касается до дивана, прибавилъ онъ, улыбаясь, то, если позволите, я беру на себя привести его въ порядокъ.

Варенька немножко покраснѣла и опустила глаза. Мишель старался выражаться такъ деликатно, голосъ его звучалъ такъ мягко, что все негодованіе Вареньки, вызванное дерзкими словами сестры его, исчезло, и воображеніе рисовало ей только несчастный диванъ съ торчавшими изъ него мочалами.

— Я сама была не права, сказала она, подымая глаза: сестрица ваша, нанимая квартиру, имѣла полное право требовать чтобы все было въ порядкѣ.

— Итакъ, сказалъ Мишель, вставая, это кончено: вы позволите намъ остаться.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Такъ потрудитесь получить половину изъ условленной суммы. Онъ вынулъ порт-монне и подаль Варенькѣ нѣсколько депозитокъ. Та вспыхнула отъ досады. Она подумала, что очень тяжело, какъ торговкѣ, принимать плату.

— Благодарю васъ, сказалъ Мишель, раскладываясь.
Онъ ушелъ.

Въ тотъ же день вечеромъ Гриша, явившись, рассказалъ, что онъ ходилъ съ жильцемъ къ обойщику, что жилецъ очень добрый и что завтра онъ поѣдетъ съ нимъ удить рыбу.

Въ скоромъ времени Гриша сдѣлался постояннымъ спутникомъ Мишеля. Онъ провожалъ его въ окрестныя деревни, ѣздивъ съ нимъ по островамъ и они вѣстѣ удили рыбу съ лодки. Мишель былъ радъ обществу маленькаго товарища. Гриша забавлялъ его острыми выходками и находчивостью.

Однѣмъ разъ, послѣ обѣда, Варенька сидѣла въ садикѣ подлѣ липой и читала. Въ сосѣдномъ саду жильцевъ раздавался звонкій смѣхъ и дѣтскій говоръ. Вдругъ мячекъ, брошенный сильною рукою, перелетѣлъ черезъ заборъ мимо Вареньки и упалъ въ траву.

— Ну, дядя, заговорили дѣти, вы всегда такъ, все идите. Идите, принесите намъ мячикъ. Черезъ нѣсколько секундъ — а каменная калитка въ концѣ забора отворилась и Мишель явился за мячикомъ. Онъ разсыпался въ извиненіяхъ передъ Варенькой и принялся искать мячекъ въ высокой травѣ. За нимъ въ калиткѣ появились двѣ дѣвушки и нерѣшительно остановились, не смѣя войти.

— Войдите, сказала имъ Варенька.

Дѣти переглянулись между собою засмѣялись, и вбѣжали въ садикъ. Старшая принялась отыскивать мячикъ, но меньшая, разсудивъ вѣроятно, что мячикъ найдутъ и безъ нея, подошла къ столу, который приходился въ уровень съ ея ростомъ, положила на него обѣ ручки, а на нихъ круглое румяное личико и съ дѣтскимъ любопытствомъ стала разсматривать Вареньку.

— Какія вы холосенькія, проговорила она наконецъ.

Мишель засмѣялся.

— Дядя много общается, сказалъ онъ, въ полголоса будто про себя, наклонясь надъ травой. По крайней мѣрѣ въ ней развивается чувство изящнаго.

— Любишь ты картинки? спросила Варя Лилю.

— Люблю. А у васъ есть калитки.

Варенька показала ей картинки иллюстраціи, которую читала.

— Мнѣ не видно, высоко—сказала дѣвочка.

Надо было взять ее на колѣни. Она посмотрѣла на картинку.

— Нѣтъ гадкія, сказала она, замотавъ головкой, цѣлныя. Я не люблю цѣлныхъ.

И она, сидя на колѣняхъ, повернулась лицомъ къ Варенькѣ и принялась водить крошечными пальчиками по ея воротнику и шеи.

— Зачѣмъ этотъ свудочекъ? пролепетала она.

Варенька вынула изъ-за пояса и показала ей ключъ, надѣтый на эластичномъ спуркѣ. Между тѣмъ мячикъ нашли.

— Сдѣлайте одолженіе, извините, что мы обезпокоили васъ, проговорилъ Мишель, собираясь уйти. Пойдемъ же Лиля.

— Не хочу, отвѣчала дѣвочка, я здѣсь останусь.

— Какъ можно! пойдемъ, ты мѣшаешь.

— Развѣ я вамъ мѣшаю? спросила дѣвочка обиженнымъ тономъ, обращаясь къ Варенькѣ.

Она была такъ мила въ эту минуту, что Варенька и Мишель невольно засмѣялись.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты мнѣ не мѣшаешь, поспѣшила уснокоить ее Варенька. Оставьте ее, сказала она Мишелю.

Мишель слегка поклонился въ знакъ согласія.

— Вѣдь она наскучить вамъ.

— Нѣтъ, у меня много времени.

— Нечего дѣлать, проговорилъ Мишель, пожимая плечами. Не стыдно-ли тебя, Лиля?

— Стыдно мячикъ цезезъ заборъ кидать, проговорила Лиля качая головкой и посмотрѣвъ на дядю съ разгнѣваннымъ видомъ.

Мишель засмѣялся и закусилъ губу, Варенька не могла не улыбнуться. Напрасно маленькая Magic теребила сестру за платье, качала ей укоризненно головкой и разными жестами старалась показать какъ неприлично ея поведеніе. Лиля начинала уже хмуриться и кажется располагалась заплакать. Мишель, опасаясь этого, поспѣшилъ уйти. Magic, припрыгивая на одной ножкѣ, отправилась за нимъ. Калитка затворилась. Лиля около получаса просидѣла у Вареньки, она обо всемъ разспрашивала, все хотѣла видѣть и знать. Варенька должна была свести ее въ комнаты, показать ей всѣхъ сестеръ и рассказать, какъ ихъ зовутъ. Лиля разсматривала, что онѣ работаютъ и безпрестанно спрашивала:

— А зачѣмъ это такъ?

Юля притащила ей всѣ дѣтскія книжки съ картинками, которыя только могла найти. Катя сняла со стѣны гитару и

спросила, не хочетъ-ли она послушать музыки. Лиля кивнула головкой. Катя проиграла ей какую-то пѣсенку, которой дѣвочка осталась довольна,

— Есть у тебя куклы? спросила Наташа.

— Есть тли. Одна болсая, болсая, воскавая. У ней глазки откльваются и заклываются. Дядя Мисса подадилъ.

— Хочешь, я дамъ лоскутковъ твоей куклѣ на платье?

— Покажите.

Наташа достала изъ комода большой узелъ съ лоскутками. Лиля не бросилась на нихъ съ жадностью, свойственною, обыкновенно дѣтямъ, но выбрала только тѣ, которые ей нравились. Особенно прельстилъ ее кусокъ розоваго ваперъ. Она увѣрила, что изъ него выйдетъ чудесное платье куклѣ и она побѣдетъ въ этомъ платьѣ на балѣ.

— А кто-жь сосышетъ, спросила она, вдругъ поднявъ не на шутку озабоченное личико.

— Принеси куклу, я сошью, сказала Варенька.

— Такъ пойдете поскорѣй домой. И дѣвочка, схвативъ Вареньку за руку, проворно пошла въ садъ. Варенька отворила ей калитку. Лиля сильно убѣждала пойти посмотреть ея куклы, но на рѣшительный отказъ объявила, что сей-часъ сбѣгаетъ домой и принесетъ ей самую большую. И въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько минутъ, она явилась съ куклою. Варенька немедленно принялась кроить и шить куклѣ платье изъ розоваго вапера. Лиля была въ восторгѣ и опять побѣжала домой сообщить домашнимъ о своемъ счастьѣ.

Такимъ образомъ, съ этого дня, Лиля и Варенька стали большими друзьями. Часто, когда Варенька сидѣла въ саду, калитка отворялась, и въ ней показывалось круглое розовое личико Лили. Дѣвочка съ любопытствомъ заглядывала въ садикъ, ожидая приглашенія. Когда Варенька ждала ее, Лиля бѣжала со всѣхъ ногъ и усаживалась подлѣ нея. Иногда она перетаскивала всѣ свои игрушки на лужайку подлѣ липы и такъ убѣдительно просила Вареньку играть съ ней, что невозможно было отказать. Когда Марианна приходила звать Лилю обѣдать или пить чай, дѣвочка разставалась съ Варенькой очень неохотно.

М-те фонъ-дерь-Штерне была вспыльчивая, избалованная жизнью женщина, но съ добрымъ сердцемъ. Ей было жаль и совѣстно, что обидѣла Вареньку, тѣмъ болѣе, что Варенька ласкала ея любимицу Лилю. М-те фонъ-дерь-Штерне, встрѣчаясь

съ Варенькой, каждый разъ кланялась ей привѣтливо, улыбалась и раза два или три вступала въ короткій разговоръ. Однажды утромъ, когда солнце такъ палило, что казалось трудно было рѣшиться и по дѣлу выбраться изъ дому, статская совѣтница пріѣхала домой со множествомъ свертковъ.

Надо замѣтить, что нашъ городокъ славится еще дешевизною матерій, хотя въ самомъ дѣлѣ онѣ нисколько ни дешевле петербургскихъ. Ни одна пріѣзжая дама не уѣдетъ отъ насъ, не побывавъ нѣсколько разъ во всѣхъ магазинахъ и не нашивъ себя нарядовъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ барыни, пришла къ Варенькѣ Маріанна спросить не возьмутъ-ли ея сестры сшить три платья. Сестры согласились, и Вѣра отправилась снимать мѣрку. М-ше фонъ-деръ-Штерне рассказала ей подробно съ какой отдѣлкой убирать платья. Но къ вечеру того же дня ей пришло въ голову, что на барежевомъ платьѣ, вмѣсто трехъ маленькихъ волановъ, лучше сдѣлать одинъ большой, что на рукава вмѣсто вьелки изъ барежа лучше положить вьелку изъ лентъ и т. д. Все это пришло ей въ голову, когда она ходила въ саду. Лиля только-что убѣжала къ Варенькѣ и черезъ заборъ слышался ея лепетъ. М-ше фонъ-деръ-Штерне любила приводить въ исполненіе свои мысли немедленно. Она отворила калитку и вышла въ садикъ, гдѣ Варенька и Лиля сидѣли на скамейкѣ и одѣвали куклу въ новое платье.

— Она вамъ наскучила, я думаю, сказала м-ше фонъ-деръ-Штерне, указывая на Лилю, — вы ее, пожалуйста, гоняйте отъ себя

— Нѣтъ, я люблю дѣтей, сказала Варенька.

Она сказала неправду. Но матерямъ всегда говорятъ, что любятъ дѣтей. Къ тому же Лиля пока еще забавляла Вареньку какъ игрушка.

— Я ихъ также люблю, замѣтила м-ше фонъ-деръ-Штерне, только иногда онѣ до смерти надоѣдаютъ. Нельзя-ли видѣть вашу сестрицу, которая снимала съ меня мѣрку.

— Сей-часъ я скажу, чтобъ ее позвали.

И Варенька, подойдя къ окну, сказала, чтобъ позвали Вѣру.

— У васъ есть еще сестрицы, кромѣ этой? спросила м-ше фонъ-деръ-Штерне, сѣвъ на скамейку въ ожиданіи Вѣры.

— У меня четыре сестры и два брата.

— Порядочное семейство. Ваши сестрицы всѣ занимаютъ шитьемъ?

— Всѣ. Старшая дѣлаетъ шляпы и чепчики, а другія шьютъ платья.

— А вы не шьете?

— Нѣтъ. Я шью только для себя.

— Отчего вы не помогаете сестрицамъ?

— Я ѣду въ Петербургъ и поступаю куда-нибудь на мѣсто, гувернанткой.

— А!!

Эго восклицаніе было сдѣлано такимъ холоднымъ тономъ, какъ будто м-ше фонъ-деръ-Штерне хотѣла сказать:

— Я права. Я съ перваго раза отгадала, какое между нами разстояніе и потому позволила себѣ высокоумнѣе обращеніе.

Затѣмъ она обратилась къ пришедшей Вѣрѣ. Выслушавъ во второй разъ подробную исторію о воланахъ и ленточкахъ, Вѣра ушла.

— Гдѣ вы воспитывались? спросила м-ше фонъ-деръ-Штерне Вареньку.

— У м-ше Жерменъ.

— Эго хорошій пансіонъ. Долго вы тамъ были?

— Шесть лѣтъ.

— Что-жь, Лиля, пойдѣмъ домой.

— Я послѣ пладу, мамаса.

— Право, я боюсь, что она вамъ наскучитъ, повторила м-ше фонъ-деръ-Штерне, уходя.

На другой день она встрѣтилась съ Варенькой на дворѣ. За ночь она придумала еще кое-какія перемѣны и дополненія въ барежевомъ платьѣ и какъ было очень жарко, то она попросила Вареньку зайги къ ней. Разказавъ ей очень подробно, что и какъ желаетъ она измѣнить въ фасонѣ платья, и попросивъ Вареньку передать сестрамъ эти новыя распоряженія, она удержала ее и завела съ ней посторонній разговоръ: м-ше фонъ-деръ-Штерне жаловалась на скуку.

— Я не люблю ходить одна, сказала она, а мужу некогда. Да онъ и не любитъ ходить за покупками. У него нѣтъ терпѣнія ждать пока я выбираю. Брата также и мало вижу: молодые люди не любятъ сидѣть дома. Вотъ я и не знаю, что дѣлать отъ скуки. Я очень люблю гулять, и, говорятъ, здѣсь много прекрасныхъ мѣстоположеній. Я ходила съ дѣтьми и брала съ собою дѣвушку. Но мы не знаемъ, въ какую сторону идти, и дальше лѣса нигдѣ не бывали.

— Если вамъ угодно, отвѣчала Варенька, я могу васъ проводить, когда вамъ вздумается идти подальше.

— Въ самомъ дѣлѣ; я очень рада. Братъ былъ въ какой то деревнѣ недалеко, версты четыре: говорить чудо, что такое.

— Это вѣроятно Уайса.

— Да, да. Онъ такъ и называлъ ее. Вотъ мнѣ бы хотѣлось побывать тамъ.

Послѣ обѣда онѣ пошли въ Уайсъ. М-ше фонъ-деръ-Штерне разспрашивала дорогой Вареньку о жителяхъ нашего городка, объ ихъ занятіяхъ, обычаяхъ, о балахъ въ вокзалѣ, о дамскихъ нарядахъ и пр. Варенька рассказывала очень остро и не разъ смѣшила свою спутницу.

Мѣстоположеніе Уайса дѣйствительно картинное.

М-ше фонъ-деръ-Штерне осталась очень довольна прогулкой и на обратномъ пути составила планы разныхъ parties de plaisir. На слѣдующій день она сама пришла въ садикъ и пригласила Вареньку идти съ ними послѣ обѣда пить кофе на полянѣ передъ лѣсомъ. Въ этотъ разъ дѣти не были исключены. Мишель также захотѣлъ пить кофе на чистомъ воздухѣ.

Варенька провела очень веселый вечеръ. М-ше фонъ-деръ-Штерне была въ духѣ.

Мишель былъ очень милый молодой человекъ. Его обращеніе не могло не нравиться. Оно было непринужденно, весело и какъ-то дружески откровенно; но ни на минуту не нарушало условій хорошаго тона. Когда онъ хотѣлъ смѣшнить, нельзя было не смѣяться отъ души. Когда онъ рассказывалъ что-нибудь серьезное, то умѣлъ увлекать и вызвать сочувствіе живостью разсказа. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ молодыхъ людей, вѣчно серьезныхъ и вѣчно озабоченныхъ, которыхъ такъ много встрѣчается нынче въ нашу по-преимуществу мыслящую эпоху. Мишель былъ немножко эгоистъ. Онъ былъ молодъ, имѣлъ хорошее состояніе. Съ такими дащами можно наслаждаться жизнью, не слишкомъ вдаваясь въ философію. Дальѣйшая наша исторія опредѣлитъ яснѣе характеръ Мишеля. Пока мы можемъ только сказать, что на другой день, Варенька, причесываясь по утру передъ маленькимъ зеркаломъ, сравнивала мысленно Валеріана Петровича съ новымъ знакомцемъ

По наружности, они рѣзко отличались одинъ отъ другаго. Мишель былъ средняго роста. Походка его была немножко лѣнива, всѣ движенія мягки, приемы изящны. У него была пе-

пельнаго цвѣта волосы, которые онъ стригъ коротко. Черты лица тонкія, правильныя, были очень пріятны. Трудно было сказать, что выражали его глаза, потому что они находились всегда подъ защитою синихъ очковъ. Но его улыбка и смѣхъ были заразительны, какъ откровенный смѣхъ ребенка.

Варенька любила Валеріана Петровича, но Мишель начиналъ интересоваться ее какъ новость.

Лѣто въ этотъ годъ стояло довольно сносное. Можно было отваживаться на дальнія прогулки и Варенька, по поводу этихъ прогулокъ, все болѣе и болѣе сближалась съ семействомъ статскаго совѣтника. Нѣсколько разъ была она съ-м-ше фодъ-держъ Штерне въ вокзалѣ и Мишель много танцовалъ съ ней, какъ съ единственной знакомой ему дамой.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нашего городка есть прекрасный водопадъ. Всѣ петербургскіе считаютъ непремѣнной обязанностью посѣтить его.

Въ одинъ прекрасный день наши пріѣзжіе отправились туда, пригласивъ съ собою Вареньку. Мишель очень хорошо рисовалъ. Пока все общество восхищалось водопадомъ, онъ снялъ карандашомъ видъ съ него и окрестностей. По пріѣздѣ домой, онъ принесъ въ садикъ Варенькѣ, по ея просьбѣ, свой портфель съ рисунками. Между ними былъ и видъ водопада.

— Какъ мнѣ жаль, сказала Варенька, что я не умѣю рисовать съ натуры. У насъ здѣсь такъ много красивыхъ видовъ.

— А этотъ нравится вамъ, спросилъ Мишель.

— Очень.

— Не хотите-ли взять его.

— Благодарю васъ.

И Варенька взяла листокъ.

— По крайней мѣрѣ онъ иногда напомнитъ вамъ обо мнѣ, прибавилъ Мишель, убирая рисунки въ портфель.

Онъ сказалъ эти слова равнодушно, какъ сказалъ бы ихъ каждой хорошей знакомой, не придавая имъ особаго значенія.

Варенька такъ и поняла ихъ.

Но въ нашемъ городкѣ на подобныя вещи смотрятъ очень строго. Принять картинку не только отъ молодаго человека, но даже отъ плѣшиваго старца, считается у насъ едва-ли не безнравственнымъ поступкомъ. Варенька показала видъ водопада сестрамъ. Юля, присутствовавшая тутъ, разсказала сосѣдкамъ, что жилецъ ихъ подарилъ Варенькѣ картинку и прибавила, что

онъ влюбленъ въ нее, сватается и что осенью будетъ свадьба. Впоследствии, когда сестры услышали объ этомъ и спросили, для чего она наговорила такихъ вздоръ, Юлія отвѣчала:

— Для того-чтобъ ихъ побѣсить. Вѣдь ихъ горе забираетъ, что онѣ не выходятъ за-мужъ. Катерина Дмитріевна все молить Бога, чтобъ война была. Говорить, что въ военное время много офицеровъ бываетъ, авось женихъ навернется. Какъ бы то ни было, но молва о картинкѣ и свадьбѣ обѣжала весь форштадтъ и дошла до Валеріана Петровича.

Давно между нимъ и Варенькой пробѣжала черная кошка. Сперва онъ все еще заходилъ въ садикъ къ Варенькѣ и ссорился съ ней за то, что у ней на недѣли семь пятницъ, какъ онъ говорилъ. Но когда Варенька сблизилась съ м-ше фонъ-дерь-Штерне, и Валеріанъ Петровичъ раза три не засталъ ее дома, онъ сталъ заходить рѣже и рѣже. Когда же ему стала часто встрѣчаться, по дорогѣ въ лѣсъ Варенька въ обществѣ м-ше фонъ-дерь-Штерне и Мишеля, особенно когда онъ увидѣлъ ихъ въ вокзалѣ,—посѣщенія его прекратились вовсе. Онъ дулся. Исторія о картинкѣ и о будущей свадьбѣ сильно встревожила его. Онъ просилъ Нину поразвѣдать, справедливы-ли эти слухи. Варенька рѣдко ходила къ Нинѣ и всегда только на минуту. Первый же разъ какъ она зашла, Нина, смѣясь, спросила, можно ли ее поздравить.

— Съ чѣмъ? спросила въ свою очередь Варенька.

— Говорятъ, что ты выходишь за-мужъ за вашего жильца.

— Какой вздоръ, отвѣчала Варенька.

— По крайней мѣрѣ правда-ли, что онъ подарилъ тебѣ какую-то картинку.

— Подарилъ.

— Ну, вотъ, видишь, сказала Нина, смѣясь. Подарки позволяется брать только отъ жениха, да и то съ разрѣшенія маменьки.

Варенька пожала плечами.

— Надоѣлъ мнѣ вашъ городъ, сказала она. Неужели это въ самомъ дѣлѣ такое важное происшествіе,—взять отъ кого-нибудь картинку.

— Очень важно, для тѣхъ, кого это собственно интересуетъ

— А кого-жь собственно это интересуетъ?

— Ты сама знаешь кого.

— Ужь на Валеріана-де Петровича?

— Какая удивительная смѣлвость, сказала Нина, съ цуговской усмѣшкой.

— Скажи ему отъ меня, что онъ эгоистъ и ревнивецъ. Или вѣдь, — лучше не говори ничего. Какое ему дѣло до меня. Онъ дуракъ, Богъ знаетъ за что, перестань къ намъ ходить.

У Вареньки навернулись слезы.

Нина передала Валеріану Петровичу въ точности весь разговоръ.

— Что вы въ самомъ дѣлѣ нейдете туда? прибавила она, — За что вы мучите Вареньку? Вѣдь она плакала, я сама видѣла.

— Женскія слезы вода, отвѣчалъ съ досадой Валеріанъ Петровичъ, вотъ я такъ не заплачу.

Ему все-таки очень не понравилось, что Мишель подарилъ Варенькѣ картинку.

Между тѣмъ время шло. Насталъ августъ, а съ нимъ и дурная погода. Безпрестанные дожди мѣшали гулять. М-ше фонъ-деръ-Штерне начала скучать.

Она была отличная музыкантша. Но лишь только садилась она за фортепіано, Магіе и Лиля, которыхъ дождь удерживалъ въ комнатахъ, начинали ссориться. Въ Петербургѣ дѣтская была далеко, и тамъ разбирала и судила ихъ ссоры Маріанна. Но здѣсь было не такъ. Очень часто м-ше фонъ-деръ Штерне должна была прерывать чудную *Reverie* и съ досадой вставала изъ-за фортепіано; потому что громкій плачь дѣтей заглушалъ музыку. Иногда Мишель, отъ нечего дѣлать, вступался въ ссоры племянницъ и, чтобъ привести все въ порядокъ, начиналъ съ ними играть. Онъ бѣгалъ по всѣмъ комнатамъ за дѣдой, ловилъ его, играли въ жмурки и прятки. Эта бѣготня, смѣхъ и радостные крики еще болѣе сердили м-ше фонъ-деръ-Штерне и выводили ее изъ терпѣнія.

Однажды вечеромъ статскій совѣтникъ сидѣлъ на скамейкѣ на крыльцѣ, выходящемъ въ садъ.

Цѣлый день лилъ дождь и только-что пересталъ. Дѣти шумѣли какъ-то болѣе обыкновеннаго. Жена его была страшно не въ духѣ.

Статскій совѣтникъ былъ очень хорошій мужъ и отецъ семейства. Но на многія вещи смотрѣлъ онъ съ философской точки и былъ терпѣливъ какъ истинный философъ. Но есть два

рода терпѣнія: одно врожденное, безсознательное, которое всегда готово преклонить голову и страдать.

Это терпѣніе пассивное безъ энергіи, вслѣдствіе врожденной робости характера. Оно рѣдко принесетъ пользу кому-нибудь и его-то называютъ добродѣтелью муловъ и другихъ подобныхъ имъ четвероногихъ. Но есть терпѣніе другого рода: разумное, сознательное. Оно съ непоколебимою твердостью стремится къ своей цѣли и рѣдко не достигаетъ ее. Оно не сокрушаетъ препятствія, но очень ловко обходитъ ихъ и незамѣтно понемногу покоряетъ себѣ все. Такое терпѣніе могучій рычагъ.

Ученики Лайолы владѣютъ имъ очень искусно.

Статскій совѣтникъ фонъ-дербъ Штерне воспитывался въ Польшѣ въ колленіумѣ отцевъ іезуитовъ и отъ нихъ приобрѣлъ тотъ философскій взглядъ, который былъ ему очень полезенъ, какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни. Но въ этотъ вечеръ, сидя на крыльцѣ и покуривая сигару, онъ размышлялъ о томъ, что какъ ни пріятно имѣть семейство, но что и для семейнаго человѣка выдаются иногда пренепріятные дни.

Вдругъ дверь на крыльцѣ отворилась. Подошла жена и положила ему на плечо руку.

— Ріегге знаешь-ли что, сказала она, какая мнѣ пришла въ голову мысль.

Ріегге, повернувшись къ ней лице и посмотрѣвъ ей въ глаза вопросительнымъ и вмѣстѣ сомнѣвающимся взглядомъ.

— Намъ надо взять гувернантку для дѣтей. Онѣ испугались, что ни на что не похоже. Притомъ же Магіе уже восемь лѣтъ. Надо ее учить чему-нибудь. У меня нѣтъ терпѣнія, ты знаешь, да мнѣ и некогда.

— Какъ хочешь, отвѣчалъ равнодушно мужъ, продолжая курить.

— Но ты какъ думаешь?

— Пожалуй возьми.

— Знаешь-ли какаа славная мысль. Возьмемъ вотъ эту дѣвушку, дочь хозяйки. Она порядочно образована, у ней хорошій тонъ и манеры, а онѣ, кажется, довольно бѣдны. Она рада будетъ мѣсту и не дорого возьметъ. Вѣдь въ Петербургѣ гувернантки ужасъ какъ дороги.

— Да съ чего ты взяла, что она пойдетъ въ гувернантку? Отпустить-ли ее мать?

— Она мнѣ говорила, что въ Петербургъ поѣдетъ мѣста искать. Имъ жить нечѣмъ.

Ріёгге молчалъ.

— Ну что, да или нѣтъ? говори же скорѣй....

— Какъ ты хочешь.

— Ахъ Боже мой какой ты несносный! вѣчно: какъ ты хочешь!

— Да что-жь мнѣ тебѣ сказать, отвѣчалъ Ріёгге, пожимая плечами. Надо гувернантку, такъ найми.

— Что съ тобой, Ріёгге? tu me bouδες. М те фонъ-деръ-Штерне съ беспокойствомъ заглянула въ глаза мужу.

— Я дѣлаю то же, что ты дѣлала сегодня утромъ.

— Ахъ, какой ты злой. Сегодня утромъ меня дѣти вывели изъ терпѣнья.

— Чѣмъ же мужъ виноватъ? за что ты сегодня цѣлое утро дулась.

И онъ пристально и серьезно посмотрѣлъ въ глаза женѣ.

— Не сердись, Ріёгге, сказала она жалобно какъ ребенокъ, подавая ему руку, я была виновата. Ты ангелъ терпѣнья; а я гадкая, вспыльчивая, капризница. Я такъ стараюсь перемѣнить мой характеръ...

Мужъ взялъ поданную ему руку, поцѣловалъ и не выпуская изъ своихъ, сказалъ полусмѣшливымъ полусерьезнымъ тономъ.

— По крайней мѣрѣ ты сознательна, Marie; это хорошо.

И Marie, какъ ребенокъ, довольная похвалой мужа, съѣла подлѣ него, на скамейку и стала увѣрять его, что она непременно перемѣнится, что ей стыдно и тяжело, что такой превосходный человекъ, какъ ея Ріёгге, долженъ терпѣть отъ ея недостатковъ. На этотъ разъ въ самомъ дѣлѣ она была виновата. Но замѣчательно то, что всѣ размолки между статскимъ совѣтникомъ и женой оканчивались точно такимъ же образомъ. Всегда виноватою оставалась Marie и всегда какъ школьница просила прощенья.

Скажите пожалуйста, читатели не умный-ли человекъ тотъ мужъ, который въ теченіе девяти лѣтъ супружеской жизни никогда ни въ чемъ не былъ виноватъ передъ женою.

На другой день Marie послала за Варенькой и предложила ей у себя мѣсто гувернантки. Варенька согласилась очень охотно. Ее даже не испугало довольно ограниченное вознагражденіе, какое назначили ей расчетливая Marie. Варенька думала, лишь бы

попасть въ Петербургъ, а тамъ со временемъ можно потребовать или прибавки жалованья или пріискать другое мѣсто.

Было рѣшено, что до отъѣзда, Варенька будетъ только почевать дома, а день будетъ проводить со своими воспитанницами.

Ничего не можетъ быть скучнѣе дачной жизни, когда настаетъ осень. И статскій совѣтникъ, и Маріе, и Мишель всё страшно соскучились и начали поговаривать о Петербургѣ. Накунѣ отъѣзда, Варенька зашла къ Нинѣ проститься. Идя назадъ отъ нея она, встрѣтилась съ Валеріаномъ Петровичемъ. Оба они остановились и хотѣли заговорить, но имъ стало какъ-то неловко. Оба сознавали, что надо было сказать очень много или вовсе ничего не говорить.

— Прощайте, Валеріанъ Петровичъ, рѣшилась наконецъ сказать Варенька, завтра я ѣду.

— Вы ѣдете? повторилъ Валеріанъ Петровичъ.

Лице его было холодно и насмѣшливо.—Счастливый путь! Желаю вамъ побольше уснѣховъ. Варенька вспыхнула отъ негодованья.

— Прощайте, повторила она и пошла дальше. О! подумала она, такъ вотъ его любовь. Онъ же еще осмѣлился пожелать мнѣ уснѣховъ. Да развѣ любить, когда не приходять въ отчаяніе отъ разлуки?

Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ Валеріанъ Петровичъ разыгралъ патетическую сцену, еслибъ онъ осмѣялъ Вареньку упреками, разтрогалъ бы ее и разчувствовался самъ наконецъ, гордость и тщеславіе ея были бы удовлетворены и она осталась бы, не смотря на оном условія съ m-me фонъ-деръ-Штерне.

Условія ничего не значать. Можно найти предлогъ, чтобъ отказаться отъ нихъ: внезапную болѣзнь маменьки, или что-нибудь другое въ этомъ родѣ.

Но Валеріанъ Петровичъ не любилъ кукольныхъ комедій, а женщины, какъ извѣстно, любятъ страшный ядъ,—называемый фразами.

На другой день, въ восемь часовъ утра, пароходъ Корнеіа отправился въ Петербургъ.

Между пассажирами сидѣла Варенька. Валеріанъ Петровичъ стоялъ на берегу, и не на пристани, гдѣ обыкновенно стоятъ провожающіе родственники и друзья, а на бульварѣ за густымъ деревомъ и смотрѣлъ въ бинокль на пароходъ до тѣхъ поръ, пока разсѣялся по воздуху и самый паръ отъ него,

Въ тотъ же день вечеромъ Нина гуляла съ Олимпіадою Алексѣевою по дорогѣ мимо лѣса. Онѣ видѣли Валеріана Петровича. Онъ сидѣлъ на своемъ любимомъ камнѣ, подпертъ голову рукой и разсѣянно смотрѣлъ на порхавшую по дереву птичку. Лице его было такъ грустно, что у доброй Нины повернулось сердце. И много дней, и много недѣль, и много даже мѣсяцевъ послѣ того грустилъ и скучалъ молодой человѣкъ.

VI.

Статскій совѣтникъ фонъ-деръ-Штерне имѣлъ въ Петербургѣ собственный домъ, на одной изъ тѣхъ улицъ, гдѣ ни днемъ ни ночью не умолкаетъ стукъ экинажей и гдѣ народъ безпрестанно спуетъ взадъ и впередъ. Всѣ четыре этажа этого дома были набиты жильцами. На немъ красовалось пять выѣсокъ: поршнаго, красильщика, перчаточника, цвѣточницы и моднаго мажистина.

Въ третьемъ этажѣ владѣтель дома занималъ большую квартиру меблированную не только комфортабельно, но даже роскошно. Домикъ этотъ статскій совѣтникъ взялъ въ приданое за женой, что впрочемъ не помѣшало ему жениться на ней по любви. Marie была не хороша собою, но любила музыку, играла à livre ouvert очень трудныя пьесы и сочиняла вальсы и польки. А статскій совѣтникъ, будучи женихомъ, называлъ себя артистомъ въ душѣ. Эти два сердца, какъ видите, соединились гармонія.

Не знаю, гдѣ служилъ ш-г фонъ-деръ-Штерне, но только онъ вовсе не походилъ на тѣхъ статскихъ совѣтниковъ съ озабоченными дѣловыми фізіономіями, отъ которыхъ такъ и вѣетъ департаментами и канцеляріями. Ни чуть ни бывши. Ріёгге былъ человѣкъ свѣтскій, любилъ общество и умѣлъ жить. Кругъ, въ которомъ онъ вращался, состоялъ преимущественно изъ артистовъ и художниковъ. Каждую пятницу у фонъ-деръ-Штерне бывали собранія, гдѣ разыгрывали квартеты, пѣли разные дуо и тріо и въ заключеніе, какъ водится, танцовали. Особенно любилъ Ріёгге разные артистическія знаменитости. Лишь только появлялся человѣкъ, о которомъ Петербургъ начиналъ говорить, Ріёгге непременно старался съ нимъ познакомиться и показать его на своихъ вечерахъ хоть разъ въ зиму.

Ему было все равно, былъ-ли то знаменитый музыкантъ, вѣнецъ или просто фокусникъ.

Ему хотѣлось только, чтобъ на его вечерахъ было весело и чтобы о немъ самомъ также говорили.

Магге не любила расхоловъ и потому лишнія издержки, которыми приходилось жертвовать свѣту, старалась вознаградить экономя въ семейномъ быту. Вообще Магге была изъ тѣхъ хозяекъ, которыя бросаютъ сотни тамъ, гдѣ надо блеснуть, и дрожатъ надъ салынными огарками. Она старалась выгадать на всемъ: на прислугѣ, на отопленіи, на освѣщеніи, даже на столѣ, но все это только тогда когда не было постороннихъ свидѣтелей. Впрочемъ ее почти нельзя было винить за это.

Состояніе у нихъ, конечно, было хорошее, но съ тѣмъ образомъ жизни, къ которому имѣлъ склонность ея Ріегге, очень легко было прожить его, и у нихъ были дѣти.

Положеніе Вареньки въ такомъ домѣ не могло быть совершенно приятнымъ. Правда, что м-ше сень-дэръ-Штерне обхолилась съ ней хорошо и деликатно, когда бывала въ духѣ, но, къ несчастью, у ней былъ неровный характеръ и главное въ ней не было чувства справедливости, которое не дозволяетъ вымѣщать собственную скуку или досаду на первой попавшейся жертвѣ. Если Магге была недовольна лаворамъ, гершиной, прачкой, если ей приносили примѣрять платье, которое дурно сидѣло, — она дулась на мужа, на Вареньку, на весь свѣтъ. Всѣ эти вспышки скандаловъ оценами сожалѣнья и раскаянья съ мужемъ, и удвоенною ласковостью съ Варенькой, — но бѣдной дѣвчискѣ отъ того было не легче. Варенька, какъ мы уже знаемъ, любила свѣтъ, общество и не прочь была бы блеснуть въ немъ. Но въ этомъ домѣ ее нисколько не радовали даже артистическіе вечера съ танцами. Иногда Магге заходила къ ней въ дѣтскую, когда уже начинали освѣщать комнаты и говорила:

— Не правда-ли, m-elle Barbe, вы придете къ намъ, когда уложите дѣтей? Приходите, потанцуете.

Дѣти ложились не рано. Въ десять часовъ выходила иногда Варенька изъ дѣтской и то по вторичному зову Магге.

Въ бальной залѣ ей должно было быть весело, но не всегда такъ случалось. Правда, что иные кавалеры танцовали съ ней охотно и не разъ слышала она, какъ кто-нибудь изъ гостей спрашивалъ у болѣе знакомыхъ въ домѣ:

— Qui est cette charmante personne?

— Это здѣшняя гувернантка. И за этимъ отвѣтомъ часто слы-

довало: А! произносимое такимъ холоднымъ тономъ, — какъ будто вопрошавшій хотѣлъ сказать:

— Какже я не отгадалъ этого съ разу и позволялъ себѣ назвать ее *charmante personne*. — Бывали также и такіе кавалеры, которые въ продолженіи нѣсколькихъ вечеровъ ни разу не ангажировали ее. Дѣвицы заговаривали съ ней только тогда, когда имъ надо было заговорить съ кѣмъ-нибудь *roug se donner une contenance*. Къ тому же и самый нарядъ ея былъ далеко не роскошенъ, и Варенька часто завидовала чужимъ цѣпкамъ, браслетамъ и кружевамъ. Это было совершенно напрасно, потому что въ простомъ бѣломъ платьѣ она была едва-ли не лучше всѣхъ этихъ блестящихъ дамъ. Но женщина, которая любитъ наряды, никогда не повѣритъ, что она можетъ быть также хороша и въ простомъ платьѣ, если только оно къ лицу ей сдѣлано со вкусомъ, — какъ въ томъ, за которое заплачены большія деньги.

Если-жъ иногда Варенька, получивъ жалованье, шила себѣ новое легкое платье или покупала брошекъ, лентъ, цвѣтовъ и другихъ мелочей, ей всегда почти приходилось выслушивать не совѣзмъ пріятныя замѣчанья *Marie*.

— *M-elle Barbe*, говорила иногда статская совѣтница, пересмотрѣвъ всѣ свертки, скажите, пожалуйста, въ чему вы тратите такъ много денегъ? Вы подумайте, въ вашемъ положеніи надо непремѣнно откладывать хотя половину того, что вы получаете.

Самое вѣрное средство для этого покупать себѣ вещи солидныя, прочныя, чтобъ дѣлать ихъ какъ можно рѣже. Напримѣръ, зачѣмъ вы купили себѣ тюлю на платье? на вашемъ мѣствѣ я бы никогда не покупала себѣ такихъ вещей.

— Но, вѣдь, я не могу же надѣвать шерстяное платье, когда у васъ гости.

— А ваше бѣлое вапѣровое.

— Его нельзя надѣвать: оно изорвано и грязно.

— И съ тюлевымъ тоже будетъ, философически замѣчала *Marie*. Вы бы лучше накопили денегъ и сдѣлали себѣ шелковое платье, не изъ очень свѣтлыхъ цвѣтовъ, коричневое или синее съ двумя тальями. Одну *montante* другую *décoltée*. Такъ вы бы его не одинъ годъ носили. Для вечеровъ надѣвали бы открытую талью съ хорошенькой бертой... Это премило. Вѣдь отъ васъ никто не требуетъ, чтобъ вы были одѣты роскошно. Эти замѣчанья выводили Вареньку изъ себя.

— По какому праву, думала она, смѣетъ эта женщина принимать со мною тонъ покровительства. И какое ей дѣло до моихъ нарядовъ? Неужели я не смѣю тратить, какъ хочу, заработанные мною деньги? Очень весело нарядиться на нѣсколько лѣтъ въ коричневое шелковое платье. Ей хочется, чтобы я была на ее вечерахъ чѣмъ-то въ родѣ чернаго пятна, чтобы мое платье было вывѣской моей бѣдности. И часто Варенька плакала отъ досады за несправедливость судьбы, которая дала ей холененькое личико и назначила такую незавидную роль.

Также гордая дѣвушка страдала и отъ небрежнаго съ ней обращенія прислуги. Маріанна, горничная барыни, кромѣ этой должности, занимала также многія другія. Она выдавала провизию, когда барыня было некогда, сплетничала на лакея, на повара, на кучера и на прачку. Когда Marie бывала не въ духѣ, рассказывала ей новости и бранила ее на кухнѣ, сколько душѣ было угодно. Она позволяла себѣ подѣ часть фамильярничать съ Варенькой и часто обращалась къ ней съ жалобами на барыню, когда бывала недовольна ею.

— Наша то, наша-то, говорила она Варенькѣ, помогая ей одѣваться или убирая ее комнату, уморила вчера до слезъ. Бросила пару перчатокъ. Я думала, не нужно ей, и взяла себѣ рванья, всѣ швы распо злись. Вечеромъ вдругъ хватилась. Гдѣ сѣрыя перчатки? Подай перчатки. Я говорю: барыня, да, вѣдь, вы ихъ носить не станете. Такъ разорваны, что и зашить-то нельзя. Какъ нельзя? подай сюда, я сама зашью. Взяла нитку бѣлой бумаги, вѣдь закропала. Хороши еще будутъ, въ муфтѣ не видать. Въ гостиной дворъ ходить пригодится. А чтобы ее; прибавляла Маріанна, аредъ эдакой.

Напрасно Варенька ничего не отвѣчала, или показывала видъ, что ей не нравятся подобные разговоры, Маріанна продолжала въ слухъ бранить барыню, до тѣхъ поръ, пока это не наскучило ей самой. Когда же Варенька обращалась къ ней съ просьбой, выстирать ей манишку или разгладить платье, Маріанна грубо отвѣчала.

— Ну поспѣетъ. Миѣ еще надо три юбки барыни выгладить.

Варенька не разъ уже помышляла оставить этотъ домъ и искать счастья въ другомъ мѣстѣ. Она очень хорошо знала, что для бѣдныхъ гувернантокъ всѣ пути усѣяны терніями. Вездѣ почти прислуга груба или фамильярна, и въ каждомъ домѣ есть свои неудобства. Но Варенька все-таки думала, что авось бу-

дети лучше. Впрочемъ была причина, по которой она не рѣшалась еще привести въ исполненіе свои намѣренія. Варенька же забыла еще Валеріана Петровича, но она рѣшилась забыть его, что почти одно и то же. Онъ оскорбилъ ея самолюбіе, же стоило любить его.

Мишель велъ себя съ Варенькой такъ просто, благородно и дружески, что она съ каждымъ днемъ привязывалась къ нему болѣе и болѣе. Онъ жилъ въ томъ же домѣ, но въ особой квартирѣ, и рѣдкій день не бывалъ у сестры. Следовательно ему очень легко было сблизиться съ Варенькой. У него была особая манера выказывать свое расположеніе, которая очень нравилась молодой дѣвушкѣ. Онъ не намекалъ ей о любви, не говорилъ льстивыхъ фразъ. Но онъ любилъ разговаривать съ ней. Если она бывала скучна, онъ старался развлечь ее веселыми разсказами. Если дѣти въ иной день капризничали болѣе обыкновеннаго, онъ начиналъ съ ними играть, приносилъ имъ конфетъ, игрушекъ, и нередко такимъ образомъ доставлялъ Варенькѣ часа два или три отдыха. На вечерахъ онъ не оказывалъ ей особаго вниманія, чтобы не компрометировать ее. Но если она сидѣла съ полчаса въ углу, никто не замѣчая, Мишель непременно ангажировалъ ее и выводилъ такимъ образомъ на большую сцену. Онъ приносилъ Варенькѣ книги, позволялъ себѣ иногда давать ей маленькіе совѣты и еще частъ очень тонко и ловко намекалъ ей, что понимаетъ ея положеніе и сочувствуетъ ему. Все это внушало Варенькѣ довѣренность къ нему.

Marie не могла не замѣтить участія брата къ Варенькѣ, но она приписывала его единственно добротѣ Мишеля. Надо знать, что когда Мишель былъ еще ребенкомъ, всѣ въ домѣ баловали его. Маленькій Миша любилъ, чтобы его ласкали и хвалили. Онъ охотно дѣлился съ нянькою закошествами, и она, лаская его, часто приговаривала:

— Вотъ добрый баринъ.

Этотъ эпитетъ очень нравился ребенку. Чтобы заслужить его, онъ былъ послушенъ и ласковъ ко всему. Часто, увидѣвъ нищаго, онъ бѣжалъ къ матери и выпрашивалъ у ней нѣдѣльнѣ денегъ и подавалъ милостыни, а мать, цѣлуя его, приговаривала:

— У этого мальчика золотое сердце.

Поступивъ въ училище, Миша всѣми силами старался под-

держатъ между товарищами свою репутацию доброго мадьяка. Для этого онъ всѣмъ дѣлился съ ними и помогалъ, имъ могъ. Такой родъ доброты обратился у него въ привычку. Но до какой степени эта доброта была добродѣтельною, не беремся опредѣлить.

Еслибъ въ людяхъ, подобныхъ Мишелю, старались съ дѣтства развить чувство справедливости, вмѣсто того, чтобы цѣловать ихъ по головкѣ и называть добрыми мадьяками за то, что они подаютъ нищему чужую кофѣйку, право, кажется, было бы легче жить на свѣтѣ и имъ самимъ и другимъ. Мы такъ заняты нашими житейскими интересами, такъ увлечены ежедневнымъ стремленіемъ нашей дѣятельной жизни, что рѣдко имѣемъ время заглядывать въ глубину души. Но когда это случается, пусть бы наши испорченныя натуры опирались въ такія минуты хотя на чувство справедливости. Сколько случается встрѣчать намъ добродѣтельныхъ дамъ, которыя, въ порывахъ великодушія или филантропіи, совершаютъ, такъ называемыя, добрыя дѣла: выдаютъ пенсіи бѣднымъ, воспитываютъ сиротъ на свой счетъ и въ то же время мучатъ своими капризами домашнихъ, не платятъ по полугоду своимъ швеямъ, оравляютъ, изъ ничѣмъ не оправданной антипатіи, жизнь какого-нибудь бѣднаго существа воплію отъ нихъ зависящаго и т. п.

Доброта, великодушіе—это роскошь сердца, которая можетъ имѣть цѣну только тогда, когда справедливость—его совѣсть: Какъ бы то ни было, Магіе считала своего брата за добрейшаго брата на землѣ, в его внимательность къ Варенькѣ не наводила ее ни на какую мысль.

Наступало Рождество. По случаю близкихъ праздниковъ у Магіе было много расходовъ, въ особенности по части туалета. За то она придумывала разные экономическіе извороты въ своемъ хозяйствѣ. Надо было сдѣлать дѣтямъ елку. Безъ этого нельзя. Во всѣхъ порядочныхъ домахъ дѣлаютъ дѣтямъ елку. Вмѣсто того, чтобъ купить ее готовую въ кондиторской, ей пришла мысль, убрать елку дома. Она рассчитала, что это будетъ дешевле. Наканунѣ Рождества она купила конфетъ, вызолоченныхъ орѣховъ и свѣчь, и поручила Варенькѣ урасить дерево. Чтобъ дѣти не видѣли, какъ имъ готовятъ сюрпризъ, она увезла ихъ обѣдать къ своей теткѣ; Ріегге также тамъ обѣдалъ, но пріѣхавъ домой тотчасъ послѣ обѣда. Онъ говорилъ, что у него было много дѣла. Хотя статскій совѣтникъ не былъ

великимъ труженникомъ департамента, но по временамъ, на столѣ въ его кабинетѣ, появлялись дѣловыя бумаги, съ которыми онъ раздѣлывался очень скоро.

Варенька убрала уже всю верхушку елки, когда въ передней раздался звонокъ. Елка стояла въ столовой, откуда стеклянная дверь вела въ залъ. Варенька думала, что пріѣхала Маріе съ дѣтьми, и подошла къ двери, чтобъ посмотреть. Но мимо ее прошолъ въ свой кабинетъ статскій совѣтникъ. Варенька вида, что ошиблась, отошла отъ двери и стала продолжать свою работу. Не прошло пяти минутъ, Ріегге вошелъ въ столовую. Варенькѣ это не понравилось. При гостяхъ, при женѣ, онъ не обращалъ на гувернантку ни малѣйшаго вниманія, но за то, когда не было свидѣтелей, или когда другіе не могли видѣть, Варенька замѣчала, что онъ преслѣдуетъ ее какимъ-то настоящимъ страннымъ взглядомъ.

Она сухо поклонилась ему и продолжала навязывать конфеты на елку.

— О, да это будетъ великолѣпно, сказалъ Ріегге, подойдя къ ней и устремивъ по-видимому все свое вниманіе на елку. Не хотите-ли, я помогу вамъ?

— Благодарю, я скоро кончу.

— Однако Маріе задала вамъ порядочную работу. У ней бывають иногда странныя фантазіи.

Варенька не отвѣчала.

— Не правда-ли, прибавилъ онъ съ улыбкой, помолчавъ съ минутку, надо имѣть много терпѣнья, чтобъ ладить съ моею женой.

— Кто-жь не имѣетъ недостатковъ? Если м-ме фонъ-деръ-Штерне бываеть иногда вспыльчива, то ей можно извинить это, потому что она сама сознается въ этомъ, и если сдѣлаеть что-нибудь неурятное, то всегда старается загладить.

— Очень утѣшительно, особенно для мужа, сказалъ Ріегге насмѣшливо.

Онъ взялъ яблоко и началъ навязывать его на вѣтку.

— Эти драматическія сцены раскаянья и слезъ хороши только для театра, или пожалуй, изрѣдка и въ дѣйствительной жизни *rouge varié en rose*. — прибавилъ онъ улыбаясь и смотря прямо въ глаза Варенькѣ, женщины вѣдь не любятъ однообразія. Но когда это повторяется каждый день, право надоѣсть. Вся

жизнь испорчена,—она уже не имѣетъ цѣны. Живешь себѣ, такъ какъ-нибудь, день за день.

До сихъ поръ мы не упоминали о наружности статскаго совѣтника. Теперь не мѣшаетъ дать о ней маленькое понятіе. Онъ былъ высокаго роста и пропорціонально полонъ. Лице умное и выразительное. Очень были красивы и высокій лобъ его, и орлиный носъ, и шелковистые темные бакенбарды. Не хороша была только улыбка его тонкихъ губъ, а онъ часто улыбался. У него были бѣлые ровные зубы. Одѣтъ онъ былъ всегда очень изящно, потому что занимался своимъ туалетомъ, какъ женщина.

При послѣдней фразѣ онъ взглянулъ и придалъ своему лицу очень грустное и трогательное выраженіе. Ему очень хотѣлось разыграть роль несчастной жертвы. Но Варенька смѣялась въ душѣ и нарочно ничего не отвѣчала. Ей хотѣлось посмотрѣть, какъ онъ будетъ продолжать эту роль, безъ всякаго одобренія съ ея стороны. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Ріегге очень усердно навязывалъ грецкіе орѣхи.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ онъ вдругъ, отчего дѣвочки бываютъ такъ милы и добры, и отчего онѣ дѣлаются несносными и капризными, когда выйдутъ за-мужъ.

Отвѣта избѣжать было нельзя.

— Я увѣрена, отвѣчала Варенька холодно, что въ этомъ виноваты мужья.

Ріегге закусилъ губы.

— Вы увѣрены? повторилъ онъ. Слѣдовательно въ нашихъ сценахъ съ Магіе вы постоянно обвиняете меня.

— Я не имѣю никакого права не обвинять ни васъ, ни ш-ше фонъ-деръ-Штерне:

— Вы хотите сказать, что я наскучилъ вамъ, и что вамъ нѣтъ дѣла ни до меня, ни до моей жены! Онъ опять улыбнулся и заглянулъ Варенькѣ въ глаза.

— Я этого не говорила.

— Но подумали? это все равно. Да, въ самомъ дѣлѣ, я глупъ, что жалуюсь. Это, впрочемъ, не моя привычка. Но бываютъ случаи, когда сердце само высказывается....

Ріегге навязывалъ уже орѣхи совсѣмъ подлѣ Вареньки, такъ что рука его едва не касалась ея руки. Къ счастью она замѣтила съ другой стороны ничѣмъ не завѣшенную вѣтку и быстро перешла къ ней.

— Развѣ вы сегодня поссорились съ тѣмъ фонъ-дери-Штерне, сказала она, почти не думая о томъ, что говорить.

Ей было неловко. Молчаніе пугало ее болѣе, нежели самый разговоръ.

— Нѣтъ. Но, вѣдь, мнѣ отъ этого не легче. Одной ссорой больше или меньше, ничего не значить. Если я осмѣлился такъ откровенно говорить съ вами, то я думалъ, что вы примите во мнѣ маленькое участіе. Скажите, ошибся я?

Онъ опять придвинулся къ ней. Варенька не знала, что ей дѣлать. Она всѣми силами души желала, чтобъ кто-нибудь позвонилъ въ эту минуту.

— Вы не хотите отвѣчать мнѣ, спросилъ онъ голосомъ, дрожавшимъ отъ волненія.

— Но, Боже мой, какого участія вы требуете отъ меня, проговорила Варенька, съ досадой отодвинувшись отъ него и уронивъ нечаянно на полъ нѣсколько орѣховъ.

Она хотѣла было поднять ихъ, но статскій совѣтникъ оставилъ ее.

— Оставьте, бросьте эту дрянь, сказалъ онъ. Лучше выслушайте меня. Мнѣ такъ давно хотѣлось поговорить съ вами. Вы спрашиваете, какого участія я требую отъ васъ. Того самого, произнесъ онъ, медленно дѣлая удареніе на каждомъ словѣ, котораго мы всегда желаемъ встрѣтить въ любимой женщинѣ.

Варенька вспыхнула. Она гордо посмотрѣла на статскаго совѣтника и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ дверямъ. Но онъ бросился впередъ, прислонился къ стеклянной двери и загородилъ ей дорогу.

— Нѣтъ, сказалъ онъ настойчиво, вы не уйдете отсюда, не выслушавъ меня.

Глаза его горѣли. Варенька остановилась въ недоумѣніи.

— Такъ, значитъ, я должна непременно выслушать объясненіе отъ васъ, сказала она, пожавъ плечами, и посмотрѣла на него гнѣвно и презрительно. Отъ женатаго человѣка?

— Не сердитесь, отвѣчалъ онъ тихо. Что вы потеряете, если выслушаете меня?

Варенька отошла на другой конецъ столовой и сѣла.

— А если я все это расскажу вашей женѣ? сказала она, обрадовавшись внезапной мысли.

— Вы сдѣлаете очень худо. Вы прибавите еще немножко отравы въ мою жизнь, безъ всякой пользы для себя, а себя вы

вде-таки, скомпрометируете. Жена подумаетъ, что если я ухаживаю за вами, то вѣроятно вы сами дали мнѣ поводъ.

— О это ужь слишкомъ, вскричала Варенька въ негодованіи. Пустите же меня отсюда выдти, сей-часъ же... сію минуту.

Piège отрицательно покачалъ головой.

— Вѣдь, я сказалъ, повторилъ онъ, что такъ подумаетъ моя жена, хотя на дѣлѣ я очень хорошо знаю, что это вовсе не такъ. Вы всегда держали себя отъ меня на сто шаговъ разстоянія. Я притворялся, что и самъ также далекъ отъ васъ для того, чтобы не компрометировать васъ. Вѣдь я не школьникъ, прибавилъ онъ съ язвительной усмѣшкой, не Мишель. Я дорожу репутацией и спокойствіемъ той женщины, которую люблю.

Варенька сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Да люблю, повторилъ онъ серьезнымъ тономъ, подойди къ ней и остановись въ трехъ шагахъ отъ нея. Я наблюдаю за вами издали, я понялъ, что вы умны, добры, видѣлъ и вижу, что вы хорошенькая очаровательная дѣвушка и полюбилъ васъ какъ сумасшедшій. Сердитесь или нѣтъ, вѣдь я право же не виноватъ въ этомъ.

Какъ ни досадно было Варенькѣ, но это оправданіе, сказанное самымъ наивнымъ тономъ, умѣрило ея гнѣвъ, потому что показалось ей очень забавнымъ. Она встала.

— Согласитесь однако, сказала она, что съ вашей стороны очень дурно употреблять во зло мое положеніе въ вашемъ домѣ. Еслибъ я не была бѣдной дѣвушкой, еслибъ необходимость не заставила меня жить у васъ наемницей, еслибъ я принадлежала къ вашему кругу, вы не были бы такъ дерзки.

Слезы навернулись у ней на глазахъ, голосъ дрожалъ.

— Э, нѣтъ, отвѣчалъ добродушно статскій совѣтникъ, кто бы вы ни были, герцогиня или гувернантка, мнѣ все равно. Я человекъ безъ предрѣзсудковъ. Рано или поздно я бы высказался. Вы заговорили о вашемъ положеніи, вотъ объ немъ-то я и хотѣлъ поговорить съ вами. Вы можете мнѣ вѣрить. Я знаю свѣтъ и людей, а въ особенности нашъ Петербургъ. Неужели вы, такая умная и хорошенькая дѣвушка, воображаете, что долго будете въ состояніи вести эту жалкую жизнь гувернантки? Неужели вы думаете, что у васъ достанетъ силы, воли и терпѣнія, провести всю молодость почти въ отреченіи отъ самой себя, потому что вы, вѣдь, не имѣете часа въ день, которымъ могли бы располагать, какъ желаете. Неужели вы думаете, что

судьба обрекла васъ вѣчно переносить капризы и самовластіе такихъ, которыя не стоятъ вашего мизинца, какъ напримѣръ, моя Магіе. Повѣрьте мнѣ, вы ошибаетесь. Вы умны, рано или поздно вы поймете, что эта жизнь, или лучше сказать, самопожертвованіе ни къ чему не ведетъ. Если-жь, на бѣду, навернется тогда, вотъ такой вѣтрогонъ, какъ Мишель,—вы пропади. Отъ такихъ безхарактерныхъ мальчиковъ нечего ждать добраго. Онъ поиграетъ вами, какъ игрушкой, и броситъ. Такъ не лучше-ли же, прибавилъ онъ, страстно смотря на нее, не отвергая участія человѣка, который пожилъ уже на свѣтѣ, который не вѣтрогонъ, не школьникъ, а въ двадцать разъ опытнѣе васъ. Я всегда могу вамъ быть полезнымъ мовми совѣтами. Не отвергайте же моей дружбы. Онъ подвинулся къ ней на шагъ и смотрѣлъ на нее сверкающими глазами,

— Варенька, милая Варенька, сказалъ онъ, нагнувшись къ ней, вѣрьте, что я люблю васъ, со мной вы будете счастливы. Она хотѣла отступить, но было некуда. Позади стоялъ стулъ. Ріегге схватилъ ее за талю, и уже собирався поцѣловать. Она вскрикнула и собравъ всѣ силы, оттолкнула его. Потомъ побѣжала къ дверямъ и вдругъ остановилась. Она увидѣла за стекломъ блѣдное, встревоженное лице Магіе... Ріегге также замѣтилъ жену. Онъ смутился, но не на долго. Первымъ движеніемъ его было, достать изъ кармана папиросочницу. Потомъ онъ подошелъ къ свѣчкѣ, горѣвшей на маленькомъ столикѣ у стѣны, и началъ медленно закуривать сигару. Магіе съ шумомъ отворила дверь и влетѣла какъ ураганъ. Варенька успѣшила уйти.

— *Bon soir* Магіе, сказалъ Ріегге, очень спѣкойно повернувъ немного голову къ женѣ, которая остановилась въ трехъ шагахъ отъ него. Что ты такъ засидѣлась тамъ?

Магіе, пріѣхавъ отъ тѣтки, прошла по черной лѣстницѣ для того, чтобъ дѣти не увидѣли елку, пока она не была еще освѣщена. Магіе очень любила своего мужа. Въ продолженіе девяти лѣтъ ихъ супружества, онъ такъ умѣлъ убаюкать ея ревность, что она считала его за самаго солиднаго человѣка, съ превосходными правилами, и была убѣждена, что онъ искренно привязанъ къ ней. Она только сожалѣла, какъ мы видѣли, что не умѣетъ доставить этому совершенству изъ людей столько счастья, сколько онъ заслуживалъ. Она не слыхала всего разговора мужа съ Варенькой, потому что подошла къ дсе-

ри въ ту минуту, когда Pièrre обнялъ Вареньку за талю. Сначала Marie не повѣрила своимъ глазамъ. Но сомнѣваться долго было нельзя, особенно когда Варенька энергическимъ движеніемъ оттолкнула его. Marie задышалась отъ отчаянія и негодованія. Она была страшно блѣдна и нервически дрожала всѣмъ тѣломъ.

Спокойный тонъ, какимъ Pièrre произнесъ свой вопросъ, озадачилъ ее. Она готова была уже разразиться самыми долгими упреками, но они замерли на ея губахъ. Она стояла молча и только мѣрила мужа съ головы до ногъ такимъ презрительнымъ взглядомъ, что онъ долженъ былъ, кажется, сгорѣть со стыда или превратиться въ мышку и убѣжать поскорѣй куда-нибудь въ норку. Но Pièrre былъ не таковъ. Еслибъ и существовали нынче, какъ въ золотую старину, благодѣтельные феи, превращавшія людей, въ критическія минуты жизни, въ маленькихъ незамѣтныхъ животныхъ, то и тогда онъ не воззвалъ бы въ глубинѣ души къ этимъ благодѣтельнымъ волшебницамъ. Въ случаѣ надобности, онъ сьумѣлъ бы самъ, безъ ихъ помощи, превратиться въ мышенка. Но какъ человѣкъ умный, онъ зналъ, что съ женой такая роль опасна, и рѣшился выдержать бурю съ свойственной ему философіею.

— Et bien, qu' est ce qui t'arrive, Marie? сказалъ онъ. Ты вся дрожишь, не больна-ли ты?

— Oh tu es un infame! вскричала Marie и залилась слезами.

Pièrre стиснулъ сигару въ зубахъ, захмурилъ брови и началъ ходить большими шагами по столовой. Marie опустила на стулъ и продолжала рыдать.

Бѣдная женщина страдала жестоко. Но замѣчательно то, что ее не столько огорчала сцена, которой она только что была свидѣтельницей, какъ мысль, что ея Pièrre можетъ быть всегда ее обманывалъ, а она была счастлива только блаженнымъ невѣдѣніемъ.

— Боже мой, вскричала она, не переставъ плакать, такъ вотъ какъ онъ всегда меня обманывалъ! А я вѣрила, я любила его! и Marie истерически захохотала.

Pièrre подошелъ къ ней.

— Клянусь тебѣ, Marie, проговорилъ онъ торжественнымъ, глубоко-убѣждающимъ тономъ, что это въ первый разъ, и притомъ это такіе пустяки, прибавилъ онъ уже не такъ торжест-

вѣрно, что, право, умная женщина не станетъ изъ-за этого выходить изъ себя.

— Пустяки! вскричала Магіе. Такъ это по твоему пустяки? Измѣнить женѣ и на ея глазахъ ухаживать за другой. Это пустяки?

Она вскочила.

— Выслушай меня.

— О, да, я знаю. Стоитъ только послушать тебя, ты, пожалуй, еще правъ останешься! Не хочу ничего слушать. Все кончено между нами... Боже мой, Боже мой! есть-ли женщины несчастіе меня!

И Магіе ушла быстрыми шагами, закрывъ лицо платкомъ и продолжая рыдать. Ріёгге прошолся еще вѣсколько разъ по комнатѣ, потомъ отправился въ свой кабинетъ. Здѣсь онъ легъ на софу и погрузился въ глубокую думу, покуривая свою сигару.

Прошло съ полчаса. Въ домѣ царствовала совершенная тишина, какъ бываетъ всегда, если есть опасный больной. Слуги, соображаясь съ расположеніемъ духа господъ, не освѣщали комнатъ. Только въ дѣтской горѣла въ мѣдномъ шандалѣ сальная свѣча, и Варенька торопливо укладывала въ чемоданъ и картонки свое имущество. Дѣти вертѣлись около нея. Бѣдная дѣвушка твердо рѣшилась завтрашній же день оставить этотъ домъ. Но куда дѣваться? Этотъ вопросъ она никакъ не могла разрѣшить.

— Конечно, думала она, я найду себѣ скоро другое мѣсто. Но пока найду, все-таки пройдетъ недѣли двѣ, а можетъ быть и мѣсяцъ. Нечего и думать ѣхать къ м-ше Жерменъ—просить у ней убѣжища,—она вообразитъ еще, пожалуй, что меня не хотятъ держать здѣсь ни одного дня, и будетъ читать мораль на счетъ того, что на мѣстахъ надо жить по двадцати лѣтъ. Къ тому же, я слишкомъ хорошо знаю, какъ тамъ рассчитываютъ каждую чашку чаю и каждый кусокъ хлѣба. И что заговорать гувернантка и дѣти, когда я явлюсь туда, какъ какая-нибудь изгнанница, просить пріюта?—Тѣтя также не можетъ взять меня. Одно средство: нанять гдѣ-нибудь комнату и какъ можно скорѣе идти къ м-ег N и записаться кандидаткой... Но вотъ бѣда: завтра первый день праздника. Кто ищетъ квартиру въ такой день? Какими глазами посмотреть на меня, когда я приду нанимать комнату?—И Варенька чуть не плакала, придумывая куда ей пріютиться. Она загля-

нула въ свой порт-монне. Тамъ лежали двѣ депозитки: одна въ десять, другая въ пять рублей и нѣсколько мелкихъ серебряныхъ монетъ. Новая мысль испугала ее. Ей пришло въ голову, что она можетъ не вайти мѣста въ продолженіе двухъ и даже трехъ мѣсяцевъ. Какъ же прожить съ пятнадцатью рублями? Но молодость самонадѣянна. — Эта мысль не долго тревожила Вареньку.

— Что жь, думала она, буду питаться хлѣбомъ и водой, въ случаѣ крайности продамъ что-нибудь; но оставаться здѣсь не возможно! Видѣть этого отвратительнаго человѣка, видѣть, какъ будетъ дуться его жена, когда я ни въ чемъ не виновата, нѣтъ, нѣтъ!.. Ни одного дня не хочу я оставаться здѣсь!

И она комкала свои манишки и ленты, укладывая ихъ куда ни попало. Еслибъ было можно, она тотчасъ убѣжала бы изъ этого дома, гдѣ такъ оскорбили ея гордость. Между тѣмъ лакей накрылъ столъ и принесъ самоваръ. Маріанна пошла къ баринѣ. Магіе всегда дѣлала чай сама. Когда Маріанна вошла, она лежала на кушеткѣ. Глаза ея распухли отъ слезъ.

— Поди, скажи барину, отвѣчала она дѣвушка, пусть онъ самъ дѣлаетъ чай. Я не хочу.

Какъ ни была разстроена Магіе, но не хотѣла отступить отъ своихъ правилъ—довѣрить ключи отъ чайнаго ящика Маріаннѣ, которая точно также могла бы сдѣлать чай. Маріанна отправилась въ кабинетъ къ барину.

Тамъ было темно, и Ріегге спалъ сномъ невинности. Маріанна разъ пять окликнула его прежде, чѣмъ онъ проснулся.

— Что такое, что тебѣ надо? спросилъ онъ, досадуя, что его разбудили, и протирая съ просонья глаза.

— Барыня велѣла вамъ сказать, чтобъ вы чай сдѣлали. Вотъ-съ ключи прислали.

— Да, что вы съ барыней съ-ума сошли, что-ли?

И Ріегге толкнулъ ключи такъ, что они полетѣли на полъ.

— Съ чего вы взяли, что я буду дѣлать чай?

— Да барыня не хотятъ-съ дѣлать.

— Ну такъ поди, скажи Варварѣ Александровнѣ.

Маріанна пошла въ дѣтскую.

— Баринъ велѣлъ вамъ чай сдѣлать, сказала она Варенькѣ очень фамильярнымъ тономъ.

— Баринъ?! повторила Варенька, оставивъ свой чемоданъ и презрительно взглянувъ на Маріанну. Поди, скажи ему, что я

не хочу дѣлать чай. Ннѣ некогда, я укладываю-шон вещи, чтобы уѣхать завтра.

— Вотъ какъ, проговорила Маріанна насмѣшливо.

На этотъ разъ она не такъ смѣло вошла въ кабинетъ статскаго совѣтника. Ріёгге зажегъ свѣчку и сѣлъ перелмстивать бумаги.

— Баринъ, проговорила Маріанна, робко высунувъ голову изъ-за двери.

— Ну, что тебѣ еще надо? вскричалъ онъ съ нетерпѣніемъ.

— Варварѣ Александровнѣ некогда дѣлать чай. Она укладываютъ свои вещи.

Ріёгге изъ всей силы бросилъ перо, которое взялъ было въ руки, повернулся на стулѣ и топнулъ ногой.

— Убирайся съ твоимъ чаемъ. Развѣ ты не можешь сдѣлать сама?

Маріанна проворными шагами направилась въ столовую.

Ріёгге всталъ, далеко оттолкнулъ стулъ, прошояся по комнатѣ раза три, потомъ постоялъ съ минуту въ раздумьѣ, потеръ лобъ, взъерошилъ волосы, какъ дѣлаютъ это обыкновенно въ минуту сильнаго недоумѣнія, и наконецъ отправился къ женѣ. Онъ вошелъ едва слышными шагами по мягкому ковру, который покрывалъ весь полъ въ этой красивой, уютно-убранной комнатѣ. Ее слабо освѣщала лампа, закрытая абажуромъ. Она стояла посреди столика передъ кушеткой, Тутъ же стоялъ стаканъ сахарной воды, стекляночки съ каплями. При входѣ мужа, Маріе едва приподняла голову и спросила отрывисто:

— Что вамъ надо?

Ріёгге сѣлъ въ широкое бархатное кресло подлѣ кушетки.

— *Voilà, Marie*, сказалъ онъ, *soyez raisonnable*.

Она язвительно усмѣхнулась и схватила за стаканъ съ сахарной водой.

— Я былъ виноватъ, продолжалъ онъ смиренно, и прому тебя, прости меня.

Онъ взялъ ея руку и хотѣлъ поцѣловать. Маріе отдернула ее.

— А завтра начнешь то же самое? спросила она съ той же усмѣшкой.

— Э, да нѣтъ же! отвѣчалъ онъ съ нетерпѣливымъ движениемъ. Ты, право, изъ мухи дѣлаешь слона. Неужели ты думаешь, что я меньше люблю тебя оттого, что, въ минуту без-

дѣла, хотѣлъ поцѣловать смазливую дѣвочку, которая подвернулась мнѣ подъ-руку?

— Но ты любишь ее, ты любишь! вскричала Magie съ не-притворнымъ отчаяніемъ и зарыдала.

— Любишь! повторилъ Riègge съ досадою, передразнивая же-ну, да развѣ любить тѣхъ женщинъ, за которыми вздумаютъ приволокнуться отъ бездѣля. Еслибъ она поменьше кокетничала съ твоимъ братомъ, мнѣ никогда не пришло бы въ голову испытывать ея добродѣтель. Ты пойми же наконецъ разницу между горячей сердечной привязанностью къ женѣ и пустымъ ухаживаньемъ за какой-нибудь кокеткой. Я знаю, что ты добра, Magie, и любишь меня. Вѣрь мнѣ, что я никогда ни для кого на свѣтѣ не хочу лишиться твоей привязанности.

Riègge произнесъ эти послѣднія слова съ драматическимъ выраженіемъ и взялъ руку жены.

На этотъ разъ Magie позволила ее поцѣловать. Она начинала понемногу оживать.

— Очень пріятно мнѣ будетъ держать ее въ домѣ, проговорила она, смотря въ уголъ комнаты, чтобы не встрѣтиться глазами съ мужемъ.

— Откажи ей, и дѣло съ концомъ. Если она не совсѣмъ глува, то и сама не останется.

— Да, вскричала Magie, пораженная внезапной мыслью, а ты будешь радъ? Ты наймешь ей квартиру, будешь ходить къ ней?

Она приподнялась съ подушекъ, облокотилась на локоть и смотрѣла на мужа во всѣ глаза. Ей хотѣлось подмѣтить на его лицѣ хоть одно движеніе, которое бы выдало его тайную мысль.

— Не безпокойся, отвѣчалъ Riègge спокойно и холодно, я и намѣренъ тратить денегъ ни для нея, ни для другихъ подоб-ныхъ ей женщинъ. Все, что ты говоришь, сдѣлаеть Мишель и безъ меня.

И онъ началъ насвистывать какой-то мотивъ, любуясь сво-ими ногтями.

— Боже мой, заговорила опять Magie, закрывъ лице руками, какъ я подумаю, сколько можетъ быть разъ ты прежде обманывалъ меня!

— Ну вотъ опять бѣда! Да ты подумай, Magie, вѣдь что про-шло, того ужъ не воротить, проговорилъ онъ съ усмѣшкой.

— А, такъ ты обманывалъ? ты самъ признаешься?

Щеки Magie пылали. Она впивалась въ мужа глазами.

— Я это нарочно сказалъ , потому что ты выводилъ меня изъ терпѣнья. Ты сама придумываешь огорченія. Я женился, любя тебя. До сегодняшняго дня ты, я думаю, не можешь пожаловаться, что была несчастна со мной. Ты лучше вспомни, сколько вспышекъ перенесъ я отъ тебя въ девять лѣтъ. Еслибъ я не любилъ тебя искренно, то мнѣ давно бы это надобно, и тогда даже послѣ сегодняшней сцены я не сидѣлъ бы тутъ и не старался бы успокоить тебя... Я думаю, можно простить мужу его первую вину, если только любишь его, прибавляя оиъ съ улыбкою, поцѣловавъ жену въ лобъ. Мы всѣ люди, всѣ имѣемъ свои недостатки. Надо быть снисходительными...

— Да послѣдняя-ли это вина твоя? спросила Marie съ слабой улыбкой

— Первая и послѣдняя, даю тебѣ честное слово.

— А я дамъ себѣ слово никогда больше не держать гувернантокъ.

— Ну, это какъ хочешь.

Riège просидѣлъ еще нѣсколько времени у жены и вышелъ отъ нея, вполне довольный, что успѣлъ заключить миръ.

— Ухъ! какую обузу свалилъ я съ плечъ, подумалъ оиъ, зѣвая и потягиваясь, пока шолъ въ столовую, гдѣ дѣти прыгали около незажженной елки. Теперь, по крайней мѣрѣ, я могу наслаждаться спокойствіемъ. Меня не будутъ будить, чтобъ дѣлать чай. А вѣдь бѣда, когда женщины думаютъ, что имѣютъ право намъ мстить. Оиѣ въ состояніи все переломать, перевернуть, уничтожить весь комфортъ нашей жизни и ея приемычкъ...

Пріѣхалъ Мишель и тотчасъ замѣтилъ, что въ домѣ что-то не такъ.

— Гдѣ-жь Marie? спросилъ оиъ у зятя, пока тотъ наливалъ ему стаканъ чаю.

— Нездорова, у ней мигрень сегодня.

— Плохо-жь вы хозяйничаете безъ нея, сказалъ Мишель, указывая на елку.

— Дядя Миша, зажгите, пристаи къ нему дѣти.

— Что-жь вы не попросите Варвару Александровну?

— Ей некогда, отвѣчала маленькая Marie, махнувъ рукой.

— Она плацетъ, прибавила Дядя, покачавъ головкой и устремивъ на дадю свои большіе глазки.

Оиъ всталъ ея на руки.

— Ну такъ дѣлать нечего, давай зажигать вмѣстѣ.

Мишель зажегъ елку и, пока дѣти въ восторгѣ разсматривали ее, сходилъ въ переднюю, принесъ игрушки, которыя привезъ для праздника, и разложилъ ихъ на маленькомъ столикѣ, такъ что дѣти не видали.

— Посмотрите-ка, что здѣсь, сказалъ онъ имъ.

Магіе и Лили бросились къ столику. Лили готова была отъ радости созвать всѣхъ любоваться ея игрушками. Она обнимала и цѣловала дядю, схватила за руку Маріанну, проходившую по залѣ, и притащила ее къ игрушкамъ. Потомъ вспомнила о Варенькѣ, побѣжала въ дѣтскую и такъ неотступно просила ее, что Варенька, чтобъ скорѣй отдѣлаться отъ нея, рѣшилась пойти на нѣсколько минутъ въ столовую.

Ея разстроенный, смущенный видъ подтвердилъ подозрѣнія Мишеля.

— Жена больна, мужъ дуется, гувернантка плачетъ. Кажется, дѣло ясно, какъ день.

Мишель хорошо зналъ своего зятя. Онъ притворился, что ничего не замѣчаетъ, и занялся дѣтми. Въ числѣ игрушекъ, привезенныхъ имъ для Магіе, былъ волшебный фонарь. Дѣти, разсмотрѣвъ раскрашенныя картинки, нарисованныя на стеклянныя дощечкахъ, тотчасъ пожелали видѣть въ увеличенномъ видѣ на стѣнѣ. Надо было исполнить ихъ желаніе. Но такъ какъ въ освѣщенной комнатѣ нельзя было показывать тѣней, то Мишель перенесъ фонарь въ классную, которая была рядомъ съ дѣтской. Тутъ ему понадобилось содѣйствіе Вареньки. Надо было достать восковой огарокъ, помочь развѣсить на стѣну простыню и -пр.

Piège не помогъ за ними. Онъ остался ходить по залѣ. Когда все было готово, свѣчка погашена и на стѣнѣ появилась дама въ розовомъ платьѣ и съ огромной мухой на носу, которая привлекла все вниманіе дѣтей, Мишель спросилъ у Вареньки по-французски, чтобъ дѣти не все слышали:

— О чемъ вы плакали?

Варенька не отвѣчала.

— Я почти знаю, въ чемъ дѣло, продолжалъ Мишель, вась сестра обидѣла сегодня чѣмъ-нибудь.

— Худо же вы угадываете, отвѣчала Варенька.

— Ну, если не она, такъ мужъ ея.

— Я завтра уѣду отсюда, сказала Варенька, помогавъ съ минутой.

— Куда, неужели домой? спросилъ Мишель встревоженнымъ голосомъ.

— О, нѣтъ, я буду искать себѣ другаго мѣста.

— Да гдѣ-жь вы будете до тѣхъ поръ?

— Не знаю, гдѣ-нибудь у знакомыхъ.

— Но развѣ нельзя остаться здѣсь, пока не найдете другаго мѣста?

— Здѣсь?—Ни за что на свѣтѣ!

— Если это такъ серьезно, сказалъ Мишель послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, то конечно лучше оставить ихъ.

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ Пьера, который пришелъ посмотрѣть на китайскія тѣни. Варенька ушла въ свою комнату. Она не смыкала глазъ во всю ночь. Но, сказать по правдѣ, она не столько думала о своемъ будущемъ и о предстоящихъ ей хлопотахъ, какъ о томъ, что она не увидитъ болѣе Мишеля. Онъ всегда былъ такъ ласковъ, такъ добръ къ ней; какъ же не жалѣть о разлукѣ съ нимъ?

Конечно, и Валерьянъ Петровичъ былъ добръ, но то совсѣмъ другое дѣло. Валерьянъ Петровичъ говорилъ рѣзкимъ тономъ, часто спорилъ съ ней, пріемы его были порывисты, одѣвался онъ безъ особенныхъ претензій на изящный вкусъ. Какая онъ разница съ Мишелемъ. Мишель былъ для Вареньки типомъ богатаго, свѣтскаго молодаго человѣка. Отъ него вѣяло аристократизмомъ, который для гордой дѣвушки имѣлъ особенную прелесть. Иногда казалось ей, что Мишель любитъ ее, но послѣдній разговоръ доказалъ ей, что она ошиблась.

— Еслибъ онъ любилъ, думала Варенька, то не такъ бы хладнокровно разстался со мной.

И она плакала о томъ, что никогда не увидитъ его.

В. САМОЙЛОВИЧЪ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОЧЕРКИ СИБИРИ

**въ историческомъ и экономическомъ отноше-
ніи.**

I.

«На восточной странѣ, за Югорскою землею, надъ моремъ живутъ люди, Самоѣды, зовомы, Молонгозѣи, а ядь ихъ мясо олене да рыба, да жежи собою другъ друга ядятъ; а гость къ нимъ придетъ, и они дѣти свои заколаютъ на гостей, да тѣмъ кормятъ. А которой гость у нихъ умретъ, и они того сѣдаютъ, а въ землю не хоронятъ, а своихъ также. Сіи жь люди не велики возрастомъ, плосковидны, носи малы, но рѣзвы велики и стрѣльцы скоры и горазды, а ѣдятъ на оленяхъ и на собакахъ, а платье носятъ соболье и олене, а товаръ ихъ соболи. Въ той же странѣ иная Самоѣды, такова же, Линная слыветъ; лѣтъ мѣсяцъ живутъ въ морѣ, а на сушѣ не живутъ того ради, занеже тѣло на нихъ трескается, и они тотъ мѣсяцъ въ водѣ лежатъ, а на берегъ не смѣютъ вылести. Въ той же странѣ есть иная Самоѣды, по пупъ люди мохнаты, а отъ пупа вверхъ, якоже и прочіе человѣцы; а ядь ихъ рыбы и мясо, а торгъ ихъ соболи, и песцы, и оленіи кожи. Въ той же странѣ иная Самоѣды, сверху рта на темени, а не говорятъ, и образъ въ половину человѣчь; а коли ядятъ, и они крошатъ мясо или рыбу, да кладутъ подъ колпакъ или подъ шапку и какъ начнутъ ясти, и они плечима джжугутъ вверхъ и внизъ.

Въ той же странѣ есть иная Самоѣдь, якоже и прочіе человѣцы, но зимою умирають на два мѣсяца, какъ гдѣ котораго застанеть въ тѣ мѣсяцы, тотъ тутъ и сядеть, а у него изъ носа вода изойдетъ, какъ отъ потока, да примерзнетъ къ землѣ, и кто человѣкъ иные земли невѣденіемъ потокъ той отразитъ отъ него, и сохнеть съ мѣста, и онъ умретъ ту же и не оживетъ; а не сохнеть съ мѣста, той оживетъ и познаетъ и речетъ ему: «о чемъ ма еси, друже, поуродоваль? а иные оживаютъ, какъ солнце на лѣто вернется; тако всякій годъ оживаютъ и умирають. Въ той же странѣ, вверху Оби рѣки великія есть земля, Баидъ именуется, лѣса на ней нѣтъ, а люди какъ и прочіе человѣцы, живутъ въ земли, а ядятъ мясо соболье, а иного у нихъ никоторова звѣря нѣтъ, опрочи соболя; а носятъ платье все соболье, и рукавицы и ногавицы, а инова платья у нихъ нѣтъ, ни товару никоторова. А соболи у нихъ черны вельми, шерсть живова соболя по землѣ ея волощтъ. Въ той же странѣ иная Самоѣдь, по обычаю человѣцы, но безъ главъ, рты у нихъ межи плечій, а очи въ грудѣхъ, а ядь ихъ головы оленіи сырые, и коли имъ ясти, и они головы оленіи возметають себѣ въ ротъ на плечи и на другой день кости измещуть изъ себѣ туда же; а не говорятъ. А стрѣлы же ихъ трубка желѣзна, въ руцѣ, а въ другой руцѣ стрѣлка желѣзна, да стрѣлку ту вкладаетъ въ трубку, да бьетъ молоткомъ въ стрѣлку, а товару у нихъ никоторова нѣтъ. Вверхъ тоя же рѣки великія Оби люди ходятъ подъ землею иною рѣкою день да ночь съ бочки на озеро (?), и надъ тѣмъ озеромъ свѣтъ пре-чюдень и градъ великъ, а посаду нѣтъ у него; и кто поѣдетъ ко граду тому, и тогда слышати шумъ великъ во градѣ томъ, какъ и въ прочихъ градѣхъ, и какъ приидуть въ него, и людей въ немъ нѣтъ и шуму не слышати никоторова, ни инова чево животная, но во всякихъ дворѣхъ ясти и пити всего много, и товару всякова кому что надобѣ; и онъ положивъ цѣну противъ того, да возьметъ кому что надобѣтъ и прочь отходить. А кто что безъ цѣны возьметъ, и обрящется паки въ своемъ мѣстѣ. И какъ прочь отходятъ отъ града това, и шумъ паки слышати. Въ восточной странѣ есть иная Самоѣдь, каменская, облежитъ около югорскія земли, а живутъ по горамъ высокимъ; а ѣдятъ на оленѣхъ и собакахъ, и платье носятъ соболіе и оленіе, а ядятъ мясо оленье, да и собачину и бобровину сырую ядятъ, а кровь пьютъ человѣчью и всякую. Да есть у нихъ

лекари, у которова человекъ внутри нездраво, и они брюхо рѣжутъ, да нутро вынимаютъ да очищаютъ, и паки заживляютъ. Да въ той же Самоѣди видали,—скажутъ Самоѣды старые люди, — съ горы подлѣ моря мертвыхъ своихъ, идутъ плачуще множество ихъ, а за ними идетъ великъ человекъ, погоняя ихъ палицею желѣзною» *.

Вотъ что знали о Сибири русскіе люди XVI и XVII вѣка. Эта далекая и безпредѣльная страна представлялась имъ полною чудесъ, населенною фантастическими существами, людоедами— «самоядью». Съ распространеніемъ русскихъ колоній, жители Великороссіи болѣе и болѣе знакомились съ Сибирью изъ рассказовъ ѣздившихъ туда и обратно купцовъ, воеводъ, казаковъ и другихъ служивыхъ и промышленныхъ людей. Изъ страны, населенной чудищами, Сибирь становилась, во мнѣніи русскихъ, землею приволья и свободы, землею, полною многоцѣнныхъ богатствъ, гдѣ «живутъ мужики все богатые, они золото загребаютъ лопатами, а бабы соборей бьютъ ухватями». Это мнѣніе о чрезвычайномъ богатствѣ Сибири, объ ея чуть не райскомъ изобиліи, постепенно развивалось и живетъ въ народѣ до настоящаго времени. Его держится не одинъ простой народъ, но и такъ называемые высшіе слои русскаго общества. И для нихъ Сибирь — страна чудесъ, страна неисчерпаемыхъ богатствъ, откуда каждый годъ привозится около 1,500 пудовъ золота, не говоря уже о другихъ металлахъ, откуда доставляются и соборы, и бобры, и лисицы, и мамонтова кость, гдѣ двадцать пять лѣтъ назадъ тому какой-нибудь исправникъ курганскаго уѣзда тобольской губерніи могъ нажить 1,000,000 р. ** Изъ письма Сперанскаго къ дочери, отъ 14 іюня 1819 г., видно, что въ это время въ высшихъ слояхъ великорусскаго общества смотрѣли на Сибирь, какъ на богатую и роскошную Индію. Тѣ же слухи проходили и въ промышленномъ классѣ. «Скажу я вамъ про Сибирь, писалъ въ 1822 г. одинъ петербургскій мѣщанинъ, что она значитъ; я ее проѣхалъ всю и видѣлъ, гдѣ живутъ, которые сосланы на поселеніе; живутъ прекраснѣйшимъ образомъ, словомъ сказать, въ тысячу разъ лучше Россіи. У

* Амуръ 1861* г. № 95.

** Библіотеки казанской дух. академіи, *Козмографъ* № 11, л. 342 и слѣд. — Это, кажется, нигдѣ еще не напечатанное, описаніе встрѣчается и во многихъ сборникахъ казанской академической библіотеки, подлѣ заглавіемъ: *о челоуѣцъхъ незнаемыхъ*.

нихъ изобиліе во всемъ,—скота, хлѣба, и всякой рыбы; дома двухъ-этажныя и бѣлыя, съ балконами; самовары и чай у всякаго,—и бѣдный имѣетъ болѣе десяти тысячъ.» Съ открытіемъ золотопромышленности это мнѣніе еще болѣе укрѣпилось. Изъ убѣжденія, что «Сибирь — золотое дно», начало выражаться другое убѣжденіе, о великой будущности этой страны. Не только многіе сибиряки, но и лучшіе люди Россіи, сознавали и признаютъ, что Сибирь будетъ нѣкогда цвѣтущею, цивилизованною странною, достойною сосѣдкою Америки, отдѣленной отъ нея Тихимъ Океаномъ, этимъ—*средиземнымъ моремъ будущаю*.

Но вмѣстѣ съ этими воззрѣніями распространены и другія, гораздо менѣе выгодныя. «Сибирь есть просто Сибирь», то есть прекрасное мѣсто для ссылочныхъ, но не мѣсто для жизни и высшаго гражданскаго образованія, говоритъ Сперанскій. Этотъ же взглядъ выражается и нѣкоторыми сочинителями, въ родѣ знаменитаго г. Герсеванова, который пренаивно увѣряетъ публику, что «Сибирь питается соками Россіи, сама мало оттого тучнѣетъ, а отнимаетъ силы у своей кормилицы». Для многихъ, кромѣ того, слово *Сибирь* также страшно, какъ слова — *шафотъ*, *висѣлица*. Подъ словомъ *Сибирь* многіе разумѣютъ какую-то холодную, суровую пустыню, населенную каторжниками, волками и медвѣдами. Какъ панегиристы Сибири считаютъ ея жителей болѣе развитыми, болѣе умными и способными, менѣе забитыми и оувѣрными, чѣмъ жители Вѣликороссіи, такъ и порицатели нашей страны смотрятъ на сибиряковъ, какъ на людей совершенно безнравственныхъ. Вотъ что писалъ между прочимъ, въ пятидесятыхъ годахъ, о Сибири одинъ русскій чиновникъ: «я совершенно убѣдился въ необходимости, чтобы управленіе сибирское состояло не изъ сибирскихъ же уроженцевъ, которые, имѣя родственниковъ и другія тамъ связи, и получивъ первоначальное тамъ воспитаніе, неминуемо получаютъ то *наубное направленіе, которымъ отличаются сословіе мѣстныхъ купцовъ и чиновниковъ*. Гораздо полезнѣе наполнять присутственныя мѣста въ Сибири благонамѣренными людьми изъ внутреннихъ губерній Россіи, а если и изъ сибирскихъ уроженцевъ, то во всякомъ случаѣ такихъ, которые съ малыхъ лѣтъ удалены были для воспитанія съ мѣста ихъ родины, и тѣмъ избавлены отъ *зазвы, сильно распространившагося въ сибирскомъ краѣ*».

Вотъ какъ смотрѣли и смотрятъ у насъ на Сибири! Понятно

впрочемъ, что большею частію, это фразы, основанныя или на самомъ плохомъ знаніи страны, или на личныхъ видахъ. До послѣдняго времени о Сибири писали мало; а что написано, то представляетъ отнюдь не популярныя сочиненія, а только матеріалы для нихъ. Сибирь не имѣетъ исторіи — Фишеръ, Миллеръ и Словцовъ оставили только изслѣдованія о сибирской колонизаціи, Небольсинъ написалъ біографію Ермака, — остальные историки оставили или сухія хронологическія таблицы, или компіляціи изъ Миллера и Фишера. Сочиненія по сибирской географіи и этнографіи имѣютъ тотъ же характеръ ученыхъ изслѣдованій, обильныхъ матеріалами, но мало годныхъ для большинства публики. Притомъ, большая часть изъ нихъ написана на нѣмецкомъ языкѣ; многія же сочиненія, переведенныя на русскій въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, сдѣлались нынѣ бібліографическою рѣдкостью. Сочиненіе о Сибири г. Гагемейстера издано въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, не для публики. Только въ послѣдніе четыре года стали появляться живыя и интересныя статьи о Сибири гг. Потанина, Д. Завалишина, Максимова и др.; корреспонденція, особенно изъ Иркутска, также довольно. Какъ въ упомянутыхъ статьяхъ, такъ и въ корреспонденціяхъ видна одна общая мысль, что много тормазовъ, препятствующихъ развитію Сибири, но въ то же время видна жажда новой, лучшей жизни, — видна вѣра въ будущее. «Много преградъ развитію, говоритъ иркутскій корреспондентъ «Вѣка» но передъ терпѣніемъ, разумнымъ трудомъ и любовью, онѣ должны пасть, и падутъ одна за другой. И ужь падаютъ!...»

II.

Территорія Сибири, простирающаяся на 240 т. квадр. миль представляетъ дѣвственную, мало населенную, мѣстами совершенно пустынную страну. Всѣхъ жителей считается около четырехъ милліоновъ, не смотря на то, что русская колонизація продолжается уже около 300 лѣтъ. Такая медленность заселенія даетъ поводъ многимъ отвергать значеніе Сибири, какъ страны съ выгодными экономическими условіями. Основываясь на томъ, что цѣлыя обширныя округа, напр. Березовскій, неспособны къ хлѣбопашеству, порицатели Сибири весьма ограничиваютъ пространство удобной для заселенія земли и тѣмъ

думаютъ подорвать мысль о будущемъ экономическомъ и гражданскомъ развитіи нашей страны. Безспорно, что многія мѣстности, напр. округи Березовскій, Туринскій, частію Тюменскій и Тобольскій, сѣверныя части Якутской области,—негодны для земледѣлія, но не нужно забывать, что здѣсь есть другія отрасли промышленности—звѣроловство, рыбныя ловли, горныя промыслы, которые занимаютъ одно изъ главныхъ мѣстъ въ сибирской промышленности и торговлѣ. Здѣсь въ изобиліи водятся соболі, дисицы, песцы, медвѣди; положимъ, что отъ безрасчетнаго истребленія лѣсовъ, количество звѣря уменьшается, но отдаленность и негостепримность рассматриваемыхъ нами мѣстъ препятствуютъ ихъ сильному заселенію и охраняя тѣмъ лѣса, даетъ возможность долгаго существованія и развитія звѣринаго промысла. Рыбныя ловли, напр. на Оби, Колымѣ, Лепѣ, промыселъ морскихъ звѣрей—моржей, тюленей, китовъ, обильный особенно въ Охотскомъ морѣ; добыча птичьаго пуха, напр. въ Туруханскомъ краѣ; разведеніе оленей,—не только могутъ обезпечивать существованіе жителей этихъ безпашенныхъ мѣстъ, но и служить, вмѣстѣ съ пушниною, главными и выгодными статьями внутренней, а въ охотскомъ краѣ—и заграничной торговли. Добыча слоновой кости, золота и другихъ драгоцѣнныхъ минераловъ, разработка каменноугольныхъ копей должны современемъ привлечь въ эти мѣстности значительное населеніе. Не говоримъ, что здѣсь населеніе можетъ быть очень плотнымъ и повсемѣстнымъ, что здѣсь могутъ развиваться фабричныя селенія и города,—мы хотимъ только сказать, что производительныя силы этихъ мѣстъ очень значительны и дѣлаютъ возможнымъ какъ колонизацію здѣшней страны, такъ и развитіе въ ней промышленности. Главныя,—*великія*, какъ ихъ звали встарину,—рѣки Сибири — Обь, Енисей, Лена, текутъ на сѣверъ; произведенія и транзитныя товары средней и южной Сибири, хлѣбъ, чай, сахаръ, табакъ, матеріи и другія фабричныя произведенія по этимъ и другимъ рѣкамъ, удобно могутъ доставляться въ безпашенныя мѣста сѣвера и здѣсь вымѣниваться на мѣха, минералы, слоновую кость и проч. Въ томъ-то, по нашему мнѣнію, и состоитъ промышленное значеніе Сибири, что, вслѣдствіе крайняго разнообразія мѣстностей, въ ней необходимо должна развиваться богатая внутренняя торговля. Зачатки такой торговли мы уже видимъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, о которыхъ говоримъ. На Якутскую ярмарку, бывающую въ іюнѣ и

июль, привозится товара на сумму около 500,000 рублей. Ко времени прихода судов жители соседних мест стекаются на берега Лены, и базары отрываются в Качугъ, Киренскъ, Олекминскъ и во многих других местах. Вездѣ на хлѣбъ, матерію, чай и т. п. вымѣниваютъ пушнину, кожи, мамонтовую и моржовую кость. Такого же рода торговля производится лѣтомъ по Енисею, Оби и Иртышу; одну изъ главныхъ статей мѣстной торговли здѣсь занимаютъ пушнина и рыба. Въ г. Обдорскѣ бываетъ постоянно съ 25 декабря по 25 января ярмарка. Инордцы привозятъ на нее мѣха, одежду изъ оленьихъ шкуръ, гагачій и гусиный пухъ, мамонтовую кость и вымѣниваютъ у купцовъ на хлѣбъ, табакъ, порохъ, свинець, желѣзные и мѣдные издѣлія, сукно, холстъ. На эту ярмарку прѣзжаютъ изъ-за Урала Зыряне, Ижемцы и Самоѣды отдаленнаго сѣвера. Оборотъ ярмарки въ 1851 г. оцѣненъ въ 10,500 р. с. — Подобную же ярмарку видимъ въ мѣстечкѣ Островномъ; въ 250 верстѣ отъ Нижнеколымска. Въ 1852 г. привезено товара на 21,271 р. с. * Южныя части Сибири, т. е. киргизскія степи и Заилійскій край многими считаются мѣстами мало производительными и мало мало годными для заселенія. Правда, что здѣсь есть мѣстности совершенно негодныя къ земледѣлію, какова, напр., пустыня Бедъ Пакъ, но за то многія изъ подобныхъ мѣстностей обильны солью и серебро-свинцовою рудою. Но такихъ мѣстностей немного; гораздо больше мѣстъ редств., являющихся превосходными пастбищныя и пахатныя земли; такова особенно часть киргизской степи, прилегающая къ Томской и Тобольской губерніямъ, в Семирѣчійскій край. Здѣсь по р. Или земля особенно плодородна и съ успѣхомъ воздѣлывается киргизами; пшеница и просо рожатся хорошо, по мѣстамъ — отлично. Да и вообще Киргизская степь представляетъ много мѣстъ удобныхъ для заселенія и пашни, и особенно скотоводства. Изъ киргизской степи пригоняются въ Сибирь лошади, рогатый скотъ, овцы, привозятся кожи и сало. Въ 1850—1852 г. черезъ Петропавловскую таможенную вывезено изъ степи 7,694 гол. рогатаго скота, 368,695 овецъ и козъ, 3,171 лошадь; а черезъ Семипалатинскую таможенную — 3,334 рогатаго скота, 7,544 овецъ и козъ, 145 лошадей. Кромѣ того, черезъ обѣ таможенны доставлено 162,826 кожъ и 15,229 пуд. сала. ** Не упоминаю о торговлѣ

* Гагемейстеръ, ч. II, стр. 295.

** Статистич. Обзоръ Сибири, Гагемейстера, ч. II, стр. 580; 581, 585.

киргизскими красильными растеніями, скажемъ о пріискахъ. Золотыя россыпи извѣстны въ округахъ Комбетинскомъ, Кокчетавскомъ, Акмолинскомъ, Каралинскомъ, Аягузскомъ. Въ 1852 г. добыто во всей степи золота только 3 пуда, 29 фунтъ, 49 золотниковъ; но при дальнѣйшей развѣдкѣ и разработкѣ золотосносныхъ россыпей можно ожидать значительнаго увеличенія количества золота. По незначительной толщинѣ наносовъ, покрывающихъ золото, по высокой пробѣ его, по дешевизнѣ работы и провіанта—разработка золотыхъ пріисковъ здѣсь очень выгодна. Кроме того въ киргизской степи находятся довольно богатая серебряныя руды, напр. салаирскія, руды мѣдная; богатая копи каменнаго угля. — Слѣдовательно, киргизскія степи имѣютъ большія производительныя силы и данныя для торговли внутренней и заграничной.

Теперь взглянемъ на среднюю полосу Сибири, простирающуюся отъ Урала до Тихаго океана. Эта полоса начинается низменностями, идущими отъ уральскихъ горъ; много мѣста занимаютъ здѣсь болотистыя пространства, поросшія большею частію огромными сосновыми лѣсами, тальникомъ, березой, осинкою. Обширныя степи Васюганская и Барабинская усѣяны безчисленными озерами и болотами. Сухая и возвышенная степь Кулундинская представляетъ отличныя пастбища. Это, впрочемъ, самая скудная часть Сибири. По мѣрѣ приближенія къ востоку—страна все лучше и лучше. Томская губернія несравненно плодороднѣе и богаче Тобольской; страна Алтая и мипусинскій округъ едва ли еще не лучше. Забайкальская область заключаетъ въ себѣ отличныя пастбища и превосходныя нашини. Наконецъ дѣвственный край Амура представляетъ лучшую мѣстность во всей Сибири, а уссурійская долина одинъ изъ лучшихъ уголковъ земнаго шара. По Уссуріи, протекающей болѣе 600 верствъ и принимающей въ себя до 18 рѣкъ и рѣчекъ, растутъ дремучіе лѣса, представляющіе чрезвычайное разнообразіе: на ряду съ сосной и елью, здѣсь встрѣчаются кленъ, дубъ, лиственница, кедръ, пихта, орѣховое и тутовое деревья, виноградъ, яблонь, черемуха. Въ этихъ лѣсахъ водятся дикія козы, медвѣди, тигры, лисицы, куницы, соболи, дикія кошки, быки, зайцы, фазаны, гуси, утки, голуби; въ водахъ—карпы, щуки, угри, форели. Климатъ здоровый и теплый; почва черноземная и въ высшей степени плодородная; у живущихъ здѣсь ссыльныхъ китайцевъ отлично родятся цѣленница, просо, ячмень, греча, горохъ, бобы,

кукуруза, табакъ, лекарственное растеніе *жень-шень*. Рѣка Уссури, впадающія въ нее рѣка Сунгачи и озеро Ханка, изъ котораго вытекаетъ послѣдняя, судоходны. * По берегамъ В. океана находятся превосходныя гавани и бухты, одиѣ изъ лучшихъ въ мірѣ. Все это, и въ добавокъ богатыя золотыя россыпи, послужатъ развитію здѣсь самыхъ богатыхъ промышленныхъ поселеній.

Средняя полоса Сибири, отъ Урала до Тихаго океана заключаетъ въ себѣ самыя производительныя силы Сибири, составляетъ, такъ сказать, главный жизненный нервъ сибирской промышленной и гражданской жизни. Вся эта полоса хлѣбородна. Въ Тобольской губерніи производится въ годъ хлѣба болѣе $2\frac{1}{2}$ милліоновъ четвертей, и, по вычисленію Гагемейстера, можетъ быть съ успѣхомъ поселено еще болѣе 500,000 хлѣбопашцевъ муж. пола. Урожай бываетъ часто самъ 10; количество хлѣба, находящагося въ торговлѣ не много не достигаетъ до 1,000,000 четвертей. Здѣсь съется рожь, пшеница-ярица, овесъ, пенька, ленъ.—Въ горномъ округѣ Томской губерніи въ 1851 г. собрано 2,263,045 четв. хлѣба; льна и пеньки поступаетъ ежегодно въ продажу 75,000 пудовъ. Въ Енисейской губерніи въ 1852 г. куплено на промысла хлѣба 1,723,798 пудовъ, для военныхъ магазиновъ и трюцкаго солевареннаго завода въ 1851 г. 39,852 п., на казенные винокуренныя заводы 22,000 п. Почву здѣсь, какъ и въ большей части Сибири, не уваживаютъ; въ ачинскомъ округѣ урожай бываетъ обыкновенно самъ 10—12. въ минусинскомъ рожь даетъ самъ 30, пшеница—самъ 12, Иркутская губернія—отправляетъ въ енисейскую—до 1,000,000 п. хлѣба, на Александровскій винокуренный заводъ—40,000 четвертей, на солеваренный заводъ 50,000 п., по Ленѣ—болше 25,000 четв. Сюда не включено число хлѣба, потребляемаго жителями иркутской губерніи и идущаго на войска.—Забайкальская область производитъ хлѣбъ самъ 8—самъ 15. До 300,000 п. она отправляетъ хлѣба въ Монголію, кромѣ того, продовольствуетъ Амуръ и нерчинскіе горные заводы. Впрочемъ нужно сказать, что въ Забайкальской области бываютъ частыя неурожайи. Въ Якутской области хлѣбопашество не развито, въ 1852 г. снято съ полей только 12,332 четверти. Хлѣбопашество на Амурѣ въ жалкомъ положеніи изъ-за тѣхъ условій, въ какія поставлены колонисты. Всего хлѣба, обращающагося въ сибир-

* Амуръ 1860 г. № 17.

ской торговлѣ, по вычисленію Гагемейстера, болѣе 21,000,000 пудовъ, кромѣ хранящагося въ запасныхъ магазинахъ. Развитію хлѣбопашества и хлѣбной торговли въ Сибири мѣшаетъ много недостатокъ рабочихъ рукъ. Этотъ недостатокъ особенно сдѣлался ощутителенъ съ развитіемъ золотопромышленности. При началѣ ея считалось въ томской и енисейской губерніяхъ и въ нижеудинскомъ округѣ Иркутской губерніи мужскаго населенія 269 тысячъ, изъ нихъ треть, т. е. 87 тысячъ человекъ, — работниковъ. На золотыхъ же приискахъ находилось съ первыхъ лѣтъ открытія ихъ до 40,000 человекъ, т. е. около половины всего рабочаго населенія восточной Сибири. Цѣны на хлѣбъ страшно поднялись: въ Красноярскѣ въ два года пудъ ржаной муки возвысился въ цѣнѣ отъ 18—25 коп. до 5 руб. Многія, засѣвавшіе прежде до 5 десятинъ ржи, не имѣли уже теперь надобности засѣвать такое пространство. Если нужда въ деньгахъ заставляла ихъ продавать прежде 200 п. муки, то эти же деньги теперь можно было получить за 8 пудовъ. Въ Иркутскомъ округѣ сбытъ муки (300—800 т. п.) на прииски въ 1845—1847 г. имѣлъ тѣ послѣдствія, что цѣна на нее поднялась почти въ десятеро, а засѣвы уменьшились. *

Кромѣ препятствій къ развитію хлѣбопашества и хлѣбной торговли, препятствій, происходящихъ отъ малонаселенности Сибири, — эту торговлю задерживаютъ и нѣкоторыя административныя мѣры. Казна заботится объ обезпеченіи продовольствіемъ войскъ, винокуренныхъ и горныхъ заводовъ, а также — инородцевъ и жителей безопасенныхъ городовъ, для чего учреждены въ Сибири казенные хлѣбные магазины, кромѣ запасныхъ сельскихъ. Распоряженіе ассигнованнымъ на эти капиталомъ ввѣрено губернаторамъ. Это приводитъ вотъ къ какимъ, напр., результатамъ. Иркутскій губернаторъ Трескинъ, бывшій передъ Спирскимъ, поставилъ себѣ цѣлю — какъ можно возвысить цифру капитала, состоящаго изъ 200,000 р. Посредствомъ довѣренныхъ чиновниковъ, преимущественно исправниковъ, онъ скупалъ огромное количество хлѣба у крестьянъ, по возможно дешовымъ цѣнамъ, до начала другихъ казенныхъ закупокъ. Съ наступленіемъ ихъ, цѣны на хлѣбъ необыкновенно возвышались, часто и по высокимъ цѣнамъ нельзя было достать хлѣба. Тогда Трескинъ продавалъ закупленный имъ хлѣбъ въ казенны

* Амуръ 1861 г., № 48, 49.

мѣста по возвышенной цѣнѣ. Запасы хлѣба у крестьянъ были истощены; какъ торговцы такъ и потребители принуждены были покупать хлѣбъ изъ казны по цѣнамъ, немовѣрно высокимъ. Трескинъ достигъ своей цѣли: въ нѣсколько лѣтъ капиталъ удвоился; запасные магазины были набиты хлѣбомъ,—за то подавлена частная торговля. Эту торговлю убивала, кромѣ того, и самая система закупки хлѣба въ казну. Обязанные купить определенное количество хлѣба, по определенной цѣнѣ, чиновники—закупатели препятствовали всѣми силами частнымъ закупкамъ, преслѣдовали частныхъ торговцевъ, запрещали крестьянамъ продавать имъ хлѣбъ до окончанія казенной закупки.—Хлѣбная торговля не могла развиваться, цѣны ужасно возвысились, особенно въ отдаленныхъ, безпашенныхъ мѣстахъ. Здѣсь чиновники торговали хлѣбомъ сами, отстраняя всѣми силами частныхъ торговцевъ. Въѣздъ въ стойбища инородцевъ имъ былъ запрещенъ вовсе, или стѣсненъ выдачей билетовъ.

Въ послѣднее время вредно подѣйствовали на хлѣбопашество Восточной Сибири обращеніе забайкальскихъ крестьянъ въ казаки и колонизація Амура. Въ 1851 году 30,000 забайкальскихъ крестьянъ горнаго вѣдомства были обращены въ казаки. Разнообразными служебными занятіями препятствуютъ казакамъ успѣшно вести свое хозяйство. Кромѣ своднаго батальона, составляемаго пѣшими казаками для карауловъ при заводахъ и рудникахъ, еще большее число идетъ на службу при штабахъ, а въ первые годы, кромѣ того, казаковъ отправляли еще въ образцовый полкъ. Хотя срокъ службы полагается годовой, однако, принявъ въ расчетъ заблаговременные сборы изъ дальнихъ мѣстъ на назначенные пункты и лѣтніе сборы на ученье, увидимъ, что отлучка изъ дома продолжается гораздо болѣе года. Кромѣ того существуютъ еще разные мелкіе наряды, напр. въ швальни. А тутъ, съ начала амурской колонизаціи, пошли разныя экстренныя командировки, постройки, сплавы и наконецъ переселенія на Амуръ. Первымъ отягощеніемъ были штабныя постройки. Ихъ предполагалось кончать *въ три года*. Бревно, за которое казна платила 15 коп. сер., обходилось казакамъ въ 1 р. 50 к. и дороже. За работу плата была самая ничтожная, за многочисленныя передѣлки ничего не платили. Многіе казаки нанимали вмѣсто себя работниковъ на

* Амуръ 1860 г. № 23.

казенные сплавы, и отдавая имъ все, что получали отъ казны, приплачивали еще рублей по 40 съ человѣка. Чтобы добыть казенныхъ работниковъ на сплавъ, казна прибѣгала къ разнымъ средствамъ. Такъ въ 1857 году взяли во вниманіе недомки, происшедшія вовсе не отъ вины казаковъ, а отъ собственнаго недоразумѣнія начальства, не знавшаго какъ истолковать двухлѣтнюю льготу отъ повинностей выселеннымъ изъ Читы казакамъ, и включить-ли въ нее денежный сборъ, оставленный въ 1851. Вдругъ въ 1857 году велѣно было не считать его включеннымъ въ льготу, и потребовали сверхъ текущихъ повинностей еще за два прежнихъ года *. Въ казачьемъ отрядѣ, бывшемъ на сплавѣ въ 1858 г. смертность была значительная,—а все это лучшіе работники и хлѣбопашцы. Въ 1857 — 1858 г. многіе казаки проводили по девяти мѣсяцевъ на казенныхъ работахъ. Когда началось заселеніе Амура и между казаками не нашлось добровольныхъ переселенцевъ, то стали переселять казаковъ по выбору и жребію; а это, какъ само-собою понятно, не могло не отозваться на хозяйствѣ самымъ вреднымъ образомъ. Непостоянство дѣйствій мѣстной администраціи также разстроивало хозяйство. Такъ объявлено было, что на Амуръ будетъ переселена цѣлая бригада, и 3.500 семействъ, опредѣленныхъ къ выселенію, бросили свое хозяйство. Между тѣмъ переселеніе не состоялось по неопредѣленности будто-бы отношеній къ Китаю, и *къ августу* начальство разослало назначеннымъ къ переселенію приказы оставаться на мѣстахъ и *заниматься хозяйствомъ!* Всѣ эти обстоятельства отразились на всемъ краѣ уменьшеніемъ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ пашни, а между тѣмъ на хлѣбъ. Забайкалья поступили, кромѣ горнаго и казачьяго вѣдомства, морское вѣдомства, четыре линейныхъ батальона, амурскіе переселенцы и всѣ жители Приамурья. Слѣдствіемъ этого было страшное возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ. Въ 1857 г. въ Читѣ нудъ муки, стоившій въ началѣ іюня 20 коп., зимою дошелъ до 90 к., переходилъ даже за 1 р. сер., а далѣе, за Читой и достать было нельзя; начальству постоянно доставлялись изъ разныхъ мѣстъ образцы хлѣба, которымъ принуждены были питаться люди, состоящаго на большую половину изъ лебеды **. Отъ оконча-

* Вѣстн. промышленности 1859 г. кн. X, стр. 55.

** Вѣстн. пром. кн. X стр. 57,

тельного голода спасли Забайкалье слѣдующіе необыкновенно урожайные годы.

Горный промыселъ составляетъ одну изъ первыхъ статей сибирской промышленности, по цѣнности добываемыхъ металловъ. Хотя минеральныя богатства Сибири развѣданы только отчасти, однако золота на частныхъ промыслахъ добывается ежегодно около 1,500 пуд. на алтайскихъ и нерчинскихъ казенныхъ заводахъ болѣе 100 пудовъ, кромѣ того на послѣднихъ добыто въ 1859 году серебра 1,240 п. 39 ф.; мѣди 31,386 п., свинца 53,322 п., чугуна 167,363 п., желѣза 76,209 п. *. По словамъ Гагемейстера, чистаго барыша отъ этихъ заводовъ получено съ 1830 по 1852 г. 25,736,791 р. сер. Всего же въ Сибири въ 1846—1851 г. добыто золота 6,272 п. съ лишнимъ. Кромѣ изчисленныхъ металловъ, въ Сибири много еще другихъ, совершенно не разрабатываемыхъ рудъ—слюды, мрамора, колчедана, сурика, каменнаго угля, киновари и проч. Но распространяться о нихъ мы не будемъ, потому что разработка ихъ пока крайне незначительна. Вотъ соляной промыселъ имѣетъ порядочные размѣры; въ 1859 г. добыто въ Сибири соли 1,989,016 пудовъ. Горный промыселъ, кромѣ доставки драгоценныхъ и полезныхъ минераловъ, еще имѣетъ и ту выгоду, что поддерживаетъ и развиваетъ уральскіе желѣзодѣлательные заводы, такъ какъ количество желѣза требуемаго съ этихъ заводовъ на пріиски желѣза довольно значительно. Успѣхъ торговли особенно фабричными, мануфактурными произведеніями также тѣсно связанъ съ развитіемъ золотопромышленности, самымъ нагляднымъ доказательствомъ тому служить Ирбитская ярмарка, обороты которой возвысились съ открытіемъ золотыхъ промысловъ, отъ 12 до 36 мил. руб. сер. На развитіе земледѣлія золотопромышленность не оказываетъ пока того благодѣтельнаго вліянія, какого бы можно ожидать при огромномъ сбытѣ хлѣба на золотые промыслы. При малонаселенности Сибири, золотые промыслы имѣютъ еще долю вреднаго вліянія на благосостояніе страны, привлекая къ себѣ хлѣбопашцевъ и другихъ работниковъ, и тѣмъ возвышая цѣны на насущныя потребности.

Развитію горнаго промысла вообще и особенно золотопромышленности мѣшаетъ много неблагоприятныхъ обстоятельствъ.

* Календарь на 1862 г., стр. 110.

Главное препятствіе—недостатокъ и, слѣдовательно, дороговизна рабочихъ рукъ. Кромѣ того, наемъ на приски стѣсненъ многими формальностями, особенно по паспортной системѣ. Нынѣшнія отношенія рабочихъ къ золотопромышленникамъ и властямъ, дурное содержаніе и обращеніе—имѣютъ слѣдствіемъ то, что работа на прискахъ не поправляетъ хозяйства рабочего. Вся почти зароботка идетъ къ золотопромышленнику или за страшно-дорогой товаръ, покупаемый на прискахъ, или за зелено-вино, такъ какъ золотопромышленникъ большею частію и откупщикъ. Томившійся цѣлою лѣтою подъ игомъ работы и хозяйскаго деспотизма работникъ, вырвавшись съ присковъ, спускаетъ всѣ деньги на водку, безшабашныя пирушки и ни копѣйки не приноситъ домой, да кромѣ того—оставаясь должникомъ хозяина, онъ принужденъ на слѣдующее лѣто идти къ нему въ работу. Улучшенію быта рабочихъ и болѣе разумному и гуманному устройству отношеній между ними и хозяевами много способствовало бы учрежденіе артелей рабочихъ. Артель должна завѣдывать своимъ хозяйствомъ, ея голосъ долженъ быть уважаемъ въ разборѣ тяжбъ промышленниковъ съ рабочими. Кромѣ того, должно необходимо допустить вольныхъ торговцевъ на приски, а не поставлять рабочихъ въ необходимость покупать все у хозяина, по цѣнамъ, какія ему назначить заблагоразсудится.

Права на золотопромышленность необходимо значительно расширить, предоставивъ ихъ всякому, не лишенному по суду правъ состоянія. Нужно избавить дворянъ, вступающихъ участниками въ золотопромышленную компанію, отъ записывавья на каждый годъ въ первую или вторую гильдію. Нужно измѣнить стѣснительныя узаконенія о заявкѣ и закрѣпленіи присковъ. Существующая и существовавшая прежде пошлина на золото—стѣснительна. До 1840 г. взималось по 15% съ добытаго золота. Въ 1840 г. она увеличилась съ вновь заявленныхъ присковъ до 30%, а со старыхъ осталась по прежнему въ 15%. Въ 1840 г. установлена прогрессивная подать отъ 5 до 35%, а съ прибавкою горной подати дошла до 40%. Съ увеличеніемъ подати количество добываемаго золота начало уменьшаться. Въ 1848 г. добыто было 1,284 п., а съ введеніемъ прогрессивной подати въ 1849 г., было добыто 1,184 п., въ 1850 году—1,010 п., въ 1852 г.—900 п. Съ пониженіемъ подати въ 1854 г. количество добытаго золота возвысилось. Въ настоящее время эта подать существуетъ въ такихъ размѣрахъ:

отъ 1 золотника до 2 пудовъ взимается 5%, отъ 2 до 5 пуд. съ первыхъ двухъ пудовъ 5%, а свыше 2 п.—10%, за количество свыше 5 пудовъ—по 15%. Кромѣ того взимается еще горная подать отъ 4 до 8 р. съ фунта. Промышленники обязаны доставлять золото въ алтайское горное правленіе, сплавить его тамъ и перевезти въ петербургскій монетный дворъ; это стоитъ до 100 р. сер. съ пуда. На собраніи золотопромышленниковъ, бывшемъ въ Иркутскѣ 20 мая 1861 г. высказано общее ихъ желаніе, чтобы размѣръ существующей нынѣ прогрессивной подати ни въ какомъ случаѣ не превышалъ 5%, и чтобы опредѣлено было минимумъ добычи (напр. 5 пуд.), съ котораго бы никакой подати не взималось*.

Торговля пушнымъ товаромъ весьма развита въ Сибири съ давнихъ поръ. Нѣтъ спора, что количество добываемаго звѣря постоянно уменьшается, однакожъ звѣринный промыселъ надолго еще сохранится въ Сибири, особенно въ сѣверной полосѣ ея, куда звѣрь удаляется изъ южныхъ и среднихъ заселенныхъ мѣстъ. Въ Сибири добываются соболь и куница, бѣлка, бобръ, лисица, песецъ, горностаѣ, колонокъ, бурундукъ, рысь, медвѣдь, волкъ, лось, изюбрь, козуля, кабарга, рассомаха, кабанъ, заяцъ, тигръ и проч. На ирбитскую ярмарку въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ доставлялось соболей, бѣлки, лисицъ, волковъ и зайцовъ на 1,695,000 р., въ 1856 г. привезено на 3,650,000 р. сер., продано на 3,635,000 р. На Нижегородскую ярмарку привезено въ 1835 г. пушнина на 6,089,090 р. ас., въ 1845 г. на 2,286,074 р. сер., въ 1852 г. на 3,850,960 р. сер. Въ Китай отправлено въ 1840 году на 1,951,771 р. сер., въ 1847 г. на 840,744 р. сер., въ 1849 г. на 378,493 р., въ 1852 г. на 552,222 р. сер.

За пушнымъ товаромъ слѣдуетъ торговля скотомъ, кожами, саломъ, масломъ; нѣкоторыя изъ этихъ произведеній идутъ даже за европейскую границу Россіи: масло съ Ишимской ярмарки въ количествѣ около 20,000 пудовъ идетъ черезъ Таганрогъ въ Константинополь, а тюменская юфть идетъ въ Коксень. Въ Китай отпускается ежегодно на 1½ мил. р. сер. забайкальской мерлушки; юфти, козловъ, сафьяновъ и барановъ отпущено въ 1847—1849 г. на 350,000 р., Тобольская губернія торгуетъ съ Россіей, жирнымъ товаромъ; въ Иркутскъ изъ

* Амуръ 1861 г. № 45.

Западной Сибири идетъ коровье масло и сало, въ Кяхту воловьи шкуры на обшивку чайныхъ мѣстъ; на заводы и золотые пріиски—лошади и мясо. Вообще, Сибирь чуть-ли не богаче скотомъ, сравнительно съ народонаселеніемъ, всѣхъ государствъ. На 100 жителей приходится всего скота:

Въ Сибири	258 гол.
» Великобританіи	210 »
» Франціи	149 »
» Россіи	153* »

Рыбные промыслы въ Сибири весьма богаты и выгодны по обилію рыбы; въ нѣкоторыхъ рѣкахъ, напр. въ Чулымѣ, дно рѣки на всемъ пространствѣ, какое можно окинуть глазомъ, вымощено хребтами рыбы, остановленной на своемъ пути естественной плотиной изъ бурелома. Ежегодный уловъ омулей въ Забайкальской области простирается до 13,000,000 штукъ; Байкаль доставляетъ рыбы на 200 тыс. руб. сер.; тайменей, щукъ, налимовъ и ленковъ поступаетъ въ продажу изъ рѣкъ, впадающихъ въ Байкаль до 2,500 пудовъ; низовья Оби доставляютъ до 100 тыс. пуд., верховья Иртыша и озера Нуръ Зайсанъ—10 тыс. пуд., оз. Чаны—150 тыс. п., низовья Енисея 50 тыс. п. О рыбной производительности Лены съ ея притоками, Амура, Охотскаго моря мы не имѣемъ достаточныхъ цифръ.

Не желая утомлять вниманія читателя длиннымъ рядомъ цифръ, мы ничего не говоримъ о торговлѣ лѣсомъ, кедровыми орѣхами, пухомъ, медомъ, воскомъ, желѣзомъ, не говоримъ объ извозничествѣ, судоходствѣ, работѣ на пріискахъ, пароходствѣ по Томи, Оби, Байкалу, Амуру; не говоримъ о числѣ торговыхъ лавокъ и незначительныхъ ярмарокъ. Изъ послѣднихъ укажемъ только на Ишимскую, дѣлающую обороты въ 2½ мил. руб. сер. и ирбитскую, въ 36,000,000 руб. сер. Представимъ еще примѣрно вычисленную сумму вывоза сибирскихъ произведеній за границу, — простирающуюся до 28,000,000 р. сер., и цифры государственныхъ доходовъ и расходовъ по Сибири **. По штатамъ 6 декабря 1856 г. на содержаніе гражданскаго управленія въ Сибири положено 1,269,676 р. сер., 800 тыс. изъ этой суммы ассигнуется изъ государственнаго банка, остальныя 460 тыс. берутся изъ разныхъ мѣстныхъ источниковъ.

* Статистическія таблицы, Тройницкаго, стр. 285.

** Гагемейстеръ представляетъ такое, не совсемъ вѣрное теперь, вычисленіе:

На содержаніе войска, учебнаго, духовнаго и строительнаго вѣдомствъ идетъ около 1½ мил. руб. сер. Но одна подать съ крестьянъ превышаетъ 2 мил. р. сер., винная регалия достигла въ послѣднее время до 4,000,000 р. сер., кромѣ того не нужно забывать огромные доходы отъ сбора ясака, пошлинъ таможенныхъ, гильдейскихъ, доходъ съ кабинетскихъ рудниковъ и пошлинъ съ золота.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Сибирь и при теперешней малочисленности населенія существуетъ не только само-собою, но и удѣляется Россіи огромныя богатства, въ видѣ золота, серебра, ясачныхъ мѣховъ. При постепенномъ возрастаніи населенія, развитіе ея промышленности и торговли несомнѣнно, какъ несомнѣнно ея самостоятельное существованіе. Нельзя напередъ предугадывать какое направленіе приметъ сибирская промышленность, можно только сказать навѣрное, что горное дѣло, хлѣбопашество, скотоводство, звѣроловство, рыболовство и при другой, фабричной промышленности, будутъ развиваться и торговля продуктами этихъ промысловъ приметъ обширные размѣры. Обиліе производительныхъ силъ Сибири несомнѣнно; для разработки и употребленія ихъ въ пользу страны недостаетъ рабочихъ рукъ, населенія, мѣшаетъ много стѣснительныхъ условій. Вслѣдствіе этихъ-то условій, мы видимъ въ Сибири цѣлыя обнищавшія племена, вымирающія отъ голода и убійственной обстановки нищенской жизни. Мы говоримъ о сибирскихъ инородцахъ.

Въ Россію:

Золота (казенныхъ заводовъ)	106 п.	на	1,400,000 р. сер.
— съ частныхъ —	950 —	—	13,000,000 —
Серебра	1,050 —	—	955,000 —
Мѣди	20,000 —	—	160,000 —
Сала	200,000 —	—	600,000 —
Кожъ	20,000 —	—	80,000 —
Масла коровьяго	10,000 —	—	40,000 —
Рухляди			1,500,000 —
Меду и воска			150,000 —

Въ Китай:

Мерлушекъ	1,500,000 —
Рухляди	350,000 —
Хлѣба и скота	50,000 —
Кожъ	350,000 —

Въ Киргизскую степь и Среднюю Азію:

Хлѣба	на 160,000 р. сер.
Кожъ	— 200,000 —
Пушныхъ товаровъ	— 400,000 —

Итого на 19,335.500 р. сер.

Но г. Гагемейстеръ составлялъ свое вычисленіе въ 1854 г. Нынѣ вывозится изъ Сибири золота съ частныхъ приисковъ:

1,500 пуд. на 18,000.000 р. сер.

Пушнины — 3,850,000 —

Масла больше 20,000 пудовъ.

Принимая во вниманіе расчеты Гагемейстера по другимъ статьямъ торговли, сумма вывоза возвышается до 28,000,000 р. сер.

III.

Туземцы Сибири принадлежать къ двумъ племенамъ—тюрко-монгольскому и финскому. Тѣ и другіе, при нашествіи русскихъ, вели жизнь патриархальную, кочевую, главными занятіями ихъ были звѣроловство, скотоводство, а частію и хлѣбопашество. Въ гражданскомъ отношеніи они дѣлились на роды, управляемые выборными начальниками. Такъ табаринскіе татары имѣли своихъ князьковъ, избираемыхъ народомъ. * «Остязки прежде владѣнія російскаго никакихъ князей не имѣли, а имѣли *большіихъ людей*; судъ имѣли отъ того большаго человѣка и по винѣ наказаніе съ совѣта другихъ людей. ** Въ числѣ этихъ выборныхъ *большіихъ людей* мы встрѣчаемъ у многихъ сибирскихъ инородцевъ, ихъ народныхъ жрецовъ—шамановъ. Такъ у кочевавшихъ на р. Зеѣ тунгусовъ лагирскаго рода *лучшимъ челоуькомъ* былъ шаманъ Гургани, у тунгусовъ улагарскаго рода—шаманъ Едгина *** Да и вообще прежніе сибирскіе шаманы были не только жрецами, но и политическими дѣятелями, ревнителями и передовыми защитниками своихъ народныхъ интересовъ. Общая всѣмъ сибирскимъ инородцамъ легенда говоритъ, что шаманы предсказали завоеваніе Сибири русскими и уговорили своихъ соотечественниковъ живыми закапываться въ землю, чтобы избавиться отъ русскаго ига. Въ 1607 г. взбунтовались березовскіе остязки и самоѣды, хотѣли разрушить Березовъ и перебить русскихъ. Между главными зачинщиками *бунта были два шамана и шаманка* ****

* Сиб. Исторія Миллера, ч. II, стр. 23, въ Ежем. Сочин, 1764 г.

** «Татищевъ и его время», Попова; прилож. стр. 512.

*** Наказъ Пояркову, въ Чт. Об. Ист. и Др. 1861 г. кн. I.

**** Сиб. Истор. Миллера, ч. II, стр. 123.

Многія сибирскія племена находились въ подданствѣ и платили дань другимъ, болѣе сильнымъ, завоевавшимъ ихъ племенамъ. Это подданство, на сколько мы можемъ судить по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, не было тягостно. Такъ, хотя нѣкоторыя татарскія племена находились въ зависимости отъ *черныхъ калмакъ* и управлялись посланнымъ отъ нихъ княземъ, но вмѣстѣ съ нимъ принимали участіе въ правленіи народные старшины и «старые люди.» * Были, правда, случаи, что дайки терпѣли угнетенія отъ своихъ властителей, что послѣдніе разоряли ихъ, но все-таки сибирскіе туземцы хотѣли лучше быть подъ владычествомъ какихъ-нибудь татаръ, нежели русскихъ, и въ смутное время дѣятельно хлопотали о возстановленіи Кучумова царства. Сибирская исторія постоянно говоритъ о бунтахъ остяковъ, самоѣдовъ, вогуличей, татаръ, бурятовъ, тунгусовъ и другихъ инородцевъ. Постоянно замыслили они разорить русскія поселенія, свергнуть съ себя чуждое иго и продолжать свою прежнюю жизнь, естественный ходъ которой былъ нарушенъ приходомъ непрошенныхъ гостей. Туземцы, входившіе до русскаго завоеванія въ составъ Кучумова царства долго не покидали мысли о возстановленіи его и группировались около потомковъ Кучума. Сыновья этого царя были самыми сильными и опасными врагами русскихъ въ западной Сибири. Они кочевали въ обширной степи въ верховьяхъ Ишима, Иртыша и Тобола, а иногда доходили до Яика и до Уфимскаго уѣзда. Одинъ изъ нихъ, Алей, грозилъ тобольскому, тюринскому и тюменскому уѣздамъ; три брата его въ 1607 г. со множествомъ калмыковъ напали на тюменскій уѣздъ и разграбили *Кымырскій городокъ* ** Даже люди, пользовавшіеся особенною милостію русскихъ, при удобномъ случаѣ возставали противъ нихъ и становились во главѣ бунтовщиковъ. Такъ родъ остяцкаго князя Игичея былъ взысканъ особенною царскою милостію: онъ и жена его имѣли право сами судить своихъ подданныхъ и собирать съ нихъ на себя ясакъ. Въ 1609 г. вдова князя Игичея, въ крещеніи названная Анною, поѣхала въ сургутскій уѣздъ будто бы для собранія ясака съ своихъ подданныхъ. На обратномъ пути, при устьѣ Иртыша она присут-

* Татищевъ и его время; приложения, стр. 572.

** Сиб. Ист. ч. II стр. 408—417.

ствовала на совѣтѣ замышлявшихъ общій бунтъ остяковъ, и взяла на себя взбунтовать березовскихъ остяковъ и вогуличей. Это дѣлалось какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ — посредствомъ стрѣлы, на которой были вырѣзаны шайтаны, а копьецъ было тупое. Такая стрѣла пересылалась изъ жилища въ жилище, и каждый понималъ ея значеніе, * Кромѣ такихъ бунтовъ, туземцы мстили русскимъ, убивая ихъ ясашныхъ сборщиковъ и другихъ служивыхъ людей, ходившихъ въ одиночку по ихъ улусамъ. Иногда же составлялись цѣлыя компаніи, имѣвшія цѣлью избіеніе русскихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Такъ напр. въ 1616 г. сургутскіе остяки, составили шайку въ 30 человекъ и убивали проезжихъ русскихъ. ** Этотъ антагонизмъ къ русскимъ живетъ еще доселѣ въ душахъ инородцевъ, еще до сихъ поръ камчадалы молятъ своихъ боговъ объ избавленіи отъ русскихъ казаковъ и чиновниковъ, а буряты называютъ русскихъ *мангутами*, — кровожадными чудовищами, играющими важную роль въ ихъ сказкахъ. Этотъ антагонизмъ особенно направленъ противъ служилаго сословія; съ русскими поселенцами, не имѣющими власти и привилегій чиновниковъ, туземцы живутъ мирно и довольно дружно. Такъ напр. когда киргизскія степи были заняты казаками, то киргизы смотрѣли враждебно на эти поселенія и между ними и казаками не было никакого сближенія. Съ возникновеніемъ же русскихъ селеній, состоящихъ изъ крестьянъ и осѣдлыхъ казаковъ, эти отношенія измѣнились на болѣе хорошія. ***

Исторія сибирскихъ инородцевъ подъ властію русскихъ вполне выясняетъ причины этого антагонизма. Покоренные «подъ высокую руку государеву», инородцы должны были платить ясакъ и десятинную пошлину со своихъ промысловъ. Для этого переписывались какъ самые инородцы, такъ ихъ «бортные ухожен, бобровые гоны и т. п. **** Но въ сборѣ ясака и десятинной пошлины не было ни какого порядка; самое количество ясака не было опредѣлено: въ одномъ мѣстѣ брали по 1 соболу съ человека, въ другомъ по 10, даже по 12 соболей. Одни и тѣ же инородцы принуждены были, по прихоти правителей, увеличивать количество своего ясака. Такъ сылвинскіе татары при ца-

* Ibid. ч. I, стр. 199, ч. II, стр. 123.

** Ibid. ч. II, стр. 133.

*** Акты. Арх. Эксп. т. III, № 42.

**** Протоколъ Политико-Экон. Комит. Засѣданіе 22 марта 1861 г. стр. 14.†

ръ Иванъ Васильевичъ платили по 4 сорочка куницъ, при Федоръ Ивановичъ по 5 сорочковъ: а при Годуновъ—по 11, «не по ихъ силѣ, и не по изможенію, и съ великою нужею». * Сплошь да рядомъ случалось, что инородцы платили двойной ясакъ, сборщикамъ двухъ различныхъ городовъ. Такъ въ 1605 г. казаки изъ кетскаго острога взяли ясакъ съ жившихъ на р. Сымъ остяковъ; вскорѣ пришли на Сымъ казаки мангазейскіе и вытребовали ясакъ съ тѣхъ же остяковъ ** Въ подчиненіи инородцевъ вѣдомству различныхъ городовъ было также весьма мало порядка; часто ихъ приписывали къ дальнѣйшему городу, между тѣмъ какъ вплоть у нихъ жилищъ стоялъ тоже городъ. Правда, за ясакомъ казаки приходили большею частью сами, но назадъ въ городъ инородцы должны были отвозить ихъ на своихъ подводахъ, а городъ отстоялъ иногда отъ стойбищъ инородческихъ на два мѣсяца пути *** Сборъ ясака и пошлинь сопровождался обыкновенно ужасными злоупотребленіями; «стрѣльцы и казаки, собирая государевъ ясакъ и десятую пошлину, чинили инородцамъ насильство и обиду великую, сверхъ ясаку имали себѣ насильствомъ рублей по 40 и вѣдѣли на себя меду ставить и на воеводѣ правили помянки великіе»... Инородцы «стали въ великой продажѣ, и жены и дѣти свои позакладывали.» Кромѣ сборщиковъ, туземцовъ разоряли и простые казаки, во время своихъ разѣздовъ по дѣламъ службы или для торговли съ инородцами. Однажды, напр., казакъ Михайло Шоринъ пришолъ къ Котовскому князю Темсенеку для покупки соболей, но Темсенекъ не имѣлъ продажныхъ, — и Шоринъ возвратился ни съ чѣмъ. Черезъ два мѣсяца атаманъ Галкинъ вмѣстѣ съ Шоринымъ и другими казаками напалъ ночью на стойбище Темсенека, убилъ двадцать человѣкъ, разграбилъ юрты и взял много плѣнниковъ, преимущественно женщинъ и дѣтей. Между прочимъ пропало 200 соболей, назначенныхъ въ ясакъ **** Вотъ другой изъ многихъ подобныхъ случаевъ: въ сентябрѣ 1681 года пятидесятникъ якутскаго острога Данила Михайловъ послалъ на тунгусовъ тридцать человѣкъ подъ начальствомъ толмача Копылова. Толмачъ разгромилъ и ограбилъ тунгусовъ: одного убилъ,

* А. А. Э. т. III, № 118.

** Сиб. Исторія Миллера, ч. II, стр. 38, 39.

*** Ibid.

**** Миллеръ. ч. II, стр. 306.

а женъ и дѣтей взялъ въ плѣнъ и, какъ всегда дѣлалось въ этихъ случаяхъ, требовалъ за нихъ выкупа. * Служилые люди, развѣзжая по инородческимъ стойбищамъ, «имали» съ туземцевъ подводы подъ «свои товары, чѣмъ они на себя торгуютъ, суды игрецовъ», или взыскивали съ нихъ за это деньгами, «рублевъ по 30, по 40 и больше». ** Когда же ѣхали воеводы и головы, то «ясашныхъ людей пытками пытали и поминки съ нихъ великіе имали, и ихъ грабили, лисицы, собаки, и жиръ, чѣмъ они сыты бываютъ, имали насильствомъ. *** Случалось, что осѣдлыхъ инородцевъ сгоняли «съ ихъ старыхъ, исконивѣчныхъ вотчинъ, отнимали ихъ медвядяные ухожен, и бобровые гоны, и звѣрныя и рыбныя ловли» **** Заманивали инородцевъ въ города и здѣсь грабили, даже убивали ихъ, а чаще брали въ плѣнъ и дѣлали рабами. Сибирская исторія представляетъ много примѣровъ обращенія инородцевъ въ рабство. Плѣнныхъ рабовъ рускіе продавали, закладывали, а когда считали нужнымъ, то убивали. Женщины и дѣвушки, взятые въ плѣнъ, обращались въ наложницъ, которыхъ у казаковъ было по нѣскольку у каждаго; эти наложницы также продавались и закладывались рублехъ въ 10—20 ***** По малѣйшему неудовольствію на инородца, начальники забирали его, били нещадно кнутемъ и батогами, а виновныхъ въ заговорахъ и бунтахъ казнили и вѣсили. Наказывали даже шамановъ за ихъ ворожбу и приношеніе жертвы духамъ!

Не одинъ ясакъ и десятинная пошлина были наложены на инородцевъ,—они должны были отбывать еще и другія казенныя повинности. Первая, и чуть-ли не самая тяжкая, была ямская гоньба. Въ Сибирь и обратно ѣздили постоянно казаки, стрѣльцы, воеводы и другіе служилые люди; въ Сибирь доставлялись огромные обозы хлѣба, пороха, свинца, оружія, церковной утвари, — а изъ Сибири шли обозы съ царскою казною. Жившіе при дорогѣ инородцы обязаны были давать подъ все это подводы и подвергались новымъ притѣсненіямъ и поборамъ отъ проѣзжавшихъ. Эта гоньба окончательно разорала туземцовъ. Выѣстъ съ нею инородцы обязаны были пахать казенныя пашни; табаринскіе татары, напр., числомъ 60 человекъ, обя-

* Чтен. Об. Ист. и Др. Р. 1861 г. кн. I.

** А. А. Э. т. III, № 42.

*** Миллеръ, ч. I, стр. 326.

**** А. А. Э. т. III, № 118.

***** Миллеръ, ч. II, стр. 412.

заны были заставать въ пользу казны сперва 138 четвертей всякаго хлѣба, а потомъ, вслѣдствіе просьбы ихъ объ облегченіи, 120 четвертей. *. При этихъ повинностяхъ, инородцы не имѣли желѣзныхъ орудій, необходимыхъ какъ для собственнаго своего употребленія, такъ и для производства казенныхъ работъ. Топоры, ножи и другія желѣзныя орудія долгое время было запрещено продавать инородцамъ.

Наконецъ инородцы были обязаны рубить и сплавлять лѣсъ на вновь строившіеся города, ставить городскія стѣны, башни, обывательскіе дома, церкви, иногда—прорубать лѣсъ и прочищать дороги. Всѣ эти повинности, поборы и притѣсненія разоряли инородцевъ, повергали ихъ въ крайнюю бѣдность. Лучшимъ средствомъ къ поддержанію ихъ существованія могла служить торговля съ русскими купцами, но она была ограничена крайне стѣснительными узаконеніями. Торговля въ ясашныхъ волостяхъ была запрещена, инородцы должны были приходить въ городъ и здѣсь продавать свои товары на гостиномъ дворѣ, при чемъ взимались съ нихъ пошлины. Кромѣ того, когда разрѣшенъ былъ купцамъ въѣздъ въ инородческія стойбища, то имъ дозволено было торговать только однажды въ годъ, послѣ сбора ясака. Это узаконеніе, какъ увидимъ ниже, имѣетъ силу до настоящаго времени.

Нестерпимо было положеніе инородцевъ, — и вотъ инородческіе бунты идутъ черезъ всю сибирскую исторію, Но сила и военное искусство были на сторонѣ русскихъ,—инородцы усмирены и имъ осталось одно—постепенно вымирая, доживать свою печальную жизнь. Вслѣдъ за покореніемъ и разореніемъ русскими между инородцами появились страшныя эпидемическія болѣзни, слѣдствіе ихъ нищенской жизни, въ холодѣ, голодѣ и грязи. Больше всего туземцы страдали отъ оспы; въ первой разъ она появилась въ Сибири въ 1630 г., затѣмъ снова въ 1652, 1664, 1681, 1691, 1695 годахъ. Въ 1691 г. она распространилась отъ Якутска до Колымы, а въ 1714 г.—до Анадыра. Остатки, самобыды, якуты, тунгусы гибли отъ оспы тысячами, оставшіеся въ живыхъ, разбѣгались по лѣсамъ, оставивъ и своихъ больныхъ родственниковъ и всѣ пожитки **. Позднѣе являются другія болѣзни, — цынга и сифились, отъ которыхъ, уже въ настоящемъ

* Миллеръ, Ч. II, стр. 21.

** Чтен. Об. И. и Д. Р. 1861 г. кн. I.—Миллеръ, ч. II, стр. 520.

столѣтій страшно гибли остяки и самоѣды, о чемъ любопытные могутъ прочесть въ книгѣ Бѣлявскаго—*Повѣдка къ Ледовитому морю*. Даже въ настоящее время болѣзни истребляютъ значительное число сибирскихъ инородцевъ. Туруханскій край вотъ уже болѣе двадцати-пяти лѣтъ сряду подвергается тифозной горячкѣ, оспѣ и цынгѣ. Населеніе болѣе и болѣе уменьшается; нѣкоторые роды почти совсѣмъ вымерли. Болѣзни эти не только уменьшаютъ населеніе, но и разоряютъ жителей, останавливая ихъ обычные промыслы. *

Введеніе православія идетъ не успѣшно и не всегда оказываетъ благотворное вліяніе, состояніе сибирскихъ туземцевъ. Финскія племена, особенно остяки, крѣпко стоятъ за свое шаманство и креститься въ православную вѣру въ ихъ глазахъ, тоже, что сдѣлаться русскимъ. Но послѣднее для нихъ до того непріятно, что они скорѣе обращаются въ исламъ, нежели въ православную вѣру. Остяки убѣгаютъ отъ православія въ лѣса и такимъ образомъ раздробляются на особенныя семейства. Остяки уже сознаютъ, по словамъ Кастрена что выгодно было бы для нихъ поселиться по берегамъ богатой рыбою Оби, но ихъ удерживаетъ отъ того боязнь русской вѣры и ея проповѣдниковъ **. То же нерасположеніе къ православію и миссіонерамъ видимъ у буратовъ, коряковъ, камчадаловъ. Причины этого понятны — насильныя, въ тѣ времена, обращенія къ вѣрѣ и притѣсненія отъ миссіонеровъ. Еще Щербатовъ говоритъ, что сибирскіе инородцы жаловались ему «на безчеловѣчіе и издомство поповъ своихъ, комъ только грабить и мучить ихъ пріѣзжаютъ» ***.

Чтобы нагляднѣе показать бѣдственное положеніе сибирскихъ инородцевъ, взглянемъ на бытъ гижигинскихъ и охотскихъ тунгусовъ и остяковъ Западной Сибири.

Племя бродячихъ тунгусовъ охотскаго округа было нѣкогда довольно многочисленно, но въ настоящее время существуютъ только жалкіе остатки его. Состояніе ихъ разстроилось окончательно въ сороковыхъ годахъ. Въ 1844 г. кочевавшіе на р. Адаи тунгусы по неудову рыбы, принуждены были питаться сосною корою. Отъ этой пищи они до того разслабли, что не знали—будутъ-ли въ силахъ заняться въ удобное для того время ловлей нерпѣ. Семья тунгусовъ кочевавшая и умиравшая съ

* *Амуръ* 1861 г. стр. 469.

** Русское Слово, 1861 г. кн. IX, стр. 211.

*** Статистика, въ Чтен. Об. И. и Д. Р. 1859 г. кн. III.

голода около залива Аянъ, не имѣла силъ дойти до факторіи російско-американской компаніи; управляющій факторіей, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ на помощь, но засталъ въ живыхъ только одного тунгуса.

Тунгусы, кочевашіе въ числѣ 600 человекъ у залива Аянъ, были причислены къ Амгинской церкви, отстоящей отъ ихъ кочевья на 850 верстъ. Для исполненія христіанскихъ обязанностей, они должны были отправляться на назначаемое выѣзжавшимъ изъ Якутска священникомъ мѣсто. Этотъ выѣздъ часто бывалъ во время рыбной ловли, когда тунгусы запасаются продовольствіемъ на цѣлую зиму. Выѣжая въ это время на назначенное попомъ мѣсто, они не успѣвали заготовить запасовъ на зиму и принуждены были терпѣть голодъ. Для священника тунгусы должны были приготовить на Хахарскомъ урочищѣ два плота, на 15 лошадей каждый, и на Чумаканѣ девять лодокъ съ гребцами. Тоже было при разѣздахъ лекаря съ фельдшеромъ для прививанія оспы.—Для приобрѣтенія свинца и пороха тунгусы должны были выходить, на-встрѣчу ѣздившаго по округу исправника, къ Нелькану, за 250 верстъ. Если исправникъ выѣзжалъ лѣтомъ, то тунгусы, отправляясь къ Нелькану, принуждены были бросать рыбную ловлю; если же выѣздъ исправника случался зимой, то не имѣя ни оленей, ни собакъ, многіе тунгусы не могли выѣхать къ нему. Для сбора ясака исправникъ ѣздилъ по стойбищамъ инородцевъ, имѣя съ собою 5 и болѣе нартъ, слѣдовательно 36—56 собакъ, которыхъ тунгусы должны были кормить собственными оленями. Въ сборѣ ясака не было ни системы, ни справедливости. Исправники брали ясакъ только съ тѣхъ тунгусовъ, которыхъ встрѣчали, а набрать нужно было непременно все количество, слѣдуемое съ рода. Многіе тунгусы стали избѣгать встрѣчи съ исправникомъ, увеличивая тѣмъ количество ясака съ своихъ родичей, попадавшихся на глаза сборщику. Кромѣ того, ясакъ платился за увѣчныхъ, хилыхъ отъ старости, даже за умершихъ.—Продовольствіе осѣдлыхъ жителей ничѣмъ не было обезпечено; во многихъ селеніяхъ гижигинскаго округа не было рыбныхъ запасныхъ магазиновъ. При каждомъ неудовѣ рыбы, а слѣдовательно и голодовкѣ, тяжесть пропитанія осѣдлыхъ жителей падала на тунгусовъ. Гижигинскіе жители съ давнихъ поръ отгоняли у инородцевъ цѣлые табуны оленей. Этотъ способъ обезпеченія продовольствія употреблялся и начальствомъ сплошь да рядомъ. Многіе тунгу-

сы совершенно лишились стада и только съ ѳзжалыми оленями перекочевали въ Камчатскій округъ; другіе удалились къ Анадыру. Дѣйствительность упомянутыхъ отгоновъ подтверждается официальными актами. Вотъ напр. одинъ изъ многихъ случаевъ въ 1839 году корякъ Хегылтыевъ кочевалъ на р. Таловкѣ. Пріѣхалъ лекаръ Ивановъ и объявилъ ему, что по случаю голодовки въ Гижигѣ, онъ долженъ прикочевать съ своими оленями къ городу. Только по усиленнымъ просьбамъ Хегылтыева, ему дозволено дойти до Паренскаго селенія, гдѣ взяли у него и тотчасъ погнали къ Гижигѣ 200 оленей. Число оленей отнятыхъ у тунгусовъ во время голодовокъ, было: въ 1816—1818 г. на 9194 р., въ 1826—1827 г. на 5707 р., въ 1832 г. на 2435 р., въ 1830 г. на 2666 р., въ 1840 г. на 2060 р., въ 1841 г. на 1165 р., въ 1842 г. на 1200 р., въ 1843 г. на 625 р.. Все это было записано, какъ добротныя пожертванія инородцевъ.

Не только начальники, но и простые русскіе смотрѣли на инородцевъ, какъ на какихъ-то данниковъ. Каждый пріѣзжій русскій пользовался такимъ числомъ оленей, какое считалъ нужнымъ. До сихъ поръ коряки на каждую нарту пріѣзжихъ русскихъ бьютъ по оленю *даромъ*. Все это могло-ли не разорить окончательно инородцевъ? «Лишившись домашняго хозяйства, инородецъ разоряется; на промыселъ онъ надѣяться не можетъ, потому что казна не даетъ ему въ долгъ пороха и свинца. Онъ уходитъ въ пустыню, убиваетъ для пищи послѣдняго ѳзжалаго оленя, продаетъ для взноса ясака послѣднюю одежду и часто гибнетъ съ цѣлымъ семействомъ. Такимъ образомъ разорились тунгусы уягонскаго 1 и 2 и долгонскаго родовъ, и коряки.» *

Обратимся теперь къ остаткамъ западной Сибири и инородцамъ туруханскаго края.

Какъ скоро инородцы дѣлаются осѣдыми и вмѣсто звѣроловства начинаютъ заниматься хлѣбопашествомъ, то они переводятся на денежный окладъ. Но переходъ отъ звѣроловнаго быта къ земледѣлію совершается не вдругъ, а постепенно; бросивъ собольный промыселъ, остаткъ долго еще остается звѣроловомъ и не принимается за соху. Между тѣмъ, онъ обязанъ платить подать соболемъ, котораго онъ уже не промышляетъ; и многіе остатки принуждены покупать соболей, чтобы уплатить ясакъ ** . Въ туруханскомъ краѣ въ управленіе инородцами во-

* *Амуръ*, 1862 г.

** Потанинъ, Русское Слово 1861 г. кн. IX, стр. 197.

шло также много стѣснительныхъ мѣръ, обратившихся въ законный обычай. Такъ наприм. тазовскіе юраки считаются причисленными къ магазину у часовни, гдѣ возносятъ ясакъ и отбываютъ ямскую повинность, а живутъ, между тѣмъ, за нѣскольکو сотъ верстъ, на Енисеѣ, гдѣ также требуются съ нихъ ямскіе подводы. Долганы и тунгусы сильно обременены доставкою хлѣба за тундру и подводною гоньбою. Авамскіе самоѣдскіе старшины съ береговъ океана, съ р. Таймура, должны приходять въ Дудину для взноса ясака и для поставки ямскихъ подводъ. Ко всѣмъ этимъ *законнымъ* повинностямъ нужно прибавить еще *беззаконныя* дѣйствія чиновниковъ. Г. Толль рассказываетъ, что нѣкоторые должностныя лица собирали ясакъ и деньги за хлѣбъ, выданный инородцамъ, и не записывали во все или записывали на приходъ только часть, сдавая въ казну негодную и оставляя себѣ лучшую пушнину. Одинъ чиновникъ, посланный для изслѣдованія причинъ голоду между инородцами, былъ признанъ сумасшедшимъ и отозванъ назадъ, когда началъ раскрывать истинную причину горестнаго положенія инородцевъ. Назначенная послѣ того коммисія, вмѣсто слѣдствія, пустилась въ торговлю. *

Торговля инородцевъ съ русскими съ самаго начала русской колонизаціи поставлена въ невыгодныя условія. До нынѣ дѣйствующимъ указомъ 1844 г. въѣздъ въ инородческія стойбища дозволенъ русскимъ купцамъ только въ январѣ мѣсяцѣ да еще съ 15 іюня по 1 сентября. Въ остальное время купцы не только не имѣютъ права въѣзжать въ инородческіе улусы, но и оставлять тамъ непроданныхъ товаровъ. Но въ теченіе января мѣсяца не возможно купцу объѣхать весь нарымскій край по глубокимъ снѣгамъ, въ трескучіе морозы; да и у инородцевъ въ это время нѣтъ никакого товару: все сдано ими въ казну за хлѣбъ, порохъ и свинець, въ уплату ясака. Если же бы и случилось въ это время пріобрѣсть отъ инородцевъ нѣсколько товара, то его некуда сбыть: Ирбитская ярмарка бываетъ въ февралѣ мѣсяцѣ и на нее не поспѣть. Лѣтомъ же, въ іюлѣ и августѣ, большая часть остояцкаго населенія въ разбродѣ, кто ушолъ на рыбную ловлю, кто для найма въ работу, кто для взносу ясака. У оставшихся въ стойбищахъ нѣтъ товара; а найдется, — опять некуда сбыть: въ Нижній на ярмарку не успѣешь. При

* «Туруханскій край», Амуръ 1861 г.

такимъ положеніи дѣлъ купцы, изъ которыхъ многіе раззорились, почти совсѣмъ прекратили свои торговля дѣла съ остяками, а послѣдніе лишились возможности сбывать рыбу, кедровые орѣхи, пушнину, не стали ходить за звѣремъ, начали заниматься въ работы и претерпѣвая крайнюю скудость и лишенія, пробиваются кой-какъ рыболовствомъ. *

Въ видахъ обезпеченія инородцевъ, какъ извѣстно, заведены казенные хлѣбные магазины. Но такъ какъ по закону, вахтера должны выдавать хлѣбъ по требованію и подъ отвѣтственность почетныхъ инородцевъ, которые бы обезпечивали уплату, то часто вахтера отказываютъ въ выдачѣ хлѣба дѣйствительно нуждающимся, а снабжаютъ только зажиточныхъ. Произвольное возвышеніе цѣнъ—дѣло также довольно обыкновенное; по всѣмъ магазинамъ туруханскаго края считаются огромныя недоимки, которые давно уже уплачены, или даже никогда не существовали; *на 64 чел. напр., считается дома 13 т. р. с.* ** Кромѣ того, казенный хлѣбъ гораздо дороже стоитъ инородцамъ, чѣмъ купленный у частныхъ лицъ. Да и отпускается его не много: всего 5, иногда 10 пудовъ на всю семью. Промыслы часто не удаются; казенный долгъ на инородцѣ растеть и часто онъ принужденъ бросить свою семью на произволъ судьбы и идти куда-нибудь на золотыя пріиски.

При такихъ условіяхъ жизни, остяки постепенно вырождаются, умираютъ, постепенно тупѣютъ, не вѣря даже въ возможность улучшенія своей участи. Тоже самое должно сказать и о другихъ инородческихъ племенахъ: они гибнутъ и окончательное исчезновеніе ихъ несомнѣнно. А между тѣмъ Сибирь страдаетъ безлюдьемъ, недостаткомъ рабочихъ рукъ! Мы ничего не говоримъ противъ слитія туземныхъ народностей съ русскою: пусть сама жизнь рѣшитъ—остаться-ли инородцамъ отдѣльными, обособленными племенами, или войти въ составъ сибирскаго народа. Но можетъ-ли равнодушно смотрѣть человекъ на уничтоженіе цѣлыхъ племенъ, на ихъ жалкую жизнь и смерть отъ голода, отъ оспы, отъ сифилиса? Оставляя даже въ сторонѣ чувства гуманности, и руководствуясь одними народно-экономическими соображеніями, нельзя безъ глубокаго горя видѣть это уничтоженіе рабочихъ силъ въ малонаселенной странѣ. Всѣ сибирскіе инородцы—трудолюбивые, полезные работники и про-

* Русское Слово 1859 г. кн. IX, стр. 198—200.

** «Тур. край», *Амуръ* 1861 г.

мышленники; звѣринный и рыбный промыслы находятса главнымъ образомъ въ ихъ рукахъ ; перешедши къ осѣдлой жизни , они дѣлаются примѣрными хлѣбопашцамъ; каковы, напр., забайкальскіе и балаганскіе буряты. Съ устраненіемъ причинъ ихъ вымиранія, съ поправленіемъ ихъ жѣлкой жизни , они бы , безъ сомнѣнія , болѣе цивилизовались, русѣли и сдѣлались бы одними изъ полезнѣйшихъ членовъ сибирской земли. Если же современное положеніе ихъ не измѣнится вскорѣ на лучшее, то исчезновеніе большинства ихъ несомнѣнно. Пересмотръ «Сибирскаго Уложенія» и въ этомъ отношеніи крайне необходимъ.

IV.

Колонизація Сибири имѣетъ двойной характеръ—*вольно-народный* и *прикизно правительственный*. Но народъ всегда предупреждалъ правительство. Походъ и завоеванія Ермака не имѣютъ вовсе правительственного характера : толпа вольныхъ казаковъ, не имѣя ни указа, ни помощи правительства, даже безъ вѣдома его, идетъ въ Сибирь, получаетъ вспоможеніе отъ промышленниковъ Строгановыхъ и покоряетъ Кучумово царство. Этотъ походъ Ермака, безъ вѣдома московскаго правительства, раздражилъ послѣднее. Въ царской грамотѣ Строгановымъ * дѣлается выговоръ за отпущкъ казаковъ въ Сибирь, а послѣднимъ царь угрожаетъ казню. Но когда въ Москвѣ услышали объ успѣшности похода казаковъ, когда царь получилъ изъ Сибири драгоценныя мѣха и увидѣлъ, что Сибирь можно сдѣлать «прибыльною государевой казнѣ,» тогда послана къ Ермаку похвальная грамота и подарки; всѣ казаки прощены и обнадежены царскою милостію. Съ этого же времени начинается вольная колонизація Сибири, идущая черезъ всю сибирскую исторію до настоящаго времени. По свидѣтельству Витзена , съ казаками, посланными изъ Сибири къ царю и теперь ѣхавшими обратно, пошло въ Сибирь 1,500 семей вольныхъ переселенцевъ. Затѣмъ, особенно въ царствованіе Алексѣя , Ѳедора и Годунова бѣжали въ Сибирь «вольные гулящіе люди,» помѣщичьи крестьяне, раскольники, лица избѣгавшіе суда. Рекрутскіе наборы, ревизія, подушныя подати, тяжелая служба и казенныя работы въ царствованіе Петра гнали въ Сибирь тысячи народа , особенно раскольниковъ и солдатъ. Изъ одного указа 1986 г. вид-

* Истор. Сибири, Миллера, ч. I, стр. 117.

но, что изъ Архангельскаго края $\frac{2}{3}$ населенія, состоявшаго изъ 7,000 дворовъ, ушло въ Сибирь и на Донъ. Всѣ эти переселенцы устроили въ Сибири свои вольныя, независимыя общины; таковы были напр. раскольничьи поселенія на Уралѣ. Чтобы ближе познакомиться съ характеромъ и устройствомъ этихъ вольныхъ поселеній, остановимся нѣсколько времени на алтайскомъ обществѣ *каменьщиковъ* *. Въ неприступныхъ, но плодородныхъ и живописныхъ ущельяхъ Алтая, въ началѣ XVIII вѣка, начали селиться раскольники, бѣглые солдаты, матросы, крестьяне, заводскіе рабочіе. Они селились маленькими общинами, занимались хлѣбопашествомъ, рыболовствомъ и звѣроловствомъ, для чего ходили даже въ предѣлы Китая, на берега Чернаго Иртыша, гдѣ ловили рыбу и промышляли бобровъ. Для добычи соли они ѣздили къ озерамъ Кулундинской степи. Имѣли торговыя сношенія съ китайцами и съ русскими заводскими крестьянами, послѣднихъ часто уговаривали переселяться къ нимъ. Они не совершали церковныхъ браковъ, не крестили дѣтей. Управлялись черезъ выборныхъ начальниковъ. Но почему-то однажды выбрали двухъ старшинъ, самовластіе которыхъ положило начало внутреннимъ раздорамъ общинъ каменьщиковъ. Каменьщики осудили своихъ старшинъ на смерть: они были распяты на плотахъ, которые спущены по Иртышу. Къ этимъ раздорамъ присоединилось еще другое бѣдствіе — страшный голодъ, волѣдствіе неурожаевъ. Между тѣмъ, начальство горнаго округа высылало часто противъ каменьщиковъ казаковъ, разорявшихъ ихъ деревни. Они поставлены были въ необходимость, просить о принатіи ихъ въ русское подданство; нѣкоторые, однакожь, числомъ 60 человекъ, отправились въ Китай и просили Богдыхана принять ихъ въ свое подданство, но имъ отказано. Русское же правительство въ 1791 г. приняло ихъ въ подданство, на правахъ осѣдлыхъ инородцевъ **. Нынѣшніе потомки каменьщиковъ успѣшно занимаются земледѣіемъ, звѣринымъ промысломъ, ткуть холстъ и грубое сукно, торгуютъ съ китайцами и съ русскими купцами. Религіозные обычаи мало ими соблюдаются. Одежда ихъ оригинальна: за плечи всегда закинута винтовка, на кушакѣ виситъ длинный ножъ. Одежда ихъ показываютъ отвагу, проворство и удалъ. ***

* Т. е. *горцевъ*, отъ *камень*—гора.

** Сибирскій Вѣстникъ, 1818 г., Ж. М. Н. П., ч. XLVI. стр. 225.

*** Гагемейстеръ, томъ II, стр. 53.

Вольное переселеніе въ Сибирь совершается до сихъ поръ. Въ Западную Сибирь приходитъ много крестьянъ изъ внутреннихъ губерній отыскивать себѣ удобныя мѣста для водворенія. Крестьяне большею частію находятъ такія мѣста и подаютъ просьбы о перечисленіи, а сами остаются на избранныхъ мѣстахъ. Обыкновенно они имѣютъ паспорта, а иногда и не имѣютъ ихъ. Дѣла о перечисленіи тянутся очень долго; иногда 5—6 лѣтъ; между тѣмъ крестьяне обживаютъ на выбранныхъ ими мѣстахъ, обзаводятся хозяйствомъ, пашнями, домами *. Иногда же самовольные переселенцы устроятся гдѣ-нибудь въ невѣдомой глуши, строятъ деревню, занимаются хлѣбопашествомъ и другими промыслами, и живутъ себѣ самобытною жизнью. Въ томской губерніи случалось, что открывали въ тайгѣ богатые села, совершенно неизвѣстныя и не подвластныя никому до того времени. Такъ сильна симпатія народа къ вольной колонизаціи. Безъ всякихъ пособій отъ казны, самъ своими силами онъ поднимается съ мѣста родины, идетъ въ далекую Сибирь, селится здѣсь и прилежный трудъ его вознаграждается съ избыткомъ, селеніе процвѣтаетъ, жители довольны своей судьбой. Но вольная колонизація Сибири поставлена во многія стѣснительныя условія, и хотя она идетъ черезъ всю сибирскую исторію, но идетъ, большею частію, вопреки закону, полагающему ей весьма тѣсныя границы.

Мы уже сказали, что когда въ Москвѣ увидѣли прибыльность Сибири государевой казнѣ, то приняли ее въ подданство Росіи, и московскій царь принялъ къ прежнимъ титуламъ новый—*царя сибирскаго*. Началась правительственная колонизація, партіи казаковъ, стрѣльцовъ и охочихъ людей покорали туземцевъ, строили, съ дозволенія правительства, города и остроги, въ которыхъ селились сами, наблюдали за вѣрностью туземцевъ московскому царю, собирали съ нихъ ясакъ и пошлины, не забывая и о своемъ обогащеніи на счетъ инородцевъ. Города и остроги должны были строиться не иначе, какъ по указу правительства. Такая система приводила вотъ къ какимъ, на примѣръ, результатамъ. Березовъ, Пелымъ, Обдорскъ, Мангазея, Туруханскъ были построены на мѣстахъ вовсе неспособныхъ къ хлѣбопашеству; пропитаніе служивыхъ людей, жившихъ въ этихъ городахъ лежало на чердынцахъ, пермичахъ, вятчанахъ, и соль-

* *Амуръ* 1861 г., стр. 379.

вычегодахъ, обязанныхъ доставлять въ сибирскіе безопасные города хлѣбъ, крупу и толокно. Эта повинность была разорительна какъ для поставщиковъ, такъ и для придорожныхъ жителей, которые должны были перевозить эти запасы въ Сибирь, при тогдашней постоянной ямской гоньбѣ, лежавшей на нихъ же, по тогдашнимъ сквернымъ дорогамъ. Запасы доставлялись крайне неисправно, что производило въ Сибири голодъ, отъ котораго служивые и другіе люди мерли часто сотнями. Кроме того, что города строились въ мѣстахъ непашенныхъ, и продовольствіе ихъ хлѣбомъ изъ другихъ городовъ было разорительно для послѣднихъ, а первые часто подвергало голоду, — указные города строились иногда на мѣстахъ совершенно неподходящихъ для житья. А перенести городъ на болѣе удобное мѣсто не смѣли безъ указа изъ Москвы. Такъ напр., Нарымъ былъ построенъ среди болотъ; весеннія наводненія Оби сносили избы, топили скотъ, жители раззорались и страдали отъ сквернаго климата. Въ 1614 г. было разрѣшено перенести Нарымъ на новое, еще худшее стараго мѣсто. Цѣлыхъ 12 лѣтъ жители жаловались на крайнее неудобство новаго города, и только на тринадцатый годъ указъ изъ Москвы разрѣшилъ слова перенести Нарымъ. Города, основанные безъ указа, вооружали противъ себя правительство; за построение города Рогова, бывшаго мѣстомъ торговли между самоѣдами, остяками, и пустозерскими жителями, пустозерскій начальникъ получилъ строгій выговоръ, торговать въ Роговѣ было запрещено, и этотъ городокъ, возникшій вслѣдствіе естественной потребности удобнаго мѣста торговли, запусѣлъ.

Мы говорили выше, что ямская повинность лежала сперва на инородцахъ; вслѣдствіе постоянныхъ жалобъ ихъ на разорительность и тягость этой повинности, правительство сложило ее съ нихъ и начало заводить въ Сибири ямскія слободы Переселяемые изъ Росіи ямщики получали отъ правительства нѣкоторое вспоможеніе. Но посылаемыхъ въ Сибирь казаковъ, стрѣльцовъ и ямщиковъ, было не достаточно для заселенія, необходимо было пригласить вольныхъ переселенцевъ, которые бы, занимаясь хлѣбопашествомъ и другими промыслами, обеспечивали продовольствіемъ русскія поселенія въ Сибири. Началось, при помощи правительства, переселеніе *охочихъ пашенныхъ людей*. На площадяхъ, базарахъ и улицахъ русскихъ городовъ, особенно близкихъ къ Сибири, бирюча *кличь кликачи*,

вызывали желающихъ къ переселенію въ Сибирь. Эти вольные переселенцы получали отъ правительства подмогу—иногда деньгами, рублей по 25 на человѣка, иногда натурою—лошадами, хлѣбомъ и т. п. Но не всякій желающій переселиться могъ идти въ Сибирь: для этого требовалось, чтобы онъ имѣлъ средства къ заведенію порядочнаго хозяйства на мѣстѣ новаго поселенія;—«а у всякаго бы человѣка (желающаго переселиться,) было по 3 мерина добрыхъ, да по 3 коровы, да по 2 козы, да по 3 свиньи, да по 5 овецъ, да по 2 гусей, да по пятеру куровъ, да по двое утятъ, да на годъ хлѣба, да соха со всѣмъ для пашни, да телега, да сани, да всякая житейская рухлядь.» * Поселенцы должны были воздѣлывать казенную пашню, въ чемъ они обязывались «крѣпкими поруками съ записями.» ** Въмѣстѣ въ тѣмъ, правительство заботилось о привлеченіи въ Сибирь переселенцевъ и другими путями: бродяги, бѣжавшіе въ Сибирь, получали прощеніе и причислялись къ новымъ мѣстамъ жительства; крестьянъ, отправляемыхъ въ Сибирь помѣщиками, зачисляли имъ въ рекруты, а съ 1853 г. воровъ и разбойниковъ, присужденныхъ къ отсѣченію перста лѣвой руки вѣчно ссылатъ въ Сибирь; съ 1686 г. стали ссылатъ бродягъ; затѣмъ политическихъ преступниковъ, раскольниковъ, бунтовщиковъ: такъ были сосланы мятежные псковичи, жители Углича, мятежные стрѣльцы и проч. Число ссылаемыхъ увеличилось особенно съ 1754 г., со времени уничтоженія смертной казни. Въ 1759 г. выселено изъ Россіи и причислено къ алтайскимъ заводамъ 12,000 крестьянъ, а къ нерчинскимъ заводамъ 3,500. Потомъ заселены были—Бараба, линіи Колыванская и Кузнецкая—выходцами изъ Польши, а Иртышская колодниками и отставными солдатами. Въ 1760 г. переселено было нѣсколько донцовъ, а въ 1770 полторы сотни запорожцевъ. Въ 1845 г. было отправлено пять регулярныхъ полковъ, которые расположены по граничной линіи. Въ послѣднее время много шума надѣлала колонизація Амура. Представимъ краткій очеркъ ея, какъ поучительнаго примѣра, много говорящаго въ пользу полной свободы колонизаціи.

Заселеніе Амура произведено тремя путями: посредствомъ байкальскихъ казаковъ, о которыхъ мы говорили выше, штрафныхъ солдатъ и вольныхъ переселенцевъ. Прежде всего бросает-

* А. А. Э. т. I, № 348.

** Ibid. т. II, № 133.

ся въ глаза неприготовленность и какая-то непростительная небрежность приставниковъ этого дѣла. Вольныхъ переселенцевъ не предупредили, что ихъ телеги (съ дубовыми колесами и желѣзными осями) не возьмутъ на сплавъ, отчего они и принуждены были бросить ихъ за бездѣнокъ на Шилкѣ. Въ 1855 г. переселенцевъ сплавили на устье Амура, сказавъ имъ, что ихъ поселятъ близко: въ надеждѣ на это, зажиточные взяли съ собою много хлѣба и другихъ хозяйственныхъ предметовъ, пригнали много скота,—какъ вдругъ имъ объявили, что они могутъ взять съ собою только небольшое, опредѣленное количество скота... Принуждены были переселенцы бросить многое изъ своего имущества даромъ, или продать за бездѣнокъ. * Плоты и баржи, на которыхъ сплавились переселенцы, не имѣли никакихъ удобствъ, и постоянно садились на мель; переселенцы страдали отъ дождя и холода, страдали и отъ голода. Но, вотъ, они добрались до мѣста поселенія. Выборомъ этихъ мѣстъ распоряжались чиновники, совершенно не знакомые ни съ мѣстностью, ни съ нуждами колонистовъ. Мѣста выбраны большею частью совершенно негодныя для хозяйства и хлѣбопашества. Иногда переселенцевъ просто *высаживали на болото и приказывали тутъ селиться*,—«такая де судьба ваша!» ** Поселенцы весьма многихъ станицъ просились на новыя мѣста, но имъ отказано... А между тѣмъ—мѣста, выбранныя чиновниками совершенно негодны или мало способны къ хлѣбопашеству. Таковы напримѣръ, станицы Амазарская, Бекетова, Ваганова; таковы низовья Амура съ ихъ болотами, озерами, трущобами, суровымъ климатомъ, скудною почвой.

Снабженіе поселенцевъ припасами и земледѣльческими орудіями крайне неисправно. Часто цѣлые сплавы хлѣба и скота тонуть, по небрежности сплавщиковъ. Хлѣбъ получается подмоченый, солодѣлый и складывается прямо на сыромъ берегу, безъ всякой защиты отъ дождя. *** И сплошь да рядомъ голодуютъ колонисты; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по полгода сидятъ безъ щепотки соли (М. Сб. к. IV, с. 238;) въ другихъ ѣдятъ отъ нужды дубовые жолуди (ib. к. V, с. 85.) Манчжуры не только сами перестали торговать съ колонистами, но вооружа-

* Вѣстн. Промышлен. 1850 г. кн. х. с. 69.

** Морск. Сборн. 1861 г. к. х, 240.

*** Ibid. к. V, с. 18.

ютъ противъ послѣднихъ и амурскихъ инородцевъ. Къ тому же, сѣмена для посѣвовъ доставляются несправно, а приготовленные на Петровскомъ заводѣ земледѣльческія орудія крайне плохи и дороги; въ Читѣ, починномъ пунктѣ сплава, сошникъ стоилъ въ 1859 г. 5 р. сер., топоръ 1 р., 50 к. с. Ко всѣмъ этимъ бѣдамъ еще мало скоти; коровы сплавляемыя на плотахъ, промачиваютъ ноги и падаютъ; лошади измучены почтовою и курьерскою гоньбою, особенно послѣднею, такъ какъ число курьеровъ доходитъ до 100 въ годъ!

Переселенцы жили сначала въ сырыхъ и холодныхъ землянкахъ; теперь построены имъ домики изъ сыраго, сплавленнаго отъ Стрѣлки въ плотахъ лѣсу. Въ домахъ этихъ также сыро, какъ и въ землянкахъ—и лихорадки—постоянные гости этихъ хижинокъ.

Многочисленные казенныя повинности лежатъ на поселенцахъ; есть даже что-то въ родѣ постоянной повинности. Штрафные солдаты размѣщены по казакамъ съ тѣмъ, чтобы ѣсть хлѣбъ хозяина и работать на него. Первое-то *амурцы*, какъ называютъ этихъ солдатъ въ Сибири, дѣлаютъ исправно, но работать не по ихъ части. Поэтому—они только отягощаютъ казаковъ. Вторая повинность—казенныя, бесплатныя постройки и перестройки, отрывающія постоянно отъ собственныхъ работъ. Постройка почтовыхъ станковъ возложена на линейныхъ солдатъ, обязанныхъ еще смотрѣть за почтовыми лошадьми и рубить дрова для казенныхъ пароходовъ. За все это они получаютъ 1½ ф. сухарей, муки,—когда дадутъ, крупы,—когда случится, и пополугодю сидятъ безъ щепотки соли (М. Сб. к. X, с. 238). — Затѣмъ слѣдуетъ тягостная ямская повинность. — Даже на дѣвушкахъ и женщинахъ лежитъ повинность—дѣланіе кирпичей, по тысячѣ въ мѣсяцъ съ души (М. Сб. к. V, с. 85).

Не говоримъ уже о разныхъ распоряженіяхъ мѣстныхъ колонизаторовъ, напр. при постройкѣ станицъ, не говоримъ о такихъ бѣдственныхъ событіяхъ, какъ погибель отъ холода и голода въ амурской пустынѣ 13-го линейнаго батальона... Скажемъ только, что къ другимъ угнетателямъ колонистовъ присоединились и кушцы, особенно агенты амурской компании. На устьѣ Амура пудъ мяса доходитъ часто до 12 р. с.: въ январѣ 1859 г. фунтъ коровьяго масла стоилъ въ Благовѣщенскѣ 1 р. сер. Только въ послѣднее время, слышно, изъ Америки привезено

достаточно черезъ Николаевскъ сахара и винъ, и, слѣдовательно, эти продукты дешевы.

Въ послѣднее время получены въ Петербургѣ самыя грустныя извѣстія о ходѣ амурскаго дѣла. По словамъ забайкальскаго корреспондента *Съверной Пчелы*, все населеніе Амура поступило на казенное содержаніе, а войска—на уменьшенную дачу: Большую часть станицъ приходится переносить на новыя мѣста. Манчжуры вооружаютъ туземцовъ противъ колонистовъ; каторжники и солдаты бѣгутъ и разбойничаютъ по Амуру, проникаютъ даже въ Забайкалье. Сварѣшствуютъ цынга и тифъ, особенно въ Николаевскѣ. Скотъ, отправленный въ прошломъ году на Амуръ, весь потопленъ, хлѣбъ—тоже, а Забайкалье не въ силахъ болѣе удѣлять Амуру ни того, ни другого.

Спасти Амуръ могутъ только чехи и другіе славяне, если состоится ихъ переселеніе изъ Америки на Уссури и Амуръ. Полученныя недавно нами извѣстія изъ Иркутска передаютъ, что славяне готовы переселиться только подъ условіемъ сохраненія нѣкоторыхъ свободныхъ учреждений, напр. самоуправленія, свободы слова и печати * и т. п. Нельзя не пожелать отъ души, чтобы все это осуществилось. Эти колоніи подѣйствовали бы благотворно не только на экономическое, но и на нравственно-гражданское состояніе восточной Сибири.

Но не одинъ Амуръ нуждается въ колонизаціи, колонизаціи свободной. Вся Сибирь страдает малонаселенностью, недостаткомъ рабочихъ рукъ, населеніе ея одними ссыльными вредно дѣйствуетъ на бытъ сибиряковъ; необходимо, какъ можно больше и скорѣе, увеличивать число вольныхъ, трудолюбивыхъ и честныхъ поселенцевъ. Не въ томъ вопросъ—гдѣ взять ихъ,—ихъ найдется много изъ густо-населенныхъ губерній Россіи, изъ Китая и Манчжуріи, изъ Америки—чеховъ и другихъ славянъ, найдутся, вѣроятно, и европейскіе поселенцы. Вопросъ въ томъ—при какихъ условіяхъ возможна эта колонизація?

Прежде всего, по нашему мнѣнію, необходимо составить и издать популярное описаніе Сибири, съ обозначеніемъ мѣстъ, удобныхъ для поселенія и того или другого промысла, съ опи-

* Они хотятъ перенести съ собой на Амуръ и свой журналъ *Slavia*. Редакторъ этого журнала посланъ отъ нихъ въ Сибирь депутатомъ для избранія мѣстъ и соглашенія съ правительствомъ относительно условій, на которыхъ они хотятъ переселиться.

саніемъ дорогъ, съ изчисленіемъ мѣстъ удобныхъ для остановки и отдыха, съ означеніемъ цѣнъ на разныя жизненныя потребности. Изданіе и продажу этой книги можетъ взять на себя «товарищество сибирской колонизаціи,» составленное изъ капиталистовъ и доставляющее кредитъ желающимъ переселиться. Это товарищество можетъ взять на себя перевозку колонистовъ и снабженіе ихъ деньгами на извѣстный срокъ. За учрежденіе подобнаго товарищества приличнѣе всего было бы взятыя сибирскому купечеству; ужели оно еще не выспалось, ужели не надобно ему кутить, задавать въ честь чрева набольшихъ пиры и банкеты? Не пора-ли приниматься за дѣла, выгодныя для себя, полезныя для родной Сибири. А что можетъ быть полезнѣе для послѣдней, какъ не приобрѣтеніе множества рабочихъ рукъ, какъ не увеличеніе населенія путемъ свободной колонизаціи?

Главнымъ препятствіемъ, задерживающимъ переселеніе въ Сибирь русскихъ крестьянъ и иностранцевъ служатъ слухи о бѣдственномъ результатѣ Амурской колонизаціи, о порядкахъ и характерѣ сибирской администраціи. Особенно эти слухи удерживаютъ отъ переселенія иностранцевъ. Ну, какой житель Сѣверной Америки, — будь онъ чехъ или другой славянинъ, — пойдетъ подъ нагайку и власть русскаго исправника, захочетъ подвергаться всѣмъ тѣмъ непріятностямъ, которыя сносить нашъ мужичекъ? Если же иностранные колонисты будутъ поселены въ Сибири на совершенно другихъ основаніяхъ, чѣмъ русскіе, если они будутъ избавлены отъ земской полиціи и получаютъ права полнаго самоуправленія, — тогда, конечно, на переселеніе въ Сибирь иностранцевъ можно надѣяться. Но тѣ же бы права самоуправленія должны получить и русскіе колонисты, — или, по крайней мѣрѣ, они должны быть избавлены отъ многихъ репрессивовъ, въ родѣ напр. постоянной заботливости о нихъ земской полиціи. — По нашему мнѣнію, рациональная колонизація Сибири должна быть обусловлена такими правилами:

1) Каждый русскій подданный, желающій переселиться въ Сибирь, имѣетъ полное на то право, если за нимъ нѣтъ неотбытыхъ общественныхъ повинностей. Разныя бюрократическія формальности, задерживающія выселеніе, не должны имѣть здѣсь мѣста. — Каждый иностранецъ имѣетъ право свободнаго поселенія въ избранномъ имъ мѣстѣ, на одинаковыхъ условіяхъ съ русскими колонистами. Селиться дозволяется и общиной и въ одиночку.

2) Каждая община управляется сама собою, безъ вмешательства постороннихъ властей; община сама распоряжается своими доходами, раскладываетъ подати и налоги, дѣлитъ и передѣляетъ землю, завѣдуетъ школами и другими общественными учрежденіями. Свобода вѣроисповѣданій, съ законнымъ огражденіемъ господствующаго вѣроисповѣданія, свобода занятій и промысловъ — также неотъемлемыя принадлежности общины.

3) Для споспѣшествованія къ заведенію, устройству хозяйства и уплаты тѣхъ долговъ, въ какіе войдутъ колонисты при овоемъ переселеніи, — они освобождаются лѣтъ на 30 отъ рекрутской повинности.

При такомъ устройствѣ колоній, онѣ быстро будутъ развиваться и заселяться; иностранцы уже не побоятся тогда идти на Амуръ или въ другія мѣстности Сибири; и если бы колоніи устроены были такимъ образомъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, Сибирь скоро пріобрѣла бы сотни тысячъ работниковъ.

Поселеніе въ Сибири преступниковъ, чтобы оно не имѣло вреднаго вліянія на благосостояніе и нравственность свободныхъ колонистовъ, должно измѣнить нѣсколько свой характеръ. Исторія показываетъ примѣры, что при рациональномъ устройствѣ быта колонистовъ-преступниковъ, они скоро исправляются и становятся полезными, трудолюбивыми и честными гражданами. Необходимо улучшить тюремный бытъ преступниковъ; потомъ, давать имъ работу. — исправленіе дорогъ, постройку разныхъ зданій. Чѣмъ сгонять бѣдныхъ крестьянъ въ рабочую пору для исправленія дорогъ, — не лучше ли было бы употреблять на это преступниковъ? По окончаніи же срока тюремнаго заключенія, преступники должны быть приписываемы къ извѣстной общинѣ, должны получить извѣстное количество земли для хлѣбопашества. Надзоръ за ними долженъ быть вѣренъ общинѣ; за доброе поведеніе имъ нужно давать постепенно права гражданъ общины, напр., право голоса на мірскихъ сходахъ. За проступки же община наказываетъ ихъ денежною пенью, оглашеніемъ ихъ дѣйствій, публичнымъ выговоромъ, тюремнымъ заключеніемъ, лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ. При размѣщеніи преступниковъ по общинамъ должно наблюдать, чтобы число ихъ было гораздо меньше числа остальныхъ членовъ общины.

С. ШАНЦОВЪ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

(Окончаніе.)

(Два сорока бывальщиковъ. С. - Петербургъ 1862. 203 и 214 стр.).

Имѣвъ случай, хотя слегка, коснуться разсказа «Коса на Камень», при этомъ по необходимости мы уже выставили нѣкоторыя грязныя черты, въ какихъ обрисовываетъ г. Даль еврея Шмуля. Читатели, конечно, помнятъ, какимъ завистливымъ, корыстолюбивымъ, безсовѣстнымъ и въ то же время жалкимъ представленъ тамъ Шмуль, вклепавшійся въ фальшивыя деньги проѣзжаго и пропавшій за нихъ безъ вѣсти. Къ этому слѣдуетъ прибавить (прежде мы не имѣли повода указывать на это), что Шмуль представленъ, кромѣ того, глупымъ. Вообразите: исправникъ, *только-что* началъ считать оказавшіяся у жида деньги, тотчасъ замѣтилъ, что цѣлковые не даютъ отъ себя обыкновеннаго звука; Шмуль (какъ будто серебряная монета ему въ диковину!) не могъ этого замѣтить, не смотря на то, что, въ его же присутствіи, проѣзжій доставалъ мѣшокъ за мѣшкомъ, высыпалъ изъ нихъ и потомъ пересчитывалъ деньги! Ужь не отъ того-ли это произошло, что когда проѣзжій пересчитывалъ три мѣшка съ 1425 цѣлковыми, у Шмуля, по выраженію г. Даля,

сердце стучало вслухъ? Чего добраго! а все-таки странно, что стучкомъ сердца такъ заглушался стукъ подѣльныхъ цѣлковыхъ, что жиду и въ голову не пришло сообразить и замѣтить разницу между издаваемымъ ими, при перекладываньи и пересыпаньи, звукомъ и подлиннымъ звенящимъ звукомъ настоящихъ серебряныхъ рублей.—Подъ заглавіемъ «*Плшая кобыла*» у г. Даля ведется пошлый разсказъ (68), въ которомъ онъ уже прямо остритъ надъ мнимымъ безсмысліемъ жида. Когда клячонка жида, какъ онъ ни бился, не могла везти телеги, то онъ вздумалъ проучить ее, отпрегъ ее, повезъ телегу самъ да и сказалъ при этомъ: «будешь меня помнить — не хотѣла ѣхать, иди пѣшкомъ!» Подъ заглавіемъ «*Черемки*» г. Даль снова потѣшается надъ глупостью трусливаго жида. Несчастный услышалъ отъ своего извозчика, что въ лѣсу, черезъ который они ѣхали, водятся разбойники. «И пресердитые!» говорилъ ему ямщикъ Иванъ: «съ богатыхъ жидковъ шубки сьмаютъ, а нашего брата по головкѣ гладятъ, за то, что подвозилъ.» Затѣмъ Иванъ посовѣтовалъ жиду, для спасенія отъ разбойниковъ, залѣзть въ мѣшокъ, а самъ, не далеко отѣхавъ, уже сталъ въ одно и то же время разыгрывать роль и разбойника, и извозчика! «Что у тебя въ мѣшкѣ?» заговорилъ онъ измѣненнымъ голосомъ, и самъ же отвѣчаетъ настоящимъ своимъ голосомъ: «черепочки, битое стекло; на заводъ везу!» «Коли такъ, то хоть перебьемъ ему стекло, съ горя, что ничего нѣтъ.» Затѣмъ Иванъ схватываетъ мѣшокъ съ жидомъ, тряхнулъ его порядкомъ и началъ лупить его кнутовищемъ на всѣ четыре стороны; а жидъ не шелохнется, и только, при каждомъ ударѣ, приговариваетъ «*дрынь, динь-динь!*» По окончаніи этой комедіи, разыгранной извозчикомъ, жидъ поблагодарилъ его, да и похвасталъ вдобавокъ: «хитеръ ты, Иванъ, что посадилъ меня въ мѣшокъ да сказалъ, что это—стекло; а я еще хитрѣй тебя, что приговаривалъ «*дрынь, дрынь!*»...—«Что, братцы, смѣшно?» спрашиваетъ г. Даль мужиковъ, по окончаніи разсказа...—И еще какъ? да вы, В. И., просто потѣшникъ; слушая васъ, животики надорвешь: вотъ бы васъ на супрадки, аль на бесѣду! А каково Иванушка-то потрудился надъ жидомъ? вѣдь оно—человѣчно?! Правда, г. Даль, задавъ приведенный вопросъ, прибавляетъ: «берегись такихъ шутокъ на дѣлѣ, которыя въ прибауткахъ хороши; шутки шути, а людьми не мути!» Но что значить эта сухая мораль передъ живою, картинною и поморною (разумѣт-

ся, для простонародья) исторією о жидѣ, трусѣ и дуракѣ, за-
лѣзшемъ въ мѣшокъ, колотимомъ на всѣ четыре стороны и по-
дрынькивающимъ языкомъ, чтобъ показаться битымъ стекломъ,—
объ извозчикѣ-молодцѣ, ловко зазавшемъ жидка въ мѣшокъ,
насмѣявшемся надъ его трусостью, выкинувшемъ такую потѣш-
ную штуку, не пожалѣвшемъ своего кнута, да еще полу-
чившемъ благодарность «за спасеніе погибавшаго!» Не смотря
на это правоученіе, въ воображеніи крестьянина жидъ будетъ
представляться существомъ, созданнымъ на посмѣшище, тѣмъ
болѣе, что впечатлѣніе, произведенное однимъ рассказомъ г.
Дая, поддерживается другимъ: вѣдь г. Дая неистощимъ. Вотъ,
подъ заглавіемъ «*Жидъ и цыганъ на часахъ*» (рассказъ 31), онъ
опять потѣшаетъ охочую до краснобайства публику свою изъ
простого класса, представляя жидка одураченнымъ. Жидъ и цы-
ганъ, вѣхавшіе вмѣстѣ, каждый на своей лошади, условились ка-
раулить лошадей поочередно. Въ первую ночь по жеребью до-
сталось караулить жиду, и онъ выстоялъ всю ночь до бѣла дня.
На другую была очередь за цыганомъ, но этотъ растянулся подъ
своей телегой, да еще голову накрылъ тулупомъ, а когда жидъ
напомнилъ ему объ очереди, сказалъ: «а что мнѣ караулить? у
меня кобыла вороная; ночью ее не видать: никто не украдетъ; у
кого сѣрая, тотъ пусть и караулитъ!» жидъ много кричалъ и
бранился, да боясь, чтобъ не украли лошади, пошелъ стеречь
ее; а цыганъ проспалъ спокойно и другую ночь.» Хотя здѣсь
еврей оказывается честнѣе цыгана, но, при чтеніи рассказа, не
на этомъ остановить свое вниманіе простой русскій человѣкъ;
его потѣшитъ, что цыганъ ловко увернулся отъ очереди и про-
манулъ жидка. Извѣстно, что у простого русскаго человѣка *обдуть*;
надуть и *продуть*, *обойти* и *объехать*, *провести* и *вывести*,
извернуться, *перевернуться* и *увернуться*, *обмануть* и *про-*
мануть, *продать* и *выкупить*, *переобуть* *другого изъ сапогъ*
въ лапти, а *самоу совѣсть* — и *съ мятяжи въ роу* в *ему*
альтъ, да еще *безъ мыла*, считается дѣломъ, которымъ можно
похвастать передъ своей братіей, признакомъ ловкости ума, со-
образительности: это—*паше себѣ на умъ*; это—русское *savoir-vivre*
въ буквальномъ переводѣ. Такое воззрѣніе въ русскомъ
народѣ развивалось исторически; въ каждомъ, въ отдаленности,
человѣкѣ изъ нашего простонародья оно развивается съ самаго
дѣтства. Уже ребятники въ играхъ пріучаются хвастать другъ
передъ другомъ искусствомъ въ этомъ ремеслѣ и подсмѣиваться

надъ оплошностью поддавшихся обману: «обманули дурака на четыре кулака!» поютъ они хоромъ при удавшейся попыткѣ провести кого-нибудь. Цыганъ обманулъ жида: «молодецъ!» скажутъ мужики о цыганѣ; «такъ тебѣ и надо, жидовская образина! не будь дуракъ! не разѣвай рта! пальца въ ротъ не клади!» скажутъ они еврею. Такимъ образомъ впечатлѣніе, производимое другими рассказами г. Дала о жидяхъ, дополняется и поддерживается рассказомъ о жидѣ и цыганѣ на часахъ. Тутъ нельзя оправдывать г. Дала тѣмъ, что указанное воззрѣніе народа не отъ него зависитъ: «надо знать, кому говоришь!» Вѣдь не упражненіе же въ красноречіи или острогатахъ составляетъ назначеніе писателя. Принявъ на себя роль писателя для простаго народа, даже роль правоучителя, лучше бы г. Даль поучилъ (какъ? это его дѣло!) нашихъ крестьянъ любить правду, прямоту, честность и вѣрность данному слову. Хотя практическая жизнь, обстановка и общественное устройство воспитываютъ массу—худо-ли, хорошо-ли, но гораздо сильнѣе «чѣмъ всѣ поученія и правоученія, хотя при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ», при превратномъ направленіи жизни ни къ чему не ведутъ всѣ наставленія, какъ развѣ къ раздвоенію мысли и слова, слова и дѣла, къ двоедушію и лицемерію; тѣмъ не менѣе прискорбно, что писатель, имѣющій охоту и способность поучать, вмѣсто того, чтобы внушать уваженіе къ указаннымъ качествамъ, потѣшаетъ массу народа такими рассказами, въ которыхъ ей представляется удобный случай *по своему* примѣнить къ дѣлу доморощенное понятіе объ умѣ и ловкости. Еще будь промануть не жидъ, а мужикъ: наши крестьяне, посмѣявшись надъ оплошностью послѣдняго, не стали бы на сторонѣ цыгана, даже (чего добраго!) крѣпкое слово сказали бы на счетъ его; но совсѣмъ не то, когда одураченнымъ представляется жидъ. Не ненависть и не презрѣніе къ поступку цыгана, а одобреніе, не жалость къ жидамъ и не невинный смѣхъ на счетъ его, а явное злорадство возбуждается рассказомъ о жидѣ и цыганѣ. За справедливость нашей догадки ручается презрѣніе и ненависть нашего простонародья къ жидамъ. Самъ г. Даль не только живо изображаетъ эти враждебныя чувства простонародья къ издавна гонимому племени, но и оправдываетъ ихъ.

Въ рассказѣ 66 («*Назолушка*») представляется картина безпрічиннаго битва жидовъ. Встрѣтились двѣ брички жидовъ (человѣкъ по 10 въ каждой), а ящики были у нихъ русскіе. Не

желая каждый сворачивать съ дороги, ямщики, сидя на козлахъ, нѣсколько времени перебранивались другъ съ другомъ; наконецъ одинъ изъ нихъ подошолъ къ другой бричкѣ, да и давай стегать сидящихъ тамъ жидовъ, по чему попало. Другой ямщикъ сперва глазѣлъ только на то, какъ жидки въ его бричкѣ распоззались врознь, а потомъ, какъ будто вступаясь за нихъ, сказалъ: «а за что ты моихъ жидовъ бьешь, землякъ? пойду же и я твоихъ биты!» Подошолъ къ встрѣчной бричкѣ и самъ началъ также стегать по находившимся тамъ жидкамъ. «А что смѣшно, братцы?» спросимъ и мы словами г. Даля... Да такъ ихъ и надо, проклятыхъ: чтобъ имъ пропасть!.. Вѣдь надо знать, что это за народъ окаанный. Спасибо В. И. Далю, что онъ такъ обязателенъ и предупредителенъ, не оставляетъ насъ въ невѣденіи на счетъ дурныхъ качествъ этого племени. Приступая къ 59 разсказу, подъ заглавіемъ «*дорогая рыба*», онъ говоритъ безъ околнчностей: «кто знаетъ евреевъ, тотъ знаетъ и дармоѣдство ихъ, и какъ они всегда живутъ на счетъ глупаго мужичка, соблазняя его то тѣмъ, то семъ; а кто не знаетъ ихъ и не видалъ, тому мудрено все это разсказать и пр. и пр. Ну, такъ недаромъ же и достается иногда жидовскому отродью и отъ русскаго мужичка. Такъ однажды проучилъ жида «смирный и безотвѣтный» бѣднякъ Иванъ, бывшій у него въ работникахъ. Живя у жида, натерпѣлся нангъ Иванъ вдоволь; но наконецъ едва-едва отъ него отвязался. Освободившись отъ житья у жида, Иванъ сталъ рыбачить. Однажды во время его занятія рыбною ловлею, пришолъ на берегъ рѣки прежній его хозяинъ и сталъ докучать ему увѣреніями въ любви своей и всего семейства своего, распросами объ успѣхѣ ловли и своими сожалѣніями о неудачѣ въ ловлѣ рыбы; наконецъ, когда Иванъ оттолкнулся отъ берега, чтобы заниматься своимъ дѣломъ подальше отъ противнаго человѣка, жидъ, ни съ того, ни съ сего, просить попробовать ловить на его, жидово, счастье. Иванъ не глядѣлъ на него, дѣлалъ свое дѣло, какъ вдругъ, поднявъ самый конецъ перемета, нашолъ въ немъ два крупныхъ судака. Тогда жидъ сталъ утверждать, что рыба поймана на его счастье попомешъ. Иванъ спорить не сталъ, а пошолъ, вмѣстѣ съ жидомъ, къ знакомому барину и, на вопросъ послѣдняго о цѣнѣ, заломилъ большую цѣну 50 горячихъ плетей. Баринъ не постоялъ за цѣной и, по желанію Ивана, приказалъ тотчасъ же отсчитать жида одну меловищу, а другую, слѣдовавшую Ивану,

оставилъ за собой. Жидъ и въ этомъ разсказѣ является лукавымъ, плутомъ, навязчивымъ и крайне своекорыстнымъ; но за то и здѣсь русскій мужикъ проманулъ жида. «Такъ ему и надо, анаѳемское отродье!»

Такимъ образомъ г. Даль достаточно напотѣшился надъ жидами самъ и вдоволь напотѣшилъ и нашихъ добрыхъ мужиковъ. Жидъ представленъ имъ презираемымъ и презрѣннымъ, ненавидимымъ и ненавистнымъ: жидъ глупъ, трусливъ, лукавъ, низокъ, навязчивъ, безсовѣстенъ, завистливъ, жаденъ, корыстолюбивъ; его всѣ презираютъ, проманываютъ и бьютъ безнаказанно; онъ жалокъ, и смѣшонъ, и противенъ: тѣфу, какая дрянь! И будто ничего умнѣй и лучше нельзя было сказать крестьянамъ о евреяхъ? И развѣ письменность и писатели не должны возвышаться надъ уровнемъ обыкновенныхъ понятій, ходячихъ мнѣній и предрасудкомъ? Крестьяне и безъ статеекъ г. Дали питали и питаютъ нерасположеніе къ евреямъ и считаютъ ихъ почти нелюдьми. Но успѣетъ жидъ показаться въ деревнѣ, какъ всѣ, отъ мала до велика, поднялись на ноги и, подхвативъ край поды, бѣгутъ за нимъ съ гиканьемъ и крикомъ: «жидъ! свинное ухо съѣлъ!» В. И. Даль откликнулся сочувствіемъ на такое отношеніе русскаго человѣка къ загнанному племени: благо, онъ русскаго человѣка, какъ свои пять пальцевъ знаетъ! Но отъ писателя, особенно такого, который хочетъ *поучать* народъ, мало требовать пониманія *statu quo* русской жизни, требуется еще пониманіе потребностей народной жизни: настоящее положеніе не есть еще надлежащее. Писатель, уважающій свое положеніе въ народѣ, не стаплетъ потакать свойственной невѣжественнымъ массамъ нетерпимости къ чужимъ убѣжденіямъ, къ чужой національности, а позаботится о развитіи любви и уваженія къ человѣчеству, не придавая значенія различію обычаевъ, вѣрованій и національностей. Положимъ, евреи имѣютъ много дурныхъ сторонъ но можно-ли писателю останавливаться только на фактической, наружной сторонѣ жизни, и безъ него хорошо известной всякому, и не заглянуть во внутрь ея, чтобъ отгадать, отчего и почему жизнь развилась такъ, а не иначе; не могла-ли бы она пойти инымъ чередомъ, не можемъ-ли и сами мы содѣйствовать лучшему и разумнѣйшему ея направленію? Если вникнуть поглубже, такъ окажется, что вся эта нравственная тля, которую мы замѣчаемъ въ еврейскомъ племени, есть превратное направленіе богатыхъ отъ природы силъ, только извращен-

щепныхъ угнетеніями, преслѣдованіями, неправдами, которыя терпятъ это племя около 20 столѣтій. Но если г. Далу это извѣстно (и мы увѣрены, что ему это извѣстно) то странно, почему въ разсказахъ для крестьянъ онъ обратилъ вниманіе только на темную сторону жизни евреевъ и не хотѣлъ даже намекнуть на то, какъ неблагопріятны обстоятельства, гнетъ и неправды могутъ изуродовать натуру человѣка,—какъ евреи несчастны судьбой своей, какъ мы, усложняя и отягчая эту несправедливость судьбы, можемъ вредить и себѣ, и своему отечеству, отталкивая отъ себя дѣятельныхъ согражданъ и не внушая имъ единодушія съ нами,—какъ, наконецъ, каждый изъ насъ, даже при самомъ ограниченномъ кругѣ его дѣйствій и вліяній, можетъ содѣйствовать къ возстановленію лучшихъ качествъ въ тѣхъ евреяхъ, съ которыми сведетъ насъ судьба, а чрезъ нихъ и въ другихъ, съ которыми намъ, можетъ бѣть, и въ жизнь не придется ни говорить, ни встрѣчаться. Уже и правительство наше нашло справедливымъ освободить евреевъ отъ многихъ стѣсненій, а тутъ, и послѣ такой реформы, находятся писатели, которые не стыдятся вливать пренебреженіе къ этому племени въ массу простого народа, и безъ того не признающую свободы убѣжденій и совѣсти—и неблагоклонную къ евреямъ.

Къ числу пошлыхъ и вмѣстѣ вредныхъ разсказовъ, по всей справедливости, должно отнести разсказъ 37 («Иванъ Плетуханъ»). Когда старикъ Иванъ сплелъ лапотъ, то его жена отказалась сказать: «слава-Богу, лапотъ поспѣлъ!» Мужъ настаивалъ, жена упрячилась: «онъ досталъ ее за косу, да и опростоволосилъ ее.» Вмѣшался въ это дѣло бурмистръ, молодой парень, которому совѣстно было наказывать стариковъ за пустую ссору; онъ позвалъ жему свою Аннушку, чтобы она ради добраго примѣра сказала: «слава те, Господи; мужикъ лапотки сплелъ!» Эта нашла желаніе мужа недѣльнымъ; народъ засмѣялся: «бурмистру стало совѣстно, что *«вотъ такъ-то хозяйка его слушаетъ»*; онъ сталъ настаивать: что ни дальше, то хуже. «Дошло и тутъ до ссоры, до брани, до слезъ, да чуть-ли и не до зуботычины.» Послѣ этого старуха размѣялась, да опять напустилась на старика своего; старикъ сталъ жаловаться міру. Тогда ихъ обонхъ повели къ поцу, но его не было дома. Попался на дорогѣ пономарь. Этотъ завѣрялъ, что, *«если жена встанетъ на мужа своего хотя словомъ единымъ, то у нея языкъ закосятитъ, сучота нападѣтъ.»* Затѣмъ онъ повелъ народъ къ женѣ своей,

чтобы она, женщина кроткая и *послушная*, дала собою полезный примѣръ; но, пришедши невпопадъ, помѣшавъ ей усадить насѣдку на яйца, «ничего не добился, на силу самъ безъ грѣха ушолъ.» «*Стыднемько ему было передъ народомъ, да хотъ волкомъ взвыть, ничего не сдѣлаешъ.*» «Послѣ этого народъ разошолся, *разсуждая о женской кротости и послушаніи.*» Дѣйствительно, есть надъ чѣмъ призадуматься! Не слушаетъ старуха своего старика, такъ что онъ принужденъ ее опростоволосить; бурмистръ пристыжонъ непослушаніемъ жены его, доведенной до слезъ, награжденной зуботычиною и все-жь таки не выполнившей требованія мужа; краснорѣчивый пономарь, хваставшій примѣрною покорностью жены, на силу самъ безъ грѣха ушолъ. Вотъ и говори послѣ этого о кротости и послушаніи жонъ! Требования, предъявленныя жонамъ мужьями ихъ, были ни къ селу, ни къ городу; но крестьянамъ-ли разбирать умѣстность этихъ требованій, когда, по ихъ понятіямъ, жена обязана безусловнымъ повиновеніемъ мужу своему? Такимъ образомъ, какъ ни вѣлпы требованія мужей, по поводу которыхъ въ рассказѣ г. Дала выказалась женская строптивость и непокорность, г. Дала этимъ рассказомъ, конечно, сильно угодить вкусу крестьянъ: онъ не разошолся съ ихъ воззрѣніемъ на положеніе женщины; онъ не оскорбляетъ ихъ порицаніемъ самодурья мужей и заступничествомъ за женщинъ. Но угожденіе вкусу и самолюбію мужиковъ далеко еще не есть удовлетвореніе ни требованію истины, ни потребности нравственнаго развитія крестьянъ. Изъ читателей «инвалидныхъ прибавленій къ русской литературѣ», гдѣ, помнится, впервые явился рассказъ, нами разбираемый, одни, по недовольству самою завязкою могли прекратить чтеніе сказа на самомъ началѣ, другіе, заговоренные легкостью изложенія, могли, дочитавъ его до конца, пожалѣть о потраченномъ на это времени, иные могли, дочитавъ рассказъ, признать его пріятной бездѣлушкой и невинной шалостью писателя, но, конечно, ни одинъ изъ нихъ не могъ потѣшиться согласіемъ собственныхъ его убѣжденій съ основнымъ положеніемъ, развиваемымъ въ рассказѣ о злочести и своенравіи жонъ. Крестьяне наши не на столько развиты, чтобы не остановить вниманія на этомъ безобразномъ положеніи. Они при всякомъ удобномъ случаѣ охотно повторяютъ извѣстную присказку о *стриженомъ и бритомъ* или о томъ, какъ мужъ съ досады посадилъ жену въ колодезь, а она оттуда самого чорта выжила; «*стѣли бабъ вдамъ,*

а она *мързаетъ поперева*,» говорятъ они: и вотъ дикое и невѣжественное понятіе крестьянъ о женщинѣ, подѣ перомъ занимательнаго рассказчика, находитъ освященіе въ печати. Рассказъ, еще не вредный въ изданіи, назначенномъ для лицъ, сколько-нибудь образованныхъ, является положительно вреднымъ въ книгѣ для простаго народа: явившись тамъ, онъ не стоилъ вниманія; здѣсь—онъ не можетъ быть оставленъ безъ строгаго осужденія.

Чѣмъ менѣе развить кругъ читателей, для котораго назначается книга, тѣмъ болѣе разборчивъ и строгъ къ себѣ долженъ быть писатель; писатель для дѣтей, да для простаго народа больше всего несетъ нравственной отвѣтственности. Къ сожалѣнію, г. Дая, какъ видно, не хотѣлъ затруднять себя особенною разборчивостью. Въ настоящемъ изданіи у него есть довольно рассказовъ, поддерживающихъ суевѣріе. Въ 38 рассказѣ подѣ заглавіемъ «*Мусульманскій пророкъ и ученикъ*» повѣствуется, какъ одинъ факиръ рѣшился высидѣть въ мечети на одномъ мѣстѣ 40 дней въ постѣ и молитвѣ, для того, чтобы увидѣть одного изъ мусульманскихъ пророковъ; — какъ по окончаніи этого срока, пророкъ, въ видѣ старичка, дѣйствительно разговаривалъ съ этимъ факиромъ о такихъ событіяхъ, которыя были за 1000 лѣтъ, но факиръ не догадался, что съ нимъ велъ бесѣду именно ожидаемый имъ пророкъ.—«А што малъ, чай, правда! вѣдь вотъ въ книгѣ написано!» скажетъ крестьянинъ. Любя все таинственное и чудесное, въ простотѣ своей онъ повѣритъ, не меньше какого-нибудь мусульманина, дѣйствительности описаннаго въ этомъ рассказѣ. И отчего-жь бы ему не повѣритъ? Это напечатано въ книгѣ, именно для него назначенной. Если онъ, живя по сосѣдству съ татарами, не особенно почитаетъ ихъ, такъ это больше потому, что они ѣдятъ кобылятину, голову брѣютъ, да дѣлаютъ омовенія; но, не питая уваженія къ ихъ религіи, онъ, однакожь, подчасъ и разсуждаетъ, что они тоже въ своего Бога вѣруютъ. Но еслибъ иной крестьянинъ и не разсуждалъ такимъ образомъ—такъ и это обстоятельство не помѣшаетъ ему повѣритъ рассказу г. Дая.

Вѣдь поставляетъ же онъ свое благополучіе въ зависимости и отъ силы Божіей, и отъ нечистой силы; вѣдь вѣритъ же въ домовыхъ, водяныхъ и лѣсныхъ; вѣдь прибѣгаетъ-же къ помощи заговоровъ и заклинаній; вѣдь одинаково-же признаетъ онъ силу и русскихъ колдуновъ, и, напр., самоѣдскихъ табибеевъ...

Въ началѣ настоящей статьи мы съ удовольствіемъ указали на рассказы г. Даля, «назначенные къ ослабленію крѣпкой между крестьянами вѣры въ знахарей;» къ сожалѣнію, тотъ же человѣкъ, который умѣетъ складно и вразумительно говорить противъ колдуновъ и знахарей, нѣкоторыми своими рассказами какъ-будто нарочно хочетъ поддержать довѣріе къ знахарямъ и ворожеямъ. Въ 71 рассказѣ подъ заглавіемъ «Счастье», говорится, что когда у одного сильнаго, могучаго и богатаго царя заболѣла дочь отъ морового повѣтрія, то царь этотъ «вызывалъ со всѣхъ концовъ царства знахарей, которые собираютъ зелія и травы, и корни цѣлебныя»; на этотъ зовъ явился къ царю никому неизвѣстный старикъ, который посовѣтовалъ отыскать довольнаго судьбой человѣка и надѣть его рубашку на царевну, «и она оживетъ». — И знахари, и старикъ никому неизвѣстный, и такое невиданное, необыкновенное лекарство, какъ чужая рубашка... все это въ духѣ повѣрьевъ простаго человѣка, — такъ похоже, въ его глазахъ, на правду! — Въ разсмотрѣнномъ уже нами 47 рассказѣ «Ремесло» упоминается индѣецъ, — котораго называли чернокнижникомъ и колдуномъ; тутъ же между прочимъ упоминается, что ему нужна была кровь человѣчья, и что поэтому онъ рѣзалъ людей, попадавшихъ въ нарочно-вырытую имъ яму. — Въ 46 рассказѣ подъ заглавіемъ «Ворожея» видимъ также поддержку обыкновенному въ крестьянствѣ суевѣрію. У одного кучера пропали деньги; онъ рѣшился пойти къ ворожеѣ съ человѣкомъ, который вмѣстѣ съ нимъ жилъ въ услуженіи, и котораго онъ подозрѣвалъ въ кражѣ. Пришли оба къ ворожеѣ, да рано; велѣно подождать. Черезъ нѣсколько времени, кучеръ снова пошелъ напомнить кухаркѣ колдуны о своемъ дѣлѣ; — сперва ему велѣли побыть въ сѣняхъ, потомъ позвали къ ворожеѣ вмѣстѣ съ подозрѣваемымъ слугою; но, вышедши на улицу за товарищемъ своимъ, кучеръ уже не нашолъ его тамъ. Пока онъ смотрѣлъ въ разныя стороны, кухарка ворожеи вышла къ нему на улицу и, не давъ ему договорить его жалобу, сказала: «ворожея уже поглядѣла въ карты, и ходитъ тебѣ къ ней незачѣмъ: воръ твой, вишь, бѣжалъ далеко, и денегъ твоихъ ты не найдешь». Воротившись домой, кучеръ узналъ, что подозрѣваемый въ кражѣ слуга, Андрей, домой не приходилъ. «Ждать-пождать: Андрей нѣтъ, и опять-таки нѣтъ, и нѣтъ по нынѣшній день: онъ пропалъ безъ вѣсти». — Ворожея не видала Андрея; не видно,

чтобы она знала что-нибудь напередъ; ничего не зная и не вѣдая, она сказала, что воръ бѣжалъ далеко. Такъ и оказалось на дѣлѣ: Андрея нѣтъ и по вѣнчанный день; слова ворожен, очевидно, оправдались! Правда, въ томъ-же разсказѣ о той же самой вороженѣ было напередъ сказано, что она «словко и искусно обманывала не только простой народъ, но и многихъ неразумныхъ господъ», что «если ей случалось провратъся, такъ этимъ никто послѣ не хваляся», — что «она всегда говорила правду, кромѣ когда врала»; но что же значитъ это нравоучительное завѣреніе въ недостоверности словъ колдуньи, когда выставленный вслѣдъ за такимъ увѣреніемъ фактъ доказываетъ мысль совсѣмъ противную? Онъ только ободритъ суевѣріе. И странно: писатель, оказавшій несомнѣнную услугу своими собраніями матеріаловъ для изученія народной мысли, человѣкъ, очевидно, многознающій и мыслящій, допускаетъ такое странное противорѣчіе между приводимымъ имъ фактомъ и заранѣе высказаннымъ мнѣніемъ! Не дочитавши разсказа до конца, крестьянинъ еще можетъ оставаться на сторонѣ того мнѣнія, что ворожея была не больше какъ баба прокуная и ловкая обманщица; но конецъ разсказа будетъ торжествомъ для закорепшій его вѣры въ силу ворожбы и колдовства. Точно также, прочитавъ—оіни разсказы г. Даля, нашъ простолюдинъ можетъ подумать, что знахари, колдуны и ворожен—обманщики; зато въ разсказахъ подъ заглавіями «счастье, ремесло, ворожея» онъ найдетъ подтвержденіе давнишнему своему убѣжденію, что безъ этихъ людей не обойдешься, что они въ состояніи и всякую бѣду напустить, и отворотить ее. Послѣдняя увѣренность крестьянина, какъ наследственная, принятая безъ сознанія и размысленія, постоянная и находящая себѣ подтвержденіе какъ въ безчисленныхъ разсказахъ, держащихся въ средѣ крестьянскаго люда, такъ и въ склонности цевѣжества объяснять самыя обыкновенныя событія жизни таинственнымъ, сверхъестественнымъ наигіемъ — послѣдняя, говоримъ, увѣренность несомнѣнно возьметъ верхъ надъ разумнымъ внушеніемъ, случайно встрѣчаемымъ въ книгѣ. Притомъ, кто-жь не знаетъ способности простого, да даже и непростога русскаго человѣка уживаться съ самыми противорѣчивыми убѣжденіями? Этотъ фактъ легко выясняется изъ исторіи разнообразныхъ вліяній подъ, которыми проходила и проходитъ русская жизнь; но отъ такого объясненія — не легче и не лучше. Такихъ противорѣчій не

пересчитать: можетъ быть обстоятельства не помѣшаютъ нашему журналу представить читателямъ эту пеструю картину противорѣчій; въ ожиданіи того времени, мы укажемъ на фактъ, болѣе близкій къ настоящему предмету. Положимъ, вы объясняете простому человѣку всѣ обыкновенныя плутовскія махинаціи деревенскихъ знахарей; онъ въ восторгѣ отъ вашего живого представленія хорошо ему извѣстныхъ, но остававшихся безъ объясненія плутней, — смѣется, поддакиваетъ и потакиваетъ; но черезъ нѣсколько минутъ замѣчены черви у свиньи, *омикъ* на лицѣ ребенка или *волосатикъ* въ его пальцѣ, сухотка или другая какая бѣда, и — тотъ же крестьянинъ, миновавъ свѣдущаго врача, находящагося подъ рукой, спѣшитъ къ какой-нибудь бабкѣ-маслихѣ, живущей за 10 верстъ. Явись въ деревню фотографъ или фокусникъ, и тотъ же крестьянинъ, много не задумываясь, скажетъ, что эти люди съ нечистой силой знаются... Тутъ нужно возможно-большее количество разумныхъ внушеній, осязательныхъ, не допускающихъ никакого сомнѣнія, а г. Даль скажетъ разумное слово правды, да тутъ же, выражаясь его словами, и *провертъ*, какъ ворожея, о которой говорилъ онъ. Мы съ удовольствіемъ остановились на 9 разсказѣ г. Даль, подъ заглавіемъ «*знахари*,» и обратили на него вниманіе читателей; но нельзя не сознаться, что и тамъ, не выяснивъ, какимъ образомъ землемѣръ уличилъ колдуна въ воровствѣ, г. Даль не подорвалъ суевѣрія народнаго. О колдунѣ Миронѣ тамъ сказано: «извѣстно было, что Миронъ дѣло свое знаетъ: всю подноготную по наговорной водницѣ провѣдастъ, — всякую болѣзнь, коли захочетъ, отчитаетъ, а пуще всего нашьлетъ на нелюбого человѣка.» И о землемѣрѣ также разсказываетъ, что, собравъ, по просьбѣ обокраденаго, крестьянъ, онъ сказалъ: «Я мало хвалился вамъ, не хвасталъ, а вотъ пришло время показать вамъ, чему добрые люди меня научали, что календари г. ворятъ, что звѣзды говорятъ, что сказываетъ мой компасъ;» потомъ «землемѣръ поставилъ столикъ своей посреди избы и покрылъ его тремя полотенцами, которыми напередъ самъ утерся и заставилъ утереться воѣхъ мужиковъ; на столъ посадилъ черную кошку, накрылъ ее чашкой, а на чашку поставилъ свой компасъ, круглую табакерку, въ которой небольшая стрѣлка ходила на иглѣ, на шпинецкѣ.» — «Кто изъ васъ воръ,» говоритъ землемѣръ, «на того стрѣлка эта укажетъ.» *Догъ* землемѣръ и разогналъ стрѣлку вокругъ, а самъ отошолъ.

Стрѣлка помоталась, покачалась, да прямо на знахаря Мирона и уставилась! Миронъ сознался въ кражѣ и отдалъ деньги.—Подобный разсказъ ослабитъ-ли въ крестьянахъ вѣру въ колдовство?—Едва-ли; онъ можетъ внушить мысль, что и землемѣръ былъ также колдунъ, только почище Мирона; «*выходитъ, нашла коса на камень;—дока на доку нашолъ!*»

Разсказы 60-й («*Иванъ да Марья*») и 61-й («*упрямая старуха*») еще болѣе вредны по ихъ вліянію на укорененіе суевѣрій между крестьянами. Въ первомъ изъ этихъ разсказовъ говорится о томъ, какъ Иванъ, зарѣзавъ бывшую невѣсту свою Марью и любовника ея ляха, самъ пропалъ безъ вѣсти, и какъ съ тѣхъ поръ носягся тѣни убитыхъ по ночному туману (иногда много разъ въ теченіе одной ночи), а издали крадется за ними тѣнь Ивана съ пожомъ въ рукахъ.—«*Старухи, сказываютъ люди, ину-перу упрямы бывають:*» такъ начинается г. Даль свой 61-й разсказъ. Одна изъ такихъ старухъ вздумала съ мѣшкомъ зерна итти въ ближнюю деревню на мельницу; выбившись изъ силъ на полдорогѣ, злясь и проклиная себя и всѣхъ своихъ, «опа помянула разъ десятокъ чорта, который-де невѣсть-зачѣмъ ее понесъ.» Вдругъ молодой парень, правившій троничной телегой, останавливается противъ старухи, предлагаетъ ей свою услугу—лихо прокатить, вѣдетъ и пѣсню поетъ. Изъ этой пѣсни старуха узнаетъ, что ее катить—самоубійца, виновный въ убійствѣ жены своей и въ подговорѣ любовницы къ убійству ея мужа,—самоубійца, осужденный возить по горамъ старухъ, которыя по ночамъ чорта поминають. «Ахнула старуха и взвыла, да воротить нельзя! Съ тѣхъ поръ, какъ-только ночь настанетъ, такъ они себѣ вдвоемъ и ѣздить.» Вотъ и разувѣрай, добрые люди, нашихъ простыхъ людей въ ихъ нелѣпныхъ мнѣніяхъ о ночныхъ похожденияхъ покойниковъ.

Чудодѣйный элементъ въ разсказахъ г. Даля развитъ сильно; вмѣсто того, чтобы развивать прямое воззрѣніе на жизнь, на дѣйствительную зависимость событий однихъ отъ другихъ, на дѣйствительную связь причинъ и слѣдствій, г. Даль любитъ водить и безъ того некрѣпкую мысль простаго человѣка въ чаду таинственности и мечтательности. Такъ, въ 70 разсказѣ «*правда*» встрѣчается постоянное сдѣленіе чудесныхъ событій. Бѣднякъ хочетъ броситься въ омутъ; передъ нимъ является незнакомый старикъ и удерживаетъ отъ этого намѣренія. У таинственнаго старика на первый разъ была только одна лепешка

за пазухой; онъ раздѣлилъ ее съ новымъ товарищемъ пополамъ. Затѣмъ, каждый день, «что заря, что сумерки, старикъ тащитъ изъ за пазухи новую лепешку». Однажды онъ, было, вынулъ по-вечеру изъ-за пазухи лепешку, да потомъ рѣшился поберечь ее до утра, потому что она, по словамъ его, была послѣдняя. На утро онъ не нашолъ бережной лепешки; а бѣднякъ Миронъ увѣрялъ, что лепешки не бралъ. Пошли они дальше на тощахъ, Миронъ совсѣмъ ослабѣлъ; тогда старикъ снова нашолъ у себя за пазухой лепешку и, допросивъ Мирона, не оныли съѣлъ вечеромъ лепешку, далъ ему половину вновь вынутой. Пришлось переходить черезъ бродъ, Миронъ сталъ тонуть: старикъ его вытащилъ, повторивъ напередъ свой допросъ. Этотъ допросъ повторялся при всѣхъ описанныхъ Далемъ случаяхъ; но не въ допросѣ дѣло, а въ чудесности этихъ случаевъ. На ночлегъ спутники наши легли спать въ соломи; пламя охватило ихъ со всѣхъ сторонъ: старикъ накрылъ Мирона полой и вывелъ изъ огня невредимо. Въ заморскомъ царствѣ искали знахаря для оживленія двухъ умершихъ царевенъ; старикъ оживилъ одну; другую, по его примѣру и совѣту, хотѣлъ оживить Миронъ, да не оживилъ. Засудили Мирона, вывели на лобное мѣсто, но старикъ сказалъ, что царевна оживетъ. Царевна, дѣйствительно, ожила, и Миронъ, наравнѣ съ старикомъ, получилъ мѣшокъ золота. По 46 разказу («ворожея») Степанъ и Андрей, служившіе офицерамъ дельщиками, «прокляли другъ друга и на-пророчили—Степанъ Андрею, что онъ будетъ воръ и въ воровствѣ попадетъ и пропадетъ, а Андрей Степану, что его скоро турки задушатъ! Мы уже видѣли, какъ пропалъ Андрей, заподозрѣнный кучеромъ въ кражѣ денегъ; Степанъ также «пропалъ безъ вѣсти, съ лошадьми и вьюками», еще прежде Андрея; «бѣроятно, онъ», говоритъ г. Даль, «отѣхавъ въ сторону, отсталъ отъ обоза и попался въ руки туркамъ». Подобную небывальщину встрѣчаемъ въ 34-й бывальщинѣ г. Даля («облыжная клятва»). «Надо сказать правду», такъ г. Даль начинаетъ свой разказъ,—что русскій челоѣкъ клятвы и присяги боится, какъ дѣла страшнаго; но бываетъ изрѣдка, случается, что...» Въ томъ-то и бѣда: бываетъ не изрѣдка, а сплошь да рядомъ, что русскій челоѣкъ и клянется, и присягу принимаетъ облыжно. Напрасно г. Даль хочетъ запугать крестьянъ нашихъ тѣмъ, что одинъ изъ подкушенныхъ свидѣтелей, Трифонъ, былъ волками съѣденъ, а другой, Миронъ, удавился на гумнѣ. Напрас-

но въ разсказѣ 25 («судъ Божій») указываетъ онъ на другой примѣръ, какъ торговавшій рыбою мужикъ, чтобы получить съ покупателя вторичную за проданный товаръ плату, побожился глазами да и ослѣпъ.—Какой божбы не употребляютъ въ нашемъ народѣ?! И какъ часто божится онъ живо?! Что подумаютъ тѣ, которымъ это сходило съ рукъ тысячи разъ? Что подумаютъ тѣ, которые знаютъ, какъ безнаказанно проходила часто напрасная божба сосѣдямъ ихъ? Увѣренія, въ сущности благонамѣренныя, теряютъ всякую вѣру и производятъ послѣдствія, далеко неблагоприятныя для нравственности. — Вы хотите, чтобы крестьянинъ не прибѣгалъ къ унижительному способу завѣренія—къ божбѣ, чтобы онъ не злоупотреблялъ довѣріемъ людей къ божбѣ: развейте въ немъ уваженіе къ его личности и человѣческому достоинству другихъ людей; тогда разовьется въ нихъ любовь къ правдѣ,—честность. Но уваженіе къ человѣческому достоинству и къ личности внушается не столько словами, сколько дѣломъ, общественнымъ устройствомъ и отношеніемъ лицъ болѣе развитыхъ съ менѣе развитыми или со всѣмъ неразвитыми. — Свое понятіе о законѣ высшей правды, какъ о немедленномъ физическомъ возмездіи за добродѣтель и злое дѣло, г. Дая развиваетъ подъ тѣмъ же заглавіемъ: «судъ Божій», въ разсказѣ о томъ, какъ въ избѣ конокрада, убившаго другаго мужика изъ-за трехъ цѣлковыхъ, оказалась цвлая лужа крови, хотя мужикъ убить былъ не въ избѣ, а въ лѣсу. Не было бы страннымъ, если бы подобныя сказанія встрѣчались только на страницахъ «Странника»; но встрѣчать ихъ въ изданіи г. Дая—оскорбительно.

Въ разсказѣ 72-мъ («нищій») представлено одновременное и физическое наказаніе за дѣло злое, и вещественная награда за доброе. Мужикъ пустилъ къ себѣ двухъ нищихъ на ночлегъ, съ условіемъ утромъ обмолотить для него по коинѣ. Изъ этихъ нищихъ одинъ былъ старикъ лѣтъ 90, съ сѣдою, какъ лунь, головой и съ пожелклою бородой, другой—молодой и здоровый парень, лѣтняя и дармождъ; на утро хозяинъ толкнулъ лежавшаго на краю печи молодого парня, чтобы тотъ шолъ молотить; но, въ теченіе цѣлаго получаса, не могъ дожидаться его на работу. Воротившись въ избу, съ досады онъ кнутовищемъ вытянулъ лѣтня во всю спину. Совершивши эту операцію, хозяинъ опять ушолъ на гумно, а молодой нищій перелѣзъ черезъ старика и легъ къ стѣнѣ, чтобы слѣдующіе удары достались не

ему, а старику. Черезъ полчаса хозяинъ опять явился въ избѣ, снова взявъ орѣховое кнутовище свое, но, увидавъ старика на краю печи, пожалѣлъ его, тѣмъ болѣе, что ему, хозяину, показалось, будто въ первый разъ онъ побилъ именно старика; за то онъ принялся стегать лежавшаго къ стѣнѣ молодого парня. «Взялъ парень мой не своимъ голосомъ.» И такъ, порокъ наказанъ! Это высказалъ послѣ и самъ старикъ молодому своему товарищу: «ты самъ, говорилъ онъ, напросился на побой, подставивъ на мѣсто своей чужую спину: кто другу яму копаетъ, самъ первый въ нее попадаетъ; мужикъ на мужика осель надѣваетъ, а Богъ свое содѣваетъ». Старикъ, проснувшись, поздоровался съ хозяиномъ и, поблагодаривъ его за хлѣбъ-соль и за тепло, сказалъ ему: «за милосердіе твое Господь благословить труды твои». Дѣйствительно, по возвращеніи на гумно, хозяинъ увидалъ, что точно Богъ благословилъ труды его, и двѣ копны вымолочены. И такъ, и добродѣтель награждена! — И какое сочетаніе чудесныхъ событій! мужикъ-хозяинъ сначала билъ безъ разбору, а законъ правды выполненъ: всѣ тяжкіе удары кнутовищемъ влечены въ спину того, кто ихъ заслуживалъ. Помогъ молодой нищій хотѣлъ хитростью избѣжать повторенія расправы—и всежъ таки судьбы своей не избѣжалъ. Старикъ не принималъ никакихъ мѣръ къ избѣжанію побоевъ, между тѣмъ хозяинъ дома, увидѣвъ его на краю печи, вообразилъ, что уже побилъ его въ первый разъ. Хозяинъ, разставаясь съ гостями своими, сѣтовалъ, что не кому помочь ему въ молотьбѣ, а между тѣмъ не думано—не гадало двѣ копны обмолочены. И старикъ-нищій—не простой человѣкъ; это какой-то прозорливецъ: онъ спалъ, когда товарищу его отпускаемы были удары, между тѣмъ объ этихъ ударахъ онъ говоритъ, какъ по писанному; онъ пожелалъ благословенія Божія хозяину, и благословеніе Божіе низшло на гумно послѣдняго въ видѣ двухъ обмолоченныхъ копенъ. А вотъ въ 8-мъ разсказѣ («Свѣтлый праздникъ») и еще чудо: вѣдникъ-вдовецъ, которому, Богъ вѣсть отчего, не было счастья на хозяйство, пришедши отъ утрени въ Пасху, хотѣлъ зажечь свѣчку передъ образомъ, но у него не было огня, не было и трутницы: все давно перевелось. Онъ было пошелъ къ сосѣдямъ за огнемъ, но въ однихъ домахъ его засиѣяли, а въ другомъ мѣстѣ и выбрали (дѣло было въ Малороссіи, гдѣ подъ свѣтлый праздникъ всю ночь огня не тушатъ, чтобъ утромъ было, гдѣ свѣчку затеплить), въ шутку послали

его за огнемъ въ поле къ чумакамъ. Увидавъ на полѣ, за селомъ, огонекъ, онъ отправился туда къ чумакамъ: «не останется же эту ночь образамъ моимъ безъ свѣчки», думалъ онъ. Онъ было хотѣлъ только зажечь приспесенную имъ свѣчку, но чумаки уговорили его взять жару въ полу армяка; они сами нагребали уголья голыми руками. Пришедши домой, онъ затеплил свѣчку отъ этихъ угольевъ, но чрезъ нѣсколько минутъ, оглянувшись на загнету, увидѣлъ, вмѣсто угольевъ, пригоршню свѣтлыхъ, какъ жаръ, червонцевъ. Нѣкоторые сосѣди замѣтили появившееся у бѣдняка золото, и вотъ «бабы погнали своихъ мужиковъ въ поле, къ чумакамъ». Послѣдніе насыпали каждому въ полу по пригоршнѣ жару; но эти мужики не были такъ счастливы, какъ бѣднякъ: всѣ прожгли свои новые праздничные кафтаны, а кто и руки обжогъ. Крикъ, шумъ, брань, дымъ, смрадъ... а чумаковъ какъ не бывало; какъ въ землю провалились: и возы, и чумаки, и воли, и огонекъ: нѣтъ ничего. Мужики пришли съ пустыми руками, а бабы дома выбрали ихъ за то, что испортили новые кафтаны; между тѣмъ бѣднякъ разжился своими червонцами и взялъ за себя добрую жену, которая сдѣлалась хорошей матерью его дѣтямъ. — «Кто-жь спрашиваетъ г. Даль, были эти чумаки?» Вотъ вопросъ, достойный занять вниманіе нашего крестьянина. И будто не надъ чѣмъ поработать уму нашего крестьянина, какъ надъ разрѣшеніемъ вопросовъ, возбуждаемыхъ небылицами, придуманными праздною фантазіей досужаго писателя? И будто для крестьянина не существуютъ вопросы жизни, не терпящіе восточнаго квіетизма, требующіе всей эпергій ума и воли? Но вотъ, вмѣсто того, чтобы вызывать умъ на строгое обсужденіе серъезныхъ вопросовъ дѣйствительной жизни, люди, обезпеченные общественнымъ положеніемъ и средствами къ существованію, отвлекаютъ вниманіе простаго человѣка отъ матеріальныхъ и нравственныхъ его потребностей отъ его неприглядной обстановки, отъ трезвой и бодрой дѣятельности, необходимой для достиженія дѣйствительныхъ интересовъ дѣйствительной жизни. Тѣ, кто преимущественно обзаны вводить разумныя убѣжденія въ общее сознаніе, отуманиваютъ простой народъ мечтательными картинками небылой жизни и пустыми вопросами, выводящими за черту дѣйствительной жизни и вводящими мысль въ чадъ и мракъ таинственной неестественности. Вѣра въ силу чаръ и чудесъ, склоненіе передъ силой судьбы и случая, увѣренность въ ни-

чтожествъ ума и воли передъ ихъ дикой и слѣпой силой, неполное признаніе причинной связи между событіями, привычка во всёхъ, даже мелочныхъ обстоятельствахъ жизни прозрѣвать участіе таинственныхъ силъ — и безъ того ослабляютъ предпримчивость и рѣшительность въ нашемъ народѣ, покровительству дремотѣ мысли и апатическому облѣненію воли. Когда событія нашей жизни зависятъ отъ чистаго и нечистаго мѣста, отъ хорошаго или нехорошаго глазу; отъ добраго или недобраго слова, добраго или недобраго часу, отъ легкаго или тяжкаго дня, отъ хорошей или несчастной встрѣчи, а также отъ того, въ какой часъ и подъ какой звѣздой кто родился, или что кому на роду написано, — то, очевидно, не великъ просторъ остается для личной дѣятельности и предусмотрительности, сомнительны становятся надежды на успѣхъ, и не велико довѣріе къ уму; тутъ одна надежда на *авось*, на *удачу*, на свое *счастье* или на счастье другого. Тутъ остается дѣйствовать на пропалую, ободряя себя присказками: *«что будетъ, то будетъ; что было, то видѣли, а что будетъ, то увидимъ; куда кривая ни вывезетъ; а кривая не повезетъ; пышкомъ поидемъ!»* къ чему, въ самомъ дѣлѣ, тяжолыя соображенія, къ чему усилія воли, когда *«кому везетъ, такъ везетъ,»* когда *«дуракамъ вездѣ удастся,»* когда *«лежень лежитъ, а счастье растеть,»* когда *«дуракъ спитъ, а счастье въ головахъ лежитъ?»* *«Не родись ни умемъ, ни приглужь, а родись счастливымъ; не хитеръ паренъ, да удачливъ; не козистъ, да таланистъ»*: говорить простой народъ нашъ, выражая независимость счастья отъ личныхъ качествъ человека.

Рокъ, судьба, случай, счастье, доля, талантъ, удача, горе сърое, притча, грѣхъ да бѣда, заправляющіе, по понятію простолюдена, всею жизнью, — это паравъ съ вѣдьмами, лѣшми, домовыми и другими таинственными силами, тайные враги и частнаго благосостоянія крестьянъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благосостоянія всеяроднаго. Если крестьяне, по самому положенію, поставлены въ невозможность признать этихъ враговъ и энергически возстать противъ нихъ — то люди благомыслящіе, образованные должны принять на себя трудъ вразумленія массъ; они обизаны ободрять и одушевлять наше простонародье на подвигъ жизни указаніемъ на знаніе и трудъ, какъ на лучшія средства владѣть обстоятельствами и улучшить свою жизнь. Къ чему убаюкиваютъ крестьянина вымыслами, сочиняемыми на тѣмъ *«голенькій — охъ, а за голенькимъ Богъ»*, или *«за сиротою самъ*

Богъ съ каинтою,» когда самъ-же онъ, не свбтра на склонность свою къ восточному мистицизму, говорятъ по временамъ: «*Богъ-то—Богъ, да и самъ не будь плохъ?*» Къ сожалѣнію, нашъ простолюдинъ бываетъ часто *плохъ*: такъ пишете-жь ему лучше о дѣйствительныхъ его нуждахъ и о дѣйствительныхъ противъ нихъ средствахъ, — объ энергія ума и воли, о трудѣ умственномъ и физическомъ, но не морочьте его жалкимъ ожиданіемъ: «авось счастье само подплыветъ!» Вы глубоко сочувствуете нерѣдко встрѣчаемой между крестьянами безпомощности и невозможности къ чему-нибудь руки приложить, и хотите утѣшить его возможностью нечаянной помощи свыше? А что, если самыя ожиданія этой помощи истомятъ душу?—Лучше было бы, въ эгомъ случаѣ, обратиться къ средству утѣшенія ближайшему, доступному для людей и сподручному для крестьянъ, при ихъ любви къ общинности; было бы лучше позаботиться о развитіи между ними чувства добротства и неравнодушія къ бѣдности отдѣльныхъ членовъ общества и о распространенія идеи о мірскомъ вспоможеніи съ правомъ взаимнаго наблюденія за образомъ жизни другъ друга. Мы знаемъ, что это средство утѣшенія безпомощныхъ оказывается чрезвычайно дѣйствительнымъ среди нашего-же простонародья, только не вездѣ, а между такъ называемыми раскольниками оно постоянно примѣняется къ дѣлу, такъ-что сочинители проектовъ о взаимнойъ вспомоствованіи могли бы съ пользою у нихъ поучиться. И г. Даяль бы наилучшее употребленіе изъ своихъ познаній и своего таланта живо писать, если бы онъ вмѣсто того, чтобы туманить простыя умы мистицизмомъ, взялъ на себя трудъ очищать ихъ отъ всякаго чаромутья, обогащать ихъ здравыми понятіями о мірѣ и жизни, вызывать ихъ на трезвое размышленіе о дѣйствительныхъ интересахъ жизни, о необходимости труда и знанія для защиты отъ нужды и бѣдности, о мірской вспоможеніи. Что касается изложенія бывальщины г. Даля, то оно отличается живостью, пластичностью и совершенною приспособленностью къ быту, пониманію и образу выраженія нашихъ простолюдиновъ; есть, однако, нѣсколько мѣстъ, которыя показываютъ какую то небрежность и поражаютъ своею неясностью и неточностью. Въ 1-й часъ и на стр. 135 сказано: *пришло время, пришло мужичокъ, пустившись по глупости на такое дѣло!* Дѣло, на которое *пустился* мужичокъ, состояло въ томъ, что онъ, *жидъ* выручить свою лошадь отъ конокрадя, пришлогъ съ

условленною суммою къ нему въ дѣсь; въ чемъ же тутъ глупость? Дѣло это обыкновенное въ деревняхъ. Если же г. Даль находить болѣе удобнымъ поступить въ этомъ случаѣ какъ-нибудь иначе, то лучше бы сказать прямо: крестьяне наши и понять не могутъ, какъ еще можно было бы поступить въ этомъ случаѣ: вѣдь не ѣхать же въ станъ или въ судъ!.. Далѣе на стр. 137: *съ тѣмъ и ушолъ (коноводъ-убійца) на каторгу, что каялся во всѣхъ грѣхахъ своихъ, кого чѣмъ обидѣлъ, что у кого укралъ, сколькохъ лошадей спроваживалъ, а, кромѣ этого одного мужика, не сгубилъ никого.* — «Коноводъ каялся, что кромѣ этого мужика не сгубилъ никого» — что это такое! На стр. 143. Нашедши подкидыша, крестьянинъ хочетъ его взять и окрестить; при этомъ онъ говоритъ женѣ: *«берись-ко за дѣло, этою мы не разумѣемъ—неси его въ избу, перекрестивши.»* Чего—этого не разумѣеть онъ? На стр. 144; *«объявленъ рекрутскій наборъ,—и на сходкѣ въ прикѣзѣ, и идѣ мѣрз, и старшины разсчитывали очереди.»* Какъ это разсчитывали на сходкѣ въ прикѣзѣ, а идѣ мѣрз, и старшины?.. На стр. 182 крестьяне, зарѣзавъ лошадей, *сняли съ нихъ шкуры дудкой, т. е. цѣликомъ, не влопая; потомъ зшили ихъ, надули пузырьями и завязали...* На стр. 184 старуха говоритъ мужу: *«взлети лапти да неси на базаръ, припасай изъ свячую копѣйку.»* Что за святая копѣйка? подумаешь про себя, да едва догадаешься, что здѣсь старуха совѣтуетъ припасать копѣйку къ святой недѣлѣ. На стр. 198 старикъ *«просилъ исповѣдаться и пріобщиться.»* По ходу рѣчи видно, что старикъ самъ хотѣлъ исповѣдаться, а не другого объ этомъ просилъ. Во II. части на стр. 2 женщина *«тяжело вздохнула, будто не вывела вздоха.»* Что это такое?—На стр. 77 *«хозяйство было у нихъ порядочное, но и барское поле и хозяйство ископи заведенков, которое бросать и раззорять для глупой причуды не приходилось.»* Слѣдовало сказать: да и барское поле и хозяйство бросать и раззорять для глупой причуды не приходилось.

Указавъ неточныя выраженія, мы хотѣли обратить вниманіе на неясность основной идеи въ бывальщинахъ *«легко нажито, лежо и прожито,» «ось и чека,» «ракита,» «воръ и утайщикъ,» «пльнникъ;»* но нашъ обзоръ и безъ того оказался слишкомъ обширенъ.—Мы бы и уволили себя отъ труда входить въ подробное обсужденіе разобранныхъ нами рассказовъ, если бы они не назначались для простого народа и не принадлежали г. Далю-

Вопросъ объ образованіи простаго народа есть самый живой и существенно важный вопросъ нашего времени; поэтому, книги, издаваемые для простаго народа должны быть подвергаемы строгому и внимательному обсужденію. Что касается В. И. Даля, то онъ давно пользуется заслуженною извѣстностью отличнаго знатока нашей народности, лучшаго составителя фізіологическихъ очерковъ и талантливаго описателя отдѣльныхъ сценъ изъ народнаго быта; поэтому, изъ уваженія къ давно установившемуся о немъ общественному мнѣнію не считали за собою права ограничиться краткимъ указаніемъ недостатковъ настоящаго изданія. Мы сами признаемъ за г. Далемъ указанныя выше качества; онъ знаетъ русскій народъ, излагаетъ событія какъ на картицѣ—къ сожалѣнію, нѣкоторые рассказы его положительно пусты; а иные, показывая въ немъ отчетливое знаніе фактической стороны крестьянскаго быта, обличаютъ совсѣмъ превратное пониманіе нравственныхъ и общественныхъ потребностей нашего простонародья. Но, если послѣднее обстоятельство не могло зависѣть отъ доброй воли г. Даля и не могло быть имъ устранено, то непостижимо, какъ онъ рѣшился представить своимъ читателямъ рассказы пустыя и ничтожныя по содержанію. Ужь не разсчитываль-ли онъ на то, что въ изданіи, назначенномъ для крестьянъ, *все плететь, все съ рукъ сойдеть*? Народъ-де простой, невзыскательный: вѣдь слушаютъ же они въ сотый разъ какой-нибудь мелкій разсказъ или побасенку, лежа въ овинѣ или сидя на завалинкахъ; вѣдь упражняются же они въ какихъ-нибудь безсмысленныхъ скороговоркахъ, пустоговоркахъ и загадкахъ на супрядкахъ и бесѣдахъ: такъ и имъ ихъ же бывальщину, да складнѣе скажу, или совсѣмъ новую сложу, да такую, какой они и во снѣ не видали и въ щакъ не хлѣбывали!

Изъ двухъ сороковъ нынѣ изданныхъ бывальщинъ г. Даля, дѣйствительно съ пользою могли бы быть прочитаны крестьянами около 25, но при этомъ все-таки нѣкоторыя изъ нихъ слѣдовало бы подвергнуть значительной передѣлкѣ. Издать бы ихъ безъ картинокъ, да продавать по 10 и никакъ не болѣе 15 коп! Это было бы дѣломъ человѣчнымъ и, безъ сомнѣнія, болѣе достойнымъ г. Даля, чѣмъ настоящее изданіе двухъ сороковъ бывальщинокъ съ картинками, продаваемое г. Вольфомъ за 1 р. 25 к.

А. С.—ничъ.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ, КАКЪ ПУБЛИЦИСТЪ.

Въ предлагаемой статьѣ мы не будемъ говорить о литературной дѣятельности БѢлинскаго какъ критика, а постараемся уяснить важность и значеніе его для общественнаго развитія какъ публициста, потому что разработанная БѢлинскимъ идея изящнаго вошла даже въ общественное сознаніе, между тѣмъ какъ проводимая имъ идея гуманности, при разсмотрѣніи разныхъ сторонъ общественной жизни, до сихъ поръ, неоптчена и въ литературѣ. При этомъ естественно рождается вопросъ: что за причина такого молчанія? Причина этому можетъ заключаться въ томъ, что наша литература занималась разрѣшеніемъ болѣе жизненныхъ, существенныхъ вопросовъ, чѣмъ тѣ, какіе подымалъ БѢлинскій, или въ томъ, что уровень общественной жизни не поднялся со временъ БѢлинскаго; при этомъ замѣтимъ, что его литературное поприще продолжалось съ 1834 по 1848 годъ. Другими словами говоря: объясненія этому надо искать въ направленіи нашей литературы и въ нравственномъ развитіи самаго общества. Чтобы уяснить это обстоятельство мы не будемъ приближаться къ выискамъ изъ публицистовъ, слѣдующихъ за смертью БѢлинскаго, не будемъ рисовать картины общественной жизни въ настоящее время, а сдѣлаемъ систематическое хронологическое изложеніе ученія БѢлинскаго какъ публициста; тогда вопросъ, поставленный нами, разрѣшится самъ собою.

Для каждаго русскаго гѣмъ болѣе дорого должно быть имя

Бѣлинскаго, что немного наша исторія передастъ потомству такихъ чистыхъ, незапятнанныхъ именъ, какъ имя этого общественнаго дѣятеля, этого мученика своихъ убѣжденій.

Бѣлинскій смѣло и открыто выступилъ въ борьбу съ общественнымъ невѣжествомъ; его могучія, задушевныя рѣчи постоянно тревожили сонъ общества, нарушали его апатию, будили въ людяхъ сознаніе человѣческаго достоинства, возбуждали въ нихъ стремленіе къ честной, общественной дѣятельности, желаніе неустанной, непрерывной борьбы со всякимъ зломъ и неправдою. Чтобъ эта борьба не оказалась безплодною, чтобъ общество было въ состояніи ее вынести и не пасть духомъ, онъ указывалъ средство испытать свои силы, предлагалъ каждому члену этого общества предварительно заняться своимъ личнымъ усовершенствованіемъ, выдержать борьбу съ самимъ собою, борьбу своихъ эгоистическихъ стремленій съ чувствомъ всеобъемлющей, всеобщей любви. Вотъ тебѣ двѣ дороги, два неизбежные пути, говорилъ Бѣлинскій, обращаясь къ человѣку: отрекись отъ себя, подави свой эгоизмъ, попри ногами своекорыстное я, дыши для счастья другихъ, жертвуй всѣмъ для блага ближняго, родины, для пользы человѣчества, люби истину и благо не для награды, но для истины и блага! Что? ты нерѣшаешься? этотъ подвигъ тебя страшитъ, кажется тебѣ не по силамъ? ну, такъ вотъ тебѣ другой путь, онъ шире, спокойнѣе, легче: люби самого себя больше всего на свѣтѣ; плачь, дѣлай добро лишь изъ выгоды, не бойся зла, когда оно приноситъ тебѣ пользу. Помни это правило, съ нимъ тебѣ вездѣ будетъ тепло. Если ты рожденъ сильнымъ земли, гни твой хреботь, ползи змѣею между тиграми, бросайся тигромъ между овцами, губи, угнетай, пей кровь и слезы, чело обременяй лавровыми вѣтвями, рамена согни подъ грузомъ незаслуженныхъ почестей и титлъ. Весела и блестяща будетъ жизнь твоя; ты не узнаешь, что такое холодъ и голодь, что такое угнетеніе и оскорбленіе, все будетъ трепетать тебя, вездѣ покорность и услужливость, отовсюду лестъ и хваленіе, и поэтъ напишетъ тебѣ посланіе и оду, гдѣ сравнитъ тебя съ полубогомъ, и журналистъ прокричитъ во всеуслышаніе, что ты покровитель слабыхъ и сирыхъ, столпъ и опора отечества. Какая тебѣ нужда, что въ душѣ твоей каждую минуту будетъ разыгрываться ужасная, кровавая драма, что ты будешь въ безпрестанномъ раздорѣ съ самимъ собою, что въ душѣ твоей

будеть слишкомъ жарко, а въ сердцѣ слишкомъ холодно, что вопли угнетенныхъ тобою будутъ преслѣдовать тебя и на свѣтломъ пирѣ и на мягкомъ ложѣ сна, что тѣни погубленныхъ тобою окружатъ твой болѣзненный одръ, составятъ около него адскую пляску, и съ яростнымъ хохотомъ будутъ веселиться твоими послѣдними, предсмертными страданіями, что передъ твоими взорами откроется ужасная картина нравственнаго уничтоженія за гробомъ, мукъ вѣчныхъ!... Э, любезный мой, ты правъ: жизнь сонъ, и не увидишь, какъ пройдетъ? за то весело поживешь, сладко поѣшь, мягко поспишь, повластвуешь надъ своими ближними, а вѣдь это чего-нибудь да стоитъ!» (I. 19—22.) Вотъ первая по времени рѣчь Бѣлинскаго къ обществу. Такую рѣчь нельзя сочинить: она видимо вылилась сама собою изъ глубины оскорбленнаго сердца, изъ груди, въ которой много, много накопило желчи и боли при видѣ окружающей его среды, каждое слово этой рѣчи полно силы и пафоса.

Что-жъ общество, что-жъ слушатели? Они убаюкаемые такими рѣчами, какъ дѣти сказками изъ фантастическаго міра, пачинали понемногу забываться, дремать и снова цотомъ засыпали, такъ что не разъ приходилось Бѣлинскому, попристальнѣй осмотрѣвшись кругомъ себя, воскликнуть съ горечью: «Гдѣ-жъ люди-то? въ чемъ они ѣздятъ, какъ они ходятъ, во что одѣваются. Гдѣ-жъ люди? Вездѣ и нигдѣ, если хотите: иногда и въ каретахъ, иногда и въ рубищѣ на перекресткѣ. Вездѣ! только помните что это явленія необыкновенныя, исключительныя». (II. 253 — 255.) Но онъ не терялъ энергіи, не переставалъ во имя общихъ идей человѣчества, добра и правды, призывать людей къ святому дѣлу своего усовершенствованія, развитія, хотя это чисто идеальное, одностороннее направленіе и привело его къ статьямъ о Менцелѣ и бородинской годовщинѣ, которыми впоследствии постоянно корили его противники; но лучшимъ отвѣтомъ имъ могли бы служить слова самого Бѣлинскаго въ одной изъ этихъ статей: «Никакой чловѣкъ въ мірѣ не родится готовымъ, то есть вполне сформировавшимся; но вся жизнь его есть ничто иное, какъ непрерывно — движущееся развитіе, безпрестанное формирование. Истина не дается ему вдругъ: чтобы достичь ея, онъ будетъ сомнѣваться, впадать въ ложь и противорѣчіе, страдать и падать. Чѣмъ глубже натура чловѣка, тѣмъ глубже

и его паденіе, и его заблужденіе, его противорѣчіе и отрицаніе, тѣмъ рѣзче его переходы отъ одного убѣжденія къ другому. Но есть люди, которые въ старости думаютъ и понимаютъ точно также, какъ думали и понимали въ дѣтствѣ. Это натуры бѣдныя и жалкія, равнодушныя къ истинѣ и чуждыя всякаго духовнаго движенія, умы мелкіе и ограниченныя. Вотъ отъ этихъ-то духовно-малолѣтнихъ вы всегда и слышите забавно-самолюбивое возраженіе: какъ, не вы-ли тогда-то думали совершенно иначе, а теперь говорите совсѣмъ другое? стало быть вы ошибаетесь.» (III. 334.)

Отрѣшившись этими статьямы отъ чисто идеальнаго направленія, увидавъ невозможность поднять людей, помимо ихъ матеріальныхъ, общественныхъ интересовъ, во имя однихъ какихъ бы то ни было идей, Бѣлинскій, не переставая доказывать, что жить значитъ чувствовать и мыслить, страдать и блаженствовать, что всякая другая жизнь—смерть, долженъ былъ прибавить, что «какъ бы ни была богата и роскошна внутренняя жизнь человѣка, какимъ бы горячимъ ключемъ ни была она во внѣ, и какими бы волнами не лилась черезъ край, она не полна, если не усвоитъ въ свое содержаніе интересовъ внѣшняго ей міра, общества и человѣчества. Въ полной и здоровой натурѣ тяжело лежать на сердцѣ судьбы родины; всякая благородная личность глубоко сознаетъ свое кровное родство, свои кровныя связи съ отечествомъ. Общество, какъ всякая индивидуальность, есть вѣчто живое и органическое, которое имѣетъ эпохи возрастанія, свои эпохи здоровья и болѣзней, свои эпохи страданій и радостей, свои роковые кризисы и переломы къ выздоровленію и смерти. Живой человѣкъ носить въ душѣ, въ своемъ сердцѣ, въ своей крови, жизнь общества: онъ болѣетъ его недугами, мучится его страданіями, цвѣтетъ его здоровьемъ, блаженствуетъ его счастіемъ, внѣ своихъ собственныхъ, своихъ личныхъ обстоятельствъ. Разумѣется, въ этомъ случаѣ, общество беретъ только съ него свою дань, отторгая его отъ него самого въ извѣстные моменты его жизни, но не покоряя его себѣ совершенно и исключительно. Гражданинъ не долженъ уничтожать человѣка, ни человѣкъ гражданина; въ томъ и другомъ случаѣ выходитъ крайность, а всякая крайность родная сестра ограниченности. Любовь къ отечеству должна выходить изъ любви къ человѣчеству, какъ частное изъ общаго. Любить свою родину, значитъ пламенно же-

дать видѣть въ ней осуществленіе идеала человечества и по мѣрѣ силъ своихъ споспѣшествовать этому. Въ противномъ случаѣ, патриотизмъ будетъ китанзмомъ, который любитъ свое только за то, что оно свое и ненавидитъ все чужое за то только, что оно чужое, и не на радуется собственнымъ безобразіемъ и уродствомъ.» (IV. 257 — 262.) Развивая послѣдовательно эти идеи, Бѣлинскій пришолъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ, къ какимъ привело его положеніе Гегеля, что все существующее разумно: онъ убѣдился въ томъ, что надо отличать разумную дѣйствительность, которая одна дѣйствительна, отъ неразумной дѣйствительности, которая переходяща. «Вѣра въ идею спасаетъ, вѣра въ факты губитъ. Есть люди, которые отрицаютъ добродѣтель и достоинство женщины, потому что случай сводилъ ихъ все съ пустыми и легкими женщинами, потому что они не знали ни одной высшей природы, и это безвѣріе, какъ проклятіе, служить достойнымъ наказаніемъ безвѣрію, ибо въ дуніи благодатной должепъ заключаться идеаль женщины, — въ дѣйствительности же должно искать не идеала, а только осуществленіе идеала, найти его или не найти, это дѣло случая. Тоже можно сказать и о людяхъ, которыхъ разложеніе и гнѣеие элементовъ старой общественности, продажность, нравственный развратъ и оскудѣніе жизни и доблести въ современномъ заставляеть отчаяваться за будущую участь человечества.» (VI. 309—312.) «Благо тому, кто, не довольствуясь настоящею дѣйствительностью, нашолъ въ душѣ своей идеаль лучшаго существованія, жилъ и дышалъ одною мыслью — споспѣшествовать, по мѣрѣ данныхъ ему природою средствъ, осуществленію на землѣ идеала, рано по утру выходилъ на общую работу, и съ мечомъ, и съ словомъ, и съ заступомъ, и съ метлою, смотря потому, что было ему по силамъ, и кто являлся къ своимъ братьямъ не на одни пиры веселія, но и на плачь и сѣтованіе.» (VIII 219—221.) Что же общество? проснулось-ли отъ своего усыпленія, апатія, бездѣйствія? пусть на это отвѣтитъ самъ Бѣлинскій: «теперь всѣ заговорили о дѣйствительности. У всѣхъ на языкѣ одна и та же фраза: надо дѣлать! и между тѣмъ, все-таки никто ничего не дѣлаетъ. Это показываетъ, что во что бы ни нарядился романтикъ, онъ все остается романтикомъ. Назвались эти романтики партіями, и думаютъ, что дѣлать значить разсуждать на пріятельскихъ вечерахъ о томъ, что только они удивительно

люди, и что кто думаетъ не по ихъ, тотъ бродить во тмѣ. Во всемъ этомъ видно одно: стремленіе жить мимо жизни глубокой, внутренней разладъ съ дѣйствительностью. Сперва хотять составить программу жизни, хорошенько обдумать и обсудить ее, а потомъ уже и жить по этой программѣ. Удивительно-ли, что вся жизнь такихъ людей проходитъ въ составленіи программъ? Человѣкъ долженъ сознать жизнь, и разумъ долженъ вести человѣка по пути жизни, тмѣ и отличается человѣкъ отъ животныхъ безсловесныхъ; но основою жизни долженъ быть инстинктъ, непосредственное чувство. Безъ нихъ, жизнь есть пустое, холодное и, къ довершенію, преглупое умничанье; также какъ безъ мыслительности, непосредственное существованіе есть животное состояніе. Они не хотять снизойти до ознакомленія себя съ толпою, до изученія ея характера, положеній, потребностей, нуждъ. Для обихода цѣлой ихъ жизни достаточно нѣсколькихъ мыслей, иногда нѣсколькихъ фразъ, вычитанныхъ въ книгѣ, поверхностно понятыхъ, не въ попадъ приложенныхъ къ дѣйствительности. Они смотрять на толпу не какъ на силу, которая гнется и подается только отъ силы генія, а какъ на стадо, которое можетъ гнать передъ собою куда угодно первый умникъ, если вздумаетъ взяться за это дѣло.» (X. 267—271.).

Послѣ этого насъ, пожалуй, спросятъ: гдѣ же заслуга Бѣлиинскаго передъ обществомъ, когда всѣ его Филиппики не произвели никакого важнаго событія, никакого явленія въ жизни? а развѣ не великое дѣло, привести общество къ сознанію своего положенія, къ желанію инаго, лучшаго состоянія? что же касается важныхъ событій, то не забудемъ, что каждое важное событіе въ человѣчествѣ совершается въ свое время, а не прежде и не послѣ. «Каждый великій человѣкъ совершаетъ дѣло своего времени, рѣшаетъ современные ему вопросы, выражаетъ своею дѣятельностью духъ того времени, въ которое онъ родился и развился. Огарнизации подобныя организациямъ Колумба, герцога Альбы, Лютера и проч., возможны и въ наше время, какъ онѣ и всегда были возможны, да только, явившись въ наше время, онѣ совсѣмъ бы не такъ дѣйствовали и не то бы совсѣмъ сдѣлали.» (XII. 372—377). Итакъ, мы имѣемъ полное право назвать дѣло Бѣлиинскаго великимъ, потому что «дать ходъ идеѣ, пробудить жизнь въ автоматѣ — великое дѣло, на которое мало здраваго смысла, мало ума, мало таланта, на которое нуженъ геній» (II. 228—231).

Притомъ, «заснуть въ самолюбивыхъ мечтахъ: о чемъ бы онѣ ни были, о нашей-ли народной славѣ, или о нашемъ европеизмѣ, равно бесплодно и вредно. ибо сонъ не есть жизнь, а только грезы о жизни, и нельзя не сказать спасибо тому, кто прерветъ такой сонъ (П. 10—29). Намъ еще бы оставалось доказать то, что мы назвали Бѣлинскаго мученикомъ своихъ убѣжденій, но это ясно изъ предыдущаго, гдѣ мы показали, что его убѣжденія постоянно развивались, а не застыли при своемъ появленіи въ известной формѣ, хотя бы то было и въ ущербъ истинѣ, а всякое духовное развитіе, какъ известно, не мыслимо безъ борьбы чувства съ разумомъ, борьбы внутренней, не видимой для міра, но тѣмъ не менѣе мучительной, порождающей самолюбіе. «Духъ сомнѣнія гонитъ человѣка отъ одного опредѣленія къ другому,—и благо тому, кто, сомнѣваясь въ известныхъ истинахъ, не сомнѣвался въ существованіи истины, ибо истины переходящи, неистина вѣчна». (VI. 304—306).

Самымъ очевиднымъ подкрѣпленіемъ нашего понятія о Бѣлинскомъ какъ мученикѣ своихъ убѣжденій, можетъ служить его жизнь, исполненная борьбы съ нуждою и невѣжествомъ; но мы, до сихъ поръ, въ печати имѣемъ самыя скудныя свѣдѣнія о ней и потому не будемъ ихъ повторять, а лучше приведемъ слова самого Бѣлинскаго, которыя могли бы служить вступленіемъ къ его біографіи: «Говорятъ, будто любящее сердце, умъ, талантъ и всякое превосходство надъ людьми есть страшный даръ природы, родъ проклятія, изрекаемаго судьбою надъ человѣкомъ избраннымъ, въ самую минуту его рожденія... Говорятъ, будто несчастіемъ и страданіемъ цѣлой жизни избранныкъ долженъ расплатиться за дерзкую привилегію быть выше другихъ. И всё это доказываютъ примѣрами людей замѣчательныхъ. Но справедливо-ли такое мнѣніе, и должна-ли жизнь быть мачихою въ отношеніи къ любимѣйшимъ дѣтямъ природы? О, нѣтъ! эта вражда жизни съ природою отнюдь не есть законъ разумной необходимости, но есть только результатъ несовершенства человѣческихъ обществъ. Избранный человѣкъ болѣе, чѣмъ всякій другой, рождается для жизни и наслажденія ею, и не жизнь, а общество виновато въ томъ, что, едва родившись, онъ съ собою долженъ брать даже самый воздухъ, чтобы ему можно было дышать... Въ своемъ семействѣ, гдѣ, кажется, естественная любовь должна стоять на стражѣ его дѣтства и лелѣять его,—въ своемъ семействѣ, прежде всего, встрѣ-

чаетъ онъ, съ ужасомъ и отвращеніемъ, чудовищный образъ общества, которое въ человѣкѣ не хочетъ признать человѣка, но видитъ въ немъ только породу и касту, или смотритъ на него, только какъ на работника, какъ на живой капиталъ, съ котораго нѣкогда можно будетъ брать проценты... Семейство, узы крови, что вы, если не бичи и цѣпи тамъ, гдѣ полудикое и невѣжественное общество еще въ колыбели встрѣчаетъ человѣка, въ видѣ патриархальнаго логовища, глава котораго есть степной деспотъ съ нагайкою въ рукѣ, самолюбивый, упрямый, хвастунъ безъ совѣсти, не любитъ жить съ другими въ домѣ человѣчески, а любить, чтобы все передъ нимъ трепетало, боялось и рабствовало?... (XII. 120—121).

Мы сдѣлали, въ общихъ чертахъ, бѣглый очеркъ развитія убѣжденій Бѣлинскаго. Этотъ очеркъ послужитъ намъ разъясненіемъ, въ изложеніи отдѣльныхъ вопросовъ, поднимаемыхъ имъ изъ быта семейно-общественнаго, тѣхъ контрастовъ, какіе постоянно замѣтны въ первоначальныхъ его сужденіяхъ, составлявшихся подъ вліяніемъ идеальнаго настроенія, съ окончательными выводами, составившимися при изученіи дѣйствительной жизни. Въ семейномъ быту онъ обратилъ главное вниманіе на воспитаніе, такъ какъ оно служитъ основаніемъ отношеній, возникающихъ между родителями и дѣтьми, и обуславливаетъ положеніе женщины въ семьѣ и обществѣ. Воспитаніе великое дѣло, имъ рѣшается участь человѣка, говорилъ Бѣлинскій еще въ началѣ своего литературнаго поприща. «Каждое новое поколѣніе есть зародышъ будущаго, которое должно сдѣлаться настоящимъ, есть новая идея, готовая смѣнить старую идею. На этомъ основанъ ходъ и прогрессъ человѣчества. Но новое, чтобы быть дѣйствительнымъ, должно выйти изъ стараго—и въ этомъ законѣ заключается важность воспитанія, имъ же условливается важность призванія тѣхъ людей, которые берутъ на себя священную обязанность быть воспитателями дѣтей». (II. 338—346). Вслѣдъ за такимъ истиннымъ, свѣтлымъ взглядомъ на значеніе воспитанія, Бѣлинскій полагалъ первою заботою воспитателя — развитіе въ дитятѣ разума, преимущественно передъ разсудкомъ, во избѣжаніе того, чтобы они не сдѣлались несносными резонѣрами; поставялъ главною заботою воспитанія возвращеніе, посредствомъ живой, поэтической фантазіи, въ душѣ дитяти зародыша врожденнаго ему чувства безконечнаго. Изъ этого очевидно, что Бѣлинскій въ то время, когда писалъ это, еще

мало был знакомъ съ дѣйствительною жизнью, иначе онъ не сказалъ бы этого, потому что такого рода методъ воспитанія образуетъ еще худшихъ людей, чѣмъ резонёры, именно пустыхъ фантазёровъ, романтиковъ, не способныхъ ни къ какой положительной дѣятельности, людей, которыхъ самъ же онъ впоследствии разоблачилъ изъ ихъ мишурныхъ мантий. Эти понятія о методѣ воспитанія, какъ плодъ однихъ научныхъ знаній, неминуемо Бѣлинскій долженъ былъ замѣнить иными понятіями, что онъ и сдѣлалъ подъ конецъ своей литературной дѣятельности. По поводу разбора дѣтскихъ книгъ, возвращаясь къ этому предмету, онъ высказалъ совершенно противоположный взглядъ: онъ уже не настаивалъ на первоначальной, исключительной обязанности воспитателя развивать въ дѣтяхъ ту или другую умственную способность, а полагалъ что «до семилѣтняго возраста должно обращать все вниманіе преимущественно на физическое и нравственное воспитаніе. Первое должно быть положительнымъ и состоять въ развитіи здоровья, тѣлесной крѣпости, гибкости и ловкости. Это дѣло гимнастики и правильнаго образа жизни. Нравственное воспитаніе дѣтей даже и дальше этого возраста должно быть отрицательное, то есть состоять въ удаленіи отъ нихъ всякихъ дурныхъ примѣровъ и въ развитіи въ нихъ чувства любви, справедливости и челоуѣчности не правилами морали, а, такъ сказать, вліяніемъ привычки такъ, чтобы они не знали, какія это чувства и какъ они въ нихъ развиваются» (XI. 165—175). Здѣсь кстати замѣтимъ, что разборы дѣтскихъ книгъ, большею частью приводили Бѣлинскаго къ неудовлетворительнымъ результатамъ: онъ видѣлъ, что сочиненіемъ ихъ занимаются люди, не имѣющіе здравыхъ понятій о воспитаніи, съ одними только своекорыстными, спекулятивными цѣлями. Хорошіе дѣтскіе писатели также рѣдки, какъ и великіе поэты. Вслѣдствіе этого, въ то время, многіе высказывали мнѣніе, что дѣти должны читать то же самое, что и взрослые; это мнѣніе Бѣлинскій считалъ не лишнимъ основанія и справедливости, но полагалъ, что оно требуетъ большихъ исключеній и ограниченій; онъ предлагалъ по этому предмету взять за правило слѣдующее: для дѣтей хороши и полезны только тѣ книги, которыя могутъ занимать и взрослыхъ людей и нравятся и имъ не какъ дѣтское сочиненіе, а какъ литературное произведеніе, писанное для всѣхъ. Чтобы показать яснѣйшее постепенное и прогрессивное развитіе убѣжденій Бѣлинска-

го, приведемъ еще примѣръ противоположныхъ его сужденій объ одномъ и томъ же предметѣ. Такъ, высказавъ такого рода сужденіе, что быть для женщины нѣжною матерью и преданною супругою есть святой и великой подвигъ въ жизни, ея назначеніе, съ которымъ должно гармонировать и ея воспитаніе, прибавлялъ: «только прекрасныя стороны бытія должны быть открыты ея вѣдѣнію, а обо всемъ прочемъ она должна оставаться въ миломъ, простодушномъ незнаніи» (I. 401—405). Въ послѣдствіи же времени Бѣлинскій самъ себя опровергалъ, говоря: «если невѣдѣніе есть добродѣтель, то всѣ животныя—предобродѣтельныя особы. Добродѣтель дѣвушки не въ томъ, чтобы она младенчески не знала, какъ обыкновенно думаютъ, но въ томъ, чтобы она младенчески знала и въ знаніи оставалась чистою и дѣвственною». (IV. 458—459). Къ такого рода заключенію его весьма логически и послѣдовательно привело простое ознакомленіе съ дѣйствительною жизнью; такъ дитя можетъ очень невинно говорить о самыхъ виновныхъ предметахъ, а взрослый человѣкъ съ испорченною нравственностью и о самыхъ невинныхъ предметахъ можетъ говорить очень виновно. Грѣхъ состоитъ не въ томъ, чтобы знать, но въ томъ, чтобы ложно, криво, дурно знать. Для людей молодыхъ нѣтъ ничего вреднѣе знанія тайкомъ приобрѣтеннаго. Это своего рода контрабанда. Въ извѣстныя лѣта сама природа непосредственно открываетъ людямъ тайны, которыхъ они и не подозрѣвали въ своемъ дѣтствѣ. Въ это время, по его мнѣнію, не только не должно скрывать отъ молодыхъ людей извѣстныя тайны природы, но напротивъ открывать ихъ: это единственное средство спасти ихъ отъ сѣтей пагубной чувственности. Только, замѣчаетъ онъ, это должно дѣлать умѣючи, и тайны природы просвѣтлять чувствомъ красоты и цѣломудрія, передавать ихъ не какъ смѣшныя предметы, годныя голько для кощунства, но какъ великое таинство творящаго духа. Вообще, какъ видно, во времена Бѣлинскаго были самыя смутныя понятія о воспитаніи въ обществѣ, а потому и самое воспитаніе находилось въ жалкомъ, плачевномъ состояніи, будучи построено на шаткомъ и ложномъ основаніи. Вотъ что говорилъ Бѣлинскій: «воспитаніе! оно вездѣ, куда ни посмотрите, и его нѣтъ нигдѣ, куда ни посмотрите. Конечно вы его можете увидѣть во всѣхъ олояхъ общества, отъ самаго высшаго до самаго низшаго, но какъ рѣдкость, какъ исключеніе изъ общаго пра-

вила. Отчего же это? Да оттого, что на свѣтѣ бездна родителей, множество *raras et thasas*, но мало отцовъ и матерей. Вотъ прекрасно! восклицаете вы. Какая же разница между родителями и отцомъ и матерью?—какъ какая? взгляните лѣтомъ на мухъ: какая бездна родителей, но гдѣ же отцы и матери? Грибоѣдовъ давно уже сказалъ: чтобы имѣть дѣтей, кому ума не доставало! Право рожденія священное право на священное имя отци и матери,—противъ этого никто и не спорить, но не этимъ еще все оканчивается, тутъ человѣкъ еще не выше животнаго; есть высшее право родительской любви. Да какой же отецъ или какая мать не любитъ своихъ дѣтей? говорите вы. Такъ, но позвольте васъ спросить: что вы называете любовью? какъ вы понимаете любовь?—Вѣдь и овца любитъ своего ягненка; она кормитъ его своимъ молокомъ, облизываетъ языкомъ, но какъ скоро онъ мѣняетъ ея молоко на злакъ полей — ихъ родственныя отношенія оканчиваются. Вѣдь и госпожа Простакова любила своего Митрофанушку: она нещадно била по щекамъ старую Еремеевну и за то, что дитя много кушало, и за то, что дитя мало кушало; она любила его такъ, что если бы онъ вздумалъ ее бить по щекамъ, она стала бы горько плакать, что милое, ненаглядное дѣтище больно обколотило объ нее свои рученьки. Итакъ, развѣ чувство овцы, которая кормитъ своимъ молокомъ ягненка, чувство госпожи Простаковой, которая бывши овцою и коровою, готова еще одѣлаться и лошадкою, чтобы возить въ колясочкѣ свое 20-ти лѣтнее дитя, развѣ это любовь? Да, любовь, но какая? любовь чувственная, животная, которая въ овцѣ, какъ въ животномъ, отличающемся и животною фигурою, имѣетъ свою истинную, разумную, прекрасную и восхищающую сторону, но какъ въ госпожѣ Простаковой, какъ въ животномъ, отличающемся человѣческою фигурою, вмѣсто овечьей,—безсмысленна, безобразна и отвратительна. Далѣе: вѣдь и Павелъ Аеянасьевичъ Фамусовъ любилъ свою дочь, Софью Павловну; посмотрите, какъ онъ хлопочетъ, чтобы по выгодѣ сбыть ее съ рукъ, подороже продать.... Продать? какое ужасное слово! отецъ продаетъ свою дочь, торгуетъ ею, конечно, не по-мелочи, а одинъ разъ навсегда, и не больше, какъ для одного человѣка, который будетъ называться ея мужемъ! Но, вѣдь, это онъ дѣлаетъ не для себя, а для ея же счастья? — скажутъ многіе. Прекрасно! но послѣ этого, иная матушка, которая, не желая видѣть въ ничетѣ свою вѣжно любимую дочь, научить,

или принудить ее сдѣлать выгодный промыселъ изъ своей красоты,—тоже будетъ права, потому что поступить такъ изъ любви къ дочери? Мы соглашаемся, что источникъ всего этого любовь, но какая—вотъ вопросъ? любовь естественная, основанная на одномъ родствѣ крови. » (III. 483—509). Вотъ какую, возмущающую душу картину воспитанія рисуетъ намъ Бѣлинскій, сколько горечи и желчи въ каждомъ словѣ описанія, съ какимъ безпощаднымъ анализомъ онъ разбиваетъ ложныя, укоренившіяся въ обществѣ понятія о цѣли воспитанія, и отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ. Но Бѣлинскій на одномъ анализѣ не остановился: онъ представилъ намъ и свой идеалъ воспитанія, къ которому, по его убѣжденію, должно стремиться общество. Онъ говорилъ, что разумная любовь должна быть основою взаимныхъ отношеній между родителями и дѣтьми, любовь къ истинѣ; поэтому вся жизнь отца и матери, всякій поступокъ ихъ долженъ быть примѣромъ для дѣтей, чтобы слово не расходилось съ дѣломъ. Такъ, чтобы мать, толкуя дѣтямъ о законѣ евангельской любви и всепрощенія, не била бѣ своихъ подчиненныхъ, называемыхъ Васьками, Машками и другими получеловѣческими именами! Чтобы отецъ, проповѣдая святость и чистоту брачной жизни, не держалъ отырыто въ своемъ домѣ наложницу или цѣлый гаремъ, подъ именемъ женой дѣвичьей; чтобы, внушая понятія о долгѣ и чести своимъ дѣтямъ, въ то же время не бралъ бы взятокъ и не гнулъ спины предъ сильными міра сего! Какъ видите, дѣло немаловажное, требующее перевоспитанія большей части самихъ родителей, требующее чтобы они посвятили все свое время великому дѣлу воспитанія своихъ дѣтей. Развивая далѣе свои мысли, Бѣлинскій говорилъ, что разумная любовь предполагаетъ взаимную довѣренность, и отецъ долженъ быть столько же отцемъ, сколько другомъ своего сына. При такомъ воспитаніи, по его мнѣнію, родители одною ласкою могутъ дѣлать изъ своихъ дѣтей все, что угодно: имъ легче будетъ пріучить ихъ къ труду, трудъ обратитъ въ привычку, для нихъ будутъ ненужны всякаго рода унижительныя для человѣческаго достоинства наказанія, подавляющія въ дѣтяхъ благородную свободу духа, уваженіе къ самимъ себѣ, и растлѣвающія ихъ сердца подлыми чувствами: униженія, страха, скрытности и лукавства! Орудіемъ и посредникомъ воспитанія должна быть любовь, а цѣлью человѣчность. Мы разумѣемъ здѣсь, поясняетъ Бѣлинскій, первоначальное воспитаніе, которое важнѣе всего:

оно должно видѣть въ дитяти ни чиновника, ни поэта, ни ремесленника, но человѣка, который могъ бы впоследствии быть тѣмъ и другимъ, не переставая быть человѣкомъ. Таковы убѣжденія Бѣлинскаго о воспитаніи, выработанныя наукою и изученіемъ дѣйствительной жизни.

Тотъ или другой взглядъ на воспитаніе имѣетъ еще то важное значеніе, что имъ обуславливается положеніе женщины въ семьѣ и обществѣ, опредѣляется ея назначеніе и дѣятельность. «Женщины, говорилъ онъ, получая воспитаніе хуже, чѣмъ жалкое и ничтожное, хуже чѣмъ превратное и неестественное, скованныя по рукамъ и ногамъ желѣзнымъ деспотизмомъ варварскихъ обычаевъ и приличій, жертвы чуждой, безусловной власти, всю жизнь свою, до замужества рабы родителей; послѣ замужества вещи мужей, считая за стыдъ и за грѣхъ предаться вполне какому-нибудь нравственному интересу, напримѣръ, искусству, наукѣ,—онѣ, эти бѣдныя женщины, всѣ запрещенныя имъ кораномъ общественнаго мнѣнія блага жизни хотятъ, во что бы ни стало, найти въ одной любви, и, разумѣется, почти всегда горько и страшно разочаровываются въ своей надеждѣ. Измѣнила мужчинѣ надежда на что-нибудь, сколько у него выходовъ изъ горя, сколько дорогъ на поприще жизни, которыя могутъ вести его къ той или другой цѣли. Измѣнила женщинѣ любовь,—ей ничего уже не остается въ жизни, тогда какъ Маниловъ—мушина способенъ найти въ одной любви все свое счастье.» (VII. 172-179.) Бѣлинскій, во имя человѣческаго достоинства, требовалъ для женщины расширенія круга ея дѣятельности; ограничить же его, говорилъ онъ, скромностью и невинностью въ состояніи дѣвическомъ, спальнею и кухнею въ состояніи замужества—не значить-ли это лишить ее правъ человѣка, и изъ женщины сдѣлать самкою? Но скажутъ намъ: женщина мать, а назначеніе матери свято и высоко—она воспитательница дѣтей своихъ. Прекрасно! Но вѣдь воспитывать не значить только выкармливать и вынячивать (первое можетъ сдѣлать корова, или коза, а второе нянька), но и дать направленіе сердцу и уму, а для этого развѣ не нужно со стороны матери и характера, науки, развитія, доступности ко всѣмъ человѣческимъ интересамъ? Нѣтъ, міръ знанія, искусства, словомъ міръ общаго долженъ быть столько же открытъ женщинѣ, какъ и мужчинѣ. Такъ-какъ истинно человѣческая любовь теперь можетъ быть основана только на взаимномъ уваженіи другъ въ другѣ человѣческаго достоинства, а не на одномъ кавризѣ чув-

ства и не на одной прихоти сердца,—то и любовь нашего времени имѣетъ уже совсѣмъ другой характеръ, нежели какой она имѣла прежде. Взаимное уваженіе другъ въ другъ человѣческаго достоинства производитъ равенство, а равенство свободу въ отношеніяхъ. Мужчина перестаетъ быть властелиномъ, а женщина рабою, и съ обѣихъ сторонъ устанавливаются одинаковыя права и одинаковыя обязанности: послѣднія, будучи нарушены съ одной стороны, тотчасъ же не признаются болѣе и другою. Въ наше время любовь есть идеальность и духовность чувственнаго стремленія, которое только ею и можетъ быть законно, нравственно и чисто; безъ нея же, оно и въ самомъ бракѣ есть униженіе человѣческаго достоинства, грѣховной позоръ и разстѣніе женщины... «(VIII. 151-178.) «Когда любовь, говорилъ Бѣлинскій, съ которой-нибудь стороны окончилась, вмѣстѣ жить нельзя: ибо тотъ не понимаетъ любви и ея требованій, и за любовь принимаетъ грубую, животную чувственность, кто способенъ пользоваться ея правами отъ предмета, хотя бы любимаго, но не любящаго. Такая любовь бываетъ только въ бракахъ, потому что бракъ есть обязательство, и, можетъ быть, оно такъ тамъ и нужно, но въ любви такія отношенія суть оскорбленіе и профанція не только любви, но и человѣческаго достоинства. Всѣ такіе случаи невозможны для человѣка нравственно-развитого (VIII. 459-464.)» Такія высокія понятія о женщинѣ имѣлъ Бѣлинскій. Онъ желалъ видѣть болѣе разумныя, человѣческія отношенія между мужчиною и женщиною, чѣмъ тѣ, какія существовали въ современномъ ему обществѣ. Каждый въ то время жилъ своею особенною жизнью, потому что, вслѣдствіе разности воспитанія, какое получали мужчина и женщина, тѣснаго ограниченія круга дѣятельности послѣдней, между ними не было никакихъ общихъ интересовъ. Кромѣ официальныхъ отношеній жениха къ невѣстѣ, никакихъ другихъ отношеній не могло возникнуть между дѣвицею и молодымъ человѣкомъ. Дружба мужчины съ постороннею женщиною была немыслима. «Если вы, говоритъ Бѣлинскій, входите въ женскій кругъ, то не иначе, какъ для выполненія обычая, приличія, обряда, если вы обращаете на одну женщину исключительно свое вниманіе, то всегда съ положительными видами—ради женитьбы или волокитства. Вашъ взглядъ на женщину чисто утилитарный, почти коммерческій: она для васъ капиталъ съ процентами, деревня, домъ съ доходомъ; если не это, такъ кухарка,

пречка, ключница, нянька, много, много, если одалиска... Русская дѣвушка не женщина въ европейскомъ смыслѣ этого слова, не человѣкъ: она ни что иное, какъ невѣста.» (VIII. 566-576.)

Всѣ дурныя слѣдствія ложнаго, неестественнаго воспитанія, могутъ единственно только уничтожиться образованіемъ, а потому, переходя къ разсмотрѣнію общественнаго быта, Бѣлинскій и обратилъ все свое вниманіе на образованіе, какъ начало опредѣляющее и обусловливающее всѣ явленія стороны общественной жизни въ ихъ взаимныхъ соприкосновеніяхъ между собою, обоюдныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Таковы отношенія, напримѣръ, литературы къ обществу, сословныя отношенія и другія. «Въ государствѣ, по мнѣнію Бѣлинскаго, просвѣщеніе высшихъ классовъ общества и массы народа должно быть въ полной гармоніи, чтобы вполне развилась жизнь народа, вполне было выполнено имъ его назначеніе. Одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ усилій и дѣятельности ученыхъ долженъ состоять въ сближеніи науки съ жизнью. Народу нужны познанія чисто фактическія, идея не для него. У насъ народу, то есть самой грубой массѣ народа, нужна еще только азбука.» (II. 177-179.) Сознывая необходимость всеобщаго, всенароднаго образованія, Бѣлинскій не видѣлъ вокругъ себя, въ обществѣ, людей, могущихъ взять на себя великую миссію быть просвѣтителями народа, проводниками въ массы научныхъ свѣдѣній, положительныхъ результатовъ, добытыхъ наукою; поэтому, какое-то безотрадное, грустное чувство остается на душѣ, когда читаешь слѣдующія строки: «Въ наше время всѣ или штатскіе, или военные, или мѣщане, или кушцы, художники, ученые, землевладѣльцы, все, что хотите только не люди; титулъ человѣка священно и важно только на словахъ, да въ книгахъ, а не въ жизни, о немъ никто не заботится, никто не спрашиваетъ; оттого въ наше время иной философъ, пока на кафедрѣ, герой истины, готовый защищать ее логическими построениями, противъ всей вселенной, а въ жизни же человѣкъ, хорошо вытвердившій правило: мое дѣло сторона, живущій въ ладу со всякою дѣйствительностью, равно счастливый при всякихъ обстоятельствахъ. Удивительно-ли, что философія, въ наше время, производитъ только школьныя партіи, и что жизнь не хочетъ ее знать, какъ и она не хочетъ знать жизни. Не такова была древность—эта великая школа людей и мудрецовъ, гдѣ самыя женщины были героинями своихъ обязанностей и, будучи жонами и

матерями, умѣли быть и гражданками, гдѣ художники и ученые были не птицами и подантами, а тайниками, хранителями Прометеева огня національной жизни. Тамъ слово было дѣломъ, и дѣло было словомъ, мысль фактомъ и фактъ мыслью.» (VI. 453—460). Таково было отношеніе философовъ того времени къ вопросу объ образованіи народа: для нихъ это было дѣло постороннее, не касающееся ихъ личныхъ интересовъ, оттого они и были совершенно равнодушны, холодны къ нему. Они забывали, что мужикъ человѣкъ, и этого довольно, чтобы мы интересовались имъ такъ же, какъ и всякимъ баринкомъ.» Мужикъ намъ братъ по Христу, и этого довольно, чтобы мы изучали его жизнь и его бытье, имѣя въ виду ихъ улучшение. Если мужикъ необразованъ—это не его вина... Ломоносовъ родился мужикомъ, и могъ бы и умереть мужикомъ, но обстоятельства помогли ему показать міру, что иногда кроется въ глубинѣ мужицкой натуры, чѣмъ можетъ быть иногда мужикъ. Образованность дѣло хорошее, что и говорить; но, Бога ради, не чваньтесь ею такъ передъ мужикомъ: почему вѣдать, что при вашихъ внѣшнихъ средствахъ къ образованію, онъ далеко бы оставилъ васъ за собою.» (XI. 111—113). Образованіе только развиваетъ нравственныя силы человѣка, но не даетъ ихъ: даетъ ихъ человѣку природа. И въ этой раздачѣ драгоценныхъ даровъ своихъ, она дѣйствуетъ слѣпо, не разбирая сословій. Если изъ образованныхъ классовъ общества выходитъ больше замѣчательныхъ людей, это потому, что тутъ больше средствъ къ развитію, а совсѣмъ не потому, чтобы природа была для людей высшихъ классовъ скупѣе въ раздачѣ даровъ своихъ.» (XI 340—350). Когда Бѣлинскій только что возбуждалъ у насъ этотъ вопросъ, сама жизнь громко заявляла свои требованія, народъ жаждалъ свѣта образованія, такъ что положеніе народа во всей Европѣ обратило на себя вниманіе правительствъ, обществъ, науки и литературы. Однако Бѣлинскій имѣлъ полное основаніе сказать, что въ Европѣ и у насъ это тотъ же вопросъ, но не тотъ его характеръ; это будетъ очевидно, если мы покажемъ, что приходилось ему писать по этому поводу, какія убѣжденія отстаивать, противъ какихъ мнѣній ратовать. «Народъ, говорилъ онъ, сила охранительная, консервативная; и потому, во всякой коренной реформѣ, касающейся всего государства, только то дѣйствительно, что проникаетъ и въ народъ. Своею инстинктивною преданностью преданію, обычаю, привычкѣ, онъ противится всякому дви-

женію впередъ, всякому успѣху и медленно, съ упорствомъ подается натиску врывающихся въ него сверху нововведеній. Этими онъ, съ одной стороны, предохраняетъ общество отъ произвольныхъ уклоненій отъ нормы народной жизни, ибо никогда не приметъ ничего несвойственнаго, стало быть, вреднаго ей; съ другой стороны, дѣлаетъ прочными всѣ результаты историческаго развитія, которые не можетъ не принять. Непосредственное начало есть условіе всего живого, и все сознательное и искусственное, чтобы быть дѣйствительнымъ, а не призрачнымъ, должно имѣть свои корни въ непосредственномъ. Мы не знаемъ доселѣ ни одного народа, котораго развитіе и ходъ впередъ не были бы основаны на раздѣленіи народной жизни на народъ и общество. Этого раздѣленія нѣтъ у азіатскихъ, коснѣющихъ народовъ, ибо у нихъ раздѣляютъ народъ касты, привилегіи, но не просвѣщеніе и образованіе. Одинъ народъ, разумѣя подъ этимъ словомъ, только людей высшихъ сословій, не есть еще нація: націю составляютъ всѣ сословія. Люди, которые презираютъ народъ, видя въ немъ только невѣжественную и грубую толпу, которую надо держать постоянно въ рабствѣ и голодѣ, такіе люди теперь не стоятъ возраженія—это или глупцы, или негодяи, или то и другое вмѣстѣ. Люди, которые смотрятъ на народъ-человѣчище, но думаютъ, что, по причинѣ его невѣжества и необразованности, онъ не заслуживаетъ изученія, и что вовсе нечему учиться у него, такіе люди конечно ошибаются, и съ ними мы готовы всегда спорить. Но еще болѣе ихъ ошибаются тѣ, которые думаютъ, что народъ нисколько не нуждается въ урокахъ образованныхъ классовъ, и что онъ можетъ отъ нихъ только портиться нравственно. Нѣтъ, господа мистическіе филозофы!—нуждается, да еще какъ! просвѣщеніе и образованіе никогда не могутъ лишитъ народъ его силы, и очень могутъ исправить его, по крайней мѣрѣ смягчить его недостатки. Но самъ народъ лучшій рѣшитель этого вопроса. Назадъ тому лѣтъ 50, матери были, какъ по мертвомъ, провожая сыновей своихъ въ школы и это матери не крестьянки, а разныхъ городскихъ сословій; а теперь всякій крестьянинъ радъ радехонекъ возможности выучитъ своего сына грамотѣ. Ученье свѣтъ, а не ученье тьма, говоритъ онъ, и въ его глазахъ грамотный человѣкъ существо высшаго разряда. (XI. 452—461).

Болѣе подробное, основанное на историческомъ анализѣ, изложеніе народнаго вопроса Бѣлицкимъ можно читать во многихъ

его статьяхъ, напримѣръ въ критикѣ на славянскій сборникъ, въ разборѣ дѣяній Петра Великаго, къ сожалѣнію окончанія котораго не было напечатано, по причинамъ отъ редакціи не зависающимъ. Новость и жизненное значеніе вопросовъ, поднятыхъ имъ, имѣли вліяніе на весь ходъ тогдашней литературы, завязалась борьба между существовавшими въ то время литературными партіями, западниками и славянофилами. Уже не довольствовались общими мѣстами и истертыми понятіями, но хотѣли лучше ложно и ошибочно судить, нежели повторять готовые и на вѣру, или по лѣни и апатіи принятые сужденія. Бѣлинскій, въ этой борьбѣ за убѣжденія, видѣлъ явленіе отрадное, выражающее потребность самостоятельной мыслительности, потребность истины, которая прежде и выше всего. «Что истинно велико, то всегда устоитъ противъ сомнѣнія и не падетъ, не умалится и не затмится, но еще болѣе укрѣпится, возвеличится и просвѣтится отъ сомнѣнія и отрицанія, которыя суть первый шагъ ко всякой истинѣ, исходный пунктъ ко всякой мудрости. Сомнѣнія и отрицанія боится одна ложь, какъ боится воды поддѣльные цвѣты и неблагородные металы. Говорять, что сомнѣніе подрываетъ истину: ложная, нелѣпая мысль! если истина такъ слаба и безсилна, что можетъ держаться не сама собою, но охранительными кордонами противъ сомнѣнія, такъ почему же она истина, и чѣмъ же она лучше и выше, и кто же ей станетъ вѣрить? Говорять: отрицаніе убиваетъ вѣрованіе? Нѣтъ, не убиваетъ, а очищаетъ: правда, сомнѣніе и отрицаніе бывають вѣрными признаками нравственной смерти цѣлыхъ народовъ, но какихъ народовъ? устарѣвшихъ, изжившихъ всю жизнь свою, существующихъ только механически, какъ живые трупы, подобно византійцамъ или китайцамъ. И можетъ-ли это относиться къ русскому народу, столь юному и свѣжему народу.» (IV. 370—372).

При концѣ литературно-общественной дѣятельности Бѣлинскаго вопросъ о народности сдѣлался всеобщимъ вопросомъ и проявился въ двухъ крайностяхъ. «Одни смѣшали съ народностью старинные обычаи, сохранившіеся теперь только въ простонародіи, другіе, сознавая потребность высшаго національнаго начала и не находя словъ дѣйствительности, хлопчуть выдумать свое, и неясно, намеками указываютъ намъ на смиреніе, какъ на выраженіе русской національности. Съ первыми смѣшно спорить, но вторымъ можно замѣтить, что смиреніе есть, въ извѣстныхъ случаяхъ, весьма похвальная добродѣтель для человѣка

всякой страны, для француза, какъ и для русскаго, для англичанина, какъ и для турка, но что она едва-ли можетъ одна составить то, что называется народностью. Толкуютъ еще о любви, какъ національномъ началѣ, исключительно присущемъ однимъ славянскимъ племенамъ, въ ущербъ гальскимъ, тевтонскимъ и инымъ западнымъ. Мы, напротивъ, думаемъ, что любовь есть свойство человѣческой природы вообще, и такъ же не можетъ быть исключительно принадлежностью одного народа или племени, какъ и дыханіе, зрѣніе, голодъ, жажда, умъ, слово. Ошибка тутъ въ томъ, что относительное принято за безусловное. Что личность въ отношеніи къ идеѣ человѣка, то народность въ отношеніи къ идеѣ человѣчества. Другими словами: народности есть личности человѣчества. (XI. 29—42).»

Свои убѣжденія о народности Бѣлинскій развивалъ и въ критическомъ анализѣ чисто литературныхъ произведеній, оттого его критическія статьи послѣдняго времени и производили такое глубокое, сильное впечатлѣніе на общество. Бѣлинскій рожденъ былъ публицистомъ, а не критикомъ, хотя не зависящія отъ него обстоятельства и заставили его сдѣлаться послѣднимъ, но, не смотря на это, онъ все-таки всталъ во главѣ движенія. За нимъ останется имя основателя натуральной школы, онъ далъ ходъ и показалъ направленіе нашей литературѣ, по которому она должна была слѣдовать и развиваться. Бѣлинскій говорилъ: «духъ нашего времени таковъ, что величайшая творческая сила можетъ только изумить на время, если она ограничится птичьимъ пѣніемъ,—создастъ себѣ свой міръ, не являющій ничего общаго съ историческою и философскою дѣйствительностью современности, если она вообразитъ, что земля недостойна ея, что ея мѣсто на облакахъ, что мірскія страданія и надежды не должны смущать ея таинственныхъ ясновидѣній и поэтическихъ созерцаній. Только птица поетъ оттого, что ей поется, не чувствуя ни горя, ни радости своего птичьяго племени. И какъ горько думать, что и между людьми, при рожденіи помазанными свыше елеемъ вдохновенія, есть птицы: они счастливы, если имъ поется, они выше человѣчества, выше своихъ страждущихъ братьевъ, тщетно обращающихъ къ нимъ полныя мольбы и ожиданій очи; они живутъ въ себѣ, они въ душѣ своей умѣютъ находить радости и утѣшенія, и этотъ опоэтизированный эгоизмъ называютъ жизнью въ непреходящемъ и вѣчномъ, чуждой мелкой дѣйствительности...» (VI. 209—212). «Свобода творчества

легко согласуется съ служеніемъ современности: для этого нужно только быть гражданиномъ, сыномъ своего общества и своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремленіями; для этого нужна симпатія, любовь, здоровое, практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденія отъ дѣла, сочиненія отъ жизни. Что вошло, глубоко запало въ душу, то само собою проявится во внѣ. Въ наше время, талантъ въ чемъ бы не проявлялся, въ практической-ли общественной дѣятельности, или въ наукѣ и искусствѣ, долженъ быть добродѣтельно, или гибнуть въ себѣ самомъ и черезъ себя самого. Человѣчество дошло, наконецъ, до такихъ убѣжденій, которыхъ нечистые люди, уже изъ собственныхъ видовъ, чтобъ не осудить себя, не рѣшатся произнести и выговорить. Они знаютъ, что общество имъ не повѣрило бы, ибо въ нихъ самихъ увидѣло бы лучшее опроверженіе ихъ идей.» (VI. 216—219).

За идеи, проводимыя Бѣлинскимъ въ разрѣшеніи вопросовъ, поднятыхъ изъ семейно-общественнаго быта, было все молодое поколѣніе, всѣ, кто думалъ и хотѣлъ жить сознательною, разумно-свободною жизнью; противъ же него было все старое, отживающее свое время, коснѣющее въ невѣжествѣ. Вслѣдствіе этого стало обнаруживаться движеніе и въ самой жизни общества, завязалась борьба начала жизненнаго съ началомъ мертвящимъ, апатичнымъ. Такимъ образомъ, мало по малу, общество приходило къ сознанію своего положенія, и это развитіе тѣмъ положительнѣе, быстрѣе совершалось, чѣмъ люди болѣе проникались идеею гуманности, человѣческимъ достоинствомъ. Вотъ какъ смотрѣлъ Бѣлинскій на эту борьбу, на это пробужденіе отъ сна: «Молодость есть лучшее время въ жизни каждаго человѣка, такъ же какъ старость худшее—это аксіома. Ни обольщенія сухого и мелкаго честолюбія, ни приманки блестящихъ почестей, ни богатство, ни роскошь въ старости, ничто не замѣнитъ мечтаній, надеждъ, упоеній и даже горестей страстной, живой, увлекающей, гордой собою, сильной и отважной юности! Удивительно ли, что все хорошее старики относятъ къ своему времени? Эгоисты по-неволѣ, они думаютъ, что для всѣхъ должно казаться прекраснымъ только то, что было дѣйствительно прекрасно для нихъ, что всѣхъ должно тѣшить и обманывать только то, что тѣшило и обманывало ихъ, какъ будто бы міръ ими начался, ими и кончился, — какъ будто бы молодая поколѣнія обязаны жить ихъ жизнью, видѣть ихъ глазами, понимать ихъ умомъ,

и этимъ самымъ сознаться, что напрасно природа дала имъ глаза и умъ и напрасно призваны они къ жизни! Когда же старцы замѣчаютъ, наконецъ, что у молодыхъ поколѣній есть свои глаза и свой умъ, свои радости и горести, не похожія на понятія и убѣжденія ихъ, старцевъ, тогда они видятъ въ людяхъ молодого поколѣнія апостатовъ, эретиковъ, чуть-чуть не бунтовщиковъ. И тогда-то градомъ сыплются на молодыхъ поколѣнія упреки въ безнравственности, въ вольнодумствѣ, въ самонадѣянности; клюка старческой морали грозитъ ослушникамъ, безпрестанно выпадая изъ слабыхъ рукъ; рѣкою льются изъ дрожащихъ устъ старческія поученія, прерываемыя кашлемъ и смѣхомъ новыхъ поколѣній. Съ своей стороны, новыя поколѣнія бывають подвержены своей слабости видѣть все прекрасное, умное, достойное уваженія только въ новомъ и современномъ, ожидать чудесъ только отъ будущаго, а на старое и прошедшее смотреть съ равнодушіемъ и даже съ насмѣшкою. Но, видно, обѣ эти крайности равно неизбѣжны; однакожь, нельзя не согласиться, что гораздо больше справедливости на сторонѣ молодыхъ поколѣній, даже и тогда когда они явно несправедливы, потому что самъ духъ жизни, ведущей человѣка, всегда на сторонѣ новаго противъ стараго, потому что безъ этого исключительнаго, односторонняго стремленія всегда къ новому, всегда къ будущему, не было бы никакого движенія, никакого хода впередъ, не было бы прогресса, исторіи, жизни, и человѣчество превратилось бы въ огромное стадо дикихъ животныхъ.» (X. 47—51).

Этимъ мы и заканчиваемъ нашу статью. Мы изложили въ системѣ ученіе Бѣлинскаго, какъ публициста, причемъ считали необходимымъ, для большей точности и убѣдительности изложенія, приводить довольно часто подлинныя слова Бѣлинскаго, когда въ нихъ полно и окончательно высказывались его убѣжденія о томъ или другомъ предметѣ, что очевидно недостижимо только ссылками на одинъ изъ 12 томовъ его сочиненій. Такого рода изложеніемъ мы надѣялись дать въ краткомъ, но полномъ очеркѣ понятіе о заслугахъ Бѣлинскаго для общественнаго развитія, какъ рѣшителя современныхъ ему вопросовъ жизни. А что вопросы, поднятые имъ изъ семейнаго и общественнаго быта имѣють важное, существенное значеніе въ дѣйствительности, это видно изъ сдѣланнаго нами изложенія. И въ самомъ дѣлѣ, говоря въ общемъ смыслѣ, что же можетъ быть важнѣе и су-

ществениѣ вопросовъ, во всякое время, въ каждомъ цивилизованномъ государствѣ, какъ не вопросовъ о воспитаніи гражданъ и образованіи народномъ и другихъ, тѣсно, неразрывно связанныхъ съ ними? Изъ этого выходитъ, что наша литература не можетъ оправдываться въ своемъ молчаніи о заслугахъ Бѣлинскаго, какъ публициста, тѣмъ, что она занималась разрѣшеніемъ болѣе жизненныхъ вопросовъ нашего времени. На это намъ скажутъ, что она разрѣшала и вопросы, интересовавшіе Бѣлинскаго. Мы согласны съ этимъ, но дѣло-то въ томъ, далеко-ли она ушла въ развитіи ихъ, подвинула-ли ихъ рѣшеніе? Мы думаемъ такъ:—если бы и оказалось, что убѣжденія нашихъ публицистовъ, далеко оставили за собою Бѣлинскаго о тѣхъ же самыхъ предметахъ, то все-таки не слѣдовало обходить молчаніемъ и его дѣятельности въ этомъ отношеніи, не должно было ограничиваться одними только литературными приисками изъ его сочиненій. Положеніе же такого рода, что развитіе убѣжденій публицистовъ обуславливается развитіемъ самой общественной жизни, должно опредѣлиться для насъ рѣшеніемъ вопроса: поднялся-ли нравственный уровень семейной и общественной жизни со временъ Бѣлинскаго или покоится все въ томъ же положеніи, какъ былъ и при немъ? Пусть на это общество дастъ само себѣ отвѣтъ, что ему сдѣлать чрезвычайно легко и просто, стоитъ только сравнить картину современнаго быта съ картиною быта, изображенною Бѣлинскимъ. Если выводъ изъ такого сравненія будетъ тотъ, что явленія изъ семейной и общественной жизни, противъ которыхъ ратовалъ Бѣлинскій, немислимы, невозможны физически въ современной дѣйствительности, иначе какъ рѣдкое исключеніе, въ такомъ случаѣ общество будетъ въ правѣ сказать, что идея гуманности, сознание человѣческаго достоинства, вошло въ его плоть и кровь, стало всеобщимъ, неотъемлемымъ достояніемъ. Въ противномъ же случаѣ, при другомъ выводѣ, общество должно убѣдиться въ томъ, что нравственный уровень его не поднялся со временъ Бѣлинскаго. И въ этомъ случаѣ *обществу предстоитъ* задача, стоящая тѣхъ разглагольствованій, которыми мы ограничивались до сихъ поръ, именно задача провести въ жизнь то, что указано еще Бѣлинскимъ. Люди, народировавшіе дѣятельность Бѣлинскаго, забывали, что съ теченіемъ времени наши потребности измѣнились; что теперь больше, нежели когда-нибудь слѣдуетъ въ основу общественнаго прогресса положить каждому личное самосовер-

шенствованіе и твердое стремленіе провести нравственные принципы въ жизнь всего общества. То-ли мы видѣли до сихъ поръ? Много-ли соображались съ нравственными и гуманными принципами наши микроскопическіе публицисты послѣдняго времени, много-ли они практиковали ихъ сами?—Да, задача нашего будущаго велика и не легка. Но когда мы возьмемся за умъ, мы успѣемъ ее выполнить; и тогда наши успѣхи во всѣхъ отрасляхъ жизни обезпечены, не смотря ни на какія препятствія.

А. Головковъ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ТЕКУЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.

Новый Вавилонъ, Е. Пеллетана и Валь—Мабиль въ Парижѣ.

Евгеній Пеллетанъ извѣстенъ въ Парижѣ, и какъ писатель, и какъ человекъ чистый и честный. Онъ принадлежитъ къ умѣренной республиканской партіи, пользуется уваженіемъ орлеанской партіи, которая считаетъ въ рядахъ своихъ многихъ образованныхъ и почтенныхъ людей нынѣшней Франціи. Недавно онъ издалъ замѣчательную книгу подъ заглавіемъ: *Новый Вавилонъ, письма провинціала изъ Парижа*. Это едва-ли не первая книга, гдѣ французъ понялъ иначе патріотическое чувство, чѣмъ оно обыкновенно понимается во Франціи. Французы привыкли величать себя, и всё еще кричать, что Франція великая нація, кричать въ такую минуту, когда ихъ отечество, очевидно, стоитъ не на высокой ступени въ отношеніи къ развитію, наукѣ, свободѣ, и на очень низкой степени нравственности общественной и частной. Когда-то, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подъ первымъ впечатлѣніемъ и удивленіемъ, которое произвелъ на насъ Парижъ, мы попытались изобразить его такъ, какъ мы его ви-

дѣли, такъ, какъ онъ представился намъ, пріѣзжавшимъ во Францію съ мыслию, что она средоточіе просвѣщенія, свободы и образованности. Разочарованіе наше было велико. Письма наши изъ Парижа подверглись въ отечествѣ нашемъ нареканію; многіе говорили, что мы переложили черныя краски и оклеветали великую націю. Мы теперь представляемъ на судъ читателей книгу Пеллетана, изъ которой сдѣлаемъ извлеченіе, не пропускаемъ ни одной характеристической черты, могущей убавить что-нибудь изъ всестороннаго очерка Парижа и французскаго общества, который мастерскимъ и одушевленнымъ перомъ рисуетъ даровитый, французскій писатель. Многого изъ того, что рассказываетъ Пеллетанъ, мы не знали или не замѣтили, или наконецъ не могли ни знать, ни замѣтить, какъ иностранка и женщина, но за то, можемъ сказать, что взглядъ Пеллетана совершенно одинаковъ съ нашимъ взглядомъ, и вся разница, между нами состоитъ въ томъ, что очеркъ его полнѣе, живѣе, энергичнѣе и написанъ еще болѣе черными красками нежели тѣ, которыя мы употребили. Намъ кажется, что, прочитавъ книгу Пеллетана, всякій читатель будетъ имѣть полнѣйшее понятіе о Парижѣ и самой Франціи, по крайней мѣрѣ о большей части ея. Новый Вавилонъ замѣчательная книга; въ ней есть тотъ жаръ, тѣ благородныя чувства негодованія, презрѣнія, ненависти, любви и боли, которыя раздираютъ сердца людей искренно и горячо любящихъ свое отечество, когда это отечество заражено гніеніемъ и пороками, и стоитъ на низкой ступени между образованными государствами. Во Франціи книга подобнаго рода должна бы была произвести громадное впечатлѣніе, ибо правда ея несомнѣнна и дышетъ въ каждой строкѣ, бьетъ въ самую сердцевицу гнили и гноя общественнаго, бьетъ мѣтко и безошадно. Но челоуѣческое ослѣпленіе велико. Всѣмъ извѣстно, что люди тогда и поютъ себѣ дионисамбы и хвалебныя гимны, когда они наименѣе достойны ихъ; что похвальба тогда и въ ходу, когда хвалиться нечѣмъ, что самая безсовѣстная ложь пускается въ ходъ тогда, когда надо бы горѣть отъ стыда. Исторія учитъ насъ тому же. Гдѣ найдемъ мы такія безстыдныя восхваленія, какъ въ ту минуту, когда древній Римъ, погруженный въ рабство, развратъ и всю мерзость гніенія, могъ похвастать только безчисленными легіонами, которые служили ему орудіемъ грабежа и угнетенія чужихъ національностей. Его Цезари достигли неслыханныхъ до тѣхъ поръ и съ тѣхъ поръ безумій разврата,

самовластиа и произвола; они зажигали свою столицу, чтобы любоваться видомъ пожара, они дѣлали такія вещи, которыми бы никто не повѣрилъ, если бы исторія не начертала ихъ неизгладимо на своихъ скрижаляхъ. Въ Византіи, которая была еще развратнѣе Рима, и въ то же время безсильнѣе его, восхваленіе достигло такихъ размѣровъ, что цѣлая литература стала однимъ дионрамбомъ и въ этомъ дионрамбѣ, издыхая, погребла себя. Въ меньшихъ размѣрахъ тоже самое творится теперь во Франціи. Наперерывъ одинъ передъ другимъ, въ книгахъ, журналахъ, газетахъ (за исключеніемъ весьма немногихъ) на театрѣ, въ обществѣ, въ эстампетахъ и кафе, въ талбъ д'отахъ и ресторанахъ, французы кричатъ, что они великая нація, должны показывать примѣръ другимъ, предназначены провидѣніемъ (невѣрующіе говорятъ «судьбою») освобождать народы и просвѣщать ихъ и вести ихъ, показывая имъ дорогу, бросая имъ новыя идеи, которыя должны оплодотворить весь міръ и его будущее. А между тѣмъ великая нація... но не будемъ забѣгать впередъ и возвратимся къ книгѣ Евгенія Пеллетана, которая отвѣтитъ на вопросъ: что такое въ самомъ дѣлѣ великая нація?

Фельетонисты не прославляли эту книгу; обозрѣватели литературы не дѣлали изъ нея выписокъ, только Прево Парадаль одинъ изъ лучшихъ и серьезнѣйшихъ публицистовъ упомянулъ о ней съ похвалою. Надо прибавить, что книга написана въ тюрьмѣ Сентъ-Пелажи, гдѣ заключенъ теперь авторъ, на одинъ годъ, судомъ исправительной полиціи за одну статью, напечатанную въ «*Congrès du Dimanche*». Кромѣ заключенія онъ былъ приговоренъ еще къ значительной пенѣ въ нѣсколько тысячъ франковъ, которую заплатить не могъ иначе, какъ пустивъ въ продажу единственное свое сокровище: библіотеку. Мы должны прибавить, къ чести французской литературы, или справедливѣе къ чести друзей автора, что они не допустили продажи всей библіотеки и такъ набили на аукціонѣ цѣну первыхъ продававшихся книгъ, что сумма пени была выручена сполна. За одну книгу платили 500 и болѣе франковъ. Евгеній Пеллетанъ человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ и обремененъ многочисленнымъ семействомъ.

Форма книги проста: провинціальный нотаріусъ пріѣзжаетъ въ Парижъ послѣ 20 лѣтъ жизни въ провинціи, и, увы! не узнаетъ своего родного города, того города, гдѣ проведъ свое

дѣтство и юность. Онъ не узнаетъ ни улицъ, ни стѣнъ, ни людей, ни ихъ нравовъ; духъ народа, обычаи, умственная жизнь, общественная и семейная жизнь измѣнились. Онъ убѣдился, взглянувъ въ нынѣшней Парижъ, что семейство и собственность, о сохраненіи и неприкосновенности которыхъ такъ кричатъ парижскіе властелины, рушатся и разваливаются. Но оставимъ его самого рассказать намъ свои впечатлѣнія. Мы сократимъ, сколько возможно, его подробное описаніе и оставимъ за собою право сказать въ придачу своя послѣднія впечатлѣнія, прощаясь съ Парижемъ надолго, быть можетъ, навсегда. Кажется, что послѣ книги Пеллетана предметъ исчерпанъ и слава Богу! Надо же отдохнуть душою на чемъ-нибудь лучшемъ, болѣе отрадномъ. Міазмы, заразившіе воздухъ въ Парижѣ, такъ ѣдки, что преслѣдуютъ долго, не даютъ покоя и навѣваютъ мрачныя мысли.

Вотъ сокращенный рассказъ нотаріуса.

Я пріѣхалъ вчера въ Парижъ. Боже! какое великолѣвіе! дворцы! дворцы! дворцы! и дворцы! Бульвары и скверы, скверы и бульвары! Во дворцѣ Лувра обитаетъ древность, во дворцѣ улицы Бургонь (boulogne) засѣдаетъ законодательный корпусъ, во дворцѣ Тюльери—дворъ, въ дворцѣ ратуши—г-ъ Гаусманъ, (префектъ департамента Сены), во дворцѣ Люксембурга—сенатъ, въ кристальномъ дворцѣ индустріи—заключены тощій, но однако бьющій фонтанъ! А что бульваровъ—видимо не видно—ни исходить, ни даже перечестъ ихъ всѣхъ съ-разу не возможно! Въ длину, въ ширину, въ діагональ Парижа проведены бульвары. Куда бы вы ни пошли, всюду идете по бульвару; бульваръ приведетъ васъ даже на пустырь за городомъ. И дворцы всюду—большіе, маленькіе, средніе—дворецъ—театръ, дворецъ—казарма! Всѣ дворецъ!... Но какова жизнь при этомъ обиліи дворцовъ и бульваровъ? Отлично! скажете вы. Ошибаетесь. Позвольте рассказать вамъ небольшую интимную исторію, не исторію частнаго лица, и не одного, а многихъ, и не многихъ, а исторію цѣлыхъ тысячей, десятковъ тысячъ лицъ, исторію съ небольшими, конечно, вариантами; но въ сущности все одну и ту же исторію.

Издавна въ Парижѣ благоденствуетъ одинъ мой знакомый, скромный и тихій человекъ; состояніе его не велико; онъ обзавелся семействомъ и ищетъ маленькій уголокъ-скромную квартиру, на которой обжился. Тутъ онъ женился, имѣлъ дѣтей, въ те-

челюи годовъ украшалъ свои комнаты—у него даже, мало по малу, составила библіотека, и на стѣнахъ, между мыльными и дорогими портретами близкихъ людей, висѣть гравюры и картинки. Эта квартира, нанимаемая въ годы, стала его семейнымъ очагомъ и нѣтъ въ ней угла, гдѣ бы не было дорогаго его сердцу воспоминанія. Онъ сидитъ у камелька и рассказываетъ вамъ свою тихую, незатѣйливую жизнь, которая протекла мирно посреди этихъ старыхъ стѣнъ. Но въ ту самую минуту, какъ вы слушаете простую исповѣдь его мирныхъ наслажденій и тихихъ радостей, въ другомъ углу Парижа, въ великолѣпной загѣ ратуши, г-нъ Гаусманъ, префектъ Сены, глубокомысленно задумавшись и нахмуривъ брови, изучаетъ карту Парижа и прокалываетъ черной булавкой какіе-то пункты, точь въ точь, какъ генералы, наканунѣ сраженія, чертятъ на картѣ стратегическій планъ. Что онъ дѣлаетъ? Отчего такая забота? Бездѣлица! Въ его головѣ созрѣла мысль — новый бульваръ создается его досужей фантазіей. Онъ проходитъ вотъ тутъ! Увы! домъ, гдѣ живетъ мой знакомый, обреченъ гибели. Завтра, когда онъ проснется, ему принесутъ повѣстку и, онъ долженъ тотчасъ выбираться на улицу. Кто ему заплатитъ за всѣ расходы, которые въ продолженіи многихъ лѣтъ, онъ дѣлалъ, украшая свою квартиру—да никто! Это все пропало и городъ не обязанъ платить жильцу за потраченные имъ для своего комфорта деньги. Несчастный ищетъ квартиры. Но гдѣ сыскать ее? Не онъ одинъ ищетъ квартиры, а цѣлый кварталъ вмѣстѣ съ нимъ выброшенъ на улицу, пѣлыя племена топчуть мостовыя Парижа, пѣлое народонаселеніе, какъ угорѣлое, бѣгаетъ, отыскивая уголокъ; богатымъ не мудрено найти квартиру; многіе кварталы Парижа выстроены заново—но городъ продаетъ землю метрами (аршинами) на вѣсъ золота, постройка стоитъ дорого, отдѣлка еще дороже и квартиры въ нововыстроенныхъ кварталахъ и домахъ неприступны по цѣнѣ своей. Куда дѣваться? Приходится нанять уголокъ только что не въ предмѣстіяхъ Парижа, и терять всякій день нѣсколько часовъ для того, чтобы побывать по дѣламъ въ центрѣ города. Кромѣ того въ новыхъ постройкахъ, мѣсто до такой скаредности выгадано, что комнаты представляются какими-то чуланами, койками въ кораблѣ, гдѣ дышать тяжело и едва есть довольно мѣста, чтобы вытянуть ноги, грѣя ихъ у каминна. Эти новые дома спѣсиво выставили на улицу свои разукрашенные фасады;—щегольски отдѣланы, великолѣпны ихъ

бельэтажи—но верхніе этажи тѣсны, душны, такъ что въ кухнѣ каждой квартиры кухаркѣ едва-едва можно стоять во весь ростъ, едва можно повернуться. Старые парижскіе дома были черны, закоптѣли отъ времени, громоздились въ тѣсныхъ переулкахъ; но сзади ихъ были большіе дворы, частенько густые сады,—отрада и утѣха бѣдняковъ, жившихъ на 4-мъ и 5-мъ этажахъ. Отсюда дышали они чистымъ воздухомъ, любовались тѣнистой зеленью. Теперь сады вырублены, дворовъ нѣтъ—за то передъ домами широкія стогны, вмѣсто узкаго переулка. Богатый нанимаетъ квартиру окнами на широкую улицу, а бѣдной забирается на четвертый этажъ, и изъ его оконъ, выходящихъ на задній дворъ микроскопичныхъ размѣровъ—ничего не видать, кромѣ сосѣднихъ крышъ и трубъ; у него нѣтъ ни зелени, ни воздуха, ни одного луча солнца. Мракъ, духота и сырость! Но для чего всё это?

Старый генералъ первой имперіи, котораго я встрѣтилъ у баронессы второй имперіи, объяснялъ мнѣ такимъ образомъ эту громадную лужу и перестройку Парижа.

— Февральская революція, говорилъ онъ важно, доказала, что въ этомъ разбойничьемъ притонѣ, гдѣ обитаетъ два почти миліона людей, съ улицами, переулками, закоулками, ходами и переходами, всякое правительство можетъ тотчасъ погибнуть по милости какой-нибудь негодной шайки людей, которые, того и гляди, мигомъ составятъ баррикады. Никакая кавалерія, никакая пѣхота, никакая артиллерія не можетъ добраться до центра возстанія, благодаря этимъ узкимъ, глухимъ, кривымъ переулкамъ. Понимаете-ли вы меня? вѣдь это оскорбленіе мундира, обиды для арміи—и надо было положить конецъ всему этому. Вотъ видите-ли—во всё времена правительство Франціи считало Парижъ бѣдовымъ городомъ. Еще во фронду Парижъ взбунтовался и Людовикъ XIV выстроилъ Версаль, гдѣ поселился. Версаль былъ защищенъ отвсюду и въ него нельзя было пройти иначе какъ черезъ севрскій бульваръ, гдѣ одинъ, только одинъ отрядъ пѣхоты могъ уничтожить цѣлую армію. Людовикъ XIV спокойно прожилъ и умеръ въ Версали. Во времена маркизы Помпадуръ выдано было приказаніе схватить всѣхъ нищенствующихъ мальчишекъ и перевести ихъ въ Миссисипи. Полиція обрадовалась: она схватила дѣтей буржуа на улицахъ и заставляла такимъ образомъ богатыхъ отцевъ откупаться. Что касается до дѣвочекъ, то ихъ постигала худшая участь. Матери пропавшихъ безъ-вѣсти

дѣтей обезумѣли; по милости ихъ вспыхнуло возстаніе. Ну, это были пустячки! д' Аржансонъ понялъ въ чемъ дѣло; онъ подавилъ мятежъ и для предупрежденія новаго построилъ 12 казармъ со всѣхъ сторонъ Парижа. Съ тѣхъ поръ никто не пикнулъ.

А въ революцію-то! возразилъ я, удивившись.

А вотъ я только что хотѣлъ говорить о ней. Въ 1789 году вся бѣда состояла въ томъ, что армія перешла на сторону народа, но за то Наполеонъ 1-й понялъ въ чемъ дѣло и расчистилъ площадь Каруселя, провелъ улицу Риволи, построилъ казармы на набережной, словомъ создалъ цѣлую систему для защиты города въ случаѣ нужды. Клермонтъ Танкеръ въ реставрацію понялъ цѣль Наполеона и подалъ, рапортъ Карлу X для довершенія укрѣпленій Парижа. Июльская революція помѣшала ему докончить дѣло, за которое съ удвоенною ревностію взялся Лудовикъ-Филиппъ. Онъ окружилъ Парижъ цѣлымъ рядомъ крѣпостей, и подѣлился съ маршаломъ Жераромъ стратегическимъ планомъ который неминуемо долженъ былъ подавить всякій мятежъ. Настоящее правительство докончило и вѣнчало дѣло. Улица Риволи протянулась еще дальше; предмѣстья Сен-Дени и Сен-Мартенъ скрыты, ратуша защищена казармами, около рынка (Halles) построенъ фортъ, въ предмѣстіи Темпля громадная казарма; улицы широкія и прямыя прорѣзали весь Парижъ. Пѣхота, артиллерія и кавалерія могутъ свободно и удобно дѣйствовать. Наконецъ Лувръ и Карусель укрѣплены, какъ крѣпости. Вотъ для чего, сударь мой, разрушили и перестроили Парижъ.

Генералъ взялъ шляпу и вышелъ, а я остался ошеломленный. Что же это такое? Правительство имѣетъ за себя весь народъ? черезъ всеобщую подачу голосовъ оно въ этомъ удостовѣрилось. За него стоитъ и пресса — это видно изъ похвальныхъ статей въ газетахъ; за него армія, императорская гвардія, и послѣ всего этого оно будетъ искать защиты въ перестройкахъ Парижа. Что-то невѣроятно!...

— Парижъ перестраиваютъ совсѣмъ по другой причинѣ, сказалъ мнѣ молодой ученый; генералъ отушѣлъ отъ раны, полученной при переправѣ черезъ Березину; онъ бредитъ стратегическими планами. Но я коротко знакомъ съ префектомъ, и скажу вамъ правду. — Правительство поняло, что оно обязано своимъ существованіемъ народу и потому должно съ своей стороны давать

ему хлѣбъ—но какъ? Не милостыней конечно, какъ во времена Цезарей. Оно должно дать ему право жить, давая ему работу.

— Да вѣдь это *право труда*, 48 года, одно изъ первыхъ требованій социализма, возразилъ я.

— Ну да, но социализмъ сверху, а не снизу, сказалъ живо молодой человекъ. Въ февральскую революцію правительство заставляло переносить и перевозить землю съ одного мѣста на другое, чтобы занять рабочій классъ и платило за это деньги; но рабочіе поняли, что переноска земли только предлогъ и оставивъ тачки съ землею почитывали газеты и курили трубки—на счетъ государства конечно. Императорское правительство тратитъ деньги на перестройку Парижа. Перестройка, сколько работы и труда! сколько мастеровыхъ тутъ требуется: каменщики, плотники, кирпичники, кровельщики, столяры, штукатуры, слесаря, стекольщики, живописцы, золотари, рѣзчики, обойщики—... да перечестъ-ли всѣхъ ихъ!.. Благодаря правительству, сто тысячъ человекъ работниковъ живутъ припѣваючи въ Парижѣ. Всѣ довольны. Работникъ и мастера зарабатываютъ деньги, спекуляторы зашибаютъ барыши, народонаселеніе приобретаетъ великолѣпныя улицы, а правительство увѣренность, что всё спокойно, ибо когда работникъ сытъ, онъ разсуждаетъ здраво.

— Вы забыли о жильцахъ, сказалъ я.

— Жильцы ну что-жь? они могутъ поплатиться за спокойствіе государства. Велика важность, что они заплатятъ дороже за свои квартиры. Впрочемъ и на это есть лекарство. Можно назначить тарифъ для найма. Эта мѣра старая. Еще Людовикъ XV, узнавъ, что въ Версали дороги квартиры, приказалъ принести къ себѣ всѣ контракты и уничтожилъ на половину цѣны найма. Что же тутъ удивительнаго, невозможнаго?

— По моему, сказалъ я, это также невозможно, какъ сдѣлать изъ 20-ти франковой монеты 40 франковую. Притомъ, стало быть, хотите, чтобы правительство приняло на себя должность антрепренера: подумали-ль вы о томъ, что, насильственно развивая постройки, оно умножаетъ громадную массу работы? Сперва было въ Парижѣ 50 тысячъ работниковъ—теперь ихъ сто тысячъ; скоро, пожалуй, будетъ и двѣсти. Что-жь тогда будетъ дѣлать правительство? Оно привлекло въ Парижъ сельское населеніе, уже и такъ стремящееся въ города; земледѣльцы дѣлаются рабочими и спѣшатъ въ Парижъ, въ этотъ центръ пролетаріата; правительство обязуется давать имъ нескончаемую работу, ибо

само привлекло эту массу. Но вѣдь нельзя же вѣчно ломать и вѣчно строить. Всему есть предѣлъ и конецъ. Отослать рабочихъ въ села? Но они уже потеряли свое положеніе, свое ремесло, разучились пахать и сѣять и если ихъ декретомъ возвратить въ села, что они будутъ тамъ дѣлать? Умирать съ голоду! Что будетъ тогда! Взрывъ, конечно. Нѣтъ, я не могу допустить, чтобы вы говорили правду.

— Мудрость состоитъ въ томъ, возразилъ молодой ученый, что бы удержать спокойствіе текущаго часа.

— Да, не обременяя черезъ мѣру наступающаго—иначе...

Но тутъ вступилась хозяйка.

Совсѣмъ не то, сказала она ученому. Въ прежнихъ глухихъ уллицахъ и переулкахъ не было воздуха—и оттого народонаселеніе страдало заразительными болѣзнями, тифусомъ, горячками, лихорадками. Правительство поняло, что народу *властителю* надо столицу изъ домовъ—дворцовъ. Изъ національнаго самолюбія оно захотѣло, чтобы мы жили сообразно съ нашимъ высокимъ положеніемъ. Желѣзныя дороги привлекаютъ въ Парижъ англичанъ, нѣмцевъ, австрійцевъ, русскихъ—надо же, чтобы Парижъ достойно принялъ ихъ. Какое великое понятіе составляютъ они о насъ, увидѣвъ нашу столицу. Мы, *великая нація*, и у насъ всё велико и грандіозно! Какъ не понять теперь словъ Августа: «*До меня Римъ былъ кирпичный, теперь онъ мраморный!*» Неблагодарные люди говорятъ, что разрушили много историческихъ памятниковъ—невелика важность—ихъ много еще осталось.

— Стало быть Парижъ перестроили, чтобы принять достойно иностранцевъ? сказалъ я.

— Ну да, развѣ столица образованнаго міра не въ правѣ пококетничать собою.

— Стало быть правительство дѣйствовало въ этомъ случаѣ изъ желанія поощрять роскошь, замѣтилъ я.

— Что-жь за бѣда? возразила баронесса. Если роскошь раззоряетъ государство, она обогащаетъ промышленность.

— Какую?.. Промышленность роскоши, возразилъ я; но это самая несчастная изъ всѣхъ промышленностей, потому что она производитъ для меньшинства, тогда какъ настоящая промышленность работаетъ для массъ. Посмотримъ на Голландію. Она не позаботилась объ атласахъ и парчахъ для ландграфовъ, и принялася солить сѣдья, да и запрудила ими Европу, а себя золотомъ.

Селедку вѣтъ всякій бѣднякъ — а бѣдняки — большинство. Англія завела бумагопридильни и одѣваетъ всѣхъ — всякому нужна рубашка — и потому ея богатства несчѣтны. А Франція? Въ старыя годы благородно ткала гобеленевскіе обои и обжигала севрской фарфоръ — какіе барыши она этимъ выработала? Я знаю, что роскошь должна имѣть свое мѣсто во всякой цивилизованной странѣ, но въ мѣру — я знаю, что роскошь соприкасается съ искусствомъ. Пусть богатые пользуются роскошью — это даже полезно — это возможность отдать другимъ часть лишнихъ доходовъ; но когда роскошь заливаешь безразлично всѣ классы общества, она изчерпываетъ довольство всѣхъ, ибо уничтожается возможность сберегать — а сберегать, вѣдь, это значитъ возобновлять богатство. Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы правительство перестраивало Парижъ, научая націю раззоряться.

— Вы не вѣрите, — сказала баронесса, ни генералу, ни молодому ученому, ни мнѣ, Ну такъ повѣрьте всѣмъ намъ вмѣстѣ!

— А что если она сказала правду, думалъ я, возвращаясь домой. Роскошь!... Когда какая-нибудь нація теряетъ чувство достоинства и гордости, откажется отъ вѣры, и мысли, сознается, что убѣжденія — глупость, а всякое самопожертвованіе — обманъ и ложь, тогда союзъ челоѣка съ челоѣкомъ разрушенъ. Всякій живетъ для себя, заключается въ себя, забываетъ объ отечествѣ! Но жизнь должна взять свое! Она бросится въ сторону и изъ сферы нравственной спускается ниже, въ область матеріи, въ грязь сибаритизма. Тогда необузданная роскошь заливаешь всѣ слои общества, и раздѣляетъ его на новые классы; тотъ классъ который, выше, живетъ роскошнѣе. Отсюда стремленіе — эпидемія блистать, затмить сосѣда. Отсюда страсть къ бархату, золоту, отсюда наглая выставка богатства! «Я лучше тебя — отступись, разступись!... дай мнѣ мѣсто!» нагло говорить прохожему проѣзжающій богатъ. Посмотрите на эту молодую женщину; она сидитъ или лучше сказать лежитъ подавленная горестію — медленно течетъ слеза по ея щекамъ, глухое рыданіе раздираетъ грудь и колеблетъ на ней богатое брилліантовое ожерелье. Что съ нею? Смерть похитила ея ребенка? Или состояніе ея уничтожено? Нѣтъ! Ея мужъ отказался купить ей новую парюру у Фрамана-Мериса. Съ отчаяніемъ думаетъ она, что другая женщина броситъ 10 тысячъ франковъ и пріобрѣтетъ ее. Она страдаетъ и мучится — но она рѣшилась. У ней будетъ эта парюра, она поклялась въ этомъ —

и дѣйствительно она ее пріобрѣтаетъ. Только кто заплатилъ за нее?...

II.

Странные теперь народились во Франціи люди. Молодые мальчики вовсе не учатся, а такъ, затвердятъ кое-что, чтобы выдержать экзамень, и потомъ начинаютъ праздную, бесполезную жизнь, отлично одѣваются, обѣдаютъ и ужинаютъ въ самомъ лучшемъ и дорогомъ ресторанѣ и изучаютъ таверны въ дѣйствительности.

Вскорѣ, однако, долги поглощаютъ состояніе, которое досталось или имѣеть достаться отъ отца, и тогда надо подумать, какъ выбраться изъ этой бѣды. Жениться на богатой—и они женятся и снова начинаютъ ту же жизнь, хотя дѣлаютъ женѣ и свѣту уступку, которая свидѣтельствуешь передъ всѣми о ихъ глубоко уваженіи къ семейству и собственности: въ воскресенье, мужъ отправляется въ церковь позади жены и несетъ ея богатый молитвенникъ. А женщины? Выйдя за-мужъ каждая изъ нихъ считаетъ своимъ долгомъ показать столько же равнодушія ко всякой любознательности, сколько показываетъ его скотница, которая прядетъ, присматривая за стадомъ. Поэзія, правда, нравственность, добро, зло, война, миръ, прогрессъ, упадокъ — что это такое? Наводящія зѣвоту вещи, скука, педантизмъ. Зимой надо дѣлать визиты, ѣздить на вечера, балы и театры; едва ли найдется минута, чтобы прочесть страничку реалистическаго романа, а лѣтомъ путешествіе на воды, въ Швейцарію, Трувилль, Біарицъ, гдѣ можно таскать по широкому взморью великолѣпныя одѣянія и обновить съ эффектомъ очаровательныя изобрѣтенія парижскихъ модистокъ. Моды замѣчательныя не для однихъ щеголихъ; если о нихъ подумать, то найдется возможность многое обсудить и разгадать, прилагая ихъ къ правамъ. Во время фронды, въ продолженіи которой и вскорѣ послѣ нея, Франція могла похвалиться Декартомъ, Корнелемъ, Паскалемъ, Мольеромъ, Лафонтеномъ, Тюренемъ, Конде, Пуссеномъ, костюмъ отличался чуританизмомъ; покрой его былъ простъ, цвѣта темны, волосы убирались просто. Но когда Лудовикъ XIV заслѣлъ въ Версали и присвоилъ себѣ одному право думать за всѣхъ, дѣйствовать за всѣхъ и жить за всѣхъ, когда онъ провозгласилъ, что государство — онъ, и, пользуясь властію, закрылъ глаза на все остальное, дворъ его превратился въ сераль и

игорный домъ. Мишурное вліяніе этого царствованія породило мишурныя и фальшиво-красивыя моды. Каблуки и парики придали росту всякому, ленты съ головы до ногъ опутали человека, румяна его изукрашили. Маркиза Монтеспанъ, чтобы скрыть свои частыя беременности, выдумала широкія платья; во время регенства ширина ихъ удвоилась и появились фижмы. Исторія докажетъ намъ, что чѣмъ меньше въ націи умственной жизни и мысли, тѣмъ шире, огромнѣе и длиннѣе становятся женскія платья. Вотъ и въ наше время—фижмы покажутся чѣмъ-то безконечно малымъ, если мы сравнимъ ихъ съ кринолинами, длинными сзади шлейфами и безконечными украшениями безконечно широкихъ и длинныхъ юбокъ. Если бы еще во Франціи были обширныя, какъ до революціи, салоны и залы для помѣщенія этихъ громадныхъ юбокъ, но къ несчастію наши комнаты—коморки и понять невозможно, какъ втискиваютъ въ нихъ эти клѣтки для куръ, обшитыя кружевами и лентами. Когда женщина занята исключительно тряпками и юбками, будущность ея несомнѣнна и неотразима--она предназначена для интригъ и похожденій. Время ея проходитъ въ глубокой думѣ и соображеніяхъ, какъ провести математическую, неуловимую для простаго смертнаго линію, которая позволила бы ей казаться одѣтой; но въ самомъ дѣлѣ быть обнаженной. И вотъ, по цѣлымъ часамъ, она глядитъ въ зеркало—знаете почему? Вчера какой-то офицеръ сравнилъ ее съ Венерой Милосской, ей хочется доказать, что она можетъ соперничать во всемъ съ этой богиней. Стыдливость, чистота, самое простое чувство приличія погубили. Во времена регенства лакеи одѣвали женщинъ и шнуровали ихъ корсеты, а теперь, въ XIX вѣкѣ, въ Парижѣ происходитъ нѣчто подобное. Мушны, здоровые, какъ зуавы, одѣваютъ, раздѣваютъ, примѣриваютъ платья самыхъ записныхъ и знатныхъ щеголихъ Парижа. Онѣ вертятъ ихъ во всѣ стороны и оглядываютъ ихъ, какъ вертятъ, оглядываютъ и одѣваютъ манькены для выставки въ магазинахъ. Въ улицѣ Лапэ живетъ англичанинъ, который славится тѣмъ, что никто не умѣетъ лучше шить женскаго платья, плотно обтягивающаго талію. Онъ съ разу угадываетъ, какой именно покрой лучше удастся для стана той или другой щеголихи. Глубокомысленно, важно, торжественно указываетъ онъ лифъ на живой куклѣ изъ шоссе д'Антенъ; онъ отступаетъ, глядитъ въ сжатую руку, на подобіе зрительной трубки, и вдохновенными пальцами принимается опять обтягивать на ней платье. Потомъ

онъ садится на диванъ, закинувъ голову назадъ, и говоритъ: «направо! налево! бокомъ! сзади!» И она вертится передъ нимъ по командѣ. Когда при дворѣ балъ, длинная вереница экипажей стоитъ у подъѣзда англичанина; изъ нихъ выпрыгиваютъ дамы и бѣгутъ на верхъ, гдѣ имъ даютъ нумерованные билеты; каждая въ свою очередь является на смотръ передъ жрецомъ юбокъ и тряпокъ. Чтобы облегчить муку ожиданія, въ первой комнатѣ устроенъ буфетъ, у котораго героини полежъ и вальсовъ запасаются силами на усталость предстоящей ночи. Сынъ Альбіона капризенъ; онъ одѣваетъ всѣхъ женщинъ; но обращаетъ особенное вниманіе на тѣхъ, которыя одарены дородностію. Для нихъ расточаетъ онъ свое искусство, вниманіе и познанія; правда онъ одѣваетъ и худошавыхъ, но безъ вдохновенія, и поэтическихъ вымысловъ. Не забудьте однако, что въ той же улицѣ Лапэ всякій вечеръ читаются публичныя лекціи, талантливыми учеными, лучшими и блестящими людьми образованнаго Парижа. Ни одна изъ этихъ богатыхъ, знатныхъ щеголихъ не переступала порога залы, гдѣ наука и поэзія, гдѣ мысль расточаютъ свои сокровища. Ни одна изъ нихъ, слышите-ли, ни одна не полюбобытствовала послушать, что тамъ говорится, не попыталась пожить хотя одинъ часъ умственной жизни; но за то, швей собирали трудовые гроши свои по цѣлымъ недѣлямъ, лишали себя необходимаго, чтобы идти послушать эти лекціи. Рабочій классъ нашъ начинаетъ читать, слушать, учиться, мыслить, пока праздные и богатые ѣдятъ, пьютъ и танцуютъ. А знаете ли что стоитъ жена? Позвольте объяснить это примѣромъ.

Недавно сорокалѣтній маркизъ женился, для поправленія своихъ обстоятельствъ, на дочери простаго мельника, которая была воспитана въ монастырѣ *Сакре Керъ*, съ дочерью самыхъ знатныхъ и древнихъ фамилій Франціи. Она отлично выучилась танцовать, играть на фортепяно, дѣлать глубокіе и граціозные реверансы, отпуская глаза. Отецъ далъ за нее 50 тысячъ дохода, но потребовалъ, чтобы 20 тысячъ въ годъ она получала на *булавки*, т. е. на собственные расходы. Мужъ акуратно выплачивалъ каждые три мѣсяца слѣдующую женѣ сумму. Поутру жена являлась къ завтраку въ бѣломъ роскошномъ пеньюарѣ, съ юбкой изъ валансьенскихъ кружевъ, и объявляла мужу, что она одѣлась *для него*. Мужъ думалъ съ самодовольствомъ: а! она-таки любитъ меня! Но наступало время ѣхать въ булонскій лѣсъ. Жена являлась въ бархатномъ сѣромъ платьѣ, обшитомъ

соболяни и опять объясняла мужу, что одѣлась ради него. Къ обѣду жена выходила въ шитомъ шелками платьѣ и мужъ уже самъ замѣчалъ, что платье прелестно. «Какіе пустяки; я зла до смерти, возразила жена, и не могу простить портнихѣ. Платье не удалось—оно отвратительно и мнѣ стыдно было надѣть его. Завтра же я отошлю назадъ эту тряпку — пусть она дѣлаетъ изъ нея что хочетъ.» Жена была не въ духѣ и только къ вечеру, когда явилась въ тюлевомъ бальномъ платьѣ съ золотой сверху сѣткой, лице ея прояснилось. Она отправлялась на балъ къ какому-то министру.

Къ концу года, кромѣ 20 тысячъ, которыя мужъ акуратно выплачивалъ женѣ, появился счетъ отъ портнихи въ 60 тысячъ франковъ. Мужъ обомлѣлъ, но заплатилъ. Его особенно поразила одна цифра въ счетѣ: зонтикъ, за который слѣдовало заплатить 300 франковъ. Жена на дружескія, тихія, но твердыя увѣщанія мужа, бросилась ему на шею и со слезами и рыданиями увѣряла, что сдѣлала все это для него, чтобы ему понравиться, и обѣщала быть впередъ разумнѣе. Но на другой годъ, портниха, неумолимая, какъ сама судьба, представила другой счетъ въ 100 тысячъ франковъ. Мужъ разсердился не на шутку и отказался заплатить долгъ, сдѣланный женою безъ его согласія. Онъ принужденъ былъ явиться въ судъ, который, въ примѣръ другимъ портнихамъ и женамъ, рѣшилъ, что мужъ вправѣ не платить долга. Съ этихъ поръ, маркиза, дшонная возможности брать въ долгъ, не сердится, не плачетъ и не раздражается упреками, но молчитъ и дуется. Если мужъ говоритъ съ ней, она отвѣчаетъ: да и нѣтъ, и дѣлаетъ все ему наперекоръ. Если онъ хочетъ ѣхать въ деревню, она дѣлается больна, и остается въ городѣ, умоляя, чтобы ее оставили *умереть спокойно*. Она бродитъ, какъ тѣнь, блѣдная, безмолвная, несчастная, съ неподвижностію во взорѣ и чертахъ. Мужъ выходитъ изъ себя.

— Да скажите что-нибудь! бранитесь! назовите меня извергомъ; мнѣ будетъ легче, восклицаетъ онъ, ударяя кулакомъ по столу. Жена улыбается горько и склоняетъ безмолвно голову.

Однажды она вошла въ свою спальню и, остановясь передъ зеркаломъ съ блестящими глазами и горящимъ лицомъ, воскликнула:

— А! наконецъ-то я отмстила за себя!...

Черезъ нѣсколько дней мужъ дрался на дуэли, былъ раненъ,

и выздоровѣвъ, уѣхалъ въ свой замокъ, гдѣ занимается хозяйствомъ. Говорятъ, что недавно онъ получилъ медаль, за отмороженнаго быка. Это не сказка, а быль; имени не нужно, этотъ мужъ и эта жена — типы. Почитайте газету *des tribunaux* — вы найдете въ ней много именъ и много подобныхъ исторій; драма разыгрывается часто передъ судомъ присяжныхъ. Вотъ исторія богатыхъ. Но вы не найдете теперь ни одной жены чиновника, получающаго 5 тысячъ въ годъ, которая бы не играла роли щеголихи, хотя разъ въ недѣлю. Нынче никто не можетъ позвать къ себѣ гостей иначе, какъ задавая пышный обѣдъ. Скромный обѣдъ, тѣмъ менѣе простая чашка чая съ булками и бриошью вещь совершенно невозможная. Никто не поѣдетъ, да это было бы стыдно. Хотите гостей — дѣлайте пиръ, да еще не простой. Лучшее на пиру блюдо, лучшее украшеніе обѣда, букетъ всего, это важный гость, гость съ орденомъ, сенаторъ или, по крайней мѣрѣ, генеральный инспекторъ. Послѣ обѣда — вечеръ, даже простой. Прошло то время, когда вечеромъ болтали, шутили, разговаривали, когда хозяйка или дочь ея садились за фортепьяно. Теперь надо пригласить артистовъ, которые играютъ квартеты, или декламируютъ монологи изъ трагедій или поютъ аріи изъ оперъ. Женщины сидятъ съ одной стороны; важно стоятъ мужчины съ другой, выставя ногу впередъ и прислоня къ ней черную шляпу; всѣ слушаютъ въ торжественномъ молчаніи, съ мрачнымъ видомъ, потомъ аплодируютъ. Скука страшная, расходы страшные, а конецъ всему долги и раззореніе. А потомъ надо поправлять дѣла, но какъ? Два средства: или играть на биржѣ или достать себѣ мѣсто. Поль—Франціи взираетъ на государство тѣмъ же окомъ, какимъ раззоренный племянникъ взираетъ на дядю воротившагося съ милліонами изъ Америки. Въ обществѣ развилось всеобщее нищенство, нищенство хорошаго тона, интригантство, униженіе собственной личности, искательство. Когда человѣкъ проситъ мѣста, какъ милостыни, протягиваетъ руку въ передней министра не для того, чтобы служить отечеству, а чтобы жить роскошно, всякій вправѣ считать его нищимъ и обращаться съ нимъ, какъ съ бродягою, котораго праздность довела до этого нищенства. Когда проситель отказался отъ воли, отъ себя самого, когда онъ безличенъ, когда онъ слуга своего начальника и слуга жены своего начальника, тогда онъ дѣлается рабомъ.

Онъ носитъ письмо госпожи своей на почту, лезетъ ея собаку, ходитъ ея, когда она больна; если госпожѣ 50 лѣтъ, она для него молода еще: вѣдь ему надо мѣсто! У просителя нѣтъ ни собственныхъ мнѣній, ни предразсудковъ, ни уваженія къ общественному мнѣнію. Онъ лакей и ползаетъ передъ другимъ лакеемъ, у котораго лишній галунъ на лифрѣ. Его ругаютъ — онъ улыбается. Его гонятъ вонъ — онъ улыбается: улыбка озаменѣла на лицѣ его. Если онъ не можетъ, не смотря на гибкость спины, ничего добиться, онъ вуститъ въ кодъ жену свою: она еще молода, еще хороша собою, и сдумѣетъ смягчить суровость бюрократа. Вотъ такъ-то дѣлаютъ карьеру! Во времена реставраціи французы ходили зачастую на исповѣдь, во времена іюльской монархіи записывались въ ряды національной гвардіи, во времена республики предсѣдательствовали въ демократическомъ клубѣ. Теперь надо шить гибкую спину и умѣть ходить согнувшись. Вся наука въ томъ, чтобы сдумѣть дѣлать курбеты.

III.

Игроки биржевые дѣлятся на два рода, на крупныхъ и мелкихъ, на евреевъ и простыхъ смертныхъ. Крупные игроки, игроки навѣрняка обитаютъ въ высшихъ слояхъ и занимаютъ высшіе посты. Имъ извѣстны тайны игры, они лопатами загребаютъ милліоны и тратятъ ихъ быстрѣе, чѣмъ выигрываютъ; и затѣмъ беречь милліоны, когда они скоро примутся опять выигрывать. Они обыкновенно покупаютъ руду или заводы, или наконецъ привилегію на какую-нибудь спекуляцію. Въ субботу они заплатятъ деньги, а въ воскресенье перепродадутъ привилегію вчетверо, оставляя за собою право администраціи совѣта управленія. Затѣмъ начинается продажа акцій, только не всѣхъ, а половины ихъ. Благодаря ихъ кредиту, акціи поднимаются, дорожаютъ, и когда онѣ достигли maximum'a и выше идти не могутъ, тогда пускается въ ходъ другая половина ихъ, лежащая до тѣхъ поръ въ портфель. Биржа, такимъ образомъ, вдругъ завалена акціями; начинается свалка, паника и акціи падаютъ, падаютъ также безумно, какъ онѣ сперва поднимались. Когда акціи достигаютъ нисшей цѣны, первоначальные хозяева скупаютъ, и этой весьма простой штукой зашибаютъ милліоны. Все это похоже на извѣстную игру, гдѣ пере-

дается изъ рукъ въ руки зажженная лучинка. Пока она горитъ, всякій передаетъ ее спокойно, повторяя: жить, жить, куршакъ! но когда она начинаетъ потухать, всякій спѣшитъ отъ нея отдѣлаться, какъ можно скорѣе. Тотъ платитъ фантъ, въ рукѣ котораго лучинка наконецъ потухаетъ. Ударъ жестокий! Анція водымалась мало по малу, но когда онѣ начинаютъ падать, они падаютъ вдругъ, сразу, ибо паника такъ велика, что каждый спѣшитъ отдѣлаться отъ нея, какъ можно скорѣе, во что бы то ни стало. Чѣмъ сильнѣе страхъ, тѣмъ дефицитъ значительнѣе. И какъ бы могло быть иначе. Ажіотажъ не создаетъ, не можетъ создать богатства и капиталовъ; онъ только перемѣщаетъ ихъ изъ однихъ рукъ въ другія. Что одинъ выигралъ, то другой проигралъ и проигралъ въ ту минуту, когда воображалъ, что выигрываетъ. Одно банкротство влечетъ за собою другія банкротства и часто потрясаетъ цѣлое общество. Но этого мало. Ажіотажъ, доставляя капиталистамъ больше барыша, чѣмъ всякое другое предпріятіе, отвлекаетъ капиталы отъ всякихъ полевныхъ спекуляцій, отъ промышленности и земледѣлія, и такимъ образомъ уменьшаетъ массу труда, и слѣдственно народнаго богатства. Когда эпидемія ажіотажа начинаетъ свирѣпствовать въ какой-нибудь странѣ, народъ бѣднѣетъ и трудъ не приноситъ соразмѣрныхъ выгодъ.

Роскошь и безнравственность прямыя слѣдствія всякой игры. Игра на биржѣ вырываетъ человѣка изъ простой, трудолюбивой, мирной жизни, бросаетъ его на грязную арену и зажигаетъ въ немъ томящую жажду золота, не честнымъ трудомъ заработаннаго, а по манію какого-то жезла, въ одно мгновеніе пріобрѣтеннаго. Чтобы утолить эту жажду, отецъ семейства вопреки чести, совѣсти, разума, поставитъ на карту послѣдній кусокъ хлѣба своихъ дѣтей. Если онъ проиграетъ? Ну что-жь? будетъ жить какъ-нибудь! Онъ будетъ топтать мостовую, слѣдается шлющимся по улицамъ проходимцемъ; жена попробуетъ счастья съ своей стороны, а дочь и подавно. Если же выиграетъ, золото его потечетъ для удовлетворенія прихотей, тщеславія и часто развратныхъ инстинктовъ. На десять тысячъ человѣкъ, проигравшихся въ пухъ, окажется 12 багачей, которые попадутъ въ свою очередь и въ исправительную полицію. Я недавно былъ въ гостяхъ у биржеваго игрока, принадлежащаго къ фамиліи тѣхъ почтенныхъ лицъ, которыя играютъ навѣрняка, и такимъ

образомъ обладаютъ искусствомъ наживать милліоны; упрощенный способъ разбогатѣть открытъ ими (*). Въ старые годы этотъ богачъ, походилъ на неудавшагося Фигаро. Чего онъ не пробовалъ: и рисовалъ, и лѣпилъ, и путешествовалъ на счетъ правительства? Теперь онъ жилъ въ великолѣпномъ домѣ, и торговалъ старинный замокъ, съ историческимъ именемъ. Когда я вошелъ на дворъ его паллацо, пѣлый полкъ конюховъ чистилъ моль-дюжины англійскихъ скакуновъ. Лѣстница была изъ мрамора, съ великолѣпной люстрой. Лакей въ ливреѣ и бѣломъ галстухѣ, въ короткихъ штанахъ, выставляя на показъ свои икры, ввелъ меня въ галерею, гдѣ пѣли камелин, рѣдкія растенія и сидѣли чалые, больные, облинялые попугаи. Тутъ были и красные, и желтые, и зеленые, и голубые, и дикіе, и бѣлые попугаи! Скука носилась въ воздухѣ и бѣдныя птицы, уткнувъ носы въ крылья, болѣзненно хохлялись. Въ концѣ галлерей, передъ великолѣпнымъ каминомъ, у маленькаго столика завтракалъ одиноко самъ хозяинъ; передъ нимъ стояла чашка шоколада и лежала небольшая булка. Желудокъ его не переваривалъ уже другой пищи. Самъ онъ былъ тощъ, худъ и блѣденъ, ходилъ, таская за собою ноги, и глядѣлъ безмысленными глазами. Мракъ и скука наложили свою печать на лицо его. Въ четыре года онъ выигралъ свои милліоны на биржѣ и истощилъ въ тѣ же четыре года всѣ удовольствія и наслажденія. Никакое желаніе не можетъ волновать его. Для него шампанское сдѣлалось противной пѣной, а женщина — тратой лишняго банковаго билета. Онъ зѣваетъ и вѣчно дремлетъ. Онъ не знаетъ, что такое сочувствіе или интересъ къ чему бы то ни было; онъ не знаетъ толку въ картинѣ, не раскрывалъ ни одной книги, только однажды купилъ музей, но какой? музей собранный старикомъ, перомъ Франціи, о которомъ лучше не говорить.

Такъ вотъ для чего господинъ этотъ раззорилъ на биржѣ 300 или 400 отцевъ семействъ и поглотилъ достоиніе несчастныхъ дѣтей ихъ! Упоеніе и за упоеніемъ отвращеніе — наслажденіе и за нимъ развратъ, вотъ роковой путь, по которому до-

(*) Когда Гарибальди былъ взятъ въ плѣнъ полковникомъ Паллавицино, депеша пришла въ Парижъ, но правительство задержало ее и не дало тотчасъ знать въ Бордо, Марсель и другіе большіе города Франціи. Капиталисты воспользовались этимъ и по телеграфу скупили фонды. На другой день онъ страшно поднялся и капиталисты этой штукой навѣрняка заработали милліоны.

стигають до пресыщенія, и какъ англійскіе сатрапы, возвращающіеся изъ Индіи, свѣпять перерѣзать себѣ горло, посреди бумажныхъ билетовъ, которыми невозможно купить никакого удовольствія.

Когда человѣкъ стремится жить для комфорта и наслажденія физическаго, удовлетворить прихотямъ текущаго мгновенія, и не помышляетъ о своемъ нравственномъ совершенствованіи и благѣ отечества, счастье не дается ему. Счастье въ умственномъ развитіи, и имъ пріобрѣтается. Обогащеніе матеріи и удовлетвореніе ея потребностей родитъ мрачное уныніе Сарданапала и Тиверіа. Я не могу жить здѣсь (въ Парижѣ). Я не знаю самъ, какая тутъ атмосфера; нечестіе носится въ этомъ воздухѣ, я задыхаюсь, вонь отсюда, пора уйти и подышать чистымъ, сельскимъ воздухомъ. Что случилось съ этимъ Парижемъ, съ Парижемъ, который жилъ, мыслилъ, дарилъ вселенной новую идею, указывалъ на свободу, дѣлалъ великія открытія! Теперь въ Парижѣ отлично ѣдятъ, отлично одѣваются, строятъ великолѣпныя улицы. Франція отказалась отъ своего гения, извѣрилась и замѣнила вѣру суевѣріемъ. Она вѣритъ теперь въ вертящіеся столы, въ медиумы и въ разговоры съ мертвыми черезъ *спиритусовъ*.

IV.

Французскій народъ не любитъ чтенія; но надо добавить, что во всѣ времена правительство Франціи заботилось о томъ, чтобы поубавить охоту къ чтенію въ народѣ. Позаймитесь изученіемъ 4-хъ или 5 сотъ законовъ о типографіяхъ, книгопечатаніи, бібліотекахъ для чтенія и вы увидите, какая таможня охраняетъ умъ народа отъ соприкосновенія съ умами пишущихъ. Можно-ли повѣрить, что нація, великая нація, первая въ мірѣ нація, нація Вольтера, Мольера, Монтескье, Декарта, отстала отъ Европы въ дѣлѣ народнаго образованія. Статистика доказываетъ это цифрами. И это позорное невѣжество гдѣ процвѣтаетъ? Тамъ, гдѣ признана всеобщая подача голосовъ!...

Въ Швейцаріи каждый пастухъ умѣетъ читать и въ каждой деревушкѣ есть бібліотека, изъ которой онъ можетъ брать книги; но во Франціи мы предпочитаемъ болтовню и шатаніе по улицамъ и кафе чтенію. Лишь только женщина можетъ урвать время изъ дома, она бѣжитъ къ сосѣдкѣ, поболтать и скрыть

платье. У буржуа, у крестьянина книга — это роскошь, донельзя переводъ. Вы найдете, быть можетъ, календарь, да и то не всегда. У меня есть знакомый маркизъ, обладающій четырьмястами тысячъ доходу, замками, виноградниками, садами, пѣтиками и аллеями, которыя такъ и манятъ зайти въ тѣнистую зелень и почитать на досугѣ, въ прохладѣ. Но маркизъ не получаетъ ни газеты, ни книги, ни брошюры, ни иллюстрированныхъ изданій, — словомъ, ничего такого, чтобы приобщило его къ умственной жизни страны. Что это? скупость! Нѣтъ, онъ воздвигнулъ вокругъ обширныхъ земель своихъ каменную стѣну (какъ въ Китаѣ), которая должна защищать его зайцевъ и кроликовъ отъ прохожихъ. Или это презрѣнне къ умственнымъ произведеніямъ? Нисколько! Онъ охотно ѣздитъ въ театръ, только никакъ не можетъ понять, что книгу можно прочесть съ пользою. А около его замка, спрятавшись въ зелени, стоитъ небольшой домикъ, гдѣ укрылось англійское семейство, Богъ вѣсть какъ туда попавшее. Отецъ этого семейства не образованъ и давно утопилъ остатки ума своего въ винъ и каньякъ, но, не смотря на то, получаетъ изъ Лондона «Теймсъ», «Экономистъ», «Иллюстрацію», «Магазинъ», «Единбургское обозрѣніе» и «Земледѣльческую газету». Кроме того, лондонскій книгопродавецъ аккуратно высылаетъ ему всѣ новыя и замѣчательныя, вновь появляющіяся книги. Кто его знаетъ, читаетъ-ли онъ ихъ; быть можетъ и не разрѣзываетъ; но въ Англіи такъ уже принято, что человекъ, съ известнымъ положеніемъ и образованіемъ, не можетъ не получать книгъ и обязанъ слѣдить и дѣлать видъ, что слѣдитъ за умственнымъ движеніемъ въ отечествѣ. Вотъ здѣсь-то и надо искать объясненія политическаго развитія англійской націи. Англичанинъ читаетъ вездѣ и всюду; только что онъ захватилъ себѣ необитаемый островъ, какъ, глдишь, основалъ тамъ газету; но во Франціи почитываютъ только въ вагонѣ желѣзной дороги или во время ненастной погоды. Чтеніе есть отчаянное средство, чтобы одолѣть скуку.

Въ домѣ богатой парижской щеголихи найдется мѣсто для всѣхъ возможныхъ затѣй и бездѣлушекъ роскоши, и, конечно, не окажется библіотеки; если ей захочется почитать, она абонируется въ кабинетъ для чтенія и возьметъ книгу на прокатъ. Кто не зналъ въ Парижѣ одну хорошенькую, сентиментальную, воздушную герцогиню, которая жила въ какихъ-то знобланныхъ пространствахъ и появлялась въ дымкѣ газа, какъ безплотное

видѣніе въ туманѣ. Она едва ступала, едва касалась земли, когда ей случалось пройтись и походила на бѣлаго лебедя лѣниво и небрежно ступавшаго по твердой землѣ. Эта аристократка, которая ужаснулась, если бы ланей подалъ ей письмо изъ руинъ въ руки, а не на серебряномъ подносі, перевортывала алебастровыми, прозрачно бѣлыми пальчиками грязныя страницы романа, поля котораго были испещрены замѣтками пьяныхъ офицеровъ или хватовъ, воротившихся съ публичнаго маскарада. И она не была скупа: какъ часто тратила она 1,000 франковъ на какія-нибудь тряпки. Франція, десять лѣтъ тому назадъ, не могла похвалиться, что ея общество — есть общество мыслящее, но теперь.... о! теперь она можетъ похвалиться, что въ ней создано общество воздержности отъ чтенія. Настоящее поколѣніе, кажется, взяло себѣ девизомъ: веселиться и смѣяться надъ самими собой, а послѣ насъ, будь хоть потопъ, намъ это все равно! Войдите въ книжную лавку, что вы найдете на прилавкѣ? Ни политической, ни философской книги, развѣ новый романъ. Я нисколько не презираю романъ; всякій вѣкъ имѣлъ свой родъ литературы. Романъ принадлежитъ нашему вѣку и я полагаю, что для него есть еще будущность.

То же равнодушіе публики можно замѣтить и къ театру. Посреди представленія трагедіи, въ ту минуту, какъ первая актриса выходитъ изъ себя, чтобы увлечь публику, въ самую патетическую минуту, зала вдругъ начинаетъ волноваться, въ партерѣ смятеніе, зрительныя трубки, какъ батареи, повертываются со сцены на ложи; говоръ, шопотъ и всеобщее движеніе. Что случилось? Вошла *львица*, которая извѣстна своею безумно возмутительною роскошью; едва-ли колеса ея экипажей не смазаны, раззолочено подмазкой и сама она уничтожила цѣлое состояніе маменькинаго сына. Вотъ она горделивая, и спокойная, садится на свое мѣсто и, подъ огнемъ тысячи взоровъ, спокойно ошариваетъ перелинку лебяжяго пуха и небрежно бросаетъ ключи его, будто говорить мужчинамъ: всѣ вы ничего не значите въ глазахъ моихъ!

Въ театрѣ, между актеромъ и зрителемъ, всегда находится третье лицо, которое мѣшаетъ и отвлекаетъ его вниманіе отъ сцены; но за то при чтеніи этого случится не можетъ. Особенно чтеніе романа поглощаетъ читателя, ибо всякій немедленно становится на мѣсто героя и свои собственныя чувства вкладываетъ въ дѣйствующія лица. Романъ всеобъемлющій родъ лите-

ратуры; онъ все описываетъ, воскрешаетъ прошедшее и вноситъ жизнь, поэзію и даже анатомическій ножъ въ настоящее. Философія, психологія, идиллія, исторія, политика, политическая экономія не чужды ему; романъ проникаетъ въ глубину души человѣческой и обнимаетъ всё слов общества. Формы его такіе разнообразны и богаты, какъ содержаніе; каждый романистъ создаетъ свою публику. Что же сдѣлали во Франціи изъ этой богатой отрасли литературы?

Во-первыхъ, выдумали романъ *зыманскій*. Самое названіе показывасть, что это такое. Тутъ рассказывается бродяжническая, беспорядочная жизнь, тутъ поэзія *порока для порока*, сперва порокъ безсознательный, а потомъ сознательный, *опытный*. Обѣды въ кабакахъ, ночевки на улицахъ, смерть въ больницѣ, ни кола, ни двора, ни познанія добра и зла.

Во-вторыхъ, появился на свѣтъ романъ — молодецескій, удалый.

Надѣвъ шляпу на бекрень, онъ идетъ прямо и не глядеть ни на кого. Вымыселъ, поэзія, правда, психологія, характеры? Все это старый соръ! И безъ всего этого можно написать 400 страницъ. Оно читается легко и съ пріятностію, и легко и съ пріятностію бросается въ сторону на какой угодно страницѣ; такъ всякая изъ нихъ похожа на другую и всё они на взбитыя до пѣны сливки.

Потомъ романъ реалистическій, въ которомъ подъ искусствомъ разумѣется то, чтобы рабски списывать дѣйствительность. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ читать? Лучше взять шляпу, да пройтись по парижскимъ улицамъ. Благодаря реализму создалась новая школа, отраженіе нашего времени, школа скандала и непристойностей. Недавно еще, менѣе чѣмъ въ одинъ годъ, одинъ грязный романъ имѣлъ 14 изданій *. И почему? Геніальное вдохновеніе умудрилось описать ночную сцену, гдѣ авторъ не скупился на безсовѣстныя и безобразныя подробности, которыя однѣ въ состояніи разшевелить охладѣвшее ко всему воображеніе дамъ Шюссе д'Антена. Но этотъ, романъ алькова уже не удовлетворяетъ раздраженнаго и пресыщеннаго скандалами воображенія молодаго поколѣнія. Переходя отъ книгъ, описывающихъ и воспѣвающихъ развратъ, къ еще болѣе раз-

* Фанни, романъ Фейдо.

вратнымъ книгамъ, наши праздные классы * дошли до того, что позирають жизнеописаніе маркизъ Мантеспанъ, Помпадуръ, біографію Дюбарри, этихъ куртизановъ, взобравшихся на ступени трона. Но послѣ нихъ и дѣвица Могадоръ, и дѣвица Ригольбоншъ рассказываютъ сами свою жизнь публичныхъ женщинъ и прилагають фотографіи своихъ особъ, неприличныя и постыдныя фотографіи! Говорить-ли послѣ этого о романѣ *личномъ*, этомъ литературномъ уродѣ, который полувывмыселъ, и полуправда, и называется: *она и онъ, оны и она* и просто: *она*. У меня былъ другъ, говорилъ мнѣ одинъ докторъ, онъ умеръ, а я его *разсыкъ* (анатомировалъ). Женщина любила, любимый человекъ умеръ, а подъ предлогомъ, что она разбереть его сердце, она бросаетъ бывшее сокровище любви на позоръ публики. Потомъ является другая женщина и рассказываетъ, безъ стыда и совѣсти, всѣ свои похождения. Какъ назвать такую литературу? Это какой-то процессъ о разводѣ любовниковъ. Есть еще брошюра, и она лежитъ теперь на столѣ моемъ—это біографія, означенная начальными буквами имени Г. Б., написанная неизвѣстнымъ авторомъ. Читая и перечитывая, я наконецъ нашелъ разгадку загадки въ самой брошюрѣ. Это біографія аудитора въ государственномъ совѣтѣ, комиссара армій, человека, которому, во времена первой имперіи, покровительствовалъ Д... и который сдѣлался дипломатомъ при Лудовикѣ-Филиппѣ. Кто изъ нашихъ писателей занималъ всѣ эти должности? Только одинъ, это Генрихъ Бейль, писавшій подъ псевдонимомъ Спиндгала, авторъ *rouge et noir*, Пармской Шартрѣзы; онъ пользовался покровительствомъ Дарю, въ первую имперію, и получалъ мѣсто консула въ одномъ изъ городовъ Италіи. Въ этой біографіи, пресполненной торжественнаго тона, которому я особенно не довѣряю, рассказано не одно слово, не одинъ разговоръ и не одно мнѣніе, которое не дѣлають ни малѣйшей чести умершему. И зачѣмъ, послѣ столькихъ лѣтъ, *другъ покойника* подъ предлогомъ, что онъ желаетъ возобновить связь мертваго съ живыми, рассказываетъ намъ никому доселѣ неизвѣстные разговоры, происходившіе въ гостини г-жи Паста, гдѣ Бейль не стѣснялся и говорилъ, что приходило въ голову. Зачѣмъ лица, которыя такъ уважають *оффициально* религію и собственность,

* Да и не одни праздные классы, а напротивъ того, рѣшительно всѣ классы, въ особенности рабочій классъ. *Примѣчаніе автора.*

рассказываютъ намъ, какъ мало уважалъ ихъ покойный другъ эти два основанія всякаго благоустроеннаго общества. Хотите приѣхать. Вотъ отрывокъ изъ біографіи Бейля, написанной его другомъ.

«Онъ (Бейль) сознавался, что императоръ (Наполеонъ I) дѣйствительно обаятельно на всѣхъ тѣхъ, которые имѣли случай «приблизиться къ нему. Я тоже, говорилъ Бейль, испыталъ на себѣ дѣйствіе *священнаго огня*. Меня послали въ Брауншвейгъ, «чтобы собрать контрибуцію 5 милліоновъ. Я собралъ 7 милліоновъ и едва не былъ растерзанъ сволочию *. Но за то императоръ спросилъ: кто сдѣлалъ это? и сказалъ: вотъ это *хорошо?*» (Слѣдуетъ другой отрывокъ, который мы должны волею неволею пропустить, хотя авторъ *возаю Вавилона* цѣлкомъ перепечатываетъ его изъ брошюры, написанной покойнымъ другомъ Бейля. Дѣло въ томъ, что изъ отрывка этого можно удостовѣриться, какимъ грубымъ цинизмомъ, презрѣніемъ, ситшаннымъ съ самою отвратительною чувственностію было проникнуто воззрѣніе Бейля на женщину. Грубость выраженной такова, что мы не рѣшились передать по-русски этого отрывка).

Рассказавъ, что Бейлю совѣтовалъ сдѣлать другъ его, авторъ Вавилона или лучше, нотаріусъ продолжаетъ: «такъ вы совѣтовали ему сдѣлать это? Дурной совѣтъ дали вы ему, государь мой. Вы, кажется, забыли, что за такія преступленія наполеоновскій кодексъ присуждаетъ преступника къ пожизненной каторжной работѣ». Біографія Бейля не вышла однако изъ подъ пера; какого-нибудь марателя бумаги, неизвѣстнаго писака. Не смотря на то, что авторъ скрылъ себя, его можно отгадать и по слогу, и по его презрѣнію къ женщинѣ, и по ея понятіямъ о любви, и по многимъ другимъ особенностямъ. Поискавъ, я, быть можетъ, найду автора въ академіи и сенатѣ.

Оставивъ литературу въ сторонѣ, я обращаюсь къ сценѣ. *Полу свѣтъ* (не пьеса Дюма сына, а та среда, въ которой вращается общество, состоящее изъ плутовъ, женщинъ дурной жизни, мошенниковъ, интригановъ и воровъ еще не уличенныхъ и не попавшихся въ судъ), овладѣлъ ею. Женщины и дѣвушки плачутъ, внимая несчастіямъ, интереснымъ похождениямъ и *высокими чувствами* продажныхъ женщинъ. Патетически выставляется на сценѣ добродѣтель женщинъ, которыя стоятъ на высшей,

* То есть народомъ. Примѣчаніе автора.

на самой грязной изъ ступеней общества. И чего только не придумываютъ, чтобы подложить новыхъ вражностей и представить зрителямъ *новое* положеніе. Сценическіе писатели дошли до того, что на сценѣ происходитъ борьба, но не страсти, и долги, любви и добродѣтели, не борьба чувствъ, а борьба физическая, видѣть которую тѣмъ отвратительнѣе, что актеры и актрисы исполняютъ ее съ замѣчательною *естественностію и реализмомъ*. Эта сцена въ спальнѣ * производитъ энтузіазмъ и воспламененный партеръ встаетъ восторженно, рукоплещетъ неистово и оглушительно вызываетъ молодаго автора. Отсюда простекаетъ, кромѣ весьма рѣдкихъ исключеній, соперничество куклистровъ, въ умѣньи изготовить сцену позадорнѣе, позабористѣе. Никто не заботится о томъ, чтобы задумать и исполнить пьесу, которая могла бы назваться произведеніемъ искусства. Авторы думаютъ о другомъ: или о скандалѣ, или о возможности выказать выгоды красоты артистки, ея красиво созданныя ноги и изящный бюстъ. Это называется *пьесами для женщины* и съ успѣхомъ замѣняетъ на парижской сценѣ константинопольскій базаръ, гдѣ для удовольствія пресыщеннаго султана-партера выводятъ на показъ записныхъ красавицъ. Пока мужчины стремятся въ театры Bouffes и Délassement, женщины бѣгутъ толпами въ цирки. Знаменитый фокусникъ и силачъ Леотаръ сдѣлался Донъ-Жуаномъ, ни больше, ни меньше, какъ какой-нибудь пѣвецъ временъ регенства. Кажется, что регенство хочетъ воротиться къ намъ на крыльяхъ быстрой ласточки. Недавно герцоги, князья, и цѣлѣ парижской аристократіи дрались въ партерѣ съ полнціею, дрались на кулакахъ; были, конечно, арестованы, сидѣли подъ замками и принуждены были явиться въ судъ. Молодежь эта дралась за какую-то хорошенькую актрису.

V.

Демократія переднихъ нахально крутитъ усы и хочетъ объявлять войну всей Европѣ; она сгараетъ необузданнымъ желаніемъ

* Сцена въ предпоследнемъ актѣ пьесы: *Nos intimes*, о которой мы говорили когда-то, и которую видѣли въ Брюсселѣ, гдѣ она играется гораздо скромнѣе, чѣмъ въ Парижѣ. Говорятъ, что въ Парижѣ сцена эта поразительна по дивизму игры актеровъ. Примѣчаніе автора.

освобождать народы и печатаетъ зазорныя статьи. Между тѣмъ независимая пресса не выражаетъ собою общественнаго мнѣнія. Пресса департаментовъ, сохранила, правда, немного святаго огня, и силится децентрализовать мысль, но ее понимаетъ и ей сочувствуетъ жалкое меньшинство! Между всѣми этими различными органами процвѣтаетъ креликальный журнализмъ, *омецъ Дюшени* церкви. Вмѣсто таланта, онъ обладаетъ искусствомъ ругаться. Онъ ругается всячески, всздѣ, всюду и всегда. Вмѣсто свободно говорившихъ и серьезно обсуживавшихъ общественныя дѣла журналовъ, которые теперь должны молчать и молчаніемъ выражаютъ свое мнѣніе, завелась другая газета, безтѣлесная, *слонесная*, если можно такъ выразиться. *Это слухи*. Она бѣгутъ, лѣтаетъ, проникаютъ всюду, для нихъ нѣтъ цензуры, нѣтъ запретовъ, нѣтъ преградъ. Имъ вѣрятъ. Они свободны. Никто ихъ не сочиняетъ, ихъ всѣ сочиняютъ и всѣ имъ вѣрятъ, потому что всякій можетъ назваться ихъ авторомъ. Въ кафе, въ клубахъ, за обѣдомъ, на вечерѣ, въ театрѣ, въ гостиной, въ трактирахъ рассказываются скандалезныя исторіи о высоко стоящихъ людяхъ; каждый повторяетъ ихъ, изукрашиваетъ, прибавляетъ и придѣлываетъ, что хочетъ, по своему усмотрѣнію, и вымышленный анекдотъ дѣлается тотчасъ достовѣрною легендою. Если поэтъ въ минуту гнѣва сочинитъ куплетъ на лицо сальное, куплетъ облетаетъ мигомъ всю Францію. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ и почтамъ, *слухи*, эта таинственная пресса новаго рода, независимая и неотвѣтственная пріобрѣла могущество и популярность наираспространеннаго изъ всѣхъ журналовъ. Это печальное явленіе. Это деморализуетъ общественное мнѣніе и пріучаетъ его къ сплетнѣ, къ безразличному принятію, какъ правды, такъ и клеветы. Тутъ не можетъ быть повѣрки! Правительство, опасаясь духа партій, отняло существовавшую свободу печати, забывая, что когда какая-нибудь партія имѣетъ возможность высказаться, она, высказываясь, указываетъ правительству, откуда грозитъ ему опасность. Правительство приняло духъ партіи за гремучую змѣю и отрѣзало у нея хвостъ, не замѣчая, что хвостъ данъ гремучей змѣѣ для того, чтобы предупреждать о ея приближеніи.

Но это еще не все: я хочу сказать, что есть нѣчто худшее; у насъ во Франціи завелась маленькая пресса, въ оппозицію большой, и скоро переросла большую, ибо пользуется совершенною свободою; отъ нея не требуютъ ни залоговъ, ни штемпелей, ни предварительныхъ позволеній, она не говоритъ ни о

чешь серьёзномъ, а только о театрахъ, нулисахъ, спальныхъ; она открыла лавочки и торгуетъ скандаломъ. Она продаетъ публикѣ репутацію замужней женщины, но съ благоразуміемъ, подъ однѣми первыми буквами имени, она рассказываетъ тайную хронику Парижа и занимается біографіями частныхъ лицъ, — словомъ, она держитъ безнаказанно заряженный пистолетъ и цѣлится въ честь всякаго мирнаго гражданина.

Наконецъ званіе журналистовъ упало такъ низко, что однажды полиція почла себя вправѣ обойтись съ ними, мы не скажемъ, какъ съ публичными женщинами или преступниками, но какъ съ людьми, которые не обладаютъ правами, присвоенными всѣмъ вообще гражданамъ. Благодаря невѣдомой статьѣ невѣданнаго кодекса, полиція требовала *, чтобы журналисты объявили свои приходы и расходы, свои капиталы, приданое взятое за женами, — словомъ, цѣнность и сумму всей ихъ собственности. Для чего этотъ домовый обыскъ? Или готовилась еще новая мѣра для предупрежденія вреда, который могъ причинить ядъ ихъ словъ? Или хотѣли ихъ согнать въ особенный кварталъ, какъ прокаженныхъ въ средніе вѣка, или хотѣли заставить ихъ носить желтыя гусиныя лапы на срединѣ груди, какъ носили ихъ жиды въ былые годы. Не знаемъ. Одинъ бельгійскій журналъ объявлялъ, какъ-то, для всеобщаго свѣдѣнія, что правительство хотѣло изъ журналистовъ сформировать полкъ, раздавать имъ дипломы и такимъ образомъ установить между ними мандаринство перваго и втораго классовъ. Вмѣсто краснаго и синяго шариковъ имъ бы пожаловали мундиры, официальную шляпу, съ гусинымъ перомъ въ видѣ украшенія.

Какова пресса, такова и критика. Въ старые годы критика считалась оскобимъ родомъ искусства, и, разбирая литературное произведеніе, овладѣвала вопросомъ и задачею въ свою очередь, и высказывала свое мнѣніе. Критика стояла на равной ногѣ съ произведеніями изящной литературы. Появившаяся книга служила для критики точкою отправленія, предлогомъ для выраженія мысли, для пропаганды. Нынче, завтра, шутливо или серьезно, философски или поэтически, она бросала идеи въ общество и повторяла и уясняла ихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не становились достояніемъ массъ. Но въ настоящую минуту, критика только потворствуетъ и льститъ скептицизму. Она не столько разбираетъ книгу, сколько автора и не столько автора, какъ

* Это случилось на югѣ Франціи. *Примѣчаніе автора.*

человѣка. Представитель критики теперь Сентъ-Бѣвъ. Что онъ такое? Литераторъ на всѣ руки: онъ и стихи пишетъ, и романы строчитъ, и біографіями занимается, и даже исторіей, только онъ очень посредственный историкъ. Онъ самъ признается, что былъ матеріалистомъ, потомъ сдѣлался поочередно доктринеромъ, романтикомъ à la Викторъ Гюго, неокатоликомъ à la Ламенне, социалистомъ, методистомъ и наконецъ установился, приставъ къ партизанамъ цезарской школы à la Belmontet*. Это намъ напоминаетъ прекрасную леди Карлиль. Въ теченіе молодости, продолжавшейся очень долго, благодаря ухищреніямъ туалета, румянъ и подкрашиваній, прекрасная островитянка переходила съ груди одного представителя власти, на грудь другаго, который замѣнялъ павшаго. Такъ перешла она отъ Букинггэма къ Страффорду, отъ Страффорда къ Паму, который казнилъ Страффорда. Она обожала успѣхъ!...

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ мнѣній Сентъ-Бѣва.

Что онъ думаетъ о свободѣ?

Человѣкъ имѣетъ заблужденіе вѣрить, что онъ свободенъ.

О нравственности.

Я, какъ Соломонъ, черезъ наслажденіе сталъ философомъ.

О человѣчествѣ.

Я сдѣлался совершеннымъ ко всему индифферентомъ. Что мнѣ за дѣло? Лишь бы мнѣ было чѣмъ заняться пріятно поутру и было бы гдѣ пріятно провести вечеръ.

«Мысль есть излишество».

Когда г-нъ Сентъ-Бѣвъ пытается судить о гениальной книгѣ, онъ подслушиваетъ разговоры горничныхъ, и, благодаря несправедливому анекдоту или откровенному признанію за ужиномъ, издаетъ непогрѣшимый приговоръ о Декартѣ или Руссо. Если онъ пишетъ о системѣ Канта, онъ вамъ объяснитъ, что Кантъ надѣвалъ свой парикъ аккуратно, въ извѣстный часъ и всякій день обходилъ пѣшкомъ весь Кенигсбергъ; что же касается до самой системы Канта, то онъ предоставляетъ судить о ней педантамъ, которые такіе простаки, что думаютъ, будто философская система достойна обсуждения умнаго человѣка. Если онъ пишетъ о царствованіи Людовика XIV, онъ непременно заберется въ закоулокъ внутреннихъ комнатъ и объяснитъ политику Лузуа предписаніемъ доктора короля—Фагана.

* Бельмонте, банапартискій поэтъ, воспѣваетъ 1-ю и 2-ю имперіи. Это его специальность.

Когда человек берет перо въ руки, у него должны быть убѣжденія, которыя онъ рѣшился высказывать всенародно, но какъ же возражать убѣжденію другаго, когда у насъ нѣтъ своего. Человекъ ратуетъ за идею, Сентъ-Бѣвъ ему кидаетъ камень и потомъ говоритъ: «А мнѣ что за дѣло; мнѣ лишь бы приятно заняться утромъ и приятно провести гдѣ-нибудь вечеръ!»

Сентъ-Бѣвъ презираетъ мысль и въ особенности убѣжденія, которыя суть ничто иное, какъ мысль, проведенная въ жизнь. Такъ какъ у него не хватаетъ ума на обсужденіе общественнаго вопроса, то онъ надѣвно отрицаетъ всякій споръ. Онъ ударился въ подробности и когда чертитъ портретъ, то для того только, чтобы нарисовать бородавку, а не самое лице. Человекъ выработавшій убѣжденія, обладаетъ всегда душою апостола; онъ хотѣлъ бы до себя возвысить все человѣчество, или лучше возвысить человѣчество до того, что онъ считаетъ *правдою*. Онъ неустанно работаетъ надъ тѣмъ, чтобы внушить людямъ желаніе улучшенія ихъ участи. Сентъ-Бѣвъ, напротивъ того, одержимъ желаніемъ унижить человѣчество. Кажется, что природа одарила его психологическимъ ясновидѣніемъ, чтобы добраться до самыхъ постыдныхъ тайниковъ человѣческаго сердца и надѣлала его тончайшимъ обоняніемъ для обнюхиванія незамѣтнаго для другихъ гніенія человѣческаго сердца. Когда ему случится открыть въ человекѣ неизвѣстный, до сихъ поръ, порокъ, онъ торжествуетъ, ухмыляется, онъ счастливъ! Ему противна красота. Критику, понятую такимъ образомъ, можно сравнить съ гильотиною слова, которая умерщвляетъ цѣлую страну. Такая критика плюетъ въ блюдо, чтобы возбудить омерзеніе къ нему.

И однако всѣ читаютъ Сентъ-Бѣва:—почему? Скажемъ правду. Сентъ-Бѣвъ считаетъ слабостію похвалу и восклицаніе и хорошо знаетъ, что толпа любитъ встрѣчать славу, нахлобучивъ шляпу на голову, что она считаетъ нахальство сужденій примѣтой силы, признакомъ равенства. Сентъ-Бѣвъ знаетъ, что толпа глядитъ на извѣстность также, какъ бѣдные глядятъ на богатыхъ, и онъ пользуется этой слабостію. Онъ унижаетъ талантъ одной партіи для удовлетворенія другой и каждая партія, въ свою очередь, восхваляетъ критика. Когда онъ называетъ стиль г-на Фаллу *благъ-майже*, демократія радуется, когда онъ называетъ Ламенне сумасшедшимъ, клерикалы отъ восторга топаютъ на мѣ-

ствѣ. Однако онъ пользуется съ благоразуміемъ своимъ талантомъ, который мы назовемъ бризтаніемъ грязи, и не задѣваетъ тѣхъ, кто идетъ, высоко поднявъ голову. Онъ доноситъ на Лапрада, но льститъ Вѣльо (Veillot); онъ умѣетъ освистать побѣжденнаго и добивать мучениковъ. Если слава состоитъ въ этомъ, пусть онъ ею наслаждается. Нѣтъ никого, кто бы по своимъ заслугамъ былъ достоинѣе такой славы! Сентъ-Бѣвъ создалъ пѣлюю школу. Критика стала ругательствомъ и безстыдною, междоусобною войною писателей между собою. Критики не довольствуются уже тѣмъ, что порицають книгу и автора ея; они забираются въ его частную жизнь и для того, чтобы безнаказанно оскорблять его, — пишутъ его біографію подъ вымышленнымъ именемъ.

О поэзіи и говорить нечего. Она не существуетъ, да и нѣтъ никого, кто бы сталъ читать ее. Осталась поэзія прошлая, все старыя имена, которыя всѣмъ извѣстны. Былъ одинъ поэтъ, но тотъ загубилъ себя *!...

Что касается до философіи, то кто бы осмѣлился въ настоящее время помянуть о ней? Какая скука, всѣ эти толки о *конечномъ* и *безконечномъ*. Вѣдь это лишь идеологія! ** Слово это опять вошло въ моду. Однако философія имѣетъ громадное вліяніе не только на молодое поколѣніе, но и на жизнь самой націи. Вотъ что писалъ Берклей:

«Философія всегда прямо или косвенно вліяетъ на общественное мнѣніе и на ходъ дѣлъ націи».

Когда Англія увлеклась «*Philosophie corpuseculaire et mecanique*» она признавала безответственность человека и силу фатализма. Если бы въ наше время философія Сократа или Пифагора были въ чести, мы не видали бы всеобщей страсти стяжанія, которая приобрѣла такую силу надъ людьми, что любовь къ общественному дѣлу считается безуміемъ, благороднымъ сумасшествіемъ »

Берклей правъ. Господствующая философія вліяетъ на политику. При первой имперіи матерьяльная философія царствовала, и доктрина сенсуализма развращала умы. Съ свободою

* Альфредъ де Мюссе.

** Изобрѣтеніе этого слова принадлежитъ Наполеону I-му. Говоритъ презрѣніемъ о людяхъ, которые имѣли принципы, разсуждали о свободѣ, и вообще жили идеей, онъ желалъ заключить всѣхъ ихъ словомъ *идео логъ*.

возвратилось во Францію ученіе спиритуалистовъ и въ свою очередь развило чувство свободы въ людяхъ. Мы должны отдать справедливость и Кузеню, который вмѣстѣ съ Жоффрау отдалъ должное душѣ человѣческой. Я видѣлъ въ медицинскои школѣ послѣдняго фанатика сенсуализма. Онъ ткнулъ палецъ въ черепъ и сказалъ мнѣ съ яростію и паосомъ: «я держу въ рукахъ душу человѣка!» Это былъ послѣдній крикъ матеріализма, ибо никакой талантливый человѣкъ не осмѣлится попользоваться наслѣдствомъ Бруссе. Теперь свобода погибаетъ и матеріализмъ торжествуетъ снова. Въ одной книгѣ, посвященной императору Наполеону III, человѣкъ опредѣляется такимъ образомъ: un tube intestinal. Процессъ варенія желудка пробуждаетъ восторги, и люди падаютъ на колѣна и обожаютъ то, о чемъ говорить мы удерживаемся.

Умные люди повторяютъ зады Кондилляка. Идея—это ощущеніе. Чувствовать значитъ мыслить; говорить—все равно, что разсуждать; воля и желаніе одно и то же. Желать—это значитъ покоряться искушенію. Нравственность—это нашъ собственный интересъ; слѣдовать своимъ склонностямъ значитъ быть добродѣтельнымъ. Право есть сила, слѣдственно управлять народомъ значитъ держать ножъ надъ его горломъ.

Если мы смѣшиваемъ душу съ матеріей, если мы отрицаемъ душу, мы отрицаемъ съ этимъ вмѣстѣ вѣру въ безсмертіе, а съ вѣрой въ безсмертіе возможность героизма и самоотверженія. Въ эту смутную эпоху не одна-ли идея о безсмертіи души можетъ поддержать насъ!...

Искусство идетъ по той же дорогѣ. Что мы видимъ на ежегодныхъ выставкахъ картинъ?... Идея нѣтъ—она изгнана изъ произведеній искусствъ и на мѣстѣ ея вездѣ вы видите чувственность или мелочное, тщательное, бессмысленное воспроизведеніе подробностей. Цыль на платѣ, пуговицы, пряжки на башмакахъ, лучъ солнца на лицѣ пьяницы, оконная рама отдѣляются съ любовью. Что касается до самаго сюжета картины—это все равно, лишь бы оно дало возможность написать выпукло и смачно эти мелочи. Леды, Леды и Леды или Фрины передъ судьями-стариками, лица которыхъ циничны до отвращенія, и дышать страстію, свойственною однимъ сатирамъ.

Фотографія идетъ по слѣдамъ живописи. Во всѣхъ окнахъ парижскихъ магазиновъ выставлены картинки, изображающія знаменитости антраша съ ногою, закинутой за голову, или жен-

шинь, лежащихъ въ неприличныхъ костюмахъ и позахъ. Если вы увидите стереоскопъ, сохрани васъ Боже, заглянуть въ него! Вы очутитесь въ такой непозволительной компаніи, что ужаснетесь. Хорошо еще, что фотографъ скромничаетъ, опасаясь оскорбить пѣломудренность городскаго сержанта. Гравюра соперничаетъ въ этомъ смыслѣ съ фотографіей; все, что, намалевала развратная кисть XVIII столѣтія, воспроизведено рѣзцомъ гравера, и вывѣшено на стѣнахъ набережной Малаке и стѣнахъ института. Куда бы вы ни пошли съ женою и дочерью вы вездѣ наткнетесь на салынья, безсовѣстныя, развратныя картинки, карточки и гравюры.

VI.

Съ Маделэны до Бастиліи, въ длину всѣхъ парижскихъ бульваровъ, тянется непрерывная цѣпь кафе, эстамини, съ спущенными маркизами, съ столами и стульями, выставленными на мостовую. Взглянувъ на это покажется, что полъ-населенія Парижа не имѣетъ ни дома, ни семейства, ни пристанища, ни семейныхъ обязанностей, что оно кочуетъ и живетъ большую часть дня, созерцая играющихъ въ домино или восторженно попивая водку. Цѣлые сады занимаютъ содержателями кафе: безбородые юнѣши наполняютъ ихъ и забываютъ отуманенные дымомъ сигаръ, онисовкой и молодыми собесѣдницами, что въ нихъ надежда Франціи.

Простые кафе усовершенствованы; теперь изобрѣтены *café chantant* (кафе съ пѣніемъ), гдѣ рядъ разодѣтыхъ или лучше сказать раздѣтыхъ женщинъ, въ короткихъ юбкахъ и таліяхъ поютъ неприличные куплеты и спѣли бы непремѣнно чтонибудь похуже. если бы опять-таки, не боялись суровости городскаго сержанта, который ходитъ взадъ и впередъ по тротуару и своимъ присутвіемъ поддерживаетъ чувство нравственности въ публикѣ.

Но есть еще одна вещь болѣе вредная и развращающая — это страсть къ польной водкѣ. Страсть къ ней первоначально развивалась въ африканской арміи, и перешла оттуда въ Парижъ. Парижскіе рабочіе оставляютъ употребленіе вина и пьютъ водку,

перегнанную изъ свекловицы. Потребленіе водки увеличивается каждый годъ и гибельно дѣйствуетъ на народное здорье.

Для скучающаго народонаселенія придумано еще новое развлеченіе, кабуло, (caboulot), то есть продажа крошечныхъ сливъ, померанцевъ и лимоновъ, сваренныхъ въ спирту, которые подаютъ едва одѣтой женщиной. Она всегда хороща собою, любить вино и смѣхъ; поетъ, болтаетъ, наливаетъ водку и сама пьетъ и потомъ уходитъ во внутреннія комнаты, куда за нею отправляются покупатели.

Префектъ полиціи обратилъ вниманіе на размноженіе кабуло и замѣтилъ, что это развращаетъ молодежь. Но кабуло пользуется одинаковыми правами съ кабакомъ. Чтобы основать журналъ, надо испросить позволеніе, и за частую это позволеніе получить не возможно; но позволеніе получается, напротивъ того, весьма легко, если дѣло идетъ объ открытіи новаго кабуло. Пусть не воображаютъ себѣ, что мы сторонники запретительныхъ мѣръ; мы знаемъ, что никакіе циркуляры не спасутъ здоровья и нравственности юношей, что полиція можетъ, конечно, принудить трактирщицу надѣть перединку и запретить ей пѣть, но не можетъ запретить ей уходить изъ кабуло, куда ей вздумается. Безнравственность не можетъ прекратиться вслѣдствіе распоряженій полиціи. Кабуло не есть причина, а только слѣдствіе. Можно уничтожить симптомъ, но зло останется, ибо оно коренится въ нѣдрахъ самаго общества. Человѣкъ такъ созданъ, что въ немъ все тѣсно связано; когда нѣтъ поля для его ума и мысли, онъ на днѣ стакана ищетъ вознагражденія за это лишеніе. Женщина въ древней Греціи не имѣла права учиться и мужъ долженъ былъ прятать отъ нея ключи погреба. Когда человѣкъ не находитъ симпатіи, сочувствія и нѣжности въ семействѣ, онъ опять прибѣгаетъ къ бутылкѣ. Когда умственная жизнь понижается въ странѣ, пьянство увеличивается.

Поэзія эстаминетовъ, по словамъ Мишеле, которыя я считаю справедливыми, ведетъ прямо къ многоженству. Женщина занимаетъ важное мѣсто на мостовой Паріжа, но мужчина видитъ въ ней не болѣе, какъ новый родъ упоенія и считаетъ ее мимолетнымъ развлеченіемъ отъ скуки.

Серььзной мысли, серььзнаго дѣла не найти нигдѣ во Франціи; онѣ зарождаются въ любви, а любви нѣтъ. Настоящая любовь

*

состоять въ томъ, чтобы взять руку женщины, жить съ ней у домашняго очага, душу въ душу, въ единствѣ мысли и чувствъ, въ неразрывной связи ума, души и тѣла. Всякая другая любовь, не есть любовь, а только наслажденіе. Что сталося у насъ съ бракомъ? Я сей-часъ расскажу вамъ, вѣдь не даромъ же я нотариусъ. Мужчина, весьма часто старикъ, беретъ молодую дѣвушку и ведетъ ее въ мерію, гдѣ меръ читаетъ имъ извѣстную статью кодекса; потомъ они ѣдутъ домой пить шампанское до полуночи. Но какъ избираютъ жену? Пресыщенный жизнію холостякъ наводитъ справки о приданомъ и *надеждахъ*. Надежды — милое словечко, для выраженія смерти отца и матери и наслѣдства, которое достанется послѣ нихъ. Получивъ свѣдѣнія, холостякъ посылаетъ довѣренное лице просить руку (читайте кошелекъ) дѣвушки, и въ то же самое время доставляетъ слегка преувеличенныя свѣдѣнія о своемъ собственномъ состояніи. Если и у него есть *надежды* похоронить мать и отца и получить наслѣдство, то онъ присоединяетъ *надежды* къ настоящему итогу своего имущества. Медленно съ той и другой стороны торгуются, и если наконецъ достигнуто до любовной сдѣлки, то назначается свиданіе съ торгуемой дѣвушкой. Женихъ, расчесанный, раздушенный, напомаженный, въ бѣломъ галстухѣ и красивой цѣпочкѣ на пикетовомъ жилетѣ является въ домъ. Какое счастье, если онъ заслужилъ у своего отечества красненькую ленточку въ петлицу и можетъ ею украситься. Онъ входитъ въ гостиную, улыбаяся; онъ уменъ, или во что бы то ни стало долженъ быть уменъ въ этотъ день; онъ говоритъ съ одушевленіемъ о музыкѣ, поэзіи и прелестномъ небѣ Италіи. А будущая невѣста сидитъ въ углу гостиной или у окна за работой, съ скромностію хорошо воспитанной дѣвицы. Она краснѣетъ и блѣднѣетъ и отвѣчаетъ *да* и *нѣтъ*, на всѣ вопросы, и думаетъ о романѣ, который прочла недавно — украдкой. Такія свиданія повторяются два, три раза; но въ четвертое свиданіе женихъ совершаетъ *coup d'état*, онъ осмѣливается поднести букетъ. Благодарная дѣвица, желая отдарить его, отзвонить собственно для него пасторальную сонату Бетговена на фортепьяно. Затѣмъ оба семейства приступаютъ къ подписанію контракта. Письма, извѣщающія о бракѣ такой-то съ такимъ-то, напечатанныя на веленовой бумагѣ, рассылаются знакомымъ. Невѣста въ восхищенія, потому что она получила свадебный зарець, набитый лентами, кружевами и платьями. Она, какъ на

алтарь, на постель своей, раскладывает свою святыню—тряпки.

Неужели въ продолженіе этихъ двухъ, трехъ свиданій, могли будущіе супруги, при помощи сомнабулическаго средства, отыскать симпатію, которая должна ихъ связывать въ будущемъ. «Я тебя не знаю, да и ты, который привелъ меня въ домъ свой, меня не знаешь!» — Но что до этого, узнаешь впоследствіи. — «А если мы ошиблись? Если мы совершенно не сходны другъ съ другомъ?» — Ну что-жь? передъ нами цѣлая жизнь — свыкнемся!

Нѣсколько времени тому назадъ я вошелъ въ книжную лавку, гдѣ сливки сенжерменскаго предмѣстія закупаютъ книги. Молодой человекъ сидѣлъ, развалившись не вдалекѣ отъ прилавка; онъ ожидалъ какого-то лакомаго романа въ новомъ вкусѣ. Въ эту минуту вошелъ другой молодой человекъ, вѣроятно пріятель, старый товарищъ, потому что, не говоря: здравствуй, подошелъ къ сидѣвшему и спросилъ просто, будто продолжая давно начатый разговоръ:

— На какой суммѣ ты женишься? *

— На сто тысячахъ. отвѣчалъ тотъ, также просто и спокойно.

— Признайтесь, господа; сказала хозяйка магазина, что если бы вы могли жениться на приданомъ съ возможностью не брать жены въ придачу, вамъ было бы это гораздо пріятнѣе.

— Конечно, вы совершенно правы, отвѣчалъ одинъ изъ молодыхъ людей.

Оба они были молоды; суди по ихъ щегольской одеждѣ, — жили въ довольствѣ; но говорятъ, что въ Парижѣ всѣ герои гостинныхъ думаютъ такимъ образомъ и давно распространились со всѣми возможными оболъщеніями. *На какой суммѣ ты женишься?* Эти слова служатъ девизомъ и лозунгомъ нашей молодежи. Женитьба стала теперь особымъ родомъ биржи, и послѣднимъ средствомъ заплатить долгъ портному и сапожнику.

* Эта фраза по-русски выходитъ *придуманной, сочиненной*, но по-французски: *combien épouserez-vous?* совершенно обыкновенная и часто употребляемая фраза. Она никого не удивляетъ и никого не оскорбляетъ. Она только выражаетъ очень обыкновенную мысль и вошла въ обычай. Мы уже замѣчали, что если въ странѣ нѣтъ понятія, то нѣтъ въ языкѣ и выраженія для него. Въ этомъ случаѣ мы рады, что русскій языкъ не гнется для выраженія такой мысли. *Авторъ.*

Лишь только молодой мужъ будетъ имѣть въ рукахъ состояніе жены, онъ разумѣется вернется къ прежнему роду жизни, со всею страстію человѣка, который долженъ былъ поневолѣ отказаться на нѣкоторое время отъ многихъ удовольствій. Онъ опять примется посѣщать кафе, клубы, булонскій лѣсъ, театры, гдѣ примется нанимать ложи, защищенные отъ глазъ зрителей рѣшетками. Онъ рано будетъ выѣзжать изъ дому, а ворочаться поздно, чтобы избѣгнуть скуки, гнетущей тоски, которая дома, въ присутствіи жены, нападаетъ на него.

Жена ожидаетъ мужа. Она мечтала и, быть можетъ, мечтаетъ еще о любви; молодость ея уходитъ, но жажда пожить, упитаться любовію возрастаетъ и тогда-то наступаетъ часъ домашней драмы и не рѣдко катастрофы. Часто это кончается процессомъ или развязкой другого рода: мужъ, *врачъ собственной чести*, какъ называетъ его Кальдеронъ, убиваетъ соперника.

Я уважаю законъ, могу сказать, до суевѣрія. Законъ справедливъ, когда онъ присуждаетъ къ пени и тюремному заключенію за нарушеніе вѣрности въ супружествѣ; но не понимаю мщенія, которое состоитъ въ томъ, чтобы подкараулить жену, вмѣстѣ съ квартальнымъ и потомъ тащить эту женщину, *собственную жену, мать дѣтей своихъ*, тащить въ судъ, чтобы, разорвавъ на ней одежды, предать ее разтерзанію адвокатовъ. И зачѣмъ? Чтобы замарать собственное имя, и навѣки заклеить позоромъ несчастную женщину. Но допустимъ и это, и пойдемъ дальше. Что сказать о томъ, когда человѣкъ становится судьей въ собственномъ дѣлѣ, и опираясь на законъ, который скрѣпляетъ за нимъ безнаказанность, прячется за дверь и въ ту минуту какъ новая Франциска принимаетъ своего Галетто, выскакиваетъ внезапно изъ своего угла, застрѣливаетъ безоружную чету, и, оставивъ два трупа въ крови, спокойно удаляется *. Не значить-ли это присвоить себѣ право палача! Это право жизни и смерти, перешедшее въ тихомолку изъ среднихъ вѣковъ въ наше время, кажется мнѣ не современнымъ, и убійство жонъ своихъ представляется мнѣ лишоннымъ Дантовской поэзіи съ тѣхъ поръ, какъ виѣсто синьора Малатесты, они по большей части парикмахеры южныхъ провинцій Франціи. Возьмите судебную статистику *

* По французскому кодексу обезчещенный мужъ имѣетъ право застрѣлить жену и любовника, заставъ ихъ вмѣстѣ.

вы увидите, что процессы о прелюбодѣяніи и убійствѣ жонъ мужьями возросли въ огромной пропорціи.

Какихъ общественныхъ добродѣтелей можете вы ожидать отъ поколѣнія, которое жаждетъ упитаться грязнымъ ручьемъ? Нечего говорить о гражданинѣ; надо сперва перевоспитать челоѵѵка у домашняго очага.

Несогласія въ супружествѣ прямо приводятъ мужчину къ лореткѣ. Лоретки размножились въ странѣ нашей и уже застѣлили цѣлый кварталъ Парижа. Во времена Беранже въ Парижѣ царилла гризетка. Она обладала только двумя или тремя горшками цвѣтовъ, которые стояли на окнѣ ея; тутъ она шила, работала и въ часъ обѣда прикармливала сосѣднихъ воробьевъ. Она заглядывалась вечеромъ на звѣзды и спрашивала наивно: что тамъ такое? Гризетка, не во гнѣвъ Беранже будь сказано, была всегда мечтательна и часто задумывалась. Всю недѣлю она работала, и откладывала деньги на воскресенье. Въ воскресенье отправлялась она за городъ и обѣдала на счетъ своего друга, но не брала отъ него денегъ за любовь свою. Если она не могла похвалиться своєю невинностію, то могла похвалиться нѣжностію сердца. Еслибы условія жизни ея были иныя, она могла бы быть хорошею, честною женою. Она не обманывала и умѣла любить. Но теперь ея нѣтъ уже, и мѣсто ея заступила лоретка; лоретка не женщина, а ремесло, продажа. Повѣрятъ-ли, что въ Парижѣ есть матери, которыя, раздѣвая дочь въ день ея перваго причащенія, умиляются, глядя на красоту ея и думаютъ: «она сдѣлаетъ карьеру!» Съ этой минуты мать употребляетъ на дочь послѣдній грошъ свой и учитъ ее танцамъ, музыкѣ, грамматикѣ, зная, что орфографическія ошибки любовной записки могутъ повредить женщинѣ. Когда дочь выучилась, ее посылаютъ прельщать какого-нибудь банкира изъ жидовъ, или маркиза изъ Бразиліи. Лоретка соединяетъ съ опытностію старчества отвагу юности; о сердцѣ ея не можетъ быть и помину, а искусство интриги доведено у ней до высшей степени. Она всегда владѣетъ собою и всегда одинаково жадна до стяжанія. Плачетъ-ли она, смѣется-ли, льститъ-ли или дуется—все это означаетъ одно: она хочетъ денегъ. Горе тому кто любитъ ее и не можетъ заплатить за ея любовь; она изнуритъ его и попретъ ногами. Она раззоряетъ сына честныхъ родителей съ тою же ревностію, съ какою генералы раззоряютъ завоеванныя страны. Это ея по-

бѣды и она гордится ими! Горе тому, кто обманулъ ее—она найдетъ человѣка, который отмститъ за нее. Лоретка говорила однажды любившему ее юношѣ. «Умѣешь-ли ты драться на шпагахъ!» — Да, умѣю. — «Убей маркиза С***.» — За что? я никогда не видалъ его. — «Ты будешь драться съ нимъ на дуэли, а если не хочешь, такъ прощай!» Черезъ нѣсколько времени въ булонскомъ лѣсу состоялась дуэль; маркизъ С** былъ убитъ и умирая, спросилъ у своего противника, за что онъ убилъ его. Онъ назвалъ ему лоретку. Это не анекдотъ—это правда, и я скажу больше: изъ 9 дуэлей навѣрное 8 завязались изъ-за лоретокъ или по ихъ вѣщательству. Лютую свирѣлость вносить лоретка въ свои удовольствія. Незнатная лоретка стремится изъ Мобиля въ маскарадъ и тамъ отплясывая старается забыться подъ звуки оркестра Мюзара, который грохаетъ, какъ ураганъ. Знатная лоретка презираетъ вульгарную пляску, оскорбляющую городскихъ сержантовъ; она требуетъ пировъ въ загородныхъ домахъ и фантастическихъ ужиновъ, гдѣ происходятъ вещи, напоминающія древній Римъ.

Не хотите-ли взглянуть на небольшой дворецъ, дѣлающій честь искусству архитектора. Полъ изъ мозаикъ, двери бронзовыя, мебель въ строгомъ помпейскомъ стилѣ; канделябры производятъ рисунки секретнаго музея въ Неаполѣ. Будуаръ устроенъ надъ стекляннымъ голубымъ колпакомъ, который при свѣчахъ придаетъ освѣщенію оттѣнокъ блѣднаго сіянія мѣсяца. Въ нишѣ стоитъ статуя богини Венеры, портретъ хозяйки, которой уже подъ сорокъ лѣтъ. Въ оранжерей, посреди газона, рѣдкихъ тропическихъ растеній, бьютъ, по желанію хозяйки, благовонныя фонтаны, ручьи которыхъ стекаютъ въ кристалловую ванну. Негръ прислуживаетъ. Дворецъ принадлежитъ лореткѣ, вышедшей за-мужъ за какого-то гидальго, котораго она, впрочемъ, оставила, но сохранила титулъ графини.

Есть лоретки, которыхъ роскошь такъ велика, что одинъ мужчина не былъ бы въ состояніи заплатить за нее; тогда двое, трое и четверо складываются, и счастливая лоретка живетъ роскошнѣ всякой султанши и всѣхъ королевъ.

Прогуляйтесь по Елисейскимъ полямъ и тамъ полюбуйтесь нахальностію счастливаго Парижа.

Однажды я удивился безчисленнымъ экипажамъ, стоявшимъ — подъѣжавшимъ къ весьма тихому въ обыкновенное время, перекрестку. Что это? Выставка искусствъ? Нѣтъ, это распродажа мебе-

ли лоретки. Высшее парижское общество (женщины тоже!!) стремились взглянуть на тайны жизни куртизанки. Я вошелъ за толпою. Это былъ раззолоченный нижній этажъ, напоминавший собою платье маркизы Монтеспанъ изъ золотой ткани, покрытой золотыми цвѣтами. Въ залѣ на этажеркахъ лежали груды массивнаго серебра и всякой серебряной посуды. Спальня была обита бѣлымъ атласомъ; болѣе трехъ сотъ колець и 100 браслетъ было выставлено за стекломъ туалета; жемчужное ожерелье привлекло вниманіе публики; проносили имя дателя, но я не слыхалъ его. Я не буду говорить о убранной—я профанъ. Была и библіотека и въ ней красовались Гораций, Анакреонтъ, Брантомъ, Парни и другіе писатели въ томъ же вкусѣ. 500 тысячъ франковъ дала распродажа мебели, не считая какого-то драгоценнаго ковра съ шифромъ лица, котораго нельзя оглашать, былъ отложенъ къ сторонѣ. Ну какая же молоденькая дѣвушка, одаренная красотою, захочетъ послѣ этого помириться съ бѣдностію?

И чему дивиться? Оргія финансовыхъ операцій, полки иностранцевъ, стекающихся со всѣхъ концовъ земли, запрудили Парижъ золотомъ, и возвеличили лоретку. Она даетъ тонъ, она диктаторъ моды, она изобрѣла кринолинъ, — словомъ, она царствуетъ!...

Слыхали-ли вы о маскарадахъ, во время масляницы, которые даютъ мандарины 1-го класса или сильныя банка и дипломатіи. Тутъ царство абстрактной поэзіи, осуществленной модистками. Тутъ прохаживаются *ночь, Аврора, снѣгъ, молнія*, Одины, Наяды, Діаны, едва прикрытыя газами, перлами, пухомъ; тутъ кошки, пантеры и львицы ходятъ объ руку съ котами, тиграми и львами. Точь-въ-точь звѣринецъ! Нынѣшній годъ герой бала былъ американецъ гомерическаго роста и геркулесовскаго сложенія. Онъ явился въ костюмъ дьявола. На немъ было вполоть обтянутое платье розоваго атласа и два брилліантовые рога на лбу. Дамы вскакивали на стулья, чтобы взглянуть на него и разглядѣть красавца Янки. Послѣ ужина, гости, разгоряченные возліаніями токайскихъ и иныхъ винъ, музыкой, запахомъ цвѣтовъ и жаркой атмосферой залы, забыли всякій этикетъ и принялись плясать съ снѣгами, наядами и гинтерами такъ, что напомнили Баль-Мабиль.

Да, я говорю вамъ это по истинѣ, дуетъ страшный вѣтеръ!

Куда идемъ мы? Что мы такое? Люди или козлы, и не надо-ли будетъ прогнать общество черезъ сѣру, чтобы очистить его.

VII.

Я люблю мое отечество и вѣкъ, въ которомъ живу. Я больше, чѣмъ люблю его, я восхищаюсь имъ и называю его, какъ называли свой вѣкъ греки: *совершителемъ великихъ дѣлъ*. Кто, въ самомъ дѣлѣ, осмѣлился бы заподозрить его въ упадкѣ. XIX вѣкъ разработалъ химію, палеонтологію, электричество, магнетизмъ, физиологію, сравнительную анатомію, философію исторіи, теорію прогресса.... Онъ изобрѣлъ паровозы, сблизилъ всѣ страны, всѣ національности и утвердилъ братство между ними. Изъ землянаго угля онъ извлекъ свѣтъ и во время ночи вновь изобрѣтенными солинпами замѣняетъ великое свѣтило дня; онъ провелъ электрическія нити, и мысль человѣческая бѣжитъ по нимъ съ быстротою молніи и обмѣнивается мыслию съ другой эмиссерой. XIX вѣкъ нашолъ философскій камень, ибо глину превращаетъ въ металлъ; изъ нѣдръ земли бьютъ артезіанскіе колодцы, лучи солнца, остановленные въ своемъ стремленіи, рисуютъ человѣку видимый міръ; мало того, XIX вѣкъ открылъ тайну усыплять страданіе, пока ножъ хирурга отнимаетъ больной членъ человѣка. Гдѣ же упадокъ? Быть можетъ въ чувствѣ любви? Но скажите, какой вѣкъ болѣе заботился объ улучшеніи участи человѣка? XIX вѣкъ уничтожилъ торговлю неграми, рабство, пытку и такъ уважаетъ жизнь, что позаботился о домашнихъ животныхъ, отдавъ ихъ подъ защиту закона *. Онъ постоянно заботится о пролетаріи и устроилъ сберегательныя кассы, пріюты, общества взаимнаго вспомошествованія, земледѣльческія общества, ассоціаціи рабочихъ и проч....

Взгляните на Европу, что совершается въ ней? Что совершится завтра? Въ виду этой великой драмы, въ виду того, что разваливается и что создается, я вѣрю больше, чѣмъ когда-нибудь Богу прогресса и, не смотря на печальную текущую минуту, благодарю его, что онъ далъ мнѣ мѣстечко, чтобы созерцать великой ходъ исторіи нашего времени. Великій вѣкъ! Онъ со-

* Законы воспрещающіе жестокое обращеніе съ животными въ Германіи и Англіи.

вершилъ многое и общаетъ совершить еще болѣе! Мы знаемъ, что всякая женщина, которая въ настоящую минуту дастъ жизнь сыну, даритъ насъ свободнымъ человѣкомъ, будущимъ работникомъ для приобрѣтенія свободы!

Не придавайте же словамъ моимъ инаго смысла; я не имѣлъ намѣренія обезкуражить Францію, но напомнить ей, что она должна приобщиться къ великому дѣлу XIX столѣтія. Пусть она взглянетъ на себя внимательнѣе, причлится съ собою и послѣ минутнаго отдыха и стоянки займетъ свое мѣсто во главѣ чело- вѣчества. Это можетъ произойти только въ такомъ случаѣ, если молодое ея поколѣнiе сознаетъ, что судьба Францiи зависитъ отъ него, и что ему надлежитъ очистить и вознести душу свою для совершенiя великаго предназначенiя. Я не даю ему наставленiй. Кто я, чтобы взять это на себя? И что бы могло сказать ему наше поколѣнiе. Мы не умѣли ничего совершить, ни даже сохранить того, что завѣщали намъ наши предшественники, пусть же молодое поколѣнiе пройдетъ черезъ трупы наши и устремится впередъ! Но чтобы совершить это, надо взлѣлѣять въ душѣ своей вѣру, вѣру твердую, непоколебимую въ великiе принципы чело- вѣчества!

Зачѣмъ сомнѣваться въ будущемъ? Кто любитъ свое отечество безъ эгоизма, тотъ долженъ вѣрить, что рано или поздно оно пойметъ, гдѣ его счастье. Мы умѣемъ понимать прошедшее; за нами столько гениальныхъ личностей, людей, преданныхъ общему дѣлу, столько завоеванныхъ принциповъ, столько борьбы и столько доблестныхъ жертвъ, павшихъ на полѣ свободы и чести, что мы не можемъ сомнѣваться въ будущемъ. Счастье отечества покупается. Купи его, молодое племя! Заплати за него терпѣнiемъ. Всѣ мы, большiе и малые, должны поучать другъ друга, ибо общество есть громадная школа, въ которой всѣ влiяютъ другъ на друга. Работники безъ воздаянiя и платы, мы должны бороться и умѣть переносить страданiе. Страданiе краснорѣчиво! Молодое поколѣнiе! Время въ союзѣ съ тобою; всякiй часъ приносить для тебя что нибудь драгоцѣнное. Не волнуйся же безплодно, умѣй оставить проходить то, что проходитъ. Оставайся въ спокойствiи, свойственнымъ силѣ, и, опираясь на принципы, гордо смотри въ будущее!

Мы не можемъ ничего прибавить отъ себя въ книгѣ Пеллетана. Мы вполне ей сочувствуемъ, а если не раздѣляемъ его надеждъ въ отношенiи будущности, предназначенной молодому

поколѣнію Франціи то, быть можетъ, потому, что, какъ лице чужое, мы не могли ни изучить его, ни судить о немъ съ тѣмъ знаніемъ дѣла, какъ Пеллетанъ — природный французъ. Его обращеніе къ молодому поколѣнію столь разумное, столь полное любви и участія трогательно и задушевно. Намъ пріятно было передавать его на нашемъ родномъ языкѣ; мы вполне сочувствуемъ Евгенію Пеллетану и въ этомъ его обращеніи къ молодому поколѣнію онъ не поджигаетъ, не раздражаетъ его, онъ умѣряетъ пылъ молодежи, но вѣритъ ей. Какъ различествуетъ онъ въ этомъ случаѣ съ иными публицистами, которые въ припадкѣ болѣзненной раздражительности восклицаютъ: что такое молодое поколѣніе? Кто это говоритъ и что говоритъ о немъ? Мы бы желали знать, гдѣ та страна на бѣломъ свѣтѣ, гдѣ бы молодое поколѣніе не считалось надеждою на будущее! Не мы же будемъ жить, писать, дѣйствовать черезъ 15, 20, 25 лѣтъ, а конечно тѣ, которыхъ теперь нельзя назвать иначе, какъ молодымъ поколѣніемъ. Старому или лучше старшему поколѣнію принадлежитъ великая и святая роль: *направлять* и въ случаѣ нужды *умѣрять пылъ*, и *указывать* заблужденія, въ которыя впадаетъ или можетъ впасть молодое поколѣніе — не презирать его, но отзываться о немъ съ притворнымъ пренебреженіемъ и тайнымъ раздраженіемъ едва-ли достойно. Мы, русскіе, жестоко страдаемъ отъ отсутствія чувства любви и мѣры. Нигдѣ нельзя найти ихъ. Всѣ впадаютъ въ крайности, ровно для общества гибельнымъ и поселяющимъ такую вражду, при которой общее дѣло становится невозможнымъ. Въ этой враждѣ гибнуть силы той и другой стороны и вліяніе лицъ, которое могло бы быть благотворно, уничтожается. Люди, которые заслужили себѣ извѣстность и уваженіе, одержимы, съ недавняго времени, какою-то страстію порицанія и презрѣнія ко всему и всѣмъ, что не согласуется съ ихъ собственнымъ взглядомъ на вещи. Всѣ рвутся и бросаются на общую арену, гдѣ происходитъ такая страшная сумятица и свалка, что силы всѣхъ гибнуть въ бесплодной и прискорбной борьбѣ однихъ съ другими. Особенно печально то, что старшее поколѣніе отличается своею нетерпимостію и презрительно клеймитъ молодое, считая недостойнымъ подать ему руку, чтобы направить его, вывести на широкую дорожку изъ дебрей, въ которыхъ часть его плутаетъ, ища исходу. Дѣйствовать такимъ образомъ не значить-ли быть столько же неразумнымъ и неопытнымъ, какъ безбородые юно-

ши, въ самой молодости которыхъ пожилые люди могли бы найти нѣкоторое извиненіе ихъ заблужденій.

Прежде, чѣмъ мы возвратимся къ новымъ книгамъ, достойнымъ вниманія нашихъ читателей, намъ хочется сказать о нашемъ прощаніи съ Парижемъ, которое, мы надѣемся, будетъ окончательнымъ. Оно навязывается подъ перо наше потому, что, по нашему мнѣнію, оно служитъ дополненіемъ къ картинѣ Парижа, набросанной искусною и честною рукою Евгенія Целлетана. Въ одномъ мѣстѣ книги своей, онъ говоритъ, что лоретка въ бѣшеной пляскѣ публичнаго бала старается забыться. Мы совершенно несогласны, въ этомъ случаѣ, съ авторомъ новаго Вавилона, и потому рѣшаемся рассказать читателямъ наши впечатлѣнія, за нѣсколько дней до нашего выѣзда изъ Парижа.

Давно уже мы собирались идти смотрѣть Баль-Мабиль, или балъ въ *chateau des fleurs* и наконецъ небольшое общество, состоявшее изъ нѣсколькихъ женщинъ и мужчинъ, отправилось въ Баль-Мабиль. Признаемся, не безъ нѣкотораго безпокойства и страха мы рѣшились идти туда, хотя насъ увѣряли, что всѣ иностранки посѣщаютъ эти балы, въ особенности строгія англичанки, одержимыя демономъ любопытства и любознательности. Рассказы о публичныхъ балахъ заставили насъ вообразить картину дякую, страстную, вихремъ несущуюся, въюномъ въющуюся. Мы шли съ мыслию, что вотъ она, толпа эта, захватить насъ, втянетъ насъ въ себя, окружить, сожметъ, осѣтитъ насъ со всѣхъ сторонъ и понесетъ, помимо воли, въ центръ движенія, гдѣ мы увидимъ неистово пляшущихъ вакханокъ, страстно и безумно скачущихъ мужчинъ, которыя не слышатъ земли подъ собою и забыли, предаваясь безобразному и дикому веселію, толпу зрителей, ихъ окружающую, и приличіе. свойственное всѣмъ людямъ безъ исключенія. Мы говоримъ, конечно, не объ изящномъ, условленномъ, выработанномъ приличіи гостиныхъ, а о простомъ приличіи, которое соблюдаетъ и честный рабочій, и крестьянинъ, о приличіи, врожденномъ чувству челоуѣка, когда онъ не потерялъ его среди разврата, не утопилъ его въ грязи большихъ городовъ, такъ губительно дѣйствующихъ на нравственность общественную. Это забвеніе приличій на парижскихъ публичныхъ балахъ мы объясняли себѣ (хотя не извиняли, конечно,) опьяненіемъ разгула, лютою страстію удовольствій и общимъ безуміемъ толпы электризованной музыкой, пляской, атмосферой бала, гдѣ

въ соблазнительной красотѣ являются жрицы Венеры и Амура. Намъ пугало такое зрѣлище загода, но мы не хотѣли оставить Парижа не взглянувъ на него. Совѣтъ не то ожидало насъ, и мы были несказанно удивлены и разочарованы, если можно назвать разочарованіемъ, то безобразное, гнусное, оскорбляющее лучшія чувства чловѣка, зрѣлище, которое ожидало насъ.

Большая толпа стремилась вмѣстѣ съ нами по Елисейскимъ полямъ и завернула въ переулокъ. Издали мы увидѣли какъ горѣлъ транспарантъ и газовые рожки надъ воротами сада. Это и былъ Баль-Мабиль. Мы вошли, взяли билеты и ступили на гладко-усыпанную пескомъ дорожку сада, принявшаго при яркомъ газовомъ освѣщеніи, какой-то странный колоритъ, о которомъ трудно дать понятіе. Онъ немного походилъ на тотъ колоритъ, который на большой сценѣ театра освѣщаетъ садъ изъ картона и группы прохаживающихся актрисъ до начатія танцевъ, представляющихъ изъ себя гостей и поселянокъ, пришедшихъ на сельскій праздникъ. Тутъ были всевозможные костюмы: и бальные, и престые, и богатые, и бѣдные; были дамы въ шлякахъ, пришедшія, какъ мы, посмотреть, были и дамы въ затѣливыхъ сѣткахъ и въ шляпахъ, разукрашенныхъ перьями. Шляпы Кателанъ, Гарибальди, Шардиньеръ, Матело, убранныя затѣливо, мелькали между зеленью. И какая странная зелень! Цвѣтъ ея не настоящій зеленый цвѣтъ а цвѣтъ, какой принимаютъ кулисы при освѣщеніи рампъ: зеленый *vert des gris*, голубовато-зеленый цвѣтъ. Странно было каждой изъ насъ видѣть себя посреди этихъ группъ, этого освѣщенія, этой толпы, этого страннаго сада. Хотѣлось дотронуться до деревьевъ... что это? живыя деревья, настоящія деревья или картонъ расшпанный. Одна изъ насъ дотронулась — настоящее дерево, только какъ-то странно глядитъ оно. Какая длинная, длинная аллея, по которой идемъ всѣ мы; ей конца нѣтъ, она уходитъ какъ-то далеко. Но что это — аллея кончается, а виситъ полотно, декорация, продолжающая ее по правиламъ перспективы. И глаза обманули насъ, — а вѣдь глаза наши хорошо и зорко видятъ! Такое освѣщеніе, такое устройство, что все живое кажется поддѣльнымъ, а все искусственное настоящимъ, дѣйствительнымъ. И воздухъ странный. Имъ трудно дышать, хотя мы въ саду *на чистомъ* воздухѣ. Даже смѣшно употребить слово: *чистый*, говоря о Мабиль. Нѣтъ, и воздухъ далеко не чистъ! Онъ зараженъ какими-то странными, неприятно дѣйствующими на грудь

и дыханіе міазмами и испареніями. Я рѣшительно думаю, что долго дышать имъ невозможно *. Онъ пахнетъ какъ-то особенно неприятно. Знающіе люди говорятъ, что это испаренія газа. Но какія бы ни были эти испаренія, надо признаться, что должны быть очень сильны, если даютъ себя чувствовать на открытомъ воздухѣ. Правда, что садъ не великъ, окруженъ стѣною и густой зеленью, среди которой и подъ которой горятъ тысячи рожковъ газу и прохаживается толпа посѣтителей. Но вотъ оркестръ заигралъ и толпа устремилась въ центръ сада; надо идти за нею, надо пробраться и взглянуть, что творится посрединѣ круга, образовавшагося надъ эстрадой оркестра. Тамъ стоятъ танцоры и танцорки, готовящіяся послѣ ригурнели танцевать кадрили. Не всѣ они молоды; есть женщины сорока слишкомъ лѣтъ, есть старики пятидесяти. Молодые мужчины отличаются особеннымъ выраженіемъ тупости и пошлости на самыхъ бездарныхъ фізіономіяхъ. Молодые женщины не выглядятъ умнѣе; онѣ даже не хороши собою и на лицѣ всякой изъ нихъ написано безстыдство, усталость, мертвенное равнодушіе. Но вотъ сигналъ; оркестръ грянулъ первую фигуру кадрили — всѣ танцующіе ринулись впередъ. Женщины схватываютъ неистово свои длинныя по землѣ волочащіяся юбки (ни одна изъ нихъ не носитъ кринолина) поднимаютъ ихъ для того, чтобы дѣлать самыя невообразимыя, рѣзкіе, безобразныя скачки, какіе только могутъ выдѣлывать человѣческія ноги. Граціи, хотя бы и безстыдной, нѣтъ и тѣни. Ловкости, хотя бы непристойной, вы не увидите; легкости на малѣйшей. Тяжело скачетъ и тяжело упадаетъ на землю толстая, полуодѣтая, нагло-глядящая во всѣ стороны женщина. Противъ нея, выкидывая ногами какія-то

* Это не преувеличеніе. Люди слабой груди не выносятъ воздуха, напитаннаго газомъ. Всѣ театры и залы, освѣщенные газомъ, гибельно дѣйствуютъ на грудные органы. Мы видѣли одну женщину, которая не могла вынести до конца представленія и должна была выходить въ антракты на улицу, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и досидѣть въ ложѣ безъ дурноты до конца пьесы. Намъ говорили о книгѣ, изъ которой докторъ доказывалъ, что воздухъ кафе укорачиваетъ жизнь человѣческую. Мы смѣялись, считая это выдумкой, преувеличеніемъ, подъ вліяніемъ котораго доктора доказывали, что кофе ядъ. Очень медленный, сказалъ Вольтеръ, смѣясь; но увидѣвъ женщину, не выносившую воздуха залы, освѣщенной газомъ, и испытавъ нѣчто подобное на себѣ, мы повѣрили доктору. Дѣйствительно, люди

безобразные антраша и ломаясь и вихляясь во все стороны, бѣснуется глупо-глядящій юноша или ослабляющійся на все стороны уже сѣдой старикашка. На лицахъ никакого одушевленія, ни малѣйшаго слѣда выраженія удовольствія. Лица холодны, спокойны, но наглы, особенно наглы и безстыдны лица женщинъ. Но вотъ музыка замолкла; первая фигура кадрили кончена. Все стало въ тупикъ и стоятъ спокойно, холодно, какъ-будто они не плясали сей-часъ, какъ одержимыя нѣкимъ бѣсомъ, какъ-будто не дергало ихъ въ разныя стороны, какъ прокаженныхъ, какъ будто не кривлялись они судорожнымъ кривляньемъ страшной нервной болѣзни, называемой пляскою св. Вита. Разговоръ мало, смѣху еще меньше, веселья нѣтъ рѣшительно никакого. Только наглые взгляды, только позы, вызывающія циничныя шутки проходящихъ. Проходящихъ множество, особенно женщинъ—камелій. Онѣ идутъ длинной, разряженной въ пухъ вереницей, влача за собою длинные шлейфы богатыхъ платьевъ, обшитыхъ тысячными кружевами. Все безъ исключенія самыя красивыя (есть много такихъ) набѣлены, накружаны и подкрашены. У всехъ крашенныя брови и крашенныя вѣки, чтобы придать блескъ глазамъ и увеличить ихъ (глаза отъ искусно проведенныхъ темныхъ линий на вѣкахъ кажутся большими). Камелии не ташуютъ, предоставляя танцы бѣднымъ лореткамъ; онѣ только прогуливаются спокойно, *тордо* и *достойно* глядя во все стороны. Онѣ чванятся своей красотой, молодостію и великолѣпными нарядами. За ними, увиваясь и услуживая, бѣжитъ длинная вереница перувианцевъ, бразиліанцевъ, всякихъ американцевъ, которые пріѣзжаютъ въ Парижъ проматывать свои состоянія, и русскихъ, извѣстныхъ въ Парижѣ подъ именемъ: *princes russes* и молодыхъ англичанъ. Последніе однако въ меньшинствѣ. Пальма ухаживанія за камелиями принадлежитъ образчикамъ (самымъ

сидящіе полъ-жизни въ кафе посреди чаду сигаръ, газоваго освѣщенія и особеннаго запаха всякой ѣды и удушливыхъ мiazмовъ, которые приносятъ съ собою разнокалиберная толпа, вѣчно наполняющая залы кафе и эстампы, должны необходимо поплатиться здоровьемъ за потребленіе такого заразительнаго воздуха. Болѣе половины парижскаго населенія проводитъ все вечера и почти все дни свои въ кафе. Тамъ оно обѣдаетъ, куритъ сигары, читаетъ газеты, играетъ въ бильярдъ и домино. Словоиъ, кафе — это домашній очагъ парижанина. Онъ приходитъ домой ночевать и съ раннаго утра опять уходитъ изъ дому.

плохими, разумеется,) двухъ поименованныхъ странъ. Камелинщоголихи держать себя прилично — мы хотимъ сказать, что онѣ прилично ходятъ и прилично одѣты; что касается до ихъ разговора, то мы не имѣемъ о немъ понятія, и конечно не желали слушать его. Вся эта толпа вьется по извилистымъ и узкимъ аллеямъ сада и вездѣ встрѣчаетъ городского сержанта, на котораго возложена должность жрицы богини Весты балъ Мобля. Онѣ приставленъ тутъ для храненія огня общественной нравственности и не позволяетъ скачковъ, переступающихъ за черту приличія, конечно приличія... балъ Мобля. *Ce n'est pas beaucoup dire*, скажемъ мы, какъ говорятъ французы. Но вотъ опять ударъ смычковъ — и послѣ вальса, очень обыкновеннаго и безхарактернаго, но который танцуется очень плохо, начинается опять кадрили — опять тѣ же прыжки, бѣснованія и скаканія, лишенная всякаго одушевленія, веселости и увлеченія. И гадко, и скучно смотрѣть. Что отвратительнѣе зрѣлища холоднаго разврата, который не прикрывается никакой маской, ни даже маской удовольствія и прискорбнаго, но дѣйствительнаго увлеченія. Кто-то говорилъ при насъ, что Парижъ погибель юношей и публичные балы слишкомъ сильное искушеніе для молодаго, неопытнаго человѣка. Мы совершенно несогласны съ этимъ. Надо, чтобы молодой человѣкъ былъ совершенно развращенъ, чтобы парижскій публичный балъ могъ быть опасенъ для него. Намъ кажется напротивъ, что онѣ долженъ произвести совершенно другое дѣйствіе. Намъ хочется сравнить впечатлѣніе, которое онѣ долженъ оставить въ молодой душѣ человѣка съ тѣмъ, какое испытывали спартацкіе юноши, когда ихъ отцы показывали имъ пьяныхъ влотовъ. Никакой умный юноша не можетъ испытать ничего, кромѣ омерзенія при видѣ безобразно-заклейменныхъ развратомъ женщинъ, утратившихъ все женское, все, скажу больше, человѣческое. Въ антрактѣ одной кадрили мы замѣтили, что нѣсколько человѣкъ и нѣсколько женщинъ поочередно подходили къ сѣдому, очень безобразному старику, съ выразительно-наглымъ лицомъ, нелишеннымъ нѣкотораго неуловимаго выраженія, опредѣлить которое намъ трудно. Въ его лицѣ можно было угадать смѣлое и рѣзкое нахальство, смѣшанное съ чувствомъ какого-то особеннаго сознанія собственной важности и какихъ-то оказанныхъ имъ обществу заслугъ. Онѣ, какъ должную себѣ дань, принималъ почтительныя поклоны мужчинъ и любезности женщинъ. Это было, очевидно, какое-то

лицо, пользующееся уваженіемъ своей среды и своего общества. Балъ Мабиль, очевидно, былъ его средой и его обществомъ. Ею о чемъ-то просили съ поклонами. Сперва онъ отговаривался, потомъ небрежно согласился. Кто это? Одинъ изъ нашихъ спутниковъ отправился на рекогносцировку и возвратился съ извѣстіемъ, что старикъ — извѣстный *Шикаръ*, изъ имени котораго создалось выраженіе *шикъ*, которое приложилось впоследствии ни къ однимъ танцамъ, но ко всему: шикъ въ модѣ, въ музыкѣ, въ рисованіи, въ одеждѣ, въ манерахъ — вездѣ *шикъ*. Шикаръ въ молодости изобрѣлъ какія-то особенныя пляски, разумѣется, неприличныя. И самъ онъ, не смотря на свою важность, былъ неприличный старикъ, котораго старость, казалось, коснулась для того только, чтобы научить людей, что не всегда можно почитать ее. Глядя на него, можно было выучиться презирать страсть. Когда музыка заиграла, старикъ взялъ за руку женщину и сталъ въ ряды танцующихъ. Первая фигура. Онъ уступилъ съ своей дамой. Стоявшая близъ насъ англичанка, пожилая и почтенная, протянула такой выразительный: «О-о-о!...» что его забыть невозможно, и мы, съ своей стороны, прибавивъ къ этому выразительному о-о-о что по внезапному и всеобщему движенію мы обернулись другъ къ другу и сказали какъ-то поспѣшно и не совсѣмъ спокойно: «не пора-ли домой?» — «Домой, домой!» повторила вся наша небольшая компанія и мы вышли изъ этого вертепа разлагающагося общества съ твердымъ убѣжденіемъ, что ни одна изъ насъ никогда не поставитъ ногъ своей ни въ какой публичный парижскій балъ. Это было мое прощаніе съ Парижемъ, который я съ удовольствіемъ покинулъ черезъ недѣлю.

ЕВГЕНІЯ ТУРЪ.

НАШИ ПЛЕМЕННЫЯ ОТНОШЕНІЯ.

(Вѣстникъ югозападной и западной Россіи издаваемый г. Говорскимъ. Кіевъ 1862 г., Кн. I, II и III).

Вторая половина этого года принесла съ собою два замѣчательныя литературныя явленія. Одно изъ нихъ впрочемъ не составляетъ новости; это «День», появившійся послѣ своего невольнаго прекращенія. День явился такимъ же, какимъ онъ являлся и прежде: съ своимъ опредѣленнымъ содержаніемъ и направленіемъ, съ своимъ сочувствіемъ къ самобытному развитію нашего народа, съ сочувствіемъ къ западнымъ славянамъ и въ особенности къ православнымъ и даже съ подпискою въ пользу черногорцевъ. Мы рады возобновенію «Дня»; не соглашаясь съ нимъ кое въ какихъ убѣжденіяхъ, мы тѣмъ не менѣе не можемъ не отдать справедливости честному литературному органу, серьезно занятому общимъ дѣломъ, какъ онъ его понимаетъ. Въ особенности мы не можемъ не отдать справедливости одной изъ главныхъ чертъ «Дня» отличающихъ его почти отъ всѣхъ другихъ литературныхъ органовъ; мы говоримъ о религіозномъ направленіи его. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя легкомысленно относиться къ вѣрованіямъ пятидесяти милліоновъ народа; нельзя заниматься интересами этого народа и въ то же время оставить въ сторонѣ его религіозный интересъ. Онъ особенно важенъ у насъ и вообще въ славянскомъ мірѣ. У насъ религіозный интересъ по несчастію въ прежнее время произвелъ раздѣленіе въ народѣ, не окончившееся и до сихъ поръ. Въ славянскомъ мірѣ, по крайней мѣрѣ въ югозападномъ, религіозный интересъ слишкомъ близко совпадаетъ съ интересомъ народности. И журналъ г. Аксакова есть почти единственный лите-

ратурный органъ поддерживающій нашу племенную связь съ западными славянами. Черезъ него мы узнаемъ, что дѣлается у нихъ, а они узнаютъ и о нашихъ собственныхъ дѣлахъ, и о нашей симпатіи къ нимъ.

Въ вышедшихъ до сихъ поръ нумерахъ «Дня» г. Аксаковъ уже успѣлъ сказать нѣсколько оригинальныхъ мнѣній отъ себя. Онъ сказалъ нѣсколько словъ, которыя позволяютъ думать будто г. Аксаковъ, не желаетъ, чтобы литература со стороны общества пользовалась вниманіемъ. Г. Аксакову очень не нравятся наши цетербургскіе прогрессисты, и въ этомъ онъ совершенно правъ; но въ томъ-то и дѣло, что наши прогрессисты потому только и имѣютъ такое значеніе, что общество не довольно внимательно къ литературѣ. Если бы общество повнимательнѣе относилось ко всему, что ему даютъ читать, то давно бы замолчали всѣ эти промышленники прогресса. — Мы желали бы, чтобы въ подобныхъ случаяхъ г. Аксаковъ говорилъ поопредѣленнѣе и не ограничивался общими положеніями, а подъ часъ переходилъ бы и къ частностямъ, указывая бы уродливыя явленія въ сферѣ нашей литературы. Въ такомъ случаѣ г. Аксаковъ безспорно сдѣлалъ бы полезное дѣло.

Сравнивая движеніе послѣдняго времени въ образованныхъ классахъ общества и среди простого народа, г. Аксаковъ по-видимому поддается влеченію своей чисто-славянской природы и впадаетъ въ односторонность. Онъ рѣшительно приравниваетъ къ нулю движеніе въ средѣ образованныхъ классовъ и даетъ значеніе только тому, которое замѣчается среди простого народа. — Съ одной стороны онъ видитъ даже не бурю въ стаканѣ воды, а только бурю на поверхности стакана воды, а съ другой просыпающагося великана, богатыря, который пошелъ учиться грамотѣ въ сельскія школы. «Потому, говоритъ г. Аксаковъ, нечего намъ заниматься этою микроскопическою бурей, а займемся мы нашимъ любезнымъ народомъ и т. д.» Все это прекрасно, колоссъ конечно стоитъ больше вниманія нежели какіе-нибудь пигмеи; — только нашъ бѣдный колоссъ отъ того долго и спалъ, что при немъ всегда были слишкомъ плохіе пигмеи. По этому и пигмеи стоить вниманія если не для себя, то ради того же самаго колосса, который все-таки къ нимъ пошелъ учиться. А пигмеи, которые учатъ колосса, въ нѣкоторомъ смыслѣ уже перестаютъ быть пигмеями. И надобно, что-

бы они, по крайней мѣрѣ, съумѣли обучать этого великана. Такимъ образомъ и пигмеи стоить нѣкотораго вниманія.

Было бы пріятно если бы наши литературные органы избѣгали подобной односторонности въ своихъ сужденіяхъ. Честное убѣжденіе и искреннія тенденціи должны пользоваться уваженіемъ; они и пользуются имъ среди общества, которое внимательно къ явленіямъ литературы. Но при общественномъ невниманіи, которое существуетъ у насъ, и которое г. Аксаковъ какъ будто желаетъ усилить, какой-нибудь бойкій римоплетъ или прозаическій фельетонистъ воспользуется обмолвкой, а иногда даже и не обмолвкой, а просто здравую мысль, которую онъ не пойметъ, да и начнетъ надъ нею гаерствовать; а публика не внимательная къ литературѣ такъ дѣла и не разберетъ, и слѣдуя за барзописцемъ такъ и осудитъ честнаго писателя.

Кромѣ журнала г. Аксакова съ іюля началъ выходить другой журналъ, весьма похожій на него по направленію; это «Вѣстникъ югозападной и западной Россіи» издаваемый въ Кіевѣ г. Говорскимъ. До сихъ поръ вышло три книжки и по-видимому направленіе журнала опредѣлилось вполне. Главнымъ образомъ страницы его заняты историческими изслѣдованіями объ отношеніяхъ западной и югозападной Россіи къ другимъ славянскимъ странамъ, преимущественно къ Польшѣ. Кромѣ того редакція журнала вошла въ сношенія съ разными литературными органами славянъ западныхъ. Главная цѣль журнала заключается въ защитѣ русской народности у насъ въ западной Россіи и за границею. Потому журналъ почти исключительно направленъ противъ притязаній поляковъ.

Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ наши отношенія къ полякамъ принадлежать къ числу самыхъ щекотливыхъ. И наша и ихъ исторія шли такимъ образомъ, что поляки считаютъ себя обиженными нами, а русскіе такъ думаютъ о полякахъ относительно времени прошедшаго. Теперь польскій и русскій элементы перемѣшаны во многихъ областяхъ, въ нашихъ западныхъ губерніяхъ и въ Галиціи. Какъ извѣстно во всѣхъ этихъ мѣстахъ поляки составляютъ высшій классъ народонаселенія, а русскіе низшій. И пока политика идетъ своимъ чередомъ патриоты поднимаютъ вопросъ о національности этихъ областей. Польскіе патриоты говорятъ, что эти области польскія, а русскіе утверждаютъ, что онѣ русскія; тутъ затрогивается слиш-

комъ много вопросовъ, и между прочимъ вопросъ о вѣрѣ. Поляки говорятъ, что уніятская вѣра была принята нашими западными областями по убѣжденію, что этимъ путемъ они вступили на путь европейской цивилизаціи и болѣе гуманныхъ политическихъ учреждений. Въ то же время они утверждаютъ, что уничтожена унія насиліемъ. А русскіе противъ этого приводятъ историческіе документы, свидѣтельствующіе что унія была введена насильно, что нашъ народъ принявши ее вмѣстѣ съ тѣмъ попалъ подъ власть очень суровую и весьма не гуманную, и находился въ состояніи близкомъ къ рабству, что уничтожена унія совсѣмъ не насиліемъ, а путемъ убѣжденія для нѣкоторыхъ и простымъ административнымъ распоряженіемъ для тѣхъ, которые совершенно не понимали уніи, и для которыхъ потому унія, какъ и всякій другой релігіозный оттѣнокъ, не имѣла никакого смысла. Разработкѣ всѣхъ этихъ вопросовъ и полемикѣ съ польскими патриотами и посвящаетъ свой журналъ г. Говорскій. Онъ печатаетъ массу документовъ, относящихся къ разнымъ подробностямъ всего этого вопроса. Между прочимъ въ первой книжкѣ онъ напечаталъ извѣстный іезуитскій проектъ о томъ, какимъ образомъ западную Россію привлечь къ католической вѣрѣ и сдѣлать ее вполне польскою провинціею. Средства, предложенныя въ проектѣ, разумѣется, соответствовали качествамъ отцовъ іезуитовъ, соединявшихъ въ себѣ свойства волковъ и лисицъ въ одно и то же время (*moitié loup, moitié renard* по извѣстному выраженію французскаго поэта).

Вообще споръ этотъ такого рода, что почти на всѣхъ пунктахъ и именно на главнѣйшихъ притязаніяхъ поляковъ не выдержатъ никакой критики. Исторія соединенія западной Россіи съ Польшею и исторія уніи слишкомъ извѣстны, чтобы тутъ можно было много спорить. Западная Россія присоединена къ Литвѣ путемъ завоеванія, т. е. все-таки насильственнымъ путемъ; а соединеніе Литвы съ Польшею было выгодно только для католической вѣры, которая впоследствии распространилась не только въ Литвѣ, но и въ западной Россіи,—и для польскихъ шляхтичей, которые овладѣли землями до сихъ поръ принадлежавшихъ русскому народу, и притомъ усилили свой кругъ тѣми изъ русскихъ, которые приняли католическую вѣру и ополчились. Русскій народъ не выигралъ отъ этого соединенія ничего; и до сихъ поръ русскіе жители западныхъ губерній от-

личаются только особенною бѣдностію и забитостію. И то, и другое есть результатъ порабощенія одного племени другимъ, со времени соединенія ихъ.

Самое соединеніе двухъ племенъ, разумѣется, не было да и не могло быть добровольнымъ, не смотря на то, что актъ о соединеніи былъ подписанъ нѣсколькими вельможами литовскими и западо-русскими. Г. Говорскій приводитъ даже универсалъ короля Сигизмунда Августа о приобщеніи земли волинской, который подъ угрозою конфискаціи имѣній, повелѣваетъ дворянамъ согласиться на присоединеніе и подтвердить свое согласіе присягою. «Тое присяги, говорится въ универсалѣ, кто бы ся кольвекъ учинити сборонялъ, такому, яко непослушному зверхности нашей права посполитого, имени его, которые бы меля на Волини конфисковать будемъ.»

Присоединеніе совершилось, не смотря на то, что не только народъ, но и масса дворянъ на соединеніе не соглашались и присяги не давали. Но прошло нѣсколько лѣтъ, и западная Русь уже жалуется на притѣсненіе поляковъ. Г. Говорскій помѣщаетъ рѣчь Ивана Мелешко, Сигизмунду III. Вотъ что говоритъ Мелешко: «Колыжъ до тебѣ паничыкъ прѣде, частуй же (подчивай) іего достаткомъ, да и жонку свою подле іего посади, а онъ сыдыт какъ бѣсъ надувшыся, махаеъ шапкою или кипешомъ я з жонкою нашептываеъ, да и въ лодонь скрыбеть. Да колижбы я гетого чорта кулакомъ въ морду или по лицаѣ, по хрыптѣ, такъ, кобы король іего Милость не слыхалъ, не хайбы морды такой поганой не надымалъ.»

Вслѣдъ затѣмъ подошла и унія, которая, съ самыхъ первыхъ дней, начала дѣйствовать насиліемъ. Къ числу самыхъ ревностныхъ распространителей унии принадлежалъ полоцкій архіепископъ Іосафатъ Кунцевичъ, который своими притѣсненіями довель русское народонаселеніе до того, что наконецъ поплатился за это жизнью. Г. Говорскій приводитъ весьма любопытный документъ, относящійся къ дѣламъ Кунцевича—это письмо къ нему литовскаго канцлера Льва Сапѣги отъ 1622 года. «Признаюсь, что я заботился о дѣлѣ и что было бы неблагоразумно оставить это дѣло; но мнѣ никогда и на умъ не приходило того, что В. П. будете присоединять къ ней столь насильственными мѣрами. Всевышній зоветъ къ себѣ кротко: прійдите ко мнѣ всі и проч... а не хочеть и не пріемлетъ рабовъ, влекомыхъ насильно. А вы своимъ неосмотрительнымъ насиліемъ подетрекнули и, такъ сва-

зять, принудили народъ русскій къ сопротивленію и нарушенію присяги, данной его королевскому величеству (разумѣемъ здѣсь отпаденіе Москвы отъ избраннаго ею въ короли Владислава). Вамъ трудно въ этомъ запереться, когда васъ уличаютъ жалобы, поданныя русскими начальникамъ польскимъ и литовскимъ. Развѣ вамъ не извѣстенъ ропотъ неразумительнаго народа, выразившійся желаніемъ его принять турецкое подданство, чѣмъ терпѣть такое притѣсненіе своей вѣры и благочестія. — Вы наполнили земскіе суды, магистраты, трибуналы, ратуши, епископскіи канцеляріи позывами, тяжбами, доносами, чѣмъ не только нельзя распространить униі, но можно расторгнуть и послѣдній союзъ любви въ обществѣ и наполнить сеймы и управы разладомъ и ссорами. Кто же тому причиною? Одна униі виновница всѣхъ этихъ несчастій! Когда вы дѣлали насиліе совѣсти человѣческой, запирали церкви, для того — чтобы люди погибали безъ богослуженія, безъ христіанскихъ обрядовъ и таинствъ, какъ цѣлѣбные; когда злоупотребляете милостями и преимуществами королевскими, вы обходились безъ насъ; а когда нужно усмирять смуты, возбужденныя въ пародѣ вашимъ безпутствомъ, вы хотите нами запираеть дверь.»

Но голосъ Сапѣги былъ единственный, который защищалъ интересы русскаго народа. Правительство польское очевиднымъ образомъ покровительствовало униі и вмѣстѣ съ тѣмъ насиліямъ и злоупотребленіямъ. Какъ извѣстно особенною ревностью въ этомъ дѣлѣ отличался Сигизмундъ III; и г. Говорскій приводитъ его указъ, подвергающій православныхъ жителей въ г. Вильно подѣ власть униятскаго митрополита Ипатія Поцей. Вслѣдствіе этого, какъ самъ Поцей, такъ и впоследствии Кудевичъ, имѣли возможность мало по малу отнимать у православныхъ церкви и монастыри, ссылатъ ревностныхъ изъ православныхъ въ ссылку и такимъ образомъ мало по малу вводить униі.

Униі, какъ извѣстно, была переходною ступенью къ принятію католицизма въ особенности для высшихъ классовъ населенія западной Россіи; а принятіе католицизма было вмѣстѣ съ тѣмъ потерю русской народности. Такимъ путемъ ополячились многие изъ древнихъ родовъ западной Россіи, даже и изъ тѣхъ, которые вели свое происхожденіе отъ св. Владиміра. Вообще характеръ и слѣдствія униі хорошо извѣстны; и печатаніе разныхъ документовъ, относящихся къ ней можетъ имѣть только тотъ смыслъ, что оно послужитъ къ дальнѣйшему уясненію и подтвержденію

той мысли, что уніа началась изъ побужденій совѣсьмъ не религіозныхъ и была распространяема съ помощью хитростей и жестокостей, могущихъ поспорить съ испанскими auto-da-fe. Но въ настоящее время всѣ эти документы имѣютъ и другой смыслъ и именно потому, что поляки высказываютъ свою претензію на господство ихъ народности въ нашихъ западныхъ губерніяхъ; и г. Говорскій хорошо дѣлаетъ, что противопоставляетъ этимъ претензіямъ свои документы. Впрочемъ серьезнаго спора объ этомъ дѣлѣ не можетъ и быть. Потому споръ двухъ народностей между собою по-неволѣ выходитъ изъ сферы научной иногда въ сферу фантазіи, а иногда въ сферу очень хитрой полемики. Мы не думаемъ, чтобы мы должны были передъ нашими читателями излагать вполне тѣ основанія, вслѣдствіе которыхъ польская народность должна уступить народности русской въ западныхъ губерніяхъ; потому мы ограничимся только тѣмъ, что изложимъ наиболѣе любопытныя изъ доказательствъ, приводимыхъ тою или другою стороною въ защиту себя или для порицанія противника. Читателямъ нашимъ, вѣроятно, извѣстно, что нѣкто панъ Духинскій читалъ въ Парижѣ публичныя лекціи о славянскихъ племенахъ, гдѣ онъ и доказывалъ, что великороссы совѣсьмъ не славяне, а какая-то смѣсь татарскаго и финскаго племенъ. Въ свое время наши газеты и журналы напечатали это извѣстіе; да тѣмъ дѣло и кончилось; за опроверженіе его никто не взялся; для нашихъ читателей оно совѣсьмъ и не нужно. Но въ западной Россіи совѣсьмъ другое дѣло; русская исторія полякамъ извѣстна очень мало; и вотъ нѣкоторые поляки взялись за эту идею. Народная газета, издаваемая во Львовѣ пѣлымъ рядомъ статей начала доказывать и равнать идеи пана Духинскаго. Между прочимъ она утверждаетъ что:

1) Между москалями (великороссами) и русинами нѣтъ ничего общаго. Первые—бродяги и разбойники, послѣдніе—земледѣльцы. Первые какіе-то тураны, отуречившіеся (!) татары не любящіе отчизны, не имѣющіе даже въ своей рѣчи этого слова, а послѣдніе — чистые славяне, любящіе свою родину. Что въ разговорѣ москалей слышится языкъ славянскій, это произошло оттого, что, бродя между племенами славянскими и занимаясь разбоемъ, они пріучились къ ихъ говору, а по характеру и доселѣ остались тѣми же туранами.

2) Россіи существуетъ только съ 1772 года. Входящія въ со-

ставъ ея національности имѣютъ каждая свою отдѣльную исторію.

3) Русины постоянно находились въ столкновеніяхъ съ москалями и суздальцами. Владиміръ даже великій, красующійся на памятникѣ, какъ прежній ханъ татарскій, или какъ императоръ русскій, сражался съ предками нынѣшнихъ москалей, какъ съ народомъ враждебнымъ русинамъ и иноплеменнымъ и проч.

Г. Говорскій принимая во вниманіе обстоятельства, а не самое дѣло, начинаетъ полемику противъ этихъ положеній народной газеты. Poleмика его не лишена любопытства по своей горячности, а иногда и по оригинальнымъ аргументамъ, впрочемъ совершенно стѣющимъ тѣхъ, какіе приводитъ Народная газета. Надобно сказать, что спорить ему довольно легко: доказывать то, что великоруссы славяне совсѣмъ не трудно, а доказывать то, что малороссы къ полякамъ относились всегда гораздо враждебнѣе, нежели къ русскимъ, еще легче. И г. Говорскій не щадитъ ничего; у него все идетъ въ строку; между прочимъ онъ приводитъ слѣдующій взглядъ малороссовъ на поляковъ: жидъ, ляхъ, собака усе вира еднака.

Но г. Говорскому и этого мало; въ своей полемикѣ онъ не умолимъ. Отразивши ударъ враговъ онъ и самъ дѣластъ на нихъ нападеніе. Между прочимъ онъ доказываетъ в довольно ловко, что поляки и сами-то совсѣмъ не славяне, а какіе-то азіаты.

«Всѣ прежніе лѣтописцы и историки польскіе, говоритъ онъ, единогласно утверждаютъ, что родоначальниками поляковъ были сарматы, народъ азіатскій, проникнувшій моремъ и сушей изъ закавказья въ мирныя осѣдлица славянъ, раскинутыя въ прекрасныхъ околлицахъ Вислы, Буга и Днѣстра, безъ особыхъ усилій и пожертвованій покорившія подъ власть свою кроткихъ земледѣльцевъ, сдѣлавшія ихъ своими рабами и, естественно, принявшія со временемъ языкъ огромнаго большинства. Эта генеалогія поляковъ такъ правдива и очевидна, что, не будь даже польскихъ лѣтописцевъ и историковъ, мы бы нашли ее путемъ психологическимъ и фізіологическимъ. Въ потомкахъ дикихъ сарматовъ такъ мало славянскаго, въ фізіономіи ихъ внутренней и виѣшней — такъ много сбереглось примѣтъ ихъ предковъ, что не нужно быть ни Длугошемъ, ни Лафатеромъ, чтобы видѣть въ нихъ отродье безпокойныхъ искателей приключеній азіатскихъ. И докихотское *zuchwalstwo*, и чувственность, и

тщеславіе, и преобладаніе воображенія надъ другими способностями духа, и презрительное отношеніе азіатскаго сатрапа къ рабу — все — все въ очевидной гармоніи съ сарматскою генеалогіею поляковъ. Не будь они сарматы, будь они славяне, ихъ никогда не раздѣляла бы съ народомъ славянскимъ та словесная пропасть, какая изпоконъ-вѣку зияетъ между паномъ и холопомъ, или точнѣе — между повелителемъ и рабомъ, дикимъ побѣдителемъ и безмолвнымъ побѣжденнымъ. Не будь они сарматы, они бы не относились такъ враждебно ко всему славянскому, не имѣли бы причинъ и побужденій трактовать подобныхъ себѣ славянъ наравнѣ съ животнымъ или вещью, укрѣпить за собою азіатское право надъ ихъ жизнію, презирать ихъ, давить, какъ народъ чуждый, враждебный. Будь они славяне, они бы не были тѣмъ, чѣмъ были; въ нихъ, хоть однажды заговорило бы чувство крови, имъ хоть изрѣдка напомнили бы сами славяне о своемъ съ ними родствѣ, о своей равноправности, они бы не съ такимъ ужасомъ и отвращеніемъ содрогались при одной мысли о родствѣ нравственномъ, или физическомъ съ холопомъ. Будь они славяне, не будь они сарматы, не откуда бы было взятъ ни панамъ, ни холопамъ. Эта отрѣшенность отъ всего холопскаго — или точнѣе — славянскаго и служила доселѣ главною родовою примѣтою истаго шляхтича; это презрительное высокомеріе, съ какимъ относился католикъ-сарматъ ко всему не панскому, не сарматскому и составляло доселѣ душу всѣхъ его дѣяній, — логическое начало его исторіи. Полякъ кричалъ предъ всѣми, что онъ сарматъ, гордился своею генеалогіею — и вдругъ — о, чудо! — сарматъ отрѣкается своего рода и племени, начинаетъ вопить на весь міръ, что онъ славянинъ, съ изъясненіемъ въ любви — бросается въ объятія русина, называетъ св. Пестора, православно-русскаго угодника кіево-печерскаго своимъ лѣтописцемъ, славянскихъ апостоловъ Кирила Меодія — своими просвѣтителями, — славянь (сѣверо-восточныхъ) не славянами! Что это за мистификація? Когда и какъ произошолъ съ сарматомъ этотъ метаморфозъ. . .

Мы можемъ только улыбнуться этой тирадѣ, да полюбоваться ея полемическою ловкостью; но пожалуй не такъ отнесутся къ ней русскіе изъ западныхъ губерній, когда въ самомъ дѣлѣ имъ ежедневно твердятъ, что они не славяне, а татары, что земля, въ которой они живутъ не есть Русь, а Польша, что нашъ лѣ-

тописецъ, кievскій монахъ и для всей Россіи *свѣтой* Несторъ не русскій, а полякъ. Впрочемъ, нельзя не отдать справедливости г. Говорскому, что пускаясь въ свою полемику, онъ въ то же время самъ сознается, что это только полемика, что стало бытъ, если говорить похладнокровнѣе, такъ нѣкоторыя подробности въ ней пожалуй помягчатся, а пожалуй и совсѣмъ исчезнутъ.

Мы позволимъ себѣ высказать нашъ взглядъ на все это дѣло. Вопросъ о составѣ и объемѣ русской народности совсѣмъ не такъ маловаженъ, какъ нѣкоторымъ кажется. Русскій народъ не отличается духомъ централизаціи административной; доказательствомъ служитъ вся наша исторія. Въ самомъ дѣлѣ всѣ наши древнія учрежденія показываютъ, что вездѣ, гдѣ только народный духъ выражался свободно, онъ требовалъ административной децентрализаціи, самоуправления частей въ дѣлахъ домашнихъ, какъ бы эти части малы ни были. Но въ то же время русскій народъ всегда былъ партизаномъ централизаціи общей національной. Отсюда происходило то правило, что пригороды должны были въ старину стать на томъ, что положить вѣча городовъ старшихъ. Отсюда происшло и то, что русскій народъ, не смотря на свое раздробленіе въ удѣльный періодъ, имѣвшій источникъ не въ народномъ духѣ, а въ родовыхъ обычаяхъ господствовавшего княжескаго дома, уже съ XIV вѣка началъ группироваться около города случайно получившаго перевѣсъ надъ другими. И напрасно даютъ слишкомъ много значенія тѣмъ случайнымъ обстоятельствамъ, которыя возвысили Москву. Случайнаго здѣсь было только то, что это была Москва, а не какой другой городъ. Главнымъ образомъ здѣсь дѣйствовала необходимая причина—стремленіе всей Руси соединиться въ одно цѣлое. Оттого какъ скоро для народа стало ясно, что центромъ этого цѣлаго была Москва, ни какія случайныя причины не могли противодѣйствовать стремленію народа къ единству,—ни личныя качества удѣльныхъ князей и большею частью превосходившихъ въ этомъ отношеніи князей московскихъ, ни даже большая свобода учреждений. Вслѣдствіе этого въ продолженіи только двухъ вѣковъ Москва успѣла соединить съ собою всѣ удѣльныя княжества и соединить такъ, что при Иванѣ Грозномъ понятіе объ удѣльныхъ князьяхъ и удѣльныхъ княжествахъ совсѣмъ исчезло у нашего народа.

Вслѣдствіе этой же причины русскіе города, бывшіе подъ властію Литвы, добровольно переходили на сторону Москвы.

Вслѣдствіе этого и въ Новгородѣ образовалась партія, желавшая соединенія съ Москвою. Вслѣдствіе этого и казаки, благодаря общественному неустройству, уходившіе едва не на край свѣта, скоро соскучивались, забывали прежнія бѣды, а помнили только свое родство съ русскимъ народомъ и при первыхъ сношеніяхъ съ Русью признавали себя ея частью. Эта разумно-централизующая сила въ русскомъ духѣ очень велика; и ей обязанъ русскій народъ своимъ теперешнимъ единствомъ, которое и до сихъ поръ уже предохранило насъ отъ судьбы, подобной судьбѣ славянъ западныхъ и юго-западныхъ; а въ будущемъ оно общаетъ намъ еще больше. Мы должны дорожить этою великою силою, и притомъ не только для насъ самихъ, но и для другихъ; быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ, намъ суждено привести къ свободѣ вмѣстѣ съ самими собою и тѣ племена, которыя находятся подъ давленіемъ вѣмцевъ или турокъ.

Нашъ жалкій прогрессъ послѣднаго времени и въ этотъ вопросъ внесъ свою долю фанфаронства. Промышленники прогресса внесли и сюда идею о федеративномъ началѣ: они находили и, высказывали, что русскому народу не мѣшало бы раздѣлиться такъ, какъ раздѣленъ теперь народъ германскій, и какъ недавно еще былъ раздѣленъ народъ италіанскій. Слава Богу, что въ самомъ дѣлѣ нишъ прогрессъ дальше поверхности народной массы и силы не пошелъ; наши децентрализаторы прогрессисты народнаго духа передѣлать немогли.

И вотъ теперь какъ и прежде то въ томъ то въ другомъ мѣстѣ даютъ себя чувствовать эти централизующія силы русскаго духа. Г. Говорскій рассказываетъ, что въ Малороссіи сельскіе жители обижались когда духовенство попробовало говорить имъ проповѣди на малорусскомъ нарѣчій, что въ настоящее время въ малорусскихъ сельскихъ школахъ народъ хочетъ учить дѣтей своихъ грамотѣ по русскимъ книгамъ, а не по малороссійскимъ. Мы сами видѣли въ Малороссіи въ жизни простого народа подобныя доказательства присутствія въ немъ этой централизующей силы. Она обнаруживается и среди тѣхъ членовъ великой семьи русскаго народа, которые историческими обстоятельствами оторваны пока отъ всего цѣлаго. Львовская газета Слово усердно стоитъ за русскій азыкъ, за русскую орфографію, даже вмѣстѣ съ буквою *ѣ*. Наша журналистика высказалась относительно тенденцій этой газеты. Именно ей сказалъ слово сочувствія «День» и слово осу-

жденія г. Чернышевскій въ Современникѣ. Мы искренно желаемъ всякаго благополучія г. Чернышевскому, но въ тоже время не можемъ обойти молчаніемъ тѣ изъ его мнѣній, которыя мы считаемъ вредными для нашего развитія, способными остановить его успѣхи. Въ этомъ случаѣ мы совершенно отдѣляемъ личнота отъ убѣжденій и разумѣется убѣжденіе ставимъ выше личности. Личность имѣетъ смыслъ только сама для себя, а убѣжденія высказываемыя печатно имѣютъ смыслъ иногда для жизни цѣлаго народа. Потому если какой-нибудь литературный органъ вслѣдствіе какихъ бы то ни было обстоятельствъ, на основаніи ложно понимаемой деликатности откажется произнести слово осужденія не на личность, а на мнѣнія, которыя онъ считаетъ вредными; такой поступокъ нужно считать дѣйствительнымъ преступленіемъ противъ нравственныхъ законовъ о печати.

Г. Чернышевскій въ своей статьѣ «Національная безтактность» самъ допустилъ весьма большую безтактность. Въ самомъ дѣлѣ за что онъ осудилъ «Слово»? За то что оно старается писать на языкѣ обще-русскомъ, а не на малорусскомъ. Но въ этомъ сужденіи Чернышевскій по-видимому больше нежели гдѣ-нибудь довѣрился только своей логикѣ, которой онъ такъ вѣриль, а не потрудился провѣрить его фактами. Онъ какъ-будто вообразилъ, что малорусское нарѣчіе есть вполне сформировавшійся и однообразный языкъ отъ Карпатъ до Дона, отъ Польши и до Чернаго моря, что имъ говорятъ и на хуторахъ и въ городахъ. Между тѣмъ не вдаваясь въ дальнее разсужденіе о малорусскомъ нарѣчій, припомнимъ факты, только, что приведенные выше, именно, что сельскіе жители въ малороссіи нехотѣли слушать проповѣдей на малорусскомъ нарѣчій, и теперь желаютъ учить своихъ дѣтей по книгамъ написаннымъ языкомъ обще-русскимъ. Какъ же послѣ этого требовать отъ издателей львовскаго слова, чтобы они издавали свою газету на малорусскомъ нарѣчій? Да знаютъ-ли еще они его и могутъ-ли владѣть имъ? Наши малороссы не только жители городовъ, но и жители деревни, принадлежащіе къ высшимъ классамъ, владѣютъ малорусскимъ нарѣчіемъ очень плохо, точно такъ какъ мы плохо владѣемъ простонароднымъ говоромъ великорусскимъ; и когда они пробуютъ говорить на малорусскомъ нарѣчій, то дѣлаютъ такіе промахи, которые заставляютъ въ-доволь насмѣяться сельскаго жителя. Даже наши малорусскіе писатели, за исключеніемъ какихъ-

нибудь двух-трехъ, владѣютъ малорусскимъ нарѣчіемъ очень плохо, пишутъ на немъ съ большимъ трудомъ, да и то неправильно. Отчего же предположить, что для редакціи львовской слова всѣ эти трудности не существуютъ?— Да наконецъ если и предположить, что львовское «Слово» могло бы издаваться на малорусскомъ нарѣчїи, то отчего оно должно было предпочесть его языку обще-русскому, если и у насъ въ малороссїи, въ странѣ имѣющей около 10,000.000 народонаселенїя не было да и до сихъ поръ нѣтъ газеты на малорусскомъ нарѣчїи, когда всѣ газеты не только официальныя, но даже и не официальныя издаются тамъ на языкѣ обще-русскомъ? Да и какіе интересы могли привязывать галицкое населеніе къ малорусскому отдѣльно отъ интересовъ обще-русскихъ? А между тѣмъ къ интересамъ обще-русскимъ населеніе Галиціи можетъ быть очень чувствительно; мы слава Богу говоримъ на своемъ родномъ языкѣ, мы составляемъ крѣпкое общество связанное національностью и наша національность не подвергается передъ нашими глазами ежедневному поруганію; напротивъ русскїя добродѣтели и официально и не официально еще очень недавно повергались у насъ великому восхваленію. Наконецъ, не смотря ни на что, мы чувствуемъ себя одною великою семьею, мы надѣемся на лучшую счастливѣйшую будущность; удивительно-ли послѣ этого, что наши загнанные и оторванные отъ насъ братья хотѣли хоть какъ-нибудь скрѣпить родство, которое очень многие стараются разорвать совсѣмъ?—Мы не можемъ себѣ представить положенїя болѣе горькаго, какъ то, которое такъ картинно выражается въ словахъ Евангелїя: во своя прииде, и свои его не прїяша. Въ самомъ дѣлѣ тяжело человѣку послѣ очень долгаго отсутствїя возвратиться изъ далекой стороны на родину къ своимъ, и не найти ихъ больше на этомъ свѣтѣ, возвратиться за тѣмъ, чтобы оказаться круглымъ сиротою въ мірѣ, но еще тяжелѣе тому кто послѣ долгаго отсутствїя изъ далекой стороны возвращается на родину къ своимъ, всѣхъ ихъ находить въ живыхъ; но всѣ они его отталкиваютъ, и онъ оказывается еще болѣе горькимъ сиротою.— Г. Чернышевскїй именно такимъ образомъ поступилъ съ издателями львовскаго «Слова». Слава Богу, что по крайней мѣрѣ не одинъ г. Чернышевскїй оказался въ русской литературѣ; что нашлись таки свои, которые не оттолкнули своего.

Г. Чернышевскїй обвиняетъ издателей львовскаго «Слова» за то,

что они не вѣрятъ полякамъ, простирающимъ къ нимъ свои объятія. Конечно если судить обо всѣхъ полякахъ вообще по тѣмъ немногимъ экземплярамъ, которые г. Чернышевскій видѣлъ здѣсь въ Петербургѣ, и какіе можно найти и въ другихъ мѣстахъ, то отчего не вѣрить полякамъ. Но не таковы оказываются остальные-то поляки, по-видимому громадное большинство и притомъ даже весьма либеральные патриоты. Оказывается что имъ ни какъ не хочется выпустить изъ своихъ рукъ давно пріобрѣтенную добычу. Тутъ именно рѣчь не о равноправномъ соединеніи двухъ народностей. Какая можетъ быть равноправность между двумя народами, изъ которыхъ одинъ состоитъ исключительно изъ благородныхъ и болѣе или менѣе богатыхъ землевладѣльцевъ, а другому эти самые благородные не даютъ ничего имени кромѣ холоповъ, его языкъ они называютъ холопскимъ, вѣру тоже холопскою? И это не преданіе старины глубокой, не дѣла давно минувшихъ лѣтъ, а факты совершающіеся до сихъ поръ и судя по всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ имѣющіе совершаться впередъ на неопредѣленное, но очень долгое время.—Въ другомъ мѣстѣ г. Чернышевскій посмѣялся надъ г. Адаковымъ за то, что онъ называлъ поляковъ безумными въ то время, когда они заявили свои владѣльческія претензіи на страны населенныя нашимъ народомъ, у котораго они отняли землю, который они довели до нищеты и до послѣдней степени униженія. Да какъ же не назвать это безуміемъ, какъ не сказать, что это безуміе есть дѣйствительно что-то въ родѣ Божіей кары. Кому въ самомъ дѣлѣ вредятъ въ этомъ случаѣ поляки, намъ или самимъ себѣ? — Конечно прежде всего самимъ себѣ, потому что лишаютъ себя сочувствія всѣхъ искреннихъ себѣ друзей, и поднимаютъ противъ себя то самое народонаселеніе, о соединеніи съ которымъ они повидимому такъ хлопчатъ. Говорятъ, что если бы русская полиція не удерживала это самое народонаселеніе, то оно давно бы повторило время гайдамачества и по своему бы разрѣшила бы вопросъ народностей въ нашихъ западныхъ губерніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ претензіи польской шляхты въ западныхъ губерніяхъ превосходятъ все, что мы знаемъ въ другихъ мѣстахъ. Г. Говорскій помѣстилъ въ своемъ журналѣ письмо одного русскаго жителя Волинской губерніи о демонстраціяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Житомирѣ. Если бы эти демонстраціи имѣли цѣлью высказать только сочувствіе поляковъ къ судьбѣ Царства Польскаго, то онѣ

еще были бы понятны. Но дѣло не въ томъ, эти господа имѣютъ желаніе осчастливить жителей тѣхъ краевъ соединеніемъ съ Польшою. Въ томъ же самомъ смыслѣ дѣлаются демонстраціи и въ Кіевѣ, такъ что и Кіевъ снова будетъ имѣть удовольствіе находиться подъ властью Польши. И съ какою наглостью все это дѣлается! Русскій житель Волыни пишетъ что напр. въ Житомирѣ поляки при всякомъ удобномъ случаѣ стараются оскорбить на улицѣ русскаго, чтобы затѣять ссору и собравшись въ превосходныхъ силахъ побѣдить его. Смѣшно и жалко и обидно, обидно не за себя, а за тѣхъ же самыхъ поляковъ, которые подобнымъ ребячествомъ компрометируютъ свое собственное дѣло. Да что же въ самомъ дѣлѣ народъ то живущій около Кіева или около Житомира? Будто въ самомъ дѣлѣ онъ ничто иное какъ стадо овецъ, у котораго нечего и спрашивать его мнѣнія?

Мы можемъ сообщить при этомъ случаѣ слѣдующія данныя; не только въ малороссіи, но и въ великой Россіи почти вездѣ нашъ простой народъ имѣетъ свои понятія о полякахъ. Слово полякъ для него имѣетъ совершенно опредѣленное значеніе врага русскаго народа, именно народа, а не когонибудь другого. Оттого всегда въ то время когда въ какой бы то нибыло мѣстности въ великой Россіи начинаются частые пожары и народъ начинаетъ подозрѣвать поджоги, онъ непременно приписываетъ ихъ полякамъ не съ какою-нибудь другою цѣлью, а исключительно съ тѣмъ, чтобы надѣлать зла русскимъ. И въ послѣднее время, когда въ Петербургѣ были пожары, извѣстные слухи о поджигателяхъ вышли не изъ народа; народъ какъ и всегда говорилъ, что поджигаютъ поляки.—Если же этому то народу кто-нибудь усидеть растолковать, что поляки желаютъ господствовать надъ русскимъ народомъ въ западныхъ губерніяхъ, то этотъ народъ вѣроятно не выскажетъ своей симпатіи полякамъ.

Мы желали бы, чтобы историческая вражда русскаго народа съ польскимъ мало по малу потухала; но современныя событія идутъ такимъ образомъ, что она больше и больше разгарается. И очевидно въ приведенныхъ нами случаяхъ виноваты не русскіе, а поляки.—А къ тому же еще прошолъ слухъ, что польскіе патриоты обратились къ Пію IX съ просьбою возстановить унію. Ну теперь пусть возстановляютъ ее: теперь она не страшна будетъ русскому народонаселенію въ западныхъ губерніяхъ,

теперь едва-ли можно будет употребить тѣ средства, которыя годились въ XVII столѣтіи.

Еще разъ повторимъ; все это слишкомъ жалко и вредно полякамъ даже въ такихъ стремленіяхъ, въ которыхъ они правы. И тутъ заключается причина, которая вполне доказываетъ разумность тенденцій львовскаго Слова и вполне осуждаетъ мнѣнія г. Чернышевскаго и подобныхъ ему публицистовъ. Мы понимаемъ, что въ то время эти публицисты оправдывали свое мнѣніе такими разсужденіями: пора, говорили они, намъ перестать думать о завоеваніяхъ; у насъ есть слишкомъ много дѣла у себя дома. Все это прекрасно; но, здѣсь какъ и вездѣ, ябши прогрессисты не умѣли какъ слѣдуетъ понять дѣла и приложить къ нему принципъ. Разумѣется давно пора перестать думать о завоеваніяхъ; но будто сказать слово сочувствія угнетеннымъ и даже подать имъ руку помощи значить дѣлать завоеванія? Философы и моралисты всѣ вообще завоеванія, какъ бы они блестящи ни были, называютъ разбоями и грабежами въ большемъ размѣрѣ; и ужъ разумѣется разбоя и грабежа философы не оправдаютъ. Но нельзя назвать грабежемъ и разбоемъ помощь, оказываемую тѣмъ, на кого произведено нападеніе, и никакой философъ и моралистъ не оправдалъ бы ту семью, которая, занимаясь въ своемъ домѣ дѣломъ и слыша на улицѣ крики, призывающіе на помощь, не тронулась бы съ мѣста и позволила бы передъ своими окнами ограбить прохожаго. Если же прохожій будетъ не чужой этой семьѣ и притомъ ей это будетъ извѣстно, въ такомъ случаѣ бездѣйствіе ея было бы несообразно ни съ какими законами природы человеческой.

Замѣчательно, что почти всѣ кривыя сужденія нашего прогресса, къ чему бы они ни относились, происходятъ и всегда происходили изъ одного источника. Начиная разсуждать объ исправленіи нашихъ общественныхъ недостатковъ, о средствахъ къ улучшенію нашего собственнаго быта, мы всегда проникались до крайности идеею о своемъ собственномъ ничтожествѣ, мы забывали свои права, не хотѣли отдавать справедливости и тому, что у насъ было хорошаго. Изъ этого источника шли наши административныя постройки, ломки и перестройки прошедшаго и нынѣшняго столѣтія. Изъ этого же источника шли и всѣ тѣ проекты реформъ, которые остались не выполненными и которые принадлежатъ не только нашимъ администраторамъ, но

ученымъ публицистамъ и тому подобное. За недостаткомъ самоуваженія, мы до такой степени привязываемся къ идеаламъ найденнымъ нами въ другомъ мѣстѣ или сочиненнымъ нашею фантазіею, что въ пользу ихъ мы отказываемся отъ всего, на что мы имѣемъ право и что есть у насъ самихъ безспорно добраго. Положеніе наше оказывалось въ родѣ того, въ которое, какъ говорятъ, ставать себя благочестивые католички-литвины; Литвины до такой степени преданы своему приходскому ксендзу, до такой степени признаетъ передъ нимъ свое ничтожество, что въ его пользу отказывается отъ всего, чѣмъ онъ въ другомъ случаѣ подорожилъ бы. Подобнымъ же явленіямъ давало иногда мѣсто и у насъ крѣпостное право. И наши прогрессисты во многихъ случаяхъ оказываются дѣйствительно въ крѣпостномъ отношеніи къ своимъ учителямъ или къ тѣмъ жалкимъ идейкамъ, которымъ они себя закабаляли. Такимъ образомъ, наши прогрессисты не подорожили между прочимъ и единствомъ русскаго народа, готовы были пожертвовать своимъ жалкимъ идейкамъ тѣмъ, что намъ досталось такимъ трудомъ. Такимъ же образомъ они готовы были отказаться отъ племеннаго родства съ галицкою Руссью. И въ этомъ отношеніи мы представляемъ едва-ли не единственный примѣръ между современными народами. Нѣмцы, раздѣленные у себя дома тѣмъ не менѣе съ братскимъ сочувствіемъ относятся къ Шлезвигу и Голштиніи; италянцы также относятся къ Венеціи, а мы отворачиваемся отъ галицкихъ руссиновъ, когда тѣ ищутъ нашего сочувствія; италянцамъ мы сочувствовать какъ будто умѣемъ, а самимъ себѣ не умѣемъ. Это и служить доказательствомъ ложности и поддѣльности нашихъ политическихъ симпатій и антипатій, это прямо говоритъ, что у насъ ихъ совѣтъ нѣтъ, что мы только ихъ сочиняемъ сами для себя и фанфаронимъ ими.

Г. Говорскій нападаетъ съ большимъ ожесточеніемъ на идею, высказанную г. Чернышевскимъ объ отношеніяхъ двухъ народностей русской и польской въ западной Россіи, равно какъ и въ Галиціи. Это совершенно понятно; мы можемъ разсуждать объ этомъ вопросѣ со стороны, а для г. Говорскаго, равно какъ для русскаго жителя Волыни, тутъ вмѣстѣ съ вопросомъ общимъ есть и вопросъ личный. Такое или другое рѣшеніе его должно отозваться на ихъ собственной судьбѣ. Вслѣдствіе этого г. Говорскій и говоритъ совѣтъ не такъ, какъ мы. Чита-

тепѣ наши видѣли впереди образчикъ его споровъ чисто научныхъ; вонъ другой образчикъ, относящійся къ полемикѣ менѣе теоретической. «Мы раскаеваемся говорить г. Говорскій, что сказали кое-что въ обличеніе лживаго фельетониста народной газеты. Голова, въ которой роятся почитованныя галлюцинаціи имѣетъ нужду не въ критикѣ, а въ обливаніи холодною водою и даже пивкажъ. Если бы мы сказали, что поляки вышли изъ японіи, населили степи африканскія, вели постоянныя войны съ Испаніей, жили въ неизмѣнной дружбѣ съ Россіей; если бы мы сказали, что Польша существуетъ только съ 1736 года, что въ Варшавѣ убито русскихъ въ прошломъ году 300,000, мы не сказали бы неглупости ни безуміе, ни безсовѣстїе той, какою Народная газета хотѣла обмануть Европу, унижить Россію и увеличить число сочувствующихъ воскресенію мертвой Польши?»

Вообще г. Говорскій отнесся весьма правильно къ главнѣйшимъ вопросамъ, которыми онъ занимается въ своемъ журналѣ. Притомъ онъ не ограничился, какъ могъ бы подумать читатель, однимъ только вопросомъ польско-русскимъ; въ его журналѣ есть статьи или корреспонденціи и о другихъ славянскихъ народахъ—все это весьма послѣдовательно.

Мы познакоимъ читателей съ рѣшеніемъ, которое даетъ г. Говорскій одному вопросу, весьма важному, именно вопросу объ отношеніи великорусской народности къ малорусской. Въ редакцію львовскаго «Слова» къмъ то изъ Кіева было послано письмо, въ которомъ авторъ выражаетъ свои сепаратистскія стремленія. Авторъ доказываетъ, что соединеніе малороссіи съ Россіей противно интересамъ малороссіи, что малорусская народность слишкомъ далеко расходится съ великорусскою, что малороссы только по принужденію учатся по русскимъ книгамъ, наконецъ, что безъ дальнихъ словъ малороссія должна отдѣлиться отъ Россіи. Г. Говорскій подозрѣваетъ, что это письмо написано не малороссомъ, а кіевскимъ полякомъ, или, какъ онъ выражается, ляхомъ; взѣтомъ мы совершенно не согласны съ нимъ. Всѣ признаки указываютъ на то, что письмо это написано однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ прогрессистовъ, имѣющихъ весьма своеобразный взглядъ на политическія отношенія русскаго народа. Г. Говорскій подробно опровергаетъ аргументы этого письма. Одинъ изъ нихъ заключается въ томъ, что общерусскій языкъ не понятенъ для малоросса. «Но все-ли пойметъ на этомъ языкѣ, говоритъ г. Говорскій, какой-либо поселянинъ

вологодской или рязанской губерніи, говорившій только на своемъ простомъ нарѣчій? Отчего же это происходитъ? Не отъ отдаленности одного говора отъ другого, а отъ большаго количества и новизны понятій, и происходящихъ отсюда новыхъ выраженій, и новыхъ комбинацій цѣлой рѣчи; значить различіе и иногда очень значительное, между языками одного и того же народа, образованнымъ и необразованнымъ всегда будетъ, и было бы низостію съ нашей стороны пользоваться всякимъ различіемъ говора для внушенія раздора и взаимной ненависти между говорящими на простомъ только малорусскомъ языкѣ и говорящими на малорусскомъ и образованномъ русскомъ языкѣ. — Какая необходимость принуждать насъ малороссіянъ учиться по книгамъ на обще-русскомъ книжномъ языкѣ, когда мы сами, наперекоръ г. Кіянцу желаемъ и будемъ на немъ учиться, будемъ на немъ учить и своихъ земляковъ малороссіянъ, нисколько не изгоняя и малорусскихъ книжнокъ? Поступая иначе, мы, изъ-за пустой страсти къ оригинальнымъ выходкамъ, впали бы съ одной стороны въ самую узкую, и именно насильственную односторонность, лишая народъ того выработаннаго и богатаго письменными произведеніями языка, который служитъ для насъ уже природнымъ и для народа вполнѣ доступнымъ, съ другой—превратились бы въ сильныя орудія тѣхъ господъ, которыми такъ хочется разорвать теперь широкость русской жизни и поразить ее по частямъ.—Заклучимъ же нашъ отвѣтъ г. Кіянцу. Не исключая малорусскихъ книжнокъ мы постоянно будемъ стараться учить нашъ южнорусскій народъ, и на обще-русскомъ, образованномъ языкѣ, будемъ также всегда сохранять въ немъ внутреннее единеніе съ племенемъ великорусскимъ, бѣлорусскимъ и чернорусскимъ т. д.»

Мы думаемъ, что такой взглядъ на наши домашнія отношенія есть самый разумный. Дѣло настоящаго времени должно состоять въ примиреніи и соединеніи, а не въ разживаніи вражды и разъединеніи. Самую тяжелую эпоху русскій народъ уже пережилъ, и если и въ то время связь между русскими племенами, имѣя безспорно нѣкоторыя неудобства, могла поддерживаться удобствами, которыя своею массою и значеніемъ превосходили неудобства, то тѣмъ болѣе она можетъ поддерживаться теперь, когда наша жизнь мало по малу освобождается и частію уже освободилась отъ прежнихъ своихъ неудобствъ. Притомъ надобно замѣтить, что не одна великая Россія вино-

вата въ прошлыхъ неудобствахъ. Возьмемъ напр. крѣпостное право. Мы хорошо помнимъ, какъ еще за долго до уничтоженія его малорусскіе паны и панычи съ жаромъ протестовали противъ него и обвиняли въ немъ разумѣется прежнія правительства Россіи, говорили что малороссія соединеніемъ своимъ съ Россією пріобрѣла себѣ крѣпостное право. Это, конечно, походитъ на правду, хотя не вполнѣ. Но зачѣмъ эти самые люди забывали, что сами они владѣли такимъ имѣніями, которыя въ прежнее время составляли войсковую собственность и впоследствии предками ихъ, конечно не только съ согласія, но и по желанію русскаго правительства, обращены въ родовую собственность?

Если бы наше правительство, вводя въ малоросіи крѣпостное право, отдало малороссовъ исключительно во власть русскихъ помѣщиковъ, то конечно сами малороссы не были нисколько виноваты въ этой несчастной мѣрѣ. Но малорусскіе помѣщики почти исключительно туземнаго происхожденія; поэтому ужь если кто имѣеть причину жаловаться, то конечно не они, а только одинъ народъ. Притомъ, то же самое явленіе имѣло бы мѣсто, если бы малороссія была подъ властію Польши, даже если бы она осталась самостоятельною, потому что, еще раньше присоединенія къ Россіи, казаки стали смотрѣть на себя какъ на привилегированное сословіе. Но не надобно забывать, что соединеніе съ Россією избавило малороссію, равно какъ и бѣлорусію, отъ гоненія за вѣру. Весьма большой смыслъ имѣеть и то, что образовавшееся малорусское дворянство сохранило свою національность, тогда какъ въ западной Россіи оно ополячилось и перемѣнило народныя языкъ, вѣру и обычаи.

Но сколько какая изъ сторонъ виновата въ несчастныхъ событіяхъ прошедшаго, объ этомъ скажетъ свой судъ исторія. Теперь, когда ошибки предковъ частію исправлены, наше дѣло должно состоять въ томъ, чтобы дружными усиліями стремиться къ исправленію остальнаго, а не расходиться въ разныя стороны и черезъ это въ самомъ дѣлѣ рисковать подвергнуться новымъ несчастіямъ, отъ которыхъ мы теперь по крайней мѣрѣ свободны.—Такой взглядъ на наши племенные отношенія мы считаемъ единственнымъ рациональнымъ; и потому мы желаемъ наибольшаго успѣха журналу г. Говорскаго. Но при этомъ считаемъ своею обязанностию указать ему на одинъ недостатокъ весьма существенный, который отталкиваетъ отъ него весьма

многихъ. Г. Говорскій, по-видимому увлеченный духомъ протворенія, въ отвѣтахъ своимъ противникамъ, осуждающимъ все русское, бросается въ противоположную крайность. Все русское для него выше всякой критики. Эта метода имѣетъ много неудобствъ, и сама по себѣ и вслѣдствіе современныхъ нашихъ обстоятельствъ. Если мы будемъ относиться съ подобострастіемъ ко всему тому, что у насъ есть и что было нехорошаго, то разумѣется мы далеко не уйдемъ. А г. Говорскій тайными планами можетъ оттолкнуть отъ себя не только прогрессистовъ въ родѣ того киевлянина, который писалъ письмо въ львовское Слово, но и ту часть нашего общества и преимущественно молодого поколѣнія, которая одушевлена дѣйствительнымъ стремленіемъ къ общему благу и готова потрудиться для этой цѣли.

Мы не говоримъ здѣсь о преувеличеніяхъ и полемическихъ выходкахъ журнала, которыя вызываются тѣми же самыми качествами публицистовъ противнаго лагеря. Въ полемикѣ, занимающейся дѣломъ слишкомъ близкимъ къ сердцу и имѣющей въ виду массу публики, трудно, да иногда даже и вредно держаться тѣхъ правилъ, которыя соблюдаются въ сочиненіяхъ, представляемыхъ на академическія преміи. Но если, выходя изъ этого взгляда, осуждать безъ исключенія все у одной стороны и оправдывать у другой, то этимъ можно только повредить себѣ и дать сильное оружіе противникамъ; напр. киевлянинъ пишетъ что въ малороссіи до сихъ поръ «Ляхъ, попь и чиновникъ равно душитъ народъ.» Что касается до ляховъ съ этимъ конечно вполне согласенъ г. Говорскій; но отношенія чиновниковъ къ народу онъ старался защищать сверхъ мѣры. Конечно наши чиновники никогда не доходили до того, до чего доходили египетскіе арендаторы польскихъ пановъ въ былое время, но нельзя не отрицать того, что нашъ бюрократическій порядокъ, и вообще, и въ частности не рѣдко вредилъ и до сихъ поръ вредитъ намъ въ развитіи народнаго богатства. Стоитъ только вспомнить о неправотѣ рѣшенныхъ процессахъ гражданскихъ, которые однихъ лишали имущества, а другимъ его передавали, разумѣется съ приличнымъ вычетомъ въ пользу чиновничества, о процессахъ уголовныхъ, которые преступниковъ оставляли среди общества, и тѣмъ разумѣется ни сколько не содѣйствовали его процвѣтанію; стоитъ вспомнить о всякаго рода придеркахъ при всѣхъ возможныхъ покупкахъ и продажахъ, при открытіи торговли, какого-нибудь производства, при взносѣ податей, поставкѣ рекрутъ и т. п.;

стоитъ вспомнить о разныхъ земскихъ сборахъ, которые на бунгаѣ имѣли цѣлю удовлетвореніе разнымъ потребностямъ сельскихъ и городскихъ населеній, а на дѣлѣ этой цѣли не достигали. Такія явленія мы не должны скрашивать нашимъ молчаніемъ или даже оправданіемъ тѣмъ болѣе, что развитіе мѣстнаго самоуправленія и мировыхъ учреждений и гласнаго судопроизводства, на что мы можемъ рассчитывать уже въ непродолжительномъ времени уничтожить всѣ подобныя несчастныя явленія въ самомъ корнѣ.—Нельзя вполнѣ оправдывать и прошедшій образъ дѣйствій нѣкоторыхъ членовъ нашего духовенства, тѣмъ болѣе, что частію не само оно было въ немъ виновато. Мы желали бы, чтобы г. Говорскій избѣгнулъ недостатка, о которомъ мы говоримъ и отнялъ у своихъ противниковъ то оружіе, которое даетъ имъ въ руки. Тогда въ защищаемомъ имъ вопросѣ окажется на его сторонѣ здравое большинство мыслящей части нашего общества.

Д. Щегловъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Новый обозрѣватель самолюбивъ. — Неурядицы при нашихъ судебныхныхъ учрежденіяхъ. — Новое судоустройство: мировые судьи и съезды, окружные суды, присяжные застѣатели, судебныя палаты и сенатъ; прокуроры, присяжные повѣренные, пристава. Полная гласность будущаго судопроизводства; выгоды его, даже прихуdomъ веденіи. — Страданія инородцевъ отъ плохой администраціи, особенно въ Сибирѣ. — Главныя основанія проекта положеній о земскихъ учрежденіяхъ. Мѣстное самоуправленіе и полезное его вліяніе на благоустройство общественной жизни. — Невыгоды прежняго областнаго управленія. — Наши Думы не шевелятся. — Отчего русскій народъ не охотно беретъ должности по выборамъ. — Жалобы на канцелярскую тайну и выборы Думъ отъ самоуправления исчезнуть. — Самоуправства на святой Руси. — Слухъ о новомъ обществѣ. — Постройка дома въ Петербургѣ для призрѣнія вдовъ и сиротъ епархіальнаго духовенства. — Погоня пензенской консисторіи за мертвой буквой: а симбирскихъ помѣщиковъ за проэктами и пустяками. — Превращенія въ мірѣ нравственномъ и въ мірѣ физическомъ. — Отношеніе чиновника въ земскій судъ. — Народное просвѣщеніе. — Нѣчто о столичномъ освѣщеніи. — Просьбы помѣщика къ мировому посреднику. — Чѣмъ занимается комитетъ грамотности? — Разсказъ о томъ, что такое швихъ?

Неудовлетворительность, неурядицы въ нашихъ судебныхныхъ учрежденіяхъ, произволъ и продажность судей и приказныхъ, нескончаемыя переписки и проволочки въ дѣлахъ лежатъ тяжелымъ камнемъ на нашемъ обществѣ, и давятъ и раздавливаютъ преимущественно нисшіе классы народа. Не разъ приносились справедливыя жалобы на суды наши со стороны имѣвшихъ съ ними дѣло; всякій ихъ боялся и желалъ отъ души скорѣе новой системы судопроизводства и судоустройства. Правительство само давно чувствовало это, вводило улучшенія по частямъ и дѣлало различныя измѣненія; но долгіе опыты показали, что зло глубоко пустило корни, частныя усовершенствованія только усложняютъ

и запутываютъ юридическій механизмъ и не обуздываютъ произвола распорядителей. Поэтому, правительство рѣшилось сдѣлать коренное преобразование, и тѣмъ удовлетворить искреннимъ желаніямъ общества.

Недавно обнародованы основанія новаго судопроизводства и судоустройства, и встрѣчены самою искреннею радостью и горячимъ привѣтомъ въ здѣшнемъ обществѣ. Мы передадимъ сущность этихъ основаній, которыя развиваются въ приготавливаемыхъ проектахъ уставовъ и положеній по этому дѣлу.

По новымъ основаніямъ, судебная власть отдѣляется отъ исполнительной, административной и законодательной. Судебная власть вручается *мировымъ судьямъ, мировымъ съездамъ, окружнымъ судамъ, судебнымъ палатамъ и сенату*, въ качествѣ верховнаго кассационнаго суда.

1) *Мировые судьи* составляютъ первую инстанцію суда и назначаются по городамъ и уѣздамъ для производства дѣлъ небольшой важности, какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ. Они избираются всѣми сословіями на 3 года *только* изъ мѣстныхъ жителей, получившихъ образованіе въ среднемъ или высшемъ учебномъ заведеніи; мировой судья долженъ быть не моложе 25 лѣтъ и одновременно съ опредѣленнымъ количествомъ годоваго дохода: выборъ его утверждается сенатомъ. Вѣдомству мирового судьи подлежатъ, по дѣламъ уголовнымъ, преступленія и проступки, за которые въ законахъ опредѣляются выговоры, замѣчанія, внушенія, денежныя взысканія не выше 300 руб., арестъ не далѣе 3-хъ мѣсяцевъ. По дѣламъ гражданскимъ онъ разбираетъ иски, не превышающіе 500 рублей, а окончательное рѣшеніе имъ дѣлается по искамъ только до 30 р.; остальные рѣшенія подлежатъ разсмотрѣнію съѣзда. Дѣла у мирового судьи производятся публично и словесно безъ употребленія гербовой бумаги и съ освобожденіемъ отъ всякихъ пошлинъ.

Кромѣ участковаго судьи избираются нѣсколько почетныхъ, имѣющихъ право рѣшать дѣла, когда обѣ тяжущіяся стороны обратятся къ нему за разборомъ ихъ тяжбы, по дѣламъ подлежащимъ вѣдомству участковаго мирового судьи. Почетные судьи никакого содержанія не получаютъ.

2) *Мировымъ съездамъ*, которые бывають въ назначенные сроки, подлежитъ окончательное рѣшеніе нѣкоторыхъ дѣлъ, начатыхъ мировымъ судьей; председателя съѣзда судьи избирають изъ среды себя.

3) *Окружные суды* состоятъ изъ предсѣдателя и членовъ, которыхъ при рѣшеніи дѣлъ должно быть не менѣе трехъ. Судебные слѣдователи считаются членами суда и призываются въ случаѣ недостатка наличныхъ членовъ. Засѣданія будутъ публичныя; при разборѣ дѣлъ соблюдается состязательный порядокъ, съ участіемъ *присяжныхъ повѣренныхъ* (адвокатовъ), ходатайствующихъ предъ судомъ отъ имени тяжущагося или обвиняемаго. Если преступленія и проступки подсудимаго не влекутъ за собой лишенія правъ и преимуществъ, — дѣло рѣшается одними обыкновенными членами суда; а когда обвиняемый подлежитъ лишенію всѣхъ правъ состоянія или личныхъ преимуществъ, — въ такомъ случаѣ приглашаются *присяжные засѣдатели*. Они назначаются изъ мѣстныхъ обывателей всѣхъ сословій, по выборамъ, числомъ не менѣе 30-ти; изъ нихъ по жребію избираются 12-ть, которые слушаютъ судебное преніе и при разъясненіяхъ его судьей объясняютъ виновность или невинность подсудимаго. Приговоръ, постановленный судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, признается окончательнымъ и не имѣетъ апелляціи. Приговоръ можетъ быть только, или осуждающій или оправдывающій подсудимаго. Оставленіе въ подозрѣніи не допускается.

Если голоса присяжныхъ раздѣлятся по ровну, то преимущество отдается тому мнѣнію, которое оправдываетъ подсудимаго. Когда судъ признаетъ единогласно, что присяжными осужденъ невинный, то онъ постановляетъ о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ, рѣшеніе которыхъ признается окончательнымъ. Ни въ какихъ другихъ случаяхъ судъ присяжныхъ не отмѣняется. Подсудимому жаловаться и прокурору протестовать предоставляется въ кассационный судъ (правительствующій сенатъ): 1) на нарушеніе существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства; 2) на явное нарушеніе прямого смысла закона и неправильное толкованіе его при опредѣленіи преступленія и рода наказанія и 3) въ случаѣ вновь открытыхъ обстоятельствъ, обнаруживающихъ невинность осужденнаго, или подложность доказательствъ, на которыхъ основанъ приговоръ. Въ послѣднемъ случаѣ просьбы и представленія принимаются во всякое время не смотря на протеченіе давности и смерть осужденнаго.

Только въ случаѣ государственныхъ преступленій и преступленій противу верховной власти и государственнаго порядка

отмѣняются присяжные. Взамѣнъ присяжныхъ для суда по этому рода дѣламъ, къ членамъ судебной палаты присоединяются: 1) губернской предводитель дворянства, 2) одинъ изъ уѣздныхъ предводителей мѣстнаго судебного округа, 3) одинъ изъ городскихъ головъ того же округа и 4) одинъ изъ волостныхъ головъ или старшинъ того уѣзда, гдѣ находится судебная палата. Всѣ эти лица присутствуютъ съ правомъ голоса на равнѣ съ членами судебной палаты, и отводятся лишь однимъ подсудимымъ, но не иначе какъ съ указаніемъ причинъ въ законѣ опредѣленныхъ.

4) *Судебныя палаты* раздѣляются на департаменты, въ которыхъ предсѣдатель и члены назначаются отъ правительства. Здѣсь рѣшаются дѣла по отзывамъ и протестамъ противъ приговоровъ окружнаго суда и дѣла по преступленіямъ государственнымъ или по службѣ. Въ общемъ собраніи департаментовъ судебныхъ палатъ главнымъ лицомъ назначается *старшій предсѣдатель*.

5) *Правительственный Сенатъ* раздѣляется на кассационныя департаменты по роду дѣлъ; онъ пересматриваетъ окончательно уголовныя приговоры, когда къ этому подается поводъ нарушеніемъ существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, когда нарушенъ прямой смыслъ закона, когда, наконецъ, открыты обстоятельства, обнаруживающія невинность осужденнаго. Во всѣхъ этихъ случаяхъ сенатъ отмѣняетъ рѣшеніе и обращаетъ дѣло для новаго производства, но уже не въ тотъ судъ, приговоръ котораго призналъ недействительнымъ, а въ другой равной съ нимъ степени.

При каждомъ окружномъ судѣ и при каждой судебной палатѣ состоятъ *особый прокуроръ* и его товарищи; а въ высшихъ инстанціяхъ—*оберъ-прокуроры* и *генераль-прокуроры*—*министръ юстиціи*.

Сущность прокурорской обязанности заключается: 1) въ наблюденіи за единообразнымъ и точнымъ примѣненіемъ закона; 2) въ обнаруженіи и преслѣдованіи предъ судомъ всякаго нарушенія законнаго порядка и въ требованіи распоряженій къ его возстановленію.

Присяжные повѣренные (адвокаты) занимаются дѣлами по порученію тяжущихся; они должны быть окончившіе курсъ высшихъ заведеній, или имѣть аттестатъ о выдержаніи экзамена въ юридическихъ наукахъ, занимавшіеся судебною практикою. Они

приписываются и имѣют мѣста жительства въ городахъ округа судебной палаты, составляютъ изъ себя совѣтъ и избираютъ предсѣдателя. Совѣтъ имѣетъ право своею властью подвергать повѣренныхъ за нарушеніе ихъ обязанностей предостереженію, выговорамъ, исключенію изъ числа повѣренныхъ и предавію уголовному суду. Тяжущійся имѣетъ право взыскать съ своего повѣреннаго, если по его нерадѣнію потерпѣлъ убытки. Количество вознагражденія повѣреннаго за хожденіе по дѣламъ зависитъ отъ соглашенія ихъ съ довѣрителями. Условіе объ этомъ должно быть письменное.

Кромѣ этихъ лицъ, будутъ еще состоять въ городахъ *nomariuses* подъ наблюденіемъ судебныхъ мѣстъ для совершенія дѣловъ и *судебные пристава* съ полицейской цѣлью. Въ пользу послѣднихъ, сверхъ опредѣленнаго содержанія, назначается процентъ съ взыскиваемой суммы съ подсудимыхъ.

Окончившіе курсъ юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ могутъ быть назначаемы кандидатами на должности по судебному вѣдомству.

Кандидаты распределяются по окружнымъ судамъ и палатамъ или же назначаются къ прокурорамъ и ихъ товарищамъ. Члены суда не могутъ быть ни уволены безъ прошенія, ни переведены изъ одной мѣстности въ другую, безъ ихъ согласія. Они могутъ быть удаляемы отъ должности лишь съ преданіемъ суду и отрѣшены тоже только по суду. Для обезпеченія средствъ жизни заслуженнымъ чинамъ судебного вѣдомства, оставляющимъ службу, а послѣ ихъ смерти и семействамъ ихъ, учреждается эмеритальная пенсіонная касса судебного вѣдомства.

Такимъ образомъ, не будетъ существовать безконечной переписки въ судебныхъ инстанціяхъ: дѣлопроизводство становится словеснымъ; въ установленную книгу вносятъ одни лишь приговоры суда. Число состязательныхъ бумагъ, подаваемыхъ тяжущимися въ судъ, ограничивается двумя съ каждой стороны. Допускается полная гласность, т. е. отъ тяжущихся никогда и ничто, касающееся до производства по ихъ дѣлу, не можетъ быть скрыто, какъ предварительныя дѣйствія и распоряженія суда, такъ и дѣйствія противной стороны.

Каждое окончательное рѣшеніе, состоявшееся публично, можетъ быть напечатано, какъ самимъ судомъ, такъ и частными лицами, и обсуждаемо ими послѣднимъ въ юридическихъ

журналахъ, съ сохраненіемъ должнаго къ суду и его членамъ уваженія.

Засѣданія суда должны быть публичныя. Но если по особому свойству дѣла публичность можетъ быть предосудительна для религіи, общественнаго порядка или нравственности, равно какъ и въ другихъ установленныхъ закономъ случаяхъ, то состоящій при судебномъ мѣстѣ прокуроръ можетъ требовать, или палата или судъ могутъ по собственному усмотрѣнію постановить, чтобы засѣданіе было при закрытыхъ дверяхъ, о чемъ объявляется публично и записывается въ протоколъ.

Всѣ различія по родамъ тяжбы и исковъ отмѣняются. Пылія не принимаетъ никакого участія, ни прямого, ни косвеннаго, ни въ какихъ гражданскихъ дѣлахъ между частными лицами. Все дѣлается судомъ при посредствѣ его членовъ или особыхъ, состоящихъ при немъ, приставовъ.

Всякая опека суда надъ тяжущимися въ ихъ тяжбахъ прекращается. Судъ самъ не отыскиваетъ для тяжущихся доказательства, а повѣряетъ лишь представленныя ими; онъ оказываетъ только содѣйствіе, выдавая свидетельства для полученія справокъ, по ихъ просьбѣ. Самой казнѣ предоставляются права въ основаніяхъ одинаковыя съ частными лицами; она или имѣетъ оффиціальнаго ходатая, или приглашаетъ для защиты своихъ интересовъ присяжнаго повѣреннаго.

Таковы обнародованныя основанія для дальнѣйшей постройки судоустройства и судопроизводства.

Каковы бы ни были они въ примѣненіи, какъ бы ни оказались слабы первые юридическія дѣятели, — во всякомъ случаѣ выгоды отъ нихъ будутъ важны, если мы представимъ даже самое худшее веденіе дѣла.

Теперь съ осуществленіемъ на дѣлѣ этого обширнаго плана возвратится народу жизнь общественная и право на участіе его въ своихъ дѣйствіяхъ. Эта мѣра воспитаетъ въ народѣ сознаніе своихъ и чужихъ правъ, поневолю заставитъ участвовать въ обсуживаніи и рѣшеніи дѣлъ, — и тогда, никакой гениальный крючкотворъ не обидитъ бѣднака. Последний труженикъ будетъ увѣренъ, что правое дѣло перевѣситъ, а въ случаѣ оскорбленія его и стѣсненія его правъ, — за него вступится общество, или сильный будетъ его защитникомъ, оградитъ его личность и свободу, — по крайней мѣрѣ такъ будетъ въ его понятіи. Прѣжнія правила слишкомъ много стѣсняли движеніе жизни и оставяли

значительныя лазейки для производа; законъ былъ жертвой бунтовой для исполнителя его; теперь опредѣлится онъ по своему истинному смыслу, практически, въ приложеніи къ самому дѣлу. Законодательство и уголовное право переходить изъ грознаго и карательнаго въ оградительное, защищающее интересы каждаго члена государства. И тогда возстановится вѣра въ силу закона и правды, ослабѣвшая отчасти въ народѣ въ настоящее время.

Со введеніемъ полнаго гражданского судопроизводства отойдетъ многочисленнымъ заключеннымъ каткамъ широкая масляница и пасть ступить для нихъ великій постъ. При публичномъ дѣйствіи на повершишь дѣла однимъ олимпійскимъ взглядомъ или энергическимъ жестомъ, не выйдешь на чужихъ плечахъ при отсутствіи трудо, знаній и способностей. Неудачившіеся выскочки и бездарность, лѣнтяи и туземцы сойдутъ съ аренъ общественной дѣятельности: тогда не вывезутъ ни дядюшки, ни тетюшку, когда сотни и покажутъ тысячи глазъ будутъ устремлены на дѣятеля судебного.

Прибавимъ къ атому, что избирать въ мировые судьи будутъ *все сословія* и правомъ на избраніе станутъ пользоваться *все массы жителя*, удовлетворяющіе законнымъ условіямъ. Стало бытъ, падаетъ сословное различіе и выступаетъ на первый планъ личность и заслуга, и самый судъ освобождается отъ сословнаго характера. А о скорости производа дѣлъ, при сокращеніи числа инстанцій и упрощеніи хода дѣла, упоминать нечего: это и безъ того всякому ясно, особенно кто побывалъ въ дѣлшней Думѣ при разборѣ дѣлъ рабочихъ лицъ и мастеровыхъ.

При этомъ мы выражаемъ полную надежду, что во время составленія положеній о судопроизводствѣ члены комиссіи возьмутъ во вниманіе отличительныя понятія и обычаи различныхъ инородцевъ, разсѣянныхъ по всей широкой Россіи и сдѣлаютъ въ пользу ихъ уступку и ограниченіе, разумѣется, въ возможныхъ случаяхъ. А ихъ жалкому положенію нельзя не сочувствовать и грѣшно не оградить ихъ правъ. Вотъ что говорить «Современное Слово», имѣя въ виду преимущественно сибирскихъ инородцевъ: «Не отъ меча и огня гибнуть туземныя племена, а отъ несправедливости мѣстной администраціи, отъ стѣпенительныхъ узаконеній, неудовлетворительныхъ административныхъ мѣръ».

Русскіе покорили туземцевъ Сибири и стади къ нимъ въ от-

ношеніи побѣдителей. Началось съ того, что на туземцевъ возложены были тягостныя раззорительныя повинности и налоги. Они должны были платить ясакъ, пахать казенную пашню, отбывать ямскую повинность. Отяготительно было для нихъ такое положеніе, но еще тягостнѣе и раззорительнѣе были дѣйствія русскихъ правителей и служилыхъ людей. Ни въ одной области русскаго царства инородцы не терпѣли такихъ варварскихъ злоупотребленій, какъ въ Сибири. Ихъ имущество и самая жизнь были постоянно въ опасности отъ жадности или самодурства воеводы, даже послѣдняго казака. У нихъ часто отбирали все, до послѣдняго куска пищи, забирали дѣтей, женъ и дочерей, которыхъ обращали въ наложницъ, продавали рублей по 10 штукъ, а при негодности убивали. Къ свѣтскимъ угнетателямъ присоединились и духовные, дѣйствія которыхъ были въ полной силѣ еще очень въ недавнее время, въ концѣ прошлаго вѣка. Кн. Щербатовъ говоритъ въ своей «Статистикѣ», что депутаты сибирскихъ инородцевъ, бывшіе въ комиссіи составленія проекта новаго уложенія, всѣ единогласно жаловались «на безчеловѣчіе и издѣиство поповъ своихъ, кои только грабятъ и мучить ихъ пріѣзжаютъ». До такой крайности были доведены инородцы, что продавали своихъ дѣтей по рублю, даже по полтинѣ. Экономическое разстройство быта повело за собою эпидеміи и вымираніе отъ голода, отъ болѣзней. Вскорѣ послѣ прихода русскихъ появилась оспа.... Остяки, тунгусы, якуты, буряты гибли тысячами. За оспою всегда слѣдовало разстройство хозяйства, голодовка и вымираніе многихъ голодною смертностью». Превращеніе инородцевъ изъ кочующихъ въ осѣдлыя, совершаемое иногда безъ ихъ согласія также вредно дѣйствуетъ на ихъ хозяйство.» Нераціональность распоряженій мѣстныхъ властей и произволъ частныхъ лицъ, которыя инородческой скоть считали какъ бы своими и брали оленей для себя и собакъ, сколько хотѣли, отсутствіе торговли, — все это раззорило гижигинскихъ и охотскихъ инородцевъ; имѣвшіе прежде тысячъ по семи оленей, остались съ тысячею; многіе лишились всѣхъ своихъ стадъ оленей, составлявшихъ все ихъ богатство, весь капиталъ. Чтобы промышлять звѣря необходимы пороховъ и свинецъ, а купить ихъ не на что; въ долгъ же казна не даетъ. Остается одно жить или умирать отъ болѣзней... А какіе бы славные работники были эти инородцы, если бы ихъ состояніе улучшилось! Устраненіе указанныхъ нами несправедливостей и стѣснительныхъ вѣр-

при сборѣ ясака, свободное, а не приказное распространеніе христіанства и наконецъ—дарованіе инородцамъ большей самостоятельности и независимости отъ земской полиціи—могутъ поправить ихъ состояніе и удержать ихъ отъ того вымиранія, при которомъ неизбежно уничтоженіе большинства ихъ.»

Мы надѣемся, что положеніе инородцевъ непременно улучшится съ новымъ преобразованиемъ судопроизводства и судоустройства и съ реформой земскихъ учреждений.

Обнародованіе главныхъ основаній проекта положеній о земскихъ учрежденіяхъ составляетъ другую капитальную и утѣшительную новость, и мы затрудняемся, какой отдать преимущество. Мѣстное хозяйственное управленіе, кажется, нигдѣ такъ не важно и не необходимо, какъ въ Россіи, отличающейся громаднымъ своимъ пространствомъ и разнообразіемъ мѣстностей и народностей. Вотъ что обнародовано по поводу принимаемой реформы:

Первыя основанія преобразованія мѣстнаго управленія, установленныя въ маѣ того же года, были сообщены на предварительное заключеніе мѣстныхъ губернскихъ властей. По разсмотрѣніи въ подлежащихъ министерствахъ и въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу доставленныхъ отзывовъ, 25-го марта и 23-го октября 1859 года, утверждены были общія начала преобразованія губернскаго управленія.

Кореннымъ основаніемъ преобразованія признано отдѣленіе дѣлъ судебныхъ слѣдственныхъ и дѣлъ мѣстнаго хозяйства отъ дѣлъ общей губернской и уѣздной администраціи.

Слѣдственнымъ и судебнымъ дѣламъ предположено вѣрить учрежденіямъ судебнымъ, устроеннымъ на новыхъ началахъ. Главныя начала новаго судоустройства и судопроизводства нынѣ уже разсмотрѣны въ государственномъ совѣтѣ.

Составленіе проектовъ преобразованія полицейскаго и хозяйственнаго управленія губерній и уѣздовъ возложено на особую комиссію о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, образованную, 27-го марта 1859 года, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Проектъ новаго устройства полицейскаго управленія въ городахъ и уѣздахъ уже разсматривается въ государственномъ совѣтѣ.

Обнародованіе положеній о крестьянахъ, окончательное признаніе необходимости административнаго сліянія сельскихъ сословій и установленіе общественной организаціи и управленія въ

сословія временно-обязанныхъ крестьянъ, отстранивъ прею существовавшія препятствія дали возможность приступити къ развитію и осуществленію указанныхъ началъ.

Составленный учрежденною при министерствѣ внутреннѣ дѣлъ коммиссіею очеркъ положенія о земскихъ по хозяйственнымъ дѣламъ учрежденіяхъ былъ подвергнутъ предварительному разсмотрѣнію въ совѣтѣ министровъ. Затѣмъ министру внутреннихъ дѣлъ повелѣно дать сему дѣлу дальнѣйшее движеніе въ законодательномъ порядкѣ.

Главныя основанія проекта положенія о земскихъ учрежденіяхъ заключаются въ слѣдующемъ:

Земскимъ учрежденіямъ ввѣряется, въ указанныхъ законахъ предѣлахъ, завѣдываніе общими земско-хозяйственными дѣлами губерній и уѣздовъ.

Земско-хозяйственными дѣлами признаются: завѣдываніе, въ установленномъ для того порядкѣ, имуществами, капиталами и денежными сборами земства губерній или уѣзда, съ составленіемъ смѣтъ и раскладокъ сихъ послѣднихъ; устройство и содержаніе земскихъ зданій и тѣхъ путей сообщенія, кои будутъ отнесены къ разряду земскихъ, мѣры обезпеченія народнаго продовольствія, общественное призрѣніе, взаимное страхованіе строеній, попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промысловъ, въ порядкѣ и предѣлахъ, соглашенныхъ съ общими по сему предмету постановленіями; исполненіе потребностей воинскаго и гражданскаго управленія, возложенныхъ на губернію или уѣздъ, и участіе въ дѣлахъ по исполненію почтовой повинности; раскладка тѣхъ сборовъ, разверстаніе которыхъ возложено будетъ на земскія учрежденія, на основаніи изданныхъ о томъ узаконеній или особыхъ высочайшихъ повелѣній; представленіе губернскому начальству, по его приглашенію или по требованію высшихъ правительственныхъ властей, свѣдѣній и заключеній о предметахъ мѣстныхъ нуждъ и ходатайство по онымъ; дѣла, которыя, на основаніи особыхъ уставовъ или правительственныхъ распоряженій, будутъ ввѣрены земскимъ учрежденіямъ.

Земскія учрежденія раздѣляются на уѣздныя и губернскія. Для уѣздовъ предполагается учредить уѣздное земское собраніе и уѣздную земскую управу, для губерній—губернское земское собраніе и губернскую земскую управу.

Уѣздное земское собраніе составляется изъ гласныхъ, избираемыхъ: а) уѣздными землевладѣльцами, непринадлежащими къ

сельскимъ обществамъ; б) городскими жителями всѣхъ сословій; в) собраніемъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ всѣхъ сельскихъ сословій. Правомъ участвовать въ избраніи гласныхъ уѣздные землевладѣльцы и городскіе жители пользуются по мѣрѣ пространства и цѣнности владѣемаго имущества. На этомъ же основаніи опредѣляется и число гласныхъ, избираемыхъ землевладѣльцами и городскими жителями въ уѣздное земское собраніе. Число гласныхъ отъ сельскаго состоянія опредѣляется также количествомъ земли, состоящей въ пользованіи волостныхъ обществъ или въ ихъ владѣніи на правахъ собственности.

Въ гласные могутъ быть избираемы только лица, имѣющія право быть избирателями.

Уѣздная земская управа составляется изъ шести гласныхъ, избираемыхъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ,

Губернское земское собраніе составляется изъ уѣздныхъ гласныхъ, избираемыхъ уѣздными собраніями, въ числѣ отъ 2 до 5 отъ каждаго уѣзда, сообразно его населенію.

Губернская управа состоитъ изъ шести губернскихъ гласныхъ, избираемыхъ губернскимъ собраніемъ.

Въ уѣздномъ земскомъ собраніи предсѣдательствуетъ одинъ изъ членовъ онаго, по назначенію отъ правительства, а въ губернскомъ одинъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Губернскій предводитель дворянства считается вице-предсѣдателемъ губернскаго собранія, и въ случаѣ отсутствія или болѣзни предсѣдателя, заступаетъ его мѣсто. Въ управахъ предсѣдательствуютъ: въ губернской—губернскій, а въ уѣздныхъ—уѣздные предводители дворянства.

Собранія засѣдаютъ по одному разу въ годъ въ назначенные сроки; засѣданія губернскихъ собраній продолжаются не болѣе семи дней. Управы засѣдаютъ постоянно.

Рѣшенія собраній и управъ постановляются большинствомъ голосовъ; для состоятельности рѣшеній собраній, требуется присутствіе не менѣе одной трети всего числа гласныхъ.

Кругъ дѣйствій земскихъ учрежденій ограничивается границами губерніи или уѣзда и предметами, къ разряду земскихъ дѣлъ отнесенными. Въ сихъ предѣлахъ, на земскія учрежденія возлагается обсужденіе, опредѣленіе и приведеніе въ исполненіе всѣхъ законныхъ мѣръ, для хода земскихъ дѣлъ необходимыхъ.

Земскія учрежденія вообще дѣйствуютъ самостоятельно по

тѣмъ дѣламъ, кои отнесены къ ихъ вѣдомству; случаи, въ коихъ распоряженія ихъ подлежатъ утверженію административныхъ властей, будутъ указаны закономъ.

Земскія учрежденія не могутъ вмѣшиваться въ дѣла, принадлежащія кругу дѣйствій правительственныхъ, сословныхъ и общественныхъ властей, ни въ дѣла, другимъ мѣстнымъ земскимъ учрежденіямъ подвѣдомственныя.

Губернскія земскія учрежденія завѣдываютъ дѣлами, до всей губерніи касающимися; уѣздныя—дѣлами, одного уѣзда. Собраніямъ ввѣряется общая распорядительная власть и контроль по земскимъ дѣламъ; управамъ—приведеніе въ дѣйствіе распоряженій собраній и всѣ непосредственныя исполнительныя мѣры по земскимъ дѣламъ.

Окончительная редакція проекта положенія о земско-хозяйственныхъ учрежденіяхъ нынѣ составляется въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, для дальнѣйшаго внесенія сего проекта на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

При такомъ устройствѣ хозяйственнаго управленія обществъ, мало остается мѣста произволу частныхъ лицъ. Обсуживаніе сообща вопросовъ, касающихся извѣстнаго края, лицами заинтересованными въ дѣлѣ всегда успѣшнѣе ведетъ къ цѣли, чѣмъ распоряженія властей, не знакомыхъ съ существенными нуждами и желаніями народонаселенія мѣстности. У насъ съ XVII стол. мѣстныя власти, не спрашиваясь съ потребностями мѣстными и народными, дѣлами по своему усмотрѣнію различныя распоряженія, по-видимому, клонившіяся къ усовершенію хозяйственной части, а на самомъ дѣлѣ подрывавшія излишнимъ вмѣшательствомъ торговля и проч. Не соображаясь съ трудами и средствами городскихъ обществъ и ихъ нуждами, они тратили собранныя суммы на такія предпріятія, въ которыхъ никто не имѣлъ надобности. Они всегда приносили въ жертву интересы частныхъ лицъ выгодѣ казны, не замѣчая того что народное богатство и капиталы служатъ источникомъ государственныхъ доходовъ, и съ объединеніемъ первыхъ скудѣетъ казна. Такимъ образомъ промышленная дѣятельность частныхъ лицъ связывалась и останавливалась, стѣсняемая формальными правилами, которыя были одинаковы для каждой мѣстности и не приложимы на практикѣ во многихъ изъ нихъ. Община, лишеныя возможности на свои сборныя деньги дѣлать улучшенія для развитія умственного, экономическаго, промышлен-

наго, по части народнаго здоровья, стали протягивать руки, какъ за милостыней, просили построить имъ церковь, школу, больницу, или просто махнули рукой на всѣ предпріятія и ожидали, когда имъ дадутъ все это. А мѣстныя власти не заботились: изъ нихъ большею частію были лица, не знакомыя съ производительностію мѣстности, не имѣвшія ровно никакихъ привязанностей къ ней и побужденій — порадовать въ пользу своихъ подчиненныхъ, чуждыя интересамъ ихъ и нисколько не контролируемые мѣстнымъ народонаселеніемъ. Естественно, что ихъ заботой было только угодить начальству, отъ котораго они находились въ зависимости и наблюдать интересы казны, хоть бы отъ этого усердія страдали и бѣднѣли тысячи жителей. Слѣдовательно, въ старомъ областномъ управленіи было всякое отсутствіе жизненнаго начала и духа, сроднаго порядку, дѣятельности и обычаямъ народонаселенія, отсутствіе знанія практики и нежеланіе сообразоваться съ мѣстными условіями и выгодами края.

Теперь же, при обнародованіи новыхъ основаній мѣстнаго самоуправленія, совершенно на новыхъ началахъ, эти старинныя недостатки сами собой должны уничтожиться. Правительство обращаетъ главное вниманіе на мѣстныя нужды и потребности, на развитіе мѣстной торговли и промысловъ, на обезпеченіе народнаго продовольствія и т. под. А все это, конечно, извѣстнѣе самимъ жителямъ, чѣмъ кому-либо, наблюдающему издали и мѣряющему желанія другихъ по своему; мѣстныя учрежденія скорѣе найдутъ и новые источники дохода, не обременяя поборами народъ, и вѣрнѣе удовлетворятъ требованіямъ мѣстнымъ, при своихъ самостоятельныхъ дѣйствіяхъ.

Правильная раскладка сборовъ, которые будутъ возложены на земскія учрежденія, необходимо должна подать защиту и льготу бѣднымъ и недостаточнымъ въ сравненіи съ лицами, пользующимися большими владѣніями и доходами. А въ прежнюю пору у насъ, большею частію, несли всѣ тягости сборовъ именно лица несостоятельныя и весь трудъ свой посвящали имъ. Но не будемъ увлекаться раньше времени, подождемъ обнародованія самыхъ положеній о земскихъ учрежденіяхъ.

Правительство заботится о преобразованіи всего стариннаго строя гражданской жизни: проектъ полицейскаго управленія рассматривается уже въ государственномъ совѣтѣ; предпринимается также податная реформа. И все это такъ кстати,

и всего этого общество такъ нетерпѣливо ожидаетъ. А старыя учрежденія уже не отвѣчаютъ современнымъ требованіямъ общества, не исключая учрежденій, которыя, какъ будто, основаны на выборномъ началѣ; хоть бы взять, напримѣръ, городскія думы, даже въ такихъ городахъ, какъ Москва и Петербургъ.

Жалобы на эти почтенныя учрежденія постоянно встрѣчаются въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, и все-таки остаются пустымъ звономъ и не шевелятъ шестигласныхъ думъ. Онѣ, какъ будто, и устроены для того, чтобы вѣчно—думать и ничего не творить; онѣ окружили себя непроницаемой канцелярской тайной и сдѣлались изъ общественныхъ учрежденій какими-то кружками лицъ занертыхъ отвсюду и ревниво оберегающихъ себя отъ всякаго любопытнаго глаза. При взглядѣ на задумчивое положеніе думъ, у многихъ на Руси даже образовалось мнѣніе, будто мѣщане и простонародье до того неразвиты, не способны быть выборными, и они указываютъ на случаи какъ неохотно идутъ въ общественныя должности эти лица по выборамъ—въ думы городскія, приказы общественнаго призрѣнія, въ тюремныя замки, въ старшины, старосты и т. под. На это мы замѣтимъ и всякій знакомый съ дѣломъ раздѣлить наше убѣжденіе, что препятствіемъ къ этому служилъ вовсе не недостатокъ юридическаго смысла, не неспособность разсудить о своихъ дѣлахъ, нуждахъ и интересахъ, не неразвитость вообще,—нѣтъ: а главной причиной уклончивости отъ выборной службы, со времени изданія «Городоваго Положенія» было то 1, что съ службой связаны расходы и часто значительные, при недостаткѣ казенныхъ и общественныхъ суммъ, ассигнуемыхъ на издержки; 2, что выборный почти не имѣетъ правъ и голоса, находится въ полномъ подчиненіи отъ начальника губерніи, полиціймейстера, губернскаго правленія, секретаря думы и т. д.; а въ сельскихъ общинахъ выборный у насъ кланяется и помощнику становаго, и волостному писарю, и даже разсыльному солдату земскаго и уѣзднаго суда, 3, что при служебномъ тѣглѣ, выборный дѣлаетъ необходимыя упущенія по хозяйству, по дѣламъ промышленнымъ и торговымъ. За то выборные, когда брали на себя должности, весьма много дѣлали различныхъ пожертвованій на общественное благоустройство, и наши города весьма много обязаны имъ, и нельзя не отдать имъ благодарности на этотъ разъ, особенно если мы вспомнимъ, что почти на половину жертвованій расходилось по карманамъ граж-

данскихъ чиновниковъ, А если бы дать имъ свободу разсуждать о своихъ дѣлахъ и дѣйствовать, сообразно съ ихъ желаніями и нуждами общинъ,—въ такомъ случаѣ явился бы юридическій смыслъ, и практико—экономическая смѣтка. Вѣдь странно думать, что человѣкъ и притомъ еще заслужившій уваженіе въ обществѣ, какими представляются выборные, не въ состояніи обсудить, что лучше для него: вѣдь этого только идиотъ не можетъ сдѣлать. Спросите купца; въ чемъ онъ нуждается,—и онъ сей-часъ разскажетъ и лучше знаетъ объ—этомъ, чѣмъ человѣкъ самый умный изъ другой сферы: точно также и крестьянинъ знаетъ лучше всякаго образованнаго, чего бы ему хотѣлось, чего не достаетъ, да только обстоятельства были неблагопріятны,—и онъ выучился жить и говорить предъ лицами не изъ его среды уклончиво, себѣ на умъ: куда дескать намъ раздобаривать!..

Неизвѣстный господинъ удивляется во внутренемъ обзорѣнн «Современнаго Слова»—отчего это петербургская дума, учрежденіе общественное, упрямо стоитъ за канцелярскую тайну и за огражденіе себя отъ общественнаго контроля? по-чему она избѣгаетъ и боится его? И страннымъ представляется ему тотъ фактъ, что «нѣсколько десятковъ тысячъ дюдей, имѣющихъ избирательный голосъ, выберутъ своихъ представителей на извѣстный срокъ для управленія дѣлами общества; представители эти во весь этотъ срокъ собираются, дѣла въ этихъ собраніяхъ рѣшаются, и никому будто бы никогда въ голову не придетъ: что и какъ ихъ представители дѣлаютъ и какое участіе въ рѣшеніи дѣла принимаютъ! Никому будто бы такъ ужъ никогда въ голову не приходигь подумать, что, вотъ наступитъ время опять выбрать представителя, кого же я выберу? За кого голосъ свой подамъ? По нашему мнѣнію, тутъ и удивляться нечему: дайте свободу выбора и болѣе самостоятельности, тогда увидите, что внимательнѣе будутъ и къ выборамъ; а если освободите думы отъ постороннихъ многочисленныхъ вліяній и бюрократическихъ вмѣшательствъ,—менѣе будетъ и канцелярской тайны. А теперь пока пождемъ разрѣшенія вопроса о думахъ введеніемъ новыхъ городскихъ положеній.

Да, въ настоящемъ своемъ видѣ наши учрежденія городовыя, земскія, полицейскія немного имѣютъ въ себѣ привлекательнаго, такъ что общій голосъ заявляетъ о ихъ несостоятельности, всѣ искренно желаютъ радикальныхъ реформъ, исключая

можетъ быть, только неспособныхъ добыть себѣ кусокъ хлѣба безъ бумажныхъ кляузъ. Новыя преобразованія по характеру своему, на сколько можно судить по обнародованнымъ даннымъ, будутъ сильно способствовать искорененію самоуправства, которое такъ крѣпко уцѣлосъ на нашей плодотворной почвѣ. Прочитывая періодическія изданія, мы сильно задумались надъ множествомъ извѣстій о безобразныхъ явленіяхъ самоуправства: вотъ помѣщикъ изъ военныхъ избилъ землемѣрскаго ученика; посредникъ залѣпилъ въ ухо старику семидесятилѣтнему, который и умеръ; вотъ городской среди бѣла дня истязаетъ на улицѣ сѣверной Пальмиры простолудина и на замѣчанія одного господина отвѣчаетъ, что не его бьютъ, такъ и нечего ввязываться въ чужое дѣло... Да что впрочемъ приводить много фактовъ — всѣхъ не перечестъ, и жутко становится, когда вспомнить что обнародованіе случаевъ самоуправства не составляетъ и сотой доли въ сравненіи съ дѣйствительною ихъ численностію. Богъ дастъ — при введеніи въ общество реформъ по управленію съ гуманными началами и съ полнымъ паденіемъ крѣпостной закваски, когда предъ судомъ гласнымъ всѣ будутъ равны и для каждаго безъ различія будетъ приговоръ и расправа, смотря по заслугамъ и виновности, — тогда сильнѣе разовьется сознаніе собственнаго достоинства и уваженіе въ другихъ личныхъ правъ и неприкосновенности, и отпратительныя явленія самоуправства будутъ казнить общественное мнѣніе сильнѣе всякаго суда.

Къ числу отрадныхъ извѣстій мы можемъ отнести, если только вѣрить слухамъ, проектъ основанія общества для сближенія русскихъ съ нашими славянскими братьями по дѣламъ торговли и ученымъ, съ цѣлью развитія образованія, торговли и промышленности. Желаемъ искренно полнаго успѣха полезнѣйшему предпріятію! Правила этого общества, какъ мы слышали, уже готовы, и много торговыхъ людей съ удовольствіемъ поступаютъ въ члены этого общества, которое скоро представитъ проектъ на разсмотрѣніе правительства. Вы не подумайте, что идея объ учрежденіи такого общества принадлежитъ славянофиламъ, ничуть не бывало, — она возникла и развилась въ Петербургѣ и неизвѣстно, какъ еще понравится москвичамъ; они, пожалуй, еще обидятся, тѣмъ, что не имъ принадлежитъ инициатива этого дѣла.

Еще довольно интересную новость, только сословную, важную для духовенства, составляетъ постройка «Александро-Невскаго

дома призрѣнія вдовъ и сиротъ с.-петербургскаго епархіальнаго духовенства.» Чрезвычайно интересно объ этомъ заявилъ иѣкто Андрей Селезневъ,—такъ бы вотъ и перепечаталъ во всѣхъ газетахъ и журналахъ изъ Сѣверной пчелы. Онъ говоритъ: «Судя по началу, размѣры заданія обширны. Оно будетъ вмѣщать въ себѣ болѣе ста отдѣльныхъ комнатъ, церковь, залу и необходимыя службы. *Въ распорядки же административномъ хозяйственномъ, пѣтъ сомнѣнія, все устроится къ достиженію, по возможности, главной цѣли, именно: призрѣть вдовъ и приготовить юныхъ дочерей ихъ быть современемъ полезными вообще и добрыми женами и матерями въ особенности.* «Фактъ утѣшительный; но здѣсь опять проглядываетъ кастовое стремленіе обособить юныхъ дочерей: какъ будто безъ постройки этого заведенія мало въ Петербургѣ гимназій, пансіоновъ и всякаго рода женскихъ учебныхъ заведеній. Намъ представляется, что отдавать ихъ туда для образованія меньше было бы издержекъ и этотъ административный распорядокъ былъ бы вовсе ненуженъ, а сколько онъ долженъ будетъ поглотить средствъ, на которыя можно бы воспитать не одну юную дочь, а самыя постройки чего будутъ стоять. Намъ представляется, что лучше бы сдѣлали учредители, если бы вмѣсто построекъ стали выдавать достаточное пособіе для вдовъ, и онѣ выбрали бы мѣсто гдѣ жить не такъ дорого, или помѣщать бѣднѣйшихъ въ богадѣльни съ извѣстной платой. И какіе широкіе размѣры! Болѣе ста комнатъ, зала и проч. Во всемъ видны размахъ широкой русской натуры. Трата такого значительнаго капитала для одной епархіи намъ тоже кажется не совсѣмъ справедливой: чѣмъ же несчастнѣе другія епархіи? А вѣдь капиталъ, какъ видится, составленъ не изъ пожертвованій духовенства петербургскаго; а изъ приношеній частныхъ лицъ. Такъ почтеннѣйшій Селезневъ говоритъ, что извѣстный капиталистъ Воронинъ» православный пособникъ благоустроенія чтимой всѣми Ниловой пустыни, не пощадившій на велелѣніе ея 125,000 р., первый вызвался съ предложеніемъ принять отъ него съ основаніе сего дома *ленту*—40,000 р. «Его благому примѣру послѣдовала г-жа Сушинская,» внесла на поминование души незабвеннаго благодѣтеля своего, перваго мужа ея, Косиковскаго—15,000 р. и другіе. Намъ опять-таки представляется что скорѣе пожертвованный капиталъ можно бы было назначить для бѣднѣйшихъ епархіи, если ужъ дѣлать выборъ; здѣсь само духовенство въ состояніи своими средствами призрѣть вдовъ и си-

ротъ. Вѣдь тотъ же почтеннѣйшій Селезневъ говорить, что средства его, благодареніе Господу, гораздо шире другихъ епархій!!!

Вообще размѣры и форма на переводъ планѣ у духовенства. Интересный фактъ на этотъ счетъ сообщаютъ пензенскія губернскія вѣдомости: тамошняя консисторія, какъ видно, крѣпко придерживается буквы законной.

По поводу частныхъ жалобъ временно-обязанныхъ крестьянъ на невыдачу имъ консисторіей метрическихъ свидѣтельствъ для представленія ихъ въ гимназій, академій и университеты, куда крестьяне желаютъ помѣстить своихъ дѣтей для дальнѣйшаго образованія, Пензенское Губернское Присутствіе сносилось съ мѣстной духовною консисторіею.

Въ августѣ консисторія увѣдомила губернское присутствіе, что метрическія свидѣтельства по силѣ 274 ст. уст. дух. консист., выдаются лишь лицамъ *свободнаго* состоянія, какого временно-обязанные еще не получали, а потому, по постановленію консисторіи, въ просьбѣ имъ и было отказано. Губернское присутствіе опредѣлило; увѣдомить Пензенскую духовную консисторію, что, на основаніи Положенія 19-го февраля и общихъ законовъ, крестьянамъ вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости предоставлены права свободныхъ сельскихъ обывателей, что имъ предоставлено также право поступать въ общія учебныя заведенія, и что въ семъ послѣднемъ случаѣ имъ необходимы метрическія свидѣтельства.

Стало бытъ, уставъ, духовныхъ консисторій ужъ нѣсколько поотсталъ отъ быстрого теченія жизни русской и требуетъ пересмотра и новыхъ началъ не крѣпостныхъ ужъ, а болѣе свободныхъ.

Что же у насъ новаго по провинціямъ? спроситъ нетерпѣливый читатель. А вотъ извольте видѣть и чувствовать: самую колоссальную новость составляетъ комната, проектированная архитекторомъ Н. Б. Хохловымъ, сдѣланная мастеромъ Факторомъ для сибирскаго помѣщика Бестужева, отличающаяся отдѣлкой и рѣзкой. Она красовалась на симбирской выставкѣ сельскихъ произведеній, и мы не понимаемъ, какъ эта аристократическая комната, сдѣланная нѣмцемъ, могла попасть въ число какихъ-нибудь плебейскихъ произведеній?... Спасибо симбирской выставкѣ, что она привала комнату и повѣдала міру о такой рѣдкости, которая, конечно, произвела громадное вліяніе на усовершенствованіе сельскихъ произведеній.

Сколько мы запомнимъ, Симбирскъ и особенно его дворяне чрезвычайно любятъ всякаго рода проекты и проектированныя бездѣлушки, да только одно не ладно: проекты-то свои они составляютъ для внутренняго услажденія, такъ сказать, для радостнаго трепета сердца и увеселительной игры фантазіи. Въдѣ давно въ Симбирскѣ составленъ проектъ водопровода, и разумѣется доселѣ остается проектомъ. Всегда въ этомъ остроумномъ городкѣ «визгу много, а шерсти мало,» по пословицѣ; всему виной — поэзія, навѣваемая красивымъ мѣстоположеніемъ. Не напрасно Карамзинъ, Языковъ, и еще какая-то госпожа—поэтесса имѣли счастье быть симбирскими уроженцами.

Больше этой знаменитой новости ничего не находится замѣчательнаго по провинціямъ. Только стоитъ съ искреннимъ сочувствіемъ отозваться на прекрасную мысль «Вѣстника Юго-Западной Россіи» — поставить памятникъ въ Кіевѣ Богдану Хмѣльницкому. Приводимъ нѣсколько строкъ изъ этого журнала, проникнутыхъ живымъ одушевленіемъ; въ Вѣстникѣ сказано: «Есть одно мѣсто на старомъ Кіевѣ, которое такъ и просится подъ историческій памятникъ; природа и люди нечаянно образовали изъ него самородный пѣдесталь, ожидающій только какой-либо великой личности, чтобы увѣнчать его вершину;—это крайній отрогъ Андреевской горы, такъ называемый утесъ Воздыхальницы, который господствуетъ надъ нижнимъ городомъ и надъ днѣпровскою долиною и надъ безпредѣльными равнинами заднѣпровья. Но кто можетъ достойно стать на этомъ возвышенномъ амвонѣ? Чья знаменательная личность не умалится на такомъ колоссальномъ подножіи? Гетману обѣихъ сторонъ Днѣпра, освободителю родной своей Украины прилично стать на этомъ мѣстѣ, гдѣ однимъ взмахомъ державной булавы своей, онъ какъ бы объемлетъ двойную свою область по обѣимъ берегамъ завѣтной рѣки.

Такимъ и долженъ изобразить его нашъ знаменитый художникъ Клодтъ изъ одушевленной имъ мѣди; на лихомъ питомцѣ украинскихъ степенъ, во всѣхъ его гетманскихъ регаліяхъ, указывающимъ булавою, поверхъ Кіева, на освобожденную имъ Малороссію; а на подножномъ камнѣ, который будетъ попирать его борзый конь, безъ всякаго пѣдестала, потому что тутъ пѣдесталомъ служить самый утесъ; слѣдуетъ только начертать одно всевыражающее число: 1654, годъ соединенія Малой Россіи съ Великою »

Но будетъ объ этомъ. Посмотримъ, какія бываютъ превращенія въ мѣрѣ журнальномъ. Въдѣ напримѣръ Современная Лѣтопись объявила во всеуслышаніе, что съ будущаго года она умретъ, но духъ ея вселится, послѣ кончины, въ Московскія Вѣдомости, Петербургскія Вѣдомости переходятъ въ руки г. Корша, а Сѣверная Почта уже поступила подъ власть г. Гончарова, видимо соблазвившагося славою своего предшественника, г. Никитенко. Мы ждемъ, что произойдетъ съ этой солидной газетой Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ сочетанія элемента официальнаго съ элементомъ художественнымъ, повѣстическимъ г. Гончарова, автора Обломова и другихъ произведеній.

Вообще говоря, чудеса да и только творятся нынѣ на бѣломъ свѣтѣ! Повсюду превращенія, не только въ мѣрѣ нравственномъ, но и физическомъ. Вотъ напримѣръ въ Черниговскомъ мѣстѣ сообщенъ слѣдующій случай. «Въ селѣ Комаровкѣ, Борзенскаго уѣзда, у казака Ивана Алексѣева, 7 Сентября, а въ селѣ Головенькахъ у казака Ивана Дейнеки, родились дѣти. По преимуществу половыхъ органовъ признаны они мальчиками. При крещеніи одному изъ нихъ дали имя Захарія, а другому Кондрата.

До сихъ поръ все еще рассказываются вещи обыкновенныя.

Всякій знаетъ, что казаки тоже рождаются, что они народъ крещеный. Но вотъ слушайте далѣе: «потомъ по изслѣдованію дѣтей черниговскою управою оказалось что они женскаго пола.» Вотъ ужъ это значить—произошелъ казусъ. Спросили черниговскую консисторію: какъ быть въ такомъ случаѣ? она и распорядилась переименовать означенныхъ дѣтей женскими именами. Захарія назвали — Елазаветой, а Кондрата — Евфросиніей. — Такимъ образомъ оказывается что изъ мальчика можетъ выйти дѣвочка. — Право какія то метаморфозы! — Кто бы напримѣръ подумалъ, что наши клаузные сужденія бумаги начнутъ соперничествовать съ литературными произведеніями наир. хоть въ патетизмѣ. А вотъ слушайте: «Одинъ чиновникъ, при производствѣ слѣдствія, въ отношеніи своемъ на имя земскаго суда пишетъ объ одномъ изъ членовъ того суда: изъ 3-го пункта можно подозрѣвать что №№ или не проходилъ гимназическаго курса, или, завлеченный практическимъ рутиннымъ взглядомъ на вещи, забылъ даже и скудный теоретическій курсъ наукъ уѣзднаго училища. Въ этомъ снова легко убѣдиться, если №№ прибѣгнетъ къ помощи ученика старшаго класса уѣзднаго училища съ прось-

бою подвергнуть синтаксическому разбору грамматическій період моего протокола, вызвавшій 3 пунктъ его мнѣнія.

Подвергнувъ, между прочимъ анализу 4-й пунктъ мнѣнія, очень радъ воспользоваться случаемъ раздѣлить *плоды* моего *воспитанія* съ ближнимъ, сказавъ №№, что какъ всякая словесность, имѣетъ свою энциклопедію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не пожалѣть о томъ, что не имѣю подъ рукой энциклопедическаго словаря, дабы, убѣдивъ №№ въ очень умѣстномъ употребленіи мною выраженія—нерадѣніе земскаго суда, доказать ограниченность его *образования*, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отсутствіе всякаго права возражать мнѣ объ этомъ.

Въ заключеніе не излишнимъ считаю присовокупить, что я адресую эту *рецензію* на имя земскаго суда, принимая въ основаніи то, что протоколъ № 5-й былъ составленъ въ присутствіи онаго суда, причемъ прошу судъ видѣть въ ней не вронію, наполненную разными коментаріями, но *измѣненіе чувствъ* собоуднованія, что въ нынѣшній просвѣщенный вѣкъ существуютъ еще люди, не понимающіе логическихъ выраженій своего отечественнаго языка, съ нравственными убѣжденіями о томъ, что, не выникнувъ въ сущность разбираемаго предмета, они могутъ, вооружаясь азартнымъ наборомъ словъ, заслужить достославное имя *критика*?...

Получая достойной отпоръ, разсѣкающій ихъ мимическіе замыслы мудрствовать, они уподобляются осадному кораблю, невыдержавшему бурной напоръ волнъ, противопоставленныхъ стихіей, и разбитый скалой, постыдно попираемому пучиной океана.?!

Одно жаль мы не знаемъ, гдѣ воспитывалось и гдѣ получило свое образованіе это милое инкогнито. Было-бъ чрезвычайно интересно знать, какое учебное заведеніе, даетъ такіе продукты, приносить такіе плоды?

Кстати, ужъ если заговорили объ учебныхъ заведеніяхъ, то упомянемъ о томъ, что въ петербургскомъ университетѣ пока открыты только два факультета; о курсахъ другихъ факультетовъ до сихъ поръ еще ничего не слышно, хотя профессора ихъ не въ отставкѣ и получаютъ жалованье.

У насъ, во всякомъ случаѣ, большой ущербъ въ просвѣщеніи, но мы не можемъ похвастаться и освѣщеніемъ: общество столичнаго освѣщенія копаешь ямы, кладетъ трубы, и думаетъ освѣтить Васильевскій Островъ газомъ. И то хорошо, хотя

откуда нибудь да будетъ свѣтъ! Въ самомъ дѣлѣ на островѣ можно и ноги переломать, проходя по дальнимъ линіямъ въ осеннее время.

Не мѣшало бы кажется и по дальнимъ губерніямъ основать, если уже не университеты, то хоть газоваго общества. — А то какъ-то слишкомъ темно тамъ мѣстамъ. Вотъ хоть прочтите, слѣдующіе отрывки изъ писемъ, полученныхъ редакціею «Мироваго Посредника» отъ помѣщика Екатеринославской губерніи, г. П-вича.

Въ одномъ изъ нихъ онъ пишетъ, между прочимъ: «сельскій староста, Ѳеодоръ Омельниченко, докладывалъ мнѣ, что недавно утрашенъ былъ, ночью какимъ-то страшнымъ явленіемъ, то я ему, въ этомъ случаѣ, по силѣ возможности ограниченныя мои познанія и свѣдѣнія, растолковалъ, что подчасъ устрашающее насъ ночное видѣніе, есть ничто иное, какъ переодѣтый воръ, мошенникъ, а подчасъ соглядатай, разбойникъ, и что подчасъ видѣніе духа тьмы можетъ быть *переодѣтымъ* суемудрый духъ западнаго просвѣщенія. И потому я старостѣ приказалъ, что если онъ съ нимъ встрѣтится *подъ видомъ духа тьмы*, то съ помощію дозорныхъ людей брать *подъ караулъ* и представлять суду».

Какъ видите русскій человѣкъ ни надъ чѣмъ не задумываетъ. Для него нѣтъ ничего невозможнаго. Ему все легко сдѣлать. Не понравился ему, вотъ духъ западнаго просвѣщенія, что съ нимъ долго толковать! *подъ караулъ* его! тащи мошенника эдакаго въ полицію! тамъ ужъ разберутъ все дѣло, дознають, зачѣмъ это ты шляешься, разбойникъ, по ночамъ! А можетъ еще ты и безпаспортный, что-нибудь и злоумышлялъ. такъ и *подъ судъ* отдадутъ. Вотъ что мой милѣйшій!

Далѣе г. П-вичъ объявилъ мировому посреднику, что если староста будетъ съ помощію креста и съ молитвою на устахъ: то англичанамъ не доведется похвалить перваго своего министра Пальмерстона за его революціонные планы.»

«Ваше высокоблагородіе! заключаетъ г. П-вичъ, по просвѣщенному разуму вашему, вы избраны и поставлены между потомками Сима и Афета и между освобожденнымъ племенемъ Хама, то мои законныя требованія отъ сельскаго старосты Ѳеодора Омельниченка не оставьте подтвердить строжайше вашимъ посредническимъ словомъ, чтобы онъ, на основаніи законовъ, исполнялъ таковыя требованія, и чтобы безопасность живыхъ,

а равно покой умершихъ, бывшихъ владѣльцевъ, были бы нерушимы и охраняемы».

Въ другомъ письмѣ г. П-вичъ обращается къ посреднику съ слѣдующею рѣчью. «Ваше высокоблагородіе! почтительнѣйше честь мнѣю просить: повелѣть удержать въ порядкѣ Макара Самоботченка, равно и его сына Виктора. Макарь Самоботченко, еще въ прошломъ году, кричалъ на меня отъ своей избы, что яко бы его Викторъ поровнялся со мною, что онъ теперь такой же панъ, какъ и я, то въ этомъ развѣ растолковать ему, что дворянинъ не можетъ быть равенъ мужику, и что по новымъ положеніямъ, всякій потомственный дворянинъ въ званіи высокоблагородіа, а не дворянинъ не можетъ быть дворяниномъ, не выслуживши *стацкаго* совѣтника. Это твердость нужно не только моему Макару Самоботченко, но и всѣмъ простолюдинамъ, кои какъ полагаютъ должно—обоняютъ уже духъ западной *цевелизаціи, мосипаціи и либерализаціи.*»

Какъ видно, еще и до сихъ поръ живутъ помѣщики, которые считаютъ Макара *своимъ*, которые не хотятъ признавать крестьянина человѣкомъ свободнымъ.

Съ такими «стацкими» господами далеко не уйдешь! Ничего не сдѣлаешь съ такой «цевелизаціей, мосипаціей и либерализаціей»!

У насъ существуетъ общество для распространенія грамотности. Вотъ бы ему кого учить грамотѣ. Впрочемъ общество для распространенія грамотности нынче пошло далеко. Теперь оно занято книгами на корельскомъ языкѣ, а скоро займется вѣроятно книгами на языкѣ самоѣдскомъ, остяцкомъ, тунгусскомъ, чукотскомъ и даже колошскомъ. А грамотность-то подождетъ пока. Нечего ей очень торопиться.

Вотъ такъ-то и идутъ у насъ всѣ дѣла. Принимаемся мы за все съ жаромъ, съ рвеніемъ, да то бѣда паша, что скоро охлаждаемъ къ дѣлу, бросаемъ его на произволь судьбы. А если продолжаемъ еще вести дѣло, то въ такомъ случаѣ, какъ говорится, валимъ цень черезъ колоду, такъ что въ концѣ концовъ ничего нужнаго и не выходитъ.

При этомъ мы невольно вспомнили одинъ изъ разсказовъ крестьянина, слышанныхъ нами въ деревнѣ. Вотъ онъ:

Бѣхалъ одинъ городской богатъ съ кучеромъ на ухорской тройкѣ. И случись у нихъ такой грѣхъ, слѣзлись колесо у таранти-

са. Какъ быть, надо бѣду избѣить—думаютъ да гадаютъ. И увидай они мужика, бредеть себѣ ни путемъ ни дорожкой, какъ точно отъ глаза хоронится, будто онъ бѣглою какой! Подозвалъ его богачъ къ себѣ, да такъ ему и говоритъ: «возьми, голова, моихъ лошадей, поѣзжай ты куда ни на есть въ деревню, купи ты мнѣ два ската колесъ, вотъ тебѣ и деньги».

Мужичокъ не отиѣкивался, взялъ денежки, сѣлъ верхомъ на коня, да и былъ таковъ, только видали его какъ садился! такой мужичокъ оказался проворной, даромъ что былъ изъ себя неказистъ!

Вотъ остались богачъ съ кучеромъ, да и точать, отъ нечего дѣлать, про межъ себя лясы.

И пытаетъ это онъ кучера: «скажи ты мнѣ, голова, въ какомъ отродѣ больше умныхъ? въ нашемъ-ли богатомъ или въ вашемъ мужицкомъ?» «Да какъ сказать, сударь, въ нашемъ отродѣ полъ умныхъ, да полъ дураковъ, а въ вашемъ-то отродѣ двѣ трети безумья, да треть дурака!» «Видишь-ли, говоритъ богачъ, и выходитъ, голова, что у насъ-то больше умныхъ, у васъ половина, а у насъ только треть дураковъ!»

На томъ и порѣшили, а мужичка съ лошадками все нѣтъ какъ нѣтъ! Ждали пождали его, напоследокъ богачъ послалъ-таки кучера развѣдать, что стало съ мужичкомъ? куда онъ тамъ запропастился? что такъ долго замѣшкался? Кучерь духомъ сбѣгалъ въ придорожную деревеньку. Пришолъ и говоритъ богачу такъ и такъ: «никакого тамъ мужичка не видали, значить это онъ въ сторону свернулъ, а свернулъ, молъ, за чѣмъ, какъ сдается ему, чтобъ коней увести. А потому, дескать, думать долго нечего, надо тройку купить, починить колесо, да и ѣхать по слѣду за нимъ.» Все такъ и сдѣлали.

Близко-ли далеко-ли ѣхали, наконецъ на другіе сутки догнали мужичка и съ лошадками. Вотъ и сталъ его богачъ выспрашивать: «скажи ты мнѣ, голова, ты вчерашній мужичокъ или нѣтъ?» «Какой я, сударь, вчерашній, отвѣчалъ онъ, мнѣ почитай уже за сорокъ!» «А какъ же, голова, лошади у тебя будто мои?» «Полноте, сударь, какія ваши, это кобыльи лошади!»

Дѣлать нечего, богачъ впередъ поскакалъ. А какъ отѣхалито далекомъ отъ того мѣста, кучерь и выговариваетъ ему: «Э-эхъ сударь, сударь! упустили мужичка-то, это тотъ и есть самой, что увелъ у насъ лошадокъ!» «Какъ такъ, голова! онъ сказалъ, что не вчерашній, да и лошади, говорить, кобыльи?»

«Что-жь! онъ правду, сударь, сказалъ! Ему не другой денекъ отъ рожденья, сами, вѣдь, видѣли, а лошади, вѣстимое дѣло, жеребьячья порода!» Такъ и ухнули лошадки.

Съ горя, что-ли тамъ, богачъ вздумалъ приняться за дѣло, купилъ кузницу. Въ ученье ему идти не приходится. Самъ, говорить, буду ковать, это дѣло не хитрое! Вотъ и приходитъ къ нему разъ мужичокъ и приносить съ собою цѣлую желѣзную полосу. Заказалъ онъ ему выковать желѣзную изъ нея соху.

Коваль, коваль богачъ, да и говоритъ мужику: «сохи, голова, не выйдетъ!» «А что же, сударь, выйдетъ?» «Топоръ, голова будетъ.» «Куй сударь топоръ, вещь сподручная на работѣ!»

Коваль, коваль богачъ, да и говоритъ: «топора, голова не будетъ!» «Что же будетъ сударь?» «Ножикъ, голова, можно сдѣлать.» «Дѣлай, сударь, ножикъ, вещь нужная въ хозяйствѣ!»

Коваль, коваль богачъ, да и говоритъ опять: «ножа голова не выдѣлать!» «Такъ что-жь, сударь, выдѣлаешь?» «Шило, голова сработаю.» «Работай, сударь, шило и то вещь пригодная!»

Коваль, коваль богачъ и говоритъ напоследокъ мужику: «шила, голова, не будетъ!» «Что же у тебя будетъ сударь?» «Пшихъ, говорить будетъ.» «Какой такой пшихъ!» Изумился мужикъ....

А вотъ какой, смотри. да слушай! «Взялъ богачъ кусочикъ-то желѣза, что остался отъ бороны, накаливъ его на огнѣ до красна, да и бросилъ въ воду—вода-то и зашипѣла. «Вотъ, говорить богачъ, тебѣ и пшихъ, теперь знаешь его?» «Знаю, отвѣчаетъ мужичокъ, и на томъ тебѣ благодарствуй!»

Вездѣ у насъ изъ дѣла выходитъ не соха, и даже не топоръ, не ножикъ, не шило, а какой то пшихъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Итальянское дѣло. — Разрѣшеніе вопросовъ: Черногорскаго и Сербскаго. — Парламентская борьба въ Пруссіи. — Война въ Америкѣ. —
Послѣднія телеграфическія извѣстія.

Пора весенняя и пора лѣтняя уже нѣсколько лѣтъ постоянно возбуждаютъ тревожныя ожиданія, серьезныя опасенія и пламенные надежды въ мірѣ политическомъ. «Такой-то вопросъ толкуютъ газеты, усложнился нынѣшнимъ зимнимъ сезономъ до нельзя, страшныя тучи накопились на политическомъ горизонтѣ; что-то скажетъ намъ весна? Нужно ждать совершенія событій первостепенной важности». Вотъ обыкновенный *geheim* обозрѣвателей современнаго политическаго быта. На чемъ основываются подобныя ожиданія? На томъ-ли, что весною, съ возрождающеюся природою, человѣкъ чувствуетъ въ себѣ обновленіе силъ, большее побужденіе къ дѣятельности активной, болѣе свободную циркуляцію крови? Или на томъ, что весна и лѣто представляютъ собою удобное время года въ смыслѣ стратегическомъ и позволяютъ болѣе дѣйствительнымъ образомъ подкрѣплять желанія, выраженныя въ дипломатическихъ нотахъ и протоколахъ? Какъ бы то ни было, а всѣ, кто съ упованіемъ, кто съ боязнью, — ждутъ прекраснаго сезона. Прекрасный сезонъ, съ своей стороны приноситъ всегда много новаго, не смотря на то, что планеты и звѣзды первой величины политическаго горизонта сбываютъ обыкновенно всѣ въ разбродъ въ это время. Такъ и нынѣшній сезонъ ознаменовался событіями далеко немаловажными. Однако по волѣ судебъ, какъ и прежде, эти немаловажныя событія, не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Повсюду слышится, какъ и въ старѣ тревожный говоръ, что состояніе дѣлъ сложно и запутано до нельзя.

Все сказанное возбуждается преимущественно зрѣлищемъ несчастной (какъ выражается большинство публицистовъ) Италіи.

Въ рѣчахъ парламентскихъ, въ статьяхъ журналовъ официальныхъ и неофициальныхъ, въ бесѣдахъ дипломатическихъ салоновъ, — вездѣ господствовало мнѣніе, что римскій вопросъ, составлявшій *pendant* вѣчному шлезвигъ гольштейнскойю вопросу, наконецъ разрѣшится. Назначеніе Лавалета на постъ посланника въ Римѣ, намеки Ратацци въ туринскомъ парламентѣ, отъѣзды Тувенеля, — все предвѣщало вступленіе вопроса въ новый фазисъ, благопріятный для единой и нераздѣльной Италіи. Разрѣшенія вопроса ждали отъ дипломатическихъ переговоровъ и соглашеній мирныхъ.

Вдругъ проносится громовая вѣсть, что истомленный ожиданіемъ, разочарованный игривою политикою французскаго правительства, капрерскій герой съ горстью своихъ согражданъ приближается къ *вѣчному городу*. На биржахъ происходитъ паденіе курсовъ; дипломаты въ отчаяніи поднимаютъ руки къ небесамъ; умы встревожены; въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Европы возбуждаются какія-то надежды, мечтается о чемъ-то, прежде казавшемся не сбыточнымъ.

Но тревожныя ожиданія вскорѣ прекращаются, дипломаты успокаиваются, неясныя надежды и мечтанія рушатся. Министрство Ратацци, руководимое благоразумными наставленіями дружественнаго правительства, не колеблется принять рѣшительныя мѣры къ спасенію единой и нераздѣльной Италіи, долженствующей благоденствовать подъ патронатствомъ туринскаго кабинета. Цѣлыя провинціи объявляются на военномъ положеніи, грозныя массы бергамьеровъ и всякихъ другихъ войскъ начинаютъ двигаться по всѣмъ направленіямъ полуострова, правительство издаетъ громовую прокламацію противъ измѣнниковъ отчизнѣ.

Горсть гарибальдійцевъ встрѣтилась съ отрядомъ пьемонтцевъ на поляхъ аспромонтскихъ. Вслѣдъ за тѣмъ узнали, что гарибальдійцы поражены, самъ Гарибальди раненъ опасно и взятъ въ плѣнъ. Слово *поражены* впрочемъ не совсѣмъ-то идетъ тутъ къ дѣлу. Теперь достоверно извѣстно, что гарибальдійцы не сражались и что знаменитый патріотъ всячески воздерживалъ ихъ отъ непріязненныхъ дѣйствій противъ пьемонтскихъ стрѣлковъ. Такимъ образомъ, слава Паллавичини, командовавшаго послѣдними, значительно умалняется.

Гарибальди и сынъ его Менотти были заключены въ крѣпости Санта-Маріи близъ Вариньяно. Безпорядки, произшедшіе въ Монцѣ, Павіи и другихъ городахъ Италіи были скоро прекращены безъ особаго кровопролитія. Народонаселеніе всего полуострова, повѣствуютъ итальянскія официальные и полуофициальные газеты, еще разъ показало, что оно понимаетъ смыслъ ис-

тиной свободы, что оно чуждо политических предразсудков и вполне питаетъ довѣріе къ законному правительству.

Послѣ аспромонтской побѣды туринскій кабинетъ сталъ совершенно въ тупикъ, что дѣлать съ плѣнникомъ. Одни говорили, что слѣдуетъ его удалить изъ Италіи на нѣсколько лѣтъ, другіе навсегда, третьи, наконецъ, съ настойчивостью требовали строгаго суда. По поводу послѣдняго мнѣнія возродились жаркія, споры и пренія о компетентности тѣхъ судовъ, которымъ предполагалось предоставить обсужденіе дѣйствій знаменитаго патріота. Наконецъ рѣшились дѣйствовать великодушнымъ образомъ: Гарибальди, а вмѣстѣ съ нимъ и его соратники подведены подъ амнистію. Только военные дезертиры подверглись наказанію; но и имъ, впрочемъ, смертная казнь замѣнена пожизненнымъ заключеніемъ.

Газеты стали наполняться извѣстіями о состояніи здоровья Гарибальди. Извѣстія эти оказывались весьма противорѣчащими. Сегодня раненому было хуже, писали одні, и все предвѣщаетъ худой исходъ болѣзни; сегодня, говорили другія, раненый чувствовалъ себя гораздо легче и опасности никакой не существуетъ. Но послѣдніе нумера различныхъ журналовъ, принесенные намъ ночью, извѣщаютъ единогласно, что Гарибальди дѣйствительно сильно страдаетъ и положеніе его здоровья далеко неутѣшительно. Измученный бессонницею и непрерывно возобновляющимися въ разныхъ видахъ болями, онъ прежде столь бодрый, свѣжій, не утомимый, впалъ теперь въ состояніе апатіи и какой-то нравственной усталости; глаза не свѣтятся прежнимъ блескомъ; вмѣсто привѣтливой добродушной улыбки невольно является у него улыбка горечи...

Дарованную правительствомъ амнистію, о которой, говорятъ, преимущественно хлопотала принцесса Пія цылибшія королева португальская, Гарибальди отвергъ.

По поводу совершившихся событій итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ Дурандо обратился къ представителямъ италіанскаго королевства при иностранныхъ дворахъ съ циркуляромъ. Въ этомъ циркулярѣ онъ изъясняетъ, что Италія послѣ побѣды, одержанной въ нѣкоторомъ родѣ надъ самою собою, не нуждается въ дальнѣйшихъ доказательствахъ, что дѣло ея дѣло европейскаго благоустройства, и что иностранныя державы должны содѣйствовать ей въ разрушеніи предубѣжденій, препятствующихъ и ея конечному объединенію, и спокойствію всей Европы. Въ циркулярѣ говорится, между прочимъ, что постановка римскаго вопроса могла нѣсколько измѣниться, но что необходимость скорого его разрѣшенія еще болѣе уяснилась.

Постановка вопроса дѣйствительно оказалась иною, чѣмъ прежде: вопросъ опять вступилъ въ новый фазисъ; поступки туринскаго правительства заслужили одобреніе императора французскаго.

зовъ. Поступки эти показали, что туринскіе государственные люди не имѣютъ ничего общаго съ мадзинистами. Слѣдовательно, боязнь императора Наполеона, что Римъ, по оставленіи французами, сдѣлается гнѣздилищемъ политическихъ агитаторовъ, должна была исчезнуть. Затѣмъ появилась надежда, что французское правительство, окончательно успокоенное дѣйствіями туринскаго, покончить въ пользу послѣдняго съ вѣчнымъ вопросомъ о вѣчномъ городѣ. Стали положительно говорить о поѣздкахъ разныхъ лицъ въ Парижъ съ особенно важными порученіями, о предстоящихъ чрезвычайныхъ засѣданіяхъ министровъ; наконецъ о свиданіи самого Ратацци съ Наполеономъ. Назначали даже срокъ для очищенія Рима французами. Напѣ, толковали, будетъ предложенъ ultimatum, на который онъ, неизмѣнный въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ, конечно не согласится, и тогда французскія войска удалятся во свояси.

Между тѣмъ по нѣкоторымъ симптомамъ недовѣрчивыя люди полагали, что желанія и намѣренія парижскаго кабинета не вполне совпадаютъ съ желаніями и намѣреніями итальянцевъ. Въ газетѣ «la France», имѣющей какъ говорятъ, официальный характеръ, знаменитый своими политическими брошюрами, виконтъ Лагероньеръ, воскресилъ прѣжнюю идею о конфедеративномъ устройствѣ Италіи, о раздѣленіи ея на три части и о союзахъ военномъ, дипломатическомъ, юридическомъ и таможенномъ между этими частями. Нельзя сказать, чтобы подобная идея особенно благопріятствовала единству Италіи, единству, основанному между прочимъ и на обладаніи Римомъ, какъ центромъ моральнаго и политическаго. Согласно съ почтеннымъ виконтомъ высказывали свои мнѣнія и другія газеты, которымъ также приписываютъ болѣе или менѣе официальный характеръ. Обнародованіе письма Наполеона, писаннаго имъ въ маѣ нынѣшняго года къ министру иностранныхъ дѣлъ Тувенелю, хотя и свидѣтельствуетъ о стремленіяхъ императора къ примиренію интересовъ папскаго престола и Италіи, — но по мнѣнію тѣхъ же недовѣрчивыхъ людей, — для послѣдней письмо это далеко неутѣшительно.

Императоръ французовъ лѣтній сезонъ оканчивалъ, по обыкновенію, въ Біаррицѣ. Онъ мало занимался дѣлами, откладывая ихъ до своего пріѣзда въ Парижъ. Римскій вопросъ дремалъ. Вдругъ телеграфъ разноситъ вѣсть о назначеніи новаго министра иностранныхъ дѣлъ. Тувенель устраненъ отъ этой должности письмомъ въ высшей степени любезнымъ; вмѣсто него избранъ Друэнъ-де-Люизъ. Опять римскій вопросъ вступаетъ въ новый фазисъ. Свидѣтельствомъ тому служатъ слѣдующіе симптомы, обнаружившіеся въ политическомъ организмѣ: въ Туринѣ и вообще во всей Италіи тревога; Ратацци собираетъ чрезвычайное засѣданіе министровъ; слухъ носится, что онъ самъ вы-

ходить въ отставку; представитель Италіи при парижскомъ дворѣ Бенедетти уже оставилъ свой постъ; маркизь Лавалетъ также; на мѣсто его назначенъ Латуръ-д'Овернь—братъ буржскаго архіепископа; австрійскія газеты радуются новому назначенію г. Друэнъ-де Люиза.

А вотъ что говорятъ итальянскія газеты по поводу этого назначенія:

«Недоумѣніе продолжалось слишкомъ долго и нужно было, чтобы рано или поздно, Франція на что-нибудь да рѣшилась. Приговоръ произнесенъ теперь. Невозможно льстить себя надеждами, прямо опровергаемыми событіями. Франція хочетъ властвовать въ Римѣ.

«Times», съ своей стороны не вѣритъ въ слухъ, что будто бы императоръ, во время своего пребыванія въ Біарицѣ, подвергся вліянію нѣкоторыхъ особъ, пропитанныхъ ультрамонтанизмомъ. «Смысль событія, по словамъ Times'a, нужно искать въ томъ, что императоръ, обдумывая вопросъ, сошелся въ мнѣніяхъ съ Друэнъ-де-Люизомъ и многими другими лицами, постоянно защищающими ту мысль, что Франція не должна терпѣть, чтобы папство было отъ нея независимо и тѣмъ болѣе зависѣло отъ другой державы».

Въ Римѣ назначеніе Друэнъ-де-Люиза возбудило сильныя ожиданія и оживило различныхъ монсеньоровъ, наивно вѣрившихъ, что скоро имъ придется, пожалуй, оставить городъ, оскверненный присутствіемъ нечестивыхъ ѡсмонцевъ. Independance посвѣщается надъ новымъ министромъ въ томъ отношеніи, что примирительной политикѣ французскаго правительства представится теперь новый камень преткновенія: при всякой возникающей надеждѣ, при всякомъ признакѣ покровительства Римскій дворъ становится заносчивѣе, неуступчивѣе, требовательнѣе и потому ставитъ своихъ покровителей съ ихъ примирительными тенденціями въ совершенный тупикъ.

Новый министръ разослалъ къ дипломатическимъ агентамъ Франціи циркуляръ, въ которомъ ссылается преимущественно на письма императора къ Тувенелю, какъ на базисъ своего будущаго образа дѣйствій, толкуеть о важности римскаго вопроса и о томъ, что императорское правительство никогда не поддастся увлеченію. Въ заключеніе, Друэнъ-де-Люизъ говоритъ, что правительство будетъ продолжать посвящать все свои усилія примиренію разнородныхъ интересовъ въ Италіи, будетъ работать надъ вопросомъ, сознавая всю его важность, работать, не предаваясь отчаянію и не выказывая нетерпѣнія.

Друэнъ-де-Люизъ, какъ извѣстно, дипломатъ очень искусный. Выражаясь языкомъ дипломатическимъ, онъ весьма способенъ къ созданію различныхъ политическихъ комбинацій. Одною изъ такихъ его комбинацій и было занятіе Рима французскими вой-

сками. Г. Друэнъ-де-Люизъ былъ всегда яркимъ партизаномъ свѣтской власти папы. Но теперь, по словамъ нѣкоторыхъ газетъ, нельзя ожидать отъ новаго министра, чтобы онъ поддерживалъ свое созданіе въ первоначальномъ его видѣ. Уже изъ самаго письма Наполеона къ Тувенелю, твердятъ газеты, видно, что *statu quo* не будетъ строго чтимо; *какъ обьлались, такъ и впредь будутъ дѣлаться усилія къ блиоризумному удовлетворенію интересамъ папы и Италіи.*

Впрочемъ будущій образъ дѣйствій г. Друэнъ-де-Люиза трудно выяснитъ себѣ изъ его циркуляра. Циркуляръ этотъ написанъ гладко, но темно. Уму пытливыхъ людей предстоитъ много трудностей въ разгадкѣ его настоящаго смысла. Но при чтеніи циркуляра невольно у всѣхъ рождается одинъ вопросъ, что же будетъ тогда, если папа не согласится ни на какія предложенія французскаго министра иностранныхъ дѣлъ?

По послѣднимъ извѣстіямъ, въ газетѣ «la France» явилась статья, въ которой говорится, что новому посланнику въ Туринѣ—Сартижу поручено объявить Ратацци, что Италія должна отказаться отъ Рима не навремя, а навѣки. Статья эта, какъ видно изъ ея содержанія, идетъ прямо въ разрѣзъ съ мнѣніемъ другихъ газетъ о дѣйствіяхъ г. Друэнъ-де-Люиза въ Италіи.

«Independance Belge» отрицаетъ вѣрность сообщаемаго извѣстія. «На подобное предложеніе, говоритъ эта газета, остается отвѣчать только двойнымъ образомъ: или прекращеніемъ дипломатическихъ сношеній между обоими государствами, или отставкою всего настоящаго министерства, и выборомъ такихъ государственныхъ людей, которые бы рѣшились унизить отчизну до послѣдней степени и ввести повсюду царство штыка».

Недавно король Викторъ Эммануилъ, по поводу бракосочетанія своей дочери, принималъ депутацію римскихъ жителей, которые, какъ и всегда, не упустили случая изъяснить во имя своихъ согражданъ, желаніе присоединиться къ итальянскому королевству. Вопреки ожиданію, король не сказалъ ничего о Римѣ, а только поблагодарилъ депутатовъ за ихъ участіе къ событію, совершившемуся въ его семействѣ.

Король Францискъ II, съ своей стороны, возвыщаетъ о себѣ снова Европѣ. Онъ протестуетъ противъ продажи королевскихъ имѣній и предвараеъ покушниковъ этихъ имѣній, что актъ договора между ними и новымъ правительствомъ будетъ считаться не дѣйствительнымъ.

Мадзини напечаталъ въ газетахъ письмо, въ которомъ съ жаромъ опровергаетъ слухъ о томъ, что послѣдняя высадка Гарибальди произведена подъ его влѣніемъ.

Такимъ образомъ, въ Италіи все сводится къ утвержденію факта, что хотя прекрасный сезонъ принесъ съ собою и много событий, но не распуталъ, а скорѣе запуталъ положеніе дѣлъ. Ли-

ца, интересующіяся ходомъ политическихъ событій, снова присвоилены ожиданій. Ждутъ, какъ поведетъ себя новый французскій министръ, что скажетъ на его совѣты папа, что приметъ Ратаци, ждуть наконецъ, какъ высказается итальянскій парламентъ, который долженъ собраться 18-го ноября нынѣшняго года.

Вопросъ черногорскій, волновавшій Европу съ начала весны, наконецъ улегся. Черногорцы дрались съ страшнымъ ожесточеніемъ, съ мужествомъ безпримѣрнымъ: и женщины, и восьмилѣтнія дѣти принимали участіе въ борьбѣ. Нѣсколько разъ Омеръ-паша и его соратники приходили въ отчаяніе. Турецкое правительство, съ своей стороны, не смотря на издаваемые имъ широкоувѣщательные бюллетени о побѣдахъ, сильно побаивалось. Оно употребило всѣ усилія, чтобы одолѣть малочисленнаго, но дерзкаго врага. Въ былыя времена порта, отправляя куда нибудь армію, мало заботилась о содержаніи ея. Руководимое въ этомъ случаѣ, вѣроятно, фатализмомъ, турецкое правительство все предавало на волю судьбы. Но новый султанъ очевидно не увлекся идеею о предопредѣленіи: онъ непрерывно посылалъ новыя подкрѣпленія своему главнокомандующему, усиливалъ артиллерію, заботился о продовольствіи войска и о выдачѣ въ исправности ему жалованья. Исходъ борьбы, при такой обстановкѣ, предвидѣть было нетрудно. Турецкая армія непрерывно пополнялась; черногорская убывала. Первая была обезпечена въ матеріальномъ отношеніи; вторая терпѣла во всемъ недостатки. Турція, въ силу пресловутой идеи о европейскомъ равновѣсіи, была окружена симпатіею и заботливостію большинства европейскихъ государствъ; Черногорія возбуждала сочувствіе въ нѣкоторыхъ лишь соплеменныхъ народахъ.

Тѣснымъ со всѣхъ сторонъ, черногорскій князь Николай рѣшился, наконецъ, приступить къ переговорамъ. Результатомъ этихъ переговоровъ было заключеніе конвенціи, состоящей изъ 12 параграфовъ. Важнѣйшіе изъ этихъ параграфовъ заключаются въ слѣдующемъ: черезъ Черногорію проложится огражденная блокаузами военная дорога, которая соединитъ Герцоговину съ Албаніею; для отвращенія столкновеній, могущихъ возникнуть между пограничными черногорскими и турецкими селеніями, учреждается сельско-хозяйственная коммиссія; Черногорія обязана не давать пристанища бѣглецамъ изъ турецкихъ провинцій. Въ замѣнъ тяжкихъ условій, наложенныхъ турками на черногорцевъ, побѣдители дозволяютъ послѣднимъ пріобрѣтать въ собственности земли въ турецкихъ пограничныхъ съ Черногоріею областяхъ и уступаютъ имъ въ полное владеніе коммерческій портъ Антивари.

Султанъ остался весьма доволенъ дѣйствіями своихъ войскъ въ черногорскомъ походѣ. Роздано множество наградъ; приго-

товляются для возвращающихся полковъ пышныя встрѣчи. Но не только относительно своихъ соплеменниковъ турецкое правительство оказалось щедрымъ, оно явилось въ высшей степени любезнымъ и къ побѣжденнымъ: уполномоченный князя Николая, сенаторъ Пва-Раковъ, былъ принятъ турецкимъ главнокомандующимъ какъ нельзя лучше; отецъ князя, Мирко, высылки котораго изъ Черногоріи непременно требовала порта, останется по-прежнему на мѣстѣ жительства; разореннымъ въ конецъ черногорцамъ даны субсидіи хлѣбомъ и деньгами.

Одновременно съ окончаніемъ борьбы въ Черногоріи почти окончилось и возстаніе Герцоговины. Предводитель инсургентовъ, Лука Вукловичъ, покорился; возстаніе вслѣдъ подавлено, кромѣ немногихъ мѣстностей, куда отправился Дервишъ-паша съ сильнымъ войскомъ. Народъ унылъ: онъ увѣренъ, что турки будутъ жестоко мстить христіанамъ.

Конвенція, заключенная Турціею съ Черногоріею, возбудила энергическій протестъ со стороны Россіи, въ лицѣ ея представителя, князя Лобанова. Прочіе посланники не присоединялись къ этому протесту, объясняя, что не имѣютъ инструкцій отъ своихъ правительствъ. Порта не согласилась съ доводами, изложенными въ протестѣ.

Безобразныя дѣйствія турокъ въ Сербіи вызвали всеобщее вооруженіе страны и конференцію въ Константинополѣ. Послѣ продолжительныхъ споровъ послѣдовало соглашеніе по всемъ вопросамъ, и протоколъ былъ подписанъ всеми присутствовавшими на конференціяхъ представителями европейскихъ державъ. Содержаніе въ главныхъ основаніяхъ трактата заключается въ слѣдующемъ: Порта уступаетъ сербскому правительству въ собственность всѣ земли и строенія, принадлежащія нынѣ мусульманамъ въ Бѣлградскомъ форштадтѣ. Отнынѣ впредь всѣ жители Бѣлграда и Бѣлградскаго форштадта будутъ находиться подъ управленіемъ сербскихъ властей. Бѣлградская крѣпость, остающаяся во власти турокъ, будетъ расширена, но расширеніе это будетъ сдѣлано со стороны квартала, населеннаго исключительно мусульманами. Образъ дѣйствій губернаторовъ Бѣлграда опредѣляется на будущее время неизмѣнно особыми—инструкціями. Порта срываетъ укрѣпленія, принадлежащія ей въ Соколѣ и Ушицѣ. Мусульмане, живущіе около Бѣлграда, Фетхъ-Пелина, Сешендріи и Тобаца, должны удалиться съ сербской земли въ самое непродолжительное время. Всякій отрядъ, составленный изъ иностранцевъ, живущихъ въ Сербіи, долженъ быть распущенъ.

Сербскій князь издалъ прокламацію, въ которой объявлялъ, что онъ принялъ условія, предложенныя ему конференціею—потому, что условія эти все-таки удовлетворяютъ нѣкоторымъ

изъ требованій націи и прекращаютъ настоящее затруднительное положеніе дѣлъ.

Народонаселеніе Сербіи однакоже не вполне удовлетворилось результатами конференціи. Во многихъ мѣстахъ были произведены демонстраціи, враждебныя правительству.

Черногорія подавлена, въ Сербіи дѣло покончено путемъ мирныхъ переговоровъ, Герцоговина усмирена, а вопросы, касающіеся этихъ странъ все-таки не рѣшены; дѣло все-таки остается запутаннымъ дѣломъ. Ни характеръ славянскихъ племенъ, ни характеръ турокъ не измѣнился отъ послѣднихъ событій. Послѣднія событія болѣе нежели когда-либо показали всю степень вражды, существующей между племенами. Независимо отъ чувства національности, рано или поздно должнъ возникнуть всбыхнуть яркимъ огнемъ въ племенахъ славянскихъ, нужно припомнить только прежнія дѣйствія турецкаго правительства. Сколько гатти-шерифовъ, гатти-гумакиновъ и всякихъ фирмановъ для гарантіи христіанамъ ихъ правъ оно выдало въ разные времена, и все эти пресловутые акты оказались въ приложеніи на практикѣ мыльными пузырями. Кто поручится, что не явится новый фанатикъ Ахмедъ-Паша и не вздумаетъ доставить себѣ удовольствія повтореніемъ бомбардированія Бѣлграда? Слѣдуетъ ли ожидать, что черногорцы будутъ жить съ своими незваными обитателями военныхъ блокаузовъ, выстраиваемыхъ въ ихъ странѣ, — какъ съ братьями? Подобныхъ вопросовъ предложить можно много. Вообще что-то не вѣрится, чтобы славянское дѣло было рѣшено «à coups de notes et de protocoles».

Вмѣстѣ съ вопросами итальянскимъ и славянскимъ, вниманіе Европы занимала конституціонная борьба въ Пруссіи. Возобновленіе этой борьбы можно было легко предвидѣть при распушеніи прежней палаты. Времена нѣсколько перемѣнились и какъ легко составлялось истарину *доброжелательное* законодательное собраніе, такъ теперь трудно министерству найдти себѣ подобную опору въ управленіи странюю.

Нынѣшняя палата во всѣхъ дѣлахъ, не касающихся бюджета, соглашалась съ предположеніями правительства, но лишь дѣло дошло до бюджета 1862 и 1863 годовъ, она оказала сопротивленіе. Палата не захотѣла утвердить ни затраченныхъ, безъ вѣдома ея денегъ, ни согласиться на прибавку шести милліоновъ талеровъ, потребныхъ для реорганизации вѣиска. Не смотря на все усилія министерства убѣдить палату въ необходимости для пользы страны утвердить бюджетъ, палата осталась при своемъ мнѣніи. Бюджетъ по военному министерству за 1862 г. былъ отвергнутъ большинствомъ 308 голосовъ. Министерство подала въ отставку. Составилось новое, во главѣ котораго явился г. Бисмаркъ. О новомъ министрѣ первоначально въ публикѣ распространились утѣшительныя извѣстія; предполагая,

что онъ окружить себя людьми, чуждыми интересамъ партій.

Но слухи, распространенные въ публикѣ, не оправдались. Оказывается, что въ министерствѣ произошла лишь перемѣна имени, а тенденціи остались все тѣ же. При дебатахъ въ комиссіи, избранной для обсужденія вопроса о бюджетѣ, Бисмаркъ, оспаривая мнѣніе о томъ, что бюджетъ на 1863 годъ долженъ быть утвержденъ прежде 1-го января, выразился, что правительство имѣть еще другія права, кромѣ тѣхъ, которыя формулированы въ конституціи, что, конечно, можно надѣяться, что столкновеніе разрешится путемъ конституціоннымъ, но что можно и передѣлать конституцію по *росту* Пруссіи, и что правительство, пожалуй, можетъ двѣнадцать разъ распускать палату, но къ чему это послужитъ? Подобныя слова характеризуютъ образъ мыслей г. Бисмарка.

Министерство Бисмарка съ самаго начала, какъ замѣтили одинъ изъ депутатовъ палаты, прямо заявила своими дѣйствіями, что, въ случаѣ неутвержденія бюджета, оно будетъ управлять и безъ него страню. По теоріи новаго министра конституція зависитъ отъ правительства. Но дополнить конституцію такими принципами не значитъ устранить возможность столкновенія между элементами государственнаго управления, а напротивъ, это будетъ служить лишь къ увѣковѣченію подобнаго столкновенія.

Палата господъ, по обсужденіи доклада избранной изъ среды ея комиссіи, отвергла предложеніе послѣдней, состоящее въ томъ, чтобы снова возвратитъ проектъ бюджета на 1862 г. въ палату депутатовъ, съ цѣлью вторичнаго его разсмотрѣнія на примирительныхъ съ правительствомъ началахъ. За тѣмъ бюджетъ, одобренный палатою депутатовъ былъ отвергнутъ большинствомъ 150 голосовъ противъ 17, а бюджетъ правительственный принятъ 114 голосами противъ 41.

Палата депутатовъ отвѣтила на рѣшеніе палаты господъ слѣдующимъ: 237 присутствовавшихъ членовъ единогласно положили: признать 1) что принятіе верхней палатою бюджета въ томъ видѣ, какъ онъ предложенъ правительствомъ, противно духу и самой буквѣ конституціи; 2) что рѣшеніе верхней палаты, слѣдовательно, не имѣетъ никакого значенія и правительство не можетъ основывать своихъ правъ на этомъ рѣшеніи. Затѣмъ президентъ совѣта министровъ объявилъ королевское повелѣніе, что настоящая сессія палаты закрывается до января.

Развѣхавшіеся по домамъ депутаты были встрѣчены во многихъ мѣстахъ съ восторгомъ. Между тѣмъ и къ королю явились различныя депутаціи, съ изъясненіемъ своей преданности. Одной изъ такихъ депутацій король сказалъ слѣдующее:—«Маски отчасти спали. Я хочу сохранить для моего на-

рода конституцію неприкосновенную; но я твердо рѣшился сохранить также неприкосновенною и корону моихъ предковъ, и ея конституціонныя права. Это необходимо въ видахъ благосостоянія моего народа. Но для всего этого нужна сильно организованная армія, а не такъ называемая армія національная. Я твердо рѣшился не уступать ни одного изъ моихъ наследственныхъ правъ. Вы знаете теперь мой образъ мыслей. Пусть каждый изъ васъ распространяетъ его и поддерживаетъ. Если это сдѣлается, то положеніе дѣлъ улучшится. Всемогущій Богъ всегда былъ надъ Пруссією, Онъ не оставитъ насъ. Съ Богомъ за короли и отчизну,—не это ли пароль Пруссіи?

Событія въ Берлинѣ распространили въ Европѣ паническій страхъ. Пронесся даже слухъ о баррикадахъ въ столицѣ Пруссіи; но все обошлось тихо и спокойно.

Между тѣмъ г. Бисмаркъ и его министерство при настоящемъ своемъ положеніи, принимаетъ всевозможныя мѣры къ тому, чтобы послѣднія событія не произвели дурнаго впечатлѣнія на публику. Такъ, онъ строго преслѣдуетъ литературу, желая отстранить неправильное толкованіе совершившихся фактовъ. Нѣсколько номеровъ различныхъ газетъ были запрещены; до 10 процессовъ начато противу редакторовъ журналовъ; министръ полиціи, Яговъ, обратился съ циркуляромъ къ своимъ подчиненнымъ, предписывая имъ примѣнять во всей строгости законы о прессѣ и объ ассоціаціяхъ. Въ высшихъ же сферахъ совершенно примирились съ мыслью объ идеѣ правительства безъ бюджета. Бюджетъ, по мнѣнію феодальной партіи, не получилъ силы по винѣ прогрессистовъ; слѣдовательно, всѣ результаты событія должны пасть на эту партію; да къ тому же дѣла идутъ хорошо, изъ чего же хлопотать?»

Вотъ какъ изображаетъ настоящее состояніе Пруссіи кельнская газета. Январская конституція 1859 г., не отмѣнена, но самыя главныя ея правила остаются безъ исполненія. Въ Пруссіи существуютъ одинакія основанія, какъ и въ Бельгіи и въ Англіи, относительно наиважнѣйшаго права парламентовъ—вотированія бюджета. Прусская конституція даруетъ палатѣ господъ лишь право отвергать бюджетъ, вотированный нижней Палатой. Но палата господъ не удовлетворилась этимъ правомъ. Она утвердила всѣ статьи бюджета, представленнаго правительствомъ, статьи или совершенно отвергнутыя, или измѣненныя палатою депутатовъ. Она нарушила такимъ образомъ и духъ и букву конституціи, какъ это заявила палата депутатовъ въ своемъ послѣднемъ засѣданіи. Правительство же съ своей стороны, ограничилось простымъ объявленіемъ, что будетъ управлять безъ бюджета и надѣется на признаніе законности своихъ дѣйствій отъ послѣдующаго сейма.

А палата господъ? Ей не доставало только послѣднихъ событій, чтобы окончательно возбудить къ себѣ національную антипатію. Учрежденіе, состоящее изъ лицъ, изъятыхъ отъ личныхъ на-логовъ и военной службы, гдѣ большинство принадлежитъ къ мелкому дворянству, которому предназначаются всѣ офицерскія мѣста при новой реорганизации войска, учрежденіе это принимаетъ на себя, вопреки конституціи право располагать податями, платимыми народомъ!

Запутанность дѣлъ поражаетъ теперь въ Пруссіи разные слухи: одни толкуютъ, что странѣ готовится *coup d'état*, что правительство обратится къ народу и учредитъ всеобщую подачу голосовъ для выборовъ; другіе объясняютъ, что министерство хочетъ сдѣлать уступки и дѣйствовать примирительнымъ путемъ.

Гигантская борьба въ Америкѣ стала въ послѣднее время утомлять слѣдившихъ за нею. Послѣ цѣлаго ряда быстрыхъ успѣховъ федералистовъ, наступилъ періодъ побѣдъ для сепаратистовъ, такъ что въ сущности положеніе дѣлъ стало опять такимъ, какимъ было при началѣ войны. А между тѣмъ милліоны долларовъ истрачены съ той и другой стороны, не тысячи, а цѣлыя десятки тысячъ легли на поляхъ битвъ. Борьба все продолжается и не видно ей исхода. Упорство проявляется страшное и на югѣ, и на сѣверѣ.

Усильи сепаратистовъ открылись тѣмъ, что федералистскій генералъ Борнсайдъ очистилъ Фридерихсбургъ; Попъ былъ разбитъ и принужденъ отступить на правый берегъ рѣки Потомака. За тѣмъ 30-тысячный отрядъ сепаратистовъ вторгся въ штатъ Кентуки. Послѣ побѣды подъ Ричмондомъ, сепаратисты оттѣснили федералистовъ изъ Луневилля, Франкфурта и Лексингтона. Позиція, занятая въ послѣднее время сепаратистами была такова, что они угрожали овладѣть Цинциннати, а оттуда пробраться въ штатъ Огіо. Одно время сильно опасались за судьбу Вашингтона; но теперь онъ сильно укрѣпленъ и защищается арміею Попа, сохраняющею операціонную линію съ арміею Макъ-Клелана и отрядомъ Борнсайда. Кромѣ того сепаратистамъ, въ случаѣ нападенія на столицу союза, угрожаетъ многочисленный канонерскій флотъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ счастье перешло опять на сторону федералистовъ, Войска ихъ, подъ начальствомъ генерала Розенкранца, разбили сепаратистовъ при Коринѣ. Послѣдніе начали было одерживать верхъ, но удачное дѣйствіе артиллеріи дало перевѣсъ федералистамъ. Потери съ обѣихъ сторонъ огромныя. У сепаратистовъ убиго два генерала. Другая не менѣе кровопролитная битва была выиграна федералистами, предводительствуемыми Булемъ, при Перрисвалѣ въ Кентуки. Начальникъ отря-

да Гверильтовъ Марианъ выгнанъ федералистами изъ Франкфурта; Лексингтонъ также очищенъ сепаратистами.

Важнѣйшимъ событіемъ въ лѣтописи американской войны слѣдуетъ считать объявленіе президентомъ Линкольномъ освобожденія невольниковъ во всѣхъ возмущившихся штатахъ, которые не покорятся къ 1-му января 1863 года. На подобную покорность рассчитывать конечно трудно. Самолюбіе плантаторовъ задѣто за живое и они, кажется, готовы скорѣе пролить послѣднюю каплю крови, нежели уступить требованіямъ Сѣверянъ. Прокламація Линкольна, какъ и слѣдовало ожидать, произвела взрывъ страшной злобы и негодованія на югѣ. Тамъ начались совѣщанія, чѣмъ бы отмстить федералистамъ, чѣмъ бы заставить ихъ отказаться отъ намѣренія освободить негровъ. Положили между прочимъ всѣхъ попадающихся въ плѣнъ офицеровъ сѣверной арміи употреблять въ каторжную работу.

Англійскія газеты, въ видахъ своей симпатіи къ югу, симпатіи имѣющей источникомъ ослабленіе сѣверо-американскаго союза, сильно подтруниваютъ надъ старикомъ Абрамомъ (Линкольномъ), выжившемъ, по ихъ словамъ, изъ ума. Газеты эти твердятъ, что прокламація президента имѣла бы смыслъ, если бы была издана прежде, когда перевѣсъ находился на сторонѣ сѣверянъ и южане вездѣ были побиваемы. Но теперь, когда федералисты отказались отъ наступательныхъ дѣйствій, прокламація, не поддерживаемая силою оружія, останется безплодною и раздражить окончательно сепаратистовъ, заставивъ повести ихъ начатую борьбу еще энергичнѣе.

Нельзя не согласиться, что въ словахъ англійскихъ газетъ относительно медлительности аболиціонистской партіи есть своя доля правды; однако прокламація Линкольна составляетъ все-таки важный шагъ въ ходѣ политики сѣверянъ. Усиѣхи войны перемѣнчивы, но нѣтъ еще ни какихъ положительныхъ данныхъ думать, что федералисты, напрягающіе всѣ силы къ развитію своихъ военныхъ средствъ, ограничатся одними оборонительными дѣйствіями. Наконецъ, почему не предположить въ самихъ невольникахъ инициативы въ дѣлѣ дорогой для нихъ свободы. Неужели же эти четыре милліона людей, которыхъ одни только ихъ владѣльцы считаютъ окончательно скотами, не выскажутся ничѣмъ изъ боязни висящаго надъ ними кнута?

Послѣднія извѣстія.

Въ городахъ Греціи: Навплии, Ламии, Гидрѣ и Спеціи обнаружались беспорядки. Вскорѣ возстаніе распространилось по всей странѣ. Провозглашено временное правительство и устра-

неніе короля и династіи его отъ престола. Король отправился съ семействомъ на островъ Корфу, а оттуда въ Венецію.

Открыто засѣданіе шведскаго сейма. Король въ своей рѣчи объяснилъ, что необходима реформа представительной системы и что, по случаю развитія военныхъ силъ за границею, странѣ предстоятъ большія пожертвованія.

НА 1863 ГОДЪ.

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ,

ГАЗЕТА ФИНАНСОВЪ, ТОРГОВЛИ И ПОЛИТИКИ

(выходять ежедневно.)

Подписная цѣна за годъ: безъ доставки 9 руб., съ доставкою въ С. Петербургъ 10 руб., съ пересылкою во всѣ губерніи 12 руб.

Подписка принимается въ С. Петербургѣ въ конторѣ редакціи Биржевыхъ Вѣдомостей, на Конногвардейскомъ Бульварѣ въ д. Стунѣевой № 11 и въ Газетныхъ Экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ.

О Г Л А В Л Е Н И Е

СТО СЕМЬДЕОЯТЬ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Сентябрь.

- Въ путь дорогу. (Книга вторая). Романъ *Н. Д. Бабарыкина*.
Голосъ тайный, голосъ милый. Стихотвореніе *Н. П. Грекова*.
Записки русскаго туриста. *Словскаю*.
У гроба. Стихотвореніе *Н. П. Грекова*.
Приключенія одного лѣта. (Изъ моего прошедшаго). (Окончаніе).
И—вой.
Я зналъ, что намъ съ тобой не долго быть ужь вмѣстѣ. Стихотвореніе *Н. П. Грекова*.
Адолюфъ. Разсказъ, найденный въ бумагахъ незнакомаго человѣка.
(Бенжамена Константа).
Подъ арестомъ. (Изъ разсказа «Прожитое»). *Ф. Н. Берга*.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

- Нѣсколько словъ о народной литературѣ.
О важности публичнаго уголовного суда. *А. К. Никитина*.
По поводу напихъ браковъ. *Е—вой*.
Московскій театръ и г-жа Познякова (письмо изъ Москвы). *Александра Иванова*.
Записки изъ мертваго дома. *Ф. М. Достоевскаго*. *З—а*.
Замѣтка на проектъ общеобразовательныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія (напечатанный по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія). *М. К.*
Легенды, народная медицина, предрасудки и вѣрованія дагестанскихъ горцевъ. (Окончаніе). *А. Рудановскаго*.
ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Еще объ откупахъ.—Нѣмцы монополисты въ Россіи къ ущербу русскихъ.—Нѣсколько словъ о военномъ сословіи.—Г. Аксаковъ о литературѣ.—Манифестъ о рекрутскомъ наборѣ.—Тысячелѣтіе Россіи и празднества по случаю его.—Движеніе реформы въ Польшѣ.
Кампанія 1815 года. Кине. (Въ особомъ приложеніи). (Окончаніе).

Октябрь.

- Женитьба приказнаго. *Евгенія Воскресенскаго*.
Левъ. Стихотвореніе *Н. И. Вейнберга*.
Записки русскаго туриста. Собачья горбы.— Народное повѣрье.— Видъ окрестностей.—Сельская картина.—Аракчеевское чудо.—Расчистка лѣсовъ.—Правила.—Петруха. *Словскаго*.
Прошлое. — *скаю*.
Индійская пѣсня. Стихотвореніе *Н. Грекова*.
Межуары Канлера. Агенты-подстрекатели.—Двѣ потарды въ Тюльери.—Пѣсни Беранже.—Трехцвѣтныя подтяжки.—Покушеніе на жизнь

короля. — Адская машина. — Убийство Германсъ Декре. — Первое апрѣля. — Жена одного офицера. — Убийство Сешепина.

Какой же данъ всему исходъ. Стихотвореніе *Н. П. Грекова*.
Сынокъ кормилецъ. (Записки слѣдователя тридцатыхъ годовъ).
Въ тюрьмѣ. Стихотвореніе *Ө. Берга*.

✓ Еще разбитое сердце!!! *В. Самойчовича*.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

✓ Очерки Сибири въ историческомъ и экономическомъ отношеніи.
Статья первая. *С Шашкова*.

Нѣсколько словъ о народной литературѣ. (Окончаніе). *А. С—ина*.

✓ *В. Г. Бѣлинскій*, какъ публицистъ. *А. А. Головкина*.

Выдержки изъ текущей литературы и путевыя замѣтки. *Новый Вавилонъ*, *Е. Пеллетана* и *Баль-Мабиль* въ Парижѣ. *Евгеніи Туръ*.

Наши племенные отношенія. *Д. Ө. Щеглова*.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Гласность будущаго судопроизводства; выгоды его, даже при худомъ веденіи. — Страданія инородцевъ отъ плохой администраціи, особенно въ Сибири. — Мѣстное самоуправленіе и полезное его вліяніе на благоустройство общественной жизни. — Невыгоды прежняго областного управленія. — Наши Думы не шевелятся. — Отчего русскій народъ не охотно беретъ должности по выборамъ. — Самоуправства на святой Руси. — Слухъ о новомъ обществѣ. — Погоня пензенской консисторіи за мертвой буквой: а симбирскихъ помѣщиковъ за прозектами и пустяками. — Превращенія въ мірѣ нравственномъ и въ мірѣ физическомъ. — Отношеніе чиновника въ земскій судъ. — Народное просвѣщеніе. — Нѣчто о столичномъ освѣщеніи. — Просьбы помѣщика къ мировому посреднику. — Чѣмъ занимается комитетъ грамотности? — Разсказъ о томъ, что такое пшихъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Итальянское дѣло. — Разрѣшеніе вопросовъ: Черногорскаго и Сербскаго. — Парламентская борьба въ Вруссіи. — Война въ Америкѣ. — Послѣднія извѣстія.

г. 2.

JAN 5 1955

